ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

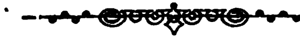
ТОМЪ XXV

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

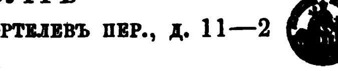
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

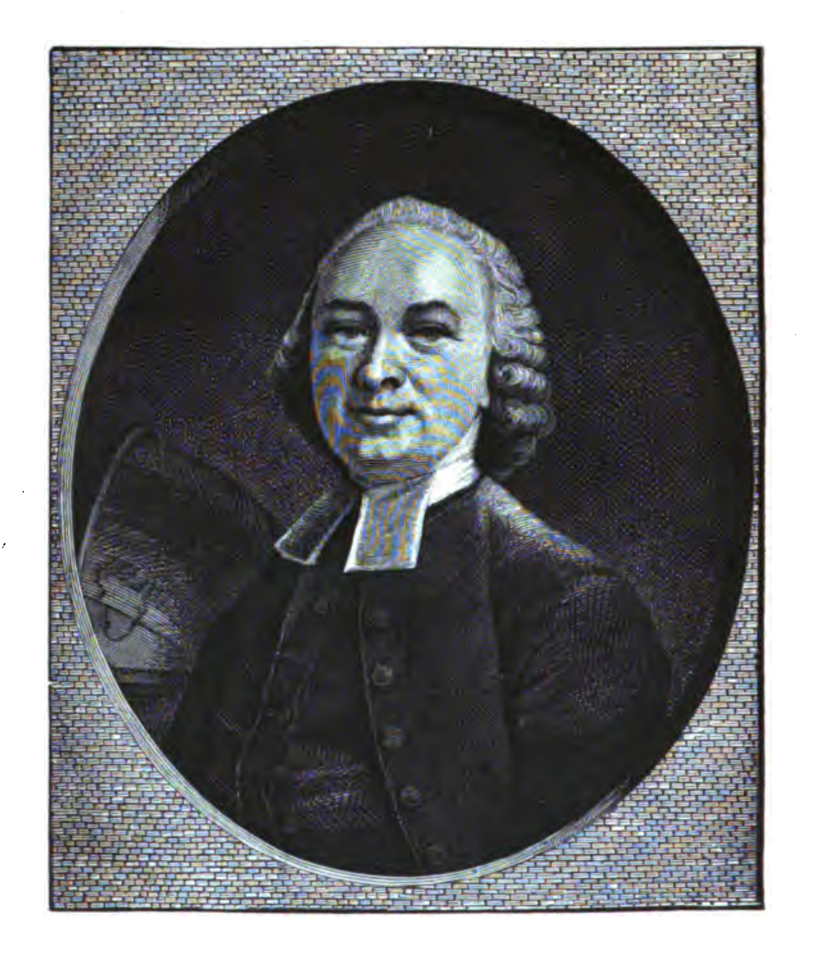
ТОМЪ XXV

1886

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1886

АНТОНЪ-ФРИДРИХЪ БЮШИНГЪ.

Съ гравированнаго портрета Шмидта, 1774 г.

Дозв. ценз. спб., 25 іюня 1886 г.

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТАГО ТОМА.

(ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

АНТОНЪ-ФРИДРИХЪ БЮШИНГЪ.

Біографія Бюшинга. — Пребываніе его въ Россіи въ 1750 году. — Академія наукъ. — Анекдотъ о Елисаветѣ Петровнѣ. — Замѣтка о Лестокѣ. — Анекдотъ о наборщикѣ академіи. — Вторичный пріѣздъ въ Россію въ 1761 году. — Корфъ, Сиверсъ и Мюнкихъ, какъ патроны нѣмецкой церкви. — Столкновеніе Бюшинга съ Сумароковымъ и Шуваловымъ. — Распря съ Мюнкихомъ. — Анекдотъ о кончинѣ императрицы Елисаветы. — Характеристика Петра III. — Государственный переворотъ лѣтомъ 1762 года. — Датскій резидентъ. — Безпорядки гвардейцевъ. — Приведеніе къ присягѣ. — Бесѣда съ Бецкимъ о школахъ. — Встрѣчи съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, съ герцогомъ Георгомъ-Людвигомъ Гольштинскимъ, съ Бирономъ, съ Лестокомъ, съ Бестужевымъ, съ М. Л. Воронцовымъ, съ Панинымъ, съ Румянцевымъ, съ Чернышевымъ. — Мюнкихъ младшій. — Бесѣды съ Тепловымъ. — Аудіенція у императрицы. — Заключеніе.

ВЪ КОНЦѢ прошлаго столѣтія, въ 1789 году, въ Галле явилось сочиненіе: «Anton Friedrich Büsching's eigene Lebensgeschichte» (617 страницъ), въ которомъ помѣщены довольно любопытные разсказы о пребываніи автора въ Россіи, о видѣнномъ и слышанномъ имъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ въ первый разъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ во время царствованія императрицы Елисаветы Петровны (въ 1750 году), а во второй разъ нѣсколько лѣтъ, во время царствованія Петра III и въ началѣ царствованія Екатерины II. Замѣчательная эрудиція Бюшинга, его необычайныя способности, выдающееся общественное положеніе, личное знакомство его со многими высокопоставленными лицами — все это придаетъ запискамъ этого достойнаго ученаго и писателя нѣкоторое значеніе въ ряду источниковъ исторіи Россіи въ XVIII вѣкѣ. Сколько намъ извѣстно, на этотъ памятникъ пока

не было обращено вниманія въ нашей исторической литературѣ, и потому мы считаемъ нелишнимъ указать на тѣ частности въ сочиненіи Бюшинга, которыя могутъ считаться дополненіемъ къ свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ другихъ источниковъ и относящимся къ этой эпохѣ отечественной исторіи.

Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о жизни и литературной дѣятельности Бюшинга. Онъ родился въ 1724 году въ мѣстечкѣ Штаттагенѣ (въ княжествѣ Шаумбургъ-Липпе). Получивъ весьма тщательное образованіе, онъ посвятилъ себя изученію богословія и занималъ нѣсколько лѣтъ мѣсто пастора. Значительная часть его сочиненій, которыхъ онъ самъ въ приложеніи къ своей автобіографіи насчитываетъ до 99-ти, посвящена вопросамъ богословскимъ и религіознымъ. Какъ авторъ многотомнаго сочиненія «Neue Erdbeschreibung», вышедшаго въ нѣсколькихъ изданіяхъ, онъ занимаетъ видное мѣсто въ исторіи географіи. Пребываніе въ разныхъ странахъ Европы, личныя связи со многими учеными въ различныхъ государствахъ и спеціальное знакомство съ географіею и исторіею въ соединеніи съ литературными наклонностями и необычайною рабочею силою, доставили Бюшингу возможность приступить къ изданію сборника «Magazin für die neue Historie und Geographie». Въ этомъ многотомномъ изданіи помѣщено множество важныхъ памятниковъ для исторіи Россіи. Этимъ сборникомъ Бюшингъ оказалъ существенную услугу спеціалистамъ по этому предмету. Въ послѣднее время жизни,—онъ умеръ въ 1793 году,—Бюшингъ занималъ мѣсто директора гимназіи «Das Graue Kloster» въ Берлинѣ.

Укажемъ на разсказы о Россіи въ автобіографіи Бюшинга. Въ 1749 году, т. е., когда ему было 25 лѣтъ, онъ занялъ мѣсто домашняго учителя при сынѣ графа Линара, который долженъ былъ отправиться въ С.-Петербургъ, въ качествѣ датскаго резидента. Такъ какъ путешественники пустились въ дорогу зимою, въ декабрѣ 1749 года, имъ приходилось ѣхать сухимъ путемъ. Во время пребыванія въ Берлинѣ, Бюшингъ узналъ кое-что о Фокеродтѣ, который, до 1737 года, долго проживалъ въ Россіи и затѣмъ составилъ записку о состояніи Россіи при Петрѣ Великомъ. Фокеродтъ, занимавшій въ Петербургѣ при прусскомъ посланникѣ Мардефельдтѣ должность легаціоннаго секретаря въ 1749 году, когда Бюшингъ былъ проѣздомъ въ Берлинѣ, занималъ весьма важное мѣсто въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, но въ то же время отличался скептицизмомъ въ вопросахъ религіи, раціонализмомъ, склонностью къ преніямъ, въ которыхъ нападалъ на церковь и вѣру (142) [1]. Эта замѣтка достойна нѣкотораго вниманія, потому

[1]) Цифрами въ скобкахъ въ текстѣ мы будемъ обозначать страницы книги Бюшинга.

что о жизни и характерѣ Фокеродта, о которомъ заговорили не раньше какъ въ 1872 году по случаю изданія профессоромъ г. Германномъ сочиненія Фокеродта о Россіи, тогда почти ничего не было извѣстно [1]).

Не раньше какъ въ концѣ января 1750 года, путешественники, т. е. графъ Линаръ съ малолѣтнимъ сыномъ и Бюшингомъ, прибыли въ Ригу, гдѣ они, между прочимъ, обѣдали у лифляндскаго генералъ-губернатора, извѣстнаго генералъ-фельдмаршала графа Ласси. Когда, какъ разсказываетъ Бюшингъ, предъ обѣдомъ подали водку, онъ рѣшительно отказался пить ее; а Ласси замѣтилъ, что въ Россіи нельзя не подчиняться обычаю употребленія водки. Когда Бюшингъ настаивалъ на своемъ, Ласси не могъ вѣрить, что молодой человѣкъ сможетъ оставаться вѣрнымъ своему правилу (162).

Въ Петербургѣ Бюшингъ пробылъ въ 1750 году не болѣе шести мѣсяцевъ. Особенное вниманіе онъ обращалъ въ это время на академію наукъ и на лицъ, состоявшихъ при ней. Онъ разсказываетъ нѣкоторыя подробности объ интригахъ Шумахера, игравшаго тогда весьма важную роль въ академіи, о его столкновеніяхъ съ разными членами этого учрежденія и проч. Бюшингъ находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ извѣстнымъ историкомъ Герардомъ-Фридрихомъ Мюллеромъ. Довольно подробно онъ говоритъ въ своемъ сочиненіи о заслугахъ извѣстнаго ученаго и царедворца Штелина и о его трудахъ по изданію «Петербургскихъ Вѣдомостей»; упомянуто также о товарищѣ историка Мюллера, Фишерѣ, написавшемъ исторію Сибири. Далѣе Бюшингъ познакомился съ братомъ знаменитаго фельдмаршала Мюнниха, обергофмейстеромъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Христіаномъ-Вильгельмомъ барономъ Мюннихомъ, который, впрочемъ, на Бюшинга не произвелъ особенно благопріятнаго впечатлѣнія. Христіанъ-Вильгельмъ Мюннихъ, какъ замѣчаетъ Бюшингъ, употреблялъ мелочныя средства для того, чтобы не быть вовлеченнымъ въ несчастіе брата, сосланнаго въ Пелымъ въ началѣ царствованія императрицы Елисаветы Петровны, и никогда не говорилъ о фельдмаршалѣ (169—170).

Однажды, когда Бюшингъ былъ въ гостяхъ у дочери извѣстнаго адмирала Крюйса, занимавшаго весьма видное мѣсто въ исторіи флота при Петрѣ Великомъ, онъ имѣлъ случай видѣть императрицу. Дочь Крюйса была замужемъ за однимъ морскимъ офицеромъ. Бюшингъ съ нимъ пріѣхалъ на дачу. Когда они сидѣли за столомъ, вдругъ узнали, что проѣдетъ мимо дома Елисавета Петровна. Бюшингъ вышелъ на улицу какъ разъ въ ту минуту,

[1]) Встрѣтившись затѣмъ, въ 1754 году, съ Бюшингомъ въ Галле, Фокеродтъ подарилъ ему (очевидно, въ одномъ спискѣ) свое сочиненіе о Россіи, написанное въ 1737 году, по желанію Вольтера.

когда императрица, по случаю крутизны дороги вышедшая изъ экипажа, спускалась внизъ пѣшкомъ. На дорогѣ стояла деревенская дѣвочка, державшая въ рукахъ нѣсколько кусочковъ сахару. Очевидно, не зная императрицы, дѣвочка безцеремонно предложила ей отвѣдать сахару. Елисавета, улыбаясь, взяла изъ рукъ дѣвочки сахаръ, скушала кусочекъ и велѣла дать ребенку какой-то подарокъ. Бюшингъ видѣлъ въ образѣ дѣйствій императрицы при этомъ случаѣ доказательство любезной снисходительности ея въ обращеніи съ людьми скромныхъ сословій (170—171).

Бюшингъ, живя въ Петербургѣ, осматривалъ достопримѣчательныя научныя коллекціи, напримѣръ, кунстъ-камеру, нумизматическій кабинетъ; особенно подробно онъ разсказываетъ объ извѣстномъ глобусѣ, вывезенномъ еще при Петрѣ Великомъ изъ Гольштейнъ-Готторпа, сильно пострадавшемъ по случаю пожара въ 1749 году, но затѣмъ приведенномъ въ прежнее состояніе. Въ великолѣпномъ домѣ Шуваловыхъ Бюшингу показывали разныя драгоцѣнныя вещи, между прочимъ, и такія, которыя, какъ говорили Бюшингу, поступили туда, «по наслѣдству изъ имущества графа Лестока». Разсказывая объ этомъ, Бюшингъ замѣчаетъ, что его удивило это выраженіе (gräflich-l'estocqsche Erbschaft), потому что ему хорошо было извѣстно, что Лестокъ, игравшій столь важную роль въ началѣ царствованія императрицы Елисаветы, а затѣмъ удаленный отъ двора какъ государственный преступникъ, въ то время еще былъ въ живыхъ и содержался въ крѣпости (171).

Лѣтомъ 1750 года графъ Динаръ, а вмѣстѣ съ нимъ и Бюшингъ и нѣкоторыя другія лица, совершили поѣздку для осмотра Ладожскаго канала, однако, отсутствіе всякаго комфорта и невыносимая жара, медленность ѣзды по водѣ и жалкій видъ страны препятствовали тому, чтобы эта поѣздка доставила путешественникамъ удовольствіе (172—173). Скоро послѣ этого Бюшингъ со своимъ воспитанникомъ отправился въ обратный путь въ Западную Европу. До отъѣзда случился довольно любопытный эпизодъ. Бюшингъ неоднократно проповѣдовалъ въ протестантскихъ церквахъ въ Петербургѣ; своимъ краснорѣчіемъ, чистотою нрава, выдержанностью характера, онъ обратилъ на себя вниманіе нѣкоторыхъ лицъ въ этомъ приходѣ, которые часто приходили къ нему за совѣтами, бесѣдовали съ нимъ о религіозныхъ вопросахъ и пр. Между такими посѣтителями былъ и молодой человѣкъ, русскій, служившій наборщикомъ въ типографіи академіи наукъ; не смотря на сопряженную съ такимъ отважнымъ дѣйствіемъ опасность, онъ нѣсколько разъ слушалъ проповѣди Бюшинга и, наконецъ, лично обратился къ молодому проповѣднику съ просьбою о наставленіи въ дѣлахъ вѣры и религіи (177).

Подробный разсказъ Бюшинга о морской болѣзни, которою онъ страдалъ во время путешествія въ Германію, не представляетъ со-

бою ничего особеннаго; частности, сюда относящіяся, развѣ только даютъ намъ нѣкоторое понятіе о затрудненіяхъ, съ которыми были сопряжены путешествія въ то время, о недостаткѣ въ удобствахъ на судахъ, о медленности ѣзды и пр.

По возвращеніи въ Германію, Бюшингъ съ особеннымъ рвеніемъ посвятилъ себя изученію географіи и приготовленію къ печати своего «Erdbeschreibung». Нѣсколько лѣтъ онъ былъ профессоромъ въ Геттингенѣ. Такъ какъ его богословскія воззрѣнія вызвали кое-какія пререканія, что̀ было сопряжено съ нѣкоторыми непріятностями для него, онъ охотно принялъ сдѣланное ему изъ Петербурга предложеніе занять мѣсто пастора при церкви св. Петра. Съ этою должностью была сопряжена обязанность завѣдовать училищемъ, состоявшимъ при этой церкви. Такимъ образомъ онъ рѣшился на второе путешествіе въ Россію [1]).

Лѣтомъ 1761 года, Бюшингъ съ женою чрезъ Любекъ моремъ отправился въ Петербургъ. Въ Любекѣ ему сообщили, что незадолго до этого Вольтеръ за сочиненіе извѣстной «Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand» получилъ отъ императрицы Елисаветы Петровны 10,000 червонцевъ и, кромѣ того, коллекцію золотыхъ медалей, которую цѣнили въ 6,000 рублей. «Никогда,— замѣчаетъ при этомъ Бюшингъ,— за плохую книгу не было дано столько» (361). Послѣ пріѣзда въ Кронштадтъ, путешественники отправились въ Ораніенбаумъ, гдѣ видѣли гольштинскихъ солдатъ, находившихся въ то время постоянно при великомъ князѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ (367).

Скоро послѣ прибытія Бюшинга въ Петербургъ скончалась императрица Елисавета Петровна. Въ самое первое время царствованія Петра III фельдмаршалъ Мюнихъ возвратился изъ Сибири въ Петербургъ, гдѣ онъ, между прочимъ, занялъ мѣсто покровителя прихода нѣмецкой церкви св. Петра. Съ нимъ Бюшингъ познакомился вскорѣ послѣ пріѣзда въ Россію. Упоминая о высокопоставленныхъ лицахъ, съ которыми ему приходилось имѣть кое-какія сношенія, онъ говоритъ о герцогахъ гольштинскихъ, родственникахъ императора Петра III, о герцогѣ Эрнстѣ-Іоганнѣ Биронѣ и проч. Извѣстно, что во время царствованія Петра III при немъ занималъ довольно видное мѣсто камергеръ, баронъ Николай Фридрихъ Корфъ. Въ минуту пріѣзда Бюшинга въ Петербургъ онъ былъ патрономъ церкви св. Петра, и Бюшингъ часто бесѣдовалъ съ нимъ. Такъ, напримѣръ, Корфъ разсказывалъ Бюшингу о посѣщеніи бывшаго императора Іоанна Антоновича въ Шлиссельбургѣ императоромъ Петромъ III весною 1762 года. Корфъ присутствовалъ при

[1]) Подробности, относящіяся къ приглашенію Бюшинга въ Петербургъ и къ его положенію тамъ въ качествѣ пастора и директора училища, изложены въ сочиненіи Леммериха: «Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinde St. Petri in Petersburg», St.-Petersburg, 1862, II, 52 и слѣд.

этомъ свиданіи (371). Подробности разсказа Корфа воспроизведены Бюшингомъ, впрочемъ, не въ его автобіографіи, а въ статьѣ «Geschichte des russischen Kaisers Iohann des Dritten», помѣщенной въ шестомъ томѣ сборника «Magazin für die neue Historie und Geographie» [1]). Еще другой разсказъ Корфа не лишенъ интереса. Въ день восшествія на престолъ императрицы Екатерины II два офицера, ему подчиненные, до того избили его, что онъ опасно заболѣлъ и едва не поплатился жизнью за это варварство «неблагодарныхъ кліентовъ». Екатерина, узнавъ объ этомъ, выразила свое сожалѣніе и неудовольствіе поступкомъ офицеровъ, возвела Корфа въ чинъ полнаго генерала и проч. (372).

О графѣ Сиверсѣ Бюшингъ пишетъ, что онъ, не смотря на свое скромное происхожденіе, отличался замѣчательнымъ тактомъ въ обращеніи со всѣми, такъ что никто не могъ подозрѣвать въ немъ выскочки. Довольно любопытна характеристика фельдмаршала Мюнниха. Ему въ то время, когда съ нимъ познакомился Бюшингъ, было 79 лѣтъ, однако онъ все еще имѣлъ видъ красиваго мужчины, отличался веселостью и остроуміемъ. Усмотрѣвъ изъ коекакихъ намековъ Мюнниха, что онъ желаетъ вновь сдѣлаться патрономъ прихода св. Петра, послѣ того какъ онъ уже до воцаренія Елисаветы Петровны занималъ эту должность, Бюшингъ устроилъ дѣло такъ, что Мюннихъ въ самомъ дѣлѣ былъ избранъ патрономъ, причемъ знаменитый фельдмаршалъ обнаруживалъ нѣкоторую мелочность, упрямство и склонность къ интригамъ. Впослѣдствіи происходили столкновенія между Мюннихомъ и Бюшингомъ, и эти непріятности заставили Бюшинга въ 1765 году покинуть Петербургъ.

Эта часть автобіографіи Бюшинга представляетъ собою множество данныхъ для исторіи иностранцевъ въ Россіи. Многіе нѣмецкіе купцы и фабриканты въ приходѣ св. Петра въ петербургскомъ обществѣ занимали очень видное мѣсто, отличались богатствомъ и образованіемъ. Что касается до русскихъ вельможъ, съ которыми Бюшингу приходилось имѣть дѣло, то между ними замѣчательную роль игралъ извѣстный писатель Сумароковъ. Бюшингъ называетъ его «основателемъ русскаго театра». Сумароковъ, какъ разсказано далѣе въ автобіографіи Бюшинга, не любилъ нѣмцевъ и старался доказать, что Бюшингъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій враждебно относился къ Россіи. Полагали, что эти интриги Сумарокова были направлены противъ графа Сиверса, которому онъ желалъ вредить и котораго считалъ виновникомъ приглашенія Бюшинга въ Петербургъ. Далѣе, Сумароковъ попытался осмѣять рѣчь, сказанную Бюшингомъ у гроба богатаго банкира Штегельмана, однако и эта попытка повредить Бюшингу не имѣла успѣха. Заступникомъ нѣ-

[1]) VI, 571.

мецкаго пастора при обоихъ случаяхъ былъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, который, впрочемъ, немного позже самъ имѣлъ нѣкоторое столкновеніе съ Бюшингомъ. Бюшингъ написалъ предисловіе къ переводу сочиненія Вольтера о Петрѣ Великомъ. Шувалову очень не понравилось замѣчаніе Бюшинга, что французскій писатель за свой трудъ получилъ щедрое вознагражденіе. Считая этотъ намекъ на несоотвѣтствіе достоинства книги громадному гонорару оскорбительнымъ для Вольтера, Шуваловъ даже требовалъ отъ Бюшинга печатнаго объясненія этихъ выраженій. Отъ имени Шувалова директоръ академіи наукъ, Таубертъ, обратился къ Бюшингу съ этимъ требованіемъ. Была даже рѣчь о томъ, чтобы нѣмецкій пасторъ объявилъ, что считаетъ свое выраженіе на счетъ Вольтера неумѣстнымъ. Бюшингъ держалъ себя довольно храбро и объявилъ Тауберту, что Россія, по его мнѣнію, принадлежитъ къ цивилизованному міру, въ которомъ писатели пользуются нѣкоторыми правами свободы и что онъ не считаетъ нужнымъ публиковать какое либо объясненіе или какой-то «Widerruf» по этому дѣлу. «Пусть Вольтеръ,—замѣтилъ Бюшингъ,—если онъ недоволенъ моимъ замѣчаніемъ, выскажетъ свое мнѣніе; тогда я ему отвѣчу». Напрасно Таубертъ указывалъ на высокое положеніе Шувалова, на опасность его гнѣва и проч., Бюшингъ не исполнилъ его желанія, объявивъ при этомъ, что онъ не сдѣлалъ бы этого даже и тогда, если бы Шуваловъ былъ государемъ. «Еще во время царствованія императрицы Елисаветы,—пишетъ Бюшингъ,—ученые, проживавшіе въ Россіи, не столько боялись деспотизма императорскаго двора, сколько опасались своенравія придворныхъ креатуръ» (380—383).

Подробный разсказъ Бюшинга о столкновеніи съ Мюнихомъ по поводу вопросовъ администраціи училища при церкви св. Петра въ частностяхъ не имѣетъ особеннаго значенія и развѣ только заслуживаетъ вниманія какъ матеріалъ для характеристики знаменитаго фельдмаршала. Отношенія Бюшинга къ этому вельможѣ были сначала довольно благопріятными. Въ автобіографіи пастора напечатанъ цѣлый рядъ писемъ, полученныхъ Бюшингомъ отъ Мюнниха; въ нихъ говорится о дѣлахъ школы, о благосклонномъ вниманіи императрицы въ дѣятельности Бюшинга, о проповѣдяхъ Бюшинга и проч. Въ нихъ встрѣчаются любезности и комплименты. Однажды Мюнихъ замѣтилъ въ бесѣдѣ съ Бюшингомъ, что, если бы ему приходилось опять взять на себя роль главнокомандующаго войсками, онъ весьма охотно назначилъ бы Бюшинга своимъ помощникомъ, на что Бюшингъ возразилъ, что онъ развѣ могъ бы служить въ войскѣ въ качествѣ духовнаго лица (Feldprediger). Другой разъ Мюннихъ, говоря о заслугахъ Бюшинга въ отношеніи къ училищу, выразилъ желаніе, чтобы портретъ его былъ помѣщенъ въ залѣ училища. Неоднократно фельдмаршалъ умолялъ Бюшинга беречь свое здоровье и проч. (стр. 411—421).

Мюннихъ даже называлъ эти письма «Liebesbriefe». Однако вдругъ эти благопріятныя отношенія между патрономъ и директоромъ школы измѣнились совершенно.

Бюшингъ былъ не совсѣмъ доволенъ своимъ положеніемъ въ Петербургѣ. Должность пастора при церкви и директора при училищѣ обременяла его такимъ множествомъ дѣлъ, что онъ не имѣлъ возможности продолжать свои ученыя работы. Особенно онъ сожалѣлъ о томъ, что не могъ заниматься географіею. Неоднократно онъ просилъ Мюнниха какъ патрона церкви и школы принять мѣры для того, чтобы онъ и какъ пасторъ, и какъ директоръ имѣлъ помощниковъ. Настоящій поводъ къ разладу между Бюшингомъ и Мюннихомъ остается неизвѣстнымъ. Какъ бы то ни было, въ засѣданіяхъ правленія училища происходили непріятности. Мюннихъ осыпалъ Бюшинга упреками; послѣдній же, считая себя оскорбленнымъ, подалъ въ отставку. Бюшингъ пользовался популярностью. Его любили и уважали, но никто не могъ поколебать его рѣшенія покинуть и мѣсто, и Петербургъ, и Россію (421 и слѣд.) [1]).

Гораздо любопытнѣе всѣхъ этихъ мелочей, которыя имѣютъ значеніе для біографіи Бюшинга, но не важны для исторіи Россіи, разсказы Бюшинга о современныхъ политическихъ событіяхъ, происходившихъ во время его пребыванія въ Россіи, разсказы о Елисаветѣ, Петрѣ III и Екатеринѣ II. Съ Елисаветою Петровною Бюшингъ не встрѣчался. Упоминая о ея послѣдней болѣзни, Бюшингъ замѣчаетъ, что можно было продлить ея жизнь болѣе частымъ кровопусканіемъ. У нея,—сказано далѣе,—было два лейбъ-медика, которые каждый разъ, когда императрицѣ пускали кровь, получали по 2,000 и по 3,000 рублей. Для избѣжанія слуховъ о сребролюбіи врачей, они не предлагали употребленія этого средства и этимъ повредили здоровью императрицы (?) (462).

Воцареніе Петра III,—разсказываетъ Бюшингъ,—возбудило тѣмъ большую радость,—можно думать въ средѣ иностранцевъ, нѣмцевъ,—что нѣкоторыя лица желали лишить его права на престолъ (462). Этимъ показаніемъ подтверждаются данныя объ интригахъ Бестужева и гетмана Кирилла Разумовскаго, направленныхъ противъ Петра [2]). Любопытно замѣчаніе Бюшинга, что графъ Петръ Шуваловъ былъ единственнымъ другомъ Петра Ѳеодоровича и что имъ было приготовлено войско въ 30,000 человѣкъ, которое, въ случаѣ надобности, въ минуту кончины императрицы Елисаветы должно было дѣйствовать въ пользу великаго князя. Этимъ, — замѣчаетъ Бюшингъ,—объясняется назначеніе Петра Шувалова фельдмаршаломъ тотчасъ же послѣ воцаренія Петра III и особенная

[1]) См. также соч. Леммериха, II, 127—141.

[2]) См. мое сочиненіе о Екатеринѣ II, стр. 80 и слѣд.

роскошь по случаю похоронъ графа, скончавшагося весною 1762 года. Далѣе Бюшингъ разсказываетъ: «Рабскій страхъ предъ дворомъ прекратился тотчасъ же при кончинѣ императрицы Елисаветы; съ этой минуты всѣ дышали и дѣйствовали свободнѣе; примѣромъ этому служилъ самъ императоръ, который, впрочемъ, къ сожалѣнію, мыслилъ слишкомъ громко, и рѣчи и взоры котораго были зеркаломъ его сердца. Къ тому же, онъ не любилъ церемоніала. Ожидали улучшенія всего, не соображая, что для этого нужны лучшіе люди. Безстрашіе доходило до того, что многіе вовсе не присягали новому государю». Далѣе Бюшингъ разсказываетъ, что онъ, по желанію барона Корфа, составилъ для государя нѣсколько записокъ объ учрежденіи пріютовъ для инвалидовъ, вдовъ и сиротъ. Корфъ ожидалъ важныхъ результатовъ отъ дѣятельности новаго государя, но Бюшингъ не раздѣлялъ этого взгляда, особенно послѣ того, какъ онъ нѣсколько разъ имѣлъ случай видѣть Петра III. И въ автографіи Бюшинга совсѣмъ также, какъ въ запискахъ другихъ современниковъ, говорится о жалкомъ впечатлѣніи, которое производила личность Петра, и о его страсти къ военнымъ упражненіямъ. Бюшингъ разсказываетъ, какъ государь въ честь полка ѣхалъ верхомъ въ натянутой позѣ, походя на деревянный истуканъ скорѣе, чѣмъ на человѣка[1]), какъ онъ особенно ничтожнымъ казался въ прусскомъ мундирѣ, и проч.

Бюшингъ былъ очевидцемъ государственнаго переворота лѣтомъ 1762 года. Передаваемыя имъ подробности даютъ намъ точное понятіе о внѣшнемъ ходѣ этого событія и о впечатлѣніи, произведенномъ этою перемѣною на публику. Не смотря на то, что мы располагаемъ уже цѣлымъ рядомъ такихъ источниковъ, т. е. разсказовъ очевидцевъ о воцареніи Екатерины II, напримѣръ, записки ювелира Позье, автобіографія графа С. Р. Воронцова, сочиненіе Рюльера, донесенія испанскаго и голландскаго дипломатовъ и проч., разсказъ Бюшинга, всетаки, заслуживаетъ полнаго вниманія, такъ какъ въ немъ заключаются разныя данныя, не встрѣчающіяся въ другихъ источникахъ.

Утромъ 28-го іюня, Бюшингъ около 9—10 часовъ выѣхалъ изъ дому, намѣреваясь посѣтить нѣкоторыхъ больныхъ. При этомъ вдругъ онъ услышалъ гулъ, походившій на громъ. Кучеръ и лакей Бюшинга сказали, что это крики народа, толпы, и что идутъ разные слухи о причинѣ волненія. Иные говорили, что императоръ до отъѣзда въ походъ по поводу войны противъ Даніи рѣшился

---

[1]) Er sass auf dem Pferde so gerade und steif als ein hölzernes Bild, hielt den Säbel eben so steif, wendete auch das Gesicht auf die rechte Seite mit gleicher Steifigkeit, und wich von dieser gesammten Stellung nicht ein Haarbreit ab... Als ich ihn in einer preussischen Regimentsform gehen sahe, kam er mir so kleingeistisch vor, dass ich versagt haben würde, wenn ich nicht in der Geschichte unter den Regenten mehr kleine als grosse Geister gefunden hättë.

вдругъ короноваться въ С.-Петербургѣ; по другимъ разсказамъ, онъ поручилъ управленіе дѣлами во время своего отсутствія императрицѣ, и вотъ готовилось теперь торжество ея коронаціи. Всѣ эти слухи казались Бюшингу нелѣпыми. Между тѣмъ шумъ приближался, и Бюшингъ поспѣшилъ возвратиться домой. Изъ оконъ квартиры Бюшинга можно было видѣть площадь у Казанскаго собора [1]). На ней толпилась громадная масса народу: было и множество солдатъ, отчасти полуодѣтыхъ. Густая масса черни и войска окружала коляску. Изъ собора вышла одѣтая въ черное платье и украшенная Екатерининскимъ орденомъ дама, сѣла въ экипажъ; начался колокольный звонъ, духовенство съ крестами шло предъ коляскою. Тутъ только Бюшингъ и лица, при немъ находившіяся, узнали императрицу, которая на обѣ стороны кланялась народу. На одной ступени коляски стоялъ Григорій Григорьевичъ Орловъ; предъ коляскою ѣхалъ верхомъ съ обнаженною шпагою фельдмаршалъ и гетманъ, полковникъ Измайловскаго полка, графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, прискакалъ генералъ-лейтенантъ (вскорѣ послѣ этого сдѣлавшійся генералъ-фельдцейхмейстеромъ) Вилльбуа, какъ разъ подъ окнами дома, занимаемаго Бюшингомъ, соскочилъ съ коня и сталъ на другую ступень императрицыной коляски. Шествіе направилось мимо Бюшингова дома сначала къ новому каменному, затѣмъ къ старому деревянному Зимнему дворцу. Чернь кричала со смѣхомъ въ окна, въ которыхъ стояли Бюшингъ и его родственники и знакомые: «Вашъ Богъ (т. е. императоръ Петръ III) умеръ»! Другіе кричали: «Его нѣтъ болѣе; мы не хотимъ его болѣе». Бюшингъ тотчасъ же послѣ того, какъ на улицѣ вновь водворилась тишина, поспѣшилъ къ жившему вблизи датскому резиденту, графу Гакстгаузену, намѣреваясь сообщить ему извѣстіе о кончинѣ императора. Бюшингъ засталъ графа въ ту минуту, когда онъ только-что хотѣлъ сжечь многія бумаги, потому что опасался разграбленія дома, въ которомъ жилъ. Теперь же, узнавъ о кончинѣ Петра, онъ не думалъ болѣе о сожженіи бумагъ и, какъ пишетъ Бюшингъ, благодарилъ Бога за спасеніе отечества. Радость въ домѣ датскаго резидента доходила до того, что секретать посольства Шумахеръ, близко знакомый съ Бюшингомъ, вручилъ послѣднему нѣкоторую сумму денегъ для раздачи бѣднымъ (466).

Нельзя отрицать, что положеніе Даніи въ минуту прекращенія царствованія Петра III совершенно измѣнилось, а именно къ лучшему. При Петрѣ III положеніе Даніи было опаснымъ. Война Россіи съ Даніею могла легко повлечь за собою катастрофу послѣд-

[1]) Нѣтъ сомнѣнія, что Бюшингъ въ качествѣ пастора церкви св. Петра жилъ въ домѣ церкви, который и въ настоящее время выходитъ между Малою и Большою Конюшенными улицами на Невскій проспектъ, примыкая къ площади Казанскаго собора.

ней. Поэтому нельзя удивляться радости представителей Даніи въ Петербургѣ, Гакстаузена и Шумахера. Скоро послѣ этого русскій дипломатъ Корфъ писалъ изъ Копенгагена: «Не только дворъ, но и всѣ жители датскихъ провинцій, черезъ которыя я проѣзжалъ, до послѣдняго крестьянина, обнаруживали радость, вслѣдствіе нечаянной перемѣны въ ихъ судьбѣ» [1]).

По возвращеніи въ свою квартиру Бюшингъ видѣлъ въ окно, какъ по улицѣ помчалась коляска, въ которой сидѣлъ Панинъ съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, который былъ «въ ночномъ костюмѣ» (im Nachtzeug) (466). Эти подробности подтверждаются разсказомъ испанскаго дипломата, квартировавшаго также близъ Казанскаго собора [2]). Тутъ сказано: «Многіе изъ солдатъ были не причесаны, другіе полуодѣты и многіе безъ шапокъ. Съ такою поспѣшностью устремились они во дворецъ», и въ другомъ мѣстѣ: «Около половины 11-го часа, изъ воротъ сада лѣтняго дворца выѣхалъ старый берлинъ (у Бюшинга сказано «eine gemeine Kutsche»), въ которомъ сидѣлъ великій князь въ ночномъ колпакѣ и не одѣтый, въ сопровожденіи своего воспитателя, генерала Панина» и проч.

Бюшингъ видѣлъ далѣе, какъ нѣкоторые гвардейцы на улицѣ около деревяннаго Зимняго дворца продавали свои новые мундиры, сшитые по прусской формѣ, между тѣмъ какъ другіе носили на штыкахъ свои прусскія гренадерскія шапки. Бюшингъ былъ свидѣтелемъ нѣкоторыхъ безпорядковъ. Солдаты садились въ экипажи, безцеремонно приказывая извозчикамъ или кучерамъ везти ихъ, куда имъ было угодно. Другіе гвардейцы отнимали о торгующихъ съѣстными припасами корзины съ товаромъ и проч. Бюшингъ удивлялся тому, что при всемъ неистовствѣ солдатъ не слышно было о случаяхъ смертоубійства. «Только, — пишетъ онъ, — около Ораніенбаума нѣкоторое число гольштинскихъ солдатъ было изранено, благодаря разуму нѣкоторыхъ мужиковъ».

На другой день, когда Бюшингъ долженъ былъ проповѣдовать въ церкви по случаю праздника апостоловъ Петра и Павла, онъ узналъ, что императрицы не было въ городѣ и что она съ отрядомъ войскъ отправилась въ направленіи къ Ораніенбауму, чтобы принудить императора къ отрѣченію. Никто не зналъ о ходѣ дѣла, — замѣчаетъ Бюшингъ, — и всѣ сильно безпокоились. Какъ разъ въ ту минуту, когда Бюшингъ долженъ былъ взойдти на каѳедру для произнесенія проповѣди, къ нему вошелъ вице-президентъ юстицъ-коллегіи, фонъ-Эмме, объявляя о сенатскомъ приказѣ, чтобы въ тотъ же самый день члены прихода церкви

---

[1]) См. мое сочиненіе о Екатеринѣ II, стр. 282.

[2]) Этотъ разсказъ изданъ въ англійскомъ журналѣ «Academy», въ апрѣлѣ 1875 года. Русскій переводъ въ «Древней и Новой Россіи», 1877, I, 225 и слѣд.

св. Петра были приведены въ присягѣ. Товарищъ Бюшинга, пасторъ Трефуртъ, до того перепугался, что заболѣлъ и пошелъ къ себѣ. Бюшингъ умолялъ вице-президента юстицъ-коллегіи отложить церемонію приведенія къ присягѣ хотя бы до послѣобѣденнаго времени, выставляя на видъ опасности и затрудненія такого дѣла и указывая, между прочимъ, на то обстоятельство, что въ церкви по случаю безпорядковъ, происходившихъ въ городѣ, находилось очень мало мужчинъ. Фонъ-Эмме настаивалъ на своемъ, опасаясь отвѣтственности предъ сенатомъ. Бюшингъ послѣ проповѣди объявилъ, что немедленно приступитъ къ церемоніи приведенія къ присягѣ. Видя смущеніе пастора, фонъ-Эмме замѣтилъ ему:—Вы напрасно опасаетесь.—Бюшингъ возразилъ ему:—При такихъ обстоятельствахъ нельзя не опасаться. Кто же насъ освободилъ отъ присяги императору, за котораго мы обѣщали пролить послѣднюю каплю крови?—Неужели,—сказалъ фонъ-Эмме,—вы такъ мало знаете императора? Неужели вы думаете, что съ его стороны будетъ оказано сопротивленіе? Нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящую минуту въ Петергофѣ и Ораніенбаумѣ все улажено и что онъ болѣе не государь.—Разсказывая объ этомъ, Бюшингъ прибавляетъ, что онъ самъ былъ такого же мнѣнія, и поэтому рѣшился привести къ присягѣ членовъ прихода. При этомъ, однако, онъ молилъ Бога, чтобы Провидѣніе отклонило отъ него несчастіе во второй разъ попасть въ столь неловкое положеніе.

Впрочемъ, безпорядки гвардейскихъ солдатъ, о которыхъ упомянуто и въ другихъ современныхъ источникахъ, между прочимъ, въ запискахъ Державина, въ сочиненіи де-ла-Маршъ: «Nouveaux mémoires et anecdotes du règne et du détrônement de Pierre III», въ автобіографіи Позье и пр., продолжались, какъ видно и изъ разсказа Бюшинга.

«30-го іюня,—сказано тутъ,—волненіе солдатъ стало хуже прежняго, но, всетаки, не достигало такихъ размѣровъ, какихъ можно было ожидать. Многіе солдаты являлись въ дома иностранцевъ и требовали денегъ. Какъ скоро я увидѣлъ, что и ко мнѣ идутъ солдаты, я положилъ въ свой карманъ нѣсколько цѣлковыхъ и полтинниковъ и, въ сопровожденіи лакея, встрѣтилъ ихъ очень ласково. Солдаты сказали, что государыня приказала имъ требовать отъ меня денегъ. Я выразилъ готовность исполнить ихъ желаніе, предлагая имъ выпить за здоровье государыни. Какъ скоро солдаты удалились, я велѣлъ запереть наглухо ворота; чрезъ одного знакомаго я извѣстилъ графа Строганова о случившемся; графъ сообщилъ обо всемъ государынѣ, которая тотчасъ же приняла мѣры для прекращенія безпорядковъ. 3-го іюля, — продолжаетъ Бюшингъ,—былъ день кончины императора; 6-го сообщили объ этомъ императрицѣ; 7-го трупъ былъ привезенъ изъ Ропши въ монастырь Александра Невскаго. Тутъ публика могла видѣть покойника, такъ

какъ даже въ манифестѣ было приказано оказывать честь ему. Я съ женою также поѣхалъ туда. На другой день были похороны, въ тотъ самый день, въ который государь намѣревался выѣхать въ походъ противъ Даніи».

Таковъ разсказъ Бюшинга о государственномъ переворотѣ. Какъ видно, иностранцы, проживавшіе въ Петербургѣ, соблюдали полнѣйшій нейтралитетъ въ распрѣ между Петромъ и Екатериною, ограничиваясь пассивною ролью зрителей. Нигдѣ въ этомъ разсказѣ не проглядываетъ какое либо сочувствіе успѣху Екатерины. За то въ глазахъ гвардейцевъ воцареніе ея, какъ видно изъ другихъ источниковъ, а также изъ разсказа Бюшинга, имѣло значеніе борьбы противъ нѣмецкаго элемента въ государствѣ.

Затѣмъ въ автобіографіи Бюшинга слѣдуютъ кое-какія данныя о правительственныхъ распоряженіяхъ императрицы, съ которою видѣлся самъ авторъ до отъѣзда въ Германію, и о знакомствѣ Бюшинга съ разными вельможами, учеными и проч.

Послѣ возвращенія изъ Москвы, гдѣ происходила коронація, Екатерина, — какъ разсказываетъ Бюшингъ, — услыхала объ успѣхахъ училища, которымъ онъ завѣдовалъ. Особенно ее удивляло то обстоятельство, что школа пошла въ гору, не располагая особенными капиталами; поэтому она поручила Бецкому узнать подробнѣе о ходѣ этого дѣла. Бецкій пригласилъ къ себѣ Бюшинга, бесѣдовалъ съ нимъ и, между прочимъ, обратился къ нему съ нѣсколько щекотливымъ вопросомъ, какъ онъ думаетъ объ указахъ императрицы. Эти указы,—замѣчаетъ Бюшингъ,—были наполнены общими размышленіями (raisonnirende Ukasen); ему было очень неловко отвѣтить на вопросъ Бецкаго, однако съ свойственною ему смѣлостью онъ сказалъ: «Указы отличны и дѣлаютъ честь ея величеству; нельзя, однако, не сожалѣть о томъ, что они во всякомъ случаѣ останутся безплодными». Бецкій требовалъ болѣе точнаго объясненія. Бюшингъ говорилъ о недостаточномъ развитіи народа, о необходимости подвинуть впередъ дѣло народнаго воспитанія, объ учрежденіи школъ и проч. Сообщивъ императрицѣ о содержаніи бесѣды съ Бюшингомъ, Бецкій, нѣсколько дней спустя, опять пригласилъ къ себѣ пастора и сообщилъ ему о представленномъ имъ государынѣ проектѣ учрежденія многихъ школъ, въ которыхъ наставниками были бы иностранцы: нѣмцы, французы, англичане. Бюшингъ замѣтилъ, что въ этомъ дѣлѣ не должно разсчитывать на иностранцевъ, потому что послѣдніе развѣ только изъявятъ готовность жить въ С.-Петербургѣ или въ Москвѣ, но не рѣшатся отправиться въ «провинціи», гдѣ жизнь для нихъ вслѣдствіе различія въ языкѣ, нравѣ, исповѣданіи, представляетъ многія затрудненія. Къ тому же, по мнѣнію Бюшинга, наставники народа должны принадлежать къ нему же; поэтому онъ совѣтовалъ принять мѣры для приготовленія учителей изъ русскихъ, учредить учительскія

семинаріи, отправлять молодыхъ людей для обученія за границу и проч. (471).

Передавая объ этихъ бесѣдахъ съ Бецкимъ, Бюшингъ замѣчаетъ, что его совѣты и соображенія не оставались безъ вліянія на дѣятельность этого сановника, который, какъ извѣстно, въ первое время царствованія императрицы Екатерины занималъ нѣкоторымъ образомъ должность министра народнаго просвѣщенія. Къ Бюшингу за совѣтами обращался и Дюмарескъ, проживавшій въ Россіи еще во время царствованія Елисаветы Петровны, удалившійся въ Англію и затѣмъ оттуда приглашенный въ Россію Екатериною для участія въ заведеніи школъ. Дюмарескъ былъ скорѣе ученымъ, нежели педагогомъ (см. стр. 175), самъ говорилъ, что не имѣетъ понятія о школьномъ дѣлѣ (см. стр. 471), и вскорѣ опять возвратился въ Англію. Бецкій далѣе, отъ имени императрицы, предлагалъ Бюшингу занять мѣсто директора воспитательнаго дома въ Москвѣ, но Бюшингъ отказался, указывая на незнаніе русскаго языка.

Особенный отдѣлъ въ автобіографіи Бюшинга посвященъ краткой характеристикѣ нѣкоторыхъ лицъ, съ которыми онъ былъ знакомъ во время своего пребыванія въ Петербургѣ, отъ 1761 до 1765 года.

Великому князю Павлу Петровичу Бюшингъ, по совѣту Панина, передалъ однажды экземпляръ своего сочиненія «Сокращенная географія», выражая при этомъ надежду, что цесаревичъ будетъ покровителемъ этой науки въ Россіи. Павелъ, которому тогда было около десяти лѣтъ, поцѣловалъ Бюшинга въ лобъ и проч.

Упоминая о дядѣ императора Петра III, герцогѣ Георгѣ-Людвигѣ Гольштинскомъ, Бюшингъ говоритъ о его кандидатурѣ на престолъ Курляндскаго герцогства. Въ 1762 году, въ Петербургѣ находилась депутація курляндскаго дворянства; желая задобрить депутатовъ и выказать рвеніе въ пользу лютеранскаго исповѣданія, герцогъ Георгъ-Людвигъ, не безъ нѣкоторой остентаціи, пріобщился св. Тайнъ въ церкви св. Петра. Разсказывая объ этомъ, Бюшингъ замѣчаетъ, что такое соединеніе политическихъ цѣлей съ религіознымъ обрядомъ на него и на его товарища, пастора Трефурта, произвело непріятное впечатлѣніе. Объ этой кандидатурѣ герцога Георга-Людвига на курляндскій престолъ мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія и изъ другихъ источниковъ. Симолинъ, русскій посланникъ въ Митавѣ, по порученію императора Петра III, старался дѣйствовать противъ курляндскаго герцога, Карла, сына польскаго короля Августа III, сѣя раздоръ между нимъ и курляндскимъ дворянствомъ. Въ договорѣ, заключенномъ между Петромъ III и Фридрихомъ II, было опредѣлено, что дядя императора сдѣлается герцогомъ курляндскимъ. Государ-

ственный переворотъ 1762 года воспрепятствовалъ осуществленію этого предположенія [1]).

Бюшингъ былъ съ визитомъ у герцога Георга-Людвига и бесѣдовалъ съ нимъ о нѣкоторыхъ событіяхъ Семилѣтней войны, въ которыхъ принималъ участіе герцогъ. Далѣе Бюшингъ упоминаетъ объ опасномъ положеніи, въ которомъ находился герцогъ во время государственнаго переворота 28 іюня. Узнавъ чрезъ одного офицера о попыткѣ лишить престола Петра III, герцогъ не повѣрилъ этому слуху и не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности. На другой день онъ подвергся разнымъ оскорбленіямъ со стороны солдатъ, которые чуть не убили его. Подробности этихъ сценъ, разсказанныя Бюшингомъ, не лишены интереса, однако, такъ какъ все это столько же подробно и даже интереснѣе разсказано въ запискахъ ювелира Позье, мы не считаемъ нужнымъ воспроизводить разсказъ Бюшинга (473—475). Говоря о разграбленіи дворца герцога, Бюшингъ замѣчаетъ, что потеря однѣхъ наличныхъ денегъ, не говоря о драгоцѣнныхъ предметахъ, о мебели, о винахъ и проч., составляла сумму 20,000 рублей, въ томъ числѣ 15,000 рублей, которые герцогъ получилъ въ самый день катастрофы. Многія лица во дворнѣ герцога были избиты солдатами, въ томъ числѣ и нѣкто кандидатъ Гебгардъ, учитель въ школѣ св. Петра, который, узнавъ о «революціи» и считая пребываніе у себя дома опаснымъ, поспѣшилъ во дворецъ герцога Георга-Людвига, гдѣ тотчасъ же былъ схваченъ бунтовавшими солдатами; его заперли въ какой-то подвалъ, откуда его высвободилъ Бюшингъ, какъ скоро узналъ о случившейся съ нимъ бѣдѣ.

Довольно любопытны нѣкоторыя замѣчанія Бюшинга о встрѣчѣ съ Бирономъ, у котораго онъ побывалъ съ визитомъ какъ разъ въ то время, когда у него находились курляндскіе депутаты; значитъ, это происходило вскорѣ послѣ государственнаго переворота. Биронъ принялъ Бюшинга чрезвычайно любезно, онъ уже зналъ о Бюшингѣ, какъ о знаменитомъ спеціалистѣ въ области географіи. Пребывая во время ссылки въ Ярославлѣ, Биронъ своему сыну, Петру, продиктовалъ описаніе города и въ немъ находившихся мануфактуръ и отправилъ это сочиненіе черезъ Шумахера къ Бюшингу въ Германію. Бюшингъ теперь могъ устно изъявить свою благодарность за этотъ подарокъ. Онъ и послѣ этого нѣсколько разъ бывалъ у Бирона, восхваляя его любезность и снисходительность. Къ разсказу о сношеніяхъ съ герцогомъ Эрнстомъ-Іоганномъ Бюшингъ присоединяетъ кое-какія замѣчанія о своихъ сношеніяхъ съ сыномъ Бирона, Петромъ, царствовавшимъ въ Курляндіи, послѣ отца, какъ извѣстно до третьяго раздѣла Польши, до 1795 года (476—477).

[1]) См. мое соч. о Екатеринѣ II, стр. 286.

Графа Лестока Бюшингъ посѣтилъ также вскорѣ послѣ пріѣзда въ Россію. Онъ удивился веселости графа, котораго засталъ къ тому же больнымъ, въ постели. Побывавъ до визита у Лестока, у Миниха и Бирона, Бюшингъ замѣтилъ въ бесѣдѣ съ Лестокомъ, что считаетъ для себя особенно важнымъ дѣломъ вдругъ, въ одинъ день, видѣть трехъ знаменитыхъ лицъ, о которыхъ въ молодости читалъ и слышалъ столько любопытнаго. Часто я,—прибавилъ Бюшингъ,—мечталъ о томъ, какова будетъ на томъ свѣтѣ встрѣча между этими лицами, которыя столь враждебно относились другъ къ другу на этомъ свѣтѣ. «Пока,—отвѣчалъ Лестокъ,—можно считать довольно странною и неожиданною нашу встрѣчу на этомъ свѣтѣ; увидимъ, какъ мы станемъ отвѣшивать поклоны другъ другу. Однако, еще не достаетъ четвертаго, а именно графа Бестужева; если бы явился и онъ, то мы могли бы сыграть вмѣстѣ кадриль, но мы пока въ немъ не нуждаемся» (477—478).

Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, противъ котораго были направлены интриги Лестока въ началѣ царствованія Елисаветы Петровны, и который до начала 1758 года руководилъ внѣшнею политикою Россіи, какъ извѣстно, былъ сосланъ въ свое имѣніе. Вскорѣ послѣ своего воцаренія императрица Екатерина II, вспомнивъ о своемъ прежнемъ покровителѣ и союзникѣ, вызвала его въ Петербургъ. Отсюда видно, что свиданіе между Лестокомъ и Бюшингомъ происходило до лѣта 1762 года.

О графинѣ Лестокъ Бюшингъ въ своей автобіографіи отзывается съ величайшею похвалою. Она была урожденною баронессою Менгденъ, и, такъ какъ она присоединилась къ приходу св. Петра, Бюшингъ довольно часто видѣлся съ нею. Когда Бюшингъ, вслѣдствіе непріятностей съ графомъ Минихомъ, рѣшился покинуть свое мѣсто и Петербургъ, онъ нуждался въ денежныхъ средствахъ. Тѣмъ болѣе онъ былъ тронутъ благодѣяніемъ графини, которая однажды, собственноручно притащивъ въ квартиру Бюшинга мѣшокъ съ 500 цѣлковыхъ, положила этотъ подарокъ тайкомъ въ гостиной пастора. Чрезъ Бюшинга она отправляла въ Германію деньги родственникамъ мужа, нуждавшимся въ такой помощи.

Говоря о Бестужевѣ, Бюшингъ замѣчаетъ, что этотъ сановникъ при жизни Елисаветы Петровны возмечталъ о лишеніи Петра Ѳеодоровича права престолонаслѣдія, что императрица за эти интриги удалила его отъ двора и что при Петрѣ III онъ не могъ ожидать, чтобы государь, противъ котораго были направлены его интриги, помиловалъ его [1]). Бюшингъ говоритъ далѣе, что въ то время, такъ какъ были въ живыхъ Минихъ, Биронъ и Лестокъ, нельзя было считать вѣроятнымъ возвращеніе изъ ссылки Бестужева. За то,—продолжаетъ Бюшингъ,—Екатерина II тотчасъ же послѣ вступле-

[1]) См. мое соч. о Екатеринѣ II, стр. 85.

нія на престолъ пригласила его въ столицу, возвела въ званіе фельдмаршала и проч. Вскорѣ Бюшингъ имѣлъ случай познакомиться съ Бестужевымъ, часто обѣдалъ у него и охотно прислушивался къ его разсказамъ о его политической дѣятельности въ эпоху царствованія Елисаветы. Бестужевъ подарилъ Бюшингу нѣкоторыя медали, выбитыя въ память случившихся при немъ событій. Въ пользу училища св. Петра онъ пожертвовалъ 200 рублей. Когда Бюшингъ готовился къ путешествію въ Германію, Бестужевъ прислалъ женѣ пастора 80 бутылокъ вина и нѣкоторое количество англійскаго пива. Пріѣхавъ въ Германію, Бюшингъ распорядился было о напечатаніи сочиненія, въ которомъ были изображены вышеупомянутыя медали. Какъ только роскошное и изящное изданіе было окончено и въ нѣкоторомъ числѣ экземпляровъ отправлено чрезъ Любекъ въ Петербургъ, Бюшингъ получилъ извѣстіе о кончинѣ графа Алексѣя Петровича (480—481). Мы не имѣли случая видѣть это сочиненіе Бюшинга, о которомъ, впрочемъ, упомянуто авторомъ въ полномъ спискѣ его сочиненій (№ 28, «Abbildung und Erläuterung der gräflich-bestuschefscken Schaumünzen», Hamburg, 1765, gross 4).

Особенно благопріятенъ отзывъ Бюшинга о канцлерѣ Михаилѣ Илларіоновичѣ Воронцовѣ, который, какъ сказано въ автобіографіи нѣмецкаго пастора, между прочимъ, по случаю государственнаго переворота 1762 года, удостоился похвалы всѣхъ и каждаго открытымъ и честнымъ образомъ дѣйствій. Графиню Анну Карловну, рожденную Скавронскую, Бюшингъ хвалитъ какъ женщину, отличавшуюся прекраснымъ образованіемъ и любезностью нрава. Бюшингъ съ женою часто бывалъ у Воронцовыхъ въ гостяхъ. Однажды, отправляясь къ Воронцовымъ къ обѣду, Бюшингъ, котораго немного задержали кое-какія дѣла, опоздалъ и пріѣхалъ тогда, когда уже всѣ сидѣли за столомъ. Канцлеръ, узнавъ о пріѣздѣ Бюшинга и его жены, вышелъ къ нимъ навстрѣчу въ переднюю, усадилъ ихъ за столъ среди самыхъ знатныхъ лицъ и проч. Послѣ Бюшингъ узналъ, что дочь канцлера, графиня Строганова, должна была встать изъ-за стола и уступить свое мѣсто женѣ пастора. Послѣ обѣда Бюшингъ присутствовалъ при крестинахъ ребенка одного изъ слугъ Воронцовыхъ, причемъ графиня Анна Карловна была воспріемницею. Между гостями у Воронцовыхъ былъ и тайный совѣтникъ Сальдернъ, который по случаю кончины Петра III въ крайнемъ негодованіи покинулъ Россію, замѣтивъ при этомъ, что его и съ двѣнадцатью лошадьми не приманятъ обратно въ Петербургъ. Когда всѣ встали изъ-за стола, Бюшингъ подошелъ къ Сальдерну и сказалъ ему: «Ваше превосходительство благополучно вернулись въ Петербургъ на шестеркѣ?» — «Да, — возразилъ Сальдернъ, — времена измѣнились» (481—483). Извѣстно, впрочемъ, что Сальдернъ оставался однимъ изъ самыхъ опасныхъ ненавист-

никовъ Екатерины и вскорѣ послѣ ея кончины издалъ біографію Петра III, въ которой заключались самыя ожесточенныя нападки на императрицу.

Съ графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ Бюшингъ познакомился еще во время царствованія Петра III, чрезъ посредство историка Г. Ф. Миллера. И Панинъ, какъ другіе вельможи, не смотря на свое высокое положеніе, обращался съ Бюшингомъ не только снисходительно, но даже ласково и любезно. Бюшингъ хвалитъ не только умственныя способности Панина, но и его нравственную самостоятельность и выдержанность характера. Чрезъ Панина Бюшингъ былъ представленъ не только великому князю Павлу Петровичу, но и императрицѣ. Заключая свой разсказъ о сношеніяхъ съ Панинымъ, Бюшингъ замѣчаетъ: «Если вообще въ Россіи въ будущемъ не повторятся случаи вступленія на престолъ монарховъ путемъ революціи, то это должно будетъ приписывать тѣмъ правиламъ, которыя Панинъ успѣлъ внушить своему питомцу, великому князю Павлу Петровичу, любившему и уважавшему всѣмъ сердцемъ своего наставника... Если далѣе кто либо напишетъ исторію замѣчательнѣйшихъ дѣятелей Россіи, то онъ не забудетъ ни графа Никиты Ивановича Панина, ни его брата, завоевателя Бендеръ, отличавшагося честностью и прямотою» (483—485).

Еще до пріѣзда въ Россію, въ 1761 году, Бюшингу говорили, что знаменитый полководецъ, графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ, расположенъ въ пользу нѣмцевъ. Поэтому Бюшингъ искалъ случая представиться ему, неоднократно бывалъ у него и бесѣдовалъ съ нимъ о разныхъ предметахъ. Однажды, Бюшингъ въ разговорѣ съ Румянцевымъ выразилъ свое удивленіе тому обстоятельству, что въ Россіи генералы не пользуются особеннымъ почетомъ. «Вы совершенно правы, — отвѣчалъ знаменитый полководецъ, — въ то время, когда я былъ генеральсъ-адъютантомъ генералъ-фельдмаршала графа Мюнниха, я считалъ себя гораздо болѣе важнымъ лицомъ, чѣмъ теперь, хотя состою въ чинѣ генерала. Генералъ-фельдмаршалъ разыгрывалъ роль какъ бы государя; поэтому онъ позаботился о томъ, чтобы всѣ офицеры пользовались особеннымъ почетомъ при дворѣ, такъ что даже прапорщики имѣли значеніе. Теперь все измѣнилось. Мнѣ остается только сдѣлаться генералъ-фельдмаршаломъ, и очень легко можетъ случиться, что я, занимая такую должность, по истеченіи нѣкотораго времени, превращусь въ такой же нуль, какими сдѣлались другіе здѣшніе генералъ-фельдмаршалы». Бюшингъ воспроизвелъ эти замѣчанія Румянцева въ то время, когда, какъ и сказано въ «автобіографіи», буквально сбылось предсказаніе знаменитаго полководца, а именно во время второй турецкой войны, когда, въ 1788 году, соперничество между Потемкинымъ и Румянцевымъ повело къ удаленію послѣдняго отъ дѣлъ (485—487).

Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ еще до личнаго знакомства съ Бюшингомъ уважалъ въ немъ автора извѣстнаго сочиненія «Erdbeschreibung». Еще до возвращенія въ Россію изъ Германіи, гдѣ онъ командовалъ войсками во время Семилѣтней войны, онъ чрезъ двухъ полковниковъ, пріѣхавшихъ въ Петербургъ, велѣлъ передать поклонъ Бюшингу, причемъ благодарилъ его за его сочиненіе, которому онъ многимъ былъ обязанъ. По возвращеніи въ Россію Чернышевъ занялъ должность вице-президента военной коллегіи. Однажды Бюшингъ, проѣзжая мимо дома Чернышева, рѣшился зайдти къ нему. Не смотря на кучу дѣлъ и на толпу офицеровъ, окружавшихъ Чернышева въ эту минуту, замѣчательный вельможа, узнавъ о пріѣздѣ Бюшинга, принялъ его съ необычайнымъ радушіемъ, тотчасъ же познакомилъ его съ разными находившимися тутъ генералами, расхваливалъ капитальный трудъ Бюшинга и выразилъ готовность быть полезнымъ ему во всѣхъ отношеніяхъ и проч. (487).

Нѣсколько короче и менѣе интересны замѣчанія о генералъ-лейтенантѣ Фёлькерзамѣ, о генералѣ Ферморѣ и о братьяхъ Орловыхъ (488—489). Алексѣй Григорьевичъ Орловъ нѣсколько разъ бывалъ у Бюшинга по поводу помѣщенія одного русскаго мальчика въ училище, которымъ завѣдовалъ Бюшингъ.

Весьма выгоднаго мнѣнія Бюшингъ былъ о графѣ Эрнстѣ Мюнникѣ, сынѣ фельдмаршала. Въ автобіографіи сказано: «Эрнстъ Мюннихъ отличался многими добрыми качествами отца, не раздѣляя съ нимъ пороковъ. Во время ссылки отца, сынъ находился въ Вологдѣ и оттуда переписывался со мною о своемъ сынѣ, который былъ проѣздомъ у меня въ гостяхъ въ Гёттингенѣ. Образъ дѣйствій графа-фельдмаршала, отца Эрнста, со мною сильно не понравился ему. За нѣсколько дней до отъѣзда моего изъ Петербурга онъ вмѣстѣ со своею свояченицею, графинею Лестокъ, обѣдалъ у меня. Во время нашей бесѣды онъ замѣтилъ, между прочимъ, что Россія предъ другими государствами имѣетъ то важное преимущество, что управляется прямо и непосредственно самимъ Богомъ; иначе было бы немыслимо вообще существованіе Россіи» [1]).

[1]) Сношенія Бюшинга съ фельдмаршаломъ Мюннихомъ и его сыномъ не лишены значенія для источниковѣдѣнія исторіи Россіи XVIII вѣка. Такъ, напримѣръ, однимъ молодымъ ученымъ, г. Арведомъ Юргенсономъ, было указано на ту роль, которую игралъ Бюшингъ при изданіи извѣстныхъ мемуаровъ Мюнниха «Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement en Russie». Бюшингомъ были написаны подстрочныя замѣтки къ этому сочиненію. Мы заимствуемъ эти свѣдѣнія изъ неизданной кандидатской диссертаціи г. Юргенсона, въ которой, между прочимъ, доказано болѣе ясно, чѣмъ это было сдѣлано г. Щебальскимъ, что авторомъ примѣчаній къ запискамъ Манштейна былъ не кто иной, какъ Мюннихъ младшій. Нельзя не желать, чтобы результаты тщательныхъ изысканій г. Юргенсона были опубликованы.

Въ близкихъ и дружескихъ сношеніяхъ Бюшингъ находился съ вышеупомянутыми датскими дипломатами, графомъ Гакстгаузеномъ и Шумахеромъ. Довольно подробно Бюшингъ говоритъ о заслугахъ Шумахера въ дипломатическихъ сношеніяхъ между Россіею и Даніею при заключеніи болѣе или менѣе важныхъ договоровъ, напримѣръ, при обмѣнѣ Шлезвига и Гольштиніи на графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ (490—491). Достойны вниманія въ разсказѣ Бюшинга данныя объ уваженіи, которымъ Шумахеръ пользовался въ Россіи. Сношенія Бюшинга съ Шумахеромъ доставили ученому издателю сборника «Magazin für die neue Historie und Geographie» случай къ пріобрѣтенію разныхъ рѣдкостей, которыя Шумахеръ получилъ отъ графа Миниха и отъ историка Миллера и которыя затѣмъ отчасти были изданы Бюшингомъ.

Оканчивая разсказъ о своемъ пребываніи въ Россіи, Бюшингъ сообщаетъ нѣкоторыя любопытныя данныя о своемъ личномъ знакомствѣ съ императрицею Екатериною. Узнавъ о намѣреніяхъ Бюшинга покинуть Россію, государыня была очень недовольна. Между нею и Минихомъ даже происходило нѣкоторое объясненіе по этому предмету. Екатерина не понимала, какимъ образомъ Минихъ, послѣ того какъ онъ столь выгодно отзывался о Бюшингѣ, могъ сдѣлаться главною причиною удаленія достойнаго директора училища. Упреки императрицы до того сильно поразили стараго фельдмаршала, что онъ, сказавшись больнымъ, прервалъ бесѣду съ императрицею и уѣхалъ домой. Бюшингъ узналъ о частностяхъ этой сцены чрезъ генералъ-полицеймейстера Чичерина, который былъ свидѣтелемъ разговора императрицы съ Минихомъ.

21-мая мая, былъ день рожденія фельдмаршала. Бюшингъ поѣхалъ къ нему съ поздравленіемъ, и Минихъ не безъ нѣкотораго удовлетворенія говорилъ объ этомъ визитѣ графинѣ Лестокъ, которая при этомъ случаѣ упрекнула Миниха въ рѣзкости обращенія съ Бюшингомъ.

Между тѣмъ императрица заботилась о средствахъ удержать Бюшинга въ Россіи. По ея порученію, Тепловъ, какъ извѣстно, занимавшій въ то время видное мѣсто при академіи наукъ, пригласилъ къ себѣ Бюшинга и предложилъ ему мѣсто при этомъ учрежденіи, предоставляя ему назначить и кругъ дѣятельности, и размѣръ оклада. Къ тому же Тепловъ предложилъ Бюшингу отъ имени императрицы довольно важную льготу: всѣ его письма и пакеты, отправляемые за границу, должны были освобождаться отъ платы почтовыхъ денегъ. При обширной корреспонденціи Бюшинга, особенно въ то время, когда онъ былъ занятъ редакціею своего обширнаго труда о географіи, эта привиллегія представляла собою довольно значительную выгоду [1]). При этомъ Тепловъ выставлялъ на

[1]) Почтовая такса въ XVIII вѣкѣ была чрезвычайно высока; въ 1718 году, русскимъ дипломатамъ при иностранныхъ дворахъ давалось по нѣскольку сотъ

видъ, что карьера Бюшинга, при особенномъ расположеніи къ нему императрицы, будетъ блестящею. Однако Бюшингъ ни на что не соглашался, выставляя на видъ, что послѣ того, какъ весь приходъ тщетно умолялъ его не покидать мѣста пастора и директора, онъ не можетъ оставаться въ Петербургѣ. Тепловъ увѣрялъ Бюшинга, что императрица никому изъ ученыхъ не дѣлала столь выгоднаго предложенія при поступленіи въ академію, и, наконецъ, просилъ Бюшинга письменно изложить о поводахъ къ отклоненію предложенія императрицы. Бюшингъ обѣщалъ на другой день принести такую бумагу.

Явившись на другой день къ Теплову, Бюшингъ шутя сказалъ, что перемѣнилъ свое рѣшеніе и остается въ Петербургѣ, если будетъ назначенъ президентомъ академіи, полагая, что не нужно непремѣнно быть малороссійскимъ гетманомъ для занятія этой должности. (Въ то время президентомъ академіи былъ гетманъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій). Замѣтивъ удивленіе Теплова, Бюшингъ перестадъ шутить и передалъ ему бумагу, въ которой объяснялъ, почему не можетъ оставаться въ Россіи.

Нѣсколько дней спустя, Тепловъ, опять пославъ за Бюшингомъ, показалъ ему записку императрицы слѣдующаго содержанія: «Я хочу поговорить съ Бюшингомъ до его отъѣзда. Я рада его выдержанности и что онъ остается при своемъ прежнемъ рѣшеніи; однако, спроси этого честнаго человѣка, возвратится ли онъ въ Петербургъ, если бы я его пригласила сюда»? Бюшингъ объявилъ, что легче можетъ пріѣхать другой разъ, нежели оставаться теперь. Затѣмъ Бюшингъ узналъ чрезъ графа Сиверса, что императрица намѣревалась поговорить съ нимъ о разныхъ предметахъ, между прочимъ, и о фельдмаршалѣ Мюнихѣ. Сиверсъ совѣтовалъ Бюшингу въ бесѣдѣ съ Екатериною говорить смѣло и открыто и отвѣчать обстоятельно на всѣ вопросы государыни. Желая избѣгнуть разговора о Мюнихѣ, Бюшингъ устроилъ дѣло такимъ образомъ, что аудіенція происходила тогда, когда императрица была очень занята и могла удѣлить на бесѣду съ Бюшингомъ лишь нѣсколько минутъ.

Благодаря этому, аудіенція была краткою. Панинъ представилъ Бюшинга Екатеринѣ и удалился тотчасъ же. Императрица была окружена нѣкоторыми фрейлинами. Она предложила Бюшингу нѣсколько вопросовъ: долго ли онъ прожилъ въ Россіи? какимъ путемъ онъ намѣренъ возвратиться въ Германію? сколько лицъ составляютъ его семейство? и проч. Наконецъ, императрица выразила надежду на возвращеніе Бюшинга въ Россію въ случаѣ пригла-

---

тогдашнихъ рублей на покрытіе почтовыхъ издержекъ, причемъ нужно принять во вниманіе, что тогдашній рубль равнялся 8—10 рублямъ нынѣшнимъ. См. мою статью «Russisches Postwesen im 17 und 18 Jahrhundert» въ «Zeitschrift für allgemeine Geschichte», 1884, стр. 901—902.

шенія съ ея стороны. Бюшингъ ничего не возразилъ на это, поцѣловалъ руку государыни и удалился (491—495).

Отдавая послѣдній визитъ фельдмаршалу Миниху, Бюшингъ не былъ принятъ. Графа не было и въ церкви, когда Бюшингъ проповѣдовалъ въ послѣдній разъ. Ему, вѣроятно, хорошо было извѣстно, въ какой степени всѣ члены прихода сожалѣли объ отъѣздѣ Бюшинга [1]). Ни онъ, ни его супруга не отдали послѣдняго визита Бюшингу, у котораго при этомъ случаѣ побывали многія знатныя лица.

Покинувъ Россію лѣтомъ 1765 года, Бюшингъ болѣе туда не возвращался. Онъ, однако, до своей кончины, т. е. безъ малаго тридцать лѣтъ, слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ за всѣми событіями, происходившими въ этомъ краѣ, гдѣ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, занимая видное мѣсто въ петербургскомъ обществѣ и состоя въ личныхъ сношеніяхъ со многими замѣчательными лицами. Любовь къ наукѣ заставляла его не покидать до гроба занятій исторіею и географіею Россіи. Каждый томъ издаваемаго имъ сборника «Magazin für neue Historie und Geographie» заключаетъ въ себѣ драгоцѣнные матеріалы для изученія состоянія и развитія Россіи. Значеніе Бюшинга въ ряду ученыхъ, посвящавшихъ свои силы и свое время изученію русской исторіи, и нѣкоторыя данныя для характеристики важнѣйшихъ историческихъ лицъ того времени, встрѣчающіяся въ автобіографіи этого труженика, побудили насъ обратить вниманіе читателей на этотъ памятникъ.

А. Брикнеръ.

---

[1]) См. объ этомъ сочиненіе Леммериха, I, стр. 177—186.

СВАДЕБНЫЙ БУНТЪ [1].

Историческая повѣсть.

(1705 г.).

XXXVIII.

Прошло лѣто. Наступила осень, тоже прошла. Начиналась уже зима. Въ Астрахани было все попрежнему тихо. Дѣла государскія и дѣла торговыя шли своимъ порядкомъ. Все обстояло благополучно, хотя главная власть надъ всѣмъ краемъ была попрежнему въ рукахъ самодѣльнаго воеводы и бунтаря Носова.

Въ началѣ зимы сталъ ходить слухъ, что въ Астрахань прибудетъ гонецъ отъ царя, съ увѣщательными грамотами отступиться отъ бунта. Носовъ и товарищи только посмѣивались и говорили:

— Ладно. Поторгуешься! Только врядъ ли сойдемся!

Въ самый новый годъ дѣйствительно явился въ Астрахань гонецъ съ небольшой свитой изъ московскихъ подьяковъ и стрѣльцовъ. Носовъ и его сподвижники немало удивились, узнавъ, кто былъ этотъ гонецъ. Немало удивилась и вся Астрахань.

Впрочемъ, если посадскій Носовъ былъ воеводой, а бунтарь стрѣлецъ Быковъ главнымъ военноначальникомъ, а донской казакъ

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXIV, стр. 522.

Зиновьевъ воеводскимъ товарищемъ и разные другіе темные люди стали «властными» людьми, то почему же бы и этому человѣку за эти смутныя времена не попасть въ царскіе гонцы тоже изъ простыхъ посадскихъ людей.

Посолъ, прибывшій изъ столицы государевымъ уполномоченнымъ съ грамотой и порученіемъ утишить волненіе, прекратить колебаніе умовъ, водворить порядокъ, убѣдить бунтовщиковъ просить прощеніе въ своихъ винахъ и всѣмъ, кто смирится, объявить царскую милость, былъ посадскій Кисельниковъ. Онъ имѣлъ отъ самого царя власть казнить и миловать!

Покуда Носовъ правилъ краемъ, Кисельниковъ, пробывъ въ Астрахани только одинъ мѣсяцъ, еще осенью уѣхалъ. Онъ задался мыслью дойдти до самого царя, самому ему лично разсказать все и принести жалобу на смертоубійство своего зятя, погибшаго при защитѣ кремля отъ бунтовщиковъ.

Царь милостиво принялъ астраханца; подробно разспросивъ все, узналъ также хорошо, какъ если бы самъ присутствовалъ при іюльской смутѣ. И вотъ этотъ же самый посадскій «законникъ» былъ посланъ царемъ обратно на родину съ увѣщательнымъ письмомъ.

Однако, чтобы посадскому добраться черезъ Москву въ Митаву, а изъ Курляндіи пріѣхать обратно въ Астрахань, понадобилось четыре мѣсяца. Около 1-го сентября, посадскій двинулся съ своей жалобой къ царю и только къ новому году вернулся уполномоченнымъ обратно въ Астрахань. Кисельниковъ, разумѣется, вернулся теперь другимъ человѣкомъ.

— До него рукой не достанешь,—говорили нѣкоторые, повидавшись и побесѣдовавши съ прежнимъ пріятелемъ.

Кисельниковъ какъ бы не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на бунтовщицкія власти и на существованіе въ городѣ воеводы Носова. Онъ отнесся прямо къ митрополиту Самсону. Вмѣстѣ съ митрополитомъ, при дѣятельномъ участіи Дашкова, они собрали коекого изъ знатныхъ астраханскихъ людей, кое-кого изъ стрѣльцовъ и посадскихъ. Оказалось черезъ нѣсколько дней, что въ Астрахани, всетаки, есть немало всякихъ обывателей, которые нетерпѣливо ждутъ конца бунтовщицкаго управленія.

Люди эти, хотя и не имѣли причины жаловаться, потому что все было въ порядкѣ, но, тѣмъ не менѣе, желали, чтобы въ краѣ поскорѣе снова были настоящія власти.

Черезъ десять дней по пріѣздѣ Кисельникова, въ кремлѣ въ соборѣ и въ домѣ митрополита собралось немало всякихъ граждань, немало и простаго народа. Въ соборѣ былъ отслуженъ молебенъ о здравіи государя, а затѣмъ митрополитъ сталъ приводить къ присягѣ лицъ, желающихъ заявить или о своей непринадлежности къ бунту, или о своей «отсталости» и покаяніи. Воевода Носовъ, его сподвижники и его войско изъ охотниковъ, именовавшее

себя стрѣлецкимъ, не вступались ни во что и не мѣшали тому, что дѣлали и творили митрополитъ съ царскимъ гонцомъ.

Когда же, наконецъ, Кисельниковъ явился къ Носову убѣждать принести покаяніе въ своихъ винахъ и просить прощенье, убѣждая, что царь положитъ гнѣвъ на милость, Носовъ отвѣчалъ только шутками да прибаутками.

— Ты насъ брось, — окончательно отвѣтилъ Носовъ Кисельникову. — Не тревожь. Дѣла у насъ много, полонъ ротъ. Некогда изъ пустаго въ порожнее переливать. Вы съ митрополитомъ да съ Дашковымъ разводите себѣ турусы на колесахъ. Я васъ не трону, потому что вы мнѣ — плевать!

— Да вѣдь ты пропадешь! Вѣдь царь войско пришлетъ усмирять васъ, — сказалъ Кисельниковъ.

— Ладно, еще покуда пришлетъ, да еще покуда придутъ войска его. Да еще дойдутъ ли сюда?

— А какже это не дойдти?

— Да вѣдь до насъ надобно черезъ многихъ другихъ, черезъ донскихъ и гребенскихъ казаковъ идти. Прежде ихъ надо будетъ усмирять. Мы-то уже послѣдніе будемъ. Покуда до насъ дойдетъ чередъ, отъ войска-то царева не останется ничего.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Просто... Которыхъ казаки перебьютъ въ битвахъ, а которые образумятся сами и, бросивъ своихъ полковниковъ и старшинъ, къ намъ перейдутъ за святое дѣло стать...

— Царскія-то войска?.. На бунтовщичью сторону станутъ? — изумился Кисельниковъ. — Что ты, Грохъ, балясничаешь? Потѣхи ради болтаешь языкомъ, или мороки ради? Такъ меня вѣдь тебѣ не обморочить.

Грохъ слегка пожалъ плечами и не отвѣчалъ. Лицо его было серьёзно, но спокойно и ясно.

Послѣ минутной паузы, Кисельниковъ заговорилъ уже иначе, и въ голосѣ его сказывалось что-то другое: смѣсь любопытства съ крайнимъ изумленіемъ. Посадскій «законникъ», какъ человѣкъ пожилой, бывалый и неглупый, былъ несказанно пораженъ этимъ спокойствіемъ и этой самоувѣренностью, которыя увидѣлъ въ самозванномъ воеводѣ. Всякій бунтарь, по мнѣнію Кисельникова, долженъ бы былъ швыряться, грабить, смертоубійствовать и вообще всякую горячку пороть. А Грохъ что дѣлаетъ? Сидитъ воеводой и страной Астраханской правитъ. Никого не грабитъ, всѣмъ судъ равенный чинитъ. Кисельникову это показалось вдругъ какъ-то еще обиднѣе, еще болѣе озлобило въ немъ его любовь къ законности и уваженіе къ властямъ.

— Ну, инъ быть по-твоему! Ладно, — выговорилъ вдругъ Кисельниковъ: — порѣшимъ мы на словахъ, что все царское войско сгибло въ пути, что казаки, аль калмыки да нагаи все войско

расшибли и въ Волгѣ аль въ Донѣ потопили. Все это, Грохъ, на прикладъ, по твоему прошенью да по щучьему велѣнью, потрафилось. Что жъ тогда будетъ? Послѣ?

— Когда? Какъ войска-то разбѣгутся? Ничего. Чему же быть...

— У васъ-то что здѣсь будетъ? Будешь ты сидѣть воеводой и править всю жизнь?

— Вѣстимо. Весь край успокою. Гребенскихъ и донцевъ, можетъ, еще лѣтъ чрезъ пять припишу къ Астрахани. Округу преувеличу. И впрямь царство Астраханское будетъ!—выговорилъ Носовъ съ увлеченьемъ, и глаза его блеснули ярче.

— А самъ будешь царемъ?—разсмѣялся Кисельниковъ.

— Не царемъ, а правителемъ...

— Безъ властей, безъ законовъ, безъ суда, безъ повытій, безъ дьяковъ...

— Все у насъ есть такое... Давно.

— Да вѣдь все разбойное, самозванное, грабительское.

— Мы никого не грабимъ. У насъ, самъ видишь, какъ тихо и повадливо для всякаго жителя.

— Такъ ты и будешь вѣкъ править?—изумляясь, выговорилъ Кисельниковъ.

— Вѣстимо!

— Да нешто это можно, чтобы земля стояла безъ царя, иль хоть безъ хана, безъ гирея или султана,—то-есть безъ властей?

— Мы—власти!—убѣдительно вымолвилъ Грохъ.

— Кто васъ поставилъ?—воскликнулъ посадскій.

— Сами мы себя поставили.

— Стало быть, и вѣнчаться у васъ молодыя пары будутъ сами, безъ священника! И указы будутъ писаться: «По его Носовскому величеству»!.. внѣ себя уже отъ пыла и раздраженья кричалъ Кисельниковъ.

— Будемъ писать: «По указу воеводы астраханскаго»... Да ты, умный человѣкъ, какъ полагаешь, первую-то власть кто на землѣ поставилъ, ну, послѣ потопа, что ли... Царь, что ли, какой? Такъ ихъ не было...

— Первую власть, отъ коей все происхожденье всѣхъ властей, Богъ поставилъ, Грохъ. Отъ благословенья Божьяго и устава Господняго онѣ пошли, а не отъ бунта...

— Нѣтъ, милый человѣкъ, это такъ сказывается,—усмѣхнулся Носовъ:—первая власть пошла отъ того, что одинъ человѣкъ уродился сильнѣе, хитрѣе и удалѣе всѣхъ прочихъ. Вотъ онъ ихъ подъ себя и подобралъ, и понасѣлъ на всѣхъ.

Кисельниковъ вытаращилъ глаза и долго глядѣлъ на Гроха, но ни слова не могъ произнести. Ему казалось, что предъ нимъ не тотъ посадскій Носовъ, котораго онъ прежде зналъ, а совсѣмъ иной человѣкъ, будто бѣсомъ какимъ одержимый.

— Ослѣпленіе-то какое на себя напустилъ,—со вздохомъ проговорилъ наконецъ Кисельниковъ.—Возмыслилъ себя чуть не равнымъ царю русскому, потому что удалось перебраться изъ своего дома въ воеводскій домъ. Благо, некому его наладить въ шею отсюда,—у него умъ за разумъ зашелъ. Вѣдь ты погубишь себя, Грохъ, помрешь лобной смертью.

— Лучше, пріятель,—отозвался Носовъ:—помереть этой лобной смертью, нежели той, какой царь померъ. Я помру тѣломъ, а онъ уже померъ душой. Мы тутъ присягу принимали постоять за правду и за христіанскую вѣру. Дѣло это великое, божеское, и не мы одни въ Астрахани стоимъ за него. Есть у меня грамоты со всей Россіи. Вотъ вчера еще пришла грамота отъ красноярскаго воеводы и еще грамота отъ нѣкоего столпа вѣры истинной, взывающаго ко мнѣ отъ всѣхъ сущихъ христіанъ. Нѣтъ, пріятель, насъ одолѣть мудрено, хотя бы и московскимъ войскамъ. Не я тутъ одинъ Яковъ Носовъ съ товарищи. Не во мнѣ дѣло и не во мнѣ сила. Я что! Я червь! Да дѣло-то мое великое всероссійское и всехристіанское. Уѣзжай себѣ съ Богомъ обратно, холи не хочешь самъ образумиться. Вы всѣ пропащіе люди, обольстила васъ власть московская лаской своей лукавой, а тамъ, смотри, и полатынитъ васъ. Не мы, а вы пропали заживо и душой, и тѣломъ. Ну, да Богъ тебѣ помощь. Уѣзжай отсюда. Видишь, тебѣ здѣсь дѣлать нечего. Кромѣ митрополита да разныхъ поповъ и монаховъ съ сотней боярскихъ и дворянскихъ обывателей, никто за тебя здѣсь не станетъ. Поѣзжай, поклонъ нашъ вези царю. Управляйтесь вы тамъ, какъ знаете, съ вашими князьями и боярами, обращайте всѣхъ въ нѣмецкую или магометову вѣру, дѣлите всю землю православную на сколько хотите частей. Ваше дѣло! А тамъ весной увидимся. На весну и мы къ вамъ съ Божьей помощью будемъ. Вотъ тебѣ мое послѣднее слово.

Кисельниковъ слушалъ длинную рѣчь Носова съ терпѣніемъ и сожалѣніемъ, но подъ конецъ не выдержалъ, вспылилъ снова и вскрикнулъ:

— Кто вы? куда будете?

— Кто такіе мы, увидишь тогда. Много насъ будетъ. Воеводы изъ разныхъ городовъ прикаспицкихъ, пріазовскихъ, приволжскихъ и другихъ. А съ нами войска наши вѣрныя. И придемъ мы къ вамъ на Москву, чтобы вы, христопродавцы и отъ вѣры безбожные отступники, отвѣтъ передъ нами держали во всѣхъ своихъ винахъ.

Носовъ взволновался, замолчалъ и, махнувъ рукой, отвернулся.

Кисельниковъ тоже замолчалъ. Ему показалось, что между нимъ и самозваннымъ воеводой разверзлась какая-то пропасть. Не только столковаться, но и понять другъ друга они не могутъ. Носовъ показался Кисельникову совсѣмъ безумнымъ, вотъ изъ тѣхъ, что на цѣпь сажаютъ.

Черезъ нѣсколько дней Кисельниковъ, ничего не сдѣлавши и не устроивши, обойдясь только однимъ молебномъ въ соборѣ да присягой нѣсколькихъ лицъ на вѣрность государю, выѣхалъ въ столицу съ пустыми руками.

XXXIX.

Наступилъ февраль мѣсяцъ... Новый воевода продолжалъ переписываться съ другими самозванными воеводами другихъ посадовъ и городовъ. Въ половинѣ февраля, пріѣхалъ гонецъ отъ черноярскихъ стрѣльцовъ съ просьбой о помощи, такъ какъ на нихъ уже идетъ войско подъ предводительствомъ князя Хованскаго.

Носовъ, конечно, долженъ былъ отказать въ этой помощи. У него у самого было не болѣе тысячи человѣкъ самодѣльной рати, на которую онъ могъ положиться. Не бросать же городъ и идти помогать черноярцамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Носовъ былъ угрюмъ и сумраченъ.

Если на Черный Яръ уже идетъ войско, то на Астрахань тоже надо ждать.

Воевода собралъ совѣтъ изъ своихъ ближайшихъ помощниковъ. Сошлись все тѣ же Зиновьевъ, Быковъ, Колосъ и другіе. Только Лучки Партанова не оказалось на лице. И тутъ въ первый разъ одинъ изъ коноводовъ горячо сталъ усовѣщевать бросить бунтъ, загодя покаяться въ своихъ винахъ и просить прощенья, чтобы не погибнуть. Это былъ Колосъ.

Носовъ былъ изумленъ и смущенъ рѣчами давняго друга Колоса. Онъ считалъ его умнымъ, хотя и не умнѣе себя, но дальновиднѣе и хитрѣе.

— Ты, знать, почуялъ что?—сказалъ онъ.—Вѣсти имѣешь или нюхомъ чуешь? Говори.

— Нюхомъ чую, Яковъ Матвѣевъ. Да и вѣсти имѣю,—отозвался Колосъ.

— Какія?

— Что мнѣ тебя зря пугать. Самъ скоро узнаешь. Можетъ,—враки. Можетъ, кто слухъ пустилъ по городу, вотъ также, какъ мы надысь пускали про учуги да про обозъ съ нѣмцами. Обожди мало, самъ узнаешь.

И Колосъ ни за что не захотѣлъ сказать, какія причины побудили его измѣнить свой образъ мыслей. Между тѣмъ причины были какъ личныя, такъ и болѣе важныя.

Тѣ же причины подѣйствовали и на другаго отсутствовавшаго коновода всего бунта.

Лучка Партановъ былъ дѣятельнымъ сподвижникомъ Носова только до половины зимы. Повидавшись и побесѣдовавъ съ пріѣз-

жавшимъ Кисельниковымъ, Лучка будто перемѣнился, сталъ рѣже бывать въ воеводскомъ правленіи и сталъ отклоняться отъ порученій Носова. Наконецъ, вскорѣ послѣ отъѣзда Кисельникова, Партановъ взялъ жену и выѣхалъ въ гости къ своему пріятелю, который еще со дня своей свадьбы бросилъ Астрахань и ни единаго разу съ тѣхъ поръ не навѣдался.

Барчуковъ съ женой жилъ съ тѣхъ поръ на хуторѣ Кичибурскаго Яра. За это время много воды утекло въ мирной жизни хутора. Ватажникъ Климъ Егоровичъ Ананьевъ приказалъ долго жить еще въ концѣ октября мѣсяца. Барчуковъ сталъ полнымъ хозяиномъ всѣхъ учуговъ и всего имущества и былъ уже самъ въ числѣ ватажниковъ астраханскихъ. Нетерпѣніе часто брало молодаго ватажника побывать въ городѣ и въ домѣ, но онъ далъ себѣ слово обождать и даже ноги не поставить туда, пока не заведутся настоящіе государевы порядки.

Такъ какъ Кичибургскій Яръ былъ на дорогѣ между Астраханью и Царицынымъ, то посадскій Кисельниковъ, проѣзжавшій въ качествѣ гонца, оба раза останавливался у Барчукова. Бесѣда съ гонцемъ еще болѣе побудила Барчукова обождать переселяться въ свой городской домъ.

— Повѣрь мнѣ, молодецъ,—сказалъ Кисельниковъ, уѣзжая отъ Барчукова, уже на обратномъ пути къ Москвѣ: — повѣрь, что скоро всей смутѣ конецъ будетъ. Желаю я тебѣ и хозяйкѣ, чтобы крестины твоего первенца уже были въ городѣ, въ ватажническомъ дому.

Вскорѣ послѣ проѣзда Кисельникова, явился въ Кичибурскій Яръ первый другъ хозяина, Лучка Партановъ. Барчуковъ хорошо помнилъ, что онъ былъ всѣмъ обязанъ хитрому и ловкому Лучкѣ. Не подружись они когда-то, сидя въ ямѣ, во тьмѣ кромѣшной, не пусти Лучка свой диковинный слухъ по городу о нѣмцахъ и не ошалѣй астраханцы до того, что болѣе сотни свадебъ сыграли въ одно утро, — не видать бы Барчукову своей Варюши какъ ушей.

За все время еще осенью двѣ пріятельницы, т. е. Варюша и Дашенька, случайно вышедшія теперь замужъ за двухъ пріятелей, постоянно имѣли сношенія. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ Дашенька даже пріѣзжала въ гости къ своей пріятельницѣ съ порученіемъ отъ мужа и приглашеніемъ въ городъ. Барчуковъ тогда наотрѣзъ отказался и отъ пріѣзда, и отъ той должности стрѣлецкаго сотника, которую ему предлагалъ воевода Носовъ.

Теперь времена пришли иныя, роли перемѣнились. Партановъ съ женой пріѣхалъ въ Кичибурскій Яръ, и при радостной встрѣчѣ послѣ долгой разлуки Барчуковъ узналъ, что его гость пріѣхалъ къ нему совсѣмъ на житье, отставши отъ бунта. И двѣ молодыхъ парочки зажили смирно и весело въ полусотнѣ верстъ отъ Астрахани.

Немного собственно прошло времени съ тѣхъ поръ, что прежній батракъ Провъ Куликовъ вернулся въ Астрахань съ своимъ настоящимъ именемъ, а Лучка пьяный дрался и буянилъ на улицахъ и базарахъ, а много воды утекло. Теперь былъ уже на свѣтѣ богатый ватажникъ Барчуковъ и совершенно остепенившійся, задумчивый и часто усиленно обдумывающій пріятель его, Лукьянъ Партановъ. Думы его теперь отъ зари до зари сводились именно къ этой кличкѣ, которую онъ носилъ.

— Какой я Партановъ!—говорилъ онъ теперь другу.—Я Дондукъ-Такіевъ, да и князь. И не мытьемъ, такъ катаньемъ, а добуду ужъ я свое законное именованіе, и будетъ моя Дашенька княгиней.

Часто пріятели и жены ихъ вспоминали недавнее прошлое, какъ всѣ готовились на всякое погибельное дѣло, даже на преступленья. Барчуковъ вспоминалъ, какъ они втроемъ у Носова клятву приносили и образъ Божіей Матери цѣловали.

— И спасибо, все, слава Богу, безъ кровопролитія и смертоубійствъ потрафилось!—говорилъ Барчуковъ.

— А вѣдь не отнялъ бы ты меня у Бодукчеева или иного какого чрезъ убійство?—разсуждала Варюша.—Плохо я этому вѣрю. Да я-то съ Лукьяномъ на все была согласна—и бѣгать, и рѣзать, и бунтовать на улицѣ. Ужъ именно спасибо, что не пришлось.

Часто и все чаще доходили слухи до хутора, гдѣ жили двѣ пары молодыхъ супруговъ, и отъ проѣзжихъ изъ подмосковныхъ городовъ, и отъ всякихъ шатуновъ и бѣгуновъ, о томъ, что на бунтующую Астрахань царь уже выслалъ сильное войско, подъ начальствомъ большаго и знатнаго боярина.

— Эхъ, давай-то Богъ, Дашенька моя, чтобы то была правда и чтобы затѣя моя выгорѣла!—восклицалъ Лукьянъ не только днемъ, но даже иногда и среди ночи.

— Да что ты надумалъ?—спрашивала жена.

— Не могу сказать... Зачѣмъ мнѣ тебя зря обнадёживать? Выгоритъ—узнаешь.

Мирная жизнь Барчуковыхъ и Партановыхъ на хуторѣ продолжалось недолго.

Вскорѣ разнесся слухъ о приближеніи многочисленнаго царскаго войска, а затѣмъ не прошло и двухъ недѣль, какъ въ томъ же Кичибурскомъ Ярѣ стало многолюдно, на видъ диковинно и страшно. Окрестная степь давнымъ-давно не видала ничего подобнаго.

Въ Кичибурскомъ Ярѣ стояло огромное войско подъ командой самого фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева. Будь хорошіе вѣстовщики у Носова, то онъ, конечно, давно бы зналъ уже, что, если царь отправилъ на черноярцевъ полкъ или два подъ командой князя Хованскаго, то на Астрахань уже идетъ десятокъ полковъ подъ командой самого фельдмаршала.

Шереметевъ помѣстился на хуторѣ астраханскаго ватажника Барчукова въ уступленныхъ ему горницахъ, а хозяева перебрались въ маленькій сарайчикъ, такъ какъ на дворѣ уже наступила весна и становилось тепло.

Пробывъ нѣсколько дней, войско двинулось далѣе, въ урочище Коровьи Луки, ближе къ Астрахани. Тутъ явилась къ нему депутація, выборные люди изъ города, бояре, стрѣлецкіе пятидесятники и десятники, посадскіе люди и во главѣ ихъ архимандритъ и Георгій Дашковъ. Вмѣстѣ съ ними было болѣе сотни всякихъ инородцевъ: армяне, индѣйцы, бухарцы, юртовскіе татары и другіе. Большая часть этихъ людей явилась просить прощенья. Это были люди, уже отставшіе отъ Носова. Дашковъ объявилъ фельдмаршалу, что городъ какъ бы раздѣлился пополамъ. Одни хотятъ нести повинную, или просто просить защиты отъ бунтовщиковъ, къ которымъ никогда и не приставали. Другіе хотятъ защищать городъ и вступить въ сраженіе съ войсками.

Разумѣется, если бы фельдмаршалъ захотѣлъ, то съ своимъ многочисленнымъ, хорошо вооруженнымъ и бодрымъ войскомъ могъ бы взять Астрахань приступомъ въ одинъ мигъ. Но онъ не хотѣлъ этого. Его цѣль была усмирить городъ тихо, получить добровольную сдачу и не тратить людей.

Еще въ Кичибурскомъ Ярѣ молодой малый изъ простыхъ горожанъ или посадскихъ очень приглянулся фельдмаршалу. Умный и бойкій молодецъ рѣчистый, даровитый, пробесѣдовалъ вечера три съ Шереметевымъ и, наконецъ, вызвался быть ему въ помощь, начать орудовать, отвѣчая за успѣхъ. Это былъ, конечно, Лучка Партановъ.

Фельдмаршалъ, заинтересовавшись молодцомъ, подробно вывѣдалъ, что это за человѣкъ, откуда родомъ. Онъ узналъ, что Лучка, не разъ наказанный розгами за буйство, сидѣвшій даже въ ямѣ съ колодниками, участвовавшій дѣятельно въ бунтѣ, былъ астраханскій обыватель, приписной къ третьему разряду. Но этотъ «гулящій человѣкъ» былъ вмѣстѣ съ тѣмъ настоящаго ханскаго или княжескаго роду инородецъ, мечтающій снова называться своимъ законнымъ прирожденнымъ именемъ.

Этотъ молодецъ брался отправиться въ Астрахань, начать тамъ орудовать также ловко, какъ когда-то, въ іюлѣ, и обдѣлать мудреное дѣло, постараться, чтобы Астрахань сдалась мирно, безъ кровопролитія. Инородецъ брался за это дѣло! А фельдмаршалъ, глядя на него, почему-то чуялъ, что молодецъ не вретъ и многое можетъ сдѣлать.

Теперь уже въ Коровьихъ Лукахъ Шереметевъ, узнавъ отъ выборныхъ людей, отъ Дашкова и отъ всѣхъ пришедшихъ съ повинной, что самозванныя власти рѣшились запереться, снова вспомнилъ о своемъ посланцѣ и, всетаки, надѣялся.

Лучка былъ уже въ городѣ и орудовалъ. И въ этой самой кучкѣ стрѣльцовъ, пришедшихъ сюда съ повинной, былъ одинъ молодой малый, передавшій фельдмаршалу не то грамотку, не то писулю.

Писуля была отъ Партанова и объясняла, что все идетъ на ладъ, что съ Божьей помощью онъ мирно передастъ городъ фельдмаршалу изъ рукъ въ руки.

Прочитавъ эту писулю, писанную какимъ нибудь подьячимъ, Шереметевъ не принялъ ее за хвастовство. Ему опять почудилось, что пролазъ-молодецъ, у котораго въ глазахъ горитъ столько огня, не можетъ лгать, что дѣйствительно изъ его хлопотъ и дѣйствій произойдетъ толкъ.

На приглашеніе Дашкова и архимандрита идти немедленно приступомъ на городъ фельдмаршалъ отвѣчалъ отказомъ.

— Зачѣмъ спѣшить! — сказалъ онъ. — Поспѣшимъ, людей насмѣшимъ. А то хуже еще, его царское величество прогнѣваешь.

Однако, по утру войско снова двинулось впередъ, и 11-го марта утромъ фельдмаршалъ уже былъ на Балдинскомъ островѣ, всего въ двухъ верстахъ отъ Астрахани. Отсюда послалъ онъ увѣщательное письмо къ самозваннымъ властямъ города, объявляя, что оно уже послѣднее.

Здѣсь фельдмаршалъ снова получилъ маленькую писулю. Ее принесъ крошечный человѣкъ съ болѣзненнымъ видомъ, нѣкто Васька Костинъ, разстрига. Писалъ опять тотъ же Партановъ. Онъ предувѣдомлялъ фельдмаршала, что, если тотъ увидитъ зарево и страшное пожарище, чтобы, нимало не медля, отряжалъ хоть одинъ полкъ занять загородный Ивановскій монастырь, такъ какъ въ немъ находится много провіанту, который можетъ пригодиться войску и который, по неволѣ брошенный бунтовщиками, предполагалось сжечь.

— Молодецъ, ей-Богу, молодецъ, — подумалъ про себя фельдмаршалъ.

— Ну, да и я его удивлю, когда онъ мнѣ все ладкомъ справитъ, — рѣшилъ Шереметевъ мысленно.

XL.

Въ ночь на 12-е марта, полъ-неба зардѣлось пурпуромъ отъ громаднаго пожара... Далеко по всей степи и по Каспійскому морю освѣтило страшное зарево испуганныхъ путниковъ и караваны, двигавшіеся по талому весеннему снѣгу голой степи, и корабли, качавшіеся на волнахъ простора морскаго... Московское войско, стоявшее на привалѣ у Балдинскаго острова, тоже освѣтилось какъ днемъ, сіяя оружіемъ и амуниціею.

Воевода Носовъ, видно, не унывалъ или ужъ совсѣмъ голову потерялъ... Былъ его указъ зажечь всѣ слободы вокругъ города, чтобы все сгорѣло дотла, кругомъ вала и стѣнъ кремля... И все запылало, сразу подожженное съ концовъ по вѣтру... Горѣла богатая Стрѣлецкая слобода и ея старинный деревянный храмъ, горѣла Армянская слобода съ своей новой, какъ съ иголочки, церковью, горѣли инородческія слободы: Хивинская, Калмыцкая, Юртовская и другія, вмѣстѣ съ молельнями, мечетями и запасными сараями, гдѣ былъ кое-какой товаръ.

Въ разгаръ пожара, около полуночи, воевода поднялся на соборную колокольню, высившуюся среди кремля, зловѣще сверкающаго теперь какъ днемъ отъ окружающаго его краснаго моря огня и полымя... Только густой и удушливый дымъ, сизыми столбами причудливыхъ очертаній, клубился и несся чрезъ церкви и кресты кремлевскіе, улетая къ Каспію...

Грохъ, освѣщенный пожарищемъ, былъ одинъ на колокольнѣ, блѣдный и гнѣвный, и тоже зловѣще улыбался, оглядываясь на всѣ слободы, будто купающіяся въ волнахъ дыма и огня.

— Будете Якова Носова помнить!—шепталъ онъ.—Восемь мѣсяцевъ повластвовалъ... Не долгонько. А стань они всѣ какъ единъ человѣкъ? Всѣ!—и терскіе, и гребенскіе, и донскіе... Что бы тутъ подѣлалъ твой фельдмаршалъ? Вся сила ваша въ томъ, что не-люди мы... Нѣтъ, не-люди. Твари мы подлыя, слабодушныя... Присягаемъ крѣпко стоять другъ за друга, а чуть что... душа въ пятки. Да и есть ли въ нихъ душа? Нѣту! А во мнѣ она есть. Да! Есть она вотъ тутъ... во мнѣ,—живая душа, которой вамъ не взять, не казнить... Голову снимете и возьмете. А душа изъ вашихъ рукъ уйдетъ къ Господу... И отвѣтъ будетъ держать предъ Нимъ. И не побоится сего отвѣта...

Носовъ взлѣзъ на колокольню не для того, чтобы просто поглазѣть, а чтобы убѣдиться въ оплошности или въ измѣнѣ своихъ. Тревожная вѣсть двинула его сюда. Онъ надѣялся долго держаться въ городѣ и держать голодныхъ москвовцевъ предъ голыми стѣнами. Тамъ, за городомъ, въ Ивановскомъ монастырѣ, были всѣ сараи съ хлѣбомъ, зерномъ и всякимъ провіантомъ, который онъ не успѣлъ перевезти въ городъ.

Носовъ приказалъ еще утромъ все сжечь, а ему доложили теперь, что монастырь и сараи не горятъ. Либо свои молодцы сплоховали, либо просто предали его боярину Шереметеву.

Носову, проглядѣвшему теперь на монастырь всѣ глаза, почудилось даже вдругъ, что онъ видитъ тамъ шныряющихъ москвовцевъ.

Но вдругъ Носовъ ахнулъ громко, поблѣднѣлъ еще болѣе и закрылъ лице руками. Только сейчасъ, въ это мгновенье онъ вспомнилъ свою страшную клятву предъ иконой Неопалимой Купины,—клятву—ничего не жечь!..

— Вотъ и накажетъ Матерь Божія за клятвопреступленіе, — грозно погрозился онъ вслухъ самъ себѣ.

При утренней зарѣ все стихло и уже потухало, только толпы погорѣльцевъ бродили по пожарищу. Одни перебирались съ пожитками за валъ и въ Каменный городъ, другіе со злобы шли прямо въ лагерь къ царевымъ полкамъ съ жалобой на обиду и разворенье отъ бунтовщиковъ.

На разсвѣтѣ воевода объѣхалъ стѣны и весь валъ, всюду были разставлены стрѣльцы охотники и всякій вооруженный людъ изъ православныхъ и инородцевъ. Повсюду глядѣли, блестя на солнцѣ и высовываясь на дымящееся пожарище, жерла пушекъ...

Вскорѣ Носовъ узналъ, что самъ фельдмаршалъ съ войсками находится около Ивановскаго монастыря, а одинъ полкъ еще съ ночи былъ посланъ имъ тушить начавшійся пожаръ и овладѣть всѣми запасами. Какъ же узналъ Шереметевъ про эти запасы?

— Нашелся и у насъ Іуда предатель! — злобно воскликнулъ Носовъ.

Когда солнце поднималось надъ краемъ степи, нѣсколько сотенъ стрѣльцовъ-охотниковъ вышли изъ кремля, построились и лихо двинулись на Ивановскій монастырь съ пушками и знаменами... Воевода не хотѣлъ ждать московцевъ къ валу, а захотѣлъ осадить въ монастырѣ самого фельдмаршала царскаго...

Но чрезъ два часа самодѣльная рать уже бѣжала назадъ въ разбродѣ, спасаясь за валъ и преслѣдуемая московскими полками...

На одного бунтовщика было десять, пятнадцать солдатъ... Ихъ встрѣтили по валу дружными залпами изъ пушекъ, ружей и пищалей. Но, всетаки, устоять было нельзя!.. Астраханцы покинули земляной городъ и заперлись, отстрѣливаясь, въ кремлѣ. Московцы, овладѣвъ валомъ, начали бомбардировку и тотчасъ построились, чтобы идти на приступъ Каменнаго города.

— Къ полудню все покончимъ и всѣхъ голыми руками перехватаемъ! — хвастались московскіе военачальники.

Но въ рѣшительную минуту нежданно прискакалъ офицеръ отъ фельдмаршала и приказалъ бросить валъ и отступить изъ-подъ огня.

Шереметевъ, какъ узнали начальники, получилъ въ монастырѣ извѣстіе отъ какого-то перебѣжчика, что не зачѣмъ еще людей тратить, такъ какъ на другой день сами бунтовщики явятся съ повинной сдавать городъ.

— Не очень-то похоже на сдачу! — говорили московцы, нехотя очищая взятый валъ и унося съ собой десятка съ два убитыхъ и съ полсотни раненыхъ товарищей.

Извѣстіе было, однако, вѣрное. Важный человѣкъ далъ знать фельдмаршалу, что онъ все ладитъ и ручается, что на утро отворитъ городскія ворота царскимъ войскамъ.

Этотъ важный человѣкъ былъ одинъ молодецъ, который уже съ недѣлю дѣйствовалъ въ кремлѣ, среди начальствующихъ самозванныхъ властей. Покуда воевода Носовъ не унывалъ и дѣятельно распоряжался своимъ небольшимъ гарнизономъ, хватаясь, какъ утопающій за всякую соломинку,—этотъ молодецъ тоже не дремалъ... Онъ не распоряжался орудіями или полками, не показывался на валахъ и на стѣнахъ кремлевскихъ, но ловко, втихомолку, дѣлалъ другое дѣло, свое, съ одной лишь дюжиной вѣрныхъ и преданныхъ ему молодцевъ, такихъ же шустрыхъ, какъ и онъ самъ...

XLI.

Наступила ночь съ 12-го на 13-е марта. Осажденные чутко слѣдили за непріятелемъ. Но въ лагерѣ и въ монастырѣ и по всей рѣченкѣ Кутумовой было тихо... Московцы будто ушли или вымерли, или спятъ крѣпкимъ сномъ, отдыхая отъ своего дальняго въ тысячу верстъ похода...

Яковъ Носовъ со своими главными сподвижниками и совѣтниками просидѣлъ весь вечеръ въ воеводскомъ домѣ, разсуждая въ кругу, что дѣлать.

Нашлись охотники покаяться и принести фельдмаршалу повинную.

— Иди—кому охота... Скатертью дорога!.. отозвался Носовъ.— А я не товарищъ...

Около полуночи совѣщавшіеся человѣкъ съ двѣнадцать разошлись изъ воеводскаго дома, а затѣмъ Носовъ узналъ, что до сотни людей въ томъ числѣ пятидесятники и десятники его войска только что вышли изъ кремля и пошли въ лагерь съ повинной...

У воротъ была ругня и свалка, ихъ не хотѣли было выпускать, но они пробились и даже краснобайствомъ своимъ о жестокомъ ожидаемомъ на утро боѣ съ полками увлекли еще немало народу за собой.

Носовъ, стрѣлецъ Быковъ, донецъ Зиновьевъ и посадскій Колосъ, сильно смущенные, оставшись одни, уже стали толковать о томъ, что надо на утро при наступленіи врага—искать смерти...

— Лучше убитому быть, чѣмъ живьемъ къ нимъ въ руки попасть!—говорилъ Носовъ.

— Меня убьютъ,—рѣшилъ Быковъ:—потому что я шибко крошить ихъ буду.

— Если и возьмутъ живьемъ,—сказалъ Зиновьевъ:—то вѣдь судить безпремѣнно повезутъ въ Москву. А путь далекій. Сто разовъ въ дорогѣ можно уйдти при многолюдствѣ.

— Эхъ, не надо было зачинать!—уже въ десятый разъ отзывался наиболѣе смущенный Колосъ.

— Что зачинать? — воскликнулъ наконецъ Носовъ.

— Вѣстимо что! Бунтовать не надо было...

— О, дура! дура! — проворчалъ Носовъ и отвернулся.

Четыре пріятеля и сподвижника, помолчавъ немного, рѣшили, что пора, однако, и вздремнуть хоть малость.

— Утро вечера мудренѣе, — сказалъ Быковъ. — Можетъ, завтра что надумаемъ.

— А можетъ, сторгуемся съ ними, — прибавилъ Зиновьевъ.

— А можетъ, и приступа не будетъ. Обождутъ. Опять палить будутъ, — сказалъ Носовъ.

И всѣ четверо разошлись по двумъ горницамъ, всякій въ свой уголъ. Носовъ отправился въ спальню, гдѣ была его жена и дѣти, поглядѣлъ на спящихъ сладко ребятъ и, вернувшись назадъ, легъ просто на тюфякъ, лежавшій на полу...

Колосъ уже громко храпѣлъ въ другомъ углу той же горницы.

Въ то же время, у Пречистенскихъ и у Вознесенскихъ воротъ, между рядами вооруженныхъ охотниковъ и стрѣльцовъ, бродили разные молодцы, простые обыватели Каменнаго города и явно, громко усовѣщевали не губить себя, а идти, покуда еще можно, просить прощенье.

— А то и того лучше! — говорили они. — Собраться вмѣстѣ всѣмъ, кто не хочетъ сидѣть да ждать утренней битвы и убійства или колодки, какъ заберутъ живьемъ... Собраться да и отворить ворота!

Большинство добровольныхъ защитниковъ кремля прималкивали или вздыхали. Только немногіе, казалось, хотѣли «стоять» и не вѣрили въ «отпускную» винъ и грѣховъ со стороны москвовцевъ.

Ночь была темная и тихая съ легкимъ морозцемъ. Только около часовъ двухъ ночи послышался сильный шумъ и гвалтъ голосовъ въ воеводскомъ домѣ... Кричали, ругались, будто даже дрались въ самыхъ горницахъ... Но шумъ скоро стихъ, и никто на него не обратилъ вниманія.

При первыхъ лучахъ зари у тѣхъ же Пречистенскихъ воротъ явился сотникъ Колосъ и объявилъ, что рѣшено сдавать городъ фельдмаршалу.

— Кто порѣшилъ?

— Начальство... Владыко митрополитъ и всѣ наши властные и знатные люди! — заявилъ Колосъ.

— А воевода?

— Какой? Воевода давно въ гробу сгнилъ.

— Воевода! Носовъ! Яковъ Матвѣевичъ!..

— Такого, ребята, не было... Былъ одинъ буянъ самозванный изъ посадскихъ людей... засмѣялся Колосъ. — Но и его ужъ не-ма... Гроху сейчасъ голову сняли! А митрополитъ ужъ облачается, чтобы со всѣмъ духовенствомъ выходить крестнымъ ходомъ навстрѣчу

войскамъ царскимъ. Понесутъ ключи городскіе да печать государскую, что̀ отобрали у богоотступника Носова.

— Вотъ такъ блинъ!—раздался только одинъ голосъ изъ рядовъ добровольцевъ-ратниковъ.

Объявленіе Колоса было на половину правдой.

На архіерейскомъ дворѣ дряхлый митрополитъ уже былъ увѣдомленъ однимъ молодцомъ, чтобы онъ самъ, владыко, собирался и своихъ собиралъ въ крестный ходъ, чтобы быть готовыми встрѣчать фельдмаршала съ крестомъ, съ хоругвями и съ хлѣбомъ-солью, когда онъ подойдетъ къ кремлю. Онъ уже обѣгалъ и предупредилъ многихъ лицъ изъ обывателей Каменнаго города.

Молодецъ, поднимавшій на ноги всѣ власти, которыя съ прошлаго лѣта впродолженіе болѣе восьми мѣсяцевъ сидѣли всякій въ своемъ шесткѣ,—былъ Лукьянъ Партановъ, уже хорошо извѣстный за эти дни всѣмъ «знатнымъ» людямъ, по неволѣ запертымъ Носовымъ въ кремлѣ въ ожиданіи осады и штурма города.

На вопросъ митрополита буквально такой же, какой былъ сдѣланъ и изъ кучки стрѣльцовъ у Пречистенскихъ воротъ: «Что и гдѣ же воевода Носовъ»?—Партановъ отвѣтилъ, тоже смѣясь и махнувъ рукой:

— Былъ, владыко, да сплылъ такой-то воевода — Носовымъ звали. Онъ теперь, скрученый, лежитъ вмѣстѣ съ товарищемъ Зиновьевымъ и военачальникомъ Быковымъ. А по его сбродной рати уже пущенъ слухъ, что всѣ они мертвые обезглавлены за ночь, по указу Бориса Петровича. Такъ-то все вѣрнѣе, ихъ за мертвыхъ выдать.

— Слава Отцу Небесному. Сколько жизней спасено!—отозвался Сампсонъ.—Но какъ же пробрались сюда люди Шереметева?

— Только одинъ пробрался, одинехонекъ, и все смастерилъ,— сказалъ Лучка.

— А кто таковъ?

— А вотъ увидишь, владыко. Тотъ самый, котораго фельдмаршалъ за оное обниметъ и похвалитъ.

И будто въ сказкѣ, а не на яву, 13-го марта 1706 года, восходящее надъ Астраханью солнце увидѣло такія чудеса въ рѣшетѣ въ городѣ и въ окрестности, что, знать, смутилось, потому что за маленькое облачко начало прятаться.

Да и было чему удивиться.

Войска московскія строились у Ивановскаго монастыря рядами и полками, чтобы идти въ городъ, но только не приступомъ...

Въ Каменномъ городѣ и въ кремлѣ все готовилось не на отраженіе, а на торжественную встрѣчу царскихъ войскъ и фельдмаршала. У Вознесенскихъ воротъ среди улицы была уже выставлена плаха, а на ней лежалъ топоръ... Сами бывшіе бунтовщики

вынесли ихъ, по обычаю древнему, и положили въ знакъ покорности, съ «повинной головой» въ своихъ злодѣяніяхъ.

— Не бось, никому головы не снимутъ. Всѣмъ будетъ милостивое прощеніе! — многократно заявлялъ въ толпу Лукьянъ Партановъ.

Около полудня московскіе полки весело и стройно двигались къ Каменному городу вдоль сгорѣвшей стрѣлецкой слободы между двухъ рядовъ нѣсколькихъ сотенъ бунтовщиковъ, лежавшихъ ницъ, лицемъ въ землю. Добрая половина ихъ уже бѣжала въ лагерь еще при первомъ слухѣ объ умерщвленіи воеводы Носова съ товарищами. Теперь, уже въ качествѣ прощеннаго, весь этотъ болѣе смѣтливый народъ шелъ за войсками.

Въ Пречистенскихъ воротахъ ожидалъ фельдмаршала старикъ владыко Сампсонъ съ архимандритами, со всѣмъ городскимъ духовенствомъ и знатными людьми. Шереметевъ принялъ хлѣбъ-соль и городскіе ключи.

XLII.

Разумѣется, занявъ Каменный городъ, разставивъ въ кремлѣ караулы отъ полковъ, московцы стали лагеремъ вокругъ голыхъ стѣнъ, такъ какъ, по милости самозваннаго воеводы, негдѣ было расположиться постоемъ. Вмѣсто богатыхъ слободъ съ просторными домами и избами было одно черное, еще дымящееся пожарище...

Имя Гроха съ проклятіями было на всѣхъ устахъ. Въ одну ночь раззорилъ онъ зря и обездолилъ тысячи православныхъ и иновѣрцевъ.

— Почитай вся Астрахань — погорѣльцы и по міру идти! Каинъ-человѣкъ! — говорилось повсюду съ остервенѣніемъ.

Восемь мѣсяцевъ никого пальцемъ не тронулъ, а тутъ въ одну ночь тысячи нищихъ натворилъ.

Немудрено, что и самъ фельдмаршалъ полюбопытствовалъ, наконецъ, увидать, поглядѣть и послушать этого диковиннаго воеводу Носова, или Гроха, который бунтовалъ на такой диковинный ладъ. На другой же день, послѣ обыкновеннаго допроса, учиненнаго Носову съ товарищами въ судной избѣ, гдѣ засѣдали полковники московскіе въ качествѣ судей, Грохъ былъ потребованъ къ самому фельдмаршалу.

Шереметевъ занялъ домъ покойнаго Пожарскаго, гдѣ расположился съ нѣсколькими лицами свиты. Носова подъ конвоемъ привели въ кандалахъ въ ту самую залу, гдѣ когда-то пировали гости убитаго коменданта.

Шереметевъ вскорѣ вышелъ къ бунтовщику, воеводѣ, сѣлъ и, приказавъ конвойному офицеру съ двумя солдатами выйдти, подозвалъ колодника ближе.

Бояринъ долго смотрѣлъ молча въ умное лице бунтаря-воеводы. Тотъ выдержалъ взглядъ упорный и пытливый, не опустилъ глазъ и даже не сморгнулъ. Лицо Носова было какъ бы каменное, оно застыло въ одномъ выраженіи равнодушія и безстрастія.

— Ну, скажи мнѣ...—началъ было Шереметевъ тихимъ и простымъ голосомъ, какъ бы заводя бесѣду, а не чиня допроса преступника въ качествѣ властнаго лица.

— Ничего я не скажу!—однозвучно отозвался Носовъ, прерывая первыя же слова боярина.

Шереметевъ замолчалъ на мгновенье, но сталъ пристальнѣе разглядывать колодника.

— Такъ послушай ты меня, коли самъ говорить не хочешь,—спокойно началъ онъ.—Мнѣ удивителенъ твой бунтъ свадебный, почитай безкровный... Ты не грабилъ, не убивалъ, не безобразничалъ... Выжегъ ты слободы всѣ, но это иное дѣло. Наступай ты, а я будь осажденъ, и я бы выжегъ... Ты не головорѣзъ, не тварь подлая и мерзкая, ты отъ бунта не нажилъ ничего, а только все свое достояніе потерялъ. Былъ ты богатый посадскій и сталъ нищъ, и въ колодкѣ, въ цѣпяхъ, и головой заплатишь... Коли ты не хотѣлъ съ самаго начала бунтованія грабить богачей астраханскихъ въ Каменномъ городѣ, у коихъ нынѣ все цѣлёхонько, до послѣдняго алтына денегъ и до самой малой рухлядки въ дому... Зачѣмъ же ты заводилъ смуту, устроялъ бунтъ?.. Вѣдь ты былъ заводчикъ всему... Зачѣмъ?! Вотъ ты мнѣ это токмо одно скажи, и я тебя иными вопросами пытать не стану и отпущу отъ себя.

— Изволь. Отвѣчу я тебѣ кой-что... выговорилъ Грохъ глухо.— Но удовольствуйся малымъ разъясненіемъ и отпусти. Я будто заживо померъ и мнѣ трудъ великій языкомъ двигать. Не ради упрямства, пойми, бояринъ, и не ради озорства я молчать хочу. Я померъ... Или все померло кругомъ для меня... Зачѣмъ я бунтовалъ?.. Меня царь заставилъ бунтъ учинить... Сашка Данилычъ Меньшиковъ заставилъ, да и другіе такіе же, какъ онъ... пролазы.

— Поясни,—удивился фельдмаршалъ.

— Зачѣмъ царь изъ темныхъ людей да прыткихъ понадѣлалъ бояръ?.. Ну, вотъ съ этого примѣра и меня одурь обуяла... И я захотѣлъ въ бояре выйдти, чуя въ себѣ тоже разумъ и прыть.

— Бунтомъ?.. Противствомъ царю и его властямъ? Да ты бы въ Москву или Питербурхъ пришелъ да показалъ бы намъ въ свейской войнѣ свою прыть...

— Я и былъ...

— Былъ?!

— Былъ. У Меньшикова былъ... Въ ногахъ валялся... Просилъ слезно: «Возьми меня къ себѣ. Я тебѣ себя докажу»... Онъ меня лежачаго ударилъ ногой, выругалъ и прогналъ... Я ушелъ, смерт-

вѣвъ сердцемъ, и поклялся, что услышитъ Сашка объ Яковѣ Носовѣ... Ну, вотъ теперь ужъ онъ, поди, слышалъ.

— Почему же? это тебя обидѣло?..

— Довольно, бояринъ, болѣ ни слова не отвѣчу.

Наступило молчаніе и продолжалось нѣсколько мгновеній. Шереметевъ сидѣлъ задумчивый.

— Ну, ступай... вымолвилъ онъ наконецъ. — Я не велю тебя допрашивать въ судной избѣ. Зря замучаютъ... Повезутъ тебя на Москву... Тамъ тебя самъ великій царь допроситъ. Ты ему вотъ то же и скажи.

— Спасибо тебѣ, бояринъ. Это слово меня оживило,—выговорилъ Грохъ и снова засверкалъ его тусклый за мгновенье взглядъ.

На другой день утромъ, при первомъ ударѣ на соборной колокольнѣ, Шереметевъ со свитой двинулся въ соборъ къ литургіи и молебствію о здравіи государя царя.

Полки собрались и торжественно выстроились на площади передъ папертью собора, куда вошли лишь именитые обыватели. Послѣ молебствія при колокольномъ звонѣ и пальбѣ изъ пушекъ было объявлено прощеніе его царскаго величества всѣмъ повинившимся и сдавшимъ городъ безъ упорства и напрасной траты людей въ братоубійственномъ боѣ.

Но затѣмъ фельдмаршалъ отдалъ приказъ, чтобы главныхъ зачинщиковъ всей смуты, вò-время не повинившихся на увѣщательныя грамоты, самозванныхъ властителей: посадскаго Носова, донскаго казака Зиновьева и стрѣльца Быкова, закованныхъ въ кандалы, заключить безъ суда и допроса въ башню подъ надежнымъ карауломъ. Кромѣ нихъ, еще 273 человѣка были отобраны и посажены въ яму подъ судной избой. Впредь до отсылки всѣхъ въ Москву на судъ и расправу царя, указано было колодниковъ-бунтарей не обижать и, крѣпко карауля, хорошо кормить.

XLIII.

Былъ май мѣсяцъ.

Отъ прошлаго бунта уже не оставалось и слѣда, когда однажды въ домѣ богатаго ватажника Барчукова былъ праздникъ, было людно и шелъ пиръ горой.

Ватажникъ праздновалъ крестины новорожденнаго, нарѣкаемаго Борисомъ, въ честь его высокорожденнаго и именитаго воспріемника отъ купели.

Крестный отецъ самъ явился въ домъ ватажника, своего стараго знакомаго еще по Кичибурскому хутору, гдѣ когда-то по пути въ бунтующую Астрахань онъ останавливался и ночевалъ.

Фельдмаршалъ явился съ блестящей свитой молодцевъ офицеровъ изъ московскихъ полковъ, но въ числѣ ихъ былъ одинъ офицеръ не московецъ, а давно и хорошо знакомый астраханцамъ да къ тому же и пріятель хозяина, ватажника Барчукова. Это былъ астраханецъ, лишь недавно зачисленный въ полкъ и надѣвшій новый мундиръ.

Немало таращили на него глаза и розѣвали рты всѣ астраханцы—и православные, и инородцы.

— Вотъ что значитъ пряткій малый: «знатнымъ» человѣкомъ сталъ!—говорили одни.

— Вотъ что значитъ власть фельдмаршальская: человѣка изъ буяна-пропоицы сдѣлалъ!—говорили другіе.

— Да вѣдь онъ же бунтовалъ не хуже другихъ!—удивляясь, вспоминали одни.

— За то, слышь, онъ же изловчился городъ сдать съ повинной безъ смертоубійства царевыхъ полковъ!—замѣчали другіе.

— Вотъ за то онъ теперь и офицерское, и родовое званіе свое пріобрѣлъ.

Этотъ офицеръ былъ князь Лукьянъ Лукьяновичъ Дондукъ-Такіевъ, по документу, выданному ему отъ самого фельдмаршала, въ награду за «государскую» услугу.

Послѣ торжественныхъ и богатыхъ крестинъ долго длилось пированіе и угощеніе всяческое. Затѣмъ Шереметевъ со свитой уѣхалъ, а за нимъ разъѣхались и разошлись всѣ гости, вспоминая многое изъ недавняго прошлаго... Поминали Ржевскаго и Пожарскаго, Палаузова и Кисельникова, Носова и Шелудяка, Партанова и князя Дондукъ-Такіева, Ананьева и Барчукова. Кто-то помянулъ и Сковородиху, и всѣ засмѣялись при этомъ, потому что стрѣльчиха успѣла сойдти съ ума отъ перепуга, едва не сгорѣвъ во снѣ вмѣстѣ съ домомъ, во время пожара слободъ.

Сковородиха увѣряла, что проглотила краснаго пѣтуха и что онъ кричитъ на зарѣ у нея въ животѣ безъ умолку, да еще за курами гоняется и всякія свои пѣтушьи обстоятельства справляетъ! Просто смерть, до чего безпокойно!

Только о двухъ жертвахъ пережитой недавней смуты никто не вспоминалъ, ибо никто не зналъ ничего...

Душегубъ Шелудякъ, еще наканунѣ казни своей за грабежъ молельни юртовской, забрался въ домъ одного зажиточнаго обывателя ради грабежа и убилъ сопротивлявшихся хозяевъ мужа и жену... Ихъ нашли мертвыми, но не знали, однако, кто ихъ убилъ и за что... И, недоумѣвая объ ихъ судьбѣ, ихъ похоронили и забыли... Поэтому и теперь никто ихъ не вспоминалъ, перечисляя жертвы или героевъ прошлаго «смущенія и колебанія умовъ».

Эти погибшіе были князь и княгиня Бодукчеевы, Затылъ Иванычъ и Марья Еремѣевна, старшая дочь Сковородихи.

Когда въ домѣ ватажника Барчукова опустѣло и стихло, къ нему снова вернулся одинъ офицеръ и его близкій пріятель «допировывать», но уже явился вмѣстѣ съ красавицей женой. И гости вмѣстѣ съ хозяиномъ отправились въ комнату роженицы поцѣловаться и побесѣдовать съ ней.

Два пріятеля занялись донскимъ виномъ и пирогомъ. А двѣ пріятельницы Варюша Барчукова и княгиня Дарья Дондукъ-Такіева занялись новорожденнымъ. Одна немного завидовала другой, но, собираясь въ дальній путь за мужемъ, на Москву, не жалѣла, что у нея покуда еще нѣтъ «махонькаго князька».

Мужья толковали о своихъ дѣлахъ, вспоминали тоже и пережитое...

— Меньше году. А сколько воды утекло! Страсть!

Ватажникъ просилъ пріятеля не забывать его на Москвѣ, говоря, что вѣкъ будетъ помнить его услугу, даже, вѣрнѣе сказать, благодѣяніе.

— Не будь твоего финта, не быть бы мнѣ ватажникомъ и мужемъ Варюши!

— Да, не будь финта, не быть бы и бунту,—отвѣчалъ князь Дондукъ-Такіевъ.—Не имѣть бы тоже мнѣ и моего званія княжескаго.

— Да, пріятель, вѣрно!—отозвался Барчуковъ.—Скажу я тебѣ по сущей правдѣ, что коли твой оный финтъ не плохъ былъ, то это колѣно, поди, еще хитрѣе.

— Какое колѣно?—добродушно удивился офицеръ.

— А изъ учинителей всего бунта влетѣть не въ колодку, а въ княжество!.. Нешто плохо!...

Офицеръ разсмѣялся.

— Стало, по-твоему выходитъ,—сказалъ онъ:—что отъ финта—бунтъ, а отъ бунта—паки финтъ!! Погоди, до царя вотъ дойду, да спознаетъ онъ меня,—можетъ, еще и не такое диковинное со мной содѣлается. Онъ умниковъ любитъ. Чѣмъ я хуже Меньшикова? Онъ изъ простыхъ людей, а я изъ кайсацкихъ князей. Вотъ и буду, гляди, бояриномъ русскимъ, богатымъ и именитымъ.

Графъ Е. Саліасъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Съ ОСОБЕННЫМЪ удовольствіемъ прочиталъ я въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ двѣ помѣщенныя рядомъ статьи: «Аксаковъ въ Ярославлѣ», К. А. Бороздина, и «Дружеская группа», П. С. Усова. Обѣ статьи эти, посвященныя памяти И. С. Аксакова, напомнили мнѣ самые лучшіе дни моей юности и служебной дѣятельности, вмѣстѣ и подъ руководствомъ такихъ симпатичныхъ дѣятелей, какъ графъ Ю. И. Стенбокъ и И. С. Аксаковъ. Мое имя упоминается въ статьѣ Усова и мой портретъ находится въ числѣ другихъ въ приложенномъ въ той же книгѣ рисункѣ группы лицъ. Не рѣшился бы я навязывать свои воспоминанія объ И. С. Аксаковѣ, въ виду малаго ихъ значенія, по сравненію съ тѣмъ, что было уже о немъ писано, но дѣлаю это потому, что желаю разъяснить нѣкоторыя неточности, вкравшіяся въ помянутыя выше статьи.

Не смотря на то, что прошло уже 35 лѣтъ, я какъ сейчасъ помню это время. Аксаковъ прибылъ въ Ярославскую губернію еще въ 1849 году. Втеченіе этого и части 1850 года, онъ, состоя при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, имѣлъ порученіе отъ министра графа Перовскаго обревизовать городское хозяйство въ Ярославской губерніи и представить свои соображенія, во исполненіе чего онъ объѣзжалъ всѣ города и посады губерніи, разсматривалъ дѣла думъ, собиралъ разныя свѣдѣнія, старался сблизиться съ старожилами, посѣщалъ ярмарки, и плодомъ его занятій былъ представленный имъ въ министерство подробный докладъ съ отдѣльными по разнымъ отраслямъ хозяйства записками и

приложеніями. Трудъ этотъ былъ особенно оцѣненъ въ министерствѣ, и многія его предложенія по улучшенію городскаго хозяйства и городскаго управленія были приняты въ свое время въ соображеніе. На мою долю досталось изучить подробно трудъ И. С. Аксакова, потому что въ 1851 году, когда я перешелъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ и состоялъ при хозяйственномъ департаментѣ, тогдашній директоръ того департамента Н. А. Милютинъ предложилъ мнѣ ознакомиться съ ревизіей Аксакова, такъ какъ предполагалось и мнѣ дать порученіе такого же рода.

Если не ошибаюсь, весною 1850 года, Аксаковъ выѣхалъ изъ Ярославля въ уѣздные города, гдѣ пробылъ все лѣто, и, по возвращеніи въ Ярославль, былъ назначенъ въ составъ слѣдственной коммиссіи по дѣламъ о вновь открывшейся въ Ярославской губерніи страннической сектѣ. Совершенно вѣрно говорится въ помянутыхъ выше статьяхъ, что коммиссія была назначена, въ отсутствіе начальника губерніи, временно исправлявшимъ его должность вице-губернаторомъ Б. Н. Муравьевымъ, но не сразу подъ предсѣдательствомъ графа Ю. И. Стенбока (Ферморомъ онъ никогда не былъ), а составлена она была изъ мѣстныхъ чиновниковъ, подъ предсѣдательствомъ не совѣстнаго судьи, какъ сказано въ статьѣ, а дворянскаго засѣдателя гражданской палаты М. П. Пазухина; членами были назначены два чиновника особыхъ порученій губернатора: А. В. Поповъ и я. Первоначальное назначеніе коммиссіи было преслѣдованіе и раскрытіе цѣлой разбойнической шайки, свирѣпствовавшей въ Ярославскомъ уѣздѣ, подъ начальствомъ двухъ главныхъ пойманныхъ атамановъ Абрашки и Пашки, имѣвшей пристанище во многихъ селеніяхъ уѣзда, въ 15 верстахъ отъ Ярославля и въ раіонѣ нѣсколькихъ верстъ около мѣстной становой квартиры. Существованіе этой шайки и пристанодержатели ея были хорошо извѣстны мѣстной полиціи, но она почему-то не преслѣдовала пристанодержателей и не принимала мѣръ къ поимкѣ воровъ.

Какъ сейчасъ помню, какъ важна и трудна казалась намъ наша задача. Въ началѣ мая 1850 года, выѣхали мы въ Ярославскій уѣздъ, въ самое гнѣздо пристанодержательства, въ сопровожденіи исправлявшаго должность исправника (самъ же исправникъ былъ временно устраненъ) и нѣсколькихъ данныхъ въ наше распоряженіе жандармовъ мѣстной команды. Цѣлые дни приходилось писать и дѣлать допросы, а по ночамъ мы производили обыски въ селеніяхъ, гдѣ разбойники имѣли притонъ. При одномъ изъ такихъ обысковъ, въ богатомъ селѣ Сопелкахъ, мы напали на упоминаемые въ статьѣ П. С. Усова тайники и въ одномъ изъ нихъ подъ крутой лѣстницей, ступени которой выдвигались, нашли перваго сектанта-странника, раба Божьяго Алексѣя Петрова, оказавшагося бѣглымъ солдатомъ. Такимъ образомъ, розыскивая и ловя разбойниковъ, мы

неоднократно нападали на слѣдъ страннической секты, послѣдователи которой въ числѣ другихъ не отказывали въ пріемѣ и ворамъ; вслѣдствіе этихъ открытій задача наша становилась все шире, и намъ троимъ, особенно съ престарѣлымъ и болѣзненнымъ презусомъ, становилось не подъ силу вести дѣла коммиссіи, въ распоряженіи которой послѣ одного мѣсяца, проведеннаго въ уѣздѣ, было уже до 50 обвиняемыхъ; остроги были наполнены нашими подсудимыми съ Пашкою во главѣ; намъ въ Ярославлѣ былъ отведенъ цѣлый домъ (на Дворянской ул., д. Алексѣева), сформирована канцелярія, и мы положительно работали неутомимо.

Вотъ въ это-то время, а главное, въ виду обнаруженія секты и потворства ей со стороны уѣздной полиціи, управляющій губерніею, В. Н. Муравьевъ, обратился съ представленіемъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, и на мѣсто Пазухина прибылъ къ намъ состоящій при министерствѣ графъ Ю. И. Стенбокъ. Съ нимъ работа пошла скоро и успѣшно, все относящееся до шайки грабителей было скоро, въ виду поимки и сознанія главнѣйшихъ коноводовъ, обслѣдовано и передано куда подлежало, и на первомъ планѣ нашихъ занятій выступила странническая или сопелковская секта; въ іюлѣ или августѣ, въ составъ нашей коммиссіи, какъ я говорилъ выше, назначенъ былъ И. С. Аксаковъ, какъ спеціалистъ по дѣламъ раскола, кончившій къ тому времени свои занятія по городскому хозяйству. Онъ переселился въ верхній этажъ дома, занимаемаго коммиссіею, гдѣ жилъ и графъ Стенбокъ, и тогда еще болѣе закипѣла дѣятельность въ коммиссіи нашей, къ крайнему неудовольствію мѣстной администраціи, не придававшей особаго значенія этому дѣлу. Вслѣдствіе принимаемыхъ крутыхъ и энергическихъ мѣръ для разслѣдованія дѣла, полетѣли на насъ доносы отъ представителей разныхъ вѣдомствъ, и, въ огражденіе насъ, къ намъ въ коммиссію присланъ былъ еще, по распоряженію III Отдѣленія, офицеръ корпуса жандармовъ.

Не смотря на усиленныя и подчасъ непосильныя занятія, намъ работалось пріятно, всѣ были направлены къ одной цѣли, и успѣшность розысканій и быстрое раскрытіе разныхъ нитей секты какъ-то ободряло и оживляло нашу дѣятельность.

Не стану касаться подробностей догматовъ секты, все это было неоднократно опубликовано въ печати и подробно изложено въ запискахъ графа Стенбока и Аксакова, трудахъ П. И. Мельникова и друг. Скажу только нѣсколько словъ по этому поводу, необходимыхъ для поясненія тѣхъ картинъ и эпизодовъ изъ нашей дѣятельности, которыми я хочу подѣлиться съ читателями въ виду участія въ нихъ И. С. Аксакова. Девизомъ, если можно такъ выразиться, или задачей секты, было слѣдующее изрѣченіе: «Града не имѣю, но грядущаго взыскую». На основаніи этого изрѣченія странники ставятъ себѣ за правило не жить дома, быть постоянно

въ странствіи безъ паспортовъ (которыхъ они, какъ носящихъ печать антихриста, не признаютъ), умереть не дома и быть похороненными гдѣ нибудь «подъ скрытіемъ», тайно. Такъ какъ, по семейнымъ и хозяйственнымъ дѣламъ, не всѣ приверженцы этой секты могутъ оставлять свои дома и занятія, то, въ случаѣ опасной болѣзни или старости, больнаго или умирающаго переносятъ въ чужой домъ, гдѣ его, на основаніи догматовъ секты, съ любовью принимаютъ только для того, чтобы дать ему возможность умереть не дома, а въ странствіи, хотя бы рядомъ съ своимъ домомъ, но только подъ чужой кровлей. Умершихъ такимъ образомъ странниковъ хоронятъ тайно, гдѣ нибудь въ глухомъ мѣстѣ, въ лѣсу, а часто въ самыхъ домахъ, подпольяхъ, на дворахъ, въ сѣняхъ или сараяхъ. Мѣстному священнику,—по крайней мѣрѣ, такъ въ то время было въ Сопелкахъ,—все село вносило извѣстную сумму, за что̀ онъ въ метрическихъ книгахъ постоянно долженъ былъ записывать мнимыхъ рожденныхъ, крещенныхъ и похороненныхъ, тогда какъ и крестины, и погребенія совершались особыми наставниками, а православное кладбище было почти пусто и совсѣмъ не имѣло могилъ.

Вотъ для раскрытія этихъ-то главныхъ догматовъ и изобличенія ихъ передъ правительствомъ нашей коммиссіи было немало труда добиваться свѣдѣній и дѣлать обыски не на-обумъ, но съ увѣренностію въ успѣхѣ. Конечно, были люди, сообщавшіе должныя свѣдѣнія графу Стенбоку, и свѣдѣнія эти были, въ большинствѣ случаевъ, на столько вѣрны, что, когда на основаніи ихъ дѣлались обыски, то мѣстные жители являлись какъ бы пораженные успѣхами тѣхъ обысковъ и обстановкой, при которой они производились. Самому теперь не вѣрится и все это кажется несбыточнымъ; поэтому, какъ о времени быломъ и о фактахъ, которыхъ былъ самъ очевидцемъ, я и хочу разсказать нѣсколько словъ.

Коммиссія, въ полномъ своемъ новомъ составѣ, съ исправникомъ, становымъ приставомъ и нѣсколькими жандармами, выѣхала снова въ уѣздъ въ сентябрѣ 1850 года и проживала, если не ошибаюсь, болѣе 2-хъ мѣсяцевъ въ Ярославскомъ уѣздѣ, сначала въ селеніи Сопелкахъ, потомъ въ деревнѣ Мигачевѣ, селѣ Яковлевѣ и друг. Въ это время И. С. Аксаковъ былъ постоянно съ нами, неутомимо работалъ, отбиралъ показанія, составлялъ записки; для дознаній и допросовъ на мѣстѣ, мы подчасъ дробились на два отдѣла и мнѣ доставалось ѣздить съ Аксаковымъ по разнымъ селеніямъ; поѣздки эти были особенно пріятны по первому санному пути; спутникъ мой былъ постоянно бодръ и веселъ, часто разсказывалъ интересные эпизоды изъ его служебной дѣятельности и, когда былъ особенно въ духѣ, любилъ напѣвать что нибудь въ полголоса, и особенно часто случалось слышать, какъ онъ напѣвалъ элегію Лермонтова: «Выхожу одинъ я на дорогу», и др.

Но вернемся къ необычайнымъ картинамъ обысковъ; возьму на выдержку, изъ нѣсколькихъ десятковъ случаевъ, хотя два, въ которыхъ участвовала вся коммиссія и И. С. Аксаковъ. Получили мы свѣдѣніе, что въ деревнѣ Дудкинѣ умерла молодая дѣвушка, которую похоронили по странническому обряду въ сѣнномъ сараѣ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ коммиссія, съ графомъ во главѣ, подъѣзжаетъ къ Дудкину, вызываетъ старожиловъ деревни, и Стенбокъ объясняетъ имъ, что ему извѣстно, что они похоронили такую-то въ такомъ-то сараѣ по своей сектѣ, потому предлагаетъ сознаться въ этомъ, не желая нарушать покоя умершей, разрывая ея прахъ. Крестьяне упорно запираются и говорятъ, что никакой секты не знаютъ и тайно людей не хоронятъ. Тогда понятыми и жандармами оцѣпляется одинъ сѣнной сарай, съ низу до верху набитый сѣномъ; графъ Стенбокъ призываетъ людей и велитъ вынимать сѣно въ извѣстномъ направленіи, чтобы прочистить дорогу для прохода; пройдя нѣсколько шаговъ, онъ велитъ взять направо, тамъ опять поворачиваетъ въ сторону и, продѣлавъ такимъ образомъ зигзагами путь къ извѣстному мѣсту сарая, велитъ расчистить отъ сѣна цѣлую площадку. Все это дѣлается крайне торжественно при свѣтѣ фонарей, такъ какъ въ сараѣ темно; наконецъ, поднимаютъ половицы, опять предлагаютъ крестьянамъ, въ томъ числѣ и роднымъ умершей, сознаться. За нежеланіемъ ихъ признаться, опять начинаютъ разрывать землю и находятъ очень неглубоко зарытый трупъ женщины съ странническимъ кипарисньмъ крестомъ на шеѣ.

Такія картины на столько поражали мѣстное населеніе, что молва о коммиссіи и о графѣ распространялась быстро по уѣздамъ и даже сосѣднимъ губерніямъ и развивала паническій страхъ между сектантами.

Но другой случай обыска былъ еще изумительнѣе! Дознано было, что цѣлая группа сектантовъ съ нѣсколькими наставниками и ихъ любовницами проживаютъ въ подземномъ помѣщеніи среди густаго лѣса, гдѣ занимаются перепискою своихъ книгъ и рукописей и даютъ пристанище подобнымъ себѣ бѣглымъ странникамъ. Рано утромъ, на разсвѣтѣ, зимой, у опушки лѣса остановилось нѣсколько саней съ графомъ Стенбокомъ и другими членами коммиссіи; по извѣстнымъ знакамъ и примѣтамъ на стволахъ деревьевъ, они углубляются въ чащу лѣса, идутъ довольно долго разными изворотами и, наконецъ, среди самой чащи лѣса находятъ площадку, гладко покрытую снѣгомъ, сквозь который въ одномъ мѣстѣ едва пробивается синій дымокъ. Потихоньку подходятъ къ этому мѣсту, находятъ слѣды, разрываютъ снѣгъ и попадаютъ на подъемную доску, которая подымается на петляхъ, внутрь глубоко опущена лѣстница; впереди всѣхъ по лѣстницѣ спускается жандармъ съ взведеннымъ куркомъ пистолета, за нимъ графъ Стенбокъ и

другіе,—и какая же представляется картина?—цѣлая изба со всѣми удобствами, топящаяся русская печь, въ которую нѣсколько мужчинъ и женщинъ поспѣшно кидаютъ книги и рукописи. Появленіе это было на столько неожиданно и поразительно, что всѣ, взятые тутъ, въ томъ числѣ одинъ изъ наставниковъ, Иванъ Васильевъ Грозный, не медля, сознались, и тутъ же съ нихъ были сняты весьма подробныя и интересныя показанія, отъ которыхъ они, впрочемъ, впослѣдствіи отказались.

Вотъ какъ были обставлены дѣйствія нашей коммиссіи; ежедневно дѣло наше разросталось, усложнялось, увеличивалось число подсудимыхъ, раскрывались нити, связующія это дѣло съ другими губерніями, и работа положительно кипѣла.

Среди усиленныхъ занятій нашихъ, въ часъ обѣда и иногда поздно вечеромъ, навѣщали насъ такъ называемые друзья коммиссіи. Большинство мѣстной молодежи, представители судебнаго вѣдомства, правовѣды, юные профессора Демидовскаго лицея, писатель Авдѣевъ и другіе. Крайне пріятны и увлекательны были подчасъ споры и бесѣды, которыми руководилъ, конечно, болѣе другихъ И. С. Аксаковъ. Такъ провели мы всю зиму 1850—1851 года, и къ этому времени и относится появленіе мысли о нарисованіи группы коммиссіи. Фотографій въ то время не было, и мысль эта была осуществлена товарищемъ нашимъ, А. В. Поповымъ, отъ природы одареннымъ великолѣпными способностями къ живописи и очень удачно потрафлявшимъ сходство въ портретахъ.

Его-то мы и попросили обезсмертить друзей коммиссіи въ память добрыхъ часовъ, проведенныхъ вмѣстѣ. Начались сеансы въ свободныя минуты по вечерамъ и въ праздники, сидѣлъ по очереди кто нибудь изъ насъ, но сеансы эти, въ виду массы дѣла, были самые короткіе, почему и рисунокъ, начатый около Рождества, оконченъ былъ только къ веснѣ; какъ во время сеансовъ, такъ и вообще въ минуты отдохновенія, устроивалось иногда громкое чтеніе и велись оживленныя бесѣды. Аксаковъ читалъ намъ свои стихи и написанную имъ въ то время вчернѣ поэму «Бродяга», М. В. Авдѣевъ читалъ помѣщаемыя имъ въ «Современникѣ», очень въ то время нравившіяся публикѣ повѣсти: «Варинька, Тамаринъ и Ивановъ»; послѣдній разсказъ еще не былъ вполнѣ оконченъ и появился въ печати впослѣдствіи съ посвященіемъ «Друзьямъ К.» (т. е. коммиссіи). На группѣ нашей большаго размѣра можно различить, что на столѣ лежитъ книга «Современника», а на тетради передъ Аксаковымъ написано «Бродяга».

Вотъ въ это-то счастливое время донесено было министру внутреннихъ дѣлъ, что вокругъ Аксакова группируется молодежь, и онъ занимаетъ ее чтеніемъ статей предосудительнаго содержанія. Графъ Перовскій, тогдашній министръ, попросилъ у Аксакова

объясненія по этому поводу; онъ написалъ, что точно читалъ при друзьяхъ свою поэму «Бродяга», и, какъ она была, въ черновой тетради, съ поправками и помарками, послалъ министру. Эта переписка лишила министерство внутреннихъ дѣлъ такого замѣчательнаго дѣятеля, какъ Аксаковъ, потому что, когда министръ возвратилъ ему его рукопись и, весьма вѣжливо отзываясь о его сочиненіи, тѣмъ не менѣе, намекнулъ, что лучше было бы посвящать свободное время дѣламъ службы, а не литературнымъ занятіямъ, то оскорбленный этимъ Аксаковъ, занимавшійся въ то время службой не менѣе 16-ти часовъ въ день, тутъ же объявилъ, что онъ оставляетъ службу по министерству внутреннихъ дѣлъ и скоро послѣ этого послалъ свою просьбу объ отставкѣ, не смотря на усиленныя просьбы друзей его этого не дѣлать.

Но возвратимся къ группѣ; къ концу нашихъ занятій, въ апрѣлѣ 1851 года, и она была окончена, но никогда никто не думалъ литографировать ее въ мѣстной губернской типографіи, что̀ въ то время было и немыслимо по средствамъ и устройству типографіи губернскаго правленія, а потому разсказъ о томъ, что начальникъ губерніи, недовольный этой группою, приказалъ разбить доску, на которой она гравирована, не имѣетъ ни малѣйшей тѣни справедливости; губернаторъ даже и не видалъ этой группы до ея отпечатанія, такъ какъ не бывалъ у графа Стенбока. Дальнѣйшая участь группы нашей поручена была Стенбоку, рѣшили мы отпечатать ее въ частной типографіи, въ количествѣ до ста экземпляровъ, уплатили, по складчинѣ, кажется, около ста рублей, а отлиграфирована она была въ Петербургѣ у Поля Пети. Стенбокъ дѣлалъ этотъ заказъ, а А. В. Поповъ, бывшій въ то время уже на службѣ въ Петербургѣ, слѣдилъ за работой и самъ кое-что поправлялъ на камнѣ. Имена лицъ, помѣщенныхъ въ группѣ, совершенно правильно названы въ статьѣ г. Усова; нѣкоторые изъ насъ, вѣроятно, вслѣдствіе неудавшихся оттисковъ, вышли мало похожими, тогда какъ на рисункѣ сходство всѣхъ было удачно схвачено, не смотря на то, что это было произведеніе любителя товарища артиста, который и себя даже изобразилъ крайне удачно; менѣе другихъ похожи Унковскій, Купріяновъ и я, но портретъ И. С. Аксакова былъ въ то время очень похожъ; подлинный рисунокъ и теперь хранится у Попова; изъ числа восьми лицъ дружеской группы въ живыхъ остались только А. В. Поповъ и я.

Припоминая это доброе время коммиссіи, повторяю, что это была одна изъ пріятнѣйшихъ эпохъ моей жизни и моей служебной дѣятельности; я былъ молодъ, впечатлителенъ, и эти добросовѣстные труженики дѣла и проводники честныхъ идей, эта энергичная, талантливая натура И. С. Аксакова, оставили на мнѣ, на всю мою жизнь, глубокіе, неизгладимые и, смѣю думать, крайне для меня благотворные слѣды и впечатлѣнія.

Въ то время, какъ совершенно вѣрно говоритъ К. А. Бороздинъ, въ Ярославлѣ жилось весело, бывали постоянно вечера, обѣды, и, если уже куда, хотя изрѣдка, мы появлялись, то не иначе какъ всею коммиссіею, за исключеніемъ Аксакова, который имѣлъ мало знакомыхъ и вообще не любилъ бывать въ обществѣ, и звали нашъ кружокъ въ обществѣ не иначе какъ «коммиссіею».

Въ апрѣлѣ 1851 года, занятія наши окончились, и всѣ разъѣхались: Аксаковъ поѣхалъ сначала въ Москву, а потомъ въ Абрамцово, гдѣ жила его семья, графъ Стенбокъ вернулся въ Петербургъ и туда же на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ перешли и мы съ Поповымъ. Но на мою долю выпало еще долго заниматься дѣлами странической секты; къ осени того же 1851 года, мы съ графомъ Стенбокомъ опять вернулись въ Ярославль, причемъ я былъ въ качествѣ его помощника, и болѣе года занимались мы дѣлами секты, развивая ея нити и изслѣдуя ее, кромѣ Ярославской, и въ другихъ губерніяхъ: Костромской, Владимірской и Нижегородской. Въ началѣ 1853 года, графъ Стенбокъ былъ отозванъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ получилъ высшее назначеніе; потомъ перешелъ въ вѣдомство удѣловъ и окончилъ свои дни, лѣтъ шесть тому назадъ, занимая должность предсѣдателя департамента удѣловъ и состоя оберъ-гофъ-маршаломъ высочайшаго двора.

Съ отъѣздомъ его изъ Ярославля, тамъ образована была по высочайшему повелѣнію особая судная коммиссія надъ лицами, привлеченными къ отвѣтственности по дѣламъ секты; членами этой коммиссіи назначены были представители разныхъ вѣдомствъ: внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ, юстиціи и корпуса жандармовъ, а я былъ назначенъ производителемъ дѣлъ, и только къ осени 1854 года я окончательно прекратилъ свою дѣятельность по дѣламъ бывшей коммиссіи; занятія были окончены, и я представилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ нѣсколько десятковъ томовъ и не менѣе того пудовъ отобранныхъ въ разное время книгъ, рукописей, моделей тайниковъ и другихъ, такъ называемыхъ въ настоящее время, вещественныхъ по дѣлу доказательствъ.

Взаключеніе возвращусь опять къ той несталой свѣтлой личности И. С. Аксакова, по поводу кончины котораго я пишу эти строки. Вскорѣ послѣ того, какъ мы съ ними разстались, онъ написалъ стихи, посвященные друзьямъ коммиссіи, и озаглавилъ ихъ такъ: «Моимъ друзьямъ, немногимъ честнымъ людямъ, находящимся въ государственной службѣ». Стихи эти извѣстны читающей публикѣ, они напечатаны были своевременно, кажется, въ «Русской Бесѣдѣ» и помѣщены въ числѣ недавно изданныхъ, послѣ уже кончины Аксакова, стихотвореній его на страницѣ 19-й, подъ заглавіемъ: «Моимъ друзьямъ». Стихи эти кончались такъ:

«Такъ пусть же дремлетъ въ тишинѣ
Тоска несбыточныхъ желаній,—

За то, безъ праздныхъ ожиданій,
Вы люди честные вполнѣ!
Такъ жизнь скупа, предѣлъ такъ кратокъ!
Надеждамъ пышнымъ не созрѣть!
И благо тѣмъ, кому безъ взятокъ
Придется здѣсь разокъ десятокъ
Слезу невинныхъ утереть,
Вновь возвратить стѣсненнымъ грудямъ
Просторъ и воздухъ въ душной мглѣ...
Такъ благо вамъ, хорошимъ людямъ,
За ваше дѣло на землѣ!»

Мнѣ Иванъ Сергѣевичъ прислалъ эти стихи, собственноручно имъ написанные, при письмѣ слѣдующаго содержанія:

«Съ радостью исполняю я желаніе ваше, любезнѣйшій мой Александръ Сергѣевичъ, переданное мнѣ Никольскимъ, и посылаю вамъ мои стихи. Въ сочувствіи вашемъ къ мыслямъ, изложеннымъ въ стихахъ, я не сомнѣвался; сочувствіе ваше въ поэтической формѣ выраженія пріятно мнѣ какъ автору. Тѣмъ не менѣе вамъ, какъ человѣку еще молодому, обуреваемому мятежомъ разныхъ стремленій и исканій,—я позволяю себѣ дать совѣтъ: почаще читать эти стихи, вдумываться въ ихъ смыслъ и руководить себя по возможности взглядомъ, въ нихъ высказаннымъ. Намъ всѣмъ общи эти мысли, но не всегда (точно также и мнѣ) онѣ присущи. Помнить, что жизнь есть трудъ, борьба, подвигъ, что, кромѣ личнаго счастія, существуетъ для насъ цѣль счастія и блага общественнаго, что мы призваны сюда для служенія добру и правдѣ... вотъ что необходимо для насъ на каждомъ шагу въ жизни. Отъ Никольскаго я слышалъ, что вы опять нездоровы. Дай Богъ вамъ поскорѣе выздоровѣть, освободиться отъ вашихъ занятій (слишкомъ долго продолжающихся) и возвратиться въ Петербургъ для полученія новаго порученія. Будьте же здоровы; крѣпко обнимаю васъ.

«Вамъ отъ души преданный
«Ив. Аксаковъ».

24 декабря 1852 года.
С. Абрамцово.

P. S. «Поздравляю съ праздникомъ; будете писать Попову, кланяйтесь ему отъ меня да при случаѣ сообщите ему и стихи».

Этими знаменательными для юности словами несталаго борца за правду и мощнаго поэта я и кончаю свои о немъ воспоминанія.

Послѣ нашихъ общихъ занятій по службѣ, судьба моя устроилась такъ, что мнѣ не приходилось пользоваться обществомъ Ивана Сергѣевича, хотя и встрѣчалъ я его нѣсколько разъ случайно въ Москвѣ, гдѣ всегда бывалъ только проѣздомъ и на самое короткое время. Но я постоянно слѣдилъ за его дѣятельностію, получалъ его изданія, соболѣзновалъ его неудачамъ и отъ души сочувствовалъ успѣхамъ его знаменитыхъ рѣчей по славянскому дѣлу.

Въ 1859 году, онъ издавалъ журналъ «Парусъ», котораго изданіе прекратилось послѣ № 2-го. Тогда, по этому случаю, я написалъ слѣдующіе стихи:

ПАРУСЪ.

А онъ мятежный ищетъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!
Лермонтовъ.

Вздумалъ въ путь собраться дальній
Съ русской братьей утлый челнъ;
Отъ друзей привѣтъ прощальный
Получилъ онъ и печально
Предался велѣнью волнъ.

Парусъ крѣпкій и суровый
Развернулъ онъ, чтобъ быстрѣй
На стезѣ явиться новой,
И къ опасностямъ готовый
Скрылся онъ въ виду друзей.

И умчался онъ мгновенно,
Стройно, лихо полетѣлъ.
Безъ боязни, откровенно,
Вѣрный цѣли неизмѣнной,
Онъ вокругъ себя глядѣлъ.

Слышны были братьи рѣчи,
Друженъ былъ межъ ними складъ,
Не боясь опасной встрѣчи,
Ни камней, ни бурь, ни течи,
Былъ онъ счастливъ, былъ онъ радъ.

Вдругъ отъ сѣвера холодный
Вѣтръ поднялся верховой,
И, средь волнъ пустыни водной,
Ужъ не бодро, не свободно
Парусъ движется лихой!

Бѣдный парусъ, не робѣя,
Только тише въ даль идетъ,
Съ каждымъ шагомъ все слабѣя,
Рвутся снасти, вѣтръ сильнѣе,
Крѣпко мачту парусъ гнетъ.

Страшенъ вѣтръ и черны тучи,
Парусъ движется въ борьбѣ,
Ну, еще, еще покруче!
Все напрасно: вѣтръ могучій
Не позволитъ плыть тебѣ!

Такъ, благія начинанья,
Участь ваша такова!
Не созрѣли упованья,
И за искренность сознанья
Не выносятся слова!

Село Иваново.
19 мая 1886 г.

А. С. Хомутовъ.

БОЛГАРІЯ И ВОСТОЧНАЯ РУМЕЛІЯ ПОСЛѢ БЕРЛИНСКАГО КОНГРЕССА[1].

(Историческій очеркъ).

IV.

ДРАГАНЪ Цанковъ, которому князь Александръ, въ апрѣлѣ 1880 года, поручилъ составленіе либеральнаго кабинета, личность интересная и весьма характерная: его имя было извѣстно и фигурировало въ европейскихъ газетахъ ранѣе нашей послѣдней войны и освобожденія Болгаріи. Онъ ухитрился пріобрѣсти извѣстное политическое положеніе, въ глазахъ дипломатіи, еще въ началѣ 60-хъ годовъ.

Драганъ (Дмитрій Цанковъ), родомъ изъ Свиштова, или Систова, на Дунаѣ; въ окрестностяхъ этого города пріютилось нѣсколько селъ павликіанъ, т. е. болгаръ, перешедшихъ въ католичество, изъ распространенной въ средніе вѣка между болгарами богомильской секты. Хотя самъ Цанковъ родился православнымъ, но люди, близко его знающіе, говорили мнѣ, что онъ имѣетъ какія-то семейныя связи съ павликіанами.

Въ молодости, проживая въ Вѣнѣ, Драганъ Цанковъ (онъ знаетъ европейскіе языки), подъ руководствомъ извѣстнаго филолога Миклошича, издалъ въ 1852 году первую болгарскую грамматику на нѣмецкомъ языкѣ.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXIV, стр. 567.

Въ 1859 году, въ самый разгаръ болгарской распри съ константинопольской патріархіей, онъ выступаетъ въ Константинополѣ на поприщѣ журналиста, начавъ изданіе газеты «Болгарія», надѣлавшей много шума.

Эта газета издавалась на французскомъ и болгарскомъ языкахъ и была органомъ католической пропаганды среди болгаръ. Въ то время Франція имѣла преобладающее положеніе на востокѣ. Наполеоновская дипломатія, игравшая очень крупную роль на берегахъ Босфора, пользовалась католическимъ духовенствомъ, какъ весьма пригоднымъ орудіемъ, для проведенія своихъ политическихъ цѣлей на востокѣ. Это весьма любопытный и до сихъ поръ мало изслѣдованный эпизодъ изъ исторіи восточнаго вопроса.

Возрожденіе болгарской народности и предстоящая ей роль въ судьбахъ Балканскаго полуострова не укрылись отъ зоркаго взора властолюбиваго Рима. Латинская пропаганда скоро оцѣнила значеніе болгарскаго вопроса и чрезъ десять лѣтъ послѣ изданія извѣстной книги Юрія Венелина, родоначальника болгарскаго возрожденія, была учреждена въ Константинополѣ миссіонерская станція, изъ монаховъ конгрегаціи лазаристовъ, для пропаганды католичества среди болгаръ.

Эти миссіонеры-лазаристы были помѣщены въ монастырѣ св. Бенедикта, въ Галатѣ; они вербовались преимущественно изъ поляковъ, какъ наиболѣе способныхъ къ усвоенію славянскаго языка. Начальникомъ этой миссіонерской станціи былъ назначенъ нѣкто Борé, человѣкъ очень ловкій, свободно владѣвшій болгарскимъ языкомъ. Эта миссіонерская станція была открыта въ 1840 году, а нѣсколько лѣтъ спустя, она уже заявила себя учрежденіемъ въ одномъ изъ предмѣстій Константинополя, именно Бебекѣ, школы (collegium'а) для 200 мальчиковъ и дѣвочекъ. Первые опыты болѣе рѣшительной пропаганды католичества среди болгаръ на первыхъ порахъ потерпѣли неудачу. Въ началѣ 40-хъ годовъ, когда извѣстный болгарскій патріотъ, іеромонахъ Неофитъ (Бозвели), пробуждавшій въ болгарахъ своими проповѣдями народный духъ и доказывавшій, что желаніе болгаръ имѣть свое болгарское духовенство, вмѣсто греческаго, отнюдь не противно уставамъ церкви, навлекъ на себя неудовольствіе константинопольскаго патріарха, сославшаго его за такія проповѣди въ одинъ изъ аѳонскихъ монастырей, лазаристы постарались привлечь опальнаго Неофита на свою сторону. Передъ ссылкой на святую гору, Неофитъ былъ вызванъ патріархомъ для объясненій. Борé воспользовался его пребываніемъ въ Константинополѣ и вошелъ съ нимъ въ сношенія, стараясь разжечь въ немъ естественное чувство обиды, вызванной поднятымъ противъ него гоненіемъ. Но благочестивый болгарскій монахъ, свято чтившій ученіе православной церкви, смиренно подчинился волѣ патріарха, отправился безропотно на Аѳонскую

гору и не только отвергъ предложенія католической пропаганды, но, въ своихъ посланіяхъ съ Аөона къ болгарамъ, краснорѣчиво и усердно предостерегалъ своихъ единоплеменниковъ отъ латинскихъ козней, раскидывающихъ сѣти для уловленія болгарскаго народа въ загребистыя лапы Рима.

Послѣ парижскаго конгресса и изданія пресловута госултанскаго гатти—гумаюна, 18-го февраля 1856 года, стремленія болгаръ къ самостоятельному церковному управленію замѣтно оживились и стали гораздо настойчивѣе и рѣшительнѣе.

Греческое фанаріотское духовенство, относясь крайне высокомѣрно и презрительно къ болгарской національности (греки отрицали даже самое существованіе таковой), подливало масло на огонь. Споры и пререканія между болгарами и греками по церковнымъ дѣламъ стали обостряться и рости, принимая, съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе страстный характеръ взаимнаго раздраженія.

Въ 1858 году, греческій національный совѣтъ при патріархѣ (новое учрежденіе, созданное султанскимъ гаттомъ 1856 года) отвергъ, въ крайне обидной формѣ для національнаго самолюбія болгаръ, извѣстные восемь пунктовъ болгарскихъ требованій (самостоятельное болгарское церковное управленіе, допущеніе болгарскихъ представителей въ патріаршій синодъ въ Константинополѣ, съ правомъ участія въ избраніи патріарха, назначеніе въ болгарскія епархіи архіереевъ изъ природныхъ болгаръ и т. д.). Это вызвало сильное возбужденіе умовъ между болгарами, и безъ того въ высшей степени раздраженными противъ константинопольскаго патріарха и греческаго духовенства, усилившимися, въ то время, притѣсненіями со стороны фанаріатовъ и личнымъ свойствомъ нѣкоторыхъ греческихъ епископовъ въ болгарскихъ епархіяхъ.

Католическіе миссіонеры, сильные, въ то время, покровительствомъ вліятельной, въ совѣтахъ блистательной Порты, французской дипломатіи, окрылились надеждами, думая, что наступаетъ желанный моментъ для рѣшительной пропаганды среди болгаръ. Тюльерійскій кабинетъ обѣщалъ имъ самую дѣятельную поддержку.

Въ это время, а именно въ 1859 году, Цанковъ и приступилъ къ изданію своей газеты «Болгарія», которая явилась усерднымъ органомъ католической пропаганды. Докторъ К. Иречекъ, въ своей «Исторіи болгаръ» [1]), упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ вскользь

[1]) См. его «Исторію болгаръ», въ русскомъ переводѣ Ф. К. Бруна и В. Н. Палаузова, изданіе душеприказчиковъ Априлова, Одесса, 1878 года, стр. 711. Эта исторія болгаръ, написанная почешски профессоромъ Пражскаго университета, докторомъ Константиномъ Иречкомъ и переведенная самимъ авторомъ понѣмецки, считается лучшимъ и самымъ полнымъ трудомъ по исторіи болгаръ. Кромѣ вышеуказаннаго русскаго перевода, имѣется и другой г. Яковлева, появившійся въ Варшавѣ въ 1877 году.

и мимоходомъ. Но направленіе и характеръ газеты, не говоря уже о многихъ прямыхъ указаніяхъ болгарской печати того времени, хорошо знакомой съ обстановкой редакціи «Болгаріи», неопровержимо удостовѣряютъ, что Цанковъ состоялъ тогда въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Борè и лазаристами монастыря св. Бенедикта [1]).

«Болгарія» съ первыхъ же нумеровъ взялась за проповѣдь болгарской уніи съ католичествомъ. Увлекаясь ненавистью къ греческому духовенству и племеннымъ патріотизмомъ, Драганъ Цанковъ, съ свойственнымъ болгарскому характеру упрямствомъ и односторонностью фанатика, пошелъ по скользкому пути подчиненія религіозныхъ вопросовъ политическимъ цѣлямъ и страстямъ. Такое направленіе болгарскаго церковнаго вопроса, которое патріархъ константинопольскій Іоакимъ, въ своемъ окружномъ посланіи отъ 25-го февраля 1861 года, весьма характерно назвалъ «филетизмомъ», было дѣломъ Цанкова, который своими статьями, въ газетѣ «Болгарія», въ значительной степени разжогъ прискорбную болгарскую распрю съ греками.

Энергическіе протесты болгарской общины въ Константинополѣ и убѣдительныя возраженія и увѣщанія болгарскихъ патріотовъ, напримѣръ, извѣстнаго писателя Раковскаго въ «Дунайскомъ Лебедѣ», газетѣ, издававшейся, въ Бѣлградѣ, Гавріила Крестовича и Стоянова-Бурмова [2]), въ константипольскомъ журналѣ «Болгарскія Книжицы», авторитетно и рѣшительно возставшихъ противъ уніи съ папой, проповѣдуемой Цанковымъ, не остановили послѣдняго. Онъ настойчиво продолжалъ свою пропаганду и многихъ смутилъ своими страстно и бойко написанными статьями, въ которыхъ, не обинуясь, доказывалъ, что для болгаръ самое вѣрное и практическое средство избавиться отъ ненавистнаго и угнетающаго ихъ греческаго духовенства представляется въ уніи съ римской церковью.

[1]) Интересныя указанія по этому предмету встрѣчаются въ статьяхъ болгарскихъ сотрудниковъ, издававшагося въ Парижѣ, православнаго журнала «Union Chretienne», между прочимъ, въ статьѣ посвященной Цанкову (онъ же Дмитрій Гиковъ или Киріяковъ въ № 24 этого изданія за 1865 годъ).

На связи Цанкова съ лазаристыми многократно указывалъ и извѣстный болгарскій писатель Раковской, въ своихъ полемическихъ статьяхъ по вопросу о болгарской уніи, печатавшихся въ разныхъ болгарскихъ изданіяхъ того времени. Дѣятельность католической пропаганды лазаристовъ и исторія болгарской уніи довольно подробно изложены профессоромъ Московской духовной академіи Е. Голубинскимъ, въ его извѣстной и весьма солидной книгѣ: «Очеркъ исторіи православныхъ церквей, болгарской, сербской и румынской», Москва, 1871 г.

[2]) Того самаго Крестовича, генералъ-губернатора Восточной Румеліи, который былъ низверженъ 6-го сентября 1885 года. Стояновъ-Бурмовъ—предсѣдатель перваго министерства княжества, о которомъ говорилось въ III-й главѣ настоящаго очерка.

Завязалась горячая полемика по этому жгучему вопросу. Лица благоразумныя и знакомыя съ исторіей рѣшительно отшатнулись отъ Цанкова, но его пропаганда производила впечатлѣніе на умы незрѣлые, вербуя себѣ сторонниковъ между молодежью и болгарскими купцами, обнаружившими большую склонность къ уніи, ради цѣлей политическихъ. Нѣсколько болгарскихъ общинъ, даже не дожидаясь уніи, перешло въ католицизмъ [1]).

Наконецъ, въ довершеніе затѣяннаго дѣла, Цанковъ, Николай Сапоновъ, Стояновъ, Джейковъ и другіе образовали особую депутацію, изъ своихъ единомышленниковъ [2]), которая, въ декабрѣ 1860 года, вступила въ соглашеніе съ папскимъ викаріемъ, въ Константинополѣ, монсиньёромъ Брунони, объ условіяхъ болгарской уніи, причемъ подали Брунони просьбу на имя папы, въ которой они заявляли, что признаютъ его святѣйшество главой всей каѳолической церкви, какъ преемника св. Петра и намѣстника Іисуса Христа; исповѣдуютъ всѣ истины, которымъ учитъ св. римская церковь, согласно съ актомъ исповѣданія вѣры, представленнымъ депутаціей ихъ эминенціямъ монсиньёру Брунони и примасу католическихъ армянъ Гассуни, выговаривая себѣ при этомъ славянскую литургію. Для новообращеннаго стада, съ торжествомъ принятаго католической пропагандой, въ Константинополѣ, сейчасъ же была устроена временная церковь, въ которой примасъ католическихъ армянъ Гассуни отслужилъ парадную мессу для болгарскихъ уніатовъ, а французское посольство выхлопотало у Порты признаніе за ними правъ особого «милетта», то-есть независимой отъ константинопольскаго патріарха, совершенно самостоятельной церковно-политической общины (Annuaire de deux Mondes, за 1861 годъ, стр. 544).

Вначалѣ слѣдующаго, 1861 года, болгары, обратившіеся въ унію, снарядили торжественную депутацію въ Римъ, къ папѣ, съ Цанковымъ, какъ однимъ изъ усерднѣйшихъ пропагандистовъ уніи, во главѣ. Вслѣдъ за депутаціей туда же отправился и миссіонеръ Борѐ съ архимандритомъ Іосифомъ Сокольскимъ, котораго онъ держалъ безотлучно при себѣ, какъ бы боясь, чтобы этотъ простой и обманутый болѣе хитрыми людьми человѣкъ не ускользнулъ изъ рукъ католической пропаганды.

Въ апрѣлѣ того же года, болгарская депутація имѣла торжественную аудіенцію у Пія IX, а нѣсколько дней спустя архимандритъ Іосифъ Сокольской, человѣкъ весьма малообразованный,

---

[1]) Такъ, напримѣръ, Полянская община, близь Солуня. См. статью Богобоева: «Question Boulgare», въ названномъ журналѣ «Union Chretienne», №№ 24 и 25 за 1866 г.

[2]) Въ составѣ этой болгарской депутаціи было нѣсколько болгарскихъ клириковъ, именно архимандриты Макарій и Іосифъ, впослѣдствіи посвященный папой въ санъ уніатскаго архіепископа Болгаріи, священники Ѳедоръ и Димитрій и діаконъ Висаріонъ.

чтобы не сказать малограмотный (онъ былъ прежде болгарскимъ гайдукомъ и провелъ всю молодость въ Балканахъ, въ своеобразныхъ приключеніяхъ болгарскаго гайдучества, отличающагося отъ обыкновеннаго разбойничества только національной окраской и борьбой противъ турокъ), былъ посвященъ лично самимъ папой въ санъ архіепископа вновь присоединенной болгарской уніатской церкви. Объ этомъ торжествѣ Пій IX возвѣстилъ всему міру въ грамотѣ на имя монсиньёра Брунони, заявляя свою великую радость по поводу столь вожделѣннаго событія, какъ возсоединеніе болгаръ, и моля Бога о довершеніи начатаго дѣла (эта грамота напечатана въ изданной въ Парижѣ, въ 1861 году, однимъ ревностнымъ католикомъ брошюрѣ «La Boulgarie Chretienne»).

Впослѣдствіи Драганъ Цанковъ, человѣкъ въ высшей степени равнодушный ко всякимъ религіознымъ вопросамъ, отказался отъ уніи, объясняя свой тогдашній образъ дѣйствій желаніемъ понудить Россію къ болѣе дѣятельному участію въ болгарской церковной распрѣ въ пользу болгарскихъ національныхъ стремленій.

«Унія намъ была нужна,—увѣрялъ Цанковъ, во время послѣдней турецкой кампаніи, нашихъ газетныхъ корреспондентовъ,—какъ угроза противъ бездѣятельности русской дипломатіи». Но такое героическое средство отнюдь не вызывалось положеніемъ дѣлъ. Русская дипломатія въ предѣлахъ возможнаго и до возникновенія уніи поддерживала болгарскія ходатайства о предоставленіи имъ своего духовенства. Провозглашеніе уніи хотя и встревожило не только русскую, но и англійскую дипломатію, тѣмъ не менѣе отнюдь не повело къ крупнымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ въ пользу болгарскихъ притязаній. Это былъ такой щекотливый и сложный вопросъ, который глубоко затрогивалъ интересы церковнаго міра на Балканскомъ полуостровѣ, и его, очевидно, невозможно было разрѣшить однимъ почеркомъ пера съ барабаннымъ боемъ, не испробовавъ предварительно всѣхъ средствъ мирнаго соглашенія.

Только девять лѣтъ спустя, когда всѣ попытки такого соглашенія были истощены и надежда мирнаго разрѣшенія распри властью патріарха, въ духѣ взаимнаго соглашенія, была окончательно утрачена, нашъ посолъ въ Константинополѣ, Н. П. Игнатьевъ, посовѣтовалъ Портѣ своею властью разрѣшить, наконецъ, эти прискорбныя пререканія. Церковное управленіе въ Болгаріи, глубоко потрясенной въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ этой неурядицей и страстной племенной борьбой, находилось въ совершенной анархіи, которое терпѣть долѣе было нельзя.

При этомъ случаѣ, какъ кажется [1]), нашъ посолъ призналъ нуж-

[1]) Въ виду того, что наши дипломатическіе переговоры съ Портою по болгарскому церковному вопросу до сихъ поръ не обнародованы въ подробностяхъ, я не считаю возможнымъ положительно утверждать это обстоятельство, на которое указываютъ лишь частные источники.

нымъ высказаться въ пользу признанія болгарскаго экзархата, на что намекаютъ нѣкоторые писатели и, между прочимъ, Иречекъ.

Великій визирь Али-паша, считавшій полезнымъ держать руку болгаръ изъ политическихъ соображеній, ради противовѣса грекамъ, охотно исполнилъ желаніе русской дипломатіи, поддержанное также и Англіей, которая съ самаго начала болгарской церковной распри была въ пользу болгарскихъ требованій, опасаясь, что упорное сопротивленіе греческаго патріарха народнымъ стремленіямъ болгаръ не заставило бы ихъ, наконецъ, броситься въ объятія римскаго католицизма.

27 февраля 1870 года, былъ составленъ султанскій фирманъ объ учрежденіи болгарскаго экзархата, хотя самое назначеніе экзарха болгарскаго послѣдовало только годъ спустя, вслѣдствіе протестовъ константинопольскаго патріарха противъ этого султанскаго фирмана, какъ акта, нарушающаго церковные каноны.

Когда избранный болгарами экзархъ Анѳимъ отправился, наконецъ, къ своей паствѣ, встрѣчаемый народнымъ энтузіазмомъ во всѣхъ болгарскихъ епархіяхъ своего экзархата, а назначенные, въ силу султанскаго фирмана, въ патріаршій синодъ болгарскіе митрополиты отслужили самовольно, т. е. безъ патріаршаго благословенія, литургію въ болгарской церкви въ Константинополѣ, съ водосвятіемъ въ день Богоявленія, 6-го января 1873 года, патріархъ отлучилъ ихъ вмѣстѣ съ экзархомъ и народомъ болгарскимъ отъ общенія со вселенской православной церковью. Послѣ такого отлученія болгаръ, расколъ сталъ формально совершившимся фактомъ. Такимъ образомъ, историческая справка опровергаетъ такое объясненіе уніи, придуманное Цанковымъ уже впослѣдствіи ради своего оправданія въ нашихъ глазахъ. Пропагандируя унію, Цанковъ преслѣдовалъ совсѣмъ другія цѣли, онъ, очевидно, желалъ заручиться покровительствомъ Франціи, и въ этомъ случаѣ служилъ, сознательно или нѣтъ, орудіемъ латинской пропаганды. Чешскій ученый д-ръ Иречекъ, крайне неохотно разоблачающій интриги Рима въ болгарскихъ дѣлахъ и желающій повозможности обѣлить Цанкова, однако, не отрицаетъ того обстоятельства, что вожаки польской эмиграціи въ Парижѣ, графъ Владиславъ Замойской и князь Чарторійской, въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, мечтали въ серьёзъ, опираясь на лазаристовъ (т. е. миссіонеровъ монастыря св. Бенедикта) и проживавшихъ въ Константинополѣ польскихъ эмигрантовъ, присоединить болгаръ къ католической церкви[1]).

Связи Цанкова съ этими магнатами польской эмиграціи въ Парижѣ не подлежатъ сомнѣнію. Я знаю достовѣрно, что Цанковъ послѣ своей поѣздки въ Римъ побывалъ въ Парижѣ (время съ точностью опредѣлить не могу), гдѣ, благодаря покровительству поль-

[1]) См. исторію болгаръ Константина Иречка, стр. 711.

скихъ эмигрантовъ, имѣлъ секретную аудіенцію въ Тюльерійскомъ дворцѣ.

Но, какъ человѣкъ практическій, Цанковъ черезъ нѣсколько лѣтъ убѣдился, что наполеоновскій цезаризмъ отнюдь не надежный союзникъ для Болгаріи. Послѣ Садовой вліяніе Франціи стало слабѣть на Балканскомъ полуостровѣ, а послѣдовавшій затѣмъ въ 1869—1870 годахъ разгромъ Франціи заставилъ Цанкова горько раскаяться въ увлеченіяхъ своей молодости; онъ послѣ 1870 года круто отрекся отъ своего франкофильства, изъ котораго, впрочемъ, извлекъ нѣкую пользу, пока Франція имѣла силу на Балканскомъ полуостровѣ. Благодаря покровительству французской дипломатіи, онъ поступилъ на турецкую службу и получилъ должность турецкаго каймакама, которой и воспользовался для цѣлей болгарской пропаганды.

Затѣянная имъ унія скоро разсыпалась. Послѣ возвращенія изъ Рима, новопоставленный архіепископъ Іосифъ Сокольской, встрѣченный съ большой помпой католическими миссіонерами,—они понудили даже французское посольство вступить въ переговоры съ Портой о дарованіи ему титула болгарскаго патріарха,—не замедлилъ испытать тернія своего положенія. Его окружили іезуиты, которые стали осаждать его требованіями безпрекословнаго признанія всѣхъ догматовъ и обрядовъ католической церкви, вопреки торжественнымъ обѣщаніямъ папы. Болгарскій народъ, слѣдуя совѣтамъ своихъ наиболѣе авторитетныхъ руководителей, относился къ уніатскому епископу весьма подозрительно и холодно. Угловатые манеры и простота Іосифа ставили его въ неловкое положеніе среди католическихъ патеровъ, людей совсѣмъ другаго образованія.

Сознавая, что попалъ не въ свою колею, новый уніатскій пастырь упалъ духомъ, впалъ въ уныніе и началъ раскаяваться въ принятой имъ на себя роли. Это сдѣлалось извѣстно русскому посольству, которое вступило съ нимъ въ сношенія. Кончилось тѣмъ, что епископъ Іосифъ въ одно прекрасное утро исчезъ изъ Константинополя; онъ удалился въ Россію, отрекся отъ уніи, объяснивъ чистосердечно мотивы своего отреченія въ посланіи къ болгарамъ, и поселился въ Кіево-Печерской лаврѣ[1]).

Западная католическая печать, заживо задѣтая отреченіемъ отъ уніи главы новообращенной паствы, пустила въ ходъ слухъ, что Сокольской былъ увезенъ обманомъ въ Россію, по распоряженію нашего посла генерала Игнатьева.

Съ удаленіемъ со сцены Сокольскаго, унія стала быстро распадаться, попытка пріискать ему преемника не имѣла успѣха, нѣ-

---

[1]) Это посланіе Іосифа Сокольскаго къ болгарамъ, въ которомъ онъ приноситъ покаяніе въ грѣхѣ временной измѣны православію и предостерегаетъ ихъ противъ козней іезуитовъ, напечатано въ французскомъ переводѣ въ журналѣ «Union Chretienne», за 1867 годъ, № 11.

которыя болгарскія общины, принявшія унію, снова возвратились къ православной церкви. Цанковская «Болгарія» закрылась за недостаткомъ подписчиковъ, а самъ онъ поступилъ на турецкую службу.

Неудача, постигшая унію, и разочарованіе въ надеждахъ на Францію,—въ политическое могущество Австріи Цанковъ никогда не вѣрилъ, раздѣляя въ этомъ отношеніи общій всѣмъ старымъ болгарамъ взглядъ,—были тяжкимъ, но полезнымъ урокомъ для такого горячаго и никогда не падавшаго духомъ патріота, какъ Цанковъ.

Послѣ 1870 года, онъ сталъ настойчиво искать сближенія съ Россіей, хотя въ виду его прошлаго ему было нелегко пріобрѣсти довѣріе русскаго правительства; но онъ, какъ человѣкъ находчивый и обладающій непреклонной волей, въ этомъ не отчаявался. Я знаю очень мало про тѣ годы жизни Цанкова, которые онъ провелъ послѣ франко-прусской войны до поселенія своего въ Бухарештѣ. Одно время турки оцѣнили его голову и усердно желали повѣсить своего бывшаго каймакама[1]), агитаторская дѣятельность котораго въ Болгаріи и участіе въ болгарскихъ революціонныхъ комитетахъ и газетахъ, наконецъ, обнаружились, приведя въ ярость турецкія власти. Хотя болгары отлично знаютъ другъ друга, но и для нихъ въ жизни Цанкова есть много темныхъ и совершенно неизвѣстныхъ страницъ. Достовѣрно то, что, когда начались болгарскія избіенія, предшествовавшія сербской войнѣ, Драганъ Цанковъ ѣздилъ съ Балабановымъ по Европѣ, въ качествѣ депутата отъ Болгаріи и ходатая за угнетенный турками болгарскій народъ. Русскій манифестъ о войнѣ засталъ Цанкова въ Букарештѣ, въ качествѣ предсѣдателя болгарскаго революціоннаго комитета. Цанковъ, какъ человѣкъ въ высшей степени энергичный и властный, всегда и во всякой обстановкѣ умѣлъ пріобрѣсти вліяніе. По отзывамъ болгаръ, проживавшихъ въ Букарештѣ, онъ и тамъ пользовался вліяніемъ, авторитетно распоряжался комитетомъ, избравшимъ его въ предсѣдатели.

Когда былъ полученъ манифестъ о войнѣ, Цанковъ со свойственной ему практичностью и рѣшительностью сообразилъ, что дѣятельность революціонныхъ болгарскихъ комитетовъ должна стушеваться и даже совсѣмъ упраздниться, иначе могутъ возникнуть нежелательныя для болгаръ столкновенія съ русской властью. Онъ сейчасъ же созвалъ комитетъ и объявилъ объ его закрытіи. «Намъ пока болѣе нечего дѣлать, наше дѣло взяла въ свои руки великая Россія, теперь не объ чемъ болѣе разсуждать, надо спѣшить предложеніемъ своихъ услугъ Россіи, теперь все отъ нея зависитъ; мы должны на время стать ея слугами, пристроиться къ русской

---

[1]) Т. е. по-нашему вице-губернаторъ.

арміи, хотя бы въ качествѣ переводчиковъ»,—сказалъ Цанковъ, прибавивъ, что самостоятельная дѣятельность для болгаръ можетъ открыться только послѣ освобожденія Болгаріи.

Не смотря на возраженія нѣкоторыхъ изъ членовъ комитета, Цанковъ тогда же закрылъ комитетъ и поспѣшилъ въ русскую армію. Говорятъ, его первая встрѣча съ княземъ Черкасскимъ, вообще неособенно баловавшимъ болгаръ, не лишена была комизма. Князь зналъ довольно подробно прошлое Цанкова и сразу далъ ему понять, что вести свою политику Цанковъ при Черкасскомъ не можетъ, что ему предстоитъ подчиниться строгой дисциплинѣ, если онъ дѣйствительно желаетъ служить русскому гражданскому управленію въ Болгаріи.

Цанковъ смиренно выслушалъ довольно жесткую рѣчь князя Черкасскаго и съ величайшей покорностью обязался безпрекословно и усердно служить всѣмъ распоряженіямъ русской власти. Дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ опытовъ князь Черкасскій отзывался про Цанкова, что онъ со всѣмъ шелковый, и вскорѣ назначилъ его вице-губернаторомъ въ Тырново.

При жизни Черкасскаго и даже во время управленія Дондукова-Корсакова, Цанковъ являлся однимъ изъ наиболѣе исполнительныхъ болгарскихъ чиновниковъ, и если во время великаго народнаго собранія въ Тырновѣ опонировалъ русскому проекту болгарской конституціи, то только убѣдившись достовѣрно, что князь Дондуковъ допускаетъ свободное выраженіе мнѣній со стороны депутатовъ собранія и даже этого желаетъ.

Стоило князю Дондукову сказать серьёзно нѣсколько внушительныхъ словъ, и Цанковъ сейчасъ же подчинялся его мнѣнію; такъ было, напримѣръ, съ вопросомъ о предѣлахъ компетенціи тырновскаго собранія и предстоящей ему задачѣ. Согласно указанію нашего коммиссара, Цанковъ весьма круто осадилъ болѣе пылкихъ и молодыхъ болгарскихъ патріотовъ, желавшихъ непремѣнно протестовать противъ разчлененія Болгаріи берлинскимъ конгрессомъ (см. III гл. настоящаго очерка въ іюньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника»).

Назначенный передъ удаленіемъ нашихъ войскъ изъ Болгаріи, въ ожиданіи пріѣзда уже избраннаго князя, губернаторомъ въ Варну, Цанковъ измѣнилъ политику; онъ сталъ держать себя гораздо самостоятельнѣе и при случаѣ даже показывалъ зубы. Какъ губернаторъ Варны, онъ одинъ изъ первыхъ встрѣтилъ князя Александра, менѣе другихъ заискивалъ расположеніе молодаго князя и даже отказался принять на себя составленіе перваго министерства, въ виду требованія князя, чтобы въ составъ этого министерства былъ приглашенъ глубоко ненавистный ему Грековъ.

Цанковъ твердо вѣрилъ, что при существованіи тырновской конституціи, съ ея широкимъ и властнымъ народнымъ предста-

вительствомъ, его ждетъ неизбѣжно весьма видная и вліятельная политическая роль въ будущемъ, и потому отнюдь не желалъ забѣгать впередъ. Старый практикъ, много видѣвшій на своемъ вѣку, человѣкъ по природѣ въ высшей степени упрямый, самоувѣренный и самовластный, Цанковъ, въ случаѣ надобности, нерѣдко обнаруживалъ замѣчательную для его натуры гибкость и, когда было нужно, умѣлъ прилаживаться ко всякимъ обстоятельствамъ.

Онъ неособенно краснорѣчивъ, какъ ораторъ, не обладаетъ даромъ слова, легкой и плавной рѣчью, но говоритъ всегда внушительно, съ авторитетомъ и въ такомъ демократическомъ собраніи, какъ народное собраніе представителей княжества Болгарскаго, всегда будетъ имѣть вѣсъ.

Другой вліятельный и выдающійся министръ новаго либеральнаго кабинета и въ то время еще большой другъ Цанкова былъ Петко Каравеловъ. Цанковъ взялъ на себя, кромѣ предсѣдательствованія въ совѣтѣ министровъ, и портфель иностранныхъ дѣлъ, а Каравелову поручилъ управленіе министерствомъ финансовъ.

Петко Каравеловъ, родной братъ знаменитаго болгарскаго агитатора и писателя Любена Каравелова, также какъ и этотъ последній, воспитанникъ Московскаго университета [1]). Восторженный и краснорѣчивый народный трибунъ, неутомимый агитаторъ, онъ вообще большой энтузіастъ, долгое время фанатически увлекавшійся всякаго рода либеральными и даже радикальными доктринами.

Изъ долгаго пребыванія въ Россіи Петко Каравеловъ вынесъ любовь къ русской литературѣ и крайнее пристрастіе къ либеральнымъ воззрѣніямъ, съ нигилистическимъ оттѣнкомъ, бывшими въ ходу у насъ въ 60-хъ годахъ. Человѣкъ, обладающій живымъ и впечатлительнымъ умомъ и немалой начитанностью, — онъ свободно читаетъ поанглійски и пофранцузски, а русскимъ языкомъ владѣетъ какъ своимъ роднымъ,—Петко Каравеловъ погрѣшаетъ недостаткомъ выдержки и отсутствіемъ политическаго такта, условіями необходимыми для всякаго государственнаго человѣка, даже въ такой странѣ, какъ Болгарія. Къ тому же онъ плохой администраторъ; такимъ онъ несомнѣнно заявилъ себя, завѣдуя министерствомъ финансовъ, во время управленія перваго либеральнаго кабинета княжества. Всякая администрація, а тѣмъ болѣе вѣдающая финансовую часть, требуетъ соблюденія извѣстнаго, хотя бы чисто бюрократическаго, порядка, а Каравеловъ, какъ принципіальный врагъ всякой бюрократіи, желая упрощенія дѣлопроизводства, но,

[1]) Болѣе подробная характеристика Петка Каравелова напечатана мною въ «Новомъ Времени» за 1883 г., № 2579; см., кромѣ того, біографію Любена Каравелова въ пловдивскомъ журналѣ «Наука» за 1881 г., № 1, авторъ ея С. Бобчевъ, болгаринъ и горячій почитатель Любена Каравелова.

не умѣя этого сдѣлать толково, производилъ немалую безурядицу въ руководимомъ имъ министерствѣ.

Носясь постоянно съ отвлеченными вопросами соціальной доктрины, почитывая англійскія книжки и русскіе журналы, посвящая большую часть своего времени рѣчамъ въ собраніи, на сходкахъ, бесѣдамъ съ пріятелями и многочисленными посѣтителями, Петко Каравеловъ неизбѣжно запускалъ текущія дѣла своего министерства, а тѣмъ болѣе, когда ему, сверхъ того, было поручено временно завѣдовать министерствомъ правосудія (юстиціи).

Даже сторонники Каравелова не отрицаютъ того обстоятельства, что внѣшняго порядка въ ввѣренныхъ его управленію министерствахъ было немного. Такъ, по отзыву одного русскаго прокурора, изгнаннаго изъ княжества за дружбу съ Каравеловымъ, послѣ переворота 27-го апрѣля, въ управляемыхъ имъ министерствахъ господствовалъ нигилизмъ въ болгарскомъ вкусѣ, т. е. отсутствіе формальнаго порядка и всякой дисциплины.

При недостаткѣ у Каравелова административнаго опыта и навыка, это представляется вполнѣ естественнымъ.

По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, если не ошибаюсь по юридическому факультету, Петко Каравеловъ былъ гдѣ-то учителемъ. По объявленіи войны Турціи, онъ поспѣшилъ въ главную квартиру нашей арміи; гражданское управленіе въ Болгаріи вскорѣ назначило его вице-губернаторомъ въ Рущукъ. Въ виду отдаленности этого пункта отъ главной квартиры, онъ избѣгъ ферулы князя Черкасскаго, не дававшаго потачки болгарамъ, получавшимъ должности по гражданскому управленію.

Занимая постъ вице-губернатора въ Рущукѣ, П. Каравеловъ весьма мало занимался своей службой. Тяжкая болѣзнь его брата, извѣстнаго болгарскаго дѣятеля Любена Каравелова [1]), извиняла въ глазахъ русской власти такое отношеніе П. Каравелова къ его служебнымъ обязанностямъ; къ тому же, владѣя хорошо русскимъ языкомъ, онъ и самъ лично пользовался расположеніемъ своихъ русскихъ начальниковъ, которые смотрѣли весьма снисходительно на его служебную бездѣятельность.

Знаніемъ русскаго языка, а также своими манерами и обращеніемъ, напоминавшимъ скорѣе русскаго студента, чѣмъ болгарина, П. Каравеловъ понравился А. М. Дондукову-Корсакову, который благоволилъ къ нему, считая его за вполнѣ обрусѣвшаго болгарина и хорошаго малаго, хотя совершенно неотесаннаго и довольно взбалмошнаго.

Благодаря такому отношенію главнаго начальника гражданскаго управленія, Каравеловъ могъ смѣло разсчитывать на весьма снисходительное отношеніе къ его служебной дѣятельности, или, точнѣе

---

[1]) Онъ умиралъ отъ чахотки.

сказать, бездѣятельности, со стороны его ближайшаго начальства, чѣмъ онъ широко и пользовался.

Онъ находился постоянно въ отлучкахъ и разъѣздахъ, занимаясь болѣе политическими вопросами, касавшимися общихъ интересовъ Болгаріи, чѣмъ текущими дѣлами администраціи той губерніи, въ которой онъ состоялъ вице-губернаторомъ. Русское начальство, видя, что имя Каравеловыхъ, благодаря заслугамъ брата его Любена, весьма популярно среди болгаръ, предоставляло ему полную свободу распоряжаться собой, какъ онъ вздумаетъ. Полагали, что его вліяніе среди болгаръ когда нибудь можетъ пригодиться.

Такимъ образомъ, состоя на службѣ при нашемъ гражданскомъ управленіи, благодаря своему привиллегированному положенію, онъ пріобрѣлъ весьма мало служебной опытности и навыка. По открытіи тырновскаго народнаго собранія, онъ былъ избранъ вице-предсѣдателемъ этого собранія и весь ушелъ въ политику, партійную борьбу и журналистику.

П. Каравеловъ, несомнѣнно горячій и даже довольно искренній патріотъ; я не буду отрицать въ немъ этого качества, какъ теперь это дѣлаютъ многіе у насъ, но только замѣчу, что патріотизмъ его крайне узкій и въ высшей степени односторонній. Это тотъ близорукій и легкомысленный патріотизмъ болгарскаго племени, который одинъ изъ компетентныхъ знатоковъ Балканскаго полуострова К. Н. Леонтьевъ [1]) называетъ «племеннымъ патріотизмомъ крови и мяса». Въ П. Каравеловѣ этотъ племенной болгарскій патріотизмъ высказывается во всей своей односторонности; онъ рѣшительно неспособенъ возвыситься до разумнаго и широкаго пониманія общеславянскихъ интересовъ, хотя много толкуетъ о славянской идеѣ.

Не смотря на университетское образованіе, П. Каравеловъ обнаруживаетъ крайнюю нетерпимость и страстную вражду къ сербамъ, свойственную самымъ дикимъ и неразвитымъ простолюдинамъ болгарскаго племени.

Эта ненависть къ сербамъ въ немъ такъ необузданна, что онъ нерѣдко съ желчью и озлобленіемъ упрекалъ, находившагося уже при смерти, брата Любена въ томъ, что послѣдній, будучи женатъ на сербкѣ, дружитъ сербамъ и черезъ это вредитъ болгарскому дѣлу.

Любенъ Каравеловъ, обладавшій болѣе возвышеннымъ умомъ и широкимъ пониманіемъ болгарскаго вопроса, считалъ установленіе

---

[1]) См. сборникъ статей К. Н. Леонтьева, подъ заглавіемъ «Востокъ, Россія и славянство», томъ первый, Москва, 1885 года. Г. Леонтьевъ долго пробылъ на Балканскомъ полуостровѣ среди болгаръ въ качествѣ нашего консула и близко изучилъ болгаръ.

тѣсной солидарности и взаимнаго сближенія всѣхъ южныхъ славянъ основнымъ догматомъ своихъ политическихъ стремленій и вѣрованій.

Крайній партикуляризмъ и упорное стремленіе къ совершенной обособленности представляетъ характерную національную черту болгарскаго народа. Трудно себѣ представить, пока самъ этого не увидишь своими глазами, какой политической близорукостью и тупымъ фанатизмомъ отличаются многіе изъ современныхъ политическихъ дѣятелей Болгаріи, которые въ своемъ національномъ ослѣпленіи думаютъ, что всѣ племена и народы земнаго шара исключительно призваны служить интересамъ болгаръ. Это отчасти объясняется тѣмъ, что болгарская народность была такъ долго сжата въ двойныхъ тискахъ и изуродована въ своемъ развитіи какъ физическимъ гнетомъ турокъ въ политическомъ отношеніи, такъ и интеллектуальнымъ гнетомъ грековъ въ области духовной.

Болгарское народное чувство было такъ унижено и жестоко подавлено, почти совсѣмъ стерто, что теперь, когда оно воскресло и выбилось наконецъ на свѣтъ, на немъ отразились какъ въ зеркалѣ слѣды этого гнета,—поэтому понятно, что теперь онъ воодушевлено тѣми мотивами и стремленіями, которые его давили.

Остальные члены министерства Цанкова были личности довольно безцвѣтныя, и я на нихъ останавливаться не буду.

Имѣя такихъ представителей, какъ Цанковъ и Каравеловъ, это министерство пользовалось огромнымъ вліяніемъ въ народномъ собраніи, которое стѣной стояло за нихъ и слѣпо вотировало всѣ ихъ предложенія, съ азартомъ заглушая слабые голоса весьма немногихъ депутатовъ опозиціи за малѣйшее возраженіе популярнымъ въ народѣ министрамъ.

Петко Словейковъ, предсѣдатель народнаго собранія, издатель газеты «Цѣлокупная Болгарія», служившей органомъ партіи, когда она состояла еще въ опозиціи, закадычный другъ Каравелова, на первое время не получилъ министерскаго портфеля,—думали, что онъ будетъ полезнѣе на креслѣ президента собранія.

Петко Словейковъ также личность довольно интересная и выдающаяся. Его считаютъ однимъ изъ наиболѣе даровитыхъ литераторовъ Болгаріи. Онъ хорошій знатокъ болгарской старины и народнаго языка и знаетъ лучше другихъ этнографію и исторію своей страны. Онъ написалъ немало статей, повѣстей, поэмъ, драматическихъ пьесъ и массу стихотвореній на болгарскомъ языкѣ, собиралъ народныя пѣсни, издавалъ учебники для народныхъ школъ, и усердно подвизался на журнальномъ поприщѣ, издавая нѣсколько газетъ.

Словейковъ восторженный патріотъ и краснорѣчивый ораторъ, но также отнюдь не государственный человѣкъ, и даже въ этомъ отношеніи долженъ уступить Каравелову; онъ погрѣшаетъ одною

слабостью, довольно рѣдкою между болгарами—любить выпить. Этотъ недостатокъ, впрочемъ, вообще свойственен многимъ даровитымъ славянскимъ народнымъ писателямъ.

Кажется, въ молодости Словейковъ былъ въ Парижѣ и увлекался франкофильствомъ, какъ и многіе другіе изъ его сверстниковъ въ Болгаріи, но систематическаго образованія онъ не получилъ и правильной школы не проходилъ. Это даровитый самородокъ и автодидактъ въ полномъ смыслѣ слова.

Отношенія либеральнаго министерства къ князю, повидимому, были хороши, но не были искренни. Князь Александръ оказывалъ сначала своимъ новымъ министрамъ подобающія ихъ положенію любезность и предупредительность, но не довѣрялъ имъ и въ душѣ терпѣть ихъ не могъ.

Каравеловъ рѣзкостью своихъ манеръ, длинными и плохо расчесанными волосами долженъ былъ болѣе всего коробить князя, но князь обнаруживалъ особое нерасположеніе не къ нему, а къ Цанкову, который былъ осторожнѣе, тактичнѣе и приличнѣе своего сотоварища по министерству. Цанковъ, много вращавшійся въ прежніе годы въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ, обладалъ несомнѣнно большимъ навыкомъ и умѣньемъ обращаться съ такими особами, какъ князь Александръ.

Это обстоятельство на первый разъ представляется загадочнымъ, но оно вполнѣ объясняется тѣми вліяніями, которыя окружали князя Александра и которымъ онъ вполнѣ подчинялся.

Стоиловскій кружокъ и австрійскій дипломатическій агентъ графъ Кевенгюллеръ, состоявшій съ княземъ болгарскимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и секретно, т. е. съ соблюденіемъ величайшей тайны, принимавшій близкое участіе въ вопросахъ внутренней политики Болгарскаго княжества, считали самымъ опаснымъ врагомъ Цанкова.

По ихъ мнѣнію, Каравеловъ былъ неистовый сорванецъ, человѣкъ, который безъ Цанкова сейчасъ же зарвется, срѣжется и надѣлаетъ такихъ глупостей, которыя могутъ принести только благопріятные результаты ихъ комбинаціямъ. Поэтому Стоиловскій тріумвиратъ и Кевенгюллеръ направили всѣ свои усилія, чтобы подкопаться сначала подъ Цанкова и столкнуть его. Впослѣдствіи, когда Каравеловъ сдѣлался премьеромъ, вмѣсто Цанкова, графъ Кевенгюллеръ радовался этой перемѣнѣ, считая Каравелова роковымъ человѣкомъ для русскаго вліянія въ Болгаріи и высказывалъ твердую увѣренность, что онъ приведетъ Болгарское княжество къ такимъ политическимъ кризисамъ, которые причинятъ большія затрудненія русской дипломатіи и расшатаютъ преобладающее положеніе, пріобрѣтенное Россіей среди болгаръ, благодаря великимъ жертвамъ, принесеннымъ нами дѣлу освобожденія Болгаріи.

Первымъ поводомъ къ неудовольствіямъ между княземъ и его либеральными министрами послужило министерство финансовъ, что̀, однако, не измѣнило положенія вещей и спеціальнаго нерасположенія князя къ Цанкову.

Финансовое управленіе вызвало двоякаго рода столкновенія между княземъ и его министрами. Во-первыхъ, возникъ раздоръ по поводу французскаго финансиста, приглашеннаго на болгарскую службу еще прежнимъ министерствомъ, именно Начевичемъ, начавшимъ переговоры черезъ Стоилова и французскаго консула съ министерствомъ Вадингтона [1]) о командированіи въ Болгарію французскаго чиновника.

Въ маѣ 1880 года, вскорѣ послѣ вступленія новаго министерства въ управленіе дѣлами, французскій консулъ въ Софіи, бывшій бонапартистъ и большой руки интриганъ, Жюль Шефферъ, извѣстилъ Цанкова, какъ министра иностранныхъ дѣлъ, что, согласно желанію князя болгарскаго, французское правительство командировало г. Бенедикта-Хокдѐ, бывшаго воспитанника политехнической школы, одного изъ инспекторовъ по финансовой части (inspecteur des finances), въ Болгарію для организаціи болгарскаго финансоваго управленія, котораго вмѣстѣ съ этимъ и представилъ Цанкову, требуя немедленнаго подписанія контракта объ условіяхъ его службы въ Болгаріи.

Условія матеріальныя, т. е. жалованье въ 40 тысячъ франковъ въ годъ и 2-хъ-лѣтній срокъ контракта, были предрѣшены заранѣе, но въ перепискѣ, хранившейся въ болгарскомъ министерствѣ, о предѣлахъ власти, кругѣ дѣятельности и вообще служебномъ положеніи этого французскаго совѣтника министерства финансовъ, ничего опредѣленнаго условлено не было.

По смыслу же контракта, подписаніе котораго требовалъ Шефферъ, г. Хокдѐ, въ качествѣ совѣтника по финансовой части, предоставлялось вполнѣ самостоятельное и совершенно независимое отъ болгарскаго министра положеніе, даже съ правомъ производить, когда ему вздумается, ревизіи финансовыхъ учрежденій княжества, его денежныхъ кассъ, увольнять тѣхъ финансовыхъ чиновниковъ, которыхъ онъ найдетъ мало знающими или неисправными.

П. Каравеловъ, вообще весьма недовольный прибытіемъ этого финансоваго совѣтника, выписаннаго изъ Франціи его политическими врагами, окончательно возмутился такими притязаніями г. Хокдѐ, который къ тому же, безъ разрѣшенія Каравелова и даже не извѣстивъ его о томъ, тотчасъ же по пріѣздѣ и не дожидаясь опредѣленія своего служебнаго положенія, отправился въ софійское казначейство съ цѣлью обревизовать это учрежденіе. По при-

---

[1]) Который въ то время былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и главой кабинета маршала Макъ-Магона.

казанію Каравелова, его не пустили въ казначейство; взбѣшенный этимъ Хокдѐ поднялъ страшный шумъ и въ великомъ негодованіи поѣхалъ жаловаться на такое оскорбленіе достоинства Франціи своему консулу. Цанкову пришлось расхлебывать заваренную таким манеромъ кашу. Князь Александръ желалъ, чтобы французскій совѣтникъ просвѣтилъ свѣтомъ европейской науки его болгарскихъ министровъ, о финансовыхъ познаніяхъ которыхъ князь былъ невысокаго мнѣнія. Каравеловъ слышать не хотѣлъ про этого навязаннаго ему сотрудника, сразу заявившаго претензію распоряжаться самовольно дѣлами финансоваго управленія.

Каравеловъ въ самомъ способѣ приглашенія Хокдѐ видѣлъ дерзкое нарушеніе конституціи. Онъ былъ приглашенъ на службу въ Болгарское княжество помимо разрѣшенія на то народнаго собранія, вслѣдствіе домашняго соглашенія между бывшимъ министромъ финансовъ Начевичемъ и секретаремъ князя Стоиловымъ. Всѣ переговоры по вопросу о приглашеніи Хокдѐ велъ съ французскимъ правительствомъ Стоиловъ, причемъ не сочли даже нужнымъ довести объ этомъ до свѣдѣнія народнаго собранія. Очевидно, такая постановка вопроса являлась нарушеніемъ духа и даже буквы конституціи. Г. Хокдѐ назначалось весьма крупное вознагражденіе какъ жалованіемъ, такъ и на путевые расходы; выдача этихъ денегъ, не предусмотрѣнная въ смѣтѣ расходовъ, вотированныхъ собраніемъ, составляла такой сверхбюджетный расходъ, на который министръ финансовъ не былъ уполномоченъ.

Поэтому приглашеніе г. Хокдѐ, помимо согласія народнаго собранія и безъ ассигнованія послѣднимъ денегъ на вознагражденіе французскаго совѣтника, было явнымъ нарушеніемъ конституціи и актомъ княжескаго произвола. Щадя, по возможности, самолюбіе князя, Цанковъ отнесся къ этому щекотливому дѣлу весьма политично и осторожно. Онъ почтительно объяснилъ князю, что, какъ отвѣтственный по конституціи министръ, онъ не можетъ разрѣшить помимо народнаго собранія условія приглашенія г. Хокдѐ на болгарскую службу, а долженъ испросить на этотъ предметъ согласіе народныхъ представителей; это было возможно, такъ какъ собраніе продолжало еще засѣдать, обѣщая съ своей стороны настоять, чтобы денежная сторона вопроса была разрѣшена собраніемъ согласно обѣщаніямъ, даннымъ княземъ французскому правительству, въ письмѣ Стоилова къ французскому дипломатическому агенту въ Софіи, Шефферу. Но при этомъ Цанковъ обратилъ вниманіе князя, что болгарскими финансами въ силу конституціи управляетъ, отвѣтственный передъ собраніемъ, болгарскій министръ, который не можетъ нести отвѣтственности за распоряженія и дѣйствія французскаго совѣтника, если тотъ будетъ поставленъ какъ вполнѣ самостоятельное лицо, облеченное властью внѣ всякой зависимости отъ министра финансовъ, и что поэтому

условія служебнаго положенія г. Хокдѐ, какъ они изложены въ контрактѣ, составленномъ французскимъ консуломъ, должны быть измѣнены и согласованы съ постановленіями конституціи. Князь Александръ выслушалъ эти объясненія Цанкова съ видимымъ неудовольствіемъ, но не могъ ничего возразить противъ ихъ основательности, предоставивъ Цанкову войдти въ переговоры по этому предмету съ французскимъ консуломъ.

26-го мая того же года, въ весьма любезномъ письмѣ къ французскому консулу, Драганъ Цанковъ, благодаря французское правительство за его доброе вниманіе и желаніе содѣйствовать организаціи финансоваго управленія княжества, выразившіяся въ командированіи Хокдѐ, обратилъ вниманіе французскаго консула на указанныя соображенія и, принимая въ принципѣ условія консула относительно службы г. Хокдѐ, просилъ нѣсколько измѣнить форму этихъ условій, опредѣляющихъ служебное положеніе совѣтника и его отношенія къ министру финансовъ, причемъ для видимости приложилъ свой проектъ контракта, который отличался тѣмъ, что было оговорено, что французскій совѣтникъ исполняетъ тѣ же самыя служебныя функціи, но не самостоятельно, а по предложенію министра финансовъ. Эта переписка Цанкова съ Шеfферомъ кончилась, однако, тѣмъ, что французскій консулъ отказался, въ довольно рѣзкой формѣ, отъ всякаго измѣненія условій своихъ предложеній и потребовалъ уплаты 80 тысячъ франковъ жалованья, слѣдовавшаго Хокдѐ за два года службы и 5 тысячъ франковъ путевыхъ расходовъ. Хокдѐ приглашали на 2 года, съ жалованьемъ въ 40 тысячъ франковъ ежегодно.

Народное собраніе, въ тайномъ засѣданіи 27-го мая 1880 года, по предложенію Цанкова, разсмотрѣвъ всю переписку, по этому вопросу, согласно требованію Цанкова, отпустило 85 тысячъ франковъ, на удовлетвореніе Хокдѐ, которые и были немедленно предоставлены въ распоряженіе французскаго консула.

Получивъ съ болгаръ деньги, г. Хокдѐ уѣхалъ на службу въ Египетъ, гдѣ черезъ годъ или два и умеръ. Болгары не безъ огорченія уплатили эту контрибуцію французскому совѣтнику, служебная дѣятельность котораго ограничилась неудачнымъ покушеніемъ на ревизію софійскаго казначейства. Цанковъ утѣшалъ ихъ и Каравелова, метавшаго, по поводу всей этой исторіи, громы и молніи по адресу расхитителей трудовыхъ денегъ болгарскаго народа, что этой цѣной княжество, по крайней мѣрѣ, откупилось отъ вреднаго соглядатая, который въ случаѣ ссоры могъ сообщить разнаго рода фактическія данныя о болгарскихъ финансахъ турецкому правительству, что̀ могло причинить немалый ущербъ болгарамъ, которые, не желая платить, установленной берлинскимъ трактатомъ, дани султану, очевидно, должны были остерегаться участія французскаго чиновника въ ихъ финансовомъ управленіи.

Кромѣ того, удовлетворивъ этими 85 тысячами франковъ Хокдѐ,—объяснялъ Цанковъ,—«мы избѣжали непріятныхъ и рискованныхъ столкновеній съ нашимъ княземъ, я вѣдь вамъ съ самаго начала говорилъ, что намъ князь недешево обойдется; хорошо бы было, если бы этимъ кончились наши протори и убытки по части капризовъ его свѣтлости, опасаюсь, какъ бы не пришлось платить крупнѣе».

Но князь, не смотря на то, что министерство въ угоду ему рѣшалось на такую денежную жертву, негодовалъ на своихъ министровъ и видѣлъ въ отказѣ подписать контрактъ съ Хокдѐ личный афронтъ. Австрійскій и французскій агенты, Кевенгюллеръ и Шефферъ, уседно его подстрекали въ этомъ случаѣ, также какъ и стоиловскій кружокъ, толкуя князю, что контрактъ съ Хокдѐ не былъ принятъ вслѣдствіе желанія либеральнаго министерства самовольно хозяйничать финансами княжества. Опытный французскій финансистъ,—горевали они,—конечно, нашелъ бы новые источники доходовъ и обогатилъ бы казну, давъ возможность увеличить бюджетъ страны и суммы, отпускаемыя въ распоряженіе князя, а либеральное министерство по своему невѣжеству этого не захотѣло. Теперь прогрессъ въ финансовомъ развитіи княжества сталъ невозможенъ.

Съ этого времени Жюль Шефферъ, старый бонапартистъ, началъ напѣвать князю Александру о неудобствахъ тырновской конституціи, которая де тормозитъ развитіе благоустройства княжества и стѣсняетъ князя, рисуя при этомъ заманчивую перспективу благодѣтельнаго coup d'état, во вкусѣ пресловутаго переворота 2-го декабря 1852 года [1]). Такія внушенія Шеффера, хотя тайно, но со всѣмъ усердіемъ, поддерживалъ графъ Кевенгюллеръ.

Одновременно съ этимъ первымъ столкновеніемъ между княземъ и его министерствомъ возникъ рядъ другихъ, имѣвшихъ также своимъ предметомъ составъ административнаго персонала княжества.

Либеральное министерство, слѣдуя дурному примѣру своихъ предшественниковъ, стало также гнать со службы чиновниковъ, назначенныхъ прежними министрами. Стоиловъ и его друзья сейчасъ же забили тревогу, и по ихъ настоянію князь Александръ нѣсколько разъ отказывался подписывать декреты о такихъ увольненіяхъ.

Хотя персоналъ чиновниковъ былъ совершенно незнакомъ князю, и поэтому его вмѣшательство въ такія распоряженія министровъ были не всегда удачны и притомъ нарушали конституцію, по которой увольненіе и назначеніе чиновниковъ предоставлено мини-

---

[1]) На такія инсинуаціи Шеффера прямо указываетъ и Драндаръ въ своей книгѣ.

страмъ, отвѣтственнымъ за служебную дѣятельность своихъ чиновниковъ передъ собраніемъ; но, по совѣту Цанкова, министерство и въ этомъ случаѣ подчинялось волѣ князя, во избѣжаніе крутыхъ съ нимъ столкновеній. Покровительствуемые княземъ болгарскіе чиновники сохраняли за собою свои мѣста.

Только радикальная болгарская печать разносила въ своихъ передовыхъ статьяхъ князя за такое нарушеніе конституціи и метала чернильные громы и молніи противъ деспотизма власти, проповѣдуя, что всякая власть, кромѣ той, которая исходитъ отъ народа и его представителей, есть беззаконіе, оскорбляющее чувство справедливости и священныя права народа.

Удовлетворяя въ извѣстныхъ случаяхъ личнымъ желаніямъ князя, стараясь услужить ему, на сколько это позволяли обстоятельства и настроеніе собранія,—вліяніе либеральнаго министерства на собраніе, хотя и было велико, но имѣло свои предѣлы, — Цанковъ, какъ осторожный и тонкій политикъ, надѣялся избѣжать рѣшительнаго кризиса и упрочить власть своего министерства.

Но его разсчеты не оправдались. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вступленія въ управленіе дѣлами Цанковъ долженъ былъ сначала оставить званіе президента совѣта министровъ, а затѣмъ и совсѣмъ выйдти изъ министерства. Произошло это такимъ образомъ.

55 статья берлинскаго трактата возложила на европейскую международную коммиссію разработку устава о плаваніи и рѣчной полиціи по Дунаю отъ Желѣзныхъ воротъ до Галаца. Эта коммиссія была учреждена еще парижскимъ трактатомъ и продолжена лондонской конференціей 1871 года; берлинскій трактатъ, подтвердивъ и даже расширивъ полномочія этой коммиссіи, не упомянулъ ни слова объ особой прибрежной коммиссіи для Дуная, которая была проектирована парижскимъ трактатомъ и лондонской конференціей и согласно 18 статьѣ парижскаго трактата должна была замѣнить европейскую коммиссію, по окончаніи ею возложенныхъ на нее работъ. Лондонская конференція продолжила срокъ полномочія европейской дунайской коммиссіи въ 1871 году еще на двѣнадцать лѣтъ; поэтому объ особой прибрежной коммиссіи, казалось бы, до истеченія этого срока не могло быть и рѣчи.

Международное значеніе было признано трактатами только за нижнимъ теченіемъ Дуная, именно отъ Желѣзныхъ Воротъ до устья, т. е. внѣ предѣловъ Австріи; поэтому послѣдняя не имѣла, строго говоря, права поднимать вопросъ о прибрежной коммиссіи, тѣмъ болѣе, что она имѣла своего делегата въ европейской коммиссіи. Дѣйствительно, два года послѣ обнародованія берлинскаго трактата прошли спокойно, Австрія никакихъ особыхъ претензій не заявляла. Она даже весьма мало заботилась о ходѣ работъ коммиссіи по составленію устава судоходства. Но въ 1880 году, вслѣдъ

за извѣстнымъ визитомъ Бисмарка въ Вѣну, австрійская дипломатія зашевелилась и стала усердно заниматься вопросомъ о судоходствѣ по Дунаю, ясно обнаруживая тенденціи забрать дѣло въ свои руки, и въ этихъ видахъ внесла въ европейскую коммиссію свой проектъ смѣшанной, прибрежной дунайской коммиссіи, предназначенной вѣдать полицію и опекать судоходство по Дунаю отъ Желѣзныхъ Воротъ до Галаца; разумѣется, въ этомъ проектѣ предсѣдательство предоставлялось Австріи.

Этотъ австрійскій проектъ подлежалъ обсужденію европейской коммиссіи при участіи делегатовъ прибрежныхъ государствъ (т. е. Сербіи, Румыніи и Болгаріи); берлинскій трактатъ призывалъ ихъ въ коммиссію для содѣйствія выработки правилъ судоходства по Дунаю, поэтому Австрія усердно налегла на правительства юныхъ придунайскихъ государствъ, предварительно склонивъ ихъ въ пользу своего проекта, выступить съ заявленіемъ о состоявшемся соглашеніи между ней и этими наиболѣе заинтересованными государствами, т. е. Сербіей, Румыніей и Болгаріей (хотя Россія владѣетъ однимъ изъ лучшихъ дунайскихъ гирлъ, именно Сулинскимъ, но объ ея участіи австрійскій проектъ упорно умалчивалъ),— иначе говоря, взять въ свои руки прибрежную полицію на Дунаѣ, опекая по своему усмотрѣнію все судоходство по этой рѣкѣ. Графъ Кевенгюллеръ, согласно полученнымъ имъ изъ Вѣны инструкціямъ, взялся за дѣло весьма энергично, подготовивъ, какъ слѣдуетъ, въ этомъ направленіи князя Александра, и затѣмъ купно съ послѣднимъ обрушился на Цанкова съ самыми категорическими требованіями его согласія на австрійскій проектъ.

Цанковъ въ этомъ случаѣ поступилъ, какъ истый восточный человѣкъ. Видя, что къ нему пристаютъ чуть не съ ножомъ къ горлу, требуя его согласія на австрійскій проектъ, предоставлявшій Австріи предсѣдательство въ придуманной ею смѣшанной придунайской коммиссіи, онъ выразилъ такое согласіе и далъ въ этомъ смыслѣ инструкціи дипломатическому агенту, посланному Болгаріей въ коммиссію (если не ошибаюсь, его родственнику), Кирьяку Цанкову, а на словахъ, кажется, указалъ ему, что австрійскій проектъ находится въ явномъ противорѣчіи съ національными и коммерческими интересами княжества.

По крайней мѣрѣ, когда черезъ двѣ недѣли собралась европейская коммиссія для разсмотрѣнія австрійскаго проекта, австрійскій делегатъ, извѣщенный Кевенгюллеромъ о томъ, что Болгарія въ пользу проекта, былъ непріятно удивленъ, видя, что болгарскій делегатъ вотируетъ противъ него. Негодованіе Кевенгюллера и князя, по полученіи изъ Вѣны телеграммы о такомъ образѣ дѣйствій болгарскаго представителя, не знало предѣловъ. Графъ Кевенгюллеръ обратился лично къ князю съ протестомъ противъ вѣроломной политики болгарскаго министерства, требуя удовлетво-

ренія и наказанія виновныхъ. Такое нарушеніе даннаго слова,—объяснялъ онъ,—не можетъ быть терпимо. Драганъ Цанковъ, немедленно же вытребованный въ княжескій дворецъ для объясненій, категорически заявилъ, что данныя имъ инструкціи были составлены въ смыслѣ желаній австрійскаго дипломата.

На несчастнаго Киріяка Цанкова посыпались грозные запросы. Онъ принялъ на себя роль козла отпущенія и отвѣчалъ министру, что, познакомившись съ вопросомъ, онъ рѣшился вопреки инструкціямъ, повинуясь долгу совѣсти и болгарскаго патріотизма, подать мнѣніе противъ предложеній Австріи, стремящейся къ рѣшительному преобладанію на Дунаѣ, въ явный ущербъ для другихъ прибрежныхъ государствъ, что національная болгарская политика указываетъ на полную солидарность ея интересовъ, въ этомъ вопросѣ, съ Румыніей и Сербіей, къ мнѣнію которыхъ на австрійскій проектъ онъ и счелъ долгомъ присоединиться.

Этимъ отвѣтомъ Киріякъ Цанковъ ставилъ вопросъ на такую политическую почву, что, карая его, правительство Болгарскаго княжества какъ бы заявляло, что оно обращается въ послушное орудіе Австріи, становится въ вассальныя къ ней отношенія.

«Это—византійская комедія, которую вы передо мной разыгрываете»,—сказалъ князь Цанкову, когда тотъ ему доложилъ объ отвѣтѣ болгарскаго делегата.

Вслѣдъ затѣмъ князь передалъ совѣту министровъ записку, составленную Стоиловымъ, но подписанную княземъ,—говоритъ Драндаръ,—въ которой были изложены жалобы на Цанкова, причемъ князь просилъ совѣтъ министровъ увѣдомить его о томъ рѣшеніи, которое послѣдуетъ по содержанію этой записки [1]).

Драганъ Цанковъ сейчасъ же подалъ прошеніе объ отставкѣ, но, уступая настойчивымъ просьбамъ своихъ сотоварищей по министерству, желавшихъ, чтобы онъ остался въ составѣ кабинета, согласился, отказавшись отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, принять на себя портфель министра внутреннихъ дѣлъ, уступивъ при этомъ Каравелову званіе премьера, о чемъ и было доложено князю. Но Кевенгюллеръ и интриговавшій купно съ нимъ Стоиловскій кружокъ этимъ не удовольствовались, имъ для достиженія ихъ цѣлей нужно было совсѣмъ выпихнуть Цанкова изъ министерства. Они были увѣрены, что министерство Каравелова, безъ Цанкова, неизбѣжно приведетъ страну къ рѣшительному политическому кризису, что̀ входило въ планы австрійской политики.

Стоиловъ, Грековъ и Начевичъ явно, а Кевенгюллеръ тайно продолжали работать надъ княземъ въ этомъ смыслѣ.

Князь Александръ, настроенный ими и думавшій, что ему будетъ удобнѣе справиться съ Каравеловымъ, безъ этого хитраго и

[1]) «Cinq ans de regne», page 66.

упрямаго старика, какъ онъ называлъ Цанкова, двѣ недѣли спустя, написалъ слѣдующее, въ высшей степени любопытное письмо, къ новому президенту своего министерства, т. е. Каравелову.

«Любезный министръ.

«Прошло болѣе двухъ недѣль съ того времени, какъ я вынужденъ былъ обратить вниманіе совѣта министровъ на двусмысленное поведеніе г. Д. Цанкова, въ дѣлѣ дунайской коммиссіи. Объясненія по этому предмету г. Драгана Цанкова съ одной стороны, а г. Белдимана [1]) съ другой, вызванныя по требованію графа Кевенгюллера и происходившія въ присутствіи консуловъ Россіи и Германіи, устраняютъ всякое сомнѣніе въ этомъ вопросѣ. Къ сожалѣнію, этотъ случай отнюдь не составляетъ исключенія. Напомню вамъ другое подобное дѣло Валтера.

«Въ интересахъ огражденія достоинства болгарскаго правительства, я желаю, чтобы г. Драганъ Цанковъ оставилъ министерство. Я надѣюсь, что г. Цанковъ въ виду такихъ прискорбныхъ недоразумѣній и самъ, съ своей стороны, признаетъ необходимымъ подать прошеніе объ отставкѣ. Я надѣюсь, что вы во всякомъ случаѣ посовѣтуете ему это сдѣлать.

«Дѣло идетъ,—повторяю это еще разъ,—объ охраненіи достоинства и репутаціи Болгаріи. Народное собраніе должно завтра разойдтись, а моя цѣль не достигнута, вслѣдствіе чего я вынужденъ повторить мое желаніе и просить васъ, чтобы г. Драганъ Цанковъ отказался отъ портфеля внутреннихъ дѣлъ изберите ему преемника и сдѣлайте мнѣ объ немъ представленіе до закрытія настоящей сессіи.

«Александръ».

На другой день воля князя была исполнена. Петко Словейковъ, предсѣдатель народнаго собранія, съ которымъ я уже познакомилъ читателей выше, замѣстилъ Цанкова въ министерствѣ, а Драгану Цанкову, на сторонѣ котораго были симпатіи всего собранія и министровъ, дали мѣсто предсѣдателя коммиссіи для изслѣдованія поземельнаго вопроса въ княжествѣ.

Во всей этой исторіи либеральное министерство обнаружило несомнѣнно отсутствіе той строптивости, въ которой его обвиняли, и смиренно подчинилось отнюдь не конституціонному образу дѣйствій князя, который въ этомъ дѣлѣ преслѣдовалъ исключительно свои личные виды, желая угодить Австріи, къ явному ущербу интересамъ Болгарскаго княжества. Министерство Каравелова мало чѣмъ отличалось по своей программѣ и дѣйствіямъ отъ Цанковскаго; вся разница заключалась въ томъ, что въ ходѣ дѣлъ замѣчалось

[1]) Белдиманъ былъ чиновникомъ австрійскаго консульства.

еще менѣе порядка, а Каравеловъ, никѣмъ болѣе не сдерживаемый, въ своихъ рѣчахъ и сношеніяхъ съ дипломатическими агентами высказывалъ болѣе рѣзкій тонъ, шокировавшій дипломатовъ. Но слова оставались словами, а въ оффиціальныхъ дѣйствіяхъ министерства не было ничего особенно предосудительнаго.

Правда, болгарская печать начала писать еще задорнѣе; Каравеловъ и его министры думали поднять престижъ конституціоннаго режима, потерпѣвшаго нѣкоторый афронтъ, вслѣдствіе антиконституціоннаго удаленія Цанкова изъ министерства, въ угоду князю, предоставивъ полную волю печати. Они даже не скрывали своего сочувствія къ ея неистовымъ нападкамъ противъ старыхъ предразсудковъ,—такъ называли молодые болгарскіе публицисты всѣ существующія понятія о власти и государственномъ порядкѣ, которыхъ придерживалась старая Европа.

Это имѣло, конечно, дурныя послѣдствія, потому что нѣкоторые старые болгары, напримѣръ, М. Балабановъ, въ виду антинаціональныхъ и явно своекорыстныхъ стремленій Стоиловскаго кружка, державшіе сторону министерства Цанкова, испуганные этими журнальными статьями, отшатнулись отъ Каравелова, не признавая за нимъ того авторитета, которымъ пользовался въ ихъ глазахъ старый, хотя и не безгрѣшный боецъ за болгарское дѣло, Драганъ Цанковъ.

Эти старые болгары имѣли связи въ Россіи, особенно въ Москвѣ, ихъ отзывы о положеніи дѣлъ въ княжествѣ имѣли вліяніе на мнѣнія о болгарскихъ дѣлахъ двухъ вліятельныхъ органовъ московской печати—аксаковской «Руси» и «Московскихъ Вѣдомостей». Болгаринъ Станишевъ, одинъ изъ учителей Катковскаго лицея, авторитетный сотрудникъ «Московскихъ Вѣдомостей» по болгарскимъ дѣламъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ И. С. Аксакова, получая постоянно письма изъ Болгаріи и читая болгарскія газеты, возмущался ходомъ дѣлъ въ княжествѣ и рѣшительно порицалъ политику Каравеловскаго кабинета, которая дѣйствительно, судя по газетамъ, представлялась ультрарадикальной.

Этимъ объясняется, что оба указанные органа московской печати отнеслись сочувственно къ перевороту 27-го апрѣля, думая, что все зло и неурядица въ княжествѣ есть дѣло Каравелова. Они привѣтствовали переворотъ, полагая, что онъ вызванъ общимъ желаніемъ установить порядокъ и авторитетъ власти и потребностями страны, а не личными интригами князя и враговъ Россіи и славянства. Изучивъ подробно всѣ акты и распоряженія либеральнаго болгарскаго министерства, сначала имѣвшаго главой Цанкова, а затѣмъ Каравелова, я не нашелъ рѣшительно ничего такого, чтобы могло служить серьезнымъ оправданіемъ переворота.

Болгарское либеральное министерство, конечно, заслуживаетъ упрекъ въ безтактности, особенно за время президентства Карове-

лова, оно слишкомъ кокетничало съ печатью, упорно уклоняясь отъ изданія предписанныхъ конституціей законовъ о печати, преслѣдующихъ за злоупотребленія печатнымъ словомъ. Сверхъ того, нѣкоторыя изъ рѣчей Каравелова въ собраніи и на сходкахъ могли шокировать людей здравомыслящихъ, но и только. А этого было недостаточно для такой крутой мѣры, какъ переворотъ 27-го апрѣля.

Радикализмъ Каравелова проявлялся преимущественно въ его рѣчахъ, его дѣйствія и распоряженія ничего особенно радикальнаго въ себѣ не заключали.

Переворотъ 27-го апрѣля былъ мѣрой крайне легкомысленной и вредной, особенно потому, что виновники его отнюдь не имѣли въ виду замѣнить тырновскую конституцію другой серьезно обдуманной системой управленія; производя переворотъ, они вовсе не думали о народномъ благѣ и благоустройствѣ княжества, преслѣдуя исключительно свои личныя цѣли, въ надеждѣ наживы изъ казны княжества послѣ упраздненія тырновской конституціи и погрома либеральной партіи.

Правда, тырновская конституція не отвѣчала потребностямъ и условіямъ болгарскаго быта, но, допуская даже, что она была зломъ, слѣдуетъ признать, что насильственное упраздненіе ея было зломъ сугубымъ именно въ виду того, что переворотъ давалъ неограниченную власть надъ судьбами Болгарскаго княжества князю Александру Батенбергу, который ничѣмъ не заявилъ серьезнаго желанія служить вѣрой и правдой дѣлу развитія болгарскаго народа; напротивъ, цѣлый рядъ его поступковъ несомнѣнно свидѣтельствовалъ, что въ своей власти надъ болгарскимъ народомъ онъ исключительно видитъ одно лишь орудіе къ достиженію своихъ личныхъ, не всегда красивыхъ цѣлей.

Всѣ его заботы были направлены къ увеличенію денежныхъ средствъ, отпускаемыхъ на личное его содержаніе, хотя, казалось бы, 600 тыс. франковъ, ассигнованныхъ народнымъ собраніемъ на содержаніе князя и его двора, совершенно достаточно, особенно принимая во вниманіе неприхотливыя условія болгарской жизни и добавочное содержаніе, получаемое княземъ Александромъ отъ Россіи [1]). Весьма скромные размѣры бюджета княжества предписывали довольствоваться этимъ окладомъ.

Такимъ образомъ естественно является вопросъ: что же вызвало переворотъ 27-го апрѣля?

Изъ всего мною вышеизложеннаго, кажется, довольно ясно слѣдуетъ, что этотъ несчастный переворотъ, немало повредившій взаимнымъ отношеніямъ между Россіей и болгарами, былъ дѣломъ личныхъ интригъ князя и его друзей изъ партіи Стоилова, пло-

[1]) Князь Александръ, пока онъ состоялъ на русской службѣ, т. е. до осени прошлаго года, получалъ довольно значительное содержаніе и отъ Россіи.

домъ коварной политики Австріи, т. е. ея дипломатическаго представителя графа Кевенгюллера, нашедшаго себѣ усерднаго союзника во французскомъ консулѣ Жюлѣ Шефферѣ [1]).

Драндаръ въ своей книгѣ [2]) категорически заявляетъ, что главной причиной переворота было неудовольствіе князя на болгарскихъ либераловъ, скупившихся въ отпускѣ кредитовъ, которые князь желалъ выхлопотать у собранія на постройку себѣ новаго дворца. Было рѣшено передѣлать старый турецкій конакъ въ новое роскошное зданіе, на что́ приходилось тратить немало денегъ. Народное собраніе отпускало кредиты на эту перестройку довольно скупо; вообще болгары народъ очень экономичный. Это крайне раздражало князя, который гораздо болѣе заботился о благоустройствѣ своего дворца, чѣмъ княжества. Подрядъ на перестройку дворца былъ сданъ еще прежнимъ министерствомъ одному болгарину, по фамиліи Ходженову, человѣку весьма близкому къ Стоилову.

Этотъ Хадженовъ отъявленный аферистъ и проходимецъ. До войны онъ занимался какими-то темными коммерческими дѣлишками въ Румыніи, гдѣ порядкомъ запутался въ разныхъ не совсѣмъ чистыхъ спекуляціяхъ и пріобрѣлъ весьма незавидную репутацію. Какъ только князь Александръ вступилъ на болгарскую территорію, Хадженовъ выросъ передъ нимъ, какъ грибъ изъ земли—онъ одинъ изъ первыхъ встрѣчалъ князя въ Варнѣ, съ выраженіемъ своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ и затѣмъ слѣдовалъ какъ тѣнь, по стопамъ князя, чуя, что людямъ къ нему близкимъ будетъ нажива изъ болгарской казны. Хадженовъ, разумѣется, поспѣшилъ при этомъ также сблизиться и даже подружиться и со Стоиловымъ.

Дружба эта стала еще тѣснѣе послѣ того, какъ консервативное министерство отпустило деньги Хадженову на перестройку дворца, сданную ему на подрядъ Начевичемъ, и притомъ на весьма широкихъ условіяхъ. Болгарскіе консерваторы по части расходованія средствъ болгарскаго казначейства были весьма либеральны. Когда власть перешла къ либераламъ, Хадженовъ сначала усердно старался сблизиться съ Цанковымъ и Каравеловымъ, но, не успѣвъ въ этомъ, сдѣлался отъявленнымъ врагомъ либеральнаго министерства и самымъ дѣятельнымъ агитаторомъ опозиціи, а наконецъ и душой заговора противъ тырновской конституціи.

Онъ служилъ кошелькомъ Стоиловскаго кружка, дѣйствующимъ перомъ котораго былъ Начевичъ. Хадженовъ давалъ деньги

---

[1]) Шефферъ въ этомъ случаѣ велъ часто личную политику, не обращая вниманія на инструкціи своего правительства.

[2]) Скупость, съ которой собраніе отпускало деньги на перестройку дворца,—пишетъ Драндаръ,—была одной изъ главныхъ причинъ переворота. «Cinq ans du regne», стр. 71.

на изданіе «Болгарскаго Гласа», органа партіи, въ которомъ Начевичъ съ своимъ единомышленникомъ усердно подкапывался подъ либеральное министерство и тырновскую конституцію.

Ошибка Каравеловскаго министерства заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что оно не предусмотрѣло переворота и ничего не сдѣлало для его предупрежденія.

Сталкиваясь съ европейскими консулами по разнымъ финансовымъ вопросамъ (между прочимъ, по дѣлу о вознагражденіи желѣзно-дорожной коммиссіи Рущукъ-Варна, по вопросу о скорѣйшемъ соединеніи желѣзно-дорожной сѣти на Балканскомъ полуостровѣ [1]) и т. д.), вслѣдствіе вполнѣ законнаго нежеланія отдать страну въ жертву экономической эксплоатаціи Европы, либеральное министерство ничего не сдѣлало, чтобы упрочить за собой поддержку русскаго правительства.

Каравеловское министерство не предусмотрѣло возможности переворота, потому что, гордое большинствомъ въ народномъ собраніи, оно считало себя неуязвимымъ и легкомысленно думало, что судьба Болгарскаго княжества исключительно зависитъ отъ счета голосовъ въ этомъ собраніи.

Конечно, если бы Каравеловъ и его сотрудники были люди болѣе дальновидные, они могли бы обратить вниманіе Россіи на махинаціи Кевенгюллера и Стоиловскаго кружка, и такимъ образомъ обнаружить тайныя пружины направленной противъ нихъ и Россіи интриги.

Но самоувѣренное Каравеловское министерство ничего не видѣло дальше этого собранія; ослѣпленное своимъ вліяніемъ въ собраніи, оно считало себя вполнѣ гарантированнымъ отъ всякихъ случайностей.

Болѣе серьезный политическій дѣятель на мѣстѣ Каравелова, конечно постарался бы заручиться довѣріемъ Россіи, открылъ бы глаза русскому правительству на цѣли и побужденія затѣваемаго переворота и избавилъ бы этимъ Болгарію отъ многихъ бѣдъ. Передъ поѣздкой князя въ Петербургъ, въ мартѣ 1881 года, существовавшій въ Болгаріи порядокъ вещей былъ подкопанъ интригами князя, дѣйствовавшаго по наущенію австрійской дипломатіи и Стоиловскаго кружка; близость кризиса слышалась въ воздухѣ и въ предостереженіяхъ не было недостатка: нужно было быть слѣпымъ, чтобы этого не замѣтить.

А. М. Кумани, замѣнившій г. Давидова на дипломатическомъ постѣ представителя Россіи въ Софіи, былъ болѣе расположенъ къ

[1]) Для осуществленія пресловутаго raccordement желѣзныхъ дорогъ полуострова, о которомъ такъ хлопотала западная дипломатія, нужно было содѣйствіе Болгаріи, которой предстояло, согласно берлинскому трактату, соорудить свой участокъ, для связи сѣти сербскихъ дорогъ съ рельсовымъ путемъ, соединяющимъ Филиппополь съ Босфоромъ и Мраморнымъ моремъ.

либеральному министерству, чѣмъ его предшественникъ, и поддерживалъ довольно близкія отношенія къ Каравелову.

Конечно, онъ не скрывалъ отъ Каравелова, что русское правительство отчасти предубѣждено противъ либеральнаго болгарскаго кабинета, что надъ нимъ тяготѣетъ обвиненіе въ анархическихъ стремленіяхъ. На это указывали, кромѣ того, и статьи нѣкоторыхъ московскихъ газетъ, также какъ и отзывы нашихъ дипломатическихъ сферъ, напримѣръ посольства въ Константинополѣ о положеніи дѣлъ въ княжествѣ.

Кромѣ того, Каравелову было достаточно извѣстно, что князь неоднократно обращался въ Петербургъ съ самыми рѣшительными заявленіями о невозможности порядка вещей, созданнаго въ Болгаріи тырновской конституціей, рисуя самыми красными красками, въ глазахъ русскаго кабинета, управленіе болгарскаго либеральнаго министерства.

Все это указывало Каравелову и его министрамъ, что они должны дѣйствовать съ величайшей осмотрительностью и осторожностью, чтобы уберечь политическія учрежденія Болгаріи, которыми они такъ дорожили, отъ скопившихся вокругъ и около нихъ подводныхъ камней.

Но П. Каравеловъ все это игнорировалъ. Злодѣйское преступленіе 1-го марта и поѣздка князя въ Петербургъ, повидимому, не возбудили въ умѣ Каравелова никакихъ серьёзныхъ вопросовъ о томъ, какъ отзовутся эти событія на судьбахъ Болгаріи.

Настроеніе и мнѣніе русскаго правительства его мало занимали, хотя отзывы нѣкоторыхъ болгарскихъ газетъ (укажу для примѣра на издававшуюся въ Рущукѣ нѣкоимъ сумасбродомъ Караджевымъ газету «Работникъ») о катастрофѣ 1-го марта должны были обратить на себя вниманіе болгарскаго министерства, тѣмъ болѣе, что «Болгарскій Гласъ» старательно собиралъ и подчеркивалъ эти нелѣпыя и безтактныя статьи, которыми князь, кажется, воспользовался, во время пребыванія въ Петербургѣ, какъ орудіемъ противъ либеральнаго министерства и распущенности болгарской печати.

Кромѣ того, Каравеловъ какъ нарочно позволилъ себѣ нѣсколько безтактностей въ отношеніи незадолго передъ тѣмъ прибывшаго изъ Россіи, на мѣсто Паренцова, для управленія болгарскимъ военнымъ министерствомъ, генерала Эрнрота.

Суровый финляндецъ, старый служака, генералъ Эрнротъ относился несочувственно къ болгарскимъ порядкамъ за отсутствіе дисциплины и нѣкоторую распущенность и осуждалъ за это либеральное министерство Каравелова. Самая личность болгарскаго премьера его шокировала: въ Каравеловѣ онъ видѣлъ воплощенное отрицаніе всего того, что онъ привыкъ уважать въ представителѣ власти.

Князь Александръ въ Петербургѣ, въ мартѣ 1881 года, добился того, что русская дипломатія перестала въ принципѣ стоять за тырновскую конституцію, но, тѣмъ не менѣе, категорическаго согласія на переворотъ русскимъ кабинетомъ дано не было; кажется, по обстоятельствамъ времени, серьёзныхъ переговоровъ по этому предмету даже вовсе не велось.

Условлено было отсрочить окончательное обсужденіе этого предмета до болѣе благопріятнаго времени и во всякомъ случаѣ до пріѣзда на мѣсто новаго дипломатическаго агента М. А. Хитрово, назначеннаго на мѣсто А. М. Кумани, которымъ князь Александръ былъ недоволенъ, обвиняя его въ слишкомъ дружескихъ отношеніяхъ къ Каравеловскому кабинету.

Такимъ образомъ переворотъ, упразднившій созданный при участіи русскаго гражданскаго управленія порядокъ вещей въ Болгаріи, явился сюрпризомъ какъ для Каравеловскаго министерства, такъ и для нашихъ правительственныхъ сферъ; на это обстоятельство я указывалъ ранѣе, оно не подлежитъ сомнѣнію, констатируется многими фактами и, между прочимъ, отсутствіемъ указаній на этотъ предметъ въ инструкціяхъ, врученныхъ въ Петербургѣ г. Хитрово, передъ его отъѣздомъ въ Софію.

Но для австрійскихъ и германскихъ дипломатовъ на Балканскомъ полуостровѣ этотъ переворотъ далеко не былъ сюрпризомъ. Усиленная дѣятельность и разъѣзды курьеровъ, присутствіе въ Софіи всѣхъ западныхъ дипломатическихъ агентовъ, отзывы европейскихъ газетъ о переворотѣ и многія другія обстоятельства съ достаточною ясностью свидѣтельствуютъ, что въ Вѣнѣ и Берлинѣ были болѣе приготовлены къ перевороту, чѣмъ люди, управлявшіе политикой въ Петербургѣ и Софіи; въ послѣдней, конечно, это можно сказать только относительно Каравеловскаго министерства.

Каравелова переворотъ засталъ совершенно въ расплохъ. 27-го апрѣля 1881 года [1]), рано по утру, на стѣнахъ публичныхъ зданій, въ Софіи, была вывѣшена прокламація князя Александра слѣдующаго содержанія:

«Болгары!

«Прошло болѣе двухъ лѣтъ, какъ Богу угодно было вручить мнѣ управленіе судьбами болгарскаго народа, единогласно избравшаго меня своимъ княземъ.

«Слѣдуя совѣтамъ и желанію нашего освободителя, моего августѣйшаго дяди императора Александра, я по зрѣломъ обсужденіи, хотя и не безъ колебаній, рѣшился подчиниться волѣ божествен-

[1]) Князь Александръ за нѣсколько дней передъ этимъ вернулся изъ Петербурга, проѣхавъ при этомъ черезъ Вѣну.

наго промысла и посвятить мою жизнь осуществленію дѣла исторического призванія Болгаріи [1]).

«Принявъ на себя управленіе княжествомъ, я отдался этой задачѣ со всей прямотой, свойственной моему характеру. Втеченіе двухъ лѣтъ я соглашался на многіе казавшіеся мнѣ возможными опыты, съ цѣлью установленія правильнаго устройства и развитія княжества. Но въ настоящее время наше отечество болѣе чѣмъ когда либо дискредитировано извнѣ и разстроено внутри. Такой порядокъ вещей поколебалъ въ народѣ вѣру въ законность и правду, внушая ему опасеніе за будущее.

«Болгары! Я принесъ присягу конституціи. Я хранилъ вѣрность присягѣ и я сохраню ее до конца. Но эта присяга, требуя, чтобы я соблюдалъ свято и ненарушимо конституцію и основные законы княжества, сверхъ того, возлагаетъ на меня обязанность во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ заботиться о благѣ и благосостояніи страны.

«Поэтому, ради блага и благосостоянія Болгаріи, я считаю своимъ священнымъ долгомъ торжественно возвѣстить моему народу, что настоящее положеніе дѣлъ въ княжествѣ лишаетъ меня возможности выполнить мое призваніе.

«Согласно праву, предоставленному мнѣ конституціей, я рѣшился созвать въ наикратчайшій срокъ народное собраніе, верховный органъ воли страны, и возвратить ему вмѣстѣ съ короной управленіе судьбами болгарскаго народа.

«Для поддержанія порядка, чтобы дать населенію возможность безъ замѣшательствъ оцѣнить и взвѣсить значеніе предстоящаго ему рѣшенія и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить полную свободу выборовъ, я поручилъ моему военному министру генералу Эрнроту составить новый кабинетъ. Это министерство будетъ имѣть чисто временный характеръ, управляя страной лишь до постановленія рѣшенія имѣющимъ собраться великимъ народнымъ собраніемъ.

---

[1]) Передавая здѣсь на русскомъ языкѣ эту прокламацію князя, я придерживаюсь оффиціальнаго болгарскаго ея текста. Во французскомъ, также оффиціальномъ, текстѣ это мѣсто читается нѣсколько иначе, а именно: «a consacrer ma vie a guider la Boulgarie dans la voie de la civilisation et du progrès». Это различіе текста прокламаціи свидѣтельствуетъ о двуличіи политики князя Александра. Одно онъ говоритъ передъ лицомъ Европы, другое—обращаясь къ болгарскому народу и Россіи, куда былъ посланъ болгарскій текстъ. Впрочемъ, при другихъ случаяхъ, какъ было замѣчено выше, онъ указывалъ европейской дипломатіи, что долженъ въ силу необходимости держаться національной политики соединенія цѣлокупной Болгаріи. На эти заявленія я указывалъ въ III главѣ настоящаго очерка («Истор. Вѣстн.», № 6). Ознакомившись, послѣ напечатанія III гл. съ нѣкоторыми новыми документами, я прихожу къ заключенію, что эти заявленія князя еще подлежатъ разъясненію; весьма вѣроятно, что они не что иное, какъ своего рода дипломатическій фортель, направленный противъ Россіи, т. е. инсинуація противъ болгарскихъ національныхъ стремленій, покровительствуемыхъ Россіей.

«Если великое народное собраніе одобритъ условія, признаваемыя мной за необходимыя для управленія страной, отсутствіе которыхъ составляетъ коренной недостатокъ теперешняго положенія вещей, — эти условія будутъ мной указаны, — въ этомъ случаѣ соглашусь удержать за собой болгарскую корону и нести лежащую на мнѣ тяжелую отвѣтственность передъ Богомъ и потомствомъ. Въ противномъ же случаѣ я отказываюсь отъ княжескаго престола, хотя и съ сожалѣніемъ, но сознавая по совѣсти, что до конца исполнилъ мой долгъ.

«Александръ».

Черезъ нѣсколько дней послѣ обнародованія этой прокламаціи, въ «Державномъ Вѣстникѣ», оффиціальномъ органѣ болгарскаго правительства, появилось письмо или рескриптъ князя къ генералу Эрнроту, съ приложеніемъ трехъ пунктовъ «этихъ необходимыхъ для управленія княжествомъ условій».

Они заключали въ себѣ слѣдующія требованія. Во-первыхъ, предоставленіе неограниченныхъ полномочій князю на управленіе страной втеченіе семи лѣтъ, въ силу которыхъ князь могъ бы создавать новыя учрежденія, улучшать и преобразовывать всѣ отрасли внутренней администраціи, въ видахъ болѣе правильнаго хода управленія.

Во-вторыхъ, отмѣна созыва обыкновеннаго очереднаго народнаго собранія въ томъ году, съ правомъ продолжить дѣйствіе бюджета, вотированнаго для текущаго года, и на слѣдующій годъ.

Въ-третьихъ, въ предоставленіи князю права, по истеченіи семилѣтняго срока, созвать великое народное собраніе для пересмотра конституціи согласно указаніямъ опыта на основаніи практики новыхъ учрежденій, которыя будутъ введены княземъ.

Въ письмѣ на имя генерала Эрнрота было указано, что князь считаетъ необходимымъ прежде всего учрежденіе государственнаго совѣта, объясняя, что въ составъ этого совѣта войдутъ исключительно лица болгарскаго происхожденія. Въ этомъ же письмѣ князь выразилъ желаніе, чтобы предстоящій разрѣшенію великаго народнаго собранія вопросъ былъ поставленъ въ такой формѣ, чтобы собраніе избрало одно изъ двухъ, т. е. приняло бы три пункта княжескихъ требованій, или его отреченіе отъ престола.

Въ день обнародованія прокламаціи 27-го апрѣля, къ Каравелову и членамъ его министерства была приставлена полицейская стража, а всѣ дѣла и атрибуты власти у нихъ отобраны.

Вызванное прокламаціей волненіе и нѣкоторые уличные безпорядки побудили принять строгія военно-полицейскія мѣры. Были назначены 5 чрезвычайныхъ военныхъ коммиссаровъ по одному въ каждую губернію для поддержанія тишины и порядка.

Драндаръ въ своей книгѣ довольно подробно разбираетъ мотивы и аргументы княжеской прокламаціи; я не послѣдую за нимъ

въ разборѣ хитросплетеній княжеской казуистики. Ограничусь замѣчаніемъ, что образъ дѣйствій князя и вся эта прокламація находились въ явномъ противорѣчіи съ заявленнымъ въ ней желаніемъ служить болгарскому дѣлу и прямотой характера, которую себѣ приписывалъ князь Александръ. Его увѣреніе, что онъ сохранитъ вѣрность данной имъ присягѣ блюсти свято и ненарушимо конституцію, очевидно, расходилось съ требованіемъ отмѣны тырновской конституціи.

Князь Александръ, конечно, имѣлъ полное право, не нарушая присяги, отказаться отъ короны Болгарскаго княжества, но онъ только грозилъ это сдѣлать, отнюдь не желая отказаться отъ престола.

Заявленное имъ отреченіе было лишь угрозой, съ цѣлью выманить у представителей болгарскаго народа ихъ согласіе на предоставленіе ему неограниченныхъ полномочій власти втеченіе 7-ми лѣтъ. Никакіе извороты софистики не могутъ измѣнить того яснаго какъ день факта, что князь Александръ нарушилъ данную имъ присягу.

Александръ Батенбергъ, если бы дѣйствительно убѣдился въ невозможности управлять страной при дѣйствіи тырновской конституціи, долженъ былъ просто и прямо сложить свою власть и удалиться изъ Болгаріи.

Но онъ этого не сдѣлалъ и, какъ я сказалъ, отнюдь не желалъ этого сдѣлать. Онъ билъ лишь на то, чтобы, дѣйствуя изъ-за русской спины, перевернуть весь строй въ Болгаріи и свалить съ себя вину въ измѣнѣ принесенной присягѣ. Самое его убѣжденіе въ невозможности управлять княжествомъ при дѣйствіи тырновской конституціи, было въ высшей степени несерьёзно: не болѣе какъ черезъ два года онъ призналъ вполнѣ возможнымъ возстановить тырновскую конституцію и, забывъ всѣ свои заявленія на эту тему, преспокойно сохранилъ за собой ту самую корону, отъ которой категорически отказывался, если тырновская конституція останется въ дѣйствіи.

Есть извѣстныя нравственныя начала, обязательныя для всѣхъ и каждаго; образъ дѣйствій князя Александра представлялъ явное нарушеніе этихъ началъ. Даже допуская, что положеніе дѣлъ въ Болгаріи дѣйствительно требовало отмѣны тырновской конституціи и усиленія авторитета и значенія власти князя, слѣдовало признать, что для проведенія такой реформы необходимо было другое лицо.

Вѣроломное нарушеніе княземъ Александромъ принесенной имъ присяги лишало его авторитета и довѣрія въ глазахъ всѣхъ честныхъ людей; было очевидно, что, начавъ такимъ образомъ играть словами и присягой, князь Александръ неизбѣжно пойдетъ и дальше по этому скользкому пути.

Наше правительство, въ лицѣ своихъ дипломатическихъ органовъ, въ интересахъ сохраненія мира на Балканскомъ полуостровѣ, признало, однако, за лучшее поддержать князя Александра и удержать его на престолѣ Болгаріи.

Увлекаясь своимъ извѣстнымъ миролюбіемъ и преувеличеннымъ опасеніемъ усложненія дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ, русская дипломатія приняла сторону князя Александра, хотя такая политика неизбѣжно вовлекала Россію въ цѣлый омутъ политическихъ интригъ, изъ котораго не было другаго исхода, кромѣ рѣшительнаго вмѣшательства въ болгарскія дѣла или совершеннаго отказа отъ всякаго вліянія на Болгарію.

Удаленіе князя Александра изъ Болгаріи, хотя, конечно, представляло извѣстнаго рода затрудненія въ ту минуту, но значительно расчищало почву въ будущемъ. Но дипломаты, вообще говоря, охотно держатся правила: «довлѣетъ дневи злоба его», и не любятъ заглядывать въ будущее.

Навязавъ Россіи совершившійся фактъ, въ видѣ переворота 27-го апрѣля, князь Александръ создалъ весьма прискорбный антецедентъ, и напрасно было думать, что онъ остановится на этомъ первомъ опытѣ, въ случаѣ благопріятнаго его исхода. Этимъ переворотомъ онъ завязывалъ гордіевъ узелъ направленныхъ интригъ противъ русскаго вліянія въ Болгаріи, единственная развязка котораго—удаленіе князя, подъ управленіемъ котораго Болгарія превратилась въ непрестанно кипящій котелъ политическихъ смутъ; подъ его управленіемъ эта несчастная страна не будетъ знать ни покоя, ни отдыха.

Удаленіе князя Александра въ 1881 году, безъ поддержки Россіи, было дѣломъ неизбѣжнымъ, и это была самая желательная для насъ развязка затѣяннаго нашими врагами переворота.

Къ сожалѣнію, мы испугались такого исхода, оказали дѣятельную поддержку князю Александру, предоставивъ въ его распоряженіе нашихъ офицеровъ, состоявшихъ на болгарской службѣ, и то громадное вліяніе, которымъ Россія пользовалась въ Болгаріи, купленное нами цѣной огромныхъ пожертвованій послѣдней войны.

Теперь мы пожинаемъ плоды этой политики, а передъ нами опять-таки стоитъ роковая дилемма, —или совершенно отказаться отъ всякаго вліянія на Болгарію, или дѣятельно вмѣшаться въ болгарскія дѣла, прибѣгнувъ въ концѣ концовъ къ окупаціи Болгаріи и изгнанію того самого князя Александра, котораго мы считали нужнымъ, не безъ ущерба для себя, поддержать на шатавшемся престолѣ Болгарскаго княжества.

Правда, еще остается третій путь—**политика выжиданія**, которая, при благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, дастъ въ результатѣ удаленіе князя Александра изъ Болгаріи тѣмъ или другимъ способомъ, но помимо нашего въ томъ участія.

Это, конечно, была бы самая желательная развязка вопроса, хотя въ 1881 году русская дипломатія ея ужасно испугалась.

П. А. Матвѣевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРИНЦЪ БАТЕНБЕРГСКІЙ.

Изъ недавнихъ воспоминаній.

Правитель Болгаріи имѣетъ особенное и привилегированное положеніе среди другихъ властелиновъ странъ и державъ. Онъ призванъ управлять народомъ, вырваннымъ русской братской мощью изъ пятивѣковаго рабства подъ игомъ религіозно-мусульманскаго деспотизма и презрѣнія къ христіанину. Славная исторія прошлыхъ временъ Болгарскаго царства стерта съ народной памяти. Вмѣсто ея въ душѣ, умѣ и на сердцѣ болгаръ болячки чуждаго ига. Только съ ними болгарскій народъ вышелъ на большую дорогу новой самостоятельной жизни. Тотъ, кому выпала честь вести болгаръ по этой дорогѣ, очевидно, беретъ на себя двѣ великія и многотрудныя задачи — уничтожить съ корнемъ недобрые наросты рабства и положить взамѣнъ ихъ въ народное сознаніе тѣ скрижали чести, правды и самоуваженія, безъ которыхъ нѣтъ народной исторіи и нѣтъ народнаго прогресса. Роли первыхъ правителей Болгаріи поэтому роли самыя важныя. Какъ бы они ни были бѣдны духовными силами, ихъ имена и вліяніе внесутся въ книгу болгарскаго бытія неизгладимыми буквами, ибо вліяніе это будетъ тотъ починъ самостоятельной жизни, окраска котораго распространится неминуемо на цѣлое столѣтіе. Властитель съ сильной волей, обширнымъ умомъ и строгой честью напишетъ на болгарской tabula rasa девизъ нравственной дисциплины; князь безхарактерный съ непрочнымъ катехизисомъ морали положитъ подъ фундаментъ болгарской будущности камни плохой устойчивости.

Съ такими мыслями я ѣхалъ осенью 1882 года въ Рущукъ въ надеждѣ познакомиться съ княземъ Александромъ Болгарскимъ. Личность его крайне интересовала меня, ибо я слышалъ о немъ самые различные отзывы, а въ потребности для болгаръ «примѣрнаго властителя» убѣдился уже давно—въ свои двѣ первыя поѣздки въ Румелію, Болгарію и Македонію въ 1874 и 1878 годахъ.

Рущукъ ждалъ въ 1882 году важнаго гостя—сербскаго короля Милана, изъявившаго желаніе заплатить визитъ князю Александру. Рущукъ былъ выбранъ какъ придунайскій городъ, удобный для проѣзда къ нему короля на пароходѣ изъ Бѣлграда. Всѣ главныя власти Болгаріи собрались на этотъ случай въ Рущукѣ, а около были расположены лагеремъ юныя болгарскія войска. По улицамъ ставили столбы съ соединенными болгаро-сербскими флагами, чистили и чинили мостовую, готовили иллюминацію. Отъ полиціи требовалась необыкновенная энергія по благоустройству, а также и по надзору, потому что король Миланъ не любитъ путешествовать безъ особой охраны и боится покушеній. Естественно, что завѣдованіе полиціей въ такое исключительное время нельзя было оставить въ неопытныхъ болгарскихъ рукахъ, и точно рущукская полиція по приказу князя была на эти дни отдана подъ начальство русскаго офицера капитана Головинскаго, командира мѣстной драгунской команды. Я лично наблюдалъ неутомимую дѣятельность этого способнаго и браваго офицера—онъ былъ занятъ съ утра до утра. Нерѣдко мы встрѣчали его бѣгущимъ и скачущимъ по улицамъ, и часто, здороваясь съ нами, онъ добродушно жаловался, что съ мундирными братушками ладу нѣтъ. Но вотъ однажды я встрѣчаю его съ крайне озабоченнымъ и удивленнымъ лицомъ.

— Что съ вами, капитанъ?

— Вотъ читайте!—отвѣчаетъ г. Головинскій, подавая мнѣ форменный бланкъ.

На немъ мѣстный полицейскій чинъ, болгаринъ родомъ, пишетъ на имя «главноуправляющаго полиціей», что онъ получилъ приглашеніе прибыть вечеромъ, но проситъ впредь ничего не указывать, не приказывать и не приглашать, ибо онъ, болгаринъ, самъ знаетъ свои обязанности не хуже русскаго офицера...

— Это вашъ новый подчиненный прислалъ вамъ въ видѣ формальнаго отвѣта?—спрашиваю я по прочтеніи бумаги.

— Да, да, представьте себѣ, какое нахальство! Развѣ возможно добиться порядка, когда они даже на вѣжливый зовъ отвѣчаютъ дерзостью?

Г. Головинскій былъ, конечно, крайне встревоженъ и съ полной вѣрой въ княжеское правосудіе представилъ этотъ рапортъ на усмотрѣніе его высочества. Мы ждали примѣрнаго наказанія, не строгаго, но твердаго. Болгары-чиновники только-что вылупились изъ яичка и нуждаются въ послѣдовательной школѣ. Уже теперь

въ Болгаріи существуютъ цѣлыя легенды о чиновничьемъ пересолѣ то на спинѣ обывателя, то по части опозиціи. Князь, разумѣется, зналъ, какъ непроченъ и неопытенъ болгарскій чиновникъ и какъ разъ въ то время пользовался правами неограниченнаго монарха. Увы, ожиданія наши не сбылись—князь удовольствовался самой легкой дисциплинарной мѣрой. Всѣ кругомъ удивлялись такому неожиданному исходу дѣла, а люди, близкіе ко дворцу, объясняли это тѣмъ, что у виновнаго чиновника много родственниковъ въ Рущукѣ, и князь не хотѣлъ раздражать ихъ. Нѣкоторые прибавляли: «Князь терпѣть не можетъ русскихъ и за обиду русскаго не станетъ наказывать болгарина!».

Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда, я получилъ увѣдомленіе, что князь соблаговолилъ удостоить меня аудіенціей. Въ назначенный часъ я уже былъ во дворцѣ и въ дежурной комнатѣ познакомился съ старшимъ флигель-адъютантомъ князя, барономъ Корвиномъ, маіоромъ прусской службы, добрымъ и симпатичнымъ нѣмцемъ, сыскавшимъ себѣ русскую невѣсту и, по требованію ея, усердно занимавшимся изученіемъ русскаго языка. Дворецъ въ Рущукѣ не великъ и не роскошенъ; князь, однако, не можетъ пожаловаться на скупость болгарской казны, ибо на пятый годъ княженія имѣетъ уже три дворца—въ Софіи, Варнѣ и Рущукѣ. Пріемныя князя во второмъ этажѣ, средней величины комнаты, съ коврами, зеркалами, хрустальными люстрами и мягкой шелковой мебелью. Меня ввелъ къ князю генералъ Соболевъ. Князь красивъ и обладаетъ очень симпатичнымъ лицомъ, также очень мягкимъ пріятнымъ голосомъ. Онъ отлично знаетъ эти качества своей персоны, пуская въ ходъ вездѣ и со всѣми добрую улыбку, ласковый взглядъ и нѣжныя слова. Нѣкоторые изъ болгарскихъ дѣятелей не разъ бывало говорили мнѣ по старому знакомству о князѣ: «Такъ умѣетъ залѣзть въ душу, что знаешь по опыту, что не слѣдуетъ ему вѣрить, а порой опять повѣришь и, конечно, сейчасъ попадешься въ просакъ!» И ростъ у него прекрасный; излишняя толщина могла бы попортить эффектъ, но князь искусно скрываетъ ее подъ густыми генеральскими эполетами, нося ихъ на французскій ладъ свѣшанными немножко впередъ. Я много разъ видѣлъ князя внѣ дворца и во дворцѣ, но ни разу не видалъ на немъ погоновъ. Съ военнымъ мундиромъ онъ никогда не разстается и штатскаго платья въ Болгаріи не носитъ. Въ Болгаріи и офицеры, по русскому дурному обычаю, не имѣютъ права на партикулярное платье внѣ службы.

Князь встрѣтилъ меня во второй комнатѣ, любезно улыбаясь, привѣтствуя добрыми словами и дѣлая мнѣ навстрѣчу нѣсколько шаговъ. Крѣпко и долго пожимая мнѣ руку, онъ говорилъ о сожалѣніи, что ему не удалось встрѣтиться со мной въ предъидущемъ году въ Лондонѣ, что онъ такъ много слышалъ, читалъ

такъ радъ и пр., и пр. Не будь я подготовленъ къ такой встрѣчѣ тысячами разсказовъ сотни людей о дѣйствительной цѣнѣ любезностей князя, я, конечно, счелъ бы его за чрезвычайно добраго и симпатичнаго человѣка. И не столько слухъ, сколько глаза продиктовали бы мнѣ такое заключеніе, потому что передо мной стоялъ статный красавецъ съ необыкновенно радушной улыбкой не только губъ, но и глазъ... Я невольно подумалъ въ ту минуту про себя: «Какой прекрасный вышелъ бы актеръ изъ тебя!».

За нѣсколько мѣсяцевъ до этой аудіенціи князь былъ въ Петербургѣ, а теперь читалъ, какъ радушно Россія принимала у себя дорогаго гостя князя Николая Черногорскаго. Мнѣ уже передали заранѣе, что князь Александръ былъ чрезвычайно пораженъ разницею въ русской встрѣчѣ, оказанной ему и черногорскому герою-поэту, и что онъ не разъ выражалъ удивленіе по поводу этой разницы. Французская пословица, что апетитъ приходитъ во время ѣды, кажется, не столько примѣнима къ кушанью, сколько къ человѣческому честолюбію. Давно ли князь выплылъ на верхъ изъ горькой неизвѣстности прапорщичьяго чина въ Потсдамѣ, а теперь у него уже болитъ сердце отъ зависти, что Россія осмѣливается выражать бо́льшее уваженіе князю страны, доказавшей исторіей и кровью прочность связи своей съ Россіей и славянствомъ! Дѣйствительно, тотчасъ послѣ привѣтствій князь заговорилъ со мной о пріемѣ князя Черногорскаго.

— Я только-что прочелъ,—сказалъ онъ мнѣ:—съ какимъ восторгомъ встрѣтила Москва князя Николая. Не правда ли, онъ очень популяренъ въ Россіи? А мнѣ не везетъ у васъ. Читали вы статью про меня въ «Руси»? Это ужасно! И за что? Болгары, а въ особенности я, не можемъ не быть благодарными Россіи и мы, кажется, доказали нашу преданность—теперь у насъ даже министры русскіе генералы. Но, если нужно еще подтвердить нашу и мою въ особенности любовь къ Россіи, то пусть мое знакомство съ вами будетъ для этого счастливымъ случаемъ. Разскажите и напечатайте, г. Молчановъ, что болгары и я глубоко преданы Россіи, всегда будемъ слѣдовать ея совѣтамъ и указаніямъ, словомъ, что у насъ нѣтъ, не было и не будетъ другой политики, кромѣ русской... Мнѣ очень непріятна статья Аксакова, я не скрою—желалъ бы пользоваться въ Россіи такой же популярностью, какъ князь Черногорскій, и надѣюсь—когда нибудь перестанутъ меня бранить въ Россіи... Я хотѣлъ самъ написать Аксакову; не возьмете ли на себя трудъ передать ему то, что я сказалъ вамъ... вы премного обязали бы меня...

Разговоръ на эту тему продолжался между нами минутъ двадцать. Князь такъ сладко пѣлъ о Россіи, что подъ конецъ эта сладость сдѣлалась приторна. Въ заключеніе бесѣды князь пригласилъ меня остаться на завтракъ. Въ это время въ залу вошелъ

генералъ Соболевъ и сталъ говорить съ княземъ о текущихъ дѣлахъ. Не желая мѣшать ихъ дѣловому разговору, я вышелъ въ сосѣднюю залу, гдѣ и подождалъ, разсматривая картины, пока князь и генералъ-премьеръ кончили бесѣду и вышли въ эту же залу, слѣдуя внизъ въ столовую.

Княжескіе завтраки и обѣды нельзя назвать блестящими и сытными, ибо кухня князя носитъ на себѣ слѣды онѣмеченныхъ французскихъ кушаній, лишенныхъ германской солидности и французской тонкости. Среди напитковъ первенство отдается графину съ вѣнскимъ пивомъ. Князь усѣлся на хорейскомъ мѣстѣ въ той позѣ, съ локтями на столѣ, по которой такъ легко отличить настоящаго аристократа отъ мелкаго парвеню. По правую руку посадили генерала Соболева и меня, по лѣвую — генерала Каульбарса, военнаго министра Болгаріи, и маленькую фигурку Стоилова, бывшаго тогда частнымъ секретаремъ князя, впослѣдствіи министромъ духовныхъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ etc. Съ Стоиловымъ мы были старые знакомые, со времени русской окупаціи въ Филиппополѣ. Тогда въ домѣ русскаго гостепріимства и хлѣбосольства у г. Мельгунова собирались всѣ интеллигентные братушки и въ числѣ ихъ былъ г. Стоиловъ. Онъ долго добивался писарскаго мѣста въ канцеляріи генерала Домантовича. Послѣ назначенія принца Батенбергскаго на болгарскій престолъ, Стоиловъ былъ сдѣланъ его секретаремъ; онъ изъѣздилъ съ княземъ всю Европу и получилъ за это около шестидесяти крестовъ, звѣздъ и лентъ. Стоилову не болѣе тридцати лѣтъ отъ роду и притомъ онъ моложавъ, толстъ, съ розовыми щеками и очень, очень маленькаго роста. Поэтому, когда онъ украсится всѣми шестьюдесятью регаліями, то нельзя не расхохотаться, глядя на него, и не вспомнить о веселыхъ опереткахъ покойнаго Офенбаха...

За завтракомъ все время говорилъ почти одинъ князь, обращаясь понѣмецки къ барону Каульбарсу, а пофранцузски къ генералу Соболеву и ко мнѣ. Было очевидно, что пиво производитъ на него магическое дѣйствіе—послѣ втораго стакана искристой желтой влаги его высочество размокъ, еще ниже опустился на локти и съ развязностью властителя разсказывалъ намъ большіе пустяки, быстро перескакивая съ одной темы на другую. Тутъ онъ произвелъ на меня впечатлѣніе женщины, обычные недостатки которой— вѣра въ силу своей красоты и неумѣнье связывать бесѣду одной ниткой. Генералъ Каульбарсъ сообщилъ, между прочимъ, что лошадь для короля Милана приготовляется.

— Ахъ, пожалуйста,—живо и съ улыбкой перебилъ его князь:— чтобъ она была кротка какъ корова! Король не любитъ бойкихъ коней!

Мы разсмѣялись, ибо о трусости Милана было всѣмъ хорошо извѣстно. Князь при этомъ разсказалъ, какъ онъ умѣлъ ѣздить много и не уставать.

— Сколько разъ,—передавалъ онъ:—я бывало безъ отпуска вечеромъ прискачу изъ полковой квартиры въ Берлинъ, цѣлую ночь веселимся съ товарищами, на зарѣ опять верхомъ маршъ-маршъ въ полкъ, сейчасъ перемѣню коня и выѣзжаю на ученье.

— Васъ тамъ, значитъ, строго держали?—спросилъ съ своей обычной тонкой улыбкой генералъ Соболевъ.

— О, чрезвычайно строго!—отвѣтилъ князь съ паѳосомъ, не понявъ ироніи вопроса.

Послѣ завтрака князь разстегнулъ свой вицъ-мундиръ, вынулъ и раскрылъ серебряный портсигаръ. Всѣ закурили и принялись за маленькія чашечки чернаго кофе. Князь былъ въ самомъ прекрасномъ настроеніи духа; онъ развалился на креслѣ, положилъ высоко ногу на ногу; лобъ и щеки его зардѣлись, а маленькіе глаза замаслились. Баронъ Каульбарсъ разсказывалъ понѣмецки какіе-то веселые анекдоты. Вдругъ пепелъ съ папиросы князя упалъ на его сюртукъ; отряхиваясь, князь задѣлъ за георгіевскій крестъ и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Я никогда не разстаюсь съ этимъ крестомъ... Но вы не слыхали, что болгарскіе министры хотѣли снять его съ меня?

— Нѣтъ, votre altesse, не слыхалъ.

— Да, да. Вотъ Стоиловъ вамъ можетъ подтвердить это! Когда Петко Каравеловъ—ужасный человѣкъ—былъ моимъ премьеромъ, онъ однажды входитъ ко мнѣ въ кабинетъ и, оставшись недовольнымъ на мой отказъ въ согласіи на какую-то черезчуръ радикальную мѣру, вдругъ говоритъ, что я долженъ снять этотъ крестъ, что я совсѣмъ не имѣю права носить его, потому что болгарская конституція запрещаетъ носить чужіе ордена. Вѣдь это ужасъ какая дерзость?

— И ваше высочество?

— Я? Я долженъ былъ молчать. Каравеловъ пользовался тогда огромнымъ вліяніемъ, съ нимъ нельзя было спорить. Вы видѣли когда нибудь этого ужаснаго Петко? Это pur sang русскій нигилистъ!

— Я, ваше высочество, знакомъ съ нимъ.

— Онъ же,—продолжалъ князь, уже обращаясь къ генералу Соболеву:—онъ же предлагалъ мнѣ однажды деньги на дворецъ, если я подпишу указъ противъ духовенства. Какъ будто дворецъ нуженъ для меня! Онъ нуженъ для Болгаріи, я думаю, и деньги израсходованы вовсе не для меня. Не такъ ли?

Черезъ нѣсколько минутъ мы разстались. Этимъ закончилась моя первая встрѣча съ княземъ болгарскимъ.

II.

Вторая встрѣча была черезъ нѣсколько дней и не менѣе поучительна. Предстоялъ пріѣздъ короля Милана; къ Рущуку было

созвано много войскъ всѣхъ родовъ оружія, и верстахъ въ пяти отъ города, на холмистомъ берегу Дуная, устроили для войскъ лагерь. Войска переживали тяжелые дни: шли безпрестанныя ученья и примѣрные маневры, такъ какъ впереди имѣлась цѣль блеснуть предъ коронованнымъ сосѣдомъ количествомъ и отдѣлкой штыковъ, въ разсчетѣ заставить сосѣда позавидовать, ибо у него самого, какъ извѣстно, несчастныя войска, обучающіяся и щеголяющія по австрійской модѣ, т. е. на самый плохой изъ европейскихъ образцовъ. Однажды, я провелъ цѣлый день въ лагерѣ съ генераломъ Каульбарсомъ и, слѣдя за маневрами, любовался молодецкой выправкой болгарскаго солдата и быстрой находчивостью его русскихъ инструкторовъ. Въ лагерѣ солдатики тѣшили насъ занятіями гимнастикой, съ истинно славянской веселостью и шаловливостью сами увлекаясь скачками и прыжками черезъ барьеры. Попробовавъ щи, говядину и кашу изъ полковыхъ котловъ, мы пошли среди палатокъ; вотъ часовой у денежнаго ящика. Генералъ Каульбарсъ приближается къ нему, и тутъ произошла сцена, которой я не забуду до конца жизни.

— Дай мнѣ ружье!—строго говоритъ генералъ солдату, протягивая руку.

— Не могу,—шепчетъ болгаринъ-солдатъ въ отвѣтъ генералу, впиваясь пальцами въ ружье, взятое на караулъ.

— Мнѣ отдать не можешь, а кому ты долженъ отдать, когда стоишь на часахъ?—спрашиваетъ генералъ.

— Царю русскому,—шепчетъ солдатикъ.

— Такъ, такъ,—отвѣчаетъ генералъ, покраснѣвъ и просіявъ; всѣ офицеры кругомъ сцены тоже просіяли и улыбаются другъ другу.

— Еще кому?

Солдатикъ мнется и тише прежняго отвѣчаетъ:—Князю...

— Вѣрно!—хвалитъ генералъ.—Больше никому?

— Никому...

Генералъ вынулъ серебряный рубль и подарилъ солдату. Штабъ развеселился и пошелъ дальше, а я вернулся къ солдатику и, потрогивая его ружье, спрашиваю:

— Какой системы твое ружье?

— Не знаю,—отвѣчаетъ солдатикъ, уже оправившійся отъ робости.

— Дай-ка мнѣ, я посмотрю...

— Нельзя никому отдавать...

— Дай, не бойся, вѣдь я русскій...

Солдатикъ широко улыбнулся, оглянулся, нѣтъ ли вблизи офицера, и обѣими руками отдалъ мнѣ ружье...

Дня за два до пріѣзда короля Милана, князь Батенбергскій пожелалъ сдѣлать репетицію будущаго смотра. Около него образовалась довольно порядочная свита, удалось и мнѣ попасть въ нее на

казацкомъ трясунѣ. Нѣсколько экипажей съ дамами также отправились въ поле любоваться военной картиной. Войска маршировали прекрасно, кавалерія летала маршъ-маршемъ по холмамъ, артиллерія прошла въ образцовомъ порядкѣ. Князь былъ очень веселъ и видимо предвкушалъ удовольствіе отъ зависти коронованнаго сосѣда.

— Надо побольше грома орудій и посильнѣе взрывы приготовить... мы познакомимъ короля съ запахомъ пороха,—смѣялся князь, обращаясь къ свитѣ.

Собрались ѣхать назадъ; вдругъ по лицу князя пробѣжало облако, онъ задумался на минуту, подъѣхалъ къ генералу Каульбарсу и тихо передалъ ему, что онъ желалъ бы сдѣлать репетицію того, какъ онъ будетъ проѣзжать мимо короля, представляя гостя своего арміи. И вотъ началось курьезное зрѣлище. Свита выстроилась въ рядъ, впереди генералъ Каульбарсъ, очевидно, изображалъ короля Милана; князь подъ звуки церемоніальнаго марша на каремъ конѣ съ саблей наголо ѣдетъ мимо и отдаетъ честь мнимому королю... Эта потѣшная репетиція дѣлалась на виду у тысячи народа, собравшагося изъ города и деревень поглазѣть на военные маневры и на князя...

Торжества во имя короля Милана были своевременно описаны съ полною подробностью. Въ нихъ была только одна характерная черта—полное забвеніе о Россіи. Король Миланъ пріѣхалъ на русскомъ пароходѣ въ Рущукъ, сопровождалъ его отъ Бѣлграда болгарскій дипломатическій агентъ—русскій отставной статскій совѣтникъ, нарядившійся въ русскій мундиръ и русскую треуголку; встрѣчалъ короля и сопровождалъ его на маневры, присутствовалъ на всѣхъ празднествахъ генералъ Соболевъ въ качествѣ болгарскаго премьера, не снимавшій въ Болгаріи русскаго мундира, не смотря на прозрачные намеки князя о возможности для генерала замѣнить мундиръ фракомъ; въ рѣчахъ, которыми привѣтствовали болгары короля-гостя, неизмѣнно говорилось о братствѣ славянскихъ сосѣднихъ народовъ, освященномъ и обновленномъ русской кровью; въ особенности хороша и тепла была рѣчь г. Оджакова, нынѣ адвоката въ Рущукѣ, а во время войны состоявшаго переводчикомъ при главномъ штабѣ; словомъ, на каждомъ шагу король Миланъ слышалъ и видѣлъ напоминаніе о Россіи, но самъ твердо и стойко въ отвѣтныхъ рѣчахъ, тостахъ и разговорахъ избѣгалъ даже имени Россіи. Князь Александръ могъ бы поправить это забвеніе, но онъ видимо сразу подпалъ подъ вліяніе веселаго короля и на публичныхъ пріемахъ держалъ себя по отношенію къ Милану, какъ школьникъ предъ учителемъ. Сербскій король умѣетъ играть свою роль хорошо—онъ такъ важничаетъ, такъ кривляется, говоритъ такъ громко и съ такимъ презрительно-нахальнымъ видомъ, что разумному человѣку смѣшно и досадно смотрѣть на него,

а толпа взираетъ на короля съ великимъ почтеніемъ и страхомъ. «Вотъ это настоящій король!»—твердили братушки. Представился, наконецъ, самый удобный случай вспомнить о Россіи. Городское управленіе угощаетъ короля и князя обѣдомъ. Столъ накрыли буквой *п*: по срединѣ мѣста для высокихъ гостей, первая половина сплошь занята русскими офицерами, на второй—дума и гости. Городской голова Анневъ, личность маленькая по объему и духу, блѣдный и дрожащимъ голосомъ сказалъ привѣтственную рѣчь королю-гостю, не посмѣвъ заикнуться о Россіи. Король всталъ съ бокаломъ въ рукѣ и громко, отчетливо съ горячими жестами отвѣтилъ спичемъ о братствѣ сербовъ съ болгарами. Поднялся, въ свою очередь, и князь, тихимъ и взволнованнымъ тономъ пофранцузски благодарилъ короля. О Россіи ни слова! На офицерской половинѣ поднялся громкій ропотъ. «Хотя бы изъ уваженія къ намъ предложили тостъ за царя!»—шептали офицеры, пожимая плечами. Я былъ въ числѣ обѣдающихъ единственный русскій, не имѣвшій оффиціальнаго поста, и потому мнѣ, какъ свободному человѣку, казалось всего ближе и легче напомнить великому собранію о томъ народѣ, который далъ корону гостю и хозяину, а народамъ ихъ открытую дорогу къ славному будущему. Заручившись отъ сосѣдей vis-a-vis дружной поддержкой тосту, я, слѣдуя дворцовому обычаю, передалъ маршалу князя барону Ридезелю свое желаніе провозгласить тостъ за здоровье Россіи. Баронъ съ озабоченнымъ видомъ доложилъ о томъ на ухо князю. Князь покраснѣлъ, замялся и, къ моему великому удивленію, сталъ потихоньку совѣтоваться съ королемъ. Король замоталъ головой, и князь передалъ мнѣ черезъ маршала просьбу отказаться отъ задуманнаго тоста... Такъ и уѣхалъ король, ни словомъ не упомянувъ о Россіи. На русскихъ это произвело крайне тяжелое впечатлѣніе, и потому понятно, съ какимъ удовольствіемъ, и съ какой признательностью русскіе люди въ Болгаріи слушали потомъ разсказъ, какъ генералъ Соболевъ, и на проводахъ короля не разстававшійся съ русскимъ мундиромъ, напомнилъ Милану, ѣдучи на пароходѣ, что Дунай рѣка не чужая намъ, ибо въ пѣсняхъ поется «Дунай нашъ, Дунай»...

III.

Въ Рущукѣ и Софіи мнѣ приходилось встрѣчать князя почти ежедневно то въ клубѣ, то въ гостяхъ у министровъ, то во дворцѣ. Но я пропускаю встрѣчи, не имѣвшія въ себѣ ничего особенно интереснаго и характернаго. Разскажу лишь объ одномъ свиданіи, содержаніе котораго довольно ярко освѣщаетъ духъ и направленіе молодаго князя.

Въ Болгаріи наступило переходное время. Русскіе монархисты-генералы, заправлявшіе княжествомъ, убѣдились не долгимъ, но

горькимъ и трудовымъ опытомъ, что юная страна не можетъ управляться неограниченной властью князя. Въ народѣ нѣтъ дисциплины, интеллигенція воспитана на чужбинѣ, средній классъ деморализованъ вѣковымъ рабствомъ. Нѣтъ въ народѣ и той вѣры въ своего руководителя, которая создается или исторіей, или крупнымъ талантомъ верховнаго главы. Съ другой стороны и самъ князь, малообразованный баричъ, не понималъ великихъ задачъ своего поста, не обладалъ ни силой воли, ни той строгой честью главенства, которая подчасъ можетъ замѣнить на добро и волю, и умъ. Словомъ, пріостановка конституціи, которой Россія помогала въ надеждѣ дать народу необходимую для государственной жизни дисциплину, привела къ обратному результату. Австрофилы, съ весьма подозрительной безупречностью совѣсти и кармана, одѣлись въ овечьи шкурки консерватизма и стали заботиться не объ отечествѣ, а о тѣхъ евреяхъ, которые поѣхали въ Софію для постройки желѣзныхъ дорогъ и для продажи таковыхъ правительству. Русскіе генералы не могли оставлять долѣе свое честное имя въ компаніи съ завѣдомыми грабителями, а выходъ изъ этой компаніи былъ единственный — созваніе народнаго собранія. Собрать таковое на основахъ тырновской конституціи было немыслимо — князь и его болгарскіе министры [1]) ни за что не согласились бы на такую мѣру. Пришлось выработать новый уставъ выборовъ, и проектъ о таковыхъ по всѣмъ правиламъ законодательнаго искусства былъ составленъ кабинетомъ, утвержденъ государственнымъ (державнымъ) совѣтомъ и княземъ. Страна вздохнула свободнѣе, но за то и старыя партіи ожили. Читатель, не бывавшій въ Болгаріи, не сможетъ и представить себѣ при услугѣ самаго пылкаго воображенія, какое огромное значеніе имѣетъ слово «партія» въ такихъ несформировавшихся маленькихъ государствахъ, каковы Греція, Сербія, Болгарія и Румынія. Рѣдко кто можетъ въ нихъ объяснить, почему онъ консерваторъ, умѣренный, либералъ, народникъ, радикалъ, демократъ и пр., и пр. Все дѣло сводится къ тому, что моя партія означаетъ Ивана на министерскомъ креслѣ, меня на департаментскомъ, Петра на губернаторствѣ, Степана на прокурорскомъ и т. д. для всѣхъ родственниковъ и друзей. Говоря проще, вопросъ о партіяхъ тамъ — вопросъ о желудкѣ, и понятно, что за партію каждый держится зубами. Какъ только новый законъ о выборахъ былъ опубликованъ, и самые выборы назначены, по странѣ пошелъ стонъ честолюбій желудка. Стали соблазняться самые видные коронные чиновники, доселѣ аккуратно получавшіе княжеское жалованье и вѣрой-правдой служившіе дѣлу пріоста-

[1] Кромѣ Ѳ. Теохарова, министра народнаго просвѣщенія (нынѣ членъ судебной палаты въ Тифлисѣ), снискавшаго репутацію честнаго и русскаго человѣка.

новки конституціи. Соблазнился даже предсѣдатель государственнаго (державнаго) совѣта Икономовъ, назначенный на эту должность по выбору самого князя. Державный совѣтъ былъ тогда учрежденіемъ наиболѣе выражавшимъ собой нарушеніе конституціи, ибо именно къ нему отошла законодательная дѣятельность уничтоженнаго парламента. До сихъ поръ Икономовъ безпрекословно занимался такой дѣятельностью и въ санѣ предсѣдателя присутствовалъ на засѣданіи совѣта, одобрившемъ единогласно новый законъ о выборахъ. Вдругъ оживившіяся партіи заговорили. Каждая стала подъискивать себѣ хорошую вывѣску и громкую рекламу. Либералы подобрались къ Икономову и уговорили его напечатать въ рущукской газетѣ «Славянинъ» за полной подписью, что новый законъ о выборахъ, какъ составленный и утвержденный вопреки тырновской конституціи, недѣйствителенъ и что онъ, Икономовъ, не признаетъ этого закона и совѣтуетъ другимъ не признавать его.

Какъ разъ въ то утро, когда газета «Славянинъ» съ заявленіемъ Икономова прибыла въ столицу, я былъ приглашенъ во дворецъ на завтракъ.

Я явился за четверть часа и былъ немедленно введенъ адъютантомъ въ кабинетъ князя. Князь, поздоровавшись, сѣлъ къ письменному столу, предложилъ мнѣ кресло противъ себя и красный отъ волненія съ гнѣвомъ въ глазахъ схватилъ со стола рѣзкимъ жестомъ номеръ «Славянина» и подалъ мнѣ.

— Прочтите, пожалуйста...

— Я уже читалъ, ваше высочество, — отвѣтилъ я.

— Каково нахальство! Каково безобразіе! Вы знаете, кто такой Икономовъ?—спрашивалъ и восклицалъ князь, волнуясь все болѣе и болѣе.

— Да, знаю.

— Ну, что вы скажете объ этомъ? Хороши болгарскіе государственные люди?

— Да, это неслыханное безобразіе, — отвѣчалъ я искренно.

— А мое положеніе? Я долженъ управлять страной при посредствѣ такихъ безсовѣстныхъ людей... это ужасно! —говорилъ князь, вскакивая съ мѣста и опять садясь въ кресло.—Я бы желалъ слышать ваше мнѣніе объ этомъ дѣлѣ, скажите мнѣ его безъ церемоніи!

Я, разумѣется, сказалъ свое мнѣніе вполнѣ чистосердечно.

— Конституція пріостановлена. Вы, ваше высочество, не ограниченный властелинъ; вы должны наказать Икономова примѣрно, чтобъ другимъ неповадно было, чтобъ разбудить въ мѣстной интеллигенціи сознаніе долга и обязанностей службы и т. д.

Князь выслушалъ всѣ мои доводы очень внимательно и поразилъ меня отвѣтомъ.

— Да,—сказалъ онъ медленнымъ, раздумчивымъ тономъ, — вы правы, я совершенно согласенъ съ вами, что слѣдовало бы дать строгую острастку противъ повторенія подобныхъ безобразій, но, г. Молчановъ, я не могу, не смѣю наказывать Икономова...

— Не смѣете? Но почему же, ваше высочество, по закону вы имѣете полное право...

— По закону имѣю право, я это знаю... Но вѣдь Икономовъ вліятельный человѣкъ, очень вліятельный...

— Простите, ваше высочество,—не выдержалъ я:—зачѣмъ же въ такомъ случаѣ вы такъ много и усиленно хлопотали о пріостановкѣ конституціи и добивались неограниченной власти, если при такомъ подходящемъ случаѣ вы не считаете себя въ силахъ проявить эту власть?

— Теперь пріостановка конституціи кончена, новые выборы начались, опять соберется нѣчто подобное парламенту, и Икономовъ можетъ составить сильную партію... Вы знаете, что генералъ Соболевъ хочетъ свободныхъ выборовъ, безъ всякаго давленія со стороны правительства... О, у меня и безъ того много враговъ въ Болгаріи!.

— Уволивъ Икономова отъ должности предсѣдателя державнаго совѣта, вы могли бы, ваше высочество, отдать его подъ судъ законнымъ порядкомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, г. Молчановъ, онъ все равно разсердится и станетъ въ опозицію... И это всего ужаснѣе, что я ничего не могу сдѣлать, ничего!

Тутъ адъютантъ прервалъ нашу интересную бесѣду докладомъ о завтракѣ...

А. Молчановъ.

ПЕРВЫЙ ВЪ РОССІИ ВОЕННО-ВРЕМЕННЫЙ ГОСПИТАЛЬ.

«Всякое учрежденіе только тогда оправдываетъ свой историческій смыслъ бытія, когда съ честью выдерживаетъ испытаніе въ опасную минуту».

ВЪ 1678 ГОДУ, въ августѣ мѣсяцѣ, во время почти непрерывныхъ битвъ (1-го, 3-го, 6-го, 11-го, 12-го, 14-го и 16-го числа), подъ Чигириномъ, осажденнымъ турками, въ русскихъ войскахъ было много раненыхъ. Войска эти состояли тогда изъ трехъ родовъ: служилыхъ людей выборныхъ полковъ изъ разныхъ городовъ, подчиненныхъ вѣдѣнію Разряда (т. е. Разряднаго приказа); тринадцати «приказовъ» московскихъ стрѣльцовъ, находившихся въ вѣдѣніи Стрѣлецкаго приказа, и иноземныхъ полковъ, солдатскаго и рейтарскаго строя, учрежденныхъ царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, которыми распоряжался Иноземный приказъ, хотя, кромѣ главныхъ начальниковъ, и то въ началѣ, въ нихъ не было иностранцевъ.

Во всѣхъ этихъ войскахъ врачебная помощь исторически складывалась по своему особому типу, что̀, по моему мнѣнію, прямо зависѣло отъ тѣхъ или другихъ экономическихъ условій, въ которыхъ воины находились къ государству.

Служилый человѣкъ, обязанный, за получаемую отъ государства землю, службою, являлся на нее «оруженъ и коненъ», съ провіантомъ и со всѣми о себѣ заботами. Служилые же люди, выставляемые земледѣльческими (черными сотнями, сохами) и другими обществами, ими же и снабжались всѣмъ необходимымъ для службы. И тѣмъ, и другимъ государство давало лишь начальниковъ. Слѣ-

довательно, и лѣчили они себя сами, то есть, сохраняя съ глубокой древности, по преданію, въ своемъ изстари военномъ сословіи извѣстные хирургическіе пріемы и извѣстныя простыя лѣкарства и мази [1]). Люди болѣе богатые имѣли лѣчителей въ своей свитѣ, а начальство часто пользовалось плѣнными цирюльниками и т. п. И впослѣдствіи, когда государство стало насылать врачей, они состояли лишь при начальникахъ, т. е. при штабахъ, часто лѣчили по уговорной цѣнѣ, какъ и на городахъ частные, не служащіе врачеватели.

Стрѣльцы, — эти военныя артели, — естественно должны были сами заботиться о собственномъ лѣченіи. Въ эпоху образованія иноземскихъ полковъ, они начали заводить своихъ собственныхъ, изъ стрѣльцовъ же, лѣкарей, учившихся въ Аптекарскомъ приказѣ въ Москвѣ, или у частныхъ докторовъ, за счетъ стрѣлецкихъ приказовъ; лѣкарствами же, большею частью, пользовались изъ царской аптеки и, кажется, за деньги. У солдатъ же иноземнаго строя были въ походахъ постоянно казенныя лѣкарства и лѣкаря, сначала исключительно иностранцы, большею частью, поляки, а потомъ почти всѣ свои, такъ какъ къ иностранцамъ нужно было приставлять переводчиковъ, обременительность чего оказалась въ первый же призывъ врачей en masse въ 1679 году. Распредѣлялись врачи довольно правильно по полкамъ, имѣя въ помощь учениковъ.

Когда раненые, въ концѣ сентября 1678 года, добрались до Москвы и другихъ городовъ, то царь Ѳедоръ Алексѣевичъ тотчасъ послалъ отъ себя изъ Измайлова въ Москву товарища начальника Аптекарскаго приказа, кравчаго съ путемъ, князя Василія Ѳедоровича Одоевскаго, позаботиться о нихъ. Уже 29-го сентября послѣдовалъ указъ Аптекарскому приказу «осмотрѣть дохтурамъ при себѣ» раненныхъ генераловъ и штабъ-офицеровъ, лѣчить ихъ и лѣкарства на то брать изъ царской новой аптеки безденежно. Въ числѣ раненыхъ были, второй и третій по времени, русскіе генералы: генералъ-поручикъ Агѣй Шепелевъ и генералъ-маіоръ Осипъ Краковъ. 5-го октября, раненыхъ отдали лѣчить докторамъ Лав-

---

[1]) Вотъ, напримѣръ, описаніе лѣченія раны одного изъ моихъ предковъ, ходившаго воеводой съ московскими войсками въ Сибирь, въ 1592—1594 годахъ, со снарядомъ для закрѣпленія побѣдъ Ермака, письменнаго головы (начальникъ штаба) Ив. Змѣева. Раненный стрѣлою въ верхнюю треть праваго стегна (femor) съ внутренней стороны кости такъ, что «желѣзцо осталось тамъ», онъ на девятый день, ощупавъ мѣсто желѣзца, приказалъ своимъ лѣчителямъ — стрѣльцу Анучину Ивашкѣ да крѣпостному знахарю воеводы Головина (?) Кучаю, разрѣзать себѣ противъ того мѣста сзади (подъ glutea). «И рѣзали тонкимъ ножемъ вершка поболѣ вглубь и вытащили кривыми клещицами желѣзко погнуто пальца съ три и заложили въ рану ветошку въ салѣ съ порохомъ и, какъ гной пересталъ, клали мастъ лазореву зорную, затирали рану порохомъ, а оздоровѣлъ, Богъ далъ, и ходить училъ въ Березовѣ недѣли въ три».

рентію (Блюментросту) да Степану (Гадену) и Симону (Зоммеру), по нѣскольку на каждаго, да имъ въ помощь приданы русскіе лѣкаря. Октября 10-го, всѣ раненые начальники (кто изъ нихъ пожелалъ) помѣщены были въ верхнемъ этажѣ Рязанскаго подворья (на Лубянкѣ, при входѣ на Мясницкую), а 11-го «Великій государь указалъ полку думнаго дворянина, генералъ-поручика (первый русскій получившій этотъ чинъ) и сходнаго воеводы Веденехта Андреевича Змѣева рейтаръ, раненыхъ въ Чигиринѣ, тѣхъ, которые бездомные и учнутъ приходить на Рязанское подворье для лѣченія, и лѣкарей, которые тѣхъ раненыхъ чиновъ станутъ лѣчить, поить и кормить на Рязанскомъ подворьѣ изъ приказу Большаго Дворца, покамѣста вылѣчатца, и лѣкарей, покамѣста они ихъ вылѣчатъ. А хто имяны рейтаръ раненыхъ и тому роспись... Лѣкари Яганъ Ѳохтъ, да русскіе Василій Подуруевъ, Дмитрій Никитинъ, Ѳедоръ Дорофѣевъ и сторожи».

Этимъ указомъ, 11-го октября 1678 года, и открытъ первый въ Россіи военно-временный госпиталь. Въ него изъ 535 человѣкъ первой партіи, осмотрѣнныхъ въ присутствіи князя Одоевскаго, больныхъ поступило 159, которые и помѣщены въ томъ же этажѣ подворья. Остальные или лѣчились по домамъ, или амбулантно приходили на подворье и въ новую аптеку.

Но осмотръ продолжался безпрерывно, такъ что вторую партію, въ 441 человѣкъ, Рязанское подворье не могло вмѣстить; тогда, 13-го октября, указано помѣстить въ нижнемъ этажѣ Рязанскаго подворья, сколько войдетъ раненыхъ, а подъ остальныхъ занять еще подворья Вологодское и Казанское; въ первомъ помѣстить раненыхъ Щепелевскихъ, а во второмъ Краковскихъ, назначивъ въ первое одного лѣкаря Алексѣя Бѣдинскаго съ учениками Тимоѳеевымъ, Ивановымъ и Алексѣевымъ, а во второе трехъ лѣкарей Петровыхъ. Но, кажется, оба эти подворья не были заняты, а вмѣсто нихъ, такъ какъ число раненыхъ увеличилось до 746 человѣкъ (вѣроятно, со стрѣльцами), заняты порожнія подворья Коломенское, Смоленское, Новгородское (на Ильинкѣ, въ Ветошномъ дворѣ) и Суздальское (на Рожественкѣ, близъ Пушечнаго двора). Нужно думать, что подворья эти принадлежали въ сказанное время казнѣ, потому что при Петрѣ I они были заняты постоемъ солдатъ, канцеляріями, запасами и т. п.

Октября 15-го, у стрѣльцовъ, сидѣвшихъ въ Москвѣ слободами, во всѣхъ тринадцати приказахъ раненые были осмотрѣны, записаны и назначенное лѣкарство безденежно выдано на руки стрѣлецкимъ лѣкарямъ, гдѣ имѣлись таковые, а гдѣ ихъ не было, назначены лѣкари, бывшіе тогда «не у дѣла», т. е. вольнопрактикующіе, и только частью врачи Аптекарскаго приказа. Стрѣльцы-лѣкаря были: Ѳролка Семеновъ, Ананій Григорьевъ,

Емелька Климовъ, Ларіонъ Семеновъ, Микифорка Тулейщиковъ и друг.; послѣдній даже не учился въ Аптекарскомъ приказѣ, или потогдашнему не служилъ ученикомъ.

Но, кромѣ раненыхъ, были и больные. И вотъ, 16-го октября указано тѣхъ больныхъ (кровавымъ поносомъ, лихорадкою и опухолью) размѣстить въ бывшей аптекѣ за Арбатскими воротами и лѣчить ихъ тамъ докторамъ Блюментросту и Кельдерману. А такъ какъ между больными могли быть съ прилипчивыми болѣзнями, то докторамъ этимъ приказано во все это время не бывать въ верхней аптекѣ и писать рецепты въ Новой аптекѣ (по Варваркѣ, у Креста). Блюментростъ выхлопоталъ своимъ больнымъ изъ приказа Большаго Дворца по 4 чарки вина простаго и по 2 кружки пива въ день на человѣка, ибо больные прежде того «пили воду и квасъ и отъ того у нихъ бываетъ одышка и къ болѣзнемъ припадокъ больши и отъ того де многіе помираютъ». Всѣхъ больныхъ стрѣльцовъ изъ трехъ только приказовъ было 130 человѣкъ.

Разумѣется, не всѣ раненые въ этомъ походѣ попали въ Москву, а разошлись по городамъ, или, не отбывъ еще службы, лѣчились при полкахъ, гдѣ были почти вездѣ лѣкаря, или въ крайности хоть лѣкарскіе ученики. Имена ихъ могли не сохраниться, потому что при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ замѣчается уже децентрализація во врачебномъ вѣдомствѣ. Многіе врачи вѣдаются въ Иноземномъ и Пушкарскомъ приказахъ, а по городамъ въ Кіевѣ, Казани, Рязани, Бѣлгородѣ, они довольствуются и вѣдаются, даже принимаются на службу и увольняются безъ вѣдома Аптекарскаго приказа. Кромѣ того, въ большихъ городахъ могли быть и частные, т. е. отставные, лѣкаря. Но во всякомъ случаѣ раненые, тамъ бывшіе, не могли имѣть московскихъ удобствъ. Царь и ихъ не забылъ. По городамъ посланы съ бояры въ разные полки докторъ фанъ-деръ-Гульстъ да аптекарь съ лѣкарствы.

Такимъ образомъ, обезпечивъ больнымъ и всѣмъ раненымъ помѣщеніе, содержаніе, лѣченіе и уходъ безплатно, врачебное вѣдомство тогдашняго времени сдѣлало, говоря безпристрастно, все, что было въ силахъ cito, tuto et jucunde, что̀ и сто лѣтъ спустя не всегда дѣлали. Припомнимъ суворовскія замѣтки о госпиталяхъ.

Теперь вопросъ въ томъ, какова была собственно врачебная помощь и соотвѣтствовала ли она современному состоянію науки? Прямыхъ указаній на это въ архивахъ мало, и ихъ приходится искать окольнымъ путемъ.

Какъ, гдѣ и чему учились тогда лѣкаря? Припомнимъ прежде всего, что у насъ, какъ въ Китаѣ, было много врачебныхъ спеціальностей: были лѣкари чечуйнаго дѣла, чупучиннаго, лѣчители ранъ, грыжъ, очные врачи, нечистой болѣзни, костоправы, затѣмъ дохтуры и аптекаря, какъ врачи внутреннихъ болѣзней, и апте

каря же въ нынѣшнемъ значеніи этого слова—фармацевты, тогда называвшіеся алхимистами. Случалось, что какой нибудь посадскій, или стрѣлецъ, или лѣкарь же, проситъ царя пожаловать его, просителя, за службы, приказать сынишку его Омелькѣ быть въ ученикахъ въ его государевомъ Аптекарскомъ приказѣ. Принятый такимъ образомъ на службу Омелька, если былъ грамотенъ, начиналъ зубрить переводныя записки Симона Сиреніуса, краковскаго академика, Діоскорида, въ переводѣ того же Сиреніуса, и др. и практически учиться фармаціи. Все это не составляло уже потому непреодолимаго препятствія, что еще раньше Іоанна Грознаго у насъ существовали «зельники», такъ хорошо «назнаменаны цвѣтами», что и теперь ихъ можно просматривать съ удовольствіемъ. Подъ каждымъ растеніемъ стояло его русское названіе. Въ 1445 году, видимъ Рутенуса Василія, ученаго аптекаря, выѣхавшаго изъ Кіева въ Варшаву для практики, а братъ литовскаго великаго князя Ягелло, кажется, Свидригайло Ольгердовичъ, былъ великій лѣчецъ и знатокъ лѣчебныхъ травъ въ 1383 году.

Затѣмъ слѣдовала для ученика богатая практика въ аптекарскихъ огородахъ и въ лѣсахъ, куда они посылались каждое лѣто съ травниками. Для другихъ учебныхъ отдѣловъ, напримѣръ, о строеніи и отправленіи организма, о вліяніи климата и т. п., существовали переводныя тетрадки, книги, что̀ доказываютъ отрывки въ разныхъ сборникахъ и существованіе при Аптекарскомъ[1]) и Иноземномъ приказахъ особыхъ для того переводчиковъ. Такъ, одинъ изъ нихъ, Васютинскій, прямо просится опредѣлить его для переводу лѣкарскихъ книгъ и всякихъ надобныхъ писемъ въ аптеку, по которымъ книгамъ русскіе люди могли быть совершенными лѣкарями и аптекарями, такъ какъ онъ, кромѣ нѣмецкаго, знаетъ и латинскій языкъ.

Самые древнѣйшіе изъ переводныхъ учебниковъ у насъ были: «Книга лѣкарская» Ив. Черни, изданная попольски въ Краковѣ 1517 года; «Травникъ» Спичинскаго, тамъ же 1542 года; «Проблемата, или совопрошенія Аристотеля, напримѣръ, о поставленіи удовъ человѣческихъ» съ польскаго, Краковскаго изданія 1567 года; «Прохладный вертоградъ», переводъ съ польскаго 1588 года; но есть основаніе думать, что переводъ его существовалъ въ Москвѣ много раньше, такъ какъ съ латинскаго онъ переведенъ и напечатанъ въ Краковѣ попольски въ 1423 году. «Прохладный Вертоградъ»—это сводъ всей тогдашней медицины: тамъ анатомія, физіологія, патологія, діагностика, уроскопія, терапія, фармакологія, женскія

---

[1]) Не забудемъ и собранный Никономъ ученый кружокъ—верно академія. Тамъ исправлены старые переводы и сдѣлано много новыхъ. Вѣроятно, и классики наши врачебные не были забыты, такъ какъ Никонъ считался знатокомъ медицины.

и дѣтскія болѣзни. Затѣмъ были книги «Луцидарій», «Планидникъ», когда лучше кровь пускать, дошедшій чуть не до нашихъ временъ въ петровскихъ календаряхъ; «Реестръ изъ дохтурскихъ книгъ архіепископа холмогорскаго Аѳанасія», «Проблемата, или совопрошенія, московскаго патріарха Адріана», затѣмъ отдѣльные трактаты въ разныхъ сборникахъ: «О рожденіи и плодозачатіи», «Сказанія о немощахъ человѣческихъ», «О человѣческомъ образѣ», «Объ уринѣ», «Книга, которымъ обычаемъ младенецъ изъ живота матери исходитъ, и о женскихъ болѣзняхъ», «О дѣтскихъ болѣзняхъ» и много другихъ подобныхъ. Странно, что нѣтъ ни одного учебника по хирургіи. Можно ли допустить, чтобы всѣ эти книги были писаны для домашняго обихода, а не для образованія спеціалистовъ? Положимъ, у насъ вплоть до лѣчебника Флоринскаго, лѣчебникъ всегда былъ настольной книгой почти въ каждомъ маломальски состоятельномъ домѣ. Но за то не только нѣсколько поколѣній фельдшеровъ довоспиталось и практиковало по Гуфландовскому «Enchiridion» въ переводѣ Сокольскаго, но и многіе изъ практическихъ врачей сильно придерживались его. Вспомнимъ, кто у насъ умѣлъ читать въ обществѣ, хоть при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, когда образованіе уже распространялось быстро, и станетъ ясно, что лишь необходимость учиться по учебникамъ могла вызвать всѣ эти переводы, а ужъ никакъ не любознательность меценатовъ, имѣвшихъ возможность свободно читать ихъ въ подлинникѣ, потому что польскій языкъ былъ хорошо знакомъ съ начала XVI вѣка. Къ тому же, въ то время русскіе врачи знали дорогу за границу для науки: Романъ Рылѣевъ въ 1651 году получилъ въ Лейденѣ степень доктора медицины, казакъ Ив. Софронтовъ во Франкфуртѣ въ 1663 году, Василій Юрскій въ Бременѣ въ 1695 году, Степанъ Кириловъ въ 1697 году въ Галле магдебургскомъ.

При царѣ Ѳеодорѣ лѣкарскіе ученики начинали въ школѣ учиться латинскому и нѣмецкому языкамъ, для чего учитель этихъ языковъ являлся въ Аптекарскій приказъ, или учениковъ посылали къ нему въ школу въ Нѣмецкой слободѣ. Такъ, напримѣръ, школьный мастеръ Яганусъ Понсюсъ получалъ за это по рублю съ человѣка. Пробывъ при аптекѣ три и больше лѣтъ и заучивъ, какія лѣкарства и какъ приготовляются и отъ какихъ болѣзней даются, и списавъ для себя или добывъ учебники, ученикъ, если только не попадалъ въ полки въ военное время, отдавался на выучку хирургическимъ пріемамъ доброму лѣкарю, часто спеціалисту, или даже доктору иноземцу опять на нѣсколько лѣтъ. Впрочемъ, и на войнѣ онъ долго оставался подъ рукой у старшаго, пока наторѣетъ или пока необходимость не заставитъ дать ему самостоятельность. Почувствовавъ свои знанія или чаще замѣтивъ, что кто либо изъ сверстниковъ залѣзаетъ «не въ версту» (великое

слово старой Руси), онъ билъ челомъ государю велѣть быть ему, холопу царскому Омельянкѣ, въ аптекѣ въ лѣкаряхъ и пожаловать его кормами, чѣмъ бы ему на государевой службѣ не умереть съ голоду. При этомъ выставлялись прежде всего знанія: «Раны стрѣльныя, колотыя и рубленныя лѣчу и пульки вырѣзываю и руду жильную и банками пущать умѣю, водки гнать, мази стирать знаю же, болѣзни нутряныя лѣчить могу же и нѣсколько очнаго и костоправнаго (или другой специальности) дѣла навыченъ».

Конечно, въ пониманіи внутреннихъ болѣзней Омельянка былъ не силенъ, но и учителя его, нѣмцы, едва ли знали много больше. Первый тогдашній придворный практикъ Гаденъ пишетъ: «Болѣзнь де у него (Лобанова-Ростовскаго) изъ головы мокрота упала въ гортань и маленькій язычекъ опалъ и лежитъ на языкѣ и отъ того ему...», а Л. Блюментростъ у Выповскаго нашелъ внутри порчу: «И рвота гортанью и низомъ лягушки малыя шли... и отъ того у него въ животъ чрева и тайные уды сволакиваетъ внутрь...».

Затѣмъ претендентъ на ученую степень представлялъ списокъ вылѣченныхъ имъ больныхъ и раненыхъ. Сообразивъ вѣроятность всѣхъ этихъ показаній съ годами службы и собравъ отъ вылѣченныхъ справки, ученика допускали къ экзамену, то есть доктора, а часто лѣкаря и аптекаря, разспрашивали его подробно и подписывали, что Омельянъ во всемъ вышесказанномъ гораздъ и лѣкарское дѣло ему за обычай. По докладу о семъ царь указывалъ «быть въ лѣкаряхъ». Затѣмъ новаго лѣкаря «приводили къ вѣрѣ», и онъ, купивъ на наличныя деньги инструменты въ томъ же Аптекарскомъ приказѣ, и рубля на два, часто въ долгъ, лѣкарствъ въ Новой аптекѣ, или просто въ москательномъ ряду, предъ отправкой въ полкъ, или иное мѣсто, билъ челомъ о верстаніи жалованьемъ (5 руб. на годъ), кормами (2 рубля въ мѣсяцъ) и о подмочныхъ (подъемныхъ 3—10 руб.) противу своей братьи русскихъ лѣкарей. Лѣкари польской породы получали до 7 руб. въ годъ и тѣ же кормы, а иноземцы до 10 руб. Чрезъ 10—15 лѣтъ службы всѣмъ дѣлались соотвѣтственныя прибавки.

Кромѣ такихъ, въ нѣкоторомъ родѣ казенныхъ, воспитанниковъ, были и частные. Прежде всего стрѣлецкіе, какъ бы стипендіаты, продѣлывавшіе ту же процедуру, какъ и казенные, за счетъ того стрѣлецкаго приказа, которому они обязались служить. Были ли то стрѣльцы исключительно того же приказа, отбывавшіе, такъ сказать, повинность,—что̀ всего вѣроятнѣе,—или могли быть посторонніе, по уговору, пока еще рѣшить нельзя. А вопросъ этотъ очень любопытенъ и важенъ. Затѣмъ, многіе, прямо по условію съ лѣкаремъ или докторомъ, поступали къ нему на года, на выучку, и потомъ начинали самостоятельную практику. Немало было примѣ-

ровъ и того, что бояре отдавали докторамъ на выучку своихъ крѣпостныхъ. Гаденъ особенно занимался этимъ, подобно тому, какъ впослѣдствіи Андреевскій училъ, по желанію помѣщиковъ, крѣпостныхъ коноваловъ, или Павловская больница въ Москвѣ поставляла крѣпостныхъ фельдшеровъ.

Вотъ какими инструментами снабжали тогда лѣкаря за 15 рублей: пила двойная, шурупъ пулечный, клещи пулечные, другіе клещи — журавлиные носы, клещи, чѣмъ ротъ (?) чистятъ (отворяютъ), ножъ кривой, 2 ланцета въ монастыркѣ, трубка, чтò раны прыщутъ—оловянная въ деревянной, 2 клестира костяныхъ, 2 монастырка цѣльныхъ (?), снасть, чтò раны прижигаютъ, вѣски, фунтъ (разновѣски одинъ въ одномъ), потѣлка средняя, губка грецкая, ложка долгая, мѣдная съ комлей, 20 пузырей и фунтъ воску. Этотъ наборъ указываетъ до извѣстной степени компетентность лица, употреблявшаго его, и, пожалуй, методы лѣченія.

Каковы были раненія, съ которыми приходилось нашимъ лѣкарямъ управляться этими инструментами? Изъ описей осмотра вышесказанныхъ раненыхъ въ Аптекарскомъ приказѣ докторами (Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи, 1009—1032), изъ 535 человѣкъ перваго осмотра были ранены:

Ружейными пулями	91[1])	тяжело и	130	легко.
Пушечными снарядами . . .	27	»	17	»
Рублены саблями	13	»	11	»
Стрѣлами и копьями колоты .	46	»	118	»
Многоразличныхъ ранъ . . .	28	»	7	»
Ушиблено и опалено	12	»	35	»
Всего	217, или 40,5%		318, или 59,5%	

Мы считали въ числѣ легкихъ раненій довольно важныя и частыя поврежденія кистей руки и плюсны ноги, такъ какъ смертельный исходъ при нихъ не частъ. Изъ этой таблички видно, что нужно было кой-что знать, чтобы управляться съ подобнымъ серьёзнымъ матеріаломъ. А каково шло лѣченіе? Къ сожалѣнію, мы имѣемъ на это лишь небольшое указаніе. Въ приказѣ стольника и полковника Колобова, 16-го августа, было раненыхъ 133 человѣка, а къ 12-му октября свои стрѣлецкіе лѣкари вылѣчили изъ нихъ 54.

Методъ подготовленія или ученія лѣкарей, какъ видимъ, былъ чисто практическій, который Россія, вѣроятно, сохранила изъ временъ доисторическихъ, заимствуя его, какъ и медицинскія знанія, отъ арабовъ, или, пожалуй, съ береговъ Инда. Да и въ сосѣдней Европѣ способъ ученія тогда былъ почти таковъ же. Въ тѣхъ отрасляхъ знанія, въ которыя не имѣло надобности вмѣшиваться

[1]) Изъ нихъ 20 раненій въ грудь на вылетъ.

государство, у насъ способъ этотъ и до сихъ поръ остался такимъ же, чисто практическимъ, не переставая, однако, заимствовать новое у науки. Въ другомъ мѣстѣ я говорилъ о современной народной выучкѣ коноваловъ, которую мнѣ приходилось наблюдать въ Самарской губерніи. Она представляетъ полную картину учебы лѣкарей древней Руси, когда врачебное искусство было, какъ и въ Греціи, въ рукахъ извѣстныхъ семей или даже цѣлыхъ селеній, какъ аулы хакимовъ теперь у горцевъ. И, вѣроятно, этотъ второй періодъ врачевства въ Россіи насталъ едва ли не раньше самаго имени Русь. На вазѣ, кажется, III вѣка, найденной въ могилѣ близь Керчи, такъ отчетливо представлены два хирургическихъ пріема славянскихъ врачей, что отвергать, какъ это дѣлаетъ Рихтеръ (въ «Исторіи медицины»), существованіе своихъ систематически учившихся, или, лучше, астематически приготовленныхъ дома, врачей въ древней Руси нѣтъ возможности. Можно лишь мечтать, подобно Рихтеру, что въ старину русскіе люди, жившіе просто, были всегда здоровы, слѣдовательно не имѣли надобности во врачахъ, такъ что ихъ и не было. Возьмемъ только чуму да войны, да семь сестрицъ трясовицъ, да массу заговоровъ отъ всевозможныхъ болѣзней, не говоря о суровой природѣ, и увидимъ, на сколько былъ здоровъ народъ. А есть больные, будутъ и врачи, и не пришлые, не могущіе никогда и нигдѣ удовлетворять массъ, а домашніе выученики изъ тѣхъ же массъ. Иначе нельзя объяснить даже и исключительное знакомство съ медициной нашего древняго духовенства, какъ, напримѣръ, Алексѣя митрополита, никуда не ѣздившаго учиться. Нужно думать, что во многихъ заговорахъ и способахъ народнаго лѣченія мы найдемъ слѣды и перваго періода врачебнаго искусства, когда знали его и практиковали лишь главы родовъ и колѣнъ, когда оно составляло существенную часть культа.

Но вернемся къ нашему Омельяну, теперь уже—Васильеву Свинцову, и взглянемъ на его отношенія къ начальству и публикѣ. Правда, за промахи его не гладили по головкѣ, въ походѣ нерѣдко приходилось не во время получать кормы, а за уклоненіе его ожидало крутое наказаніе, какъ это случилось, напримѣръ, по жалобѣ доктора Кельдермана на Никиту Винцента, переводчика, — чиномъ выше лѣкарскаго,—котораго за нехожденіе на службу обѣщали, да, кажется, и били батоги и отъ службы откинули. Это, впрочемъ, неважно, вѣдь били же батогами лѣкарскихъ учениковъ петербургской медико-хирургической школы чуть не при императорѣ Павлѣ. За то во всѣхъ дѣлахъ, даже частныхъ, лѣкарей на службѣ и въ отставкѣ всегда вѣдалъ (понимай—защищалъ) одинъ Аптекарскій приказъ. Въ тѣ времена безъисходной волокиты это такъ много значило, что, уходя изъ службы на свой кормъ, они слезно молили, въ качествѣ награды, нигдѣ ихъ, кромѣ Аптекар-

скаго приказа, не судить. Сначала XVII вѣка лѣкаря служили, кажется, до старости, а при царѣ Ѳедорѣ было уже много и частныхъ практиковъ, слѣдовательно вошло въ обычай въ мирное время распускать лѣкарей на свои кормы, а въ походъ снова принимать въ службу. При надобности забирали и плѣнныхъ лѣкарей, а иногда воеводы и сами на мѣстѣ, напримѣръ, въ Польшѣ, Курляндіи, принимали на царскую службу; нѣкоторые вельможи имѣли своихъ домовыхъ врачей.

Чрезвычайно мѣтко обрисовывается тогдашнее положеніе врача, особенно русскаго, въ обществѣ въ слѣдующемъ челобитьѣ царямъ Ивану и Петру въ 1682 году: «Служилъ я, холопъ вашъ, и дѣду вашему великихъ государей и отцу вашему великому государю и брату вашему великому государю и вамъ, великимъ государямъ, въ Аптекарскомъ приказѣ сторожемъ и потомъ истопникомъ всего годовъ съ 60, а теперь глазами сталъ скуденъ, ничего не вижу. Такъ смилуйтеся, государи, пожалуйте меня за мою долгую службу и за скорбь очную, велите быть на моемъ мѣстѣ въ Аптекарской палатѣ въ истопникахъ сынишкѣ моему Алешкѣ меньшому, что теперь лѣкарскихъ дѣлъ въ ученикахъ въ томъ приказѣ осьмой годъ служитъ», и великіе государи смиловались, пожаловали и велѣли быть Алешкѣ въ истопникахъ, взять по немъ поручныя записи и привести къ вѣрѣ.

Въ отношеніи къ больнымъ наши врачи были свободны, то есть лѣчили по уговору, даже писанному, особенно спеціалисты, и брали за излѣченіе, напримѣръ, килы, до 40 рублей, съ лѣкарствами, разумѣется. Состоявшимъ на службѣ начальство не мѣшало брать за практику, чѣмъ съ одной стороны и объясняется возможность существованія въ походахъ, при скудномъ содержаніи. Съ другой стороны, эта условность была такимъ древнимъ явленіемъ, которое, служа само доказательствомъ существованія у насъ издревле врачей и выработанныхъ обычаемъ къ нимъ отношеній, не могло, какъ право обычное, быть скоро замѣнено инымъ. Съ самаго начала правительство старалось поддерживать, принесенный къ намъ съ христіанской религіей, взглядъ на врачеваніе какъ на дѣло благотворенія, а не оплачиваемаго ремесла, и всегда требовало, чтобы полковые врачи иноземскихъ, по крайней мѣрѣ, полковъ лѣчили даромъ, такъ какъ больному приходилось, большею частью, платить за лѣкарства. Открывъ же безплатные временные госпитали, оно и въ этомъ направленіи сдѣлало шагъ впередъ. Когда одинъ раненный стрѣлецъ билъ челомъ объ отсрочкѣ ему какого-то денежнаго взысканія, ссылаясь на то, что ему нужно заплатить по уговору лѣкарю Григорію Тимоѳееву—ихнему стрѣлецкому—за вылѣченіе руки (разорвало ладонь) 4 рубля, то просьба его была уважена, и при этомъ постановленъ вопросъ: можетъ ли (т. е. имѣетъ ли право) лѣкарь, состоящій за жалованье на службѣ,

имѣть отъ больнаго могарецъ за лѣченіе? Правительство не рѣшило этого вопроса отрицательно, или, вѣрнѣе, оставило его безъ рѣшенія, лишь потому, что Гр. Тимоѳеевъ получалъ не казенное жалованіе, а стрѣлецкое (интересно бы знать, на сколько оно было больше казеннаго). Вольнымъ практикамъ жилось припѣваючи. Нѣкоторые знатоки, особенно спеціалисты, заработывали много. Рихтеръ указываетъ на нѣкоторыхъ, разумѣется, нѣмцевъ, которые нажили дома и большое состояніе. Замѣтимъ, что въ то время, какъ и прежде, всегда было много лѣчителей не аппробованныхъ — знахарей, преимущественно изъ стрѣльцовъ и крѣпостныхъ; народъ звалъ ихъ также лѣкарями и врядъ ли отличалъ отъ патентованныхъ. Слѣдовательно, врачу и тогда было много конкурентовъ, нужны были знанія и опытность, чтобы заработать что нибудь. И въ этихъ качествахъ недостатка не было у многихъ нашихъ доморощенныхъ врачей. Припоминается мнѣ одно судебное дѣло въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, гдѣ противъ жалобы невылѣченнаго отъ impotentia virilis (требовалъ 60 руб. денегъ назадъ) лѣкарь, кажется, чепучинныхъ дѣлъ высказалъ въ отвѣтѣ такія анатомическія и физіологическія знанія, что вѣрно они не были ниже свѣдѣній, получаемыхъ лѣкарями въ школахъ конца прошлаго вѣка, построенныхъ на иноземный ладъ, лѣкарями, произведенными изъ подлѣкарей за выслугу лѣтъ. Другой подобный случай судебнаго разбирательства въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича находится въ дѣлахъ Аптекарскаго приказа.

Здѣсь кстати будетъ вспомнить указъ царя Ѳедора Алексѣевича объ учрежденіи постояннаго госпиталя въ Гранатномъ дворѣ, у Никитскихъ воротъ, гдѣ бы и больныхъ лѣчили, и лѣкарей учили. На это заведеніе были даны и доходы съ деревень. Не забудемъ и частной больницы Ѳед. Мих. Ртищева.

Изъ всего мною сказаннаго вытекаютъ слѣдующіе вопросы:

Оправдалъ ли въ 1678 году первый въ Россіи военно-временный госпиталь свой raison d'être? По-моему — да!

Соотвѣтствовала ли оказанная тогда въ немъ врачебная помощь современному состоянію науки? По-моему — да!

Могло ли государство въ нужную минуту обойдтись своими дома выученными врачебными силами? По-моему — да!

Настояла ли необходимость заводить врачебныя школы на иностранный ладъ съ насильственнымъ введеніемъ науки на мертвомъ языкѣ, съ иностранными учителями, чтобы тѣмъ на сто лѣтъ лишить государство своихъ національныхъ врачей, то есть лишить разумной врачебной помощи массы народа, давъ мѣсто крайнему развитію знахарства; чтобы потомъ, лишь при помощи власти государственной, создавать врачебное сословіе, которое тѣмъ самымъ поставлено было, до самыхъ послѣднихъ временъ, въ ненормальное въ государствѣ состояніе особности, отброшенности, и

потому сдѣлавшееся замкнутымъ, одностороннимъ и внѣ своего дѣла въ большинствѣ ни на что негоднымъ? По-моему — нѣтъ, и нѣтъ! Не настояло ни малѣйшей надобности ломать старое, чтобы создать новое, которое чуть не въ 200 лѣтъ не успѣло узнать народъ, и народъ, въ свою очередь, его не узналъ.

Если въ 1682 году былъ мыслимъ переходъ изъ врачей въ истопники, то слѣдующая публикація, появившаяся въ 1805 году въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»: «Опытный и трезвый лѣкарь добропорядочнаго поведенія ищетъ мѣста въ благородномъ домѣ; о поведеніи справиться въ Тверской аптекѣ»,—явленіе едва ли нормальное.

Л. Ѳ. Змѣевъ.

ИЗЪ ПОХОДНОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

Во время последней турецкой войны 1887—1878 годовъ, я былъ врачемъ летучаго санитарнаго отряда. По иниціативѣ ея императорскаго величества, русское Общество Краснаго Креста въ первый разъ посылало свою помощь на передовую линію, на передовые перевязочные пункты.

Мы попали подъ начальство генерала Гурко и съ его отрядомъ сдѣлали весь второй (зимній) забалканскій походъ, начиная отъ Горнаго Дубняка черезъ Телишъ, Правецъ, Этрополь, Орханію, Софію, Самаковъ и Татаръ-Базарджикъ до Филиппополя, гдѣ насъ застало перемиріе и гдѣ прекратилась дѣятельность санитарныхъ летучихъ отрядовъ.

Многое пришлось намъ видѣть, многое испытать! Невозможно было все записывать; но нѣкоторыя сцены, вѣроятно, по своей характерности особенно сильно врѣзывались въ памяти. Ихъ-то я и заносилъ въ мою записную книжку. Печатаю я ихъ въ томъ видѣ, какъ онѣ были записаны, полагая, что всякія добавки, измѣненія и поясненія значительно умалили бы живость и непосредственность разсказовъ.

Разумѣется, сцены эти не могутъ произвести на всѣхъ читателей одинаковое впечатлѣніе. Очень можетъ быть, что людямъ, не бывавшимъ на войнѣ или совсѣмъ не знающимъ нашего солдата, онѣ будутъ не совсѣмъ понятны, покажутся даже неправдоподобными. Но разсказы эти, навѣрное, вызовутъ хорошія, теплыя воспоминанія о тяжелыхъ, но великихъ минутахъ, въ тѣхъ людяхъ, которые воочію видѣли все то, что зовется ужаснымъ именемъ

«война»,—въ тѣхъ людяхъ, которые знаютъ, а слѣдовательно и любятъ русскаго солдата, этого скромнаго, непобѣдимаго «чудо-богатыря», который спокойно и безъ всякой рисовки совершаетъ величайшія чудеса храбрости и выносливости въ борьбѣ съ людьми и съ природой, и который, даже раненый, искалѣченный, наканунѣ смерти, на перевязочномъ пунктѣ или въ военно-временномъ госпиталѣ, не перестаетъ себя держать истиннымъ героемъ.

I.

Этапный комендантъ города Систова, полковникъ Гернгроссъ, отправлялъ съ кѣмъ-то конвой изъ 20-ти казаковъ. Передъ отправленіемъ вышелъ онъ къ казакамъ, поздоровался и спросилъ: давно ли они отдѣлились отъ полка?

— Три мѣсяца, ваше высокоблагородіе.

— Ну, а жалованье за это время получили?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе.

— А фуражныя получили?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе.

— Такъ чѣмъ же вы живете?

Молчатъ казаки.

— Ну, говорите же, какъ вы продовольствуетесь?

Одинъ, должно быть, посмѣлѣе, взялъ подъ козырекъ да и говоритъ:

— Стараемся, ваше высокоблагородіе.

II.

Транспорты раненыхъ, прибывавшіе въ Систово послѣ дѣла подъ Плевною 30-го августа, во время пути, весьма долго не получали пищи. Одинъ транспортъ, человѣкъ въ 600, пришелъ въ Систово ночью. Было свѣжо. Узкія улицы города были запружены арбами, на которыхъ лежали раненые. Всѣ помѣщенія, занятыя подъ госпиталь, были переполнены. Порѣшили вновь прибывшихъ раненыхъ напоить чаемъ и виномъ, выдать имъ одѣяла изъ склада Краснаго Креста и оставить до утра на арбахъ.

Съ фонаремъ въ рукѣ, едва пробираясь, шелъ, или, лучше сказать, карабкался я вдоль транспорта и громко говорилъ погонцамъ, чтобы они отпрягали и кормили воловъ.

Отовсюду слышались стоны, жалобы на холодъ и просьбы чего нибудь поѣсть или напиться.

Перелѣзая черезъ одну арбу, я услышалъ слѣдующую фразу: «Скотовъ-то кормить, а мы и такъ подохнемъ!»

Жутко стало на душѣ и больно за бѣдныхъ страдальцевъ.

III.

Между солдатами попадаются необыкновенные весельчаки. Почти въ каждой ротѣ есть свой буффонъ. Иные изъ нихъ даже раненые, въ госпиталѣ, не перестаютъ потѣшать своихъ сосѣдей.

Однажды, въ Систовѣ профессоръ Склифасовскій дѣлалъ резекцію костей голени одному такому шутнику.

Операція была уже окончена, нога загипсована, и раненый приходилъ въ себя послѣ хлороформа. Какъ только вернулось сознаніе, онъ уже улыбался и обратился съ слѣдующимъ вопросомъ:

— А что, ваше высокоблагородіе, ножку-то мою скушать изволили?

— Нѣтъ, братъ, нога твоя при тебѣ, посмотри на нее, только косточки вынули.

Больной приподнялъ голову и сказалъ:

— Ну, да! чужую мнѣ показывать изволите, да, думаете, я повѣрю!

— Чудакъ, да ты пошевели пальцами.

— Ваше высокоблагородіе, да и взаправду вѣдь моя, — вскричалъ онъ, пошевеливъ ногой, и, тотчасъ переходя въ шутливый тонъ, продолжалъ:

— Вотъ такъ молодецъ Дмитріевъ! нога уцѣлѣла, да, можетъ, еще и крестъ егорьевскій заслужишь.

IV.

У одного армейскаго драгуна, при взятіи Никополя, обѣ руки были перебиты пулями. На лѣвой рукѣ ему пришлось сдѣлать резекцію, а на правую просто положить гипсовую повязку. Надежды на выздоровленіе было мало, такъ какъ больной былъ сильно истощенъ. Когда кончилась операція, повязки были наложены и Трофимъ,—такъ звали раненаго,—пришелъ въ себя послѣ хлороформа, онъ тяжело вздохнулъ, посмотрѣлъ вокругъ себя и обратился къ доктору, который его хлороформировалъ:

— Скоро ли же я теперь поправлюсь?

— Ну, недѣль шесть поваляешься, а тамъ и на выписку.

— Ваше высокоблагородіе, явите божескую милость: какъ ежели поправлюсь, Богъ дастъ, дозвольте обратно въ полкъ.

— Да что ты! вѣдь, когда поправишься, тебя и домой отпустятъ.

— Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, ужъ какой же я теперь дома крестьянинъ буду. Вѣдь дома тоже даромъ кормить не станутъ, а при своемъ эскадронѣ я хоть къ обозу приткнусь, мнѣ всячески паёкъ пойдетъ.

— Ну, ладно, тамъ посмотримъ.

— Покорно благодарю, ваше высокоблагородіе.

Трофима сняли съ операціоннаго стола, понесли въ палату, а на столѣ лежалъ уже другой раненый.

V.

Когда гвардія шла подъ Плевну, за нѣсколько дней до дѣла подъ Горнымъ Дубнякомъ, намъ случилось остановиться на ночлегѣ возлѣ какого-то обоза, конвоируемаго преображенцами. У костра лежало ихъ человѣкъ пять. Одинъ молодой веселый парень что-то варилъ въ котелкѣ. Погода была отвратительная: дождь лилъ четвертыя сутки, не переставая. Грязь по колѣни.

— Что это вы везете, братцы? — обратился я съ вопросомъ.

— Концерты (т. е. консервы), ваше высокоблагородіе.

Въ это время одинъ изъ лежавшихъ у костра, укрываясь шинелью, пробормоталъ: — Вотъ такъ походъ!

Молодой солдатикъ, возившійся у костра въ отвѣтъ на это замѣтилъ:

— Ничего братъ, теперь какъ гвардію стребовали, мы ему покажемъ Кузькину мать!

— Да показалъ другой такой, какъ не ты же. Убьютъ тебя, вотъ ты и покажешь.

— Что жъ убьютъ! Ежели кого въ сраженіи убьютъ, во всѣхъ соборахъ Россійской Европы того поминать станутъ!

— А что, братцы, Плевна эта — городъ она, што ли, али крѣпость ихняя? — спросилъ кто-то.

— А ты вотъ,- коли прытокъ горазъ, такъ утромъ сбѣгай въ нее да и погляди, тò-што и намъ разскажешь. Тутъ всего верстъ десять будетъ, булгары сказывали,—смѣясь, отвѣтилъ молодой солдатикъ.

VI.

Въ Боготѣ, въ этапномъ лазаретѣ цесаревны лежало, между прочимъ, нѣсколько солдатъ 4-го гвардейскаго стрѣлковаго баталіона, раненныхъ подъ Горнымъ Дубнякомъ.

Командиръ баталіона, графъ Клейнмихель, пріѣхалъ посмотрѣть своихъ молодцевъ.

Одинъ изъ нихъ лежалъ у самаго входа въ палатку. Нога у него была загипсована. Къ рубашкѣ былъ пришпиленъ георгіевскій крестъ.

— Здорово, Никитинъ! — обратился къ нему командиръ.

— Здравія желаю, ваше сіятельство!

— Э, братъ, да ты и крестъ ужъ заслужилъ. Поздравляю!

— Ваше сіятельство! самъ государь императоръ его величество изъ собственныхъ рукъ пожаловалъ.

— Ну, что твоя рана?

— Да ничего, ваше сіятельство, вотъ вчерась господинъ докторъ косточки вымали, никакъ девять штукъ вынули, да велѣлъ ихъ спрятать. Ужъ вы, ваше сіятельство, поглядите ихъ. Санитаръ,

принеси, братъ, косточки, что̀ спрятать-то велѣли, вотъ его сіятельству поглядѣть бы.

Санитаръ вышелъ изъ палатки, а графъ Клейнмихель пошелъ осматривать другихъ раненыхъ и хотѣлъ было уже выйдти, но Никитинъ умоляющимъ голосомъ остановилъ его.

— Ваше сіятельство, а косточки-то мои поглядѣть! Вонъ санитаръ принесъ ихъ.

Графъ посмотрѣлъ на осколки кости, покрытые запекшеюся кровью, и сказалъ:

— Что же, легче стало, какъ ихъ вынули?

— Какъ же можно-съ, вѣдь онѣ тамъ вередять.

— А, какъ вынимали, больно было?

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство; нюхать давали.

— Ну, прощай, братъ Никитинъ! Поправляйся, да назадъ въ баталіонъ.

— Счастливо оставаться, ваше сіятельство, покорно благодаримъ за ваше неоставленіе.

VII.

Докторъ перевязалъ одного тяжело раненаго и пошелъ къ слѣдующему.

— Ваше высокоблагородіе! — остановилъ его только-что перевязанный.

— Ну, что тебѣ?

— Дозвольте имечко ваше узнать.

— Да тебѣ на что?—недоумѣвая въ чемъ дѣло, спросилъ докторъ.

— Желаю вписать въ поминальную книжку: ужо какъ поправлюсь, Богъ дастъ, буду ваше высокоблагородіе за здравіе поминать. Вотъ книжечка-то тутъ въ головахъ у меня лежитъ, потрудитесь достать ее.

VIII.

Сестра милосердія окончила перевязывать раненаго, которому наканунѣ государь далъ георгіевскій крестъ, и пошла было дальше.

— Сестрица!—остановилъ ее раненый:—а крестъ-отъ пришпилить забыли.

Сестра вернулась и стала пришпиливать крестъ къ рубашкѣ.

— Сестрица, маленько пониже приколите его, а то мнѣ головы сдынуть, такъ его и невидно!

Сестра исполнила его просьбу и пошла дальше, а раненый здоровою рукою сталъ поглаживать крестъ, какъ бы лаская его.

IX.

Впереди насъ только-что стихла стрѣльба. На перевязочномъ пунктѣ кипѣла работа. Одинъ солдатикъ, раненный въ кисть руки, какъ только его перевязали, подсѣлъ къ огню, снялъ шапку, потрясъ ее надъ огнемъ и сталъ здоровою рукою старательно чесать себѣ голову, да и говоритъ, какъ бы про себя, ни къ кому не обращаясь:

— Вшей много, а голова чешется!

Всѣ расхохотались. А еще четверть часа тому назадъ было не до смѣху. Турецкія гранаты то и дѣло ложились кругомъ насъ.

X.

Было ясное морозное утро. Мы сидѣли у огонька и пили чай. Съ нами было 4 человѣка кубанскихъ казаковъ. Мимо насъ то и дѣло проходили болгарки за водой.

Одинъ изъ кубанцевъ, молодой красивый парень, Сергѣемъ звали, подмигнулъ да и говоритъ:

— Эхъ, миловидныя булгарочки!

— А ты, Сергѣй, должно быть, большой руки бабникъ,—сказалъ кто-то изъ насъ.

— Оно дѣйствительно современемъ бываетъ, ну, только въ военное время—ни.

— Да отчего же?

— Нешто можно въ военное время этими пустяками заниматься?—вѣдь нечистый въ дѣле пойдешь, ужъ живъ не будешь. Пуля, братъ, бабьяго духу не любитъ.

— Ну, да! разсказывай! Чай въ деревнѣ, гдѣ остановитесь, сейчасъ промышлять пойдешь,—сказалъ кто-то изъ офицеровъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе! вотъ ужо какъ замиреніе выйдетъ, ну, въ тѣ-поры мы охулки на руки не положимъ: вполнѣ разговѣемся! а теперь война—нельзя!

XI.

Недѣли двѣ послѣ занятія Филиппополя, стали носиться слухи, что у насъ въ тылу не совсѣмъ-то ладно, что турки собираются напасть на насъ съ тылу, что нѣкоторые изъ занятыхъ нами городовъ и деревень снова перешли въ руки турокъ и т. д. Словомъ какъ позасидѣлись въ Филиппополѣ, такъ со скуки и стали сплетничать.

На довольно обширномъ дворѣ, въ самомъ городѣ, нѣсколько человѣкъ солдатъ разныхъ полковъ били быковъ для дивизіон-

наго лазарета. Тутъ же потрошили убитый скотъ и снимали съ него шкуры.

Поваливъ головъ десять скота, солдатики сѣли отдыхать, закурили кто трубочку, кто самодѣльную папиросу, и между ними завязался слѣдующій разговоръ.

— Вотъ вечо̀ръ на базарѣ сказывали землячки, будто этотъ самый Архангелъ (Орханія) у насъ турки назадъ отобрали,—говорилъ нѣсколько сдержанно приземистый армеецъ.

— Пустое дѣло! Ничего не отобрали,—возразилъ красавецъ семеновецъ:—ихнихъ два табора пришли, да и говорятъ, что берите, молъ, насъ въ плѣнъ, драться мы больше не желаемъ. Ну, ихъ и позабрали.

— А вотъ тоже говорили, будто агличанка нашему войну объявила.

— Агличанка! Намъ, братъ, ее таперича бояться не приходится. Она только на морѣ и сильна! Ейное дѣло—подойди къ Одестѣ, ну, и стой, пожалуй.

— Вѣдь ужъ за ней кто нибудь еще увяжется.

— Увяжется! Американецъ—тотъ за насъ! Онъ, братъ, тоже на морѣ можетъ.

— Ну, а ежели прочіе, другіе?

— Другіе!? нешто ты можешь съ вола двѣ шкуры содрать? Ну, такъ и съ насъ! съ туркой мы порѣшили, а второй шкуры съ насъ драть не приходится.

XII.

Въ Чериковѣ лежалъ одинъ солдатъ л.-гв. Гренадерскаго полка, уже не молодой человѣкъ. Былъ онъ еще подъ Севастополемъ. Въ дѣлѣ подъ Горнымъ Дубнякомъ, 12-го октября, онъ былъ раненъ двѣнадцатью пулями: двумя въ руки, четырьмя въ ноги и шестью въ спину. 14-го октября, мы къ нему подошли и спросили:

— Ну, что, Мочало̀въ, каково тебѣ?

Онъ приподнялся съ земли и сказалъ глухимъ голосомъ:

— Ничаво, ваше высокоблагородіе, таперь послѣ порошковъ полегче стало и вздохъ опять даетъ, а то вечо̀ръ горазъ душило.

Во время перевязки кто-то спросилъ Мочало̀ва: какимъ это образомъ въ него столько пуль попало.

— А вотъ, какъ это мы наступать стали,—отвѣчалъ Мочало̀въ,—ёнъ въ насъ пулями-то какъ градомъ сыпетъ, а его-то, окаяннаго, изъ-за ложементовъ и не видать вовсе. Недолго мы шли, чувствую—мнѣ въ правую руку попало, взялъ я ружье въ лѣвую, думаю, ничего, а тутъ мнѣ и въ лѣвую вдарило. Бросилъ это я ружье, хотѣлъ было назадъ идти, чувствую—по ногамъ бить стало. Повернулся къ нему спиною, а тутъ и пошло ужъ ровно горохомъ по

спинѣ-то. Тутъ я и упалъ и не помню ужъ, что со мной потомъ было.

Когда кончилась перевязка, Мочалòвъ не забылъ поблагодарить и сказалъ:

— Ваше высокоблагородіе! прикажите вечòрошнихъ порошковъ мнѣ дать, они мнѣ горазъ пользительны.

Черезъ двѣ недѣли Мочалòвъ умеръ въ госпиталѣ отъ гнойнаго зараженія.

XIII.

Послѣ дѣла подъ Правцемъ, мы перенесли 30 человѣкъ раненыхъ въ пустую, полуразрушенную деревню, по близости отъ стараго Софійскаго шоссе. Съ нами было восемь человѣкъ кубанскихъ казаковъ. Съ утра и раненые, и мы ничего не ѣли. Всѣ были голодны. Размѣстивъ раненыхъ по избамъ, я позвалъ казака, который былъ за старшаго, и спросилъ его, нельзя ли послать двухъ казаковъ въ окрестности, чтобы достать чего нибудь поѣсть для всѣхъ насъ.

Казакъ взялъ подъ козырекъ и отвѣтилъ:

— Наши, ваше высокоблагородіе, ужъ побѣгли, можетъ, чего и разстараются.

Дѣйствительно, не прошло и получаса, какъ я увидѣлъ моего любимца Сергѣя и еще одного казака, ѣдущихъ по деревнѣ и погоняющихъ впереди себя три штуки овецъ и теленка.

Къ сѣдлу былъ приторочёнъ уже убитый поросенокъ порядочныхъ размѣровъ. Сбоку болталась какая-то фляга.

— Ну, что, Сергѣй, добыли провизіи?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, тутъ намъ дня на два хватитъ.

— Ну, молодцы же вы, братцы.

— Ради стараться, ваше высокоблагородіе!

— Сколько же вы заплатили за все это?

— Ничаво не заплатили, ваше высокоблагородіе, тутъ все дикіе ходятъ, такъ мы ихъ и позагнали. А поросеночекъ въ горахъ попался, мается, бѣдный, я его шашкой и зарубилъ. Да вотъ въ той деревнѣ, что̀ видать, мы и вина добыли,—передавая мнѣ флягу, прибавилъ Сергѣй.

XIV.

Стояли мы дня три въ богатой болгарской деревнѣ, недалеко отъ Татаръ-Базарджика. Запасы у болгаръ были громадные. Ячменя, пшеницы, кукурузы сколько хочешь. Въ любомъ домѣ можно было достать вина и меду. Скота было также много.

Во время перевязки одинъ раненый обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Скоро ли же, ваше высокоблагородіе, этой войны конецъ будетъ?

— А Богъ же ее знаетъ,—отвѣчалъ я.

— И чего это мы этихъ булгаръ освобождать пришли, они и такъ въ пять разъ насъ богаче.

Часто, очень часто приходилось слышать эту фразу.

XV.

Въ концѣ сентября, шли мы подъ Плевну. Погода стояла адская, дождь лилъ, не переставая; грязь была непролазная. Однажды, немного не доходя до Булгарени, намъ пришлось остановиться на ночлегъ, рядомъ съ какой-то телѣгою, наполненной солдатскими шинелями и ранцами. Было уже совсѣмъ темно. Возлѣ телѣги лежалъ армейскій солдатъ, укрытый нѣсколькими шинелями. Тутъ же былъ разведенъ небольшой огонекъ. Стали мы спрашивать этого солдатика, гдѣ достать воды для варева и дровъ. Онъ высунулся изъ-подъ шинелей и едва слышнымъ, слабымъ голосомъ отвѣтилъ: «не могу знать».

— Да ты давно ли тутъ стоишь?

— Да никакъ третьи сутки, да я боленъ, ваше высокоблагородіе, вотъ вторая недѣля лихорадка бьетъ. Вы пообождите, товарищи придутъ, они вамъ все укажутъ. Пьяницы! ушли на деревню да и пропали!

Не прошло и пяти минутъ, какъ къ телѣгѣ подошли еще два солдата; у каждаго изъ нихъ было въ рукѣ по гусю. Сами они были порядочно выпивши. Одинъ изъ нихъ, ефрейторъ, сначала весьма недружелюбно смотрѣлъ на насъ; но, когда мы обѣщали заплатить за услуги, онъ моментально обратился въ самоё любезность. Досталъ дровъ, товарища послалъ за водой, развелъ огонь, и ужъ ощипывалъ гуся, котораго пожелалъ намъ презентовать. Видно было, что ходовой парень. Спросили мы его про больнаго товарища, онъ намъ сообщилъ, что у него лихорадка и что вотъ бы ему горькихъ порошковъ дать надо. Мы ему дали хининъ и сказали, какъ его принимать. Послѣ долгихъ разговоровъ о томъ и другомъ, я, наконецъ, спросилъ его: куда это они пробираются?

— Да вотъ, ваше высокоблагородіе,—стоя на колѣняхъ и поправляя костеръ, отвѣчалъ онъ:—которую недѣлю ужъ маемся. Отбились отъ своей части, никакъ ее теперь розыскать не можемъ.

— Какъ же это такъ?

— Шинели да ранцы какъ поснимали, навалили на телѣгу, ну, и дали намъ ихъ везти, тутъ, это, мы на Дунаѣ позамѣшкались маленько, часть-то ушла, сказывали намъ, подъ Рущукъ; мы, какъ переправились, и пошли, думаемъ, вотъ не сегодня—завтра

полкъ догонимъ, а на мѣсто того попали въ Булгарени, а тутотка намъ сказали, что Рущукъ этотъ вовсе въ другую сторону. Вотъ мы теперь ужъ назадъ пошли.

— Чѣмъ же вы кормитесь?

— Ничаво-съ, ваше высокоблагородіе, по Булгаріи, Богъ милостивъ, жить можно!—самодовольно и хитро улыбаясь, отвѣчалъ солдатъ.

— Да какъ же вы такъ совсѣмъ въ противоположную сторону пошли, вѣдь спрашивали же, гдѣ Рущукъ?

— Какъ не спрашивать! да нешто съ булгарами сговоришь, что ли? Теперь-то мы маленько примѣнились къ нимъ. А то станешь его спрашивать, а онъ головой начнетъ мотать; по-нашему, нѣтъ, молъ, не туда, а по-ихнему значитъ туда и есть. Мы, съ этими разспросами, подъ самую Плевну попали. Одно слово, ваше высокоблагородіе, на храбрость идемъ!

— Какъ же товарищи-то безъ шинелей?—вѣдь холодно!

— Извѣстно холодно; у огонька погрѣются какъ нибудь.

— А вотъ, я думаю, если бы вы поменьше выпивали, такъ скорѣе бы полкъ свой нашли.

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе, это самое вино нашему дѣлу не препятствуетъ, да и то сказать, оченно ужъ намъ безъ товарищей бываетъ скучно,—скорчивъ плаксивую физіономію, прибавилъ солдатъ.

Въ это время поспѣлъ нашъ супъ изъ гуся и чай. Мы прекратили разговоръ, поѣли и завалились спать вокругъ спасительнаго костра. Всю ночь шелъ дождь; какъ мы ни поворачивались, а вода все подтекала подъ насъ. Природа словно подготовляла насъ къ настоящему балканскому походу.

XVI.

16-го и 17-го ноября, были горячія дѣла у Псковскаго и Великолуцкаго полковъ. Непріятель былъ гораздо сильнѣе насъ, и оба наши полка дрались какъ львы, то выбивая турокъ изъ ложементовъ, то отражая наступленіе. Много храбрецовъ легло при этомъ; много раненыхъ выбыло изъ строя.

Когда, 18-го числа, мы двинулись съ нашимъ перевязочнымъ пунктомъ впередъ, то видѣли нѣсколько еще непогребенныхъ тѣлъ.

Недалеко отъ того мѣста, гдѣ мы остановились, лежало двое солдатъ Великолуцкаго полка. Лежали они подъ высокимъ вѣтьвистымъ ильмомъ. Видно было, что оба были убиты наповалъ.

Какъ разъ мимо нихъ тащили на верхъ, по страшной крутизнѣ, орудія четвертой гвардейской батареи. Лошадьми было немыслимо доставить орудія на позицію: подъемъ былъ слишкомъ крутъ, дороги никакой. Грязь была лошадямъ по колѣна, подъ нею лежали

совершенно свободно громадные булыжники. Приходилось тащить орудія людьми. Солдаты брались за лямки и съ утра до ночи работали какъ волы.

Когда одно изъ орудій поровнялось съ убитыми солдатиками, нѣсколько человѣкъ артиллеристовъ подошли къ нимъ, сняли шапки, перекрестились, помолчали немного, пристально смотря на убитыхъ, и одинъ изъ артиллеристовъ сказалъ:

— Царствіе небесное вамъ, братцы! Спасибо, за насъ вчерась постояли, а кабы ёнъ прорвался, намъ бы никому живому не быть и пушки бы ёнъ наши позабралъ.

— Извѣстно, позабралъ бы, нешто левольверомъ что подѣлаешь?

— Ишь вѣдь окоянный, этому-то прямо въ голову утрафилъ, а тому, надо быть, братцы, въ сердце попало: вонъ на груди кровь.

— Кто жъ ихъ, сердешныхъ, похоронитъ?—сказалъ кто-то жалобнымъ голосомъ.

— Похоронятъ ужо и безъ насъ!—раздался зычный голосъ фейерверкера.—Берись ребята за лямки, сама вѣдь въ гору не полѣзетъ, а командиръ велѣлъ ее безпремѣнно, чтобы къ вечеру на верхъ доставить. Можетъ, она завтра за нихъ, за покойничковъ, еще и отвѣтитъ!

Снова перекрестились артиллеристы, надѣли шапки, подошли къ орудію, разобрали лямки, и оно медленно, медленно полѣзло въ гору.

XVII.

У нашего костра сидѣло нѣсколько человѣкъ армейскихъ солдатъ, шла веселая бесѣда. Армейцы уже давно пришли за Дунай и видимо совсѣмъ свыклись съ походомъ. Гвардія только-что стала подходить. Къ костру подошло нѣсколько человѣкъ преображенцевъ: высокіе, блѣдные, худые, они закурили у огня и пошли дальше. Одинъ изъ армейцевъ съ нѣкоторымъ юморомъ замѣтилъ:

— Ишь какъ ихъ подтянуло, сердешныхъ! а давно ли еще въ походѣ. Вотъ мы ужъ, почитай годъ, какъ выступили, а все ничего!

— Почему же это такъ?—спросилъ я.

— Ваше высокоблагородіе! Гвардеецъ—вѣдь онъ большой, покуль наѣстся, а мы маленько похватали, да и дальше! Опять же имъ походъ вновѣ, а мы-то ужъ, слава Богу, втянулись въ проголодь,—пояснилъ армеецъ.

XVIII.

Въ Орханіи, въ этапномъ лазаретѣ цесаревны, мнѣ пришлось видѣть раненнаго солдата, который былъ принесенъ на перевязочный пунктъ, совершенно голымъ, только на другой день послѣ

дѣла 21-го ноября. Колѣно у него было раздроблено пулею; ноги и нѣсколько пальцевъ на рукѣ были отморожены. Глядѣлъ онъ довольно бодро.

Когда я его спросилъ, какъ и что съ нимъ случилось, что его раздѣли догола, онъ совершенно спокойно разсказалъ мнѣ слѣдующее:

— Какъ это меня ранило, я и упалъ; куда ужъ идти, когда нога перебита. Думаю, вотъ санитары подойдутъ—подберутъ меня. Маленько погодя, вижу, они несутъ мимо меня тоже раненаго. Я имъ и говорю: придите, братцы, за мной, не дайте помереть! а они мнѣ и обѣщались, вотъ донесемъ его, тогда за тобой придемъ. Въ это время, вижу, наши отступать стали, а турки все ближе да ближе подходятъ. Ну, думаю, пришелъ мнѣ конецъ. Много ихъ мимо меня прошло; одинъ остановился, ткнулъ меня ногой; я притворился убитымъ, а самъ про себя молитву творю. Онъ сталъ меня раздѣвать, да все до самой рубашки снялъ и крестъ сорвалъ, только поясокъ на мнѣ и оставилъ. Потомъ, вижу, турки ужъ отступать стали, тутъ я ничего не помню. Мнѣ словно дурно сдѣлалось; горазъ много крови изъ меня вытекло. Когда я очувствовался, холодно это мнѣ, не вижу ни нашихъ, ни турокъ, и стрѣльба стихла; а ужъ стало темнѣть и снѣгъ порошилъ. Подползъ я къ кустикамъ и лежу, думаю, скорѣй бы ужъ конецъ приходилъ. Такъ всю ночь я и пролежалъ, все равно какъ омморокъ со мной дѣлался. Утромъ досталъ рукой до кустика дубоваго, нарвалъ листьевъ да и пожевалъ; очень ужъ ѣсть захотѣлось, а холодъ бѣда какой: ни рукъ, ни ногъ не чувствую. Долго ли я тутъ лежалъ—не знаю, только слышу: возлѣ меня разговариваютъ; открылъ глаза, вижу—санитары съ носилками; обрадовался я, да и говорю имъ: «братцы, возьмите меня, совсѣмъ я замерзъ»; а одинъ-то изъ нихъ на меня посмотрѣлъ да и говоритъ: «да ты не турка ли?» А другой то санитаръ: «такъ что жъ, что турка, все равно раненый, подобрать надо»,—говоритъ. «Какой я турка, братцы, я лейбъ-гвардіи 2-го стрѣлковаго баталіона, меня и начальство все знаетъ». Сталъ креститься, думаю, неужто не повѣрятъ. Сейчасъ они меня принялись класть на носилки, тутъ уже я ничего не помню, что со мной было. Проснулся я на перевязочномъ пунктѣ, только когда меня отогрѣли да чаемъ поить стали!

Черезъ двѣ недѣли умеръ несчастный страдалецъ.

Ад. Гаусманъ.

БАРОНЪ ИСАЙ ПЕТРОВИЧЪ ШАФИРОВЪ.

(1699—1756).

Баронъ Исай Петровичъ Шафировъ, сынъ извѣстнаго дѣятеля временъ Петра Великаго, вице-канцлера барона Петра Павловича Шафирова [1]), родился 9-го мая 1699 года въ Москвѣ. Берхгольцъ въ своемъ дневникѣ говоритъ, что въ 1721 году молодому Шафирову было не болѣе 24 или 25 лѣтъ [2]). Баронъ П. П. Шафировъ желалъ дать своему сыну наилучшее по тому времени образованіе, отправилъ его за границу, во Францію, къ тогдашнему русскому резиденту при версальскомъ дворѣ барону Шлейницу [3]), который и наблюдалъ за ученіемъ и поведеніемъ молодаго Шафирова.

---

[1]) Баронъ Петръ Павловичъ Шафировъ (р. 1669 † 1 марта 1739) началъ службу въ 1691 г. переводчикомъ посольской канцеляріи; въ 1709 г. пожалованъ въ вице-канцлеры съ чиномъ тайнаго совѣтника, въ 1710 г. мая 30 возведенъ въ баронское достоинство съ потомствомъ, а въ 1719 г. 24 мая награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго съ алмазами; въ 1721 г. пожалованъ въ сенаторы и чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Затѣмъ 15 февраля 1723 г. лишенъ Петромъ I баронства, чина, Андреевскаго ордена и званія подъ-канцлера. Въ февралѣ 1726 г. Екатерина I возвратила ему баронство, 14 іюля произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и назначенъ президентомъ коммерцъ-коллегіи. Отъ императрицы Анны Ивановны получилъ въ 1732 чинъ тайнаго совѣтника, а въ 1734 г. чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Андреевскаго ордена баронъ Шафировъ не получилъ вновь.

[2]) Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца, т. I, стр. 86.

[3]) Баронъ Іоганнъ-Христофоръ Шлейницъ, тайный совѣтникъ, полномочный министръ во Франціи, прибылъ въ Парижъ въ декабрѣ 1717 г.; отозванъ въ іюлѣ 1721 года.

До насъ дошло слѣдующее письмо отца Шафирова къ сыну, писанное 26 января 1717 года, изъ Амстердама: «Исаюшка, другъ мой, здраствуй. А я милостію Вышняго здравъ. На послѣднія твои письма отвѣтствовалъ я на прошлой почтѣ, только забылъ тебѣ объявить, что я на твое счастье три лота положилъ въ лотерею новую, которой кондиціи къ тебѣ присланы будутъ; за всякой лотъ заплачено по 5 червонныхъ, а нумеры, подъ какимъ знакомъ билеты взяты, тому прилагаю тебѣ вѣдомость. Я и за себя пять лота положилъ, но есть ли хотя мнѣ что вымется, то я тебѣ же подарю, только учись хорошенько. Писалъ я нынѣ къ барону Шлейницу, прося его совѣту, мочно ли мнѣ послать брата твоего Якова [1]) къ тебѣ, чтобъ вмѣстѣ учиться могли; и онъ ежели присовѣтуетъ, то я велю его привезти къ тебѣ; только ты прежде времени о томъ не сказывай гофмейстеру своему, ибо я велѣлъ о томъ поговорить сперва ему, барону Шлейницу, чтобъ не вздорожился, хотя мочно что ему за труды и прибавить, только не вдвоежъ. Его царское величество, слава Богу, отъ тяжкой болѣзни свободился, и пріѣзда государыни изъ Везеля вскорѣ ожидаемъ. Иного же къ доношенію не имѣю, но пребываю вамъ склонный отецъ баронъ Петръ Шафировъ и посылаю свое благословеніе» [2]). Мы не знаемъ, сколько именно времени провелъ молодой Шафировъ за границей; только въ 1721 году, 6 февраля, въ С.-Петербургѣ въ домѣ подъ-канцлера на Городскомъ Острову (нынѣ Петербургской сторонѣ), на набережной Невы [3]), торжественно праздновалась свадьба Исая Петровича съ дочерью ближняго стольника Андрея Петровича Измайлова, дѣвицею Евдокіей Андреевной, родившейся въ 1704 году. Свадьбу эту удостоили своимъ присутствіемъ царь Петръ Алексѣевичъ и супруга его Екатерина Алексѣевна. Въ походномъ журналѣ за этотъ годъ подъ 6 числомъ февраля находимъ слѣдующее: «Ихъ величества послѣ кушанья были на свадьбѣ сына барона Шафирова» [4]). Камеръ-юнкеръ Берхгольцъ въ дневникѣ своемъ [5]), со словъ присутствовавшихъ на этой свадьбѣ, говоритъ о роскоши и блескѣ, съ которымъ Петровскій подъ-канцлеръ праздновалъ бракосочетаніе своего сына, и вмѣстѣ съ тѣмъ передаетъ со словъ посланника Штамке [6]) такія интимныя подробности о первой брачной ночи молодаго Шафирова, что переводчикъ «Дневника» на рус-

---

[1]) Объ этомъ сынѣ барона Шафирова, вѣроятно, умершемъ въ молодыхъ лѣтахъ, не упоминается въ родословной Шафировыхъ въ «Русской родословной книгѣ», изд. «Русской Старины», т. I, стр. 114.

[2]) Государственный Архивъ, XI, 139.

[3]) См. исторію С.-Петербурга, соч. П. Н. Петрова, стр. 93.

[4]) Походный журналъ Петра Великаго 1721 года, Спб., 1855, стр. 21.

[5]) Дневникъ камерюнкера Берхгольца, т. I, стр. 86.

[6]) Баронъ Андрей Эристъ Стамке, гольштинскій посланникъ при русскомъ дворѣ съ 1720 по 1729 годъ.

скій языкъ принужденъ былъ выпустить свѣдѣнія, находящіяся въ оригиналѣ, помѣщенномъ въ издававшемся Бюшингомъ «Magazin für die neue Historie und Geographie», т. XIX, стр. 66—67. Черезъ два года послѣ свадьбы, барона Шафирова постигло несчастье. Началось извѣстное дѣло Шафирова-отца съ Скорняковымъ-Писаревымъ, кончившееся весьма плачевно для барона П. П. Шафирова. Онъ былъ присужденъ высочайше учрежденною особою коммиссіею къ лишенію чиновъ, имѣнія [1]) и жизни, но, благодаря заступничеству за Шафирова императрицы Екатерины Алексѣевны и въ виду его заслугъ, Петръ замѣнилъ ему смерть ссылкою въ Сибирь и, наконецъ, смягчилъ наказаніе поселеніемъ Шафирова съ семействомъ на житье въ Новгородѣ подъ крѣпкимъ карауломъ. Положеніе семьи бывшаго вице-канцлера, обладавшей до этого времени большимъ состояніемъ [2]) и потому жившей въ довольствѣ, было крайне бѣдственно. На содержаніе имъ давалось по 33 коп. въ день (Исторія Россіи Соловьева, т. XVIII, стр. 151), и молодой Шафировъ, знавшій хорошо иностранные языки, принужденъ былъ служить переводчикомъ за 160 рублей въ годъ, какъ это сообщаетъ тогдашній саксонскій посланникъ въ Петербургѣ Лефортъ [3]); по другимъ же свѣдѣніямъ, семья сосланнаго Шафирова вовсе не бѣдствовала, а жила роскошно въ особомъ домѣ [4]). Императоръ Петръ Великій до кончины своей не прощалъ Шафирова, такъ что только по воцареніи Екатерины I Шафировы вернулись изъ ссылки въ Петербургъ, причемъ, по словамъ того же Лефорта, Исай Петровичъ вынужденъ былъ собирать пожертвованія, чтобы имѣть возможность выѣхать изъ Новгорода [5]). Екатерина I благосклонно отнеслась къ возвращенному изъ ссылки Шафирову и къ его семейству: ему были возвращены конфискованныя въ 1723 году имѣнія, дома въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, подъ видомъ подарка отъ императрицы, наконецъ, назначено для поправленія разстроенныхъ дѣлъ денежное пособіе.

---

[1]) Имѣніе Шафирова, въ количествѣ около 1,000 дворовъ, какъ конфискованное, было роздано Петромъ разнымъ лицамъ, именно: графу Дугласу, оберъ-гофъ-шталмейстеру Алабердѣеву, тайному совѣтнику В. П. Степанову, бригадиру Ив. М. Шувалову (отцу извѣстныхъ гр. Шуваловыхъ), Н. П. Вильбоа, Бахметеву, П. А. Толстому, Ягужинскому и др.

[2]) Баронъ П. П. Шафировъ владѣлъ 15.000 душъ крестьянъ, въ числѣ его помѣстій были богатыя села въ Малороссіи: Пануpица и Верба. Въ его владѣніи находился около Петербурга Мишинъ (въ послѣдствіи Шафировъ, а позднѣе Елагинъ) островъ, отданный Петромъ въ 1723 г. Ягужинскому, согласно его прошенію. Кромѣ того, Шафировъ вмѣстѣ съ Толстымъ получили въ 1717 привиллегію на 50 лѣтъ по устройству парчевыхъ и шелковыхъ фабрикъ.

[3]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. III, стр. 375.

[4]) Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи, соч. А. Терещенко, ч. III, стр. 37.

[5]) Сборникъ русскаго историческаго Общества, т. III, стр. 375.

Тогда же, т. е. въ 1725 году, императрицею было поручено П. П. Шафирову составленіе исторіи Петра Великаго. Изъ прошенія, поданнаго по этому поводу Шафировымъ, видно, какое общественное положеніе послѣ ссылки занималъ въ 1725 году Исай Петровичъ. Въ прошеніи своемъ Петръ Павл. Шафировъ просилъ, дабы къ нему «для вспоможенія въ выписываніи и переводѣ съ иностранныхъ языковъ изъ исторіи опредѣленъ былъ сынъ его Исай Шафировъ, который нынѣ до указу опредѣленъ въ герольдмейстерскую контору», на что̀ и послѣдовало (5-го мая 1725 г.) разрѣшеніе правительствующаго сената [1]). О дальнѣйшей служебной дѣятельности барона Исая Петровича извѣстно, что въ 1734 году марта 23-го онъ былъ назначенъ совѣтникомъ вотчинной коллегіи на мѣсто умершаго И. Сибилева; въ 1737 году, переведенъ въ камеръ-коллегію, при дѣлахъ коей и было ему въ 1740 году повелѣно состоять «попрежнему». Въ слѣдующемъ же году, при рѣшеніи сенатомъ дѣла о числившейся казенной недоимкѣ на умершемъ дѣйствительномъ тайномъ совѣтникѣ баронѣ П. П. Шафировѣ, мы находимъ барона Исая Петровича въ званіи совѣтника камеръ-коллегіи, 22-го мая того же года онъ былъ пожалованъ чиномъ статскаго совѣтника. На этомъ и остановилась служебная карьера сына вице-канцлера Петра Великаго. Выше чина статскаго совѣтника Исай Петровичъ не пошелъ, хотя и по образованію, и по связямъ [2]) онъ могъ бы достигнуть болѣе высокаго положенія. Причины къ этому слѣдуетъ искать, во-первыхъ, въ пристрастіи барона Исая Петровича къ крѣпкимъ напиткамъ, проявившемся у него еще въ юныхъ годахъ [3]), тѣмъ болѣе, что, по словамъ современниковъ, погребъ отца его, вице-канцлера, славился винами, какихъ не было ни у кого въ Россіи [4]), а, во-вторыхъ, въ пристрастіи Исая Петровича къ карточной и другимъ азартнымъ играмъ, благодаря чему онъ въ непродолжительное время растратилъ унаслѣдованное отъ отца имѣніе. Уже въ 1745 году, тогдашній генералъ-прокуроръ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой доносилъ сенату для исполненія, что «по высочайшему ея императорскаго величества изустному указу, данному ему минувшаго іюля 28-го числа сего 1745 года, всемилостивѣйше повелѣно: 1) на недвижимыя статскаго со-

[1]) См. Устряловъ: Исторія царствованія Петра Великаго, т. I, прил. III, стр. 322—325.

[2]) Сестры барона Исая Петровича были замужемъ: Екатерина за шталмейстеромъ княземъ Вас. Петр. Хованскимъ; Анна за кн. Алексѣемъ Матв. Гагаринымъ (единственнымъ сыномъ сибирскаго губернатора князя Матв. Петр., — казненнаго Петромъ I, — отъ брака его съ Евдокіею Степановною Траханіотовой); Марѳа за тайнымъ совѣтникомъ княземъ Серг. Гр. Долгорукимъ, казненнымъ въ 1739 году; Наталія за графомъ Алекс. Ѳед. Головинымъ и Марія за сенаторомъ Мих. Мих. Салтыковымъ.

[3]) Берхгольцъ, дневникъ, т. II, стр. 278, и т. I, стр. 103.

[4]) Тамъ же.

вѣтника барона Исая Шафирова имѣнія купчихъ и закладныхъ крѣпостей ни подъ какимъ видомъ не писать и никому у него ничего не покупать и въ закладъ не брать; 2) въ карты и въ другія никакія игры или зернь никому съ нимъ такъ же ни подъ какимъ предлогомъ не играть; 3) ежели по представленію главнаго коммиссаріата имѣющійся на С.-Петербургскомъ острову домъ его, Шафирова, взятъ будетъ въ коммиссаріатское вѣдомство, то за оный домъ деньги, что̀ надлежатъ ему, Шафирову, не отдавать, а тѣми деньгами выкупить у генералъ-лейтенанта Тараканова закладную его, Шафирова, деревню» [1]). Но Шафировъ, не смотря на эти мѣры, не исправлялся, что̀ можно заключить изъ слѣдующаго указа императрицы Елисаветы Петровны сенату, отъ 6-го апрѣля 1747 года: «По указу нашему, данному сенату прошлаго 1745 года іюля 28 дня, повелѣно на недвижимыя статскаго совѣтника барона Исая Шафирова имѣнія купчихъ и закладныхъ крѣпостей ни подъ какимъ видомъ не писать и никому у него ничего не покупать и въ закладъ не брать, а пензенскую деревню, которую онъ заложилъ генералъ-лейтенанту Тараканову, выкупить тѣми деньгами, что̀ за дворъ его на С.-Петербургскомъ острову изъ коммиссаріата выдать надлежитъ, ежели тотъ дворъ въ коммиссаріатское вѣдомство взятъ будетъ. А понеже отъ онаго двора коммиссаріатъ отказался, а онъ, Шафировъ, тою закладною деревнею понынѣ владѣетъ и, живучи въ праздности, не токмо ту деревню разворяетъ и бѣдному крестьянству несносныя тягости и нестерпимыя преогорченія чинитъ, но и самъ, въ непрестанномъ шумствѣ будучи, отлуча отъ себя съ поруганіемъ жену и дѣтей своихъ, въ неслыханныхъ и безумныхъ шалостяхъ обрѣтается; того ради указали мы отъ владѣнія той деревни ему, Шафирову, отказать, людямъ и крестьянамъ слушать его не велѣть и, оттуда его взявъ въ Москву, отдать въ Донской монастырь, гдѣ быть ему неисходно, доколѣ въ трезвое и доброе состояніе пріидетъ, а пищу ему употреблять отъ дому своего безъ излишества, не смотря ни на какія его прихоти». Однако, пребываніе Шафирова на исправленіи въ Донскомъ монастырѣ продолжалось недолго. Въ 1749 году, высочайше было повелѣно «Шафирова изъ монастыря освободить, съ дозволеніемъ ему жить въ домѣ своемъ въ Москвѣ [2]) неотлучно».

---

[1]) Государственный архивъ, разр. VIII, № 195. Деревня Шафирова, заложенная имъ генералу Тараканову, была слобода Ломовская. Въ 1723 году, она была конфискована у вице-канцлера барона П. П. Шафирова и отдана Петромъ графу Дугласу (въ ней тогда было 294 двора). Въ 1725 году, возвращена Шафирову, а впослѣдствіи куплена въ дворцовое вѣдомство. Нынѣ это уѣздный городъ Пензенской губерніи Нижній Ломовъ (Семеновъ, геогр. словарь Русской имперіи, III, 444).

[2]) Домъ Шафирова былъ на Мясницкой улицѣ; въ 1723 году, по конфискаціи былъ отданъ П. А. Толстому, а Екатериною первою возвращенъ Шафировымъ.

Кромѣ того, въ виду дурнаго управленія опекунами пензенскимъ имѣніемъ повелѣно было отдать имѣніе въ управленіе его жены, Е. А. Шафировой, чтобы она уплачивала Тараканову долгъ мужа изъ доходовъ съ имѣнія, съ условіемъ, чтобы самого барона Исая Петровича «до владѣнія деревень не допускать и въ оныя ему не въѣзжать». Въ слѣдующемъ 1750 году, умерла жена Шафирова Евдокія Андреевна, послѣ которой осталось: три сына и пять дочерей; изъ нихъ двѣ старшія, Мароа и Анна, жили у двоюроднаго брата, сержанта Петра Васильевича Измайлова, а три младшія были при матери. Кончина Евдокіи Андреевны имѣла несчастныя послѣдствія для барона Исая Петровича; онъ сталъ вести еще худшій образъ жизни. Живя въ Москвѣ въ своемъ домѣ, онъ сталъ требовать отъ генералъ-губернатора Москвы В. Я. Левашова караула къ себѣ въ домъ, якобы для защиты отъ своихъ дворовыхъ людей. Когда же караулъ былъ приставленъ къ дому, то Шафировъ началъ браниться съ караульными, бросалъ въ нихъ и проходящихъ кирпичи, заставлялъ своихъ людей кричать караулъ и объявлять «слово и дѣло». Вообще поведеніе барона И. П. Шафирова было до того странно и такъ походило на сумасшествіе, что московскій генералъ-губернаторъ просилъ, 25 марта 1751 года, барона Черкасова доложить обо всемъ императрицѣ и испрашивалъ высочайшее разрѣшеніе посадить Шафирова снова въ монастырь. Было ли это приведено въ исполненіе, или нѣтъ, мы не знаемъ, и вообще о послѣднихъ годахъ жизни несчастнаго сына Петровскаго подъ-канцлера у насъ, къ сожалѣнію, очень мало свѣдѣній. Извѣстно только, что въ 1756 году, баронъ Исай Петровичъ Шафировъ скончался въ Москвѣ. Дѣти его остались почти безъ всякихъ средствъ, не получивъ никакого образованія. Дочери были взысканы милостями императрицы Елисаветы Петровны; въ память заслугъ ихъ дѣда, барона Петра Павловича, назначены во фрейлины высочайшаго двора и всѣ пять сдѣлали блестящія партіи: 1) баронесса Анна Исаевна (р. 1726, † 1783) за П. В. Власова; 2) баронесса Мароа Исаевна (р. 1729) вышла замужъ за А. Г. Петрово-Соловово; 3) баронесса Екатерина Исаевна (р. 1734, † 1795) за княземъ Мих. Серг. Волконскаго; 4) баронесса Наталія Исаевна (р. 1740, † 1796) за генералъ-аншефа П. Б. Пассекъ и 5) баронесса Марія Исаевна († 1799) за Николая Ивановича Лодыженскаго, возведеннаго императоромъ Павломъ I, въ 1798 году, въ княжеское достоинство съ титуломъ князя Ромодановскаго-Лодыженскаго. Всѣ три сына барона Исая Петровича не оставили законнаго мужскаго потомства, такъ что съ кончиною ихъ прекратился родъ бароновъ Шафировыхъ, просуществовавъ всего только 100 съ небольшимъ лѣтъ.

Ѳеодоръ Аѳ. Бычковъ.

ХОЛЕРА ВЪ 1830—1831 ГОДАХЪ ВЪ КУРСКОЙ ГУБЕРНІИ [1].

I.

ВЪ НАЧАЛѢ лѣта 1830 года, разнеслась въ народѣ вѣсть о томъ, что «скрай земли моръ на людей начался», умираютъ всѣ—и старые, и малые; цѣлые города отъ мора того лоскомъ ложатся, ни единаго человѣка не остается въ живыхъ. Разсказывали, что уже вымерло три города начисто: «Соленъ городъ» (sic!), гдѣ соль добываютъ, Астрахань и еще какой-то, названія котораго я не упомню. И ходили будто бы люди къ святому старцу-угоднику, жившему на святыхъ горахъ (монастырь близь Славянска, Харьковской губерніи), и спра-

[1]) Всѣхъ холерныхъ эпидемій въ Курской губерніи было пять: 1830—1831, 1847—1849, 1853—1855, 1866—1867, 1870—1872 гг. При этомъ:

	Заболѣло.	Умерло.
Во время первой эпидеміи	15,552	7,379
» второй »	103,239	38,682
» третьей »	22,611	9,880
» четвертой »	13,691	4,893
» пятой »	9,569	3,274
Всего	164,662	64,108, или 38,9%

Холерная эпидемія 1830—1831 годовъ замѣчательна для Курской губерніи, какъ по количеству жертвъ, унесенныхъ ею здѣсь, такъ и по той памяти, какую она оставила по себѣ среди мѣстнаго населенія. Крестьяне помнятъ ее гораздо лучше, чѣмъ всѣ послѣдующія эпидеміи, и называютъ ее «большой холерой». Въ мѣстностяхъ, гдѣ она побывала, вамъ разскажутъ обыкновенно цѣлую серію всевозможныхъ исторій относительно ея появленія и обстоятельствъ, которыми она сопровождалась. Въ настоящемъ очеркѣ, составленномъ главнымъ образомъ на основаніи данныхъ архива врачебной управы, мы отчасти пользовались и этими устными разсказами, хотя относились къ нимъ съ большой осторожностью.

Н. Д.

шивали, что это за моръ такой появился и будетъ ли ему когда конецъ. И старецъ будто бы имъ отвѣтилъ, что моръ тотъ будетъ на всю землю, что это предвѣстіе кончины міра; но люди всѣ, сказывалъ онъ, не умрутъ отъ мора, а у всякаго умретъ только тотъ, кто ему особенно милъ и дорогъ: у любяющей матери—единственный сынъ, ея утѣха и радость, у молодаго мужа—жена, на которую онъ не насмотрится, и т. д. И будетъ плачъ великій по всей землѣ, и возмятутся люди и возстенаютъ, испивши фіалъ ярости и гнѣва Божія. Моръ будетъ стоять три лѣта, затѣмъ начнутся голодные года; тогда будутъ умирать отъ голода люди и скоты и птицы валиться налету. Голодныхъ годовъ будетъ 7, а затѣмъ явится антихристъ [1])...

Народъ волновался, слушая эти и подобные имъ разсказы, которыхъ въ то время въ обращеніи было множество, и при томъ одинъ другаго страшнѣе, фантастичнѣе и нелѣпѣе. Сѣдоусые «дѣды» подливали масла въ огонь, разсказывая частію по наслышкѣ, частію по собственному пережитому опыту, о моровой язвѣ, бывшей въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, которую они описывали самыми ужасными красками. Къ этому еще присоединились разсказы солдатъ, только-что возвратившихся изъ Турціи, послѣ войны 1828—1829 годовъ, гдѣ, какъ извѣстно, погибъ лучшій цвѣтъ нашей арміи, и притомъ не отъ турецкихъ ятагановъ и пуль, а отъ страшной «чорной смерти», которая разгуливала въ то время по Турціи... Деревня совсѣмъ растерялась, слушая эти разсказы, и не знала, чтò дѣлать, за чтò приняться. Въ сѣверо-западномъ углу губерніи, въ мѣстности, прилегающей къ знаменитому въ расколѣ Черниговскому Стародубью (Рыльскій и Путивльскій уѣзды), стали появляться морельщики—«гробовики», самые ужасные изъ всѣхъ сектантовъ, когда либо бывшихъ на Руси, исключая развѣ самосожигателей. Эти фанатики давали обѣтъ умереть съ голода, сами дѣлали для себя гробы и, закутавшись саванами, ложились въ нихъ и начинали пѣть стихъ о смерти, въ которомъ говорилось, что «спасенія больше нѣтъ въ мірѣ, а вмѣсто него царитъ грѣхъ одинъ, и потому слѣдуетъ всѣмъ умирать, чтобы не дать душѣ своей погибнуть въ геенѣ». Намъ, къ сожалѣнію, не удалось записать этого «стиха» буквально, такъ какъ всѣ старики, къ которымъ мы обращались за этимъ, отзывались тѣмъ, что запамятовали его и могли только въ общихъ чертахъ передать намъ его содержаніе. Можно думать, что стихъ этотъ есть та самая пѣсня гробополагателей (XVIII вѣка), о которой упоминаетъ П. И. Мельниковъ въ своей статьѣ о старообрядческихъ архіереяхъ («Русскій Вѣстникъ», 1863, 617—618 стр.). Гробовики пѣли одинъ и тотъ же стихъ цѣлые дни, постоянно повторяя его, до тѣхъ поръ, пока голосъ переставалъ дѣй-

[1]) Записано въ Рыльскомъ уѣздѣ.

ствовать,—тогда говорили его шепотомъ, въ перемежку съ молитвами, пока, наконецъ, вслѣдствіе голода и ослабленія организма, не впадали въ забытье и не умирали. Во все время, когда морельщикъ лежалъ въ гробѣ, призывая смерть, надъ нимъ курили ладономъ и жгли восковыя свѣчи...

Сколько именно погибло тогда народу такимъ образомъ въ нашихъ краяхъ, мы съ точностью опредѣлить не можемъ, но старожилы разсказываютъ, что гробовиковъ умерло тогда немало. Фанатизмъ изувѣрства охватывалъ разомъ цѣлыя семьи и даже селенія. Это была настоящая эпидемія...

Уже по этому одному факту можно судить, какъ сильно подѣйствовало на народъ извѣстіе о страшной болѣзни, истребляющей «цѣлые города и губерніи». Замѣчательно, что морельщиковъ-«гробовиковъ», не бывало въ Курской губерніи ни прежде, ни послѣ этого; и если они появились въ 1830 году, то, стало быть, были достаточно сильныя, побудительныя причины для ихъ появленія...

Но, вѣруя въ близкое присутствіе антихриста и наступающую кончину міра, чорный деревенскій людъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ жаромъ хватался за разные «наузники», «накрестники» и амулетки, чтобы предохранить себя отъ наступающаго зла, такъ какъ эти «наузники» считались тогда, да и до сихъ поръ считаются, панацеей отъ всѣхъ болѣзней. «Наузники» шли въ народъ двумя путями: отъ деревенскихъ знахарокъ и знахарей и,—какъ это ни странно можетъ показаться,—изъ нашихъ монастырей. Первый монастырь, начавшій въ то время заниматься изготовленіемъ наузниковъ, была Кіево-Печерская лавра. Тамошніе монахи, видя со стороны простаго народа большой запросъ на разнаго рода чудодѣйственныя вещи, — запросъ, особенно усилившійся въ 1830 году вслѣдствіе слуховъ о приближеніи страшной болѣзни, начали изготовлять треугольные, въ видѣ сердечка, «накрестники» изъ холста, сукна и разныхъ матерій, набивая ихъ ватою и землею, взятою изъ святыхъ пещеръ, отъ гробницъ угодниковъ Божіихъ, и продавали эти наузники всѣмъ желающимъ по 5—10 копѣекъ за штуку, оговариваясь при этомъ, что вырученныя деньги пойдутъ на украшеніе лаврскихъ храмовъ и на поддержку святой обители. Туда ли въ самомъ дѣлѣ шли деньги эти, мы не знаемъ, но богомольцы, во всякомъ случаѣ, съ охотою покупали эти наузники у лаврской братіи и надѣвали ихъ себѣ на «гайтаны» вмѣстѣ съ «тѣльникомъ». Наши мѣстные монастыри, узнавъ объ этомъ, также завели у себя торговлю наузниками, которые частію брались въ лаврѣ, частію же изготовлялись своею братіею, на мѣстѣ. Такимъ образомъ, съ легкой руки Кіево-Печерской лавры, монастырскіе наузники въ короткое время распространились среди здѣшнихъ крестьянъ, которые пріобрѣтали ихъ себѣ тѣмъ съ большей охотой, что они были очень дешевы... Къ слову замѣчу здѣсь,

что торговля наузниками при нѣкоторыхъ монастыряхъ Курской губерніи сохранилась и до сихъ поръ (Софроніева, Молчанская, Борисовская, Коренная etc.), но, въ виду незначительнаго спроса на этого рода товаръ, сами монахи здѣшніе изготовленіемъ наузниковъ теперь уже не занимаются; они фабрикуются въ настоящее время только въ Кіево-Печерской лаврѣ и оттуда развозятся по разнымъ монастырямъ. Цѣна ихъ въ настоящее время отъ 1—5 копѣекъ. Дѣлаются они довольно изящно, изъ красной, голубой и зеленой матеріи и обшиваются тонкимъ золотымъ и серебрянымъ позументомъ...

Въ наузникахъ, которые брались у мѣстныхъ знахарокъ, по словамъ крестьянъ, была какая-то «заговоренная на 7 свѣчахъ трава»...

Кромѣ всего этого, когда разнеслись слухи о холерѣ, то среди крестьянъ появилась какая-то молитва, написанная будто бы самимъ Николаемъ Чудотворцемъ; грамотные ее списывали и носили, какъ наузники, на «гайтанѣ» вмѣстѣ съ крестомъ; неграмотные заучивали наизусть и повторяли ежедневно по нѣскольку разъ. Текста этой молитвы намъ записать не удалось, потому что никто ее не помнитъ, но врядъ ли это не та же самая «іерусалимская молитва», которая распространяется въ настоящее время по Курской губерніи въ ожиданіи новой холеры... Корреспондентъ «Курскаго Листка» изъ Стараго Оскола (№ 37, 1885 года) утверждаетъ, что теперешняя «іерусалимская молитва» написана не далѣе какъ 10 лѣтъ тому назадъ однимъ старцемъ-монахомъ изъ Воронежской губерніи. Отрицать не станемъ,—можетъ быть, это и такъ, но намъ, всетаки, сдается, что теперешняя молитва есть та же самая, которая ходила въ народѣ 50 лѣтъ тому назадъ; разница только въ томъ, что она теперь получила почему-то наименованіе іерусалимской, тогда какъ прежде никакого особеннаго наименованія не имѣла...

Но ни наузники, ни молитва не спасли здѣшнихъ крестьянъ отъ холеры. Чрезъ 3—4 мѣсяца послѣ того, какъ въ первый разъ услышали о ея появленіи въ Астрахани, она пришла и въ предѣлы Курской губерніи.

II.

Первое оффиціальное свѣдѣніе о холерѣ, появившейся въ предѣлахъ имперіи, мы находимъ въ предписаніи курскаго губернатора Ганскау мѣстной врачебной управѣ, отъ 16-го августа 1830 года. Исполняя предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ графа Закревскаго, губернаторъ приказывалъ управѣ немедленно командировать въ Астрахань, гдѣ тогда появилась холера, двухъ уѣздныхъ врачей изъ Курской губерніи — гг. Мошнина и Пономарева.

Назначенные губернаторомъ лѣкаря, «преисполненные, какъ они сами пишутъ въ своихъ отношеніяхъ, служебной готовностью выполнить волю начальства», тотчасъ отправились въ Астрахань, но имъ не удалось показать на дѣлѣ, на сколько они именно преисполнены служебной готовности, такъ какъ, доѣхавъ до Царицына, они получили отъ астраханскаго губернатора увѣдомленіе, что въ Прикаспійскомъ краѣ холера совершенно прекратилась, и потому въ нихъ больше тамъ не нуждаются...

Съ этого перваго предписанія губернатора начинается рядъ административныхъ распоряженій о принятіи мѣръ предосторожности противъ губительной для людей болѣзни, извѣстной подъ названіемъ «cholera morbus», какъ выражаются письменные акты того времени. И, во-первыхъ, получено было предписаніе свыше объ учрежденіи по всѣмъ уѣзднымъ и губернскимъ городамъ «комитетовъ народнаго здравія», которые обязаны были заботиться о мѣрахъ предупрежденія и пресѣченія «губительной болѣзни». Затѣмъ приказано было учредить на границахъ губерніи кордоны и карантины подъ наблюденіемъ особыхъ чиновниковъ изъ губернскаго правленія; получено было также предписаніе о заготовкѣ необходимыхъ медикаментовъ и въ особенности хлорной извести для окуриванія зараженныхъ вещей и людей, находящихся въ карантинѣ.

«Комитетъ народнаго здравія» былъ тотчасъ же организованъ, причемъ члены его (мѣстные врачи и губернскіе чиновники) всѣ были назначены губернаторомъ. Разсматривая внимательно дѣятельность этого комитета за все время холерной эпидеміи, невольно приходишь къ тому вопросу: зачѣмъ только было учреждать его? Власти самостоятельной онъ никакой не имѣлъ и не могъ сдѣлать шагу безъ особаго «надлежащаго распоряженія» со стороны губернатора; поэтому вся роль его въ борьбѣ съ холерой сводилась на переизданіе и переписываніе губернаторскихъ распоряженій и предписаній. Сдѣлаетъ губернаторъ какое нибудь распоряженіе, а комитетъ при помощи состоявшей при немъ особой канцеляріи перепишетъ его «въ потребномъ количествѣ экземпляровъ», надпишетъ на верху: «отъ губернскаго комитета народнаго здравія», и разошлетъ, куда слѣдуетъ. Только и всего. Самостоятельной инищіативы комитетъ не выказалъ рѣшительно ни въ чемъ; онъ только повиновался и дѣлалъ, что прикажутъ, не умѣя, или, лучше сказать, не смѣя приступить самостоятельно къ «благимъ начинаніямъ».

Впрочемъ, губернаторъ и самъ не пользовался въ этомъ случаѣ большей самостоятельностью, и если комитетъ проявлялъ свою дѣятельность только въ томъ, что переиздавалъ и переписывалъ губернаторскіе циркуляры, то и губернаторъ, въ свою очередь, дѣлалъ то же самое. Всѣ распоряженія, отношенія и предписанія относительно холеры на имя комитета, мѣстныхъ капитанъ-исправ-

никовъ etc., истекали собственно не отъ него, а изъ Петербурга, отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Всѣ бумаги губернаторскія, поступавшія въ комитетъ, такъ и начинались словами: «Во исполненіе предписанія г. министра отъ такого-то числа, предписываю»... etc. Самостоятельнаго распоряженія по поводу холеры и мѣръ борьбы съ нею губернаторъ не сдѣлалъ ни одного; онъ, также какъ и комитетъ, получалъ только предписанія и переписывалъ ихъ для подвѣдомственныхъ учрежденій. Думали за всѣхъ и распоряжались всѣмъ тамъ, въ далекомъ Питерѣ; здѣсь же умѣли только переписывать и исполнять... Приведенныя выше распоряженія губернской власти сдѣланы были всѣ «вслѣдствіе предписанія г. министра». Также было и во всѣхъ послѣдующихъ случаяхъ.

Это отсутствіе самостоятельности и всякой иниціативы у мѣстныхъ дѣятелей,—у всѣхъ, начиная съ губернатора и кончая уѣздными и губернскими врачами, засѣдавшими въ комитетахъ,—составляетъ замѣчательную, характернѣйшую черту тогдашней эпохи. Общимъ девизомъ мѣстной Россіи въ то время было: дѣлать, «какъ укажутъ» и «что предпишутъ»; своего сужденія здѣсь имѣть никто не осмѣливался, да это было и невозможно, потому что центральная петербургская власть, отчасти по недовѣрію къ способностямъ и силамъ мѣстной Россіи, а отчасти вслѣдствіе нѣкоторыхъ другихъ причинъ, не оставляла на долю мѣстной администраціи и мѣстныхъ дѣятелей ни малѣйшей дозы самостоятельности. Она старалась регламентировать всѣ дѣйствія ихъ и ввести всю Россію въ узкую рамку исполненія предписаній. Результаты отъ этого получались, разумѣется, далеко не отрадные...

Когда комитетъ общественнаго здравія былъ организованъ и началъ отправлять свои функціи, то первый же вопросъ, который ему предстояло рѣшить, поставилъ его въ совершенный тупикъ. Вопросъ этотъ касался заготовки медикаментовъ, необходимыхъ для вновь учрежденныхъ карантинныхъ кордоновъ и заставъ. Сюда же присоединялся вопросъ объ организаціи медицинскаго персонала. Комитетъ рѣшительно не зналъ, гдѣ найдти докторовъ и какъ и на какія средства достать медикаментовъ. Доложено было объ этомъ губернатору; этотъ послѣдній, также не зная, что предпринять въ этомъ случаѣ, отнесся было къ министру, въ Петербургъ. Но тамъ уже объ этомъ давно позаботились, все взвѣсили и рѣшили. И не успѣло отношеніе губернатора выйдти изъ Курска, какъ получено было уже предписаніе министра, разрубившее этотъ гордіевъ узелъ. Медикаменты приказано было забирать въ вольныхъ аптекахъ и немедленно же, на правилахъ карантиннаго устава, разсылать въ назначенныя мѣста; «а сколько медикаментовъ будетъ забрано, у кого именно и по какой цѣнѣ,—доставить губернатору подробный каталогъ для уплаты по немъ» отъ казны. Что же касается медицинскаго персонала, то министръ предписывалъ на-

брать недостающее количество медиковъ изъ среды вольнопрактикующихъ и отставныхъ врачей, проживающихъ въ городахъ Курской губерніи, и разставить ихъ по карантиннымъ пунктамъ. Смыслъ министерскаго предписанія былъ таковъ, что слѣдовало завербовать и представить къ дѣлу всѣхъ нештатныхъ, не служащихъ врачей, даже и въ томъ случаѣ, если бы они не выразили прямаго желанія послужить обществу въ столь трудный моментъ. Фельдшеровъ же приказано было взять на время отъ квартировавшихъ въ Курской губерніи полковъ.

Получивъ распоряженіе министра, губернаторъ тотчасъ же сдѣлалъ отношеніе объ этомъ въ комитетъ, который, въ свою очередь, сдѣлалъ отношеніе во врачебную управу, которая, въ свою очередь, сдѣлала отношенія въ мѣстныя полицейскія управленія и т. д., и т. д. Заскрипѣли перья во всѣхъ канцеляріяхъ, бумаги была исписана масса, и въ результатѣ получилось въ высшей степени любопытное отношеніе врачебной управы къ мѣстнымъ полицейскимъ управленіямъ, чтобы тѣ дали знать о проживающихъ въ уѣздныхъ городахъ вольнопрактикующихъ и отставныхъ врачахъ и препроводили ихъ всѣхъ въ городъ Курскъ «съ первой же отходящей почтою» (какъ будто бы это была кладь какая нибудь, товаръ или посылка!). «Въ случаѣ же,—прибавляла управа,—если, паче чаянія, кто изъ нихъ по упрямству или по иной какой причинѣ не захочетъ выѣхать добровольно, таковыхъ препроводить въ Курскъ за полицейскимъ конвоемъ».

Понятно, какъ должны были встрѣтить эту мѣру всѣ вольные врачи и какой переполохъ подняла она между ними. Нѣкоторые тотчасъ же заявили письменно свой протестъ противъ «произвольныхъ и ни на чемъ не основанныхъ распоряженій врачебной управы и холернаго комитета», другіе отзывались «старостью и немощностью» своей (и въ самомъ дѣлѣ между ними были старики 70—80 лѣтъ, каковы, напримѣръ, Коквинскій, Добровольскій, Кюхельмахеръ), иные, наконецъ, прямо отказывались продолжать свою медицинскую практику. Но, увы, никакія отговорки врачебной управой въ разсчетъ не принимались. Опираясь на министерское предписаніе, она требовала къ себѣ безусловно всѣхъ врачей, проживающихъ въ предѣлахъ Курской губерніи, не дѣлая при этомъ никакихъ исключеній. Заштатный врачъ Козловскій, проживавшій тогда въ г. Хотмыжскѣ, 70-тилѣтній старикъ, хотѣлъ было уѣхать въ сосѣднюю Харьковскую губернію, чтобы избѣгнуть насильственнаго привоза въ курскую врачебную управу; но мѣстная полиція не дала ему привести въ исполненіе этой мысли и препроводила въ сопровожденіи двухъ солдатъ въ Курскъ...

Крута была мѣра, принятая тогдашнимъ правительствомъ, что и говорить, но не нужно забывать, что обстоятельства того времени были весьма критическія. Весь медицинскій персоналъ въ губерніи

состоялъ изъ 4 докторовъ-членовъ врачебной управы, 3 врачей при курской городской больницѣ и 14 уѣздныхъ врачей,—всего 21 человѣкъ, количество ничтожное для $1^1/_2$ милліоннаго населенія губерніи, и въ особенности въ виду приближающейся страшной эпидеміи. Необходимо было во что бы то ни стало пополнить этотъ персоналъ новымъ составомъ; но чѣмъ пополнить, гдѣ взять докторовъ? Въ настоящее время, когда, какъ извѣстно, на каждую вновь открывающуюся вакансію городоваго или земскаго врача подаются до сотни прошеній, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ врачи, имѣющіе университетскіе дипломы и уже совершенно отчаявшіеся занять когда нибудь мѣсто врача, поступаютъ въ фельдшера при больницахъ и аптекахъ (Вятская губернія),—въ настоящее время пополнить врачебный персоналъ было бы нетрудно: стоило бы только кликнуть кличъ, и въ одну минуту явились бы сотни врачей, чающихъ движенія воды и готовыхъ постоянно къ вашимъ услугамъ. Но въ ту пору врачи были рѣдкостью и набрать ихъ было не откуда. Въ виду этого распоряженіе министра Закревскаго, какъ оно ни было круто, какъ ни отзывалось Азіей, все-таки, нельзя не признать раціональнымъ. Иначе въ то время и поступить было невозможно... Эти отставные и вольнопрактикующіе врачи, насильно притянутые къ холерѣ, конечно, были весьма недовольны такимъ распоряженіемъ и вступали въ отправленіе своихъ обязанностей «съ великой неохотой», но, тѣмъ не менѣе, они во всякомъ случаѣ принесли хоть какую нибудь пользу населенію, въ чёмъ невозможно сомнѣваться...

Всѣхъ вольныхъ врачей по Курской губерніи отыскалось 20 человѣкъ. Врачебная управа распредѣлила ихъ по кордоннымъ заставамъ, причемъ каждому досталось по 2, по 3 и даже по 5 пунктовъ, которые необходимо было объѣзжать чрезъ каждые 2—3 дня.

Въ началѣ сентября 1830 года, нѣкоторыя почтовыя конторы обратились къ врачебной управѣ и холерному комитету съ просьбою указать имъ, какъ окуривать вещи, пересылаемыя изъ зараженныхъ эпидеміей мѣстностей. Ни «холерный комитетъ», какъ называли тогда пресловутый комитетъ народнаго здравія, ни врачебная управа не рѣшились дать категорическаго отвѣта на эти запросы, приводя очень характерные мотивы для этого: «такъ какъ де до сихъ поръ еще неизвѣстно, какой способъ окуриванія и омовенія г. министръ признаетъ за лучшій», и вслѣдъ за этимъ черезъ губернатора снеслись съ министромъ, который вскорѣ и выслалъ (предписаніе отъ 2-го октября) правила для окуриванія почтовой корреспонденціи и «для очищенія домовъ и больницъ какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ послѣ умершихъ отъ холеры, или только страдавшихъ этой болѣзнію, равно и оставшагося послѣ нихъ платья и прочихъ вещей»... До этого же времени врачи не рѣшались употреблять ни одного изъ извѣстныхъ имъ способовъ окури-

ванія, въ предохраненіе отъ заразы, опасаясь даже въ этомъ проявить свою иниціативу...

Въ упомянутомъ предписаніи министра, при перечисленіи разныхъ средствъ для окурки, было, между прочимъ, упомянуто, чтобы мѣстныя власти наблюдали за аптекарями и отнюдь не дозволяли бы имъ возвышать цѣны на медикаменты, подъ строгой отвѣтственностью передъ закономъ. Объ этомъ было сообщено всѣмъ мѣстнымъ аптекарямъ; послѣдніе, испугавшись, чтобы ихъ не сочли «вредными ростовщиками», обратились въ врачебную управу и просили ее назначить цѣну на нѣкоторыя спеціальныя лѣкарства, которымъ въ аптекарской таксѣ цѣны не значилось. Но управа даже и этого не рѣшилась сдѣлать сама, а сдѣлала на счетъ цѣны новое представленіе въ Петербургъ (разумѣется, черезъ губернатора), къ гражданскому генералъ-штабъ-доктору, которымъ и выслана была спеціальная подробная такса на медикаменты, употребляющіеся при холерѣ. Нѣкоторые богачи дѣлали въ то время крупныя пожертвованія на лѣченіе бѣдныхъ больныхъ; въ холерный комитетъ присылались деньги, медикаменты, сахаръ, чай и т. д. Такъ, напримѣръ, старооскольскій помѣщикъ Раевскій пожертвовалъ съ принадлежащихъ ему 500 душъ крестьянъ по 10 копѣекъ и 200 ведеръ уксусу. Комитетъ распредѣлялъ,—на этотъ разъ уже, благодаря Бога, самостоятельно, не сносясь съ Петербургомъ,—всѣ пожертвованія по больницамъ и кордоннымъ заставамъ.

Здѣсь не мѣшаетъ сказать о томъ, какія именно лѣкарства были отосланы на заставы. Изъ каталога, приложеннаго къ дѣлу, видно, что на каждую заставу было послано: **сладкой ртути и мятнаго масла** по 1 унціи; **опійной настойки, каіяпутнаго масла, крѣпкой сѣрной кислоты и селитры** — по двѣ унціи, **опіума** въ порошкѣ — $^1/_2$ унціи, **углекислой магнезіи** — 3 унціи, **крахмалу и меду** (?) — по 1 фунту. Для куренія: **окиси марганца, сѣрной кислоты, хлористой извести и сѣрнаго цвѣта** — по 2 фунта.

III.

Первый случай заболѣванія холерою въ предѣлахъ Курской губерніи произошелъ, 28-го августа 1830 года, въ селѣ Чермошномъ, Бѣлгородскаго уѣзда. Въ предписаніи губернатора земскому бѣлгородскому суду объ этомъ случаѣ разсказывается такимъ образомъ. По харьковской большой дорогѣ изъ Таганрога ѣхалъ крестьянинъ Никита Емельяновъ, должно быть, возвращаясь съ заработковъ, съ «косовицы». Почувствовавъ «хворость», онъ остановился ночевать на постояломъ дворѣ, въ селѣ Чермошномъ; наутро ему сдѣлалось хуже, и онъ остался на постояломъ дворѣ, чтобы немножко «атудобѣть» и перемочься до вечера. Но вечеромъ принужденъ бымъ совершенно слечь въ постель, а наутро,

едва лишь успѣли его причастить, онъ умеръ. За нимъ умерла мать дворника, самъ хозяинъ, затѣмъ крестьянка, которая обмывала послѣдняго, потомъ захворалъ отецъ дворника... Вслѣдствіе предписанія губернатора тотчасъ же весь земскій бѣлгородскій судъ былъ посланъ туда въ полномъ составѣ для производства слѣдствія, и присутствовавшій при этомъ докторъ опредѣлилъ, что «болѣзнь свойства заразительнаго и сообщается чрезъ прикосновеніе одного къ другому». Узнавъ объ этомъ, губернская врачебная управа командировала въ село Чермошное звѣзду тогдашняго курскаго медицинскаго міра, доктора Евменова, прославившагося въ Курскѣ своими медицинскими познаніями и удачнымъ лѣченіемъ больныхъ. Губернское же правленіе разослало исправникамъ южныхъ пограничныхъ уѣздовъ строгое предписаніе — тотчасъ же, «оставя всѣ свои другія занятія», устроить оцѣпленіе зараженныхъ домовъ въ селѣ Чермошномъ, «а буде если окажется сія губительная болѣзнь во всемъ селеніи, то оцѣпить и все селеніе». Кромѣ того, губернское правленіе предписывало исправникамъ: «строго заняться, чтобы жители вездѣ продовольствовались пищей безвредной, здоровой... наблюдали въ образѣ жизни своей чистоту и опрятность, перемѣняли бы бѣлье въ недѣлю, по крайней мѣрѣ, раза по три; а какъ изъ опытовъ извѣстно, что сельскіе жители имѣютъ по 2—3 избы, то чтобы въ избахъ помѣщались нетѣсно; и скота и птицы въ избахъ рѣшительно бы не имѣли; въ селеніяхъ же и на дворахъ у жителей чтобы была совершенная чистота»... Мѣстные земскіе суды, исправники и городничіе «о послѣдствіяхъ, а равно и о распоряженіяхъ къ предохраненію отъ болѣзни, имѣютъ доносить со всякою отходящей почтою, надписывая на конвертахъ «по секрету»...

Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ у себя подъ руками этихъ любопытныхъ секретныхъ донесеній мѣстныхъ властей о ходѣ холеры и не можемъ знать, въ чемъ они состояли, но, очевидно, такія распоряженія, какъ только-что приведенное, должны были сильно раздражать народъ, и «послѣдствія» получались отъ этого довольно печальныя. Старики и до сихъ поръ не могутъ спокойно говорить о той эпохѣ, вспоминая недобрымъ словомъ слишкомъ ужъ попечительное начальство. Холера, конечно, великое зло, но, право, какъ подумаешь, мѣры противъ нея стоили самой болѣзни... Грозные капитанъ-исправники, обязанные по смыслу предписанія, заботиться даже о томъ, чтобы крестьяне бѣлье чаще мѣняли, помѣщались нетѣсно и т. д., разумѣется, не церемонились съ ними. Въ томъ же Чермошномъ разсказывали намъ, что во время холеры у одного крестьянина корова отелилась; онъ и взялъ теленка на ночь въ избу, потому что ночи въ сентябрѣ бываютъ довольно холодныя. На тотъ грѣхъ случился въ деревнѣ самъ капитанъ-исправникъ; провѣдалъ ли онъ какъ объ этомъ казусѣ, или

же просто задумалъ обойдти ночью для ревизіи мужицкія избы,— только крестьянинъ, ложась спать, вдругъ услышалъ стукъ въ ворота. Пошелъ отворить, а тутъ самъ исправникъ съ двумя сотскими, которые стоятъ за нимъ какъ ликторы за консуломъ въ въ Римѣ, съ пучками розогъ. Вошелъ начальникъ въ избу, увидѣлъ теленка. — «Это что»?—спрашиваетъ исправникъ.—«По младости лѣтъ, только-что родилось, ваше высокоблагородіе». Обернулся исправникъ къ ликторамъ и говоритъ:

— Эй вы! всыпьте-ка ему 30 горячихъ, чтобы не смѣлъ ослушиваться начальства и соблюдалъ чистоту въ домѣ. — Сотскіе безъ замедленія привели въ исполненіе приказаніе начальника. Точно такъ же въ Борисовкѣ, Хотмыжскаго уѣзда, исправникъ постоянно ходилъ по улицѣ, заглядывалъ въ избы крестьянъ и наказывалъ немилосердно за малѣйшее отступленіе отъ правилъ, начертанныхъ губернскимъ правленіемъ. Здѣсь разсказывали намъ даже такой случай. Вошелъ онъ какъ-то въ крестьянскую хату; видитъ — хозяйка молоко на полу пролила, можетъ быть, со страху же, увидѣвъ предъ собою грозное начальство. Онъ не поцеремонился и съ бабой; приказалъ разложить ее тутъ же въ избѣ на полу и всыпать 10 горячихъ: блюди, дескать, чистоту у себя въ домѣ, блюди чистоту...

— Такое ужъ было горе — просто бѣда, — говорятъ крестьяне, вспоминая о холерномъ годѣ:—разбѣжаться всѣ хотѣли...

Въ довершеніе всего, мудрое начальство, распорядившись объ устройствѣ карантиновъ на границѣ и оцѣпленіи зараженныхъ домовъ, совсѣмъ упустило изъ виду то обстоятельство, что вѣдь надо же тѣмъ, которые будутъ посажены въ карантинъ или оцѣплены, питаться чѣмъ нибудь. Благодаря этой странной и неумѣстной забывчивости властей, произошло «немалое замѣшательство». Задерживаемые на кордонахъ крестьяне должны были выдерживать карантинъ втеченіе 10—15 дней; ихъ окуривали здѣсь хлоромъ, сѣрными парами и строго берегли, чтобы они никуда не выходили и ни съ кѣмъ изъ постороннихъ сообщенія не имѣли, пищи же имъ никто не давалъ. Мѣстныя власти, «не зная, какъ и на какихъ основаніяхъ должны быть продовольствуемы кордонами люди», писали отношенія по этому поводу къ губернатору, прося его разрѣшить недоразумѣнія; но, пока шла переписка, обставленная неизбѣжными по тому времени проволочками, задержанные должны были голодать, такъ какъ изъ казны отпускать имъ средства не рѣшались, а покупать пищу имъ было негдѣ, да въ большинствѣ случаевъ и не на что. Ропотъ вездѣ поднялся страшный, но ничего нельзя было подѣлать съ суровыми надзирателями кордоновъ. Побуждаемые голодомъ, многіе по ночамъ спасались съ кордоновъ бѣгствомъ, оставляя здѣсь на произволъ судьбы свои подводы, пестери и весь скарбъ, съ которымъ

ихъ перехватили на дорогѣ и заперли въ карантинъ. Но солдаты такихъ ловили и возвращали снова на заставы на двухнедѣльную голодовку. Нѣкоторые бѣглецы, впрочемъ, такъ и не были розысканы кордонной стражей; разными окольными путями, проселками они добирались до дому и нерѣдко приносили съ собою въ свои деревни заразу. Такимъ образомъ, въ сущности ничтожное обстоятельство — непредусмотрительность мѣстнаго начальства относительно продовольствія задерживаемыхъ въ карантинахъ — имѣло огромное вліяніе на распространеніе холеры и было однимъ изъ самыхъ лучшихъ проводниковъ ея. Благодаря этому обстоятельству, въ началѣ октября холера распространилась уже по всему Бѣлгородскому уѣзду и появилась въ Хотмыжскомъ, Обоянскомъ и Суджанскомъ уѣздахъ.

Только уже спустя мѣсяцъ послѣ учрежденія карантиновъ, прислано было изъ губерніи экстренное распоряженіе, чтобы «задержаннымъ производить довольствіе отъ казны». Но за это время утекло много воды, и зараза успѣла уже пробраться въ губернію, сдѣлавъ такимъ образомъ ненужными всѣ карантины и кордоны...

Съ появленіемъ холеры въ губерніи, и притомъ разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, общая паника усилилась. Въ многолюдной слободѣ Борисовкѣ, какъ разсказывали намъ очевидцы, остервенѣлые крестьяне поймали какого-то «венгерца», должно быть, пришедшаго сюда съ товарами, и на громадѣ обвинили его въ томъ, что онъ «разноситъ холеру по добрымъ людямъ». Бѣднягу жестоко избили и чуть было совсѣмъ не отправили на тотъ свѣтъ; онъ спасся только благодаря вмѣшательству управляющаго имѣніемъ графа Шереметева, Станислава Пузыревскаго, который не столько резонами, сколько палкой и грознымъ словомъ заставилъ толпу разойдтись и освободить плававшаго въ крови венгерца.

Сами врачи, насильно приставленные «къ своимъ постамъ», оробѣли, кажется, не меньше крестьянъ. Они, напримѣръ, не смотря на всѣ просьбы и приказанія губернскаго врачебнаго совѣта — «доставить точныя свѣдѣнія о сей болѣзни и какія противъ нея средства наилучше употреблять слѣдуетъ», не только не старались добыть точныя свѣдѣнія о холерѣ именуемой, но даже боялись дѣлать вскрытія труповъ. Новооскольскій докторъ Карпачевъ изъ села Троицкаго отъ 2-го декабря (1830 г.) писалъ, напримѣръ, во врачебную управу, что, не смотря на прямыя приказанія со стороны управы о вскрытіи труповъ, онъ никакъ не могъ до сихъ поръ этого сдѣлать, потому что при немъ не было фельдшера, да и анатомическіе инструменты онъ забылъ захватить съ собою, да и сырое и теплое состояніе атмосферы этому препятствуетъ. (Это въ декабрѣ-то мѣсяцѣ!) Въ средствахъ леченія всѣ врачи рабски слѣдовали наставленіямъ медицинскаго совѣта и чаще всего пускали въ ходъ сладкую ртуть и кровопусканія, которыя въ тѣ блаженныя вре-

мена считались за какую-то общею панацею. При этомъ, кровопусканія у больныхъ сами доктора дѣлать боялись «по причинѣ явной и скорой заразительности оныхъ черезъ прикосновеніе», а приказывали производить ихъ своимъ помощникамъ-фельдшерамъ. Когда появилась холера въ Курскѣ и было дано знать объ этомъ инспектору врачебной управы, то онъ, прибывши къ больному, по приказанію мѣстной власти, сталъ разспрашивать его, стоя у порога, «не щупалъ пульса на томъ основаніи, чтобы, какъ онъ пишетъ въ своемъ рапортѣ, самому не попасть въ оцѣпленіе»... Или вотъ тоже фактъ. Рыльскій врачъ Левитскій былъ командированъ врачебной управой въ августѣ 1820 года въ Суджанскій участокъ въ помощь доктору Пономареву. Получивъ предписаніе объ этомъ, нашъ эскулапъ вошелъ съ представленіемъ въ врачебную управу, что онъ не можетъ «по разстроенному здоровью» принять на себя исполненіе возложенной обязанности, тѣмъ болѣе, — прибавлялъ онъ въ своемъ рапортѣ, — что въ Рыльскѣ также «давно уже появилась астраханская болѣзнь». Такъ какъ это было при самомъ началѣ холеры въ губерніи, когда она еще только-что появилась въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ, то врачебная управа немало обезпокоилась этимъ заявленіемъ Левитскаго и отрядила въ Рыльскъ врача Эглау для точнаго изслѣдованія, дѣйствительно ли тамъ появилась холера. Оказалось, что тамъ нѣтъ ничего подобнаго холерѣ и что рыляне всѣ, слава Богу, здравствуютъ, совершенно живы и здоровы. Врачебная управа потребовала объясненія отъ Левитскаго по этому поводу, и послѣдній отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно написалъ въ своемъ первомъ рапортѣ о существованіи здѣсь холеры, но онъ сдѣлалъ это «потому, что онъ иностранецъ, не умѣетъ и не научился русскому правописанію, и потому названіе болѣзни перепуталъ». Но противъ этого говоритъ, во-первыхъ, его чисто русская фамилія, а, во-вторыхъ, то обстоятельство, что всѣ его рапорты врачебной управѣ писаны имъ самимъ и писаны очень грамотно. Повѣрила ли врачебная управа заявленію иностранца Левитскаго, — неизвѣстно. Замѣчательно, что потомъ, когда въ Рыльскѣ дѣйствительно началась холера, разстроенное здоровье Левитскаго «за служебными хлопотами» до того разстроилось, что онъ даже совсѣмъ перестаалъ выходить изъ квартиры, и былъ такъ слабъ во все время холеры, что не могъ составлять не только подробныхъ донесеній, но даже не былъ въ состояніи вести простой отчетности съ показаній фельдшеровъ.

Такихъ фактовъ относительно дѣятельности врачей въ дѣлахъ врачебной управы многое множество. Старооскольскій врачъ Карпачевъ доносилъ, напримѣръ, что холерные больные умираютъ такъ скоро, что онъ не успѣваетъ даже дѣлать имъ кровопусканія. А суджанскій врачъ Пономаревъ, при появленіи холеры въ Суджѣ, отмочилъ даже такую штуку. Постоянное пре-

бываніе онъ имѣлъ въ городѣ, и врачебная управа поручила ему вѣдать городской участокъ; но, когда онъ услыхалъ о появленіи холеры въ Суджѣ, когда ему донесли, что заболѣлъ нѣкій мѣщанинъ Левченко, онъ тотчасъ же приказалъ запречь бричку и «отъѣхалъ въ уѣздъ», гдѣ, какъ выражается опредѣленіе губернскаго холернаго комитета, «не настояло ему никакихъ надобностей»..

И т. д., и т. д. безъ конца.

Болѣе честно относились къ своему дѣлу врачи: Евменовъ, Немировичъ-Данченко и Филипьевъ: они, по крайней мѣрѣ, не боялись холеры и не бѣгали отъ нея.

Распространенію холеры по губерніи много помогло начавшееся въ то время передвиженіе войскъ (къ предѣламъ царства Польскаго, въ виду возникшаго тамъ мятежа). Врачи въ своихъ рапортахъ во врачебную управу много разъ указывали на это обстоятельство и приводили въ доказательство цѣлую серію фактовъ. Такъ, Тверской драгунскій полкъ, стоявшій прежде до появленія холеры въ Бѣлгородѣ, 20-го октября 1830 года, выступилъ на Болховецъ, потомъ двигался по маршруту чрезъ Богатый, Обоянскаго уѣзда, потомъ чрезъ Суджу и Рыльскъ; изъ Обояни въ то же время выступилъ въ походъ квартировавшій тамъ Переяславскій драгунскій полкъ по той же дорогѣ. Оба полка захватили съ собой холеру изъ мѣста своей первоначальной стоянки и, идя по дорогѣ къ Рыльску, чуть не въ каждомъ селеніи оставляли за собою холерныхъ больныхъ, выбывшихъ изъ строя. Такъ, напримѣръ, обоянскій уѣздный врачъ Мошнинъ отъ 23-го октября доноситъ уѣздному холерному комитету о смерти «отъ губительной заразной болѣзни, казеннаго деньщика г. генералъ-маіора Шуцкаго, Гаврилы Ничипуренки, заболѣвшаго холерою во время прохода войскъ и оставленнаго въ селѣ Черкасскомъ»... Не прошло недѣли со времени прохода войскъ, какъ въ Суджанскомъ, Рыльскомъ и Обоянскомъ уѣздахъ появилась холера, и сначала именно въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ проходили или останавливались войска.

Послѣ этого уже, разумѣется, никакіе кордоны и заставы ничего не могли подѣлать. Оставалось только вопросомъ времени появленіе холеры въ другихъ уѣздахъ Курской губерніи.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, много также посодѣйствовалъ распространенію холеры рекрутскій наборъ, какъ это видно изъ рапорта корочанскаго врача г. Немировича-Данченки, который, разсказывая о появившейся холерѣ въ слободѣ Кривошеевкѣ и хуторѣ Холодномъ, прямо говоритъ въ своемъ донесеніи, что «всѣ заболѣвшіе и умершіе здѣсь крестьяне были въ Бѣлгородѣ и ѣздили въ Старый Осколъ для сдачи рекрутъ, откуда пріѣхали уже съ признаками заразы»...

Вслѣдствіе той же причины появилась холера и въ Новооскольскомъ уѣздѣ (29 ноября). Три однодворца с. Бѣломѣстнаго ѣздили въ

Старый Осколъ сдавать рекрутовъ и, пріѣхавъ домой, всѣ померли. Отсюда холера скоро перешла и въ другія селенія уѣзда.

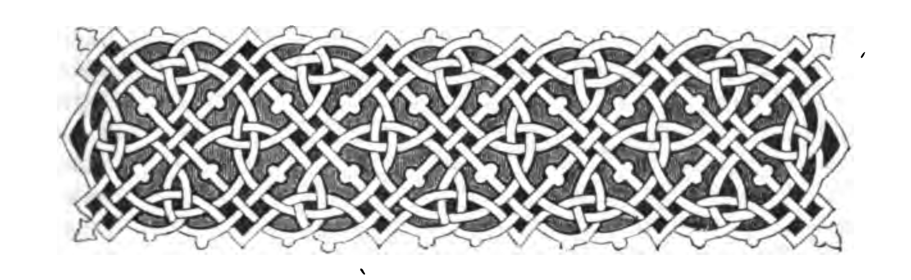
Въ Льговскій уѣздъ холера занесена была изъ Бѣлгорода крестьяниномъ села Вышнія Деревеньки Ив. Борисовымъ (1 декабря). Самъ онъ, пріѣхавъ изъ Бѣлгорода, куда ѣздилъ по своимъ частнымъ дѣламъ, умеръ въ первый же день, какъ только возвратился; вслѣдъ за этимъ стали умирать и сосѣди его, а чрезъ нѣсколько дней, благодаря отсутствію какихъ бы то ни было предохранительныхъ мѣръ, болѣзнь разошлась по всему уѣзду.

Въ Дмитріевскомъ, Фатежскомъ, Щигровскомъ и Тимскомъ уѣздахъ было только по нѣскольку случаевъ смерти отъ холеры; Путивльскій же уѣздъ эта страшная гостья и вовсе миновала. Относительно холеры и другихъ заразительныхъ болѣзней городъ Тимъ считается у насъ самымъ благодатнымъ городомъ: здѣсь, какъ утверждаетъ молва, во всѣ бывшія холерныя эпидеміи не умерло отъ холеры ни одного человѣка. Объяснить это мѣстоположеніемъ Тима было бы мудрено, потому что въ этомъ отношеніи Тимъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ городовъ губерніи. Онъ расположенъ по склону горы и неподалеку отъ него находится болото.

Въ самомъ Курскѣ и его уѣздѣ холера появилась 10 октября; занесъ ее сюда изъ Обоянскаго уѣзда купецъ Веретенниковъ, проѣзжая изъ Харькова; самъ онъ, однако, выздоровѣлъ, и чуть ли не здравствуетъ и до сихъ поръ, но болѣзнь, привезенная имъ, скоро распространилась въ городѣ и отсюда перебралась въ уѣздъ, въ волости Дьяконовскую, Стрѣлецкую и Ямскую. Въ городѣ пострадали преимущественно тѣ улицы, которыя расположены по теченію р. Кура, перерѣзывающей городъ. Эта рѣченка, пересыхающая лѣтомъ, была и до сихъ поръ остается клоакой, куда сваливаются всѣ нечистоты города, вслѣдствіе чего, въ одномъ изъ рапортовъ мѣстныхъ врачей, она недаромъ названа «гнилой смертоносной канавой», «распространительницей заразы» etc.

Въ слѣдующемъ 1831 году, холера начала въ Курской губерніи ослабѣвать и къ іюлю совершенно прекратилась, по случаю чего эпархіальная власть распорядилась совершить торжественныя молебствія по всѣмъ городамъ и весямъ Курской земли. Всѣ вздохнули свободнѣе. Но больше всѣхъ, вѣроятно, рады были прекращенію холеры врачи, которымъ она принесла столько заботъ, душевныхъ тревогъ и нахлобучекъ со стороны начальства... Спустя нѣсколько времени по прекращеніи эпидеміи, всѣ врачи, принимавшіе участіе въ дѣйствіяхъ по прекращенію холеры, получили отъ министра внутреннихъ дѣлъ А. А. Закревскаго благодарность «за усердіе, при семъ случаѣ оказанное»... Этимъ и закончилась печальная эпопея «первой» холеры.

Н. Д—скій.

УЧЕНЫЕ ТРУДЫ П. А. ЛАВРОВСКАГО.

УЖЕ БОЛѢЕ трехъ мѣсяцевъ прошло со дня кончины извѣстнаго слависта — Петра Алексѣевича Лавровскаго; но за это время ни одно періодическое изданіе не представило о немъ подробныхъ біографическихъ свѣдѣній и, главное, полнаго указателя всѣхъ его трудовъ: въ журналахъ и газетахъ намъ встрѣтились только отрывочныя сообщенія о службѣ покойнаго съ названіемъ весьма немногихъ его произведеній. Съ другой стороны, и наши книжныя росписи, обозначая изслѣдованія покойнаго ученаго, очень часто смѣшиваютъ ихъ съ трудами Н. А. Лавровскаго, нынѣшняго ректора въ Варшавскомъ университетѣ; такъ, подобную путаницу представляетъ извѣстный «Каталогъ» Межова (Спб., 1869 г., стр. 945). Эти два обстоятельства заставили насъ поближе ознакомиться со всѣми трудами покойнаго Лавровскаго, и только въ настоящее время мы можемъ сообщить результаты нашихъ библіографическихъ разысканій.

Умершій славистъ началъ свою учено-литературную дѣятельность обширнымъ изслѣдованіемъ: «О Реймскомъ евангеліи», напечатаннымъ въ книгѣ: «Опыты историко-филологическихъ трудовъ студентовъ Главнаго Педагогическаго института» (Спб., 1851 г., т. I, стр. 1—141). Это былъ одинъ изъ замѣчательныхъ трудовъ въ ряду изслѣдованій названнаго памятника [1]). Онъ имѣлъ цѣлью «собрать вѣрно, безъ опущеній,

[1]) До труда Лавровскаго въ нашей литературѣ появились слѣдующія разысканія: С. Строева (Журналъ мин. нар. просв., 1838 г., ч. XXI, отд. II,

всѣ особенности, встрѣчающіяся въ Реймскомъ евангеліи сравнительно съ Остромировымъ». Поэтому авторъ обратилъ вниманіе на правописаніе, словоизмѣненіе и словосочиненіе древняго памятника, приложилъ указатель словъ и, наконецъ, сличилъ Реймское и Остромирово евангелія съ Ватиканскимъ текстомъ по изданію Муральта. Въ заключеніи своего труда молодой ученый сознался, что «для полноты не достаетъ только одного изслѣдованія о мѣстѣ и времени первоначальнаго появленія памятника», но,—прибавляетъ онъ,—«при всемъ сознаніи важности сего вопроса, я считаю необходимымъ для себя остановиться на нѣсколько времени, чтобы ближе и основательнѣе познакомиться съ другими памятниками старины». Послѣднія слова оправдались въ точности. Удостоенный за свое изслѣдованіе золотой медали и назначенный (съ 17-го августа 1851 года) въ Харьковскій университетъ исправляющимъ должность адъюнкта по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій, П. А. Лавровскій усиленно занялся изученіемъ древне-славянской письменности, главнымъ образомъ съ филологической стороны. Плодомъ такихъ занятій прежде всего вышла магистерская дессертація: «О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей» (Спб., 1852 г.). «Эта книга,—по отзыву одного специалиста,—даетъ гораздо болѣе, чѣмъ сколько обѣщаетъ ея заглавіе. Ближайшій предметъ ея—новгородское нарѣчіе; но авторъ представляетъ въ ней довольно полный историческій очеркъ всего великорусскаго языка. Полнота данныхъ, точность указаній и строгая систематичность въ изложеніи даютъ этому труду важное значеніе и въ настоящее время»[1]). За названною диссертаціей, до отправленія автора въ заграничное путешествіе, появился рядъ лингвистическихъ статей и одно большое изслѣдованіе, доставившее профессору степень доктора славянской филологіи. Всѣ они были напечатаны въ такомъ хронологическомъ порядкѣ:

«Объ особенностяхъ словообразованія въ древнемъ русскомъ языкѣ». (Извѣстія импер. академіи наукъ, 1853 г., т. II).

«Нѣсколько словъ о значеніи и происхожденіи слова: кметъ». (Москвитянинъ, 1853 г., кн. 24).

«Замѣчательныя слова изъ Переяславской лѣтописи». (Извѣстія импер. академіи наукъ, 1854 г., т. IV, л. 8).

стр. 87—103; Сѣверн. Пчела, 1840 г., № 33); И. Срезневскаго (Отечеств. Записки, 1840 г., кн. 5, отд. VII, стр. 1—6); неизвѣстнаго автора (Сѣверн. Пчела, 1840 г., № 28); П. Билярскаго (Журналъ мин. нар. просв., 1846 г., ч. LII, отд. VI, стр, 10—27); его же: «О Кирилловской части Реймскаго Евангелія», Спб., 1848 г.; И. Паплонскаго (Журналъ мин. нар. просв., 1848 г., ч. LVII, отд. II, стр. 105—156, 191—251; ч. LVIII, отд. II, стр. 1—31) и А. Куника (Melanges Russes, 1849 г., т. I, стр. 1—110).

[1]) См. изслѣдованіе М. Колосова: «Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка», Варшава, 1872 г., стр. VI.

«Выборъ словъ изъ лѣтописей новгородскихъ и псковскихъ». (Т. IV, л. 53 и 54).

«Объ обрядѣ постриженія у древнихъ славянъ». (Москвитянинъ, 1855 г., кн. 3).

«Изслѣдованіе о лѣтописи Іоакимовской», докторская диссертація, Спб., 1855 г., 84 стр. Это «изслѣдованіе», перепечатанное и въ «Ученыхъ запискахъ втораго отдѣленія импер. академіи наукъ» (1856 г., кн. II, вып. 1, стр. 77—160), стремилось доказать, что первая половина Іоакимовской лѣтописи (о новгородскихъ князьяхъ)—позднѣйшая подделка, но вторая часть (о князьяхъ отъ Рюрика до Владиміра)—болѣе достовѣрный разсказъ. Такія мнѣнія г. Лавровскаго основательно разобралъ въ послѣднее время проф. Голубинскій [1]).

«Замѣчанія объ этимологическихъ особенностяхъ стариннаго языка польскаго». (Ученыя записки втораго отдѣленія импер. академіи наукъ, 1858 г., т. III, кн. 4).

«О русскомъ полногласіи». (Извѣстія императ. академіи наукъ, 1858 г., т. VII).

«Описаніе семи рукописей императорской публичной библіотеки». (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1858 г., кн. 4). Отдѣльно: М., 1858 г., 90 стр.

«Замѣчаніе о полногласіи». (Извѣстія импер. академіи наукъ, 1859 г., т. VIII, вып. 4).

«Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями». (Журналъ мин. нар. просвѣщенія, 1859 г., ч. СII, кн. 6). Отдѣльно: Спб., 1859 г., 42 стр.

Во время печатанія послѣдней статьи авторъ находился уже за границею (съ 24-го марта 1859 года), сначала въ Германіи, а потомъ въ славянскихъ земляхъ, откуда и вернулся въ январѣ 1861 года. Какъ это путешествіе, такъ и послѣдующая профессорская служба не прервали его учено-литературныхъ трудовъ. Послѣдніе только приняли иной колоритъ: вмѣсто прежнихъ лингвистическихъ изслѣдованій и филологическихъ разборовъ, изъ-подъ пера Лавровскаго начали выходить главнымъ образомъ историко-литературныя и публицистическія статьи. Онѣ печатались въ слѣдующемъ видѣ:

1860 г. «Успѣхи славянской филологіи въ Россіи». (Журналъ чешскаго музея, вып. 2).

«О миѳическомъ значеніи слова: дождь». (Журналъ Общества сербовъ-лужичанъ, кн. 4).

«Отношеніе раваницы сербской къ раваницѣ сремской». (Гласникъ Общества сербской словесности, кн. 12).

---

[1]) См. его изслѣдованіе: «О такъ называемой Іоакимовской лѣтописи Татищева», въ прибавленіяхъ къ «Твореніямъ св. отцевъ» (1881 г., ч. XXVIII, стр. 602—640).

«Трехмѣсячное путешествіе по южнымъ краямъ Австріи». (Русск. Слово, 1860 г., кн. 5 и 6; 1861 г., кн. 1). Эта же статья напечатана и въ Извѣстіяхъ императ. академіи наукъ (т. VIII, вып. 3).

«Извѣстіе о современной жизни чеховъ». (С.-Петербургск. Вѣдом., № отъ 28-го мая).

«Извѣстіе о состояніи народности у лужичанъ». (С.-Петерб. Вѣдом., № отъ 21-го октября).

«Житіе царя Лазаря по списку XVII вѣка въ библіотекѣ Общества сербской словесности въ Бѣлградѣ». (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, кн. 2). Отдѣльно: М., 1860 г., 13 стр.

«Воспоминанія о В. В. Ганкѣ». (Извѣстія императ. академіи наукъ, т. IX, вып. 4).

1861 г. «Критическія замѣчанія о малорусскомъ нарѣчіи». (Основа, № 8, 11 и 12).

«Воспоминанія о В. В. Ганкѣ». (Московск. Вѣдом., № 9). Отдѣльно: М., 1861 г., 9 стр.

«Похороны В. В. Ганки въ Прагѣ». (С.-Петерб. Вѣдом., № 71).

«Южнорусскій элементъ въ Австріи». (С.-Петерб. Вѣдом., № 73).

«Современное направленіе народности словаковъ». (Современн. Лѣтопись, № 18).

«Въ воспоминаніе о Ганкѣ и Шафарикѣ», актовая рѣчь. (Отчетъ импер. Харьковск. университета, Харьковъ, 1861 г.). Отдѣльно: Харьковъ, 1861 г., 14 стр.

«Лекція, читанная въ импер. Харьковскомъ университетѣ 18-го января 1861 года». (Архивъ историко-практическ. свѣдѣній, относящ. до Россіи, кн. 2). Это — первая лекція по возвращеніи изъ-за границы; въ ней описывался общій характеръ современнаго настроенія западныхъ и южныхъ славянъ.

«Чехи и Амуръ». (День, № 2 и 10).

«Русскіе въ Галиціи». (День, № 3—6).

1862 г. «Извѣстіе о состояніи уніатской церкви у русскихъ въ Галиціи». (Духовн. Вѣстникъ, кн. 1). Отдѣльно: Харьковъ, 1862 г., 28 стр.

«Славянская церковь и римско-католическій пропагандизмъ». (Духовн. Вѣстникъ, кн. 9 и 10).

«Стихотвореніе хорватскаго поэта Павла Витезовича о Петрѣ Великомъ». (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, кн. 2).

«Изслѣдованіе о миѳическихъ вѣрованіяхъ у славянъ въ облако и дождь въ связи съ другими подобными же вѣрованіями у древнихъ народовъ». (Ученыя записки втораго отдѣленія импер. академіи наукъ, т. XII). Отдѣльно: Спб., 1862 г., 42 стр.

1863 г. «Разборы руководствъ по русскому языку Михельсона и Говорова». (Циркуляръ по Харьковскому учебному округу, № 10).

«Паденіе Чехіи въ XVII вѣкѣ». (Журналъ мин. нар. просвѣщенія, ч. CXVIII, кн. 5).

«Взглядъ на судьбу литературы славянъ южныхъ и западныхъ». (С.-Петерб. Вѣдом., № 79—81).

«Кириллъ и Меѳодій, какъ православные проповѣдники у западныхъ славянъ въ связи съ современною имъ исторіею церковныхъ несогласій между востокомъ и западомъ». (Духовн. Вѣстникъ, кн. 5—11).

Это изслѣдованіе, изданное отдѣльно (Харьковъ, 1863 г., 588 стр.), удостоено Уваровской награды.

«Характеръ католическаго праздника въ память тысячелѣтія св. Кирилла и Меѳодія». (С.-Петерб. Вѣдом., № 135 и 137).

1865 г. «Церковныя дѣла у славянъ австрійскихъ». (Духовн. Вѣстникъ, кн. 1).

«О трудахъ Ломоносова по русскому языку и русской исторіи». (Памяти Ломоносова, брошюра, Харьковъ, 1865 г.).

«Записка о второмъ изданіи первой части «Исторической грамматики» Ѳ. И. Буслаева». (Записки импер. академіи наукъ, т. VIII, № 3). Отдѣльно: Спб., 1865 г., 52 стр.

«Мысли русскаго о чехахъ на русской педагогической службѣ». (День, № 16).

«Новый гимназическій уставъ на дѣлѣ». (День, № 35).

1866 г. «Мнѣніе о преподаваніи русскаго языка съ церковно-славянскимъ». (Филологическ. записки, кн. 2).

«Изъ путевыхъ замѣтокъ въ славянскихъ земляхъ». (Русск. Архивъ, кн. 4).

«Разборъ изслѣдованія г. Потебни: «О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій». (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, кн. 2).

«Рѣчь при погребеніи А. П. Зернина». (Харьковск. губ. вѣдом., № 73).

«Разборъ сочиненія Пыпина и Спасовича: Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ». (Отчетъ о девятомъ присужденіи наградъ гр. Уварова, Спб., 1866 г.). Этотъ разборъ удостоенъ золотой медали.

«Восточный вопросъ». (Утро, сборникъ, кн. 2).

1867 г. «Коренное значеніе въ названіяхъ родства у славянъ». (Записки импер. академіи наукъ, т. XII, кн. 2). Отдѣльно: Спб., 1867 г., 118 стр.

«По поводу Педагогическаго института». (Современн. Лѣтопись, № 9).

«Впечатлѣніе, вынесенное изъ обзора московской этнографической выставки». (Современн. Лѣтопись, № 19).

1868 г. «О сочиненіи Петрановича: Богомилы». (Москва, № 174).

«О четвертой части пѣсенъ, собранныхъ Рыбниковымъ». (Журналъ мин. нар. просвѣщенія, кн. 3).

«Мысли о славянской Матицѣ». (Русскій, № 1—2).

«Гуманизмъ въ рѣчи харьковскаго профессора». (Русскій, № 18, 22 и 23).

«Греки или славяне были св. Кириллъ и Меѳодій?». (Русскій, № 26).

«Паденіе Чехіи въ XVII вѣкѣ». (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, кн. 2).

«Связи древней Россіи съ славянскимъ міромъ». (Москва, № 95—97).

«Дѣйствительно ли Кириллъ Солунскій—авторъ латинскихъ апологовъ?». (Журналъ мин. нар. просвѣщенія, ч. CXXXIX, кн. 7).

«Поѣздка во внутреннюю Чехію весною 1860 года». (Утро, сборникъ, кн. 3).

1869 г. «Кириллъ и Меѳодій во французскомъ сочиненіи Луи Леже». (Журналъ мин. нар. просвѣщенія, кн. 1).

«Свѣдѣніе о гусарѣ, какъ живописцѣ иконы св. Іоанна Богослова». (Записки императ. академіи наукъ, т. XVI, кн. 1).

Представленная вереница трудовъ ясно показываетъ, какъ была оживленна дѣятельность покойнаго Лавровскаго во время профессорской службы. Иное приходится сказать о послѣдующемъ пе-

ріодѣ его жизни, когда онъ занималъ то мѣсто коронного ректора во вновь открытомъ Варшавскомъ университетѣ (съ 11-го августа 1869 г. до 30-го декабря 1872 г.), то, послѣ недолгой отставки, должность попечителя Оренбургскаго (1875—1880 г.) и Одесскаго учебныхъ округовъ (1880—1885 г.). Въ эти пятнадцать лѣтъ имъ напечатаны только немногіе слѣдующіе труды:

«Сербско-русскій словарь», Спб., 1870 г.

«О старорусскомъ тайномъ писаніи». (Записки импер. археолог. Общества, 1870 г.).

«Мнѣніе о происхожденіи и коренномъ значеніи названія: лахъ». (Журналъ мин. нар. просвѣщенія, 1870 г., кн. 10).

«Черногорія и черногорцы». (Бесѣда, 1871 г., кн. 11).

«Значеніе настоящаго времени (praesentis) въ классификаціи славянскихъ глаголовъ и образованіе его сравнительно съ родственными языками». (Журналъ мин. нар. просвѣщ., 1873 г., кн. 4).

«Русско-сербскій словарь», Спб., 1880 г.

«Рѣчь къ служащимъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ города Одессы». (Русь, 1881 г., № 25).

«По поводу замѣтки проф. Будиловича о празднованіи тысячелѣтія со дня кончины св. Мефодія». (Извѣстія с.-петерб. славянск. благотвор. Общества, 1885 г., кн. 2).

«Былъ ли св. Кириллъ Солунскій епископомъ?». (Журналъ мин. народн. просвѣщенія, 1885 г., кн. 4).

Вотъ въ какой хронологической послѣдовательности развивалась учено-литературная дѣятельность П. А. Лавровскаго. Она доставила покойному почетное мѣсто среди ученыхъ славистовъ и званіе члена-корреспондента императорской академіи наукъ (съ 29-го декабря 1856 года).

Димитрій Языковъ.

ЛЕОПОЛЬДЪ РАНКЕ И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

ИЗЪ ПЛЕЯДЫ нѣмецкихъ историковъ, пользующихся всемірною извѣстностью, выбылъ старѣйшій представитель серьёзной исторической науки. Мѣсто его среди товарищей: Момсена, Дройзена, Зибеля, Курціуса, Дункера и Трейчке, остается незанятымъ. Особенности дарованія Леопольда Ранке таковы, что нескоро найдется писатель, который станетъ наряду съ авторомъ исторіи папъ, Пруссіи, реформацій въ Германіи, Франціи и Англіи въ XVI и XVII вѣкѣ. Помимо особенностей таланта и способа изложенія, Ранке отличался отъ своихъ собратій тѣмъ, что писалъ только объ эпохахъ и событіяхъ менѣе разработанныхъ и извѣстныхъ. Полной, подробной исторіи какой нибудь страны или національности у него нѣтъ; онъ изображаетъ только отдѣльные эпизоды и эпохи, освѣщая тѣ стороны ихъ, которыя оставались въ тѣни, останавливаясь на мало изслѣдованныхъ вопросахъ, отмѣчая общими чертами событія, не требующія исторической провѣрки. При этомъ высказывается и другая характеристическая черта его: любовь ко всему выдающемуся, типичному, къ рѣзкимъ тонамъ и яркимъ краскамъ. Такія особенности производятъ и на читателей болѣе сильное впечатлѣніе, и вотъ почему труды Ранке пользовались такимъ успѣхомъ. Историческіе очерки его походятъ на эпическія поэмы, въ которыхъ великолѣпныя отдѣльныя мѣста связываются прозаическимъ изложеніемъ хода дѣйствія.

Ранке умеръ на 93-мъ году. Такой глубокой старости не достигалъ ни одинъ изъ современныхъ писателей. Маѳусаилъ всѣхъ

историковъ нашего вѣка, онъ былъ свидѣтелемъ развитія дорогой ему науки, слѣдилъ за новыми путями, которые она прокладывала себѣ въ сферы человѣческихъ знаній. Пріѣхавъ во Франкфуртъ тотчасъ по окончаніи университетскаго курса, онъ засталъ преподаваніе исторіи еще въ тѣсныхъ рамкахъ, въ направленіи, данномъ ей Вольтеромъ. Во время празднованія своего девяностолѣтняго юбилея, историкъ засвидѣтельствовалъ, что на его научное и художественное образованіе имѣлъ большое вліяніе Вальтеръ-Скоттъ, не какъ историкъ, конечно, а какъ романистъ. Его историческіе романы, заинтересовавъ Ранке, заставили его обратить вниманіе на источники, откуда авторъ «Веверлея» почерпалъ матеріалъ для серіи своихъ разсказовъ. То же самое признаніе дѣлаетъ Огюстенъ Тьерри, говоря въ своей «Исторіи завоеванія Англіи норманнами», что романы Вальтеръ-Скотта побудили его обратиться къ изученію лѣтописей. Это откровенное сознаніе двухъ историковъ, конечно, гораздо болѣе заслуживаетъ уваженія, нежели презрительные отзывы Маколея о романистѣ, которому онъ многимъ обязанъ. У Вальтеръ-Скотта Ранке заимствовалъ манеру изображать болѣе яркими красками не финальную катастрофу какого нибудь событія, а подготовительные къ ней моменты. Изъ историковъ, предшественниковъ Ранке, въ произведеніи его молодыхъ лѣтъ «Исторіи романскихъ и германскихъ народовъ отъ 1494 до 1535 года», видны замѣтные слѣды вліянія Іоанна Мюллера, и нѣкоторыя страницы этого произведенія Ранке напоминаютъ художественнымъ, хотя и не психологическимъ изображеніемъ характеровъ «Всеобщую исторію» Мюллера въ 24-хъ частяхъ. Только у Ранке энтузіазмъ къ героямъ не доходитъ никогда до крайности: онъ ясно видитъ и ихъ слабости, и не скрываетъ ихъ, тогда какъ Мюллеръ безусловно преклоняется, напримѣръ, передъ Фридрихомъ II и Наполеономъ. У Ранке, въ оцѣнкѣ характеровъ, часто проглядываетъ иронія, какъ у Юстуса Мёзера, но Мёзеръ былъ юристъ и чиновникъ, а Ранке хотя и писалъ много статей о различныхъ государственныхъ формахъ въ своемъ журналѣ «Historische-Politische Zeitschrift», былъ королевскимъ исторіографомъ съ 1843 года, но оставался всегда историкомъ вполнѣ независимымъ. Онъ не считаетъ цѣлью исторіи изслѣдованіе учрежденій и не придаетъ имъ значенія, когда они не достигаютъ своей цѣли. Такъ онъ не разбираетъ подробно ленной системы среднихъ вѣковъ и даже многихъ постановленій реформаціи. Ранке упрекаютъ въ томъ, что онъ принадлежалъ къ консерваторамъ, но онъ былъ также консервативенъ, какъ Гёте. Оба они были врагами всякаго рѣзкаго, революціоннаго явленія, нарушающаго миръ и тишину, сопровождаемаго насиліями; оба допускали скорѣе существованіе злоупотребленій въ современномъ обществѣ, чѣмъ его уничтоженіе. Такое направленіе было понятно послѣ переворота въ концѣ XVIII вѣка, обѣщавшаго избавить че-

ловѣчество отъ всѣхъ несправедливостей и повлекшаго за собою еще большія бѣдствія. Значеніе этого переворота и не могло быть оцѣнено въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Возникшая въ то время «историческая школа» отрицала философскую школу, основанную на принципахъ Вольтера. Первые же нѣмецкіе историки отрицали, во имя національности, идею всемірной наполеоновской монархіи. Нибуръ, этотъ разрушитель римскихъ легендъ, ратовалъ за права

Леопольдъ Ранке.

свободы, искусства и мѣстной автономіи, подавляемыя тяжелымъ игомъ Рима. Отфридъ Мюллеръ отстаивалъ древнее государственное устройство эллиновъ противъ нивелирующаго философскаго ученія. Ранке разбираетъ сочиненія этихъ историковъ въ своемъ первомъ трудѣ, доставившемъ ему извѣстность и появившемся въ 1824 году. Одною изъ его первыхъ блестящихъ характеристикъ была оцѣнка Макіавеля, котораго до того времени напрасно ста-

рались разгадать французскіе, итальянскіе и нѣмецкіе писатели. Фридрихъ II называлъ его злодѣемъ, обольщающимъ властителей своимъ постыднымъ ученіемъ. Фихте видѣлъ въ немъ страстнаго патріота, избравшаго себѣ одного властителя для того, чтобы выгнать изъ Италіи другихъ чужеземныхъ принцевъ, хотя бы самыми постыдными средствами. Ранке изображаетъ Макіавеля не отвлеченной идеей, а живымъ, конкретнымъ существомъ, слѣдитъ за всѣми обстоятельствами его жизни, какъ государственнаго дѣятеля и человѣка, перечисляетъ его надежды, желанія и заботы, рисуетъ его неутомимымъ, недовольнымъ честолюбцемъ, обманывавшимся въ перипетіяхъ своей жизни, полной приключеній. Почти въ то же время вышло и сочиненіе Маколея о Макіавелѣ, но англійскій историкъ не видѣлъ ничего особеннаго ни въ жизни, ни въ ученіи итальянскаго политика: въ его время вся Италія такъ мыслила и поступала.

Въ 1825 году, Ранке былъ уже профессоромъ въ Берлинѣ и съ тѣхъ поръ жилъ такъ тихо и спокойно, что перемѣнилъ въ эти 60 лѣтъ только двѣ квартиры, но извѣстность его не измѣнялась и не уменьшалась, хотя въ это время являлись такіе писатели, какъ Шлоссеръ со своей исторіей XVIII столѣтія, Раумеръ съ исторіей Гогенштауфеновъ, Вилькенъ съ исторіей крестовыхъ походовъ. У французовъ писали Тьеръ и Мишле, Гизо и Тьерри. Но въ то время, когда французскіе и англійскіе историки были и политическими дѣятелями, нѣмецкіе историки были только учеными, профессорами и, какъ Ранке, заботились только о томъ, чтобы образовать школу своихъ послѣдователей. Юліанъ Шмидтъ, за день до своей смерти, окончившій свой этюдъ о Ранке (см. Deutsche Rundschau, № 8, откуда мы заимствуемъ главныя мысли автора), находитъ поэтому, что нѣмецкіе историки серьёзнѣе, объективнѣе, тогда какъ сочиненія англійскихъ и французскихъ историковъ кажутся блестящими парламентскими рѣчами, часто даже памфлетами. Односторонность такого мнѣнія не требуетъ опроверженія, но Шмидтъ правъ, говоря, что преобладающее значеніе Ранке обусловливается соединеніемъ въ немъ качествъ необходимыхъ для первокласнаго историка, вѣрнаго изслѣдователя и истолкователя темныхъ сторонъ событій, изъ которыхъ онъ какъ моралистъ и философъ выводитъ уроки современникамъ, излагая и групируя событія съ искусствомъ настоящаго художника. Въ особенности для правильнаго изученія источниковъ исторіи послѣдняго времени Ранке открылъ широкій путь своимъ ученикамъ. Главный трудъ почти всей жизни Ранке посвященъ исторіи развитія культуры съ XVI вѣка, въ ея главныхъ представителяхъ—романскихъ и германскихъ племенахъ. Здѣсь онъ является ревностнымъ приверженцемъ эпохи возрожденія и реформаціи. Едва ли не лучшею характеристикою этой эпохи является у него фигура Филиппа II,

обрисованная имъ съ особеннымъ искусствомъ и во многомъ противорѣчащая общепринятымъ изображеніямъ этого суроваго деспота. То же самое должно сказать и объ исторіи ордена іезуитовъ, подробно изложенной Ранке. У него даже герцогъ Альба интересуетъ читателя своими широкими планами и непоколебимою твердостью въ проведеніи ихъ. Ранке ни о комъ не отзывается съ ненавистью. Говоря о столкновеніи древнихъ эллиновъ съ варварами, онъ замѣчаетъ: «Геродотъ не питалъ ненависти къ варварамъ—иначе какъ бы могъ онъ такъ хорошо изображать ихъ». Эти же слова можно повторить и объ отношеніяхъ Ранке къ варварамъ XVI и XVII вѣка. «Исторія папъ»—едва ли не лучшее произведеніе Ранке по художественному изложенію, замѣчательно также полнотою историческихъ данныхъ. Въ этой книгѣ, какъ и вообще въ своихъ изслѣдованіяхъ XVII вѣка, Ранке первый сталъ пользоваться чрезвычайно важными источниками—донесеніями венеціанскихъ посланниковъ своему правительству. Историкъ не приверженецъ папства, и даже такія личности, какъ Григорій VII и Инокентій III, давшіе тонъ духовной жизни всей Европы, изображаетъ больше какъ безпристрастный художникъ. Въ портретахъ Сикста V, Лойолы, Караффы и др., у него проглядываетъ даже иронія, что̀ очень понятно: Ранке—протестантъ, конечно, не такой, какъ Лютеръ, у котораго вся кровь волновалась при одномъ имени Рима, но болѣе скептическій, чѣмъ Гёте, который, живя въ Римѣ, увѣрялъ, что на міръ можно смотрѣть только изъ этого вѣчнаго города. Но картина папскаго Рима набросана историкомъ мастерски, также какъ являющаяся въ заключеніи книги характеристика королевы Христины, отрекающейся въ Римѣ отъ протестантства. Ранке признавалъ за папствомъ только историческій интересъ.

Къ Берлинскому университету, къ философіи, къ современнымъ событіямъ Ранке относился также безучастно и объективно, какъ къ своимъ излюбленнымъ XVI и XVII столѣтіямъ. Онъ не раздѣлялъ ретроградныхъ и филистерскихъ взглядовъ товарищей-профессоровъ, но и не возставалъ противъ нихъ, не слѣдовалъ ученію Гегеля, признававшагося, что его понялъ на свѣтѣ только одинъ человѣкъ, да и тотъ не вполнѣ; но Ранке не былъ также раціоналистомъ и послѣдователемъ Канта, какъ Шлоссеръ. Послѣ революціи 1830 года, онъ началъ издавать «историко-политическій журналъ», просуществовавшій всего пять лѣтъ, потому что редакторъ не принималъ ничьей стороны, не держался никакой партіи, отзывался о вчерашнихъ вопросахъ, какъ о событіяхъ XVI вѣка. Говоря однажды о томъ, какъ Терамепъ, побѣдивъ Аѳины, началъ управлять умѣренно и кротко, Ранке прибавляетъ: «такіе люди несчастны, потому что только абсолютныя идеи владычествуютъ въ мірѣ». А между тѣмъ самъ историкъ никогда не дер-

жался рѣзкихъ, рѣшительныхъ мнѣній и не проповѣдовалъ ихъ. Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ его объективность принимаетъ видъ совершенной индиферентности. Это замѣтно даже въ его «Исторіи Пруссіи», трудѣ обязательномъ, послѣ того какъ Ранке былъ сдѣланъ прусскимъ исторіографомъ. Но и тутъ, если онъ отзывается только о хорошихъ сторонахъ короля-солдата Фридриха-Вильгельма I, то врядъ ли Фридрихъ-Вильгельмъ IV могъ остаться доволенъ сравненіемъ его въ революціи 1849 года со студентомъ, срѣзавшимся на экзаменѣ. Вѣнецъ всѣхъ трудовъ Ранке представляетъ его «Всемірная исторія», но въ ней только портреты героевъ его прежнихъ сочиненій являются, какъ писанные масляными красками, остальное только фресковая живопись, гдѣ блестятъ контуры, а колоритъ блѣденъ. Онъ началъ поздно издавать эту исторію, чтобы соединить въ одно цѣлое свои прежнія изслѣдованія. Ему было уже 90 лѣтъ, когда вышелъ первый томъ ея: «Древнѣйшія историческія группы народовъ и греки». Второй томъ—«Римская республика и ея всемірное владычество»; третій—«Древнеримская исторія». Въ предисловіи къ этимъ томамъ онъ говоритъ, что только исторія, основанная на критически изслѣдованныхъ источникахъ, можетъ быть названа настоящей исторіей: изъ ложныхъ положеній вытекаютъ ошибочныя заключенія. И онъ дѣлаетъ строгую оцѣнку всѣхъ источниковъ древней исторіи, не обращая вниманія на ихъ догматическое или документальное происхожденіе. Такъ онъ подробно изслѣдуетъ Іосифа Флавія и Діодора Сицилійскаго, Полибія и Амміана, Велейя Патеркула и Тацита. Три слѣдующіе тома «Всемірной исторіи» посвящены среднимъ вѣкамъ; особенно рельефно изображены: происхожденіе римско-германскихъ королевствъ, арабское владычество и эпоха Карла Великаго. Послѣдній томъ оканчивается паденіемъ каролинговъ и возвышеніемъ саксонскаго дома въ лицѣ Оттона-великаго. Мастерски очерчена роль ислама, выдающаго свое ученіе за непосредственное откровеніе свыше. Съ изумительною быстротою распространилось это ученіе въ IX вѣкѣ, но оно не отождествилось съ народами, которыхъ покорило, и въ этомъ заключается глубокое различіе его отъ христіанства. Также блистательно объяснены роль и значеніе норманновъ. Въ сѣверогерманскихъ сагахъ Ранке видитъ смѣсь древнихъ преданій съ философскими идеями александрійскаго еврейства. Вообще этотъ послѣдній, вышедшій при жизни Ранке, томъ всемірной исторіи полонъ богатыми выводами и любопытными изслѣдованіями. Не знаемъ, хотѣлъ ли авторъ набросать связную и послѣдовательную исторію остальныхъ шести столѣтій, приводящихъ насъ къ XVI вѣку, уже разработанному авторомъ, и такимъ образомъ будемъ ли мы имѣть полную всемірную исторію, изложенную съ объективной точки зрѣнія, усвоенной Леопольдомъ Ранке? Во всякомъ случаѣ и то, что онъ написалъ, достаточно для того, чтобы прославилось

имя человѣка, трудившагося и въ такiе годы, когда онъ съ чистою совѣстью могъ бы вполнѣ наслаждаться тѣмъ otium cum dignitate, который онъ вполнѣ заслужилъ послѣ такихъ капитальныхъ трудовъ. Кто прочелъ Ранке, тотъ чувствуетъ потребность изучить его. Это одно уже достаточно обрисовываетъ симпатичную личность нѣмецкаго историка и его значенiе въ всемiрной исторической литературѣ.

В. З.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Исторія города Рима въ средніе вѣка. Съ пятаго до шестнадцатаго (sic) вѣка. Фердинанда Грегоровіуса. Переводъ съ нѣмецкаго В. И. Савина. VI-й т. Спб. 1886.

Представьте себя, читатель, на мѣстѣ доктора, болѣе или менѣе опытнаго діагноста, который заѣхалъ, положимъ, въ помѣщичій домъ и видитъ тамъ молодаго человѣка, сына хозяина, юношу умнаго, живаго, дѣльнаго; въ немъ души не чаетъ отецъ, не пожалѣвшій стараній и средствъ, чтобы дать ему лучшее, какое только онъ могъ, образованіе, мечтаетъ заранѣе, какъ онъ скоро сдастъ наслѣднику всѣ дѣла; сосѣди ждутъ, не дождутся, когда минетъ двадцать пять лѣтъ молодому человѣку, чтобы выбрать его въ мировые судьи, губернскіе гласные и проч., самъ юноша, на видъ широкоплечій, сильный, бодро смотритъ на будущее и ждетъ отъ своей продолжительной жизни много радостей и много полезнаго, производительнаго труда. Но докторъ увидѣлъ зловѣщія красныя пятна на щекахъ его, замѣтилъ хрипѣніе въ груди, узналъ, что юноша спитъ неспокойно и просыпается въ холодномъ поту, что мать его, на которую онъ похожъ, какъ двѣ капли воды, умерла въ чахоткѣ... И ясна, какъ день, для него печальная истина, что скоро, скоро неумолимая смерть обманетъ всѣ надежды стараго отца и его добрыхъ пріятелей!

Въ положеніи такого доктора чувствуетъ себя рецензентъ книги, заглавіе которой мы выписали. Книга чрезвычайно почтенная по содержанію, можно смѣло сказать, послѣднее слово науки въ этой области; для русской исторической литературы это почти кладъ, найденный бѣднякомъ; перевод-

чикъ — онъ же, повидимому, и издатель — отнесся къ своему дѣлу чрезвычайно внимательно и старательно, читатель какъ будто слышитъ, какъ скрипитъ его много потрудившееся перо, воспроизводя длинные нѣмецкіе періоды автора, какъ шуршатъ страницы лексиконовъ — Рейфа и Павловскаго... Онъ не поскупился приложить полный каталогъ папъ отъ I ст. по наши дни — списокъ, впрочемъ, почти не имѣющій никакого отношенія къ книгѣ; онъ снабдилъ книгу двумя списками «замѣченныхъ опечатокъ»... А книга, всетаки, вышла больная, едва ли будетъ имѣть она продолженіе, и скоро, скоро снесутъ ее на книжное кладбище, къ букинистамъ. Utinam falsus vates essem!

Авторъ «Исторіи города Рима» Фердинандъ Грегоровіусъ родился въ 1821 году въ восточной Пруссіи; семнадцати лѣтъ поступилъ онъ въ Кенигсбергскій университетъ и слушалъ тамъ лекціи сперва по богословскому, потомъ по философскому факультету. Съ наибольшей охотой занимался онъ изученіемъ поэзіи и исторіи; по окончаніи курса онъ нѣсколько лѣтъ посвятилъ педагогической практикѣ. Писать онъ началъ очень рано; уже въ 1841 году, вышелъ его историческій романъ «Вердомаръ и Владиславъ», имѣвшій довольно значительный успѣхъ. Въ 1849 году, онъ издалъ книжку «Пѣсни поляковъ и мадьяровъ» и въ томъ же году очень интересный разборъ Вильгельма Мейстера. Въ 1851 году, онъ напечаталъ трагедію «Смерть Тиберія» и монографію «Императоръ Адріанъ и его вѣкъ». Въ слѣдующемъ году онъ въ первый разъ отправился въ Италію, которую потомъ изучилъ очень основательно и описанію которой посвятилъ рядъ интересныхъ монографій, соединенныхъ имъ впослѣдствіи въ одну пятитомную книгу: Wanderjahre in Jtalien. Поселившись на долгое время въ Римѣ, онъ напечаталъ изслѣдованіе о надгробныхъ памятникахъ римскихъ папъ, а съ 1859 года началъ издавать главный свой трудъ: «Исторію города Рима въ средніе вѣка» (Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter), послѣдній восьмой томъ которой вышелъ въ 1872 году; въ 1875 году, она начала выходить уже третьимъ изданіемъ. За эту книгу Римъ поднесъ ему дипломъ почетнаго гражданина, а покойный король Викторъ Эммануилъ опредѣлилъ значительную сумму на изданіе ея итальянскаго перевода. Изъ послѣднихъ произведеній Грегоровіуса наибольшею извѣстностью пользуется его монографія о Лукреціи Борджіа, представляющая попытку возстановить репутацію этой, непомѣрно оклеветанной, женщины.

Г. Савинъ въ краткомъ предисловіи, неособенно изящно написанномъ, заявляетъ, что онъ пять лѣтъ трудился надъ переводомъ книги Грегоровіуса, и что теперь, въ виду того, что каждый изъ шести (?) томовъ сочиненія Грегоровіуса представляетъ законченное цѣлое и «въ силу кульминаціонности интереса», представляемаго шестымъ томомъ, рѣшился начать изданіе русскаго перевода не съ перваго, а именно съ этого шестаго тома, «въ хронологическомъ порядкѣ являющагося V и послѣднимъ» выпускомъ.

Видали мы чудеса въ русской печати, а такого чуда, право, не запомнимъ: пять лѣтъ человѣкъ трудится надъ переводомъ нѣмецкаго сочиненія, трудится добросовѣстно, приступаетъ, наконецъ, къ его изданію, не жалѣя средствъ, и не удосужится справиться, остановилось ли сочиненіе на тѣхъ томахъ, которые попали ему въ руки, или продолжается далѣе! Мы глазамъ своимъ не вѣримъ и готовы думать, что г. Савинъ лукавитъ, что ему отлично извѣстны и VII, и VIII томы «Исторіи города Рима», но они ему не нравятся, и онъ хочетъ умышленно скрыть отъ русской публики фактъ ихъ

существованія, чтобы не уронить излюбленнаго имъ шестаго тома съ его «кульминаціоннымъ интересомъ». Но мы рѣшительно недоумѣваемъ, чѣмъ прогнѣвали переводчика VII и VIII томы Грегоровіуса, и почему въ нихъ находитъ онъ меньше кульминаціоннаго интереса, нежели въ шестомъ. Положимъ, шестой томъ заключаетъ въ себѣ и траги-комедію Колы Ріензи, и начало возрожденія, и Констанскій соборъ, но вѣдь VII томъ излагаетъ пятнадцатый вѣкъ, а развѣ тамъ мало великихъ событій и людей? а VIII томъ говоритъ о Цезарѣ Борджіа, о Львѣ X, о Римѣ временъ Рафаэля, начала реформаціи, чѣмъ же они хуже своего старшаго братца?

Кромѣ того, если г. Савинъ умышленно игнорируетъ эти томы, зачѣмъ онъ оставилъ въ заглавіи книги слова: «отъ пятаго до шестнадцатаго вѣка», когда онъ намѣренъ закончить монографію 1420 годомъ? C'est plus fort, que moi! Далѣе, мы никакъ не можемъ согласиться съ г. Савинымъ, что «каждый изъ шести (sic) томовъ сочиненія Грегоровіуса представляетъ законченное цѣлое»; это вовсе не картины изъ исторіи города Рима, а дѣйствительно исторія міроваго города впродолженіе 11 столѣтій, хотя Грегоровіусъ, какъ опытный литераторъ, и придаетъ нѣкоторый видъ законченности не только каждому отдѣльному тому, но по возможности даже каждой главѣ. Только очень начитанный человѣкъ можетъ прямо взяться за шестой томъ, а средней публикѣ, для которой издаются книги, не только будутъ не понятны выраженія въ родѣ поднести или принять сеньорію, но даже такія слова, какъ подеста, гонфалоньеры и проч., да и самые гвельфы и гибеллины въ томъ новомъ свѣтѣ, въ какомъ ихъ выставилъ Грегоровіусъ, нуждаются въ поясненіи изъ предыдущихъ томовъ его же книги.

Наконецъ, если бы даже отдѣльные томы книги Грегоровіуса и представляли «законченное цѣлое», въ родѣ того, напримѣръ, какъ Bilder aus der deutschen Vergangenheit Фрейтага,—что за странный пріемъ начинать изданіе сочиненія съ хвоста (допустимъ, что г. Савинъ искренно считаетъ шестой томъ послѣднимъ), какъ бы ни былъ этотъ хвостъ красивъ и изященъ? Чѣмъ «кульминаціоннѣе интересъ» этого послѣдняго тома, тѣмъ нелогичнѣе пускать его отдѣльно и раньше другихъ въ свѣтъ, если только издатель имѣетъ серьезное намѣреніе издать сочиненіе цѣликомъ.

Мы говоримъ, что г. Савинъ добросовѣстно трудился надъ своей работой, но добросовѣстный трудъ не всегда вознаграждается полнымъ успѣхомъ: переводъ г. Савина и въ общемъ не изъ блестящихъ, а мѣстами очень, очень тяжелъ; онъ то грѣшитъ ненужными варваризмами, то неумѣстно пускаетъ въ ходъ лѣтописные архаизмы. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, чтобы не быть голословными.

Стр. 20: «Изъ самаго Рима освѣдомили его (императора Генриха) о нагромоздившихся препятствіяхъ къ достиженію его цѣли» [1]).

Стр. 66: «Пробѣжимъ вкратцѣ ставшія каноническими максимы, выставляемыя римскою церковью, начиная съ Григорія VII въ эпоху Иннокентіевъ III и IV, для выведенія изъ оныхъ универсальности папской власти».

«Нераспутываемый лабиринтъ» (стр. 19), «первый дебютъ императора Генриха» (ibid.), «оружіе было побросано» (стр. 6), «ненавидящіе отзывы» (стр. 237), «вичказы», «рейтары», «страшимыя послѣдствія» (270) и т. п. выра-

---

[1]) Понѣмецки это гораздо легче: «Belehrten ihn über die Hindernisse, welche sich vor seinem Ziele aufgetürmt hatten.

женія весьма непріятно пестрятъ книгу. Относя къ неизбѣжнымъ недосмотрамъ переводъ нѣмецкаго: publiciren словомъ напечатать, которое не имѣетъ смысла въ XIV вѣкѣ (стр. 14, прим.), и нѣсколько подобныхъ этому случаевъ и желая покончить съ недостатками книги, мы замѣтимъ, что переводчику далеко не удалось изловить всѣ, даже важнѣйшія, опечатки и что онъ совершенно напрасно слово повелѣть систематически пишетъ черезъ два ѣ (см. стр. 17 и друг.).

О достоинствахъ книги въ короткой рецензіи, появляющейся по поводу перевода, распространяться неудобно; для незнакомыхъ съ оригиналомъ скажемъ, что изданный томъ, если и не представляетъ сравнительно съ другими «кульминаціоннаго интереса», заключаетъ въ себѣ рядъ блестящихъ талантливостью эпизодовъ и характеристикъ. Грегоровіусъ мало открываетъ новыхъ фактовъ, но факты, извѣстные до него, группируетъ и освѣщаетъ такимъ образомъ, что̀ это освѣщеніе равняется цѣлому ряду крупныхъ научныхъ открытій; благодаря усердію и таланту автора, запутаннѣйшая эпоха среднихъ вѣковъ, лишенная центральныхъ и характерныхъ событій, въ родѣ Карла Великаго, крестовыхъ походо̀въ, борьбы папъ съ императорами, обращается въ рядъ интереснѣйшихъ для соціолога драмъ. Всего драматичнѣй, конечно, положеніе главнаго героя всей книги Грегоровіуса, то есть міроваго города, который въ XIV столѣтіи при своихъ громадныхъ и въ значительной мѣрѣ справедливыхъ притязаніяхъ представлялъ такую мерзость запустѣнія, что его властители-папы чувствовали себя въ немъ будто на одичаломъ пожарищѣ. Намъ, при нашемъ понятіи о городскомъ благоустройствѣ, трудно даже представить себѣ, какъ это цѣлые десятки лѣтъ части города, окопанныя шанцами, вели между собою правильную войну (стр. 25 и passim). Въ высокой степени трагично положеніе Генриха VII, истиннаго героя по чистотѣ своихъ идей и замысловъ, который пришелъ въ Италію миротворцемъ и другомъ папы, а ходомъ событій сталъ главою партіи гибеллиновъ и соперникомъ Климента. Также интересенъ, не по личности главнаго актера, а по своимъ послѣдствіямъ, и походъ Людовика баварскаго, который волей-неволей обратился къ демократическому принципу и подготовилъ революцію Колы. Во всѣхъ отношеніяхъ любопытна личность и судьба самого Колы Ріензи, этого «заблудившагося въ политику поэта», какъ мѣтко называетъ его Грегоровіусъ (стр. 190); интересна и, прибавимъ, до Грегоровіуса была мало понятна курьезная смѣсь средневѣковаго элемента въ его мечтаніяхъ съ смутнымъ воспоминаніемъ о старинѣ и съ предчувствіемъ возрожденія. Чрезвычайно богата содержаніемъ послѣдняя, седьмая, глава 6-го тома, изображающая состояніе образованности и сцену дѣйствія разсказанныхъ событій—городъ Римъ; она показываетъ, что Грегоровіусъ не только великій историкъ, но и одинъ изъ первыхъ знатоковъ средневѣковой археологіи.

Горячо желали бы мы успѣха изданію г. Савина и, главное, продолженія его; но имѣемъ слишкомъ мало данныхъ, чтобы надѣяться на осуществленіе этого желанія.

А. К.

К. Случевскій. По сѣверу Россіи. Путешествіе ихъ императорскихъ высочествъ великаго князя Владиміра Александровича и великой княгини Маріи Павловны въ 1884 и 1885 гг. Томъ I и II, съ картою пути и 132 рисунками. Спб. 1886.

Сѣверъ Россіи еще ждетъ своихъ изслѣдователей. Наиболѣе вѣрнымъ средствомъ содѣйствовать появленію всестороннихъ ученыхъ изслѣдованій въ этой области надо признать, безъ сомнѣнія, оживленіе въ публикѣ интереса къ нимъ. Къ числу такихъ трудовъ принадлежитъ и двухмѣсячное описаніе путешествія по сѣверу Россіи ихъ высочествъ. По внѣшности это изданіе, въ которомъ текстъ написанъ г. Случевскимъ, имѣетъ весьма внушительный видъ. Съ такой роскошью у насъ выходитъ весьма немного книгъ. Иллюстраціи къ тексту воспроизведены въ Вѣнѣ Анггереромъ и Гёшлемъ. Уже одно имя этой европейской фирмы ручается за выдающіяся качества изданія въ графическомъ отношеніи.

Что касается художественности самыхъ рисунковъ, то она оставляетъ желать немалаго. За исключеніемъ нѣкоторыхъ иллюстрацій, обличающихъ изящный и искусный рисунокъ или снятыхъ прямо съ фотографій или литографій, большинство остальныхъ скомпанованы, очевидно, начинающими, малоопытными и малообѣщающими рисовальщиками.

Вообще художественная часть изданія попала видимо въ неумѣлыя руки. Ни отчетливой системы въ подборѣ иллюстрацій, ни характерности и типичности изображеній, ни вкуса не замѣтно ни въ чемъ. Одни изъ рисунковъ чисто виньеточные, другіе явно скопированы, третьи сочинены примѣнительно къ тексту. Такая разнокалиберность невыгодно пестритъ на опытный глазъ и напоминаетъ наши дешевенькія и недолговѣчныя иллюстраціи, въ родѣ покойной «Ласточки». Намъ кажется, что въ подобныхъ изданіяхъ, предназначенныхъ, между прочимъ, служить воспоминаніемъ о видѣнномъ и случившемся во время пути, гораздо цѣлесообразнѣе воспроизводить иллюстраціи прямо съ фотографій, которыя снимались бы съ натуры. А то и выходитъ, что, за неимѣніемъ фотографій, приходится довольствоваться старыми изображеніями какой нибудь мѣстности, которая въ настоящее время приняла совсѣмъ другой видъ. Именно такія иллюстраціи ради самихъ иллюстрацій, а не въ интересахъ точности изображеній, попадаются и при книгѣ «По сѣверу Россіи».

Къ счастью, превосходное воспроизведеніе скрашиваетъ и эту безотчетную неумѣлость художественной редакціи, и плохую подготовку къ дѣлу самихъ рисовальщиковъ. Къ тому же, десятки этихъ иллюстрацій можно признать вполнѣ соотвѣтствующими своему назначенію и вполнѣ удовлетворительными. И за то надо сказать спасибо, потому что мы не избалованы безупречными и образцовыми рисунками. При этомъ за промахи художественные читатель вознагражденъ текстомъ.

Ихъ высочествами совершены два путешествія. Ими были посѣщены три губерніи: Петербургская, Новгородская и Олонецкая. Г. Случевскій явился вполнѣ подготовленнымъ къ своей задачѣ, такъ какъ сознавалъ всю ея трудность. Дѣло было новое и, можно сказать, совсѣмъ непочатое. «Че-

ловѣку, проѣзжающему этими мѣстами, на первый взглядъ легко можетъ показаться, что ничего тутъ особеннаго не было, ничего замѣчательнаго не совершилось». «А между тѣмъ, если коснуться исторіи,—замѣчаетъ г. Случевскій,—впечатлѣніе измѣнится: край населится удивительными картинами дебри оживутъ и воспоминанія о самыхъ отдаленныхъ историческихъ событіяхъ невольно возстанутъ въ памяти путешественника». Стало быть, г. Случевскій поставилъ себѣ задачей не только описаніе случившагося во время путешествія, но и ознакомленіе читателей съ достопримѣчательностями посѣщенныхъ мѣстностей и физіономіей ихъ бытовой и этнографической.

При описаніи встрѣчъ и проводовъ ихъ высочествъ г. Случевскій передаетъ очень живо тѣ чувства, какія воодушевляли мѣстное населеніе, собиравшееся на пути на поклонъ «цареву брату». Крики, цвѣты, гирлянды выраженія восторга играли видную роль въ этихъ встрѣчахъ, помимо оффиціальныхъ представленій. Въ данномъ случаѣ художнику авторъ далъ достаточно яркій матеріалъ для хорошаго рисунка. Сошлемся хотя бы на проводы великаго князя по Бѣлозерскому каналу. «Такой безконечной вереницы народа не согнать никакими административными распоряженіями».—замѣчаетъ г. Случевскій. Все это хотѣло видѣть «князя», «царева брата». Многіе изъ бѣжавшихъ проявили выносливость и быстроту удивительную достойную стадіумовъ древней Греціи. «Упорнѣе всѣхъ были женщины, начинали они въ сапогахъ или башмачкахъ, съ платочками на головахъ и шеѣ, затѣмъ какъ обувь, такъ и платки навьючивались болѣе удобно за плечи, а бѣгуны и бѣгуньи, босые, дышали полною грудью, сопровождая пароходъ... Были сцены очень характерныя. Одна старуха, вся въ черномъ, бѣжала отъ перваго шлюза версты три, держа въ рукѣ какую-то поноску; она хотѣла передать ее на пароходъ, что́ и было исполнено, когда замѣтили; въ бумажкѣ оказалось глиняное блюдце со стеклянымъ стаканчикомъ: это былъ даръ старухи великому князю. Въ другомъ мѣстѣ замѣченъ былъ неподвижно стоявшій у берега старикъ: передъ нимъ помѣстились двое внучатъ; едва подошелъ пароходъ и онъ завидѣлъ великаго князя, какъ поставилъ мальчиковъ на колѣни, а самъ часто и усиленно крестился».

Подобныхъ сценъ немало въ книгѣ г. Случевскаго. Но взгляните на иллюстраціи къ нимъ. Какими жалкими представляются онѣ въ сравненіи съ живостью описанія! Выходитъ значитъ, что не рисунки иллюстрируютъ текстъ, а, напротивъ, вопреки принятому обыкновенію, текстомъ поясняются загадочныя упражненія неумѣлаго карандаша.

Помимо этого рода путевыхъ впечатлѣній, г. Случевскій знакомитъ съ памятниками архитектурными, съ остатками древнихъ обычаевъ въ мѣстномъ населеніи, приводитъ историческія свѣдѣнія о прослѣдованныхъ великимъ княземъ мѣстностяхъ, легенды и народныя повѣрья. Въ такомъ видѣ въ послѣдовательномъ порядкѣ описаны: Грузино, Боровичи, Устюжна, Череповецъ, Кирилловъ, Бѣлозерскъ, Вытегра, Петрозаводскъ, поѣздка на Кивачъ, охота на Климецкомъ островѣ, Лодейное поле, Новая Ладога и Шлиссельбургъ.

Все это описано при первомъ путешествіи. Второе путешествіе совершенно въ 1885 году. Въ обоихъ главная цѣль и интересъ поѣздки сосредоточивались исключительно на осмотрѣ войскъ и военныхъ учрежденій. Вотъ маршрутъ по городамъ: Островъ, Новоржевъ, Холмъ, Демянскъ, Валдай, Вышній-Волочекъ, Бѣжецкъ, Рыбинскъ, Романовъ-Борисоглѣбскъ, Яро-

славль, Ростовъ Великій, Вологда, Тотьма, Великій Устюгъ, Сольвычегодскъ, Холмогоры, Архангельскъ, Соловки, Кемь, Кола, Онега, Мезень, Сумскій Посадъ, Повѣнецъ, Пудожъ, Нижній Новгородъ, Владиміръ на Клязьмѣ.

Вторая часть путешествія еще интереснѣе первой. Тутъ и достопримѣчательностей больше, и народная жизнь кипучѣе и пестрѣе. Подъ дѣйствіемъ этой жизни и описанія г. Случевскаго отрѣшились отъ доли книжности, какая мѣстами проявляется въ первомъ томѣ «По сѣверу Россіи», и стали живой передачей впечатлѣній отъ видѣннаго, которыя способны внушить читателю любовь къ своей родинѣ и желаніе ближе узнать ту часть ея, гдѣ побывали августѣйшіе путешественники.

Ѳ. В.

Родовыя прозванія и титулы въ Россіи и сліяніе иноземцевъ съ русскими. Е. П. Карновича. Спб. 1886.

Читатели «Историческаго Вѣстника» знакомы отчасти съ этимъ посмертнымъ трудомъ даровитаго и трудолюбиваго писателя, такъ какъ большая половина его книги появилась въ этомъ журналѣ. Изслѣдованія Карновича подтверждаютъ тотъ фактъ, что по истеченіи тысячелѣтней жизни Россіи, между ея государственными дѣятелями, за исключеніемъ немногихъ потомковъ Рюриковичей и Гедиминовичей, почти вовсе не осталось отраслей ея первобытныхъ дружинниковъ, князей и бояръ. Настоящей аристократіи, въ смыслѣ французской и англійской, ведущей свое начало отъ крестовыхъ походовъ или завоеванія норманновъ, у насъ нѣтъ, да и тѣ старинные роды, которые насчитываютъ себѣ три-четыре столѣтія, не только не русскаго или даже славянскаго происхожденія, а все выходцы изъ «пруссъ», съ Литвы, или обрусѣлые татары. Даже несомнѣнно русскіе, старинные роды, еще при первыхъ царяхъ, домогались всѣми силами, чтобы ихъ производили отъ нѣмцевъ, какъ при Николаѣ I опытные дѣльцы просили произвести ихъ въ нѣмцы. Павелъ I былъ совершенно правъ, говоря, что въ Россіи аристократъ только тотъ, съ кѣмъ говоритъ императоръ, и до тѣхъ поръ, пока говоритъ съ нимъ. Поэтому, въ странѣ, гдѣ до второй половины XVIII столѣтія одинаково драли кнутомъ вельможу и холопа и вырывали имъ ноздри, странно встрѣчать у нѣкоторыхъ лицъ претензіи на титулы и наслѣдственную родовитость. Карновичъ затрудняется даже рѣшить, кого слѣдуетъ считать русскимъ человѣкомъ? Фамильныя прозванія по владѣніямъ вовсе не употреблялись на Руси. Во всей «Бархатной книгѣ», то есть въ числѣ старѣйшихъ дворянскихъ фамилій нѣтъ ни одной, которая происходила бы отъ названія вотчины или помѣстья. Древнее обозначеніе родовъ формою вичъ (Карновичъ почему-то вездѣ пишетъ ичъ) исчезло съ Москвѣ, уничтожившей этотъ общій славянорусскій обычай. Даже имена она превратила изъ уменьшительныхъ въ уничижительныя. Ошибочно считать фамильныя окончанія на овъ, евъ, инъ, исключительною принадлежностію русской народности; это большинство татарскихъ, весьма многихъ еврейскихъ и почти всѣхъ цыганскихъ родовъ. Точно также окончанія скій, цкій, ичъ, принадлежатъ не однимъ польскимъ, но и кореннымъ рус-

скимъ фамиліямъ, только въ старое время писалось: Одоевской, Волконской, Оболенской, и эту форму ой Карновичъ совершенно основательно предлагаетъ сохранить для русскихъ людей и въ наше время. А между тѣмъ у насъ такого чисто-русскаго человѣка, какъ покойный драматургъ, называютъ Островскій, тогда какъ обрусили чисто польскую фамилію Достоевскій.

Въ статьѣ «Сліяніе иноземцевъ съ русскими», которою оканчивается книга Карновича, онъ доказываетъ чужестранное происхожденіе нашихъ отечественныхъ знаменитостей, хотя и съ чисто-русскими фамильными прозваніями. Таковы пруссаки—Шереметевы, Салтыковы, Морозовы; Толстые—нѣмцы, Апраксины—татары, Головины—греки; Потемкинъ, Суворовъ, Голенищевъ-Кутузовъ, Пожарскій, Воронцовъ, Ермоловъ, Карамзинъ, Державинъ, Грибоѣдовъ, Жуковскій, Пушкинъ, Лермонтовъ и много другихъ извѣстныхъ лицъ всѣ—нерусскаго происхожденія. Карновичъ приводитъ много подобныхъ примѣровъ въ своей книгѣ, полной интереса, но имѣющей одинъ крупный недостатокъ, присущій и всѣмъ другимъ произведеніямъ неутомимаго изслѣдователя: нигдѣ и никогда онъ не указываетъ на источники сообщаемыхъ имъ свѣдѣній и обязываетъ читателя вѣрить ему на слово, что̀ совершенно непригодно въ серьезныхъ историческихъ трудахъ и изысканіяхъ.

В. З.

Исторія Новой Сѣчи, или послѣдняго Коша Запорожскаго. А. Скальковскаго. Изданіе третье. Часть I. Одесса. 1885.

Первое изданіе этой книги вышло въ началѣ 1842 года, но она не утратила своего извѣстнаго значенія и нынѣ, вслѣдствіе тѣхъ источниковъ, которые послужили для нея матеріаломъ. Разбирая, по высочайшему повелѣнію, въ 1839 году архивы присутственныхъ мѣстъ въ новороссійскихъ губерніяхъ и Бессарабской области, г. Скальковскій отыскалъ въ одномъ изъ нихъ дѣла запорожскаго войска съ 1730 по 1775 годъ и копіи немногихъ весьма важныхъ документовъ, простирающихся до 1660 годовъ, т. е. до отпаденія Украины отъ Польши и возсоединенія съ Россіею. Эти отысканные г. Скальковскимъ запорожскіе документы выяснили дипломатическую, церковную, военную, судебную, торговую, административную и даже частную переписку запорожцевъ. Всѣ эти матеріалы дали г. Скальковскому возможность впервые изложить исторію и устройство запорожскаго войска не на основаніи далеко неточныхъ сказаній иностранцевъ, а на основаніи подлинныхъ документовъ, извлеченныхъ изъ архивовъ. Сверхъ того, г. Скальковскій воспользовался изустными преданіями послѣдняго запорожца, Никиты Коржа, скончавшагося въ 1835 году на 104 году отъ рожденія.

Продолжая пополнять свой трудъ новыми данными, которыя добывались при послѣдующихъ розысканіяхъ въ разныхъ архивахъ, напримѣръ, въ фамильныхъ архивахъ (Подольской и Кіевской губерній) лицъ, игравшихъ важную роль въ исторіи приднѣпровскаго казачества, г. Скальковскій напечаталъ въ 1846 г. второе изданіе «Исторіи Новой Сѣчи», а нынѣ нашелъ возможнымъ выпустить въ свѣтъ и третье ея изданіе. Въ составъ послѣдняго войдутъ также статьи г. Скальковскаго, появившіяся въ «Кіевской Старинѣ»

1884—1885 годовъ и составленныя имъ на основаніи новыхъ, имъ пріобрѣтенныхъ, документовъ. Эти новые матеріалы пополнили пробѣлы въ прежнихъ изданіяхъ его труда. Статьи эти слѣдующія: «Филиппъ Орликъ и Запорожцы», «Гайдамаки», «Еврейскій плѣнъ въ Кошѣ», «Дунайцы», «Секреты Коша Запорожскаго».

Настоящее изданіе «Исторіи Новой Сѣчи» будетъ состоять изъ трехъ частей (вышла еще только первая). Въ первой разсказано происхожденіе и устройство Запорожскаго военнаго ордена, во второй—исторія Новой Сѣчи или четвертаго и послѣдняго Коща Запорожскаго съ 1734 по 1769 годъ, а въ третьей—исторія Новой Сѣчи съ 1769 г. до упраздненія ея и запорожскаго войска въ 1775 году и судьбы Запорожья и его владѣній послѣ этого важнаго историческаго событія.

Въ третьемъ изданіи своего труда г. Скальковскій, по его словамъ, воспользовался указаніями Костомарова, Антоновича и друг. и исправилъ замѣченныя ими недомолвки и ошибки, вызванныя отчасти новыми изслѣдованіями архивовъ южной и юго-западной Россіи. Такое признаніе со стороны почтеннаго маститаго труженика на поприщѣ исторіи и статистики нашего юга еще болѣе увеличиваетъ значеніе его добросовѣстнаго изслѣдованія исторіи и быта «славнаго войска Запорожскаго».

У.

Е. А. Бѣловъ. Объ историческомъ значеніи русскаго боярства до конца XVII в. Спб. 1886.

Въ послѣдніе годы древне-русское боярство и боярская дума часто привлекаютъ вниманіе изслѣдователей. За обширнымъ этюдомъ о боярской думѣ Н. П. Загоскина (въ его «Исторіи права») послѣдовалъ капитальный трудъ В. О. Ключевскаго «Боярская Дума древней Руси», дающій не только исторію учрежденія, но исторію и того общественнаго класса, который много вѣковъ работалъ въ этомъ учрежденіи. Теперь исторія боярскаго класса снова пересматривается въ книгѣ Е. А. Бѣлова. Г. Ключевскій знакомитъ насъ съ составомъ боярства и думы, съ дѣятельностью думы, какъ правительственнаго органа, и съ дѣятельностью боярства, какъ высшаго общественнаго слоя древней Руси; изъ его книги читатель выноситъ опредѣленное представленіе объ административномъ значеніи боярства, о его политической роли и стремленіяхъ въ разныя эпохи нашей исторіи. Г. Бѣловъ ставитъ свою задачу нѣсколько иначе: онъ слѣдитъ только за политической дѣятельностью боярства; путемъ обзора тѣхъ историческихъ событій, въ которыхъ проявлялась дѣятельность боярства, онъ старается доказать два положенія: во-первыхъ, по его мнѣнію, боярство (въ глубокой же древности дружина) имѣло на столько важное соціальное и политическое значеніе, что всему строю Кіевской и Московской Руси сообщало аристократическій характеръ, а, во-вторыхъ, узкая сословная политика этого могучаго класса, чуждая пониманія государственной пользы, создавала много печальныхъ историческихъ затрудненій и привела самое боярство къ погибели въ XVII в. Оба эти положенія нашего автора не представляются, однако, новинкой. Самъ Е. А. Бѣловъ видитъ въ г. Ключевскомъ какъ бы своего предшественника, и дѣйствительно у этого

послѣдняго изслѣдователя можно найдти ясно выраженную мысль объ аристократичности древне-русскаго общества и о высокомъ политическомъ значеніи боярства. Да и прочіе историки не отрицаютъ такого значенія боярскаго класса: за боярствомъ всѣ одинаково признаютъ огромное политическое вліяніе и лишь нѣкоторые при этомъ указываютъ на отсутствіе у боярства матеріальныхъ силъ для охраны своего вліянія отъ успѣховъ московскаго самодержавія. Но эта оговорка лишь поясняетъ намъ паденіе боярства и не разубѣждаетъ въ томъ, что боярскій классъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей древне-русской жизни. И второе положеніе автора объ эгоистическомъ характерѣ боярской политики и ея вредныхъ историческихъ послѣдствіяхъ не требуетъ новыхъ оправданій, потому что наша научная литература чужда вообще идеализаціи древняго боярства и его сословныхъ стремленій.

Но, тѣмъ не менѣе, и не представляя новыхъ выводовъ, книга Е. А. Бѣлова могла бы быть нелишней, какъ новый пересмотръ прежде поставленныхъ или слегка намѣченныхъ вопросовъ, если бы она была научнымъ изслѣдованіемъ. Но этого нельзя сказать о трудѣ г. Бѣлова. Прежде всего, авторъ далеко не исчерпалъ всего матеріала объ интересующемъ его предметѣ. Даже бѣглое знакомство съ его книгой убѣждаетъ читателя въ томъ, что авторъ не всегда имѣлъ въ рукахъ первый источникъ: такъ, позднѣйшими московскими лѣтописями и сказаніями онъ пользуется лишь по выпискамъ у Соловьева, Карамзина и т. д. (стр. 68, 83, 156). Иногда авторъ совершенно незаслуженно игнорируетъ литературу того вопроса, которымъ онъ занятъ: достаточно въ этомъ отношеніи указать на вопросъ о закрѣпленіи крестьянъ въ XVI в.: авторъ стоитъ весьма твердо на общемъ закрѣпленіи крестьянъ однимъ актомъ времени Бориса Годунова (стр. 138—139), а между тѣмъ въ настоящее время вопросъ о времени и ходѣ крестьянскаго закрѣпленія, даже о самомъ существѣ закрѣпленія, поставленъ совершенно иначе и является вопросомъ еще далеко не распутаннымъ, а преданію объ общемъ прикрѣпленіи въ 1592 или 1597 году, очевидно, суждено отойдти въ область миѳа.

Но и помимо неполноты матеріала самое построеніе труда поражаетъ нѣкоторыми особенностями: посвятивъ первыя страницы своего труда «дружинному элементу до начала Москвы», авторъ останавливается подробно на объясненіи общественныхъ отношеній Руси Кіевской и Новгородской и далѣе отводитъ много мѣста разбору отношеній между старыми и новыми городами Суздальской Руси въ XII в. Но особенности сѣверно-русскаго общества въ XIII и XIV вв., такъ называемое время удѣловъ, совершенно не замѣчены авторомъ. Правда, онъ отмѣчаетъ замѣну родовыхъ княжескихъ отношеній территоріальными и появленіе въ XIII в. удѣловъ въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это слово С. М. Соловьевъ. Но онъ не останавливается на тѣхъ новыхъ гражданскихъ отношеніяхъ, которыя развивались въ политической формѣ тогдашняго быта—въ удѣлѣ. А между тѣмъ Московское государство, которому посвящена бо́льшая часть труда г. Бѣлова, органически развилось изъ простѣйшихъ удѣльныхъ формъ. Его политическія особенности, особенности всего общественнаго строя Москвы, можно объяснить только, какъ наслѣдство удѣльной поры, какъ развитіе удѣльныхъ преданій. Тѣ новыя начала единодержавія и государственности, которыя московская политика вносила въ древне-русскую жизнь, переходя въ дѣйствительность, облекались часто въ формы, данныя удѣльнымъ прошлымъ, и потому въ исторіи возвы-

шенія Москвы изслѣдователь не видитъ крутыхъ переломовъ и переворотовъ, а находитъ на первый взглядъ несокрушимую крѣпость традиціи. И московское боярство, какъ оно сформировалось къ XVI вѣку, вышло изъ удѣльной же эпохи, жило стародавними обычаями, стояло за сохраненіе тѣхъ отношеній къ государственной власти, какія образовались въ удѣлахъ. Вотъ почему въ исторіи московскаго боярства изслѣдованіе объ удѣльномъ боярствѣ должно составлять существенную часть, и этой-то части не достаетъ въ трудѣ г. Бѣлова.

Самое изложеніе нашего автора страдаетъ отсутствіемъ системы. Въ главной части его труда—въ исторіи отношеній Грознаго къ боярамъ—изложеніе превращается въ рядъ хронологически-расположенныхъ замѣтокъ о времени Грознаго, иногда чрезвычайно остроумныхъ (напр., о значеніи синодика Ивана Грознаго, о митр. Филиппѣ Колычевѣ и др.), иногда же мало обоснованныхъ. Чѣмъ можетъ, напр., авторъ доказать свое утвержденіе, что со стороны Грознаго «уваженіе къ памяти Бѣльскаго было главною причиной приближенія Сильвестра» (стр. 78)? Какія основанія имѣетъ авторъ утверждать, что дружину опричниковъ слѣдуетъ отдѣлять отъ опричнины «имущественной» и что опричнина въ основаніяхъ своихъ имѣла соображенія только «имущественныя», а не была средствомъ политической борьбы (стр. 108)? Впрочемъ, всѣхъ историческихъ воззрѣній автора не пересказать; относительно многихъ изъ нихъ можно представить вѣскія возраженія, но за нѣкоторыя соображенія автора нельзя не поблагодарить. Если по общему содержанію книгу г. Бѣлова и трудно назвать удачнымъ шагомъ впередъ въ изслѣдованіи исторіи боярства, то нельзя не признать, что будущій изслѣдователь времени Грознаго, безъ сомнѣнія, воспользуется многими мыслями г. Бѣлова, такъ какъ въ главѣ о Грозномъ г. Бѣловъ является порой замѣчательно-тонкимъ наблюдателемъ.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что впечатлѣнію отъ книги г. Бѣлова много вредятъ его систематическія нападки на изложеніе «Исторіи Гос. Россійскаго» Карамзина. Авторитетъ Карамзина утвержденъ на столько прочно, что эти нападки ему не повредятъ. По языку своихъ произведеній онъ сынъ своего времени; осуждая его литературные пріемы, осуждаемъ пріемы его эпохи, а однихъ ли осужденій заслуживаетъ эта литературная эпоха?

Р. И.

Записки о моей жизни. Н. И. Греча. Спб. 1886.

Со смерти Греча прошло почти двадцать лѣтъ, а значеніе его въ русской литературѣ и русской журналистикѣ еще не разобрано и не оцѣнено, какъ, впрочемъ, значеніе и многихъ лицъ, болѣе его заслуживающихъ вниманія и уваженія. Напрасно стали бы искать и въ его запискахъ характеристики его литературной личности: въ нихъ онъ вовсе не является писателемъ и почти ничего не говоритъ о своихъ произведеніяхъ, о своихъ же собратіяхъ отзывается преимущественно въ ироническомъ, если не прямо въ ругательномъ тонѣ. О Пушкинѣ онъ разсказываетъ нѣсколько анекдотовъ, относящихся къ его эпиграмамъ, ссорѣ съ Булгаринымъ и пр., но ни слова

о его значеніи въ литературѣ, да и вообще на литературу обращаетъ очень мало вниманія. Вездѣ виденъ человѣкъ умный, ловкій, наблюдательный, находчивый, но далеко не правдивый, не безпристрастный, не снисходительный, а напротивъ желчный, самолюбивый, мстительный. Рѣдко о комъ нибудь отзывается онъ съ похвалою и уваженіемъ, кромѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ многочисленныхъ родственниковъ; даже своихъ покровителей и друзей онъ старается выставить если не въ предосудительномъ, то въ смѣшномъ видѣ. Бойкихъ, злыхъ, остроумныхъ страницъ въ книгѣ — множество, и вообще она читается съ большимъ интересомъ, не смотря на отсутствіе въ ней всякой системы, на безпорядочность изложенія, безконечные эпизоды, совершенно лишнія подробности о разныхъ близкихъ и родственныхъ лицахъ, ничѣмъ незамѣчательныхъ. Въ запискахъ столько любопытныхъ подробностей, новыхъ анекдотовъ, замѣчательныхъ случаевъ, относящихся къ царствованіямъ Павла и Александра I, что какъ ни трудно одолѣть книгу почти въ 600 страницъ, отъ нея отрываешься съ сожалѣніемъ. Историческая часть ея оканчивается исторіею 14-го декабря, изложенною далеко не вѣрно, но, тѣмъ не менѣе, полною интересныхъ подробностей. Декабристы представлены у Греча не только заблуждающимися, но и совершенно ничтожными лицами. Послѣдняя, 12-ая, глава записокъ посвящена отношеніямъ автора къ Булгарину и Воейкову; обоихъ онъ выставляетъ невозможными негодяями. Но какова же нравственная чистоплотность человѣка, бывшаго столько лѣтъ не только сотрудникомъ, но и сообщникомъ Булгарина, котораго онъ прямо обвиняетъ во взяткахъ и шпіонствѣ, кромѣ множества грязныхъ дѣлъ! Въ запискахъ немало пропусковъ противъ подлинной рукописи, обозначенныхъ точками, но это, пожалуй, къ лучшему: видно, всетаки, гдѣ именно сдѣланы пропуски и поэтому остается надежда пополнить ихъ въ болѣе счастливыя времена...

В. З.

Ród Gedimina, dodatki i poprawki do dziel Hr. K. Stadnickiego. Przez Józefa Wolffa. 1886.

Исторія Литвы все болѣе и болѣе занимаетъ ученыхъ изслѣдователей. Помимо множества матеріаловъ и актовъ, изданныхъ археографическими коммиссіями въ Петербургѣ, Вильнѣ и Кіевѣ касательно исторіи западной и юго-западной Россіи, у насъ имѣются и солидные труды г.г. Антоновича, Дашкевича, Кояловича, Смирнова, Молчановскаго, Барбашева и другихъ. Г. Иловайскій озаглавилъ второй томъ своей русской исторіи «Московско-Литовскимъ періодомъ». На польскомъ языкѣ также имѣется немало трудовъ о Литвѣ, но далеко не всѣ они отличаются достовѣрностью и безпристрастіемъ. Изъ нихъ выдѣляются только изысканія графа К. Стадницкаго («Сыновья Гедимина», «Ольгердъ и Кейстутъ» и «Братья Ягеллы»). Изысканія эти основаны преимущественно на лѣтописяхъ русскихъ и прусскихъ, а равно и на современныхъ документахъ. Недавно изданъ и томъ прибавленій и поправокъ къ изысканіямъ графа Стадницкаго, подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ.

Авторъ труда «Ród Gedimina» пользовался не только тѣми же источниками, что и Стадницкій, но и документами литовской метрики, имѣющейся

въ 3-мъ департаментѣ нашего сената. Кромѣ того, здѣсь приняты во вниманіе и мнѣнія русскихъ историковъ.

Прежде всего авторъ оспариваетъ извѣстное преданіе, будто князья Литовскіе происходятъ отъ князей Полоцкихъ-Рюриковичей. Г. Вольфъ утверждаетъ, согласно съ г.г. Иловайскимъ и Антоновичемъ, что князья эти чисто литовскаго происхожденія. Странно, однакожъ, почему никто изъ нашихъ историковъ не подвергнулъ этого мнѣнія обстоятельному разбору. Вѣдь дыма безъ огня не бываетъ. Въ каждомъ преданіи заключается извѣстная доля истины, и даже польскій писатель А. Киркоръ («Литовское и Бѣлорусское Полѣсье») считаетъ Гедимина потомкомъ князей Полоцкихъ и Рюриковичей.

Затѣмъ авторъ касается происхожденія Гедимина. Въ лѣтописяхъ онъ показанъ то сыномъ, то конюшимъ своего предшественника Витена. Въ данномъ случаѣ подтверждается мнѣніе г. Никитскаго («Кто былъ Гедиминъ?», «Русская Старина», 1871 г.) о томъ, что Гедиминъ былъ братомъ Витена.

Любопытенъ еще вопросъ, затронутый въ книгѣ «Ród Gedimina». Какую вѣру исповѣдовалъ Ягайло до своего крещенія въ Краковѣ? И русскіе, и польскіе историки, слѣдуя Длугошу, полагали до сихъ поръ, что Ягайло былъ воспитанъ матерью, тверскою княжною, въ православіи. Авторъ разсматриваемой книги иного мнѣнія. Онъ приводитъ, между прочимъ, такой разсказъ. Ольгердъ, еще при жизни отца своего Гедимина, крестился, женившись въ первый разъ на русской княжнѣ, которая принесла ему въ приданное Витебскъ. Въ то время Гедиминъ не былъ противникомъ христіанства. Онъ не только разрѣшилъ креститься сыновьямъ своимъ Наримонту, Ольгерду, Коріату и Любарту, но и самъ намѣревался принять христіанство, какъ то доказывается перепиской его съ папою. Впослѣдствіи, однако, подъ вліяніемъ набѣговъ крестоносцевъ, это расположеніе къ христіанству исчезло въ немъ. Онъ сталъ въ оппозицію къ этой религіи. И преемникъ Гедимина крестился лишь послѣ низверженія своего съ престола. Ольгердъ, не будучи старшимъ и любимцемъ отца, даже не мечталъ о верховной власти. Онъ проживалъ спокойно въ Витебскѣ и сыновей воспитывалъ въ православіи. По крайней мѣрѣ, языческихъ именъ ихъ мы не знаемъ. Въ лѣтописяхъ извѣстны только христіанскія имена: Андрей, Дмитрій, Константинъ, Владиміръ и Өедоръ. Сдѣлавшись великимъ княземъ Литвы, Ольгердъ долженъ былъ измѣнить свой образъ жизни. Политика требовала, чтобы глава государства не покровительствовалъ христіанамъ и не исповѣдовалъ ихъ вѣры. Не чуждъ былъ возроставшему вліянію язычества и Кейстутъ, женатый на кровной литвинкѣ и ревностный защитникъ вѣры и обычаевъ своихъ предковъ. Потому-то сыновья Ольгерда отъ второй жены его (княжны тверской) не были крещены при рожденіи. Они извѣстны подъ языческими именами: Ягайло, Свиргайло, Корибутъ, Лингвени, Коригайло, Ригунтъ и Швитригайло.

Г. Вольфъ доказываетъ, что Свиргайло, котораго обыкновенно считаютъ правителемъ Литвы, предшественникомъ Витовта, не былъ такимъ. До 1392 года верховная власть на Литвѣ принадлежала исключительно Ягайлѣ. а затѣмъ перешла къ Витовту. То же самое подтверждается и въ диссертаціи г. Барбашева «Витовтъ и его политика до Грюнвальдской битвы».

Помимо разъясненія этихъ вопросовъ, въ книгѣ «Ród Gedimina» собрано немало любопытныхъ историческихъ свѣдѣній, касающихся исторіи горо-

довъ въ западномъ краѣ, судьбы московскихъ князей, искавшихъ въ Литвѣ убѣжища. Исторія этихъ городовъ иногда весьма интересна, ибо въ нихъ проживали удѣльные княжескіе роды. Такъ, въ Пинскѣ въ XIV и XV вѣкахъ царствовали потомки Наримонта Гедиминовича, а въ Кобрынѣ — потомки Ѳедора Ольгердовича. Этотъ Ѳедоръ до сихъ поръ не былъ извѣстенъ польскимъ историкамъ. Послѣдніе, вмѣсто него, сыномъ Ольгерда называютъ какого-то Минигайло. А между тѣмъ, по разысканіямъ г. Вольфа, этотъ Ѳедоръ былъ дѣйствительно сыномъ Ольгерда отъ первой жены и родоначальникомъ князей Кробринскихъ и Сангушковъ.

Не лишены интереса и судьбы московскихъ князей, убѣгавшихъ въ Литву. Къ числу ихъ принадлежали: князь Иванъ Васильевичъ, сынъ Василія Ярославича, удѣльнаго князя боровскаго и серпуховскаго, который, по приказанію великаго князя московскаго Ивана Васильевича, былъ сосланъ въ 1456 году въ заточеніе, гдѣ и умеръ. Сыну его Ивану удалось бѣжать на Литву, гдѣ король Казиміръ далъ ему въ вотчину Рогачевъ и Городокъ. На Литвѣ именовался онъ «князь Иванъ Васильевичъ Ярославичъ» или «Иванъ Ярославичъ» и женился здѣсь на княжнѣ Евдокіи Ѳедоровнѣ Воротинской, по матери, внукѣ литовскаго князя Корибута Ольгердовича. Онъ умеръ около 1508 года, оставивъ сына Ѳедора и дочерей: Юліану за княземъ Гольшанско-Дубровицкимъ и Василису, жену пана Александра Ходковича. Князь Ѳедоръ Ивановичъ Ярославичъ, женившись на княжнѣ Александрѣ, дочери Семена Олельковича, князя кіевскаго, и Маріи, княгини пинской, сдѣлался въ 1501 году княземъ пинскимъ и умеръ въ 1521 году, не оставивъ потомства.

Наконецъ, въ книгѣ «Ród Gedimina» сдѣлана поправка къ россійской родословной кн. Долгорукаго, относительно происхожденія князей Трубецкихъ. Предкомъ ихъ былъ не Корибутъ-Дмитрій Ольгердовичъ, но братъ его Дмитрій Ольгердовичъ старшій, князь брянскій. Этотъ Дмитрій нѣкоторое время проживалъ въ Московскомъ государствѣ и принималъ участіе въ Куликовской битвѣ. У него былъ сынъ Михаилъ. Изъ документовъ, найденныхъ въ литовской метрикѣ, оказывается, что предкомъ Трубецкихъ былъ также жившій въ началѣ XV вѣка князь Михаилъ. Но тожественъ ли онъ съ сыномъ Дмитрія Ольгердовича, какъ утверждаютъ русскія родословныя? Это возможно, но окончательно не доказано. Вообще трудъ г. Вольфа, хотя и спеціально генеалогическій, тѣмъ не менѣе, затрогиваетъ весьма важные историческіе вопросы и, конечно, заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны нашей ученой критики.

Ѳ. В.

Графъ Л. Н. Толстой и критика его произведеній, русская и иностранная. Ѳ. И. Булгакова, съ 7-ю портретами. Спб. 1886.

Этюды о значеніи и произведеніяхъ нашихъ лучшихъ писателей не могутъ не интересовать русскаго человѣка. По примѣру г. Зелинскаго, издававшаго сводъ мнѣній всѣхъ критиковъ о Тургеневѣ и Достоевскомъ, гг. Буренина и Громеки, представившихъ свою собственную оцѣнку Тургенева и графа Л. Н. Толстого, г. Булгаковъ составилъ книгу о послѣднемъ писа-

телѣ, въ которой соединилъ свои отзывы объ немъ съ мнѣніями русской и иностранной печати. Большая часть статей, входящихъ въ эту книгу, была напечатана въ журналѣ «Новь», оттуда взяты и портреты, украшающіе изданіе. Украшаютъ его, впрочемъ, далеко не всѣ семь портретовъ, далеко не похожіе одинъ на другой, какъ, напримѣръ, приложенные къ страницѣ 32-й. Къ 64-й страницѣ приложенъ даже ровно ни на что не похожій портретъ, представляющій какое-то темное пятно. Кто виноватъ въ этомъ—художникъ или «фотохемиграфическое заведеніе», гдѣ снималась копія, — г. Булгаковъ не говоритъ, какъ не говоритъ вообще и о томъ, на какомъ же изъ семи портретовъ долженъ остановиться читатель? «Новое Время», впрочемъ, справедливо замѣчаетъ, что лучшаго портрета Л. Н. Толстого фотохемиграфическое заведеніе, всетаки, не сняло.

Что касается до отзывовъ автора о даровитомъ писателѣ, то всѣ они восторженно-панегиричны, такъ какъ г. Булгаковъ принадлежитъ къ безусловнымъ поклонникамъ Л. Н. Толстого. Книга раздѣлена на двѣ части и, къ сожалѣнію, носитъ на себѣ слѣды журнальной и фельетонной работы. Такъ въ первой части, послѣ главы «Русская критика о Толстомъ» (здѣсь на 14-ти страницахъ приводятся вкратцѣ мнѣнія Дружинина, Анненкова, Григорьева, Писарева, Тургенева, Громеки), слѣдуетъ на 10-ти страницахъ «Иностранная критика», затѣмъ опять во второй части отдѣльно критика французская, нѣмецкая, англійская и отдѣльной статьей: «Итоги иностранной критики». Біографическія свѣдѣнія занимаютъ всего 8 страницъ, тогда какъ образу жизни писателя, не похожему на обычный писательскій бытъ, слѣдовало бы посвятить гораздо больше вниманія и изученія. Въ статьѣ «Послѣднія произведенія Л. Н. Толстого», авторъ говоритъ, правда: «то, что теперь печатается о странностяхъ частной жизни Толстого, основано, большею частію, на досужей болтовнѣ и на слухахъ нерѣдко сомнительнаго происхожденія». Эти нерѣдко и большею частью доказываютъ, однако, что не всѣ же разсказы о странностяхъ—досужая болтовня, и дѣло критики было указать, чтò именно въ нихъ сомнительно и невѣрно. Недостаточно назвать «недомысліемъ и хлестаковской развязностью» сужденія о мистицизмѣ послѣднихъ произведеній Толстого,—надо объяснить, почему эти сужденія неправильны и ошибочны. Основная мысль его ученія «о несопротивленіи злу» вовсе не такой принципъ, который нельзя было бы оспаривать. Онъ исключаетъ необходимость борьбы,—это правда, но «сулитъ водвореніе мира и согласія, устраняетъ развратъ, войну» и проч. Не слишкомъ ли много всего этого? Даже и въ народныхъ разсказахъ графа Толстого далеко не всѣ удовлетворяютъ чувству справедливости, и если «Два старика» доказываютъ неопровержимо, что незачѣмъ ходить въ Іерусалимъ, когда у себя подъ бокомъ еще столько нищеты и горя, которымъ надо помочь, то самъ же г. Булгаковъ говоритъ и совершенно основательно, что разсказъ «Богъ видитъ правду, да не скоро скажетъ» съ другою развязкою былъ бы гораздо цѣлесообразнѣе. О религіозныхъ трактатахъ Л. Н. Толстого говорить не будемъ. Мнѣніе объ нихъ и объ ихъ авторѣ высказано, по поводу ихъ появленія въ англійскомъ переводѣ, въ «Заграничныхъ историческихъ новостяхъ».

В—ъ.

Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) въ XVI — XVIII столѣтіи, собранные въ разныхъ архивахъ и редактир. Д. И. Багалѣемъ. Изд. харьковскаго историко-филологическаго Общества. Харьковъ. 1886.

Историческія судьбы степной южной окраины Московскаго государства, несомнѣнно, представляютъ большой интересъ для изслѣдователя народной жизни, такъ какъ здѣсь столкнулись колонизаціонныя теченія двухъ народностей — великороссійской (съ сѣвера) и малорусской (съ запада), причемъ столкновеніе это произошло сравнительно такъ недавно — всего около 200 лѣтъ назадъ, что мы могли бы прослѣдить детально всѣ перипетіи этого столкновенія... если бы только наши архивы были получше разработаны и если бы у насъ почаще являлись такіе добросовѣстные и энергичные работники, какъ гг. Багалѣй, Л. Б. Вейнбергъ и др. Къ сожалѣнію, пройдетъ, вѣроятно, еще много лѣтъ, прежде чѣмъ мы прочтемъ полную исторію нашей степной окраины, потому что и архивы у насъ далеко не всѣмъ доступны, и мало людей, готовыхъ отдать себя неблагодарной архивной работѣ; а напечатанныхъ матеріаловъ еще слишкомъ мало, чтобы можно было думать о возможности написать такую исторію. Въ виду этого, мы съ удовольствіемъ привѣтствуемъ появленіе книги г. Багалѣя, хотя она заключаетъ въ себѣ исключительно одни сырые матеріалы по исторіи края — указы, грамоты, челобитныя, «росписи», «вѣдомости» и т. д. Книга эта заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что она составлена человѣкомъ, который основательно изучилъ всѣ имѣющіеся въ наличности печатные матеріалы, ихъ слабыя и сильныя стороны, и поэтому въ состояніи былъ опредѣлить, гдѣ именно и въ чемъ заключаются пробѣлы, которые необходимо заполнить.

Матеріалы, вошедшіе въ сборникъ г. Багалѣя, добыты имъ главнымъ образомъ изъ московскаго архива министерства юстиціи; нѣкоторые же извлечены изъ харьковскихъ книгохранилищъ, или получены авторомъ отъ частныхъ лицъ. Всего въ настоящемъ изданіи помѣщено 89 нумеровъ различнаго рода документовъ. Большая часть этихъ документовъ относится къ исторіи колонизаціи степной окраины; затѣмъ помѣщено также много актовъ по исторіи землевладѣнія, весьма отчетливо рисующихъ картину происхожденія и роста частной, крупной поземельной собственности по здѣшнимъ мѣстамъ. Кромѣ того, въ книгѣ мы находимъ нѣсколько актовъ по исторіи сословныхъ отношеній и по исторіи управленія.

Наиболѣе интересными документами являются «сказки», «вѣдомости» и «рапорты» о сотницкихъ черкасскихъ земляхъ (№ 77—87), дающіе богатый матеріалъ по вопросу о происхожденіи и развитіи частной крупной поземельной собственности на казацкихъ земляхъ. Изъ этихъ данныхъ оказывается, что большая часть постороннихъ владѣльцевъ, жившихъ въ XVIII столѣтіи на окружныхъ черкасскихъ земляхъ, пріобрѣли себѣ имѣнія путемъ насильственнаго, самовольнаго захвата, «завладѣли силно», какъ энергически выражаются сказки, составленныя путемъ опроса мѣстныхъ старожиловъ. Такъ, напримѣръ, объ имѣніи генеральши Матюшкиной по р. Волчьей сказано: «и оними поселенними хуторами поддание и землями владеютъ с двадцать летъ

усилно». Мельница у той же генеральши Матюшкиной—«завладѣна силно более двадцать летъ бившимъ княземъ Менщиковымъ»... Относительно имѣнія Апраксиныхъ записано въ сказкѣ: «Оними землями со всеми обявленими угоди завладѣлъ означенихъ помещиков графов Апраксинских дедъ ближний бояринъ и губернаторъ и для охраненія украини над войски воевода графъ Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ какъ стоялъ в Харкове, Изюме в прошлих 713 и 714 годех имея главную тогда команду на украинѣ... и в свую ж тогда битность главнокомандующею межи и грани внов уничил по своему изволению, отчего салтовские козаки несли въ тое время немалую обиду и утисневиие, что многие тогда принуждени были разойтится» (стр. 307). Такимъ путемъ росли и множились на Украинѣ частныя крупныя владѣнія. Монастыри не составляли въ этомъ случаѣ исключенія и, пользуясь беззащитностію казаковъ съ одной стороны и покровительствомъ московскихъ воеводъ съ другой, безцеремонно «своеволомъ» занимали черкасскія земли. Такъ, напримѣръ, Аркадіевская пустынь «пахатним и непахатним полемъ и сенним померки владѣютъ напрасно»; Бѣлгородскій Николаевскій монастырь «многими нивами и сенними покосы владѣютъ усилно безъ всякаго виду» (стр. 304) и т. д.

Н. Д—скій.

Записки императорскаго русскаго археологическаго Общества. Т. II. Вып. I. Спб. 1886.

Не такъ давно намъ пришлось дать отзывъ о первомъ томѣ новой серіи «Записокъ императорскаго русскаго археологическаго Общества»; теперь передъ нами только-что вышедшій первый выпускъ втораго тома этого изданія. Содержаніе выпуска довольно разнообразно и интересно, не смотря на спеціальный характеръ помѣщенныхъ здѣсь работъ и изслѣдованій. Такъ, напримѣръ, статья графа И. И. Толстаго «О византійскихъ печатяхъ Херсонской ѳемы (т. е. области)», представляющая этюдъ по византійской сфрагистикѣ, сообщаетъ чрезвычайно интересныя данныя историческія, географическія, бытовыя и эпиграфическія, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ нашей отечественной археологіи. Особенно интересны въ этомъ отношеніи: печать «пресвѣтлѣйшаго, свѣтлѣйшаго и великаго переводчика варяговъ Михаила», съ изображеніемъ знаменитаго оружія ῥομφαια (сѣкира), и печать Ѳеофаніи, архонтиссы русской. Обѣ эти печати относятся къ XI вѣку и подробно описаны въ громадномъ трудѣ по византійской сфрагистикѣ Шлюмбергера (Paris, 1884), съ которымъ графъ И. И. Толстой подробно знакомитъ насъ въ своей статьѣ, равно какъ поясняетъ свой текстъ гравированными изображеніями разбираемыхъ имъ печатей.

Не менѣе любопытна статья И. В. Помяловскаго «Изслѣдованіе въ области римско-германской границы», представляющая сводъ всего высказаннаго въ наукѣ за послѣднее время по этому вопросу, столь важному въ исторіи цивилизаціи Европы. Кромѣ того, въ вышедшемъ выпускѣ мы находимъ статьи В. М. Латышева «Кавказскіе памятники въ Москвѣ» и Н. Пашскаго «Древняя деревянная церковь въ с. Кусягѣ, Новоладожскаго уѣзда».

Съ внутренней дѣятельностью Общества мы знакомимся изъ помѣщенныхъ въ разбираемомъ выпускѣ протоколовъ засѣданій его съ 4-го января по

18-е декабря 1885 года, которые вмѣстѣ съ тѣмъ передаютъ содержаніе читанныхъ въ этихъ засѣданіяхъ научныхъ сообщеній: А. Ѳ. Бычкова (воспоминанія о графѣ А. С. Уваровѣ и о Н. В. Калачовѣ), А. В. Прахова (о необходимости ученой экспедиціи въ Грецію, объ открытыхъ имъ семи мозаикахъ Кіево-Софійскаго собора и о кіевскомъ кладѣ 1885 года), князя С. С. Абамелика (о византійскихъ церквяхъ въ Палермо).

Въ концѣ выпуска помѣщены «Археологическія и библіографическія замѣтки», заключающія въ себѣ свѣдѣнія объ археологическихъ находкахъ въ предѣлахъ Россіи за прошлый годъ (составленныя на основаніи неизданныхъ свѣдѣній императорской археологической коммиссіи), краткую библіографію новѣйшихъ изданій и случайныя вырѣзки изъ газетъ столичныхъ и провинціальныхъ, относящіяся до археологіи. Нельзя не отнестись сочувственно къ возникновенію въ «Запискахъ» Общества этого новаго отдѣла, которому слѣдуетъ пожелать возможно большаго расширенія. Въ различныхъ изданіяхъ, преимущественно областныхъ, разсѣяно множество любопытнѣйшихъ свѣдѣній, драгоцѣнныхъ въ дѣлѣ историческаго изученія нашего отечества. Между тѣмъ, всѣ эти изданія рѣдко кому доступны, и потому вышеупомянутыя свѣдѣнія ускользаютъ отъ вниманія людей, даже серьёзно занимающихся тѣмъ или другимъ научнымъ вопросомъ. Теперь же открывается ключъ къ этому источнику отчизновѣдѣнія, по крайней мѣрѣ, по предмету изученія древностей. Хорошо также и то, что эти свѣдѣнія передаются въ «Запискахъ» Общества въ сыромъ, необработанномъ видѣ, что̀ даетъ возможность почерпнуть изъ этого матеріала каждому свое и гарантируетъ отъ утраты фактовъ, не заслуживающихъ, можетъ быть, вниманія съ точки зрѣнія редакціи, но драгоцѣнныхъ для спеціалиста того вопроса, къ которому они относятся.

Е. Г.

Дома и на войнѣ. Воспоминанія и разсказы Александра Верещагина. 1853—1881 г. Изданіе второе. Спб. 1886.

Книга эта, въ короткое время выдержавшая два изданія, представляетъ въ беллетристической формѣ разсказы о двухъ историческихъ событіяхъ прошлаго царствованія: русско-турецкой войнѣ 1877—1878 г. и о текинской экспедиціи 1880—1881. Въ началѣ находится небольшой, но очень живо написанный очеркъ дѣтства автора, его воспоминанія въ петербургской и губернской гимназіи, жизнь въ полку и въ деревнѣ. И въ этой первой части много любопытныхъ картинъ, относящихся къ помѣщичьему и крѣпостному быту, системѣ образованія въ шестидесятыхъ годахъ, нравамъ того времени, но еще бо̀льшимъ интересомъ отличаются остальныя двѣ части книги, описывающія военныя событія и занимающія 400 страницъ изъ 572-хъ. Это не систематическій разсказъ о военныхъ дѣйствіяхъ въ Болгаріи, а только эпизодическія сцены, дающія, однако, объ ней вѣрное понятіе. Авторъ былъ въ отрядѣ Скобелева, и фигура этого послѣдняго «рыцаря безъ страха и упрека» обрисована имъ чрезвычайно живо и симпатично, не смотря на то, что не скрыты и неровности его характера. Особенно рельефно очерчены сраженія подъ Сливно, Ловчею и Плевною, 18-го іюля и 30-го августа. Въ послѣд-

немъ сраженіи авторъ былъ раненъ и присоединился снова къ отряду въ концѣ кампаніи, побывавъ въ Филиппополѣ и Константинополѣ. Всѣ эти эпизоды оставляютъ сильное, тяжелое впечатлѣніе, такъ какъ авторъ нисколько не прикрашиваетъ ужасовъ войны и, говоря о подвигахъ геройскаго мужества и самоотверженія, не скрываетъ и печальныхъ сторонъ человѣческой бойни: ожесточенія солдатъ, ненужныхъ убійствъ, бѣгства съ поля сраженія отдѣльныхъ личностей, безцѣльной гибели людей, необходимости допускать жестокіе, озлобленные поступки, сдерживать себя при явленіяхъ паническаго страха или трусости. Такъ особенно характеристичны два эпизода: одинъ, когда Скобелевъ, назвавъ молодцами солдатъ, бѣжавшихъ изъ-подъ огня непріятеля, но начавшихъ снова строиться при видѣ его, обзываетъ ихъ, стиснувъ зубы, канальями;—и другой, когда генералъ Горшковъ, послѣ второй Плевны, сидитъ на барабанѣ передъ грудой розогъ и нѣсколькими батальонами, которыхъ онъ собирался сѣчь со словами: «Вы что, подлецы, бѣжать? а? бѣжать? Я вамъ задамъ... такіе-сякіе! У меня три дома въ Петербургѣ, сто тысячъ денегъ, да я и то не боюсь. А у васъ, кромѣ вшей, ничего нѣтъ—и вы трусите! Драть васъ за это, всѣхъ драть! Ложись подлецы!» Солдаты ложатся. Горшковъ стихаетъ, затѣмъ кричитъ: «Ну, вставать! Богъ васъ проститъ!» — Текинская экспедиція разсказана не менѣе живо и типично. Въ книгѣ много портретовъ и мастерски сдѣланныхъ рисунковъ. Кромѣ главнокомандущаго, Скобелева, Драгомирова, тутъ много второстепенныхъ участниковъ памятной всѣмъ войны, и между ними молодой братъ автора, отправившійся на войну, не бывшій военнымъ и убитый подъ Плевною.

В. З.

Сильвестра Медвѣдева извѣстіе истинное православнымъ и показаніе свѣтлое о новоправленіи книжномъ и о прочемъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями С. Бѣлокурова. Москва. 1886.

Сильвестръ Медвѣдевъ,—говоритъ г. Бѣлокуровъ,—лице не безъизвѣстное въ исторіи нашего отечества за XVII столѣтіе: наши древніе книжники, составители житій, возвели его даже въ особое званіе «ересіарха», виновника «новоявлышейся латинской дымящейся главни Аркудіевы или Медвѣдевы». Такую почетную и громкую извѣстность у насъ на Руси Медвѣдевъ получилъ главнымъ образомъ благодаря своему ученію о времени пресуществленія св. даровъ въ таинствѣ Евхаристіи, ученію, возбудившему жаркія и бурныя пренія, тянувшіяся въ нашей церкви въ XVII столѣтіи цѣлую четверть вѣка. Медвѣдевъ былъ ближайшій ученикъ и послѣдователь Симеона Полоцкаго. Его учено-литературная дѣятельность была весьма разнообразна; особенно замѣчателенъ его библіографическій трудъ: «Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ». Это не какой либо легковѣсный и поверхностный трудъ, а трудъ чисто научный, ученаго характера, потребовавшій очень и очень немало времени. Ундольскій весьма обстоятельно разобралъ это «Оглавленіе» со всѣми пріемами ученой критики; онъ нашелъ и доказалъ въ трудѣ Медвѣдева всѣ тѣ качества, какія требуются отъ библіографа: полноту, точность, вѣрность указаній и ссылокъ и пр. Изданное г. Бѣлокуровымъ сочиненіе Медвѣдева было почти совершенно неизвѣстно нашимъ ученымъ, его не указываютъ въ

своихъ трудахъ ни митрополитъ Евгеній, ни Филаретъ Черниговскій, единственное упоминаніе о немъ есть въ «Библіологическомъ Словарѣ» П. М. Строева. Это сочиненіе примыкаетъ къ полемикѣ, веденной Медвѣдевымъ по вопросу о пресуществленіи св. даровъ; раздѣляется оно на двѣ части: въ первой сообщается объ исправленіи богослужебныхъ книгъ при патріархахъ Никонѣ и Іоакимѣ, вторая трактуетъ о «нововыѣзжихъ иноземцахъ» самобратіяхъ Лихудіевыхъ и ихъ ученіи о времени пресуществленія св. даровъ въ таинствѣ Евхаристіи. Въ первой части мы находимъ чрезвычайно важное извѣстіе объ исправленіи книгъ при Никонѣ, проливающее совершенно новый свѣтъ на это дѣло и на возникновеніе раскола. Въ виду важности этого извѣстія мы позволимъ себѣ выписать его цѣликомъ: справщики Никоновы, «оставивше греческія и славенскія древнія самыя книги, начаша правити съ новопечатныхъ у нѣмецъ греческихъ книгъ. А въ семъ предисловіи книги служебника пишутъ они, еже ону съ греческими древними и славенскими рукописменными исправиша и во всемъ согласиша и народъ православный увѣщаютъ, во еже бы оный той книгѣ, яко достовѣрной, вѣрили и ни въ чесомъ не усумнѣвалися, зане справлена съ древнихъ греческихъ рукописменныхъ и славенскихъ книгъ. А та книга служебникъ правлена не съ древнихъ греческихъ рукописменныхъ и славенскихъ, но снова у нѣмецъ печатной греческой безсвидѣтельствованой книги,—у нея же и начала нѣсть и гдѣ печатана невѣдомо. И егда по немалыхъ лѣтѣхъ по указу великаго государя ради достовѣрнаго книжнаго свидѣтельства и справки былъ на печатномъ дворѣ справщикъ изъ Аѳонскія святыя горы архимандритъ Діонисій, иже обита въ семъ царствующемъ градѣ Москвѣ въ Николаевскомъ греческомъ монастырѣ, и той, ону у нѣмецъ печатную книгу служебникъ разсмотря, на страницахъ подписалъ своею рукою на обличеніе тоя неправыя книги словеса бранныя, здѣ писати неприличная. А та книга и нынѣ обрѣтается въ книгохранительницѣ на печатномъ дворѣ. И которой служебникъ печатанъ и послѣ сего въ лѣто 7166-е, а въ немъ напечатано о святѣй литургіи, яко напечатано по уставу константинопольскія великія церкви и святыя горы,—и онъ на той книгѣ подписалъ своею же рукою: «не хощу лгать на великую церковь и на святую гору Аѳонскую». И отъ сего писанія явно есть, яко тамо не тако. И та книга и нынѣ въ той же книгохранителницѣ на печатномъ дворѣ». Упоминаемая въ этомъ извѣстіи греческая новопечатная книга сохранилась и до нашего времени, какъ указываетъ г. Бѣлокуровъ, въ библіотекѣ московской синодальной типографіи. Такимъ образомъ дѣло исправленія богослужебныхъ книгъ патріархомъ Никономъ представляется совершенно въ иномъ видѣ, чѣмъ это было до сихъ. Всѣ наши ученые нисколько не заподозрѣвали точности извѣстія объ этомъ, помѣщеннаго въ предисловіи къ Служебнику 1655 года, и свидѣтельствамъ противоположнымъ у раскольничьихъ писателей: діакона Ѳеодора, Саввы Романова, Савватія и др., не придавалось никакого значенія. Предполагать въ Медвѣдевѣ сочувствіе къ раскольникамъ никоимъ образомъ мы не можемъ, и потому его свидѣтельство получаетъ особенный вѣсъ. Г. Бѣлокуровъ, провѣряя это извѣстіе Медвѣдева, пришелъ къ тому заключенію, что Никоновскіе справщики даже не могли исправлять книги по древнимъ рукописямъ, такъ какъ ихъ почти что не было: изъ 498 рукописей, привезенныхъ съ востока Арсеніемъ Сухановымъ, только семь (три евхологія, три устава одинъ часословъ) были богослужебнаго содержанія. Если извѣстія Медвѣ-

дева, при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, окажутся справедливыми, тогда, по мнѣнію г. Бѣлокурова, объяснится многое непонятное въ первоначальной исторіи раскола и даже отчасти и самое появленіе раскола.

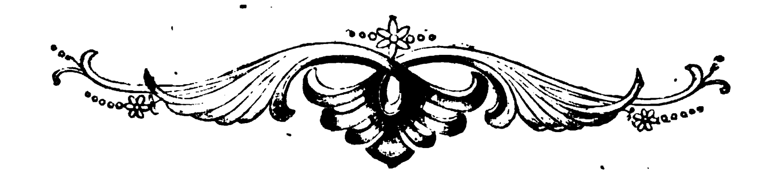
А. В.

Сераписъ, романъ Георга Эберса. Изданіе редакціи „Наблюдателя". Спб. 1886.

Историческій романъ въ послѣднее время не пользуется, какъ прежде. почетомъ въ литературѣ. Однако, этотъ незаконный сынъ вымысла и дѣйствительности нерѣдко бываетъ привлекательнѣе своихъ родителей, а въ жизни незаконныя дѣти часто лучше и здоровѣе законныхъ. Если онъ потерялъ прежнюю славу, то потому, что нынче вообще измельчали всѣ роды поэтическихъ произведеній, и новыхъ Вальтеръ-Скоттовъ что-то не видно. Но самъ по себѣ этотъ родъ произведеній не заслуживаетъ пренебреженія, съ которымъ къ нему относятся строгіе цѣнители искусства. Никакая исторія, передающая только внѣшнюю сторону жизни человѣчества, не можетъ представить всѣхъ подробностей внутренней жизни, не только психической, но и бытовой, частной, семейной, которая иногда гораздо любопытнѣе общественной. Самыя интимныя подробности культурной жизни исчезнувшихъ народностей въ исторіи Бругша, Раулинсона, Масперо не дадутъ такого яснаго понятія о древнихъ египтянахъ, какъ романы Эберса изъ временъ фараоновъ первыхъ династій. Интересъ этихъ романовъ зависитъ, впрочемъ, отъ того, что авторъ ихъ былъ прежде всего ученый, а потомъ уже романистъ. Съ глубокимъ знаніемъ археолога онъ сначала изслѣдовалъ и изучалъ египетскія древности, а потомъ уже сталъ писать романы. Извѣстно, что онъ предался этому новому для него занятію, сломавъ себѣ ногу во время археологическихъ раскопокъ, что̀ помѣшало ему продолжать научныя изслѣдованія, и вмѣсто трактата объ нихъ онъ написалъ свою «Дочь фараона». Огромный успѣхъ, встрѣтившій этотъ романъ, заставилъ его обратиться къ этому роду произведеній. Содержаніе ихъ онъ бралъ преимущественно изъ исторіи своей любимой страны — Египта, и какъ скоро пытался изображать другую эпоху, романы его теряли не только художественное, но и историческое значеніе, какъ «Жена бургомистра» — событіе XV вѣка. Въ новомъ своемъ романѣ «Сераписъ», Эберсъ остается на почвѣ Египта, не древняго, но болѣе близкой къ намъ эпохи, въ царствованіе Ѳеодосія Великаго. Главная тема романа—послѣдній моментъ борьбы христіанства съ язычествомъ, паденіе послѣдняго языческаго бога, въ которомъ воплотились послѣднія философски-религіозныя вѣрованія неоплатониковъ, смѣсь египетскихъ легендъ съ эллинскими. И разрушеніе Серапеума, этого паладіума древнихъ догматовъ, изображено чрезвычайно рельефно и даже художественно. Масса, большинство населенія не только Александріи и Египта, но и всей Римской имперіи, въ ту эпоху были несомнѣнно проникнуты языческими вѣрованіями и враждебны христіанству. Новое ученіе исповѣдовали, бо̀льшею частью, люди простые, темные, низшихъ сословій, женщины, монахи; его держался императоръ больше изъ политическихъ причинъ, чѣмъ по искреннему убѣжденію, и если онъ рѣшился, наконецъ, наложить руку на послѣдній оплотъ языче-

ства—Серапеумъ, то потому, что вражда двухъ ученій лишала имперію стойкости и мѣшала спокойно править государствомъ. Человѣкъ, не задумавшійся истребить вѣроломнымъ образомъ десять тысячъ гражданъ въ циркѣ Салоникъ, конечно, могъ съ спокойнымъ духомъ приказать разрушить кумиръ и храмъ Сераписа, но борьба висѣла на волоскѣ, и ея изображеніе у Эберса полно высокаго драматическаго интереса. Немудрено, что романъ имѣлъ огромный успѣхъ въ Германіи. У насъ вышло три перевода его: одинъ московскій, довольно сносный, хотя написанъ тяжелымъ языкомъ, второй — помѣщенный въ «Наблюдателѣ» и изданный теперь отдѣльно вполнѣ удовлетворителенъ, и третій, изданный г. Голубинскимъ,—верхъ безобразія и самой нецеремонной спекуляціи.

В—ъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Нѣмецъ, взывающій о погибели балтійскихъ провинцій. — Россія и Польша. — Военныя силы четырехъ державъ.—Русское сельское хозяйство.—Русскія слова въ нѣмецкомъ языкѣ. — Записки Гранта. — Віографія Вильгельма I. — Молодость Карла I. — Мемуары арабской принцессы. — Царство инковъ. — Рихардъ Лепсіусъ. — Законъ о бѣдныхъ въ Англіи. — Путешествіе королевскихъ дѣтей. — Греція и Турція. — Тунисъ и Франція. — Письма подпоручика о Тонкинѣ.

УСИЛЕНІЕ въ нашихъ балтійскихъ провинціяхъ русскаго элемента, на который въ послѣдніе годы обращено вниманіе правительства, не могло, конечно, понравиться нашимъ добрымъ сосѣдямъ, все еще продолжающимъ считать нѣмецкими эти три провинціи, хотя съ тѣхъ поръ, какъ онѣ вступили въ составъ Русской имперіи, проходитъ уже второе столѣтіе, и хотя нѣмецкое населеніе тамъ ничтожно въ сравненіи съ коренным эстонскимъ. Принадлежалъ когда-то этотъ край и шведамъ, но они позабыли и думать объ этомъ, покорившись историческому факту присоединенія балтійскаго поморья къ Россіи. А нѣмцы, игравшіе самую жалкую роль двѣсти лѣтъ тому назадъ, съ тѣхъ поръ, какъ ихъ перестали бить французы, до того увлеклись своимъ объединеніемъ, что, вернувъ своему общему отечеству болѣе двухсотъ лѣтъ отторгнутый отъ него Эльзасъ, горько плачутся, что не приходится присоединить и восточныя окраины. Поводъ къ этому присоединенію очень простъ: горсть тамошнихъ дворянъ хотя и состоитъ въ русскомъ подданствѣ, но говоритъ понѣмецки; стало быть, они должны быть нѣмецкими подданными. Эта своеобразная логика примѣняется только къ восточнымъ окраинамъ. Но западная логика другая; тамъ эльзасцы говорятъ пофранцузски, и потому—должны быть нѣмцами. Это подробно доказываетъ авторъ анонимной книги «Нѣмецкая земля въ опасности: положеніе и событія въ Лиф-Эст-и-Курляндіи» (Ein deutsches Land in Gefahr: Zustände und Vorgänge in Liv-Est- und Kurland). Провинціи эти были нѣмецкими еще со времени «ордена меченосцевъ», т. е. съ XII вѣка, но авторъ сознается, что онѣ не онѣмечились

еще и въ XIX вѣкѣ, и умалчиваетъ о причинахъ такого страннаго явленія. При Иванѣ Грозномъ провинціи просили помощи у германскаго императора, но тотъ и не подумалъ помогать имъ, и одну часть ихъ взяла Швеція, другую Польша. Россія завоевала ихъ у Швеціи и Польши, а провинціи, все-таки, должны быть нѣмецкими. Это ужъ такая странная претензія, которую логическій нѣмецъ осмѣялъ бы у всякаго другаго народа. Но разъ дѣло коснулось нѣмцевъ, требуется вѣрить въ непреложность самыхъ нелѣпыхъ притязаній: credo quia absurdum. Карлъ XI шведскій уничтожилъ привиллегіи, данныя краю Сигизмундомъ-Августомъ, Петръ I возвратилъ нѣкоторыя изъ нихъ Ревелю и Ригѣ; Екатерина II упразднила весь строй мѣстнаго балтійскаго управленія, замѣнивъ его намѣстничествомъ; Павелъ I, уничтожавшій все, что вводила Екатерина, уничтожилъ намѣстничество и далъ опять провинціямъ мѣстныя привиллегіи. Но нѣмцы умалчиваютъ благоразумно и о Карлѣ XI, и о Екатеринѣ II, и требуютъ, чтобы ихъ возвратили къ временамъ Павла, да и этого требуютъ немногіе, умѣренные люди; большинство, вмѣстѣ съ авторомъ книги, можетъ удовлетвориться только прямымъ присоединеніемъ къ Германіи. Теперь, въ провинціи «вводятъ русицизмъ и православіе; до сихъ поръ это дѣло никогда еще не удавалось тѣмъ, кто за него принимался, но, напротивъ, приводило лишь къ потерѣ такихъ странъ». Видите ли, нѣмецъ не останавливается даже передъ угрозами. И между тѣмъ онъ самъ же сознается, что эсты и латыши, не довольствуясь нѣмецкой культурою, стремятся къ достиженію своей національной, а нѣмцы враждебно относятся къ этому движенію, провозглашая германизмъ единственнымъ средствомъ достиженія высшей культуры. Выводъ книги тотъ, что нѣмецкая, т. е. балтійская земля «въ опасности и, чтобы спасти ее, нужна быстрая помощь», — вѣроятно, прусскихъ юнкеровъ или самого честнаго маклера, оказавшаго намъ уже столько дружескихъ услугъ.

— Въ Парижѣ вышла брошюра, написанная графомъ Яномъ Замойскимъ, «Россія-Польша» (Russie-Pologne). Судя по заглавію, можно бы думать, что, поставивъ на первое мѣсто Россію, а не Польшу, авторъ не увлекается полонофильскими идеями, тѣмъ болѣе, что цѣль брошюры—доказать необходимость примиренія между двумя національностями, въ виду грозящаго имъ натиска германизма. Но примиреніе это, по мнѣнію автора, гораздо болѣе необходимо для Россіи, чѣмъ для Польши, и безъ него Россія будетъ въ самомъ критическомъ положеніи. Примиреніе же можетъ совершиться при одномъ условіи: возстановленіи независимой конгрессовой Польши, т. е. для того, чтобы гарантировать себя отъ будущей войны съ нѣмцами, надобно намъ, въ настоящее время, объявить войну Германіи и Австріи, отнять у нихъ принадлежащія имъ части Польши и возстановить ее въ прежнемъ видѣ, отъ моря до моря. Такое рѣшеніе вопроса только и можетъ прійдти въ голову заядлымъ полякамъ.

— О военныхъ силахъ четырехъ главныхъ державъ сообщаетъ послѣднія свѣдѣнія брошюра подполковника французскаго генеральнаго штаба Рау: «Военное состояніе главнѣйшихъ иностранныхъ державъ весною 1866 года» (L'état militaire des principales puissances étrangères au printemps de 1866 par le lieutenant-colonel Rau). Въ настоящее время брошюра выходитъ уже четвертымъ изданіемъ и заключаетъ въ себѣ дѣйствительно самыя вѣрныя и подробныя цифры и данныя о численности и боевой готовности главныхъ континентальныхъ державъ: Россіи, гдѣ 2.900,000

войскъ, Германіи съ 2.762,000, Австро-Венгріи съ 2.300,000 и Италіи съ 1.780,000. Военное сердце автора радуется въ особенности тому, что эти десять милліоновъ людей совершенно готовы, archi-prêts, какъ говорилъ военный министръ Наполеона III, ко взаимному истребленію другъ друга. Авторъ упустилъ еще изъ виду, что боевыя силы Австро-Венгріи должны значительно увеличиться отъ принятаго уже закона объ ополченіи. Если только этотъ законъ не останется на бумагѣ, какъ и многія благія намѣренія, то Австрія, по числу своихъ войскъ, займетъ первое мѣсто въ ряду всѣхъ европейскихъ державъ. Другой вопросъ: какъ будутъ сражаться эти разношерстныя войска, вездѣ и всегда, за рѣдкими исключеніями, терпѣвшія пораженія, но и самая цифра этого пушечнаго мяса, готоваго «къ дѣлу», должна возбуждать тяжелыя мысли въ истинныхъ друзьяхъ человѣчества.

— Профессоръ правительственнаго сельско-хозяйственнаго училища, Кюнненъ, издалъ «Земледѣльческое путешествіе по Россіи въ 1885 году» (Voyage agricole en Russie pendant l'année 1885 par N. P. Kunnen). Въ одинъ годъ, конечно, нельзя изучить никакую страну даже и въ одномъ земледѣльческомъ отношеніи, но Кюнненъ, всетаки, собралъ вѣрныя и довольно интересныя наблюденія надъ веденіемъ у насъ сельскаго хозяйства. Вывода изъ нихъ нельзя сдѣлать никакого, такъ какъ авторъ былъ только въ Петербургской губерніи, но даже и при бѣгломъ и поверхностномъ обзорѣ ея успѣлъ подмѣтить немало недостатковъ въ нашихъ агрономическихъ системахъ. Не смотря на это, общій выводъ его книги тотъ, что Россіи предстоитъ «блестящая будущность и ничто не помѣшаетъ странѣ занять на пути прогресса подобающее ей мѣсто въ сельскохозяйственной экономіи европейскихъ государствъ». Вашими бы устами да медъ пить.

— Иностранцевъ занимаетъ не только русская исторія, литература и общественная жизнь, но и русскій языкъ. Въ журналѣ «The Academy» помѣщены двѣ филологическія статьи, оксфордскаго професора Креббса, о десяти словахъ, заимствованныхъ нѣмцами изъ русскаго языка. Выводы Креббса разбираетъ и отчасти опровергаетъ вѣнскій ученый Ганушъ. Споръ начинается, конечно, съ «кнута», который оказывается, однако, не русскимъ словомъ, а древне-норвежскимъ — knûtr. Происхожденіе многихъ изъ этого десятка словъ также подвержено сильному сомнѣнію. Такъ, нѣмецкое böse, не встрѣчающееся въ готскомъ языкѣ, могло быть взято и не изъ славянскаго бѣсъ, а отъ литовскаго bêsas — демонъ, baisos — страшный. Ганушъ признаетъ прямое заимствованіе нѣмцами у русскихъ только четырехъ словъ: дрожки, степь, кнутъ и соболь; всѣ же остальныя: граница (Grenze), толмачъ (Dolmetsch), бичъ (Peitsche), печать (Petschaft), коляска (Kalesche), щегленокъ (Stieglitz), взяты съ польскаго, сербскаго, чешскаго языка. Въ числѣ этихъ словъ Креббсъ приводитъ и такое, какого вовсе нѣтъ на русскомъ языкѣ: karbatsche — плеть; похожее на него «горбачъ» имѣетъ вовсе не то значеніе. Да, наконецъ, многія русскія и нѣмецкія слова звучатъ одинаково оттого, что происходятъ отъ одного и того же арійскаго корня, какъ: работа — Arbeit, снѣгъ — Schnee, плугъ — Pflug, смерть — Schmerz и пр. Но всѣ эти лингвистическія изысканія доказываютъ, всетаки, что насъ перестаютъ считать въ Европѣ племенемъ, языкъ котораго не заслуживаетъ изученія и вниманія.

— Два тома «Личныхъ записокъ Гранта» (Personal memoirs of. U. S. Grant) возбудили сильное впечатлѣніе и въ Европѣ, какъ въ Америкѣ. Большую

часть этихъ записокъ бывшій президентъ и полководецъ писалъ въ виду крайней нужды, постигшей его въ концѣ жизни, и во время тяжкой болѣзни, сократившей эту жизнь. И, однако, въ запискахъ, оконченныхъ за нѣсколько недѣль до смерти автора, нѣтъ ни малѣйшаго слѣда его болѣзненнаго состоянія, или упадка духа, подъ бременемъ тяжелыхъ обстоятельствъ. Онъ самъ говоритъ, что умирающій солдатъ не долженъ терять спокойствія духа и на одрѣ болѣзни, какъ на полѣ сраженія, въ виду непріятеля. Генералъ Грантъ игралъ въ исторіи американской войны такую значительную роль, какая не выпадала на долю ни одного американца, со времени Вашингтона, и если онъ не былъ Вашингтономъ по характеру и образу жизни, то можетъ смѣло сравниться съ нимъ по результатамъ своихъ военныхъ подвиговъ. Освободитель Америки отъ англійскаго ига могъ подать руку освободителю своей страны отъ страшной язвы невольничества. Еще въ началѣ 1861 года, Грантъ жилъ въ неизвѣстности, безъ всякой надежды выдвинуться впередъ или улучшить свое положеніе, а черезъ четыре года имя его гремѣло въ цѣломъ свѣтѣ, и благодарное отечество два раза выбирало его своимъ представителемъ, президентомъ великой республики. О своихъ военныхъ дѣйствіяхъ онъ разсказываетъ чрезвычайно скромно въ своихъ запискахъ, отличающихся полною правдивостью. Въ своихъ ошибкахъ онъ сознается откровенно и вездѣ отдаетъ справедливость своимъ противникамъ, отзываясь съ одинаковою похвалою о подвигахъ своихъ войскъ и непріятельскихъ. Объ ихъ промахахъ онъ говоритъ безъ сарказмовъ. Разсказывая о своихъ молодыхъ годахъ, онъ признается, что въ военной вест-пойнтской школѣ не выказалъ никакихъ способностей, не любилъ военнаго званія и предпочиталъ помогать своему отцу въ его занятіяхъ на фермѣ и кожевенномъ заводѣ. Не смотря на это, онъ сдѣлалъ мексиканскую кампанію и вышелъ въ отставку только въ 1853 году съ чиномъ капитана. Семь лѣтъ онъ добывалъ средства къ жизни то службою въ торговыхъ конторахъ, то инженерными работами, пока послѣ бомбардированія форта Сомтеръ губернаторъ штата Иллинойса не назначилъ его полковникомъ отряда волонтеровъ. Въ 1862 году, отличившись при взятіи форта Донельсона, Грантъ былъ уже генералъ-маіоромъ. Въ слѣдующемъ году, онъ взялъ Виксбургъ, въ 1864—былъ сдѣланъ главнокомандующимъ, а въ 1865—ему сдался генералъ Ли со всею арміею, и война была окончена. Изъ разсказа объ этой войнѣ видимъ, что Грантъ былъ хорошимъ полководцемъ. За это его сдѣлали президентомъ, забывъ, что военная доблесть не всегда соединяется съ гражданской. О своемъ президентствѣ онъ и самъ не распространяется, тѣмъ не менѣе и эта часть записокъ его любопытна и поучительна. Появленіе ихъ на русскомъ языкѣ, хотя бы въ извлеченіи, весьма желательно.

— Большимъ интересомъ отличается біографія «Императора Вильгельма» (L'Empereur Guillaume), писанная Эдуардомъ Симонъ и изданная по поводу двадцатипятилѣтняго юбилея его царствованія. Здѣсь особенно любопытны подробности о томъ времени, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ престола, въ царствованіе своего брата. Принцъ Вильгельмъ былъ въ Англіи въ 1844 году, и королева Викторія тогда же отозвалась о немъ съ большой похвалою въ своемъ дневникѣ. Черезъ четыре года, онъ явился опять въ Лондонѣ, но уже бѣглецомъ, послѣ берлинской революціи. Принцъ Альбертъ повторилъ о немъ отзывъ своей супруги: «это человѣкъ благородный, честный и совершенно преданный новому движенію въ Германіи; на него напа-

дают потому, что боятся его». Обѣдая у прусскаго посланника въ Лондонѣ, принцъ Вильгельмъ, вмѣсто назначеннаго ему кресла, взялъ простой стулъ, сказавъ: «троны нынче колеблются, надо быть скромнымъ». Онъ не вмѣшивался въ политику Пруссіи, но побѣды Врангеля надъ датчанами въ Шлезвигѣ побудили его написать генералу поздравительное письмо. Оно было прочитано передъ войскомъ, и возбудило въ нихъ энтузіазмъ, но еще болѣе увеличило число враговъ Вильгельма. Возбужденіе противъ него дошло до того, что въ церквяхъ пасторы не смѣли присоединять его имя къ молитвамъ за королевскій домъ. Но были у принца и друзья, требовавшіе его возвращенія въ Берлинъ. Этого можно было достигнуть конституціоннымъ путемъ. Одинъ Познанскій округъ выбралъ принца своимъ депутатомъ на сеймъ, и принцъ принялъ избраніе, но другіе депутаты протестовали, и чернь грозила разграбить дворецъ принца, который съ трудомъ отстояла гражданская гвардія. Вильгельмъ въ письмѣ къ королю-брату говоритъ, что свободныя учрежденія, для укрѣпленія которыхъ, созваны народные представители, разовьются ко благу Пруссіи, и онъ посвятитъ этому развитію всѣ свои силы. То же повторилъ онъ, и вернувшись на родину, заявивъ, что отъ всего сердца присоединяется къ новому порядку вещей, но не потерпитъ, чтобы права, порядокъ и законъ были нарушены. Въ палатѣ онъ сказалъ почти то же самое, прибавивъ только, что его долгъ, какъ перваго подданнаго прусскаго короля, посвятить свои силы «новой конституціонной формѣ правительства, которую король рекомендовалъ установить». Послѣ своей рѣчи, встрѣченной рукоплесканіями правой стороны, при молчаніи лѣвой, принцъ удалился и болѣе уже не появлялся въ палатѣ. До своего регентства, учрежденнаго въ то время, когда Фридрихъ-Вильгельмъ IV потерялъ разсудокъ, Вильгельмъ не принималъ участія въ правленіи и всегда дѣйствовалъ прямо, честно, открыто. Въ будущемъ году, этому рѣдкому человѣку и императору минетъ 90 лѣтъ, и едва ли во всей исторіи найдется другой примѣръ подобной славной и безупречной жизни.

— Судьба Карла I возбуждала всегда вниманіе историковъ. «Жизнь Карла I» (The life of Charles I. 1600—1625, by C. Beresford Chancellor) написана съ цѣлью изслѣдовать преимущественно годы первой молодости этого короля, о которой всѣ историки говорятъ очень мало. Хотя по первымъ годамъ человѣка нельзя судить о томъ, какъ онъ будетъ поступать въ зрѣломъ возрастѣ, но характеръ многихъ лицъ обнаруживается иногда довольно рано, и Карлъ I, воображавшій въ 25 лѣтъ, что одно присутствіе его въ Мадридѣ заставитъ папу и испанскій дворъ подчиниться желанію англійскаго короля, могъ думать и въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ, что стоитъ ему только появиться передъ вооруженными шотландцами и недовольными имъ англичанами—и власть его будетъ тотчасъ же признана всѣми. Изслѣдованія автора, во всякомъ случаѣ, любопытны, только напрасно онъ разсказываетъ совершенно серьёзно о являвшемся Карлу духѣ или привидѣніи, предсказавшемъ королю его печальную судьбу. Всѣ эти видѣнія и предсказанія пора бы оставить сказочникамъ. Вѣдь и Кромвелю какой-то духъ обѣщалъ, что онъ будетъ «величайшимъ человѣкомъ въ Англіи».

— Любопытны по своимъ романтическимъ подробностямъ «Мемуары арабской принцессы» (Memoiren einer Arabischen Prinzessin). Принцесса эта—сестра нынѣшняго султана Занзибара, Сендъ-Бургаша. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, она влюбилась въ гамбургскаго купца Рюте, бѣжала съ

нимъ въ Аденъ и, принявъ христіанство, вышла за него замужъ. Лѣтъ пять прожила она съ нимъ въ Гамбургѣ, гдѣ онъ былъ раздавленъ на конно-желѣзной дорогѣ и оставилъ вдову съ тремя дѣтьми. Пробѣдствовавъ нѣсколько времени въ Германіи, принцесса задумала вернуться въ Занзибаръ, но туда ее не пустили англичане, да и царствующій тамъ братецъ не очень стремился свидѣться съ сестрою. Пріѣзжалъ султанъ и въ Лондонъ, но и тамъ она не добилась свиданія съ нимъ. Извѣстный англо-африканскій дипломатъ, Бартль Фреръ, обѣщалъ ей дать субсидію отъ правительства и, какъ говоритъ принцесса, обманулъ ее. Затѣмъ она разсказываетъ еще, какъ нѣмцы отвезли ее на военномъ кораблѣ въ Занзибаръ, но англійскій резидентъ при дворѣ Сеида-Бургаша приказалъ высѣчь всѣхъ приверженцевъ принцессы, а ей самой предложилъ тысячу рупій съ тѣмъ, чтобы она оставила Занзибаръ и никогда въ него не возвращалась. Принцесса съ негодованіемъ отвергла унизительное предложеніе и вернулась въ Германію. Въ какой степени справедливо все, что она говоритъ въ своихъ мемуарахъ, — рѣшить трудно.

— Рейнгольдъ Бремъ составилъ на основаніи древнихъ испанскихъ источниковъ замѣчательную «Исторію царства Инковъ, учрежденій и нравовъ имперіи Тагуантинсуйю» (Das Inka-Reich. Beiträge zur Staats und Sittengeschichte des Kaiserthum Tahuantinsuyu). Книга начинается съ доисторическихъ временъ страны инковъ, говоритъ объ ихъ религіи, государственномъ устройствѣ, обычаяхъ, о томъ значительномъ культурномъ развитіи, въ какомъ ихъ застали испанскіе завоеватели. Положеніе императора, отношеніе къ нему подданныхъ, ихъ своеобразный бытъ, города, картины природы—все это описано съ документальною вѣрностью, хоть и походитъ на волшебную легенду. Постыдная роль христіанскихъ разбойниковъ, совершавшихъ въ покоренной и разграбленной ими странѣ неслыханныя злодѣйства, давно засвидѣтельствована исторіею, но авторъ отыскалъ еще новыя подробности подвиговъ братьевъ Пизарро по отношенію къ послѣднему независимому властителю инковъ Атагуальпѣ. Книга оканчивается исторіей сорокалѣтняго владычества испанцевъ въ доведенной ими до разворенія странѣ.

— Извѣстный ученый и романистъ, Георгъ Эберсъ, написалъ біографію своего друга, такого же неутомимаго изслѣдователя египетскихъ древностей, Рихарда Лепсіуса (Richard Lepsius. Ein Lebensbild), умершаго въ 1884 году. Біографу египтолога были доставлены всѣ матеріалы для самаго подробнаго жизнеописанія Лепсіуса, всѣ его неоконченныя произведенія, письма, наброски, записки и даже 27 томовъ дневника, который вела жена Лепсіуса, конечно, болѣе всего распространявшаяся о своемъ мужѣ. Поэтому составленіе такой полной біографіи потребовало немало времени, и за то въ ней не упущено ни одной черты сколько нибудь характеризующей покойника. Это настоящая «картина жизни», какъ ее назвалъ авторъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ превосходная картина быта берлинскихъ ученыхъ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, со всѣми мелкими домашними и кабинетными подробностями, не лишенными, однако, ни значенія, ни интереса.

— Докторъ Ашротъ издалъ выдающееся сочиненіе «Положеніе бѣдныхъ въ Англіи, въ его историческомъ развитіи и настоящемъ видѣ» (Das englische Armenwesen in seiner historischen Entwickelung und in seiner heutigen Gestalt). Нигдѣ такъ не развита помощь бѣднымъ, какъ въ Англіи, а между тѣмъ въ этой странѣ мало книгъ, изъ которыхъ можно было бы

узнать настоящее положеніе этого вопроса, не смотря на статистику пауперизма, появляющуюся и въ «синихъ книгахъ». Но только нѣмецъ разобралъ какъ слѣдуетъ англійскій «законъ о бѣдныхъ», показалъ историческій ходъ его и современное значеніе. Авторъ привелъ также всѣ теоріи, планы и учрежденія, относящіяся къ этому закону, и подробно обсуждаетъ, въ какой мѣрѣ всѣ эти выработанныя въ Англіи постановленія примѣнимы къ Германіи. Вопросъ о томъ, въ какомъ видѣ должна явиться въ наше время частная и общественная благотворительность,—принадлежитъ къ существеннымъ «злобамъ дня» и рѣшеніе его, практическое и удовлетворительное, одинаково важно не только для Англіи и Германіи, но и для цѣлаго міра.

— Англія и не думаетъ отказываться отъ своего титула «владычицы морей». Это доказывается и тѣмъ, что внуки королевы Викторіи получаютъ теоретическое и практическое морское образованіе, какъ получили его и ея сыновья. Принцъ Уэльскій еще въ 1879 году отправилъ своихъ сыновей въ трехлѣтнее кругосвѣтное плаваніе, и теперь вышло въ свѣтъ описаніе этого плаванія, составленное по частнымъ дневникамъ, письмамъ и замѣткамъ принца Альберта-Виктора и принца Джорджа Уэльскаго, подъ названіемъ «Крейсированіе корабля ея величества «Вакханка» (The cruise of her Majesty's ship «Bacchante» 1879—1882. Compiled from the private journals, letters and note-books of prince Albert-Victor and prince George of Wales). Книга эта, составленная будущимъ королемъ Англіи и его братомъ, читается съ большимъ интересомъ и полна любопытныхъ подробностей. Въ ней только кажется страннымъ множество цитатъ изъ греческихъ, римскихъ, даже буддистскихъ философовъ, изъ малоизвѣстныхъ сочиненій, какъ «Завоеваніе Канарскихъ островов въ 1402 году», средневѣковыхъ легендъ, какъ о норманскомъ баронѣ Бетенкурѣ, «страшно ревновавшемъ свою жену». Все это могли бы знать и королевскія дѣти, если бы только они были постарше, а то Альберту-Виктору было 16, а брату его 14 лѣтъ, когда они отправились странствовать. За то описанія видѣнныхъ ими странъ: Индіи, Китая, Японіи, Австраліи, Мыса Доброй Надежды и др. интересны во многихъ отношеніяхъ.

— Къ современнымъ вопросамъ относится книга «Греческіе острова и Турція послѣ войны» (The greck islands and Turkey after the war by dr. H. M. Field). Авторъ ея американецъ, не безъ юмора передающій свои впечатлѣнія во время странствованій по востоку. Турокъ онъ называетъ невозможнымъ народомъ, съ чѣмъ, однако, нельзя согласиться. Невозможно турецкое управленіе, а не народъ, въ которомъ много хорошихъ качествъ и который способенъ къ развитію, даже въ европейскомъ смыслѣ. Это не насквозь проникнутые духомъ наживы евреи, для которыхъ немыслимъ никакой прогрессъ, пока они образуютъ изъ себя замкнутую касту эксплоататоровъ, ненавидящихъ всѣ другіе народы. Турокъ добродушенъ, честенъ и хоть апатиченъ, но трудолюбивъ. Между тѣмъ, авторъ говоритъ, что вопросъ о существованіи Турціи зависитъ отъ того, какъ долго Европа будетъ переносить сосѣдство этой огромной, разлагающейся массы азіатскаго варварства. Говоря о болгарахъ, авторъ увѣряетъ, что основанная въ средѣ ихъ американская коллегія, съ цѣлью развитія протестантскаго ученія, оказываетъ большіе успѣхи. Мы имѣемъ, напротивъ, свѣдѣнія о развитіи между болгарами религіознаго индиферентизма, но никакъ не протестантизма.

— Африканское побережье Средиземнаго моря должно неизбѣжно войдти въ сферу европейскаго вліянія. Этого требуютъ исторически сложившіяся

политическія и торговыя сношенія южныхъ державъ Европы съ менѣе развитыми странами сѣверной Африки. Это уже и было однажды во время римскаго владычества. Но, когда всемірная имперія раздробилась на нѣсколько національностей, отъ нея отпали и африканскія провинціи, теперь снова переходящія къ христіанскимъ державамъ изъ-подъ власти мусульманъ. Англія уже почти завладѣла Египтомъ, Алжиръ—французская колонія, Мароко долженъ принадлежать Испаніи, Италія упустила благопріятную минуту, чтобы захватить Тунисъ и теперь ей остается только Триполи, потому что Тунисомъ уже овладѣла Франція. Два вышедшія нынѣ сочиненія даютъ полное понятіе и о странѣ и о томъ, какъ она присоединилась къ Франціи. Капитанъ и профессоръ географіи Буа описалъ «Французскую экспедицію въ Тунисъ» (Expedition française en Tunisie), Эдмондъ Дефоссе—«Тунисъ подъ протекторатомъ и его присоединеніе къ Алжиру» (La Tunisie sous le protectorat et son annexion à l'Algérie). Въ 1881 году, тунисское племя крумировъ вторглось въ Алжирію и разграбило нѣсколькихъ французскихъ колонистовъ и арабскихъ племенъ, подчиненныхъ Франціи. Тунисскій бей не имѣлъ силы и не хотѣлъ наказать своихъ возмутившихся подданныхъ. За это взялись французы, побили сначала крумировъ, потомъ тунисцевъ и, по договору съ беемъ, заняли всѣ сѣверные города провинціи своими войсками. Это не понравилось южнымъ племенамъ, они возстали въ 1882 году, но были, въ свою очередь, разбиты французами, взявшими у нихъ сильную крѣпость Сфаксъ и священный городъ Керуанъ. Тунисцы должны были покориться. Все это разсказываетъ подробно капитанъ Буа. Эдмондъ Дефоссе доказываетъ, что протекторатъ, учрежденный съ тѣхъ поръ въ Тунисѣ, не достигаетъ своей цѣли и что нужно совершенно уничтожить мѣстную администрацію. Въ странѣ полтора милліона туземцевъ, между которыми 45,000 евреевъ. Европейцевъ до 25,000 (французовъ 4,000, итальянцевъ 10,000, англичанъ 9,000 и до 2,000 грековъ, нѣмцевъ и другихъ національностей). Почва необыкновенно плодородна, торговля и промышленность мало развиты, хотя въ 1885 году вывозъ превышалъ 45.000,000 піастровъ (піастръ = 60-ти сантимамъ). Франція можетъ извлечь огромныя выгоды изъ этой провинціи.

— Гораздо менѣе выгодъ приноситъ Франціи другая, болѣе отдаленная провинція — Индо-Китай, также поступившая подъ французскій протекторатъ и стоившая большихъ потерь своей метрополіи — людьми и деньгами. Вышедшія недавно «Письма изъ Тонкина» (Lettres du Tonkin, par René Normand) рисуютъ живую и интересную картину завоеванія этой провинціи. Исторію авторъ писать не могъ, онъ былъ не болѣе какъ подпоручикъ въ экспедиціонномъ корпусѣ и убитъ при отступленіи отъ Лангсона. Семья напечатала, для небольшаго кружка, его письма, набросанныя наскоро по утрамъ, передъ выступленіемъ въ походъ, по вечерамъ послѣ стычекъ или утомительныхъ переходовъ. Въ письмахъ этихъ столько простоты, правды, теплаго чувства, что они невольно привлекаютъ читателя, хотя литературнаго достоинства въ нихъ нѣтъ. Нѣтъ въ нихъ также критическаго обсужденія плановъ военныхъ операцій. Авторъ описываетъ только, какъ онъ исполнялъ свой долгъ: приказано было стоять семь часовъ сряду, по колѣна въ водѣ, подъ палящими лучами солнца, подъ градомъ пуль въ десятеро сильнѣйшаго непріятеля, и онъ стоитъ, пока не отдадутъ приказъ: двинуться впередъ, лѣзть на крутую скалу, уставленную скрытыми вражескими батареями, и онъ лѣзетъ съ такой отвагою, что ему обѣщаютъ крестъ. Какъ ребенокъ ра-

дуется онъ этому кресту, который подвинетъ его производство въ поручики на 22-мъ году! «Не говорите, что на меня смотритъ отечество. Оно ничего не знаетъ о моемъ существованіи и до меня ему нѣтъ никакого дѣла. Однимъ подпоручикомъ больше или меньше въ арміи — не все ли это равно? Но вотъ если обо мнѣ скажетъ полковникъ Эрбенже генералу Негріе — это очень важно». И между тѣмъ, этотъ Негріе свалилъ на этого Эрбенже вину пораженія французовъ при Лангсонѣ. За это генералъ былъ отставленъ, а полковникъ, отданный подъ судъ за точное исполненіе постыднаго приказанія своего начальника, хотя и былъ оправданъ, но умеръ измученный походомъ и оскорбительными гоненіями. Убитъ и молодой авторъ теплыхъ писемъ, и французамъ пришлось заключить невыгодный миръ съ китайцами, отказавшись отъ большей части своихъ завоеваній въ Тонкинѣ. Что же послѣ этого и военная слава и какую роль играетъ въ ней человѣческая жизнь?.. Прибавьте къ тому же, что изъ простодушныхъ, симпатичныхъ писемъ подпоручика и не узнаешь, какъ плохо велась война въ Тонкинѣ и какъ плохо распоряжались всѣ эти генералы, въ родѣ Негріе, и министры, въ родѣ Жюля Ферри. Во французской литературѣ существуютъ подобныя письма поручика Поля-Луи Курье, знаменитаго сатирика и памфлетиста. Онъ тоже описывалъ кампанію, въ которой участвовалъ. Но въ своихъ письмахъ Курье указываетъ только на промахи своихъ шефовъ, сердится, критикуетъ, осмѣиваетъ планы сраженій, даже бранится, находитъ войну жестокой и глупой, съ ироніей отзывается о ранахъ своихъ товарищей, тогда какъ Рене Норманъ плачетъ надъ сержантомъ Потье, убитымъ подлѣ него. Газеты говорятъ, что и на похоронахъ Рене Нормана плакали его начальники. Если это сказано не для красоты слога, то, можетъ быть, утѣшитъ другихъ подпоручиковъ...

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Варшавскій архіепископъ Фелинскій.

(Отрывокъ изъ памятной книжки).

СЪ ФЕЛИНСКИМЪ я случайно познакомился въ 1856, или 1857 году, чрезъ покойнаго варшавскаго банкира Леопольда Кроненберга и ксендза (впослѣдствіи епископа) графа Лубенскаго.

Кроненбергъ и графъ Лубенскій задались мыслью возстановить университетъ въ Вильнѣ и по этому случаю написали уставъ университета на французскомъ языкѣ.

Плохо владѣя русскимъ языкомъ, они просили меня перевести уставъ и проредактировать его такъ, чтобы онъ имѣлъ возможность быть утвержденнымъ правительствомъ.

Въ это время Фелинскій находился при графѣ Лубенскомъ въ качествѣ, если не ошибаюсь, послушника, и принесъ мнѣ отъ послѣдняго французскій уставъ, при чрезвычайно любезной запискѣ, писанной на томъ же діалектѣ. Графъ просилъ меня прочесть уставъ при Фелинскомъ, сдѣлать устныя замѣчанія, если я таковыя найду необходимыми, и выслушать объясненія Фелинскаго, въ случаѣ какихъ либо недоразумѣній съ моей стороны.

Я исполнилъ просьбу графа Лубенскаго, передалъ мое мнѣніе объ уставѣ Фелинскому, отмѣтивъ карандашемъ тѣ параграфы, которые, какъ мнѣ казалось, ни въ какомъ случаѣ не могли получить санкціи русскаго правительства, замѣтивъ при этомъ ксендзу, что графъ, вѣроятно, не принялъ въ соображеніе, что уставъ предназначается для русскаго университета, для русскихъ студентовъ, для русскаго города.

Фелинскій все время сидѣлъ, потупивъ глаза, и съ замѣчательнымъ смиреніемъ и даже съ какою-то робостію излагалъ мнѣ мысли графа Лубенскаго, не соотвѣтствовавшія моимъ взглядамъ; но когда я прямо указалъ ему на одинъ параграфъ устава, который предоставлялъ разныя льготы студентамъ изъ поляковъ, — льготы, которыми не имѣли право пользоваться русскіе студенты; когда я безъ всякихъ обиняковъ назвалъ уставъ поль-

скими бреднями, съ поползновеніемъ учредить государство въ государствѣ, у скромнаго, робкаго ксендза засверкали глаза, и онъ изъ невинной, боязливой овцы превратился чуть не въ лютаго звѣря. Онъ вдругъ всталъ и съ жестикуляціями трагика началъ мнѣ доказывать, что Россія не доросла еще до Польши по своей культурѣ, что русскіе напрасно думаютъ, будто поляки не могутъ свергнуть ненавистнаго имъ ига варваровъ...

Но потомъ, вдругъ опомнившись, моментально утихъ и предо мной опять явился невинный агнецъ, въ лицѣ Фелинскаго, послушника графа Лубенскаго.

Послѣ многократныхъ посѣщеній Кроненберга, графа Лубенскаго и Фелинскаго, я положительно объявилъ имъ, что отъ перевода и редактированія ихъ устава окончательно отказываюсь, и рекомендовалъ имъ, вмѣсто себя, въ переводчики А. Г. Ротчева, который, безъ всякихъ разсужденій, перевелъ уставъ слово въ слово. Само собою разумѣется, что уставъ провалился, и польско-еврейская затѣя не удалась.

Послѣ этого, хотя и очень рѣдко, оба ксендза (Лубенскій и Фелинскій) изъ времени до времени посѣщали меня, но съ 1861 года, по случаю отъѣзда моего въ Варшаву, я ихъ болѣе не видѣлъ; зналъ только, что графъ Лубенскій сдѣланъ былъ епископомъ.

Въ 1862 году, явился въ Петербургъ знаменитый маркизъ Веліопольскій, дѣянія котораго были хорошо мнѣ извѣстны по Варшавѣ. Въ началѣ его пребыванія въ Петербургѣ, какъ я слышалъ отъ людей, принадлежащихъ къ высшей администраціи, на маркиза смотрѣли не совсѣмъ благопріятно, но чрезъ очень короткое время онъ такъ ловко обдѣлалъ дѣла свои, что съ нимъ начали серьезно совѣтоваться о животрепещущихъ обстоятельствахъ царства Польскаго. Онъ даже получилъ ленту Бѣлаго орла, которой очень добивался, обошелъ всѣ препятствія и достигъ своей цѣли — быть вторымъ лицомъ въ Варшавѣ и притомъ лицомъ съ огромнымъ политическимъ значеніемъ.

Въ это время, въ числѣ разныхъ политическихъ комбинацій, маркизъ предложилъ возвести въ санъ варшавскаго архіепископа бѣднаго, скромнаго, непорочнаго ксендза Фелинскаго, который, по увѣреніямъ Веліопольскаго, преданъ Россіи всѣмъ сердцемъ и всею душою своею и ради простаго, весьма естественнаго, чувства благодарности явится самымъ рьянымъ поборникомъ всѣхъ распоряженій и мѣропріятій русскаго правительства въ Россіи.

На дѣлѣ, въ самый короткій срокъ времени, оказалось, что Фелинскій вѣрный рабъ папы и польско-революціонной партіи, вслѣдствіе чего всѣ его дѣйствія клонились въ ущербъ и вредъ русскаго правительства, русскаго народа.

Къ сожалѣнію, слишкомъ поздно догадались, что Фелинскій злѣйшій врагъ нашихъ интересовъ, и скромный ксендзъ, превратившійся въ грознаго католическаго архіепископа, былъ сосланъ на житье въ Ярославль.

Тутъ онъ разыгрывалъ роль мученика и страдальца за вѣру и отчизну, хотя въ сущности жилъ припѣваючи, окруженный не только комфортомъ, но даже роскошью, при помощи своей паствы, собиравшей для него значительныя деньги.

Нынѣ Фелинскій, получая пенсію, живетъ въ свое удовольствіе за границею, проклиная Россію и русское правительство, не давшее ему совер-

шить придуманную имъ религіозно-революціонную реформу въ царствѣ Польскомъ.

Графъ Лубенскій тоже живетъ за границей, но, такъ какъ онъ получилъ чисто французское воспитаніе, то не добивается цѣлей слишкомъ широкихъ и довольствуется религіозною помощію, ради приманки къ себѣ вѣрующихъ женщинъ. Принадлежа по рожденію и воспитанію къ высшему обществу, Лубенскій любитъ свѣтъ, любитъ удовольствія, любитъ роскошь, любитъ нѣжныя чувства. Въ немъ нѣтъ того гнуснаго фарисейства, которое всегда преобладаетъ въ характерѣ польскихъ ксендзовъ; онъ часто забываетъ, что носитъ рясу, и готовъ нерѣдко опускаться въ омутъ свѣтской жизни.

И. А. Арсеньевъ.

СМѢСЬ.

ВОЗРОЖДЕНІЕ черноморскаго флота. 6-го мая совершилось знаменательное для русской исторіи событіе. На волнахъ Чернаго моря, еще издревле называемаго «Русскимъ», появился первый броненосецъ, носящій громкое имя «Чесмы». Вслѣдъ за нимъ съ доковъ Николаева спущенъ другой панцырный корабль «Екатерина II». Кромѣ того, этихъ первенцовъ возродившагося русскаго флота окружило нѣсколько миноносокъ, въ то же время спущенныхъ со стапелей новоустроенныхъ доковъ въ Севастополѣ. Прошло болѣе 33-хъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, когда въ волны Чернаго моря погрузился деревянный русскій флотъ; 16 лѣтъ тому назадъ, Россія возвратила себѣ право имѣть флотъ на своемъ южномъ морѣ, но право это не осуществлялось до настоящаго времени. Теперь наше южное побережье имѣетъ не только оборонительныя, но и наступательныя средства, и полныя энергіи слова русскаго государя, обнародованныя въ приказѣ по черноморскому флоту, заставили задуматься европейскую дипломатію: «Воля и помыслы Мои направлены къ мирному развитію народнаго благоденствія, но обстоятельства могутъ затруднить исполненіе Моихъ желаній и вынудить меня на вооруженную защиту государственнаго достоинства». Отнынѣ развитіе этой защиты также вполнѣ обезпечено на Черномъ морѣ, какъ и на Балтійскомъ.

Трехсотлѣтній юбилей Воронежа. Городъ Воронежъ праздновалъ 11-го мая трехсотлѣтнюю годовщину своего основанія. Съ утра главныя улицы были переполнены народомъ. Національные русскіе цвѣта перемѣшивались съ громадными георгіевскими лентами, андреевскіе флаги смягчали убранство балконовъ, задрапированныхъ ярко-красными фестонами; подделка подъ горностаевую мантію служила фономъ громаднымъ щитамъ съ вензелевыми буквами ихъ императорскихъ величествъ. Транспарантовъ съ гербами города и

уѣздовъ было множество. Гербы Воронежа, изображающіе, на золотой горѣ, опрокинутый серебряный кувшинъ, изъ котораго льется серебряная же рѣка Воронежъ, были окружены дубовыми вѣнками, перевиты андреевскими лентами и увѣнчаны императорскою короною. Далѣе виднѣлись бобры на серебряномъ полѣ, хорьки на золотомъ полѣ, кучи яблокъ, разсыпанныхъ по зеленой муравѣ, золотые снопы ржи, башни и т. п. Это гербы Боброва, Богучара, Валуекъ, Острогожска, Задонска и другихъ лучшихъ городковъ губерніи. Была масса транспарантовъ, напоминавшихъ причину празднествъ; на нихъ утверждалось, что «Воронежу 300 лѣтъ», точно для этого недостаточно было историческихъ актовъ, хранящихся въ губернскомъ архивѣ, а еще требовалось свидѣтельство громадныхъ надписей. Вензель, увѣнчанный императорскою короною, окружало безчисленное множество крошечныхъ флаговъ, среди которыхъ возвышались два георгіевскихъ знамени. Съ обѣихъ сторонъ вензеля и внизу его большіе красные щиты, окруженные живыми цвѣтами; на щитахъ красовались серебряныя цифры: «1586», «1886» и «300». Послѣдній щитъ былъ окруженъ небольшими фестонами изъ красной матеріи, на которыхъ красовались писанные масляными красками гербы Воронежа и уѣздовъ. Празднованіе юбилея открылось торжественнымъ богослуженіемъ, въ Благовѣщенскомъ храмѣ Митрофаніевскаго монастыря (самомъ древнемъ изъ всѣхъ воронежскихъ церквей). Затѣмъ вокругъ монастыря, въ мѣстности, составлявшей древнюю крѣпость Воронежа, начался крестный ходъ и на монастырской площади отслуженъ молебенъ. Къ этому времени обширная зала дворянскаго собранія наполнилась избранною публикою; мужчины занимали мѣста внизу, дамы — на хорахъ. По окончаніи церковнаго торжества сюда прибыли всѣ представители мѣстной административной власти, выборныхъ и сословныхъ учрежденій и печати. Г. М. Веселовскій, содержатель лучшей въ городѣ типографіи, гласный и предсѣдатель массы всевозможныхъ мѣстныхъ учрежденій, кромѣ того, неутомимый труженикъ на поприщѣ исторіи и литературы, прочелъ рѣчь, въ которой была изложена историческая судьба Воронежа за истекшее трехсотлѣтіе. Онъ закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Я думаю, что буду выразителемъ общаго настроенія даннаго момента, если, въ заключеніе, позволю себѣ отнестись съ теплою благодарностью къ памяти предковъ, положившихъ свои силы на дѣло служенія нашему городу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на рубежѣ четвертаго столѣтія пожелаемъ Воронежу счастливаго преуспѣнія въ будущемъ, великихъ и сильныхъ гражданъ въ рядахъ грядущихъ поколѣній и чтобы девизомъ его будущей исторіи были: свѣтъ, правда и честь!»

Оратора наградили громкими рукоплесканіями и затѣмъ публика съ одушевленіемъ приняла слѣдующій адресъ отъ всѣхъ сословій города Воронежа, отправленный по телеграфу министру внутреннихъ дѣлъ, для представленія государю императору.

«Всепресвѣтлѣйшій государь! Граждане Воронежа празднуютъ 300-лѣтіе своего роднаго города, возникшаго по указу державнаго твоего предка Ѳеодора Іоанновича, съ цѣлью защиты государства отъ набѣговъ татарскихъ ордъ. Державный твой предокъ, Великій Петръ, избралъ Воронежъ для созданія русской флотиліи, жилъ въ Воронежѣ и своими царственными руками работалъ на верфи вмѣстѣ съ воронежскими служилыми людьми на пользу и славу Русскаго государства. Затѣмъ не разъ въ послѣднія времена русскіе цари осчастливили посѣщеніемъ Воронежъ, возвышая тѣмъ духъ граж-

данъ и поддерживая въ нихъ стараніе блюсти славу и честь своего города, которому выпало на долю внести въ общую сокровищницу исторіи Россійскаго государства и свою славную страницу. Нынѣ, празднуя знаменательный день 300-лѣтняго юбилея, воронежскіе граждане, проникнутые глубокимъ чувствомъ благодарности къ царямъ, повергаютъ свои вѣрноподданническія чувства къ стопамъ твоимъ, державный государь, и молятъ Бога о продленіи дней твоихъ и семьи твоей на многія лѣта, на славу и пользу Русскаго государства».

По окончаніи оффиціальной стороны торжества присутствующимъ былъ предложенъ въ клубѣ дворянскаго собранія завтракъ и обѣдъ.

Двадцатилѣтіе мировыхъ учрежденій. 17-го мая Петербургъ праздновалъ двадцатилѣтіе открытія мировыхъ учрежденій. Въ этотъ же день освящено и новое зданіе, выстроенное городской думой для помѣщенія столичнаго мироваго съѣзда и другихъ учрежденій. Городской голова въ своей рѣчи выяснилъ, что громадная перемѣна, которую во всемъ строѣ нашей жизни произвела судебная реформа, имѣетъ большое историческое значеніе. Многое теперь уже забыто, уменьшилось и число свидѣтелей совершившившейся перемѣны. Но довольно напомнить, что̀ новаго даровалъ новый судебный порядокъ, чтобы понять тотъ горячій восторгъ, съ которымъ онъ привѣтствовался: отдѣленіе суда отъ вліянія администраціи, несмѣняемость судей, оградившая ихъ отъ лицепріятія, страха и подобострастія къ сильнымъ, освобожденіе совѣсти судей отъ путъ формальныхъ доказательствъ, равноправность защиты и обвиненія, публичность и гласность, охраняющія судебный порядокъ, наконецъ, участіе мѣстнаго населенія въ качествѣ присяжныхъ — вотъ тѣ существенныя черты, которыя присущи суду новому. Затѣмъ ораторъ перешелъ къ особенностямъ и преимуществамъ суда мироваго, гдѣ самостоятельно дѣйствуетъ избранникъ того общества, членовъ котораго онъ призванъ судить. Благія послѣдствія судебнаго преобразованія, засвидѣтельствованныя с.-петербургской городской думой, теперь обнаружились еще болѣе, пробудилось и уваженіе къ судьѣ, и къ закону, нынѣ замѣтно и воспитательное вліяніе суда на населеніе и смягченіе нравовъ, уменьшеніе оскорбленій, насилій и самоуправствъ. Далѣе городской голова характеризовалъ дѣятельность мироваго суда интересными цифровыми данными.

Такъ, съ 17 мая 1866 года по январь 1886 года въ столичныхъ мировыхъ участкахъ производилось 1.475,368 дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ, изъ нихъ разрѣшено 1.223,009 и окончено миромъ 169,810 дѣлъ (13 проц.). За то же время въ мировой съѣздъ поступило 101,562 дѣла, рѣшено 97,201, кончено миромъ 2,178, или 2 проц. Къ мировымъ судьямъ гражданскихъ исковъ поступило 962,000, на сумму свыше 50 милліоновъ, и охранено наслѣдственныхъ имуществъ свыше 500 мил. руб.

Уголовныхъ дѣлъ къ мировымъ судьямъ поступило 512,468, изъ нихъ 2,067 возникли по собственному усмотрѣнію судей. Рѣшено 496,137, окончено миромъ 47,439 и передано въ другія установленія 14,117. На приговоры судей принесено протестовъ, апелляцій и кассацій 31,447, или 6,3 процен. На каждаго изъ столичныхъ судей приходилось не менѣе 2,500 рѣшенныхъ дѣлъ и охраненій свыше милліона рублей. По уголовнымъ дѣламъ было подсудимыхъ 586,119; изъ нихъ почти 80 процент. мужчинъ и 20 процент. женщинъ. Оправдано 235,091, или 40 проц., и обвинено 851,023 человѣка. Съ мая 1866 года по январь 1886 годъ, поступило штрафныхъ и судебныхъ сборовъ 1.029,050 рублей 49 коп.

За этотъ непрерывный тяжелый трудъ петербургскіе мировые судьи несомнѣнно заслужили благодарность населенія столицы.

Тысяча-первая годовщина св. Кирилла и Меѳодія. Торжественно и вмѣстѣ съ тѣмъ скромно была отпразднована тысяча-первая годовщина Кирилла и Меѳодія. Большая зала городской думы представляла сплошную массу лицъ, желавшихъ присутствовать на этомъ торжественномъ праздникѣ. На эстрадѣ была воздвигнута хоругвь Кирилла и Меѳодія. Пѣніе тропаря святымъ братьямъ огласило своды зданія городской думы и торжество открылось. П. А. Ровинскій, изучившій бытъ черногорцевъ, представилъ публикѣ очеркъ исторіи значенія владыкъ въ Черногоріи. Исторія Черногоріи начинается съ паденіемъ государства Зебы и выражается правленіемъ владыки Ивана. Свѣтская власть не могла существовать, вслѣдствіе исторически сложившихся обстоятельствъ, и ее замѣнила духовная. Благодаря послѣдней, Черногорія при всѣхъ печальныхъ судьбахъ своего народа, при всѣхъ истязаніяхъ и безчеловѣчномъ господствѣ турокъ, наконецъ достигла своей желанной цѣли и сдѣлалась самостоятельной страной.

Профессоръ О. Ѳ. Миллеръ прочелъ стихотвореніе И. С. Аксакова, написанное имъ въ 1854 году. Стихотвореніе въ память И. С. Аксакова, написанное М. П. Розенгеймомъ, вызвало дружные, безконечные аплодисменты и, по настоянію публики, было прочитано второй разъ. За отсутствовавшаго г. Бестужева-Рюмина читалась его рѣчь о юбилеѣ Татищева. Эпоха Петра Великаго находится въ тѣсной связи съ дѣятельностью Татищева, который является первоначальнымъ піонеромъ русской исторической науки. Его труды безцѣнны и представляютъ большое значеніе для историка. Если вспомнить тѣ времена, когда приходилось жить нашему первому историку, если принять во вниманіе, что Татищеву приходилось ратоборствовать за дорогую ему и его сердцу науку, то его дѣятельность освѣтится еще болѣе лучезарнымъ сіяніемъ и его заслуги яснѣе предстанутъ предъ нашими глазами. «Пора же намъ, наконецъ, уважать,—сказалъ ораторъ,—нашихъ великихъ людей... Будемъ учиться у нашихъ гигантовъ мысли и чувства добросовѣстности, упорнаго и безпрестаннаго труда»...

Впечатлѣніе, произведенное торжествомъ, еще болѣе увеличилось подъ вліяніемъ произнесенной О. Ѳ. Миллеромъ рѣчи, въ память покойнаго Аксакова. Здѣсь г. Миллеръ больше всего старался изобразить дѣятельность, характеръ ея и установить тотъ взглядъ, тотъ масштабъ, которымъ слѣдуетъ ее измѣрять. Толки, пересуды, нападки—плодъ незнакомства съ его взглядами, убѣжденіями, выразившимися въ его публицистической и литературной дѣятельности.

Татарская рукопись. Отъ времени до времени изъ нѣдръ мусульманства откапываются такіе документы, которые, дѣлаясь достояніемъ науки, являются весьма цѣннымъ вкладомъ. Документы эти, попреимуществу историческаго характера: рукописи—грамоты, благодаря косности татаръ, для русскихъ оказываются почти недоступными, и если появляются на свѣтъ, то благодаря какому нибудь счастливому случаю. Одна изъ такихъ рукописей, найденная въ домѣ купца Антова, была прочитана въ майскомъ засѣданіи казанскаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи. Въ ней, со словъ очевидца, трактуется «о пребываніи Пугачева въ Казани». Этотъ историческій памятникъ важенъ тѣмъ, что указываетъ, какъ держали себя казанскіе татары во время нашествія Пугачева. Въ этой рукописи, между прочимъ, раз-

сказывается, что одинъ старецъ-татаринъ, по имени Ибрагимъ, узнавъ о приближеніи Пугачева, разставилъ около одной мечети столы, наполнилъ ихъ разными яствами и созвалъ своихъ единоплеменниковъ. Скоро появилось въ Казани пугачевское полчище, состоявшее изъ русскихъ, черемисъ, чувашъ и башкиръ, вооруженныхъ вилами, ухватами и даже головнями. Къ поджидавшимъ татарамъ подошли вожаки полчища и потребовали, чтобы они шли съ поклономъ на встрѣчу «батюшкѣ». Татары, накормивъ пришельцевъ, въ числѣ 17-ти человѣкъ, сѣли вооруженными на коней, перевязали руки синими тряпицами (по примѣру всѣхъ пугачевцевъ) и направились къ Пугачеву на Арское поле, но не прямымъ путемъ, а по московской дорогѣ. Тутъ они наткнулись на отрядъ Михельсона и, «перемѣнивъ фронтъ», сказали ему, что вышли не къ Пугачеву, а на подмогу царскому войску. Такимъ образомъ татары во время нашествія Пугачева вели себя двулично, переходя на сторону то тѣхъ, то другихъ, смотря по тому, откуда имъ грозила опасность.

Археологическая находка. Въ оградѣ Эчміадзинскаго монастыря по настоящее время показываютъ замѣчательную археологическую рѣдкость—бронзовый котелъ. Онъ вѣсомъ въ 25 пудовъ, замѣчателенъ какъ роскошной отдѣлкой частей, такъ и изяществомъ общей формы. По краямъ котла безъ малѣйшей порчи сохранилась надпись (на армянскомъ языкѣ), свидѣтельствующая, что котелъ подаренъ частнымъ лицомъ церкви армянской, 654 года тому назадъ. Котелъ стоитъ на красивомъ треножникѣ, составляющемъ вмѣстѣ съ нимъ одно цѣлое. Діаметръ котла около 1½ аршина. Онъ найденъ въ 6-ти верстахъ отъ Дилижана, Эриванской губерніи, въ развалинахъ древняго города, архимандритомъ Погосомъ. Этотъ архимандритъ увѣрялъ втеченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ (онъ и теперь находится въ Эчміадзинѣ), что его во снѣ заставляли пойдти покопать извѣстное мѣсто, такъ какъ тамъ зарыто что-то. Десять или 15-ть лѣтъ тому назадъ, монахъ этотъ обратился къ епископу Макарію, нынѣшнему католикосу, съ совѣтомъ: какъ ему отдѣлаться отъ надоѣдливости этихъ сновидѣній. Наконецъ, совѣтъ превратился въ угрозу, тогда онъ взялъ рабочихъ и выкопалъ въ указанномъ мѣстѣ котелъ. Обрадовавшись благополучной находкѣ, онъ бросилъ копать дальше, но увѣряютъ, что должна быть зарыта и крыша, такъ какъ устройство котла показываетъ, что въ немъ перегоняли душистыя масла для варенія мира. Внутренность котла до того блестяща, что нельзя не допустить, что тутъ смѣсь бронзы съ серебромъ. Въ котлѣ находился средней величины колоколъ, отличающійся отъ современныхъ инымъ устройствомъ и пріятнымъ звономъ. По справкамъ въ исторіи, которую, конечно, зналъ и монахъ, оказалось, что дѣйствительно въ означенномъ мѣстѣ нахожденія котла производилось и мировареніе.

Трехсотлѣтіе города Ливны. Въ этомъ году исполнится триста лѣтъ со времени основанія одного изъ самыхъ большихъ уѣздныхъ городовъ Орловской губерніи—Ливенъ. Ливны расположены при устьѣ рѣчки Ливенки, впадающей въ рѣку Сосну. Мѣстность, занимаемая этимъ городомъ, съ давнихъ поръ считалась важнымъ пунктомъ. Сюда изъ степей прикаспійско-черноморскихъ сходились три знаменитые «шляха» (дороги), муравскій, калміюсскій и изюмскій, по которымъ татары набѣгали на Русь. Поэтому на устьѣ Ливенки всегда содержался одинъ изъ пикетовъ («сторожа»), на обязанности которыхъ было «довирать степь и всѣ сакмы до пряма, чтобы воинскіе люди безвѣстно не пришли и дурна каково не учинили». Въ 1586 году, рѣшено было на этомъ

мѣстѣ построить городъ Ливны. Строителями его были воеводы князь Кольцовъ-Мосальскій и Хрущовъ. Городъ этотъ сдѣлался въ ту пору главнымъ пограничнымъ укрѣпленіемъ и отъ него потянулись сторожевыя линіи къ Воронежу. Здѣсь обыкновенно принимали «гонцовъ», отправлявшихся въ орду или возвращавшихся оттуда, здѣсь же снаряжались военные транспорты во многіе польскіе города и строились казенные струги для сплава припасовъ въ Донъ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ городъ этотъ и его область сдѣлались убѣжищемъ всякой голытьбы; это обстоятельство подало поводъ, что тогда создалась нелестная для города поговорка: «Ливны всѣмъ ворамъ дивны». Уѣзднымъ городомъ считаются Ливны съ 1611 года, но тогда уѣздъ его былъ несравненно обширнѣе нынѣшняго и захватывалъ значительную часть Щигровскаго уѣзда, Курской губерніи. Въ 1708 году, онъ былъ приписанъ къ Кіевской губерніи, въ 1719 отнесенъ въ Азовскую, а съ 1778 года назначенъ въ новоучрежденную Орловскую губернію.

Второе присужденіе премій митрополита Макарія. На второй конкурсъ для соисканія премій митрополита Макарія были представлены въ учебный комитетъ при синодѣ шесть сочиненій, въ томъ числѣ два рукописныхъ. По выслушаніи заключенія о нихъ учебнаго комитета, святѣйшій синодъ, по опредѣленію своему, отъ 30-го апрѣля текущаго года, за № 903, назначилъ двѣ полныхъ преміи въ тысячу пятьсотъ рублей каждая—доценту Кіевской духовной академіи Стефану Голубеву за сочиненіе его, подъ названіемъ: «Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники» (т. I, Кіевъ, 1883 года), и профессору Казанской духовной академіи Ивану Порфирьеву за сочиненіе его, подъ заглавіемъ: «Исторія русской словесности. Ч. II, отд. II. Литература въ царствованіе Екатерины II» (Казань, 1884 года), и одну неполную премію (въ тысячу рублей)—доценту Московской духовной академіи В. Кипарисову за сочиненіе его: «О свободѣ совѣсти, опытъ изслѣдованія вопроса въ области исторіи церкви и государства, съ I по IX вѣкъ». (Выпускъ I, Москва, 1883 года). Объ этомъ присужденіи наградъ объявлено авторамъ. Представленные рецензентами отзывы о вышепоименованныхъ сочиненіяхъ, удостоенныхъ премій, напечатаны въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1886 годъ.

Конкурсъ Хойнацкаго. Варшавскимъ университетомъ объявленъ конкурсъ на соисканіе преміи Адама Хойнацкаго въ 1886—1888 годахъ. Сочиненіе должно быть написано на русскомъ языкѣ и русскимъ подданнымъ на тему: «Краткій историческій очеркъ вытѣсненія ляшскихъ славянъ нѣмцами на Лабѣ, Одрѣ, Вислѣ и побережьяхъ Балтійскаго моря, съ подробнымъ разъясненіемъ причинъ этого явленія», и заключать въ себѣ общую картину разселенія ляшскихъ славянъ въ IX—XI вѣкахъ, съ приложеніемъ историко-географической карты; краткій очеркъ постепеннаго уменьшенія ляшской территоріи съ запада, въ періоды средневѣковый и новый, съ приложеніемъ картъ XV и XIX вѣка, и подробное разъясненіе причинъ постепеннаго торжества нѣмцевъ надъ ляшскими славянами, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на благопріятствовавшія тому условія. Премія присуждается въ 900 р., и сочиненіе должно быть представлено не позже 30-го августа 1888 года.

Подсоборный склепъ въ московскомъ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ. Въ прошломъ году, одновременно съ исправленіемъ ветхихъ стѣнъ и возобновленіемъ стѣнописи въ соборномъ храмѣ Божіей Матери Смоленской, въ московскомъ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ было приступлено также къ очисткѣ и приведенію въ надлежащій видъ соборнаго подцерковья, служившаго со времени

основанія монастыря усыпальницею ближайшихъ царскихъ родственниковъ, а также многихъ угасшихъ теперь княжескихъ и боярскихъ фамилій, память о которыхъ сохранилась въ исторіи государства. Видъ соборнаго склепа и самыхъ надгробій до настоящей реставраціи, на-дняхъ только законченной, былъ крайне непривлекателенъ и все помѣщеніе не соотвѣтствовало своему назначенію. Вслѣдствіе царившаго безпорядка въ подцерковьѣ, которое, какъ оказалось, служило складочнымъ мѣстомъ для различнаго хлама и строительныхъ матеріаловъ, входъ туда былъ заложенъ, входная лѣстница полуразрушилась, рамы въ окнахъ исчезли и самыя окна были заложены, во всемъ громадномъ помѣщеніи царилъ мракъ и на всемъ были видны слѣды небрежности и запустѣнія. Многія каменныя надгробія, или, какъ въ старину ихъ называли, голубцы, стояли полуразрушенныя, нѣкоторыя намогильныя плиты съ надписями о погребенныхъ подъ ними отвалились отъ надгробій и, вѣроятно, многіе десятки лѣтъ были покрыты глубокими слоями песку и мусора. Въ немногихъ существующихъ описаніяхъ монастыря и въ спискахъ лицъ, погребенныхъ въ его подцерковьѣ, многія лица не упоминаются въ числѣ погребенныхъ, что̀ и подтвердилось при возобновленіи склепа. При устройствѣ въ соборѣ новаго плотно утрамбованнаго пола и замѣнѣ подъ главнымъ алтаремъ, гдѣ собственно покоются члены царской семьи, каменнаго пола земляным—потребовалось снять слой песку, земли и мусора; тогда открылись многія надгробія и плиты, съ хорошо сохранившимися на нихъ обронными надписями, которыя до настоящаго времени не были извѣстны. Прежде перечисленія новооткрытыхъ плитъ небезъинтересно напомнить имена лицъ, покоящихся въ соборной церкви и въ подцерковьѣ. Въ самомъ соборѣ погребены: царевна Софья Алексѣевна, принявшая въ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ схиму подъ именемъ Сусанны; царица Евдокія Ѳедоровна, первая супруга императора Петра I, рожденная Лопухина, и сестры Петра Великаго: Евдокія и Екатерина Алексѣевны. Въ склепѣ подъ алтаремъ погребены: царевна Анна, дочь Іоанна Грознаго, и царевна Татіана Михайловна, при жизни особенно благоволившая къ обители, сохранившей многіе вклады царевны. Кромѣ близкихъ царственныхъ родственниковъ, въ подцерковьѣ погребены: князья Воротынскіе, Сицкіе, Кубенскіе, Салтыковы, Голицыны и др.

Въ числѣ новооткрытыхъ могилъ первенствующею, конечно, слѣдуетъ считать могилу княгини Іуліаніи, жены князя Юрія Васильевича, брата царя Іоанна Грознаго, принявшей при постриженіи, въ 1564 году, имя Александры. При жизни княгиня пользовалась общимъ расположеніемъ и любовью за свой кроткій характеръ и за свои добродѣтели. Пострижена въ монашество княгиня Іуліанія въ томъ же монастырѣ, гдѣ и погребена. Затѣмъ, какъ передаютъ «Московскія Вѣдомости», были открыты могилы и надгробія со слѣдующими надписями: «Лѣта 7061 (т. е. 1553 года отъ Р. Х.) марта 6-го преставися князя Ивана княгиня Семеновича Ярославскаго княгиня Ирина, инока Александра схимница». «Лѣта 7061 октября 23-го преставися инока княгиня Варсанофія князя Дмитріева Васильевича Небогатаго». «Лѣта 7064 (т. е. 1556 по Р. Х.), марта 1-го преставися Григорій Юрьевичъ Захарьинъ». Это, по всему вѣроятію, родной дядя царицы Анастасіи, супруги Ивана Васильевича Грознаго, возведенный въ боярское званіе въ 1547 году, вслѣдъ за усмиреніемъ мятежа, вспыхнувшаго по случаю пожара, уничтожившаго большую часть Москвы и приписаннаго Глинскимъ.

По сохранившимся монастырскимъ преданіямъ, въ подцерковьѣ было погребено тѣло юродиваго Іакова, но, вѣроятно, его могила не имѣла плит

съ надписью, поэтому неизвѣстно, гдѣ именно покоятся останки этого блаженнаго. Всѣ вновь найденныя надгробія и намогильныя плиты были приведены въ порядокъ, очищены отъ пыли и мусора и установлены на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ были найдены. Надъ княжескими надгробіями, для большей сохранности, сдѣланы деревянные чехлы, на которыхъ воспроизведены надписи, сохранившіяся на надгробіяхъ. Трещины, бывшія въ сводахъ и стѣнахъ склепа, вычинены, а самые своды, замѣчательные по массивности постройки, оштукатурены и выбѣлены. На стѣнахъ помѣщены св. иконы, предъ которыми теплятся неугасаемыя лампады; разная монастырская рухлядь и строительные матеріалы изъ склепа вынесены; во всѣхъ окнахъ сдѣланы новыя рамы и рѣшетки, и все подцерковье, доступное теперь для обозрѣнія, благодаря настоятельницѣ монастыря игуменьѣ Антоніи, совершенно преобразилось и стало неузнаваемымъ.

† 21-го мая почетный членъ С.-Петербургскаго университета, заслуженный профессоръ **Михаилъ Семеновичъ Куторга**. Онъ долгое время читалъ въ университетѣ и въ римско-католической духовной академіи всеобщую исторію и составилъ себѣ извѣстность своими лекціями и учеными сочиненіями. Онъ родился въ 1811 году; по окончаніи курса наукъ въ Петербургскомъ университетѣ, поступилъ въ существовавшій тогда при Дерптскомъ университетѣ профессорскій институтъ, откуда, для усовершенствованія въ историческихъ наукахъ, посланъ въ Берлинскій университетъ, затѣмъ путешествовалъ по Франціи, Германіи и Бельгіи съ научными цѣлями и по возвращеніи изъ-за границы опредѣленъ въ 1835 году преподавателемъ въ Петербургскій университетъ. Имъ изданы были сочиненія: «De tribuus Atticis eorumque cum regni partibus nexu» (Дерптъ, 1832); «Политическое устройство германцевъ до VI столѣтія»; «Колѣна и сословія аттическія», первое въ 1837 г., второе въ 1838 г. Послѣднее было написано спеціально для полученія степени доктора философіи и въ 1839 г. переведено на французскій языкъ. Затѣмъ изданы имъ «Исторія Аѳинъ отъ смерти Иппарха до смерти Мильтіада», критическія изслѣдованія относительно эпохи персидскихъ войскъ «Sur le parti persane à Athénes et le procès Miltiade». Покойный былъ женатъ на сестрѣ историка Н. Г. Устрялова. Онъ первый изъ профессоровъ и преподавателей исторіи не ограничился передачей фактовъ и красивостью изложенія, а внесъ въ предметъ философско-критическій взглядъ, такъ что его лекціи по глубинѣ содержанія не уступали лекціямъ лучшихъ ученыхъ того времени. Основательное знаніе исторической литературы и древностей, свѣтлый взглядъ, большая начитанность вмѣстѣ съ способностью открывать интересныя стороны въ фактахъ самыхъ отдаленныхъ эпохъ, вмѣстѣ съ даромъ изложенія, доставили ему извѣстность. На его лекціяхъ студенты усвоили себѣ полное сознаніе идеи исторіи, какъ науки общественной.

† 11 мая извѣстный педагогъ **Василій Ивановичъ Водовозовъ**. Онъ состоялъ преподавателемъ русской словесности въ петербургскихъ гимназіяхъ и сотрудникомъ нѣкоторыхъ періодическихъ изданій. Кромѣ педагогической дѣятельности, покойный былъ знатокомъ иностранной литературы и занимался переводами. Въ числѣ его переводовъ обращаютъ вниманіе Антигона и многіе отрывки изъ Гейне. Имъ были изданы «Новая русская литература», «Словесность въ образцахъ и разборахъ», много книгъ для дѣтскаго чтенія и составлена популярная книга по русской исторіи XVIII столѣтія.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», въ V главѣ «Воспоминаній графа Соллогуба», на стр. 323, сообщены, между прочимъ, свѣдѣнія о семействѣ графа Александра Григорьевича Строгонова, живущаго понынѣ въ Одессѣ.

Въ этой главѣ сдѣланы двѣ ошибки по отношенію семейства графа Александра Григорьевича Строгонова: одна въ томъ, что будто бы у него былъ только одинъ сынъ Григорій, а другая въ томъ, что будто бы его двѣ дочери умерли въ дѣтствѣ.

У графа Александра Григорьевича и его жены графини Натальи Викторовны, урожденной княжны Кочубей, было три сына: Григорій, Викторъ и Сергій. Второй сынъ умеръ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, третій, Сергій, въ младенчествѣ.

Изъ дочерей, Марьяна дѣйствительно умерла въ дѣвичествѣ, но другая дочь Наталья Александровна, умершая 13 апрѣля 1853 года, была за мужемъ за княземъ Павломъ Васильевичемъ Голицынымъ. Бракъ ихъ состоялся, кажется, въ 1850 году; у нихъ былъ сынъ, умершій въ младенчествѣ, и дочь Марія Павловна, живущая и понынѣ въ замужествѣ за полковникомъ кавалергардскаго полка Родзянко. Всѣхъ этихъ лицъ я лично зналъ; впрочемъ, свѣдѣнія мои подтверждаются книгой: «Русская Родословная», изданной княземъ Долгоруковымъ, ч. I, стр. 306, № 287, и ч. II, стр. 212. Кстати скажемъ, что по смерти Натальи Александровны, умершей 13 апрѣля 1853 г., князь Павелъ Васильевичъ женился на княжнѣ Екатеринѣ Никитишнѣ Трубецкой; отъ этого брака онъ имѣлъ нѣсколько сыновей и дочерей, нынѣ живущихъ.

Николай Колмаковъ.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ОСТРОВСКІЙ.

Роковая, неумолимая судьба продолжаетъ преслѣдовать нашу бѣдную русскую литературу. Одинъ за другимъ сходятъ въ могилу люди сороковыхъ годовъ. Втеченіе года съ небольшимъ мы потеряли изъ небольшаго кружка современныхъ писателей Костомарова, Кавелина, Пальма, Калачова, Карновича и Аксакова. 2-го іюня за ними послѣдовалъ и Александръ Николаевичъ Островскій, гордость русскаго театра, прямой преемникъ великихъ драматурговъ Фонвизина, Грибоѣдова, Гоголя. Въ то время, когда авторъ «Недоросля» яркими красками рисовалъ бытъ и нравы современнаго ему помѣщичьяго круга, Грибоѣдовъ изображалъ московское дворянство высшаго общества, служащее и прислуживающее, Гоголь представлялъ живую картину провинціальнаго чиновничьяго міра, — Островскій воспроизвелъ міръ купечества, съ его оригинальными, самобытными типами. И пьесы изъ этого міра составляютъ истинную славу и заслугу писателя, хотя онъ не разъ бралъ сюжеты и изъ другихъ слоевъ общества: мелкаго мѣщанства, петербургскаго чиновничества, изъ семейныхъ и театральныхъ нравовъ, изъ исторической русской жизни, ея легендъ и преданій. Уступая въ силѣ таланта своимъ тремъ предшественникамъ на сценическомъ поприщѣ, изъ которыхъ каждый однимъ произведеніемъ сказалъ все, что было нужно, однимъ ударомъ поразилъ все, что хотѣлъ, Островскій высказался въ цѣломъ циклѣ однородныхъ, часто односюжетныхъ произведеній, большая часть которыхъ, однако же, не сходила съ репертуара русской сцены все прошлое царствованіе, не сходитъ и теперь. Главное достоинство ихъ — глубокое знаніе изображаемаго быта, вѣрной дѣйствительности до послѣднихъ мелочей; типы — правдивые въ высшей степени, наконецъ — языкъ до того живой и своеобразный, что зритель невольно переселяется въ среду, изображаемую авторомъ. Нѣкоторые изъ этихъ типовъ чисто мѣстные, захолустные, замоскворѣцкіе, даже малопонятные, напримѣръ, въ Петербургѣ, другіе совершенно невозможны въ наше время, хотя и были живыми людьми въ сороковыхъ

годахъ, какъ Бальзаминовъ; но во всѣхъ чувствуется, что это настоящіе русскіе люди, своя, родная семья.

Жизнь Островскаго не богата внѣшними событіями. Сынъ мелкаго чиновника московскаго гражданскаго суда, занимавшагося частной адвокатурой, Александръ Николаевичъ, родившійся 30-го марта 1823 года, въ дѣтствѣ не получилъ никакого воспитанія. Его мать умерла, когда онъ былъ ребенкомъ, отецъ вступилъ во второй бракъ, поправившій его состояніе. Дѣти росли на Замоскворѣчьѣ въ полной свободѣ; ходили къ нимъ и учителя изъ семинаристовъ и малороссовъ, но, конечно, не могли имѣть никакого вліянія на развитіе таланта въ мальчикѣ. Первоначальное образованіе Александръ Николаевичъ получилъ въ первой московской гимназіи, откуда перешелъ въ университетъ на юридическій факультетъ, гдѣ не кончилъ курса и, пробывъ три года, вышелъ по какимъ-то непріятностямъ съ начальствомъ. Въ чинѣ коллежскаго регистратора опредѣлился онъ въ 1843 году на службу въ московскій коммерческій судъ и оставался въ немъ 12 лѣтъ. На литературное поприще вышелъ онъ въ 1867 году съ небольшою пьескою «Семейная картина», напечатанною въ «Московскомъ Полицейскомъ Листкѣ». Въ слѣдующемъ же году написаны имъ «Сцены изъ замоскворѣцкой жизни» и разсказъ «Очерки Замоскворѣчья». Эти произведенія не были замѣчены критикой, не вызвали въ журналахъ оцѣнки. Первое изъ нихъ приписывали даже какому-то умершему молодому писателю. Черезъ два года явилась комедія «Свои люди — сочтемся», называвшаяся первоначально «Банкротъ». Добролюбовъ говоритъ, что послѣ этой пьесы Островскій встрѣченъ былъ всѣми какъ человѣкъ совершенно новый въ литературѣ, но немедленно признанъ писателемъ необычайно талантливымъ, лучшимъ послѣ Гоголя представителемъ драматическаго искусства въ русской литературѣ. И, однако, съ этой превосходной пьесой случилось то же, что и съ ея предшественницами: «Горемъ отъ ума» и «Ревизоромъ». Цензура нашла, что «Свои люди» оскорбляютъ все купеческое сословіе, какъ прежнія пьесы оскорбляли московское барство и провинціальное чиновничество. Хотя пьеса Островскаго была напечатана въ «Москвитянинѣ», но говорить объ ней запрещалось въ Москвѣ и въ Петербургѣ. На сценѣ она могла появиться, спустя уже много лѣтъ послѣ ея выхода въ свѣтъ. Эта первая неудача, обычная у насъ для всякаго таланта, не отбила, по счастію, охоты у писателя трудиться на избранномъ имъ драматическомъ поприщѣ. Въ 1852 году, явилась «Бѣдная невѣста» изъ быта средняго сословія и мелкихъ петербургскихъ чиновниковъ. Объ этихъ лицахъ уже можно было говорить безъ особыхъ опасеній, и критика отнеслась къ писателю съ глубокимъ уваженіемъ, называя его авторомъ «Своихъ людей». Въ послѣдующіе четыре года онъ написалъ еще четыре не менѣе замѣчательныя комедіи: «Не въ свои сани не садись», «Бѣдность не порокъ», да народныя драмы: «Въ чужомъ пиру похмѣлье» и «Не такъ живи, какъ хочется». Въ то же время явились и три небольшія картины: «Не сошлись характерами», «Праздничный сонъ до обѣда», «Зачѣмъ пойдешь, то и найдешь». Въ 1857 году, громадный успѣхъ имѣла комедія «Доходное мѣсто», затронувшая живой, современный вопросъ о взяточничествѣ русскихъ чиновниковъ. Въ слѣдующемъ году двѣ мелкія сцены: «Свои собаки грызутся» и «Старый другъ лучше новыхъ двухъ», не прибавили ничего къ литературной извѣст-

ности автора, но въ 1859 году высокохудожественныя драмы: «Гроза» и «Воспитанница» явились новыми перлами творческаго таланта Островскаго.

Съ 1860 года талантъ этотъ принялъ новое направленіе: явились историческія и бытовыя хроники «召Мининъ», «Воевода» (1863), «Василій Шуйскій и Дмитрій Самозванецъ» (1867), «Тушино», «Василиса Мелентьева», «Комикъ XVII столѣтія», «Снѣгурочка». Но этотъ новый родъ произведеній встрѣченъ былъ равнодушно публикою и театральною дирекціею: она не хотѣла даже ставить его «Дмитрія Самозванца» и предпочла этой драмѣ болѣе слабую пьесу Чаева на тотъ же сюжетъ. Это такъ огорчило Островскаго, что онъ хотѣлъ вовсе перестать писать для театра. Слѣдующія строки, адресованныя драматургомъ къ актеру Бурдину, лучше всего характеризуютъ положеніе у насъ драматическаго автора: «Объявляю тебѣ, что я оставляю театральное поприще. Причины вотъ какія: выгодъ я почти не имѣю, хотя всѣ театры въ Россіи живутъ моимъ репертуаромъ. Начальство театральное ко мнѣ не благоволитъ, а мнѣ уже пора видѣть не только благоволеніе, но и нѣкоторое уваженіе. Безъ хлопотъ и поклоновъ съ моей стороны ничего для меня не дѣлается, а ты самъ знаешь, способенъ ли я къ низкопоклонству. При моемъ положеніи въ литературѣ играть роль вѣчно кланяющагося просителя—тяжело и унизительно. Повѣрь, что я буду имѣть гораздо больше уваженія, которое я заслужилъ и котораго стою, если развяжусь съ театромъ. Давши театру 25 оригинальныхъ пьесъ, я не добился, чтобы меня хоть мало отличали отъ какого нибудь плохого переводчика. По крайней мѣрѣ, я пріобрѣту себѣ спокойствіе и независимость, вмѣсто хлопотъ и униженій».

Каково было состояніе духа великаго художника, если онъ рѣшился отказаться отъ своего призванія, отъ занятія, составлявшаго всю цѣль его жизни! По счастью, любовь къ своему дѣлу одержала верхъ, и онъ продолжалъ попрежнему работать для дорогой ему сцены, получая гроши, перенося оскорбленія даже отъ своихъ собратовъ по литературѣ. Нашлись критики, не понимавшіе, не цѣнившіе заслугъ и дарованія Островскаго. Поэтъ Щербина осыпалъ его эпиграммами [1]). А между тѣмъ и послѣ своихъ историческихъ драмъ писатель ежегодно дарилъ нашу сцену хотя и менѣе капитальными, но не менѣе художественными пьесами, не смотря на то, что многія изъ нихъ имѣютъ ко-

---

[1]) Приводимъ одну изъ нихъ, чтобы показать, съ какою желчью враги писателя отзывались объ его трудахъ:

Со взглядомъ пьянымъ, взглядомъ узкимъ
Вступая съ Западомъ въ борьбу,
Себя зоветъ Шекспиромъ русскимъ
Гостинодворскій Коцебу.

Въ другой эпиграммѣ Щербина обращается къ писателю съ совершенно непонятнымъ озлобленіемъ, говоря:

Пропойца Торцовъ—твой жалкій идеалъ,
Клевещешь ты спроста на русскую природу,
И слово новое со сцены ты сказалъ
Медвѣдемъ и козой россійскому народу.

мическій и даже анекдотическій характеръ: «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ», «Тяжелые дни», «Шутники», «Пучина», «Горячее сердце», «Лѣсъ», «На всякаго мудреца довольно простоты», «На бойкомъ мѣстѣ», «Не было ни гроша, а вдругъ алтынъ», «Не все коту масляница», «Богатыя невѣсты», «Поздняя любовь», «Волки и овцы», «Трудовой хлѣбъ», «Правда хороша, а счастье лучше», — все это произведенія, имѣющія неоспоримыя достоинства, хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ повторяются положенія и лица прежнихъ комедій. Но это, конечно, не давало права одному критику говорить, что всѣмъ послѣднимъ пьесамъ Островскаго можно было бы дать одно названіе: «Тѣхъ же щей, да пожиже влей». Напротивъ, послѣднія комедіи его, хотя недостаточно разработанныя, затрогиваютъ болѣе общіе, семейные и даже соціальные вопросы. Таковы «Послѣдняя жертва», «Безприданница», «Сердце не камень», «Таланты и поклонники», «Безъ вины виноватые» и «Не отъ міра сего». Мудрено ли, что у драматурга, написавшаго втеченіе 35-ти лѣтъ до 50-ти, большею частью, пятиактныхъ пьесъ, найдутся и слабыя? Развѣ ихъ нѣтъ у Шекспира, Гёте, Кальдерона, Гюго? Развѣ нѣтъ пятенъ и на солнцѣ?...

Личность Островскаго была въ высшей степени симпатичная, добродушная; въ ней соединялся талантъ съ здравомысліемъ и самобытнымъ русскимъ юморомъ. Къ сценическимъ писателямъ онъ относился съ полнымъ сочувствіемъ, чуждымъ всякой зависти и мелочнаго самолюбія. Исправивъ молодому автору Н. Я. Соловьеву пьесы: «Женитьба Бѣлугина», «Дикарка», «Счастливый день» и «Свѣтитъ да не грѣетъ», онъ искренно радовался успѣху этихъ произведеній. Къ артистамъ даже самымъ незначительнымъ онъ относился такъ мягко и внимательно, что никогда и ни съ кѣмъ изъ нихъ не имѣлъ никакихъ столкновеній или недоразумѣній—явленіе необычайно рѣдкое въ театральномъ мірѣ, полномъ интригъ и непомѣрнаго самомнѣнія. Онъ несомнѣнно имѣлъ огромное вліяніе на развитіе крупныхъ сценическихъ дарованій, какъ Самаринъ, Сергѣй и Павелъ Васильевы; по его пьесамъ выработался великій талантъ Мартынова. Русскій театръ, его особенности и потребности, онъ несомнѣнно зналъ лучше всякаго чиновника и заправилы театральной дирекціи, — и только за годъ до смерти писателя додумались поручить ему завѣдованіе художественною частью московской сцены. Съ обыкновеннымъ своимъ рвеніемъ принялся онъ осуществлять вѣрные, практическіе взгляды на драматическое искусство, писалъ проекты, составлялъ планы къ поднятію театра и его улучшенію, къ устройству школы, безъ которой немыслимо развитіе сцены, — и вдругъ та же безпощадная стихійная сила, которая поражала русскихъ писателей въ ту пору, когда они могли еще много сдѣлать для искусства, для славы, для Россіи, — прекратила дни Островскаго на 63-мъ году его безупречной, полезной жизни. Вѣсть о смерти писателя пришла неожиданно, — но небольшой кругъ почитателей Островскаго давно зналъ, что здоровье его ненадежно. Писатель, живя головою, вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ близко принималъ къ сердцу все, что оскорбляло правду, которую вмѣстѣ съ простотою онъ водворилъ на русской сценѣ. А кто живетъ не однимъ желудкомъ, увлекается чувствомъ и много работаетъ мозгомъ, тотъ недолговѣченъ на бѣломъ свѣтѣ, — конечно, кромѣ исключительныхъ натуръ. Островскій не принадлежалъ къ числу такихъ натуръ; онъ былъ подверженъ и человѣческимъ слабо-

стямъ, которыя также подрывали его и безъ того не крѣпкое здоровье.

Основатель драматической школы, обличающей самодурство и невѣжество не одного купечества, но и другихъ сословій нашего общества, проповѣдникъ истинной цивилизаціи, возстающій противъ предразсудковъ и грубости нравовъ, защищающій слабыхъ отъ гнета сильныхъ, Островскій былъ всегда поборникомъ здравыхъ мыслей и честныхъ дѣлъ. Съ самаго начала Общества драматическихъ писателей, онъ принималъ въ немъ самое дѣятельное участіе и былъ безсмѣннымъ его предсѣдателемъ; 15 марта 1872 года, Петербургъ праздновалъ годовщину двадцатипятилѣтней сценической дѣятельности высокоталантливаго писателя. Его привѣтствовали тогда стихами, характеризующими значеніе драматурга:

Александръ Николаичъ Островскій!
На Руси ваше имя гремитъ.
Любитъ васъ добрый людъ нашъ московскій,
Петербургъ уважаетъ и чтитъ.
На Невѣ и въ Сибири далекой,
Гдѣ театръ нашъ отъищетъ пріютъ,
Распахнетъ свои двери широко—
Всюду ваши піесы даютъ.
И вездѣ-то имъ первое мѣсто,
И вездѣ имъ привѣтъ и почетъ.
«Свои люди», «Гроза» и «Невѣста»
Восхищаютъ нашъ русскій народъ.
Ваши типы онъ цѣнитъ и знаетъ,
Ваше имя въ устахъ у молвы,
Оттого васъ народъ понимаетъ,
Что его понимаете вы,
Что въ созданьяхъ поэта родного
Правды жизненной блещетъ струя,
Что всѣ эти Брусковы, Торцовы—
Все своя же, родная семья!
Четверть вѣка вы честно трудились,
Поучали со сцены вы насъ,
Съ недостатками нашими бились,
Надъ роднымъ самодурствомъ смѣясь.
Надъ неправдой безсильны законы,
Но въ піесахъ карали вы ложь.
Принесли вы казнѣ милліоны,
А себѣ заработали грошъ.
Но тотъ грошъ заработанъ талантомъ
И тяжелымъ упорнымъ трудомъ,
Этотъ трудъ не сродни спекулянтамъ,
А писателямъ русскимъ знакомъ.
Пусть же долго, народомъ любимый,
Дорогой нашъ писатель живетъ,
А въ исторіи сцены родимой
И теперь онъ во вѣкъ не умретъ.

Но писатель не прожилъ и пятнадцати лѣтъ послѣ своего юбилея, и надъ его безвременной могилой собратъ его по Обществу драматическихъ писателей имѣлъ полное право сказать: «Изъ темнаго царства, изъ мрака невѣжества и заблужденій ты выводилъ людей на путь ясный, открытый. Созданный тобою драмой ты освѣтилъ ихъ умы, смягчилъ сердца, вдохнулъ въ нихъ чувства человѣчности. Великъ твой добрый геній! Велики твои заслуги для Русской земли»!

Кончина кня

РОМАНЪ ОДНОЙ ЗАБЫТОЙ РОМАНИСТКИ.

НИ ОБЪ ОДНОЙ изъ нашихъ извѣстныхъ писательницъ мы не имѣемъ такъ мало біографическихъ данныхъ, какъ объ Еленѣ Андреевнѣ Ганъ, писавшей подъ псевдонимомъ Зинаиды Р... Она неожиданно появилась въ нашей литературѣ и быстро пронеслась, какъ метеоръ, который, при паденіи, на мгновеніе поражаетъ своимъ ослѣпительнымъ блескомъ, и тѣмъ все кончается.

Е. А. Ганъ явилась въ литературѣ неожиданно въ концѣ тридцатыхъ годовъ, сразу обратила на себя вниманіе тогдашняго общества десяткомъ талантливыхъ повѣстей, и уже въ 1842 году мы лишились ея, въ то самое время, когда могли надѣяться видѣть въ ней выдающуюся романистку, потому что и тогда уже величали ее русской Зандъ.

Не смотря на то, что общество весьма сочувственно отнеслось къ произведеніямъ Зинаиды Р..., что ея повѣсти читались на расхватъ, что журналисты на перебой старались завлечь ее въ свои толстые журналы, — съ 1842 года, года ея смерти, прошло сорокъ три года, въ которые ровно ничего не сдѣлано для уясненія ея личности.

Мы не знаемъ, когда родилась Елена Андреевна, какъ и чему училась въ дѣтствѣ. Сообщенные объ ней въ 1842 году два-три некролога совершенно ничтожны и не представляютъ матеріала для ея біографіи...

Недавно мнѣ совершенно случайно попалъ въ руки спасенный мною свертокъ ея писемъ къ редактору «Библіотеки для Чтенія» О. И. Сенковскому и къ женѣ его Аделаидѣ Александровнѣ, рожденной баронессѣ Раль. Эти письма служатъ важнымъ матеріаломъ для ея біографіи, такъ какъ въ нихъ она разсказываетъ о себѣ. Въ то же время мнѣ удалось собрать нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о Е. А. Ганъ, если и не богатыхъ, за то вполнѣ достовѣрныхъ, о ея происхожденіи, по матери. Наконецъ, вслѣдъ затѣмъ мнѣ доставила совершенно неожиданно Софья Ивановна Снесарева интересныя воспоминанія объ Е. А., оставленныя ей покойной Ад. Ал. Сенковской, написанныя послѣднею уже по смерти О. И. Сенковскаго, на французскомъ языкѣ, на лоскуткахъ, которые г-жа Снесарева не только сохранила, но перевела на русскій языкъ и любезно передала мнѣ.

Свѣдѣнія, сообщаемыя А. А. Сенковской, важны потому, что она разсказываетъ, какъ и почему Е. А. Ганъ очутилась въ Петербургѣ, какъ она познакомилась и сблизилась съ барономъ Брамбеусомъ, какъ онъ открылъ въ ней талантъ, занялся ею, посвятилъ ее въ тайны авторства, какъ она ежедневно посѣщала его, занималась въ его кабинетѣ, писала повѣсти, пріобрѣла извѣстность и средства, въ которыхъ такъ нуждалась; затѣмъ какъ разсталась съ барономъ Брамбеусомъ и оказалась неблагодарною (?), по мнѣнію, конечно, Аделаиды Александровны.

Воспоминанія жены О. И. Сенковскаго любопытны, не смотря на то, что въ нихъ вездѣ просвѣчиваетъ ревность. Сенковская смотрѣла на Е. А. какъ на соперницу, которая, познакомившись съ ея мужемъ, вполнѣ имъ завладѣла. Ему хотѣлось сдѣлать Елену Андреевну писательницей, въ чемъ онъ и успѣлъ вполнѣ. Но для этого потребовалось значительное время, которымъ онъ и жертвовалъ для нея, что̀, конечно, не могло нравиться женѣ, которая все это время находилась на второмъ планѣ, пока занимательная игрушка не надоѣла учителю-журналисту. Но ревность А. А. не мѣшала ей довольно вѣрно изучить Зинаиду Р...

Вотъ всѣ данныя, которыми мы располагаемъ для біографіи Ел. Ан. Ганъ. Мы печатаемъ ихъ въ увѣренности, что они не хуже иной исторической повѣсти заинтересуютъ читателя.

Отецъ Елены Андреевны Ганъ, Андрей Михайловичъ Ѳадѣевъ, былъ человѣкъ прекрасный, образованный и всѣми любимый. Живя въ Астрахани, онъ былъ предсѣдателемъ палаты государственныхъ имуществъ; оттуда былъ переведенъ въ Саратовъ на должность губернатора, потомъ въ Тифлисъ—членомъ совѣта кавказскаго намѣстника. Женатъ онъ былъ на княгинѣ Еленѣ Павловнѣ Долгоруко-

вой, послѣдней представительницѣ старшей линіи князей Долгоруковыхъ. Судя по словамъ А. А. Сенковской, въ 1836 году Еленѣ Андреевнѣ было 22 года; значитъ она родилась въ 1814 году. Мать Елены Андреевны была женщина вѣчно больная, и потому постоянно сидѣла дома, никуда не выѣзжала и дала дочерямъ самое плохое образованіе; она неглижирировала имъ до такой степени, что всѣ замѣчали и много толковали объ этомъ. Елена Андреевна образовала себя сама.

Ростиславъ Андреевичъ Ѳадѣевъ—военный писатель—былъ ея старшій братъ. Кромѣ него, у Ѳадѣевыхъ было три дочери: первая и самая старшая была въ замужествѣ за барономъ Витте; средняя Елена — за артиллерійскимъ полковникомъ Ганомъ и третья самая младшая Надежда—не замужняя.

Елена Андреевна Ганъ умерла 24-го іюня 1842 года. У нея были двѣ дочери: старшая изъ нихъ Блавацкая, извѣстная спиритка, пишущая подъ псевдонимомъ «Радда-бай», живетъ теперь въ Парижѣ, съ своей теткой Надеждой Андреевной Ѳадѣевой [1]).

Послѣ смерти Е. А. Ганъ объ ней были напечатаны весьма краткіе отзывы въ «Отечественныхъ Запискахъ» [2]) и въ «Сѣверной Пчелѣ» [3]) въ 1842 году, а спустя три года только мимоходомъ какой-то господинъ написалъ о встрѣчѣ съ нею на балѣ, къ редактору «Одесскаго Вѣстника» [4]). За скудостью отзывовъ о личности Е. А. не безъинтересно прочесть, что̀ онъ говоритъ о впечатлѣніи, которое она произвела на него. Приводимъ это краткое письмо вполнѣ, потому что̀ оно подтверждаетъ показанія другихъ.

...«Года три тому назадъ, на одномъ великолѣпномъ балѣ, данномъ нашимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, не помню именно по какому случаю, я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ знаменитою писательницею, помѣщавшею въ разныхъ журналахъ свои замѣчательныя повѣсти, подъ именемъ Зинаиды Р...вой, и скончавшейся въ Одессѣ, въ 1842 году.

«Я всегда съ наслажденіемъ читалъ прекрасныя произведенія этой замѣчательной женщины, и мнѣ любопытно было узнать, имѣетъ ли разговоръ ея такую же увлекательную прелесть, какъ и разсказъ ея повѣстей. Разговорившись съ нею о разныхъ предметахъ, я убѣдился, что понятія ея во всѣхъ отношеніяхъ обнаруживались основательно, вѣрно и съ чрезвычайною опредѣлительностью. Когда разговоръ коснулся предмета, болѣе ей свойственнаго и болѣе доступнаго ея обильному таланту, она безъ искательности выраженій,

---

[1]) Эти свѣдѣнія получены отъ Елизаветы Николаевны Ахматовой, которая родилась въ Астрахани и, живя тамъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, много слыхала о Ѳадѣевыхъ.

[2]) № 9.

[3]) № 117.

[4]) 1844 года, 2-го февраля, № 10, «Воспоминанія о Е. А. Ганъ».

безъ затѣйливости, но простодушно, наивно и со всею пылкостью цвѣтистаго воображенія, передавала мнѣніе свое о нашихъ писателяхъ.

«Вообще, точность ея замѣчаній объ нихъ поражала меня справедливостью: она съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ и неподдѣльнымъ чувствомъ отзывалась о тѣхъ изъ авторовъ, которые по мыслямъ ея заслуживали предпочтенія передъ другими. Ея необычайно проницательный и мѣткій взглядъ на вещи показывалъ, до какой высокой степени эта изумительная женщина обладала даромъ постигать человѣческое сердце; она какъ бы волшебнымъ вдохновеніемъ узнавала по наружности нравъ и способность человѣка, видѣннаго ею впервые, и говорила, что впечатлѣніе, произведенное на нее какою либо физіономіею, никогда ея не обманывало: въ доказательство она сообщила мнѣ самымъ забавнымъ и остроумнымъ образомъ подробности о душевныхъ свойствахъ нѣкоторыхъ лицъ, проходившихъ на этомъ балѣ мимо насъ, и которыхъ, какъ я навѣрное зналъ, она еще нигдѣ не встрѣчала. Видно было, что она много занималась изученіемъ людей и ихъ внѣшней и внутренней жизни.

«Е. А. Ганъ много занималась изученіемъ иностранныхъ языковъ. Пофранцузски она объяснялась, хотя и не какъ природная француженка, но внятно, правильно и съ довольно хорошимъ произношеніемъ. Въ нѣмецкомъ языкѣ она затруднялась иногда въ пріисканіи настоящихъ опредѣлительныхъ словъ, но не менѣе того видно было, что она отлично знала нѣмецкую литературу. Поитальянски произносила она внятно каждую фразу, и вообще объяснялась очень пріятно. Англійскимъ языкомъ она занималась особенно и не только дѣятельно слѣдила за постепеннымъ успѣхомъ и развитіемъ его, но изучала его съ точностью и читала безпрерывно всѣ новыя сочиненія, появившіяся на этомъ языкѣ. Кто учился иностраннымъ языкамъ, тотъ не безъ удивленія могъ видѣть, какими необычайными способностями, терпѣніемъ и дѣятельностью обладала г-жа Ганъ, изучивъ такъ хорошо столь разнообразные европейскіе языки».

Елена Андреевна начала писать въ 1836 году для поддержанія своей семьи. Сочиненія ея, какъ мы уже сказали, имѣли большой успѣхъ и нѣкоторыя изъ нихъ переведены на нѣмецкій и польскій языки. Спустя четыре года, въ 1841 году, О. И. Сенковскій до того былъ ослѣпленъ ея талантомъ и необыкновенными способностями, что поставилъ ее, по слогу, выше Жоржъ Занда. Не смотря на это, Е. А. въ этомъ же году отдала Краевскому для напечатанія въ «Отечественныхъ Запискахъ» свою повѣсть «Напрасный даръ», а потомъ и романъ свой «Любеньку». Вотъ чего

не могла никогда простить ей Аделаида Александровна Сенковская и называла это черной неблагодарностью; но изъ письма самой Ганъ видно, какъ это случилось.

О томъ какъ Е. А. пріѣхала въ Петербургъ и познакомилась съ барономъ Брамбеусомъ, мы узнаемъ изъ разсказа жены О. И. Сенковскаго, которой, безъ сомнѣнія, сама Е. А. разсказывала объ этомъ.

Елена Андреевна пріѣхала въ Петербургъ съ мужемъ и старшею дочерью; тутъ она узнала, что нѣсколько ранѣе ея пріѣхали въ Петербургъ и обѣ ея кузины, рожденныя Сушковы, изъ которыхъ младшая была уже замужемъ за Хвостовымъ, а вторая дѣвица, впослѣдствіи вышедшая за Ладыженскаго. Г. Хвостовъ пріѣхалъ въ столицу по своимъ дѣламъ и, кромѣ молодой жены, захватилъ съ собою и свояченицу.

Г-жа Ганъ навѣстила своихъ кузинъ, которыя приняли ее довольно холодно; замѣтивъ это, она собиралась уйдти; тогда старшая кузина спросила ее: будетъ ли она у нихъ завтра? Ганъ отвѣчала, что не будетъ, потому что должна быть въ другомъ мѣстѣ. Послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ, она, наконецъ, отвѣтила, что завтра должна быть у барона Брамбеуса.

— У барона Брамбеуса!—воскликнули сестры:—у какого это? Не ужъ-то у родственника знаменитаго Брамбеуса?

— Нѣтъ, вовсе не у родственника, а у него самого,—холодно отвѣчала Елена Андреевна.

Ганъ не обращала вниманія на эфектъ, произведенный ея словами. Она пришла повидаться, или, скорѣе, познакомиться съ своими кузинами, съ которыми не была ни въ какихъ сношеніяхъ съ самаго дѣтства. Она жила далеко отъ нихъ и совершенно при другой обстановкѣ. Кузины проводили жизнь въ удобствахъ, почти въ роскоши, были знакомы съ свѣтскими удовольствіями, понимали всѣ прелести роскоши. Не то было съ Еленой Андреевной. Она выросла и воспиталась вдали отъ свѣта и знала только постоянную нужду да ежедневныя лишенія. О большомъ свѣтѣ она знала только по слухамъ да еще потому, какъ его рисовало ея пламенное воображеніе. Едва минуло ей шестнадцать лѣтъ, родители поспѣшили пристроить ее и выдали за перваго посватавшагося, съ полнымъ убѣжденіемъ, что будущій ея мужъ—славный человѣкъ.

Но бѣдная Леночка, какъ ее звали родители, не нашла на новомъ пути ни цвѣтовъ, ни поэзіи, ничего, что предвѣщало бы ей счастье. Картины будущаго семейнаго счастья, которыя рисовало ея воображеніе, не имѣли ни малѣйшаго сходства съ дѣйствительностью. Все, что любило создавать ея пылкое воображеніе, далеко отличалось отъ того, что ей пришлось испытать въ дѣйствительности.

Мужу Елены Андреевны пришлось, по дѣламъ службы, ѣхать въ Петербургъ. Лена упросила взять и ее съ собою. Это путеше-

ствіе вдвоемъ увеличило расходъ, причинило нѣсколько домашнихъ хлопотъ: у свекрови они должны были оставить свою младшую двухлѣтнюю дочь на время ихъ отсутствія, но Ганъ не могъ противиться убѣжденіямъ жены и отказать первой ея просьбѣ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, они наняли маленькій, темный уголокъ, мало соотвѣтствовавшій ослѣпительнымъ видѣніямъ пылкаго воображенія молодой женщины. Тяжело дышалось бѣдной Ленѣ при такой обстановкѣ, въ которой она осуждена была жить. Но что-то предвѣщало, что ея будущность не могла ограничиться тѣми узкими рамками, которыя стѣсняли жизнь ея, что есть наслажденія, которыя будутъ доступны и для нея, что ей не доставало только твердой воли, чтобы разбудить свои способности и выполнить свое призваніе.

Мужъ любилъ ее искренно и нѣжно, но любилъ по-своему, а такая любовь не удовлетворяла ее, и еще при отсутствіи матеріальныхъ средствъ. За неимѣніемъ другаго способа доказать Ленѣ свою любовь, Ганъ предоставилъ ей безграничную свободу дѣлать, что̀ она хочетъ. Но свобода эта была стѣснена со всѣхъ сторонъ. Семейныя обязанности и лишенія неразрывными и тѣсными узами обвивали женщину, жаждавшую свободы. Но, съ другой стороны, сколько защиты и опоры находитъ въ нихъ женщина, умѣющая любить и покоряться до самоотверженія.

Узнавъ о ея знакомствѣ съ Брамбеусомъ, старшая кузина обратилась къ ней совсѣмъ не съ тѣмъ уже обиднымъ тономъ покровительства, съ какимъ вначалѣ отнеслась къ бѣдной родственницѣ.

— Будьте сообщительнѣе,—замѣтила она:—и разскажите намъ, по какому счастливому случаю вы познакомились съ нашимъ знаменитымъ писателемъ, о которомъ всѣ столько кричатъ, и лишь немногіе могутъ похвастать знакомствомъ съ нимъ. И какъ это вы, недавно пріѣхавъ въ Петербургъ, не имѣя ни связей, ни знакомствъ, успѣли познакомиться съ Сенковскимъ? Кто васъ ему представилъ? По какому поводу удостоились вы чести видѣть человѣка, который не для всѣхъ доступенъ?

— Брамбеусъ,—отвѣчала Лена съ нерѣшительностью: — удивительно добръ и снисходителенъ ко мнѣ... Въ столицѣ я могу наслаждаться только тѣми удовольствіями, которыя ничего не стоятъ. Не имѣя знакомыхъ, связей и средствъ, я не могу искать другихъ развлеченій. Здѣсь больше всего мнѣ доступно одно только удовольствіе: ходить одной по улицамъ, безъ всякой цѣли, куда глаза глядятъ. Я избѣгаю улицъ многолюдныхъ, гдѣ кишитъ нарядный людъ, такъ какъ у меня нѣтъ съ нимъ ничего общаго. Чистый воздухъ, прогулка, полная свобода говорить и дѣлать, что̀ и какъ мнѣ угодно,—такая жизнь мнѣ нравится. Свобода даетъ мнѣ силы переносить всякія лишенія... Разъ задумавшись, я зашла дальше, чѣмъ обыкновенно, и очутилась на вовсе незнакомой мнѣ улицѣ, далеко отъ того мѣста, гдѣ мы жили. Желая ознакомиться съ мѣст-

ностью, я стала разсматривать дома, читать на нихъ надписи и нумера. Вдругъ, посреди этихъ занятій, я была поражена именемъ, вырѣзаннымъ на мѣдной желтой дощечкѣ, прибитой къ дверямъ подъѣзда: О. И. Сенковскій! Не помню, сколько времени простояла я неподвижно; много думъ пролетѣло въ головѣ. Между тѣмъ смерклось, фонари давно были зажжены; а я все стояла на томъ же мѣстѣ... Наконецъ, я опомнилась, надо было спѣшить домой, я справлялась о дорогѣ у прохожихъ и едва добрела до дому. Мнѣ все мерещилась та же дощечка и съ тѣмъ же именемъ: она носилась передъ моими глазами... Мужъ мой, по обыкновенію, не обратилъ никакого вниманія на мою задумчивость, къ которой онъ уже привыкъ. Моя крошка Лила тоже привыкла къ моей грусти и молчаливости, и никогда не тревожила меня разспросами. На другой день я рано вышла изъ дому и направилась прямо къ тому же дому. Не безъ труда отыскала я его [1]); но я прошла бы и сто верстъ, лишь бы отыскать это мѣсто. Мнѣ все казалось, что оттуда сейчасъ кто нибудь выйдетъ, что я увижу, наконецъ, человѣка, который такъ часто являлся въ моихъ мечтахъ. Но моей надеждѣ не суждено было сбыться... Много дней сряду приходила я туда. Тысячи разнообразныхъ мыслей занимали мою бѣдную голову; одинъ планъ смѣнялся другимъ; но ни однимъ я не была довольна. Пустота и однообразіе моей жизни давно уже тяготили меня и съ каждымъ днемъ становились для меня невыносимѣе. Эта жолтая мѣдная дощечка съ этимъ именемъ вдругъ открыла предо мною перспективу улучшенія моей бѣдной жизни, прежде такой грустной и безцвѣтной. Искушеніе было очень сильно! Я не могла уже совладать съ нимъ, съ каждымъ днемъ оно все сильнѣе овладѣвало мною... Сама не знаю, какъ, наконецъ, моя рука очутилась на ручкѣ колокольчика. Сердце у меня сильно забилось, мнѣ стало страшно и весело, такъ весело, какъ никогда, ни прежде, ни послѣ. Я такъ сильно дернула колокольчикъ, что сама вздрогнула. Дверь отворилась, предо мною стоялъ слуга съ вопросомъ: что мнѣ угодно? Я отвѣчала, запинаясь, что желаю видѣть Осипа Ивановича. Слуга опять спросилъ: какъ прикажете доложить о васъ? На это я отвѣчала, что моя фамилія совершенно незнакома г. Сенковскому, но что я желаю видѣть его по крайне важному для меня дѣлу. Отвѣтъ довольно долго заставилъ ждать себя, но я получила его и могла увидѣть барона Брамбеуса.

— Это удивительно!—воскликнула замужняя кузина:—я никакъ не предполагала въ васъ столько смѣлости и рѣшимости: представляться самой, да еще подъ предлогомъ важнаго дѣла! Нѣтъ, у меня не хватило бы столько храбрости.

---

[1]) Домъ этотъ находился въ Почтамтскомъ переулкѣ, второй отъ Конногвардейской площади, по правую руку, не доходя до площади.

— Надо, однако, признаться,—замѣтила Ганъ:—что когда наступила желанная минута, мнѣ такъ сдѣлалось страшно, что я почти раскаявалась въ своей дерзости, не зная, чѣмъ все это кончится. Наконецъ, я очутилась передъ Сенковскимъ. Вотъ онъ! Вотъ тотъ человѣкъ, который такъ сильно заставлялъ биться мое сердце, просвѣтлялъ мой умъ новымъ свѣтомъ, возбуждая въ немъ невѣдомыя до того мысли... Если я такъ распространяюсь на счетъ обстоятельствъ, собственно меня касающихся, такъ это потому, что хочу показать вамъ, что въ моихъ поступкахъ нѣтъ ничего необыкновеннаго... Мое волненіе было такъ сильно, что я слова не могла произнести... Сенковскій замѣтилъ мое смущеніе, потому что, не дожидаясь отъ меня объясненій, самъ привѣтливо взялъ меня за руку, просилъ садиться и сказать, чтò доставило ему удовольствіе видѣть меня. Онъ, очевидно, понялъ меня прежде, чѣмъ я осмѣлилась сказать слово. И чтò могла я сказать ему, кромѣ того, что дѣйствительно было у меня на душѣ?

— Безпредѣльное удивленіе къ вамъ и непреодолимое желаніе высказать его.

Слова эти, произнесенныя мною невнятно, съ большимъ замѣшательствомъ, имѣвшія для меня такое огромное значеніе, не произвели на него никакого впечатлѣнія. По всему видно было, что они не удивили его, но и не принесли ему никакого удовольствія.

— Вы пріѣхали изъ провинціи?—спросилъ онъ.

— Да.

— Вѣроятно, затѣмъ, чтобы совсѣмъ остаться въ Петербургѣ?

— Нѣтъ.

— Стало быть, по дѣламъ?

— Да.

— Вы пріѣхали однѣ?

— Съ мужемъ и дочерью.

Онъ съ намѣреніемъ дѣлалъ мнѣ эти вопросы, чтобы дать мнѣ время оправиться; но, разспрашивая меня, онъ показалъ столько участья, доброты, что я окончательно была очарована имъ... къ моему восторженному удивленію присоединилась полная вѣра въ него. А, можетъ быть, полагая, что была и другая причина, заставившая меня прійдти къ нему, онъ хотѣлъ помочь мнѣ свободно открыться ему. Моя блѣдность, моя одежда болѣе чѣмъ скромная, легко могли подать ему мысль, что я имѣю нужду въ его помощи, между тѣмъ какъ я пришла только потому, что хотѣла выразить свой непритворный восторгъ къ нему. Я не хотѣла оставить его въ этомъ заблужденіи и собрала всѣ силы, чтобы описать ему, сколько наслажденій онъ заставилъ меня перечувствовать, сколько невѣдомаго счастья я узнала по милости его, счастья, о которомъ я знала только по слухамъ и наслаждалась только мысленно, когда, чуждаясь житейской прозы, забывала всѣ горькія житейскія ме-

лочи, желѣзными когтями охватывавшія насъ въ дѣйствительности. Мало-по-малу слова мои полились свободнѣе, я сказала ему, какимъ образомъ, читая его произведенія, сверкающія остроуміемъ, вдохновляясь его глубокими мыслями, изложенными съ такою ясностью, я чувствовала, что мысль моя оживала, развивалась, сбрасывала кору невѣжества, принимала отчетливый образъ, и какъ мною овладѣло непреодолимое желаніе выразить то, чтò я такъ глубоко чувствовала; я не въ силахъ была удерживать мысль мою въ тѣсныхъ рамкахъ, подавлявшихъ мои умственныя и сердечныя способности. Я сказала ему, что мое воображеніе подъ его мощнымъ волшебнымъ вліяніемъ воспламенялось, мои идеи расширялись и развивались.

— Милая Елена Андреевна,— сказала старшая кузина: — все, что вы говорите, очень для насъ интересно, и ничего тутъ нѣтъ необыкновеннаго; но мы просили бы васъ разсказать подробнѣе, каковъ самъ Сенковскій, сообщить намъ все, чтò до него касается.

— А развѣ я не исполняю вашего желанія? Вамъ хотѣлось знать причины дружескихъ сношеній, въ которыхъ я теперь нахожусь съ Сенковскимъ? Вы сами желали объясненія этихъ отношеній, отражающихъ характеръ, сердце, геній, безпредѣльную доброту человѣка, котораго вы такъ желаете узнать. Неужели вы требовали отъ меня описанія такихъ подробностей, какъ, напримѣръ: длиненъ ли у него носъ, какого цвѣта его волосы, каковъ онъ собою? Развѣ вамъ хотѣлось знать, чтò у него общаго съ прочими мужчинами, а не то, что дѣлаетъ его необыкновеннымъ исключеніемъ?.. Но простите меня, что я такъ долго и много говорю вамъ о самой себѣ. Не гораздо ли лучше навсегда замкнуться въ своей скорлупѣ, чѣмъ довѣряться тѣмъ, кто не пойметъ насъ! Но съ нимъ я могла говорить сколько хотѣла о моихъ печаляхъ, о моихъ нуждахъ и предположеніяхъ, съ увѣренностью, что не заставлю его скучать и не затрудню его. Онъ самъ интересовался узнать все, чтò меня касалось, самъ поощрялъ меня къ откровенности. Узнавъ ближе мои обстоятельства, онъ предупредилъ мои желанія предложеніемъ помогать мнѣ на новомъ, избранномъ мною поприщѣ и совѣтомъ и дѣломъ руководить моею неопытностью. Конечно, одна я ничего не сдѣлаю, но съ такою помощью у меня хватитъ силъ на все... Я вынула изъ кармана маленькую рукопись и съ трепетомъ вручила ее барону Брамбеусу.

— Ай! ай! — закричала старшая кузина: — такъ вы сдѣлались сочинительницею, синимъ чулкомъ? Ну, поздравляю васъ!.. Не это ли причина вашего восторженнаго обожанія Брамбеуса? Я не осуждаю вашего обожанія, но, признаюсь вамъ, совсѣмъ другимъ образомъ выразила бы его.

— Обыкновенно люди всѣхъ мѣряютъ на свой аршинъ, — сухо отвѣчала Ганъ: — но я еще разъ прошу васъ, простите, что во зло

употребила вашимъ терпѣніемъ и своею откровенностью. Мнѣ хотѣлось только объяснить вамъ, почему я хоть и недавно познакомилась съ Брамбеусомъ, но нахожусь съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ и провожу у него большую часть моего времени, и что мнѣ тамъ такъ пріятно, такъ весело, что нѣтъ ничего мудренаго, если я предпочитаю это удовольствіе всему прочему, и ничто не можетъ помѣшать мнѣ идти туда, когда мнѣ это возможно.

— Конечно, теперь мы вполнѣ понимаемъ, почему завтра вы не можете и не хотите быть у насъ, — сказала старшая кузина: — остается только хорошенько узнать это чудо, настоящій портретъ котораго вамъ не хочется показать намъ, а показываете его, пока, въ видѣ, преувеличенномъ вашею признательностью и восторгомъ.

Затѣмъ А. А. Сенковская сообщаетъ въ нѣсколькихъ словахъ о житьѣ Е. А. Ганъ въ Петербургѣ. Изъ словъ ея мы, между прочимъ, узнаемъ, что въ жалкой квартирѣ, которую занимали Ганы въ Петербургѣ, была единственная приличная комната, находившаяся въ самомъ неутѣшительномъ безпорядкѣ; отъ табачнаго дыма воздухъ въ ней былъ ужасно спертый, Елена Андреевна не думала о своемъ туалетѣ, носила всегда черное платье, говоря, что она носитъ трауръ по роскоши и изяществу, послѣ которыхъ она съ рожденія осталась сиротою.

Она принималась за свою литературную работу довольно рано, въ своемъ ночномъ костюмѣ; только большой шерстяной платокъ былъ кое-какъ наброшенъ на плечи. Всегда равнодушная ко всему окружающему, она сосредоточивалась только въ самой себѣ. Елена Андреевна говорила, что вышла замужъ совершеннымъ ребенкомъ. О мужѣ ея мы узнаемъ изъ разговора ея съ кузиной, вышедшей впослѣдствіи за Ладыженскаго.

— А знаете, Елена, — замѣтила кузина: — я очень удивилась, увидавъ вашего мужа,—я его совсѣмъ иначе представляла себѣ.

— Что же такое вы нашли въ немъ? Кажется, я ничего не говорила вамъ такого, что̀ могло бы дать вамъ дурное о немъ понятіе!

— Признаюсь вамъ, что послѣ перваго нашего свиданія, по вашимъ уклончивымъ отвѣтамъ, по замѣшательству и неохотѣ, съ какою вы говорили о своемъ мужѣ, я вообразила, что онъ совсѣмъ не презентабеленъ, какой-то неотесанный медвѣдь; а тутъ онъ еще и не показывается къ намъ. Изъ всего этого я и вывела заключеніе, что, вѣроятно, вы имѣете причины прятать его.

— Вѣдь вы не спрашивали у меня, какова наружность у моего мужа, а спросили только: счастлива ли я съ нимъ, люблю ли я его?

— Отчего же не быть счастливой съ нимъ? Отчего не любить его, какъ слѣдуетъ любить мужа? На лицѣ у него написана такая

доброта, что я тотчасъ стала расположена въ его пользу; съ какою отеческою нѣжностью онъ поцѣловалъ васъ въ лобъ.

— Ахъ! — воскликнула Елена Андреевна съ глубокимъ вздохомъ: — какъ вы невзыскательны, какъ вы довольны немногимъ въ дѣлѣ о счастьѣ другаго!

Далѣе мы узнаемъ о занятіяхъ Ганъ у Сенковскаго.

Ад. Ал. Сенковская очень хорошо знала Елену Андреевну, которая проводила большую часть своего времени въ кабинетѣ ея мужа, приходя къ нему нѣсколько разъ въ недѣлю, всегда какъ можно ранѣе и уходя какъ можно позже. Если случалось когда нибудь, что Елены Андреевны не было у Брамбеуса, это происходило не по желанію мужа, который предоставлялъ ей полную свободу видѣться съ кѣмъ она хотѣла, а по какому-то неясному чувству, твердившему ей, что есть всему мѣра, и что для себя самой надо поберечь того, кто доставлялъ ей столько выгодъ и удовольствій.

Во время обѣда Елена Андреевна бывала особенно въ ударѣ: она мало кушала, разсѣянно слушала другихъ, зато не скупилась разсыпать сокровища своего ума, которому сама придавала высокое значеніе.

Однажды, послѣ обѣда, по пріѣздѣ кузинъ, о которыхъ она говорила Сенковскому, что онѣ желаютъ ему представиться, и которыя должны были пріѣхать въ 8 часовъ, находчивая женщина-писательница надѣялась воспользоваться временемъ, принадлежащимъ ей по праву, и распорядиться имъ по обыкновенію, то-есть уйдти въ кабинетъ къ барону. Но Ад. Ал. сказала мужу, что желаетъ принять ожидаемыхъ гостей въ его присутствіи и въ гостинной, гдѣ обыкновенно принимались поклонницы барона Брамбеуса.

Досадно стало это Еленѣ Андреевнѣ; съ худо сдерживаемымъ гнѣвомъ кусала она губы и старалась отговорить хозяйку отъ этого намѣренія.

— Видите ли въ чемъ дѣло, — замѣтила она: — разсчитывая на этотъ свободный вечеръ, я хотѣла прочитать О. И. одну сценку, которую совсѣмъ передѣлала по его указанію; я думала сдѣлать ему удовольствіе поспѣшнымъ исполненіемъ его наставленій и никакъ не осмѣлюсь писать дальше, прежде чѣмъ услышу его мнѣніе о передѣлкѣ.

Но баронъ былъ того мнѣнія, что этотъ вечеръ можно обойдтись и безъ литературы и въ особенности безъ свиданій въ кабинетѣ съ глазу на глазъ. Приходилось покориться необходимости, потерять вечеръ блаженства, какъ называла Елена Андреевна вечера, проводимые съ барономъ.

При представленіи кузинъ, Ганъ такъ высказалась барону Брамбеусу:

— Одна я могу говорить о васъ съ полнымъ пониманіемъ вашей личности. Кто болѣе меня видѣлъ отъ васъ благодарнаго вниманія, нѣжнѣйшихъ услугъ, кто можетъ разсказать столько анекдотовъ о вашей добротѣ, вашемъ великодушіи? Кому случалось ближе видѣть благородство души вашей? Кто знаетъ васъ только по вашей учености, по вашимъ произведеніямъ, тотъ находится въ совершенномъ невѣдѣніи о томъ, что есть въ васъ лучшаго.

Затѣмъ, Елена Андреевна стала проповѣдовать презрѣніе къ свѣту, богатству, роскоши: вся эта суетня, пошлая мишура, не стоила крутаго утеса на южномъ берегу Крыма, на вершинѣ котораго ей бы хотѣлось поставить себѣ и барону Брамбеусу памятникъ.

До сихъ поръ Елена Андреевна проводила безмятежные часы, исключительно посвященные ей барономъ Брамбеусомъ. Укрываясь подъ тѣнью литературныхъ занятій, дозволявшихъ ей свободный входъ во всякое время,—часто, съ сердцемъ переполненнымъ гордостью, слышала, какъ запрещалось кого либо пускать въ кабинетъ, гдѣ она сидѣла, запершись вдвоемъ съ Брамбеусомъ. До сихъ поръ ей удавалось увертываться отъ всякой непріятной встрѣчи. И что же? Теперь, когда она привыкла считать себя единственною въ своемъ родѣ, не имѣть соперницъ равныхъ себѣ, вдругъ она видитъ себя принужденною сойдти съ пьедестала. Она ожидала совсѣмъ другаго; а тутъ полное равнодушіе Брамбеуса къ ея словамъ ясно показало, что ей никогда не удастся зайдти далѣе, чтб бы она ни предпринимала. Да,—думала она съ отчаяннымъ желаніемъ утѣшить себя, — жена его права: онъ не умѣетъ любить, онъ умѣетъ только мыслить. Лучше любить его издали и умѣренно пользоваться благодѣяніями этого ума, который стремится всѣхъ согрѣвать и освѣщать, а самъ не хочетъ ничего чувствовать.

Очень скоро раскаялась Ганъ въ томъ, что допустила своихъ элегантныхъ кузинъ сблизиться съ Сенковскимъ. Не предугадывая пагубныхъ послѣдствій, она уже чувствовала безсознательное нерасположеніе къ ихъ желанію встрѣтить ее въ убѣжищѣ славы.

Восторженное удивленіе къ творцу образцовыхъ произведеній было причиною появленія ея у Сенковскаго. Но потомъ его расположеніе, его готовность быть ей полезнымъ дѣломъ и совѣтомъ, возбудили въ ея душѣ безграничное желаніе заняться собою, потребность съ помощью умныхъ совѣтовъ развить свои природныя способности, не обработанныя воспитаніемъ. Какое дѣло до средствъ, когда цѣль такъ высока? Что за бѣда, что другой тутъ пострадаетъ, если самъ выиграешь?

Елена Андреевна плохо знала ариѳметику и презирала всѣ разсчеты по хозяйству, однако, быстро разсчитала, что можетъ выиграть отъ сближенія съ Сенковскимъ. Но вотъ бѣда, успѣетъ

ли она воспользоваться всѣми сокровищами этого богатаго рудника? Времени терять нельзя. Быстрое соображеніе, замѣчательный умъ, богатство мыслей, если не всегда вѣрныхъ, за то запечатлѣнныхъ глубиною, свѣжестью и увлекательностью, привычка сосредоточиваться — все это дѣлало Ганъ ученицею, достойною своего учителя. Чѣмъ короче становились ея отношенія къ барону, тѣмъ болѣе понимала она всѣ выгоды его дружбы.

Не даромъ Елена Андреевна была женщиною, да еще двадцатидвухъ-лѣтнею, если не красавицею и не хорошенькою, за то съ такими чорными глазами, блиставшими умомъ и мыслью, что даже смуглое лицо ея казалось бѣлѣе отъ блестящей черноты ихъ! При томъ же она была краснорѣчива и не скрывала стремленій своего сердца, любящаго, страстнаго, которое для предохраненія себя отъ искушеній любви, медленно, съ наслажденіемъ, упивалось чарами дружбы съ геніальнымъ писателемъ.

Кромѣ замѣчательнаго, необыкновеннаго ума, Сенковскій обладалъ еще и другими достоинствами: удивительнымъ простодушіемъ и безпечною довѣрчивостью ребенка. Наружность всегда обманывала его, не смотря на проницательность его ума. — «Зачѣмъ предполагать зло, когда видишь добро?» — было его обыкновенною поговоркою. Его чрезвычайная скромность была причиною совершеннаго отсутствія въ немъ недовѣрчивости. Скромность же мѣшала ему вѣрить всѣмъ горячимъ изъявленіямъ удивленія и восторженныхъ похвалъ, которыми всюду осыпали его; а не вѣря имъ, онъ ни во что не ставилъ ихъ. То же чувство скромности препятствовало ему приписывать малѣйшую важность своей личности, и потому онъ никакъ не могъ себѣ представить, изъ-за чего могли хитрить предъ нимъ? Чего могли бы добиваться отъ него? И что онъ за важная, необыкновенная особа, къ которой не могутъ приближаться, чтобы не строить плановъ и не разсчитывать получить отъ него какую нибудь выгоду. «Къ чему въ простой привѣтливости всегда видѣть корыстныя цѣли, недоброжелательныя намѣренія? Развѣ я добрѣе, лучше другихъ? Развѣ я менѣе другихъ дорожу своимъ временемъ, отдыхомъ, здоровьемъ, деньгами?» — говаривалъ онъ.

Природа никогда ничего не забываетъ: создавая замѣчательнаго человѣка, она не забываетъ надѣлить его должною дозою человѣческихъ слабостей. Въ характерѣ Сенковскаго было даже легковѣріе: отъ этого его такъ часто обманывали. Очень понятно, что мошенники часто торжествуютъ надъ честными людьми, а интриганы оттѣсняютъ чистыхъ, прямыхъ людей.

Въ Еленѣ Андреевнѣ Сенковскій видѣлъ одну наружность. Для него она была молодымъ созданіемъ, алчущимъ познаній, скромною, робкою женщиною, боящеюся и убѣгающею свѣта, о которомъ она знала только по наслышкѣ, предпочитая всѣмъ ложнымъ его на-

слажденіямъ уединенную, мирную бесѣду съ друзьями. Сенковскій ничего болѣе не видѣлъ, да и не доискивался глубже, почему и не могъ отдать должной справедливости удивительному искусству, которое развивала предъ нимъ его черноглазая ученица! Кажется, сама красавица Шехеразада могла бы поучиться у своей сестрицы Елены Андреевны: такъ ловко умѣла она связать кончающійся вечеръ съ завтрашнимъ днемъ, такъ умѣла сдѣлать необходимымъ свое слѣдующее посѣщеніе завтра и послѣзавтра, когда у нея будетъ первая свободная минута. У Сенковскаго не спрашивалось, будетъ ли у него свободная минута; развѣ не всегда у него было свободное время для Ганъ?

Но мало-по-малу вечеровъ оказалось недостаточно для литературныхъ занятій. Надо было посовѣтоваться съ его женою и убѣдительно просить ее подать руку помощи бѣдной, робкой женщинѣ, вымаливавшей покровительство и благосклонность. Какое доброе дѣло можетъ быть лучше: дать средства благородной женщинѣ заработывать честнымъ трудомъ кусокъ хлѣба? Убѣдительная просьба не могла имѣть отказа. Елена Андреевна съ каждымъ днемъ завоевывала болѣе прочное положеніе въ домѣ своего знаменитаго учителя. Какъ искусно умѣла она находить предлогъ, чтобы прійдти и каждый разъ увлекаться своею дружбою къ нему, предѣлы которой она клялась честью благородной женщины никогда не переступать.

Иногда облако грусти отуманивало лицо Сенковскаго, и виновницею этого являлась Ганъ. У нея была особенная страсть разсказывать Сенковскому самыя оскорбительныя клеветы, распространяемыя о немъ и такъ мало похожія на истину. Можетъ быть, ея пылкое воображеніе преувеличивало эти грубыя, грязныя выдумки; зато, чѣмъ нападки были злѣе, тѣмъ ярче выставлялась пламенная его защитница, тѣмъ необузданнѣе развивалась ея дружба къ обожаемому учителю. Только эфектъ, производимый ея пересказами, былъ совсѣмъ не таковъ, какъ она ожидала: ея дружба приносила не столько удовольствія, сколько печали. Сенковскій хотѣлъ забыть огорченіе отъ безпричинной злобы враговъ, принявшись за работу съ своею ученицею, но въ такія минуты Елена Андреевна не хотѣла и слышать о занятіяхъ: она была такъ потрясена, такъ опечалена злобою враговъ возлюбленнаго учителя, что не могла и не способна была заниматься. Ей въ голову не приходило, чтобы презрѣнныя нелѣпости, переданныя ею для того только, чтобы посмѣшить Сенковскаго, могли опечалить или возмутить, хотя на минуту, его спокойствіе и самодовольство, проистекавшія отъ чистой совѣсти и душевнаго мира съ собою и со всѣмъ свѣтомъ. Но, такъ какъ она имѣла несчастье огорчить своего знаменитаго друга, то она же должна была изгладить это непріятное впечатлѣніе. И тутъ-то она выводила на сцену все, что было бли-

стательнаго въ ея умѣ, сердцѣ и памяти. Она декламировала цѣлыя поэмы, разыгрывала сцены изъ комедій и трагедій, описывала дикую дѣвственную природу, гдѣ протекло ея дѣтство, разсказывала свои самыя фантастическія мечты. И когда, наконецъ, ей удавалось вызвать его улыбку или одобрительное слово, когда она видѣла, что лицо Сенковскаго прояснялось отъ печали, ею же самою причиненной, тогда она не считала нужнымъ останавливаться, но съ удвоенною силою продолжала такъ успѣшно начатое.

— Нѣтъ,—говорила она, нѣжно пожимая руку своему учителю:—нѣтъ, вамъ не надо сегодня заниматься со мною; будемъ думать только о васъ. Завтра, если вы позволите, я приду напомнить вамъ о моемъ существованіи,—я увѣрена, что не буду въ накладѣ отъ того, что сегодня посвятила нѣсколько часовъ исключительно вамъ.

Иногда сильное утомленіе такъ ясно выражалось на лицѣ Сенковскаго, что было видимо для каждаго; но онъ, погрузясь въ свои занятія, совершенно не сознавалъ усталости. Когда онъ работалъ, часы казались ему минутами, и, думая прибавить одну строчку, онъ незамѣтно исписывалъ цѣлыя страницы: такое изобиліе мыслей и матеріаловъ кипѣло у него въ головѣ. При появленіи Ганъ, онъ оставлялъ перо и радъ былъ заняться исправленіемъ ея сочиненій. Но Елена Андреевна хорошо знала, что легче сокрушить металлъ, чѣмъ разорвать эластическую связь его мыслей.

— Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой,—говорила она Брамбеусу:—я не потерплю, чтобы вы до такой степени утомлялись для меня. Въ настоящую минуту вамъ необходимѣе всего отдыхъ. Сегодня я буду вашимъ докторомъ, и вы должны непремѣнно слушаться меня. Посмотрите, какъ надулись жилы на вашемъ прекрасномъ лбу, какъ утомлены ваши глаза. Надо беречь себя, надо болѣе думать о себѣ. Будь я вашею женою, я не позволила бы вамъ во зло употреблять свои силы; я сама на половину исполняла бы ваши работы и съумѣла бы облегчить вамъ тяжелое бремя.

Волей-неволей Сенковскій принужденъ былъ прерывать свою работу, и Ганъ употребляла всѣ усилія, чтобы отвлечь его отъ своего дѣла и привлечь къ себѣ его мысли, для чего она шутила, рѣзвилась, смѣялась, словомъ пробовала себя во всѣхъ родахъ, менѣе ей свойственныхъ, и подъ видомъ великодушной и самоотверженной дружбы достигала своей цѣли. Разсказывала она удивительно краснорѣчиво, особенно игривые и соблазнительные анекдоты.

— Знаете ли,—сказалъ однажды Сенковскій послѣ подобнаго разсказа, заставившаго его много смѣяться:—у васъ громадный талантъ для повѣстей игриваго содержанія. Вамъ непремѣнно слѣдуетъ прибавить что нибудь въ этомъ родѣ къ прекраснымъ страницамъ, гдѣ такъ краснорѣчиво излились вопли вашей страстной души. Но вѣчные вздохи, вопли и возгласы противъ нашего свирѣпаго пола, на который вы такъ страшно возстаете и все же лю-

бите его,—все это какъ бы ни было художественно, а, всетаки, наконецъ, наскучитъ....

— Но какъ же быть?—отвѣчала Елена Андреевна со вздохомъ:—писать можно только о томъ, что хорошо знаешь. Какъ же вы хотите, чтобы я пустилась описывать то, что совершенно мнѣ неизвѣстно? Радость, счастье — для меня это одни слова. Я увѣрена, что начни я описывать земныя радости, такъ подъ моимъ перомъ онѣ приняли бы мрачный цвѣтъ своихъ грустныхъ сестеръ: печали, нужды, несбывшихся надеждъ, напрасныхъ желаній.

— Полно-те, другъ мой,—сказалъ Сенковскій, ласково взявъ ее за руку:—не преувеличивайте своего горя, не считайте себя несчастнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Вы же умѣли быть сейчасъ милою, веселою, рѣзвою.

— Только для васъ однихъ, мой дорогой учитель, моя мечта, моя слава! Для васъ я готова на все, даже не быть собою, какъ это я сейчасъ дѣлала.

— Нужды нѣтъ, попытайтесь написать что нибудь въ этомъ родѣ, хоть для меня. Вѣдь вы же разсказываете для меня. Попробуйте же, и увидите, какъ это вамъ удастся.

— Подъ вашимъ руководствомъ я въ этомъ не сомнѣваюсь, но помните же: вы этого хотите, а я и не думала.

Такимъ образомъ она открывала новую, богатую руду, вызывавшую необходимость постоянно видѣться съ Сенковскимъ и совѣтоваться съ нимъ.

О Ганъ можно сказать, что она упорно хотѣла видѣть только одну сторону жизни. По ея мнѣнію, солнце озаряетъ только однѣ вершины. Она описывала только слезы, нищету, несправедливость, а если иногда ей и случалось вывести на сцену счастье, то она бросала его въ руки недостойныя или преступныя. Она забывала, что талантъ, драгоцѣнный даръ неба, не всѣмъ дается, и избранники должны понимать истинное его значеніе. Зачѣмъ же Ганъ не сдѣлала добраго употребленія изъ своего замѣчательнаго таланта, даромъ полученнаго ею отъ природы, даромъ развиваемаго въ ней искуснымъ руководствомъ опытнаго учителя? Зачѣмъ не захотѣла она сдѣлать этотъ даръ благодѣтельнымъ лѣкарствомъ для своихъ ранъ, утѣшеніемъ для печалей ближняго? Безжалостною рукою поворачивала она кинжалъ въ собственной ранѣ, считая свои раны глубокими и неисцѣлимыми. Все это не ускользало отъ проницательнаго взора Сенковскаго. Кто же лучше его могъ знать, что хотѣть значитъ мочь? Онъ старался просвѣтить ея умъ, во многихъ отношеніяхъ блуждавшій еще во мракѣ, заставилъ ее полюбить чтеніе серьёзныхъ книгъ, образовалъ ея вкусъ, помогъ ей выработать свой слогъ, старался вывести ея мысли и способности изъ того узкаго горизонта, въ которомъ она упорно вращалась съ своими любимыми идеями о несчастномъ положеніи женщины, о не-

обходимости эмансипаціи изъ-подъ ига тирановъ-мужей. Мужъ ея, добрый и простой человѣкъ, никакъ не могъ бы представить ей такого огромнаго количества матеріаловъ; тутъ работало необузданное и пылкое воображеніе. Подъ ея легкимъ и изящнымъ перомъ, житейскія печали и сердечныя муки принимали гигантскіе размѣры, а увлекательная умственная работа не облегчала бремени, угнетавшаго женщину-писательницу, но еще болѣе увеличивала эту тяжесть. Поэтому мужу ея не приходилось восхищаться ея литературными занятіями: первыя ея стрѣлы были пущены прямо въ него; но, не имѣя привычки приказывать что нибудь женѣ, онъ предоставлялъ ей полную свободу дѣлать что ей угодно, не смотря на всѣ ея трагическіе возгласы противъ домашняго тиранства. Только одно непростительное преступленіе оставалось за нимъ: онъ не понималъ своей жены, не восхищался ею и вмѣсто того, чтобы воздавать ей должную справедливость, иногда находилъ ее заслуживающею порицанія! Но вотъ наступила минута, когда глаза ея мужа, наконецъ, открылись, или, говоря словами Елены Андреевны, минута, выказавшая ея мужа въ настоящемъ свѣтѣ. Наступилъ день, когда она не съ пустыми руками возвратилась домой: она принесла ему первые плоды своей литературной работы, и съ той поры получила совсѣмъ другое значеніе въ глазахъ его. Снисходительность, съ какою онъ прежде смотрѣлъ на ея безполезное занятіе, превратилась въ особенное уваженіе къ тому, что̀ можетъ улучшить ихъ обстоятельства. Звонкая монета совершила чудо, которое Елена Андреевна полагала уже невозможнымъ. Теперь мужъ ея сталъ считать потерянными для себя тѣ минуты, когда не видалъ жены съ перомъ въ рукахъ, или не зналъ, что она находится возлѣ своего искуснаго руководителя. Велико было ея торжество, но чѣмъ болѣе собирала она золотой дани своему таланту, тѣмъ съ бо̀льшею алчностью стремилась она къ ней. Неудивительно потому, что она такъ крѣпко держалась за своего знаменитаго учителя, и ни для кого въ мірѣ не рѣшилась бы отказаться отъ своихъ правъ на него.

Въ это-то время старшая кузина бомбардировала Ганъ своими записками познакомить ее съ Брамбеусомъ, не зная, что требуетъ отъ нея драгоцѣннѣйшихъ минутъ, въ которыхъ лежалъ зародышъ будущей ея славы, богатства, вліянія на мужа, не считая прелести бесѣды съ глазу на глазъ съ извѣстнѣйшимъ ученымъ и отрады возбуждать этимъ зависть въ другихъ женщинахъ, которыя не могли добиться подобной чести. Наконецъ, уставъ отказывать и выдумывать разные предлоги для отказовъ, Елена Андреевна согласилась представить кузинъ своему знаменитому другу, надѣясь, что это знакомство ограничится двумя, тремя церемонными визитами, пошлыми комплиментами съ одной стороны, обычною вѣжливостью съ другой, что она будетъ занимать при этихъ по-

сѣщеніяхъ первое мѣсто, блистать своимъ умомъ и покровительствовать кузинамъ съ высоты своего величія, на что, по ея мнѣнію, давали ей право: короткость и дружба съ знаменитымъ человѣкомъ...

Но послѣдствія не всегда соотвѣтствуютъ ожиданіямъ. Хорошенькія кузины безъ всякой совѣсти завладѣли барономъ Брамбеусомъ, да и самъ онъ съ видимымъ удовольствіемъ отдыхалъ, прислушиваясь къ ихъ живой болтовнѣ, какъ слушалъ краснорѣчивую и порывистую рѣчь Елены Андреевны. Онъ такъ простодушно разговаривалъ, смѣялся съ ними, а главное такъ мило слушалъ ихъ разсказы, что со стороны можно было подумать, будто онъ очарованъ своими посѣтительницами. Зная Сенковскаго только съ одной стороны, Ганъ не знала, что онъ никогда ничего не дѣлалъ въ половину. Ни времени, ни жизни не достало бы у него, чтобы выполнить все, чего требовали отъ него, и принять всѣхъ, кто желалъ имѣть къ нему доступъ; но когда онъ уже принялъ кого нибудь, то отпускалъ его отъ себя совершенно довольнымъ. За что онъ разъ брался, на то обращалъ все свое вниманіе, всѣ заботы, и все предпринятое имъ достигало возможнаго совершенства...

Сама Ганъ упросила его пожертвовать однимъ вечеромъ и принять благосклонно ея кузинъ, и Сенковскій исполнилъ ея просьбу, по своей привычкѣ, въ совершенствѣ, и обязанности, возложенныя на него, не показались ему на этотъ разъ ни скучными, ни тягостными.

Прелестныя кузины сами содѣйствовали этому, не щадя никакихъ трудовъ, чтобы понравиться ему, и обѣщая какъ можно чаще доставлять ему такое удовольствіе. Но Ганъ вмѣнила Сенковскому въ преступленіе, что онъ слишкомъ хорошо принялъ ея кузинъ, и рѣшилась, во что бы то ни стало, заставить его поплатиться за ущербъ, причиненный ей, и вполнѣ вознаградить ее. Она стала бродить какъ тѣнь около подъѣзда квартиры Сенковскаго, подстерегая удобную минуту, когда онъ оставался одинъ, чтобы воспользоваться этою свободною минутою и занять свое обычное мѣсто...

Но и кузины не дремали, хоть и не такъ страстно преслѣдовали снисходительную знаменитость, посвящая ей время, свободное отъ своихъ личныхъ хлопотъ. Боясь неумѣстнымъ визитомъ потревожить очаровательнаго барона, или попасть въ такую минуту, когда онъ совсѣмъ не могъ принять ихъ и предоставилъ бы имъ скучать въ обществѣ его жены, чего онѣ болѣе всего опасались,— онѣ рѣшились избирать для своихъ визитовъ именно тѣ минуты, когда ихъ кузина Лена занимается одна съ своимъ наставникомъ, будучи вполнѣ убѣждены, что ея присутствіе вовсе для нихъ неопасно и послужитъ имъ благовиднымъ предлогомъ. Какую неотразимую муку испытывала тогда бѣдная Ганъ, когда она дочитывала Брамбеусу послѣднія страницы своего разсказа, запечат-

лѣнныя лихорадочнымъ волненіемъ, и дрожащею рукою измѣняла, по его указанію, рѣзкія слова, слухъ ея устремлялся къ двери, и малѣйшій шумъ или скрипъ за этою преградою, гдѣ она царствовала, заставляли ее вздрагивать. И все казалось ей, что тамъ уже раздаются шумъ шаговъ, нѣжный шелестъ, производимый шуршаніемъ шелку и кружевъ, и бархатные женскіе голоса, которые угрожали ея спокойствію хуже бури и грозы. Иногда вечеръ проходилъ благополучно, никѣмъ не возмущенный. Но часто случалось, что кузины, разодѣтыя какъ на балъ, появлялись по знакомой дорожкѣ, указанной самой Леной, и бѣдная писательница должна была отлагать въ сторону свое золотое перо, которое производило уже довольно шуму въ свѣтѣ и доставляло ей много побѣдъ.

Въ своихъ сочиненіяхъ Ганъ проповѣдывала равенство, но на дѣлѣ не считала достойнымъ себя вступать въ борьбу съ кузинами, которыя стояли ниже ея по уму.

— Всѣ мужчины одинаковы,—говаривала она съ горечью:—всѣ они увлекаются блестящею наружностью и не умѣютъ противиться самому грубому искушенію... Сенковскій воображаетъ, что эти женщины восхищаются имъ, а не замѣчаетъ, что онѣ только и хлопочутъ о томъ, чтобы ими восхищались. А иначе для чего бы онѣ привезли съ собою этотъ безконечный, неосмысленный лепетъ, эти изысканные наряды?...

Вокругъ нея раздавался веселый говоръ, смѣхъ, одна она хранила презрительное молчаніе. Иногда она собиралась уходить, подъ предлогомъ головной боли или важнаго дѣла, никто не думалъ удерживать ее, и она съ позднимъ сожалѣніемъ должна была удаляться, оставляя свободное поле своимъ соперницамъ.

Въ другое время на такихъ вечерахъ она погружалась въ глубокую задумчивость, и всѣ почтительно избѣгали случая возмутить ея мечты и старались забыть ея присутствіе.

Но иногда она не хотѣла ни уходить, ни мечтать, а брала въ руки книгу, увѣряя, что книга лучшій другъ, нежели другіе друзья, которыми вертитъ вѣтеръ какъ любымъ флюгеромъ,—и ей предоставляли полную свободу наслаждаться своимъ лучшимъ другомъ, котораго, если бъ ее спросили невзначай, она не могла бы назвать по имени. Какія бы средства ни избирала она при появленіи кузинъ, ея помыслы все же были пропитаны горечью. Она не могла объяснить себѣ, куда дѣвалось блистательное начало ея знакомства съ Брамбеусомъ. Легко заслуженная ею прежняя благосклонность не давала ли ей права думать, что чѣмъ же нибудь она внушила такому знаменитому человѣку желаніе оказать ей столько участія, заботливости, одобренія, вниманія? А между тѣмъ, теперь какое ничтожество замѣнило ее барону!.. Она забывала спросить себя объ одномъ: по какому праву она завладѣла этимъ мѣстомъ? Не похи-

тила ли она его у другой? Не заставила ли она страдать другую, которая имѣла законное право на это счастье?

Мужъ Ганъ, между тѣмъ, окончилъ свои дѣла въ Петербургѣ и могъ ѣхать въ свою провинцію; но, видя, как его женѣ тяжело было разстаться съ Петербургомъ, и убѣжденный ея увѣреніями, что ея послѣднія сочиненія должны еще подвергнуться просмотру Сенковскаго и получить окончательную обработку подъ рукою знаменитаго учителя, онъ замедлялъ свой отъѣздъ со дня на день и съ кротостью переносилъ шероховатости характера жены, болѣе чѣмъ когда нибудь дававшаго себя чувствовать. Никогда Ганъ не умѣла обуздать свои стремленія и примириться съ житейскими затрудненіями, а близость отъѣзда рисовалась передъ нею въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Она забыла свое прекрасное небо, подъ которымъ родилась, забыла утесистые обрывы и гранитныя скалы, которыя, по ея же описаніямъ, несравненно лучше скользкихъ паркетовъ и душныхъ бальныхъ залъ; забыла ожидавшую ее малютку дочь..., забыла даже свою славу, такъ легко и такъ неожиданно ею пріобрѣтенную. Своего мужа она ставила ни во что̀: правда, онъ привезъ ее въ Петербургъ, гдѣ она нашла дорогу къ извѣстности и славѣ, зато этотъ же самый домашній тиранъ, ни за что не соглашался оставить ее въ Петербургѣ одну, на попеченіе дружбы, считая, что это значило бы пренебречь своими супружескими обязанностями, которыя должны быть священными для каждаго... Но отчего же жизненный горизонтъ такъ помрачился въ глазахъ Елены Андреевны Ганъ?.. Бываютъ печали, не имѣющія ни имени, ни опредѣленнаго образа, застаивающіяся въ самыхъ глубокихъ изгибахъ сердца, которыя тѣмъ болѣе заставляютъ насъ страдать, что самъ считаешь ихъ неизлечимыми, между тѣмъ какъ для другихъ онѣ кажутся нестоящими вниманія. Таковы бываютъ чувства непонятыя и нераздѣляемыя, желанія и надежды несбыточныя, способности безплодныя, неудовлетворенная потребность любви, нравственная безнадежность вслѣдствіе безполезныхъ попытокъ найдти если не счастье, то хоть примиреніе съ самимъ собою... Все это отравляетъ горечью даже блага, перепадающія на долю каждаго.

Утомленная безполезною и безпрестанною борьбою, женщина силится излить на новый предметъ, не ей принадлежащій, дары, которые не умѣла употребить на пользу близкаго ей человѣка, неспособнаго, какъ она думала, понять ее. Не совсѣмъ завладѣть чужимъ мужемъ желаетъ она и не богатой жатвы ищетъ она тамъ, гдѣ не посѣяла,—только развлеченія, только забвенія своихъ печалей и будничныхъ заботъ ищетъ она, чтобы этимъ наполнить пустоту своего сердца...

Вотъ что̀ привело Ганъ къ знаменитому барону, что̀ заставляло ее такъ часто посѣщать его и что̀ разрывало ея сердце при одной мысли объ отъѣздѣ. Для облегченія своихъ страданій, она нашла

средство, отъ котораго растравлялись только раны ея сердца: она придумывала всѣ возможныя и невозможныя средства чаще видѣться съ знаменитымъ человѣкомъ, умъ котораго озарялъ ее своимъ блескомъ. Однимъ изъ самыхъ естественныхъ поводовъ къ частымъ посѣщеніямъ его была жена Брамбеуса. Подъ предлогомъ скораго отъѣзда, Еленѣ Андреевнѣ открылась необходимость еще чаще бывать у Ад. Ал., чтобы не забыть чего нибудь нужнаго для дороги. Ганъ стала записывать всѣ необходимые вопросы, замѣчанія, литературныя порученія, на счетъ которыхъ нужно было еще посовѣтоваться съ барономъ, и всякій день пополняла списокъ этихъ потребностей. И какъ краснорѣчиво убѣждала она жену напоминать о ней знаменитому мужу, не забывать ее по отъѣздѣ и не отказываться принимать въ ней участіе и на будущее время...

Итакъ теперь одна мысль овладѣла Еленою Андреевною и не давала ей покоя—мысль объ отъѣздѣ. Не замедлить его и не отсрочить хотѣлось ей; нѣтъ, она хотѣла вовсе не уѣзжать. Самые фантастическіе, сумасбродные планы гнѣздились въ ея головѣ, не находя исхода. Любовь мужа она называла тиранствомъ и равнодушіемъ къ ея счастію, радушную благосклонность друга—сѣтями, разставленными ея неопытности, завлекшими ее далѣе, нежели слѣдовало. Ея способность преувеличивать и создавать себѣ страданія, слѣдовать за неукротимымъ воображеніемъ, принимала необъятные размѣры; нетерпѣливость ея увеличивала страданія и не давала ей покою ни днемъ, ни ночью. Рано утромъ выходила она изъ своего дома и поздно вечеромъ возвращалась къ мужу; все время безвыходно проводила она у Брамбеуса, словомъ высасывала у него послѣднія радости жизни, не съ мудростью пчелы, пользующейся медомъ, не разрушая цвѣтка, но съ безразсудствомъ избалованнаго ребенка, вырывающаго цвѣтокъ съ корнемъ. Но что она выигрывала водвореніемъ своимъ подъ гостепріимнымъ кровомъ, гдѣ зародились ея первыя литературныя попытки? Бывало, когда она приходила въ условленные дни, ее встрѣчали съ привѣтливой благосклонностью; все другое оставлялось ради ея; вниманіе, умъ, любезность хозяина были къ ея услугамъ. Но можно ли было теперь требовать, чтобы Брамбеусъ постоянно все бросалъ для нея, какъ она этого требовала, забывая свои семейныя обязанности? Хорошее начало еще не составляетъ всего дѣла, только конецъ вѣнчаетъ его. А какой печальный конецъ всего пребыванія въ Петербургѣ должна была испытать Ганъ! Теперь не было уже избранныхъ часовъ, которые Брамбеусъ посвящалъ ей собственно. Теперь она не убѣгала уже при видѣ каретъ у его подъѣзда или бархатныхъ шубъ въ его передней и входила въ его кабинетъ, когда оттуда неслись пронзительные женскіе голоса, раздиравшіе ея слухъ. Въ траурной одеждѣ, съ помраченной физіономіей, Ганъ представляла разительный контрастъ съ изящными, веселыми дамами, лепета-

вшими и сновавшими вокругъ Брамбеуса. Но что нужды? Она безпрерывно твердила, что жребій ея на землѣ—страдать, вѣчно страдать, а Брамбеусъ теперь подтверждалъ это своими поступками; дружески пожавъ поданную ему руку своей пріятельницы, которая и вчера, и сегодня, и завтра проводитъ у него дни до поздней ночи, онъ продолжаетъ занимать элегантныхъ посѣтительницъ, не всегда бывавшихъ у него. Больно сжималось сердце Ганъ: прежде она думала, что для Брамбеуса она составляетъ нѣчто—и зачѣмъ ей было не сохранять въ тайнѣ своего счастливаго убѣжища? зачѣмъ ей было вступать въ состязаніе съ элегантными дамами-красавицами? Теперь она поставлена даже ниже этихъ куколъ, прикрывающихъ свое умственное убожество разными литературными блестками, безполезными для женщины, богато надѣленной дарами природы.

Съ полуоткрытыми устами, съ сіяющими восторгомъ глазами, прелестныя куколки заслушивались Брамбеуса, не совсѣмъ понимая его. Когда онъ увлекался своими мыслями, то не соразмѣрялъ ихъ съ понятливостью слушательницъ. Художникъ, создавая геніальное произведеніе, интересуется ли освѣдомиться, какіе глаза будутъ смотрѣть на его твореніе? Онъ воспроизводитъ свою мысль, а до другаго ему дѣла нѣтъ... Одна только изъ посѣтительницъ могла бы вполнѣ понять и оцѣнить его; но взволнованная Елена Андреевна смотрѣла на все глазами ревности, создающей страшные призраки изъ самыхъ невинныхъ предметовъ...

— Ахъ, баронъ, какой вы опасный человѣкъ! — воскликнула съ укоризной одна изъ прелестныхъ слушательницъ: — при васъ рѣшительно все забываешь, кромѣ васъ...

— Совершенная правда, — подхватила подруга ея: — когда мы выѣзжали изъ дому, у насъ было множество плановъ и важныхъ дѣлъ; но мы начали съ того, что пріѣхали къ вамъ, и прости всѣ наши дѣла!

— Что дѣлать! Но клянусь вамъ, мы не жалѣемъ объ этомъ днѣ. Вы такъ безподобно говорили, что жаль было прерывать васъ; вы сообщили намъ такъ много любопытнаго, новаго, неслыханнаго...

— Что мы готовы завтра же повторить этотъ визитъ,—съ живостью подхватила самая миленькая и молоденькая посѣтительница.

Лихорадочная дрожь пробѣжала по всему тѣлу бѣдной Ганъ.

— Это служитъ неопровержимымъ доказательствомъ, что я не надоѣлъ вамъ сегодня,—улыбаясь, замѣтилъ Сенковскій.

— Берегитесь! — воскликнула прелестная дама со смѣхомъ: — не дразните насъ, мы способны бросить для васъ всѣ наши дѣла, не заботясь о вашихъ, а у васъ, кажется, нѣтъ недостатка въ дѣлахъ, судя по этимъ кипамъ бумагъ и книгъ, разбросанныхъ на столѣ и на полу.

Въ эту минуту чорный призракъ возсталъ между барономъ и

хорошенькою щеголихою, угрожавшею напасть на барона во всеоружіи своего очарованія.

— Вы здѣсь, Елена Андреевна!—воскликнулъ баронъ, увидѣвъ Ганъ:—а я и не видалъ васъ.

— Я все время здѣсь, въ двухъ шагахъ отъ васъ.

— Очень радъ, что вижу васъ; а я думалъ, что вы ушли, все это время вы не подавали ни малѣйшаго признака жизни.

— Онъ радъ, что я не ушла,—подумала Ганъ:—а самъ не замѣчалъ моего присутствія! О, мужчины, зачѣмъ природою мы осуждены любить васъ?

Прелестныя посѣтительницы едва удостоили взглядомъ черную даму, вполнѣ ими помраченную. Но гнѣвные взоры женщины-писательницы приписали ихъ равнодушіе презрѣнію. Пора, однако, было имъ разъѣзжаться.

— Наконецъ-то мы опять одни! — воскликнула Ганъ, когда Брамбеусъ, проводивъ своихъ посѣтительницъ, вошелъ въ кабинетъ: — и давно пора! Вѣроятно, и вы, другъ мой, съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ и я, ожидали, когда разъѣдутся эти докучныя посѣтительницы...

— Сейчасъ, милый другъ,—сказалъ Брамбеусъ, дружески пожавъ обѣ руки Ганъ:—одну только минуту, и я весь буду къ вашимъ услугамъ, позвольте только мнѣ окончить очень спѣшную статью. Мнѣ осталось написать лишь нѣсколько словъ; я кончалъ уже статью, когда пріѣхали эти дамы.

— Такъ пусть бы онѣ подождали.

— Какъ это можно? Онѣ завернули ко мнѣ на минуту.

— А вы постарались продлить эту минуту до невозможности.

— Онѣ совсѣмъ не такъ долго сидѣли; вѣдь вы вошли почти въ одно время съ ними.

— Это не вѣрно: когда я вошла, онѣ собирались уже ѣхать.

— Можетъ быть, не помню,—сказалъ Брамбеусъ, взявшись за перо и начавъ писать:—во всякомъ случаѣ, милый другъ, мы еще успѣемъ наговориться: вѣдь вы остаетесь у насъ на цѣлый день—такъ за обѣдомъ, или вечеромъ...

— Вы говорите, что уже забыли о нихъ, а между тѣмъ вы забыли меня для нихъ, что же бы вы сдѣлали для тѣхъ, о комъ помните?

Но Брамбеусъ не слыхалъ уже горькаго намека; онъ весь предался своему дѣлу и вмѣсто нѣсколькихъ словъ, необходимыхъ для окончанія статьи, прерванной пріѣздомъ гостей, мысли его успѣли размножиться до такой степени, что чѣмъ болѣе онъ писалъ, тѣмъ болѣе оставалось еще писать. Ганъ уже по опыту знала, что легче сломить дерево пополамъ и заставить каждую половину произрастать порознь, чѣмъ принудить Брамбеуса раздвоить свое вниманіе. Лучшее, что̀ оставалось дѣлать въ такомъ случаѣ,—это поко-

риться необходимости и вооружиться терпѣніемъ. Впрочемъ, ей казалось легче быть забытой для неодушевленнаго предмета, которому Брамбеусъ передавалъ свою жизнь, чѣмъ быть покинутой ради воздушныхъ кокетокъ, безъ всякой совѣсти отнимавшихъ у него драгоцѣнныя минуты. Самолюбіе ея успокоилось, но голосъ сердца не умолкалъ. Она взяла въ руки книгу, но вскорѣ бросила ее, не будучи въ силахъ понимать ни одной фразы. Предаваясь мечтамъ, Ганъ слѣдила глазами за неутомимою рукою, продолжавшею писать.

Брамбеусъ предавался своему занятію, не подозрѣвая вовсе тѣхъ мученій, которыми терзала себя по милости его бѣдная Е. А., и съ величавымъ спокойствіемъ, доказывавшимъ его чистую совѣсть, излагалъ свои мысли.

Дверь тихо отворилась, и Аделаида Александровна подошла къ мужу.

— Милый Joseph, обѣдъ готовъ, пойдемъ обѣдать.

Отвѣта не было.

Она снова повторила свою просьбу, но Брамбеусъ опять не слыхалъ ея.

— Безполезно говорить ему, — сказала Ганъ съ нетерпѣливостью: — онъ ничего не видитъ и не слышитъ.

— Такъ надо оставить его въ покоѣ.

— Однако, надо же когда нибудь обѣдать.

— Будьте спокойны, мы пообѣдаемъ.

— Такъ для этого ему надо встать.

— Но если ему нельзя, такъ мы будемъ обѣдать вдвоемъ.

— Однѣ! — воскликнула Ганъ съ ужасомъ.

— Вдвоемъ со мною, — развѣ это вамъ такъ страшно?

— Нѣтъ, разумѣется, нѣтъ, но безъ него что̀ мы будемъ дѣлать?

— Это такъ часто случается со мною, что я примирилась съ этой необходимостью.

— Но для меня въ первый разъ такое несчастье.

— Это доказываетъ, что до сихъ поръ вы были очень счастливы.

— Не позже какъ вчера онъ былъ такъ милъ, такъ очарователенъ.

— Да, вчера, какъ третьяго дня, какъ и всегда.

— И сегодня, можетъ быть, онъ былъ бы такимъ же, если бъ не эти несносныя и безсовѣстныя щеголихи, безъ всякаго стыда отнимающія у него драгоцѣнное время.

Брамбеусъ услыхалъ, наконецъ, что возлѣ него разговариваютъ.

— Сдѣлайте одолженіе, ступайте и садитесь за столъ, — сказалъ онъ: — я сейчасъ приду къ вамъ... Душенька, разлей супъ, — ты знаешь, я не могу ѣсть горячаго. Сейчасъ приду къ вамъ, мнѣ осталось только пять словъ прибавить...

— Вѣроятно, это ужъ не тѣ пять словъ, которыя мѣшали вамъ обратить на меня вниманіе...

Ганъ не договорила своей колкости, потому что Ад. Ал. увела ее въ столовую.

— Какъ это весело обѣдать двумъ женщинамъ, которыя въ ожиданіи мужчины берегутъ для него всѣ запасы своего ума и сердца, — сказала Ганъ: — удивляюсь, какъ вы не обижаетесь поступками своего мужа.

— А что же такое онъ дѣлаетъ, что должно оскорблять меня? — спросила Аделаида Александровна, уже привыкшая къ выходкамъ Ганъ.

— Но онъ считаетъ васъ совершеннымъ ребенкомъ.

— А развѣ, по-вашему, пріятнѣе, чтобы мужья считали насъ старухами?

— Мнѣ, кажется, вездѣ есть средина.

— То есть вы хотите сказать, вездѣ есть точка, гдѣ должно останавливаться и никогда не переступать за нее.

— Кажется, трудъ не великъ, если на этой точкѣ находится умная, образованная женщина, подруга, способная понять высокія его мысли, раздѣлять его благородные труды.

— И на ней остановиться, не идти впередъ?

— По крайней мѣрѣ, я не вижу необходимости.

— Ну, а я, хорошо узнавъ мужа, вижу тутъ невозможность.

— Какъ! ужели вы думаете, что онъ не сталъ бы любить жену, стоящую въ уровень съ нимъ, для которой ему не надо было бы спускаться съ высоты своего величія?

— Милая Елена Андреевна, — сказала Аделаида Александровна спокойно: — не знаю, до какой степени ему надо спускаться, чтобы дойдти до меня; но чувствую въ глубинѣ сердца, что я дѣлаю все, что̀ могу, чтобы избавить моего мужа отъ труда спускаться до меня. Я знаю также, что дерево, достигшеее своей зрѣлости, покрытое плодами, доступными для самой неискусной руки, не имѣетъ уже такого интереса для садовника-художника и любителя, какъ молодой кустарникъ, требующій всевозможной заботливости и знаній. Безпрерывно развивать свою науку, осуществлять свои неисчерпаемыя соображенія, предаваться своей дѣятельности, безпрерывно жаждущей пищи, — вотъ его настоящая сфера. Пусть другіе срываютъ плоды, ему бы только приводить въ исполненіе свои мысли для того, чтобы ухаживать, оживотворять кустарникъ своею заботливостью.

— Но вѣдь это чистѣйшій эгоизмъ! — воскликнула Ганъ: — стало быть, вы всю жизнь останетесь ребенкомъ для того только, чтобы доставить своему мужу удовольствіе ухаживать за вами?

— Вы крайне ошибаетесь: это чистѣйшая любовь. Я знаю, что любовь есть высшее счастье, данное намъ въ мірѣ. Всякій любитъ

по-своему, это неизмѣнный законъ разнообразія. Предоставляя мужу ухаживать за мною, заставляя даже иногда считать себя ребенкомъ, котораго надо нести на помочахъ, я поддерживаю его любовь къ себѣ, предоставляя ему обширное поле дѣятельности, потому что по его натурѣ любить значить дѣйствовать.

Мысли Ганъ обратились къ прошлому; печально вздохнула она, припомнивъ, съ какимъ удовольствіемъ баронъ принялъ ее, съ какимъ дѣятельнымъ участіемъ поддерживалъ ея первые шаги на литературномъ поприщѣ. Но, увы! теперь только она поняла, что это была обманчивая наружность, если дѣйствительно по его натурѣ любить—значить дѣйствовать. Съ горькимъ сожалѣніемъ думала она: зачѣмъ ея успѣхи были такъ быстры! И хотѣлось бы ей съизнова все забыть, все начать, чтобы имѣть нужду въ немъ. Она думала, что уже достигла своей цѣли, и вдругъ узнала, что цѣль отъ нея была дальше, чѣмъ когда либо.

— Что это вы все молчите, Елена Андреевна? Видно, вамъ очень скучно?

— Счастливцы этого міра знаютъ скуку, а несчастные только грустятъ; не слѣдуетъ вмѣнять имъ этого въ вину.

— Ахъ! я и забыла, что у васъ сегодня несчастный день.

— Только сегодня? Вы ошибаетесь, несчастье началось для меня съ самаго моего рожденія.

— Въ самомъ дѣлѣ? Но у васъ бываютъ же минуты, когда вы совершенно забываете о своихъ горестяхъ: вы такъ иногда веселы, рѣзвы... Вотъ вчера, напримѣръ, а третьяго дня еще болѣе.

— Можно иногда принудить себя разыграть чужую роль,—это очень тяжелая необходимость; но въ душѣ остается все та же печаль. Какою наружностью ни старалась бы я облечься, но внутренняго чувства не перемѣнить.

— Вы правы; и, кажется, лучше показываться безъ маски, чѣмъ притворяться въ томъ, чего не имѣешь.

Продолжительное молчаніе послѣдовало за этими словами.

Обѣдъ приходитъ къ концу, а Брамбеуса все не было, не смотря на долгіе промежутки, слѣдовавшіе за каждымъ блюдомъ; хозяинъ не показывался.

— Рѣшено,—сказала Аделаида Александровна, вставая изъ-за стола:—мужъ мой сегодня не будетъ обѣдать.

— И мы не будемъ имѣть сегодня счастья видѣть его съ нами. Милая Адель Александровна, я не хочу во зло употреблять вашимъ снисхожденіемъ, вы любите играть на фортепіано, когда никого нѣтъ; а я пойду къ Осипу Ивановичу и посижу пока въ кабинетѣ; я не стану его безпокоить.

— Какъ хотите. Если вамъ нравится быть одной, то сидите въ его кабинетѣ, потому что на общество моего мужа разсчитывать нельзя, когда онъ занялся какимъ нибудь дѣломъ.

Неоспоримая истина была не по вкусу Ганъ, когда баронъ занимался не ея дѣломъ...

По возвращенiи въ кабинетъ, Ганъ нашла Сенковскаго въ томъ же положенiи какъ и прежде съ перомъ въ рукѣ и спокойно продолжающимъ писать.

Когда Брамбеусъ былъ занятъ, никто не могъ сравняться съ нимъ въ твердости, терпѣнiи и ровности характера. Никогда никто не замѣчалъ въ немъ волненiй, порывистыхъ движенiй, торопливости, которыя выказываются тѣми, кто чувствуетъ истощенiе своихъ умственныхъ силъ. Совсѣмъ не то было съ нимъ: по мѣрѣ того, какъ онъ излагалъ на бумагѣ свои мысли, онъ получалъ новыя силы. Конечно, тѣло его могло чувствовать утомленiе, но сила воли господствовала надъ нимъ. Ганъ знала, что онъ не обѣдалъ; но онъ совершенно забылъ объ этомъ. Она рѣшилась, наконецъ, выдти изъ этого нестерпимаго положенiя.

— Другъ мой, — сказала она, положивъ свою руку на его руку: — я все еще здѣсь, а вы, кажется, совсѣмъ забыли о моемъ существованiи.

— Совсѣмъ нѣтъ, я думалъ о васъ, и потому хотѣлъ скорѣе кончить, чтобы потомъ быть вполнѣ къ вашимъ услугамъ.

— Да, а между тѣмъ вечеръ проходитъ, я лишилась уже удовольствiя обѣдать съ вами, теперь уже поздно...

— Но вѣдь это для васъ все равно: вы не считаете часовъ, когда бываете со мною, стало быть немножко позднѣе, или немножко раньше—это для васъ рѣшительно все равно.

— Однако, всему есть мѣра, что̀ теряешь, то болѣе не возвращается. Не могу же я цѣлую ночь оставаться у васъ, какою бы свободою я ни пользовалась у мужа; есть предѣлы, за которые я не могу заходить, притомъ надо подумать, что̀ завтра...

— Да, да, завтра я буду свободнѣе, если вы позволите мнѣ сегодня поработать, — сказалъ Брамбеусъ, не вслушиваясь въ смыслъ бури, свирѣпствовавшей возлѣ него.

— Какъ завтра? Вотъ до чего дошло: меня уже подчуютъ завтраками!.. Но вы сказали, что сейчасъ кончите.

— Сiю минуту, если у васъ достанетъ терпѣнiя... Только пять словъ, и конецъ...

— Ахъ!—думала Ганъ, понявшая теперь, что значитъ пять словъ для плодотворной головы умнаго человѣка: — мнѣ давно слѣдовало уйдти, я избавила бы себя отъ многихъ напрасныхъ мукъ.

Волненiе Ганъ увеличивалось по мѣрѣ продолжающагося спокойствiя Брамбеуса. Она то ходила скорыми шагами по кабинету, заваленному грудами книгъ, то съ шумомъ бросалась въ кресла, то опять вскакивала и, наклонившись надъ Брамбеусомъ, слѣдила за движенiемъ его пера, нѣкогда привлекавшаго ее силою

магнита; теперь она готова была вырвать и уничтожить это перо. Въ ней разливалось чувство негодованія и оскорбленія.

— Да,—говорила она себѣ:—нельзя мнѣ болѣе притворяться: я люблю его всѣми силами души! Такая жизнь невозможна! такая мука невыносима! Если до сихъ поръ я не испытывала такого мученія, то потому, что все надѣялась, что онъ раздѣлитъ мою привязанность. Взаимная любовь—легкое бремя; но любить одной безраздѣльно—это такое бремя, которое не можетъ вынести человѣкъ. Довольно страдать, довольно мучиться одной, такъ что онъ и не подозрѣваетъ этого. Пусть, по крайней мѣрѣ, онъ узнаетъ все зло, которое мнѣ сдѣлалъ, лишивъ меня покоя, какъ самый злой и непримиримый врагъ. Предпочитать мнѣ кого же?—перо, чернила—эти жалкія безчувственныя орудія, мнѣ, которая на все готова для неблагодарнаго, бросающаго меня безъ жалости, забывающаго о моемъ существованіи...

— Послушайте!—вдругъ вскрикнула она, положивъ свою пылающую руку на твердую и спокойную руку Брамбеуса:—послушайте...

Не смотря на все углубленіе въ занимавшую его мысль, Брамбеусъ замѣтилъ что-то необыкновенное въ голосѣ Ганъ и, не дописавъ начатаго слова, обернулся къ ней.

— Что съ вами?—спросилъ онъ съ искреннимъ участіемъ, увидѣвъ ея блѣдное, встревоженное лицо.

— Что со мною? Развѣ есть вамъ до этого какое нибудь дѣло?

— Пребольшое: мнѣ совсѣмъ не весело видѣть васъ въ такомъ тревожномъ состояніи...

— Я давно уже испытываю эти мученія...

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ же этого я не замѣчалъ?

— Если бъ вы замѣтили, я не мучилась бы такъ жестоко.

— Что же это значитъ?

— Ничего...

— Вотъ каковы всѣ женщины; ужасно хотятъ, чтобъ ихъ разспрашивали, а станешь разспрашивать, не хотятъ отвѣчать.

— Насильственные вопросы не стоятъ отвѣта.

— Мнѣ очень хотѣлось бы знать: зачѣмъ вы находитесь въ такомъ тревожномъ состояніи?

— А! вамъ хотѣлось бы? Такъ не смотря на то, что вы мужчина, да еще и геніальный мужчина, вамъ доступно любопытство?

— Отчего же нѣтъ, если предметъ достоинъ любопытства?

— А! стало быть, и вы допускаете различіе и не все ставите подъ одинъ уровень въ вашемъ сердцѣ?—докончила она, послѣ нѣкотораго колебанія.

— Вопросъ не совсѣмъ лестный для меня.

— Если бъ вы взяли на себя трудъ разобрать смыслъ его, то сказали бы иначе... Послушайте, вы писали все время, когда я

была у васъ, развѣ это такъ необходимо, развѣ это не терпитъ ни минуты отлагательства, развѣ вамъ нельзя было ради меня перемѣнить теченіе вашихъ мыслей, для меня!

Зловѣщій стукъ покрылъ слова Ганъ. Послышался стукъ нѣсколькихъ экипажей по малолюдной улицѣ. Озабоченность выразилась на лицѣ Брамбеуса.

— Что съ вами? — спросила Ганъ, всегда зорко открывавшая малѣйшую тѣнь на лицѣ друга: — неужели вы жалѣете уже о немногихъ словахъ, которыя помѣшали вамъ писать? Не бойтесь, скоро возвращу я вамъ свободу, и вы вознаградите потерянное время съ этими живыми куклами, которыхъ вы задержали своею любезностью на цѣлое утро... Кончайте же скорѣе прерванную фразу, и потомъ мы докончимъ этотъ разговоръ. О! съ какимъ нетерпѣніемъ я желаю высказать вамъ всѣ свои страданія, если вы дѣйствительно принимаете во мнѣ участіе.

— Разумѣется, хоть мнѣ пріятнѣе было бы слышать о вашемъ счастьѣ, чѣмъ о несчастьяхъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы такъ сердечно желаете моего счастья? Такъ слушайте же...

Брамбеусъ дѣйствительно прислушивался съ большимъ вниманіемъ, и легкое облако озабоченности все болѣе помрачало его чело.

— Но что съ вами? Зачѣмъ вы такъ разсѣяны? Все сегодня занимаетъ васъ, кромѣ меня.

— Мнѣ показалось, что карета остановилась у подъѣзда.

— Карета! Только этого не доставало для довершенія злополучнаго дня! Но, другъ мой, не принимайте никого. Вѣдь у васъ нѣтъ теперь ни времени, ни желанія видѣть постороннихъ?

— Конечно, но...

— Но что же такое?

— Вы очень хорошо знаете, что мы не всегда можемъ слѣдовать своему влеченію, наше время не всегда принадлежитъ намъ.

— Кажется, въ настоящую минуту вы не одинъ, и если другіе имѣютъ право на ваше время, отчего же я не могу воспользоваться имъ такъ же, какъ и другая?.. Къ счастью, это только фальшивая тревога; видите, никто не показывается... Но выслушайте же меня, милый другъ; если кто нибудь пріѣхалъ бы сегодня, можетъ быть, мои кузины, или кто нибудь другой, все равно, обѣщайте мнѣ никого не принимать, прикажите всѣмъ отказывать: пусть онѣ уѣдутъ или идутъ къ вашей женѣ.

— Какъ можно, теперь уже поздно. Адель устала, и ей пора спать.

— Какое блаженство имѣть жену, которая ложится спать вмѣстѣ съ курами.

— Кажется, до сихъ поръ это васъ не оскорбляло?

— Всему есть мѣра.

— Я не знаю, зачѣмъ бы это оскорбляло другихъ, если такъ и мнѣ, и моей женѣ удобно и нужно?

— На все, на все согласна, дѣлайте какъ хотите, объ одномъ только умоляю васъ, мой милый другъ, мой дивный учитель, мой покровитель, моя полярная звѣзда, не принимайте сегодня никого.

— Какъ же мнѣ быть? Я далъ слово и жду...

— Женщину?

— Не совсѣмъ...

— Мужчину?

— Нѣтъ.

— Но кого же? Жителя съ луны?

— Слишкомъ далеко.

— Скажите же скорѣе, кого вы ждете? Кому суждено увеличить мои муки, мои сердечныя терзанія...

— Я жду просто ребенка.

— То есть молодую дѣвушку.

— Наконецъ отгадали.

— Ахъ!—воскликнула Ганъ, съ трагическимъ движеніемъ бросаясь въ кресла:—теперь мнѣ понятно все: поспѣшность, съ какою вы работали; разсѣянность, съ какою меня слушали. Теперь все мнѣ объяснилось.

— Чему же объясняться? Все такъ просто и понятно, что если бы не ваша фантастическая головка, для которой создавать романы и повѣсти такая же необходимость, какъ для другаго хлѣбъ насущный, то нечему было бы удивляться, нечему и объясняться.

— Другъ, мой, — сказала Ганъ, вдругъ становясь предъ нимъ въ торжественной позѣ:—я спрошу васъ только объ одномъ, но вы непремѣнно должны отвѣчать мнѣ откровенно. Дѣло идетъ о нашей дружбѣ, еще болѣе о вашемъ спокойствіи, о вашемъ счастьѣ, даже, можетъ быть, о жизни вашей.

— Ухъ! какое важное дѣло,—докончилъ Брамбеусъ, не выказывая ни малѣйшаго изумленія, хорошо знакомый со страстью Ганъ производить эфекты:—но я готовъ разомъ отвѣчать вамъ на дюжину такихъ вопросовъ.

— Скажите же мнѣ откровенно, положа руку на сердцѣ, безъ ложной скромности, которая заставляетъ васъ говорить всякія неправды, зачѣмъ пріѣдетъ эта молодая дѣвушка, которой имени я не желаю знать, — зачѣмъ пріѣзжаетъ она въ такой поздній часъ, когда ваша жена спитъ и когда вы одни можете принять ее?

— Вы, кажется, намѣрены учинить мнѣ допросъ по всей формѣ?

— Не возражайте, а отвѣчайте прямо и ясно.

— Ну, если ужъ вамъ этого такъ хочется, извольте: я пользуюсь нѣкоторою извѣстностью, женщинамъ нравится эта извѣстность, имъ хочется хорошенько познакомиться со мною. Вотъ и все тутъ, ну, а предлогъ всегда легко найдти, когда захочешь.

— Такъ для этого ѣздитъ къ вамъ эта дѣвица?

— О! нѣтъ, тутъ совсѣмъ другое дѣло, — сказалъ Брамбеусъ, замѣтивъ яростный видъ Ганъ.

— Какъ другое? Такъ она не ради вашей знаменитости, а ради вашей личности бываетъ у васъ? Но это еще хуже.

— Я не думалъ говорить этого.

— Такъ для чего же ѣздитъ она? Говорите...

Но Брамбеусъ ничего уже не говорилъ: карета остановилась у подъѣзда, и сильно дернутый звонокъ заставилъ Ганъ вздрогнуть.

— Выслушайте меня, — сказала она, еще болѣе поблѣднѣвъ и вооружившись внезапною рѣшимостью: — минуты дороги, можетъ быть, въ другой разъ у меня не достанетъ мужества высказаться передъ вами. Мотылекъ порхаетъ вокругъ свѣчки до тѣхъ поръ, пока обожжетъ себѣ крылья. Свѣтъ привлекаетъ его, онъ не видитъ причины, почему бы не приблизиться къ нему, и чѣмъ ближе чувствуетъ онъ огонь, тѣмъ менѣе имѣетъ охоты удалиться отъ свѣта. Онъ чувствуетъ огонь, пожирающій его, но не понимаетъ ни причины, ни опасности. И хочется ему утолить томительную жажду, но вокругъ нѣтъ ничего, а внутри его смерть, обращающая его въ пепелъ.

— Милая Елена, что съ вами? Другъ мой, вы страшно взволнованы, ради Бога успокойтесь — идутъ.

— Да, —продолжала она съ большею запальчивостью: — не позволяйте играть съ огнемъ; эта игра тѣмъ опаснѣе, чѣмъ кажется невиннѣе. Сообщая жаръ свой другому, онъ производитъ пожаръ и уничтоженіе. Къ вамъ приближаются подъ прикрытіемъ имени вашего, подъ защитою славы, но опора и прикрытіе скоро дѣлаются неудобными, стѣснительными, и тогда сбрасываютъ съ себя безполезное бремя, становящееся преградою на каждомъ шагу. Почувствовавъ облегченіе отъ тяжести, идутъ безпрепятственно впередъ. Нѣтъ уже ни преградъ, ни границъ; почувствовавъ полную свободу, считаешь себя счастливымъ, но недолго длится заблужденіе, и скоро начинается раскаяніе, что перешагнули за рубиконъ, не умѣя остановиться во время. Теперь вы все знаете, — впередъ будьте осторожнѣе съ другими: вы видите печальныя и жестокія слѣдствія вашего неблагоразумія.

— Ничего не вижу и ничего не понимаю; послѣ поговоримъ о томъ, а теперь успокойтесь; идутъ — мнѣ не хочется, чтобы застали васъ въ такомъ положеніи.

— О! —прошептала Ганъ, когда Брамбеусъ пошелъ навстрѣчу входившимъ дамамъ: —какъ мужчины не умѣютъ понимать насъ и какъ легко умѣютъ терзать...

Описавъ этотъ разговоръ, покойная Сенковская говоритъ: «Одной только Ганъ удалось сильно испытать на себѣ, какъ трудно,

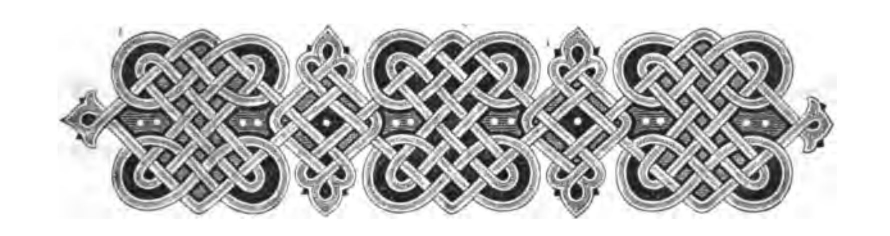
чтобы не сказать невозможно, разъединить умъ съ сердцемъ. Сколько труда стоило ей плѣнить Брамбеуса только умомъ! Какія усилія она употребляла, чтобы въ мужчинѣ, съ которымъ она находилась въ короткихъ отношеніяхъ, видѣть только генія! Она заблудилась, ослѣпленная блескомъ любимаго свѣтила, она восхищалась имъ съ такимъ увлеченіемъ, что забыла все земное, все, что провидѣніе предназначило для ея пути, и перешагнула за предѣлы, назначенные ею самою. Спокойствіе ея было возмущено, совѣсть пробудилась и указывала ей на необходимость бѣжать отъ человѣка, котораго она любила какъ женщина. Бѣгство это было необходимо и совершенно кстати совпало съ окончаніемъ дѣлъ ея мужа. Теперь она уже не задерживала его подъ различными предлогами и сама спѣшила покинуть мѣсто, гдѣ зародилась ея извѣстность, гдѣ она не могла болѣе идти впередъ, но не хотѣла и отступать. Она уѣхала съ полными руками золота, съ умомъ, обогащеннымъ сокровищами, о которыхъ прежде едва смѣла мечтать; но, не смѣя любить великодушнаго человѣка, обогатившаго ее, она стала ненавидѣть его».

Вотъ все, что мы узнали о Ганъ изъ разсказовъ и писемъ Аделаиды Александровны Сенковской, отдающей полную справедливость таланту Ганъ, хотя нельзя не видѣть въ этомъ разсказѣ ревности любящей жены, подробно познакомившей насъ съ отношеніями, въ которыхъ находилась талантливая писательница къ знаменитому барону Брамбеусу....

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

А. В. Старчевскій.

БОЛГАРІЯ И ВОСТОЧНАЯ РУМЕЛІЯ ПОСЛѢ БЕРЛИНСКАГО ТРАКТАТА[1].

(Историческій очеркъ).

V.

ВСЛѢДЪ за изданіемъ прокламаціи, 27-го апрѣля началась усиленная агитація для склоненія болгарскихъ избирателей въ пользу принятія княжескихъ требованій. Особенное усердіе въ этомъ отношеніи проявили личные друзья князя Александра: Стоиловъ, Начевичъ, Грековъ и Хадженовъ; они лѣзли изъ кожи, чтобы въ имѣвшее собраться великое народное собраніе попали депутаты, благопріятствующіе принятію требованій князя Александра.

Прискорбно было то, что министерство, во главѣ котораго стоялъ русскій генералъ, въ силу положенія вещей должно было нести долю отвѣтственности за избирательные маневры этихъ господъ, которые старались всѣми силами ставить на видъ свою солидарность съ министерствомъ Эрнрота. Это было тѣмъ болѣе печально, что Стоиловская партія, зная отлично, что принятіе народнымъ

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXIV, стр. 567. Въ настоящемъ № оканчивается первая часть историческаго очерка г. Матвѣева. Судьба Восточной Румеліи послѣ очищенія ея русскими войсками и введеніе въ дѣйствіе органическаго статута, т. е. время управленія Алеко-паши и г. Крестовича, а равно и извѣстный переворотъ 6-го сентября 1885 года, низвергнувшій послѣдняго, составитъ предметъ второй статьи г. Матвѣева, которая будетъ напечатана въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ. Ред.

собраніемъ требованій князя—для нихъ вопросъ жизни и смерти, обнаружила крайнюю неразборчивость въ средствахъ и компрометировала въ глазахъ болгаръ и всѣхъ южныхъ славянъ министерство Эрнрота.

Эта избирательная кампанія была въ полномъ ходу, когда пріѣхалъ въ Софію нашъ новый дипломатическій агентъ М. А. Хитрово; положеніе было испорчено, поправить его было слишкомъ трудно, чтобы не сказать, невозможно.

Къ тому же г. Хитрово было категорически предписано оказать поддержку князю и употребить вліяніе Россіи на болгаръ для избранія въ народное собраніе депутатовъ, склонныхъ къ принятію предложеній князя.

Стоиловскій кружокъ дѣйствовалъ съ отчаяннымъ усердіемъ, проявляя пожирающую дѣятельность, агитируя вездѣ и всюду въ пользу переворота; должное вниманіе было обращено при этомъ и на печать, причемъ особенно занялись, разумѣется, европейскими газетами. Нѣкто Фарлей, родомъ англичанинъ, бывшій турецкій консулъ въ Ливерпулѣ, близкій пріятель Стоилова, повезъ, по словамъ Драндара, 10 тысячъ франковъ, которыми его снабдили въ Софіи, для того, чтобы расположить англійскую прессу въ пользу переворота [1]).

При выборѣ депутатовъ были также пущены въ ходъ деньги. Хадженовъ на это истратилъ, по словамъ Драндара, около 60 тысячъ франковъ. Но рѣшительное вліяніе на направленіе выборовъ имѣло вмѣшательство русскаго дипломатическаго агента, г. Хитрово, который отлично говорилъ поболгарски и по своей прежней службѣ на Балканскомъ полуостровѣ и по своимъ личнымъ качествамъ пользовался большимъ авторитетомъ въ глазахъ болгаръ.

Вслѣдъ за прибытіемъ г. Хитрово въ Софію, въ виду возбужденія умовъ, вызваннаго переворотомъ, онъ вмѣстѣ съ княземъ предпринялъ поѣздку по Болгаріи, во время которой много разъ бесѣдовалъ съ представителями болгарскаго населенія разныхъ мѣстностей, и его слова и увѣщанія произвели сильное впечатлѣніе. Народъ послушался нашего дипломатическаго представителя и воздержался отъ открытаго возстанія, которое готово было вспыхнуть [2]).

---

[1]) Деньги были выданы Фарлею Хадженовымъ и княземъ,—говоритъ Драндаръ, стр. 87. Впрочемъ, европейская печать и помимо подкупа,— приведенная сумма была слишкомъ ничтожна для подкупа вліятельныхъ органовъ печати,— имѣла основаніе неособенно претендовать на князя за переворотъ.

[2]) Вліяніе г. Хитрово было такъ сильно, что Драганъ Цанковъ рѣшился протестовать противъ вмѣшательства нашего представителя въ борьбу князя со сторонниками тырновской конституціи. Цанковъ написалъ открытое письмо къ г. Хитрово, въ которомъ выражалъ сожалѣніе о такомъ вмѣшательствѣ русскаго дипломата во внутреннія дѣла княжества. Это письмо было напечатано въ нѣкоторыхъ болгарскихъ и многихъ европейскихъ газетахъ.

Но, оказывая самую дѣятельную поддержку князю, г. Хитрово высказалъ крайнее нерасположеніе къ употребленію военной силы противъ народнаго движенія за тырновскую конституцію, если бы таковое возникло. Это такая печальная необходимость, на которую русское правительство затруднится дать свое согласіе безъ крайней необходимости,—объяснялъ г. Хитрово. Изъ этихъ разговоровъ князь убѣдился, что нашъ дипломатическій агентъ отнюдь не желаетъ быть слѣпымъ орудіемъ княжеской политики и не допуститъ легкомысленнаго употребленія въ дѣло оружія.

Этимъ объясняется, что нѣкоторые изъ приближенныхъ князя, не смотря на такое полновѣсное содѣйствіе нашего дипломатическаго агента князю, стали высказывать нѣкоторое неудовольствіе противъ г. Хитрово, сначала изподтишка, а потомъ все громче и громче.

Г. Грековъ, пріѣзжавшій въ это время въ Филиппополь, жаловался на г. Хитрово своимъ филиппопольскимъ пріятелямъ, сожалѣя, что г. Давыдова нѣтъ болѣе въ княжествѣ.

Князь же сталъ тревожиться за исходъ рѣшеній собранія и рѣшился вызвать изъ Константинополя (если не ошибаюсь, по совѣту нашего представителя) болгарскаго экзарха, высокопреосвященнаго Іосифа. Послѣдній прибылъ въ княжество, согласно желанію князя, и, объѣзжая свою паству, старался внушить болгарамъ чувства уваженія къ князю и убѣжденіе въ необходимости поддержать авторитетъ власти.

Нашъ представитель и болгарскій экзархъ, дѣйствуя такимъ образомъ, жертвовали своей популярностью среди болгаръ. Впрочемъ, экзархъ поступалъ такъ не вполнѣ безкорыстно. Тонкій дипломатъ, онъ видѣлъ, что шансы успѣха, благодаря поддержкѣ Россіи, на сторонѣ князя, и потому желалъ заручиться его расположеніемъ. Кромѣ того, у него съ Каравеловскимъ министерствомъ были неудовольствія изъ-за духовныхъ дѣлъ.

Агенты Стоилова и компаніи, усердно рыскавшіе по деревнямъ, спрашивали болгарскихъ селяковъ, за кого они: за князя или Каравелова? и когда эти темные люди, привыкшіе чтить въ князѣ ставленника русскаго царя, освободившаго ихъ отъ турецкаго ига, заявляли свою преданность князю, то, при крикахъ «ура», раздавали списки кандидатовъ, рекомендуемымъ княземъ въ депутаты собранія.

Говорили и писали въ болгарскихъ газетахъ (разумѣется, тѣхъ, которыя издавались въ Восточной Румеліи), что въ нѣкоторыхъ глухихъ округахъ агенты князя даже сулили сельскимъ жителямъ освобожденіе отъ податей и сборовъ, въ случаѣ принятія народнымъ собраніемъ предложеній князя.

Либеральная партія съ отчаянной энергіей вела страстную пропаганду противъ переворота и полномочій, требуемыхъ княземъ,

клеймя послѣдняго названіемъ клятвопреступника и измѣнника тырновской конституціи, которой онъ присягалъ. Это вызвало строгія репрессивныя мѣры со стороны министерства генерала Эрнрота, такъ какъ манифесты и горячія воззванія либераловъ къ народу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вызвали уличные безпорядки.

Видя, что Россія рѣшительно стала на сторону князя, Цанковъ и Каравеловъ телеграфировали Гладстону и Гамбеттѣ, который держалъ тогда въ своихъ рукахъ французскую палату и внѣшнюю политику Франціи, протестуя противъ военнаго деспотизма, нарушившаго свободу выборовъ въ Болгаріи [1]).

Выборы были произведены 14-го (26-го) мая; не смотря на неблагопріятную для либераловъ обстановку, они провели въ собраніе 25 депутатовъ изъ своей партіи.

Нѣкоторые округа, именно: Раховскій, Плевненскій и Никопольскій, вовсе отказались послать отъ себя депутатовъ въ собраніе, протестуя противъ давленія, производимаго на выборы, и заявляя, что признаютъ напередъ незаконнымъ собраніе, выборы въ которое производились при такихъ условіяхъ.

По окончаніи выборовъ, результаты которыхъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидались во всѣхъ концахъ Болгаріи, «Державный Вѣстникъ», оффиціальный органъ правительства князя, торжественно возвѣстилъ, что избрано 304 расположенныхъ въ пользу предложеній князя противъ 25 либераловъ.

Обычное мѣсто засѣданій болгарскаго великаго народнаго собранія, Тырново, въ которомъ князь Александръ еще такъ недавно присягалъ на вѣрность конституціи, было признано неудобнымъ для созванія въ немъ настоящаго собранія, тѣмъ болѣе, что Тырновскій округъ обнаружилъ крайне враждебное отношеніе къ князю, избравъ въ депутаты исключительно однихъ только либераловъ.

Народное собраніе было созвано, въ хорошо знакомомъ русскимъ читателемъ Систовѣ, населеніе котораго отличалось большимъ равнодушіемъ къ вопросамъ политики; тамъ нельзя было ожидать какихъ либо народныхъ демонстрацій.

Князь Александръ, съ тревожнымъ нетерпѣніемъ ожидавшій исхода выборовъ, хотя онъ это тщательно скрывалъ, а равно его друзья, начиная Стоиловымъ и кончая Хадженовымъ, были въ восторгѣ отъ такого результата.

Весь персоналъ Стоиловской партіи попалъ въ депутаты; даже Хадженовъ, репутація котораго была такова,—говоритъ Драндаръ,—

---

[1]) Цанковъ, прежде чѣмъ обратиться съ такимъ воззваніемъ къ политическимъ людямъ Западной Европы, телеграфировалъ графу Н. П. Игнатьеву, бывшему тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, но получилъ отъ него хотя весьма любезный отвѣтъ, въ которомъ, однако, было сказано, что вопросы внѣшней политики его не касаются.

что въ нормальное время самый послѣдній и глухой округъ княжества не захотѣлъ бы имѣть его своимъ представителемъ, прошелъ съ большимъ успѣхомъ, во главѣ списка депутатовъ избранныхъ отъ Софіи.

Передъ открытіемъ собранія въ Систовѣ, представители княжеской партіи избрали отъ себя депутацію для чествованія и выраженія благодарности г. Хитрово за услуги, оказанныя дѣлу порядка его благотворнымъ вліяніемъ на болгаръ.

Во главѣ этой депутаціи фигурировалъ уже знакомый нашимъ читателямъ г. Грековъ, который еще такъ недавно жаловался своимъ пріятелямъ въ Восточной Румеліи на то, что г. Хитрово слишкомъ деликатничаетъ съ либералами и отнюдь не желаетъ пускать въ ходъ войско противъ этихъ крамольниковъ.—«На что же намъ и войско, которое организуется подъ командой русскихъ офицеровъ, если имъ не хотятъ пользоваться въ такую критическую минуту!» —съ негодованіемъ разсуждалъ этотъ румынскій адвокатъ, интимный совѣтникъ князя Александра, состоявшій въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ графомъ Кевенгюллеромъ, когда послѣдній занималъ въ Софіи постъ дипломатическаго агента Австріи.

На этотъ разъ г. Грековъ былъ совершенно иначе настроенъ, и потому во время представленія депутаціи г. Хитрово, въ рѣчи, обращенной имъ къ нашему дипломатическому представителю, разсыпался, со свойственнымъ ему краснобайствомъ, въ увѣреніяхъ безпредѣльной преданности Россіи благонамѣренныхъ болгаръ, глубоко сознающихъ тѣсныя узы, связывающія болгарскій народъ съ его великой освободительницей.

Систовское народное собраніе было открыто 1-го (13-го) іюля самимъ княземъ. Въ рѣчи, произнесенной имъ при открытіи собранія, онъ сказалъ; «Я обратился къ моему возлюбленному болгарскому народу съ искреннимъ довѣріемъ и готовностью пожертвовать своимъ положеніемъ его благу. Адресы, которые я получалъ во время моей послѣдней поѣздки по княжеству, и послѣдовавшіе затѣмъ выборы ознакомили меня съ дѣйствительными желаніями народа. Я счастливъ, видя, что мои намѣренія оцѣнены по достоинству.

«Вамъ извѣстна, гг. депутаты, цѣль созыва настоящаго собранія. Я не сомнѣваюсь, что глубоко проникнутые сознаніемъ важности задачи, возложенной на васъ довѣріемъ вашихъ избирателей, вы одобрите внесенныя мной предложенія и облечете ихъ въ законную форму, согласно желаніямъ народа» [1]).

Наканунѣ открытія собранія, предводители либеральной партіи, опасаясь насилій въ систовскомъ собраніи, поспѣшили разъѣхаться.

[1]) См. Драндаръ, стр. 96.

Славейковъ и Каравеловъ совсѣмъ даже оставили княжество; они уѣхали сначала въ Букарештъ, а оттуда въ Восточную Румелію, откуда безъ всякаго риска, лично для себя, могли продолжать агитацію противъ переворота. Алеко-паша, генералъ-губернаторъ Восточной Румеліи, честолюбивый старикъ, серьёзно мѣтившій въ то время на престолъ Болгаріи, встрѣтилъ ихъ весьма радушно и усердно имъ покровительствовалъ.

Драганъ Цанковъ не послѣдовалъ ихъ примѣру, не желая покидать княжество въ трудныя минуты, которыя оно тогда переживало; онъ уѣхалъ въ Рущукъ, намѣреваясь затѣмъ проѣхать въ Тырново, избравшее его своимъ представителемъ, чтобы поблагодарить тырновскихъ граждан за ихъ преданность свободѣ и интересамъ Болгаріи.

Единственный органъ печати, еще остававшійся въ рукахъ либераловъ, газета «Независимость», по указу князя, была закрыта наканунѣ открытія собранія.

По выслушаніи рѣчи князя при открытіи засѣданій, систовское собраніе въ тотъ же самый день, безъ обычной провѣрки правильности выборовъ, поспѣшило провозгласить свое согласіе на всѣ три пункта княжескихъ требованій. Засѣданіе продолжалось не болѣе 20 минутъ,—говоритъ Драндаръ.

Закрывая собраніе, князь Александръ горячо благодарилъ гг. депутатовъ за такое патріотическое выраженіе довѣрія,—какъ онъ выразился: «Благодаря васъ, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, благодарю и весь мой народъ за его чувства ко мнѣ. Въ этомъ чувствѣ любви и единенія между мной и народомъ я вижу коренной залогъ и самую серьёзную гарантію всѣми нами горячо желаемаго благоденствія и величія Болгаріи».

Въ это время князь Александръ старался усвоить идеи и языкъ славянофиловъ; онъ считалъ тогда необходимымъ надѣть славянофильскій мундиръ (это его собственное выраженіе) и вступилъ въ переписку съ главой московскихъ славянофиловъ, покойнымъ И. С. Аксаковымъ [1]).

---

[1]) Въ томъ же іюлѣ мѣсяцѣ, онъ написалъ весьма любезное письмо И. С. Аксакову, въ которомъ выражалъ ему благодарность отъ имени своего и болгаръ за дѣятельность Аксакова на пользу Болгаріи, высказывалъ надежды на успѣшное развитіе Болгарскаго государства, вызывая Ивана Сергѣевича на обмѣнъ мыслей по вопросу объ организаціи Болгаріи. Аксаковъ, 30-го іюля 1881 года, отвѣчалъ князю длиннымъ письмомъ, пофранцузски, въ которомъ изложилъ свои взгляды на основы государственнаго устройства славянскаго типа, именно: правительство, внушающее любовь и довѣріе народу своей энергіей, силой, безкорыстіемъ и національнымъ характеромъ; демократія въ основаніи: самостоятельность общинъ, народъ, истинный народъ центромъ тяжести, первенство духу народному (l'esprit national primant sur toute chose), частое совѣщаніе съ народомъ, уваженіе къ религіи и т. д. («Русь», 1882 г., № 4).

Систовское народное собраніе, прежде чѣмъ окончательно разойдтись, рѣшило подать адресъ князю, въ коемъ оно выражало желаніе, чтобы генералъ Эрнротъ, во время управленія министерствомъ княжества оказавшій столько услугъ странѣ энергическимъ поддержаніемъ порядка, а равно и успѣшной организаціей болгарскаго войска, остался во главѣ министерства. Этотъ адресъ князю заключался ходатайствомъ о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности Драгана Цанкова, Каравелова и нѣкоторыхъ другихъ либераловъ, за ихъ обращеніе къ иноземнымъ государствамъ, съ цѣлью вызвать ихъ вмѣшательство во внутреннія дѣла княжества.

Князь, по совѣту дипломатическаго представителя Россіи, не призналъ нужнымъ возбуждать уголовное преслѣдованіе по этому дѣлу.

Въ манифестѣ къ болгарскому народу, изданномъ въ день закрытія систовскаго собранія, князь торжественно возвѣщалъ свое твердое намѣреніе уважать свободу и народныя права. Онъ настаивалъ на предоставленіи ему полномочій власти, только ради устраненія преградъ, мѣшавшихъ правильному и прочному благоустройству страны, чтобы положить конецъ неурядицѣ и произволу, тяготѣвшимъ надъ болгарскимъ народомъ. Правда, нелицепріятіе, вниманіе и уваженіе ко всѣмъ серьёзнымъ нуждамъ и интересамъ страны, отнынѣ станутъ руководящими началами его правительства, которое послѣдовательно и настойчиво займется исцѣленіемъ народныхъ язвъ, остававшихся слишкомъ долгое время въ небреженіи. Каждый годъ, а въ случаѣ нужды и чаще, будутъ собираться народные представители для обсужденія бюджета и опредѣленія подлежащихъ взиманію налоговъ, такъ что рѣшающій голосъ по этимъ вопросамъ будетъ представленъ народному представительству. Неуклонно стремясь къ водворенію прочнаго порядка въ дѣлахъ управленія, болгарское правительство безусловно откажется отъ частыхъ удаленій со службы чиновниковъ княжества, какъ это дѣлалось до того времени, дезорганизуя правильное отправленіе администраціей ея служебныхъ обязанностей. Манифестъ кончается горячимъ воззваніемъ къ патріотизму всѣхъ болгаръ, призывая ихъ на дружную совмѣстную работу, на пользу великаго дѣла народнаго возрожденія, чтобы оправдать любовь русскаго императора и народа къ ихъ болгарскимъ братьямъ, свобода которыхъ куплена Россіей цѣною столь великихъ жертвъ [1]).

Но этой широкой программѣ, облеченной княземъ Александромъ въ такія пышныя и громкія слова, не суждено было осуществиться. Да и самая искренность выраженныхъ въ ней намѣреній подлежала сомнѣнію. Для выполненія ея требовалась твердая воля, неослабное и серьёзное желаніе блага странѣ, отсутствіе вся-

[1]) Драндаръ, стр. 98.

кихъ личныхъ, эгоистическихъ стремленій, а этими качествами князь Александръ отнюдь не обладалъ.

Въ первыя минуты упоенія своимъ торжествомъ, князь, подъ впечатлѣніемъ радости, вызванной въ немъ благополучнымъ исходомъ рискованнаго переворота, и подъ вліяніемъ разговоровъ съ г. Хитрово, писемъ Аксакова, можетъ быть, былъ и не прочь даровать болгарскому народу золотую эру всякаго благополучія, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы это не стоило ему большаго труда и главное не стѣсняло бы его въ свободномъ распоряженіи болгарскими финансами. Князь Александръ любитъ широкую и пышную жизнь и терпѣть не можетъ стѣсненій по финансовой части.

Генералъ Эрнротъ, вслѣдъ за закрытіемъ систовскаго собранія, считая свою тяжелую миссію оконченной, подалъ прошеніе объ отставкѣ и, не смотря на всѣ убѣжденія князя, настоялъ на своемъ увольненіи и скоро уѣхалъ въ Россію.

Трудный и полный непріятностей постъ, который занималъ этотъ почтенный генералъ,—говоритъ Драндаръ,—очевидно, показался ему невыносимымъ, онъ задыхался въ непривычной атмосферѣ политическихъ интригъ, среди которыхъ ему приходилось дѣйствовать, и, только повинуясь долгу службы, скрѣпя сердце, дотянулъ это бремя до конца, т. е. до утвержденія систовскимъ собраніемъ полномочій князя.

Надо думать, что генералъ Эрнротъ, имѣвшій случай за это время довольно близко познакомиться съ характеромъ князя, не надѣялся, что данныя князю полномочія будутъ обращены послѣднимъ на пользу благоустройства и развитія страны.

Удаленіе генерала Эрнрота было непріятно князю и Стоиловской котеріи, которая была весьма довольна генераломъ: онъ такъ энергично поддерживалъ порядокъ и такъ мало вмѣшивался въ политику. Генералъ не искалъ ни популярности въ народѣ, ни вліянія на князя и при этомъ внушалъ страхъ и почтеніе даже либераламъ.

Стоиловцы съ удовольствіемъ опирались на желѣзную руку суроваго русскаго генерала, тѣмъ болѣе, что эта рука никогда и ни въ чемъ ихъ не стѣсняла.

Къ нашему дипломатическому представителю въ Софіи антуражъ князя относился иначе; имъ не нравилась популярность г. Хитрово среди болгаръ, кромѣ того, они опасались его вліянія на князя, сознавая, что онъ будетъ не наковальней, а молотомъ.

Самъ князь раздѣлялъ эти чувства своихъ приближенныхъ и, хотя сначала любезничалъ съ г. Хитрово, нуждаясь въ его поддержкѣ, но, тѣмъ не менѣе, считалъ его человѣкомъ стѣснительнымъ.

Постъ генерала Эрнрота былъ замѣщенъ также военнымъ, пол-

ковникомъ русской службы Ремлингеномъ, завѣдовавшимъ до этого назначенія военнымъ училищемъ въ Софіи. Его сдѣлали, впрочемъ, только управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, давая тѣмъ понять, что его управленіе будетъ имѣть чисто временный характеръ.

Военнымъ министромъ былъ назначенъ также русскій, генералъ Крыловъ.

Недостатокъ серьёзной правительствнной программы обнаружился очень скоро; добившись съ такими усиліями и трескомъ власти, князь болгарскій не имѣлъ яснаго и отчетливаго представленія о томъ, чтò ему дѣлать съ этой властью.

Россія, поддержавъ своимъ вліяніемъ требованія князя о предоставленіи ему широкихъ полномочій власти, устранявшихъ на 7 лѣтъ дѣйствіе конституціи, считала долгомъ, въ лицѣ своего представителя, контролировать дѣйствія болгарскаго правительства и настояла, чтобы бюджетъ и финансовое управленіе княжества втеченіе этого періода продолжали оставаться подъ наблюденіемъ выборныхъ представителей народа, а, между тѣмъ, князь прежде и болѣе всего домогался права свободно распоряжаться финансовыми средствами страны; въ остальномъ его болѣе всего интересовала возможность предоставлять министерскія мѣста людямъ Стоиловскаго кружка, но и въ этомъ онъ встрѣтилъ препятствіе со стороны русскаго генеральнаго консула, совѣтовавшаго ему, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ положенія, организовать управленіе изъ людей, стоящихъ внѣ борьбы партій.

На первое время рѣшились заняться образованіемъ государственнаго совѣта, учрежденіе котораго считалось капитальнымъ пунктомъ новой правительственной системы.

Для составленія проекта этого учрежденія былъ приглашенъ изъ Россіи профессоръ М. Дриновъ [1]), ученый филологъ и образованный юристъ. Исполняя желаніе князя, г. Дриновъ поспѣшилъ пріѣхать въ Софію, съ цѣлью составить проектъ государственнаго совѣта княжества и указалъ князю, что государственный совѣтъ Болгаріи можетъ имѣть авторитетъ и значеніе въ глазахъ населенія только въ томъ случаѣ, если будетъ опираться на выборное начало. Стоиловъ, Грековъ и Начевичъ, зная, что имъ никоимъ образомъ не превозмочь тяготѣющей надъ ними непопулярности между болгарскими избирателями, отнюдь этого не желали.

Отсюда возникли недоразумѣнія. М. Дриновъ требовалъ учрежденія совѣта, избираемаго въ цѣломъ составѣ народными представителями, только обставивъ доступъ въ совѣтъ болѣе строгими условіями выбора; съ этой цѣлью онъ предлагалъ для избранія въ со-

---

[1]) Г. Маринъ Дриновъ, родомъ болгаринъ, учился въ Россіи, занимаетъ каѳедру славянскихъ нарѣчій въ Харьковскомъ университетѣ.

вѣтъ установленіе двухъ ступеней выборовъ. Князь и его приближенные настаивали, чтобы, по крайней мѣрѣ, одна треть членовъ государственнаго совѣта назначалась непосредственно княземъ. Вслѣдствіе такого разногласія во мнѣніяхъ, г. Дриновъ отказался отъ выполненія возложенной на него задачи и уѣхалъ въ Россію.

Государственный совѣтъ былъ организованъ изъ 12 членовъ, изъ нихъ четыре назначались самимъ княземъ. Остальные восемь членовъ избирались слѣдующимъ порядкомъ. Каждые сто очаговъ въ княжествѣ назначали отъ себя одного делегата въ особую избирательную коммиссію, которая изъ своей среды избирала установленное число членовъ государственнаго совѣта.

Кромѣ этихъ постоянныхъ членовъ совѣта, въ немъ должны были засѣдать, съ правомъ голоса, во-первыхъ, всѣ министры и затѣмъ представители духовенства всѣхъ вѣроисповѣданій, существующихъ въ княжествѣ; послѣдніе, впрочемъ, только спеціально по вопросамъ, касающимся ихъ вѣдомства. Условія возроста для членовъ совѣта отличались отъ требуемыхъ отъ депутатовъ собранія; таковыми могли быть только лица, достигшія 30 лѣтъ. Званіе члена совѣта было объявлено несовмѣстимымъ со всякой другою службою, члены совѣта отправляли свои обязанности втеченіе трехъ лѣтъ, и затѣмъ половина ихъ состава возобновлялась вышеуказаннымъ порядкомъ. Предсѣдатель и вице-предсѣдатель совѣта назначались княземъ. Въ объяснительной запискѣ, при изданіи закона объ этомъ новомъ государственномъ учрежденіи, упоминалось, что на необходимость его неоднократно указывалъ великій освободитель болгарскаго народа, императоръ Александръ II.

Княжескій указъ о созваніи выборныхъ, для избранія двухъ третей совѣта, появился 14-го (26-го) сентября, а самые выборы были назначены 1-го (13-го) ноября. Передъ началомъ этихъ выборовъ было издано нѣсколько распоряженій, съ цѣлью установленія строгой дисциплины при выборахъ: чиновникамъ, состоящимъ на службѣ княжескаго правительства, были подъ строгой отвѣтственностью воспрещены: политическая агитація, участіе въ избирательныхъ сходкахъ, а равно всякаго рода демонстраціи противъ правительственной власти.

Эти распоряженія вызвали ожесточенные протесты либеральной партіи, которая, впрочемъ, имѣла возможность изливать свое негодованіе противъ такого стѣсненія свободы выборовъ лишь въ южноболгарской печати, т. е. въ газетахъ, издававшихся въ Восточной Румеліи [1]).

Выборы дали результаты благопріятные для правительства князя, такъ какъ въ члены совѣта не прошелъ никто изъ извѣст-

[1]) Благодаря близкому сосѣдству, постояннымъ сношеніямъ и малочисленности пограничной стражи, южно-болгарскія газеты свободно проникали въ княжество, не смотря на всѣ запрещенія.

ныхъ представителей либеральной партіи. Но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ выборныхъ членовъ государственнаго совѣта возбудили сомнѣнія относительно своей политической благонадежности; это вызвало измѣненія въ только-что изданномъ законѣ нѣкоторыхъ его постановленій, именно въ отношеніи повѣрки правильности выборовъ [1]).

Всѣ эти обстоятельства подрывали авторитетъ и значеніе болгарскаго государственнаго совѣта въ глазахъ общественнаго мнѣнія; этотъ совѣтъ явился съ самаго начала, какъ и всякая искусственная комбинація, учрежденіемъ мертворожденнымъ: онъ никакой серьёзной политической роли не игралъ и просуществовалъ весьма недолго.

Желая придать нѣкоторый авторитетъ этому совѣту, князь сначала предложилъ предсѣдательство въ немъ Дринову, а потомъ Балабанову, а когда они оба отъ этого отказались, предсѣдателемъ государственнаго совѣта былъ назначенъ Икономовъ, а вице-предсѣдателемъ Грековъ [2]).

Составъ членовъ совѣта образовался изъ такъ называемыхъ консервативныхъ чиновниковъ княжества и даже бывшихъ министровъ, напримѣръ, г. Бурмова, но вообще въ немъ не было людей выдающихся способностей и совѣтъ не обнаружилъ никакой самостоятельности. При недостаткѣ людей, со спеціальной подготовкой, болгарскій государственный совѣтъ не оправдалъ даже и тѣхъ ожиданій, въ отношеніи разработки законодательныхъ вопросовъ, которые на него возлагались.

Со введеніемъ въ дѣйствіе этого новаго государственнаго органа въ княжествѣ, совпало вступленіе въ министерство людей Стоиловскаго кружка. Начевичъ получилъ министерство финансовъ, а Грековъ изъ вице-предсѣдателей государственнаго совѣта былъ назначенъ министромъ юстиціи.

Всѣ эти министерскія перемѣны представляютъ мало интереса. Стоиловцы и князь были недовольны русской опекой, мѣшавшей имъ по своему усмотрѣнію хозяйничать въ княжествѣ, они сначала интриговали противъ русскихъ министровъ Ремлингена и Крылова, спихнувъ которыхъ стали подкапываться и подъ г. Хитрово.

Въ началѣ 1882 года, приближенные князя даже сдѣлали нѣкоторыя попытки войдти въ сдѣлку съ своими врагами либералами и начали переговоры съ Маркомъ Балабановымъ. Послѣдній послѣ переворота, оставивъ свой дипломатическій постъ въ Константинополѣ, занялся адвокатской практикой въ Софіи, въ надеждѣ играть политическую роль въ предстоявшихъ событіяхъ. Балаба-

[1]) См. Драндаръ, стр. 111.

[2]) Тотъ самый Икономовъ, который былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ княжества послѣ перваго роспуска княземъ народнаго собранія, въ министерствѣ преосвященнаго Климента (см. гл. III, «Ист. Вѣстн.», № 6).

новъ, вообще говоря, человѣкъ очень ловкій, пытался тогда устроить соглашеніе, много толковалъ о партіи центра и необходимости умѣреннаго либерализма, надѣясь, что князь и стоиловцы, чтобы освободиться отъ русской опеки, а Цанковъ, скучая отъ бездѣйствія, пойдутъ на соглашеніе.

Но этотъ планъ не удался. Балабановъ скоро убѣдился, что раздраженіе князя противъ либераловъ, заклеймившихъ его поноснымъ именемъ клятвопреступника, не успѣло еще остыть и князь пока охотнѣе готовъ подчиниться вліянію Россіи, чѣмъ протянуть руку примиренія либераламъ. Минута примиренія съ либералами еще не настала. Балабановъ отказался отъ поста предсѣдателя государственнаго совѣта, видя, что, принимая его, онъ рискуетъ лишиться популярности, которой тщательно добивался [1]).

Такой исходъ переговоровъ съ Балабановымъ, который, кромѣ того, указалъ на необходимость соглашенія съ Цанковымъ и возстановленія конституціи, убѣдилъ князя и его приближенныхъ, что имъ нельзя обдѣлать свои дѣла иначе, какъ подъ русскимъ флагомъ, и они рѣшились опять просить министровъ у Россіи, въ надеждѣ получить изъ Петербурга генераловъ, въ родѣ Эрнрота. Начевичъ, управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, послѣ полковника Ремлингена, немедленно прибѣгнулъ къ крутымъ мѣрамъ противъ упорнаго, стараго агитатора, т. е. Цанкова, чтобы наказать либераловъ за ихъ строптивость. Цанкова, въ февралѣ 1882 года, арестовали ночью и подъ строгимъ конвоемъ отвезли въ маленькій городокъ Врацу, на сѣверномъ склонѣ Балканъ, гдѣ онъ и долженъ былъ безвыѣздно жить, подъ строгимъ надзоромъ.

Въ томъ же февралѣ мѣсяцѣ, штабсъ-капитанъ Ползиковъ, адъютантъ князя Александра, его любимецъ и довѣренное лицо, отправился въ Петербургъ съ письмомъ къ государю императору, въ которомъ болгарскій князь просилъ присылки двухъ русскихъ генераловъ для занятія постовъ — министра внутреннихъ дѣлъ и военнаго. Въ этомъ же письмѣ князь ходатайствовалъ объ отозваніи изъ Софіи нашего генеральнаго консула г. Хитрово. Нерасположеніе приближенныхъ князя къ г. Хитрово началось съ самаго пріѣзда г. Хитрово въ Софію. Оно даже предшествовало его пріѣзду. Стоиловцы

[1]) Эмиль Лавелэ, во время своей послѣдней поѣздки въ Болгарію (лѣтомъ 1884 года), видѣлся въ Софіи съ Балабановымъ, имѣлъ съ нимъ продолжительныя бесѣды и пользовался его указаніями при составленіи своей книги о Балканскомъ полуостровѣ. Балабановъ увѣрялъ Лавелэ, что онъ всегда былъ либераломъ, причемъ Лавелэ, между прочимъ, очевидно, со словъ Балабанова, пишетъ, что послѣдній во время поѣздки въ Петербургъ осенью 1883 года оказалъ большія услуги Болгаріи, уладивъ вопросъ о такъ называемой военной конвенціи, опредѣлившей положеніе русскихъ офицеровъ въ Болгаріи. Значеніе этой конвенціи очень важно,—пишетъ Лавелэ:—она устранила русское вліяніе въ Болгаріи. Стр. 81 и 76, «La Peninsule des Balkans», т. II, Paris, 1886.

знали прежнюю дѣятельность г. Хитрово на Балканскомъ полуостровѣ и, какъ я упомянулъ выше, опасались его.

Кромѣ того, кажется, Кевенгюллеръ предупреждалъ своихъ болгарскихъ друзей въ Софіи, чтобы они остерегались новаго дипломатическаго представителя Россіи. Весьма вѣроятно, что князь поспѣшилъ переворотомъ не безъ задней мысли, предупредивъ пріѣздъ г. Хитрово, который могъ остановить переворотъ и разстроить планъ князя Александра.

Въ первое бурное время, послѣдовавшее за переворотомъ, князь, нуждаясь въ помощи и поддержкѣ г. Хитрово, охотно подчинялся его совѣтамъ и указаніямъ, что̀ вызывало ревнивыя опасенія и завистливую тревогу Стоиловскаго кружка, съ которымъ г. Хитрово держался весьма сдержанно.

Онъ зналъ этихъ людей, видѣлъ отвращеніе и недовѣріе, которое они возбуждаютъ въ огромномъ большинствѣ болгаръ, и не считалъ нужнымъ входить съ ними въ интимныя сношенія.

Хадженовъ, главный дѣлецъ этого кружка и одинъ изъ самыхъ ретивыхъ дѣятелей переворота, стоившаго ему немало денегъ, пользовался въ то время особой благосклонностью князя, который назначилъ его кметомъ, т. е. городскимъ головой Софіи.

Хадженовъ, чтобы возмѣстить надлежащимъ образомъ свои расходы по перевороту, пустился въ разныя неблаговидныя спекуляціи; онъ, между прочимъ, скупалъ подъ чужимъ именемъ, по самой дешевой цѣнѣ участки городской земли, измѣнялъ направленіе улицъ, проводилъ въ своихъ личныхъ интересахъ новыя, возводилъ убыточныя городскія постройки, подражая въ спекуляціяхъ извѣстному парижскому Гаусману, хотя, разумѣется, отнюдь не обладалъ его талантами и знаніемъ дѣла; однимъ словомъ, такъ успѣшно занялся городскимъ хозяйствомъ Софіи, что скоро опорожнилъ до чиста городскую кассу.

Хотя и болгаринъ, Хадженовъ претендовалъ на роль дѣльца на широкую ногу. Десятки тысячъ рублей, которые онъ нажилъ, орудуя такимъ образомъ городскимъ хозяйствомъ болгарской столицы, казались ему слишкомъ мелкой прибылью. Онъ мечталъ о болѣе крупныхъ аферахъ, для удовлетворенія его апетитовъ требовались болѣе крупные куши. Человѣкъ почти безграмотный, Хадженовъ, потершись въ Букарештѣ около всякаго сорта международныхъ аферистовъ, которыми кишитъ Румынія, отлично зналъ, что пути сообщенія — это самый обильный источникъ наживы во всей Европѣ, и, разумѣется, постарался забрать эту доходную, и до того мало эксплоатированную, статью въ свои загребистыя руки. Постройка нѣкоторыхъ шоссейныхъ дорогъ въ княжествѣ досталась ему: отъ подрядчиковъ потребовали взноса крупнаго денежнаго обезпеченія, что̀ устранило конкурентовъ, и подрядъ на весьма выгодныхъ условіяхъ достался Хадженову, который, пользуясь своимъ положеніемъ

княжескаго protegé, получилъ нужную сумму изъ болгарскаго банка.

Но завѣтная мечта этого болгарскаго Струсберга—была желѣзнодорожная концессія, золотое руно, ласкающее вожделѣнія всѣхъ дѣльцовъ этого сорта. Онъ домогался концессіи на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ въ Болгаріи еще прежде переворота, а послѣ него считалъ полученіе таковой своимъ неотъемлемымъ правомъ. Набравъ цѣлую шайку странствовавшихъ безъ дѣла инженеровъ, картографовъ и всякаго сорта авантюристовъ, онъ смѣло приступилъ къ изысканіямъ.

Когда вопросъ о сооруженіи желѣзнодорожной линіи, согласно предписанію берлинскаго трактата, былъ снова возбужденъ въ совѣтѣ министровъ, полковникъ Ремлингенъ, бывшій въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ, предложилъ русскаго концессіонера — инженера Струве, строителя Литейнаго моста въ Петербургѣ[1]).

Это вызвало первое открытое столкновеніе между нашимъ дипломатическимъ агентомъ и совѣтниками князя, которые готовы были въ огонь и воду за своего лучшаго друга Хадженова. Г. Хитрово вмѣстѣ съ Ремлингеномъ поддерживали русскаго строителя, не считая софійскаго кмета, уже заявившаго себя своими городскими постройками и шоссейными сооруженіями, за серьёзнаго концессіонера.

Нерасположеніе г. Хитрово къ Хадженову,—говоритъ Драндаръ,— не замедлило отозваться на его отношеніяхъ къ князю, который сталъ гораздо холоднѣе и сдержаннѣе съ русскимъ представителемъ.

Начали искать благовиднаго предлога, чтобы мотивировать въ глазахъ русскаго кабинета ходатайство объ отозваніи г. Хитрово. Это было время герцеговинскаго возстанія, когда подъ вліяніемъ извѣстной рѣчи М. Д. Скобелева и статей «Руси», изображавшихъ яркими красками героическую борьбу герцеговинскихъ усташей съ австрійской окупаціей, нѣсколько молодыхъ людей изъ Россіи отправились въ Болгарію, съ цѣлью проѣхать оттуда въ Сербію и затѣмъ пробраться на театръ возстанія. Паспорта ихъ были, кажется, визированы въ русскомъ консульствѣ въ Софіи, въ которое они заходили, проѣздомъ черезъ Софію. Эти молодые люди были задержаны въ Сербіи, правительствомъ короля Милана, сгоравшаго желаніемъ заявить свое усердіе Австріи, рапортомъ о мнимой русско-болгарской агитаціи въ Герцеговинѣ.

Началась переписка по этому предмету, въ сущности не имѣвшая никакого серьёзнаго значенія. Нѣсколько молодыхъ людей могли проѣхать свободно черезъ Болгарію, которая не имѣла права ихъ

[1]) Сначала было явился съ такими предложеніями Поляковъ, но, въ виду того, что имя его было крайне непопулярно въ Болгаріи, Ремлингенъ не призналъ возможнымъ оказывать ему поддержку.

задерживать, тѣмъ болѣе, что они никакихъ боевыхъ запасовъ съ собой не везли и проѣзжали Болгарію какъ простые туристы. Если кто могъ бы обидѣться, въ данномъ случаѣ, то всего скорѣе, конечно, русская дипломатія за такое безцеремонное задержаніе сербскимъ правительствомъ русскихъ подданныхъ, которые были задержаны прежде, чѣмъ заявили открыто намѣреніе стать въ ряды герцеговинскихъ повстанцевъ.

Князь, разумѣется, постарался раздуть эту исторію, дѣлая видъ, что его крайне тревожатъ запросы, по этому предмету, австрійскаго представителя.

Тогда былъ пущенъ въ ходъ даже слухъ, что самъ Скобелевъ ѣдетъ въ Герцеговину черезъ Софію, и князь дѣлалъ видъ, что онъ этому вѣритъ, намекая, гдѣ и кому нужно, что М. А. Хитрово, какъ близкій другъ Скобелева, конечно, раздѣляетъ его взгляды и желанія поддержать возстаніе герцеговинцевъ. За неимѣніемъ серьёзнаго дѣла, князь и его ближайшіе совѣтники усердно занимались мелкими интригами. Князь, его совѣтники, консерваторы, либералы, вся и все въ Болгаріи интриговало. И. С. Аксаковъ весьма живо изобразилъ эту политическую атмосферу Болгаріи, говоря: «всякій пустякъ возводится въ событіе, всякая соринка въ темную тучу, всякій мелочной недосмотръ въ преступленіе; все обращается въ сплетню, сплетнею живетъ, питается и дышетъ».

Кажется, письменное ходатайство князя Александра о командированіи въ Болгарію вновь двухъ русскихъ генераловъ и о перемѣнѣ русскаго генеральнаго консула встрѣчено было въ Петербургѣ доводьно холодно.

Надѣялись, что послѣ тревогъ и волненій переворота князь серьёзно и спокойно займется болгарскими дѣлами, но этого не замѣчалось.

Люди, мутившіе мирное теченіе болгарской политической жизни, по прежнимъ заявленіямъ князя или бѣжали изъ предѣловъ княжества (Каравеловъ, Славейковъ, Сорафовъ и нѣкоторые другіе), или находились въ ссылкѣ, подъ полицейскимъ надзоромъ, какъ Цанковъ.

Но вожделѣнный покой и желаемая тишина въ княжествѣ не наступали. Князь Александръ теперь пустился въ инсинуацію противъ русскаго консула, выставляя его за виновника продолжающагося возбужденія умовъ въ Болгаріи.

Это начинало казаться страннымъ и возбудило сомнѣніе; естественно возникалъ вопросъ, не ближе ли искать корня и источника всѣхъ болгарскихъ смутъ въ личности самого князя.

Опасаясь, что такое мнѣніе, наконецъ, возобладаетъ въ Петербургѣ, и видя, что письмо его, посланное съ Ползиковымъ, осталось безъ прямаго отвѣта, князь Александръ, какъ только узналъ, что М. А. Хитрово уѣзжаетъ въ отпускъ въ Россію, рѣшился и самъ

поѣхать въ Петербургъ, чтобы путемъ личныхъ объясненій уладить то, о чемъ онъ не совсѣмъ успѣшно хлопоталъ письменно.

Въ апрѣлѣ 1882 года, князь отправился сначала въ Петербургъ, а затѣмъ въ Москву, которую онъ при этомъ посѣтилъ въ первый разъ послѣ избранія его на болгарскій престолъ. Поѣздка его на сей разъ увѣнчалась успѣхомъ. Г. Хитрово сначала получилъ продолжительный отпускъ и затѣмъ вовсе былъ отозванъ изъ Софіи, получивъ другое назначеніе, а въ Болгарію были командированы два русскіе генерала: баронъ Каульбарсъ и Соболевъ.

Что и какъ говорилъ князь Александръ въ высшихъ оффиціальныхъ сферахъ, мнѣ, конечно, неизвѣстно, но я имѣлъ случай узнать о его частныхъ бесѣдахъ съ И. С. Аксаковымъ, котораго онъ посѣтилъ въ Москвѣ.

Князь Александръ обнаружилъ въ этомъ случаѣ несомнѣнно дипломатическія способности и съумѣлъ расположить въ свою пользу уважаемаго московскаго славянофила, что̀ было не совсѣмъ легко, ибо Аксаковъ давно и хорошо зналъ М. А. Хитрово.

Передовая статья «Руси» отъ 15 мая 1882 года свидѣтельствуетъ объ этой дипломатической побѣдѣ князя Александра надъ московскимъ публицистомъ.

«Москва,—писалъ Аксаковъ,—наконецъ имѣла утѣшеніе привѣтствовать въ стѣнахъ своего историческаго Кремля государя Болгаріи». Очертивъ далѣе въ самыхъ сочувственныхъ выраженіяхъ личность молодаго болгарскаго князя, покойный московскій публицистъ продолжаетъ: «Князь Александръ, кажется намъ, вполнѣ вѣрно понимаетъ и опредѣляетъ отношенія своей страны къ нашему отечеству, чѣмъ и отличается рѣзко отъ своего сосѣда, сербскаго короля Милана. Остается только желать, чтобы благія усилія государя Болгаріи были искренно поддержаны не только обоими правительствами, болгарскимъ и нашимъ, но и обществомъ обѣихъ странъ» [1]).

Князь Александръ обошелъ нашего почтеннаго публициста. Человѣкъ глубоко искренній, Аксаковъ охотно вѣрилъ искренности и въ другихъ. Мнѣ привелось видѣть Аксакова нѣсколько дней спустя послѣ его свиданія съ болгарскимъ княземъ; онъ относился съ полнымъ довѣріемъ и сердечной симпатіей къ этому беззастѣнчивому комедіанту, посаженному нами на престолъ Болгарскаго княжества.

Между тѣмъ, князь Александръ, проѣхавъ изъ Россіи въ Германію, постарался тамъ объяснить, кому слѣдовало, что его русофильство не слѣдуетъ принимать въ-серьёзъ, что къ такой политикѣ онъ вынужденъ прискорбнымъ стеченіемъ обстоятельствъ и

---

[1]) Полное собраніе сочиненій И. С. Аксакова. Томъ первый, Москва, 1886 года, стр. 447—450. Съ небольшимъ годъ спустя, И. С. Аксаковъ совершенно измѣнилъ свой взглядъ на болгарскаго князя, о чемъ и заявилъ въ «Руси».

при первомъ удобномъ случаѣ сбросить съ себя русскую опеку какъ бремя. При этомъ онъ освѣдомился, на какое участіе и отношеніе къ дѣлу Вѣны и Берлина онъ можетъ разсчитывать.

Въ то время князь имѣлъ еще основанія серьёзно желать пріѣзда русскихъ министровъ, конечно, на нѣкоторое только время, ибо его въ Болгаріи ожидала весьма непріятная перспектива выборовъ въ народное собраніе. Его отношенія къ либераламъ тогда были самыя непріязненныя, а популярность и вліяніе либераловъ въ странѣ замѣтно росли, не смотря на то, что Каравеловъ проживалъ въ Румеліи, а Цанковъ находился въ заточеніи, въ такомъ глухомъ мѣстечкѣ, какъ Враца.

Даже Начевичъ и Грековъ, не смотря на все свое пристрастіе къ министерскимъ портфелямъ и власти, а Стоиловъ къ этой последней, желали русскихъ генераловъ, опасаясь, что безъ ихъ помощи не совладаютъ съ либералами; къ тому же они все еще ждали русскихъ генераловъ, въ родѣ Эрнрота.

Результаты миссіи генераловъ Соболева и Каульбарса извѣстны; ея неуспѣхъ нетрудно было предвидѣть. Этимъ генераламъ, изъ которыхъ первому было поручено министерство внутреннихъ дѣлъ, а второму—военное, предстояло одно изъ двухъ: или обратиться въ орудіе личной политики князя, или вызвать его неудовольствіе и кончить явнымъ съ нимъ разладомъ. Они выбрали послѣднее.

Князь Александръ, съ свойственнымъ ему двуличіемъ, убѣдившись, что генералы не желаютъ быть покорными орудіями въ его рукахъ, усердно старался ихъ дискредитировать всякаго рода обвиненіями, искусно подбирая факты съ цѣлью доказать ихъ самовластіе и показывая при этомъ всѣ знаки наружнаго къ нимъ благоволенія. Онъ предупредительно сообщалъ многимъ изъ русскихъ, съ которыми имѣлъ случай видѣться въ Москвѣ во время коронаціи, нѣкоторые документы и телеграммы, которые указывали, что его министры Соболевъ и Каульбарсъ относятся къ нему недостаточно почтительно. Но, даже допуская, что они, будучи выведены изъ терпѣнія лицемѣріемъ князя и интригами его приближенныхъ, иногда позволяли себѣ извѣстную рѣзкость тона, слѣдуетъ, однако, признать, что это только ускорило и обострило кризисъ, который и безъ того былъ неизбѣженъ. До какой мелочности доходили эти обвиненія противъ нашихъ генераловъ, видно изъ того, что приближенные князя и онъ самъ разсказывали европейскимъ консуламъ и пріѣзжимъ туристамъ всякаго рода небылицы о грубости и безтактности Соболева и Каульбарса. Такъ, между прочимъ, увѣряли, что приглашаемые на обѣдъ княземъ наши генералы безъ его зова приводили съ собой своихъ адъютантовъ. То же было и на вечерахъ, устраиваемыхъ княземъ, который де вслѣдствіе та-

кого безцеремоннаго съ нимъ обращенія Соболева и Каульбарса дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этихъ незванныхъ гостей [1]).

Суть дѣла заключалась въ томъ, что князю нужны были русскіе генералы лишь для обузданія оппозиціи на предстоявшихъ выборахъ. Любимцы князя: Стоиловъ, Начевичъ и Грековъ, не имѣли никакого авторитета въ глазахъ болгаръ и не внушали, все еще сильной въ народѣ, либеральной партіи спасительнаго страха. Поэтому до выборовъ въ собраніе, не смотря на нѣкоторыя размолвки и недоразумѣнія, князь и его интимные совѣтники считали нужнымъ подчиняться русскимъ генераламъ и только слегка и изъза угла противъ нихъ агитировали.

Выборы дали результаты вполнѣ благопріятные для политики князя: значительное большинство депутатовъ были послушные сторонники князя, такъ что они вмѣстѣ съ депутатами изъ турокъ, которые, какъ истые восточные люди, всегда не разсуждая вотируютъ за правительство, составляли подавляющее большинство въ собраніи. Только 15 округовъ прислали оппозиціонныхъ депутатовъ, но ихъ выборы были кассированы, потому что Стоиловъ съ компаніей желали имѣть совершенно безгласное народное собраніе [2]).

Заручившись такимъ собраніемъ, приближенные князя думали, что теперь русскимъ министрамъ нечего болѣе дѣлать въ Болгаріи, ибо ихъ миссія кончена и имъ пора возвратиться въ Россію. Но самъ князь нѣкоторое время не рѣшался взять на себя иниціативу удаленія такъ недавно приглашенныхъ имъ изъ Россіи министровъ — онъ боялся возбудить неудовольствіе русскаго императора. Дѣло въ томъ, что въ Петербургѣ, передъ назначеніемъ Соболева и Каульбарса, князю дали понять, что частыя перемѣны лицъ, командируемыхъ Россіей въ Болгарію, наконецъ вызвали неудовольствіе. Ему объяснили, что русскіе генералы, посылаемые въ Болгарію, не могутъ служить игрушкою личныхъ капризовъ и случайныхъ вліяній и обстоятельствъ. Ссылаясь на прежде бывшіе опыты, русскій кабинетъ долго отказывалъ князю въ командированіи вновь русскихъ министровъ въ Болгарію, о чемъ онъ настойчиво просилъ. Его ходатайство было уважено только подъ условіемъ торжественнаго обѣщанія обезпечить болѣе прочное положеніе Соболеву и Каульбарсу.

Желая отдѣлаться поскорѣе отъ стѣснявшаго его русскаго генеральнаго консула и нуждаясь въ русскихъ генералахъ для обузданія либеральной оппозиціи, князь согласился подчиниться этимъ

[1]) Беру одинъ изъ многихъ разсказовъ подобнаго рода. Я остановился на немъ потому, что онъ приведенъ въ довольно серьёзной книгѣ Эмиля Лавеле: «La Peninsule des Balkans», vol. II, page 75.

[2]) Нѣкоторые округа, и въ томъ числѣ Софія, отказались выбирать депутатовъ, жалуясь на стѣсненія свободы выборовъ.

условіямъ и обязался дать время и возможность Соболеву и Каульбарсу серьёзно заняться устройствомъ дѣлъ въ Болгаріи.

Вѣроятно, онъ надѣялся поладить съ генералами, которые, какъ лица, состоящія на его службѣ, во всякомъ случаѣ были въ нѣкоторой отъ него зависимости, къ тому же ихъ, при случаѣ, легче было спихнуть, чѣмъ русскаго дипломатическаго представителя.

Онъ находилъ еще несвоевременнымъ серьёзный разрывъ съ Россіей. Поэтому до открытія собранія, въ ожиданіи болѣе благопріятной минуты, князь болгарскій отказался выступить открыто противъ своихъ русскихъ министровъ, а также писать объ ихъ отозваніи въ Петербургъ.

Рѣшено было дѣйствовать съ другой стороны, именно поколебать положеніе русскихъ министровъ, поднявъ противъ ихъ управленія опозицію въ собраніи. Ежегодное созваніе народнаго собранія для обсужденія бюджета было обѣщано княземъ, согласно совѣтамъ Россіи, пусть же русскіе министры испытаютъ на себѣ всѣ непріятности и нападки опозиціи.

Открывшаяся вслѣдъ затѣмъ осенняя сессія 1882 года болгарскаго народнаго собранія представляла оригинальное зрѣлище. Нашимъ генераламъ Соболеву и Каульбарсу пришлось выдержать упорную борьбу, отмѣченную рядомъ мелочныхъ и придирчивыхъ нападокъ опозиціи, которой явно руководили приближенные князя, а изъ-за кулисъ и онъ самъ. Болгарскіе члены кабинета при этомъ завѣдомо интриговали противъ своего-же главы — генерала Соболева.

Стоиловъ, замѣстившій, по желанію Соболева, доктора Вулковича [1]) въ управленія министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, особенно старался вредить русскимъ министрамъ. Уволенный Соболевымъ рущукскій префектъ (губернаторъ) Аневъ, избранный въ депутаты (избраніе Анева, между прочимъ, показываетъ, что Соболевъ не пользовался властью, чтобы вліять на выборы въ личныхъ своихъ видахъ), явился въ собраніе ожесточеннымъ врагомъ русскихъ министровъ, которымъ пришлось вынести немало непріятностей и мелочныхъ придирокъ отъ руководимой ихъ болгарскими товарищами опозиціи.

Желѣзно-дорожный вопросъ и управленіе публичными работами и путями сообщенія, взятые Соболевымъ въ вѣдѣніе своего министерства, — онъ поручилъ завѣдованіе ими русскому инженеру князю Хилкову, — послужили главной темой для нападокъ опозиціи.

---

[1]) Д-ръ Вулковичъ былъ удаленъ по требованію Соболева вслѣдствіе недоразумѣній, возникшихъ между ними по случаю несвоевременнаго доставленія Соболеву, какъ министру внутреннихъ дѣлъ, телеграммы о самовольномъ арестѣ Цанкова рущукскимъ префектомъ Аневымъ. Вулковичъ, занимая постъ министра иностранныхъ дѣлъ, управлялъ въ то же время почтою и телеграфомъ княжества. Желая склонить князя на увольненіе Вулковича, Соболевъ предложилъ князю замѣстить его любимцемъ князя Стоиловымъ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Софію, генералъ Соболевъ, освѣдомившись о спекуляціяхъ Хадженова, который, пользуясь расположеніемъ князя и его приближенныхъ, хозяйничалъ самымъ безцеремоннымъ образомъ по этой части, рѣшился серьёзно заняться этой отраслью управленія и, не имѣя въ виду благонадежнаго и знающаго болгарина, поручилъ управленіе публичными постройками и путямъ сообщеній, какъ я сказалъ, русскому инженеру.

При помощи знающаго и честнаго сотрудника, Соболевъ распуталъ и выяснилъ многія изъ шашней Хадженова, что̀ весьма не нравилось его болгарскимъ антагонистамъ въ министерствѣ и самому князю.

Хадженовъ, въ надеждѣ крупныхъ барышей, отъ ожидаемой концессіи, дѣйствовалъ по образцу европейскихъ финансистовъ, т. е. стараясь закупить болгарскихъ депутатовъ обѣдами, угощеніями и тому подобными средствами. Драндаръ увѣряетъ, что онъ на свой счетъ приготовилъ помѣщенія въ гостинницѣ для пріѣзжихъ депутатовъ (стр. 143). Кромѣ того, онъ давалъ роскошные парадные обѣды; одинъ изъ такихъ обѣдовъ, съ участіемъ высокопоставленныхъ лицъ оффиціальнаго и парламентскаго міра, сопровождался даже баломъ.

Чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, въ надеждѣ привлечь на свою сторону русскихъ министровъ, онъ перемѣнилъ тактику и изъ противника проекта Струве-Гинцбурга сдѣлался отчасти его сторонникомъ, предложилъ образовать для сооруженія желѣзныхъ дорогъ акціонерное общество, съ участіемъ правительства, которому предоставлялись извѣстныя привиллегіи, а главное участіе въ этомъ обществѣ раздѣлялось между имъ и компаніей, которую представляли Струве-Гинсбургъ.

Но болгарскіе депутаты, завистливымъ окомъ взиравшіе на роскошную обстановку Хадженова, провалили его проектъ, или, точнѣе, отложили обсужденіе этого проекта на неопредѣленное время.

Огорченные такой неудачей своего друга, болгарскіе консерваторы, со Стоиловымъ во главѣ, рѣшились выместить эту неудачу на русскихъ генералахъ, которыхъ они считали главными виновниками пораженія Ходженова,—ему собраніе даже отказало въ выдачѣ вознагражденія за его изысканія.

Передъ закрытіемъ собранія была избрана изъ его среды депутація, съ Аневымъ во главѣ, для представленія князю ходатайства о томъ, чтобы завѣдованіе публичными работами и сооруженіями было поручено болгарину. Это заявленіе было крайне оскорбительно для генерала Соболева, такъ какъ оно выражало явное къ нему недовѣріе собранія, и притомъ отнюдь не заслуженое,—говоритъ г. Драндаръ, хотя этотъ болгарскій публицистъ далеко не партизанъ нашихъ генераловъ и ихъ управленія въ Болгаріи. Министерство публичныхъ работъ, въ вѣдѣніи котораго было желѣзно-дорожное

дѣло, было поручено Начевичу, а Хадженовъ получилъ довольно крупную сумму за произведенныя имъ изысканія, съ весьма оригинальной оговоркой, обязавшей его возвратить часть этихъ денегъ, буде при окончательномъ разрѣшеніи вопроса окажется, что ему выдано болѣе того, что слѣдовало.

Вслѣдъ за тѣмъ собраніе было распущено. Русскіе министры, не смотря на всѣ подвохи и непріятности, которые имъ дѣлались въ собраніи, остались на своихъ мѣстахъ, хотя почва подъ ними была поколеблена натянутыми и двусмысленными отношеніями князя. Они были призваны въ Болгарію для того, чтобы поддержать князя и его сторонниковъ въ борьбѣ съ либералами, а, между тѣмъ, имъ болѣе всего приходилось бороться съ интригами тѣхъ самыхъ людей, на защиту и огражденіе которыхъ они были призваны.

Правда, Соболевъ и Каульбарсъ объясняли свою задачу и программу нѣсколько иначе, заявляя, что ихъ задача заключается исключительно въ служеніи дѣлу благоустройства княжества и установленію въ немъ порядка и правильной администраціи.

Но, не находя поддержки въ князѣ, который видимо былъ на сторонѣ ихъ противниковъ, русскіе министры, въ силу вещей, должны были искать сближенія съ либералами, чтобы опереться на этихъ послѣднихъ. Болгарскіе же либералы, для которыхъ сближеніе съ русскими генералами было выгодно во всѣхъ отношеніяхъ, разумѣется, дѣлали все отъ нихъ зависѣвшее, чтобы еще болѣе усилить недоразумѣнія между княземъ и русскими министрами и тѣмъ ослабить и даже совсѣмъ подорвать тотъ порядокъ вещей, который лишилъ ихъ власти.

Собственно говоря, всего логичнѣе и разумнѣе было тогда же, въ виду такого положенія дѣлъ, русскимъ министрамъ или выйдти въ отставку, или открыто стать на сторону либеральной партіи и настоять на возстановленіи тырновской конституціи, но послѣднее средство противорѣчило буквѣ инструкцій, полученныхъ Соболевымъ и Каульбарсомъ, а первое казалось имъ рискованнымъ, ибо, въ виду наличнаго состава народнаго собранія, отдавало княжество въ руки Стоиловской партіи, такъ что даже сами либералы весьма желали, чтобы русскіе министры до новыхъ выборовъ не оставляли своихъ постовъ.

Князь, колебавшійся между своими личными симпатіями и рискомъ лишиться поддержки Россіи, наружно подчинялся требованіямъ русскихъ генераловъ и пока велъ противъ нихъ только подпольную борьбу.

Въ началѣ марта, послѣдовало одно происшествіе, которое еще болѣе обострило положеніе. Софійскій митрополитъ Мелетій, по распоряженію экзарха и болгарскаго синода въ Константинополѣ, былъ лишенъ своего сана и приговоренъ къ ссылкѣ во Врацу. Этотъ Мелетій, во время нашей турецкой войны, заявилъ горячее сочув-

ствіе и преданность Россіи; именно вскорѣ послѣ объявленія войны, онъ оставилъ Константинополь и, рискуя своимъ положеніемъ, явился въ русскую армію, при которой и оставался до конца.

Указъ объ отрѣшеніи Мелетія былъ адресованъ на имя Стоилова, какъ министра иностранныхъ дѣлъ, который сообщилъ о содержаніи его Соболеву; послѣдній хотя и не призналъ возможнымъ прямо воспротивиться такому указу подлежащей болгарской церковной власти, но, тѣмъ не менѣе, убѣдительно просилъ Стоилова привести эту мѣру въ исполненіе съ предупредительностью и уваженіемъ, подобающими духовному сану, который занималъ этотъ болгарскій святитель и патріотъ.

Но Стоиловъ поступилъ какъ разъ наоборотъ. Опасаясь народныхъ демонстрацій, онъ приказалъ жандармамъ ночью схватить Мелетія, посадить его верхомъ на лошадь (хотя, по приказанію Соболева, для лишеннаго сана митрополита была приготовлена карета) и тайкомъ увезти его въ горный Рыльскій монастырь, подъ строгимъ конвоемъ. Собственной своей властью онъ измѣнилъ мѣсто заключенія, подчиствивъ въ указѣ слово «Враца» и написавъ вмѣсто него Рыло. Это взбѣсило Соболева, тѣмъ болѣе, что такая крутая мѣра противъ Мелетія возбудила негодованіе между болгарами и русскими офицерами, полагавшими, что причина гоненія на Мелетія заключается въ его преданности Россіи. Соболевъ, какъ глава министерства, понятное дѣло, несъ отвѣтственность за самовольныя дѣйствія другаго члена кабинета и видѣлъ въ поступкѣ Стоилова явное нарушеніе самыхъ элементарныхъ требованій дисциплины. Зная, что Стоиловъ силенъ дружбой князя и что увольненіе его сопряжено съ большими трудностями, Соболевъ самъ подалъ прошеніе объ увольненіи. Баронъ Каульбарсъ заявилъ, что онъ послѣдуетъ его примѣру.

Стоиловцы не ожидали такого энергическаго рѣшенія русскихъ министровъ. Они, какъ люди болѣе всего способные на мелкія закулисныя интриги, растерялись и струсили. Къ тому же, князь Александръ собирался ѣхать въ Россію на коронацію, онъ имѣлъ основаніе дорожить расположеніемъ русскаго правительства, нуждаясь въ немъ для исполненія нѣкоторыхъ своихъ личныхъ ходатайствъ. Онъ надѣялся получить награды и другія милости по случаю коронаціоннаго торжества, а также разсчитывалъ на увеличеніе содержанія, получаемаго имъ изъ Россіи. Кромѣ того, онъ думалъ, что во время пребыванія въ Москвѣ ему будетъ удобнѣе спустить ненавистныхъ ему генераловъ. Его ненависть къ Соболеву еще болѣе усугубилась упраздненіемъ, по требованію послѣдняго, поста начальника политической канцеляріи, этого мирнаго пристанища, въ которомъ находилъ благополучный уголокъ, во время политическихъ бурь, его любимецъ Стоиловъ.

Такимъ образомъ въ виду предстоящей поѣздки въ Россію пришлось отложить разрывъ съ генералами; князь уступилъ требованіямъ

Соболева: Стоиловъ, Начевичъ и Грековъ были уволены и 15 марта того же года Соболевъ могъ составить новое министерство, поручивъ Кирьяку Цанкову (вышепоименованному представителю княжества въ Бухарестѣ), Бурмову и Теохарову оставшіеся свободными министерскіе портфели. Стоиловъ былъ назначенъ, вскорѣ послѣ своего увольненія представителемъ Болгаріи въ Вѣну, въ засѣдавшую тамъ, такъ называемую, коммиссію à quatres, для разрѣшенія вопроса о соединеніи желѣзно-дорожной сѣти на Балканскомъ полуостровѣ, согласно предписанію берлинскаго трактата.

Князь, крайне недовольный своими русскими министрами, также поспѣшилъ уѣхать изъ Болгаріи. Передъ отъѣздомъ ему пришлось сдѣлать еще одну уступку—пожертвовать Хадженовымъ, который въ должности городскаго головы Софіи былъ замѣненъ Сукнаровымъ, либераломъ, сторонникомъ Цанкова и Каравелова.

Такъ какъ время для пріѣзда въ Россію, на празднованіе коронаціи еще не наступило, то князь въ сопровожденіи предсѣдателя державнаго совѣта доктора Вулковича[1]) отправился предварительно путешествовать, дабы немного разсѣяться отъ причиненныхъ ему огорченій русскими генералами. Онъ посѣтилъ Константинополь, Аѳины, Іерусалимъ и Цетинье. Его визитъ къ черногорскому князю находился въ связи съ предполагавшимся тогда проектомъ сватовства его къ одной изъ черногорскихъ княженъ.

Разсорившись вслѣдъ за симъ съ русскимъ правительствомъ, князь Александръ отказался отъ этой мысли и сталъ искать брачныхъ связей въ Берлинѣ. Изъ Цетинья князь болгарскій поѣхалъ въ Дармштадтъ, для свиданія съ родными, а Вулковичъ въ Москву, чтобы предварительно изслѣдовать положеніе вещей и узнать настроеніе руководящихъ сферъ и общественнаго мнѣнія въ Россіи. Въ Москвѣ Вулковичъ старался склонить кого могъ въ пользу князя, былъ у Аксакова и Каткова, и всѣми силами старался придумать такую комбинацію, которая бы предупредила окончательный разрывъ между княземъ и Россіей, увѣряя, что причина и вина недоразумѣній не въ князѣ, а въ русскихъ министрахъ.

Въ началѣ мая пріѣхалъ и самъ князь, но его ходатайства въ Москвѣ не увѣнчались успѣхомъ. Соболевъ тоже пріѣхалъ на коронацію, съ двумя болгарскими министрами: Кирьякомъ Цанковымъ и Бурмовымъ, а также съ депутаціей отъ городскаго совѣта Софіи, состоявшей изъ либераловъ. Зная, что депутація, посланная отъ народнаго собранія, состоявшаго изъ стоиловцевъ, будетъ жаловаться на его управленіе, Соболевъ позаботился о депутаціи отъ либеральной партіи, которая, разумѣется, не осталась въ долгу и выложила все, что знала о дѣяніяхъ приближенныхъ князя.

---

[1]) Вулковичъ имѣетъ связь родства въ Черногоріи, такъ какъ мать его по происхожденію черногорка.

Это, разумѣется, еще болѣе обострило отношенія князя къ его русскимъ министрамъ; тѣмъ не мѣнѣе, отозваніе Соболева и Каульбарса было признано преждевременнымъ, о чемъ и было объяснено князю болгарскому.

Но, въ виду крайне натянутыхъ отношеній между княземъ и русскими генералами, было рѣшено приставить къ нимъ авторитетнаго и опытнаго посредника. Эта трудная миссія была поручена А. С. Іонину. Одновременно съ послѣдовавшимъ назначеніемъ посланникомъ въ Бразилію, на г. Іонина было возложено особое порученіе временно вступить въ управленіе нашимъ генеральнымъ консульствомъ въ Софіи; этотъ постъ, послѣ отозванія г. Хитрово, оставался не замѣщеннымъ: консульствомъ управлялъ секретарь г. Арсеньевъ.

Выборъ остановился на г. Іонинѣ, какъ на человѣкѣ давно и близко знакомомъ съ южно-славянскими дѣлами и доказавшемъ свои способности, во время продолжительной службы нашимъ представителемъ въ Черногоріи.

Этимъ способомъ думали уладить крайне натянутое положеніе дѣлъ въ Болгаріи и отсрочить готовый вновь разразиться кризисъ. Неизбѣжность этого кризиса, кажется, впрочемъ, у насъ не считали слишкомъ близкой, ибо генералъ Соболевъ и А. С. Іонинъ не спѣшили отъѣздомъ въ Болгарію изъ Россіи, гдѣ они оставались до начала августа. Князь Александръ уѣхалъ изъ Москвы крайне недовольный, тѣмъ болѣе, что помимо отозванія генераловъ и его личныя ходатайства не были уважены.

Между тѣмъ, стоиловцы усердно, гдѣ и какъ могли, агитировали противъ диктатуры русскихъ генераловъ. Различные органы западно-европейской печати вдругъ стали наполняться статьями о возмутительной русской опекѣ, повергшей якобы всю Болгарію въ состояніе анархіи и вызвавшей такое возбужденіе умовъ, что во всѣхъ концахъ ея безпорядки и волненія безпрерывно слѣдуютъ одни за другими. Между тѣмъ, въ княжествѣ послѣ отъѣзда Александра болгарскаго, по свидѣтельству лицъ, въ этомъ случаѣ вполнѣ компетентныхъ [1]), царствовала полнѣйшая тишина и спокойствіе. Мюнхенская «Всеобщая Газета» помѣстила длинную статью, подробно излагавшую всѣ огорченія, чинимыя князю Александру русскими генералами.

Все это свидѣтельствовало, что вѣтры, возмущавшіе мирное теченіе жизни въ Болгаріи, шли не столько изъ нея самой, сколько извнѣ. Интриговалъ прежде и болѣе всего самъ князь, нами посаженный на болгарскій престолъ, и его приближенные. Эти газетныя статьи, сами по себѣ ничтожныя,—онѣ исходили изъ тѣснаго кружка приближенныхъ князя и печатались на деньги особаго фонда, организо-

[1]) Сошлюсь, между прочимъ, на книгу Драндара, стр. 152.

ваннаго изъ суммъ, взятыхъ изъ казначейства во время неурядицы, послѣдовавшей за переворотомъ, — имѣли нѣкоторое значеніе въ смыслѣ показателя политической атмосферы.

Но наши дипломаты на газетныя статьи рѣдко обращаютъ вниманіе.

Князь послѣ отъѣзда изъ Москвы побывалъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ, гдѣ громко жаловался на тяжесть и невозможность русской опеки. Онъ говорилъ даже о намѣреніи не возвращаться въ Болгарію, пока ею будутъ управлять Соболевъ и Каульбарсъ, усердно разъѣзжая по Германіи и агитируя противъ русской опеки; нѣмецкія газеты отмѣчали его присутствіе въ Дармштадтѣ, Ишлѣ, Гаштейнѣ, не говоря уже о Вѣнѣ и Берлинѣ. Потомъ вдругъ онъ внезапно появился въ Софіи, хотя въ Петербургѣ ожидали его возвращенія въ Болгарію не ранѣе конца августа.

Князь пріѣхалъ въ Софію въ половинѣ іюля, по приглашенію своихъ приближенныхъ, — говоритъ Драндаръ, а, можетъ быть, и по чьему либо совѣту, полученному имъ во время своихъ разъѣздовъ.

Былъ выработанъ новый планъ, pour faire sauter, какъ выражался князь въ своей перепискѣ съ друзьями, русскихъ министровъ помимо согласія Россіи. Этотъ планъ былъ очень простъ и заключался въ сдѣлкѣ, т. е. соглашеніи съ либералами.

Я уже говорилъ, что переговоры о такомъ соглашеніи велись еще до назначенія Соболева и Каульбарса; они не удались, потому что князь долгое время не могъ побѣдить въ себѣ отвращеніе къ вождямъ либеральной партіи. Теперь, подъ впечатлѣніемъ неудачъ, испытанныхъ имъ въ Москвѣ, и, весьма вѣроятно, совѣтовъ политической мудрости, преподанныхъ ему въ двухъ сосѣднихъ съ нами столицахъ, онъ рѣшился поступиться личными своими антипатіями. Хотя Драндаръ и увѣряетъ, что мысль о соглашеніи съ либералами исходила изъ Стоиловскаго кружка, но это мало вѣроятно и опровергается многими фактами. Едва ли эти мелкіе политиканы сами остановились на такой комбинаціи, хотя послѣ пріѣзда князя сначала Начевичъ, а за нимъ и Грековъ, лѣзли изъ кожи, добиваясь примиренія и соглашенія съ Цанковымъ; очевидно, они это дѣлали, уступая желанію князя.

Вслѣдъ за пріѣздомъ князя въ Софію, начинаются дѣятельные переговоры не только съ Балабановымъ, съ которымъ переговоры шли и прежде, но и съ Цанковымъ. Къ нему во Врацу послали бывшаго яраго либерала Стоичева уговорить Цанкова написать просительное письмо къ князю, съ обѣщаніемъ, что князь охотно готовъ забыть прошлое.

Цанковъ вслѣдъ за симъ былъ вызванъ въ Софію, гдѣ получилъ немедленно аудіенцію у князя. 9-го августа, была назначена сходка съ цѣлью установить соглашеніе, но, кромѣ взаимной перебранки, эта сходка никакихъ другихъ результатовъ не дала. Бол-

гарскій радикалъ, городской голова Софіи Сукнаровъ, обозвалъ консерваторовъ (т. е. Стоилова, Начевича и Грекова) бездѣльниками, которые не имѣютъ ни чести, ни вѣры (см. газету «Марица» за 1883 г., № 516, отъ 19-го августа), консерваторы отвѣчали въ томъ же тонѣ.

Та же газета отъ 23-го августа извѣщала, что князь Александръ приказалъ Начевичу и Грекову передать Цанкову и либераламъ, что онъ рѣшился удалить русскихъ членовъ кабинета.

Я не стану приводить многихъ другихъ указаній болгарской печати, и притомъ предшествовавшихъ событіямъ, свидѣтельствующихъ, что переговоры съ Цанковымъ были ведены Начевичемъ и Грековымъ, по приказанію князя. Поэтому сближеніе князя съ либералами и порученіе составить министерской кабинетъ Цанкову нетрудно было предвидѣть, хотя такой поворотъ политики болгарскаго князя поразилъ своей неожиданностью многихъ у насъ въ Россіи, не исключая людей, считавшихся компетентными въ болгарскихъ дѣлахъ [1]).

Наконецъ, прибыли въ Софію, освѣдомившись о внезапномъ пріѣздѣ князя, сначала Соболевъ, а вслѣдъ за нимъ и Іонинъ. Программа соглашенія между либералами и консерваторами была въ полномъ ходу, предварительныя условія этого соглашенія были уже подписаны Цанковымъ и Начевичемъ 8-го августа и даже напечатаны въ личномъ органѣ генерала Соболева, въ газетѣ «Балканы» отъ 10-го августа.

Такимъ образомъ нашъ министръ, загостившійся въ Россіи, оказался обойденнымъ; ему пришлось встрѣтиться съ новымъ положеніемъ вещей, созданнымъ перемѣной фронта въ политикѣ болгарскаго князя.

Подчиняясь такому обороту политики, генералъ Соболевъ принялся усердно обсуждать условія возстановленія конституціоннаго порядка управленія, низвергнутаго переворотомъ 27-го апрѣля 1881 года, и, уже не стѣсняясь, сталъ вести переговоры по этому предмету съ либералами.

Наши генералы, и въ особенности Соболевъ, были отчасти сконфужены, видя, что инціатива положенія уходитъ изъ ихъ рукъ и что князь, выступивъ на путь рѣшительнаго примиренія съ либералами, очевидно, желаетъ лишить raison d'être возложенную на нихъ миссію. Положеніе нашихъ министровъ было тѣмъ болѣе затруднительно, что князь уклонялся отъ всякихъ личныхъ сношеній съ ними и подъ предлогомъ болѣзни отказывался принимать ихъ.

---

[1]) Напримѣръ, И С. Аксаковъ; см. его передовую статью отъ 1-го ноября 1883 года, изъ которой видно, что извѣстіе о примиреніи князя съ Цанковымъ произвело впечатлѣніе чего-то неожиданнаго, и что это мнѣніе почтеннаго редактора «Руси» раздѣлялъ бесѣдовавшій съ нимъ дипломатъ, хорошо знакомый съ болгарскими дѣлами.

Но престижъ русскаго имени въ Болгаріи былъ еще такъ великъ, что наши министры все еще продолжали пользоваться вѣсомъ и авторитетомъ.

Разойдясь съ княземъ и консерваторами, они, очевидно, должны были сблизиться съ либералами. Князь постарался предупредить ихъ въ этомъ отношеніи, желая всѣми способами дать понять Соболеву и Каульбарсу, что такое соглашеніе можетъ и должно состояться безъ всякаго участія съ ихъ стороны.

Но либералы не вполнѣ довѣряли князю и его приближеннымъ и будучи менѣе злопамятны въ отношеніи нашихъ министровъ, охотно съ ними совѣщались и даже усердно искали расположенія и поддержки русскихъ генераловъ. Тупое и мелкое политиканство консервативныхъ вожаковъ тормозило окончательное соглашеніе между партіями, возбуждая недовѣріе либераловъ, что̀ было весьма благопріятно для нашихъ министровъ, давая имъ снова возможность овладѣть положеніемъ.

Между тѣмъ, дополнительные выборы дали самые блестящіе результаты въ пользу либераловъ, а г. Іонинъ настойчиво просилъ аудіенціи у князя съ цѣлью выяснить положеніе дѣлъ и намѣренія князя.

При этомъ, кажется, г. Іонинъ предъявилъ князю четыре пункта своихъ условій [1]). Черезъ нѣсколько дней, именно 30-го августа, на торжественной аудіенціи, принимая своихъ министровъ, князь сказалъ Соболеву, что существующее между ними различіе во взглядахъ заставляетъ князя просить Соболева подать прошеніе объ отставкѣ. Выразивъ свое сожалѣніе, что не съумѣлъ заслужить довѣріе его свѣтлости, нашъ генералъ объяснилъ въ самой почтительной формѣ, что онъ не можетъ покинуть свой постъ иначе, какъ испросивъ на то разрѣшеніе государя императора.

— Въ такомъ случаѣ вы будете болгарскимъ министромъ, но не моимъ,—отвѣчалъ ему князь и быстро удалился.

Положеніе стало совершенно невозможнымъ, рѣшительное вмѣшательство нашего дипломатическаго агента г. Іонина сдѣлалось необходимымъ. Онъ сейчасъ же потребовалъ аудіенціи у князя и на этотъ разъ въ самой категорической формѣ предъявилъ отъ имени русскаго правительства слѣдующія условія:

1) Переименованіе предстоявшаго народнаго собранія [2]) въ чрезвычайное.

---

[1]) У Драндара переговоры съ княземъ изложены довольно сбивчиво, см. стр. 170, 171 его книги. Изъ болгарскихъ газетъ того времени видно, что г. Іонинъ видѣлся съ княземъ прежде 30-го августа, а, судя по разсказу Драндара, г. Іонинъ въ первое же свиданіе съ княземъ предъявилъ ему свой ультиматумъ, хотя это послѣдовало только 30-го августа. Газеты сообщали, что манифестъ князя, обнародованный отъ 30-го августа, былъ подписанъ имъ 24-го августа.

[2]) Оно было созвано на 2-ое сентября и должно было открыться черезъ нѣсколько дней.

2) Объявленіе манифестомъ, который появится въ оффиціальномъ органѣ (т. е. «Державномъ Вѣстникѣ»), что князь отказывается отъ своихъ полномочій.

3) Назначеніе особой коммиссіи для составленія проекта конституціи.

4) Оставленіе генераловъ Соболева и Каульбарса на занимаемыхъ ими министерскихъ постахъ до разсмотрѣнія и утвержденія великимъ народнымъ собраніемъ предстоящихъ измѣненій въ болгарской конституціи.

Я излагаю ходъ дѣлъ и роль, которую при этомъ игралъ нашъ дипломатическій представитель, въ томъ видѣ, какъ они изложены Драндаромъ (стр. 170). Въ газетѣ «Балканы», органѣ генерала Соболева, обстоятельства изложены нѣсколько иначе. По словамъ этой газеты, на предложеніе князя подать въ отставку самъ Соболевъ отвѣчалъ князю предложеніемъ предварительно подписать нѣкоторыя условія, а именно, во-первыхъ, объ отказѣ князя отъ полномочій, во-вторыхъ, объ изданіи манифеста о созваніи великаго народнаго собранія для пересмотра конституціи.

Дѣло въ томъ, что русскій представитель и министры считали возможнымъ устраненіе Россіи отъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ управленія только подъ условіемъ отказа князя отъ полномочій и притомъ требовали, чтобы пересмотръ конституціи былъ возложенъ на спеціально избранное съ этой цѣлью великое народное собраніе, основываясь на прежде существовавшихъ на этотъ предметъ постановленіяхъ и на систовскомъ манифестѣ князя.

Въ видахъ большей гарантіи серьёзнаго пересмотра конституціи, они требовали, чтобы созванное на 2 сентября, т. е. имѣвшее открыться черезъ нѣсколько дней, собраніе ограничилось исключительно разсмотрѣніемъ двухъ международныхъ конвенцій, заключенныхъ болгарскимъ правительствомъ, а именно желѣзно-дорожнаго соглашенія, выработаннаго вѣнской четверной коммиссіей (comission à quatres), и договора съ Россіей объ уплатѣ окупаціоннаго долга.

Поэтому въ первомъ пунктѣ предложеній г. Іонина и заключалось требованіе о переименованіи очереднаго народнаго собранія въ чрезвычайное, т. е. исключительно призванное для разсмотрѣнія двухъ вышеуказанныхъ конвенцій.

Приближенные князя, т. е. стоиловцы, и онъ самъ желали, чтобы предстоявшее народное собраніе получило болѣе широкое значеніе. Стоиловская партія располагала въ немъ большинствомъ, на которое она не надѣялась при новыхъ болѣе свободныхъ выборахъ, когда русскіе генералы уже не будутъ держать сторону ихъ кандидатовъ.

Объясненіе г. Іонина съ княземъ было очень серьёзное; объ аргументахъ, которыми нашъ представитель подкрѣпилъ свои предложенія, ходили самые разнообразные разсказы.

Самъ князь и его сторонники увѣряли впослѣдствіи, мотивируя этимъ желаніе князя изъять болгарское войско отъ командованія русскихъ генераловъ и офицеровъ, что г. Іонинъ сказалъ во время этого объясненія, что въ крайнемъ случаѣ болгарскому войску будетъ приказано дѣйствовать въ смыслѣ тѣхъ инструкцій, которыя будутъ даны русскимъ правительствомъ. Весьма возможно, что г. Іонинъ нашелся вынужденнымъ прибѣгнуть къ нѣкоторымъ угрозамъ; иностранныя газеты писали, что г. Іонинъ просилъ телеграммой о присылкѣ въ случаѣ надобности даже русскаго войска изъ Одессы.

Князь уступилъ, согласился на предложенія г. Іонина. Въ тотъ же вечеръ 30-го августа въ правительственную типографію «Державнаго Вѣстника» былъ посланъ для напечатанія манифестъ князя, обнародованный на другой день, коимъ возвѣщалось болгарскому народу, что князь, желая блага странѣ, въ видахъ мирнаго и успѣшнаго ея развитія, согласно систовскому манифесту отъ 1 (13) іюля 1881 года, рѣшился немедленно собрать подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ особую коммиссію, изъ наиболѣе уважаемыхъ представителей болгарскаго народа, безъ различія партій.

Эта коммиссія должна изготовить въ самый краткій срокъ проектъ конституціи, который немедленно по изготовленіи его имѣлъ быть переданъ на обсужденіе нарочно созваннаго для сего великаго народнаго собранія.

Въ заключеніе манифеста было сказано, что настоящіе министры сохраняютъ свои портфели, занимаясь исключительно текущими дѣлами и соблюдая строгій нейтралитетъ (?!) до обнародованія конституціи.

Въ этомъ манифестѣ любопытна оговорка о внѣшнихъ сношеніяхъ Болгаріи — забавная инсинуація по адресу воинственныхъ якобы тенденцій министерства Соболева.

Одна болгарская газета довольно остроумно замѣтила, что министерство Соболева, если и имѣло боевой характеръ, то только въ вопросахъ внутренней, а не внѣшней политики.

Между тѣмъ, открылось народное собраніе. Либералы, заручившись княжескимъ манифестомъ, уже менѣе нуждались въ союзѣ съ русскими генералами. Стоиловцы, — самъ онъ уѣхалъ въ Петербургъ со специальными порученіями отъ князя, — видя, что положеніе обезпечено за либералами и будущее принадлежитъ имъ, отказались отъ мысли спустить русскихъ генераловъ вмѣстѣ съ болгарскими либералами и пошли на всѣ условія, предложенныя имъ либералами, отказавшись отъ долго ласкавшей ихъ мысли провести этихъ послѣднихъ одними обѣщаніями. Поэтому либералы перемѣнили политику, они менѣе охотно стали навѣдываться къ нашимъ министрамъ и сдѣлались менѣе откровенны въ своихъ съ ними бесѣдахъ и совѣщаніяхъ. Начались ежедневныя сходки съ консерваторами у митрополита Климента и Грекова, который слезно

просилъ Цанкова забыть всѣ недоразумѣнія прошлаго. Результаты этихъ совѣщаній, особенно происходившихъ у Грекова, остались совершенно неизвѣстны русскимъ министрамъ. Цанковъ, видя, что дни ихъ пребыванія въ Болгаріи сочтены, и главное желая пріобрѣсти расположеніе князя, который усердно заискивалъ личнаго сближенія съ Цанковымъ, увѣряя его въ своей неизмѣнной дружбѣ въ будущемъ, рѣшился на нѣкоторый подвохъ противъ русскихъ министровъ, которымъ онъ былъ обязанъ многимъ.

Такимъ образомъ былъ подготовленъ для русскихъ представителей новый сюрпризъ, а для генераловъ Соболева и Каульбарса уже послѣдній. Въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь князя, собраніе, въ лицѣ избранныхъ имъ депутатовъ (въ равномъ числѣ отъ консерваторовъ и либераловъ), заявило единодушную просьбу собранія, безъ различія партій, объ объявленіи манифестомъ о возстановленіи тырновской конституціи, съ указаніемъ тѣхъ пунктовъ въ ней, которые желательно измѣнить путемъ соглашенія съ народными представителями.

Такой манифестъ сейчасъ же, именно 7 сентября, и былъ обнародованъ княземъ, объявившимъ о возстановленіи дѣйствій тырновской конституціи, обращеніи настоящаго спеціальнаго народнаго собранія въ обыкновенное законодательное, которое при этомъ и приглашалось обсудить измѣненіе нѣкоторыхъ статей тырновской конституціи (гл. XIII и XIV, объ условіяхъ народнаго представительства).

Все это было совершеннымъ сюрпризомъ для г. Іонина и для нашихъ генераловъ, которые были обойдены еще разъ и сейчасъ же подали прошенія объ отставкѣ, которыя и были немедленно приняты; ихъ примѣру послѣдовали и болгарскіе министры, за исключеніемъ министра юстиціи Стоилова, назначеннаго на мѣсто Теохарова лично самимъ княземъ въ отсутствіе Соболева.

Драгану Цанкову было поручено составленіе новаго министерскаго кабинета, который имъ и былъ немедленно организованъ изъ Балабанова, Начевича, Стоилова и Икономова.

Др. Цанковъ впослѣдствіи многократно раскаявался въ такомъ поступкѣ, лишившемъ его еще разъ довѣрія русскаго правительства. Ему, конечно, не было надобности спѣшить вступленіемъ въ управленіе, которое ему неизбѣжно предстояло. Онъ рѣшился на эту сдѣлку, прежде всего уступая просьбамъ князя, личнымъ сближеніемъ съ которымъ дорожилъ, а, во-вторыхъ, ради удовлетворенія самолюбія, т. е. чтобы прямо возстановить ту самую тырновскую конституцію, изъ-за преданности которой онъ потерпѣлъ немало гоненій.

Его отношенія къ русскимъ представителямъ такимъ образомъ порвались, и онъ противъ желанія, теченіемъ обстоятельствъ, вынужденъ былъ явиться солидарнымъ съ цѣлымъ рядомъ задорныхъ

постановленій и распоряженій, которыми собраніе и его товарищи, по министерству, изъ Стоиловской партіи вели княжество къ рѣшительнόму разрыву съ Россіей.

Вдохновителемъ этой направленной противъ Россіи политики явился Стоиловъ, крайне огорченный дурнымъ пріемомъ, оказаннымъ ему въ Петербургѣ, гдѣ онъ вовсе не былъ принятъ въ оффиціальныхъ сферахъ [1]).

Генералы Соболевъ и Каульбарсъ уѣхали изъ Болгаріи; крайняя либеральная партія, главой которой былъ софійскій голова Сукнаровъ, осуждавшая сдѣлку Цанкова съ консерваторами, провожала ихъ съ шумными заявленіями сочувствія.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, наши генералы, представивъ докладъ о послѣднихъ событіяхъ въ Болгаріи, отозвались неодобрительно о нѣкоторыхъ русскихъ офицерахъ, состоявшихъ на службѣ въ Болгаріи, именно штабсъ-капитанѣ Ползиковѣ и начальникѣ артиллеріи генералѣ Лесовомъ, которые, желая услужить князю, не исполняли своихъ обязанностей въ отношеніи къ Россіи и нарушили правила дисциплины и тѣ требованія долга службы, которыя на нихъ лежали въ отношеніи къ русскому военному министру Болгаріи.

Они оба, т. е. Ползиковъ и Лесовой, были немедленно отозваны въ Россію телеграммами на имя полковника Ридигера, временно исполнявшаго обязанность военнаго министра Болгаріи, безъ предварительнаго извѣщенія о томъ князя.

Князя это вывело изъ себя, тѣмъ болѣе, что Ползиковъ былъ его личный адъютантъ и любимецъ, и состоялъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, пользуясь его интимностью наравнѣ съ Стоиловымъ.

Князь немедленно уволилъ всѣхъ русскихъ, состоявшихъ въ его свитѣ, подполковника Мосолова и капитанъ Кубе и даже доктора Гримма. Сейчасъ же были посланы телеграммы объ отозваніи въ княжество 35-ти болгарскихъ офицеровъ, обучавшихся военной службѣ въ Россіи. Пригласивъ къ себѣ полковника Ридигера, князь излилъ на него все свое негодованіе и потребовалъ отъ него отставки.

Князь вмѣстѣ съ тѣмъ поднялъ вопросъ о совершенномъ удаленіи изъ Болгаріи всѣхъ русскихъ офицеровъ. Стоиловъ и его пріятели ликовали и заявляли во всеуслышаніе, что болгары болѣе не нуждаются въ русскихъ офицерахъ. Державный совѣтъ Болгарскаго княжества высказался въ этомъ же смыслѣ, хотя онъ, собственно

[1]) Стоиловъ при этомъ сначала имѣлъ неосторожность разсказывать о переговорахъ своихъ съ нашимъ государемъ и русскими министрами, вслѣдствіе чего въ «Journal de S.-Petersbourg» явилась оффиціальная замѣтка, заявлявшая, что Стоиловъ не только не былъ представленъ государю, но и не видался съ министромъ Гирсомъ; поэтому всѣ извѣстія о его сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ не что иное какъ его личная выдумка.

говоря, не имѣлъ уже права голоса, въ виду возстановленія тырновской конституціи, и подлежалъ немедленному упраздненію. Европейская печать огласилась выраженіями восторга въ виду такой самостоятельной политики князя Александра и заявленіями о необходимости изъять Болгарское княжество изъ русской опеки. Графъ Кальноки довольно неожиданно, въ отвѣтѣ своемъ венгерской делегаціи, произнесъ нѣсколько двусмысленную рѣчь объ отношеніяхъ между Россіей и Австріей на востокѣ, правда, со многими оговорками по адресу оффиціальной политики русскаго кабинета. Отношенія Россіи къ Болгаріи принимали крайне натянутый характеръ. Цанковъ, сильно встревоженный такимъ оборотомъ дѣлъ, опасаясь русской окупаціи, которая была бы встрѣчена значительнымъ большинствомъ болгарскаго народа сочувственно,— на эту перспективу указалъ, между прочимъ, и нашъ дипломатическій представитель въ Софіи, — убѣдилъ князя уладить это дѣло.

Въ Россію былъ немедленно посланъ г. Балабановъ, наименѣе скомпрометированный членъ министерства въ глазахъ русскаго правительства. Маркъ Балабановъ встрѣченъ былъ довольно благосклонно въ Петербургѣ, условившись съ нашимъ министерствомъ о заключеніи военной конвенціи, имѣвшей задачей опредѣлить служебное положеніе русскихъ офицеровъ въ Болгаріи [1]).

Для заключенія этой конвенціи былъ командированъ русскимъ правительствомъ въ Софію, военный агентъ въ Вѣнѣ, флигель-адъютантъ баронъ Каульбарсъ (братъ бывшаго министра), который въ ноябрѣ того же года и подписалъ съ Драганомъ Цанковымъ военную конвенцію. Эта конвенція, которая была одобрена княземъ и русскимъ правительствомъ, ограничила трехгодичнымъ срокомъ дальнѣйшее пребываніе русскихъ офицеровъ на болгарской службѣ, предписала имъ исключительно заниматься дѣлами военной службы, воспрещая имъ всякое участіе въ дѣлахъ политическихъ. Кромѣ того, конвенція опредѣлила положеніе военнаго министра изъ русскихъ, назначаемаго государемъ, по соглашенію съ княземъ, съ указаніемъ, что этотъ министръ въ извѣстныхъ случаяхъ долженъ подчиняться дѣйствующимъ въ Болгаріи законамъ.

Такимъ образомъ министерство Цанкова уладило этотъ щекотливый вопросъ къ немалому удовольствію князя, который увидѣлъ очень скоро, что слишкомъ увлекся и зашелъ далѣе, чѣмъ слѣдовало, въ своихъ отношеніяхъ къ Россіи. Европейскія державы, т. е. Австрія и Германія, на содѣйствіе которыхъ болгарскій князь разсчитывалъ, не пожелали тогда раздувать болгарскій вопросъ, не довѣряя прочности положенія самого князя. Болгарское войско было

[1]) Мною уже было указано, какъ объяснялъ Балабановъ впослѣдствіи европейскимъ публицистамъ значеніе своей миссіи въ Петербургъ.

въ рукахъ нашихъ офицеровъ, и Россія однимъ почеркомъ пера могла выкинуть изъ Болгаріи безпокойнаго князя, удаленіе котораго болгарскій народъ встрѣтилъ бы тогда съ восторгомъ.

Въ Вѣнѣ и Берлинѣ, въ виду общаго политическаго положенія дѣлъ въ Европѣ и настроенія умовъ въ Болгаріи, опасались переполнить мѣру долготерпѣнія Россіи. Колоніальная политика Германіи, которой былъ тогда занятъ Бисмаркъ, предвѣщала возможность столкновеній съ Англіей,—это было какъ разъ наканунѣ извѣстныхъ недоразумѣній между Англіей и Германіей,—Германія подготовляла рядъ пораженій Гладстону по колоніальному вопросу. Въ Вѣнѣ были встревожены оборотомъ дѣлъ въ Сербіи. Австрійская оффиціозная печать принялась усердно толковать вышеуказанную рѣчь Кальноки въ самомъ благопріятномъ для Россіи смыслѣ, признавая законность русскаго вліянія въ Болгаріи, подъ условіемъ извѣстныхъ гарантій для Австріи (оставьте насъ хозяйничать въ западной половинѣ полуострова и не мѣшайте нашимъ торгово-политическимъ интересамъ въ желѣзно-дорожномъ вопросѣ). «Neue Freie Presse» пошла даже далѣе, и въ статьѣ, которой другія газеты приписывали оффиціозное значеніе, выразилась о князѣ болгарскомъ такъ: «Участь принца Батенберга зависитъ отъ его собственнаго поведенія: не удастся ему отстоять свой престолъ, вслѣдствіе сопротивленія Россіи, ему также спокойно позволятъ уйдти, какъ позволили надѣть болгарскую корону».

Австрія была сильно встревожена результатомъ выборовъ въ Сербіи и усиленіемъ опозиціи противъ преданнаго ей министерства и короля Милана; она боялась, что Россія отплатитъ ей за двусмысленныя отношенія къ болгарскому князю вмѣшательствомъ въ сербскія дѣла.

Покончивъ съ военнымъ вопросомъ, министерство Цанкова-Балабанова, въ виду интригъ противъ него членовъ кабинета изъ Стоиловскаго кружка, поспѣшило отдѣлаться отъ Начевича и Стоилова. Начевичъ получилъ назначеніе представителя Болгарскаго княжества въ Букарештѣ, Грековъ и Стоиловъ рѣшились заняться адвокатурой, а Хадженовъ, впрочемъ, давно уже вернувшій свои затраты на служеніе консервативнымъ идеямъ кружка, пустился еще разъ на самыя отчаянныя средства, чтобы добиться благоволенія Цанкова: онъ даже отказался печатать на свои средства «Болгарскій Гласъ», который прекратилъ вмѣстѣ съ тѣмъ свою игру въ опозицію либераламъ. Но все было напрасно, и Хадженовъ долженъ былъ стушеваться.

Князь желалъ на нѣкоторое время отдыха и оставилъ значительную свободу дѣйствія Цанкову, выжидая болѣе благопріятнаго стеченія обстоятельствъ, чтобы пуститься снова въ политику интригъ и приключеній.

Министерству Цанкова поэтому пришлось бороться противъ партіи Сукнарова и Каравелова, который вернулся въ Болгарское княжество, вслѣдъ за возстановленіемъ тырновской конституціи.

Сближеніе Цанкова со Стоиловымъ сильно повредило ему въ глазахъ болгарскихъ радикаловъ.

При послѣдовавшихъ выборахъ Цанкову пришлось видѣть торжество Каравеловской партіи, и когда въ іюнѣ 1884 года собралось народное собраніе въ Тырновѣ, значительное большинство было на сторонѣ Каравелова. Предсѣдателемъ собранія былъ избранъ Стамбуловъ, пріятель Каравелова.

Министерство Цанкова, вызвавшее притомъ довольно безтолковое столкновеніе съ Сербіей изъ-за такъ называемаго Бреговскаго дѣла, еще болѣе раздутаго Каравеловымъ, подало въ отставку.

Его замѣнило Каравеловское министерство, которое, видя, что ему трудно держаться у власти безъ какихъ нибудь новыхъ эфектовъ въ духѣ популярныхъ національныхъ идей, дѣятельно вело пропаганду въ Румеліи и Македоніи.

Цанковъ сталъ издавать опозиціонную газету «Срѣдецъ» (Софія), которая подвергалась весьма нелиберальнымъ преслѣдованіямъ Каравелова.

Между тѣмъ, князь вошелъ въ тѣсныя отношенія съ Англіей. Женитьба его брата, принца Генриха Батенберга на принцессѣ Беатрисѣ, любимой дочери королевы Викторіи, обезпечила ему поддержку Англіи. Министерство Салисбери, желая отвлечь вниманіе Россіи отъ Афганистана, обѣщало дѣятельную помощь—дипломатическую и финансовую.

При совокупности всѣхъ этихъ условій, князь Александръ старался тѣснѣе сблизиться съ Каравеловымъ, и они вмѣстѣ затѣяли румелійскій переворотъ; положеніе дѣлъ въ Восточной Румеліи благопріятствовало такой политикѣ.

Все изложенное въ этомъ историческомъ очеркѣ приводитъ къ заключенію, что болгарскій вопросъ не перестанетъ волновать Европу и Россію, мѣшая мирному развитію Болгаріи, пока такой безпокойный и предпріимчивый искатель приключеній, какъ князь Александръ, будетъ занимать престолъ Болгаріи.

П. А. Матвѣевъ.

ІЕЗУИТЪ ГАГАРИНЪ ВЪ ДѢЛѢ ПУШКИНА.

Въ ВОСПОМИНАНІЯХЪ графа Соллогуба, печатаемыхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», дѣло о «дипломѣ», оскорбившемъ Пушкина и бывшемъ причиною роковой дуэли его съ Дантесомъ, доведено въ послѣдній разъ до того, что снова воскресаетъ надежда узнать по почерку, кто именно написалъ этотъ «дипломъ».

Графъ Соллогубъ, между прочимъ, пишетъ со словъ Дантеса слѣдующее:

«Документы, поясняющіе смерть Пушкина, цѣлы и находятся въ Парижѣ. Въ ихъ числѣ долженъ быть дипломъ, написанный поддѣльной рукою. Стоитъ только экспертамъ изслѣдовать почеркъ, и имя настоящаго убійцы Пушкина сдѣлается извѣстнымъ на вѣчное презрѣніе всему русскому народу. Это имя вертится у меня на языкѣ, но пусть его отыщетъ и назоветъ не недостовѣрная догадка, а Божіе правосудіе!»

Пока выраженная графомъ Соллогубомъ надежда «изслѣдовать» роковой документъ осуществится, можетъ пройдти еще много времени, а до тѣхъ поръ имя, которое вертѣлось у Соллогуба на языкѣ, опять завертѣлось и, конечно, еще долго повертится у многихъ. Притомъ теперь называютъ, и возможно, что и впередъ долго еще станутъ называть, совсѣмъ не то имя, которое вертѣлось на языкѣ графа Соллогуба. Возможно, что попадутъ на какую нибудь одну изъ тѣхъ старыхъ догадокъ, которая была гласнѣе прочихъ, и увидятъ новое основаніе безъ колебанія въ ней утверждаться. Словомъ, опять возможны напраслины.

Въ виду этого я нахожу теперь временнымъ и умѣстнымъ сдѣлать небольшое сообщеніе, идущее къ настоящему дѣлу. Къ этому меня нѣкоторымъ образомъ даже обязываетъ совѣсть.

Когда я ѣхалъ въ послѣдній разъ въ Парижъ, я заѣхалъ въ Москву проститься съ покойнымъ Иваномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ. Я провелъ у него на дачѣ цѣлый день, и послѣ обѣда мы съ нимъ вдвоемъ ходили въ рощу. И здѣсь Аксаковъ сказалъ мнѣ, что я сдѣлалъ бы ему удовольствіе, если бы побывалъ въ Парижѣ у іезуита князя Гагарина и написалъ бы потомъ, какъ я найду его. При этомъ покойный Аксаковъ говорилъ о Гагаринѣ сочувственно, какъ о человѣкѣ пріятномъ, котораго ему «очень жалко», по многимъ причинамъ, и, между прочимъ, потому, что брошенныя на него подозрѣнія оказываются гораздо сильнѣе и будутъ живучѣе его опроверженій.

— А я ему вѣрю,—заключилъ Аксаковъ.

Я сходилъ въ Парижѣ въ іезуитскій монастырь и тамъ впервые познакомился съ отцомъ Гагаринымъ. Это былъ пріятный старикъ, который принялъ меня очень тепло и познакомилъ меня съ отцомъ Мартыновымъ.

Послѣ перваго знакомства мы стали часто видѣться съ отцомъ Гагаринымъ, и я нашелъ себѣ у него, кажется, искреннее, доброе расположеніе. Онъ заходилъ ко мнѣ запросто, и мы, что называется, сошлись и находили удовольствіе во взаимныхъ встрѣчахъ и бесѣдахъ.

Вопроса о несчастныхъ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ смерти Пушкина, я никогда не касался, но Гагаринъ два раза заговаривалъ объ этомъ самъ и говорилъ много, памятно, и оба раза въ сильномъ душевномъ волненіи, котораго я забыть не могу, и которое, мнѣ казалось, выходило у него изъ глубины разстроенной души и отъ искренняго сердца.

Отмѣчу оба эти памятные мнѣ случая.

Разъ князь И. С. Гагаринъ неожиданно зашелъ ко мнѣ въ первомъ часу очень погожаго, прекраснаго дня. Онъ былъ, повидимому, въ самомъ пріятномъ расположеніи духа и весело приглашалъ меня поѣхать съ нимъ посмотрѣть парижскій іезуитскій «Коллежъ». Я охотно на это согласился и сталъ приводить въ порядокъ свой туалетъ. Для этого я удалился за «родо», раздѣлявшее надвое мою комнату, а его оставилъ по ту сторону занавѣски, но во все слѣдующее за симъ время мы продолжали говорить черезъ занавѣску.

Не могу теперь точно вспомнить, что̀ именно навело насъ на разговоръ о русскихъ великосвѣтскихъ характерахъ, о зложелательствѣ, злорадствѣ и легкомысліи, которыя царятъ и преобладаютъ тамъ, по замѣчанію Пушкина. При семъ я именно былъ виноватъ въ томъ, что вспомнилъ это замѣчаніе и я назвалъ имя поэта.

Обстоятельство это оказало неожиданное дѣйствіе. Гагаринъ вдругъ измѣнился въ голосѣ и заговорилъ взволнованнымъ тономъ, съ придыханіемъ и скороговоркою, шепелявя чрезъ выпавшіе зубы.

— Да онъ... чего не могъ уловить и характеризовать онъ!.. И его собственная судьба, и эта адская «роковая исторія», въ которой мнѣ приписывается Богъ знаетъ какая роль... Опровергай, пиши, что хочешь... Всѣ прочтутъ опроверженія, а клевета носится, и ей вѣрятъ... О, какъ мучительна, какъ несносна клевета!.. Вы понимаете, я старикъ, жизнь прожита, мнѣ остается уже немного до могилы; я вѣрю въ загробную жизнь и мнѣ не зачѣмъ лгать здѣсь съ глаза на глазъ съ вами; но я не въ силахъ молчать, потому что я оклеветанъ... Оклеветанъ, можетъ быть, легкомысленно, но ужасно... Я не дѣлалъ приписываемой мнѣ выходки съ дипломомъ, и не знаю, кто это устроилъ... Это будетъ извѣстно, будетъ... будетъ... будетъ... И изъ всѣхъ живущихъ это всѣхъ важнѣе для меня, но я не доживу, когда это будетъ, будетъ... будетъ...

Я поспѣшилъ выйдти изъ-за своей занавѣски и подалъ ему стаканъ воды.

Очень полный и грузный старикъ былъ очень красенъ и сидѣлъ, сильно наклонясь направо и въ волненіи ударяя ладонью правой руки о диванъ, а лѣвую держа у сердца.

— Благодарю, — сказалъ онъ, принявъ у меня стаканъ, и, сдѣлавъ нѣсколько глотковъ, съ усиленною шутливостію добавилъ: — эта чаша воды вамъ вспомится... Вы подали ее мнѣ во время, — въ такую минуту, когда я разстрадался. Перестанемъ говорить и ѣдемъ скорѣе, — насъ ждутъ. А то я не могу теперь молчать, и вамъ придется меня слушать и еще освѣжать водою.

Мы поѣхали вдвоемъ въ фіакрѣ, но Гагаринъ сразу же, какъ только тронулся экипажъ, опять началъ говорить о томъ же самомъ. Неумолчный шумъ парижскихъ улицъ, которыми мы проѣзжали, и трескъ колесъ и ресоръ нашего собственнаго фіакра при нервности голоса и торопливости не совсѣмъ внятнаго старческаго произношенія рѣшительно не дозволяли мнѣ вслушаться въ этотъ разговоръ и его для себя осмыслить. Но тема его была все та же, т. е. клевета и напраслина, и старикъ, спѣша высказать все, что ему хотѣлось, такъ волновался, что у него сверхъ ожиданія начались истерическія всхлипыванія. Я находился въ замѣшательствѣ и, остановивъ коше, вбѣжалъ въ первую лавочку, взялъ тамъ сифонъ содовой воды и подалъ налитую кружку патеру, прося поскорѣе освѣжиться и оставить тяготившія и волновавшія его воспоминанія до другаго случая.

— Благодарю. Вы правы, — сказалъ онъ: — это дѣйствительно слишкомъ тяжело... и будетъ очень смѣшно и неумѣстно, если я пріѣду съ вами заплаканный?

Тогда я замѣтилъ, что Гагаринъ въ самомъ дѣлѣ плакалъ слезами...

Мы велѣли коше ѣхать тише, и еще разъ по дорогѣ остановились, уже по требованію самого Гагарина, который въ этотъ разъ самъ вошолъ въ лавочку и опять пилъ содовую воду.

Въ коллегіумѣ онъ былъ тихъ, задумчивъ и молчаливъ. Онъ почти ничего не говорилъ, былъ разсѣянъ и какъ будто здѣсь не присутствовалъ. Все что мнѣ тутъ было показано — это сдѣлано было не имъ, а другимъ лицомъ.

На обратномъ пути Гагаринъ совсѣмъ молчалъ, но, прощаясь со мною у воротъ, или, лучше сказать, подъ воротами монастыря, онъ сказалъ мнѣ:

— Вы знаете тутъ (т. е. въ Парижѣ) есть еще какая русская рѣдкость? Тутъ есть два кнута, которыми били русскіе палачи. Кнуты эти привезъ сюда сынъ французскаго маршала Даву, князь Экмюльскій. Онъ купилъ ихъ тайно черезъ своего агента у палача въ Москвѣ[1]). За это тогда многимъ жестоко досталось отъ царя Николая. Ну, а кнуты-то, всетаки, здѣсь. Въ Россіи ихъ теперь, говорятъ, уже нельзя посмотрѣть, а здѣсь можно.

Я не совсѣмъ понималъ, почему ему теперь пришли на мысль эти кнуты. А онъ, понизивъ на прощаньѣ тонъ, добавилъ:

— Есть тутъ кнуты и на того, кто заслужилъ ихъ удара, который палъ на меня... Да, повѣрьте мнѣ—настоящаго виновнаго въ томъ дѣлѣ обнаружитъ Парижъ!

Не слѣдуетъ ли думать, что Гагаринъ зналъ о запечатанныхъ бумагахъ, данныхъ отъ императора Николая Павловича Дантесу, и что въ этихъ словахъ, можетъ статься, имъ былъ сдѣланъ намекъ именно на эти бумаги? Ихъ онъ очень могъ приравнивать къ палачевскимъ кнутьямъ, вывезеннымъ изъ Москвы сыномъ Даву, и если это такъ, то очевидно, что Гагаринъ былъ твердо увѣренъ, что этотъ кнутъ, когда его вынутъ, хватитъ не по немъ, а придется на чью-то постороннюю спину.

Съ описаннаго случая Гагаринъ сталъ посѣщать меня рѣже и вскорѣ прислалъ мнѣ письмо, съ увѣдомленіемъ, что онъ боленъ и уѣзжаетъ на воды въ Виши.

Передъ отъѣздомъ онъ пришелъ ко мнѣ проститься и былъ грустенъ и спокоенъ. О Пушкинѣ и о русскомъ великосвѣтскомъ обществѣ не говорилъ, но, прощаясь и стоя передо мною уже въ своей длинной патерской шляпѣ, онъ снова на мгновеніе взволновался, взялъ меня за обѣ руки, сжалъ ихъ, и опять со слезами на глазахъ произнесъ:

— Тяжело!

Это было послѣднее слово, которое я отъ него слышалъ, и не сомнѣваюсь, что «тяжело» относилось не къ его болѣзненному со-

[1]) Такой случай дѣйствительно былъ. Онъ имѣлъ мѣсто въ Москвѣ, и о немъ былъ всеподданнѣйшій докладъ, по которому, въ 1832 году, послѣдовало Высочайшее повелѣніе: «впередъ ни кнутовъ, ни заплечнаго мастера никому не показывать». (См. «Рус. Арх.», 1867 г.). Н. Л.

стоянію и не къ чему нибудь иному, а прямо къ тому изъ его воспоминаній о Пушкинѣ, которыя я неумышленно, хотя и неосторожно, вызвалъ и довелъ его тѣмъ до какого-то женскаго, истерическаго экстаза.

Я тогда же, на гулянкахъ, подробно описалъ Ивану Сергѣевичу Аксакову нашу встрѣчу и кратковременное сближеніе съ Гагаринымъ и многіе наши разговоры. Въ бумагахъ покойнаго Аксакова, можетъ быть, сохранились мои письма. У меня же въ числѣ писемъ Аксакова цѣлъ его отвѣтъ, полученный изъ Москвы въ Маріенбадѣ. Покойный Аксаковъ отвѣчалъ мнѣ: «Вы поставили его (т. е. Гагарина) передо мною живаго во весь ростъ и полноту. Я его словно вижу и слышу, и раздѣляю ваши къ нему чувства, и самъ его сожалѣю и словамъ его вѣрю».

Черезъ годъ съ чѣмъ нибудь послѣ этого о. Гагаринъ скончался. Онъ не былъ человѣкъ хитрый и совсѣмъ не отвѣчалъ общепринятому вульгарному представленію объ іезуитахъ. Въ Гагаринѣ до конца жизни неизгладимо сохранялось много русскаго простодушія и барственности, соединенной съ тою особою «кадетскою» легкомысленностію, которую часто можно замѣчать во многихъ русскихъ великосвѣтскихъ людяхъ, не разстающихся съ нею даже на значительныхъ высотахъ занимаемаго ими отвѣтственнаго положенія. И. С. Гагаринъ былъ положительно добръ, очень воспріимчивъ и чувствителенъ. Онъ былъ хорошо образованъ и имѣлъ нѣжное сердце. Какою дозою вѣтренности и неосторожной кадетской шутливости онъ былъ одержимъ въ молодости,—я не знаю. Знать это, можетъ быть, было бы интересно. Но онъ не былъ ни хитрецъ, ни человѣкъ скрытный и выдержанный, что̀ можно было заключить по тому, какъ относились къ нему нѣкоторые изъ лицъ его братства, въ которомъ онъ, по чьему-то удачному выраженію, «не состоялъ іезуитомъ, а при нихъ содержался».

Изъ встрѣчъ и бесѣдъ съ нимъ у меня сложилось такое убѣжденіе: 1) что дѣло смерти Пушкина тяготило и мучило Гагарина ужасно; 2) что онъ почиталъ себя жестоко оклеветаннымъ; 3) что опроверженій своихъ онъ не почиталъ достаточно сильными для ниспроверженія всей этой клеветы и 4) что онъ былъ убѣжденъ въ существованіи болѣе сильнаго и неопровержимаго доказательства его правоты, каковое доказательство и есть во Франціи.

Послѣднее, можетъ быть, и есть то самое, о чемъ теперь напечатано въ запискахъ Сологуба, и если это — то, такъ оно, вѣроятно, не отягчитъ, а, напротивъ, облегчитъ память Гагарина...

Во всякомъ разѣ характеръ и судьба покойнаго И. С. Гагарина чрезвычайно драматичны, и всякій честный человѣкъ долженъ быть крайне остороженъ въ своихъ о немъ догадкахъ. Этого требуютъ и справедливость, и милосердіе.

Н. Лѣсковъ.

ВЗГЛЯДЪ ОЧЕВИДЦА НА ГРЕКО-БОЛГАРСКУЮ РАСПРЮ.

Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за настоящій годъ напечатано было свѣдѣніе объ аудіенціи, данной покойнымъ государемъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ архимандриту Петру (Троицкому), при назначеніи его настоятелемъ русской посольской церкви въ Константинополѣ, 8-го іюня 1858 года. На этой аудіенціи, какъ извѣстно изъ упомянутаго сообщенія, государь императоръ особенно настаивалъ на поддержаніи единства восточной православной церкви, обуревавшейся внутренними раздорами между греками и болгарами и подвергавшейся нападеніямъ католической пропаганды, и далъ архимандриту Петру значительныя полномочія для дѣйствованія въ указанномъ направленіи. Какъ же воспользовался архимандритъ Петръ данными ему полномочіями къ прекращенію вражды и столкновеній между греками и болгарами? Отвѣтомъ на это могутъ служить черновыя бумаги архимандрита Петра, относящіяся ко времени пребыванія его въ Константинополѣ, съ 26-го августа 1859 года до 24-го августа 1860 года, которыя недавно сообщены намъ и переданы въ наше распоряженіе племянникомъ покойнаго архимандрита Петра, непремѣннымъ членомъ кіевскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, Ѳ. А. Троицкимъ. Изъ нихъ видно, что архимандритъ Петръ, по мѣрѣ разумѣнія и силъ своихъ, прилагалъ всѣ старанія къ тому, чтобы исполнить священную для него волю государя императора, но, стоя на церковно-канонической точкѣ зрѣнія, склонялся своими симпатіями на сторону греческой іерархіи въ борьбѣ ея съ притязаніями болгаръ, тогда какъ посланникъ и другіе свѣт-

скіе члены русскаго посольства или миссіи въ Константинополѣ, наоборотъ, держали сторону болгаръ и покровительствовали имъ въ борьбѣ ихъ съ греческою іерархіей. Ближайшимъ послѣдствіемъ разности въ воззрѣніяхъ духовныхъ и свѣтскихъ членовъ русской константинопольской миссіи на греко-болгарскую распрю и ея главныхъ факторовъ было высочайшее повелѣніе «перемѣнить архимандрита, по политическимъ причинамъ», послѣдовавшее въ 1860 году, въ силу котораго архимандритъ Петръ перемѣщенъ былъ въ Аѳины, а на его мѣсто назначенъ архимандритъ Антонинъ, нынѣшній настоятель русской миссіи въ Іерусалимѣ. Но различіе точекъ зрѣнія на греко-болгарскую распрю, тѣмъ не менѣе, продолжалось и впослѣдствіи, и особенно выразилось въ нашей литературѣ по греко-болгарскому вопросу въ сочиненіяхъ Т. И. Филиппова («Вселенскій патріархъ Григорій VI и греко-болгарская распря», С.-Петербургъ, 1870 г.) и В. А. Теплова («Греко-болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ», въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1882 годъ и особой книгой), изъ коихъ первый стоитъ на сторонѣ грековъ, а второй—на сторонѣ болгаръ. Поэтому взгляды архимандрита Петра на греко-болгарскую распрю для насъ представляются не личными только его воззрѣніями, но и выраженіемъ цѣлаго, опредѣленнаго направленія. Притомъ же, они имѣютъ ту особенную важность, что относятся къ одному изъ интереснѣйшихъ періодовъ въ исторіи греко-болгарской распри и основаны на фактахъ, совершившихся предъ глазами архимандрита Петра или лично имъ провѣренныхъ. Поэтому мы считаемъ далеко не излишнимъ познакомить своихъ читателей съ главными, существенными воззрѣніями архимандрита Петра на греко-болгарскую распрю, на сколько они выразились въ дошедшихъ до насъ бумагахъ его, опуская подробности, извѣстныя изъ другихъ сочиненій по этому предмету.

Для характеристики взглядовъ архимандрита Петра на греко-болгарскую распрю, особенное значеніе имѣютъ три его бумаги: 1) письмо къ оберъ-прокурору св. синода, графу А. П. Толстому, отъ 8-го ноября 1858 года; 2) письмо къ тому же лицу, писанное въ іюнѣ 1859 года, и 3) записка, писанная уже въ Аѳинахъ 15-го октября 1860 года для своего собственнаго утѣшенія. На этихъ только бумагахъ мы и остановимся, опуская изъ нихъ все, не относящееся къ данному предмету.

I.

Архимандритъ Петръ назначенъ былъ въ настоятели русской посольской церкви въ Константинополѣ въ самую горячую пору столкновеній взаимныхъ интересовъ грековъ и болгаръ. Извѣстно,

что послѣ Севастопольской войны 1853—1855 годовъ султанъ, по настоянію западныхъ союзниковъ своихъ, издалъ 6-го февраля 1856 года гатти-гумаюнъ, обѣщавшій дарованіе нѣкоторыхъ правъ всѣмъ своимъ подданнымъ, безъ различія національностей. Во исполненіе этого гатти-гумаюна, въ 1858 году созывался въ Константинополѣ церковно-народный совѣтъ или церковно-народное собраніе, для устроенія дѣлъ греческой церкви, къ которой принадлежали и болгары. Но послѣдніе, опираясь на обѣщанія гатти-гумаюна, хотѣли добиться признанія Портою особой болгарской національности и особыхъ правъ для нея и требовали себѣ свободы славянскаго языка при богослуженіи, права заводить вездѣ болгарскія училища и имѣть своихъ священниковъ и болгарскую іерархію, на чтò не соглашались греки. Въ этой международной тяжбѣ болгаръ съ греками архимандритъ Петръ, съ перваго же разу и еще не выѣзжая изъ Россіи, сталъ на сторону грековъ и старался представить притязанія болгаръ неосновательными и даже опасными для блага церкви вселенской. Вотъ что писалъ онъ 8-го ноября 1858 года, когда уже открылись занятія церковно-народнаго собранія, оберъ-прокурору св. синода, графу А. П. Толстому:

«По дорогѣ изъ С.-Петербурга въ Одессу узналъ я, что въ Москвѣ общество славянофиловъ до неразумія сочувствуетъ дѣлу славянъ вообще и болгарамъ въ особенности. Оно въ своихъ сужденіяхъ и планахъ основывается только на требующихъ подтвержденія словахъ сомнительныхъ эмиссаровъ. Въ Одессѣ, сверхъ моего ожиданія, мнѣ открыто многое, чего бы я знать и не хотѣлъ. Мнѣ сказано, что болгары горько жалуются на русскихъ за то, что они умѣютъ возбуждать самыя радостныя надежды, но никогда не помогаютъ осуществленію ихъ; такъ было во всѣ войны съ Турціей. Но за скорбь объ этомъ они утѣшались самыми лестными надеждами видѣть у себя свой патріархатъ и свою собственную іерархію. Усердно изготовлялась исторія Болгаріи и, по соображеніямъ, годъ окончанія ея совпадалъ съ годомъ патріаршества болгарскаго, именно 1863-мъ. Такъ планировали люди, но иначе устроилъ Господь: виновника столь блестящей будущности Болгаріи, по судьбамъ Божіимъ, нѣтъ въ живыхъ [1]), но замыслы его переданы многимъ и живутъ въ ихъ воображеніи. Нынѣшней зимой его сіятельство графъ Строгановъ обѣщался быть въ С.-Петербургѣ. Если угодно будетъ вашему сіятельству узнать что либо по дѣлу болгаръ отъ генералъ-губернатора новороссійскаго, я увѣренъ, что его сіятельство яснѣе откроетъ предъ вами, сіятельнѣйшій графъ, кто дѣятельно споспѣшествовалъ своемыслію болгаръ и раздражалъ уже и безъ того напряженную ихъ мысль.

«Слыша подобныя извѣстія, думалъ я, что это все только об-

[1]) Вѣроятно, здѣсь разумѣется извѣстный болгарскій ученый Палаузовъ.

становка дѣла; причину же раздраженія болгаръ противъ іерарховъ греческихъ я полагалъ въ томъ, что мнѣ конфиденціально сообщено было въ...(С.-Петербургѣ)?,—и Господь видѣлъ, съ какимъ жаромъ, съ какою энергіею желалъ я представить святѣйшему патріарху вселенскому и синоду его, что 1) должно предоставить свободу народу болгарскому читать св. писаніе и слушать божественную службу на его родномъ языкѣ; 2) что священники должны быть изъ среды самого народа; 3) достойнѣйшіе изъ болгаръ должны быть возводимы и въ санъ святительскій, и что 4) денежные сборы съ частныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ должны быть по возможности облегчены и отнюдь не вымогаемы. Когда во всемъ этомъ будетъ заспокоенъ народъ болгарскій, тогда ему,—такъ думалъ я,—не будетъ никакихъ причинъ къ раздраженію, и пламя раздора затухнетъ само собою. Въ основѣ всѣхъ моихъ плановъ и соображеній лежали только эти мысли; съ ними я въѣхалъ въ Стамбулъ 25-го августа. Здѣсь засталъ я представителей болгарскаго народа въ самомъ напряженномъ состояніи; но, не боясь узнать истину, я братски съ ними сталъ слѣдить ее до основаній. И что же оказывается?

«1) Вся Болгарія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, пяти или не болѣе семи изъ 50-ти епархій, въ Македоніи, читаетъ и слушаетъ слово Божіе и не украдкой на церковно-славянскомъ, родственномъ ей языкѣ, такъ что выписываемыхъ болгарами изъ Россіи и другихъ мѣстъ, равно какъ и жертвуемыхъ имъ русскими церковныхъ книгъ крайне недостаточно для потребностей цѣлой страны. Откуда же родилась мысль, что греки препятствуютъ болгарамъ совершать службу на славянскомъ языкѣ? Изъ фальшивыхъ доносовъ частныхъ лицъ, которыя, злоупотребляя довѣренностію, любятъ возводить частные случаи къ общему правилу. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ городахъ греки, по тщеславнымъ побужденіямъ клира и народа, не дозволяютъ отправлять богослуженіе на славянскомъ языкѣ болгарамъ-горожанамъ, хотя они всѣ знаютъ греческій языкъ болѣе или менѣе. Это больно, они вопіютъ, и ихъ только слушаютъ. Въ настоящее время, впрочемъ, и касательно этого исходатайствовано повелѣніе Порты такого рода, что если въ приходѣ церкви 40 домовъ, и изъ нихъ 25 болгарскихъ, а 15 греческихъ, то отправлять богослуженіе пославянски; если же наоборотъ—погречески. Такую пропорцію приказано наблюдать и въ большихъ количествахъ семействъ, принадлежащихъ къ приходу церкви. Правда, что этотъ приказъ отданъ словесно; но онъ объявленъ со всею силою всѣмъ, кому вѣдать о томъ надлежитъ. Почему въ епархіяхъ македонскихъ не отправляется богослуженіе на славянскомъ языкѣ, на это я ни отъ кого не могъ узнать положительныхъ доказательствъ. Нѣкоторые болгары говорятъ, что это запрещается высшимъ гре-

ческимъ духовенствомъ; но члены св. синода (Халкедонскій и другіе) увѣряютъ меня, что никогда подобнаго запрещенія ни отъ кого не было. По моему соображенію, это зависитъ отъ того, что въ такомъ удаленномъ углу Болгаріи, какъ епархіи македонскія, трудно достать славянскихъ книгъ, и едва ли онѣ когда нибудь туда русскими были посылаемы, какъ, напримѣръ, теперь для однѣхъ церквей македонскихъ требуется 50 круговъ церковныхъ,— и это только въ извѣстныя мѣста. Если же мѣстные архіереи когда либо и запрещали богослуженіе на славянскомъ языкѣ, то, можетъ быть, потому, что въ Македоніи болѣе всего свирѣпствуютъ агенты Боре [1]), имѣющіе свою резиденцію въ Солуни и въ Монастырѣ.

«2) По всей Болгаріи, за исключеніемъ городовъ и, по мѣстамъ, самыхъ близкихъ селъ подгородныхъ, священники избирались и избираются изъ среды самого народа, и притомъ самимъ же народомъ, т. е. его эфорами. Мѣстный архіерей только утверждаетъ выборъ одного изъ двухъ обыкновенно ему представляемыхъ кандидатовъ на священство. Достойные или недостойные выбраны кандидаты, въ это дѣло архіерей не вмѣшивается, чтобы не стѣснить выбора народнаго, или чтобъ не подать повода къ нареканію на него. Но на этихъ самыхъ главныхъ дѣятелей церкви въ дѣлѣ христіанскаго народнаго образованія болгары очень жалуются, и народъ не имѣетъ къ нимъ подобающаго уваженія. Гдѣ причина тому? Болгары хотятъ видѣть ее въ корыстолюбіи архіереевъ, которые, какъ говорятъ, поставляютъ во священника того изъ избранныхъ народомъ, который больше вноситъ денегъ въ кассу архіерея. Само собою, причина эта неосновательна: если бы избирались народомъ оба кандидата, достойные священства, то взнесъ ли бы или не взнесъ который изъ нихъ въ кассу архіерейскую, утверждаемый архіереемъ всегда былъ бы достоинъ любви и уваженія народа. Греки видятъ причину тому вообще въ необразованности народа. Я съ своей стороны, на основаніи извѣстныхъ мнѣ данныхъ, полагаю ее 1) въ томъ, что нѣтъ въ Болгаріи, какъ и вообще на востокѣ, духовнаго сословія, и потому особеннаго приготовленія юношества къ духовнымъ должностямъ; 2) въ странномъ характерѣ народа, по которому житейскія выгоды имъ предпочитаются самымъ главнымъ потребностямъ духа: болгаринъ въ образованіи ищетъ свѣдѣній, нужныхъ для свѣтскаго человѣка, и знаніемъ французскаго языка дорожитъ несравненно болѣе, чѣмъ всякою духовною мудростію; болгаринъ образованный не приметъ на себя духовнаго званія, потому что не видитъ въ томъ особенныхъ выгодъ, и притворно боится воображаемыхъ непріятностей жизни, и въ званіи учителя, при поразительной не-

[1]) Боре былъ папскій префектъ въ Константинополѣ.

образованности народа, любуется собою, какъ особою съ почетомъ, вліяніемъ и голосомъ; 3) въ четырехвѣковомъ рабствѣ, которымъ въ понятіи народа сглажены истинныя отличія, украшающія душу и жизнь человѣка, и 4) вообще въ дурной администраціи властей духовныхъ, которыя, какъ оглушенныя шумомъ обстоятельствъ, вокругъ ихъ совершающихся, не успѣли доселѣ (нынѣ, впрочемъ, замѣтно приходятъ къ сознанію нуждъ и пользъ церкви и народа) вглядѣться въ истинныя потребности народа, возрастающаго и понемногу освобождающагося отъ плѣницъ рабства. Невыгодныя послѣдствія этой администраціи чувствуются наравнѣ греческимъ и болгарскимъ народомъ.

«3) Достойнѣйшіе изъ болгаръ и возводились прежде, какъ много примѣровъ тому насчитываютъ патріархъ и члены св. синода, и, безъ всякаго сомнѣнія, теперь могутъ быть возводимы на высшія степени іерархическія. Вотъ и при мнѣ уже возведенъ на степень архіерейства эпитропъ Хилиндарскаго на св. горѣ монастыря, нынѣ преосвященный Иларіонъ, который за нѣсколько тому лѣтъ не только не пользовался милостію патріарха, но даже былъ въ заточеніи, — человѣкъ прямой, основательный, добрый и не безъ образованія. Скоро, можетъ быть, если Богу угодно, удостоены будутъ святительскаго сана и еще два или три архимандрита. Изъ нихъ мнѣ только одинъ извѣстенъ, а о другихъ знаю по одобренію болгаръ. Вотъ и всѣ кандидаты на архіерейство! Послѣ всего этого, гдѣ же взять для Болгаріи своихъ архіереевъ? А въ Константинопольскомъ патріархатѣ болѣе 30-ти болгарскихъ епархій!

«4) Что же касается денежныхъ сборовъ для духовенства вообще, то объ этомъ чрезвычайно трудно собрать положительныя свѣдѣнія. Здѣсь много,—говорятъ болгары,—участвуетъ произволъ духовныхъ властей, случайныя причины и побужденія. Но, сколько я успѣлъ узнать, годовая пропорція сбора съ семейства, при добрыхъ владыкахъ, не превышаетъ 50, при взыскательныхъ 100 піастровъ (около 5 руб. сер.); здѣсь считается уже исполненіе всѣхъ требъ, какія только случаются въ семействѣ впродолженіе означеннаго времени. Судя по богатству страны и хозяйственному довольству жителей, сборъ этотъ можно считать ничтожнымъ, но, судя по скудости въ деньгахъ, если это правда, очень значительнымъ. Впрочемъ, если и тяготятся болгары подобнымъ сборомъ для духовенства, то тяготятся не потому, что онъ тяжелъ, но тяжелымъ становится при другихъ обременительныхъ повинностяхъ, возлагаемыхъ на жителей какъ неограниченною жадностію и самоуправствомъ мѣстныхъ турецкихъ властей, такъ отчасти и своемысліемъ, чтобъ не сказать, прихотями самихъ попечителей народныхъ. Такъ думать я имѣю основательныя причины. Здѣсь у народа въ ходу мысль: до войны было нехорошо, но послѣ войны стало въ 10 разъ хуже того. Народные попечители, обольщая народъ тѣмъ, что осво-

бодять его отъ насилія грековъ, собираютъ съ него деньги и удачно умѣютъ употреблять ихъ въ свою только пользу. Въ минуты откровенности слыхалъ я отъ нѣкоторыхъ болгаръ, что «когда бъ не притѣсняли насъ греки, тогда пусть бы брали съ насъ денегъ втрое больше, и намъ это не было бы досадно».

«Благоразумнымъ вразумленіемъ и подробнымъ съ моей стороны раскрытіемъ всего, о чемъ кратко доношу вашему сіятельству, предъ самими болгарами, милостію Божіею, остановлено желчное, угрожающее волненіе представителей народныхъ противъ грековъ, но осталось еще глухое, тайное неудовольствіе противъ нихъ. Для изглажденія этого непріятнаго чувства избраны мной, совмѣстно съ болгарами, средства къ окончательному примиренію ихъ съ греками, изъ коихъ средствъ нѣкоторыя казались мнѣ довольно трудными для послѣднихъ. Это обстоятельство дѣятельно мною разсматривается, и я не премину въ свое время донести вашему сіятельству».

II.

Это сообщеніе архимандрита Петра поразило своею неожиданностію оберъ-прокурора св. синода, графа А. П. Толстаго, который не могъ усвоить себѣ мысли, что не греки обижаютъ болгаръ, а чуть ли не наоборотъ, и потому чрезъ г. Авчинникова далъ понять архимандриту Петру о своихъ недоумѣніяхъ, вызванныхъ первымъ его сообщеніемъ. Въ разъясненіе этихъ недоумѣній, архимандритъ Петръ въ іюнѣ 1859 года пишетъ новое письмо къ графу Толстому, въ которомъ онъ старается подкрѣпить свои прежнія положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно своему обѣщанію, сообщаетъ о предпринятыхъ имъ средствахъ къ примиренію болгаръ съ греками.

«Эти пути къ примиренію, — пишетъ архимандритъ Петръ, — высказаны мнѣ самими болгарами, когда я, братски сочувствуя имъ во всемъ необходимомъ, истинномъ и полезномъ, убѣждалъ ихъ умѣрять движенія жгучей ненависти, вразумлялъ ихъ непониманіе и обо всемъ дружески, братски денно-нощно бесѣдовалъ съ ними. Болгары готовы забыть вражду (такъ говорили сами они) и совершенно успокоиться, если греки: 1) будутъ позволять имъ отправлять богослуженіе на славянскомъ языкѣ, гдѣ только они ни захотятъ; 2) если не будутъ препятствовать имъ заводить училища; 3) если не будутъ унижать ихъ національность и 4) дадутъ для болгарскихъ епархій нѣсколькихъ епископовъ болгаръ, или, по крайней мѣрѣ, знающихъ болгарскій языкъ. Вотъ ихъ требованія, высказанныя самыми злыми изъ болгаръ. Всѣ эти требованія тогда же (это было еще осенью прошедшаго года) со всею точностію я объяснилъ его святѣйшеству и разумнѣйшимъ изъ членовъ св. синода. Когда же св. патріархъ и члены св. синода обѣщали по пер-

вымъ тремъ пунктамъ удовлетворить ихъ и потребовали отъ меня указаній, я, объявивъ непремѣнное желаніе начальства, обратился къ нимъ за доказательствами и поясненіями и тогда только узналъ, что я ими проданъ. Ни одинъ изъ болгаръ не только не доказалъ, но и не указалъ мнѣ, гдѣ бы было подобное тому. Они глухо указывали мнѣ на газеты болгарскія. Прочитавши ихъ, я не нашелъ ничего, кромѣ разныхъ клеветъ и интригъ. Бывало такъ, что чѣмъ нибудь недовольные въ Стамбулѣ посылаютъ въ типографію для напечатанія какое нибудь исполненное жолчи и клеветы письмо, будто бы присланное изъ епархіи, и съ означеніемъ даже города или мѣстечка, и, напечатавъ, до времени услаждаются впечатлѣніемъ, произведеннымъ въ столицѣ; но въ епархіи объ этомъ или совсѣмъ не слыхали, или же что и было, то совершенно иначе о томъ разсуждаютъ.

«По поводу одного тайнаго мнѣ донесенія отъ архимандрита Аноима, учителя халкинскаго училища, касательно перваго пункта, узналъ я, что если иногда греческіе владыки и не позволяютъ болгарамъ отправлять богослуженіе пославянски, то это — въ городахъ, гдѣ больше или, по крайней мѣрѣ, не меньше въ приходѣ и грековъ. Притомъ такого рода непріятности бываютъ, большею частію, не со стороны владыкъ, но со стороны народа, гдѣ, слѣдовательно, владыки являются страдательными орудіями воли народной. Если же они идутъ противъ воли народа, то получаютъ злыя и строгія обличенія за пристрастіе къ меньшей и слабѣйшей части пасомыхъ и за отчужденіе отъ собственной національности. Подобныя обличенія пастырей я читалъ въ газетахъ греческихъ; они обыкновенно жолчныя.

«Что же касается втораго пункта, то никто мнѣ не указалъ, что хотя бы гдѣ нибудь пастыри греческіе запрещали строить или поддерживать училища для болгаръ [1]); напротивъ, имѣю доказательства на то, что впродолженіе послѣднихъ 10 лѣтъ открыто по епархіямъ болгарскимъ до 80 народныхъ училищъ, въ коихъ ощутителенъ недостатокъ только въ учебникахъ на славянскомъ или русскомъ языкахъ. (Привезенный изъ Россіи г. Княслескимъ запасъ учебниковъ недостаточенъ для удовлетворенія всѣхъ потребностей училищъ; въ немъ нѣтъ уже въ настоящее время ни ариеметикъ, ни географій, ни краткихъ св. исторій, ни славянскихъ грамматикъ, ни прописей, ни краткихъ церковныхъ уставовъ, ни грамматикъ греческихъ, ни книгъ для чтенія и упражненій въ языкѣ). Слышалъ даже отъ вѣрнѣйшихъ свидѣтелей и

---

[1]) Но въ другихъ бумагахъ архимандрита Петра есть его замѣтка о томъ, что болгарамъ дѣйствительно иногда не позволяли строить училища, именно: въ Филиппополѣ — архіерей и чорбаджи (старѣйшины), въ Андріанополѣ — греческій консулъ, въ Кукушѣ, уѣздномъ городѣ Солунской митрополіи, — архіерей.

очевидцевъ, что многіе митрополиты побуждаютъ болгаръ устроять училища и отечески утѣшаются, когда болгары заводятъ ихъ и пекутся объ ихъ улучшеніи. Жаль, что училища болгарскія не имѣютъ правильной, опредѣленной и лучшей организаціи; но въ этомъ уже ни въ какомъ смыслѣ нельзя обвинять греческихъ пастырей; виноваты обществомъ приготовляемые, особенно на Западѣ, въ учителя юноши-болгары, о коихъ часто искренно сожалѣетъ общество, видя, что они за границей получили не образованіе, т. е. истинное, необходимое для края, но, по поговоркѣ болгаръ, опразнованіе, т. е. опорожненіе всѣхъ отеческихъ добрыхъ убѣжденій. Такихъ учителей не любитъ и боится народъ, но все же они приносятъ много зла на родинѣ, или бѣгутъ въ чужіе края.

«Униженія національности болгарской въ настоящемъ я рѣшительно не вижу ни съ какой стороны. Все, что когда либо мнѣ было сказано, такъ голословно, такъ мелко, такъ односторонне и пристрастно, что болгары, говоря со мною объ этомъ, всегда скорѣе соглашались на противоположныя мнѣнія. Члены святѣйшаго синода, при моемъ разговорѣ съ ними объ этомъ, пожимаютъ въ недоумѣніи плечами, считая это одной изъ тысячи другихъ несправедливостей. Святѣйшій патріархъ, въ одно изъ моихъ представленій его святѣйшеству о нуждахъ и желаніяхъ болгаръ, послѣ продолжительной, кроткой, но не въ пользу болгаръ, бесѣды, сказалъ мнѣ: «Смотрите на дѣло, какъ оно есть! Знаю, что вы его видите. Прошу васъ (съ чувствомъ),—вашъ долгъ донести святѣйшему синоду, что насъ не понимаютъ. Болгары въ отношеніи къ намъ поступаютъ, какъ жиды. Жидъ, язвя грудь другаго чѣмъ попало, всегда кричитъ на него: что̀ ты бьешь меня? какъ ты смѣешь? и проч.» Слова эти сопровождались самою выразительною мимикою. Соображая касательно сего предмета все, что только доходило до моего свѣдѣнія, я прихожу къ такому заключенію, что а) если не такъ рельефно рисуются въ жизни народной личности болгарскаго племени, то причиной тому—ходъ историческихъ событій; б) что іерархи греческіе не подмѣтили недавняго (съ 30-хъ годовъ) отынуда (неоспоримо) подсказаннаго и возбужденнаго движенія въ духѣ народномъ и оттого не умѣли заблаговременно укротить или направить къ лучшему это движеніе, и в) если есть какое либо униженіе народности, то это—уничиженіе толпы, неизбѣжное при соприкосновеніи различныхъ народностей, какъ, напримѣръ, великороссы уничижительно называютъ малороссовъ и жителей Финляндіи, и наоборотъ.

«Возводить на степень архіерейства достойнѣйшихъ изъ болгаръ какъ святѣйшій патріархъ, такъ и члены синода мнѣ обѣщали. Прежнее мнѣніе (не безъ основаній историческихъ) патріарховъ и синода, что Болгарія тяготѣетъ къ западу, и потому ей

опасно давать владыкъ единоплеменныхъ, нынѣ, сколько я могу замѣчать, довольно ослабѣваетъ».

III.

Усилія архимандрита Петра поддержать греческую іерархію въ борьбѣ ея съ болгарами оказались тщетными, и самъ онъ переведенъ былъ изъ Константинополя въ Аѳины, по его мнѣнію, на низшее мѣсто. Въ политическихъ сферахъ уже предрѣшенъ былъ вопросъ о дарованіи болгарамъ національной ихъ іерархіи. Но архимандритъ Петръ не поступился своими убѣжденіями обстоятельствамъ и, не имѣя уже болѣе права и возможности вмѣшиваться въ греко-болгарскія отношенія, написалъ «для себя» записку, въ которой изложилъ свой взглядъ на предполагаемое образованіе болгарской іерархіи и не ожидалъ отъ нея ничего хорошаго ни для вселенской церкви, ни для самой болгарской іерархіи, ни для улучшенія взаимныхъ отношеній между греками и болгарами.

Въ случаѣ «отдѣленія церкви болгарской отъ греческой, будутъ обоюдныя потери,—пишетъ архимандритъ Петръ въ своей запискѣ. Теряетъ церковь греческая свое величіе, силу, массу,—не хочу упоминать о суетныхъ выгодахъ. Но и имѣющая отдѣлиться церковь болгарская ничего отъ того не пріобрѣтаетъ, теряя вмѣстѣ съ тѣмъ и все то, что теряетъ и церковь греческая: теряетъ величіе, поелику новая не имѣетъ устройства и твердости; теряетъ силу, поелику не имѣетъ опыта и единомыслія; теряетъ массу, поелику остается со своею, крайне невѣжественною. Нѣтъ ни царя, ни народа, отдѣльно существующаго; нѣтъ правъ политическихъ, а права патріарха вселенскаго не могутъ быть усвоены ни султаномъ, въ ущербъ правъ патріарха вселенскаго, ни канонами (нѣтъ особыхъ причинъ). Не думаетъ ли укрѣпиться она общеніемъ съ церковью русскою? Опасно для той и другой. Что прощается церкви русской, не простятъ церкви болгарской, по неимѣнію сею послѣднею одинаково уважительныхъ обстоятельствъ. А кто возстанетъ противъ пропаганды католической, протестантской и американской? Если и теперь засѣяны страшныя сѣмена несогласія къ вѣрѣ отцевъ, что будетъ послѣ, при безсиліи пастырей?

«Болгарская іерархія, конечно, пріобрѣтаетъ свой интересъ, но кажущійся и еще неиспробованный. Будутъ свои архіереи! Но гдѣ они и каковы? Пять-шесть образованныхъ въ Россіи и Халки? Но нѣкоторые изъ нихъ могутъ быть только причетниками (а готовятся къ архіерейству!), нѣкоторые священниками и одинъ епископомъ. Всѣ они, первое, молоды, неукрѣпившейся нравственности, страшно завистливы, нелюбовны и отнюдь не понимаютъ необходимости подчиненія. Изъ-за пустой кости каждый молоко-

сосъ готовъ вцѣпиться и раздирать мантію епископа. Въ монастыряхъ? Но хорошіе монахи (Анѳимъ Зографскій) или отказываются отъ епископства, или въ самомъ дѣлѣ неспособны; дрянь и честолюбцы самые грубые совершенно недостойны быть епископами. Да и, сказать по правдѣ, кто хочетъ своей іерархіи? Архимандриты и монахи болгарскіе? Нѣтъ, не они — главными того искателями. Этого домогаются болгарскія настоятельства Константинополя, Одессы и другихъ мѣстъ. Для чего? Отнюдь не для интересовъ церкви и не для развитія въ народѣ благочестія, а для отъединенія народности и пріобрѣтенія для нея правъ гражданственныхъ. Это мнѣ извѣстно за достовѣрное. Какъ же они хотятъ всей тяжестью своей напасть на архіереевъ, чтобы сіи послѣдніе, какими знаютъ судьбами, форсированно подняли въ народѣ и образованіе, и личность, и даже воинственность. Гдѣ деньги и средства къ тому матеріальныя? Прямѣе всего—отъ народа? Да, но настоятели этого не позволятъ. Они давно уже привыкли владѣть духомъ народа (и этого не выпустятъ изъ своихъ рукъ) и сосать его для своего насыщенія, но, какъ говорятъ, для его здравія и благодеиствія. Они-то и будутъ архіереямъ отпускать малую толику и для жалованья, и для потребностей народныхъ. Никогда не забуду сказаннаго ими въ собраніи: «Мы ихъ (т. е. архіереевъ своихъ) посадимъ на хлѣбъ да на воду, чтобы они отнюдь не думали о себѣ, какъ жить—поживать, а чтобъ дѣлали только только то, что нужно, т. е. что они прикажутъ». И сколько я слыхалъ жалобъ на это и отъ архіерея Иларіона, и отъ другихъ дѣятелей въ пользу церкви, что настоятели совершенно командуютъ ими, и что это уничиженіе первыхъ болѣе и болѣе становится ощутительнымъ и тяжелымъ! Настоятели внутренно не любятъ свое духовенство, особенно высшее; за то и духовенство хотя и раболѣпствуетъ предъ ними, но тайно ненавидитъ ихъ. Въ такой игрѣ лицемѣрія я оставилъ болгаръ въ Стамбулѣ. Спрашиваю кого угодно: что выиграетъ народная іерархія при такомъ положеніи дѣлъ? Естественно ожидать должно, что или архіереи всегда, какъ нынѣ, должны пресмыкаться предъ настоятелями, или не будутъ имѣть никакой возможности утѣшать ихъ плодами образованія, столь же тощими, если не хуже, какъ и при грекахъ, или открывать сильную борьбу. Послѣднее, конечно, лучше всего и достойнѣе чести и званія архіереевъ, на что̀ они и собираются. Но знаетъ ли кто нибудь, что̀ это за необразованные, самоправные, завистливые, не мирящіеся и отъявленно-прихотливые мужики, эти гг. настоятели? Не говорю уже, что нѣкоторые изъ нихъ есть и отъявленные мошенники. Какъ же архіереямъ бороться съ такими?.. Первое, что они скажутъ архіерею, (это то), что онъ чрезъ нихъ есть то, что̀ есть,—и десять другихъ они найдутъ на его мѣсто, при первомъ проблескѣ его самостоятельности. Обратится ли онъ къ народу, какъ бы слѣдовало? Но

народъ-то и не видывалъ лучшихъ идеаловъ, какъ его чорбаджіи, или цвѣтъ ихъ—гг. настоятели. Къ правительству? И не слыханное дѣло! И ни въ чемъ никогда архіерей устоять и выиграть не можетъ...

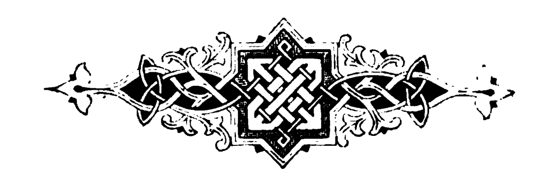
«По неотразимымъ судьбамъ жизни народной, греки и славяне, долженствующіе жить вмѣстѣ, давно не мирствуютъ. Но примирить ли эти народности обособленная іерархія славянская? Казалось бы такъ, но дѣло будетъ едва ли не напротивъ. У славянъ нѣтъ ни особенныхъ церквей, нѣтъ ни своихъ обществъ непомѣшанныхъ, нѣтъ ни училищъ, хорошо организованныхъ. Слѣдовательно, съ перваго разу пойдутъ самые горячіе и буйные споры о церквахъ; греки не уступятъ иначе, какъ по выкупу. Выкупятъ? Едва ли! Далѣе, помѣшанные жители городовъ, селъ и деревень какъ будутъ относиться къ своимъ пастырямъ, греки къ грекамъ, болгары къ болгарамъ? Да вѣдь это будетъ нѣчто подобное нашему расколу, гдѣ за тридевять земель, по лѣсамъ да по болотамъ, отыскиваютъ священниковъ своего толка. А требы? Положимъ, что тяжесть этого падетъ болѣе на грековъ; но церковь изъ-за безсмысленнаго и злостно-политическаго плана развѣ должна пожертвовать ему спасеніемъ душъ и миромъ церковнымъ? Положимъ, что обособятся и училища; но гдѣ взять учителей для школъ болгарскихъ? И что далѣе изъ этого выйдти можетъ, такъ это то, что наравнѣ и скоро падутъ всѣ училища—и греческія, и болгарскія, и не только не умирятся народности, но вражда между ними возростетъ и разовьется скоро въ ужасающихъ размѣрахъ,—и все это изъ-за двухъ-трехъ десятковъ архіереевъ»!

Опуская другія предвѣщанія архимандрита Петра, не оправдавшіяся послѣдующими событіями, въ заключеніе позволимъ себѣ привести еще одну выдержку изъ его записки объ отношеніяхъ между Россіей и Болгаріей. «Я видѣлъ во-очію,—пишетъ архимандритъ Петръ,—что между русскими и болгарами разыгрываются неизъяснимо забавныя сцены. Такъ, Россія все обѣщаетъ, крошечку дарствуетъ и широко застилаетъ къ сердцамъ болгаръ дорогу церковными облаченіями, уставляя ее по сторонамъ, въ мѣстахъ приличныхъ, книгами, образами, сосудами et caet., et caet. и безсчетною перепискою о слишкомъ небольшомъ числѣ болгарскихъ въ Россіи воспитанниковъ. Болгарія все это мгновенно поглощаетъ, въ 1,000 разъ больше проситъ, много сердится (такъ себѣ, на всякъ случай), очень часто и зло считается, но, при ничтожествѣ нужныхъ внутреннихъ силъ, при безднѣ завистливаго и предательскаго коварства, ползетъ и унижается не предъ величіемъ Россіи, но только изъ боязни, чтобъ не увидали ея задней мысли. Но у дарствующей Россіи и пріемлющей Болгаріи—что̀ на концѣ этихъ сношеній? Россія, съ широкоглаголаніемъ дарствуя, не досказываетъ только той мысли: «Хорошо, получайте; но смо-

трите, чтобы и сейчасъ за насъ, и послѣ совершенно для насъ». Болгарія, все пріемлющая съ безконечными устными и письменными ласкательствами, не досказываетъ и не дописываетъ только одного: «Хорошо дѣлаете, благодѣтели, отцы родные! вамъ некуда свое добро дѣвать; только не подумайте этимъ купить нашу свободу; вѣдь мы побожимся, что въ такомъ случаѣ убѣжимъ отъ васъ не только къ французу, не только къ папѣ, но и сольемся съ турками».

Интересно, что̀ бы сказалъ архимандритъ Петръ, если бы всталъ изъ могилы и взглянулъ на нынѣшнія отношенія между Болгаріей и Россіей?!

Н. П—въ.

АЛАЗАНСКАЯ ДОЛИНА.

(Отрывокъ изъ закавказскихъ воспоминаній).

I.

ПУТНИКУ, выѣхавшему въ лѣтнюю пору изъ чахлой и зноемъ раскаленной котловины Тифлиса на востокъ, по направленію къ рѣкѣ Іорѣ, приходится на разстояніи тридцати слишкомъ верстъ одолѣвать безлюдную, волнообразную, безлѣсную, изрытую оврагами и совершенно безплодную степь, зовущуюся Сангорскимъ полемъ. Весною на этомъ полѣ зачастую кишитъ несмѣтная масса пѣшей саранчи; окрылившись, она подымается отсюда въ концѣ мая или въ началѣ іюня и огромными черными тучами летитъ опустошать край; лѣтомъ Сангорское поле славится выпадающимъ на немъ неимовѣрно крупнымъ градомъ — въ куриное яйцо, убивающимъ наповалъ барановъ, а случалось, и верблюдовъ; осенью на немъ разгуливаютъ такіе ураганы, противъ которыхъ и звѣрь, и человѣкъ въ одиночку безсильны; они уносятъ ихъ иногда, какъ былинки, на огромныя разстоянія; и только зимою, когда ляжетъ на поле бѣлая пелена снѣгу, оно ничѣмъ особеннымъ себя не заявляетъ.

Прескучное и самое непривѣтное это Сангорское поле, и путникъ, завидѣвъ въ концѣ его рѣку Іору, отъ души радуется, что отъ него отдѣлался.

Урема Іоры довольно широка. По сю ея сторону — луговую — расположены нѣмецкія колоніи, а по ту — нагорную — грузинскія

селенія. Нагорную образуютъ холмы, составляющіе кряжъ водораздѣла между рѣками Іорою и Алазанью. Все это окутано зеленью кустарниковъ, рощицъ, фруктовыхъ деревьевъ, виноградниковъ и даетъ веселенькій ландшафтъ, могущій служить оригиналомъ для того жанра картинокъ, которыми такъ любятъ украшать будуары и разныя ихъ принадлежности, лакированныя вещицы, какъ-то: шифоньерки, столики, геридоны и т. д. Конечно, послѣ Тифлиса и Сангорскаго поля, такой цвѣтущій уголокъ покажется раемъ въ лѣтнюю пору; но стоитъ лишь взобраться на вершины заіорскихъ холмовъ, чтобы впечатлѣніе это совершенно изгладилось. Путникъ тамъ увидитъ что-то черезчуръ поразительное, и если онъ будетъ тутъ впервые, то долго простоитъ, какъ вкопанный, пока не дастъ себѣ отчета въ томъ, что видитъ; понять же сразу ему невозможно. Чудная Алазанская долина особенно грандіозна и захватываетъ духъ размѣрами своихъ очертаній.

Колоссальный хребетъ Дагестана составляетъ величественный ея фонъ. Вѣчно покрытыя снѣгомъ, его вершины тянутся отъ сѣверо-запада къ юго-востоку на пространствѣ, по крайней мѣрѣ, полутораста верстъ и вездѣ тутъ держатся до десяти, одинадцати тысячъ футъ высоты. Въ мірѣ нѣтъ ничего подобнаго. Давалагири, Чимборассо, Эльбрусъ, Казбекъ, Араратъ, конечно, поражаютъ своею громадностію, но всѣ они только выдающіяся, непомѣрной величины глыбы, отъ которыхъ лучами во всѣ стороны идутъ террасы, быстро понижающіяся; эффектъ весь въ крупныхъ фигурахъ великановъ, давящихъ все остальное. Въ Дагестанскомъ же хребтѣ не то: среди него нѣтъ ни одной головы, переростающей другія, а на пространствѣ полутораста верстъ стоитъ фронтъ совершенно ровныхъ вершинъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ. Въ этомъ фронтѣ есть что-то стихійное, природа дошла уже тутъ до созданія не только цѣлой гряды, а цѣлой стихіи горъ, служащей фономъ Алазанской долины.

Отъ полосы вѣчныхъ снѣговъ спускаясь внизъ до самой долины, глазъ на этомъ фонѣ видитъ цѣлый рядъ поясовъ растительности, начинающійся блѣдно-зелеными горными пастбищами, переходящими въ полосу кустарниковъ. Пониже ихъ уже хребетъ выдѣляетъ изъ себя, въ видѣ контрфорсовъ, колоссальные выступы, покрытые лѣсами и образующіе въ промежуткахъ ущелья, въ видѣ громадныхъ трещинъ, распластывающихъ хребетъ сверху до низу.

Внизу, у подошвы этихъ выступовъ и въ устьяхъ ущелій, виднѣются разбросанныя селенія, а между ихъ чертою и чертою Іорскихъ холмовъ, раскинулась обширная долина, испещренная какъ шахматная доска пашнями, желтѣющими нивами, садами и всякими признаками густаго культурнаго населенія. Въ верховьяхъ своихъ долина не шире двадцати верстъ, но, по мѣрѣ удаленія ея къ югу, она доходитъ верстъ до шестидесяти и посреди нея, про-

дольно и прихотливо извиваясь блестящею стальною полосою, стелется Алазань, принимающая въ себя съ лѣвой стороны тысячу горныхъ притоковъ.

Когда же путникъ совсѣмъ перевалится черезъ кряжъ Іорскаго хребта, то на скатахъ его, обращенныхъ въ Кахетію, передъ нимъ предстанетъ рядъ цвѣтущихъ селеній, славящихся производствомъ лучшихъ сортовъ знаменитаго кахетинскаго вина. Туземцы говорятъ, что виноградъ здѣсь выспѣваетъ лучше, чѣмъ гдѣ либо, собственно отъ лучистаго воздѣйствія на него холода противолежащихъ снѣговыхъ макушекъ Дагестана. Тамъ уже въ концѣ августа выпадаетъ новый снѣгъ и начинаются морозы. Отъ города Сигнаха до селенія Матанъ, Тіонетскаго округа, т. е. на протяженіи почти ста верстъ, идетъ эта полоса лучшихъ кахетинскихъ виноградниковъ.

На Іорскомъ кряжѣ самою возвышенною точкою считается гора Цива, т. е. «холодная», а съ нея, какъ на ладони, и у подошвы ея, виднѣется довольно большой городокъ, потонувшій въ садахъ, среди которыхъ проглядываютъ черепичныя крыши, а надъ ними господствуетъ старинная крѣпость съ причудливыми, полуразвалившимися башнями.

Объ этомъ городкѣ существуетъ интересная легенда.

Къ какому-то миѳическому, грузинскому царю, много вѣковъ тому назадъ, пришли поводники армянскаго племени, тогда уже порабощеннаго турками и монголами, и молили его позволить имъ переселиться въ его царство. Милосердый царь обласкалъ поводниковъ и разрѣшилъ имъ идти по всему его царству, выбирать лучшее себѣ мѣсто. Долго ходили они; исходили Карталинію, Сомхетію и пришли, наконецъ, въ долину Алазани. Поднявшись же на первые уступы горы Цивы, остановились... ихъ поразило тутъ обиліе чудныхъ, студеныхъ и свѣтлыхъ какъ кристаллъ родниковъ, и у нихъ вырвалось общее восклицаніе: «здѣсь хорошо!» а поармянски: «те лавъ»; царь по просьбѣ пожаловалъ имъ это мѣсто, и ихъ поселилась тутъ цѣлая колонія. Прошли года, и изъ нея выросъ городокъ, названный точными словами армянъ—Телавомъ; царь самъ излюбилъ его, перенеся въ него свою резиденцію, построилъ крѣпость. Когда же Грузія окончательно слилась съ Россіей, а Кахетія вошла въ составъ Тифлисской губерніи, легендарный городокъ сдѣлался попросту уѣзднымъ. Поэзія часто кончается прозой.

Общія очертанія Алазанской долины, набросанныя нами крупными штрихами, разъясняютъ смыслъ ея исторіи.

Сплошной хребетъ Дагестана, господствующій надъ Кахетіей и пріютившій въ трущобахъ своихъ лезгинскія общества, находящія легкіе доступы въ долину ущельями, а съ юга-востока ничѣмъ не защищенное широкое устье этой долины, были ненадежными гра-

ницами для политической самостоятельности и внутренняго спокойствія этой страны. Съ горъ постоянно угнетали ее своими набѣгами лезгины, съ юга дѣлали на нее, время отъ времени, нашествія съ огромными полчищами персидскіе шахи, а внутри самаго царства Грузинскаго шла страшная неурядица. Власть царя утратила всякую силу, централизація правительственная исчезла, между отдѣльными родами княжескихъ фамилій происходили распри, доходившія до страшнаго кровопролитія, и враждующія стороны, не задумываясь о послѣдствіяхъ, постоянно прибѣгали къ вооруженному содѣйствію то лезгинъ, то персіанъ. Тѣ охотно являлись на ихъ призывъ, наводняли своими толпами Грузію и опустошали ее въ конецъ. Вотъ общій фонъ канвы, по которой вышивалась кровавыми узорами исторія Грузіи и въ особенности лучшей ея части—Кахетіи.

Цари грузинскіе спасли свой народъ, отдавъ себя вмѣстѣ съ нимъ въ подданство русскаго царя. Исторія эта всѣмъ извѣстна, и мы не станемъ повторять ее; скажемъ только, что, присоединивъ Грузію, мы скоро покончили съ персіанами, и остались у насъ непокорными лишь лезгины, съ которыми мы немало повозились, благодаря неприступности горныхъ трущобъ Дагестана.

Племена эти Богъ знаетъ какими судьбами и когда сюда попали и поселились отдѣльными обществами. Ученые много ломали себѣ голову, чтобы опредѣлить ихъ происхожденіе; одни говорили, что это обрывки исчезнувшихъ гунновъ; другіе причисляли ихъ къ семьѣ финскихъ народовъ; а были и такіе, что намекали на сходство названій леки и ляхи и пытались вывести ихъ отъ корня славянскаго. Но пока никакія хитрыя догадки не разсѣяли этого мрака, ничто не мѣшало намъ называть эти племена лезгинами, грузинамъ—леками, а имъ самимъ себя по именамъ своихъ обществъ: Дидо, Анцухъ, Капуча, Анкратль и т. д. Ихъ много всѣхъ.

Самая суровая и скудная обстановка, благодаря чуть не десятимѣсячной зимѣ, выработала въ нихъ и особенный суровый закалъ, а сосѣдняя роскошная Алазанская долина не могла не манить къ себѣ этихъ людей, совсѣмъ обездоленныхъ природою; дѣятельные проповѣдники ислама давно уже занесли его сюда, и въ силу этого ученія взглядъ лезгина на кахетинца, какъ на гуяра, еще болѣе оправдывалъ всякое противъ него насиліе. Набѣги на пажити христіанскаго населенія сдѣлались подвигами лезгинъ, а рѣзать кахетинца, какъ барана, благословлялъ ихъ во славу свою и самъ богъ мусульманскій устами своего пророка.

Можно себѣ представить послѣ того, что здѣсь происходило втеченіе цѣлыхъ вѣковъ.

Кахетинцу сносно жилось только зимой, когда всѣ пути изъ горъ по ущельямъ были занесены снѣгомъ; но какъ только явля-

лась первая въ нихъ проталинка и съ крайнею опасностію для жизни черезъ нее можно было пробраться, лезгины были тутъ какъ тутъ и грабежами и убійствами наводили ужасъ на население долины.

Шамиль съ своимъ мюридизмомъ распалилъ до крайнихъ предѣловъ религіозный фанатизмъ горскихъ племенъ Дагестана и создалъ самую ожесточенную войну, чувствительнѣе всего отзывавшуюся на Алазанской долинѣ. Отъ Алванскаго поля до Нухи, т. е. на протяженіи всей Кахетіи, у подошвы Дагестана, протянута была наша военная лезгинская линія, состоявшая изъ нѣсколькихъ десятковъ батальоновъ, и, всетаки, Шамилю удавалось тогда прорываться сквозь нее и опустошать Кахетію. Блестящимъ подвигомъ его было плѣненіе княгинь Чавчавадзе и Орбеліани съ дѣтьми. Шутка сказать, втеченіе двадцати пяти лѣтъ этотъ, во всякомъ случаѣ, необыкновенный человѣкъ держался противъ величайшей въ свѣтѣ имперіи, заставлялъ ее напрягать величайшія усилія для полнаго покоренія сцентрализованныхъ имъ горцевъ.

Но дѣло, наконецъ, покончилось. Въ 1859 году, князь Барятинскій взялъ Шамиля въ Гунибѣ, и горскія племена, окончательно замиренныя, сдѣлались русскими подданными.

Съ этого момента начинается новая эра и для Алазанской долины. Заклятые, вѣковые враги, не щадившіе ни жизни, ни достоянія другъ друга, доходившіе въ борьбѣ своей до невѣроятныхъ жестокостей и неистовствъ, лезгины и грузины помирились. Лезгины безоружными толпами спустились съ горъ на Алазанскую долину и въ полномъ смыслѣ побратовались съ грузинами. Случилось что-то, никѣмъ не гаданное, совсѣмъ что-то чудесное.

Фактъ этотъ былъ въ полной мѣрѣ понятенъ и осязателенъ только на мѣстѣ, тамъ, гдѣ онъ совершился. Издалека мы отвлеченно поняли первостепенную важность замиренія Дагестана; жизненныя подробности его отъ насъ ускользнули еще и потому, что о Кавказѣ вообще писалось тогда скупо. Привычка къ оффиціальному тону реляцій и правительственныхъ сообщеній давила всякую попытку выйдти изъ-подъ ихъ шаблона, мѣстная цензура вообще сердито глядѣла на всѣ литературныя затѣи, а корреспондентамъ не позволялось вовсе совать своего носу въ дѣла, до нихъ не касающіяся. Ни одна большая газета не смѣла ничего тогда печатать о Кавказѣ безъ разрѣшенія мѣстнаго начальства, а оно и слышать не хотѣло о какой либо гласности. Сохранился такимъ образомъ богатый и не тронутый еще матеріалъ тогдашней кахетинской хроники, полной интереса. Грузины и лезгины проявляли тогда самое живое, обоюдное стремленіе установить такой между собою новый modus vivendi, который бы навсегда связалъ и упрочилъ ихъ общіе интерессы.

И вотъ въ эту-то пору, т. е. въ началѣ 1861 года, черезъ полтора

года послѣ замиренія, былъ я назначенъ уѣзднымъ начальникомъ въ Телавъ. Алазанская долина, въ значительной части своей входящая въ черту ввѣреннаго мнѣ уѣзда, была еще полна свѣжими воспоминаніями о недавнемъ тревожномъ своемъ прошломъ. Ужасы лезгинскихъ набѣговъ давали о себѣ знать глубокими еще слѣдами; но обоюдная вражда окончательно уже исчезала, и мирныя сношенія все болѣе и болѣе улаживались. Каждый день дарилъ тогда самыми интересными неожиданностями.

Помню, напримѣръ, какъ было возбуждено мое любопытство, когда однажды пришли мнѣ доложить, что ко мнѣ пожаловалъ въ гости дидойскій наибъ Джабо.

Если бы мнѣ доложили о самомъ турецкомъ султанѣ, я не испыталъ бы такого ощущенія, какъ при докладѣ о такомъ гостѣ.

Тридцать лѣтъ этотъ свирѣпый лезгинскій вождь рѣзалъ какъ барановъ русскихъ и грузинъ, попадавшихся ему въ руки, и наводилъ положительно ужасъ на несчастную Кахетію. Не было селенія по ту сторону Алазани, гдѣ бы не нашлось жертвъ его внезапныхъ и страшныхъ нападеній, сопровождавшихся уводомъ въ плѣнъ женщинъ, дѣтей, грабежомъ и убійствами, наносимыми въ самой жестокой, доходящей до неистовства формѣ. И тридцать лѣтъ этотъ человѣкъ, олицетворявшій собою бичъ Божій, оставался цѣлъ и дожилъ до замиренія. Принявъ покорность и подданство его и всего дидойскаго общества, начальство, въ виду большаго его вліянія среди этого общества, оставило его тамъ попрежнему наибомъ, и вотъ теперь, въ первый разъ въ жизни, въ качествѣ мирнаго гражданина и оффиціальнаго лица, состоящаго на русской государственной службѣ, онъ пріѣхалъ въ Телавъ для того, чтобы со мною познакомиться.

Понятно, что я просилъ его пожаловать.

II.

Въ кабинетъ мой вошелъ человѣкъ средняго роста, коренастый, лѣтъ пятидесяти, въ чохѣ, расшитой серебряными галунами, съ прекраснымъ оружіемъ и, разумѣется, какъ мусульманинъ, въ папахѣ на головѣ. Его сопровождало нѣсколько лезгинъ и переводчикъ, одинъ изъ князей Джорджадзевыхъ, не упомню теперь который, но прекрасно говорившій полезгински.

Послѣ рукопожатія и первыхъ привѣтствій, усадилъ я гостя на почетное мѣсто, возлѣ него помѣстился переводчикъ, сзади, за его кресломъ, выстроились лезгины.

Прежде чѣмъ начать бесѣду, я спросилъ князя Джорджадзе, чѣмъ могу я угостить наиба: чаемъ, виномъ, завтракомъ? Оказалось, что все это не подходитъ: чаю онъ не пьетъ, а вино и всякое мясо со

стола гяура запрещены кораномъ; можно угощать только сладостями. Къ счастію, у меня онѣ оказались на лицо—наканунѣ еще привезли мнѣ ящикъ конфектъ, фунтовъ пять, отъ Ренье изъ Тифлиса, и я приказалъ ихъ подать.

Затѣмъ начался разговоръ, какъ водится, съ общихъ мѣстъ, и я успѣлъ тогда вглядѣться въ физіономію моего собесѣдника. Она была особенная. Рябое лицо, покрытое широкими шрамами, конечно, отъ ударовъ шашкою или кинжаломъ, усы и борода, подстриженные и подбритые помусульмански, крашенные въ черный цвѣтъ и съ выбивающеюся сѣдиною; но въ физіономіи главное были глаза. Они были какіе-то пестрые: не то сѣрые, не то зеленые, не то бѣлые, словомъ пестрые, съ какими-то красными крапинками и ужасно острые. Такихъ глазъ я никогда не видывалъ ни прежде, ни послѣ; глядѣлъ онъ отчасти изъ-подлобья, но не сурово, и на лицѣ появлялась, время отъ времени, улыбка.

Когда поставили передъ нимъ ящикъ съ конфектами (которыя, думаю, онъ въ первый разъ видѣлъ), онъ запустилъ въ него свою горсть и сталъ ихъ кушать, какъ ѣдятъ какое нибудь рубленное мясо, т. е. по нѣскольку штукъ заразъ. Для запиванія ихъ поставленъ былъ передъ нимъ графинъ съ водой и стаканъ.

Князь Джорджадзе сообщилъ мнѣ, что Джабо недавно получилъ большую награду. Намѣстникъ пожаловалъ его въ юнкера по миливіи.

Я, конечно, поспѣшилъ его поздравить. По лицу его видно было, что это доставило ему большое удовольствіе, и онъ показалъ мнѣ съ гордостію темлякъ, навязанный на его шашку. При этомъ мы оба встали, и послѣдовало поздравительное рукопожатіе, послѣ котораго опять усѣлись.

Разговоръ отъ общихъ предметовъ перешелъ, наконецъ, къ дѣлу, составлявшему тогдашнюю мѣстную злобу дня.

Въ первый же годъ послѣ замиренія, масса лезгинъ изъ Дидойскаго общества спустилась на зиму въ Алазанскую долину для разнаго рода заработковъ. У каждаго были съ собою деньги, конечно, звонкою монетой, скопленныя десятками лѣтъ и хранившіяся до тѣхъ поръ гдѣ нибудь въ землѣ, въ мѣстахъ извѣстныхъ только ихъ владѣльцамъ; здравый смыслъ скупыхъ и не знающихъ никакихъ прихотей людей подсказалъ имъ, что теперь, когда наступилъ миръ, хранить деньги въ землѣ непроизводительно, и, рѣшивъ пустить ихъ въ ростъ, они принесли ихъ съ собою въ Кахетію и роздали взаймы крестьянамъ. Тутъ все дѣлалось на совѣсть, безъ формальностей и документовъ, ударили только по рукамъ, и обоюдныя условія установили общія, извѣстныя нормы. Ссуда дѣлалась безсрочно, должникъ могъ возвратить ее, когда хотѣлъ, а пока деньги были у него, за каждые десять рублей (туманъ) онъ ежегодно платилъ лезгину двѣ коды пшеницы. Крестьяне грузинскіе,

бывшіе тогда еще въ крѣпостной зависимости помѣщиковъ, эксплоатируемые съ одной стороны ими, а съ другой торгашами армянами, несказанно обрадовались, какъ люди захудалые, такому неожиданному кредиту и съ жадностію на него набросились, не предусматривая въ немъ новой для себя кабалы. Денегъ у лезгинъ оказалось ужасно много; въ одномъ большомъ казенномъ селеніи, Гавазахъ, они роздали слишкомъ двадцать тысячъ и, покончивъ эту операцію, стали пожинать плоды. Двѣ коды, въ продажной цѣнѣ, стоятъ не менѣе четырехъ рублей, слѣдовательно лезгины помѣстили свои капиталы выгодно, чуть не по 40% въ годъ съ хвостикомъ; они-то распорядились благоразумно, да несчастные кахетинцы опростоволосились, и въ особенности это дало имъ себя почувствовать, когда началась операція уплаты процентовъ на правѣ антихризиса, натурою. Лезгинъ являлся зимою въ домъ крестьянина за пшеницею, у того, конечно, въ наличности ея не оказывалось, но онъ его не торопилъ, сразу всего количества не требовалъ, а поселялся возлѣ, въ какомъ-то шалашѣ собственнаго издѣлія и начиналъ заѣдать свои проценты. Дѣлалось это очень дружелюбно, съ большою выдержкою и тактомъ, и бѣдный грузинъ почувствовалъ себя очутившимся, какъ муха въ паутинѣ паука.

Все это было мнѣ уже извѣстно, еще до посѣщенія меня Джабо, и потому, когда оказалось, что онъ пріѣхалъ ко мнѣ, между прочимъ, и по этому дѣлу, я могъ высказать ему свой опредѣленный на него взглядъ.

Джабо вытащилъ изъ-за пазухи длинный списокъ именъ крестьянъ, не уплатившихъ процентовъ своимъ кредиторамъ лезгинамъ, и просилъ распоряженія о понужденіи ихъ къ уплатѣ этой недоимки.

Взявъ этотъ списокъ, я просилъ переводчика объяснить наибу, что соберу подробныя свѣдѣнія о крестьянахъ не платящихъ; но предупреждаю, что особенно понуждать ихъ къ уплатѣ не нахожу возможнымъ.

Глаза наиба заблистали, и онъ горячо возразилъ:

— Развѣ есть такой законъ, который разрѣшалъ бы должнику не платить своихъ долговъ?

— Такого прямаго закона не найдется, а есть другой, не признающій дѣйствительными сдѣлокъ людей извѣстныхъ классовъ. Крестьяне, напримѣръ, помѣщичьи, не въ правѣ дѣлать займовъ безъ позволенія помѣщиковъ; церковнымъ разрѣшено кредитоваться только до 10 рублей. Государственные...

— Но вѣдь этого закона лезгины мои не знали, — перебилъ Джабо.

— Незнаніемъ закона никто не отговаривается.

Эти послѣднія мои слова наибъ не совсѣмъ понялъ, и переводчикъ ему довольно долго ихъ разъяснялъ. Наконецъ, когда смыслъ ихъ ему сталъ ясенъ, онъ махнулъ рукой и прибавилъ:

— И это для меня новость. Законовъ у васъ столько написано, что ихъ не помѣстишь въ нашей саклѣ, а я ихъ всѣ долженъ знать?

— Непремѣнно всѣ,—отвѣчалъ я, улыбаясь.

Мой шутливый и спокойный тонъ начиналъ раздражать Джабо, и это выражалось выступившею на лицѣ его краскою. Замѣтивъ это, я просилъ его терпѣливо и внимательно меня выслушать, а переводчика—какъ можно отчетливѣе переводить.

— У вашихъ лезгинъ лежали деньги въ землѣ совсѣмъ непроизводительно, мертвымъ капиталомъ,—началъ я:—они ихъ оттуда вынули и положили въ руки кахетинцевъ. И скажу, прекрасно сдѣлали, потому что деньги ихъ не пропадутъ, и дадутъ имъ прибыль, но только не въ тѣхъ размѣрахъ, какіе они сами сгоряча назначили, а кахетинцы согласились. Законъ не признаетъ процентовъ свыше шести въ годъ, и стало быть, по суду ихъ нельзя больше требовать, а потому до суда и не слѣдуетъ доводить. Какъ судья, я могу еще взыскивать съ государственныхъ крестьянъ, а съ помѣщичьихъ и церковныхъ (свыше 10 рублей) дѣлать того не въ правѣ.

Джабо весь обратился въ слухъ.

— Сколько мнѣ извѣстно,—продолжалъ я:—кахетинскіе крестьяне люди очень честные...

Наибъ махнулъ головой въ знакъ согласія.

— Они по совѣсти желаютъ выполнять свои обязательства и выполняютъ ихъ по мѣрѣ возможности. Въ этомъ и есть главнѣйшая гарантія лезгинъ, тоже, какъ я слышалъ, людей очень честныхъ. Слѣдовательно, все дѣло въ возможности.

Джабо задумался и спустя минуту отвѣтилъ:

— Я своихъ знаю хорошо, они мнѣ вѣрятъ, буду имъ толковать, что отъ тебя слышалъ... только одного боюсь, чтобы, по старой привычкѣ, они не взялись бы за кинжалы...

— Будетъ очень жаль за нихъ самихъ, они сами себя этимъ накажутъ. Помирились, побратовались, и вдругъ ссориться изъ-за денегъ! Миръ дороже ихъ. А ты знаешь, что кахетинцы тоже всѣ съ кинжалами и въ долгу не останутся...

— Такъ-то-такъ, да вѣдь мнѣ своимъ-то не вговоришь...

— Ты имъ объясни, что мы ихъ ни за ростовщиковъ, ни за торгашей не считаемъ; въ Кахетіи, да и во всей Грузіи, найдется для нихъ много такого дѣла, гдѣ они получатъ хорошіе заработки своимъ трудомъ, а для всего этого нужно жить въ мирѣ и о кинжалахъ позабыть.

— А какъ же деньги-то, стало быть, пропали?

— Повторяю тебѣ, что нѣтъ. По списку этому я справлюсь и узнаю, что возможно, путемъ мира. Если увижу, гдѣ недобросовѣстность, лезгина не дамъ въ обиду... гдѣ же будетъ явная несо-

стоятельность, тамъ надо будетъ ждать и терпѣть. Къ этому вамъ вѣдь не привыкать, деньги лежали въ землѣ и ничего ровно вамъ не давали...

Резоны эти, повидимому, убѣдили Джабо, и онъ принялся усердно за ящикъ съ конфектами.

Въ это время вошла въ кабинетъ моя жена, совсѣмъ еще молодая, и я познакомилъ съ нею наиба. Видѣть европейскую женщину хозяйку для него было совсѣмъ новостію, и это даже смутило его. Жена моя первая съ нимъ заговорила, и предметомъ разговора была его семья. Оказалось, что у него одна жена и нѣсколько отъ нея сыновей и дочерей. Отвѣты эти давалъ онъ не совсѣмъ охотно.

Затѣмъ онъ поднялся съ мѣста. Аудіенція окончилась. При прощаньѣ очень просилъ меня пріѣхать къ нему въ Дидо въ гости.

— Теперь лѣтомъ у насъ очень хорошо, прохладно, чудесные родники, убьемъ для тебя тура, зарѣжемъ барана... Только васъ не смѣю приглашать,—обратился онъ съ улыбкою къ моей женѣ:— хоть у насъ теперь совсѣмъ спокойно, но за васъ не отвѣчаю... какъ бы васъ не похитили.

Это былъ ловко сказанный дидойскій комплиментъ.

Затѣмъ мы дружески разстались, и я ему обѣщалъ полное свое во всемъ содѣйствіе.

Когда онъ уѣхалъ, мнѣ невольно пришло на мысль: могъ ли я, года три тому назадъ, читая въ реляціяхъ газеты «Кавказъ» о страшныхъ подвигахъ этого знаменитаго наиба Шамиля, предполагать, что мнѣ придется угощать его конфектами отъ Ренье. Чудныя бываютъ дѣла на свѣтѣ.

Спустя недѣли двѣ, посѣтили меня сразу еще двое наибовъ: Шао—Анцухскій, и Хизри—Капучинскій. Съ ними былъ тотъ же переводчикъ князь Джорджадзе.

Оба они были одинаковаго возроста, лѣтъ за сорокъ, и оба красавцы, каждый въ своемъ родѣ.

Шао, одинъ изъ любимѣйшихъ наибовъ Шамиля, славился своею богословскою начитанностію, на папахѣ его повязанъ былъ зеленый тюрбанъ, знакъ хаджи, бывшаго въ Меккѣ, онъ прекрасно зналъ поарабски, слѣдовательно читалъ коранъ въ подлинникѣ, твердо его изучилъ, и всѣ говорили о немъ, какъ о строгомъ подвижникѣ.

Въ чохѣ изъ чернаго сукна, безъ всякихъ украшеній, но съ прекрасно оправленнымъ оружіемъ, Шао отличался тонкими правильными чертами лица брюнета, чорными, задумчивыми глазами и имѣлъ видъ монашескій, постническій. Говорили, что онъ дѣйствительно былъ постникомъ.

Хизри составлялъ совершенный его контрастъ: блондинъ, краснощекій, съ голубыми глазами, стройный, ловкій, граціозный и

чрезвычайно симпатичный. Князь Джорджадзе сообщилъ мнѣ, что наружность его соотвѣтствовала и прекрасному характеру, онъ былъ всѣми любимъ и уважаемъ за свою справедливость и честность.

При наибахъ была и свита. Я ихъ усадилъ; на этотъ разъ конфекты были у меня нарочно припасены изъ Тифлиса, все отъ того же Ренье, и бесѣда пошла своимъ порядкомъ. Не припомню всѣхъ ея подробностей, неособенно, впрочемъ, и интересныхъ, но помню только, что Хизри не имѣлъ никакой другой цѣли въ своемъ визитѣ, какъ желанія со мною познакомиться, а у Шао было довольно курьезное дѣло, и онъ, наконецъ, до него добрался, вынувъ изъ-за пазухи какую-то бумагу.

Суть состояла въ томъ, что имеретинскій дворянинъ Б., давно живущій въ Кахетіи и знакомый Шао, занялъ у него триста рублей и не отдаетъ ихъ, не смотря ни на какія напоминанія; наибъ подалъ мнѣ его росписку, писанную на грузинскомъ языкѣ.

Разъ былъ предъявленъ документъ, надо было знать точное его содержаніе, и я поручилъ своему переводчику сдѣлать мнѣ переводъ, а когда тотъ это исполнилъ, то привелъ всѣхъ въ немалое изумленіе. Въ документѣ ни слова не упоминалось о какихъ либо деньгахъ, а на цѣломъ полулистѣ, съ обозначеніемъ числа и года, выражались одни лишь сердечныя пожеланія всѣхъ возможныхъ благъ на этомъ и на томъ свѣтѣ наибу Шао. Внизу была подпись съ хитрымъ росчеркомъ дворянина Б.—Ясно было, что, пользуясь незнаніемъ наиба грузинскаго языка, онъ всучилъ ему документъ фиктивный.

Шао видимо возмутился подобной продѣлкой, и, какъ кажется, тутъ не столько играли роль деньги, какъ его самолюбіе. Но я его успокоилъ и обѣщалъ принять мѣры къ его удовлетворенію; росписка осталась у меня.

Послѣ того наибы поднялись съ своихъ мѣстъ и раскланялись, прося меня, какъ и Джабо, непремѣнно пріѣхать къ нимъ погостить.

Дня черезъ два явился вызванный мною дворянинъ Б. Съ первыхъ же словъ онъ понялъ, что продѣлка его обнаружена, и, видя, что я придаю ей очень серьезный характеръ, поспѣшилъ поправить ее замѣною фиктивнаго документа настоящимъ. При мнѣ же онъ это и сдѣлалъ, назначивъ трехмѣсячный срокъ для уплаты денегъ, и я послалъ этотъ новый документъ при письмѣ своемъ къ Шао. Прежній фиктивный былъ уничтоженъ. Въ послѣдствіи, я узналъ, что Б. заплатилъ свой долгъ аккуратно, въ назначенный срокъ.

Понятно, что подобныя мелкія исторіи, и въ особенности по денежнымъ разсчетамъ, между недавно еще помирившимися сосѣдями, были неизбѣжны и повторялись часто. Разбирать ихъ было не такъ трудно, въ виду того, что обѣ стороны охотно шли на путь примирительнаго соглашенія. Но среди этихъ мелкихъ ка-

зусовъ встрѣчались иногда крупные и чрезвычайно сложные, какъ между самими кахетинцами, такъ и между ними и лезгинами,—казусы, порождаемые особенными тогдашними мѣстными обстоятельствами края, недавно еще перешедшаго отъ постоянной тревоги военнаго времени къ первой мирной порѣ гражданственности.

Изъ подобныхъ казусовъ я разскажу пока два наиболѣе интересные.

III.

За Алазанью, въ устьѣ Кодорскаго ущелья, у самой подошвы лѣваго его выступа въ долину, лежитъ селенiе Шильды. Положенiе его во время минувшей войны было чрезвычайно опасное. Прямо сверху изъ Дидойскаго общества идетъ на него спускъ, правда, по страшнымъ обрывамъ и отвѣснымъ тропамъ, но для лезгинъ они не составляли препятствiй. На верху у кахетинцевъ стояла сторожевая Пахалиставская башня, на которой содержался постоянный ведетъ, на случай предупрежденiя сигналомъ о спускающейся внизъ партiи лезгинъ; но лезгины знали эту башню и обходили ее такъ, что оттуда ихъ часто не видали, а иногда и дѣлали они на нее нападенiе и вырѣзывали всѣхъ тамъ находившихся. Поэтому появленiе ихъ въ Шильдахъ происходило нерѣдко совершенно невзначай и захватывало жителей врасплохъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда въ этомъ селенiи помѣщалось участковое управленiе, спустившаяся однажды партiя лезгинъ перерѣзала всѣхъ въ немъ служащихъ, начиная съ самого засѣдателя, въ числѣ ихъ находился юноша еще, писарь Сукьясовъ; его искромсали кинжаломъ и, считая убитымъ, бросили. Но, какъ у каждаго убитаго нужно было отрѣзывать кисть руки, для того, чтобы нести этотъ трофей начальству для подтвержденiя своего подвига, то лезгинъ, убившiй Сукьясова, принялся съ нимъ и за эту операцiю. Кисть была отрѣзана и по ошибкѣ—лѣвая, тогда какъ нужна была непремѣнно правая; задумываться было нечего, отрѣзана была и правая.

Лезгины ушли, и когда явилась помощь, докторъ увидалъ признаки жизни въ трупѣ молодаго Сукьясова; ему перевязали раны, онъ ожилъ и до сихъ поръ благополучно здравствуетъ. Мы припомнили этотъ эпизодъ, по истинѣ феноменальный.

Хотя участковое управленiе перенесли отсюда въ Кварели, но и послѣ того много разъ повторялись тутъ такiе же погромы, а въ 1854 году, когда Шамиль спустился съ огромнымъ скопищемъ до Пахалиставской башни и отсюда послалъ сына своего Кази-Магому съ елисуйскимъ султаномъ, Данiилъ-бекомъ, грабить Цинандалъ, первою жертвою этой партiи было на пути ея опять же селенiе Шильды.

Когда этотъ страшный смерчъ пронесся надъ Кахетiей, въ не-

счастномъ селеніи немало оказалось женщинъ и дѣтей пропавшими безъ вѣсти. Въ числѣ оплакивавшихъ исчезновеніе своихъ дѣтей были крестьянинъ по имени Иванъ и жена его Нино: у нихъ похитили единственнаго четырехлѣтняго сынка. На деревнѣ нѣсколько было такихъ несчастныхъ отцовъ и матерей, но у тѣхъ были, всетаки, другія дѣти, и они ими утѣшались; у бѣдныхъ же Ивана съ женой не было ихъ, да и болѣе не рождалось. Горькое положеніе. Года шли, и сердечная рана эта не только не залѣчивалась, но все болѣе и болѣе растравлялась и мучила бѣдныхъ людей,—будущее рисовало имъ тягостную, бездѣтную старость.

Но вдругъ, въ 1859 году, все замирилось, лезгины, какъ мы уже сказали, безоружные спустились и покунакались съ кахетинцами, а тогда у бѣдныхъ родителей Ивана и Нино воскресла надежда отыскать своего сына въ горахъ. Они стали разспрашивать лезгинъ, узнавать, которые изъ нихъ были въ набѣгѣ на Шильды въ 1854 году, и мало-по-малу (родительское сердце, и въ особенности матери, дѣлаютъ въ этихъ случаяхъ чудеса) добились наконецъ, что по всѣмъ примѣтамъ ихъ мальчикъ долженъ былъ находиться въ большомъ лезгинскомъ аулѣ Каратѣ. Надо было идти туда, и Иванъ, конечно, пошелъ, захвативъ съ собою денегъ сколько могъ, а когда уходилъ, жена ему одно только повторяла: «помни, что у него на правой лапаткѣ—родимое пятнушко».

Было это уже въ 1860 году, слѣдовательно мальчику пошелъ уже одинадцатый годокъ, и узнать въ немъ четырехлѣтняго, конечно, становилось очень труднымъ; но Иванъ въ Каратѣ узналъ всю подноготную; нашелся лезгинъ, похитившій мальчика, другой, которому онъ продалъ, и третій, перекупившій у втораго, а у него-то мальчикъ жилъ ужъ нѣсколько лѣтъ за роднаго сына. Начались переговоры съ этимъ послѣднимъ; тотъ показалъ мальчика, уже обрѣзаннаго, конечно, ни слова не понимающаго погрузински. Иванъ не могъ признать его, просилъ снять рубашку, и на правой лопаткѣ родинка оказалась какъ бы отпечатанною. Стало быть, сомнѣнія нѣтъ, это онъ... его сынокъ.

Стали торговаться. Ивану помогли и сами лезгины, уговаривая своего земляка не дорожиться, не тѣснить его, знали они, что коли дойдетъ это до начальства, то оно, пожалуй, и даромъ отниметъ мальчика и возвратитъ кахетинцу. Устроилось, наконецъ, все такъ, что счастливѣйшій изъ отцевъ привелъ въ Шильды своего сына къ женѣ и та признала его, опять же по родинкѣ. Мальчикъ пока не понималъ роднаго языка, но это не бѣда, скоро научится; его теперь нужно только холить да кормить хорошенько.

Сосчитали, во чтò все это обошлось, и оказалось до двухъ сотъ рублей. Много, конечно. Залѣзъ Иванъ въ громадный долгъ телавскому армянину Маркарову, ну, да лишь бы сынъ выросталъ, былъ бы добрымъ работникомъ, а тамъ, Богъ дастъ, разсчитаются.

И ростетъ мальчикъ Михако въ холѣ да въ удовольствіи. На деревнѣ многіе уже его знаютъ, а тамошнія деревни не то что наши русскія, выстроенныя въ улицу, тамъ у каждаго свой дворъ съ садомъ, обнесеннымъ каменною оградою, ребятишкамъ не такъ легко между собою знакомиться, а, всетаки, и съ ними онъ сошелся. Сначала они надъ нимъ трунили, извѣстно, не отъ злости, а отъ шалости, но потомъ обошлись, и подружился Михако больше всего съ сынишкой крестьянина Симона. Сакли ихъ были не далеко одна отъ другой, и завелъ его къ себѣ однажды Симоновъ сынъ. Много увидалъ тамъ дѣтей Михако — мальчиковъ и дѣвочекъ—большихъ и совсѣмъ маленькихъ: многосемейный крестьянинъ былъ Симонъ.

А въ то время, какъ ребятишки забавлялись съ своимъ гостемъ, никто не замѣчалъ того, что хозяйка, жена Симона, пристально въ него вглядывалась, ничего ему не сказала, а нѣсколько разъ къ нему подходила и все вглядывалась. Вечеромъ же, когда вся дѣтвора позаснула, хозяйка подсѣла подъ навѣсомъ на скамейку рядкомъ съ своимъ мужемъ Симономъ и завела съ нимъ такую рѣчь:

— Знаешь, Симонъ, кого я сегодня видѣла? Да тебѣ не отгадать. Видѣла я сегодня утромъ, вотъ тутъ на дворѣ, у сакли, нашего Васо.

Симонъ вздрогнулъ и перекрестился.

— Что ты говоришь? Что жъ онъ тебѣ примерещился, что ли?

— Нисколько не примерещился. Сегодня приходилъ сюда, съ нашимъ Сандро, тотъ мальчикъ, котораго привелъ изъ горъ Иванъ; я его первый разъ видѣла и говорю, что это вовсе не его сынъ, а нашъ Васо.

Симонъ снялъ шапку, набожно перекрестился и, подумавъ, сказалъ:

— Сабеда, смотри не затѣвай ты чего нибудь попустому. Ты до сихъ поръ не можешь забыть нашего Васо, и онъ тебѣ вездѣ мерещится. Сколько лѣтъ прошло съ того дня, какъ онъ пропалъ... довольно мы его ужъ оплакали. Дѣтьми насъ Богъ не обидѣлъ, кромѣ него, у насъ еще семеро...

— Полно, полно, не говори такъ, меня не заговоришь. Повторяю тебѣ, что сегодня я видѣла нашего Васо, и если только я не ошибаюсь, то будь у меня не семь, а семьдесятъ дѣтей,—никому его не отдамъ... Слышишь ли ты это... никому.

Симонъ молча закурилъ свою трубочку и сталъ ею пыхтѣть.

— Я только одно хочу узнать,—начала опять Сабеда:—и когда узнаю, тогда все разъяснится. Ты помнишь, что вскорѣ послѣ того, какъ я отняла его отъ груди и онъ уже довольно твердо бѣгалъ... полетѣлъ онъ какъ-то съ тахты на полъ и прямо на какой-то острый черепокъ, который разсѣкъ ему лѣвую ляжку...

— Помню, какъ же не помнить,—отозвался Симонъ и сплюнулъ.

— Ну, вотъ. Помнишь, какъ глубоко онъ ему разсѣкъ ляшку и какъ долго она не заживала. Залѣчила потомъ ужъ старуха Майко, а та до сихъ поръ, слава Богу, здравствуетъ... надняхъ ее видѣла въ церкви. Такъ, когда залѣчила она, остался шрамъ, по крайней мѣрѣ, вершка въ полтора длины. Не можетъ быть, чтобы отъ него и теперь не осталось никакого слѣда. Мнѣ надо непремѣнно это допытать, и тогда все разъяснится.

Долго послѣ того мужъ и жена сидѣли молча подъ навѣсомъ. Наконецъ, Симонъ всталъ съ мѣста.

— Дѣлай какъ знаешь,—сказалъ онъ женѣ:—только будь осторожна и не надѣлай напрасной суматохи. Ты можешь только обидѣть несчастныхъ людей и вооружить ихъ противъ насъ. Грѣшно напрасно обижать.

— Будь покоенъ, старый, я никого напрасно не обижу.

Тѣмъ бесѣда ихъ на этотъ разъ и закончилась, а Сабеда съ слѣдующаго же дня повела свое материнское дознаніе.

Въ памятную для Шильды годину нашествія Шамиля, у нея было уже пятеро дѣтей: три старшихъ дѣвочки и два мальчика, и самымъ меньшимъ былъ бѣлокуренкій Васо. Всѣхъ съумѣла она спрятать какъ насѣдка отъ проклятаго коршуньяго глаза лезгинскаго, но не уберегла послѣдняго. Въ кустахъ, въ поля, попрятались всѣ старшенькіе, а она съ меньшимъ была одна, его еще надо было носить на рукахъ. Притаилась и она съ нимъ въ кустѣ, да вдругъ скачетъ мимо ихъ лезгинъ, и проскакалъ бы, ничего не замѣтивъ; а глупенькій мальчикъ съ испугу заплакалъ, ну, и выдалъ себя. Лезгинъ повернулъ лошадь къ кусту, бросился отнимать ребенка, мать его не давала, онъ полоснулъ ее кинжаломъ, вырвалъ мальчика и съ гикомъ ускакалъ. Отъ большой потери крови вскорѣ лишилась она сознанія, къ вечеру только ее нашли, подняли и перевязали рану. Правое плечо и рука были разсѣчены до кости.

Правда, все это залѣчили и, благодаря Создателю, всѣ другія дѣти нашлись цѣлыми, а потомъ и другихъ еще прибавилось трое; но можетъ ли она когда нибудь позабыть своего Васо. Та минута, когда лезгинъ ударилъ ее кинжаломъ, и она безсильная упала, а онъ выхватилъ у нея мальчика и съ нимъ исчезъ, никогда не изгладится изъ ея памяти. Она сотню разъ видѣла ее во снѣ и всякій разъ послѣ того ходила молиться за младенца Василія.

И послѣ всего этого вдругъ видитъ она его вчера у себя на дворѣ. Это былъ онъ, она не сомнѣвается; но она дала себѣ, а главное мужу обѣщаніе дѣйствовать осторожно и будетъ такъ дѣйствовать. Да зачѣмъ и торопиться, онъ вѣдь теперь здѣсь, живъ, здоровъ, и рано или поздно истина раскроется.

На той же недѣлѣ ея Сандро, родившійся уже послѣ шильдин-

ской катастрофы, года полтора спустя, слѣдовательно младше Васо, привелъ опять съ собою своего новаго друга, носящаго имя Михако. На этотъ разъ тотъ менѣе дичился, да и Сабеда его приласкала и накормила ватрушкою. Возились они съ другими младшими дѣтьми, съ домашнимъ котомъ, съ двумя собаками, и Михако до того засидѣлся, что за нимъ должна была прійдти мать его Нино, чтобы отсюда увести.

Сабеда же, все время глядя на него, думала только: «Вѣдь надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что это мой сынъ. Когда онъ играетъ съ остальными моими дѣтьми, поразительное сходство его съ ними окончательно убѣждаетъ, что онъ ихъ братъ».

Посѣщенія мальчикомъ ея двора стали учащаться, да и Сандро она не стѣсняла ходить къ своему другу и оставаться тамъ подолгу; Нино, ничего не подозрѣвая, тоже очень ласкала Симонова сына, отъ него Михако скорѣе всего научался говорить погрузински. А между тѣмъ Сабеда съ женскою настойчивостію и ловкостію добилась таки давно задуманнаго, замѣтила она однажды, какъ бы не взначай, мальчику, что у него шаровары разорвались, сняла ихъ съ него, чтобы заштопать, а при этомъ оголила его лѣвую ногу и... нашла тотъ самый бѣлый рубецъ, который нѣсколько недѣль уже лишалъ ея сна.

Тутъ вся выдержка ей измѣнила, она схватила своего Васо въ материнскія объятія и залилась слезами. Мальчикъ перепугался, ничего не понимая, сбѣжались остальныя дѣти, всѣ домашніе... никто ничего не понималъ и видѣли только, что Сабеда держитъ мальчика въ объятіяхъ, плачетъ и голоситъ: «Это мой Васо, ненаглядный Васо... теперь у меня никто его не отниметъ, никому его не отдамъ»...

Послали за Симономъ; онъ работалъ въ саду, до него было полчаса ходьбы. Пришелъ старикъ, узналъ въ чемъ дѣло, и стало ему радостно и грустно. Радостно, что нашелся сынъ, грустно, что придется отбирать его у несчастнаго, долго сиротѣвшаго сосѣда...

Порѣшили мальчика не отпускать къ Ивану (онъ и самъ понялъ въ чемъ дѣло и тоже радовался), и пошли Симонъ съ женой къ священнику. Батюшка выслушалъ ихъ, и всѣ трое направились къ бѣдному Ивану.

Нелегко передать всѣ подробности раздирающей сцены, тамъ происшедшей. Второй разъ въ жизни лишаться единственнаго сына было слишкомъ тяжкимъ ударомъ для несчастныхъ родителей. Нино обезумѣла, когда ей сказали въ чемъ дѣло, и сакля огласилась громкимъ, раздирающимъ душу ея плачемъ и воплемъ, среди которыхъ раздавались отрывыстыя слова: «Не правда... ложь... Это мой сынъ Михако... а родинка?.. отдайте мнѣ его, отдайте!»...

Вся деревня сбѣжалась на шумъ, дворъ Ивана наполнился его сосѣдями.

— Эта женщина лжетъ... хочетъ украсть у меня мое дитя... прогоните ее отсюда... отдайте мнѣ моего ребенка...—слышался отчаянный голосъ Нино.

Пришелъ и самъ старшина селенія, Лазарь, старикъ разумный, уважаемый, выслушалъ какъ ту, такъ и другую сторону и, обсудивъ все, началъ говорить степенно:

— Мудреное ваше дѣло... не легко разобрать его и безъ суда тутъ не обойдется; а только вы, Симонъ и Сабеда, не путемъ поступаете. Зачѣмъ задержали у себя мальчика, это самоуправство!

— Хорошо, хорошо говоритъ старшина,—послышалось въ толпѣ.—Правда... правда...

— Иванъ,—продолжалъ старшина:—ходилъ за нимъ въ Карату, перенесъ много трудовъ, израсходовалъ много денегъ и привелъ мальчика... пока что, а онъ его мальчикъ, и никто у него не смѣетъ его отнимать.

— Правда, правда твоя, старшина!—слышалось опять изъ толпы.

— А потому,—продолжалъ онъ:—ступай, Симонъ, тотчасъ же къ себѣ въ домъ и приведи оттуда мальчика.

Симонъ повиновался и черезъ нѣсколько минутъ мальчикъ былъ возвращенъ. При видѣ его Нино разрыдалась, впилась въ него. Симону съ женою ничего не осталось, какъ уйдти отсюда, священникъ успокоивалъ ихъ и наставлялъ вооружиться терпѣніемъ.

— Судъ разберетъ и Богъ раскроетъ истину.

Но пока судъ да дѣло, пока Симонъ надумался идти къ начальству и просить разобрать его съ Иваномъ, между женщинами пошла своя исторія. Для нихъ законы вѣдь не писаны.

Дня черезъ два послѣ сходки и водворенія мальчика въ домъ Ивана, мальчикъ пропалъ; ясно было, что его похитила Сабеда. Иванъ, человѣкъ спокойный и чрезвычайно добродушный, какъ всѣ кахетинцы, пошелъ самъ къ Симону, тоже хорошему и уважаемому имъ человѣку, и сказалъ ему, что такъ поступать не годится. Симонъ самъ ничего не зналъ о похищеніи мальчика и изъ саду, гдѣ работалъ, пошелъ съ Иваномъ къ себѣ въ саклю и, кликнувъ Сабеду, приказалъ ей тотчасъ же возвратить плѣнника.

Та только выругалась и, съ видомъ полной непричастности къ исчезновенію мальчика, объявила, что она ничего объ немъ не знаетъ: «Какъ смѣютъ ее въ этомъ заподозрѣвать. Она и говорить-то не хочетъ о такомъ вздорѣ... Хороша мать Нино, коли не умѣетъ усмотрѣть за своимъ сыномъ. Ха! ха! ха!»

Иванъ и Симонъ ушли съ пустыми руками. Черезъ часъ явилась сама Нино и, не входя во дворъ, окликнула Сабеду. Та подошла къ забору, и между ними пошла перебранка, чуть не дошедшая до камней; къ счастію, подоспѣли мужья и развели ихъ.

Да куда же дѣвался мальчикъ? А спрятала его дѣйствительно Сабеда и тайно передала старшей своей дочери, выданной весною

замужъ, въ сосѣднее селеніе Сабуи, тамъ онъ былъ припрятанъ. Самъ Симонъ ничего объ этомъ не подозрѣвалъ.

Но прошло нѣсколько дней, Нино ломала себѣ голову, всѣ ея поиски въ своемъ селеніи, всѣ подосланные ею шпіоны къ Сабедѣ убѣдили ее, что Михако нѣтъ въ Шильдахъ, и она догадалась тогда, что его надо искать въ домѣ Тамары, дочери Симона, въ Сабуяхъ. Какъ пантера она туда подкралась, выждала, когда мальчикъ выбѣжалъ изъ двора, схватила его за руку и привела къ себѣ, прежде чѣмъ хватились его въ Сабуяхъ. Когда же тамъ хватились, пошла новая суматоха между Тамарой и Сабедой.

Онѣ, конечно, знали, чья была тутъ рука, и съ этого момента сдѣлались союзницами для будущаго, новаго похищенія.

Нино между тѣмъ не отпускала своего Михако отъ себя буквально ни на шагъ, клала его спать возлѣ себя, баловала елико возможно, кормила сладостями, зазывала къ нему другихъ сосѣднихъ мальчиковъ и тѣхъ баловала и закармливала, но только, повторяемъ, своего ни на шагъ отъ себя не отпускала. Такъ прошло недѣли двѣ; при этомъ натянутомъ положеніи ей, конечно, нельзя было упускать хозяйственныхъ заботъ и работъ, и вотъ однажды, истомившаяся непосильнымъ трудомъ, уложивъ спать Михако, она и сама вскорѣ легла и заснула, какъ убитая. Спала нѣсколько часовъ и, по привычкѣ просыпаться среди ночи, не смотря на особенно крѣпкій сонъ, проснулась и на этотъ разъ. Первое ея движеніе было поглядѣть на Михако и прикрыть его, такъ какъ онъ обыкновенно во снѣ разметывался, и вдругъ... на тахчѣ его не оказалось...

— Нѣтъ! уже это черезчуръ велико испытаніе!—вырвалось у ней восклицаніе.

Она разбудила Ивана, и тутъ опять началась самая мучительная сцена.

Сомнѣнія не было ни малѣйшаго, что мальчикъ опять въ рукахъ Сабеды; на другой день ихъ еле-еле могли растащить. Онѣ вцѣпились въ косы.

Этотъ послѣдній пассажъ вывелъ наконецъ Ивана и Симона изъ апатіи; они убѣдились, что такъ дальше жить нельзя, бабы дойдутъ до какого нибудь криминала; надо идти къ начальству и просить его, чтобы оно порѣшило, что дѣлать.

И вотъ оба они пришли ко мнѣ и разсказали все по порядку, обстоятельно.

Выслушавъ ихъ и разспросивъ подробно, я почувствовалъ всю тягость своего положенія. Приходилось поневолѣ взывать къ премудрому Соломону и молить его, чтобы онъ удѣлилъ хотя частицу своей мудрости.

Не разбирая дѣла, оставить мальчика въ домѣ Ивана, въ силу того, что тотъ потратился на его поиски и привелъ его изъ горъ,

не повело бы ни къ чему новому. Женщинъ этимъ не урезонишь и не заставишь не выкрадывать мальчика, одной у другой, до безконечности, и если это не доведетъ ихъ до преступленія, то во всякомъ случаѣ будетъ весьма вредно вліять на нравственность ребенка.

Слѣдовательно дѣло необходимо разобрать, но какъ: коллегіальнымъ судомъ, или одноличною властію административною?

Гдѣ же опредѣляется подсудность такихъ дѣлъ?

Но допустимъ, что коллегіальный судъ принялъ бы къ своему разбирательству это дѣло; онъ долженъ былъ бы, до собранія всѣхъ формальныхъ доказательствъ, всетаки, временно оставить мальчика въ селеніи Шильдахъ, у котораго нибудь изъ отцевъ, и тогда началось бы опять выкрадываніе его матерьми, по очереди.

Далѣе, судъ, войдя въ сношеніе съ разными подлежащими вѣдомствами Дагестана, велъ бы дѣло не скоро, прошелъ бы, пожалуй, и десятокъ лѣтъ, а въ это время, повторяемъ, если бы ничего не случилось криминальнаго, то навѣрное изъ малаго, ни къ чему не пріуроченнаго, вышелъ бы отъявленный негодяй.

Одноличною административною властію рѣшать такое дѣло я тоже считалъ немыслимымъ, тогда дѣйствительно приходилось бы дѣлаться, ex officio, премудрымъ Соломономъ, а эта роль черезчуръ щекотлива.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній я пришелъ къ тому убѣжденію, что лучше всего дѣло это, не откладывая, слѣдуетъ предоставить рѣшенію суда всего селенія. Вопросъ состоялъ лишь въ организаціи формы этого чрезвычайнаго суда. Читатель не долженъ забывать, что все это было до освобожденія крестьянъ и введенія сельскаго самоуправленія. Слѣдовательно не было и готоваго положенія, которымъ я могъ бы руководствоваться для формы суда. Мнѣ приходилось изобрѣтать ее самому.

Симонъ и Иванъ были крестьянами казенными, а какъ уѣздный начальникъ я былъ ихъ и попечителемъ, слѣдовательно вдвойнѣ заинтересованъ правильностію рѣшенія ихъ дѣла. Преимущество въ данномъ случаѣ суда всего селенія передъ всякимъ другимъ судомъ они сами сознавали и изъявили согласіе на этотъ судъ. А тогда, сказавъ имъ, что пріѣду въ Шильды черезъ три дня, я тотчасъ же поручилъ кварельскому участковому засѣдателю (по-нашему, исправнику) быть тамъ въ назначенный день и собрать все селеніе.

Къ этому казусу я счелъ лучше всего примѣнить процедуру суда присяжныхъ, и дѣло происходило такимъ образомъ.

Прежде всего взяты были подписки отъ обоихъ отцевъ и матерей, что они согласны на судъ селенія и безусловно подчинятся его рѣшенію.

Мальчикъ находился на лицо, я его подозвалъ и посадилъ возлѣ себя.

Затѣмъ селенію поручено было выбрать изъ среды своей добросовѣстныхъ людей, хозяевъ, не моложе 30 лѣтъ.

Изъ числа ихъ обѣ стороны отвели по шести, а изъ оставшихся двадцати четырехъ, имена которыхъ написаны были на скрученныя бумажки и опущены въ чашку, самъ мальчикъ вынулъ двѣнадцать именъ.

Эти-то крестьяне, приведенные къ присягѣ и посаженные на отдѣльныхъ двухъ скамьяхъ, и были представителями совѣсти всего селенія.

Каждое дѣйствіе свое я объяснялъ обѣимъ сторонамъ и тогда только переходилъ къ слѣдующему, когда обѣ стороны говорили мнѣ, что поняли предъидущее.

Когда все было подготовлено, я далъ первое слово Ивану и Нино.

Нино ссылалась прежде всего на родинку, считая ее сильнѣйшимъ доказательствомъ. Мальчикъ былъ раздѣтъ, и родинка его показана. Нино потомъ передала подробности о розыскахъ мужемъ ея сына ихъ въ аулѣ Каратѣ. Иванъ представилъ разсчеты свои по истраченнымъ на поиски деньгамъ, они доходили до 200 рублей. Больше ничего не имѣли прибавить Иванъ и Нино.

Затѣмъ было дано слово Симону и Сабедѣ.

Сабеда привела всѣхъ своихъ семерыхъ дѣтей и просила поставить среди нихъ спорнаго мальчика, для того, чтобы видѣть между ними сходство.

Это было исполнено. Сходство было поразительно.

Затѣмъ Сабеда представила свидѣтельницею старушку-лѣкарку Майко, та была приведена къ присягѣ и подтвердила, что мальчика она дѣйствительно лѣчила отъ раны. Его раздѣли, и на указанномъ мѣстѣ оказался значительный шрамъ.

На вопросъ, обращенный къ Сабедѣ, была ли у сына ея на правой лопатѣ родинка, она отвѣтила, что не помнитъ, можетъ быть, и была, но она ей не придавала особеннаго значенія.

Больше ничего не имѣли сказать Симонъ и Сабеда.

Обратившись послѣ того къ присяжнымъ, я имъ объяснилъ, что дѣло ихъ состоитъ лишь въ томъ, чтобы, удалившись въ отдѣльную комнату, они пришли къ единогласному рѣшенію по чистой совѣсти: чей это мальчикъ—Ивана, или Симона? Отвѣтъ этотъ долженъ дать отъ лица всѣхъ одинъ изъ нихъ, выбранный ими.

Они удалились, просидѣли довольно долго и, выйдя, отвѣтили: «Мальчикъ — сынъ Симона».

На основаніи этого вердикта, я и постановилъ рѣшеніе: мальчика вручить Симону, какъ признаннаго селеніемъ его сыномъ, а его обязать уплатить Ивану 200 р., употребленные имъ на расходы по розыску мальчика въ Каратѣ.

У Симона деньги были припасены, онъ ихъ выложилъ на столъ, онѣ были вручены Ивану подъ росписку, а мальчикъ отданъ Сабедѣ.

Ужасно грустный былъ видъ у Ивана и Нино, они удалились съ понуренными головами.

Симонъ съ Сабедой и со всею своею проженитурой ушли торжествующіе. Когда выѣзжалъ я изъ селенія черезъ какихъ нибудь полчаса, дорога шла мимо дома Симона, и я видѣлъ въ саду пиръ горой, масса у него гостей пила и веселилась.

Прошло болѣе мѣсяца, въ Шильдахъ все успокоилось. Иванъ и Нино вполнѣ подчинились рѣшенію сельскаго суда, перебѣжки мальчика изъ дому въ домъ прекратились, и послѣ того по дѣламъ службы привелось мнѣ быть въ Тифлисѣ. Исправляющимъ должность намѣстника былъ князь Григорій Димитріевичъ Орбеліани, и когда я ему представлялся, всегда любезный и благосклонный ко мнѣ, онъ шутя мнѣ сказалъ:

— Что же вы, батюшка, творите тамъ у себя въ уѣздѣ? На васъ подалъ мнѣ надняхъ жалобу какой-то кварельскій мужикъ, что вы сына его будто бы розыграли въ лотерею. Жалобу передалъ я вице-губернатору Барановскому, онъ теперь за губернатора; пожалуйста, дайте мнѣ поскорѣе объясненіе, это, должно быть, очень курьезное дѣло.

Конечно, объясненіе я далъ тотчасъ же, оно вызвало немало толковъ, но въ результатѣ имъ удовлетворились и даже благодарили. Очень смѣялись остроумному автору кляузы, не обошедшейся, по всему вѣроятію, мужику Ивану даромъ. Онъ-то самъ, разумѣется, и не подозрѣвалъ всей соли своей жалобы, писанной порусски.

Не рутинная была дѣйствительно избранная мною на этотъ разъ для суда селенія форма; но я и до сихъ поръ убѣжденъ, что она въ данномъ случаѣ была чуть ли не лучшею. Жалоба Ивана не осталась безъ послѣдствій. Въ немъ и бѣдной его женѣ было принято живѣйшее участіе и оказано было имъ содѣйствіе въ новыхъ поискахъ настоящаго ихъ сына. Но, къ сожалѣнію, они не увѣнчались успѣхомъ. И надо полагать, что мальчикъ ихъ погибъ при нападеніи лезгинъ на Шильды.

Другой казусъ тоже былъ не заурядный.

IV.

Время отъ времени, въ лѣтнюю пору, съ лезгинской нашей линіи дѣлались поиски въ горы и назывались они лѣтними экспедиціями.

При этомъ обыкновенно передовую нашу цѣпь составляла грузинская дружина. О томъ, что эта была за часть, говорить, кажется, излишне. Молодецъ къ молодцу, безстрашные, неутомимые, знающіе превосходно каждую горную тропинку, эти милиціонеры были драгоцѣннѣйшимъ войскомъ въ цѣпи, и лезгины страшно ихъ

боялись. Обшарить ихъ горныя трущобы никто такъ не умѣлъ, какъ грузинская дружина, а командирами ея бывали обыкновенно люди, извѣстные своею распорядительностію, спокойствіемъ и беззавѣтною стойкостію.

Въ одной изъ такихъ экспедицій, подъ командою генерала барона Вревскаго, грузинская дружина съ своимъ командиромъ, княземъ Георгіемъ Джандіеровымъ, очуталась отрѣзанною большою партіею лезгинъ отъ нашего главнаго отряда. Лезгины ее окружили, и Джандіеровъ долженъ былъ укрыться въ находящейся тутъ башнѣ. Осталась одна лишь отчаянная въ ней себя защита. Лезгинъ была масса, и они рѣшили взять башню, во что бы то ни стало. Пущена была въ ходъ горная ихъ артиллерія и приступъ слѣдовалъ одинъ за другимъ, но все было напрасно, двое сутокъ держались уже милиціонеры, когда баронъ Вревскій пододвинулся ближе и, слыша учащенную пальбу, послалъ молодца охотника сообщить Джандіерову, чтобы тотъ держался, что онъ его скоро выручитъ.

Ночью проползъ охотникъ (тоже милиціонеръ) сквозь непріятельскую сонную толпу, добрался до башни и передалъ приказаніе. Джандіеровъ оставилъ его при себѣ, а самъ послалъ своего нарочнаго съ такимъ отвѣтомъ барону Вревскому: «У нихъ, слава Богу, все обстоитъ благополучно, пороху, свинцу и съѣстныхъ припасовъ хватитъ еще на недѣлю, а поэтому пусть генералъ не безпокоится и не особенно спѣшитъ ихъ выручать, а если ему понадобится секурсъ, такъ только бы онъ далъ имъ сигналъ тремя пушечными выстрѣлами, и они тогда сдѣлаютъ вылазку, прорвутся сквозь непріятельскіе ряды и явятся къ нему».

Само собою разумѣется, что ни до чего подобнаго не дошло, секурса Вревскому было совсѣмъ не нужно, и на другой же день онъ выручилъ Джандіерова.

Мы разсказали этотъ одинъ изъ множества эпизодовъ, чтобы показать, какой духъ былъ у грузинской дружины и ея командировъ въ войнѣ съ горцами.

Итакъ, въ одинъ изъ подобныхъ поисковъ въ горы, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, грузинская дружина, обшаривъ одинъ изъ ауловъ Дидойскаго общества, нашла тамъ брошенную дѣвочку лѣтъ 6—7. Милиціонеры ее забрали съ собою и привели въ Кахетію, а тамъ, какъ только стало извѣстнымъ о такой плѣнницѣ, тотчасъ же явился желающій взять ее къ себѣ какъ дочь и воспитывать. То былъ состоятельный помѣщикъ и владѣлецъ имѣнія, въ селеніяхъ Руисъ-пири и Икальто, князь Тато Макаевъ.

Онъ и жена его приняли дѣвочку, вымыли, вычесали, одѣли, приласкали и, когда она стала говорить погрузински, начали учить ее всему, что требуется для кахетинской женщины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и окрестили. Прошло нѣсколько лѣтъ, изъ дѣвочки

стала выравниваться довольно красивая дѣвушка, ничѣмъ не отличающаяся отъ кахетинокъ, рукодѣльница, грамотная, прекрасно танцующая лекури и давлури, два мѣстныхъ и очень граціозныхъ танца, бойко говорящая погрузински и совсѣмъ почти позабывшая свой родной лезгинскій.

Между женщиной грузинкой и лезгинкой—небо отъ земли. Первая знаетъ только свой домъ, свой очагъ и заботится о его хозяйствѣ и комфортѣ; въ работахъ же дальше рукодѣлья она не идетъ,—все остальное до нея не касается. Грузинъ окружилъ женщину,—свою жену, мать, дочь,—особымъ почетомъ, особою во всемъ нѣгою. Онъ считаетъ себя несчастнымъ, если не имѣетъ возможности надѣлить ихъ роскошными нарядами и украшеніями.

У лезгинъ совсѣмъ не то. Женщина тамъ работница, самая чернорабочая. Дома у себя лезгинъ ничего не дѣлаетъ, стругаетъ только палочку для препровожденія времени, а женщины его работаютъ въ полѣ, рубятъ дрова, шьютъ, готовятъ кушанья и носятъ на своей спинѣ невѣроятныя тяжести. Словомъ, это рабочая сила; лезгинъ крѣпко уважаетъ свою женщину, боится ее, но галантерейнаго обращенія съ нею не знаетъ. Часто случается видѣть такія сцены. Идутъ лезгины—мужъ и жена; мужъ съ трубочкой въ зубахъ, на-легкѣ, а жена, навьюченная до того, что пригибается къ землѣ. Подходятъ они къ рѣчкѣ, жена еще болѣе нагибается, мужъ садится на этотъ живой стулъ и переѣзжаетъ на немъ черезъ рѣчку, чтобы не замочить своихъ чувяковъ. Но пусть попробуетъ кто нибудь коснуться этой вьючной женщины, а тѣмъ болѣе оскорбить ее, кинжалъ мужа ея будетъ «ночевать въ животѣ» оскорбителя, по выраженію казачьему.

Послѣ всего сказаннаго, можно себѣ представить, какъ велико разстояніе между этими женщинами, въ понятіяхъ, въ привычкахъ и, наконецъ, въ развитіи физическихъ силъ; сдѣлать изъ лезгинки—грузинку возможно, но изъ послѣдней первую немыслимо.

Когда пришло замиреніе Дагестана и когда, какъ мы сказали, дидойцы покунакались съ кахетинцами, нѣкоторые изъ нихъ добрались до Руисъ-пири и Икальто и узнали вскорѣ, что у князя Тато Макаева проживаетъ землячка ихъ, сдѣлавшаяся теперь настоящей грузинской барышней. Начались о ней толки въ Дидо, о тамъ тоже было нѣсколько такихъ матерей, какъ Сабеда и Нино въ Шильдахъ, сердце ихъ материнское сказалось, и онѣ стали наводить справки о своей дѣвочкѣ.

Лезгины зачастую являлись ко мнѣ въ гости, обыкновенно цѣлыми толпами, иногда по какому нибудь дѣлу, а то и такъ, чтобы покалякать. Всякій разъ вваливались они ко мнѣ въ кабинетъ въ своихъ нагольныхъ тулупахъ и папахахъ и начиналось рукопожатіе съ каждымъ по очереди, затѣмъ завязывалась бесѣда. Одинъ разъ цѣлая такая партія пришла ко мнѣ съ чрезвычайно радост-

нымъ извѣстіемъ: Джабо получилъ апеляты (т. е. эполеты), или, другими словами, произведенъ былъ въ прапорщики по милиціи. Это было положительно событіемъ въ Дидо, и я послалъ наибу и свое поздравленіе.

Итакъ визиты лезгинскіе были мнѣ не въ диковину, а потому, когда мнѣ доложили, что пришла ко мнѣ новая ихъ партія, я приказалъ ихъ ввести въ кабинетъ, ожидая и на этотъ разъ чего нибудь забавнаго. Но на этотъ разъ вышло иначе. Вошло человѣкъ двадцать, и послѣ рукопожатія одинъ изъ нихъ вручилъ мнѣ пакетъ съ печатью. То было письмо отъ начальника сѣвернаго Дагестана, генерала князя Семена Осиповича Шаликова.

Шаликовъ принадлежалъ къ числу грузинъ, особенно выдающихся своими прекрасными качествами души.

Старый служака, георгіевскій кавалеръ, онъ въ этомъ отношеніи не дѣлалъ исключенія между своими земляками; но, поверхъ этого, рыцарь честности, умѣренный въ своихъ личныхъ потребностяхъ, строгій къ себѣ, онъ отличался большою начитанностію, въ особенности литературы духовной. Многіе считали его за чудака, но стоило узнать его поближе, чтобы вполнѣ оцѣнить этого прекраснаго, добраго, умнаго и чистаго душой человѣка. Дагестанъ онъ зналъ превосходно, тамъ прошла вся его служба, тамошніе мѣстные діалекты ему были знакомы и сѣверною его частію управлялъ онъ со дня замиренія, причемъ отношенія его къ лезгинамъ отличались замѣчательною гуманностію. Онъ даже отчасти опоэтизировалъ своихъ горцевъ. При назначеніи меня сюда на службу, я вскорѣ познакомился съ сосѣдомъ своимъ княземъ Шаликовымъ, и наши отношенія были наилучшія; а поэтому пакетъ, принесенный отъ него лезгинами, меня очень заинтересовалъ.

Князь просилъ моего содѣйствія въ дѣлѣ чрезвычайно важномъ и щекотливомъ, о которомъ передадутъ мнѣ на словахъ сами лезгины. Онъ присовокупилъ, что на это дѣло обращено вниманіе всего Дидо.

Изъ первыхъ же словъ лезгинъ я понялъ, что они пришли за своей дѣвочкой, живущей въ Икальто у князя Макаева. Въ числѣ пришедшихъ были три ея брата, ребята лѣтъ 19—20.

Я имъ объяснилъ, что безъ князя Тато ничего не могу имъ сказать, и потому тотчасъ же попрошу его сюда пожаловать, а ихъ приглашаю остаться въ Телавѣ и ждать.

На другой же день, утромъ пріѣхалъ Макаевъ. Онъ былъ самый добродушнѣйшій и не глупый человѣкъ. Когда я ему объяснилъ въ чемъ дѣло, онъ разставилъ только руки.

— Да возможно ли выполнить такое требованіе этихъ дикарей,— началъ онъ.—Дѣвочка живетъ у меня восьмой годъ, крещена, ей уже скоро шестнадцать лѣтъ, мы ее мѣсяцъ тому назадъ обручили.. Нѣтъ! да это немыслимо. Жена моя любитъ ее какъ дочь, нало

не имѣть никакой къ ней жалости, чтобы отдавать ее этимъ дикимъ.

— Конечно, все это правда,—отвѣчалъ я князю: — но потому-то мнѣ и кажется, что въ этомъ случаѣ легче всего отъ нихъ отдѣлаться, объяснивъ имъ все это. Крещена, обручена, слѣдовательно, какое же можетъ быть тутъ возвращеніе ея къ нимъ. Но, всетаки, объясненіе съ ними вамъ необходимо, по мнѣнію моему. Имъ нужно внушить, на сколько желаніе ихъ не выполнимо, да главное, что и дѣвочка сама откажется ѣхать теперь въ Дидо.

— Да, тутъ не можетъ быть и сомнѣнія. Она привыкла теперь къ чистотѣ, опрятности, языка этого ужъ не понимаетъ... Если ее гнать, такъ она не пойдетъ туда.

— Такъ тѣмъ лучше, князь, и я бы попросилъ васъ, чтобы все это покончить поскорѣе, привести эту дѣвушку сюда ко мнѣ, и тутъ мы можемъ устроить ея свиданіе съ лезгинами. Она сама имъ скажетъ, что не можетъ вернуться къ нимъ.

— Я сдѣлаю это хоть сейчасъ же. Вѣдь Икальто всего шесть верстъ отсюда, часа черезъ два я буду у васъ съ нею.

— Пожалуйста, князь.

И дѣйствительно черезъ два часа князь Макаевъ вернулся съ дѣвушкой и священникомъ.

Дѣвушка была довольно красива, но совершенно инаго, не грузинскаго типа, она скорѣе походила на нашу русскую. Ей объяснилъ князь Макаевъ, для чего она приглашена, но на вопросы мои: желаетъ ли она остаться у Макаева или вернуться въ Дидо, она ничего не отвѣчала. Князь объяснялъ это дѣвичьею застѣнчивостію.

Священникъ просилъ слова и, конечно, получилъ его.

— Отдавать, ваше выс—діе, христіанскую дѣвушку мусульманамъ,—началъ онъ:—законъ не позволяетъ. Вѣдь это значитъ наталкивать ее на совращеніе, а совратится она—будетъ подлежать тяжкому наказанію.

— Кто же говоритъ, батюшка,—отвѣтилъ я ему:—объ отдачѣ христіанской дѣвушки мусульманамъ. Тутъ и рѣчи объ этомъ нѣтъ. Къ дѣвушкѣ пришли ея родные братья, отъ которыхъ она была оторвана силою. Они были тогда нашими врагами, теперь наши друзья и такіе же подданные русскаго царя, какъ мы съ вами. Не совершенно ли это естественно и законно, что они желаютъ теперь видѣть свою сестру и зовутъ ее съ собою домой, къ матери. Если она дѣйствительно понимаетъ невозможность исполнить ихъ желаніе, то тутъ у меня, въ кабинетѣ, она имъ и скажетъ, во-первыхъ, что она христіанка, а, во-вторыхъ, что она обручена. Я спрошу васъ только, батюшка, дѣйствительно ли она понимаетъ смыслъ христіанскаго закона?

— О, на счетъ этого, ваше выс—діе, я не сомнѣваюсь. Она очень набожна, исполняла всѣ посты и въ законѣ мною наставлена твердо

— Обручали ее насильно или по доброй ея волѣ?

Князь Макаевъ засмѣялся.

— Женихъ у нея милиціонеръ такой красавецъ, что тутъ не требовалось никакого принужденія.

— Тѣмъ лучше, и вотъ теперь, когда мы здѣсь пока вчетверомъ, спросите ее еще разъ, какъ она сама желаетъ поступить, то есть остаться ли у васъ, или идти въ Дидо?

Князь и священникъ спросили дѣвушку, та зардѣлась, закрылась платкомъ и, наконецъ, тихо отвѣтила: «Остаться въ Икальто».

— Ну, вотъ и прекрасно. Теперь не думаете ли вы, что можно бы было позвать лезгинъ?

— Конечно, можно,—отвѣтили въ одинъ голосъ Макаевъ и священникъ.

Минутъ черезъ десять ввалилась въ кабинетъ вся компанія лезгинъ, и началось опять съ рукопожатія со мною. Я ихъ всѣхъ разсадилъ, кого на стулья, кого на полъ, а троихъ братьевъ особо на диванѣ, и началъ говорить.

— Сестра ваша здѣсь, вотъ она, поглядите на нее и узнаете ли?

Они подошли къ ней, посмотрѣли и потомъ, вернувшись на свое мѣсто, отвѣтили:

— Видимъ и узнаемъ.

— Теперь слушайте же. Сестра ваша приняла христіанскій законъ и другой съ вами вѣры. Обратиться ей опять въ мусульманство нельзя, нашъ законъ не позволяетъ и строго за это наказываетъ.

— Отчего же,—перебилъ меня одинъ изъ братьевъ:—когда мы мѣняемъ нашу вѣру на христіанскую, русскій законъ насъ за это не наказываетъ? Мы вѣдь всѣ живемъ подъ русскимъ закономъ?

Задалъ мнѣ крутой вопросъ дидоецъ, но надо было какъ нибудь выкрутиться.

— Всѣ вѣры передъ нашимъ закономъ одинаковы, онъ всѣхъ ихъ поддерживаетъ и уважаетъ, но первое мѣсто дается той вѣрѣ, которую исповѣдуетъ самъ царь. А потому эту вѣру мѣнять нельзя. За это наказываютъ.

Отвѣтъ мой вполнѣ удовлетворилъ вопрошателя.

— Сестра ваша исповѣдуетъ теперь эту вѣру, и если она совратится въ мусульманство, то будетъ подлежать тяжкому наказанію. А можетъ ли она не совратиться, вернувшись къ вамъ, вѣдь вы не позволите ей молиться похристіански?

Братья молчали.

— Затѣмъ я присовокуплю еще, что она уже обручена и свадьба ея будетъ скоро... Спросите ихъ,—сказалъ я переводчику:—понимаютъ ли они мои слова и обдумали ли они ихъ, а если обдумали и поняли, то не находятъ ли они сами, что требованіе ихъ возвратить сестру въ Дидо встрѣчаетъ серьёзныя препятствія.

Переводчикъ долго объ этомъ втолковывалъ братьямъ и, наконецъ, получилъ такой отвѣтъ:

— Мы хотимъ знать ея собственное желаніе.

Тогда я обернулся къ Макаеву и священнику и пригласилъ ихъ объяснить дѣвушкѣ, что теперь пришла такая минута, когда она однимъ своимъ словомъ порѣшитъ дѣло.

Макаевъ и священникъ отвели дѣвушку немного въ сторону и стали говорить ей что-то вполголоса. Наступила минута торжественная. Я всталъ съ мѣста и всѣ лезгины поднялись.

Дѣвушка, опустя голову, молча слушала Макаева и священника, слезы текли у нея ручьями. Въ комнатѣ воцарилась совершенная тишина.

Вдругъ лезгинка подняла голову, глаза у ней заблистали, и она бросилась въ толпу лезгинъ.

Произошло что-то невыразимое, поразившее всѣхъ. Въ этомъ нѣмомъ ея движеніи выразилось окончательное ея рѣшеніе.

Она рѣшила идти домой, въ Дидо.

Довольно долго мы всѣ не могли прійдти въ себя. И священникъ, и Макаевъ были поражены. Но я считалъ невозможнымъ насиловать голосъ природы и объявилъ, что не нахожу препятствій къ возвращенію дѣвушки въ Дидо.

Въ отвѣтъ на это лезгины дрогнули, и первымъ ихъ движеніемъ было поздороваться съ дѣвушкой. А здороваются съ женщиной они не по-нашему: у нихъ объятій и поцѣлуевъ нѣтъ. Каждый похлопалъ ее по плечу, и тутъ же стали они навьючивать на нее всякую хурду-мурду, т. е. тряпье.

Послѣ рукопожатій вся толпа съ лезгинкой двинулась восвояси, и черезъ нѣсколько минутъ, когда она проходила мимо моихъ оконъ, лезгинка оказалась навьюченною, какъ ишакъ. Ей съ перваго же момента приходилось испытывать на себѣ тягостную метаморфозу изъ кахетинки въ дидойку, но она шла бодро.

Макаевъ и священникъ уѣхали отъ меня совсѣмъ грустные.

Спустя недѣлю, получилъ я письмо отъ князя С. Шаликова. Онъ сердечно благодарилъ меня за возвращеніе дидойцамъ ихъ дѣвушки и увѣрялъ меня, что только такимъ справедливымъ путемъ можно привлечь сердца горцевъ. Онъ видѣлъ въ нихъ людей, проникнутыхъ двумя возвышенными чувствами: благородствомъ мысли и признательностію, словомъ, былъ влюбленъ въ нихъ и какъ на зло, года два спустя, погибъ при возмущеніи Закатальскаго округа, первымъ зачинщикомъ котораго былъ облагодѣтельствованный имъ лезгинъ Хаджи Муртузъ.

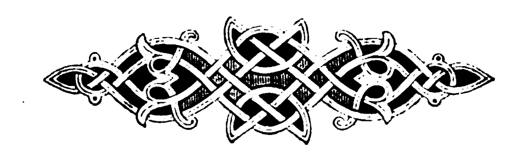
Какъ бы то ни было, иначе рѣшить этого казуса я не могъ еще и по другимъ соображеніямъ. Прежде всего нельзя было не подумать о послѣдствіяхъ отказа моего выдать дѣвушку лезгинамъ, тогда какъ она сама изъявила желаніе вернуться въ родное свое

общество. Положимъ, что я не пустилъ бы ее туда, мотивируя дѣйствіе свое религіозными поводами; къ чему бы это повело? Безъ всякаго сомнѣнія, къ самоуправству. Лезгины ее выкрали бы и, пожалуй, при этомъ не обошлось бы безъ кровопролитія. Но, помимо этого соображенія, было еще болѣе важное. Не выдай мы сами плѣнницы изъ ихъ общества, они перестали бы также выдавать намъ нашихъ дѣтей, ихъ плѣнниковъ, а въ Дагестанъ шли теперь десятки отцовъ не изъ одного селенія Шильды, а изъ многихъ заалазанскихъ селеній.

Это-то соображеніе и заставляло смолкнуть всѣ мысли по поводу религіозныхъ препятствій къ возвращенію крещенной дѣвушки лезгинамъ.

Мы разсказали два характеристическихъ случая изъ жизни кахетинцевъ въ моментъ, слѣдовавшій за покореніемъ Кавказа, но, конечно, они далеко не исчерпываютъ весь его интересъ. Умиротворенный край вступалъ въ новую фазу жизни гражданской и въ такомъ многострадальномъ уголкѣ, какъ Кахетія, совершалось движеніе, полное интереса, о которомъ слѣдуетъ теперь вспомнить, и мы еще разъ, быть можетъ, вернемся къ нему въ нашихъ воспоминаніяхъ.

К. Бороздинъ.

НАШЪ СОЛДАТЪ ВЪ ПѢСНЯХЪ, СКАЗАНІЯХЪ И ПОГОВОРКАХЪ.

ЕТРОМЪ Великимъ создана рекрутчина, происходящая отъ нѣмецкаго слова, перенесшая къ намъ нѣмецкія воззрѣнія на воина,—та рекрутчина, о которой нашъ народъ говорилъ въ свое время: у царя есть колоколъ на всю Русь. Да, лучше трудно выразить весь характеръ и все значеніе рекрутскихъ наборовъ, вполнѣ заслужившихъ названіе колокола: этотъ колоколъ дѣйствительно звонилъ на всю Россію, звонилъ такъ, что при первомъ ударѣ его пробѣгалъ трепетъ по крестьянской душѣ, содрогался весь крестьянскій людъ отъ малаго до взрослаго. Какъ грозная туча шелъ наборъ, неся съ собой въ семьи слезы, неутѣшное горе, безъисходныя страданія. Красная шапка являлась чуть ли не страшнѣе краснаго пѣтуха.

Живы еще въ нашей памяти годы, когда звукъ упомянутаго колокола доносился до горныхъ заводовъ, въ которыхъ прошло наше дѣтство. «Наборъ, наборъ!»—таинственно и съ невыразимымъ страхомъ шепталась дворня, и мнѣ, ребенку, вслѣдствіе этого, наборъ представлялся какимъ-то чудовищемъ, съ огненными глазами, съ безконечно длиннымъ хвостомъ, сметавшимъ все попадавшееся ему на пути. Помню цѣлыя партіи, проходившія мимо нашего дома въ кандалахъ, подъ карауломъ солдатъ, а сзади огромная толпа, по-преимуществу, женщинъ, причитавшихъ и плакавшихъ раздирающимъ душу голосомъ. Благодареніе Богу, что всѣ эти картины отошли въ область исторіи.

Бѣдствія народа, порожденныя наборами, начались съ момента появленія ихъ, т. е. со времени Петра, и продолжались вплоть до введенія всесословной воинской повинности.

Великій Преобразователь имѣлъ свои основательныя, экономическія и политическія причины создать наборы, но, къ сожалѣнію, ихъ непригодность для нашей жизни сказалась очень скоро.

Въ 1716 году, былъ изданъ воинскій уставъ. Въ самомъ началѣ его говорится слѣдующее: «Понеже всѣмъ есть извѣстно, коимъ образомъ отецъ нашъ въ 1647 году, началъ регулярное войско употреблять, и уставъ воинскій изданъ былъ. И тако войско въ таковомъ добромъ порядкѣ учреждено было, что славныя дѣла въ Польшѣ показаны и едва не все Польское королевство завоевано было. Также купно и со шведами война ведена была». Говоря далѣе о томъ, къ чему привело небреженіе по отношенію устройства войска послѣ царя Алексѣя Михайловича, Петръ продолжаетъ: «Но потомъ, когда войска распорядили, то какіе великіе прогрессы съ помощію Вышняго учинили, надъ какимъ славнымъ и регулярнымъ народомъ! И тако всякъ можетъ разсудить, что не отъ чего иного то послѣдовало, токмо отъ добраго порядка, ибо все безпорядочной варварской обычай смѣху есть достойный и никакого добра изъ онаго ожидать возможно. Того ради, будучи въ семъ дѣлѣ самовидцы обоимъ, за благо избрали сію книгу воинскій уставъ учинить, дабы всякій чинъ зналъ свою должность и обязанъ былъ своимъ званіемъ и невѣдѣніемъ не отговариваться, еже чрезъ собственный нашъ трудъ собрано и умножено». Такимъ образомъ воинскій уставъ, имѣвшій цѣлью устройство регулярнаго войска, такъ сказать, закрѣпилъ всѣ новые порядки, введенные Петромъ, по отношенію къ нашей арміи. Появились вмѣстѣ съ этими порядками не виданныя и не слыханныя на Руси собственно военныя преступленія и соединенные съ ними суды и наказанія. Нѣмецкая военная дисциплина разросталась и укрѣплялась съ каждымъ царствованіемъ; дисциплина болѣе чѣмъ суровая, жестокая, столь гармонирующая съ духомъ нѣмецкой природы. Въ этомъ уставѣ за многія преступленія назначается лишеніе живота или жестокимъ наказаніемъ наказать, а именно шпицрутенами. Встрѣчается и такая формула: «оный имѣетъ живота лишенъ аркибузированіемъ будетъ». Для рядовыхъ, сверхъ упомянутыхъ наказаній, есть посаженіе въ желѣза. За увѣчье себя полагалось ноздри распороть и потомъ на каторгу сослать. За кражу жалованья солдатскаго, провіанта — живота лишить. Опредѣлено вѣшать за побѣги изъ полковъ. Ежели рекрутъ прежде года своей службы въ полку побѣжитъ, то онаго за первый побѣгъ бить шпицрутенами чрезъ полкъ по три дни по разу. А когда въ другой разъ побѣжитъ или болѣе году кто въ службѣ, оныхъ вмѣсто смерти бить кнутомъ и, вырѣзавъ ноздри предъ полкомъ, сослать въ вѣчную работу на галеры. Н. надлежащимъ обра-

зомъ наказаны должны быть, какъ выражается уставъ, не только бѣглые рекруты, но и скрывающіе ихъ у себя. «Якоже достойно есть, чтобы оные жестоко были наказаны, которые таковыхъ бѣглыхъ (т. е. рекрутъ и солдатъ) скроютъ и онымъ пропитаніе дадутъ, такожде зѣло потребно есть, чтобы военный судъ, когда о дезертирѣ приговоръ учинить имѣетъ, подлинно розыскалъ: гдѣ и у кого онъ во время своей отбытности жилъ, дабы о томъ въ надлежащемъ мѣстѣ извѣщено и опредѣлено было, дабы оный, который его скрылъ, надлежащимъ образомъ наказанъ былъ». Шпицрутены полагаются рядовымъ за многія преступленія и проступки, даже за простую драку въ пиру.

Въ воинскомъ уставѣ, въ отдѣлѣ экзерциціи, подробно изложено солдатское ученье, съ самой сложной командой, усвоить которую рекруту возможно было лишь съ огромными усиліями, слѣдовательно понятно, что, помимо другихъ причинъ, рекруты и солдаты бѣжали и отъ учобы, какъ выражаются пѣсни.

Приводимъ одинъ образецъ команды: 1) клади на мушкетъ руку, 2) подвысь мушкетъ, 3) мушкетъ на караулъ; 1) мушкетъ предъ себя, 2) бери за дуло, 3) мушкетъ къ ногѣ; 1) опусти руку по мушкету, 2) выступи правой ногой, 3) положи мушкетъ и т. д.

Какое битье рекрутовъ должно было совершаться при такой учобѣ! Съ теченіемъ времени эта учоба обратилась въ систематическое и безпощадное колоченье, а страшные шпицрутены—въ зеленую улицу, т. е. русскій человѣкъ, по свойству своей природы, передѣлалъ нѣмецкое названіе на русскій ладъ, не будучи въ состояніи воздержаться отъ роднаго юмора даже въ томъ случаѣ, когда его полумертваго, прошедшаго нѣсколько разъ по зеленой улицѣ, носили на рукахъ и добивали положенное число нѣмецкихъ шпицрутеновъ.

Уже въ 1719 году, слѣдовательно очень скоро послѣ введенія рекрутчины и изданія воинскаго устава, военная коллегія приговорила: «Хотя неоднократно въ губерніи были посланы и публикованы указы о порядочномъ сборѣ и приводѣ рекрутъ, однако эти указы, по большей части, не исполняются, отъ чего происходитъ немалое государству раззореніе и въ полкахъ неисправность, а именно: 1) когда въ губерніяхъ рекрутъ сберутъ, то сначала изъ домовъ ихъ выведутъ скованныхъ и, приведши въ городъ, держатъ въ великой тѣснотѣ по тюрьмамъ и острогамъ немалое время, и такимъ образомъ, еще на мѣстѣ изнуривъ, отправятъ, не разсуждая по числу людей и далекости пути съ однимъ, и то негоднымъ, офицеромъ или дворяниномъ, при недостаточномъ пропитаніи; къ тому же поведутъ, упустивъ удобное время, жестокою распутицею, отъ чего въ дорогѣ приключаются многія болѣзни и помираютъ безвременно, а всего хуже, что многіе и безъ покаянія, другіе же, не стерпя такой великой нужды, бѣгутъ и пристаютъ къ воровскимъ компа-

ніямъ, изъ чего злѣйшее приключается государству раззореніе, потому что отъ такого худаго распорядка ни крестьяне, ни солдаты, но раззорители государства становятся; всякій можетъ разсудить, отъ чего такія великія умножились воровскія вооруженныя компаніи? отъ того, что бѣглые обращаются въ разбойниковъ». Бѣжали цѣлыя команды отъ тягостей и страданій рекрутской и солдатской жизни, проистекавшихъ отъ разныхъ чиновниковъ, грабившихъ попадавшія въ ихъ руки части войскъ. Петръ, какъ извѣстно, не задумывался надъ крутыми мѣрами, лучшимъ доказательствомъ чего можетъ служить знаменитый его указъ, которымъ объявлялось, во всеобщее свѣдѣніе, «что ежели кто такихъ преступниковъ и повредителей интересовъ государственныхъ и грабителей (т. е. взяточниковъ и воровъ казенныхъ денегъ) вѣдаетъ, и тѣ бъ люди безо всякаго опасенія пріѣзжали и объявляли о томъ самому его царскому величеству, только чтобъ доносили истину; а кто на такого злодѣя подлинно донесетъ, тому за такую его службу богатство такого преступника движимое и недвижимое отдано будетъ, а буде достоинъ будетъ, дастся ему и чинъ его; а сіе позволеніе дается всякаго чина людямъ, отъ первыхъ даже и до земледѣльцевъ, время же къ доношенію отъ октября мѣсяца по мартъ».

Тяжкое наказаніе несли рекруты и солдаты за побѣги, чиновники за взяточничество, но первые бѣжали, а послѣдніе воровали; воровали даже близко стоявшіе къ самому царю. Разбойничьи шайки, умножившіяся бѣглыми солдатами и рекрутами, возросли до такой степени, что противъ нихъ приходилось высылать цѣлыя воинскія команды. Для поимки бѣглыхъ рекрутъ учреждены были заставы отъ Москвы до Смоленска. Отъ разбоевъ нерѣдко останавливались рекрутскіе наборы.

Воинскій уставъ Петра I и порядки, введенные по отношенію къ рекрутскимъ наборамъ, существовали до 1839 года, когда упомянутый уставъ былъ замѣненъ сводомъ военныхъ постановленій и новыми рекрутскими постановленіями; но существо дѣла мало измѣнилось отъ упомянутыхъ новыхъ законоположеній. И побѣги рекрутъ, и такъ называемое членовредительство, практиковавшееся рекрутами, получившее свое начало при Петрѣ, о чемъ упоминается въ воинскомъ уставѣ, продолжались попрежнему, какъ продолжалось и дезертирство, т. е. побѣги солдатъ.

Начавшееся при Петрѣ движеніе противъ рекрутскихъ наборовъ и противъ всяческихъ безобразій военнаго начальства продолжалось и во всѣ послѣдующія царствованія, т. е. побѣги не только не уменьшались, но постепенно увеличивались. При Аннѣ Ивановнѣ получаютъ особенное значеніе иностранные офицеры, различные проходимцы изъ Германіи и остзейскихъ губерній: сапожные, портняжные мастера и подмастерья, гезели, которые, при посредствѣ вліятельныхъ нѣмцевъ, обращались въ поручиковъ, ка-

питановъ и маіоровъ. Биронъ мечталъ о томъ, чтобы создать полкъ съ одними иностранными офицерами, т. е., чтобы ни одинъ русскій офицеръ въ этотъ полкъ поступать не могъ. Офицеры изъ иностранцевъ, какъ извѣстно, получали двойное жалованье противъ русскихъ. Всѣ эти проходимцы относились съ величайшимъ презрѣніемъ къ нашему солдату, считая его какимъ-то прокаженнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, крѣпко давали чувствовать свое презрѣніе цѣлымъ рядомъ тяжкихъ истязаній, на которыя такъ способенъ обозлившійся нѣмецъ. Нѣмцы-начальники на столько пришлись солоны солдатамъ, что въ царствованіе императрицы Елисаветы, когда они оказались не въ фаворѣ, послѣдовали многіе случаи избіенія въ Петербургѣ офицеровъ изъ нѣмцевъ, чему также немало способствовала распущенность гвардіи, игравшей такую видную роль со времени смерти Петра I, ибо весь періодъ времени отъ Петра до вступленія на престолъ Александра I можно безошибочно назвать періодомъ придворной революціи, которая совершалась при посредствѣ гвардіи и баръ. Чего стоили Россіи одни лейбъ-кампанцы! Историкъ Соловьевъ говоритъ, «что чаще всего заводчиками безпорядковъ, виновниками преступленій являлись люди изъ войска; сила, даваемая оружіемъ, вела грубыхъ людей къ тому, чтобы пользоваться этой силой противъ безоружныхъ согражданъ».

Бѣглые солдаты и рекруты показывали, при допросахъ, что покупали паспорты у разныхъ невѣдомыхъ бурлаковъ. Разбои въ царствованіе Елисаветы непомѣрно усилились какъ въ городахъ, такъ и деревняхъ. Нѣкоторые города, безъ преувеличенія, находились въ осадномъ положеніи. Матеріальное положеніе рекрутовъ и солдатъ въ доброе старое время очень живо рисуется въ запискахъ генерала кригсъ-коммиссара князя Шаховскаго, который объясняетъ, куда дѣвались 19,517 человѣкъ рекрутовъ, о которыхъ сенатъ спрашивалъ военную коллегію. Оказалось, что они перемерли отъ эпидемическихъ болѣзней, оставленные безъ всякой медицинской помощи. Отправлены они были въ генеральный госпиталь, но ихъ въ оный, за опасностію, не приняли, и велѣно было вести ихъ обратно въ команду. Князь Шаховской, по поводу своей встрѣчи съ ними на большой дорогѣ, пишетъ: «Я, увидя жалкое тѣхъ несчастныхъ состояніе, въ числѣ коихъ нѣсколько ужъ полумертвыми казались, приказалъ обратить назадъ, обнадежа, что ихъ тамъ помѣщу». Но надежда князя не оправдалась: госпиталь оказался биткомъ набитымъ больными солдатами и рекрутами въ жестокихъ лихорадкахъ и прилипчивыхъ горячкахъ, по выраженію Шаховскаго. «Не только всѣ покои, но и сѣни были наполнены больными, и отъ тѣсноты сдѣлалась великая духота, а для холоднаго времени отворять окна не можно, и такъ не токмо они одинъ отъ другаго заражаются, но и здоровые, призрѣніе и услуженіе

имъ дѣлающіе, отъ того впадаютъ въ болѣзни. Присланный съ тѣми больными унтеръ-офицеръ, — прибавляетъ Шаховской, — просилъ меня о пріемѣ оныхъ, показывая изъ числа тѣхъ въ пути нѣсколько уже мертвыхъ, а другихъ въ прежалостномъ состояніи на стужѣ дрожащихъ».

Поневолѣ слѣдовательно солдаты и рекруты бѣжали отъ подобныхъ жизненныхъ условій, когда каждый изъ нихъ, даже въ бѣдной крестьянской обстановкѣ, былъ избавленъ отъ вышеописанныхъ нами мукъ, т. е., во всякомъ случаѣ, никому изъ нихъ въ своей деревнѣ не пришлось бы въ горячкѣ лежать на морозѣ.

При Петрѣ III послѣдовала передѣлка арміи на прусскій ладъ: мундиры заведены прусскіе, команда прусская, полкамъ даны названія не по городамъ, а, согласно прусскому обычаю, по ихъ шефамъ. Ко всему вышеизложенному извѣстный Болотовъ прибавляетъ въ своихъ запискахъ: «А сверхъ того, вводя уже во всемъ наистрожайшую военную дисциплину, принуждалъ ихъ (войска) ежедневно экзерцироваться, не смотря какая бы погода ни была, и всѣмъ тѣмъ не только отяготилъ до чрезвычайности всѣ войска, но и, огорчивъ всѣхъ, навлекъ на себя, и особливо отъ гвардіи, превеликое неудовольствіе».

Съ теченіемъ времени управленіе полками приняло характеръ совершеннаго кормленія, и чѣмъ далѣе, тѣмъ нажива отъ полковъ болѣе и болѣе принимала строгообдуманную, приведенную въ полный порядокъ систему. Особено сильно такое кормленіе отъ полковъ развилось въ царствованіе императора Николая. Въ 1854 году, на Кавказѣ, Муравьевъ нашелъ 40,000 солдатъ, которые, числясь на полномъ казенномъ содержаніи, работали на начальство или отпускались въ постороннія работы за извѣстный оброкъ. Въ полку, бывало, человѣкъ 600 работало исключительно на полковаго командира. Вообще, трудно перечислить разнообразныя крѣпостныя отношенія, въ какія низшіе становились къ высшимъ, по всѣмъ вѣдомствамъ и учрежденіямъ. Военные, въ этомъ случаѣ, какъ мы видимъ, не составляли исключенія. Замѣтимъ также, что всякій вновь опредѣлявшійся командиръ полка отчетливо и вѣрно зналъ цифру дохода, на которую можно было разсчитывать, при командованіи полкомъ. Солдаты, знавшіе какое нибудь ремесло, работали на отца-командира за рюмку водки или за спасибо. Обкрадываніе солдатскаго содержанія, овса, сѣна для лошадей составляло такое обычное явленіе, что ему никто не удивлялся, какъ будто таковое явленіе было самымъ законнымъ дѣйствіемъ. Отсюда, разумѣется, неизбѣжно должно было вытекать донельзя легкое отношеніе солдата къ чужой собственности. Трудно было солдату убѣдиться, напримѣръ, въ гнусности воровства, если этимъ воровствомъ онъ поддерживалъ свое существованіе. Кому не извѣстно, что похищеніе съѣстныхъ припасовъ составляло, въ свое

время, обычное преступленіе солдатъ, вѣчно полуголодныхъ, измученныхъ различными работами и ученьями. Ко всему сказанному необходимо присовокупить, что наказанія рекрутовъ и солдатъ, подъ вліяніемъ постоянно возроставшаго въ начальствѣ убѣжденія, что только битьемъ и всяческими чувствительными для тѣла истязаніями можно поддерживать дисциплину, съ теченіемъ времени, наказанія дошли до maximum'а, идти дальше котораго едва ли было возможно. Существовавшее убѣжденіе, что дисциплина поддерживается только строгостью, конечно, не выдерживало критики: чувство страха образуетъ раба, но никакъ не способствуетъ образованію въ человѣкѣ чувства благороднаго самолюбія, сознанія собственнаго достоинства, безъ чего полезный для общества дѣятель не мыслимъ. Палкой вобьешь не сознаніе святости возложенной на человѣка служебной обязанности, а только стремленіе какимъ бы то ни было способомъ отдѣлаться отъ этой обязанности или исполнить ее такъ, чтобы она казалась исполненной.

Мы видѣли изъ выше приведеннаго историческаго очерка, на сколько военная служба нравственно губила солдата; видѣли, что рекруты являлись не слугами отечества, а какими-то преступниками, которыхъ ковали въ кандалы, содержали въ острогахъ, словомъ, съ которыми обращались, какъ съ осужденными на казнь, а не какъ съ людьми, призванными на святое дѣло защиты отечества. Во всѣ царствованія, вплоть до времени Александра Освободителя, ни разу не промелькнула даже мысль о необходимости вліять на рекрута и солдата просвѣщеніемъ ихъ внутреннихъ душевныхъ свойствъ. Мало того, если бы подобная мысль даже была только высказана въ прежнее время, то, конечно, ее признали бы достойной самыхъ тяжкихъ преслѣдованій. Исторія цивилизаціи общества представляетъ иногда неразгаданныя, чудныя явленія.

Результатомъ подобной печальной исторіи рекрутчины и солдатства, конечно, и могли быть только побѣги и различныя преступленія, каковые побѣги и породили множество правительственныхъ распоряженій о поимкѣ бѣглецовъ.

Народъ очень хорошо зналъ солдата, со всѣми его склонностями, какъ знаетъ онъ многое, что мы предполагаемъ ему неизвѣстнымъ; зналъ и всѣ тяжелыя условія солдатской жизни. Поэтому-то рекрутчина и представлялась ему невыразимо тяжкимъ наказаніемъ. Лучшимъ доказательствомъ того, на сколько народъ зналъ солдата, со всѣми его душевными свойствами, и всѣ условія солдатской жизни, понималъ причины, порождавшія въ солдатѣ тѣ или другіе недостатки, служатъ созданныя имъ, народомъ, поговорки, представляющія краткую, но какъ нельзя болѣе вѣрную исторію солдатства. Затѣмъ, солдатъ еще болѣе уяснится намъ, когда мы разсмотримъ его въ пѣсняхъ, имъ сочиненныхъ, и въ нѣкоторыхъ народныхъ сказаніяхъ. Причемъ считаемъ нужнымъ присовокупить,

что наша вышеупомянутая задача ограничена журнальнымъ объемомъ, вслѣдствіе чего характеръ нашего изслѣдованія далекъ отъ того, чтобы могъ быть названъ научнымъ.

Во-первыхъ, солдатъ — казенный человѣкъ, т. е. человѣкъ, совершенно отдѣлившійся отъ крестьянскаго міра, тѣломъ и душей принадлежащій казнѣ. Всѣ его прежнія отношенія не только къ крестьянству, но даже и къ его семейству прекратились. Мало того, солдатскія жены, солдатскія дѣти—отрѣзанные отъ міра ломти. Солдатъ отрѣзанный ломоть; солдатская жена — ружье; солдатскій братецъ—ранецъ; солдату отецъ — командиръ; мать и махича—служба; опричь матери родной—вся родня въ полку (братья, дяди и проч.). Ясно, значитъ, что семейныя связи въ прежней службѣ у солдата порывались; служба создавала ему другую семью и родню. Отцы, матери, сестры, братья рекрута вполнѣ были убѣждены въ упомянутомъ порваніи семейной связи, чѣмъ и объясняется ихъ безъисходное горе при словѣ, раздававшемся въ рекрутскомъ присутствіи: лобъ!

Народъ хорошо зналъ, что поповскія дѣти должны быть попами, а солдатскія—солдатами: попъ попа родитъ, солдатъ солдата (солдатскія дѣти, по прежнимъ законамъ о кантонистахъ). Не завидно было солдатское житье, какъ мы видѣли, и кто заботился о немъ? Солдатъ да малыхъ ребятъ Богъ бережетъ. Въ этой короткой поговоркѣ вся печальная исторія прежняго солдатства, дѣйствительно только на Бога полагавшаго свои надежды; стой, не шатайся, ходи, не спотыкайся, говори, не заикайся, ври, не завирайся. Характерно—это ври, не завирайся. То есть ври, если нужно, только осторожно, съ оглядкой, чтобы не уличили во враньѣ; колѣней не подгибай, да брюха не выставляй, да не относи заду, тянись да прямись, а въ бокъ не задавайся. Въ этихъ поговоркахъ, созданныхъ непосредственно солдатами, обрисовывается вся старая система обученія военному дѣлу, державшаяся на вытягиваніи носковъ, шагистикѣ и тому подобныхъ пріемахъ и на такомъ принципѣ взысканій за дурное исполненіе: не дошагнешь — бьютъ; перешагнешь — бьютъ; не довернешься—бьютъ; перевернешься — бьютъ. Солдатъ, такъ сказать, былъ предоставленъ собственнымъ своимъ заботамъ о своей личности. Живи какъ знаешь, питайся какъ знаешь, но къ дѣлу будь готовъ.

Вслѣдствіе такого положенія, требовавшаго постояннаго напряженія ума, постоянной заботы объ улучшеніи своей жизненной обстановки, въ солдатѣ развилась необыкновенная смѣтка, ловкость, находчивость и, въ извѣстномъ отношеніи, смѣлость, безъ которой ничего не урвешь, ничего не стащишь.

Ко всему сказанному необходимо прибавить, что солдатъ—человѣкъ бывалый, его не удивишь никакими разсказами, ибо на

своемъ вѣку видалъ виды: ѣдалъ и пшеничный хлѣбъ, пивалъ настоящее нѣмецкое пиво, виноградное вино и ѣдалъ за копейки самый виноградъ; случалось, сиживалъ по цѣлымъ мѣсяцамъ на одномъ хлѣбѣ и водѣ и даже совсѣмъ безъ хлѣба, питаясь чѣмъ Богъ посылалъ, какъ птица небесная. Не дорога солдату жизнь, въ большинствѣ случаевъ полная бѣдъ и лишеній. Вотъ почему пьяный солдатъ перейдетъ по льду, а собака провалится; гдѣ коза прошла, тамъ и солдатъ пройдетъ. Требованія на житейскія удобства у него невелики: гдѣ тѣсно, тамъ-то солдату и мѣсто; солдатъ шиломъ брѣется, дымомъ грѣется; служивый—что муха: гдѣ щель, тамъ и постель, гдѣ заборъ, тамъ и дворъ; у него шило брѣетъ, а шубы нѣтъ, такъ палка грѣетъ.

Не злится солдатъ за палку, такъ много гулявшую въ старое время по его спинѣ, а подсмѣивается самъ надъ собой.

Терпѣливъ и выносливъ русскій человѣкъ. Порвавъ всѣ связи съ женой и дѣтьми и зная, что втеченіе долгихъ десятковъ лѣтъ ему не приведется видѣть ихъ, солдатъ не стѣснялся въ своемъ образѣ жизни, и потому, гдѣ ни пожилъ, тамъ и расплодился; у нашего солдата вездѣ свои ребята. Въ поговоркахъ подмѣчены не только важные, съ нравственной точки зрѣнія, пороки солдата и вообще его душевныя свойства, но даже нѣкоторыя привычки, сопровождавшія и сопровождающія его на длинномъ служебномъ пути: коли не дать солдату кольевъ въ стѣну набить, такъ ему и не квартира. Дѣйствительно такова, какъ нельзя болѣе вѣрная, солдатская повадка. Прежде всего во всякомъ новомъ помѣщеніи солдатъ развѣшиваетъ казенную амуницію, чтобы она находилась, согласно уставу, въ должномъ порядкѣ. Эту привычку, какъ видно изъ одного народнаго сказанія, солдатъ пускаетъ въ ходъ и въ аду, куда онъ попалъ по своимъ грѣхамъ. Набилъ въ стѣну кольевъ, развѣсилъ амуницію и закурилъ трубочку; сидитъ, сплевываетъ по сторонамъ и кричитъ на чертей не своимъ голосомъ: «Не подходи близко! аль не видишь, что виситъ казенная амуниція!» Черти не знали, какъ и отдѣлаться отъ солдата. Нагналъ онъ на нихъ великій страхъ. Наконецъ, одному чертенку пришла мысль забить походъ въ барабанъ. Солдатъ, услыхавъ походъ, въ минуту собралъ все имущество и со всѣхъ ногъ кинулся бѣжать изъ пекла.

Цѣлый рядъ поговорокъ рисуетъ намъ печальное свойство солдата тащить и красть при всякомъ удобномъ случаѣ. Въ этихъ поговоркахъ—вся грустная исторія прежней солдатской жизни, порожденная, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, тяжелыми условіями, при которыхъ проходила служба солдата. Солдатъ—что волкъ: гдѣ попало, тамъ и рветъ; не за то бьютъ солдата, что крадетъ, а чтобы концы хоронилъ; солдата за все

бьютъ, только за воровство не бьютъ. Послѣднія двѣ поговорки цѣликомъ взяты изъ жизни: полковые, ротные и другіе командиры, сплошь да рядомъ, покрывали воровство своихъ командъ, если только солдатъ умѣлъ хоронить концы, и крѣпко били за неумѣлость чисто обдѣлывать дѣло. Солдатъ накралъ, слѣдовательно сытъ, а коли сытъ, значитъ, и судьбой своей доволенъ, какъ довольны и отцы-командиры. Все обстояло благополучно, кромѣ нравственнаго чувства солдата. Солдатъ—багоръ: что зацѣпилъ, потащилъ; сорвалось—не удалось; не видалъ ли тутъ солдата? да коли что украдено, такъ видѣлъ; солдатъ ухватитъ, а коли поймаютъ—нешто это твое, говоритъ; а твое, такъ возьми. Какое безстыдство приписывается въ этихъ поговоркахъ солдату, который обрисовывается способнымъ на самую наглую ложь, на самыя безстыдныя дѣйствія! Чувствуешь, что такого молодца ничѣмъ не заставишь покраснѣть; поневолѣ повѣришь, что солдатъ—безстыжіе глаза, что онъ только на морозѣ да на огнѣ краснѣетъ. Чрезъ тяжкую школу долженъ былъ пройдти нашъ солдатъ, чтобы дойдти до такого нравственнаго растлѣнія; тѣмъ болѣе поразительно такое явленіе, что солдатъ вышелъ изъ среды народа, отличающагося нравственнымъ чутьемъ, высокимъ пониманьемъ правды и всего ея великаго значенія на землѣ. Неудивительно послѣ этого, что нашъ народъ считаетъ солдата какимъ-то отдѣльнымъ отъ себя, совершенно другимъ существомъ, не имѣющимъ съ нимъ, съ народомъ, ни малѣйшей связи. И народъ правъ въ данномъ случаѣ, ибо дѣйствительно солдатъ—человѣкъ другаго міра по своей дѣятельности, взглядамъ, привычкамъ, интересамъ и цѣлямъ въ жизни.

У солдата нѣтъ кармановъ, а все спрячетъ; солдатъ—добрый человѣкъ, да шинель его хапунъ; у солдата шинель—постель, шинель—кошель, а руки—крюки; хоть ложку деревянную, а украсть что нибудь съ постою надо. Въ то же время нашъ народъ, всегда снисходительный къ немощамъ ближняго, сознаетъ, что солдатъ нравственно испорченъ не по природѣ, а въ силу несчастныхъ обстоятельствъ, всегда губительно дѣйствующихъ на нравственную природу людей. На этомъ основаніи народъ и говоритъ: солдату не грѣхъ поживиться; солдату не украсть, такъ негдѣ взять; солдату три деньги въ день, куда хочешь, туда ихъ дѣнь.

Мы не имѣемъ возможности, по объему нашей статьи, коснуться многихъ историческихъ документовъ, которые представили бы несравненно большее количество фактовъ, чѣмъ представили мы, доказывающихъ цѣлый рядъ бѣдствій, самыхъ разнообразныхъ лишеній, пережитыхъ нашими солдатами со времени учрежденія регулярной арміи до вступленія на престолъ императора Александра II. Остается только удивляться, какимъ образомъ хватило

внутреннихъ силъ у нашего народа вынести на себѣ рекрутчину и солдатчину, со всѣми ихъ тяжкими послѣдствіями. И въ то же время солдаты, не имѣя ни малѣйшаго понятія о причинахъ цѣлаго ряда войнъ, дрались на славу, принося отечеству новыя побѣды, новыя земельныя пріобрѣтенія. Минихъ, полководецъ талантливый, суровый съ солдатами, не щадившій ихъ жизни, что солдаты высказывали громогласно, говаривалъ, когда ему представляли невозможность исполнить то или другое военное дѣйствіе: «Ахъ, батушка, батушка, для русскаго солдата нѣтъ ничего невозможнаго.» И такіе-то солдаты переносили голодъ, холодъ, мерзли больные на морозѣ. Послѣ всего нами вышеизложеннаго, представляется совершенно понятнымъ, почему рекрутскій наборъ производилъ на народъ такое потрясающее дѣйствіе, почему рекруты дезертировали цѣлыми командами.

Въ народной памяти сохранились, полныя высокаго драматизма, необыкновенно сильнаго чувства скорби, пѣсни рекрутовъ. Какъ поэтичны и художественны эти пѣсни! Читая ихъ, глубоко чувствуешь, что страданія рекрута идутъ изъ самыхъ отдаленныхъ тайниковъ его души, что эти пѣсни являются естественнымъ послѣдствіемъ глубоко сознаннаго горя, ожидающаго его въ будущемъ. Всѣ рекрутскія пѣсни составляютъ, за весьма ничтожными исключеніями, самый поэтическій отдѣлъ нашей народной литературы.

Сколько драматизма, задушевности, напримѣръ, въ слѣдующей пѣснѣ:

Что вились-то мои русы кудри, вились-завивались.
Какъ заслышали мои кудерушки на себя невзгоду,
Что большое ли невзгодье, великое безвременье:
Что ужъ быть-то мнѣ, добру молодцу, во солдатахъ,
Что служить-то мнѣ, добру молодцу, государю,
Что стоять-то мнѣ, добру молодцу, въ караулѣ.
Вотъ стоялъ я, добрый молодецъ, въ караулѣ,
Пристоялись мои скоры ноги;
Какъ задумалъ я, добрый молодецъ, задумалъ бѣжати.
Что бѣжалъ я, добрый молодецъ, не путемъ-дорогой,
А бѣжалъ я, добрый молодецъ, темными лѣсами.
Во темныхъ лѣсахъ, добрый молодецъ, весь я ободрался,
Подъ дождемъ я, добрый молодецъ, весь я измочился,
Прибѣжалъ я, добрый молодецъ, къ своему подворью.
Прибѣжавши, я, добрый молодецъ, подъ окномъ я постучался:
— «Ты пусти, пусти, сударь батюшка, обсушиться,
«Ты пусти ль, пусти, родимая матушка, обогрѣться».
— «Я бъ пустила тебя, мое дитятко, боюсь государя;
«Ты поди ль, поди, мое дитятко, во чисто поле;
«Что буйнымъ вѣтромъ, мое дитятко, тебя тамъ обсушитъ,
«Краснымъ солнышкомъ, мое дитятко, обогрѣетъ».

Какъ пошелъ я, добрый молодецъ, самъ заплакалъ.
— «Ужъ возьмись загоритесь вы, батюшкины хоромы,
«Ужъ ты сгинь, пропади, матушкино подворье».

Спрашиваемъ: можно ли рельефнѣе, сильнѣе и, такъ сказать, страшнѣе представить весь трагизмъ положенія дезертира, бѣжавшаго со службы, съ тѣмъ, чтобы спастись отъ ея тягостей и вздохнуть отъ пережитыхъ, во время бѣгства, страданій, подъ кровомъ родительскаго дома. Могъ ли онъ хотя на минуту усомниться въ родительской любви, и особенно въ любви матери, единственной неизмѣнно твердой любви на землѣ. Но и материнская любовь не устояла противъ страшныхъ послѣдствій, соединенныхъ съ принятіемъ бѣглаго солдата. «Если материнская любовь измѣнила,—думаетъ сынъ,—то нѣтъ болѣе никакой надежды: преступленіе, т. е. побѣгъ, совершено; все погибло, погибла и любовь матери, то загоритесь же вы, батюшкины хоромы, сгинь, пропади, матушкино подворье»!

Достаточно проникнуться духомъ этой страшной драмы, чтобы безъ подтвержденія со стороны исторіи понять, что значили въ свое время рекрутчина и солдатство. Замѣтимъ, что приведенная нами пѣсня одинаково относится какъ къ рекрутскимъ, такъ и солдатскимъ пѣснямъ, хотя, сколько видно изъ содержанія, герой ея рекрутъ, только-что сдѣлавшійся солдатомъ, и потому ее ближе отнести къ рекрутскимъ.

Сохранились пѣсни, по которымъ можно возсоздать весь былой процессъ пріема въ рекруты. Въ нихъ упоминаются и кандалы, и бритье головы.

Что куютъ-то меня, добра молодца, куютъ во желѣзы,
Посадили меня добра молодца во козырныя сани,
Привезли-то меня, добраго молодца, въ городъ, во губернію,
Привели-то меня, добра молодца, привели ко пріему,
Посадили-то меня, добраго молодца, во красное стуле;
Какъ и стали они меня, разудалаго, стричь, они-то—брити.
Ужъ вы брѣйте мои кудерушки, брѣйте, не жалѣйте,
Отошлите мои кудерушки ко красной дѣвкѣ.

Не много найдется не только въ нашей, но и во всякой другой народной литературѣ болѣе поэтической, болѣе захватывающей за сердце и, наконецъ, болѣе живой по краскамъ слѣдующей пѣсни молодаго рекрута:

Растоскуйся ты, моя, ты, моя сударушка, по мнѣ возгорюйся,
Ужъ я самъ-то ли, самъ по тебѣ, сударушка, самъ я встосковался:
Нападаютъ-то на меня, меня, сиротинушку, ахъ, да лихи люди,
Что хотятъ-то ли, хотятъ меня, сиротинушку, отдать во солдаты,
Что куютъ-то ли, куютъ меня, сиротинушку, меня во желѣзы,
Что везутъ-то, везутъ меня, сиротинушку, меня ко пріему.
Всѣ пріемщики на меня, на меня, сиротинушку, они вздивовались:

Ужъ и гдѣ же ты, гдѣ ты, сиротинушка, гдѣ ты уродился?
Породила-то меня, меня, сиротинушку, ахъ, да родна матушка,
Вспоилъ-то меня, вскормилъ меня, сиротинушку, православный міръ,
Возлелѣяла меня, меня, сиротинушку, ахъ, да Волга матушка,
Воскачала-то меня, меня, сиротинушку, ахъ да легка лодочка.

Эта пѣсня, помимо ея поэтическихъ красотъ, замѣчательна еще въ томъ отношеніи, что наглядно представляетъ обычное явленіе въ крестьянскомъ мірѣ, постоянно практиковавшееся въ прежнее время: сдавать въ солдаты безродныхъ, сиротинушекъ, чтобы они не сидѣли на мірской шеѣ. Экономическія соображенія у нашего народа всегда имѣли и имѣютъ большое значеніе.

Выраженіе: «вспоилъ-то, вскормилъ меня, сиротинушку, православный міръ», прямо указываетъ, что герой пѣсни не имѣлъ ни роду, ни племени, вслѣдствіе чего его и взлелѣяла Волга матушка, воскачала его не зыбка, а легка лодочка. Какъ глубоко лежитъ въ народѣ сознаніе, что безъ нѣжной любви матери не выростаетъ ни одинъ человѣкъ, а если нѣтъ матери и дорогаго сердца другаго любящаго существа, то ихъ замѣняетъ природа, эта общая мать всѣхъ людей.

Родная мать крѣпко любитъ сына, такъ любитъ, какъ никто никогда любить не будетъ. Благословляя его на государеву службу, она причитаетъ:

Да хранитъ тебя Никола многомилостивой
И отъ бури да хранитъ тебя, отъ падоры [1]),
Отъ холода тебя, да онъ отъ голода,
Отъ тычковъ, пинковъ вѣдь онъ да отъ затыльниковъ.

Такія причитанья относятся къ такъ называемымъ завоеннымъ плачамъ, развившимся со времени Петра I, т. е. со времени введенія рекрутскихъ наборовъ. Рекрутчина создала эти рекрутскіе и солдатскіе плачи, страшные, раздирающіе душу, составляющіе нашу плачущую народную поэзію, по вѣрному выраженію г. Барсова. Главными причинами недовольства народа были: неопредѣленность въ наборахъ, несправедливости, которыми они сопровождались, жестокое обращеніе и худое пропитаніе рекрутъ и солдатъ. Невыразимо тяжело было для народа и то, что наборы связывались съ такими условіями, которыя не мирились съ религіознымъ народнымъ сознаніемъ. Приказано было новобранцамъ рекрутамъ обстригать и брить бороду. «Главы и брады обрили и персоны ругательно обезчестили»,—писали книжники того времени. Бритье новобранцевъ, особенно въ самомъ началѣ, казалось надругательствомъ надъ православной русской душой. И вотъ какъ страшно вопитъ мать рекрута, видя гибель его вѣчнаго спасенія:

[1]) Падора, падера—буря съ вихремъ; въ Арханг., Новг. и Псковск. губ.

Охти мнѣ да мнѣ тошнешенько!
Какъ бы мнѣ эта бритва завостренная,
Не дала бы я злодійной этой некрести
Надъ моимъ ноньку рожденіемъ надрыгатися:
Распорола бы я груди этой некрести,
Ужъ я вынялa бы сердце тутъ со печенью,
Распластала бы я сердце на мелки куски,
Я нарыла бы корыто свиньямъ въ мѣсиво,
А и печень я свиньямъ на уѣданьице.

Никакой курсъ исторіи народа не уяснитъ такъ осязательно такъ рельефно горя, накипѣвшаго въ немъ отъ рекрутчины и солдатчины! Страшная, шекспировская по литературнымъ достоинствамъ пѣсня. Ясно, значитъ, что бритье бороды затрогивало самыя святыя религіозныя чувства народа. «Эту вѣковую борьбу народа противъ брадобритія,—говоритъ г. Барсовъ,—стоившую ему безконечно тяжкихъ воздыханій и горькихъ слезъ, тюремныхъ заточеній, ссылокъ на галеры, пролитой крови и головъ, сложенныхъ на дыбахъ или рукою палача, прекратилъ покойный царь-освободитель. Всѣмъ извѣстно знаменитое дѣло Карташева, который заявилъ, что съ него могутъ снять голову, но не бороду. Военный судъ приговорилъ его къ смертной казни, черезъ разстрѣляніе, но государь помиловалъ его отъ этой казни и разрѣшилъ всѣмъ желающимъ носить бороду и черезъ то освободилъ русскій народъ отъ вѣковаго внутренняго смущенія и поруганія».

Мы уже знаемъ, что рекрутчина и солдатчина создали протестъ со стороны народа, проявившійся въ побѣгахъ. Слѣдуетъ указъ за указомъ, начиная съ 1713 года, противъ бѣглыхъ рекрутъ и солдатъ. Въ видахъ предупрежденія побѣговъ велѣно было бѣглыхъ клеймить, наколя имъ крестъ на лѣвой рукѣ, и затиратъ порохомъ. Не спасались отъ различныхъ истязаній, какъ мы знаемъ, и родители бѣглыхъ дѣтей. Ихъ приковывали къ стулу, который имѣлъ въ ширину аршинъ, а въ длину полтора аршина; въ этомъ стулѣ былъ забитый пробой и цѣпь желѣзная съ сажень, и накладываютъ эту цѣпь на шею, съ замкомъ; заставляли голыми ногами по цѣлымъ часамъ стоять на льду и снѣгу. Употреблялась и такая мука: вывѣшаютъ пролубу и отъ той вывѣшаютъ другую, разстояніемъ отъ пролубы до пролубы 5 саженъ; затѣмъ клали веревку на шеи родителямъ и перетягивали веревку и таскали ихъ изъ пролубы къ пролубѣ. Мало того, морили скотъ голодомъ, раскрывали въ домахъ крыши и даже разворачивали самые домы. Вслѣдствіе этого и сами родители бросались на убѣгъ,—заключаетъ г. Барсовъ,—и дома оставались пустыми.

Не смотря на всѣ эти ужасы, были такіе добрые и отважные люди, которые, всетаки, принимали бѣглыхъ рекрутовъ и солдатъ и спасали ихъ, что̀ видно изъ сохранившихся въ народѣ разска-

зовъ. Но въ безъисходномъ несчастіи одна надежда на Бога. Жалѣя плачущую мать, сосѣдки уговариваютъ ее сходить въ церковь и помолиться:

И може Господи Владыко свѣтъ помилуетъ,
И Пресвятая Мать Богородица заступится,
И сохранитъ да вѣдь Микола многомилостивой
Ужъ какъ милое рожоное твое дитятко
И отъ злодійной этой службы государевой.

Теперь перейдемъ собственно къ солдатскимъ пѣснямъ, т. е. разсмотримъ, какъ проявляется нашъ солдатъ въ своемъ творчествѣ. Эти пѣсни можно раздѣлить, по нашему мнѣнію, на два отдѣла: вопервыхъ, пѣсни, въ которыхъ солдатъ говоритъ о своихъ невзгодахъ. Въ нихъ находимъ и теплое чувство, и картину горькой дѣйствительности, но такихъ пѣсенъ немного: солдату не приводилось пѣть, при отцахъ-командирахъ, о своихъ страданіяхъ и лишеніяхъ. Идутъ солдатушки мимо палаты генеральской. Приказываютъ имъ пѣть пѣсню веселешенко, а имъ пѣсеики запѣть да не хотѣлось бы! щемитъ ихъ ретивое, замираетъ сердце; но, волей не волей, по городу идутъ они тихошенько и скрозь слезы поютъ они пѣсенку и скрозь обиду слова выговариваютъ. Вотъ лучшій отвѣтъ самихъ солдатъ, въ какой степени имъ было удобно пѣть задушевныя пѣсни и при какихъ условіяхъ приходилось отводить душу въ пѣсняхъ.

Ко второму отдѣлу относятся пѣсни, имѣющія предметомъ описанія полководцевъ, отцовъ-командировъ и совершенныхъ солдатами походовъ. Въ этихъ пѣсняхъ нѣтъ искры чувства, правды и дѣйсвительности, за весьма ничтожными исключеніями, а именно лишь по отношенію къ событіямъ, относящимся къ походамъ Петра Великаго. Петръ рисуется въ солдатскихъ пѣсняхъ въ образахъ живыхъ; о немъ говорится съ теплымъ чувствомъ. Пѣсни, явившіяся послѣ Петра, вплоть до конца царствованія императора Николая I, создались какъ будто по какому-то заказу, по казенной мѣркѣ, заранѣе и однажды навсегда опредѣленной. Въ нихъ не узнаешь нашего умнаго, обладающаго теплымъ чувствомъ солдата.

Петру въ пѣсняхъ попреимуществу приписывается имя царя бѣлаго.

Пѣсня сохранила намъ Азовскіе походы:

Сбирается православный царь
Подъ крѣпкой Азовъ городъ.
Собираетъ онъ телѣженекъ
Сорокъ тысячей.
Во каждую телѣжку сажалъ
По пяти молодчиковъ.
По шестому приставлялъ
По извошшичку.

Укрывали сукнами
Багрецовыми,
Убивали гвоздочками
Полуженными.

Петръ приказываетъ доложить въ Азовѣ турецкимъ начальникамъ, что пріѣхалъ къ нимъ богатый гость Ѳедоръ Ивановичъ:

Съ тѣми ли съ товарами,
Со заморскими,
Съ куницами пріѣхалъ
И съ соболицами.

Турки повѣрили, и когда впустили обозъ, то изъ телѣгъ выскочили казаки, которые и захватили городъ.

Какъ совпадаетъ эта хитрость Петра съ извѣстнымъ сказаніемъ объ Олегѣ, когда онъ такимъ же способомъ выманилъ изъ Кіева Оскольда и Дира. Можетъ быть, Петру приписана эта хитрость потому, что онъ, какъ умница, дѣлаетъ все не такъ, какъ дѣлаютъ простые смертные.

Чистка аммуниціи на нѣмецкій ладъ и всѣ нѣмецкіе порядки, требовавшіе аккуратности, этой первой нѣмецкой добродѣтели, начинаются въ нашемъ войскѣ также со времени Петра. Такъ, въ одной пѣснѣ говорится:

Бѣжитъ-то изъ Москвы скорый посолъ,
Держитъ въ рукахъ грозный указъ,
Чтобъ были мы, солдатушки, пріубранные,
Перевязи, портупеи были бы бѣленыя
И ружьецы были бы чищеные.

Очень можетъ быть, что эта пѣсня позднѣйшаго склада, когда нѣмецкая чистка развилась особенно сильно, хотя въ ней, т. е. пѣснѣ, говорится о походѣ подъ Азовъ.

Мы уже замѣтили выше, что какъ только солдатъ вспомнитъ о тягостяхъ рекрутчины и военной службы, то его пѣсня звучитъ теплотой сердечной и неподкрашенной правдой, какъ, напримѣръ, слѣдующая:

Ты злодѣй—злодѣй, ретиво сердце,
Ретиво сердце, молодецкое!
Къ чему ты ныло, занывало?
Ты бѣду мнѣ, молодцу, предвѣщало,
Предвѣщало ты, а не сказало:
Что быть-то мнѣ, молодцу, въ рекрутахъ,
Что въ рекрутахъ быть мнѣ и во солдатахъ.
А и въ солдатахъ быть и мнѣ и въ походѣ,
Что подъ славнымъ городомъ подъ Орѣшкомъ,
По нынѣшнему званію Шлисенбургомъ.

Петръ обращается къ генераламъ и спрашиваетъ: «Еще брать ли мнѣ городъ Орѣшекъ»? Генералы совѣтуютъ отступить, ибо силы мало. Спрашиваетъ царь и солдатъ о томъ же:

Что не ярые тутъ пчелы зашумѣли,
Что возговорятъ россійскіе солдаты:
Ахъ ты, нашъ батюшка, государь царь!
Намъ водою къ нему плыти—не доплыти,
Намъ сухимъ путемъ идти—не досягнути,
А что брать или не брать ли—бѣлой грудью.

Прекрасно сравненіе солдатскаго говора со пчелинымъ шумомъ; художественна и послѣдняя строка, т. е. такъ или иначе идти къ Орѣшку, но, во всякомъ случаѣ, приходится брать его бѣлой грудью.

Петръ въ пѣсняхъ переглядываетъ на рѣкѣ Невѣ корабельное построеньеце; на этомъ построеньецѣ полюбился царю легкій корабль, съ любимыми полками преображенскими. Зналъ, слѣдовательно, народъ любовь царя къ кораблямъ, его любовь къ полку Преображенскому. Говоритъ пѣсня и о Полтавской битвѣ, не опуская даже нѣкоторыхъ подробностей:

Подымалась полтавская баталія.
Запалитъ шведская сила
Изъ большаго снаряда, изъ пушки;
Запалитъ московская сила
Изъ мелкаго ружья, изъ мушкетовъ.

Оставляя подробности, приводимъ конецъ пѣсни:

Смѣшалася шведская сила.
Распахана шведская пашня,
Распахана солдатской бѣлой грудью;
Орана шведская пашня
Солдатскими ногами;
Боронена шведская пашня
Солдатскими руками;
Посѣяна новая пашня
Солдатскими головами;
Поливана новая пашня
Горячей солдатской кровью.

Какъ художественно сравненіе поля битвы съ пашней! Предъ глазами невольно рисуется битва страшная, стоившая много жертвъ. Для того, чтобы понять, до какой высокой художественной красоты можетъ возвыситься творчество нашего народа, мы приводимъ слѣдующее описаніе битвы, поражающее своей грандіозностью: страженіе было превеликое и кровопролитіе преужасное; отъ дыму не видно было свѣту бѣлаго. Далѣе:

И мы ходили-то, солдаты, по колѣна въ крови;
И мы плавали, солдаты, на плотахъ-тѣлахъ;
И ручьями кровь да туды сюды разливается,

И наше храброе сердце да разгорается;
Тутъ одна рука не може, другая пали;
Тутъ одна нога упала, другая стой;
И раззудилося плечо да расходилося,
И бурдацкое вѣдъ сердце не устерпчиво;
И гдѣ вѣдь пулей неймемъ, тамъ грудью беремъ,
А гдѣ грудь не беретъ, душу Богу отдаемъ.

Какая сила слышится въ этой пѣснѣ, какими красками нарисована картина битвы! Слушая такую пѣсню, вѣришь, что поющій ее легко отдаетъ душу въ томъ случаѣ, гдѣ грудь не беретъ.

Пѣсни, имѣющія содержаніемъ походы Петра, какъ мы и замѣтили выше, относятся съ теплотой и видимымъ сочувствіемъ къ его личности, что̀ объясняется, какъ заботами его о войскѣ, такъ и тѣмъ (въ чемъ мы видимъ самую главную причину), что значеніе войнъ, предпринятыхъ великимъ преобразователемъ, не могло укрыться отъ войска, которое, кромѣ того, имѣло возможность осязательно убѣдиться, что своимъ успѣхомъ надъ врагами, на поляхъ сраженій, обязано новымъ порядкамъ, введеннымъ царемъ, и его неустаннымъ заботамъ объ устройствѣ государства, въ особенности военной части. Чутье пониманья правды удивительно развито въ нашемъ народѣ; онъ любитъ справедливость, обладаетъ такимъ здравымъ взглядомъ на вещи, на всѣ жизненныя явленія что, по естественному закону, никогда не назоветъ чорнаго бѣлымъ и наоборотъ. Люба или не люба ему извѣстная личность, но отнесется къ ней всегда справедливо и безпристрастно. Мнѣ возразятъ, что народъ не любилъ Петра, по многимъ причинамъ, доказаннымъ исторіею. Мы на это отвѣтимъ: если народъ и не любилъ его, то, всетаки, сознавалъ, и сознавалъ глубоко, величіе, мощь Петра, что̀ подтверждается множествомъ о немъ сказаній, преданій, въ которыхъ великій реформаторъ постоянно рисуется человѣкомъ, выходящимъ изъ ряда по своимъ геніальнымъ душевнымъ свойствамъ. Повторяемъ: въ томъ и познается присущее нашему народу чутье правды, что онъ, если и не любитъ кого бы то ни было, то, во всякомъ случаѣ, относится къ нему справедливо, о чемъ мы и вели рѣчь.

Смерть Петра не могла, конечно, пройдти незамѣченной народомъ, какъ равнымъ образомъ и войскомъ. Есть пѣсня, содержащая плачъ гвардіи, при кончинѣ великаго царя. Этотъ плачъ не заказной, не искусственный; въ немъ слышится теплота сердечная:

«И ты встань, проснись, православный царь!
Посмотри, сударь, на свою гвардію;
Посмотри на всю армію,
Что всѣ полки въ строю стоятъ
И всѣ полковнички при своихъ полкахъ,
Подполковнички на своихъ мѣстахъ,

Всѣ маіорушки на добрыхъ коняхъ,
Капитаны передъ ротами,
Офицеры передъ взводами,
А прапорщики предъ знаменами.
Дожидаютъ они полковничка,
Что полковничка преображенскаго,
Капитана бомбардирскаго.

Съ какимъ художественнымъ тактомъ ведена вся пѣсня. Петръ лежитъ въ гробу (о чемъ говорится въ началѣ); войско молитъ, «чтобы разступилась на всѣ стороны мать сыра земля и раскрылась бы гробова доска, и ты встань, проснись, православный царь!» Затѣмъ—переходъ къ описанію войска, готоваго къ смотру. Зачѣмъ собралось войско? Пѣсня, какъ мы замѣтили, упомянувъ о смерти Петра, отвѣчаетъ, что войско ждетъ своего полковничка преображенскаго, капитана бомбардирскаго. Безъ всякихъ реторическихъ правилъ, народъ знаетъ, такъ называемый въ искусствѣ, законъ контраста, на которомъ и держится вся приведенная нами пѣсня. Груба, необдѣланна форма всякаго народнаго произведенія, но отнять у народа ходожественнаго чутья, конечно, невозможно.

Въ иныхъ солдатскихъ пѣсняхъ горе выражается необыкновенно коротко и рельефно.

Такова, напримѣръ, пѣсня:

Какъ шли—прошли солдаты молодые,
Да за ними идутъ матушки родныя,
Во слезахъ пути-дороженьки не видютъ.
Какъ возговорятъ солдаты молодые:
Охъ, вы, матушки родныя, да родныя,
Не наполнить вамъ синя моря слезами,
Не исходить-то вамъ сырой земли за нами».

Изъ приведенныхъ нами задушевныхъ пѣсенъ можно сдѣлать вѣрный выводъ, а именно, что какъ только солдатъ касается своей службы, то пѣсня звучитъ грустью и тоской. Мать спрашиваетъ сына: «Съ чего ты, дитятко, состарѣлся»? Сынъ отвѣчаетъ:

Государыня, ты, матушка!
Не жена меня состарила,
Что не малыя ли дѣтушки,
А состарила меня, матушка,
Что чужа дальна сторонушка,
Грозна служба государева,
Что часто дальные походы всѣ.

Вообще солдатская служба называется въ пѣсняхъ не иначе, какъ грозной службой государевой, командиры—супостатами, злодѣями свирѣпыми. «Безъ креста и безъ души, они не жалѣютъ безчастныхъ солдатъ».

За пропащу ихъ собаку почитають,
И бьютъ да ихъ безчастныхъ до умертвія.

Солдаты знаютъ, какъ знаетъ и весь народъ, что царь—сама правда, источникъ добра; но творятъ неправду начальники. «Холодно было и голодно. Ядѣнье было точно скотинное и питье было лошадиное; лакомствомъ были мякинные сухарики и сладкимъ питьемъ—ржавая вода. Отъ царя они не обижены; отъ царя пища хорошая поставлена и отъ царицы добры питьица наряжены и то между собой начальники съѣдаютъ».

Имѣется цѣлая исторія, изложенная въ пѣснѣ, о какомъ-то князѣ Гагаринѣ, солдатскомъ грабителѣ:

Заѣдаетъ князь Гагаринъ наше жалованье,
Небольшое, трудовое, малоденежное,
Со всякаго человѣка по 15 рублей.
Онъ на эти-то на денежки поставилъ себѣ домъ,
Онъ поставилъ себѣ домъ на Неглинной, на Тверской,
На Неглинной, на Тверской, за мучнымъ большимъ рядомъ.

Далѣе слѣдуетъ описаніе дома, въ которомъ потолокъ хрустальный, а парадное крылечко бѣлокаменное, полъ лакомъ наведенъ и москворѣцкая вода по фонтану ведена. Въ палатахъ смощена кровать, на ней лежитъ князь Гагаринъ. (Высшее наслажденіе, въ понятіяхъ народа, лежать на кровати и ничего не дѣлать). Князь, лежа на кровати, таки рѣчи говоритъ:

Ужъ и дай, Боже, пожить и въ Сибири послужить:
Не таки бъ я полатушки состроилъ бы себѣ,
Я не лучше бы, не хуже государева дворца.
Только тѣмъ развѣ похуже—золотаго орла нѣтъ.
Ужъ за эту похвальбу государь его казнилъ.

Не сибирскій ли это губернаторъ князь Гагаринъ, казненный Петромъ за взятки и различныя, выходившія изъ ряда безобразія? Народъ именамъ не даетъ особеннаго значенія и нерѣдко смѣшиваетъ личности.

Страшно дорого стоила солдатамъ такъ называемая ими въ пѣсняхъ учоба артикуламъ и различнымъ ружейнымъ пріемамъ. Съ болью сердечной вспоминаетъ солдатъ объ этой учобѣ:

Стоятъ они день до вечера
И съ руки на руку оружье перекладываютъ,
И съ ноги на ногу они да переступываютъ,
И выше головы оружье подымаютъ,
И скорешенько оружье заряжаютъ.

Отойдутъ командеры и отдаль глядятъ: впрямь по плечушкамъ могучіимъ и вточь по буйной по головушкѣ:

Солдатушки стоятъ да не шатаются,
Оружьица у нихъ да не мѣшаются ли?

Но молодые солдатушки не могутъ продѣлывать команду по правиламъ:

Оружьице у нихъ да все промахнется,
Аль плечо съ плечомъ у нихъ да все не сойдется,
Аль ступня съ ступней у нихъ да не сравняется.
Закричатъ они, злодѣи (т. е. командиры), позвѣриному
И по бѣлу лицу даютъ да имъ затрещенье,
Аль по головѣ даютъ да имъ заушенье,
Аль по бѣлую-то грудь да имъ подтычину,
А вотъ и зеленая солдатская улица.

Безъ сознанія, безъ чувствъ и движенія, отъ ранъ и побоевъ, лежатъ солдатушки полумертвые. Со слезами подымаютъ ихъ товарищи и спрашиваютъ:

Есть ли душенька у васъ во бѣлыхъ грудяхъ,
Есть ли зрѣньице у васъ да во ясныхъ очахъ?

Всѣ эти подтычины, зуботычины и заушенья крѣпко сказывались солдатамъ, когда они оставляли службу и возвращались въ свой родной уголъ:

Тоскуютъ-то солдатски бѣдны плечушки
И стонутъ бѣдны косточки изломаны.

Нужно ли добавлять что нибудь къ этой картинѣ, нарисованной такими яркими красками? По упомянутой пѣснѣ можно воспроизвести всю солдатскую учобу, со всѣми ея прелестями.

Мать, взволнованная разсказами сына о подобныхъ жестокостяхъ, между прочимъ, говоритъ ему: «Пасть бы вамъ въ ноги командерамъ и просить бы: не бейте понапрасну, не терзайте-тко!» Но тутъ же сама соображаетъ: «Пораздумаюсь безчастнымъ своимъ разумомъ: оны безъ души судіи неправосудные, оны безъ креста злодіи супостатыи.» Мать даетъ еще и другой совѣтъ: «Найдти писарочка хитроумнаго, съ своей стороны, съ Новгорода, и съ обидой бить челомъ на нихъ царю благовѣрному и царицѣ милосердой». Но потомъ вспоминаетъ и говоритъ, что нѣтъ у злодѣевъ ни страху, ни совѣсти:

И не допустятъ-то прошеньица безчастнаго
И какъ до этого царя да до великаго,
И тутъ обыщутъ (т. е. обнесутъ, оклевещутъ) вѣдь солдатушковъ безчастныхъ.

Послѣ всего выше нами изложеннаго, становится совершенно понятнымъ, почему въ прежнее время тѣ счастливцы-рекрута, которымъ брили затылки, нагіе выбѣгали изъ рекрутскаго присутствія, нагіе бѣжали по городу, нагіе прибѣгали домой. И никого это

не удивляло, никто этому не препятствовалъ. Напротивъ, это казалось даже совершенно понятнымъ: какъ въ самомъ дѣлѣ, на такой радости, не бѣжать нагому, хотя бы по цѣлому городу.

Охъ, нѣтъ тебя (полыни) горчѣе во чистомъ полѣ,
А еще того горчѣе—служба царская:
Пристоялися наши ноженьки ко сырой землѣ,
Придержалися наши рученьки къ строеву ружью,
Приглядѣлися наши глазыньки за Дунай рѣку,
Что на славную на укрѣпушку, на Берлинъ городъ.

Дунай-рѣка, Берлинъ городъ—все это путается, перемѣшивается, и напрасны были бы въ данномъ случаѣ усилія критики разобраться въ подобныхъ противорѣчіяхъ. По отношенію къ этой пѣснѣ можно сдѣлать одно предположеніе, а именно, что она, по вѣроятности, пріурочивается ко времени Семилѣтней войны. Иначе едва ли попалъ бы въ нее городъ Берлинъ, который, впрочемъ, можетъ быть и позднѣйшей вставкой въ пѣснѣ, создавшейся прежде Семилѣтней войны. Такое явленіе сплошь да рядомъ встрѣчается въ историческихъ пѣсняхъ.

Не остались безъ помѣтки и нѣмцы-начальники, вводившіе въ наши войска свои суровые порядки:

Что гораздо мы предъ Богомъ согрѣшили,
Государя мы царя распрогнѣвили:
Ужъ какъ отдалъ насъ не-русскому начальству,
Что не русскому начальству—нѣмчину,
Онъ и бьетъ и губитъ солдатушекъ напрасно.

Какъ твердо народъ вѣритъ въ безконечную доброту и любовь къ нему царя! Если назначены въ начальники злые нѣмцы, то только по винѣ солдатъ: послѣдніе царя распрогнѣвили. Вмѣстѣ съ тѣмъ хороши были и нѣмцы, которыхъ назначали въ начальники солдатамъ за наказаніе. На основаніи всего этого какъ не согласиться, что произведенія народнаго творчества—лучшій, богатѣйшій матеріалъ для изученія исторіи народа.

Г. Барсовъ въ своемъ сборникѣ причитаній, завоенныхъ плачей, который мы цитируемъ въ настоящей статьѣ, дѣлаетъ какъ нельзя болѣе вѣрный выводъ, а именно, что всякій солдатъ, солдатскія вдовы и дѣти считаются крестьянами какими-то отчужденными личностями (о чемъ мы и намекнули на первыхъ страницахъ этой статьи), не имѣющими никакого отношенія къ крестьянству; мало того, крестьяне смотрятъ на солдатскихъ женъ и дѣтей съ великимъ нерасположеніемъ. Объяснить подобное явленіе, въ виду присущаго нашему народу добродушія, можно лишь матеріальнымъ разсчетомъ: солдатъ и солдатская семья ложились, въ большинствѣ случаевъ, тяжелымъ бременемъ на крестьянство. Съ развитіемъ рекрутчины появился, такъ называемый въ плачахъ, не

бывалый дотолѣ, казенный человѣкъ. Оказывается, что этимъ казеннымъ человѣкомъ могъ быть и собственный сынъ крестьянина, обреченный въ солдаты, къ которому и отецъ, и мать, и вся семья относятся враждебно, съ явнымъ чувствомъ озлобленія. Въ одномъ плачѣ сродники и сосѣди упрекаютъ мать за ея прежнее холодное отношеніе къ сыну, какъ къ казенному человѣку. Такъ, тетка говоритъ ей:

Ты не матушка была да ему—мачиха,
И будто у сердца его ты не носила;
И знае—вѣдае ретивое сердечушко,
И што вы ростили удала добра молодца,
И во людушки вы ростили казенные.

Слѣдовательно, нелюбовь крестьянъ распространялась не только къ бывшимъ солдатамъ, но даже и къ дѣтямъ, которыя обрекались въ казенные люди. Сосѣди-крестьяне также непріязненно смотрѣли на удалаго молодца, обреченнаго въ казенные людишки:

Не участникъ онъ участковъ деревенскіихъ
И не дольщикъ онъ крестьянскаго вѣдь полюшка,
И не косецъ да на луговыхъ буде поженкахъ.

Неудивительно послѣ этого, что казенный человѣкъ говорилъ:

Отъ младости во радости не бывано
И отъ рожденьица веселыхъ дней не видано.

Такимъ образомъ солдатчина прямо вела къ нравственному разложенію семьи, къ порванію семейныхъ кровныхъ связей, что какъ нельзя болѣе подтверждается такими словами плача:

И выше головы кресты они здымали (рекруты во время присяги),
И отца съ матерью они тутъ проклинали.

Едва ли можно сильнѣе изобразить отреченіе солдата отъ семьи, рода и племени. Изъ этихъ словъ вполнѣ видна страшная пропасть, отдѣлявшая крестьянство отъ солдатчины.

Положеніе солдатки въ семьѣ беззащитное и безнадежное. Ее постоянно корятъ, что нѣтъ у нея пахаря на чистомъ полѣ, нѣтъ сѣнокосца на луговыхъ пожняхъ и воскормителя нѣтъ въ домѣ родителя. Она, при всякомъ случаѣ, боится, что люди скажутъ про нее:

Что вольная солдатка самовольная
И што лѣвива она да не стантивая
И свѣтамъ-братцамъ богоданнымъ непокорная.

Даже крестьянскія дѣти бранятъ солдатскихъ дѣтей:

И обижаютъ ихъ ребята все отецкіе
И гулять-играть съ собой не привѣчаютъ.

Остается благодарить Бога и царя-освободителя, что казенный человѣкъ, съ теченіемъ времени, исчезнетъ на вѣки изъ крестьянской семьи.

Совершенно другой характеръ представляютъ пѣсни, имѣющія предметомъ описанія сраженія, походы и полководцевъ, за исключеніемъ пѣсенъ времени Петра, о которыхъ мы уже говорили. На сколько разсмотрѣнныя нами задушевныя пѣсни картинны, поэтичны, полны жизни и правды, на столько воспѣвающія битвы и начальниковъ искусственны, ложны, дѣланны, сочинены по одному шаблону, по одной мѣркѣ. Умственно не развитый нашъ солдатъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о причинахъ войнъ, въ которыхъ ему приходилось принимать участіе. Да и кому были извѣстны эти причины, кромѣ самыхъ высокопоставленныхъ лицъ! Исторія знаетъ, что Елисавета Петровна вела войну съ Фридрихомъ Великимъ главнымъ образомъ по причинѣ личнаго нерасположенія къ нему. Вслѣдствіе этого народъ и войско относились къ войнѣ лишь съ точки зрѣнія неизбѣжно соединенныхъ съ ней тягостей. Изъ всѣхъ войнъ, пережитыхъ нашимъ народомъ со времени Петра, только Отечественная война да послѣдняя за братушекъ тронули народъ, какъ говорится, за живое. Народъ и войско сознавали также, до извѣстной степени, что полякъ бунтуетъ, что его необходимо привести къ порядку, но вражда къ поляку имѣетъ старую историческую основу. Вотъ причина, почему и историческія поговорки не идутъ далѣе Полтавской битвы.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ чего же можно ждать отъ солдатскихъ пѣсенъ, имѣющихъ предметомъ войны и походы? Конечно, ничего, кромѣ набора словъ, фальшиваго чувства, напускной самоувѣренности, столь чуждыхъ природѣ русскаго человѣка. Затѣмъ, по всей вѣроятности, большинство этихъ пѣсенъ сочиняется военными писарями и вообще различными полуграмотными писаками. Всякому извѣстно, что подобныя пѣсни родятся, какъ грибы, во время каждой войны. Путемъ различныхъ пѣсенниковъ, столь ходкихъ среди народа, особенно пригороднаго, онѣ попадаютъ къ солдатамъ, которые иныя изъ нихъ передѣлываютъ на свой ладъ и придаютъ имъ до извѣстной степени народный характеръ. Все это еще не разобрано критикой и ждетъ умѣлаго и опытнаго изслѣдователя. Само собой понятно, что подобной переработкѣ не можетъ подлежать, напримѣръ, слѣдующая чепуха:

Ну, впередъ ступай, ребята,
Не робѣйте ничего,
Хоть и нужды мы прихватимъ,
Но за славу то почтемъ.
Намъ въ Россіи хлѣбъ-вода —
То солдатская ѣда.

Поневолѣ задумаешься, что Суворовъ, этотъ великій военный геній, такъ близко стоявшій къ войску, которое онъ водилъ отъ побѣды къ побѣдѣ, не сдѣлался достояніемъ народнаго творчества въ такой степени, въ какой онъ, повидимому, имѣлъ бы право

сдѣлаться. Намъ случилось встрѣтить мнѣніе, сколько помнимъ, принадлежащее г. Мордовцеву, что народу дороги лишь личности несчастненькія, а Суворовъ къ таковымъ не принадлежалъ. Думаемъ, что такой взглядъ довольно одностороненъ: не можетъ быть и спору о томъ, что нашъ народъ необыкновенно отзывчивъ на всякое чужое горе и о несчастненькихъ онъ съ любовью говоритъ въ своихъ пѣсняхъ, но необходимо принять въ соображеніе и то обстоятельство, что, помимо несчастненькихъ, народу дороги свои люди, люди его кости и крови. Стенька Разинъ и многіе волжскіе разбойники—не герои добра, не великіе полководцы, но о нихъ существуетъ масса пѣсенъ, сказаній, преданій, особенно о первомъ. Они сдѣлались достояніемъ народнаго творчества потому, во-первыхъ, что свои люди; во-вторыхъ, потому, что въ своей дѣятельности они становились во враждебныя отношенія не столько съ обществомъ, съ народомъ, сколько съ неправдой, олицетворявшейся въ различныхъ органахъ власти, одинаково враждебной и народу. Въ этомъ отношеніи исторія нашего разбойничества представляетъ примѣры въ высшей степени оригинальные и поучительные. Суворовъ былъ не изъ народа, и хотя одерживалъ великія побѣды, но, говоря просто, народу до этихъ побѣдъ было мало дѣла, ибо самыя причины войнъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, оставались для него тайной неразгаданной. Въ такихъ войнахъ въ солдатѣ является двигателемъ остервенѣніе безсмысленнаго звѣря, который дерется потому, что, если не будетъ драться, то будетъ убитъ. Только вполнѣ, такъ сказать, сознательная битва вызываетъ въ воинѣ чувства, которыя рвутся наружу, чтобы обнаружиться въ пѣснѣ, въ этомъ внѣшнемъ проявленіи души, полной восторга.

Суворовъ упоминается въ слѣдующей пѣснѣ, не дѣланной, а дѣйствительно солдатской; шведскій король вступилъ въ переписку съ государыней (пѣсня, вѣроятно, относится къ императрицамъ Елисаветѣ или Екатеринѣ):

Пишетъ, пишетъ король шведскій государынѣ самой:
Охъ, ты гой еси, россійска государыня сама,
Ты раздѣлайся, государыня, по честности со мной,
Не раздѣлаешься, государыня, по честности со мной,
Ужъ я съ силушкой сберусь, скрозь землюшку пройду.

Далѣе грозитъ побывать въ Москвѣ и Петербургѣ; въ концѣ предлагаетъ условія замиренья:

Россійска государыня, замирися ты со мной.
Не замиришься — не прогнѣвайся на меня.
Ты отдай, отдай свои славны города,
Не отдашь, не отдашь, государыня, — не прогнѣвайся на меня;
Отдай Тулу, отдай Леверъ (Ревель), отдай славный Короштанъ (Кронштадтъ).

Такимъ образомъ король требуетъ города, завоеванные у Швеціи Петромъ. Какъ попала сюда Тула—не разрѣшишь.

Въ другой пѣснѣ предъявляется такое требованіе: «Отдай Курляй, Вихляй съ Выборгомъ назадъ». Курляй и Вихляй, конечно, Курляндія и Лифляндія.

Испугалася, оробѣла государыня наша,
Закричала же государыня громкимъ голосомъ своимъ:
Охъ, вы гой еси, мои слуги, слуги вѣрные мои!
Вы подите-приведите Суворова графа ко мнѣ.

Вотъ приходитъ графъ Суворовъ и говоритъ:

Ужъ ты гой еси, государыня, не страшися ничего,
У насъ есть чѣмъ принять, чѣмъ потчивать его:
У насъ есть ли пироги,
Они въ Тулѣ печены,
Они въ Тулѣ печены, въ Москвѣ мясомъ чинены,
У насъ есть ли сухари, они въ Тулѣ крошены, и проч.

Въ пѣснѣ на смерть Лопухина упоминается, что Суворовъ генералъ свою силу утверждалъ, мелки пушки заряжалъ, короля въ полонъ бралъ.

Въ другой пѣснѣ, въ которой шведскій король также грозитъ государынѣ, вмѣсто Суворова спасителемъ послѣдней является весь генералитетъ. Есть еще третья пѣсня, на ту же тему, въ которой выступаетъ генералушка большой Краснощековъ, но въ ней на сценѣ не шведскій, а прусскій король:

Ты не бойся, матушка, прусска короля,
Не бывать ему, собакѣ, въ Питерѣ городѣ,
Въ Питерѣ не бывать, Москву въ глаза не видать.

Краснощековъ въ большинствѣ случаевъ пріурочивается къ прусскому королю. Имя Суворова вспоминается въ пѣсняхъ о первой турецкой войнѣ. Описывается проигранная нами битва. Дѣло плохо; на всѣхъ напалъ ужасъ. Не теряетъ духа только Суворовъ, который скачетъ къ донскимъ казакамъ и говоритъ имъ:

Вы пейте-ка безъ мѣры зелено вино,
Берите безъ разсчету государевой казны.
Не можно ли, ребята, караулы турски скрасть?

Казаки отвѣчаютъ: «Не велика, сударь, страсть—караулы турски скрасть».

Есть дѣланная пѣсня о взятіи Суворовымъ Варшавы. Г. Мордовцевъ предполагаетъ, что она составлена какимъ нибудь грамотникомъ, проникла въ народъ и передѣлана по своему вкусу.

Какъ не туча находила,
И не сильны дожди льютъ,
Графъ Суворовъ показался,

Полки въ Польшу съ нимъ идутъ.
Онъ имѣлъ то повелѣнье,
Чтобы Польшу усмирить,
И не мудро угожденье
Взять Варшаву, покорить.

Ляхи, когда услыхали объ этомъ, то заговорили: «Лучше скрозь землю пройдтить, отъ Суворова уйдтить».

Г. Елисѣевъ въ статьѣ «Преданія о Суворовѣ» приводитъ одинъ чисто народный обломокъ пѣсни о немъ:

Что не сизый орелъ на лебедушекъ
Напускается изъ-за синихъ тучъ,
Напускается орломъ батюшка
На поганыхъ на турковъ-нехристей
Самъ Суворовъ, свѣтъ-батюшка.

Въ пѣснѣ на взятіе Варшавы, между прочимъ, находимъ:

Намъ Суворовъ волю далъ
Ровно три часа гулять.
Погуляемте, ребята, —
Намъ Суворовъ приказалъ.

Подъ гульбой, упоминаемой въ пѣснѣ, по всей вѣроятности, надобно понимать разрѣшеніе, которое Суворовъ иногда давалъ солдатамъ, а именно грабить взятый штурмомъ городъ, чѣмъ солдаты были очень довольны, ибо далѣе въ пѣснѣ говорится:

Здравствуй, здравствуй, графъ Суворовъ,
Что ты правдою живешь,
Справедливо, насъ, солдатъ, ведешь.

Замѣтимъ еще, что Суворовъ попреимуществу рисуется въ пѣсняхъ въ образѣ командующаго палочкой, убѣждающаго солдатъ не робѣть, свинцу-пороху не жалѣть, или, какъ выражается пѣсня, свою силу утверждалъ нашъ Суворовъ генералъ. Вообще черта храбрости, способности переливать свою храбрость въ другихъ, приписывается Суворову ясно и опредѣленно въ произведеніяхъ народнаго творчества. Оригинальныя выходки нашего великаго полководца, напримѣръ, пѣть пѣтухомъ, когда онъ захотѣлъ поднять войско къ походу, и тому подобные фокусы прошли для народной памяти совершенно безслѣдно, и именно потому, что народъ хорошо понималъ, на сколько всѣ упомянутыя выходки были фальшивы, дѣланны, искусственны, какъ все это въ дѣйствительности и было.

Такимъ образомъ мы видимъ, на сколько небогато народное творчество произведеніями о Суворовѣ и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ. Дѣланныя пѣсни о немъ разныхъ грамотниковъ, напримѣръ, на Кинбурнскую косу, на взятіе Измаила, Очакова, и другія ниже всякой критики.

Въ народныхъ преданіяхъ Суворовъ является такимъ воиномъ, которому помогаетъ Богъ, нерѣдко посылающій къ нему ангеловъ. Суворовъ зналъ Божью планиду, по которой всегда и поступалъ. Онъ—волшебникъ, разрушавшій чары враждебной силы крестомъ и молитвой; обладаетъ способностью являться въ критическія минуты, когда войску приходится плохо, и затѣмъ мгновенно исчезаетъ. Вообще ему придается мистическій характеръ. Его, конечно, не беретъ пуля. Онъ не умеръ, но спитъ, и когда проснется, то горе врагамъ. Преданія о немъ существуютъ до сей поры въ Швейцаріи, гдѣ, въ Альпахъ, есть тропинки, проходы, пути Суворова. Мы сами видѣли, во время своего путешествія по Швейцаріи, и Чортовъ мостъ, и надпись, гласящую, что здѣсь проходилъ Суворовъ, и слышали разсказы жителей о немъ.

Означенныя преданія о Суворовѣ подслушаны г. Елисѣевымъ попреимуществу въ Новгородской губерніи, гдѣ, какъ извѣстно, находятся имѣнія этого полководца. Въ этой же мѣстности подслушано преданіе о томъ, что Суворовъ никогда не начиналъ битвы, не убѣдившись, что на небесахъ кончилась обѣдня, для чего онъ становился на колѣни, наклонялъ голову и слушалъ.

Но въ какой степени преданія о немъ живутъ во всей Россіи,— это вопросъ, остающійся открытымъ. Мало того, мы даже недоумѣваемъ, какимъ образомъ преданія, приводимыя г. Елисѣевымъ, въ которыхъ Суворовъ является какимъ-то миѳическимъ героемъ, окруженнымъ величайшей таинственностью, могли о немъ создаться даже и въ мѣстахъ его временнаго жительства, гдѣ онъ пѣлъ пѣтухомъ, читалъ Апостола и звонилъ въ колокола? Какое отношеніе всѣ эти чудачества великаго человѣка могли имѣть къ созданію преданій, вполнѣ понятныхъ въ герояхъ древнихъ былинъ, но никакъ не вяжущихся съ личностью Суворова, съ его дѣйствіями и взглядами? Мы не хотимъ высказать сомнѣнія относительно достовѣрности преданій, упоминаемыхъ г. Елисѣевымъ, но просто выставляемъ вопросъ, для насъ интересный и трудно разрѣшимый.

Въ числѣ солдатскихъ пѣсенъ времени Семилѣтней войны невольное вниманіе изслѣдователя останавливаютъ пѣсни о донскомъ казакѣ Краснощековѣ. Необыкновенно сильно онъ запечатлѣлся въ памяти народной, но почему? — это остается вопросомъ не разгаданнымъ. За что его такъ крѣпко полюбили народъ и войско, какъ не любили и не любятъ ни одного полководца? Краснощековъ, личность совершенно неизвѣстная исторіи, возводится народнымъ творчествомъ въ герои, живетъ въ пѣсняхъ, полныхъ высокихъ поэтичещихъ достоинствъ. Чувствуешь, что народъ положилъ въ нихъ всѣ свои силы. О Краснощековѣ до сей поры нѣтъ ни одной монографіи, даже у самихъ донцевъ, столь имъ прославленныхъ. Наши историки не знаютъ его, а между тѣмъ народная память хранитъ этого казака въ многочисленныхъ пѣсняхъ. На такую память, безъ сомнѣ-

нія, имѣются какія нибудь уважительныя причины, намъ до сей поры не извѣстныя. Вѣроятно, Краснощековъ былъ человѣкомъ необыкновенно сильнаго характера, ибо пѣсня говоритъ, что, когда татары взяли его въ плѣнъ, то разными муками мучили, а правды у него не вывѣдали, хоть съ живаго съ него кожу содрали, но души изъ него не вынули. Пріурочиваніе его къ татарамъ, къ войнамъ Петра, Елисаветы (попреимуществу ко времени послѣдней) лучше и яснѣе всего доказываетъ, на сколько онъ дорогъ народу. Складъ пѣсенъ о немъ чисто народный, безъ подмѣси.

Первые историческіе подвиги Краснощекова оказались въ крымскомъ походѣ фельдмаршала Петра Ласси, Лесси. Этотъ Петръ Лесинъ, какъ зоветъ его народъ, явился начальникомъ въ шведскую войну, при Аннѣ и Елисаветѣ, и отъ него гибнетъ Краснощековъ, попадаясь въ шведскій плѣнъ. Этотъ народный герой переодѣвается въ различныя платья; онъ беззавѣтно смѣлъ и благороденъ:

Краснощековъ беретъ Берлинъ городъ.
Какъ растужится, расплачется прусской король,
Глядючи на крѣпость на Берлинъ городъ:
Ты, крѣпость моя, крѣпость Берлинъ городъ,
Ты кому, моя крѣпость, достанешься!
Доставалася моя крѣпость царю бѣлому,
А еще-то тому генералу Краснощекову.

Замѣтимъ, кстати, что варіанты плача прусскаго короля очень многочисленны и задушевны.

Краснощековъ возвращается раненый изъ похода и говоритъ матери, которая думаетъ, что онъ пьянъ, ибо, сидя на конѣ, шатается:

Напоилъ-то меня супостатъ прусской король
Тремя пойлами, тремя разными:
Первое пойлице—сабля острая,
Другое пойлице—ружье огненно,
Третье пойлице—калена стрѣла.

Краснощековъ раненъ. Пѣсня поэтически передаетъ его плачевное положеніе:

Не отъ тучи, не отъ грома, не отъ солнышка,
Отъ великаго оружія солдатскаго
Загоралася въ чистомъ полѣ ковыль-трава,
Добиралася до бѣлаго камышка.
Что на камышкѣ сидитъ младъ ясенъ соколъ,
Подпалилъ онъ свои скорыя ноженьки.
Прилетѣли [1]) къ соколу стадо вороновъ,
Что садились черны вороны вокругъ его

---

[1]) Множественное число при собирательномъ «стадо» какъ обычное въ древнемъ языкѣ.

И въ глаза ли ясному соколу насмѣхалися,
Называли они сокола вороною:
«Ты, ворона, ты, ворона подгуменная!»
Ахъ, что возговоритъ въ кручинѣ младъ ясенъ-соколъ:
Какъ пройдетъ моя бѣда со кручиною,
Отрощу я свои крылья, крылья быстрыя,
Оживлю я свои ноги, ноги скорыя,
Я взовьюся, младъ ясенъ соколъ, выше облака,
Опущуся въ ваше стадо я скорѣй стрѣлы,
Перебью я черныхъ вороновъ до-единаго.

Кто не согласится, что такое произведеніе вполнѣ заслуживаетъ названія высоко-поэтическаго. Примѣните его къ жизни, и вы будете поражены истиной, въ немъ высказываемой, т. е. если представить себѣ воронье, обыкновенно бросающееся на великаго человѣка только тогда, когда у него подпалены крылышки и обожжены ноженьки. Живая, полная горькой правды картина рисуется намъ въ этой пѣснѣ, героемъ которой является любимая народомъ и войскомъ личность. Мы имѣли случай замѣтить, что нашъ народъ обладаетъ великимъ запасомъ любви къ людямъ и особеннымъ сочувствіемъ къ несчастненькимъ. Въ пѣсняхъ времени Семилѣтней войны имѣется такая (и въ большомъ числѣ варіантовъ), въ которой высказывается солдатами глубокое сочувствіе къ прусскому королю Фридриху Великому, съ приложеніемъ къ нему эпитетовъ разбесчастненькаго и безталанненькаго. Ясно, значитъ, что солдаты угадали своей мягкой природой, чуткой къ страдавіямъ людей, и совершенно поняли страшно критическое положеніе Фридриха II во время неравной борьбы его съ сильными государствами. Народъ и войско, если не знали причины войны съ Пруссіею, то, во всякомъ случаѣ, могли знать, что королю прусскому приходилось одному отбиваться отъ многихъ враговъ.

Разбесчастненькій, безталанненькій
    Нашъ-та король прусскій.
Онъ на воронѣ на коничкѣ
    Король разъѣзжаетъ.
Ничего-то король про свою армеюшку
    Ничего не знаетъ.

Король получаетъ газетушки, читаетъ ихъ и плачетъ. Въ заключеніе говоритъ: «Не воюетъ-то наша армеюшка, горечко горчаетъ, что горчаетъ-то наша армеюшка, сама слезно плачетъ».

Считаемъ нелишнимъ высказать замѣчаніе, что въ пѣсняхъ, относящихся къ Семилѣтней войнѣ, пробивается мѣстами недоумѣніе о ходѣ событій, каковое недоумѣніе объясняется совершенно понятно, если мы припомнимъ, что всѣ наши успѣхи въ Пруссіи привели лишь къ тому, что русскую армію дважды возвращали: одинъ разъ на половинѣ дѣла, въ другой разъ безъ всякихъ пло-

довъ для Россіи, по успѣшномъ окончаніи дѣла. Вопіющія несообразности и безтолковость военныхъ дѣйствій, конечно, не могли скрыться отъ солдатъ, которыхъ Господь Богъ не обдѣлилъ здравымъ смысломъ.

Въ пѣсняхъ Екатерининскаго періода есть все,—какъ замѣчаетъ г. Безсоновъ, — кромѣ народа и народнаго. Это — также немалый вопросъ для изслѣдователей народнаго творчества. Такія блестящія войны, такое вообще блестящее царствованіе не нашли отзыва ни въ народѣ, ни въ войскѣ. Не понималъ ли народъ своимъ непостижимымъ чутьемъ истины, что существо дѣла заключается не въ блескѣ, а въ чемъ-то другомъ, болѣе прочномъ и необходимомъ для государства. Фактъ рѣшенный, что народъ въ царствованіе Екатерины II крѣпко страдалъ отъ всяческой неправды.

Пѣсни, относящіяся къ Отечественной войнѣ, всѣ дѣланны, чужды поэзіи и жизненной правды. По нашему крайнему разумѣнію, подобное обстоятельство объясняется такимъ образомъ: народъ, ошеломленный нашествіемъ страшнаго числомъ врага, небывалымъ погромомъ, соединеннымъ съ этимъ нашествіемъ, былъ не въ силахъ сосредоточиться на событіяхъ, необыкновенно быстро смѣнявшихся. Событія, такъ сказать, подавляли его своимъ величіемъ и разнообразіемъ впечатлѣній. Грандіозныя битвы идутъ одна за другой, почти безъ остановокъ; отъ Нѣмана до Парижа пушечный громъ не умолкаетъ для войска. Какія событія: Бородино, взятіе Москвы, взятіе столицы Франціи! По законамъ дѣятельности духовныхъ силъ человѣческихъ не представлялось возможнымъ разобраться съ массой подавлявшихъ въ то время русскаго человѣка впечатлѣній.

Съ чувствомъ далеко не отраднымъ читаешь, напримѣръ, слѣдующія пѣсни, вышедшія изъ устъ какого нибудь полуграмотнаго патріота и разными путями попавшія въ уста солдата:

Всемилостивый Спасъ
Всѣхъ французовъ потрясъ,
Князь Кутузовъ
Побилъ французовъ.

Или:

Не боимся мы французовъ,
Штыкъ всегда востеръ у насъ,
Лишь бы батюшка Кутузовъ
Допустилъ къ нимъ скоро насъ.

Послѣ 1812 года, какъ, напримѣръ, и послѣ крымской войны, сложилось немало шуточныхъ стихотвореній. Въ свое время было въ большомъ ходу слѣдующее:

За горами, за долами,
Бонапарте съ плясунами
Вздумалъ въ ровень стать.

Конь куда съ копытомъ мчится,
Ракъ туда-жъ съ клешней тащится,
И давай плясать.
Не въ подладъ пошелъ англезу,
Вздумалъ бросить экосезу,
Польскую пройдтить.

Явная и неудачная поддѣлка подъ народный ладъ.

Неизвѣстно, за какіе грѣхи всѣ полуграмотные слагатели солдатскихъ пѣсенъ навязывали и навязываютъ русскому народу похвальбу подвигами, презрѣніе къ врагу. Во-первыхъ, отъ самохвальства всегда отвертывается нашъ народъ; онъ скорѣе посмѣется надъ собой, чѣмъ похвалитъ себя; во-вторыхъ, нашъ солдатъ отдаетъ всегда должное своему врагу и очень хорошо понимаетъ, что храбростью ни одинъ народъ не обдѣленъ, что человѣкъ всякой національности съумѣетъ умереть за отечество, если того потребуютъ обстоятельства; наконецъ, очень хорошо понимаетъ, что побѣда дѣло условное: сегодня Богъ далъ намъ, а завтра имъ. Означенная похвальба высказывается только для услажденія слуха начальства.

Въ пѣсняхъ 1812 года нерѣдко встрѣчаются имена Кутузова и Платова. Послѣдній рисуется удалымъ казакомъ; онъ переодѣтымъ является въ лагерь французовъ и бесѣдуетъ неузнанный съ самимъ Бонапарте:

Государь его (Платова) любилъ,
Къ себѣ въ гости попросилъ,
Ему бороду обрилъ,
Позументы съ груди снялъ,
Купцомъ его наряжалъ,
Къ французу посылалъ,
Подорожну написалъ.
Подъѣзжаетъ казакъ Платовъ
Ко французскому дворцу.
У француза дочь Арина
Купцу рѣчи говорила.

Пріѣхалъ Платовъ только затѣмъ, чтобы сказать Бонапарте:

Ты, ворона, воръ французъ,
Зачуменная карга!
Не умѣла ты, ворона,
Ловить ясна сокола—
Платова казака.

Народный складъ этой пѣсни не подлежитъ сомнѣнію. Вообще замѣтимъ, что Платовъ пользуется бо̀льшей популярностью, чѣмъ Кутузовъ. Въ другой пѣснѣ о немъ говорится, что французская земля много горя приняла отъ Платова казака. Трудно сказать, что̀ побуждало общество сочинять, во время Отечественной войны,

различныя басни про Платова, но сочинялись эти басни не въ маломъ числѣ; нѣкоторые разсказы объ его небывалыхъ похожденіяхъ перешли и въ народъ. Въ концѣ 1812 года, когда гнали Наполеона, распространилась молва, что Платовъ обѣщалъ отдать замужъ свою дочь за того, кто захватитъ Наполеона, хотя бы этотъ счастливецъ былъ самый простой человѣкъ, напримѣръ, солдатъ, крестьянинъ или казакъ. По поводу означеннаго заявленія Платова была составлена аллегорическая картина. Къ сожалѣнію, мы не помнимъ подробностей аллегоріи.

Одна изъ самыхъ распространенныхъ пѣсенъ, относящихся ко времени Отечественной войны, слѣдующая:

Раззорена путь-дорожка
Отъ Можайска до Москвы.
Еще кто ее ограбилъ?
Непріятель воръ-французъ.
Раззоримши путь-дорожку,
Въ свою землю жить пошелъ,
Въ свою землю жить пошелъ,
Ко Парижу подошелъ.

Къ новѣйшему времени относятся пѣсни о Паскевичѣ, Дибичѣ и различныхъ сраженіяхъ, происходившихъ въ царствованіе императоровъ отъ Павла I до Николая I включительно. Пѣсни эти не выдерживаютъ ни малѣйшей критики, съ точки зрѣнія народнаго творчества. Онѣ не даютъ ни одной черты, которая хотя сколько нибудь опредѣляла бы внутреннія свойства нашего солдата. Солдатъ поетъ ихъ совершенно механически, безъ малѣйшаго участія сердца, какъ онъ самъ говоритъ: «Велятъ пѣть веселешенько, а на душѣ-то у насъ тошнешенько».

Наборъ словъ, въ родѣ слѣдующаго, встрѣчается во всякой пѣснѣ въ упомянутый періодъ времени:

Графъ Паскевичъ генералъ
Долго не спалъ, не дремалъ,
Свою силу снаряжалъ.

Или:

Какъ пошли наши ребяты,
Наши храбрые солдаты,
Глупыхъ турокъ колотить,
Уму-разуму учить.

Замѣтимъ также, что всѣ эти дѣланныя пѣсни переходятъ изъ одного царствованія въ другое, почти безъ всякихъ перемѣнъ въ содержаніи, съ перемѣной лишь именъ: вмѣсто, напримѣръ, Дибича ставится Паскевичъ, отъ чего существо дѣла нисколько не измѣняется, ибо пустой наборъ словъ примѣнимъ ко всякому лицу. Настоящее принадлежитъ исторіи, не наступившей еще для нашего времени, слѣдовательно можно только думать и гадать, въ ка-

кихъ пѣсняхъ проявится современный солдатъ, бывшій на Кавказѣ, при окончательномъ его покореніи, совершившій походъ въ Болгарію, участвовавшій въ текинской войнѣ; не болѣе какъ только можно думать и гадать, какимъ образомъ отнесется нашъ солдатъ къ своимъ полководцамъ, стоявшимъ во главѣ армій въ упомянутыя войны. Въ высшей степени интересно также было бы предугадать воззрѣніе солдата на Скобелева. Какъ поймутъ его войско и народъ и какое нравственное мѣрило приложатъ къ этой, во всякомъ случаѣ, замѣчательной личности.

Существуютъ дѣланныя, искусственныя пѣсни и о крымской войнѣ. Всѣ онѣ ниже упоминанія. Въ плохомъ сборникѣ Троцкаго-Сенютовича приведены также пѣсни о послѣдней турецкой войнѣ, совершенно пустыя по содержанію и столько же солдатскія, сколько и дворянскія или какія угодно.

Войско, принимавшее участіе въ послѣдней войнѣ, должно сначала многое переработать во внутреннемъ своемъ мірѣ, прежде чѣмъ дастъ волю своему творчеству.

Для рифмоплетовъ и квасныхъ патріотовъ такая духовная переработка совершенно не нужна. Имъ нуженъ только языкъ, который, какъ извѣстно, безъ костей. Какъ кстати, напримѣръ, прилагается къ крымской войнѣ слѣдующая пѣсня, когда мы были такъ чувствительно побиты:

Что французы, англичане,
Что турецкій глупый строй!
Выходите, басурмане,
Вызываемъ васъ на бой.

При этой пѣснѣ имѣется помѣтка, что слова ея принадлежатъ князю М. Д. Горчакову, чему охотно вѣримъ, сохраняя убѣжденіе, что никакъ не солдату. Въ сказкахъ и сказаніяхъ, которыхъ коротко коснемся, солдатъ рисуется человѣкомъ необыкновенно смышленымъ, ловкимъ; онъ многое знаетъ, много видалъ и испыталъ на своемъ вѣку; его ничѣмъ не удивишь; солдатъ въ сказкахъ выходитъ съ торжествомъ изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Онъ лѣчитъ больныхъ царей, царевенъ, когда всѣ отказываются отъ подобнаго дѣла; попадаетъ въ рай, не смотря на то, что нѣкоторые святые, какъ, напримѣръ, апостолъ Петръ, царь Давидъ, не пускаютъ его въ царство небесное за грѣхи, имъ совершенные; но онъ доказываетъ, что никогда не отрекался отъ Христа, какъ Петръ, и никогда не похищалъ чужой жены, убивъ ея мужа, какъ царь Давидъ. Ни жидъ, ни цыганъ, эти всесвѣтные плуты, не могутъ надуть солдата. Мало того, солдатъ не боится самого чорта, который волей не волей подчиняется солдату и исполняетъ всѣ его желанія.

Счастливый случай выручаетъ служиваго, если онъ не можетъ своимъ умомъ выйдти изъ труднаго положенія. Солдатъ продалъ

душу чорту, но судьба выручаетъ его, и чортъ остался безъ солдатской души. Такъ въ одной сказкѣ говорится: стоялъ солдатъ на часахъ и захотѣлось ему на родинѣ побывать. «Хоть бы, говоритъ, чортъ туда меня снесъ!» А онъ тутъ какъ тутъ. «Ты, говоритъ, меня звалъ?» «Звалъ». «Изволь, говоритъ, давай въ обмѣнъ душу!» «А какъ же я службу брошу, какъ съ часовъ сойду?» «Да я за тебя постою». Рѣшили такъ, что солдатъ годъ на родинѣ проживетъ, а чортъ все время прослужитъ на службѣ. «Ну, скидавай!» Солдатъ все съ себя скинулъ и не успѣлъ опомниться, какъ дома очутился. А чортъ на часахъ стоитъ. Подходитъ генералъ и видитъ, что у него въ порядкѣ одного нѣтъ: не крестъ на крестъ ремни на груди и всѣ на одномъ плечѣ. «Это что?» Чортъ и такъ и сякъ, не можетъ надѣть. Тотъ его въ зубы, а послѣ порку. И пороли чорта каждый день. Такъ хорошій солдатъ всѣмъ, а ремни все на одномъ плечѣ. «Что съ этимъ солдатомъ, говоритъ начальство, сдѣлать? Никуда теперь не годится, а прежде все бывало въ исправности». Пороли чорта весь годъ. Прошелъ годъ, является солдатъ смѣнять чорта. Тотъ и про душу забылъ: какъ завидѣлъ солдата, все съ себя долой. «Ну, васъ, говоритъ, съ вашей и службой-то солдатской». И убѣжалъ.

Кончивъ свой трудъ, выскажемъ, что настоящія солдатскія пѣсни, имѣющія содержаніемъ битвы и личности, руководившія этими битвами, явятся только тогда, когда военная масса проникнется свѣтомъ образованія, ибо не иначе, какъ лишь при этомъ условіи, войско будетъ въ состояніи постигать причины возникновенія той или другой войны, сознавать всю важность историческихъ явленій, разрѣшать которыя ему придется на поляхъ сраженій. Тогда въ пѣсняхъ солдата выльются всѣ его думы и помыслы, вся его душа. Не скоро творятся подобныя перерожденія, но начало имъ въ настоящемъ войскѣ положено, и именно какъ всесословной воинской повинностью и гуманной дисциплиной, такъ и тѣми заботами объ его образованіи, которыя составляютъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій царствованія государя-освободителя. Время невидимо творитъ свое дѣло, и наступитъ моментъ, когда лѣтописецъ войска на Руси съ чувствомъ высокой отрады, будетъ разсматривать различныя явленія творчества солдатъ, чего судьба не послала на нашу долю: намъ, современнымъ людямъ, остается благодарить Бога и за то, что мы видѣли, какъ новыя, свѣжія сѣмена были брошены державной рукой въ родную Русскую землю. И то немалое счастіе. Всходами же насладятся наши потомки, которымъ принадлежитъ будущее, со всѣми его радостями и страданіями, но, вѣроятно болѣе, съ радостями, чѣмъ со страданіями.

И. Бѣловъ.

ВРЕМЕНА ВОЕННЫХЪ ПОСЕЛЕНІЙ.

(Изъ разсказовъ бывшаго военнаго поселянина).

УЧРЕЖДЕНІЕ военныхъ поселеній послѣдовало въ 1817 году, въ мѣстностяхъ, находившихся въ Новгородскомъ уѣздѣ, на берегахъ Волхова и Мсты. Для устройства ихъ, посредствомъ войскъ были вырублены обширные лѣса, причемъ солдаты размѣщены были по деревнямъ крестьянъ, обращенныхъ въ военныхъ поселянъ. Въ этомъ раіонѣ образованы были 4 округа, которыми завѣдовали 4 окружныхъ командира изъ военныхъ полковниковъ, а для лучшаго наблюденія и обученія военной службѣ, роты этихъ округовъ въ 1821 году переведены были изъ деревень на новыя мѣста, въ связи. Такъ назывались деревянные дома на каменныхъ фундаментахъ, выстроенные по плану графа Аракчеева. Они представляли совершенную противоположность русскимъ избамъ, потому что въ каждомъ домѣ, при однихъ сѣняхъ, помѣщалось 2 семейства, жившихъ въ задней половинѣ, переднія же комнаты были чистыя, для показу, и въ нихъ не смѣли не только жить, но и бывать сами хозяева. Рота заключала въ себѣ множество такихъ связей, выстроенныхъ въ два ряда, между которыми шла улица. Вслѣдствіе передвиженія поселянъ изъ деревень въ связи произошло большое неудобство въ распредѣленіи покосовъ, которые дѣлились тогда не по душамъ, а на весь округъ по хозяевамъ, вслѣдствіе чего во время сѣнокоса косарямъ приходилось ходить каждый день верстъ за 10. Бритье бородъ, стрижка волосъ, передви-

женіе съ насиженныхъ гнѣздъ, т. е. изъ родимыхъ избъ, въ неудобныя связи, дальность покосовъ, требованіе чистоты въ сельскомъ и домашнемъ хозяйствѣ, дисциплины и знанія пріемовъ фронтовой службы, неумѣренная строгость начальства — все это не только вывело народъ изъ его нормальнаго состоянія, но, можно сказать, перевернуло излюбленный традиціонный его бытъ такъ быстро, что въ началѣ, подъ вліяніемъ перваго страха, онъ безмолвно подчинился своей тяжелой участи, затаивъ, однако же, въ душѣ недовольство на такую крутую и насильственную перемѣну въ его жизни. Конечно, его могло бы хоть нѣсколько примирить съ этою перемѣною точное знаніе ея причинъ, но такъ какъ эта перемѣна не вытекала изъ какой либо сознаваемой имъ необходимисти, то онъ объяснилъ ее причиной сверхъестественной, а именно колдовствомъ Настасьи, любовницы графа Аракчеева, которая, по его мнѣнію, околдовала для этого дѣла, черезъ графа, и самого царя. Но какъ, повидимому, ни присмирѣли и ни покорились своей участи военные поселяне, которыхъ въ 1826 году нѣсколько облегчили тѣмъ, что отобрали отъ нихъ аммуницію и ружья, переименовавъ ихъ въ «пахатныхъ солдатъ», однако же, они были не прочь при первомъ случаѣ еще болѣе облегчить свое иго и нашли этотъ случай въ то время, когда проживавшіе въ связяхъ на квартирахъ солдаты ушли въ польскій походъ, вслѣдствіе чего надъ ними не тяготѣла уже вооруженная сила, готовая затушить малѣйшее ихъ противодѣйствіе или волненіе. Къ тому же, въ это же самое время холера, приписываемая злонамѣренными людьми отравѣ со стороны начальства, волновала умы и разжигала страсти, которыя, наконецъ, съ прежде накопившеюся злобой на начальниковъ, и прорвались въ видѣ бунта съ избіеніемъ начальствующихъ лицъ, причемъ бунтовщики добирались и до самого графа Аракчеева, который успѣлъ, однако же, отъ нихъ спастись. Черезъ 3 года, по усмиреніи бунта, а именно въ 1835 году, поселяне были выселены изъ связей въ прежнія ихъ деревни и переведены изъ пахатныхъ солдатъ въ удѣльное вѣдомство. Этимъ и кончается исторія новгородскихъ военныхъ поселеній. Предлагаемые два разсказа бывшаго поселянина заключаютъ въ себѣ первый — описаніе самаго начала учрежденія военныхъ поселеній, ихъ внутреннихъ порядковъ и жизни, а второй — послѣднее время ихъ существованія, кончившееся бунтомъ. Въ нихъ съ безъискусственною простотою и искренностью передано все пережитое и перечувствованное какъ самимъ разсказчикомъ, такъ его родными и односельчанами. Я оставилъ нѣкоторыя неточности и не придалъ разсказамъ книжнаго изложенія, а старался сохранить языкъ и даже нѣкоторыя мѣстныя выраженія самого бывшаго поселянина для того, чтобы яснѣе былъ видѣнъ взглядъ самихъ поселянъ на то, что вокругъ нихъ дѣлалось. Подобные разсказы могутъ слу-

жить не только матеріалами для характеристики извѣстныхъ событій, но и для общаго взгляда на то, какъ принимаются народомъ реформы, не вытекающія изъ дѣйствительныхъ потребностей жизни и времени.

I.

Учрежденіе поселеній.

Когда въ первый разъ прислали къ намъ солдатъ въ деревню [1]) и у каждаго хозяина поставили по одному солдату, мы себѣ думаемъ, да и слухи-то идутъ, что и насъ сдѣлаютъ солдатами. Солдаты пришли, а зачѣмъ? Мы не знаемъ. Они намъ ничего не говорятъ, живутъ себѣ нѣсколько времени; должно быть, они и сами-то ничего не знали; такъ время и бредетъ.

Вдругъ, однажды, въ полночь десятскій стучитъ подъ окномъ и кричитъ. «Въ Божонку [2]) на скопъ»! Наши мужички собрались и стали совѣтоваться, думаютъ, съ какой стати въ Божонку на скопъ? Это какая нибудь новость пришла! Слухи-то идутъ, что сдѣлаютъ солдатами, да и солдатовъ-то нагнана цѣлая деревня, такъ ужъ вѣрно есть что нибудь новенькое, небывалое, а иные говорятъ: да ужъ не даромъ ночью требуютъ, вѣрно дня-то мало. Не пойдемъ, говорятъ, въ Божонку на скопъ, туда уже не за добромъ зовутъ, а пойдемте лучше въ монастырь [3]), будемъ просить строителя, чтобы онъ насъ на это время скрылъ въ монастырѣ, а тамъ впередъ, что Богъ дастъ, «что міру, то и бабину сыну». Пришли мы въ монастырь. Ночь хоть глаза коли. Ворота монастырскія заперты. Стоимъ у воротъ, не смѣемъ стучать, потому что не то время: духовенство худо тревожить. Вотъ стоимъ; артельное дѣло — не промолчишь, какъ ни скрадывайся, а въ артели все шш! да шш! Вотъ услыхалъ сторожъ наши переговоры, подошелъ, послушалъ маленько, потомъ и говоритъ: кто тутъ? А мы ему въ отвѣтъ: «Иванъ Өедоровичъ, доложи, сдѣлай милость, строителю, что власьевскіе мужики просятся въ монастырь пожить на время». Тотъ сейчасъ побѣжалъ къ строителю, разбудилъ его, а строитель говоритъ: «Пущай поживутъ! Отведите ихъ въ мастерскую». Въ мастерской—портные, сапожники, плотники, туда-то насъ сперва и заперли, а потомъ ужъ перевели къ Вишерѣ въ побережныя кельи. Тутъ была одна большая келья, насъ въ нее и помѣстили. Намъ тутъ и своя деревня вся видна, напротивъ самой

---

[1]) Власьево въ 13 верстахъ отъ Новгорода.

[2]) Селеніе въ 22-хъ верстахъ отъ Новгорода.

[3]) Монастырь св. Саввы Вишерскаго въ 12-ти верстахъ отъ Новгорода.

деревни-то мы и сидѣли. Поглядимъ въ деревню-то, солдаты вездѣ ходятъ. Намъ ѣсть-то нечего; что, думаемъ, какъ мы тутъ будемъ жить! Въ монастырѣ вѣдь не будутъ насъ кормить! Но наши бабы не будь промахи—сейчасъ кадку на дровеньки, въ кадку мѣшокъ и маршъ за водой на монастырскую прорубь. Пріѣдетъ на прорубь, дровеньки оставитъ, а сама побѣжитъ въ монастырь. Солдаты и стали примѣчать, что которая баба ни поѣдетъ за водой, все забѣгаетъ въ монастырь, непремѣнно онѣ монаховъ любятъ. А въ Эстьянахъ въ это время всѣхъ хозяевъ и крестьянъ изъ другихъ деревень заперли во дворъ за то, что не давались бриться. Уже девять сутокъ они сидятъ, а все не даются бриться. Ну, что дѣлать! Говорили, что донести объ этомъ царю, ну, а тамъ разглядѣли по законамъ, что слѣдуетъ до двѣнадцати сутокъ держать, а послѣ двѣнадцати сутокъ съ ними разбираться другимъ порядкомъ; можетъ быть, вывели бы на чистое поле, да и начали бы въ нихъ изъ пушки садить? Ужъ не знаемъ, что бы тамъ было дальше, одному Богу извѣстно. Однако же, и двѣнадцать сутокъ высидѣть, не пивши, не ѣвши, нелегко; голодъ-то не тетка, какъ девятый-то валъ станетъ по брюху ходить, такъ не бойсь заведешь что нибудь другое! Пріѣдетъ бывало самъ графъ, начнетъ читать указъ императорскій, что вотъ это такъ слѣдуетъ, а это такъ! А ему кричатъ, пока еще не гораздъ были голодны-то: «Убирайся ты знаешь куда! Что ты насъ въ свою вѣру пригоняешь! Помремъ за свое состоянье, ни за что не сдадимся!» Такъ вотъ и кричатъ, такъ и рѣжутъ на прямыя корки, нисколько не боятся и не стыдятся.

Графъ разсердился, какъ схватитъ съ себя киверъ, такъ и броситъ его на земь со злости, такъ и рвется, а нечего дѣлать! Ну, что, покричитъ, покричитъ, да такъ и уѣдетъ.

А въ деревню Эстьяны нагнали солдатовъ — ужасть сколько: вездѣ дневальные, во всѣхъ переулкахъ и заулкахъ, около домовъ— вездѣ все дежурные да караульные, такъ что тутъ никакъ нельзя скрыться. Прежде еще было объявлено, что кто самъ пожелаетъ бриться, тому жалуютъ шестьдесятъ рублей ассигнаціями денегъ. Вотъ какъ понасидѣлись наши мужики взаперти на дворѣ, какъ пошло уже на десятыя-то сутки, одинъ какой-то удалецъ, говорятъ, вылѣзъ на крышу и кричитъ: бриться желаю! Его сейчасъ сняли съ крыши тую же минуту, покормили, обрили, шинель надѣли и шестьдесятъ рублей денегъ ему дали. На него глядя, еще никакъ человѣкъ пять пожелали бриться, и тѣмъ тоже выдали по шестидесяти рублей. А прочіе сидѣли, сидѣли, а, наконецъ, надо же что нибудь дѣлать; хоть сколько ни сиди, все тому же быть, да еще и слухи-то пошли, что какъ двѣнадцать сутокъ отсидятъ, да не сдадутся, то разстрѣляютъ. Всѣ сдѣлались такіе смирненькіе, что, говорятъ, вѣрно дѣлать нечего, надо повиноваться;

вѣрно время-то пришло, надо времю повиноваться! Ну, и сдались. Всѣхъ ихъ обрили, шинели на нихъ понадѣвали и—готовы.

Вотъ и до насъ слухи дошли, что они сдались бриться. И мы стали думать то же самое: сколько ни живи въ монастырѣ, а все надо являться домой. И стали думать, какъ мы теперь явимся, что скажемъ, когда спросятъ, гдѣ мы были? Сидѣли-то мы въ кельѣ передъ зимнимъ Николой, а являться-то надо было послѣ праздника. Сговорились, что если спросятъ: гдѣ вы были? то скажемъ, что были на праздницкой. Пошли по одиночкѣ. Какъ только входимъ въ деревню, въ полевыхъ воротахъ стоятъ часовые, а въ деревнѣ солдатовъ-то такъ нá-густо! Входишь въ деревню, тебя спрашиваютъ, а гдѣ былъ? Въ Никольщинѣ на праздницкой,—сейчасъ и простятъ. Такъ всѣ помаленьку и собрались.

Когда я пришолъ домой, то у насъ было семнадцать постояльцевъ. Вотъ мы живемъ дома дня двà или три, хорошенько не помню, намъ ничего отъ солдатовъ нѣтъ худаго. Вдругъ черезъ нѣсколько дней къ намъ въ деревню привезли два воза шинелей. Насъ всѣхъ собрали въ одну избу и стали раздавать каждому по шинели толстой простаго солдатскаго сукна да по шинели тонкаго сѣро-нѣмецкаго сукна; это, говорятъ, австрійскій король отпустилъ на всю армію тонкаго сукна. Роздали намъ шинели, а сшиты онѣ были на живую нитку, ни крючковъ, ни пуговокъ. Надѣли на насъ эти шинели; волосы у насъ не стрижены, бороды не бриты: такъ-то некрасиво, какъ поглядишь со стороны, какъ чучелы какія! Такъ опять живемъ съ недѣлю и не знаемъ, что намъ будетъ. Вдругъ, въ самую полночь стучитъ десятскій подъ окошкомъ: «Къ шинелямъ крючки нашивать, завтра къ начальнику на смотръ!» Тутъ, братъ, некогда зѣвать, принялись за работу; у иного еще крючковъ-то и въ вѣстяхъ нѣтъ, сейчасъ разыскалъ проволоки кусокъ, загнулъ кой-какіе крючки, и ладно. На другой день пріѣхалъ какой-то начальникъ, осмотрѣлъ насъ всѣхъ и говоритъ: ахъ! вотъ отлично, вотъ такъ молодчики! съ тѣмъ и уѣхалъ. Такъ это дѣло шло да брело, мы волосы-то носили отъ зимняго Николы до Троицы, а потомъ передъ Троицей повѣстили насъ на ротный дворъ. Ротный дворъ у насъ былъ въ Губаревѣ; туда насъ и согнали добрыхъ молодцовъ, да тамъ намъ и бороды, и волосы очистили, а потомъ насъ отпустили. Пришли мы домой, наши бабы какъ завоютъ, заголосятъ; иная и мужика своего не узнала. Съ этихъ поръ стали выдавать намъ помаленьку муницу [1]): когда галстучекъ, когда набрюшничекъ, когда—что, все это помаленьку выдавали да насъ постепенно пріучали кой къ чему. Потомъ, наконецъ, уже выдали и ружья, да и стали насъ уже поучивать, какъ въ караулѣ стоять, какъ ружья въ сошки становить да вы-

[1]) Аммуницію.

бѣжать, когда поѣдетъ и пойдетъ мимо караула начальникъ и какъ ему честь отдавать. Дождались мы своего праздника Покрова, и въ самый-то Покровъ насъ первый разъ нарядили въ караулъ. У насъ праздникъ: гости стали уже скопляться, а мы идемъ въ караулъ. Пришли туда, тамъ ротный и говоритъ: сегодня поѣдетъ графъ, такъ его надо встрѣтить и честь ему отдать, а потомъ, когда графъ проѣдетъ, я васъ отпущу. Пришли мы въ караульный домъ, посидѣли маленько, ну, говорятъ, теперь пора заступать, скоро графъ поѣдетъ. Такъ съ полчаса постояли и ѣдетъ графъ. У насъ былъ одинъ за ундера; какъ только графъ до насъ доѣхалъ, то остановился, сошелъ съ коляски, подошелъ къ намъ и смотритъ: а мы стоимъ, вытянувшись, мундиры новые, просто молодцами. Подошедши къ намъ, графъ и говоритъ: «Что это никакъ новенькіе! Вотъ молодцы, видишь, какъ хорошо, ай да дружки, — спасибо! Адъютантъ, подай-ка сюда шкатулку». Адъютантъ — такой хватина, бравый офицеръ, чистый, бѣлый, высокій. Сейчасъ притащилъ большую шкатулку. Графъ отворилъ ее, а она полнешенька накладена бумажками. Вотъ и даетъ онъ прежде ундеру красненькую—десять рублей; а потомъ каждому по синенькой—пять рублей—далъ и говоритъ: «Вотъ я вамъ дарю, старайтесь заслужить еще больше, желаю вамъ заслужить чины и вѣчный хлѣбъ. Да смотрите, этихъ денегъ сержантамъ не давайте, своимъ дядькамъ-то, а то они любятъ молодыхъ-то посасывать. Ну, молодцы, я васъ велю сейчасъ смѣнить и вы ступайте домой:—у васъ праздникъ: гуляйте, веселитесь»! и уѣхалъ. Какъ только уѣхалъ, насъ и отпустили домой. Мы идемъ домой съ бумажками въ рукахъ, а люди на насъ глядятъ-дивуются. Эва, говорятъ, графъ-то подарилъ по пяти рублей!

Какъ окончился нашъ праздникъ, насъ погнали на ротный дворъ въ Губарево, тутъ намъ выдали эти чортовы краги и полную муницу. Да какъ принялись за насъ, какъ начали насъ добрыхъ-молодцовъ гонять каждый день на ученье, да не одинъ разъ, а раза два, да потомъ еще иди въ караулъ, такъ намъ небо съ овчинку показалось. Какъ одѣнемся въ полную-то муницу, какъ стянутъ меня, такъ просто не пыхнуть [1]). Когда муницу надѣвать, уже не подумай чего нибудь закусить, а послѣ, когда одѣнемся, возьмешь—закусишь чего нибудь, пока еще воротникъ не застегнутъ,—такъ вотъ было время! Одному самому себя и не подумай, чтобы затянуть. Мы трое другъ дружку затягивали веревочкой или дратвиной на колѣно. Муница эта проклятая такъ сушила, что не дай Богъ! Бывало, какъ поставятъ въ караулъ, то ужъ не подумай сѣсть, въ иномъ мѣстѣ и можно бы сидѣть, такъ нѣтъ,—эти краги какъ натянешь себѣ на колѣни, то ноги у тебя

[1]) Вздохнуть.

такъ вытянутся, что ни за что не согнешь, буде вотъ только прислонишься къ стѣнкѣ маленько вмѣсто того, чтобы сидѣть. Что теперешнимъ солдатамъ! имъ надо день и ночь Богу молить за царя; погляди теперь у нихъ муница какъ у мужика: шинели-то на нихъ, который не штуковатый [1]), такъ хуже бабы въ теперешней шинели, а прежде было всѣ морщинки-то тебѣ расправятъ. А хуже всего были проклятыя краги. Мазали ихъ ваксой, а штаны были бѣлаго сукна—мѣлили мѣломъ, такъ если кто чуть неопрятно тряхнетъ, одѣваясь, мѣлъ попалъ на краги,—вотъ и бой, да бой-то какой: какъ поднимутъ тебѣ фалду, да палками или тесаками такого дадутъ жару, что долго будешь помнить. Ни одно ученье бывало не пройдетъ, чтобы не драли кого, а все человѣкъ пять, десять, да такъ выдерутъ, что просто первымъ номеромъ, а за что?—просто за какую нибудь бездѣлицу. У насъ былъ ротный капитанъ Безрадецкій, хохолъ; ему бывало уже не молись, хоть Богомъ назови, но только, если что онъ задумалъ, такъ исполнитъ,—такой былъ дракунъ, не тѣмъ будь помянутъ. Пошли строгости да чистота въ избахъ, пока еще не перешли въ связи. Печку чтобы топили до свѣту, въ избѣ чтобы было чисто, не было чего висячаго, какъ въ господской горницѣ. Печка чтобы была бѣла какъ снѣгъ, а чуть что не понравится, то сейчасъ бабѣ трёпка. Чтобы вечеромъ, какъ теперь, зажечь лучину,—чистая бѣда,—какъ будто бы ночной тутъ и стоялъ, аль дневальный,—сейчасъ къ тебѣ въ избу и, ничего тебѣ не говоря, хватитъ за грудь да и на ротный дворъ; а ужъ туда стащитъ, такъ добра маленько; оттуда которая баба воротится, такъ закажетъ другу и недругу. лучину жечь. Это все еще было по деревнямъ, а потомъ когда насъ перевели въ связи [2]), тутъ еще тошнѣе стало, зимой снѣгъ такъ донималъ, что любо. Зимы-то были морозныя, снѣжныя. Двѣ линіи надо было чистить: заднюю, по которой ѣздили постоянно всѣ, и переднюю противъ окошекъ. Съ этой передней линіи-то зимой только и знали, что снѣгъ чистили, да лѣтомъ чистоту водили: по ней ѣздило только высокое начальство—графъ или какой нибудь генералъ. Если въ хозяйствѣ баба была одна, такъ она только и знай, что за чистотой смотри, другаго дѣла и справлять некогда. Утромъ вставай съ полночи да все чисти, чтобы къ утру былъ полъ вымытъ, печка выбѣлена и все въ исправности. А какъ подходитъ время къ смотру, то еще хуже донимаютъ. Разъ вотъ что случилось; одна баба, по имени Авдотья, вотъ что сдѣлала.

---

[1]) Форсистый, франтоватый.

[2]) Въ 1821 году, было выстроено 15 связей, и въ концѣ этого года часть поселянъ изъ деревень была переведена въ эти связи. Черезъ годъ окончилась постройка еще 15 связей, и такъ мало-по-малу всѣ поселяне изъ своихъ деревень переводились въ связи.

Ждали, что будетъ смотрѣть и ходить по связямъ генералъ Клейнмихель. Пріѣхалъ Клейнмихель и пошелъ смотрѣть по связямъ. Высокое-то начальство, когда смотритъ, такъ выспрашиваетъ, хорошо ли жить? Сталъ ходить Клейнмихель по связямъ. Ходилъ онъ по связямъ, въ связь постоянно идетъ одинъ, такой славный былъ генералъ: изъ нашего мелкаго начальства никого не возьметъ съ собой въ связь, они останутся стоять лишними, а онъ отъ нихъ уйдетъ.

Подходитъ онъ къ той связи, въ которой жила Авдотья-то, да и пошелъ въ ея связь. Мелкое-то наше начальство и говоритъ между собой: вотъ къ чорту-то пошелъ, она ужъ ему наговоритъ и намелетъ всего, а онъ радъ будетъ хоть цѣлый годъ слушать! Вошелъ Клейнмихель къ Авдотьѣ въ хозяйскую,—такъ называлась та комната, въ которой жилъ поселянинъ въ отдѣльности отъ сдаточныхъ солдатъ,—и говоритъ: «здравствуй, молодушка!» А она была уже пожилая, ловкая женщина, знаетъ, какъ подъѣхать, и поддѣлалась дурочкой. Надо было отвѣчать: здравія желаю, ваше превосходительство, а она его встрѣчаетъ: пойдитъ-ка, батюшко, пойдитъ-ка, рȯдный, милости просимъ!

— Ну, каково поживаете?

— Ништо, помаленьку болтаемся, пока Господь грѣхамъ терпитъ.

— Ну, каково вамъ жить-то, нѣтъ ли какихъ обидъ отъ вашего начальства?

— Всего есть, кормилецъ; въ мірѣ что въ морѣ: есть и хорошаго, а болѣе, какъ сказать, этакъ непрямаго-то.

— Въ чемъ же непрямо-то? чѣмъ васъ тѣснятъ?—спрашиваетъ Клейнмихель.

— Экой ты, кормилецъ ты мой,—кто съ кѣмъ не живетъ, тотъ того и не знаетъ,—найдутъ, чѣмъ прижать! Теперь въ хозяйствѣ-то въ нашемъ, въ бабьихъ-то дѣлахъ чего бы имъ еще надо съискивать,—нѣтъ, вѣдь вязнутъ ко всякому дѣлу, какъ сѣра горючая. Вотъ для чего эта полка сдѣлана? а на нее ничего положить не смѣешь, чего нибудь похуже; буде есть что хорошее, такъ клади, а нѣтъ—и такъ. Или вотъ, теперича, въ хозяйствѣ мало ль чего есть,—взяла отворила въ кухню дверь, оттуда сейчасъ выбѣжалъ ягненокъ маленькій:—вотъ кормилецъ, желанный батюшка! вотъ чего уже весь животъ у хозяина въ этомъ, да и то не смѣй принесть въ избушку, даже въ кухню-то не смѣй, хоть онъ тамъ замерзни, такъ имъ и горя мало. Ну, скажи, кормилецъ мой, что отъ овечки худаго, кромѣ хорошаго?

— Да, это ты справедливо говоришь.

— Такъ вотъ, кормилецъ мой, въ чемъ худо и дѣлаютъ-то, что и не въ сносъ-то намъ, грѣшнымъ!

— Ладно, ладно, молодуха, я вамъ въ этомъ помогу,—сказалъ Клейнмихель и ушелъ. А наше-то начальство стоитъ у окошка да

семенить; однако же Клеймихель имъ ничего не сказалъ, только осмотрѣлъ и уѣхалъ. Черезъ нѣсколько времени присылаетъ онъ приказъ, чтобы лишней строгости не спрашивать и поселянъ не притѣснять. И чего-то только въ тѣ поры не было. Бывало насъ требуютъ на смотръ къ графу и бабъ нашихъ женъ—тоже на смотръ, только чтобъ въ хорошей одеждѣ, да только тѣхъ, которыя красивыя,—такой былъ охотникъ до женскаго пола. А которая похуже на лице да нѣтъ хорошей одежды, то и носа не показывай: такихъ графъ не любитъ. На смотру мы стоимъ по одну сторону во фрунтѣ, а бабы по другую сторону. Пріѣдетъ графъ, насъ отсмотритъ, потомъ пойдетъ къ бабамъ, пойдетъ и закричитъ: «здорово, господа бабы! хорошо ли вамъ жить?» Тутъ уже не скажешь, что худо. Бабы забалаболятъ: «хорошо, ваше графское сіятельство!»—«Поглядите вы на мужьевъ-то вашихъ, вѣдь любо смотрѣть!» Подойдетъ къ иной, которая получше, возметъ по щекѣ слегка потреплетъ и скажетъ: «А вотъ эта хорошенькая! чья это жена?—Вотъ тебѣ пять рублей—синенькая бумажка!»

Хотѣлъ графъ царя обмануть, да царя-то не проведешь, какъ нашего брата. Пріѣхалъ разъ царь смотрѣть связи: графъ съ господишками и умудрились—зажарили гуся, и какъ царь въ которую связь пойдетъ, сейчасъ этого гуся и подаютъ на столъ и подчуютъ царя хлѣбомъ-солью. И носили этого гуся изъ связи въ связь, куда царь—туда и гусь; царь видитъ, что это обманъ, взялъ у гуся мостолыжку [1]) и говоритъ: «Дайте-ка, я попробую вашего кушанья!» Какъ только объарестовалъ этого гуся и его снова принесли въ другую связь, царь и говоритъ: «Что это, хозяюшка, кто это жаркое-то у тебя испортилъ: не кошка ли грѣшнымъ дѣломъ?»—«Нѣтъ, ваше императорское величество,—говоритъ хозяйка:—я поставила, надо правду сказать, простенько [2]), да вотъ стали коечто прибирать, а ребятишки канальи взяли да и вырвали мостолыжку—вотъ грѣхъ какой случился!»—«Не особенно важный грѣхъ случился»,—сказалъ царь и пошелъ вонъ изъ связи. Послѣ этихъ словъ—полно гуся таскать за царемъ, и ни въ одной связи уже не подчивали царя гусятиной. И ничего за такой обманъ нашему начальству не было. Графъ все, что хотѣлъ, то и дѣлалъ. Бывало они оба смотрятъ поселянъ—царь и Аракчеевъ. Царю понравится и онъ кричитъ: «Хорошо, ребята, спасибо!» А графъ поперегъ полѣзетъ, кричитъ: «Нѣтъ, государь, худо, дрянно»! Не скажетъ: ваше императорское величество, а просто: государь. Видно, врагъ-то силенъ, что супротивъ царя; графъ такъ дерзко могъ отвѣчать. А все графская-то любовница: она, сволочь, волшебница, сдѣлала, что колдовствомъ царя обошли!

---

[1]) Мостолыга—кость въ ногѣ.

[2]) Неосторожно.

II.

Бунтъ 1831 года.

На начальство мало ль было неудовольствій. Какъ стало оно насъ тѣснить просто ни на что похоже: то не хорошо, другое худо,—просто, и сказать нельзя, какая пошла суматоха. Работами-то тѣснили, тѣснили что ни есть конца, видятъ, что ужъ дальше ничего не подѣлать, такъ другую оказію удумали.

Дѣло было лѣтомъ; лѣто-то было жаркое, сухое. Мы, хозяева снявши муницу [1]), на работѣ, а дѣтей нашихъ гоняютъ на̀ вѣсти то туда, то сюда. Покосы стали отводить вдали отъ селеній. Мы жили въ Губаревскихъ связяхъ, а намъ отводили у Хутынскихъ, а Хутынскимъ — у насъ, такъ и тиранили поселянъ. Да еще лѣтомъ въ рабочее время, въ самый сѣнокосъ, чтобы идти на покосъ, надо взять билетъ. Придешь къ фельдфебелю утромъ рано, еще до солнышка, ждешь, когда его черти подымутъ, а онъ торопиться не любитъ. Потомъ, закусивши, станетъ раздавать билеты, да на него еще никакъ не угодишь, ни слова молвить не смѣй, ни подойди къ нему, — какъ начнетъ тебѣ усы-то править, такъ только держись! Пока-то онъ раздастъ билеты, да пока-что, такъ уже время-то подойдетъ близко къ обѣду! Такъ понапрасну и проводили время. Потомъ еще вотъ что выдумали: захотѣли уморить всѣхъ поселянъ, стали пускать всюду ядъ: въ колодцы и въ рѣку у самаго берега. За то, бывало, на рѣку придешь воды почерпнуть, такъ перекрестишься, да зайдешь въ воду по колѣно, а нѣтъ, — какъ почерпнешь у самаго берега, то, того и гляди, сейчасъ схватитъ и начнетъ судорогой сводить, и на семъ свѣтѣ ты уже не жилецъ. Потомъ стали приказанья отдавать, чтобы изъ колодцовъ воды не брать, а брать съ рѣки. Потомъ черезъ два или три дня опять не велятъ съ рѣки брать воды, а бери изъ колодца. Вотъ такъ все и тиранили. Кто не остережется, такъ смотришь— и ноги протянулъ, къ утру ужъ и готовъ. Да мало этого, уйдешь въ рабочее время на работу, а дома останутся старый да малый. Фельдфебель придетъ: ну, что, одни маленькія дома, дѣлай что хочешь: возьметъ полѣзетъ въ печку, по горшкамъ начнетъ лазать.

Которыя дѣти потолковѣе, такъ потомъ объ этомъ и скажутъ отцу или маткѣ, а эти если посмѣтливѣе, возьмутъ да и выльютъ вонъ изъ горшковъ кушанье-то, а не выльютъ, такъ пробовали давать кошкѣ или собакѣ, такъ они только поѣдятъ и того же часу повертятся, повертятся да и паръ вонъ. А если не осмотрятъ, что

[1]) Аммуницію.

былъ фельдфебель да кушанья и не выльютъ, поѣдятъ—и умираютъ. Лѣто-то жаркое, вездѣ сушь такая, пыль, дымъ. Я такъ и думалъ, что нынѣшній годъ что нибудь случится, что ужъ не къ добру такое было солнце красное все лѣто, настоящее какъ въ бунтовой годъ. Еще что было сдѣлано: по дорогамъ-то было сухо, пыльно, такъ и по дорогѣ-то было насыпано яду. Какъ пройдешь по пыльной дорогѣ, такъ тебѣ въ ротъ и въ носъ наберется этой пыли, во рту-то сдѣлается горечь, оборветъ тебѣ всю кожу, а носомъ-то ничего не слышишь. Стали мы замѣчать, что фельдфебель ѣздитъ верхомъ постоянно съ завязаннымъ ртомъ, какъ зимой. И мы стали тоже по пыльной дорогѣ ходить съ завязаннымъ ртомъ,—и ничего. Потомъ наѣхали какіе-то незнакомые господа въ простыхъ сюртукахъ. Наѣхали и поселились вездѣ: и въ деревняхъ, и по пожнямъ были раскинуты ихъ шатры. По пожнямъ-то, гдѣ они поселились, есть озерки. Эти самые незнакомые господа и разносили ядъ-то повсюду. На пожняхъ въ озерки тоже напустили яду, такъ что воду для себя брали съ рѣки, а кто изъ озерка воды выпилъ или рыбы наловилъ да поѣлъ, тотъ уже не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ.

У насъ прежде вѣдь самоваровъ почти не было, только никакъ и было у двоихъ по самовару, и то потому, что мимо насъ шла большая дорога. Вотъ къ Ивану Алексѣеву, у котораго былъ самоваръ, пришли послѣ обѣда два барина въ простыхъ сюртукахъ и попросили хозяйку поставить самоваръ. Самого-то хозяина не было дома, былъ на работѣ, а хозяйка была дома. Дѣтей у нихъ не было и жили они справненько: объѣди[1]) лишней не было и копейка велась. Такъ вотъ этакіе господа пришли чаю напиться. Она имъ сейчасъ поставила самоваръ, все сготовила въ одну минуту. Сѣли пить чай: у нихъ тутъ съ собой и водочка, и чай свой, булки тоже свои, и все такое, какъ слѣдуетъ. Пьютъ они чай двое и разговариваютъ между собой не по-нашему. Отпили, взяли—чаю прибавили въ чайникъ, ну, и винца-то въ бутылкѣ осталось, и говорятъ:, вотъ хозяйка, возьми подогрѣй самоваръ да и напейся, чаю прибавлено въ чайникъ; да вотъ, какъ мужъ придетъ, такъ ему винца осталось, пускай выпьетъ на здоровье. Раздѣлались какъ слѣдуетъ и отправились. Дѣло-то пришло къ вечеру; пошла скотина изъ поля. Эта самая хозяйка (ее звали Маланьей) побѣжала загонять животину[2]), а чайникъ поставила въ печку, чтобы не простылъ, думаетъ какъ обряжу[3]) скотину, такъ тогда и попью чайку-то, да пота[4]) и муженекъ придетъ.

---

[1]) Объѣдью называются лишніе члены въ семействѣ, которыхъ приходится кормить даромъ.

[2]) Животина—скотина.

[3]) Обрядить—убрать, выдоить и поставить на мѣсто.

[4]) Пота—до той поры, къ тому времени.

Вотъ тутъ, пока шохъ-ворохъ[1]), и мужъ пришелъ съ работы. Какъ пришелъ, сейчасъ чайникъ выволокъ изъ печки, вина взялъ налилъ, рюмочку выпилъ, чаю чашку налилъ, тоже выпилъ да и другую. Его и забрало, сейчасъ начало рвать, жечь, къ утру — и готовъ. Его уже и молокомъ, и всячиной поили, нѣтъ, ничто не помогло, и духъ вонъ.

Такъ вотъ тутъ какія дѣла-то были, уже явно яду положено, а, говорятъ, это все поляки дѣлали, по всему свѣту были въ разбродѣ, да хотѣли всю Россію уморить. Вотъ этакимъ же манеромъ и наше-то мелкопомѣстное-то начальство они подкупили, и оно то же дѣлало. Наставили карантировъ[2]), начали окуривать. Передъ Ильей-то, передъ самымъ-то бунтомъ, какъ начало валить простонародье, такъ вотъ валомъ и валитъ, а все — простонародье. А этимъ господамъ, хоть бы тебѣ что,—ни одного черти не побрали. А православныхъ-то каждый день только успѣвай попъ отпѣвать. Потомъ еще слухи пошли, что черезъ трои сутки всѣхъ поселянъ загонятъ въ манежъ, какъ будто бы окуривать отъ болѣзни, а вмѣсто того печки въ манежѣ истопятъ да яду на жаркое-то уголье и насыплютъ, а насъ поселянъ загонятъ, да и употчуютъ. Такъ вѣрно уже Господь не допустилъ ихъ до этого, а сочинился бунтъ. Все начальство довело до такой степени!...

Бунтъ начался въ самую Ильинскую пятницу. Я всталъ утромъ раненько, а намъ еще съ вечера было отдано приказанье на работу въ первую волость столы дѣлать для кирпичнаго завода, значитъ туда, гдѣ теперь колонисты живутъ. А капитанъ-то нашъ жилъ въ первой волости. Вотъ мы собрались идти на работу, человѣкъ насъ никакъ семь. Идемъ дорогой-то, по колонистскому-то полю, попался намъ старикъ навстрѣчу, бѣжитъ ходко; я его спросилъ: «куда ты, дядя Игнатій, такъ скоро идешь?» Онъ оборотился да и сказалъ мнѣ: «всѣ во кружку будете!» Мы только подивились тому, что онъ сказалъ; я и говорю своимъ товарищамъ: «смотрите, ребята, это какая-то новость, не будетъ ли чего?» Пришли мы въ первую волость, тамъ народъ скопился и всѣ толкуютъ, что-то тамъ въ Австрійскомъ[3]) случилось удивительнаго, не понять въ толпѣ-то, что говорятъ. Пришли мы къ фельдфебелю Андрею Петрову. «Здравія желаемъ, Андрей Петровичъ, что намъ дѣлать прикажете?» Онъ намъ и говоритъ: «хоть по столу сдѣлайте и домой ступайте, а если не хотите на урокъ, такъ весь день работайте». А Михальченко (былъ такой изъ хохловъ) говоритъ: «Андрей Петровичъ, съ чѣмъ же мы пойдемъ, когда у насъ струменту нѣту, всего

---

[1]) Словомъ шохъ-ворохъ выражается занятіе тѣмъ и другимъ дѣломъ.

[2]) Карантиновъ.

[3]) Округѣ. Округа носили названія: наслѣдницкій, графскій, прусскій, австрійскій и друг.

одинъ топоръ?» Ну, какъ хотите, ребята, когда пришла ваша воля, такъ дѣлайте какъ знаете»,—сказалъ фельдфебель,—самъ такой добрый. Вотъ я опять говорю своимъ товарищамъ: «это еще какая-то новость!» Ихней же роты поселяне были согнаны травку щипать на плацу. Пощипали, пощипали да и ушли своей волей домой всѣ. Мы работаемъ, не знаемъ ничего, но видимъ, что около насъ дѣдается что-то неладное да дивимся. Около десятаго часу пришолъ къ намъ капитанъ на работу въ испугѣ, такой ласковый, посидѣлъ у насъ и все съ нами разговаривалъ. Потомъ пошелъ онъ въ комитетъ, изъ комитета въ свою комнату обѣдать и рабочіе пошли тоже обѣдать кто куда по роднѣ всѣ разошлись. И я тоже пошелъ къ сватьѣ. Иду дорогой и вижу—стоятъ писарь, фельдшеръ и трубочистъ, всѣ трое спорятся и одинъ другому говоритъ: тебѣ за старшаго, другой говоритъ: нѣтъ, тебѣ за старшаго; а я слышу это и думаю: вѣрно что нибудь такое есть новенькое! Потомъ попался мнѣ фельдфебель навстрѣчу и поклонился въ поясъ. Я опять думаю: что это фельдфебель-то мнѣ такъ низко поклонился, прежде бывало за пять саженъ шапку передъ нимъ снимаешь, а онъ на тебя и глядѣть не хочетъ. Вотъ я пообѣдалъ у сватьи. Потомъ мы опять скопились и начали работать столы. Работаемъ какъ слѣдуетъ; потомъ посмотрѣли и разглядѣли, что по линіи ѣдутъ верхомъ во всю рысь человѣкъ десять или болѣе. Какъ только они пріѣхали, прямо къ каланчѣ и кричатъ часовому. «бей въ колоколъ»! Но часовой не соглашался. Ему опять кричать: «бей!—а нѣтъ, такъ пота и жилъ!» Капитанъ услыхалъ это, да и вышелъ на крыльцо и кричитъ: «что вы дѣлаете?» Сейчасъ ѣздоки и окружили капитана. Мы бросили работу и хотѣли туда бѣжать, но я своей командѣ говорю: «не ходите туда, дѣло правѣе будетъ». Какъ Кравченко на меня вскинется да топоромъ чуть-чуть не съѣздилъ и говоритъ: «ты тоже съ ними за одно! Ахъ, потатчикъ—ты этакой! Пойдемте туда ближе!» Прибѣгаемъ туда, а тамъ капитанъ уже на колѣнахъ стоитъ да и говоритъ: братцы, я ничего не знаю!—Врешь, говори, гдѣ ядъ,—давай сюда!—и сейчасъ его потащили въ комитетъ. Я схватилъ свой струментъ и побѣжалъ въ свою роту другимъ путемъ, по старой дорогѣ, по которой мало ходили въ Губарево. Прибѣжалъ туда, а тамъ уже нѣтъ народу: убѣжали всѣ другой дорогой во вторую волость. Я прибѣжалъ домой; у насъ дома только однѣ бабы; спрашиваю, гдѣ же мужики? Всѣ ушли во вторую роту; оттуда какой-то гонецъ прискакалъ и велѣлъ всѣмъ тамъ быть! Я опять того же часу—туда взадъ, подобралъ полы да и началъ улепетывать. Прибѣжалъ туда, тамъ народу-то накопилось—Господи-батюшка! Шуму-то—какъ на пожарѣ! Вотъ я гляжу—вывели изъ комитета капитана Досаева, Ясковскаго, Ходрѣева, Антенскаго, Грѣшникова, Фураподѣлова и молоденькаго офицерика Пойкурецкаго,—бѣдный

такъ и трясется, а Шипова привели позади всѣхъ! Такой былъ хватъ, старый солдатъ, десяточный Горшковъ и кричитъ: «розогъ, палокъ! А, сукины дѣти, попались, теперь и на нашей улицѣ праздникъ! мы съ вами раздѣлаемся!» Сейчасъ притащили кучу розогъ. Развалили ихъ да какъ начали отжаривать, такъ до того досѣкли, что уже они замолчали. Потомъ пріѣхалъ Ванька Барановъ да Николай Ермолаевъ — два хвата слутскіе [1]). Пріѣхалъ Ванька Барановъ и спрашиваетъ: что у васъ всѣ господа пойманы? Всѣ, всѣ!—говорятъ—всѣ цѣлы!—кричатъ со всѣхъ сторонъ. Барановъ побѣжалъ въ комитетъ. Оттуда выходитъ, одѣвшись въ одежду маіора Ясковскаго, со шпагой, привязанной къ боку, и кричитъ: «ведите ихъ сюда!» Сейчасъ привели ихъ опять почернѣвшими, избитыми, въ крови. Тогда Ванька Барановъ подошелъ къ нимъ съ Ермолаевымъ да съ Горшковымъ: «Ну, что кровопивцы, каково вамъ теперь?» Потомъ Барановъ подходитъ къ Досаеву и говоритъ: «Ну, что попался! ты былъ капитанъ, а я теперь самъ маіоръ!»—какъ хлыснетъ ему по лицу, такъ и брякнулъ.—«Вотъ мы теперь раздѣлаемся съ тобой по-своему», — выдернулъ тесакъ и отсѣкъ голову Досаеву. Тутъ какъ схватили остальныхъ, какъ начали рвать со всѣхъ сторонъ, такъ вотъ и щиплютъ. Народъ-то кричитъ, шумитъ, просто за двадцать верстъ слышно. Растаскали всѣхъ: которому голову оторвали, иного просто убили; девятерыхъ обработали. Весь этотъ день такъ прокружились, а тѣла остались лежать на ночь.

На другой день собрались и выбрали десять человѣкъ къ царю съ докладомъ о томъ, что начальство вывело поселянъ изъ терпѣнія, и они поступили по-своему, а вы, ваше императорское величество, сдѣлайте съ нами что хотите—ваша воля! Выбрали самыхъ удалыхъ хватовъ, а Горшкова — за главнаго воротилу. Взяли изъ казеннаго банка денегъ, дали имъ ихъ вволю. Горшковъ этотъ былъ такой продувной, и говоритъ: «Если намъ идти по большой дорогѣ, то насъ непремѣнно поймаютъ, такъ мы лучше пойдемте стороной—значитъ проселочной дорогой». Пошли они къ царю въ Питеръ. Пришли туда, а царя въ Питерѣ нѣтъ. А былъ онъ тогда на военномъ полѣ, въ лагеряхъ. Они—туда. Приходятъ на военное поле, царь смотритъ войско. Осмотрѣлъ войско и вошелъ въ свою палатку, а Горшковъ со своей командой къ нему, царь Горшкова-то зналъ: Горшковъ къ нему на ординарцы ходилъ. Вотъ царь-то Горшкова-то и узналъ и говоритъ ему: «Что, Горшковъ, скажешь?» А уже царю давно все извѣстно, уже онъ все съ нитки до нитки знаетъ. Горшковъ сейчасъ на колѣни и говоритъ: «Виноватъ, ваше императорское величество! Помилосердуйте!» Тогда царь сказалъ: «Пойди сюда ко мнѣ въ палатку!» Пришли. «Садись,—говоритъ,—

[1]) Слутка—селеніе на берегу Волхова, въ 16 верстахъ отъ Новгорода.

вотъ на стулъ!» Горшковъ не садится.—«Нѣтъ, нѣтъ,—говоритъ царь,—садись! я тебѣ приказываю». Горшковъ сѣлъ на стулъ, а царь на другой. Вотъ царь и говоритъ: «Горшковъ, Горшковъ, что вы надѣлали! Когда у васъ пошли безпорядки да васъ стали обижать, такъ вы бы тогда, до этого-то, пришли бы ко мнѣ и пожаловались, а я бы уже зналъ, что сдѣлать съ ними, а теперь вы принадлежите законному суду!» Горшковъ сталъ опять на колѣни: «Ваше величество, простите, всему этому дѣлу я виноватъ!»—«Да, Горшковъ, я-то прощу, да проститъ ли Богъ,—ступайте-ка вы домой, а я тамъ дѣла разсмотрю, не безпокойтесь, напрасно не обижу!» Такъ они и отправились домой. Потомъ черезъ нѣсколько времени было слѣдствіе и по немъ розыскали всѣхъ виновниковъ. А осенью послѣ Покрова пригнали солдатъ, а виновники были уже давно посажены. Потомъ всѣхъ удалыхъ молодцовъ собрали да вывели на плацъ да сквозь строй прогнали. Кому сотъ пять, а иному и тысячу, а другому тысячъ пять, да и разослали по чужимъ сторонамъ. Такъ вотъ какія были времена!

Иванъ Можайскій.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ И. С. АКСАКОВѢ.

Воспоминанія объ И. С. Аксаковѣ на столько недавни и свѣжи, что мысль еще не успѣла примириться съ его смертью и трудно еще представить себѣ, что Москва живетъ, все та же, что и прежде, а И. С. разстался съ ней навѣки. Поистинѣ папа покинулъ свой Римъ...

Я слышалъ много разъ, что не слѣдуетъ писать воспоминанія о близкомъ къ намъ времени, но не вполнѣ согласенъ съ такимъ совѣтомъ. Недавнія воспоминанія труднѣе для автора ихъ, потому что они всегда отрывочны. Время какъ морской прибой засыпаетъ всѣ неровности и прорѣхи; далекое прошедшее всегда кажется связнѣе и одноцвѣтнѣе, но эти цвѣтъ и связь чаще всего суть продукты личнаго свойства автора мемуаровъ, и потому истина едва ли выигрываетъ отъ связкости и одноцвѣтности воспоминаній. Притомъ же жизнь газетнаго корреспондента подвержена столькимъ случайностямъ, что ее отказываются принимать даже въ страховку, слѣдовательно есть еще лишняя причина теперь же взять перо и просить у читателя снисхожденія къ естественнымъ недостаткамъ всякаго недавняго воспоминанія...

Моимъ знакомствомъ съ И. С. я обязанъ В. С. Россоловскому, и состоялось это знакомство въ банкѣ. Сколько разъ это слово «банкъ» бросалось въ лицо И. С. какъ обида, оскорбленіе и упрекъ. Быть на иждивеніи у купцовъ, да еще банкировъ—какой позоръ для публициста!—говорили не только недруги, но и друзья И. С.

Но что же долженъ дѣлать публицистъ и поэтъ, для котораго закрыты всѣ двери именно потому, что онъ проповѣдникъ принциповъ, которыми не можетъ поступиться? Онъ много разъ пробовалъ издавать газету и журналъ. Публика давала плохой доходъ, потому что публика наша малограмотная, а жизнь наша еще не выработала въ обществѣ достаточной потребности къ духовной пищѣ. Власть съ своей стороны запрещала изданіе. Идти на службу государству? Увы, и тутъ было два непреодолимыхъ препятствія. Первое—чинъ титулярнаго совѣтника, съ которымъ можно лишь прислуживаться, но не служить. Я живо помню, что въ короткіе дни министерства графа Игнатьева былъ вопросъ о предложеніи И. С. мѣста государственнаго значенія, разбившійся именно объ это первое препятствіе: «нельзя и предлагать Аксакова, онъ титулярный совѣтникъ»! Второй камень преткновенія на коронной службѣ у насъ именно то, что стелетъ скатертью дорогу въ служебной карьерѣ на Западѣ—опредѣленное литературное имя. Такое имя даже не камень, а заборъ для входа въ канцелярію. Эти канцеляріи легко мирятся съ фельетонистомъ, порой даже поощряютъ таковаго, но безполезно и доказывать въ наши дни, что строгій проповѣдникъ народныхъ принциповъ могъ бы быть принятъ въ сонмъ высокихъ и маленькихъ писарей. Итакъ, что же оставалось дѣлать И. С., котораго Господь Богъ не подарилъ обезпеченнымъ состояніемъ? Очевидно, одно изъ двухъ—или умирать съ голода, или идти на частную службу. Я думаю поэтому, что гораздо умнѣе не упрекать, а радоваться, что при настоящемъ строѣ нашей жизни небогатый публицистъ и поэтъ можетъ найдти себѣ хлѣбъ хоть въ банкахъ, нотаріальныхъ конторахъ etc. Иначе, при извѣстной суровости условій русскаго печатнаго слова и при апатичномъ и не пробудившемся еще отношеніи общества къ этому слову, мы не могли бы имѣть публицистовъ-проповѣдниковъ, сильныхъ самостоятельностью мысли, но не обладающихъ деревнями и капиталами... Придетъ, конечно, время болѣе нормальнаго положенія для писателя въ Россіи, вотъ тогда и будемъ примѣнять къ нимъ болѣе строгія правила...

Банкъ 2-го Общества взаимнаго кредита въ Москвѣ, находящійся въ одномъ изъ переулковъ узкой и многолюдной Ильинки, былъ для многихъ обычнымъ мѣстомъ для свиданія съ И. С. Тутъ въ корридорѣ на деревянныхъ скамьяхъ мнѣ не разъ приходилось видѣть немалое число посѣтителей, ожидавшихъ очереди, и въ числѣ ихъ нерѣдко я встрѣчалъ людей съ извѣстнымъ именемъ. Отставной солдатъ-швейцаръ спрашивалъ фамиліи, бралъ карточки и докладывалъ И. С. Проводивъ гостя, И. С. обыкновенно самъ выходилъ въ корридорчикъ и, здороваясь съ прибывшими, бралъ подъ руку того, съ кѣмъ онъ хотѣлъ поговорить, и такъ уводилъ въ свой кабинетъ. Это была маленькая комната съ двумя креслами и д-

ваномъ; И. С. сидѣлъ всегда у стола; сюда ему приносили во время бесѣды разные счеты, талоны и ассигновки. Не прерывая разговора, онъ подписывалъ ихъ и сдавалъ на руки принесшему. Его обязанности въ банкѣ, очевидно, были только формальнаго свойства.

Я увѣренъ, что не меня одного дивила и привлекала къ себѣ вся фигура И. С., его манера обращаться съ людьми, говорить съ ними, смѣяться, словомъ все, что составляетъ суть человѣческой личности. Никакъ нельзя опредѣлить его манеры словами—былъ ласковъ, любезенъ и пр. Эти слова выражаютъ недостаточно способъ обращенія И. С. Вѣрнѣе, кажется, сказать, что онъ весь былъ полонъ и переполненъ довѣрія къ добрымъ качествамъ людей и потому относился къ нимъ всегда съ глубочайшей искренностью и искреннѣйшей доброжелательностью. Я много видѣлъ на своемъ вѣку, но встрѣчалъ только двухъ людей, умѣвшихъ съ перваго раза побѣждать сердца именно двумя названными, уже столь рѣдкими свойствами души — безбоязненной искренностью и глубочайшимъ, впившимся въ кровь и плоть доброжелательствомъ. Первый изъ нихъ былъ покойный И. С., второй, — да не покажется вамъ это странно,—Гамбетта. Я встрѣчалъ русскихъ и французовъ, которые говорили первые про И. С., вторые про бывшаго бордосскаго диктатора совершенно тождественную фразу: «Бесѣдуя съ нимъ, какъ-то неловко не соглашаться съ нимъ или спорить»! Дѣйствительно, тонъ, которымъ разсказывалъ И. С. свои мысли, хотя въ немъ не было никогда ни одного звука насильственной авторитетности, былъ всегда отраженіемъ мысли, не только продуманной, но и прочувствованной, воплотившейся въ строй общаго міровоззрѣнія и высказанной до конца, безъ затайки малѣйшаго кончика, и потому производилъ впечатлѣніе великой силы, крѣпко врѣзываясь въ память и невольно закрывая уста на споръ, ибо у огромнаго большинства людей нѣтъ вовсе міровоззрѣнія и очень рѣдко есть больше, чѣмъ отрывочныя, недопеченныя и недоваренныя мысли. Эти отрывки годятся для сопоставленія и спора съ другими отрывками, но богъ совѣсти и самолюбія не дозволяетъ выставлять ихъ на показъ при встрѣчѣ съ убѣжденіемъ законченнаго мышленія. Тутъ люди или молчатъ, или только ругаются изъ-за угла...

И. С. былъ единственный человѣкъ изъ выдающихся русскихъ, который въ полномъ смыслѣ слова не былъ генераломъ и не носилъ на себѣ слѣдовъ нашего печальнаго вѣка, которые запираютъ двери и сердце у всякаго, чуть-чуть поднявшагося надъ общимъ уровнемъ по чину, славѣ или богатству. Со всѣми и всегда онъ былъ неизмѣнно простъ, привѣтливъ, довѣрчивъ и дружелюбенъ. Интеллигентъ-писатель, начинающій и опытный, купецъ, мастеровой и пріѣзжій братушка-славянинъ, могли смѣло разсказывать ему всѣ свои планы, намѣренія, мечты и думы. И. С. никогда, по самой честности натуры своей, не могъ профанировать, оскорбить или вы-

дать. Онъ выслушивалъ все съ одинаковой внимательностью, не съ холодной принудительной вѣжливой внимательностію, а какъ отецъ, братъ или близкій другъ съ истиннымъ интересомъ и отвѣчалъ на все съ неподдѣльной искренностью. Вѣра въ природу человѣка, особенно русскаго, религіозная вѣра въ блескъ и свѣтъ будущаго Россіи давала И. С. ту никогда не унывающую бодрость духа, которая какъ источникъ живой воды укрѣпляла и оживляла каждаго его собесѣдника. При глубочайшей любви къ родинѣ, я не могу подолгу жить въ миломъ отечествѣ. Изломанная русская интеллигенція, съ развинченными нервами, страстными переходами отъ пьянаго пиршества къ гражданской скорби и дьявольской раздражительности, дѣлаетъ скоро и меня больнымъ. Отдыхъ отъ этой заразы я находилъ всегда или въ великорусской деревнѣ, или въ бесѣдѣ съ И. С.—оба своей искренностью, доброжелательствомъ, добродушіемъ и силой вѣры въ будущее вносили въ душу утраченный миръ и успокоивали растревоженную желчь. Я нарочно останавливаюсь на этихъ чертахъ покойнаго, ибо мнѣ хочется передать читателю хоть малое понятіе о прекрасныхъ свойствахъ И. С. и потому еще, что самъ я чувствую величайшую благодарность къ нему за проведенное съ нимъ время, и какъ я жалѣю теперь, что не пользовался имъ больше!

Въ банкѣ было гораздо удобнѣе разговаривать съ И. С. и знакомиться ближе съ его личностью. Тутъ никто не мѣшалъ. И. С. любилъ говорить и нерѣдко увлекался. Тогда онъ переставалъ смотрѣть на собесѣдника, переставалъ обращаться къ нему и, чертя карандашемъ по бумагѣ или медленные тонкіе штрихи или рѣзкіе, смотря по темпу рѣчи, говорилъ съ блескомъ въ глазахъ и задушевностью тона, но всегда прямолинейно, не сбиваясь съ дороги заинтересовавшаго его сюжета. Устремленные глаза впередъ, частое прищуриваніе ихъ и появленіе морщинъ у бровей во время такой рѣчи ясно указывали, что онъ весь отдался думѣ и воображеніе его работаетъ вмѣстѣ съ разумомъ, рисуя картину за картиной. Съ этой точки зрѣнія И. С. былъ настоящій ораторъ, ибо слогъ, красота слова и особенно впечатлѣніе даются оратору не краснобайствомъ, а способностью отдаваться мысли и рисовать ее слушателю при помощи воображенія. Такихъ только ораторовъ не тяжело слушать долго и до конца.

Дома у себя И. С. былъ нѣсколько инымъ человѣкомъ. На его пятницы собиралось много публики, и И. С. дѣлился на двѣ части—на собесѣдника и хозяина, что̀, разумѣется, отнимало частицу интересности у перваго. За то хозяинъ онъ былъ прелестный. Его открытое лицо, ласковый взоръ, привѣтливая улыбка и искренній тонъ снимали какъ рукой всякую робость и застѣнчивость гостя. Сразу, еще въ передней, увидѣвъ фигуру И. С., начинаешь бывало чувствовать себя тепло, свободно и пріятно. Также свѣтло,

тепло и свободно чувствовалось въ самой гостинной, со скромной чорной клеенчатой мебелью, гдѣ собиралось много хорошихъ людей и интересныхъ гостей, оживленная бесѣда не прекращалась: то одинъ, то другой изъ гостей становился временно центромъ разговора, а И. С. безъ труда и заботы оставался для всѣхъ неизмѣннымъ центромъ, и къ нему именно, по большей части, обращались повѣствующіе и спорящіе. Его дружелюбная настоящая русская широкая улыбка манила къ себѣ гостя и каждому было именно пріятно, въ полномъ смыслѣ слова пріятно, подѣлиться съ И. С. новымъ свѣдѣніемъ, спросить его совѣта и проч. Гости подчасъ чувствовали робость, церемонились, было имъ неловко другъ передъ другомъ, ибо Господь Богъ въ наказаніе нашей интеллигенціи далъ невиннѣйшему изъ насъ такой видъ, какъ будто за нимъ сто ужасныхъ преступленій и цѣлый мѣшокъ съ камнями за спиной, но никто не робѣлъ, не конфузился, разговарвая съ И. С. Одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ «Руси» говорилъ какъ-то мнѣ, «что отъ И. С. пахнетъ ладономъ»; дѣйствительно это былъ проповѣдникъ, умѣвшій покорять сердца, но не нашедшій при жизни обширной паствы. Исторія не дала ему этой паствы и, по убогой участи большинства русскихъ проповѣдниковъ, сердца открываются ему лишь при пѣніи печальнаго гимна объ упокоеніи души его.

Общество, собиравшееся по вечерамъ у Аксакова, не блестѣло ни чинами, ни капиталомъ. Однажды, мнѣ случилось отъ 9 до 11 часовъ просидѣть у московскаго банкира-еврея и потомъ отправиться на jour-fixe И. С. Контрастъ получился едва ли вѣроятный для человѣка мало знакомаго съ нѣкоторыми условіями нашей настоящей жизни. Банкиръ былъ только-что произведенъ въ генеральскій чинъ и ему уже многіе говорили «ваше превосходительство». Могла голова закружиться отъ титуловъ и гостей его: вотъ два губернатора, попечитель учебнаго округа, одинъ изъ начальниковъ военнаго округа, сенаторъ, предводитель дворянства, предсѣдатель земской управы, звѣзды, аксельбанты, эполеты съ вензелемъ и пр., и пр. Въ залахъ позолота, малахитовые столы, рѣзная роскошная мебель, картины извѣстныхъ художниковъ и мраморныя статуи хозяевъ, сдѣланныя рукой первостепенныхъ мастеровъ... Десять минутъ ѣзды на ванькѣ отъ этого дворца, и пріѣзжаешь къ И. С., гдѣ все такъ просто и въ числѣ гостей нѣтъ ни одного владѣющаго громами земными. Тамъ банкиръ чуждой національности, здѣсь самый видный изъ проповѣдниковъ любви къ родинѣ и къ исторіи ея. Этотъ контрастъ есть точное олицетвореніе нашего времени. Съ И. С. нельзя было быть неоткровеннымъ, и я тотчасъ разсказалъ ему о впечатлѣніи на меня этого контраста.

— Иначе и быть не можетъ,—отвѣтилъ онъ, печально улы-

баясь:—мы еще всѣ прокаженные для этихъ господъ... знаться съ писателемъ все еще зазорно... но,—прибавилъ онъ,—ничего, скоро это сгладится... я вѣрю, что скоро, потому что уже теперь кой-кто изъ нихъ забѣгаетъ потихоньку, справляется съ мнѣніемъ, прислушивается... словомъ, появляется на сцену и тамъ, кое-какая мысль, а это главное: мысль, а ничто другое, можетъ приручить ихъ...

Изъ дальнѣйшихъ бесѣдъ на эту тему я узналъ, что дѣйствительно нѣкоторые изъ имѣющихъ власть заявлялись къ И. С. больше утромъ, по секрету, осматриваясь, чтобъ никто не видалъ ихъ, разспрашивали, жаловались (у насъ вѣдь больше всего жалуются) и любезно прощались, прибавляя:—«Пусть, многоуважаемый И. С., нашъ разговоръ останется между нами!»—«Я охотно даю такое обѣщаніе, — разсказывалъ И. С., — потому что въ большинствѣ случаевъ совершенно не въ состояніи передать, что именно они говорятъ и что думаютъ... Все недоказанно, трусливо, незаконченно, темно... Господи, Боже мой, просвѣти ихъ! вотъ все, что я могу сказать объ этихъ господахъ!» — «Они ужасно напоминаютъ провинившихся школьниковъ»,—говаривалъ также покойный И. С., и точно я помню, что такое именно впечатлѣніе получалъ я самъ, когда важные люди бюрократическаго міра неожиданно появлялись въ стѣнахъ редакціи, гдѣ я работаю. Они конфузились, теряли весь привычный престижъ и становились комически любезными. Покойный министръ Маковъ, зайдя однажды въ редакцію «Новаго Времени», былъ до такой степени сконфуженъ и робокъ, что я, не догадывась о сути такого состоянія, спросилъ его: здоровъ ли онъ? Онъ отвѣтилъ мнѣ очень искренно: «я въ первый разъ захожу въ редакцію»!

Я многократно задавалъ И. С. вопросъ, кто виноватъ—система или люди? Онъ всегда отвѣчалъ—«система».—«Она,—говорилъ онъ,—затягиваетъ всѣмъ руки и ноги. Обществу немыслимо жить безъ руководителей, а у насъ немыслимо имѣть руководителей. Апатія, вялость, трусость и безразличное отношеніе къ родинѣ, людямъ и вещамъ у насъ обязательное правило и жизнь проявляется только въ отрицаніи Бога, родины, исторіи и власти; если вы хищникъ, у васъ будутъ друзья; если вы космополитъ, тѣ же друзья будутъ, но если объявите себя русскимъ — вы революціонеръ. Отрицайте Бога и отечество, никто васъ не остановитъ; начните доказывать, что безъ Бога и патріотизма жить нельзя, вы наживете массу враговъ... Это поистинѣ ужасное положеніе—быть у себя дома и отрицать свой домъ, вѣковой, обширный и могучій домъ».

— Гдѣ же выходъ изъ этого печальнаго положенія [1])?

— Выходъ всецѣло въ нашихъ рукахъ,—отвѣчалъ И. С. не за-

---

[1]) Я привожу бесѣду, разумѣется, не изъ самаго послѣдняго времени.

думываясь и смѣло.—Мы будемъ долбить свое—вѣрь въ Бога и народъ, люби свое отечество, изучай ея исторію и т. д. Рано или поздно мы сдѣлаемъ свое дѣло.

— Едва ли, однако, придется увидѣть результаты...

— Почемъ знать,—отвѣчалъ И. С.:—на Руси дѣлается все посвоему и необыкновенно быстро. Давно ли освободили крестьянъ? Черезъ 20 лѣтъ послѣ освобожденія, вдругъ захотѣли имѣть у себя конституцію и двѣ палаты на нѣмецкій манеръ... Это увлеченіе вовсе не было только петербургскимъ, о, нѣтъ... ко мнѣ недавно приходилъ купецъ, настоящій купецъ, замоскворѣцкій, знаете, «островскій купецъ», сидитъ вотъ здѣсь, рядомъ со мной на стулѣ, вспотѣлъ, утирается краснымъ платкомъ, не шелковымъ, а кумачевымъ, и жалуется на непорядки. Что же дѣлать,—отвѣчаю ему,—надо обождать, а онъ мнѣ... что бы вы думали? Ха, ха, ха... Ужъ не лучше ли конституцію?—спрашиваетъ. Ей-Богу! Вотъ до какихъ столповъ нелѣпости доходили и какъ широко эта нелѣпость разливалась. И что же? Подулъ другой вѣтеръ, и всю эту конституціонную дребедень какъ рукой сняло. Теперь многіе уже совѣстятся слова конституціи...

— Однако, представительство вещь не такая дурная... обмолвился я.

— Разумѣется,—съ жаромъ подхватилъ И. С.:—но гдѣ и когда? Опытъ на Болгаріи показалъ, что составить и дать конституцію плевое дѣло... Два генерала перевели съ румынскаго и бельгійскаго—и шабашъ. У насъ и ученыхъ можно цѣлую тьму пригласить для сочиненія конституціи. Но что вышло изъ болгарской конституціи, то выйдетъ и вездѣ, гдѣ народъ не подготовленъ долгой исторіей къ этой формѣ правленія, гдѣ народъ просто не знаетъ и не хочетъ ея... Ну, соберутся наши въ парламентѣ, а генералъ N. N. возьметъ да и высѣчетъ члена парламента... что тогда!.. Боже храни отъ такой комедіи и русское общество, даже интеллигентное, не знающее русской исторіи, воспитанное западниками на преданіяхъ французской революціи, и оно смутно сознаетъ, что конституція ему не къ лицу, что конституція вовсе не послѣднее слово въ исторіи общечеловѣчества.

— Что же вы считаете послѣднимъ словомъ въ исторіи?

— Отнюдь не соціализмъ. Уже потому не соціализмъ,—отвѣчалъ И. С.:—что онъ все опять собирается регламентировать. Подобное ученіе не можетъ найдти почву въ русскомъ народѣ. Что послѣднимъ словомъ? Я самъ не знаю, этого и никто, я думаю, не знаетъ. Россія совсѣмъ особая статья въ исторіи народовъ. У насъ народъ вѣритъ во власть и любитъ власть, даже на зло иногда, потому что никто не думаетъ пользоваться ни его вѣрой, ни любовью... У насъ нѣтъ вовсе сословной розни, нѣтъ въ западномъ смыслѣ и борьбы рабочаго съ капиталомъ... Мы вольны какъ птица—выби-

рать любое... Подождемъ. Западъ старѣетъ, у него будетъ революція, посмотримъ тогда. Я вѣдь не отрицаю Европы, какъ доказываютъ наши либералы. Но если ужъ нужно непремѣнно заимствовать, то, конечно, не то, что тамъ доживаетъ свой вѣкъ...

Въ дальнѣйшихъ разговорахъ, возобновлявшихся не разъ, И. С. высказывалъ слѣдующія мысли, отчетливо оставшіяся у меня въ памяти, такъ какъ вѣрность ихъ мнѣ не разъ приходилось провѣрять долгими стоянками въ разныхъ странахъ Европы; порядокъ на Западѣ даже въ самыхъ либеральнѣйшихъ странахъ и республикахъ поддерживается дѣятельной администраціей и изумительной консервативностью привычекъ народа; а у нашего народа нѣтъ ни coutumes'овъ и нѣтъ администраціи; отнимите у любой европейской страны на одинъ день ея мѣстное начальство сейчасъ начнется разгромъ. У насъ, наоборотъ, тѣ города и деревни наисчастливѣйшіе, гдѣ мало начальства, и селенія бѣглыхъ,—даже бѣглыхъ въ трущобахъ лѣсовъ,—оказываются живущими вполнѣ честно и благородно единственно на основахъ: «побожески» и «по совѣсти».

— До какой степени всякая регламентація чужда уму русскаго народа, я,—разсказывалъ И. С.,—убѣдился лично на городѣ Мологѣ, гдѣ я много лѣтъ тому назадъ былъ по дѣламъ службы. Тамъ рядомъ съ городскимъ управленіемъ по регламенту было секретное городское управленіе по совѣсти. Въ первомъ все какъ слѣдуетъ—писали бумаги, рапорты, реестры, а у втораго были капиталы, и на эти капиталы добросовѣстнѣйшимъ образомъ учредилось городское благоустройство... И у насъ такъ вездѣ—чуть регламентація, тотчасъ порядочные люди утекаютъ отъ дѣла и завѣдовать имъ берутся канальи...

— Народная совѣсть—вотъ драгоцѣннѣйшій капиталъ,—прибавлялъ часто И. С.:—на которомъ слѣдовало бы строить многое и на которомъ, можетъ быть, современемъ выстроится тотъ куполъ, о которомъ такъ много пишутъ и говорятъ наши либералы.

Однажды недоумѣніе И. С. о томъ, какія формы будущаго ожидаютъ Россію, послужило темой маленькаго столкновенія между нами. Читатели, вѣроятно, помнятъ, что послѣ катастрофы 1-го марта И. С. сказалъ политическую рѣчь въ с.-петербургскомъ славянскомъ Обществѣ. Прочитавъ эту рѣчь по пріѣздѣ изъ-за границы, я былъ очень раздосадованъ: въ ней былъ призывъ къ отрезвленію, любви къ отечеству и пр., но не было конца, не было даже намека на то, къ чему должно стремиться русское общество и чего должно ожидать оно. Я не сдержалъ досаду и напечаталъ въ «Новомъ Времени» передовую статью съ горькими упреками оратору, заподозрѣвая его въ слабохарактерной трусости и обманѣ тѣхъ ожиданій, на которыя русское общество имѣло право по отношенію къ И. С. Вскорѣ я поѣхалъ въ Москву или встрѣтился съ

И. С. у А. С. Суворина,— хорошенько не помню. Послѣ первыхъ же словъ привѣтствія онъ спросилъ меня, добродушно улыбаясь:

— Это вы выбранили меня? Я не отвѣтилъ на вашу статью,— продолжалъ онъ,—потому что вы съ своей точки зрѣнія совершенно правы и общество, конечно, право, если оно тоже упрекаетъ меня въ недосказанности. Но и я тоже правъ, потому что совершенно не зналъ и не знаю, что я долженъ былъ досказать.

— Какъ не знали, а земскій соборъ?—возразилъ я.

— Объявлять о немъ громогласно, съ каѳедры, я по совѣсти не могъ,—отвѣтилъ И. С.:—при нынѣшнемъ настроеніи это могло бы быть принято за призывъ конституціи. Надо дать улечься нелѣпому настроенію умовъ и когда начнется въ русской интеллигенціи поворотъ къ утраченному ею понятію, что она русская, что она призвана для служенія русскому народу, его русскимъ идеаламъ и привычкамъ, его русской исторіи, тогда законченность рѣчи могла бы имѣть мѣсто. Теперь же, напротивъ, надо стараться умалчивать о формахъ, чтобъ дать время и свободу для оздоровленія, иначе споръ о формахъ остановитъ прогрессъ русской мысли. Повѣрьте, что не формы, не законопроекты дѣлаютъ исторію, а именно мысль и сознаніе въ общественномъ умѣ...

Убѣжденіе, что общественная мысль есть единственный творецъ жизни, И. С. высказалъ мнѣ и по поводу другаго вопроса—славянскаго. Въ концѣ прошлаго года я помѣстилъ въ «Руси» письмо изъ Лондона, посвященное славянскому вопросу. И. С. отъ 9 ноября 1885 года писалъ мнѣ по поводу этой статьи:

«Я вполнѣ согласенъ съ вашимъ взглядомъ, вполнѣ убѣжденъ, что дорога на Константинополь одна—черезъ Вѣну, но, увы! сознаніемъ нашимъ мы еще не доросли до грандіозности такой задачи. Отчего мы не взяли до сихъ поръ Константинополя? Отъ того, что испугались—не войска, а задачи! Взять Царьградъ и посадить туда Д. К. или Н.? Лучше у насъ на виду нѣтъ. Да и петербургскій періодъ, петербургскій режимъ этого не въ силахъ свершить. Онъ вѣдь чувствуетъ, что тогда ему конецъ, и цѣпляется всѣми способами за условія своего существованія. Намъ еще нужна внутренняя борьба, внутренній подвигъ сознанія, пока мы придемъ «въ мѣру возраста исполненія» нашей задачи, примѣняя сюда евангельскій текстъ».

Еще ярче это убѣжденіе выражено въ письмѣ И. С. ко мнѣ, написанномъ за нѣсколько мѣсяцевъ до начала изданія «Руси». Будучи неоднократно въ Москвѣ проѣздомъ, я каждый разъ начиналъ разговоръ о томъ, что ему грѣшно молчать, и съ согласія г. Суворина убѣждалъ его работать для «Новаго Времени». Въ отвѣтъ на это онъ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ:

«Да, меня самого тяготитъ молчаніе, и я,—говорю вамъ еще по

секрету,—имѣю намѣреніе предпринять изданіе еженедѣльной газеты. Такая форма представляетъ болѣе удобства для серьёзнаго, обдуманнаго слова. Къ сожалѣнію, получить мнѣ разрѣшеніе не такъ-то легко. При Тимашевѣ года два съ половиною назадъ получилъ формальный отказъ; прошлою зимою опять пытался — неудачно (при Маковѣ). Теперь написалъ письмо къ Лорисъ-Меликову, которое отправилъ въ Ливадію. Безъ доклада государя мнѣ не дадутъ разрѣшенія, а тутъ разныя предубѣжденія господствуютъ. Каковъ-то будетъ отвѣтъ. Вы скажете: зачѣмъ это дробленіе, зачѣмъ свой ôрганъ? Во-первыхъ, я просто не имѣю привычки писать въ чужихъ органахъ; во-вторыхъ, то, что мнѣ хотѣлось бы сказать, можетъ быть выражено въ цѣломъ послѣдовательномъ рядѣ статей, статеекъ и примѣчаній. Въ-третьихъ, у меня нѣтъ готовой практической формулы à l'ordre du jour, удовлетворяющей злобѣ дня (что̀ нужно для ежедневной газеты). Признаю все ихъ (т. е. формулъ) полезное временное значеніе, но не вѣрю имъ, — духа живаго не имутъ, — и потому, не отрицая ихъ, мало расположенъ заниматься ими. Въ своей газетѣ я пытался бы только низводить свѣтъ народнаго и историческаго сознанія — и на современность, и на предлежащій намъ путь. Нужно вызвать творчество; исправлять ея должность не можетъ ни правительство, ни наша интеллигенція. Безъ сомнѣнія, прежде всего нужно предоставить просторъ для проявленія жизни, нужно устраненіе помѣхъ и ликвидація дѣла Петрова хотя бы въ сознаніи. Иначе ничего не наплодимъ, кромѣ чиновниковъ въ земскихъ мундирахъ, бюрократическихъ самоуправленій и т. п. Дѣло Петрово далеко не ликвидировано. Min Her и Piter на его царскихъ указахъ существуютъ и теперь, только въ болѣе благообразной формѣ; форма иная, но духъ живъ, все тотъ же. Пока наша интеллигенція не смирится, не отречется трижды, какъ бы при новомъ крещеніи, отъ своей прежней вѣры, до тѣхъ поръ она не получитъ живаго разумѣнія народнаго духа и не пріобщится его духу. А безъ этого ея дѣло будетъ мертво. Надо сбивать спѣсь съ нашей интеллигенціи. Вы уже это начали. Если бъ вы не были связаны съ «Новымъ Временемъ», то, конечно, ваше сотрудничество было бы мнѣ истинно драгоцѣнно... Положеніе Россіи, по вашимъ описаніямъ, ужасно. Народъ бѣдствуетъ, гибнетъ, изводится, мѣстами уже портится на корню, а помочь ему мы не умѣемъ, не умѣемъ за него взяться; не имѣемъ никакого авторитета для него, хотя бы и назывались земствомъ. Да, со временъ Петра ни одно его учрежденіе и насажденіе не получило авторитета въ народѣ: ни имперія, ни сенатъ, ни синодъ, ни вся екатерининская законодательная стряпня. Одинъ авторитетъ пребывалъ и пребываетъ: царь (императора онъ не знаетъ); имѣли, кажется, авторитетъ мировые посредники 1-го призыва; изо всѣхъ «мѣропріятій» втече-

ніе слишкомъ полутора вѣка только освобожденіе крестьянъ и пустило корни въ народное сознаніе... Наши газеты толкуютъ объ увѣнчаніи зданія. Да зданія еще никакого нѣтъ. Только и стоятъ стѣны, прежней исторіей выведенныя,—царь и народъ, все остальное, нагроможденное въ полтора вѣка, съ табелью о рангахъ и т. п., подлежитъ сломкѣ, очищенію. Это какіе-то деревянные бараки, уже полусгнившіе, безпрестанно перестраиваемые: коллегіи, министерства, и пр... Вообще формація Россіи даже географическая еще не кончилась; процессъ ея не завершенъ. Только при Александрѣ II сложилось, можно сказать, сословіе крестьянъ. Вся законодательная дребедень 18 и 19 вѣка, впрочемъ, была, можетъ быть, нужна, какъ, вѣроятно, нужна была варварски-неуклюжая русская рѣчь, созданная въ литературѣ при Петрѣ, для того, чтобъ отъ рѣчи простонародной перейдти въ языкъ Пушкина. Можетъ быть, такой процессъ былъ нуженъ, но нужно скорѣе его завершить и признать этотъ переходный моментъ русской рѣчи все же безобразнѣйшимъ! А вѣдь для русской жизни мы изъ этого безобразнаго момента не вышли.

«Всѣ наши ученые—птенцы гнѣзда Петрова, и наши чиновники, и наши либералы, и (мы этого только не замѣчаемъ) несутъ ту же чепуху и творятъ ее въ жизни, какая поражаетъ насъ въ началѣ XVIII вѣка. Всему этому надо сказать «абшидъ».

«Но я увлекся, забывъ, что, если объ этомъ предметѣ говорить въ письмѣ кратко, намеками, только произведешь недоумѣніе, а мысль вполнѣ не выскажешь. Если буду издавать, такъ тогда все разъясню. Если же нѣтъ, то, конечно, придется прибѣгнуть къ чужому органу,—и, вѣроятно, къ вашему, такъ какъ брошюры подлежатъ цензурѣ.

«Дайте знать заранѣе о пріѣздѣ, чтобъ намъ непремѣнно свидѣться» и т. д.

Ставя мысль и сознаніе массы единственными двигателями исторіи, И. С. естественно относился съ величайшимъ презрѣніемъ къ творцамъ разныхъ проектовъ объ осчастливленіи отечества. Однажды съ нимъ случился такой казусъ. И. С., одѣвшись во фракъ, бѣлый галстухъ и бѣлыя перчатки, отправился къ графу Лорисъ-Меликову, бывшему тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, просить о разрѣшеніи издавать «Русь». Графъ былъ очень любезенъ, долго бесѣдовалъ съ И. С. и въ заключеніе «снялъ со стола нѣсколько гладенькихъ и хорошо переписанныхъ листовъ» [1]) и подалъ Аксакову, говоря: «Возьмите ихъ съ собой въ Москву, это для васъ будетъ любопытно». Листочки оказались проектомъ одного земскаго извѣстнаго «прожектера». Въ Москвѣ доставили И. С. другой проектъ, кото-

---

[1]) Фразы и слова въ кавычкахъ взяты изъ письма И. С. отъ 19-го сентября 1880 года.

рый «писанъ былъ точно также чисто, на голандской бумагѣ, какъ бы предназначаясь куда-то вверхъ». «Всѣ записки,—писалъ И. С.,— я возвратилъ графу при письмѣ: очень де интересны, разбора не пишу, такъ какъ это требовало бы цѣлой статьи, цифры надлежало бы провѣрить и т. п. общія мѣста въ нѣсколькихъ строкахъ». Вдругъ авторъ второй записки потребовалъ ее обратно. «Выручите изъ бѣды,—писалъ мнѣ И. С.,—а то съ «авторомъ» не развяжешься. Онъ способенъ прилетѣть и заговорить до упаду. Господи, какъ онъ стремительно, шибко, много говоритъ! Имъ можно всякаго болтуна вылѣчить по принципу similia similibus».

Такимъ образомъ настоящее Россіи представлялось И. С. тѣмъ переходнымъ временемъ, которое обречено на одну работу мысли безъ творчества и плодотворныхъ дѣлъ. Пока мысль не созрѣла, не обратилась къ исторіи и національному самосознанію, не можетъ создаться что либо прочное и хорошее въ жизни. Оттого И. С. совершенно послѣдовательно рѣдко становился на практическую почву, избѣгая ее, какъ неизмѣнно отрицательную величину для нашихъ дней. Когда бывало разсказываешь ему о печальныхъ выводахъ изъ своей ежегодной поѣздки по Россіи, онъ вздыхаетъ и прибавляетъ: «Ну, разумѣется... иначе и быть не можетъ». Въ письмахъ его ко мнѣ я нахожу одну строку, посвященную похвалѣ современнаго факта. Я какъ-то напечаталъ въ «Новомъ Времени» статью, похваливъ идею о сенаторской ревизіи, предпринятой по доброму почину графа Лорисъ-Меликова. И. С. тотчасъ отозвался и написалъ мнѣ: «Ваше участіе на первыхъ страницахъ газеты я сейчасъ замѣтилъ, и съ истиннымъ сочувствіемъ. Разумѣю вторую статью о сенаторской ревизіи» и т. д. Но совсѣмъ иначе относился И. С. къ практическимъ вопросамъ внѣшней политики. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что берлинскій трактатъ не только позоръ для Россіи, но и одинъ изъ источниковъ ея внутреннихъ смутъ, одинъ изъ главныхъ стимуловъ ослабленія внутри государства тѣхъ основъ, на которыхъ создалась русская исторія, не говоря уже о томъ, что злополучный трактатъ поставилъ дипломатію Россіи въ фальшивѣйшее антинаціональное отношеніе къ Европѣ и славянамъ, изъ котораго рано или поздно придется выкупаться цѣною обильной крови. Въ одномъ изъ писемъ прошлаго года, черезъ 7 лѣтъ послѣ подписи берлинскаго трактата, И. С. приводитъ новое доказательство вреднаго вліянія несчастнаго договора на Россію: «Знаете ли вы, какой великій нравственный упадокъ представляетъ русское общество въ своей массѣ? — писалъ И. С. — Боится и не хочетъ войны. Отъ купцовъ нельзя выжать и двугривеннаго — не то что вообще на славянскія нужды (объ этомъ и заикнуться нельзя), а хоть на нѣкое пособіе, на оказаніе гостепріимной заботы несчастному изгнаннику, насъ ради, митрополиту сербскому Михаилу, теперь здѣсь пребывающему въ негостепріимной Москвѣ. А было

время—они же давали мнѣ сотни тысячъ! Боятся войны, не хотятъ жертвовать только потому, что будетъ хуже, или, какъ одинъ изъ нихъ мнѣ написалъ: приведетъ все лишь къ пущему заушенію и оплеванію. Безвѣріе въ русскую дипломатію такое, что страхъ беретъ» и пр. Понятно, что такое настроеніе русскаго общества не могло сдѣлать ничего добраго, и И. С. былъ правъ, проводя связь неудачнаго исхода славянской войны даже съ катастрофой 1-го марта. «Берлинскій трактатъ создалъ,—говорилъ онъ,—никогда не бывалое у насъ общее неудовольствіе, оборвалъ самыя твердыя и священныя струны нашей исторіи. Онъ удобрилъ почву недовѣрія къ власти, и на этой почвѣ должны были выросли самыя грандіозныя плевела». Въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ И. С. я нахожу еще болѣе практическое указаніе на значеніе внѣшнихъ политическихъ дѣлъ. «Теперь на меня нападаютъ,—писалъ онъ,—что я де накликиваю войну. Вотъ уже я сегодня, какъ разъ во время полученія вашего письма, доказывалъ одному изъ представителей купечества, одному изъ мощныхъ, что, отрицаясь отъ славянства и уступая Европѣ Балканскій полуостровъ и Царьградъ, мы лишимся и Малой Азіи, Арменіи, Кавказа и Средней Азіи (эти мѣста имъ дороги, какъ единственный рынокъ для сбыта мануфактурныхъ русскихъ товаровъ)!.. Вѣны они вовсе не знаютъ, но на Берлинъ злы, потому что берлинская биржа управляетъ нашимъ министерствомъ финансовъ» и т. д.

Я много разъ видѣлся съ И. С. и всегда видѣлъ его въ образѣ серьёзнаго мыслителя, публициста и проповѣдника; лишь однажды, при особой обстановкѣ, И. С. на короткое время предсталъ передо мной въ образѣ симпатичнаго и оживленнаго поэта. Это было лѣтомъ, въ Химкахъ, на дачѣ Аксаковыхъ, за обѣдомъ, на которомъ, кромѣ милыхъ хозяевъ, присутствовали генералъ Черняевъ, докторъ правъ Евреиноваа и вашъ покорный слуга. Былъ чудный, теплый день, пахло свѣжими листьями и съ балкона дачи открывался одинъ изъ тѣхъ мирныхъ и широкихъ видовъ, какими столь богата родная Русь. Всѣ были въ ударѣ, много разсказывали, смѣялись и мечтали вслухъ. Неизмѣнной темой были отечественныя дѣла — иначе у И. С. и быть не могло. И. С. былъ особенно веселъ и любезенъ. Сѣли за столъ, продолжая бесѣду, но вскорѣ И. С. завладѣлъ общимъ вниманіемъ, живо и съ увлеченіемъ рисуя картину того, чѣмъ должна быть Россія, что въ ней должно воскреснуть и умереть для счастія народа. Это была настоящая поэтическая и краснорѣчивая импровизація, которую я свято храню въ своей памяти для грядущихъ, несомнѣнно болѣе свободныхъ, временъ для печатнаго слова. Мы всѣ превратились въ слухъ, испытывая то щекочущее нервы наслажденіе, которое дано въ удѣлъ всѣмъ алчущимъ правды въ награду за недостатокъ истиннаго счастья на землѣ. Но, увы, супруга И. С. не дала кончить поэту,

изъ страха, что мечты его зайдутъ слишкомъ далеко за предѣлы легальности. Но взрывъ вдохновенія улегся въ душѣ И. С. не сразу. Онъ замолчалъ во время обѣда, а когда мы пошли гулять по зеленымъ аллеямъ сада вокругъ блестящаго пруда, вдохновеніе снова проснулось и мягко, тихо, отдѣльными фразами давало намъ понять, что свѣтлый образъ будущей родины еще горитъ въ воображеніи хозяина... Не смотря на то, что въ каждомъ году есть сотни дней, я, всетаки, считаю, что у каждаго человѣка въ сущности есть только тѣ, увы, всегда крайне ограниченные числомъ дни, которые есть чѣмъ помянуть. День, проведенный у И. С. Аксакова въ Химкахъ, одинъ изъ тѣхъ дней для меня и даже по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, въ этотъ день я увидѣлъ поэта, вдохновленнаго самой благородной и близкой сердцу идеей, во-вторыхъ, вечеромъ въ тотъ же день, возвращаясь въ Москву вмѣстѣ съ М. Г. Черняевымъ, мнѣ судьба дала посмотрѣть на другую картину, столь же достойную кисти художника и вниманія историка. Эта картина касается уже не И. С., а генерала Черняева. Но такъ какъ я хочу, вѣрить, что популярный генералъ будетъ здравствовать многія лѣта и мнѣ не придется писать о немъ воспоминаній, то простите за маленькое отступленіе кстати. Ѣхать надо было по желѣзной дорогѣ; въ вагонахъ масса народа, вечеръ душный, а у насъ въ груди было и безъ того жарко отъ живой бесѣды у И. С. Генералъ рѣшился присѣсть на платформѣ вагона третьяго класса. Онъ былъ въ шинели, слѣдовательно безъ всякихъ внѣшнихъ признаковъ большаго чина. У насъ поѣздная прислуга, какъ извѣстно, восполняетъ своей заботой о пассажирахъ костоломки, устроиваемыя директорами. Подлетѣлъ кондукторъ съ требованіемъ войдти въ вагонъ, подлетѣлъ съ начальственнымъ апломбомъ, но, вглядѣвшись въ лицо генерала, вдругъ снялъ шапку и, осклабляясь отъ радостной убыбки, заговорилъ: «Ахъ, кажется, это вы-съ, Михаилъ Григорьичъ, генералъ Черняевъ?... Пожалуйте, пожалуйте, куда вамъ угодно. Здѣсь хотите сидѣть? Сидите, сидите, ничего... ваше превосходительство, очень радъ»! Отвѣсивъ еще пять поклоновъ, кондукторъ исчезъ. Вѣсть о томъ, что генералъ Черняевъ ѣдетъ, пролетѣла по поѣзду въ одно мгновеніе. Кондуктора не препятствовали, и публика устроила цѣлое шествіе черезъ вагоны и нашу прощадку, гдѣ сидѣлъ генералъ. Проходившіе снимали шапки, женщины кланялись, а остановившіеся на площадкѣ оставались съ непокрытой головой. Одинъ пассажиръ, по виду нѣчто въ родѣ офени, обратился ко мнѣ на ухо: «И ты бы, баринъ, снялъ шапку-то, вишь человѣкъ поштенный сидитъ... передъ нимъ и тебѣ не грѣшно шапку-то снять»!... Чтó генералъ, нынѣ находящійся не у дѣлъ, чувствовалъ въ тѣ минуты?

И. С. Аксаковъ былъ близокъ и къ другому популярному генералу—Скобелеву, къ сожалѣнію, незадолго до его рановременной

смерти. Послѣ первой встрѣчи съ Скобелевымъ, Аксаковъ былъ въ восхищеніи и сказалъ мнѣ: «Одна нѣмецкая принцесса, увидавъ Петра I, записала въ своихъ мемуарахъ, что она видѣла живое олицетвореніе генія и всѣхъ пороковъ; подобное же впечатлѣніе произвелъ на меня и Скобелевъ... Это замѣчательный человѣкъ какъ Петръ, даже по внѣшности замѣчательный... Ему несомнѣнно предстоитъ великая роль въ русской исторіи... Дурная или хорошая роль, — трудно сказать, но во всякомъ случаѣ великая»... Это пророчество, повторяемое въ то время не одними устами И. С., не сбылось. Злая смерть скосила героя и оставила потомству лишь нѣсколько страницъ современной исторіи, которыя, разумѣется, будутъ въ свое время освѣщены и для массы; онѣ навѣрно сочтутся грядущими поколѣніями самой яркой характеристикой тонкости почвы, на которой мы стоимъ...

Я, конечно, не стану приводить характеристики И. С. нынѣ еще живыхъ людяхъ. Позволю себѣ, однако, сдѣлать два исключенія, оправдывая ихъ тѣми соображеніями, что судьба черезчуръ несправедлива къ двумъ нашимъ даровитымъ писателямъ—къ Н. Гилярову-Платонову и Василію Немировичу-Данченкѣ. О книгѣ послѣдняго «Годъ войны» И. С. выражался, что это сочиненіе такое прекрасное, которое въ другой болѣе образованной средѣ дало бы автору авторитетное имя и прочное богатство. «Я увѣренъ,—говорилъ мнѣ И. С.,—что въ литературѣ Запада нѣтъ ни одного сочиненія о войнѣ, могущаго выдержать хотя бы слабое сравненіе съ книгой Немировича»...

Однажды я получилъ отъ Н. Гилярова-Платонова въ подарокъ его портретъ и показалъ Аксакову. И. С. взялъ портретъ въ руки и сказалъ: «Вотъ человѣкъ, про котораго можно смѣло сказать, что онъ никогда и ничего не эксплоатировалъ... Большой талантъ, прекрасное перо, огромная начитанность, масса разнородныхъ познаній.. Но Русь матушка еще не умѣетъ цѣнить по части грамоты»...

На этомъ я кончаю свои бѣглыя замѣтки о покойномъ учителѣ Россіи. Недавнія воспоминанія не могутъ быть длинными, и я буду счастливъ, если мой разсказъ и приведенныя въ немъ выписки изъ собственноручныхъ писемъ И. С. разувѣрятъ русскаго читателя въ проповѣдуемой чепухѣ, будто Аксаковъ былъ представителемъ какого-то платонизма и умеръ во время, ибо насталъ часъ для практической работы. Что руки, ноги и спина у насъ давно готовы,—нѣтъ сомнѣнія. Но гдѣ же та свѣтлая мысль и то глубокое самосознаніе, которыя суть единственные творцы исторіи?

А. Молчановъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ П. К. ЩЕБАЛЬСКАГО.

Довольно извѣстный писатель, Петръ Карловичъ Щебальскій, умершій 21-го марта нынѣшняго года, наиболѣе знакомъ читателямъ какъ историкъ, или, точнѣе, какъ авторъ книги: «Чтеніе изъ русской исторіи съ исхода XVII вѣка». Между тѣмъ изъ-подъ его пера вышла еще болѣе длинная вереница критическихъ и публицистическихъ статей, о которыхъ только вскользь упомянули газетные и журнальные некрологи. Въ тѣхъ же некрологическихъ замѣткахъ особенно ярко поддерживалось почти исключительное участіе Щебальскаго въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ». На самомъ же дѣлѣ покойный авторъ, почти до конца своей жизни, дѣлилъ свои труды между разнообразными періодическими изданіями. Наконецъ, онъ очень часто выступалъ въ печати подъ маскою изъ двухъ буквъ «П. Щ.», которыя являлись прозрачными болѣе для библіографовъ, чѣмъ для читающей публики. Всѣ эти неточности и неясности некрологовъ даютъ намъ право представить полный библіографическій матеріалъ для вѣрнаго сужденія объ учено-литературной дѣятельности покойнаго «историка», «критика» и «публициста».

Почти ровно за тридцать лѣтъ до смерти, П. К. напечаталъ свой первый трудъ: «Правленіе царевны Софіи», на страницахъ «Русскаго Вѣстника» (1856 г., т. II и III, кн. 2—5) и отдѣльной книгой (М., 1856 г., 139 стр.). Эта «первинка» черезъ годъ удостоилась какъ перепечатки въ «Журналѣ военно-учебныхъ заведеній» (1857 г., № 514—516; 1858 г., № 517—520), такъ и перевода на французскій языкъ подъ слѣдующимъ

заголовкомъ: «La régence de la Tzarewna Sophie, épisode de l'histoire de Russie (1681—1689), trad. par le P-ce S. Galitzine (Carlsruhe, 1857). Но за такимъ успѣшнымъ литературнымъ дебютомъ послѣдовалъ годичный перерывъ, такъ что только съ 1858 года Щебальскій снова явился на журнальномъ поприщѣ и уже почти безъ промежутка началъ печатать свои труды въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ:

1858 г. «О Россіи, какою оставилъ ее Петръ I-й» («Русск. Вѣстн.», кн. 1).

«Письмо къ редактору «Русскаго Вѣстника» (кн. 14). — Оно вызвано предыдущею статьею.

«О словесномъ дѣлопроизводствѣ» (кн. 19).—Это—отвѣтъ на статью подъ тѣмъ же заглавіемъ, помѣщенную въ «Библіотекѣ для Чтенія» (1858 г., кн. 7).

1859 г. «Вступленіе на престолъ императрицы Анны» (кн. 1).

«Письмо о воспитаніи вообще и о народномъ образованіи въ особенности» (Русск. Газета, № 29).

«Кто написалъ замѣчанія на записки Манштейна о Россіи?» (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, кн. 3).

«Обозрѣніе губернскихъ вѣдомостей» (Московск. Вѣдом., № 255—256).

«Процессъ царевича Алексѣя» (С.-Петербургск. Вѣдом., № 280).

1860 г. «Князь Меньшиковъ и графъ Морицъ Саксонскій въ Курляндіи» (1726—1727 г.), съ четырьмя приложеніями (Русск. Вѣстн., кн. 1—2).

«Виленскій университетъ и іезуиты» (Наше Время, № 3).

«Журнальные вопросы» (тамъ же, № 11).—Это—статья о журнальныхъ толкахъ, вызванныхъ шестымъ томомъ «Исторіи Петра Великаго», Устрялова.

«Журнальные вопросы» (тамъ же, № 25). — Это—замѣчанія на статью Георгіевскаго: «Очеркъ современной исторіи юдаизма», помѣщенную въ «Русскомъ Словѣ» (1860 г., кн. 3).

«Новое предположеніе о происхожденіи Екатерины I-й» (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, кн. 2).

«Чтеніе изъ русской исторіи: 1) Россія при царѣ Алексѣѣ; 2) Россія при царѣ Ѳеодорѣ и 3) царствованіе Петра Великаго» (Подснѣжникъ 1860 г., кн. 3, 4, 5, 12; 1861 г., кн. 1, 2, 3, 5, 6 и 7).

«Записки Варѳоломея Михаловскаго» (Отечественн. Зап., кн. 11).—Это—эпизоды изъ исторіи возведенія на польскій престолъ Августа III-го и Станислава Понятовскаго, на основаніи книги: «Pamiętniki Bartlomieja Michalowskiego».

«Новые матеріалы изъ эпохи 1771—1773 годовъ» (Русск. Вѣстн., кн. 20).—Эти «матеріалы» относятся ко времени окончанія польской войны при Екатеринѣ II-й.

1861 г. «Ядвига и Ягелло» (Русск. Вѣстн., кн. 2—3).

«О московскихъ воскресныхъ школахъ» (Наше Время, № 18).

«Рецензія на книгу Есипова: Раскольничьи дѣла XVIII вѣка» (Книжн. Вѣстн., № 22).

«Черты изъ народной жизни въ XVIII вѣкѣ» (Отечественн. Зап., кн. 10)

«О книгѣ бар. Корфа: Жизнь графа Сперанскаго» (Вѣкъ, 44—46).

«О с.-петербургскихъ воскресныхъ школахъ» (Русск. Рѣчь, № 52).

«Польско-русскій вопросъ» (Русск. Вѣстн., кн. 11). — Эта статья цѣликомъ перепечатана въ «Минскихъ губернск. Вѣдомостяхъ» (1862 г., № 20—22).

«Чтеніе изъ русской исторіи» (съ исхода XVII вѣка), Спб., выпускъ первый, 167 стр. — Этотъ выпускъ выдержалъ: второе (Спб., 1864 г.), третье (Спб., 1874 г.) и четвертое (Варш., 1877 г.) изданія.

«Чтеніе изъ русской исторіи» (съ исхода XVII вѣка), Спб., выпускъ второй, 167 стр.—Второе изданіе этого выпуска (Спб., 1864 г.), третье (Спб., 1874 г.) и четвертое (Варш., 1882 г.).

«Отвѣтъ на замѣтку г. Соловьева» (Русск. Вѣстн., кн. 12). — Замѣтка историка Соловьева касалась двухъ первыхъ выпусковъ «Чтенія изъ русской исторіи».

1862 г. «Дѣло о курляндскомъ герцогѣ Эрнстѣ Іоаннѣ Биронѣ», письма и акты отъ 1725—1742 годовъ (Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, кн. 1).—Отдѣльный оттискъ этой статьи: М., 1862 г., 122 стр.

«Нѣсколько словъ о Павлѣ Николаевичѣ Головинѣ» (Книжн. Вѣстн., № 8).

«По поводу книги Арапова: Лѣтопись русскаго театра» (Наше Время, № 13).

«Газета «День» и евреи» (тамъ же, № 48).

«Начало Руси», брошюра Спб., 37 стр.—Этотъ трудъ появился вторымъ (М., 1866 г.), третьимъ (Сувалки, 1873 г.) и четвертымъ изданіями (Варш., 1876 г.). Послѣднее изданіе вышло съ добавленіемъ въ заголовкѣ: «Русская исторія для грамотнаго народа и начальныхъ училищъ».

«Чтеніе изъ русской исторіи» (съ исхода XVII вѣка), Спб., выпускъ третій, 119 стр.—Второе изданіе (Спб., 1864 г.), третье (Спб., 1874 г.) и четвертое (Варш., 1885 г.).

«Чтеніе изъ русской исторіи» (съ исхода XVII вѣка), Спб., выпускъ четвертый, 276 стр. — Второе изданіе (Спб., 1864 г.) и третье (Спб., 1874 г.).

1863 г. «Разсказы о Западной Руси» (Русск. Вѣдом., № 9—11, 13—15, 17, 18, 22, 24, 26, 28—31, 33, 35, 38, 40—43, 45, 47—48). — Отдѣльно: первое изданіе (М., 1864 г., 102 стр.) и второе изданіе (М., 1866 г.).

«Русскіе и польскіе публицисты» (Московск. Вѣдом., № 21).

«Новый документъ по польско-русскому вопросу» (Русск. Инвал., № 90). — Этотъ документъ, хранимый въ государственномъ архивѣ, относится къ 1814 году и озаглавленъ: «Mémoire sur la nécessité pour la Russie de retablir la Pologne».

«Народныя движенія въ Подоліи и на Волыни 1768 и 1789 годахъ» (Русск. Вѣстн., кн. 5).

«Переписка Екатерины II-й съ графомъ Н. И. Панинымъ» (тамъ же, кн. 6).

«Французская политика въ Польшѣ 1768—1769 годовъ» (тамъ же, кн. 7).

«О книгѣ Еленева: Польская цивилизація и ея вліяніе на Западную Русь» (Современн. Лѣтоп., № 34).

«Католичество въ Россіи» (Русск. Вѣстн., кн. 10). — Эта статья вызвана книгою гр. Д. Толстаго: «Le catholicisme romain en Russie».

1864 г. «По поводу изслѣдованія Соловьева: Исторія паденія Польши» (Русск. Вѣстн., кн. 2).

«Дѣла наши на сѣверо-западномъ Кавказѣ» (Современн. Лѣтоп., № 17).

«Вигель о польскомъ вопросѣ» (Русск. Вѣстн., кн. 6). — Эта статья написана по поводу брошюры: «Trois mémoires à propos de la question polonaise en 1831, par le conseiller privé Philippe Viguel, Moscou, 1864».

«Извѣстіе о Петрѣ Ивановичѣ Кеппенѣ» (Современн. Лѣтоп., № 25).

«О книгѣ: Москва, Кіевъ и Варшава» (тамъ же, № 27).

«Рецензія книги Смита: Исторія польскаго возстанія и войны 1830—1831 годовъ» (Русск. Вѣстн., кн. 7).

«Дѣла на нашей границѣ въ Западной Сибири» (Современн. Лѣтоп., № 31).

«Католичество въ Россіи при Екатеринѣ и послѣ нея» (Русск. Вѣстн., кн. 8).

«Русская политика и русская партія въ Польшѣ до Екатерины II-й» (Русск. Вѣстн., кн. 9 и 10).—Отдѣльный оттискъ: М., 1864 г.

«Варшавскія письма» (Московск. Вѣдом., № 277).

1865 г. «Начало и характеръ Пугачевщины» (Русск. Вѣстн., кн. 4 и 5). — Отдѣльно: М., 1865 г.

«Архимандритъ Мельхиседекъ Яворскій» (тамъ же, кн. 7).—Эта статья написана по поводу «Архива юго-западной Россіи».

«Письма Дениса Ивановича фонъ-Визина къ А. М. Обрѣзкову въ Бухарестъ» (Русск. Архивъ, кн. 8).

«Объ Обществѣ распространенія полезныхъ книгъ» (Московск. Вѣдом., № 195, и Современн. Лѣтоп., № 36).

«Рецензія книги: Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова» (Современн. Лѣтоп., № 37).

«О брошюрѣ Хавскаго: Предки и потомство Романовыхъ» (тамъ же, № 46).

1866 г. «О публичномъ засѣданіи Общества любителей россійской словесности въ честь пятидесятилѣтняго юбилея кн. П. А. Вяземскаго и Ѳ. Н. Глинки« (Московск. Вѣдом., № 45).

«Вопросъ о Курляндскомъ герцогствѣ» (Русск. Арх., кн. 2).

«Разборъ книги: Историческое изслѣдованіе о Западной Россіи» (Русск. Инвал., № 83).

«Объ изданіи Бартенева: Русскій Архивъ» (Русск. Вѣстн., кн. 4).

«Восточный вопросъ и дипломатія» (тамъ же, кн. 8—9).

«О книгѣ Петрова: Война Россіи съ Турціей и польскими конфедератами» (кн. 9).

«Замѣтка о книгѣ Дмитріева: Взглядъ на мою жизнь» (кн. 10).

«Николай Михайловичъ Карамзинъ» (кн. 11).

«Рѣчь по поводу Карамзинскаго юбилея» (Московск. Вѣдом., № 255).

«Чтеніе изъ русской исторіи» (съ исхода XVII вѣка), М., выпускъ пятый.—Второе изданіе (М., 1870 г.) и третье (Варш., 1882 г.).

1867 г. «По поводу книги Ковалевскаго: Графъ Блудовъ и его время» (Русск. Вѣстн., кн. 2).

«Прежній и нынѣшній панславизмъ» (кн. 4).

«О книгѣ С. Ратча: Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1863 года въ сѣверо-западной Россіи» (тамъ же, кн. 9, и 1869 г., кн. 2).

1868 г. «О романѣ гр. Л. Н. Толстаго: Война и миръ» (Русск. Вѣстн., кн. 1).

«О сборникѣ русскаго историческаго Общества» (кн. 2).

«О книгѣ Пекарскаго: Жизнь и литературная переписка Рычкова» (Бесѣды въ Обществѣ любителей россійск. словесности, вып. 2).

«По поводу изслѣдованія Морошкина: Іезуиты въ Россіи» (Русск. Вѣстн., кн. 4).

«Переписка по дѣлу объ открытіи въ Бѣлоруссіи іезуитскаго новиціата» (тамъ же, кн. 4).

«Политическая система Петра III-го» (тамъ же, кн. 6, 8, 10; 1869 г., кн. 6—8).—Отдѣльно: М., 1870 г.

«О стихотвореніяхъ Тютчева» (тамъ же, кн. 9).

«По поводу сочиненій В. И. Кельсіева» (кн. 11).

«О XVIII томѣ «Исторіи Россіи» Соловьева» (кн. 12).

«Чтеніе изъ русской исторіи» (съ исхода XVII вѣка), М., выпускъ шестой.—Второе изданіе (Варш., 1880 г.).

1869 г. «Объ Архивѣ юго-западной Россіи» (Русск. Вѣстн., кн. 1),

«По поводу кончины А. С. Норова» (Современн. Лѣтоп., № 6).

«Екатерина II-я, какъ писательница» (Заря, кн. 2—3, 5—6, 8—9; 1870 г., кн. 3, 6—7).

«О книгѣ Богдановича: Исторія царствованія императора Александра I-го» (Русск. Вѣстн., кн. 3 и 4).

«Празднованіе юбилея И. И. Лажечникова въ московскомъ артистическомъ кружкѣ» (Московск. Вѣдом., № 97).

«Нигилизмъ въ исторіи» (Русск. Вѣстн., кн. 4).—Эта статья разбираетъ «Войну и миръ» Толстаго.

«О сочиненіи В. Андреева: Екатерина Первая» (кн. 6).

«Замѣтка по поводу статьи о Н. Я. Данилевскомъ» (кн. 8).

«По поводу послѣднихъ законовъ о православномъ духовенствѣ въ Россіи» (кн. 9).

«Коммиссія Уложенія въ Сборникѣ русскаго историческаго Общества» (кн. 10).

1870 г. «Турція и ея реформы по отношенію къ Россіи» (Русск. Вѣстн., кн. 1).

«Объ архивѣ государственнаго совѣта» (кн. 3).

«Библіографическія замѣтки: Письма русскаго офицера о Польшѣ, Ѳ. Глинки, — Русская Старина, 1870 года, три выпуска, — Латыши, особливо въ Ливоніи, въ исходѣ XVIII вѣка, соч. Меркеля, и Волненія крестьянъ въ Лифляндіи въ 1777 году» (кн. 4).

«Джонъ Стюартъ Милль о женщинахъ» (кн. 5).

«Русская литература: Богданъ Хмѣльницкій и послѣдніе годы Рѣчи Посполитой, Костомарова. — Археологическая топографія Таманскаго полуострова» (кн. 5).

«Поэзія и исторія» (Современн. Лѣтоп., № 14). — Эта замѣтка касается легенды о Вильгельмѣ Теллѣ.

«Библіографическая рѣдкость: по поводу женскаго вопроса» (Нива, № 21).

«Франко-германская война» (Русск. Вѣстн., кн. 7—8).

«Глава изъ современной исторіи» (кн. 8—9).

«Библіографическія замѣтки о книгахъ: Матеріалы для этнографіи Россіи, Риттиха,—Положеніе рабочаго класса въ Россіи, Флеровскаго, и Политическія движенія русскаго народа, Мордовцева» (кн. 9). — Послѣдней книгѣ была посвящена еще замѣтка Щебальскаго въ 1871 году (кн. 4).

«Русская литература: Пѣсни, собранныя Кирѣевскимъ, и Сѣверъ Россіи, соч. Сидорова» (кн. 10).

«Призракъ Восточнаго вопроса» (кн. 10).

«А. С. Шишковъ, его союзники и противники» (кн. 11).

1871 г. «Наши истинные пріятели», по поводу «Архива Воронцова» (Русск. Вѣстн., кн. 1).

«Новыя книги: Историческія письма, Миртова, и Исторія импер. академіи наукъ, Пекарскаго» (кн. 2).

«Матеріалы для исторіи русской цензуры 1803—1825 годовъ» (Бесѣды въ Обществѣ любителей россійск. словесности, вып. 3).

«Объ изданіи книги Гильдебранта: Рукописное отдѣленіе Виленской публичной библіотеки» (Современн. Лѣтоп., № 11).

«Исторія русскаго конкордата», по поводу сочиненія А. Попова: «Сношенія Россіи съ Римомъ съ 1845 по 1850 годъ» (Русск. Вѣстн., кн. 4).

«Новости исторической литературы» (Современн. Лѣтоп., № 15 и 16).

«Драматическія и нравоописательныя сочиненія Екатерины II-й» (Русск. Вѣст., кн. 5—6).

«Идеалисты и реалисты», по поводу книги А. Пыпина: «Общественныя движенія при Александрѣ I-мъ», (кн. 7 и 9).

«Нашъ умственный пролетаріатъ» (кн. 8).

«Лучше поздно, чѣмъ никогда», матеріалы для біографіи Герцена (кн. 8).

«Военныя поселенія и графъ Аракчеевъ» (кн. 10).

«Литераторъ стараго времени: Н. В. Сушковъ» (кн. 11).

«Шпильгагенъ и его романы» (кн. 12).

1873 г. «Письмо гр. В. А. Зубова къ брату его князю Зубову» (Русск. Арх., кн. 8).

«Государь царь Петръ Великій, первый русскій императоръ», для народнаго чтенія, Варшава.

1875 г. «Вторженіе французовъ въ Россію въ 1812 году», разсказъ очевидца епископа Буткевича (Русск. Стар., т. XIV, кн. 12).

1876 г. «Записки польскаго епископа Буткевича» (Русск. Арх., кн. 2).

«Политическое обозрѣніе» (Русск. Вѣстн., кн. 11).

«Всеевропейское фіаско» (кн. 12).

«Русская исторія для грамотнаго народа и для начальныхъ училищъ: раздробленіе Руси», Варшава, 24 стр.—Это второй выпускъ труда, начало котораго вышло въ 1862 году подъ заглавіемъ: «Начало Руси».

1877 г. «Русская исторія для грамотнаго народа и для начальныхъ училищъ: Москва и собираніе Руси», Варшава, 28 стр.—Это—третій выпускъ.

1878 г. «Возстаніе въ Варшавѣ и въ воеводствахъ царства Польскаго въ 1830—1831 годахъ», воспоминанія прелата Буткевича (Русск. Стар., т. XXII).

«Скопческія пѣсни» (тамъ же, т. XXII).

«Нынѣ и четверть вѣка назадъ», по поводу сочиненій Маркевича и Авсѣенко (Русск. Вѣстн., кн. 12).

«Русская исторія для грамотнаго народа и для начальныхъ училищъ»: императрица Екатерина II-я», Варшава, 30 стр.—Это четвертый выпускъ вышеназваннаго труда.

1879 г. «Государственные крестьяне» (Русск. Вѣстн., кн. 6).

1882 г. Романъ изъ эпохи освобожденія крестьянъ» (Русск. Вѣстн., кн. 3).—Эта статья относится къ роману Маркевича: «Переломъ».

«Наши беллетристы-народники» (кн. 4).

«Новости литературы: Письма къ тетенькѣ Щедрина» (кн. 8).

«Николай Алексѣевичъ Милютинъ и реформы въ царствѣ Польскомъ» (кн. 10—12). Отдѣльный оттискъ: М., 1883 г.

1883 г. «Искусство, религія, народность», по поводу сочиненій графа А. К. Толстаго (Русск. Вѣстн., кн. 3).

«Русская область въ царствѣ Польскомъ» (кн. 6).

«Добро пожаловать!», по поводу сочиненій Орловскаго (кн. 12).

1884 г. «Глава изъ исторія нашей литературы» (Русск. Вѣстн., кн. 11—12).— Эта статья продолжала печататься и въ 1885 году (кн. 2).

Вотъ, по возможности, подробный перечень печатныхъ трудовъ Щебальскаго. Если къ такой росписи прибавить, что онъ втеченіе трехъ лѣтъ (съ 1883 до 3-го марта нынѣшняго года) издавалъ «Варшавскій Дневникъ», въ которомъ обыкновенно помѣщалъ свои передовыя статьи, то, намъ кажется, вполнѣ будутъ исчерпаны библіографическія свѣдѣнія о покойномъ, какъ объ «историкѣ», «критикѣ» и «публицистѣ».

Дмитрій Языковъ.

ПРЕБЫВАНІЕ ССЫЛЬНЫХЪ КНЯЗЕЙ В. В. и А. В. ГОЛИЦЫНЫХЪ ВЪ МЕЗЕНИ.

СУДЬБА князей Василья Васильевича и Алексѣя Васильевича Голицыныхъ, оставившихъ по себѣ весьма замѣтный слѣдъ въ русской исторіи конца XVII столѣтія, доселѣ представляется темною, въ особенности относительно времени ихъ ссылки. Наши историки—Устряловъ въ «Исторіи царствованія Петра Великаго» и Соловьевъ въ своей «Исторіи Россіи», пользовавшіеся для своихъ изслѣдованій о Голицыныхъ документами Розыскнаго приказа, находящимися въ археографической коммиссіи, подробно разсказывая о ссылкѣ Голицыныхъ въ Каргополь и Яренскъ, глухо говорятъ, что они изъ Яренска были сосланы въ Пустозерскъ, а оттуда, впослѣдствіи, въ Пинежскій Волокъ. Въ приложеніяхъ къ II тому «Исторіи Петра Великаго» Устряловъ напечаталъ даже подлинные документы о ссылкѣ князей Голицыныхъ изъ «Розыскнаго дѣла о Шакловитомъ», а именно: приговоръ о ссылкѣ Голицыныхъ 9-го сентября 1689 года; наказъ приставу Павлу Скрябину; донесенія (отписки) Скрябина изъ Яренска и Тотьмы и три челобитныхъ князей Голицыныхъ, изъ коихъ послѣдняя послана была ими изъ Архангельска 1-го іюля 1691 года, о послѣдующей же судьбѣ ихъ, равно какъ и Соловьевъ, не даетъ никакихъ извѣстій.

Такъ какъ документы Розыскнаго приказа, извѣстные подъ именемъ «Розыскнаго дѣла о Шакловитомъ», коими пользовались оба помянутые историки, оканчиваются половиною 1691 года, то понятно, что они не могли ничего сказать о судьбѣ Голицыныхъ по-

слѣ этого времени. Между тѣмъ мнѣ удалось найдти въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи въ столбцахъ Сибирскаго приказа документы Розыскнаго приказа, относящіеся до ссылки Голицыныхъ за время съ 15-го іюля 1691 года по 27-е февраля 1694 года, изъ которыхъ видно, что князья Голицыны не прямо изъ Яренска отправлены въ Пустозерскъ, а жили нѣкоторое время въ Мезени (а, быть можетъ, и вовсе не были въ Пустозерскѣ?). Быть можетъ, среди документовъ, въ столь громадной массѣ хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, найдется и продолженіе этого столь интереснаго дѣла о ссылкѣ Голицыныхъ.

1-го іюля 1691 года, князья Василій Васильевичъ и Алексѣй Васильевичъ Голицыны съ женами и дѣтьми, въ сопровожденіи пристава, стольника Павла Скрябина, двухъ капитановъ московскихъ стрѣльцовъ, Аврама Сапогова и Ивана Бартатова и 18-ти караульныхъ стрѣльцовъ, на трехъ ладьяхъ выѣхали изъ Архангельска въ Пустозерскъ. Лишь только ладьи вышли изъ рѣки Двины въ море, какъ сильная буря снова загнала ихъ въ Двину до Третьякова острова, гдѣ и стояли, въ ожиданіи «пособной» погоды, около трехъ недѣль. Отсюда приставъ Скрябинъ послалъ въ приказъ Розыскныхъ дѣлъ отписку:

«Великимъ государемъ, царемъ и великимъ князем Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцемъ, холопъ вашъ Панка Скрябинъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государи, во 199 году іюля въ 1-й день пошелъ я, холопъ вашъ, отъ Архангельскаго города въ Пустозерской острогъ съ княземъ Васильемъ и съ княземъ Алексѣемъ Голицыными на трехъ лодьяхъ, и о томъ къ вамъ, великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцемъ, писалъ: какъ, государи, буду я, холопъ вашъ, на морѣ, на устьѣ Двины, и било, государи, погодою сутки, и отъ той, государи, погоды я, холопъ вашъ, отступилъ въ Двину до Третьякова острова на пустое мѣсто, и того жъ, государи, числа монастырскіе и торговые лодьи и карбасы отступили до того жъ Третьякова острова, и стоимъ, государи за погодою іюля по 15-е число, а идти, государи, безъ пособной погоды моремъ никоторыми мѣры невозможно, и запасныя ваши, великихъ государей, лодьи, которыя ходятъ въ Пустозерской острогъ, стоятъ у города Архангельскаго за погодою жъ; да не токмо, государи, лодьи и карбасы, и англинскіе корабли, которые пошли отъ Архангельскаго города, стоятъ на усть Двины за тою жъ погодою. А какъ, государи, дастъ Богъ пособную погоду, и я, холопъ вашъ, тотчасъ пойду въ Пустозерской острогъ на спѣхъ, днемъ и ночью. А отписку, государи, велѣлъ подать въ Розыскномъ приказѣ боярину Тихону Ни-

китичу Стрешневу съ товарищи». Дождавшись послѣ трехъ-недѣльной стоянки у Третьякова острова «пособной» погоды, ладьи вышли изъ Двины въ море, но новая сильная буря разметала ихъ и вкинула теперь въ рѣку Мезень. Вотъ какъ разсказываютъ объ этомъ въ челобитной своей, посланной изъ Мезени, Голицыны: «Великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцемъ, бьютъ челомъ холопи ваши бѣдные и безпомощные и неимущіе помощи къ вамъ, государемъ, ниоткуду, токмо отъ единаго Бога, Васка и Алешка Голицыны. По вашему, великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ, указу велѣно насъ, холопей вашихъ, везти изъ Яренска въ Пустоозеро, а въ приставѣхъ быть стольнику Павлу Михайловичу Скрябину. И въ нынѣшнемъ въ 199 году, отъ города Архангельскаго повезли насъ къ морскому устью, и изъ устья Двинскаго не пустила насъ встрѣшная погода многое время, больше трехъ недѣль, и въ устье било сутки слишкомъ, что насилу спаслись отъ смерти; и какъ погода противная престала, повезли насъ бѣдныхъ къ морю и пришла погода встрѣшная съ туманомъ и кинуло на песокъ, и било, и сопецъ переломило, и насилу спаслись и отошли назадъ къ острову Третьякову. И какъ минулась погода противная и пошли моремъ, и будетъ у Золотицы, и волею Божіею пришла погода великая съ великою бурею, и захватило парусъ и лодью стало грузить въ море, и насилу отъ смерти спаслись и пришли въ память. Работные люди насилу содрали парусъ и било насъ великимъ боемъ, и вода морская на лодью взливалась многажды и до самой Метры урочища, а за Метрою разнесло насъ, холопей вашихъ, врознь со стольникомъ въ розныя мѣста, и многое время мы его не вѣдали, а онъ про насъ; и било насъ у Моржевскаго острова и лодью на песокъ кинуло и раздробило, и милостію Божіею и заступленіемъ Пресвятыя Богородицы во отчаяніи своемъ спаслися отъ смерти и насилу дошли рѣки Семжи, близъ устья Мезенскаго, и ждали его, стольника, многое время, и пріѣхалъ онъ къ рѣкѣ Семжѣ также разбитъ моремъ. И отъ того бою насъ, холопей вашихъ, и женъ и дѣтишекъ рвало кровью, а наипаче малыхъ дѣтей, и пришла опухоль и желчь, и по ся мѣсто лежатъ въ великой болѣзни и живымъ быть не чаемъ, на что явное свидѣтельство,—въ то время былъ у насъ на ладьѣ капитанъ Иванъ Бардадатовъ, и кормщикъ, и работные люди,—и за такимъ мученіемъ намъ бѣднымъ съ женами и малыми дѣтьми идти моремъ не лзѣ никоими дѣлы, и въ животѣ нашемъ, и въ смерти буди воля Божія и ваша, великихъ государей. Милосердые, великіе государи, цари и великіе князья Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, пожалуйте насъ,

бѣдныхъ, и сирыхъ, и больныхъ, и замученныхъ холопей вашихъ, не дайте насъ безгодною смертью уморить и бѣдныхъ нашихъ дѣтишекъ, яко ссущихъ младенцовъ, велите насъ возвратить, какъ великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцемъ, объ насъ бѣдныхъ, и сирыхъ, и замученныхъ Богъ по сердцу вашему государскому извѣститъ; и паки, и паки, припадая ко пресвѣтлымъ вашимъ государскимъ ногамъ, милосердія вашего государскаго просимъ: призрите на насъ бѣдныхъ, и сирыхъ, и изнищалыхъ всѣми потребами милостивно, не дайте... злою смертію померетъ безвременно для своего государскаго здоровья, умилосердитеся надъ нами бѣдными, яко Богъ; да и вашего государева указа такого нѣтъ, что насъ везти моремъ; а какъ и зачались быть на морѣ и ходы лодейные на промыслы, и никто того помнить не можетъ, коли бъ кто тѣми мѣсты ходили съ женскимъ поломъ и съ малыми дѣтьми, а и воеводы пустозерскіе моремъ не ходятъ, а въ Пустоозеро ходятъ только лодьи съ вашимъ, великихъ государей, хлѣбомъ и промышленники для звѣриныя ловли, и часто тѣ лодьи разбиваетъ на морѣ, и люди, и хлѣбные запасы, и промышленники пропадаютъ. А какое было намъ мученіе, и о томъ взята сказка; и у васъ, великихъ государей, милости просимъ истинною правдою, какъ вамъ, великимъ государемъ, крестъ цѣловали, совершенно убиты и замучены въ конецъ и изнищали всѣми потребы—пищею и одеждою, и въ смертной болѣзни лежатъ жены наши и дѣти малыя, которымъ и живымъ быти не чаемъ. Великіе государи, смилуйтеся!» Такимъ образомъ волей-неволей Голицыны должны были на нѣкоторое время остаться въ Мезени, куда ихъ пригнало бурей. Въ приказѣ Розыскныхъ дѣлъ холмогорскій стрѣлецъ, Степанъ Христофоровъ, присланный съ челобитной Голицыныхъ, на вопросъ: «Кузнецкая слобода, въ которой остановились Голицыны, отъ Пустоозерскаго острога въ скольких верстахъ, и изъ той слободы сухимъ путемъ проѣхать мочно ль, и въ которое время?»—сказалъ: «До Пустоозерскаго острога ѣхалъ 4 недѣли, а иные его братья, которые посылаются наскоро гонцами, поспѣшаютъ отъ той слободы въ Пустоозерской острогъ и въ три недѣли, а меньше того доѣхать не мочно, потому что отъ той слободы до Пустоозерскаго острога дороги и саннаго пути на лошадяхъ нѣтъ, а ѣздятъ всѣ на оленяхъ въ малыхъ санкахъ по два человѣка въ санкахъ, и ночуютъ они, ѣдучи, на степи и на лѣсу, потому что отъ той слободы до Пустоозерскаго острога городовъ, и слободъ, и деревень никакихъ нѣтъ, и лѣсу только въ двухъ мѣстахъ: въ одномъ мѣстѣ верстъ на 100 или на 150, а въ другомъ мѣстѣ лѣсу верстъ на 200, а промежъ лѣсовъ—степи, близко 1000 верстъ. А въ той Кузнецкой слободѣ всякихъ чиновъ жителей только дворовъ съ пятьдесятъ; а ту слободу и иныя слободы на Ме-

зени вѣдають кевропьскіе воеводы и живутъ они лѣтомъ въ Кевролѣ, а зимою на Мезени отъ Кузнецкой слободы въ 2-хъ верстахъ въ большой слободѣ; а отъ Мезени до Кевролы 500 верстъ».

Между тѣмъ двиняне и мезенцы, на общія деньги которыхъ были наняты ладьи подъ Голицыныхъ, подали въ Новгородскій приказъ челобитную на Скрябина, обвиняя его въ самовольной, безъ всякой причины, остановкѣ въ Кузнецкой слободѣ; что въ то время, какъ ладьи съ Голицыными, отъ непогоды будто бы, укрылись въ р. Мезень, суда, нагруженныя хлѣбомъ, спокойно отправились въ Пустозерскъ; что имъ отъ такой затѣи Скрябина чинятся большіе убытки, такъ какъ они уплатили подрядчику за ладьи всю подрядную сумму 810 р. полностію, а теперь приходится еще нанимать подводы для доставки Голицыныхъ въ Пустозерскъ. По докладѣ этой челобитной въ приказѣ Розыскныхъ дѣлъ состоялся приговоръ:

«200 г. (1691) ноября въ 17 день великіе государи, цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, сей выписки слушавъ, указали послать свою, великихъ государей, грамоту въ Кевролу и на Мезень къ воеводѣ—велѣть князь Василью и князь Алексѣю Голицынымъ до весны быть на Мезени, а въ приставѣхъ у нихъ попрежнему до своего, великихъ государей, указу быть Павлу Скрябину; а весною водянымъ путемъ ихъ князь Василья и князь Алексѣя, съ женами ихъ и съ дѣтьми и съ людьми везти въ Пустоозерской острогъ тѣмъ же подрядчикомъ. А про Павла Скрябина розыскать, для чего онъ съ ними, князь Васильемъ и князь Алексѣемъ, водянымъ путемъ до Пустоозерскаго острогу не шелъ и къ Мезени съ дороги воротился; также и въ Кевролу къ воеводѣ къ Ивану Хрущову о другихъ подводахъ писалъ, а прежнихъ лодейныхъ подрядчиковъ отпустилъ, и съ лодейныхъ подрядчиковъ неималъ ли какихъ взятковъ; и лодьи, которыя отпущены съ Двины съ хлѣбными запасами въ Пустоозерской острогъ, пошли ль, или гдѣ у пристанѣхъ остановились, и буде остановились, за погодою ль, или за зимнимъ временемъ, и въ тѣхъ числѣхъ, въ которыхъ онъ, Павелъ, присталъ въ Мезени, водянымъ путемъ ходятъ ли, и будетъ ходятъ, и его, Павла, и капитановъ и провожатыхъ стрѣльцовъ допросить по евангельской заповѣди, для чего онъ, Павелъ, съ князь Васильемъ и съ князь Алексѣемъ Голицыными въ Пустоозерской острогъ водянымъ путемъ не шелъ, — да что о томъ по розыску явится, и Павелъ и капитаны и стрѣльцы въ допросѣ скажутъ, о томъ писать, и розыскъ и допросныя рѣчи за руками прислать въ приказъ розыскныхъ дѣлъ».

Согласно приговора, сообщеннаго въ грамотѣ, мезенскій воевода Мина Хомутовъ въ приказной избѣ производилъ сыскъ мезенцами всякими людьми, по какой причинѣ Скрябинъ вошелъ въ р. Двину,

а не поѣхалъ въ Пустозерскъ. Скрябинъ въ свое оправданіе ссылался на то, что ему выгоднѣе было бы отвезти Голицыныхъ въ Пустозерскъ, чѣмъ оставаться зимовать въ Мезени, такъ какъ изъ Пустозерска ему обѣщанъ отпускъ въ Москву [1]). Неизвѣстно, чѣмъ окончилось дѣло по обвиненію мезенцами и двинцами Скрябина въ безпричинной остановкѣ въ Мезени; но 7 апрѣля 1692 года приставомъ къ Голицынымъ, вмѣсто Скрябина, назначенъ архангельскій стрѣлецкій голова Иванъ Ивановъ сынъ Неѣловъ.

Князья Голицыны, воспользовавшись временнымъ пребываніемъ въ Мезени, 20 февраля 1692 года, черезъ пристава Скрябина послали еще челобитную въ приказъ Розыскныхъ дѣлъ. Эта челобитная имѣла рѣшающее значеніе для дальнѣйшей судьбы ссыльныхъ.

«Великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцемъ, бьютъ челомъ, бѣдные, и безпомощные, и изнищалые, и замученные отъ морскаго пути и отъ иныхъ холопи ваши, Васка да Алешка Голицыны и съ малыми дѣтишками. По вашему, великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцевъ, указу велѣно намъ быть на Мезени до весны, а весною везти въ Пустоозеро; и мы, холопи ваши бѣдные, у васъ, великихъ государей, милости просимъ, призрите на насъ, сирыхъ и замученныхъ, пребывающихъ во гнѣвѣ вашемъ государскомъ два годы и шесть мѣсяцевъ, не велите насъ посылать въ Пустоозеро,

---

[1]) Къ сказкѣ своей Скрябинъ «приложилъ роспись судамъ, лодьямъ и кочамъ, которыя на морѣ разбило и по разнымъ мѣстамъ заметало въ іюлѣ, августѣ и осенью:

«Важенина Ильи Павлова сына Юринскаго два коча погибло безвѣстно и съ людьми. Мезенца Семена Иныкова кочъ пропалъ безвѣстно съ людьми. Дениса Язжина кочъ закинуло въ Карское море. Ивана Фокина кочъ закинуло на Загубской берегъ. Матвѣя Машукова кочъ на Загубской берегъ въ Сухое море закинуло. Кевролъскихъ жителей: Филипа Поликарпова кочъ въ Карское море заметало. Ивана Кворкалова кочъ за Канинымъ носомъ разбило. Пинежскаго Волока жителей: Ѳедора Маслова лодью на Бурлавѣ берегу разбило. Филиппа Медвѣдева кочъ въ Карское море закинуло. Матвѣя Карнаухова кочъ за Каинымъ носомъ разбило. Поликарпа Ильина лодью на Тиманскомъ берегу разбило. Михаила Маслова лодью, которая шла изъ Пустозерскаго острога, за Канинъ носъ въ промой закинуло. Ивана Мошнина на Бурловой берегъ закинуло.

«Колмогорскихъ жителей: Петра Голоднаго кочъ на Новой Землѣ въ переднемъ концѣ разбило. Дороѳея Мельцова кочъ на Новой Землѣ въ переднемъ концѣ разбило. Евдокима Любкина кочъ на Новой Землѣ въ переднемъ концѣ разбило. Два коча на Бурловѣ берегу въ Варандеяхъ разбило. Черногорскаго монастыря въ Чесскую губу за Канинъ носъ закинуло лодью, что шла изъ Пустозерскаго острога. Ѳедора Маслова кочъ на Колговѣ островѣ разбило. Черногорскаго монастыря кочъ на Новой Землѣ въ переднемъ концѣ во льду разломало. Ивана Земскаго кочъ кинуло на Микулкинъ».

и не дайте намъ быть замученнымъ злою и мучительною смертью; ей, ей, не ложно милости у васъ, у великихъ государей, просимъ и съ бѣдными малыми нашими дѣтишками, которыя того мученія и поднять не могутъ: одному—семь, другому—три, третьему—годъ; да не только они, ей, и мы, и жены наши съ того мученія и по се время больны, и отъ начала вашихъ государевыхъ построенныхъ поморскихъ городовъ никого съ женами и съ малыми дѣтьми моремъ не важивали, и уже терпѣти мученія не можемъ, а ради бъ, что постигль бы конецъ смертный отъ такого злаго мученія. И паки, и паки, припадая до вашихъ пресвѣтлыхъ ногъ, милости просимъ самимъ Господомъ Богомъ и спасительными его страстми, близъ приходящими, и живоносным его воскресеніемъ, которою страстію и воскресеніемъ адъ разорилъ и всѣхъ изъ него мучительства разорилъ, также и Его Матерію, Пречистою Владычицею нашею Богородицею и Приснодѣвою Маріею, и московскими и кіевопечерскими чудотворцы и всѣми святыми излійте на насъ милость для своего государскаго многолѣтняго здоровья и для благовѣрныя государыни нашея и великія княжны Маріи Іоанновны и благовѣрныя государыни нашея царевны и великія княжны Ѳеодосіи Іоанновны и благовѣрныя же государыни нашея новорожденныя царевны и великія княжны Екатерины Іоанновны, дарованныя отъ вседержительныя Божія десницы, за предстательствомъ Владычицы нашея Богородицы, тебѣ, великому государю, царю и великому князю Іоанну Алексѣевичу, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи самодержцу,—велите насъ, холопей вашихъ, отъ таковаго мученія свободить и для такія всемірныя радости взять къ Москвѣ; и какъ преже сего просили милости у васъ, великихъ государей, истинною правдою и нашимъ мученіемъ отъ морскаго пути и инымъ многимъ, такъ и нынѣ у васъ, великихъ государей, милости просимъ же, на что и свидѣтельство явное вамъ, великимъ государемъ, приносимъ, что въ тѣхъ мѣсяцахъ въ прошломъ 199 году и въ нынѣшнемъ 200 году, а въ прошломъ въ іюлѣ и августѣ, какъ насъ мучило на морѣ, и послѣ всею осенью вашихъ, великихъ государей, городовъ, и селъ, и слободъ промышленныхъ людей разбило людей и кочей съ людьми 8, а 7 бросило въ дальнія мѣста, и которые люди спаслися отъ смерти, и тѣхъ вывозила самоѣдь, а три коча и со всѣми будучими людьми пропали безвѣстно, которыхъ было счетомъ 45 чел., и о томъ сказати всякой можетъ, что то совершенно учинилось. Да намъ же, холопемъ вашимъ, велѣно давать вашего, великихъ государей, жалованья на день по 13 алтынъ по 2 деньги,—и мы, холопи ваши, милости у васъ, великихъ государей, просимъ не только намъ, холопемъ вашимъ, того корму будетъ на нашу нужную потребу, но и на пищу не достанетъ, потому что хлѣбъ на Мезени купятъ дорогою цѣною и его не сѣютъ, а подымаются привознымъ; а рожь

купять больше 20 алтынъ, а крупъ и иныхъ запасовъ и добиться невозможно, также и мяса говяжьи купять дорогою же цѣною, а иныхъ мясъ нѣтъ никакихъ и купить добиться невозможно жъ, и помираемъ томною, и мучительною, и хладною смертью, и ради бъ просить именемъ божіимъ и вашимъ, государевымъ, и того негдѣ и не у кого; и повторяя, и стократно у васъ, великихъ государей, милости просимъ, подкладая главы наши подъ ваши пресвѣтлыя государскія ноги, — милосердые, великіе государи цари и великіе князья Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всеа Великія, и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцы, пожалуйте насъ, холопей своихъ, бѣдныхъ, и изнищалыхъ, и замученныхъ, призрите на насъ, милостивно и не велите насъ послать въ Пустоозеро и велите взять къ Москвѣ. Великіе государи, смилуйтеся»!

По этому челобитью въ приказѣ Розыскныхъ дѣлъ состоялся приговоръ:

«200 года апрѣля въ 1-й день великіе государи, цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцы, пожаловали князь Василья и сына его князь Алексѣя Голицыныхъ — не велѣли ихъ въ Пустоозерской острогъ посылать, а велѣли имъ до своего, великихъ государей, указу быть въ Кевролѣ и вѣдать ихъ кевродьскому и мезенскому воеводѣ, и свое, великихъ государей, жалованье давать попрежнему въ Кевролѣ и на Мезени изъ таможенныхъ и изъ кабацкихъ доходовъ; а Ивану Неѣлову съ Мезени ѣхать на Двину попрежнему, и о томъ въ Кевроль и на Мезень къ воеводѣ и къ Ивану Неѣлову послать свои, великихъ государей, грамоты».

Грамотами изъ приказа Розыскныхъ дѣлъ отъ 27-го апрѣля приставу Ивану Неѣлову велѣно возвратиться на Двину (въ Архангельскъ), а мезенскому воеводѣ — принять въ свое завѣдованіе Голицыныхъ, а когда онъ уѣдетъ въ Кевроль, въ пристава къ нимъ вызывать двинскаго стрѣлецкаго голову, съ возвращеніемъ же изъ Кевроля воеводы—голову отпускать на Двину. Бывшій при Голицыныхъ караулъ изъ 2-хъ капитановъ и 18 стрѣльцовъ замѣненъ «мезенскими всякими людьми», а капитаны отпущены въ Москву, стрѣльцы же въ свои города — Архангельскъ и Холмогоры. Относительно содержанія Голицынымъ на время пребыванія ихъ въ Мезени еще въ декабрѣ 1691 года, когда имъ до весны позволено было остаться на Мезени, въ приказѣ Розыскныхъ дѣлъ состоялся докладъ:

«Марта 7-го дня 199 года, по государеву указу велѣно князьямъ Голицынымъ съ женами, дѣтьми и людьми для пропитанія выдавать жалованья поденнаго корму по 13 алтынъ, по 2 деньги на день и давать въ Пустоозерскомъ острогѣ изъ тамошнихъ доходовъ; а нынѣ Голицынымъ до весны велѣно быть въ Мезени», и по докладу приговоръ: «200 года (1691 г.) декабря въ 9-й день, великіе государи,

цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, сей выписки слушавъ, пожаловали князя Василья и князя Алексѣя Голицыныхъ—велѣли кормовыя деньги на прошлые мѣсяцы выдать имъ марта съ 17-го числа 199 года, по прежнему своему, великихъ государей, указу, по 13 алтынъ по 2 деньги на день и впредь до тѣхъ мѣстъ, какъ ихъ повезутъ въ Пустоозерской острогъ; кормовыя деньги имъ давать на Мезени жъ изъ таможенныхъ и изъ кабацкихъ доходовъ, и о томъ на Мезень къ воеводѣ послать свою, великихъ государей, грамоту изъ приказу Большія Казны».

Какъ видно изъ челобитной Голицыныхъ, назначеннаго имъ «жалованья» было весьма недостаточно на прожитіе; но имъ дозволялось принимать пособіе отъ родственниковъ. Такъ, въ мартѣ 1693 года, въ приказѣ Розыскныхъ дѣлъ, вслѣдствіе челобитья боярыни Стрешневой, состоялся приговоръ: «201 года, марта въ 18-й день, великіе государи, цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцы, указали по челобитью боярина Ивана Ѳедоровича Стрешнева жены его боярыни вдовы Настасьи Ивановны послать ей на Мезень къ зятю ея, ко князю Василью, и къ сыну его, ко князю Алексѣю, Голицынымъ для пропитанія на покупку хлѣбныхъ и всякихъ запасовъ денегъ и мелкія рухляди, что она къ нему послать похочетъ; а сколько денегъ и что чего мелкія рухляди послать похочетъ, о томъ взять у нея въ Розрядѣ роспись и съ той росписи на Мезень къ стольнику и воеводѣ къ Минѣ Хомутову послать подъ ихъ, великихъ государей, грамотой списокъ и ту посылку, запечатавъ, послать съ Москвы съ мезенскимъ приставомъ, который съ Мезени присланъ въ Розрядъ съ отписками».

«Роспись посылокъ, что посылаю князь Василью Васильевичу.

«Денегъ восемьдесятъ рублевъ.

«Два киндяка.

«Три холстины.

«Три крашенины.

«Четыре сорочки мужскихъ съ порты да маленькихъ четыре жъ сорочки.

«Два подубрусника, десять полотенецъ.

«Два моточка нитокъ.

«Дѣтямъ двои сапоги съ чулками да шолку всякаго.

«Китайка черная.

«Два полотна.

«Сорочка женская съ подубрусникомъ.

«Дѣтиной кафтанъ.

«Два кокошника.

«Двои ножницы».

Посылка была послана изъ приказа Розыскныхъ дѣлъ при грамотѣ въ Мезень воеводѣ для выдачи Голицынымъ, которые и по-

лучили ее, какъ видно изъ отписки о томъ мезенскаго воеводы М. Хомутова въ приказъ Розыскныхъ дѣлъ, 8-го апрѣля того же года.

Находясь въ Мезени, Голицыны не переставали подавать челобитныя о возвращеніи ихъ въ Москву; такова челобитная ихъ отъ 16 іюня 1692 года, переданная въ приказъ Розыскныхъ дѣлъ мезенскимъ воеводою Миною Хомутовымъ; такова челобитная, переданная имъ же 2 февраля 1693 года. Узнавъ о намѣреніи Петра посѣтить сѣверъ, побывать у соловецкихъ чудотворцевъ, Голицыны изготовили челобитную, чтобы вручить ее Петру въ руки здѣсь, на сѣверѣ, но и эта челобитная 8-го августа того же 1693 года, мезенскимъ воеводою, согласно даннаго ему наказа—всѣ письма и челобитныя Голицыныхъ, принимая отъ нихъ, отсылать въ приказъ Розыскныхъ дѣлъ,—переслана была въ Москву. Это послѣдняя по времени изъ сохранившихся челобитенъ Голицыныхъ изъ Мезени:

«Великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцемъ, бьютъ челомъ холопи ваши, бѣдные и замученные въ заключеніи на Мезени, Васка и Алешка Голицыны и съ малыми страждущими дѣтишками нашими. По вашему, великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцевъ, указу во гнѣвѣ вашемъ государскомъ пребываемъ бѣдные и изнищалые всѣми потребы нѣсколько уже лѣтъ, и о томъ вамъ, великимъ государемъ, какъ самимъ Господемъ Богомъ, такъ и Матеріею его, Пресвятою Владычицею нашею Богородицею и Приснодѣвою Маріею, и московскими и кіевопечерскими чудотворцы и всѣми святыми молили и милости у васъ, премилосердыхъ великихъ государей, просили о своемъ свобожденіи и зломъ страданіи нашемъ и изнищаніи всѣхъ потребъ, дабы ваше, великихъ государей, премилосердое сердце изліяло бъ надъ нами милость; также и вашими государевыми тезоименитствы и вашими жъ государевыми радостьми великихъ государей вашими дѣтьми, какъ государи нашими благовѣрными царевичи и благовѣрными жъ государыни царевны, чѣмъ всегда отъ начала государствованія вашихъ государевыхъ предковъ, такъ и отца вашего, великихъ государей, благовѣрнаго великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, и брата вашего великаго государя, царя и великаго князя Өедора Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца; какъ наша братья, такъ и всѣ вся такими радостьми всякихъ бѣдъ избавлялися и еще мы, бѣдные, того милостиваго свобожденія по се время не получили и еле живы обрѣтаемся въ томъ вашемъ государевѣ гнѣвѣ; и нынѣ припадаемъ ко пресвѣтлымъ вашимъ, великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцевъ, ногамъ и просимъ тѣмъ же царемъ премило-

стивымъ Господомъ Богомъ и его Матерію, пресвятою Владычицею нашею Богородицею и Приснодѣвою Маріею и ко умоленію какъ московскими, такъ и кіевопечерскими чудотворцы и всѣми святыми и тѣми жъ вашими государскими радостьми, яко солнцемъ сіяющимъ, благовѣрнымъ государемъ нашимъ царевичемъ и великимъ княземъ Алексѣемъ Петровичемъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцемъ, и благовѣрными государыни нашими царевны и великими княжнами, умилосердитеся надъ нами, бѣдными и безпомощными, и замученными, и изнищалыми холопи вашими, велите насъ изъ заключенія свободить и взять къ Москвѣ. Притомъ еще просимъ у васъ, великихъ государей: вѣдомо во всей Поморской странѣ, что ты, великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ, изволилъ идти съ Москвы для моленія во обитель Зосимы и Савватія, соловецкихъ чудотворцевъ, и тѣми жъ, яко заступники и помощники, къ тебѣ, великому государю и великому князю Петру Алексѣевичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу, милосердія твоего государскаго мы просимъ, припадая и подкладая главы наша и малыхъ дѣтишекъ подъ твои государевы пресвѣтлыя ноги, облобызая и слезами обливая, — умились, умились надъ нами, сирыми и замученными сиротами ради своего государскаго здоровья къ моленію грядуща въ домъ Зосимы и Савватія, соловецкихъ чудотворцевъ, пощади насъ и излій милосердіе и милость, вели насъ свободить изъ заключенія съ Мезени и взять къ Москвѣ, или перевезть въ деревнишку нашу которую, дабы и мы не лишимся тѣмъ моленіемъ твоимъ государскимъ милости и свобожденія, якоже и прочіи получили и получаютъ отъ тебя, государя, аки отъ Бога; ей, неложно милости просимъ и терпѣти уже не можемъ и съ малыми нашими дѣтишкн, якобы не знающіи свѣта, — милосердые, великіе государи, цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, всеа Великія и Малыя н Бѣлыя Росіи самодержцы, пожалуйте насъ, холопей вашихъ, какъ вамъ, великимъ государемъ, объ насъ, бѣдныхъ, и сирыхъ и не имѣющихъ ниоткуда помощи, Господь Богъ вліетъ въ сердца ваши государскія милостивыя и милосердыя объ нашемъ свобожденіи изъ заключенія. Великіе государи, смилуйтеся надъ нами»!

На челобитныя Голицыныхъ отвѣта не было никакого. О дальнѣйшемъ пребываніи ихъ въ Мезени извѣстно лишь изъ грамоты изъ приказа Розыскныхъ дѣлъ на Двину ближнему стольнику воеводѣ Ѳедору Апраксину отъ 27 декабря 1693 года. Въ этой грамотѣ предписывалось ему послать съ Двины въ Мезень стрѣлецкаго голову въ пристава къ Голицынымъ на время отсутствія мезенскаго воеводы. Затѣмъ въ памяти изъ Новгородской чети въ приказъ Розыскныхъ дѣлъ отъ 15 февраля 1694 года было сообщено о назначеніи въ Мезень новаго воеводы, вмѣсто М. Хому-

това, князя Семена Юрьева сына Солнцева-Засѣкина для соотвѣтствующихъ распоряженій приказа относительно наблюденія за Голицыными. Наконецъ, мезенскій воевода, Мина Хомутовъ, въ отпискѣ отъ 27 февраля того же 1694 года въ приказъ Розыскныхъ дѣлъ сообщаетъ объ отсылкѣ при отпискѣ въ приказъ челобитной Голицыныхъ (имѣется начало этой челобитной).

Долго ли Голицыны пробыли въ Мезени, и по какому поводу они были переведены изъ Мезени въ Пустозерскъ, — вопросы совершенно еще темные, требующіе для разъясненія дальнѣйшей разработки архивныхъ матеріаловъ.

А. Востоковъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Д. Цвѣтаевъ. Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. М. 1886.

Въ XVI и XVII вѣкахъ, вполнѣ сложилось и окрѣпло Московское государство, выразившее всѣ политическія и культурныя особенности создавшаго его великорусскаго племени, преобладающаго и самаго сильнаго изъ всѣхъ отраслей русской народности. А потому изученіе судьбы западно-европейскихъ религіозныхъ исповѣданій въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII вѣковъ представляетъ существенный научный интересъ. Путемъ этого изученія мы лучше всего можемъ усмотрѣть, на сколько дѣйствительно великорусское племя до Петра Великаго чуждалось своихъ западно-европейскихъ сосѣдей, въ какой мѣрѣ оно отличалось религіозной исключительностью и нетерпимостью къ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ.

Южно-русскія и западно-русскія племена, составившія отдѣльныя княжества: Кіевское, Новгородъ-Сѣверское, Галицко-Волынское и Полоцкое, а равно и сѣверо-западное русское племя—Новгородское, развивая и охраняя начала православія,—не выражали религіознаго антагонизма къ своимъ западнымъ сосѣдямъ, римскимъ католикамъ. Они боролись съ ними только какъ съ политическими врагами. Такими врагами были нѣмцы (ливонскіе рыцари) въ Новгородѣ, Псковѣ и Полотскѣ, венгры—въ Галичѣ. Подтвержденіе тому можно найдти въ свидѣтельствахъ мѣстныхъ лѣтописей названныхъ областей, а однимъ изъ доказательствъ служатъ, между прочимъ, брачные союзы, заключавшіеся между членами русскихъ княжескихъ домовъ съ западно-европейскими владѣтельными домами втеченіе XI, XII и даже XIII вѣка. Только тогда, когда поляки стали употреблять римско-католическое исповѣданіе, какъ политическое орудіе, направленное противъ русской народности, населеніе нашихъ южныхъ и западныхъ земель возстало

противъ «папежской вѣры» и противъ ея проводниковъ поляковъ. Въ этомъ смыслѣ противникомъ римскаго католичества явилось и Московское государство. Поляки въ XVI и XVII вѣкѣ были его политическими врагами, и оно весьма естественно отождествляло ихъ національность съ «папежской вѣрой», усердными адептами и пропагандистами которой были поляки постоянно, втеченіе всей своей исторіи. Стремленіе римскихъ первосвященниковъ подчинить Московское государство престолу св. Петра являлось вопросомъ политическимъ, а не вѣроисповѣднымъ, и этому стремленію, исполнительнымъ орудіемъ котораго были поляки, всѣми силами противодѣйствовало Московское правительство XVI и XVII вѣка и совершенно сознательно враждовало съ Римомъ и съ поляками. Но вовсе не враждебны были отношенія Московскаго государства XVI и XVII вѣка къ другимъ иноземцамъ, въ особенности къ протестантамъ.

Итальянцы, французы, нѣмцы, какъ католики, такъ и лютеране, и англичане всегда находили въ царяхъ московскихъ и въ окружающихъ ихъ боярахъ радушный пріемъ. Съ XVI вѣка передовые люди въ Московскомъ государствѣ стремятся къ сближенію съ Западной Европой, сознаютъ необходимость путешествія въ ея земли. Достаточно припомнить разговоры съ англичаниномъ Горсеемъ Іоанна Грознаго, намѣреніе его убѣжать въ Англію отъ своихъ крамольныхъ бояръ, посылку царемъ Борисомъ за границу молодыхъ дворянъ. Призывъ разныхъ мастеровыхъ и техниковъ «изъ-за моря» начинается съ Іоанна III и особенно усиливается послѣ смутнаго времени, когда московское правительство сознало необходимость внутреннихъ государственныхъ преобразованій, преимущественно въ дѣлѣ военномъ. Отзывы многихъ западно-европейцевъ разныхъ національностей о жителяхъ Московскаго государства, начиная съ XVII вѣка, вовсе не враждебны, а, наоборотъ, доброжелательны, и по отношенію къ отдѣльнымъ замѣчательнымъ личностямъ иногда отличаются даже увлеченіемъ. Таковы, напр., отзывы французовъ Маржерета и Невиля и нѣмца Мейербера. Маржеретъ считаетъ Московское государство «твердымъ оплотомъ христіанству», Невиль съ восторгомъ говоритъ объ умѣ и образованности «великаго» Голицына, замѣчательнаго русскаго политическаго дѣятеля конца XVII вѣка, Мейерберъ характеризуетъ въ самыхъ симпатичныхъ чертахъ Ордина-Нащокина, одного изъ предшественниковъ Петра Великаго по пути государственныхъ реформъ. Если мы припомнимъ съ другой стороны отзывы просвѣщенныхъ великоруссовъ XVI—XVII вѣка о западно-европейцахъ, то придемъ къ несомнѣнному заключенію, что исповѣднаго антагонизма между православными и римскими католиками и лютеранами въ культурныхъ слояхъ московскаго общества XVI и XVII вѣка не было. Извѣстно, какъ внимательно относились къ западно-европейцамъ Ординъ-Нащокинъ, Матвѣевъ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ. А вотъ какъ отзывается о ливонскомъ ландмаршалѣ Филиппѣ Белѣ князь Курбскій, взявшій этого нѣмецкаго рыцаря въ плѣнъ во время войны царя Іоанна Грознаго съ Ливоніей. «Бѣ мужъ, яко рассмотрихомъ его добрѣ, не токмо мужественный и храбрый,— говоритъ Курбскій,—но и словества полонъ (т. е. былъ краснорѣчивъ) и остръ разумъ и добру память имущъ». Затѣмъ Курбскій передаетъ разсказъ Беля о водвореніи меченосцевъ въ Ливоніи и о дальнѣйшей судьбѣ ордена, заявляя при томъ, что всѣ отвѣты его русскимъ воеводамъ были «разумомъ растворенные», и что воеводы, не смотря на то, что Бель былъ плѣнникъ, относились

къ нему почтительно, «яко достоило свѣтлаго рода мужу», и любили проводить съ нимъ время въ пирахъ и бесѣдахъ. (Сказ. кн. Курбскаго, 3-е изд., 1868 г., стр. 63—64 и слѣд.).

При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ особо силенъ былъ приливъ въ Московское государство эмигрантовъ изъ Шотландіи. Въ то время разыгрывалась въ Великобританскомъ королевствѣ кровавая междоусобная распря, выражавшаяся въ двойной борьбѣ — религіозной и политической, протестантства съ католицизмомъ, народа съ королевской династіей Стюартовъ и окончившейся, какъ извѣстно, революціей 1688 года, низложившей Стюартовъ: современная намъ Англія ведетъ съ той поры начало своихъ свободныхъ конституціонныхъ учрежденій. Люди разныхъ политическихъ партій, разныхъ религіозныхъ исповѣданій эмигрировали во время этихъ распрей изъ Шотландіи въ отдаленныя страны, въ томъ числѣ и въ Московское государство. Сюда пріѣхали: потомокъ старинной шотландской королевской династіи Брюсъ, непримиримые католики Гордонъ и Гамильтонъ и многіе другіе рядовые шотландцы, въ числѣ которыхъ находился, между прочимъ, предокъ поэта Лермонтова—Юрій Лермантъ. Эта эмиграція изъ Шотландіи въ Московское государство въ XVII вѣкѣ недостаточно изучена, а подробное ея изслѣдованіе внесло бы любопытныя данныя въ русскую культурную исторію.

Книга Д. В. Цвѣтаева составилась изъ отдѣльныхъ монографій, печатавшихся втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ журналахъ, главнымъ образомъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и распадается на двѣ части: первая разсматриваетъ судьбу въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII вѣка протестантовъ, вторая—римскихъ католиковъ.

Г. Цвѣтаевъ всего болѣе останавливается на положеніи въ Московскомъ государствѣ представителей протестантскихъ исповѣданій. Считая протестантовъ менѣе римскихъ католиковъ склонными къ религіозной пропагандѣ, московское правительство предоставляло имъ (протестантамъ) болѣе правъ и льготъ. Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ XVI вѣка, является въ Москвѣ первый лютеранскій пасторъ Тиманъ Бракель, а въ 70-хъ годахъ основывается тамъ первая лютеранская кирка. Шагъ за шагомъ слѣдитъ г. Цвѣтаевъ за всѣми подробностями въ жизни лютеранскихъ и реформатскихъ вѣроисповѣдныхъ общинъ втеченіе XVI и XVII вѣка, какъ въ самой Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ Московскаго государства—въ Нижнемъ Новгородѣ, въ Архангельскѣ и въ Тулѣ, на желѣзныхъ заводахъ Марселиса и Акема, сообщая новые факты изъ исторіи этихъ общинъ, извлеченные имъ изъ архивныхъ документовъ, и поправляя на основаніи этихъ новыхъ данныхъ ошибки, въ которыя впали прежніе изслѣдователи, не имѣвшіе подъ руками точныхъ, документальныхъ свидѣтельствъ. Г. Цвѣтаевъ подробно излагаетъ исторію построенія лютеранскихъ и реформатскихъ кирокъ и основанія при нихъ школъ, излагаетъ біографіи и характеристики пасторовъ, останавливается на мѣрахъ правительства относительно протестантскихъ общинъ, на причинахъ выселенія въ Москву протестантовъ изъ разныхъ мѣстностей Западной Европы, на дипломатическихъ переговорахъ о нихъ между московскимъ правительствомъ и иноземными государствами; приводитъ бытовыя черты изъ жизни общинъ, цифровыя данныя о количествѣ членовъ общинъ и т. д. Однимъ словомъ г. Цвѣтаевъ представляетъ въ своей книгѣ богатѣйшій фактическій матеріалъ для исторіи иностран-

цевъ-протестантовъ въ Московскомъ государствѣ въ XVI и XVII вѣкахъ, всего того, что до разсматриваемой книги едва было извѣстно въ общихъ чертахъ и на основаніи далеко не достовѣрныхъ данныхъ.

Размышляя о положеніи у насъ протестантовъ въ XVI и XVII вѣкѣ, нельзя не остановиться на сравненіи тогдашняго ихъ положенія въ Западной Европѣ. Въ Московскомъ государствѣ протестанты пользуются вѣроисповѣдною свободою, строятъ себѣ церкви, открываютъ при нихъ школы въ то самое время, когда Западная Европа, подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма какъ римскихъ католиковъ, такъ и протестантовъ, обагряется кровью тѣхъ и другихъ. Припомнимъ, что XVI-й вѣкъ знаменуется въ Западной Европѣ учрежденіемъ испанской инквизиціи и ордена іезуитовъ, религіозными войнами во Франціи съ страшной Варѳоломеевской ночью во главѣ и религіозными изувѣрствами англійскаго короля Генриха VIII; а XVIII вѣкъ въ Западной Европѣ почти весь проходитъ въ кровавыхъ религіозныхъ распряхъ между католиками и протестантами, и Тридцатилѣтняя война, англійскія религіозныя войны и драгонады Людовика XIV являются печальными слѣдствіями взаимной религіозной нетерпимости римскихъ католиковъ и протестантовъ. Это различіе въ судьбѣ протестантовъ XVI и XVII вѣка на Западѣ и у насъ есть знаменательный фактъ въ русской исторіи, на который нельзя не обратить вниманія.

Иностранцы, исповѣдовавшіе римское католичество, далеко не пользовались въ Московскомъ государствѣ такой свободой вѣроисповѣданія, какъ протестанты. Это зависѣло вовсе не отъ отсутствія вѣротерпимости у Московскихъ государей и у великорусскаго народа, а отъ того, что римское католичество было орудіемъ въ рукахъ политическихъ враговъ царства Московскаго — поляковъ, и московскіе правители XVI и XVII вѣка очень хорошо это сознавали. Вотъ, напримѣръ, какъ умно и многознаменательно отвѣчало извѣстному Поссевину правительство Іоанна Грознаго: «Римлянамъ, венеціанамъ и Цесарской области торговымъ людямъ въ Московское государство пріѣзжать и торговать повольно и попамъ съ ними ихъ вѣры ѣздить воля безо всякаго возбраненія, только имъ ученія своего русскимъ людямъ не плодить и костеловъ имъ въ государствѣ Московскомъ не ставить; каждый въ своей вѣрѣ да пребываетъ, и грамотой утверждать то не для чего: въ Московскомъ государствѣ много разныхъ вѣръ, и мы ни у кого воли не отнимаемъ, живутъ, кто какъ хочетъ, но церквей по сіе время не ставливали; а что до лютеранъ, то въ Россійскомъ государствѣ всякихъ вѣръ люди многіе живутъ, и своимъ обыкновеніемъ и къ русскимъ людямъ не пристаютъ; а хотя бы кто и хотѣлъ пристати, того тому чинить не попускаютъ»... «Каждый своей вѣрѣ ревнитель и всякому естественно свою вѣру похвалять»... заключаетъ этотъ оффиціальный отвѣтъ папскому легату. (Цвѣтаевъ, стр. 290—291). Приведенныя выдержки изъ отвѣта Поссевину ясно показываютъ воззрѣнія Московскаго правительства XVI вѣка на иновѣрныя исповѣданія и политическій характеръ римскаго католичества на Руси. Въ XVII вѣкѣ, въ безгосударное время, московскіе бояре, выбирая царемъ польскаго королевича Владислава, и присягнувшіе ему жители Московскаго государства ставили неизбѣжнымъ условіемъ его воцаренія — принятіе имъ православія. И это отнюдь не было выраженіемъ религіозной нетерпимости, а весьма естественнымъ убѣжденіемъ, что царь русскій долженъ быть одной вѣры съ своимъ народомъ, что онъ не можетъ быть «папежникомъ», и что,

принявъ православіе, онъ перестанетъ быть полякомъ. Послѣ Смутнаго времени, въ которое такъ насолили русскимъ людямъ поляки, былъ запрещенъ доступъ въ Московское государство даже частнымъ лицамъ католикамъ. Отцы-іезуиты, проникавшіе туда тайно, ссылались, какъ преступники; только при царевнѣ Софьѣ, ведшей дружбу съ вѣнскимъ дворомъ, удалось проникнуть въ Москву нѣсколькимъ іезуитамъ. Окончательно построить римско-католическій костелъ въ Москвѣ, не смотря на близость къ царю Ѳеодору Алексѣевичу и въ особенности къ Петру Великому извѣстнаго шотландца католика Патрика Гордона, удалось лишь въ первой четверти XVIII вѣка.

Исторію построенія въ Москвѣ католическаго Петропавловскаго костела и разсказываетъ г. Цвѣтаевъ, сосредоточивая около этой исторіи всѣ отношенія наши къ римскимъ католикамъ за XVI и XVII столѣтія. Къ исторіи построенія костела приложены г. Цвѣтаевымъ любопытные документы, извлеченные имъ изъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

Д. В. Цвѣтаевъ защитилъ уже съ заслуженнымъ успѣхомъ свою любопытную книгу на магистра и пріобрѣлъ ученую степень. Пожелаемъ ему отъ души новыхъ успѣховъ на избранномъ имъ поприщѣ и дальнѣйшихъ плодотворныхъ изслѣдованій по вопросу объ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи, вопросу столь важному въ культурной исторіи Россіи.

Д. Корсаковъ.

Очеркъ исторіи чешской литературы. Составилъ А. Степовичъ. Съ фотографическимъ снимкомъ краледворской рукописи. Изданіе кіевскаго славянскаго Общества. Кіевъ. 1886.

Не смотря на всѣ наши симпатіи къ славянству, мы почти совсѣмъ не имѣемъ книгъ для знакомства съ нимъ. У насъ нѣтъ грамматикъ славянскихъ нарѣчій даже самыхъ элементарныхъ; число нашихъ трудовъ по исторіи и литературѣ славянскихъ племенъ незначительно. Въ виду этого нельзя не привѣтствовать вышеназванной книги, изданной кіевскимъ славянскимъ Обществомъ и имѣющей въ виду распространеніе въ образованномъ кругу свѣдѣній о славянахъ общедоступнымъ путемъ. Она содержитъ въ себѣ довольно обстоятельный, на 300 слишкомъ страницахъ, обзоръ чешской литературы какъ древней, такъ и новой, даже новѣйшей, намъ современной, такъ что читатель можетъ черезъ нее познакомиться съ нынѣшнимъ состояніемъ чешской литературы и узнать не только имена и названія произведеній чешскихъ дѣятелей въ области поэзіи и науки, но и содержаніе наиболѣе выдающихся литературныхъ произведеній, иногда онъ можетъ даже прочесть отрывки этихъ послѣднихъ. Авторъ добросовѣстно изучилъ литературу предмета и воспользовался изслѣдованіями чешскихъ ученыхъ; въ нѣкоторыхъ частяхъ своего труда (главнымъ образомъ въ обзорѣ современной литературы) онъ совершенно самостоятеленъ. Его изложеніе отличается легкостью и ясностью, такъ что оставляетъ желать мало лучшаго.

Конечно, трудъ г. Степовича не лишенъ недостатковъ. Вотъ главные. Авторъ имѣетъ достаточно ясное понятіе о томъ спорѣ, предметомъ котораго служитъ вопросъ о подлинности зеленогорской и краледворской рукописей и который возгорѣлся вновь съ новою силою въ началѣ текущаго года. По

его собственному сознанію, противники подлинности обладають «массою трудносокрушимыхъ доказательствъ своего мнѣнія», но, тѣмъ не менѣе, онъ не только говоритъ о спорныхъ памятникахъ какъ о подлинныхъ, удѣляя имъ цѣлый отдѣлъ въ «древней порѣ», но даже характеризируетъ періоды въ исторіи старой чешской литературы и оцѣниваетъ ихъ не иначе, какъ по отношенію къ этимъ произведеніямъ. Вслѣдствіе этого XIV вѣкъ изображенъ у автора временемъ «полнѣйшаго упадка чешской поэзіи» (стр. 35), хотя онъ не знаетъ ни одного несомнѣнно подлиннаго чешскаго сочиненія времени до XIV вѣка и въ самомъ XIV вѣкѣ указываетъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ литературныхъ трудовъ. Общій взглядъ г. Степовича на XIV вѣкъ, какъ на эпоху «безплоднаго риемоплетства и риторизма», находится въ противорѣчіи со сдѣланными имъ характеристиками Александреиды («превосходный образецъ романтической школы поэзіи», стр. 32), такъ называемой Далимиловой хроники («несправедливо считать ее плохой въ поэтическомъ отношеніи» стр. 38), Ткадлечка («замѣчательное произведеніе»), Новой Рады, Спора воды съ виномъ, Мастичкаря. По нашему мнѣнію, авторъ не оцѣнилъ бы XIV вѣка столь несправедливо и не впалъ бы въ противорѣчіе съ самимъ собою, если бы сдѣлалъ съ зеленогорскимъ и краледворскимъ памятниками то, чего они заслуживаютъ, т. е. помѣстилъ бы ихъ, какъ еще спорные, въ отдѣльномъ приложеніи. Начавъ исторію чешской литературы съ XIV вѣка, онъ отдалъ бы должное этому вѣку процвѣтанія чешской поэзіи.

Другой недостатокъ труда г. Степовича маловаженъ, но чувствителенъ для нашей публики. Авторъ дѣлаетъ указанія литературы предмета и говоритъ объ изданіяхъ памятниковъ и изслѣдованіяхъ чешскихъ ученыхъ; всякій ожидаетъ найдти у него также подробное перечисленіе русскихъ переводовъ и статей, тѣмъ болѣе, что и тѣхъ и другихъ очень немного. Но таковаго не оказывается; авторъ, напримѣръ, упоминаетъ о русскомъ переводѣ только одного разсказа Божены Нѣмцовой — «Бабушка», между тѣмъ какъ у насъ былъ переведенъ (въ «Русскомъ Вѣстникѣ») цѣлый рядъ разсказовъ и повѣстей этой писательницы: «Въ Шумавскихъ горахъ», «Въ замкѣ и возлѣ замка», «Добрый человѣкъ», «Горная идиллія»; авторъ совсѣмъ не упоминаетъ о сочиненіи Штура «Славянство и міръ будущаго», переведенномъ В. И. Ламанскимъ, о русскихъ трудахъ о Гусѣ, о трудѣ г. Снегирева объ отрывкахъ чешской Александреиды, о біографическомъ очеркѣ Ригра, напечатанномъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» (переводъ изъ «Научнаго словаря»), и т. п.

Третій главный недостатокъ, также не важный, но дающій себя чувствовать читателю,—недостаточность объясненій при цитатахъ. Приводя выдержки изъ чешскихъ авторовъ и печатая ихъ почешски, русскими буквами, г. Степовичъ старается сдѣлать ихъ удобопонятными для читателя, не знающаго чешскаго языка; для этого онъ переводитъ одни слова и выраженія, подправляетъ на русскій ладъ другія. Не смотря на это, кое-что въ его цитатахъ остается малопонятнымъ (напримѣръ, въ отрывкѣ Александреиды, стр. 34).

Сверхъ этого, можно упомянуть еще о нѣсколькихъ мелочахъ. Авторъ, говоря о пражскихъ глаголическихъ отрывкахъ, не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній объ отрывкахъ кіевскихъ; онъ не находитъ нужнымъ изложить содержаніе замѣчательной легенды о св. Прокопѣ и любопытныхъ сатиръ на ремесленниковъ, удѣляетъ сравнительно мало мѣста Шафарику, Палацкому и

вообще дѣятелямъ эпохи возрожденія, не шутя считаетъ кирилловскую часть Реймскаго евангелія написанною самимъ св. Прокопомъ, относитъ оригинальные рыцарскіе романы о Штильфридѣ и Брунцвикѣ къ числу книгъ для народа. При всемъ этомъ книга г. Степовича, общедоступная по цѣнѣ (1 руб. 50 коп.), заслуживаетъ вниманія со стороны лицъ, интересующихся славянствомъ; люди, начинающіе заниматься славяновѣдѣніемъ, найдутъ въ ней для себя не безполезное руководство.

А. Соболевскій.

Г. П. Данилевскій. Мировичъ. Историческій романъ. Спб. 1886.

Всѣмъ извѣстно, что русская исторія, начиная съ эпохи Петра Великаго, полна неожиданными переворотами, изумительными перипетіями въ судьбѣ правящихъ лицъ, дворцовыми катастрофами, увлекающими воображеніе романиста и интересъ мыслителя. Но не менѣе извѣстно, что не только къ романическому, но и къ строго-историческому изображенію этихъ событій встрѣчается немало препятствій и независящихъ обстоятельствъ. Г. Данилевскій, въ примѣчаніяхъ къ своему роману «Мировичъ», говоритъ, что это произведеніе, названное сначала «Царственный узникъ», написано еще въ 1875 году, но издать его авторъ получилъ возможность только черезъ четыре года послѣ его окончанія. Онъ самъ замѣтилъ, что многое въ романѣ надо измѣнить, сократить длинноты, передѣлать языкъ дѣйствующихъ лицъ, развить многое, едва намѣченное, но «особыя обстоятельства, при которыхъ романъ печатался въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» и вслѣдъ затѣмъ безъ перемѣнъ и въ настоящемъ изданіи, не дали средствъ исполнить необходимыя передѣлки. Это откровенное объясненіе автора, указывая на независящія обстоятельства, не измѣнившіяся и втеченіе десяти лѣтъ, обнаруживаетъ и главные недостатки романа, въ которомъ много лишняго и въ то же время многаго не достаетъ, такъ какъ «мѣста, увлекавшія заманчивой стороной, остались безъ должной обработки». Критикѣ остается, конечно, пожалѣть объ этомъ, но въ то же время увѣрить читателя, что, не смотря на всѣ эти длинноты, на неполноту и даже неясность нѣкоторыхъ сценъ, онъ не оторвется отъ книги въ 630 страницъ, до того интересенъ эпизодъ, взятый авторомъ изъ царствованія Екатерины II, полнаго романтическими эпизодами. Къ исторической сторонѣ разсказа г. Данилевскій отнесся вполнѣ добросовѣстно и не передаетъ ни одного факта, который не могъ бы подтвердить документами и источниками. Такъ вопреки мнѣніямъ профессора Брикнера, отвергавшаго свиданіе Петра III съ Іоанномъ VI въ Шлиссельбургѣ, и историка С. М. Соловьева, допускавшаго это свиданіе въ Петербургѣ, г. Данилевскій нашелъ въ архивахъ точное обозначеніе года, когда низвергнутый императоръ привезенъ въ крѣпость (1756), и день свиданія въ Шлиссельбургѣ— 18 марта 1762 года. Также исторически вѣрны и другіе факты, приведенные авторомъ: участіе Потемкина, Державина и Новикова въ екатерининскомъ переворотѣ, Ломоносова—въ судьбѣ царственнаго узника и пр. Самъ герой романа Мировичъ представленъ въ настоящемъ, нисколько не прикрашенномъ видѣ: пустымъ, завистливымъ, мало образованнымъ, самолюбивымъ искателемъ карьеры, армейскимъ авантюристомъ. Нѣкоторые эпизоды разсказа требовали бы болѣе точныхъ фактическихъ основаній, какъ, напримѣръ, прибытіе на

мѣсто казни Мировича съ указомъ о помилованіи фельдъегеря, опоздавшаго на пять минутъ, потому что часы не свѣрили. Но при передачѣ подобныхъ анекдотовъ авторъ можетъ, конечно, дать просторъ своему воображенію, лишь бы только разсказываемый случай не противорѣчилъ характеристикѣ дѣйствующихъ въ немъ лицъ. Въ разсказѣ о событіяхъ, сопровождавшихъ воцареніе Екатерины и занимающихъ бо̀льшую часть романа, авторъ больше вѣренъ исторической правдѣ, чѣмъ графъ Саліасъ въ романѣ «Петербургское дѣйство», относящемся къ той же эпохѣ (мы въ свое время отдали объ немъ отчетъ). Вообще г. Данилевскій и въ «Мировичѣ», какъ и въ другихъ своихъ произведеніяхъ, является такимъ же добросовѣстнымъ изслѣдователемъ исторіи, какъ и занимательнымъ, талантливымъ романистомъ.

В. З.

Исторія христіанскаго просвѣщенія въ его отношеніяхъ къ древней греко-римской образованности. Владиміра Плотникова. Періодъ первый, отъ начала христіанства до Константина Великаго. Казань. 1885.

Своему труду объ исторіи христіанскаго просвѣщенія г. Плотниковъ предпосылаетъ главу объ отношеніяхъ іудейства къ античной образованности. Евреи соприкоснулись впервые съ классическимъ міромъ при Александрѣ Македонскомъ, но послѣ этого они еще очень долго сохраняли свою обособленность. Особенно враждебно относились къ грекамъ евреи палестинскіе, и вліяніе на нихъ греческаго образованія было самое незначительное, раввины прямо объявляли греческую мудрость нечестіемъ; въ іерусалимскомъ талмудѣ говорится, что дѣтей «можно учить греческой мудрости только въ такой часъ, который не принадлежитъ ни ко дню, ни къ ночи». Совершенно иначе относились къ классической цивилизаціи евреи александрійскіе, они подчинились ея вліянію. Находя въ греческомъ образованіи хорошія стороны и считая его полезнымъ для раскрытія своего религіознаго ученія, они старались его себѣ усвоить. Произошло преобразованіе самого богословія іудейскаго: еврейскіе писатели усвоили себѣ научные и литературные пріемы, выработанные язычниками, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ составъ еврейской теософіи вошли нѣкоторыя доктрины греческихъ философовъ, переработанныя подъ вліяніемъ своихъ еврейскихъ началъ. При посредствѣ александрійскихъ евреевъ греческое вліяніе стало сильнѣе проникать въ Палестину, гдѣ являются видные его представители въ лицѣ извѣстнаго историка Іосифа Флавія и учителя апостола Павла, Гамаліила, въ школѣ котораго 500 мальчиковъ изучали эллинскую мудрость, но всеже палестинскіе евреи продолжали чуждаться грековъ, и въ отношеніяхъ еврейства къ античному міру оставались два разныя направленія: одно враждебное, другое съ характеромъ примирительнымъ. Эти два направленія проявились и во взглядахъ христіанъ первыхъ вѣковъ. Первые послѣдователи Христа, происходившіе, большею частію, изъ палестинскихъ евреевъ, отрицали классицизмъ, находили ненужною внѣшнюю, свѣтскую мудрость, хотя и въ самыя первыя времена можно замѣтить слѣды греческаго вліянія, такъ, напримѣръ, можно положительно утверждать, что его испытали евангелистъ Лука и апостолъ Павелъ. Какъ новая религія, отрицающая всѣ древнія вѣрованія, христіан-

ство было встрѣчено язычниками крайне враждебно: противъ него ополчилось правительство, видя въ немъ опасное соціально-политическое ученіе, противъ него возстали и философы, объявившіе послѣдователей его безумцами, невѣждами, берущимися разрѣшать великіе міровые вопросы, надъ которыми тщетно трудились величайшіе мыслители Греціи. Христіанамъ пришлось защищаться литературнымъ путемъ, явилось два рода апологій: однѣ, обращенныя къ правительству, такъ сказать, судебныя защиты, другія—научныя опроверженія взводимыхъ философами на христіанъ нареканій. Изъ апологетовъ — ученыхъ первый по времени Іустинъ Философъ, его сочиненія безспорно представляютъ собою лучшіе памятники этого рода изъ перваго періода христіанства по содержанію и по тону. Гораздо ниже апологіи Татіана, Эрмія, Өеофила Антіохійскаго: Татіанъ называетъ религію грековъ сумасшествіемъ, философію — глупостью, литературу—изобрѣтеніемъ діавола; Өеофилъ утверждаетъ, что Зенонъ, Діогенъ и Клеанѳъ проповѣдовали антропофагію, а стоики и Эпикуръ считали позволительными кровосмѣшенія и педерастію. Высшаго развитія апологетическая литература достигаетъ въ трудахъ Климента Александрійскаго и Оригена. Изъ западныхъ апологетовъ особенно замѣчательны Минуцій Феликсъ, Тертулліанъ, Арнобій, Лактанцій. Изложимъ сущность нападокъ христіанскихъ апологетовъ на языческій міръ. Прежде всего удары должны были направиться на боговъ: апологеты разъясняли абсурдность понятій о богахъ рождающихъ и рожденныхъ. «Почему, — спрашивали они иронически, — если Гера нѣкогда рождала, она теперь болѣе не дѣлается беременною? Можетъ быть, она стала слишкомъ старой, или только некому извѣстить васъ, если бы она родила? Если боги продолжаютъ рождать, то все должно было бы наконецъ наполниться богами, такъ какъ они безсмертны». Указывалось также на безнравственность боговъ. Послѣ религіи нужно было дѣйствовать противъ философіи, христіане доказывали, что философы не дали и не могутъ дать удовлетворительнаго разрѣшенія вопросовъ о происхожденіи міра, о душѣ, о цѣляхъ человѣческой дѣятельности; особеннымъ нападеніямъ со стороны христіанъ подвергалась зачастую весьма порочная жизнь философовъ. Въ борьбѣ съ языческой философіей христіанамъ пришлось основательно ее изучать, и они стали въ ней рядомъ съ худымъ замѣчать много хорошаго. Отсюда является примирительное направленіе въ ихъ отношеніяхъ къ классическому міру. Какъ объяснить присутствіе истины въ произведеніяхъ языческихъ философовъ? Одни полагали, что она явилась вслѣдствіе присущаго всѣмъ людямъ естественнаго инстинкта; другіе думали, что философы находились иногда подъ воздѣйствіемъ Божія Промысла, сообщавшаго имъ высшее разумѣніе; иные утверждали, что частица истины, встрѣчающаяся у философовъ, внушена имъ діаволомъ, нарочно смѣшавшимъ ее съ ложью, чтобы легче обольщать людей; наконецъ, нѣкоторые видѣли тутъ своего рода плагіатъ или простое заимствованіе изъ священнаго писанія; ученіе о заимствованіи держалось очень долго, даже въ XIX в. за него стояли Канне, Гугъ, Зиклеръ, Гладишъ, Филаретъ, митрополитъ московскій, профессоръ Скворцовъ, но серьёзной критики эта доктрина не можетъ выдержать. Примирительное и враждебное направленія сказались также въ отношеніяхъ христіанъ къ наукѣ и искусству: ярымъ противникомъ наукъ и искусства выступилъ Тертулліанъ, защитниками ихъ были Климентъ Александрійскій и Оригенъ, доказывавшіе, что въ нихъ не только нѣтъ ничего грѣховнаго,

но что онѣ даже полезны для разъясненія богооткровенной истины. Изученіе свѣтской мудрости было признано полезнымъ, какъ орудіе борьбы съ врагами христіанства, но возникалъ вопросъ, можно ли преподавать христіанамъ эту мудрость? Преподавать науку дѣтямъ оказывалось невозможнымъ, такъ какъ наука проникнута языческимъ духомъ; христіанинъ не долженъ быть риторомъ или преподавателемъ низшей школы. Поэтому приходилось посылать дѣтей въ риторскія школы язычниковъ, причемъ они предварительно должны были получать хорошее домашнее воспитаніе въ христіанскомъ духѣ. Но признавалась за то необходимость высшей школы. Эти высшія школы были двухъ родовъ: однѣ, которыя г. Плотниковъ называетъ философскими, устроивались частными преподавателями, не были подчинены юрисдикціи епископовъ, и преподаваніе въ нихъ носило болѣе философскій характеръ; другія, по терминологіи г. Плотникова, богословскія, были подчинены епископамъ, и преподаваніе основывалось въ нихъ преимущественно на почвѣ Священнаго Писанія. Такихъ высшихъ школъ было довольно много: были онѣ въ Малой Азіи, въ Аѳинахъ, въ Римѣ, въ сѣверной Африкѣ, въ Александріи. Особенную знаменитость стяжала себѣ александрійская школа; на ея исторіи г. Плотниковъ останавливается довольно долго и подробно разсматриваетъ дѣятельность ея двухъ знаменитыхъ учителей Климента Александрійскаго и Оригена. Въ этихъ-то школахъ получила начало и широкое развитіе христіанская богословская наука. Согласно двумъ направленіямъ во взглядѣ на классическую образованность и философію, въ богословской наукѣ возникаютъ двѣ школы. Одни церковные учители старались уяснять содержаніе христіанскаго ученія, какъ религіи, всецѣло данной въ священномъ писаніи и преданіи; при этомъ философская рефлексія считалась ненужной и даже вредной, такъ какъ она вела къ ересямъ. Другіе стремились представить христіанскія идеи въ научной формѣ, раскрывая ихъ глубочайшую сущность и внутреннюю связь; при этомъ помощь философіи и вообще разума считалась полезною и необходимою. Первымъ направленіемъ отличались школы малоазійскія и сѣверо-африканская, вторымъ—александрійская. Такова сущность изслѣдованія г. Плотникова. Въ дополненіи къ своей книгѣ онъ разбираетъ нѣкоторыя мнѣнія ученыхъ объ отношеніяхъ учителей церкви къ античному міру и помѣщаетъ указатель цитатъ христіанскихъ писателей изъ сочиненій Платона, составленный датскимъ ученымъ Клаузеномъ.

А. В.

Систематическій каталогъ дѣламъ департамента таможенныхъ сборовъ, составилъ начальникъ архива этого департамента, Н. Кайдановъ. Спб. 1886.

Трудами и настойчивостью покойнаго Н. В. Калачева достигнуты у насъ не только сохраненіе многихъ архивовъ правительственныхъ и другихъ мѣстъ, но и постепенное приведеніе ихъ въ осмысленный порядокъ. Для полноты этой полезной мѣры необходимо изданіе систематическихъ каталоговъ устроенныхъ такимъ образомъ архивовъ. Нѣкоторые изъ архивовъ уже имѣютъ подобные каталоги. Поводомъ къ изданію каталога дѣлъ департамента таможенныхъ сборовъ послужило, по словамъ г. Кайданова, скопленіе ихъ послѣ

преобразованія департамента внѣшней торговли, послѣдовавшаго въ 1864 году, причемъ онъ былъ переименованъ въ департаментъ таможенныхъ сборовъ. При этомъ преобразованіи, почти одновременно, утверждены были высшею властью правила о порядкѣ храненія и уничтоженія рѣшенныхъ дѣлъ по министерству финансовъ и его учрежденіямъ. На основаніи этихъ правилъ дѣла, оконченныя производствомъ и сданныя въ архивъ, раздѣлены были на три разряда: 1) дѣла, подлежащія всегдашнему храненію; 2) дѣла, назначенныя къ временному храненію, и 3) дѣла, которыя, по совершенномъ окончаніи производствомъ, могутъ быть немедленно уничтожены. Нынѣ изданный систематическій каталогъ департамента содержитъ въ себѣ списокъ только дѣлъ, подлежащихъ всегдашнему храненію, которыя впродолженіе двадцати лѣтъ скопились въ значительномъ количествѣ. Эти дѣла г. Кайдановымъ сгруппированы въ одиннадцать отдѣловъ, а именно: дѣла по части учредительной и законодательной; объ устройствѣ таможенной части въ Россійской имперіи; дѣла о пограничной стражѣ; дѣла о торговлѣ Россіи по европейской границѣ: о торговлѣ Россіи по азіатской границѣ; дѣла о контрабандномъ промыслѣ; дѣла по строительной части; дѣла по хозяйственной части; дѣла о безпошлинномъ пропускѣ разныхъ предметовъ, привозимыхъ для разныхъ обществъ, вѣдомствъ и лицъ; дѣла по счетной части и, наконецъ, въ послѣдній раздѣлъ отнесены журналы входящимъ и исходящимъ бумагамъ; вѣдомости, описи и алфавиты дѣламъ; циркуляры, указы, печатные экземпляры сборовъ внѣшней торговли Россіи и разныя другія книги и брошюры.

Г. Кайдановъ, разумѣется, помѣстилъ въ систематическій каталогъ дѣла, не имъ назначенныя ко всегдашнему храненію, т. е. воспользовался только сданнымъ въ архивъ. Но самая разборка дѣлъ бывшаго департамента внѣшней торговли, кажется, исполнена была поспѣшно, или съ недолжнымъ вниманіемъ къ данному порученію, если только часть этихъ прежнихъ дѣлъ не попала въ архивы другихъ учрежденій министерства финансовъ. Напримѣръ, «настольные реестры» сохранены съ 1810 года (по второму столу перваго отдѣленія департамента), циркуляры по таможенному вѣдомству съ 1812 года, указы правительствующаго сената съ 1766 года, а «таможенные тарифы» сохранены только за 1850 годъ и за 1857 годъ, въ одномъ экземплярѣ каждый. Тарифовъ таможенныхъ прежнихъ лѣтъ вовсе не находится въ архивѣ департамента таможенныхъ сборовъ! Отдѣлъ торговли Россіи по европейской границѣ начинается дѣлами только съ 1847 года, но по отдѣлу клейменія товаровъ сохранены дѣла съ 1837 года. По торговлѣ на Кяхтѣ имѣются дѣла только съ 1845 года [1]), по торговлѣ съ западнымъ Китаемъ съ 1850 года, по торговлѣ чаемъ только съ 1845 года, по торговлѣ по западносибирской линіи съ 1841 года, по оренбургской линіи съ 1842 года, по торговлѣ на Кавказѣ съ 1843 года, по торговлѣ въ Астрахани съ 1846 года, по торговлѣ Камчатки и съ Японіею съ 1841 года. Неужели до сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія по торговлѣ съ Европою и Азіею не оказалось въ департаментѣ внѣшней торговли ни одного на столько любопытнаго или важнаго дѣла, чтобы его не стоило сохранить въ архивѣ? Или, повторяемъ, эти дѣла попали въ архивы другихъ учрежденій министерства финансовъ, но тогда

[1]) Но дѣло о постройкѣ въ Кяхтинской торговой слободѣ каменнаго гостинаго двора сохранено съ 1832 года, а о трещинахъ въ этомъ дворѣ съ 1846 года.

слѣдовало бы г. Кайданову оговорить въ предисловіи къ своему труду, какой порядокъ храненія дѣлъ, относящихся до внѣшней торговли Россіи.

Но за то въ архивѣ департамента таможенныхъ сборовъ сохранено, вѣроятно, весьма «важное» дѣло, отъ 1-го сентября 1822 года, на 210 листахъ, «О дозволеніи розыграть въ лоттерею вещи, подписанныя въ 1822 году чиновниками с.-петербургской таможни», или, напримѣръ, дѣло 27-го декабря 1835 года, къ счастію, на одномъ листѣ, «О дозволеніи директору департамента внѣшней торговли носить мундиръ пограничной стражи», а также кстати, дѣло 30-го сентября 1856 года «По отношенію директора канцеляріи министра финансовъ касательно текущихъ дѣлъ, по коимъ исходящія по департаменту бумаги могли быть отправляемы за подписью товарища министра». По этимъ тремъ примѣрамъ, можно, кажется, вывести заключеніе, что разборомъ дѣлъ бывшаго департамента внѣшней торговли, двадцать лѣтъ тому назадъ, заняты были исключительно чиновники-бюрократы, безъ всякой исторической научной подкладки, для которыхъ дѣла канцелярскія важнѣе были имѣвшихъ значеніе для исторіи нашей внѣшней торговли, которая подлежала до 1864 года исключительно вѣдѣнію департамента внѣшней торговли. Наша догадка подтверждается еще тою особенностью разбираемаго нами систематическаго каталога, что въ исчисленіи «проектовъ и предположеній о мѣрахъ къ развитію торговли и улучшенію финансоваго состоянія Россіи», упомянуты только семь дѣлъ, сданныхъ ко всегдашнему храненію, изъ которыхъ два (мнѣніе по проекту устава общества столичнаго освѣщенія и относительно упраздненія магистратовъ и ратушъ) никакого отношенія къ развитію торговли и улучшенію финансоваго состоянія Россіи не имѣютъ.

Въ «Систематическомъ каталогѣ» г. Кайданова есть также своего рода курьёзъ. На стр. 8 и 9 перечислены 18 дѣлъ (съ № 54 по № 71), съ обозначеніемъ, когда каждое было начато и окончено и сколько въ каждомъ листовъ, но названія и содержанія этихъ дѣлъ не приведены. Такимъ образомъ эти «таинственныя» 18 дѣлъ внесены въ каталогъ подъ заглавіемъ «бумагъ, принятыхъ къ свѣдѣнію и содержащихъ въ себѣ разныя постановленія и распоряженія». Такъ какъ эти бумаги включены во второй отдѣлъ, куда отнесены дѣла о порядкѣ дѣлопроизводства, то, вѣроятно, въ означенныхъ 18 дѣлахъ не было никакихъ важныхъ политическихъ или государственныхъ секретовъ (съ 1845 по 1873 годъ), чтобы не было возможности упомянуть о ихъ содержаніи. Этотъ курьёзъ въ изданіи каталога архива также напоминаетъ собою бюрократическій, а не научный пріемъ.

Въ раздѣлѣ девятомъ каталога г. Кайданова (дѣла о безпошлинномъ пропускѣ разныхъ предметовъ, привозимыхъ для разныхъ обществъ, вѣдомствъ и лицъ) перечислены 227 дѣлъ (съ № 1,025 по 1,252), оставленныхъ для потомства, тогда какъ во всемъ архивѣ департамента таможенныхъ сборовъ хранятся навсегда только пока 1,485 дѣлъ. Дѣла о безпошлинномъ пропускѣ интересны въ томъ отношеніи, что всѣ кто только могъ, вѣдомства и лица, просили объ освобожденіи отъ уплаты пошлинъ за всевозможныя вещи, привезенныя изъ-за границы. Въ Россіи еще донынѣ многіе (даже образованныя лица) не считаютъ преступленіемъ или проступкомъ не платить таможенныхъ пошлинъ и стараются изловчиться при провозѣ контрабанды, хотя бы на ничтожную сумму. При такомъ общемъ настроеніи, не мудрено, что контрабандный промыселъ процвѣтаетъ на границахъ Россіи. Особенно оказывается много дѣлъ о безпошлинномъ пропускѣ чугуна, желѣза и издѣлій изъ нихъ въ

пятидесятыхъ годахъ. Должно быть, очень «важно» дѣло (№ 1,040), начатое 17-го января 1872 года и оконченное только 17-го марта 1873 года «о пропускѣ квашеной капусты для 109 Волынскаго и 110 Камскаго полковъ, назначенныхъ для подкрѣпленія пограничной стражи въ Юрбургскомъ таможенномъ округѣ», потому что оно назначено къ всегдашнему храненію.

Г. Кайдановъ сдѣлалъ свое дѣло хорошо: составилъ систематическій каталогъ дѣлъ департамента таможенныхъ сборовъ, но разбиравшіе архивъ департамента внѣшней торговли, не понимая цѣлей архивной науки, не выполнили выпавшей на ихъ долю задачи.

У.

О послѣднихъ раскопкахъ на римскомъ форумѣ. Профессора Д. Н. Нагуевскаго. Казань. 1886.

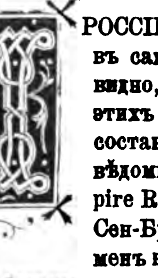
Съ тѣхъ поръ, какъ вѣчный городъ сдѣлался столицею не только папства, но и всей Италіи, римская администрація музеевъ и раскопокъ сдѣлала втеченіе пятнадцати лѣтъ столько открытій, важныхъ для археологіи и исторіи, сколько ихъ не было произведено въ пятнадцать вѣковъ господства папъ въ Римѣ. Извѣстный археологъ Фіорелли, завѣдующій итальянскими раскопками, началъ работы прямо съ центра, гдѣ сосредоточивалась общественная жизнь древняго Рима, съ форума, и въ послѣдніе три года открылъ цѣлый кварталъ города, знаменитую въ исторіи Священную улицу, по которой проходили религіозныя процесіи къ храму Юпитера въ Капитоліи и направлялись колесницы тріумфаторовъ. На этой улицѣ отрыты: храмъ Ромула, мѣсто отдохновенія (exedra), сборное мѣсто коллегій (schola), галерея торговцевъ жемчугомъ (porticus margaritaria). Но еще важнѣе открытія на Палатинскомъ холмѣ, первоначальномъ центрѣ римскаго культа, прежде чѣмъ Тарквиній перенесъ его въ Капитолій. Здѣсь найдены храмъ и жилище весталокъ, также опредѣлено мѣсто, гдѣ былъ царскій дворецъ (regia). Г. Нагуевскій подробно описываетъ эти находки и опредѣляетъ ихъ историческое и археологическое значеніе. Такъ онъ разъясняетъ роль весталокъ, но прибавляетъ, однако, замѣчаніе Буассье, французскаго изслѣдователя древняго Рима, что «затворничество римскихъ дѣвственницъ далеко не отличалось неприступностью: черезъ низкія окна (выходившія на Палатинскій холмъ въ Новую улицу) соблазнитель легко могъ пробраться въ недоступную съ виду обитель». Чтобы понять, съ какимъ трудомъ производятся всѣ эти раскопки (доказавшія, между прочимъ, что римляне жили въ очень узкихъ улицахъ и не заботились о ширинѣ площадей), стоитъ вспомнить, что пожаръ при Неронѣ истребилъ двѣ трети города, а не менѣе страшный пожаръ при Коммодѣ весь Палатинскій холмъ. Раскопки подтвердили также, что дворцы цезарей не только не отдѣлялись стѣнами и рвами, какъ жилища восточныхъ деспотовъ, но стояли въ ряду частныхъ зданій и соприкасались съ ними. Брошюра г. Нагуевскаго была первоначально напечатана въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» нынѣшняго года.

В—ъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Книги о Россіи. — Переводъ «Тысячи душъ» — Французская исторія русской литературы. — Французы въ Россіи. — Воспоминанія о Тургеневѣ. — Исторія древней культуры. — Наполеонъ какъ полководецъ. — Борьба болгаръ за соединеніе. — Французская революція въ оцѣнкѣ англичанина. — Индійскіе цыгане. — Экспедиція шотландцевъ въ Норвегію. — Ульфила и готская церковь. — Организаторъ побѣды. — Исторія древняго востока. — Фаворитка Карла II. — Записки вводителя посланниковъ.

РОССИИ гораздо больше книгъ выходитъ во Франціи, чѣмъ въ самой Россіи. Со стороны настоящее положеніе дѣлъ видно, конечно, лучше, но настоящаго-то дѣла нѣтъ въ этихъ книгахъ, принадлежащихъ къ разряду памфлетовъ, составляемыхъ или нашими эмигрантами, или никому невѣдомыми писателями въ родѣ Комбъ де-Лестрадъ (L'empire Russe en 1885), де-Нугъ (La Russie depuis un siècle), Сен-Брисъ (Iwan ou la retraite de Russie—романъ изъ временъ нашествія Наполеона); иногда подобныя книги являются безъименными, какъ «La crise morale en Russie», «Les russes peints par eux mêmes», или подъ псевдонимами, какъ сочиненія Стенняка, о которомъ намъ приходилось уже упоминать: «La Russie souterraine», «La Russie sous les tsars». Только лица, порвавшія навсегда связи съ отечествомъ, рѣшаются выставлять свое имя подъ такими сочиненіями, какъ «Paroles d'un revolté par P. Kropotkin» или «La Russie publique et sociale par L. Tihomirov», въ которой авторъ видитъ въ интеллигенціи спасителей отечества — въ грядущихъ испытаніяхъ. Отъ такихъ книгъ гораздо пріятнѣе перейдти къ переводамъ нашихъ писателей, или критическимъ очеркамъ ихъ произведеній. Такъ недавно вышелъ недурной переводъ романа Писемскаго «Тысяча душъ» (Mille ames par A. Th. Pissemski, traduction de Victor Dereby). Французская критика увѣряетъ, что и теперь въ Россіи богатство частныхъ лицъ оцѣнивается числомъ душъ, какъ въ прежнее время, до освобожденія крестьянъ, цѣнилось числомъ «рабовъ». Но, кромѣ этого вздора, значеніе романа Писемскаго понято вѣрно и отдана должная справедливость его да-

рованію. Критика видитъ въ романѣ картину «глубокой деморализаціи русскихъ чиновниковъ, которые всѣ продажны; природный элементъ ихъ—самое наглое взяточничество». Не принимая на себя защиты нашего чиновничества, можемъ, однако, спросить: а многимъ ли лучше французское? Критикъ признаетъ за Писемскимъ гражданскую заслугу обличенія этой язвы администраціи, такъ какъ только самая широкая гласность даетъ возможность бороться съ этимъ общественнымъ порокомъ. Въ концѣ второй части романа помѣщенъ еще переводъ небольшой повѣсти «Виновата ли она?» (Est ce bien sa faute?), представляющей изображеніе «мало утонченныхъ русскихъ нравовъ».

Популяризаторъ во Франціи Тургенева, Льва Толстаго и Достоевскаго, Вогюэ издалъ исторію русской литературы подъ названіемъ «Русскій романъ» («Le roman russe). Онъ начинаетъ съ эпохи Александра I, хотя даетъ краткій очеркъ и первыхъ двухъ періодовъ этой литературы отъ ея начала до Павла I. Первый періодъ онъ считаетъ варварскимъ, хотя во время его и начались народныя преданія. Второй называетъ безплоднымъ и характеризуетъ его рабскимъ подражаніемъ западу. Мнѣніе это, конечно, слишкомъ одностороннее: труды Ломоносова, Фонвизина, Державина, Новикова, Радищева—вовсе не были безплодны и въ нихъ было далеко не одно подражаніе, а много и своего, вполнѣ самобытнаго и національнаго. Третій періодъ до сороковыхъ годовъ Вогюэ называетъ романтическимъ и только въ четвертомъ послѣднемъ періодѣ «народный геній созналъ себя въ реальномъ романѣ и намѣтилъ программу будущаго». Какъ истый французъ, Вогюэ видитъ въ русской литературѣ вѣковую подчиненность чужеземнымъ вліяніямъ, забывая, что вліяніе это испытывала и Франція, какъ всякая другая страна. Историческія судьбы Россіи, ея позднее вступленіе въ среду цивилизованныхъ державъ могли, конечно, вліять на развитіе въ ней умственныхъ и творческихъ силъ, но авторъ приписываетъ уже черезчуръ большое значеніе и климатическимъ условіямъ страны, говоря о ея безконечныхъ равнинахъ и пустыняхъ сѣвера. Ни тѣ, ни другія не могутъ имѣть преобладающаго вліянія на созданіе литературныхъ произведеній. Подробнѣе Вогюэ говоритъ о представителяхъ нашей литературы: Пушкинѣ, Гоголѣ, Тургеневѣ, Достоевскомъ и Толстомъ. Характеристики этихъ писателей встрѣчались въ прежнихъ статьяхъ французскаго критика, и намъ приходилось говорить объ нихъ. Только о Пушкинѣ этюдъ автора является въ первый разъ— и нельзя сказать, чтобъ былъ вполнѣ удовлетворителенъ. Называя Пушкина представителемъ русскаго романтизма, заимствованнаго изъ Германіи, Вогюэ говоритъ, однако, что Жуковскій первый привилъ на нашей почвѣ этотъ иноземный элементъ. Но во всемъ, что создалъ Пушкинъ, за немногими исключеніями, Вогюэ не признаетъ народнаго характера: «L'oeuvre de Pouchkine prise dans son ensemble ne nous rèvèle aucun caractère ethnique. Поэтъ двадцатыхъ годовъ смотритъ на природу и людей востока такими же глазами какъ Байронъ или Ламартинъ». Съ этимъ никакъ нельзя согласиться, хотя далѣе онъ мѣтко характеризуетъ «этого славянина, смотрящаго на міръ свѣтлымъ взглядомъ аѳинянина», чуждаго мистицизма и философскихъ сомнѣній, страдающаго отъ болѣзни вѣка, «общей всѣмъ передовымъ умамъ, а не отъ русской подавленности (écrasement russe), отъ мрачной картины народныхъ бѣдствій». Форму его произведеній Вогюэ ставитъ чрезвычайно высоко, изумляется сжатости, ясности его стиха, его тонкому вкусу. Всѣ эти

качества, по словамъ автора, не перешли къ его преемникамъ. Отрицая въ Пушкинѣ значеніе народнаго писателя, авторъ извиняется въ этомъ передъ славянофилами, называя поэта литературнымъ Петромъ Великимъ и говоря: «Если лестно быть сыномъ Рюрика, то еще болѣе лестно быть сыномъ Адама: если заслуга въ томъ, чтобы меня понимали только въ Москвѣ, то еще бо̀льшая заслуга — заставлять мыслить, плакать и улыбаться вездѣ, гдѣ живетъ человѣкъ»,—и Пушкинъ достигъ этого,—прибавляетъ авторъ. Въ современной русской литературѣ онъ видитъ преобладаніе реализма, хотя понимаетъ реализмъ довольно своеобразно, не признавая реалистами ни Бальзака, ни Стендаля, ни даже отчасти Зола. Русскій реализмъ явился прежде французскаго и глубже его по содержанію, такъ какъ отличительныя черты его—знаніе нуждъ народа и симпатія къ нему. Этой симпатіею и искренностью отличается современный русскій романъ и поэтому имѣетъ такой успѣхъ въ молодомъ поколѣніи. Вліяніе русской литературы, по мнѣнію Вогюэ, будетъ имѣть благодѣтельное вліяніе и на измельчавшую литературу Франціи.

— Профессоръ исторіи въ Безансонѣ, Пенго, издалъ интересную исторію сношеній двухъ странъ: «Французы въ Россіи и русскіе во Франціи» (Les français en Russie et les russes en France. L'ancien régime, l'émigration, l'invasion, par Leonce Pingaud). Это исторія философовъ, артистовъ, воиновъ, эмигрантовъ, переселявшихся въ Россію или на время посѣщавшихъ ее и вносившихъ въ нее идеи французской цивилизаціи, начиная съ Петра I. Болѣе всего подобныя лица являлись у насъ въ царствованіе Екатерины II и Александра I, и авторъ представляетъ характеристики Дидро, Вольтера, Ришелье, Ланжерона, Жозефа де Местра и др. Слабѣе всего въ книгѣ отдѣлъ о пребываніи русскихъ во Франціи, но сочиненіе вообще заслуживаетъ вниманія русскаго читателя и мы дадимъ подробное изъ него извлеченіе въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ нашего журнала.

— Профессоръ Фридлендеръ помѣстилъ въ «Deutsche Rundschau» свои «Воспоминанія о Тургеневѣ» (Erinnerungen an Turgenjew). Познакомились они въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, обмѣнялись потомъ нѣсколькими письмами и профессоръ былъ два раза въ гостяхъ у русскаго писателя въ 1869 и 1870 году въ Баденъ-Баденѣ. Оба раза, при посѣщеніи гостя, Тургеневъ былъ не совсѣмъ здоровъ: его мучила подагра; профессоръ утѣшалъ его тѣмъ, что подагру считаютъ здоровою болѣзнью. «Вы напоминаете мнѣ слова Пушкина,—отвѣчалъ Тургеневъ:—онъ былъ однажды въ очень скверномъ положеніи и одинъ изъ пріятелей утѣшалъ его тѣмъ, что несчастіе очень хорошая школа.—Но счастіе еще гораздо лучшій университетъ,—отвѣчалъ Пушкинъ». Въ «Воспоминаніяхъ о Тургеневѣ» и его письмахъ нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго. Фридлендеръ удивляется его знанію нѣмецкаго языка, разговору, блестящему умомъ, утверждаетъ, что въ повѣсти «Вешнія воды» Тургеневъ передаетъ происшествіе, случившееся съ нимъ самимъ, только безъ романической развязки. Писатель часто и старательно выправлялъ языкъ своихъ разсказовъ, не имѣлъ преувеличеннаго мнѣнія о своихъ заслугахъ и ужасно смѣялся, когда Бертольдъ Ауэрбахъ однажды сказалъ ему: «Да, это великое время, когда мы оба живемъ». Графа Льва Толстаго онъ ставилъ всегда выше себя, Пушкина называлъ первымъ поэтомъ всѣхъ вѣковъ; изъ французскихъ писателей болѣе другихъ любилъ Мериме и Флобера, но находилъ, что «Саламбо» грѣшитъ излишкомъ археологическихъ и мистическихъ деталей; древнихъ писателей не любилъ и никакъ не могъ понять, въ чемъ заключаются красоты одъ Пиндара; о нѣмецкихъ писателяхъ при со-

отечественникѣ ихъ не высказывалъ своего мнѣнія, но однажды только похвалилъ Юліана Шмидта; послѣ поэзіи любилъ больше всего музыку, но не Вагнера, а Шуберта, Шумана, Бетховена. Онъ по цѣлымъ часамъ слушалъ балады Шуберта, исполняемыя Полиною Віардо, но, можетъ быть, потому, что его больше увлекала исполнительница, чѣмъ композиторъ. Въ скульптурѣ онъ восхищался барельефами Пергама и радовался, что у грековъ, «этихъ аристократовъ человѣчества», былъ свой романтизмъ и реализмъ. Въ его рабочей комнатѣ въ Баденъ-Баденѣ висѣли два голландскіе пейзажа XVII вѣка и онъ не разъ мѣнялъ ихъ. Фридлендеръ увѣряетъ, что Тургеневъ любилъ нѣмцевъ и жилъ въ Германіи потому, что «только нѣмцу дано быть — просто человѣкомъ» (einfach Mensch zu sein). Зная сочиненія Тургенева, позволительно усомниться въ словахъ профессора, да и онъ самъ говоритъ потомъ, что въ Парижѣ настроеніе писателя могло измѣниться. Политическія тенденціи его были демократическія; съ глубокой ненавистью къ неправдѣ онъ соединялъ теплую любовь къ человѣчеству, ко всѣмъ униженнымъ и оскорбленнымъ; въ немъ не было ни духа партійности, ни крайнихъ убѣжденій; въ 1869 году онъ не вѣрилъ въ паденіе имперіи; въ семидесятыхъ годахъ не вѣрилъ въ развитіе соціализма. Изъ писемъ его, въ предпослѣднемъ отъ 26-го декабря 1878 года, онъ благодаритъ профессора за присылку портрета Полины Віардо 1843 года, въ послѣднемъ, отъ 11-го іюля 1882 года говорится: «Болѣзнь моя, хотя не опасная и не слишкомъ мучительная, принадлежитъ къ классу неизлечимыхъ медицинскими средствами. Хуже всего въ ней то, что пока она продолжается, нечего думать ни о путешествіи, ни о работѣ. Съ этимъ надо примириться».

— Вышелъ второй томъ пользующейся большимъ успѣхомъ въ Германіи «Всемірной исторіи культуры» (Allgemeine Culturgeschichte von J. J. Honegger). Томъ этомъ посвященъ культурѣ древняго міра, вѣка «объективности» и развитія формулъ мышленія, тогда какъ новыя времена авторъ называетъ вѣкомъ «субъективности и идеальнаго развитія». Конецъ древней культуры Гонеггеръ назначаетъ въ 388 году, когда культъ Юпитера былъ офиціально уничтоженъ въ Римѣ. Этотъ древній періодъ авторъ раздѣляетъ на исторію Востока и государствъ, лежащихъ по берегамъ Средиземнаго моря. Значеніе Египта опредѣляется его почвою. Міръ, по ученію египтянъ, произошелъ изъ нильскаго ила (у древнихъ скандинавовъ — изъ льда). Символомъ египетскаго духа былъ сфинксъ. Его убилъ грекъ, разрѣшивъ загадку, предметомъ которой былъ человѣкъ. Эта легенда также символъ побѣды свободнаго человѣческаго ума надъ стихійною силою. Китай олицетворяетъ механическую форму, прозаическій инстинктъ этого ума. Въ пантеизмѣ Китая какъ въ его государственномъ устройствѣ расплывается всякая индивидуальность. Противоположностью египетскому почитанію мертвыхъ, китайскому поклоненію тѣнямъ родителей, индійскому самоуничтоженію въ нирванѣ является религія персовъ съ ея борьбою за право жизни, за достиженіе въ ней возможнаго блага. Далѣе авторъ разбираетъ сущность вѣрованія іудеевъ, финикіянъ, кареагенянъ. Въ эллинизмѣ онъ видитъ связь, соединяющую культуру всей Европы. Греческое поклоненіе искусству, распространившееся на востокѣ, замѣнилось римскимъ поклоненіемъ силѣ практической дѣятельности, утвердившимъ этотъ культъ на западѣ и сѣверѣ. Общій выводъ изъ этого тома исторіи Гонеггера слѣдующій: «Всякое исключительно практическое направленіе (какъ, напримѣръ, нынѣшнее германское) ведетъ къ ма-

теріализму. Такова участь всякаго завоевателя, дѣйствующаго не съ цивилизаторскими цѣлями».

— Эту же мысль Гонеггера подтверждаетъ книга совершенно другого содержанія «Наполеонъ какъ полководецъ» (Napoleon als Feldherr), написанная графомъ Іоркомъ фон-Вартембургомъ. И этотъ герой, стремившійся быть сначала цивилизаторомъ Франціи, сдѣлался подъ конецъ римскимъ антиидеологомъ. Въ своей книгѣ авторъ доказываетъ справедливость словъ, которыя Наполеонъ сказалъ о самомъ себѣ: «я былъ самъ своимъ единственнымъ врагомъ», и разсказываетъ исторію его походовъ отъ Италіи до Ватерлоо, приводя выписки изъ его депешъ и корреспонденцій. Такъ называемой «военной опытности» Іоркъ не придаетъ никакой цѣны, также какъ и составу арміи: молодыя нестройныя французскія войска не разъ разбивали старые, дисциплинированные полки австрійцевъ. Но и промахи Наполеона замѣчательны не меньше его изумительныхъ маневровъ. Въ Россіи ему не помогли ни перемѣны фронта, ни маневры. Іоркъ прямо упрекаетъ его въ томъ, что подъ Бородинымъ онъ не ввелъ въ дѣло свою гвардію, какъ говорятъ, отъ того, что сильно страдалъ въ этотъ день диссентеріей. Походамъ 1813 и 1814 года авторъ отводитъ, какъ и другіе военные писатели, первое мѣсто въ стратегическомъ отношеніи, хотя операціи приходилось производить съ арміей изъ новобранцевъ. Походъ въ Россію лишилъ Наполеона всей его кавалеріи, пѣхота состояла изъ конскриптовъ, только артиллерія была въ хорошемъ состояніи и потому, слѣдуя выраженной имъ же самимъ аксіомѣ: чѣмъ слабѣе войско, тѣмъ оно больше нуждается въ артиллеріи, онъ успѣхъ всѣхъ своихъ сраженій основывалъ на артиллерійскомъ боѣ. Военные могутъ не согласиться со многими выводами Іорка, но книга его, тѣмъ не менѣе, такъ интересна, что ее прочтутъ и статскіе.

— А. Гунъ издалъ исторію «Борьбы болгаръ за свое національное единство» (Der Kampf der Bulgaren um ihre Nazionaleinheit). Двухнедѣльная война Сербіи съ Болгаріею (отъ 14-го по 28-е ноября 1885 года) положила, какъ извѣстно, твердое основаніе соединенію Болгаріи съ Восточной Румеліею. Останется ли управлять сѣверною и южною Болгаріей нынѣшній князь, или нѣтъ—это вопросъ второстепенный, но хочетъ или не хочетъ Европа, а болгаръ не разъединитъ уже теперь никакой новый берлинскій трактатъ. Любопытнѣе всего въ книгѣ Гуна главы о русской и австрійской политикѣ въ Болгаріи. Авторъ увѣряетъ, что страна слѣдуетъ теперь, по отношенію къ внѣшней политикѣ, указаніямъ изъ Вѣны, хотя презрительно отзывается объ австрійской дипломатіи. Но при необходимости выбора между двумя державами-покровительницами становится на сторону Австріи и утверждаетъ, что послѣдняя могла бы присоединить къ себѣ обѣ провинціи, если бы не несчастный выборъ ея консуловъ и генераловъ. Въ войнѣ онъ принимаетъ сторону сербовъ, какъ болѣе дисциплинированной націи, но они были побѣждены потому, что сражались только по приказанію своего короля, когда болгаре дрались за свою свободу и единство. Но Гунъ уже черезчуръ восторгается подвигами нѣмецкаго принца, отстаивавшаго болгарскую національность. Никакой національности онъ не отстаивалъ, ни въ какомъ сраженіи не участвовалъ, а только интриговалъ, обманывалъ, унижался передъ Турціей, подкупалъ льстецовъ, прославлявшихъ его небывалые подвиги, и заботился только о своей личной выгодѣ. Все это доказано фактами.

— Англійскій историкъ Морзъ Стефенсъ издалъ три тома «Исторіи французской революціи» (A history of the French Revolution). Это полная и довольно стройная картина событія, положившаго начало современнымъ идеямъ, хотя не вездѣ безпристрастная, мѣстами вдающаяся въ излишнія подробности, мѣстами передающая важные факты въ слишкомъ сжатомъ перечнѣ. Героемъ этого времени авторъ считаетъ Мирабо и посвящаетъ слишкомъ много вниманія его неудавшемуся плану: обуздать революцію, имъ же самимъ поднятую. Человѣкъ, хотя и даровитый, но запятнавшій конецъ своей жизни интригами, подкупомъ и обманами, поставленъ авторомъ на первый планъ. Страннымъ кажется также его историческій пріемъ: при появленіи на политической аренѣ какого нибудь лица, тотчасъ разсказывать подробно всю его прошедшую жизнь. Авторъ не желаетъ, впрочемъ, ни увлекать, ни поражать, какъ Карлейль, своимъ разсказомъ, а старается только сдѣлать его яснымъ и правдивымъ. Поэтому авторъ пользуется для своего труда огромнымъ матеріаломъ той эпохи, усиленная разработка котораго началась въ семидесятыхъ годахъ: двадцатью томами «Archives parlementaires», изданными французскимъ правительствомъ; журналами, исключительно посвященными этому времени: «Revue de la Révolution» и «Révolution française» и др., а не устарѣлыми сборниками Бюше и Ру или тенденціозными и партійными сочиненіями въ родѣ Тэна, Тьера, Ламартина. На англійскомъ языкѣ это едва ли не лучшая исторія эпохи, не смотря на всѣ ея недостатки.

— «Извѣстія о цыганахъ Индіи» (Accounts of the Gypsies of India by David Mac Rietchie) представляютъ новую, не разъ уже возобновлявшуюся попытку объяснить происхожденіе этого таинственнаго племени. Послѣ старой теоріи Грелльмана, доказывавшаго, что цыгане явились въ 1417 году въ Европѣ, выгнанные изъ Индіи Тамерланомъ, ученые приняли теорію Батальяра, утверждающаго, что цыгане перешли въ Европу еще въ доисторическія времена и перенесли въ нее искусство ковать желѣзо. Теперь остановились на мысли, что племя это происходитъ отъ цоттовъ, съ V вѣка составляющихъ главную массу населенія Синда и ²/₅ Пенджаба. Эта послѣдняя теорія, основанная на сходствѣ языка цыганъ и цоттовъ, проводится и въ книгѣ Мак-Ритчи, составленной по малоизвѣстному сочиненію голландскаго профессора Гейе (Bijdrage tot de Geschiedenis der Zigeuners, Amsterdam, 1875). Объ этомъ сходствѣ языковъ писалъ, впрочемъ, еще въ 1825 году лордъ Комбермеръ, взявшій приступомъ главный городъ цоттовъ Бгуртпуръ. Несомнѣнно, что цыгане являлись въ Европѣ и до XV столѣтія, какъ музыканты, жонглеры и т. п. Въ III вѣкѣ «эѳіопскій пѣвецъ», предсказавшій въ Британіи императору Северу его судьбу, былъ цыганъ или цоттъ. Цыганскій эпитетъ сундо́—почетный, знаменитый, явно происходитъ отъ индѣйскаго названія Синдъ.

— Англійскій генеральный консулъ въ Норвегіи передаетъ любопытный историческій эпизодъ въ книгѣ: «Исторія шотландской экспедиціи въ Норвегію въ 1612 году» (History of the Scottisch expedition to Norvay in 1612, by Thomas Michell). Изъ англичанъ мало кто знаетъ этотъ эпизодъ о разбитіи въ сраженіи при Крингеленѣ шотландцевъ, но въ Норвегіи онъ воспѣтъ въ баладахъ и описанъ въ повѣстяхъ. Густавъ-Адольфъ въ войнѣ съ датчанами обратился къ найму иностранныхъ солдатъ для усиленія своей арміи. Отрядъ въ 1,200 человѣкъ, навербованный въ Голландіи, высадился въ Трондіельмъ-фьордѣ, благополучно прошелъ черезъ Норвегію и соединился

въ Стокгольмѣ со шведами. Но не такова была участь отряда, набраннаго въ Англіи и Шотландіи. Іаковъ I запретилъ въ своемъ королевствѣ вербовку войска для шведовъ. Не смотря на это, два корабля съ 300 человѣкъ вышли тайкомъ изъ Донди и высадились 19-го августа въ Ромсдаленѣ, съ цѣлью пройдти въ Швецію. Норвегія въ это время была соединена съ Даніею и потому находилась въ войнѣ со Швеціею. Чтобы помѣшать шотландцамъ соединиться со шведами, 400 норвежскихъ крестьянъ устроили засаду въ Гудбрандсдальскихъ ущельяхъ, гдѣ должны были проходить шотландцы, и истребили ихъ, взявъ въ плѣнъ 134 человѣка. Но на другой же день всѣхъ ихъ разстрѣляли за исключеніемъ ихъ начальника, полковника Рамзая и 17 солдатъ, которыхъ отправили въ Данію. «Большее число плѣнныхъ было затруднительно кормить и отправлять»,—спокойно отвѣчали крестьяне на упреки въ ихъ жестокости къ побѣжденнымъ. Въ числѣ погибшихъ былъ и капитанъ Синклеръ, герой народной баллады «Sinclarvisen», убитый серебряною пуговицею, такъ какъ у норвежцевъ было очень мало пуль и они стрѣляли въ непріятеля осколками желѣза. Крестьяне потеряли всего 6 человѣкъ убитыми и 10 ранеными. Это пораженіе разсказывается въ народѣ въ сильно преувеличенномъ видѣ и въ память его въ Гудбрандсдаленѣ поставленъ монументъ. Мичелль возстановилъ историческое значеніе события.

— «Ульфила, апостолъ готовъ, вмѣстѣ съ извѣстіями о готской церкви и ея паденіи» (Ulfilas, Apostle of the Goths; together with an account of the Gothic churches and their decline, by Charles Scott). Свѣдѣнія объ основателѣ готской церкви, достаточно разработанныя нѣмцами, подробно разобраны въ этомъ англійскомъ сочиненіи, недостатокъ котораго состоитъ въ томъ, что авторъ ограничиваетъ свои изслѣдованія преимущественно церковными и теологическими предметами, мало касаясь исторіи готовъ. Онъ даже не хочетъ разбирать такого важнаго вопроса, какъ изобрѣтеніе епископомъ готской азбуки и ея отношеній къ греческому алфавиту и рунамъ, предоставляя этотъ вопросъ филологіи, тогда какъ онъ касается исторіи и біографіи Ульфилы. О переводѣ имъ библіи также сообщается немного свѣдѣній. Склонность готовъ къ аріанству авторъ объясняетъ такъ, что это видоизмѣненіе христіанства было ближе къ ихъ прежнимъ языческимъ понятіямъ. Біографія Ульфилы составлена по Бесселю, хотя Скоттъ отвергаетъ гипотезу Бесселя, что визиготы приняли христіанство при Фритигернѣ, перейдя черезъ Дунай въ Мезію, въ 380 году, тогда какъ императоръ Валентъ обусловилъ этотъ переходъ, совершившійся въ 376 году, предварительнымъ принятіемъ ученія Христа. Быстрое паденіе владычества готовъ въ Италіи авторъ приписываетъ ненависти, какую они внушали католикамъ своимъ ученіемъ. Встрѣчаются въ книгѣ и второстепенные промахи, въ родѣ того, что раздѣленіе готовъ на восточную и западную отрасли произошло на берегахъ Балтійскаго моря (этого же ошибочнаго мнѣнія держится и Гиббонъ), что императоръ Максиминъ былъ готскаго происхожденія, что Амалунги и Балтунги были королевскими династіями готовъ и т. п.

— Пико составилъ интересную біографію «Карно, организатора побѣды» (Carnot, l'organisateur de la victoire, 1792 — 1815). Труды этого даровитаго администратора, не разъ бывшаго военнымъ министромъ, дѣйствительно во многомъ содѣйствовали побѣдамъ французовъ надъ арміями всей Европы. Собрать въ одну картину все, что сдѣлалъ Карно для улучшенія военной организаціи во Франціи, было не легко, и авторъ блистательно испол-

нилъ тяжелую задачу, особенно любопытную по описанію тѣхъ препятствій, съ которыми приходилось бороться Карно для того, чтобы сформировать цѣлые корпуса изъ волонтеровъ и новобранцевъ, снабдить ихъ оружіемъ, военными припасами, провіантомъ и проч. Какъ ни удивительно, что все это добывалось часто съ самыми ничтожными средствами, но еще удивительнѣе, что человѣкъ, завѣдовавшій всѣмъ этимъ сложнымъ дѣломъ поставокъ и подрядовъ на миліоны, самъ не нажилъ втеченіе долгаго времени никакого обезпеченнаго состоянія.

— Классическій трудъ Масперо — «Древняя исторія народовъ востока». (Histoire ancienne des peuples de l'Orient) вышла четвертымъ изданіемъ. Извѣстный ученый, профессоръ египетскаго языка, археологъ, директоръ музея египетскихъ древностей, производящій въ настоящее время раскопки въ землѣ фараоновъ, при каждомъ новомъ изданіи совершенно переработываетъ свое сочиненіе, согласно съ послѣдними открытіями и розысканіями. Въ серьезномъ трудѣ своемъ онъ не допускаетъ никакихъ гипотезъ и, при изложеніи самыхъ неопровержимыхъ фактовъ, нерѣдко прибавляетъ: «Таковы въ настоящее время свѣдѣнія, добытыя по этому вопросу». Масперо относится, въ особенности съ строгою критикою къ извѣстіямъ о египетскихъ династіяхъ, хотя они подтверждаются документами, начертанными на камняхъ. О древнихъ вѣрованіяхъ онъ отзывается спокойно, указывая на ихъ источники, не заботясь о томъ, будутъ ли, напримѣръ, характеристики такихъ лицъ, какъ Давидъ и Соломонъ, тожественными съ еврейскими преданіями. Въ этомъ новомъ изданіи особенно подробно обработана религія древняго востока.

— Въ біографіи: «Луиза де Керуаль, герцогиня Портсмутская» (Louise de Keroualle, duchesse de Portsmouth), Формеронъ разсказываетъ не только жизнь этой бретонки, фаворитки Карла II англійскаго, но исторію дипломатическихъ сношеній Людовика XIV съ Англіей и французской политики въ борьбѣ съ англійскою. Въ этой борьбѣ Луиза де Керуаль была на сторонѣ своего отечества и отстаивала его интересы, хотя, конечно, не для него пожертвовала своею честью и репутаціею, сдѣлавшись изъ бѣдной фрейлины герцогини орлеанской любовницею короля. Нелегко Луизѣ было удержаться на этомъ посту, въ виду ожесточенныхъ атакъ разныхъ леди, добивавшихся того же мѣста и при непостоянствѣ Карла II, открыто расточавшаго свои августѣйшія ласки даже такой акробаткѣ, какъ Нелли Гвинъ. Попытки овладѣть сердцемъ вѣтреннаго монарха, кромѣ англичанокъ: герцогини Клевеландъ, миссъ Фразеръ, дочери извѣстнаго медика, и мистрисъ Эллiотъ производили и соотечественницы Луизы, нарочно съ этой цѣлью пріѣзжавшія въ Англію: Маркиза де Курсель, Сидонія Ленонкуръ, бывшая уже въ 16 лѣтъ любовницею Лувуа, герцогиня Мазарини, но Луиза съумѣла сохранить втеченіе 15-ти лѣтъ привязанность короля и только по смерти его въ 1685 году вернулась во Францію со своимъ сыномъ отъ Карла, которому она выхлопотала титулъ герцога Ричмондскаго. Она прожила еще 50 лѣтъ въ своемъ помѣстьѣ д'Обиньи, подаренномъ ей Людовикомъ XIV и умерла въ 1734 году 85-ти лѣтъ. Авторъ старается представить эту личность заслуживающею симпатію, но это не вполнѣ удается ему.

— Любопытны также «Мемуары о царствованіи Людовика XV и Людовика XVI и о революціи» (Mémoires sur les règnes de Louis XV et Louis XVI et sur la révolution par I. N. Dufort, comte de Cheverny,

1731—1802). Мемуары эти, переданные въ библіотеку Блуа, въ 1862 году, послѣднимъ представителемъ рода Дюфоръ, служили источникомъ историческихъ разысканій для нѣсколькихъ писателей, какъ Баше, Ватель, Дюпре и Тэнъ, но въ полномъ видѣ изданы только тогда Кревкёромъ. Авторъ ихъ занималъ при Людовикѣ XV должность «вводителя посланниковъ» (introducteur des ambassadeurs) и имѣлъ такимъ образомъ возможность собрать о дворѣ этого короля множество интересныхъ свѣдѣній и анекдотовъ; потомъ онъ былъ намѣстникомъ въ Блезуа и жилъ въ своемъ замкѣ Шеверни, гдѣ его застала революція. Онъ, однако, не эмигрировалъ и хотя былъ арестованъ и отвезенъ въ тюрьму, въ Блуа, но освобожденъ послѣ 9-го термидора. Замѣтки его объ этой эпохѣ, о Людовикѣ XIV, о террорѣ въ провинціи полны живого интереса, хотя написаны далеко нелитературно, такъ какъ не назначались къ печати.

СМѢСЬ.

ПАМЯТНИКЪ императору Александру II. 3-го іюня, въ селѣ Хоружевкѣ Роменскаго уѣзда Полтавской губерніи состоялось открытіе памятника императору Александру II, воздвигнутаго крестьянами села Хоружевки. Проектъ памятника былъ предъявленъ уполномоченными отъ хоружевскаго общества на высочайшее усмотрѣніе и заслужилъ одобреніе государя. Памятникъ сдѣланъ изъ цинка и изображаетъ царя-освободителя во весь ростъ съ манифестомъ 19-го февраля 1861 года въ правой рукѣ и со скипетромъ въ лѣвой, на плечахъ императора порфира; статуя, по модели академика Опекушина, отличается благородствомъ позы и чрезвычайнымъ сходствомъ. Пьедесталъ памятника — четырехгранная призма съ небольшой капителью, утвержденъ на трехъ ступеняхъ изъ дикаго камня; по четыремъ сторонамъ пьедестала надписи, выражающія горячія чувства освобожденнаго народа къ своему освободителю. Памятникъ воздвигнутъ на холмѣ, противъ храма. Для торжества холмъ былъ окруженъ зеленой изгородью, а при входѣ на площадку памятника была построена изъ зеленыхъ дубовыхъ вѣтвей арка въ три раствора; на самой площадкѣ былъ устроенъ шатеръ для угощенія волостныхъ старшинъ, собравшихся на торжество. Помѣщики села Хоружевки приняли, по приглашенію крестьянъ, участіе въ праздникѣ, эскадронъ квартирующаго въ Ромнахъ драгунскаго казанскаго полка и музыка этого полка получили отъ командующаго войсками Харьковскаго округа приказаніе принять участіе въ торжествѣ. Съ вечера 2-го іюня вся Хоружевка разукрасилась флагами на длинныхъ шестахъ; у кого не было флага, тотъ привязывалъ къ нему платокъ, плахту, что было подъ руками. Съ ранняго утра 3-го іюня тысячъ семь простаго народа пестрой толпой покрывали мѣстность около холма, гдѣ стоитъ памятникъ, терпѣливо ожидая минуты, когда спадетъ завѣса, закрывающая статую. Общая картина разнообразныхъ мундировъ мѣстныхъ властей, пестрыхъ бабьихъ костюмовъ, свѣтлыхъ дамскихъ туалетовъ, имѣла чрезвычайно оживленный видъ. Послѣ литургіи и панихиды, изъ церкви началось шествіе. Къ подножію памятника

собралось духовенство съ хоругвями и иконами и уполномоченные по открытію памятника съ портретами нынѣ царствующаго государя и государыни въ рукахъ. Послѣ молебствія было провозглашено многолѣтіе государю и вѣчная память императору Александру II и, при звукахъ музыки «Коль славенъ нашъ Господь», завѣса со статуи спала. Тогда на подножіе памятника взошелъ одинъ изъ мѣстныхъ жителей и прочелъ слово благодарности къ царю-освободителю. Драгуны прошли вокругъ холма церемоніальнымъ маршемъ.

50-тилѣтіе Чесменской богадѣльни. 24-го іюня Чесменская военная богадѣльня, по московской шоссейной дорогѣ, въ 8-ми верстахъ отъ Петербурга, праздновала 50-тилѣтній юбилей своего существованія. Екатерина II, желая сохранить воспоминаніе о побѣдѣ, одержанной русскимъ флотомъ надъ турецкимъ подъ Чесмою, повелѣла въ 1770 году архитектору Фельтену соорудить въ 8-ми верстахъ отъ Петербурга дворецъ, который былъ наименованъ Чесменскимъ. Императрица со всѣмъ дворомъ нерѣдко посѣщала дворецъ и прогуливалась по окружающимъ его рощамъ, но затѣмъ дворецъ опустѣлъ. Императоръ Николай I далъ этому дворцу благодѣтельное назначеніе: 21-го апрѣля 1830 года, зданіе дворца обращено для богадѣльни престарѣлыхъ и увѣчныхъ воиновъ, которая и была открыта въ 1836 году. Въ память открытія богадѣльни, въ день праздника рождества Іоанна Предтечи, въ церкви богадѣльни совершается торжественное богослуженіе, по окончаніи котораго въ рощѣ богадѣльни устроивается гулянье.

Открытіе памятника Волынскому, Еропкину и Хрущову. 27-го іюня, въ Петербургѣ отслужена торжественная литургія въ церкви Сампсонія Страннопріимца, воздвигнутой Петромъ I въ воспоминаніе побѣды его надъ шведами подъ Полтавою. Церковь эта, вначалѣ деревянная, была освящена въ 1710 году и при ней, по повелѣнію Петра I, было устроено кладбище. Въ 1725 году, въ годъ кончины великаго основателя столицы, заложенъ былъ близъ деревянной церкви новый каменный храмъ, прежняя же деревянная церковь разобрана въ 1737 году и на ея мѣстѣ поставлена маленькая каменная часовня. Изъ числа могилъ, сохранившихся до настоящаго времени при церкви Сампсонія, обращаютъ на себя вниманіе могилы слѣдующихъ лицъ: секретаря тайной канцеляріи И. Ѳ. Набокова (умеръ въ 1753 г.), арміи секундъ-маіора И. Н. Набокова (1760 г.), генералъ-аншефа В. Е. Скворцова (1769 г.), протопресвитера петербургскаго Троицкаго собора Іоанна Симонова (1740 г.), прокурора государственной с.-петербургской губернской коллегіи Ѳ. В. Безобразова (1775 г.). Наконецъ, 29-го іюня 1740 года, похоронены у самой церкви казненные по проискамъ Бирона кабинетъ-министръ, генералъ-аншефъ и оберъ-егермейстеръ Артемій Петровичъ Волынскій, совѣтникъ Андрей Ѳедоровичъ Хрущовъ и архитекторъ, гофъ-интендантъ Петръ Михайловичъ Еропкинъ. Ежегодно, въ день празднованія Сампсонія Страннопріимца и памяти о побѣдѣ надъ шведами подъ Полтавою, на общей могилѣ этихъ трехъ лицъ совершается панихида. На этотъ разъ панихида совершена была съ особою торжественностью, такъ какъ она происходила передъ только-что поставленнымъ памятникомъ на общей могилѣ Волынскаго, Хрущова и Еропкина. Памятникъ этотъ сооруженъ по общей подпискѣ, собранной редакціей журнала «Русская Старина», и изображаетъ пирамидальный темно-бронзовый монолитъ, вышиною въ 5 аршинъ. Установленъ онъ на гранитномъ пьедесталѣ, окруженномъ массивною, выкованною изъ желѣза рѣшеткою. Верхняя часть монолита, съ полукруглымъ фронтомъ, вмѣщаетъ въ себѣ гербъ А. П. Волынскаго. Въ средней части монолита изображена барельефная фигура богини исторіи, указывающей правой рукою на удаляющагося змія, какъ аллегорію зла, а въ лѣвой рукѣ держащей вѣнокъ и бумажный свитокъ, на которомъ начертано слѣдующее: «Волынскій былъ добрый и усердный патріотъ и расположенъ къ полезнымъ поправленіямъ своего отечества» («слова императрицы Екатерины II, 1765 г.»).

«И пусть падетъ! Но будетъ живъ
Въ сердцахъ и памяти народной
И онъ, и пламенный порывъ»...

***

«Сыны отечества! Въ слезахъ
Ко храму древнему Сампсона!
Тамъ за оградой, при вратахъ,
Почіетъ прахъ врага Бирона».

(Дума «Волынскій» К. Ѳ. Р., 1822 г.).

Въ правой сторонѣ барельефа изображенъ на колоннѣ горящій свѣтильникъ, какъ олицетвореніе правды; колонна обвита оливковою вѣтвью въ знакъ примиренія съ прошлымъ. Между колонной и удаляющимся зміемъ начертано: «27-го іюня 1740 г.». Къ нижней части монолита, съ лицевой стороны, примыкаетъ саркофагъ, ниже котораго, съ обѣихъ сторонъ, выступаютъ два меньшихъ саркофага. Эта часть памятника указываетъ, что онъ поставленъ на трехъ могилахъ. Подъ среднимъ саркофагомъ подпись: «Артемій Петровичъ Волынскій, род. 1689 г., ум. 27 іюня 1740 г.». Боковыя стороны монолита украшены потухающими факелами, обращенными огнемъ внизъ. Въ боковой части монолита помѣщенъ рельефный гербъ Еропкина съ надписью подъ нимъ: «Петръ Михайловичъ Еропкинъ, род. 1689 г., ум. 27 іюня 1740 г.». Съ другой стороны подпись: «Андрей Ѳедоровичъ Хрущовъ, ум. 27 іюня 1740 г.». На задней сторонѣ монолита имѣется изображеніе стараго памятника, поставленнаго по повелѣнію императрицы Елисаветы Петровны. Постановка этого памятника обошлась въ 1,900 р. 25 к., причемъ извѣстный подрядчикъ купецъ Я. А. Брусовъ пожертвовалъ гранитный пьедесталъ для памятника, профессоръ М. А. Шуруповъ безвозмездно составилъ проектъ его, академикъ А. М. Опекушинъ также безвозмездно изготовилъ барельефъ, а чугунно-литейный заводчикъ П. Н. Собенниковъ безплатно сдѣлалъ желѣзную рѣшетку.

Культурно-историческая выставка въ Митавѣ. Выставка эта занимаетъ 6 комнатъ довольно просторныхъ. Всѣхъ предметовъ собрано до полуторы тысячи. Трудно, однако, сказать, чтобы порядокъ распредѣленія ихъ былъ вполнѣ удовлетворителенъ. Распорядители старались, по возможности, загладить этотъ недостатокъ предложеніемъ своихъ услугъ. Каталоговъ не продавали, а ссужали ими на время осмотра за 15 к.; отчего не напечатали ихъ въ большемъ количествѣ—неизвѣстно. Особенно интересна послѣдняя комната, гдѣ собрана наглядная исторія Курляндіи, начиная съ каменнаго вѣка, кончая грамотою покойнаго государя 1856 года. Всѣхъ предметовъ, относящихся къ археологіи, 125; большая часть ихъ доставлена курляндскимъ музеемъ, другіе—мѣстнымъ любителемъ-археологомъ Крюгеромъ. Представителями каменнаго вѣка являются топоры, бронзоваго—ожерелья. Письменные документы начинаются съ первой половины XIII вѣка. Между такъ называемыми привилегіями особенно видное мѣсто занимаетъ грамота Александра I. Послѣднею по времени является грамота покойнаго государя, данная курляндскому дворянству въ обезпеченіе его правъ, съ краснорѣчивой оговоркой—«на сколько они общимъ правамъ и законамъ державы не противны». На эту оговорку какъ-то, однако, не обращаютъ вниманія объясняющіе ее распорядители. Отъ эпохи Екатерины II имѣются медали на русскія побѣды, на присоединеніе Крыма, на взятіе Очакова. Весьма интересенъ отдѣлъ произведеній печати. Здѣсь собрано немало трудовъ по языку и исторіи латышей на нѣмецкомъ и латышскомъ языкахъ. Здѣсь же находится и первая митавская афиша, относящаяся къ концу XVII вѣка. Въ небольшой комнатѣ помѣщены предметы, имѣющіе преимущественный интересъ для дамъ; привлекаютъ вниманіе три вѣера, изъ которыхъ одинъ гр. Медемъ-Грюнгофъ, писательницы, знакомой

Гёте, Клопштока, Гердера и др., хранитъ на себѣ довольно характерные автографы указанныхъ знаменитостей. Мебель, занимающая просторную комнату, несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что комфортъ — весьма старое изобрѣтеніе. Здѣсь же помѣщена рѣзьба, изображающая въѣздъ Христа въ Іерусалимъ: это необыкновенно экспрессивная работа принадлежитъ одной изъ либавскихъ церквей. Довольно полонъ отдѣлъ оружія холоднаго и огнестрѣльнаго. Въ ряду портретовъ особенно интересенъ портретъ несчастнаго Паткуля; разумѣется, выставлены портреты многихъ магистровъ, суперинтендентовъ и всѣхъ курляндскихъ герцоговъ, но между ними ни одного симпатичнаго лица. Митавская выставка, представляющая продолженіе бывшей три года назадъ выставки въ Ригѣ, можетъ кое въ чемъ облегчить трудъ спеціалистовъ, преимущественно археологовъ, но въ общемъ она рождаетъ убѣжденіе, что мы слишкомъ высоко цѣнимъ культуру бароновъ: въ сущности она, судя по выставкѣ, не представляетъ ничего дѣйствительно выдающагося.

Древности Тобольска. Древности, находящіяся въ храмахъ города Тобольска, заслуживаютъ всеобщаго вниманія. Такъ, напримѣръ, ихъ ризницы, которыя оцѣниваютъ приблизительно въ милліонъ рублей, заключаютъ въ себѣ немало замѣчательныхъ предметовъ, пожертвованныхъ разными лицами. Сюда относятся: 1) крестъ напрестольный съ мощами — даръ царя Михаила Ѳедоровича и его отца патріарха Филарета; 2) плащаница, шитая золотомъ, серебромъ и шелками, съ надписями на арабскомъ языкѣ; 3) архіерейская митра, пожертвованная бывшимъ сибирскимъ губернаторомъ княземъ Гагаринымъ и убранная 40 финифтяными и золотыми чеканными изображеніями, 8 изумрудами, 532 алмазами, 31 большимъ яхонтомъ и 3,131 жемчужиной; 4) крестъ напрестольный, чеканной работы, пожертвованный царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ; 5) золотой наперстный крестъ съ золотою цѣпью и 40 драгоцѣнными камнями, пожертвованный княземъ Черкасскимъ; 6) двѣ иконы, привезенныя въ Сибирь дружиной Ермака, и многія другія.

Послѣднія засѣданія Общества любителей древней письменности. А. Н. Пыпинъ сдѣлалъ сообщеніе «о русскихъ кантахъ или псальмахъ средины XVIII вѣка», представленное имъ въ объясненіе къ рукописи, сообщенной на разсмотрѣніе Общества подполковникомъ Евдокимовымъ изъ Казани. Было заявлено, что въ музей Общества поступили нижеслѣдующія приношенія: отъ князя П. П. Вяземскаго — складенъ въ мѣдной оправѣ, икона въ окладѣ Архангела Михаила, св. Василія Блаженнаго и святыхъ Елисаветы и Надежды; двѣ мѣдныхъ иконы: распятія Христова и св. Ѳеоктиста и гравированный портретъ великаго князя Константина Павловича; отъ Н. Д. Тюлина — древній діаконскій стихарь изъ набойчатой холстины, четыре угольника съ оклада иконы разноцвѣтной эмали стараго русскаго дѣла конца XVII вѣка и двѣ эмалевыхъ надписи отъ иконъ средины XVIII вѣка русскаго дѣла; отъ Ѳ. Д. Батюшкова — его изслѣдованіе «Сага о Финнбогѣ Сильномъ» (1885); отъ А. А. Васильчикова — «Молитва Господня», напечатанная на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Было прочтено также сообщеніе А. Н. Пыпина «изъ исторіи русской народной повѣсти». Предметомъ своего изслѣдованія А. Н. Пыпинъ избралъ рукописную «Гисторію о гишпанскомъ шляхтичѣ Долторинѣ» и поставилъ своей задачею доказать, что этотъ рукописный памятникъ нашей переводной литературы первой половины XVIII вѣка составляетъ вѣроятный источникъ старинной повѣсти «О россійскомъ матросѣ Василіи», изданной нѣсколько лѣтъ тому назадъ Л. Н. Майковымъ, подъ заглавіемъ: «Неизвѣстная русская повѣсть петровскаго времени» (Спб., 1880). С. Ѳ. Платоновъ сдѣлалъ сообщеніе «объ историческихъ трудахъ XVIII вѣка князя Ивана Андреевича Хворостинина и князя Ивана Михайловича Котырева-Ростовскаго». Членъ-корреспондентъ Общества, Н. П. Барсуковъ, прочелъ письмо императора Александра I къ княгинѣ Софьѣ Сергѣевнѣ Мещерской (рожденной Всеволожской), полученное г. Барсуковымъ отъ Анастасіи Николаевны

Мальцевой. Это письмо писано императоромъ Александромъ I изъ Тропау, 23-го октября 1820 года, и чрезвычайно интересно по своему содержанію. Также было доложено о пріобрѣтеніи: 1) сицилійскаго папируса, 2) рукописи «Историческое изображеніе іерусалимскаго ордена храмовниковъ», составленной жившимъ въ царствованіе Павла I Львовымъ (пожертвована княземъ П. П. Вяземскимъ). В. В. Качановскій сообщилъ слѣдующую грузинскую надпись на иконѣ Иверской Божіей Матери, снятую имъ во время послѣдняго путешествія по Восточной Румеліи: «Украсилась святая икона сія пресвятой Владычицы нашей Богородицы въ Петрицонѣ иждивеніемъ двухъ кровныхъ братьевъ, дѣтей Игнатія изъ Тао (въ Грузіи) духовниковъ Аѳанасія и Златоуста, вмѣстѣ съ серебрянною лампадою, долженствующею висѣть передъ этою иконою, которая сдѣлана Златоустомъ, въ царствованіе въ Греціи благовѣрныхъ государей Андроника, Михаила и Андроника, дѣтей Палеолога, въ Грузіи же Константина и Димитрія Багратуніановъ. Въ лѣто отъ сотворенія міра погречески 6819, а погрузински 6915. Пресвятая Богородица! пріими сіе малое приношеніе ихъ и прости и будь заступницею ихъ и родителей ихъ въ день страшнаго суда передъ Сыномъ Твоимъ и Богомъ нашимъ. Аминь. Хроникона 531 индиктіона 70». Переводъ сдѣланъ профессоромъ грузинскаго языка А. А. Цагарелли. Это соотвѣтствуетъ 1311 году. Важна эта запись, между прочимъ, въ томъ, что свидѣтельствуетъ объ обращеніи грузинскаго духовенства среди болгаръ въ XIII и XIV вѣкахъ; она также исправляетъ хронологію грузинскихъ царей. Профессоръ И. В. Ягичъ сообщилъ результатъ своихъ розысканій въ московскихъ библіотекахъ во время своего недавняго посѣщенія. Г. Ягичъ, по порученію академіи наукъ, приступилъ къ изданію служебныхъ миней 1096 и 1097 годовъ, писанныхъ въ Новгородѣ. Текста, соотвѣтствующаго тексту этихъ новгородскихъ памятниковъ, ему не удавалось найдти нигдѣ ни на славянскомъ, ни на греческомъ языкѣ. Отсутствіе сходныхъ славянскихъ рукописей (болгарскихъ и сербскихъ) заставляло г. Ягича предполагать, что этотъ типъ служебныхъ миней возникъ въ Россіи; но найденныя имъ двѣ рукописи — одна въ типографской библіотекѣ, а другая — въ синодальной, XI вѣка (и нѣкоторые слѣды въ одной изъ рукописей собранія Хлудова), болгарскаго письма, какъ разъ подходятъ къ тексту, отпечатанному академіей. Выходитъ, такимъ образомъ, что это старо-славянскій типъ — первый. Затѣмъ второй типъ сохранился въ нѣсколькихъ рукописяхъ болгарскихъ XIII вѣка (ихъ не много). Третій типъ сербскій сдѣланъ въ XIV вѣкѣ. Славянскія рукописи перваго типа не имѣютъ себѣ соотвѣтствія въ извѣстныхъ нынѣ греческихъ рукописяхъ. Изъ этихъ рукописей г. Ягичъ собралъ до 30 знаковъ «Ѳ» (ѳита), имѣющихъ значеніе ноты. Г. Дружининъ прочелъ интересный памятникъ раскольничьей литературы, конца XVII или начала XVIII вѣка «Слово нѣкоего Тимоѳея», по рукописи публичной библіотеки, XVIII вѣка. Памятникъ этотъ, сохранившійся, къ сожалѣнію, безъ конца, содержитъ въ себѣ описаніе «видѣнія» загробныхъ мученій; возникъ онъ среди донскихъ раскольниковъ; авторъ его, по всей вѣроятности, тотъ самый Тимоѳей, который основалъ Покровскую чирскую пустынь въ концѣ XVII вѣка; при составленіи своего «слова» онъ воспользовался «словомъ» Палладія и произведеніемъ игумена Козмы. Е. М. Гаршинъ прочелъ «свѣдѣнія объ искусствѣ въ Россіи въ началѣ XVII вѣка», почерпнутыя имъ изъ документовъ, изданныхъ академіей наукъ, подъ редакціей академика М. И. Сухомлинова. Общество пріобрѣло пергаментный славянскій листокъ XIII вѣка, два старыхъ портрета, медальонъ Потемкина, работы Рошета, маленькій бюстъ императора Павла. Въ Общество поступили: отъ профессора Помяловскаго — «Славянскій Ирмолой 1763 г.», отъ г. Кочановскаго — «Выписка указовъ правительствующаго сената въ рижской цензурѣ, отъ 26-го ноября 1800 г. полученныхъ». Г. Опочининъ прочелъ рефератъ объ изображеніяхъ

смерти въ средневѣковыхъ западно-европейскихъ процессіяхъ. Докладчикъ очень тщательно разсмотрѣлъ этотъ вопросъ, причемъ указалъ на связь христіанскаго изображенія смерти на дрезденскомъ барельефѣ, представляющемъ пляску смерти, съ до-христіанскимъ въ гробницѣ, открытой Симлеромъ въ Италіи. Г. Шляпкинъ сообщилъ общія свѣдѣнія объ устройствѣ училища св. Димитрія Ростовскаго, которому церковно-приходская школа обязана своимъ возобновленіемъ при Петрѣ I, такъ какъ бывшія въ древней Руси приходскія училища пришли къ этому времени въ упадокъ. Профессоръ Помяловскій принесъ въ даръ Обществу рукописный листокъ изъ латинской библіи XIV вѣка. Общество пріобрѣло двѣ боковыя стороны кареты, на которыхъ изображены императоръ Павелъ Петровичъ и Марія Ѳедоровна во время своего пребыванія въ Римѣ: на «Corso» и на «Piazza Navona», памятникъ этотъ довольно хорошо сохранился.

Памятникъ Ламартину. 7-го іюля, состоялось въ Пасси, близъ Парижа, въ присутствіи властей и многочисленныхъ депутацій, торжественное открытіе памятника Ламартину. Президентъ палаты депутатовъ Флоке произнесъ рѣчь, въ которой указалъ на патріотическія заслуги великаго французскаго поэта. Онъ сказалъ, между прочимъ, что Ламартину французскій народъ обязанъ учрежденіемъ второй республики, а армія тѣмъ, что онъ сохранилъ ей знамя революціи. Въ заключеніе Флоке провелъ параллель между Ламартиномъ и Викторомъ Гюго и сказалъ, что тому и другому французскій народъ обязанъ вѣчною признательностью. Памятникъ Ламартину представляетъ поэта сидящимъ съ наклоненной слегка головой. Онъ одѣтъ въ сюртукѣ по модѣ 1830 г. Выраженіе лица серьёзное. Поэтъ представленъ 40-лѣтнимъ. Подъ кресломъ у него лежитъ лягавая собака. На цоколѣ выбита простая надпись: «Ламартину». На открытіи памятника, кромѣ Флоке, рѣчи говорили: министръ Гобле, оцѣнившій политическую дѣятельность поэта; Арсенъ Гуссе отъ имени распорядительнаго комитета, доказывалъ, что Ламартинъ заслужилъ безсмертіе между Гюго и Мюссе; Сюлли-Прюдомъ отъ французской академіи и Жюль Клареси отъ общества литераторовъ, оцѣнившіе заслуги Ламартина, какъ писателя, и на высотѣ славы не гнушавшагося своимъ титуломъ писателя, «homme de lettres».

† 13-го іюля въ г. Павловскѣ, отъ воспаленія въ легкихъ, извѣстный педагогъ и писатель **Иванъ Дмитріевичъ Бѣловъ**. Покойный родился на Уралѣ, въ Нижнемъ Тагилѣ, въ имѣніи Демидова, гдѣ отецъ его служилъ долгое время горнымъ чиновникомъ. Бѣловъ до послѣднихъ дней своей жизни трудился на педагогическомъ поприщѣ. Многочисленныя статьи его о задачахъ педагогіи и русскихъ школахъ появлялись въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ; затѣмъ труды его по исторіи народной литературы и историческаго содержанія печатались въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и другихъ журналахъ. Ив. Дм. Бѣловъ отличался весьма добрымъ характеромъ, глубокою честностью. Смерть постигла его въ то время, когда онъ собирался отправиться за границу вмѣстѣ съ своею больною дочерью.

† 12-го іюля, въ 3 часа, въ Петербургѣ, отъ разрыва сердца одинъ изъ старѣйшихъ сотрудниковъ газетъ, **Василій Петровичъ Поповъ**; покойный умеръ на 57 году своей жизни. Окончивъ курсъ въ кадетскомъ корпусѣ, онъ поступилъ на службу въ л.-гв. Павловскій полкъ. По окончаніи венгерской компаніи, держалъ экзаменъ при московскомъ университетѣ на званіе преподавателя русской словесности, и въ этомъ званіи нѣкоторое время состоялъ при одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ. Въ это же время онъ началъ заниматься литературной дѣятельностью, участвуя въ трудахъ редакцій «Общезанимательнаго Вѣстника», «Русскаго Слова» и «Времени». Послѣ семилѣтняго перерыва—покойный поступилъ на службу въ Оренбургскую губернію; — онъ снова вернулся на литературное поприще, редактируя болѣе десяти лѣтъ «Всемірную Иллюстрацію» и одновременно участвуя въ «Пра-

вительственномъ Вѣстникѣ» и въ «Петербургской Газетѣ». Въ послѣднемъ органѣ покойный каждодневно писалъ передовыя статьи по вопросамъ внѣшней и внутренней политики. В. П. Поповъ отличался всестороннею образованностью и большою начитанностью. Между знавшими его онъ оставилъ добрую память и честное незапятнанное имя труженика.

† 1-го іюля въ Вѣнѣ, почетный членъ академіи наукъ, д-ръ **Германъ Абихъ**, извѣстный ученому міру своими изслѣдованіями по геологіи Кавказа. Абихъ родился въ Берлинѣ 11-го декабря 1806 г. Отецъ его, прусскій горный совѣтникъ, и мать, дочь химика Клапрота и племянница путешественника по востоку, особенно въ Китаѣ, Юлія Клапрота, съ ранняго возраста вселили своему сыну любовь къ наукѣ и особенно къ геологіи. Абихъ учился въ университетахъ Берлинскомъ и Гейдельбергскомъ, былъ въ дружескихъ сношеніяхъ съ Гумбольдтомъ, Риттеромъ и Бухомъ. Путешествуя по южной Италіи въ 1834—1836 годахъ и неоднократно подвергая жизнь опасности, онъ обслѣдовалъ вулканы: Везувій, Стромболи и Этну. Результатомъ трехлѣтняго пребыванія въ Италіи явился атласъ: «Vues pitoresques de Vesuve»; въ 1841 г., какъ дополненіе къ нему, «Описаніе вулканическихъ явленій южной Италіи». Въ 1842 г. Абихъ былъ приглашенъ на каѳедру геологіи въ Дерптскій университетъ; время съ 1843 по 1851 г. онъ провелъ на Кавказѣ для геологическаго изслѣдованія. Въ 1853 г. профессоръ Абихъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ академіи наукъ. Въ 1858 г. вновь командированъ на Кавказъ, гдѣ продолжалъ начатыя изслѣдованія до 1876 г. Послѣднія десять лѣтъ полезной ученой жизни Абихъ провелъ въ Вѣнѣ для обработки огромныхъ, собранныхъ имъ матеріаловъ и коллекцій и до послѣднихъ дней передъ смертью трудился надъ ними. Онъ написалъ: «Залежи каменной соли въ русской Арменіи. 1857 года», «Обозрѣніе (Prodromus) геологическихъ условій кавказскихъ земель, 1858 года», и въ послѣднее время въ Вѣнѣ извѣстное по своей обширности сочиненіе «Геологія Кавказа». Огромный атласъ картъ къ нему вполнѣ оконченъ. Кромѣ того, окончено имъ два первыхъ тома описанія и первый отдѣлъ третьяго и послѣдняго тома приготовленъ къ печати. Абихъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ ученаго міра и былъ членомъ главнѣйшихъ ученыхъ обществъ Европы и Америки. Какъ настоящій труженикъ науки, Абихъ работалъ тихо и скромно, чуждый всякаго самообольщенія, стараясь выслушивать каждаго, даже не спеціалиста, и вникая въ доводы другихъ ученыхъ, далеко ему уступавшихъ по своимъ знаніямъ. За три недѣли до кончины Абихъ выразилъ послѣднюю волю; согласно завѣщанію, тѣло его должно быть перевезено въ Готу для сожженія; пепелъ будетъ схороненъ въ Кобленцѣ на могилѣ его матери.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу гравюры: «Кончина князя Потемкина».

Приложенная къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» гравюра: «Кончина князя Потемкина», есть уменьшенный снимокъ съ весьма рѣдкой гравюры прошлаго столѣтія, исполненный граверомъ Скородумовымъ съ картины художника Казановы. Подлинная гравюра имѣетъ 13 вершковъ вышины и 37 вершковъ ширины, и слѣдующую подпись: «Representation de la mort du prince Potemkin de Tauride, feldmarechal des armées de sa majesté l'imperatrice de toutes les Russies, grand hetman des cosaques etc., etc.,

ainsi que le lieu pris d'après nature et les personnages qui se trouvaient à cet évenement, arrivé en Moldavie le 5 octobre 1791.» (Изображеніе кончины князя Потемкина-Таврическаго, фельдмаршала армій е. в. императрицы всероссійской, гетмана казачьихъ войскъ и проч., и проч., равно какъ и мѣстности, срисованной съ натуры, и особъ, присутствовавшихъ при семъ событіи, совершившемся 5 окт. 1791). Далѣе напечатаны извѣстные стихи:

О видъ плачевный! смерть ужасна!
Кого отъемлешь ты отъ насъ!
Какъ искра, во мгновенье ока,
Герой! твой славный вѣкъ погасъ!
Надменно покоривъ нашъ градъ,
Самъ кончилъ смерть среди степей
И мира сладкаго отрады
Во славѣ не вкусилъ твоей.
Доколѣ сами не увянемъ,
Ты будешь въ нашихъ жить сердцахъ,
Лить горьки слезы не престанемъ
И ими орошать твой прахъ.

Прежде, нежели перейдти къ описанію содержанія гравюры, считаемъ не лишнимъ напомнить объ обстоятельствахъ, при которыхъ умеръ Потемкинъ. Въ 1791 году, онъ пріѣхалъ изъ арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ, въ Петербургъ, съ цѣлью низвергнуть Зубова, который съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ все большее и большее вліяніе на Екатерину. Не смотря на ласковый и дружескій пріемъ императрицы, Потемкинъ скоро убѣдился, что преобладающее значеніе его безвозвратно поколеблено. Подавленный грустными предчувствіями, онъ впалъ въ глубокую печаль, былъ недоволенъ всѣмъ, раздражался оказываемыми ему почестями и вниманіемъ. Между тѣмъ, въ отсутствіе Потемкина, князь Репнинъ одержалъ надъ турками блестящую побѣду при Мачинѣ и принудилъ великаго визиря подписать предварительныя условія мира. Это обстоятельство вынудило Петемкина поспѣшить отъѣздомъ въ армію. Въ августѣ, Потемкинъ пріѣхалъ въ Галацъ, разстроенный здоровьемъ и духомъ. Онъ тотчасъ написалъ Репнину письмо, въ которомъ справедливо укорялъ его за слишкомъ поспѣшное заключеніе перемирія съ турками. На третій день по прибытіи Потемкина въ Галацъ, умеръ одинъ изъ любимѣйшихъ его генераловъ, принцъ Карлъ Виртембергскій родной братъ великой княгини Маріи Ѳедоровны. Отдавая послѣдній долгъ усопшему, князь вышелъ изъ церкви грустный, утомленный духотою и жаромъ, и, въ разсѣянности, вмѣсто своихъ дрожекъ, сѣлъ на дроги, приготовленныя для покойника. Ничтожный случай этотъ сильно подѣйствовалъ на его воображеніе, тѣмъ болѣе, что съ дѣтства онъ сохранилъ много суевѣрныхъ предразсудковъ. Тѣлесный недугъ его усилился отъ свойственной молдавскому климату лихорадки. Не смотря на отвращеніе свое къ лѣченію и лѣкарствамъ, князь поѣхалъ въ Яссы и прибѣгнулъ къ помощи, находившихся при главной квартирѣ, искусныхъ врачей, генералъ-штабъ-доктора арміи Тимана и хирурга Массо. Сначала ему стало лучше, но, по нетерпѣливости характера, онъ не берегся, безпрерывно нарушалъ предписанную ему діэту, и болѣзнь перешла въ горячку. Сознавая безнадежность своего положенія, Потемкинъ пожелалъ пріобщиться св. таинъ и послалъ за духовникомъ своимъ, архіепископомъ херсонскимъ Амвросіемъ, который поспѣшилъ пріѣхать къ нему вмѣстѣ съ молдавскимъ митрополитомъ Іоною. Оба они умоляли князя беречь себя, принимать лѣкарства и воздерживаться отъ

запрещенной пищи.—«Едва ли я выздоровѣю,—отвѣчалъ онъ:—сколько уже времени, а облегченія нѣтъ какъ нѣтъ. Но да будетъ воля Божія! Только вы молитесь о душѣ моей и помните меня. Ты, духовный отецъ мой,—продолжалъ князь, обращаясь къ Амвросію,—и вѣдаешь, что я никому не желалъ зла. Осчастливить человѣка было цѣлью моихъ желаній». Амвросій и Іона не могли удержать рыданій и, обливаясь слезами, приступили къ исполненію великаго таинства. Потемкинъ исповѣдался и причастился съ живѣйшими знаками вѣры и немедленно послѣ этого велѣлъ собираться къ выѣзду изъ Яссъ, говоря:—«По крайней мѣрѣ, умру въ моемъ Николаевѣ». 2-го октября, уже дрожащею рукою подписалъ онъ полномочіе свое генераламъ Самойлову, Рибасу и Лошкареву на окончательное веденіе мирныхъ переговоровъ съ Турціей, а 4 числа, бережно уложенный въ карету, отправился въ Николаевъ, въ сопровожденіи племянницы своей, графини Браницкой, и правителя канцеляріи Попова. Чрезвычайная слабость Потемкина, бывшаго, впрочемъ, въ довольно веселомъ расположеніи духа, не позволяла ѣхать скоро, такъ что во весь день онъ отъѣхалъ не болѣе двадцати пяти верстъ. Съ наступленіемъ ночи болѣзнь усилилась. Князя внесли въ какой-то домикъ, стоявшій на дорогѣ; онъ нѣсколько разъ спрашивалъ: «скоро ли разсвѣтетъ?» и, чувствуя удушье, судорожными движеніями вырывалъ пузыри, замѣнявшіе стекла въ окнахъ хаты. Племянница уговаривала его успокоиться, но больной съ досадой отвѣчалъ ей: «Оставьте меня! не сердите же меня!» На зарѣ, Потемкина снова уложили въ карету и продолжали путь. Предсмертная тоска томила его; черезъ полчаса, онъ вдругъ приподнялся и сказалъ:—«Остановитесь! мнѣ дурно! теперь некуда ѣхать... я умираю... выньте меня изъ кареты—хочу умереть въ полѣ...». Воля князя была немедленно исполнена; его положили на землю, близь дороги, на разостланный бѣлый плащъ. Тамъ онъ лежалъ около трехъ четвертей часа, обращая угасавшіе взоры то на небо, то на предстоявшихъ; потомъ потребовалъ образъ Спасителя, съ которымъ никогда не разставался, спокойно и безтрепетно взялъ его, поцѣловалъ три раза, осѣнился крестомъ и со словами: «Господи! въ руцѣ Твои предаю духъ мой!» тихо скончался на рукахъ графини Браницкой... Ночью, въ той же каретѣ, окруженной конвоемъ и освѣщаемой факелами, привезли усопшаго обратно въ Яссы.

Находившійся при главной квартирѣ, художникъ Казанова, братъ извѣстнаго авантюриста, занялся изображеніемъ этого печальнаго событія. Онъ срисовалъ съ натуры гористую мѣстность и безоблачное небо послѣ только-что исчезнувшаго утренняго тумана, и расположилъ всѣ группы согласно разсказу очевидцевъ, списавъ при этомъ ихъ портреты. На третьемъ планѣ видѣнъ остановившійся поѣздъ придворныхъ экипажей: нѣсколько поодаль стоитъ четырехъ-мѣстная карета; спереди двѣ большія коляски съ придѣланными къ нимъ деками, какъ до сихъ поръ употребляются при переѣздахъ двора въ загородныя резиденціи. Одна коляска запряжена въ восемь лошадей; на первыхъ двухъ парахъ по форейтору. На второмъ планѣ лежитъ на плащѣ только-что вынесенный изъ кареты Потемкинъ. Правой рукой онъ схватился за лѣвую руку графини Браницкой, стоящей передъ нимъ на колѣняхъ и положившей эту руку ему на сердце; ноги его и лѣвая рука простерты, какъ бы окоченѣвшія Поддерживаемая своей горничной, Браницкая, въ отчаяніи, подняла глаза и правую руку къ небу. Многіе изъ присутствующихъ закрыли лица руками и плачутъ. Секретарь Потемкина, Поповъ стоитъ

въ полуоборотъ; онъ всплеснулъ руками и глядитъ на небо. Въ изголовьѣ у Потемкина сидитъ какой-то молодой человѣкъ, который поддерживаетъ подушку. Глаза умирающаго сомкнулись. Передъ нимъ, въ ногахъ стоитъ на колѣняхъ придворный лакей и держитъ образъ. Кругомъ опечаленная свита, казачій атаманъ Головатый, священникъ и суетящіеся доктора, раскрытый походный ящикъ съ аптекою и т. д. По сторонамъ видны смѣшавшіеся конвойные казаки и драгуны, скачущіе курьеры; на первомъ планѣ, по бокамъ, два молдавскіе священника и двое молдавскихъ же бояръ въ тѣхъ фанаріотскихъ костюмахъ, которые они только недавно перестали носить.

Къ біографіи В. Н. Татищева.

Въ апрѣльской книгѣ «Историческаго Вѣстника» за 1886 годъ помѣщена статья «Василій Никитичъ Татищевъ», въ которой на стр. 7, между прочимъ, сказано: «Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности, по недостатку мѣста, подробнѣе остановиться на его дѣятельности въ качествѣ начальника горныхъ заводовъ, управляющаго Оренбургскимъ краемъ и астраханскаго губернатора, но она имѣла чрезвычайно большое значеніе. Не смотря на всѣ достоинства трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина и Н. А. Попова, было бы весьма желательно появленіе новаго труда, спеціально посвященнаго этимъ вопросамъ; обильный и почти совсѣмъ нетронутый матеріалъ для этого можно найдти въ архивѣ горнаго департамента».

Здѣсь я позволю себѣ замѣтить, что едва ли не болѣе обильный матеріалъ для такого труда, посвященнаго дѣятельности В. Н. Татищева, какъ основателя горнозаводскаго дѣла на Уралѣ, можно найдти въ дѣлахъ екатеринбургскаго горнаго архива, каковымъ источникомъ и пользовался извѣстный трудами своими по исторіи Пермскаго края—Н. К. Чупинъ.

О дѣятельности В. Н. Татищева, какъ основателя горнозаводскаго дѣла на Уралѣ, Н. К. Чупинымъ написаны двѣ статьи:

1) «Василій Никитичъ Татищевъ и первое его управленіе уральскими заводами» напечатано въ «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1867 годъ и затѣмъ перепечатано въ «Сборникѣ статей», касающихся Пермской губерніи и помѣщенныхъ въ неоффиціальной части «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» въ періодъ 1842 — 1861 годовъ. (Выпускъ I, изданіе Пермскаго губернскаго статистическаго комитета, Пермь, 1882 годъ, стр. 47—68).

Матеріалами для этой статьи Н. К. Чупину служили преимущественно дѣла екатеринбургскаго горнаго архива и полное собраніе законовъ Россійской имперіи, а также слѣдующія статьи: «Татищевъ и его время» профессора Попова, Москва, 1861 годъ; «Историческое начертаніе россійскаго горнаго производства» Германа, Екатеринбургъ, 1810 годъ; «Новыя свѣдѣнія о Татищевѣ» академика-Пекарскаго—въ приложеніяхъ къ IV тому «Записокъ императорской академіи наукъ», 1864 годъ, стр. 42, и мн. др.

Въ началѣ указанной выше статьи своей Н. К. Чупинъ говоритъ: «Мнѣ извѣстно пять біографій В. Н. Татищева: 1) напечатанная въ 16 № «Сына Отечества» 1821 года весьма краткая и не совсѣмъ вѣрная; 2) напечатанная въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» 1821 же года, полнѣе и исправнѣе предыдущей; 3) составленная Берхомъ и помѣщенная въ «Горномъ Журналѣ» 1828 года, еще болѣе полная, но заключающая въ себѣ нѣкоторыя важныя ошибки; 4) по-

мѣщенная въ Словарѣ достопамятныхъ людей Бантыша-Каменскаго съ весьма грубыми ошибками: составитель смѣшалъ Василья Никитича съ другимъ Васильемъ Татищевымъ, учившимся за границей морскому дѣлу и служившимъ потомъ нѣкоторое время во флотѣ; 5) наконецъ книга профессора Попова: «Татищевъ и его время». Москва, 1861 годъ, трудъ весьма дѣльный и добросовѣстный. Къ сожалѣнію, г. Поповъ относительно дѣятельности Татищева на заводахъ не имѣлъ подъ руками никакихъ источниковъ, кромѣ статьи Берха и горной исторіи Германа, и потому повторилъ ошибки этихъ авторовъ. Я въ своей статьѣ обращу вниманіе преимущественно на первое и второе управленіе Татищевымъ заводами, предоставляя читателю для подробнѣйшаго ознакомленія съ другими періодами его жизни обратиться къ интересной книгѣ г. Попова».

2) Василій Никитичъ Татищевъ: жизнь его съ 1722 года по 1734 годъ, см. вышеозначенный Сборникъ, изданіе пермскаго губернскаго статистическаго комитета, стр. 69—99. 10-го февраля 1734 года указомъ императрицы Анны Іоанновны Татищевъ былъ назначенъ главнымъ командиромъ уральскихъ, сибирскихъ и казанскихъ горныхъ заводовъ, когда онъ и выѣхалъ изъ С.-Петербурга 24-го марта. По инструкціи (составленной самимъ же Татищевымъ) ему предоставлена была такая же обширная власть, какой никогда, ни прежде ни послѣ, не имѣли начальники заводовъ (см. названную выше статью, стр. 97). Второе управленіе Татищевымъ уральскими заводами продолжалось до 1737 года.

Покойный Н. К. Чупинъ собирался, но не успѣлъ написать статью, посвященную вторичному управленію уральскими заводами Татищевымъ.

Какъ извѣстно, В. Н. Татищевъ во время своихъ путешествій за границею въ 1713, 1714, 1717 и 1724 годахъ накупилъ себѣ много книгъ по части математики, горныхъ наукъ, географіи, исторіи и проч., а также пріобрѣлъ много чертежей горнозаводскихъ сооруженій.

Н. К. Чупинъ говоритъ: «Уѣзжая въ 1837 году изъ Екатеринбурга, Татищевъ отдалъ свои книги въ горную школу; нынѣ (1867 годъ) онѣ входятъ въ составъ екатеринбургской заводской библіотеки. На многихъ, кромѣ вензеля: «Татищевъ, В. Т.», обозначено время и мѣсто покупки, а на иныхъ и цѣна». Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за 1860 годъ, № 203, помѣщена статья Н. К. Чупина «Библіотека В. Н. Татищева».

О. Ѳ. Николаи.

О точилкѣ съ изображеніемъ созвѣздія Большой Медвѣдицы.

Въ майской книгѣ «Историческаго Вѣстника», въ статьѣ «Датскій археологъ» (стр. 446), упоминается, какъ о чудовищномъ измышленіи, «объ изображеніи созвѣздія Большой Медвѣдицы на каменной точилкѣ неолитическаго періода, найденной на берегу Бологовскаго озера».

Эта точилка находилась въ числѣ предметовъ коллекціи керамики князя Павла Арсеньевича Путятина на археологическомъ съѣздѣ въ 1884 году въ Одессѣ. Подробное описаніе, изображеніе и изслѣдованіе ея съ точки зрѣнія астрономіи находится въ издаваемомъ г. К. Фламмаріономъ журналѣ «Astronomie. Revue mensuelle d'Astronomie populaire, de Météorologie et de Physique du Globe», 1885 годъ, № 2, стр. 48, въ статьѣ «Archéologie astronomique»,

состоящей изъ письма князя П. А. Путятина и соображеній г. Фламмаріона по поводу разсматриваемаго предмета.

Эту точилку (или предметъ другаго назначенія: г. Фламмаріонъ предполагаетъ, что это древній пастушескій амулетъ; не будучи спеціалистомъ, я не берусь судить) на основаніи астрономическихъ данныхъ, — не привожу ихъ вслѣдствіе ихъ спеціальности,—г. Фламмаріонъ относитъ къ началу нашего лѣтосчисленія.

«Изображеніе созвѣздій,—говоритъ г. Фламмаріонъ,—не рѣдки у древнихъ народовъ. Такъ во время моего посѣщенія бретонскихъ пустынь (les solitudes bretonnes) въ окрестностяхъ Геранды и городка Бацъ (environs de Guerande et du bourg de Batz) я видѣлъ большое число изображеній, составленныхъ изъ отверстій на скалахъ, въ которыхъ можно было распознать Большую Медвѣдицу и Кассіопею. Въ музеѣ обсерваторіи Жювизи (de Juvisy) находится древній японскій мечъ палача; вблизи его эфеса награвированы изображенія Большой Медвѣдицы и Кассіопеи».

Г. К. Фламмаріонъ заключаетъ статью, выражая мнѣніе, что эта точилка представляетъ рѣдкій и интересный предметъ и что нѣтъ достаточно словъ для благодарнотти тѣмъ, кто находитъ и сообщаетъ во всеобщее свѣдѣніе эти слѣды давнопрошедшихъ временъ, чтобы они вносили свою частицу въ общіе успѣхи человѣческаго знанія.

В. Габбе.

Въ воспоминаніяхъ г. Хомутова объ И. С. Аксаковѣ, напечатанныхъ въ іюльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», на стр. 54, графъ Стенбокъ названъ оберъ-гофмаршаломъ. Это ошибка, такъ какъ графъ Стенбокъ былъ только гофмейстеромъ. (Кстати: просимъ г. Хомутова сообщить свой адресъ, который затерянъ въ редакціи).

Отвѣтъ «Всемірной Иллюстраціи».

Ври, да знай же мѣру!
Грибоѣдовъ.

«Всемірную Иллюстрацію» почему-то очень огорчила моя замѣтка [1]) о книгѣ г. Случевскаго, или, точнѣе, о большинствѣ никуда негодныхъ рисунковъ въ этой книгѣ. Конечно, на всякое чиханіе не наздравствуешься; но тутъ чихающій самъ напрашивается на добрыя пожеланія. Прошу редакцію «Историческаго Вѣстника» позволить мнѣ посильно удовлетворить этой претензіи.

Горькая обида нанесена мною, какъ оказывается, совершенно случайнымъ обстоятельствомъ. Я позволилъ себѣ отмѣтить поразительное сходство въ плохомъ исполненіи рисунковъ въ книгѣ «По Сѣверу Россіи» съ тѣми, какіе появились въ «Ласточкѣ», недолго полетавшей въ раіонѣ нашихъ дешевенькихъ иллюстрацій.

[1]) «Историческій Вѣстникъ», № 7.

Вышло, что я совершенно невольно попалъ не въ бровь, а прямо въ глазъ, сказавши, что «вообще художественная часть изданія попала видимо въ неумѣлыя руки». Этимъ мимолетнымъ замѣчаніемъ мнѣ неожиданно удалось открыть настоящаго виновника порчи роскошнаго изданія, виновника, который намѣревался укрыться за спиной почтеннаго автора книги и, пожалуй, при случаѣ взвалить на него всю отвѣтственность за рисунки, одобрявшіеся другимъ лицомъ. Не вѣрите, прочтите нижеслѣдующую росписку въ полученіи:

«Откуда Ѳ. Б. знаетъ про эту якобы неумѣлую редакцію? Всѣ книги обыкновенно редактируются самими авторами. Въ книгѣ г. Случевскаго нигдѣ не сказано, что художественная часть изданія редактировалось особо. А если это и было на самомъ дѣлѣ, то не объясняются ли всѣ нападки и придирки Ѳ. Б. просто личными непріязненными отношеніями къ этой редакціи. Если это все такъ (а это несомнѣнно), то какой же смыслъ можетъ имѣть вся статья Ѳ. Б. Прозрачные экивоки въ сторону покойной «Ласточки» вполнѣ подтверждаютъ нашу мысль».

Смысла, дѣйствительно, не было бы печатать мою замѣтку, если бы все было такъ, какъ силится представить своимъ читателямъ «Всемірная Иллюстрація» или тотъ изъ членовъ ея редакціи, на комъ, по пословицѣ, загорѣлась шапка при одномъ упоминаніи о «Ласточкѣ».

Но на бѣду росписавшагося въ полученіи, сочинитель «Всемірной Иллюстраціи», назвавшійся какимъ-то Сергѣемъ Смысловымъ, самъ придумалъ свое «несомнѣнно». Я не только въ «непріязненныя», но и въ никакія «личныя отношенія» не вступалъ никогда ни съ «Ласточкой», и ни съ кѣмъ изъ тѣхъ, кто направлялъ ея невысокій полетъ, пока не угодилъ направить его прямо въ Лету.

Мало того, я не имѣлъ и, вѣроятно, не буду никогда имѣть ни чести, ни удовольствія вступать въ какія либо литературно-дѣловыя отношенія ни съ издателемъ «Ласточки», г. Маркусомъ, ни съ ея бывшимъ редакторомъ, г. Дмитріевымъ-Кавказскимъ, такъ какъ между нами не можетъ быть никакихъ пунктовъ соприкосновенія на поприщѣ журналистики. А между тѣмъ г. Сергѣй Смысловъ съ развязностью, которой могли бы позавидовать даже безграмотные художники, берущіеся за редижированіе журналовъ, осмѣливается утверждать, будто «несомнѣнны» мои личныя отношенія къ редакціи «Ласточки».

Это—по части лжи, опроверженіе которой мною доставлено и въ редакцію «Всемірной Иллюстраціи». А вотъ и претензія на «дѣльность» опроверженія моей замѣтки. Эту претензію нельзя оставить безъ вниманія, такъ какъ она изобличаетъ пріемы обиженныхъ мною «неумѣлыхъ рукъ», распоряжавшихся иллюстраціями въ книгѣ г. Случевскаго. Я замѣтилъ, напримѣръ, что въ подобныхъ изданіяхъ «гораздо цѣлесообразнѣе воспроизводить иллюстраціи прямо съ фотографій, которыя снимались бы съ натуры, а не довольствоваться перерисовкой этихъ фотографій или старыхъ изображеній, а то и просто сочинительствомъ по разсказамъ». Но г. Сергѣй Смысловъ, претендующій на «компетентность», желая уличить меня въ «невѣжественности» (?), заявляетъ развязно, что вѣдь, молъ, «всѣ рисунки именно и сдѣланы съ фотографій и только одинъ съ литографіи». Я говорю объ Иванѣ, а мнѣ отвѣчаютъ... совсѣмъ о другомъ. И посмотрите какъ ловко. Рисунки отожествлены съ иллюстраціями. Вѣдь цинкографическія иллюстраціи дѣлаются съ фотографій; стало быть, и «всѣ рисунки съ фотографій». Я именно и указалъ на нелѣпость перерисовки фотографій, чтобъ потомъ опять

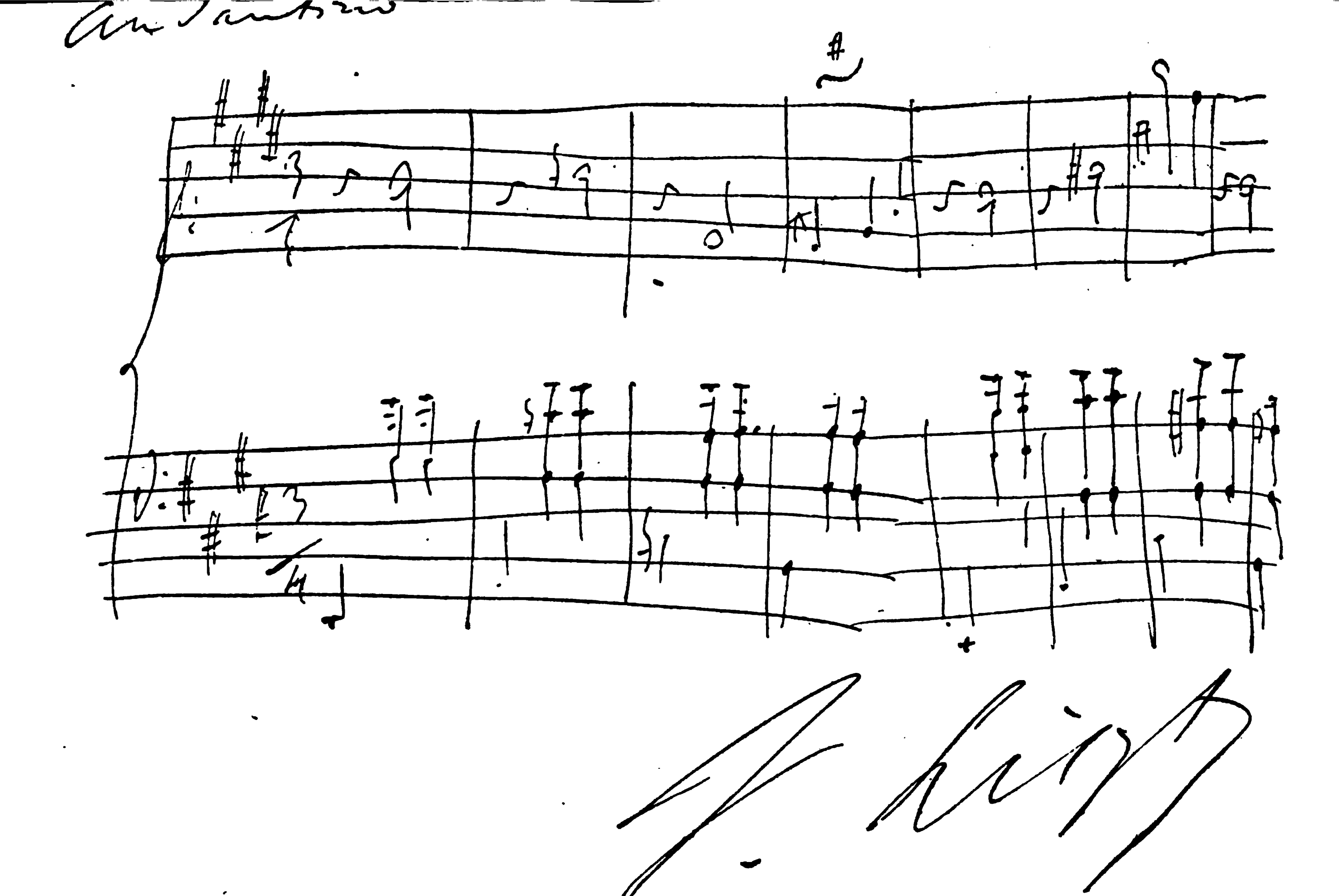
съ рисунка, да еще отвратительнаго, снимать новую фотографію. А г. Сергѣй Смысловъ спѣшитъ увѣрить читателя, не посвященнаго въ технику дѣла—все съ фотографій! Неужели и виньеточные рисунки снимались тоже съ натуры, а коровы г. Самокиша—тоже съ натуры, а «Цистерна», а «Проводы», и пр., и пр.?

Такая путаница обличаетъ или невѣжество самого г. Сергѣя Смыслова, или, еще хуже того, завѣдомую увертливость его съ разсчетомъ на легковѣріе непосвященнаго читателя.

Но столь отважный сочинитель не останавливается на своей путанницѣ. Чтобъ пустить побольше пыли въ глаза, онъ утѣшается въ «заключеніе», что отзывы о книгѣ «По сѣверу Россіи» вездѣ были благопріятны. О книгѣ, можетъ быть, но о рисункахъ, вѣроятно, умалчивалось изъ уваженія къ имени автора, за котораго спрятался настоящій виновникъ ихъ испорченности. Если и это можетъ быть утѣшительнымъ явленіемъ, въ такомъ случаѣ ничего не остается, какъ пожелать «Всемірной Иллюстраціи» не брать на себя защиту того, что такъ неблаговидно и достойно лишь порицанія.

Ѳ. В.

Екатерина Семеновна Семенова.

Съ гравированнаго портрета Уткина.

дозв. ценз. спб., 27 авг. 1886 г.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ ВЪ ЕКАТЕРИНИНСКУЮ ЭПОХУ.

II.

СКЕПТИЧЕСКО-НРАВОУЧИТЕЛЬНОЕ[1]).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1.

Масонство въ Екатерининскія времена.

Екатерининская эпоха, вторая половина прошедшаго столѣтія, была временемъ наибольшаго сближенія нашего съ Западной Европой; по впечатлительности, чуткости и отзывчивости нашего народнаго характера, мы откликались душою на все въ умственной и нравственной жизни Запада, усвоивали всевозможныя чужія идеи, а по нашей склонности все доводить до конца, по безтрепетной и искренней послѣдовательности русской души, готовы были впадать, и дѣйствительно впадали, въ крайности. Это послѣднее обстоятельство смущало и донынѣ смущаетъ многихъ изъ насъ: одно изъ благороднѣйшихъ направленій нашей новой литературы—славянофиль-

[1]) Очеркъ другаго, скептическо-матеріалистическаго, направленія въ литературѣ Екатерининской эпохи былъ напечатанъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1884 года, въ №№ 5, 6 и 7.

ство, враждебно смотрѣло по этой причинѣ на наше сближеніе съ Западомъ и проповѣдовало порой отчужденіе отъ него, возвращеніе къ старинѣ, отреченіе отъ петровскаго періода исторіи.

Но напрасны были эти тревоги и страхи за нашу самобытность и оригинальность. Здравый смыслъ русскаго народа и затаенный высокій жизненный идеалъ, не умершій и въ оторвавшемся въ петровскую эпоху отъ народа русскомъ обществѣ, должны были спасать и на самомъ дѣлѣ спасали это общество отъ гибели въ односторонности или во лжи крайнихъ увлеченій. Да и самыя эти увлеченія были такъ разнородны, такъ противорѣчивы и какъ бы несовмѣстимы, что самымъ этимъ противорѣчіемъ сдерживали другъ друга. То, чего не вынесъ бы народъ больной и слабый, служило лишь на пользу мощному организму нашего народа:

Тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ,

по правдивому слову великаго поэта.

Екатерининскій вѣкъ — это слово тотчасъ напоминаетъ намъ энциклопедистовъ, Вольтера и вольтеріанство, увлеченіе нашихъ предковъ скептицизмомъ и матеріалистической философіей. Но не должно, однако, думать, что только этого порядка идеи владѣли сердцами и умами людей той эпохи: не менѣе сильно, чѣмъ вольтеріанство, было распространено у насъ противоположное ему направленіе духа — мистическое, выразившееся тогда въ формахъ масонства.

Въ XVIII вѣкѣ масонство облечено было тайной; братья масоны тщательно скрывали свои вѣрованія и обряды отъ профановъ, отъ непосвященныхъ. Въ настоящее время тайна эта нарушена, множество масонскихъ документовъ явилось уже въ печати, и наша литература обладаетъ нѣсколькими дѣльными изслѣдованіями о «свободномъ каменьщичествѣ» [1]). Россія особенно богата (какъ указываетъ г. Пыпинъ) масонскими рукописями: разныя системы ордена вольныхъ каменьщиковъ присылали намъ свои документы, стараясь каждая найдти себѣ адептовъ въ Россіи. Большая часть этихъ документовъ еще не издана. Румянцовскій музей и С.-Петербургская Публичная Библіотека обладаютъ богатѣйшими собраніями масонскихъ рукописей.

Масонство екатерининскаго времени было чѣмъ-то въ родѣ свѣтскаго монашескаго ордена. Это было братство или товарищество людей съ мистическимъ настроеніемъ души, отличавшееся ха-

[1]) Статьи Ешевскаго въ собр. его сочиненій, изд. въ Москвѣ въ 1871 году, см. ч. III. Сочиненія г. Пыпина въ «Вѣстникѣ Европы» 1867 года, №№ 2, 3 4; 1868 года, №№ 6 и 7; 1870 года, № 10; 1872 года, №№ 1, 2 и 7. Книга Лонгинова «Новиковъ и московскіе мартинисты» и друг. (См. подробно въ моей книгѣ «Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг.).

рактеромъ аскетизма. Живя и развиваясь среди общества, масонство становило своею цѣлью борьбу съ преобладавшими въ немъ скептическими и матеріалистическими идеями, борьбу съ господствующимъ духомъ вѣка.

Мистицизмъ былъ одною изъ главныхъ характеристическихъ чертъ масонства; по справедливымъ словамъ одного изслѣдователя, масоны твердо вѣрили,

«что ясное понятіе о божествѣ, природѣ и человѣкѣ невозможно для обыкновеннаго человѣческаго познанія, что этого понятія не доставляютъ и положительныя религіи, и что оно достигается непосредственнымъ приближеніемъ къ божеству, чудеснымъ единеніемъ съ высшимъ божественнымъ міромъ, которое происходитъ внѣ всякой дѣятельности сухаго разсудка» [1]).

Міръ земной и земная жизнь были для масоновъ царствомъ дьявола и тьмы, и орденъ аскетически отрекался отъ міра и жизни. Въ елагинскихъ правилахъ [2]) о томъ, какъ должно приготовлять вступающаго въ каменьщики, въ числѣ обязанностей масона названа «любовь къ смерти». Все, относящееся къ земной жизни, не только предметы матеріальнаго міра, но и то, чѣмъ живетъ человѣческій духъ, искусство, науку—все это масонство готово было отрицать, никакихъ земныхъ радостей и привязанностей оно не допускало; все земное должно служить человѣку лишь средствомъ для извлеченія изъ него нравоученій и назиданій. С. Т. Аксаковъ въ своей статьѣ «Встрѣча съ мартинистами» [3]), разсказывая про одного масона Рубановскаго, весьма почтеннаго человѣка, вотъ что замѣчаетъ про его убѣжденія:

«Моя горячая любовь къ литературѣ, къ театру, къ изящнымъ искусствамъ, какъ выражались тогда, была въ его глазахъ такою же мірскою суетою, какъ балы, щегольство, карты и даже разгульная жизнь».

Знаменитый художникъ Витбергъ, близко знакомый въ молодости съ Лабзинымъ, говоритъ [4]) про этого извѣстнаго масона, что онъ,

«преданный религіозно-философскимъ изысканіямъ, требовалъ, чтобы всѣ жертвовали своими занятіями вопреки призванію, вопреки талантамъ, все считая низкимъ. Такимъ образомъ, вмѣсто того (разсказываетъ художникъ), чтобы питать жаръ и любовь во мнѣ къ искусствамъ, онъ охлаждалъ меня къ нимъ, отвлекалъ отъ нихъ».

Подобное же отношеніе къ искусству встрѣтилъ Витбергъ и въ знаменитомъ масонѣ Гамалеѣ, холодно отнесшемся къ его проекту храма Христа Спасителя.

---

[1]) «Рус. масонство въ XVIII вѣкѣ», ст. г. Пыпина («Вѣстникъ Европы» 1867 г., № 2, стр. 2).

[2]) Елагинъ, Ив. Перф., одинъ изъ главныхъ петербургскихъ масоновъ.

[3]) «Русская Бесѣда», 1859 года, № 1, стр. 70.

[4]) «Рус. Старина», 1872 г., № 4, стр. 551.

Въ одной масонской рукописи, принадлежащей Румянцевскому музею [1]), въ помѣщенномъ тамъ сочиненіи «Ежедневное испытаніе совѣсти», гдѣ говорится, какъ человѣкъ долженъ всякій день помышлять о своихъ согрѣшеніяхъ и испытывать себя вопросами о нихъ, есть, между прочимъ, такіе вопросы:

«Убѣгаю ли я танцевъ, также игоръ и музыкальныхъ забавъ, яко прелестей и привадъ къ заповѣданной мірской и грѣховной похоти?

«Убѣгаю ли я онаго хуже, нежели самого діавола, или же услаждался я онымъ, а иное и дѣлалъ?»

Здѣсь музыка не только поставлена на одну доску съ танцами и играми, не только сочтена «грѣховной похотью», но даже признана такимъ зломъ, котораго слѣдуетъ избѣгать больше, нежели дьявола.

Въ хранящейся тоже въ Румянцевскомъ музеѣ масонской рукописи изъ собранія покойнаго Ешевскаго [2]), въ отдѣлѣ подъ названіемъ: «Отрывки, доставшіеся брату М. В. П. послѣ покойнаго оберъ-директора Коловіона, большею частію, писанные собственною его К. рукою», въ главѣ «Относительно къ брр.», гдѣ перечислены нѣкоторыя обязанности братьевъ-масоновъ, мы встрѣчаемъ, между прочимъ, запрещеніе смѣяться надъ пороками, т. е. отреченіе отъ смѣха и отъ сатиры. Согласно съ этимъ, Новиковъ, сдѣлавшись масономъ (въ 1775 году), пересталъ издавать сатирическіе листки, и въ его нравоучительномъ журналѣ «Утренній Свѣтъ» (выходившемъ отъ 1777 по 1781 годъ) совсѣмъ нѣтъ сатиры. Въ той же вышеупомянутой рукописи Ешевскаго, въ одномъ посланіи къ брр. розенкрейцерамъ, говорится, что масонъ долженъ всегда стоять на точкѣ «рѣшимости мужественно ратоборствовать противъ плоти, міра и сатаны, и подвизаться въ томъ до самой смерти». Для масонства, такимъ образомъ, плоть, сатана и міръ были единое цѣлое, были одно и то же.

Масонство никогда не отличалось единствомъ; это одна изъ причинъ, почему такъ трудно уловить и опредѣлить его сущность, равно какъ трудно дать прямой отвѣтъ на вопросъ: какую цѣль имѣлъ орденъ? Системъ масонства было множество; эти системы разнились одна отъ другой, порой весьма сильно, и цѣлями, которыя себѣ ставили, и своими тайнами, и символами, одеждами, числомъ степеней и т. д.

Первоначальнымъ масонствомъ считаютъ англійское; это была самая простая и чистая форма вольнаго каменьщичества. Въ англійскомъ масонствѣ было только три степени: ученика, товарища и мастера; братья стремились къ нравственнымъ цѣлямъ, къ добро-

---

[1]) Рук. Рум. музея, № 2,703. (Изъ собранія, принесеннаго въ даръ музею Щаповымъ).—Упомянутое сочиненіе писано, кажется, рукою Гамалеи.

[2]) Рук. Рум. музея, изъ собр. Ешевскаго, № 95.

дѣтели; они хранили отъ «профановъ» тайну, но этой тайной была простая мистическая легенда о построеніи Соломонова храма: ни желанія открыть способъ приготовленія золота, ни вызыванія духовъ въ англійскомъ масонствѣ не было. Перешедши на континентъ, вольное каменьщичество подверглось всевозможнымъ видоизмѣненіямъ, преобразованіямъ. Явились новыя, высшія степени ордена, новыя стремленія, порой несогласныя съ нравственными понятіями; братья занялись съ увлеченіемъ средневѣковыми тайными науками—алхиміей, магіей, и другими; сложились въ орденѣ въ высшей степени странные и грубые обряды. Образовались: система «строгаго наблюденія», или тампліерство, система «слабаго наблюденія», или циннендорфство, розенкрейцерство (братство злато-розоваго креста), мартинизмъ, иллюминатство и т. д. Во всѣхъ этихъ системахъ были различныя цѣли: одни масоны попрежнему стремились къ добродѣтели; другіе признавали своею задачей—испытаніе натуры вещей, исканіе философскаго камня, универсальнаго лѣкарства; третьи заботились о чудесномъ сообщеніи съ духами, о мистическомъ соединеніи съ Божествомъ.

У насъ, въ Россіи, нашли себѣ послѣдователей различныя системы масонства. Новиковъ въ одномъ своемъ показаніи во время слѣдствія надъ нимъ говоритъ [1]), что въ Россіи было 4 вида масонства: аглицкое, шведское (тампліерство), рейхельское (система слабаго наблюденія) и берлинское (розенкрейцерство). Русскіе масоны не имѣли еще высшихъ степеней и не владѣли высшими тайнами, т. е. не считали себя умѣющими дѣлать золото; но они всего этого сильно желали и ко всему этому стремились: для изученія высшихъ тайнъ ордена отправленъ былъ ими за границу, въ Берлинъ, нѣкто Кутузовъ, молодой человѣкъ, на котораго возлагались большія надежды. О такой миссіи Кутузова положительно говорятъ показанія Новикова.

Масонство смотрѣло на себя какъ на церковь и считало себя прямымъ продолженіемъ апостольской церкви. Въ собраніяхъ масоновъ говорились духовнаго характера проповѣди на текстъ изъ священнаго писанія; ложи обладали какъ бы церковными предметами; въ нихъ совершались священнодѣйствія и даже своего рода таинства. Пекарскій нашелъ въ елагинскомъ собраніи рукописей и изображеній «четвероугольный кусокъ бѣлаго атласа на подобіе антиминса, съ наклеенными рисунками на бумагѣ, которые изображаютъ четырехъ символическихъ животныхъ при евангелистахъ и закланнаго агнца» [2]). Извѣстно, что столъ въ ложѣ, стоявшій передъ кресломъ «мастера ложи», т. е. предсѣдателя, назывался жертвенникомъ, и на немъ всегда лежало Евангеліе, откры-

---

[1]) «Сборникъ рус. историч. Общества», т. II, документы по Новиковскому дѣлу.

[2]) Дополненія, Пекарскаго, стр. 70.

тое на 1-ой главѣ отъ Іоанна. Въ «Инструкціи для директоріи, основанной въ Петербургѣ» въ 1780 году, говорится о необходимости совершать въ собраніяхъ божественную службу въ первую пятницу каждаго мѣсяца (въ томъ предположеніи, что въ орденѣ есть духовныя лица). Наши масоны отвѣчали на одинъ изъ вопросовъ этой «Инструкціи», что въ ихъ капитулѣ всего только одинъ братъ изъ духовныхъ, но что исполнять духовную должность прелата, т. е., значитъ, совершать богослуженіе, по ихъ мнѣнію, могъ вообще и свѣтскій братъ, достойный уваженія по чистотѣ своихъ нравовъ [1]). Въ вышеупомянутой рукописи изъ собранія Ешевскаго говорится, что при принятіи въ 4-ую степень розенкрейцерства приносилась Богу «курительная жертва ѳиміама» и совершалось «помазаніе», чрезъ что̀ принятый могъ уже ясно усмотрѣть «истинный предметъ св. Ѳ—на и ясное блистаніе истинной невидимой церкви Спасителя нашего», т. е. совершалось таинство. Въ своей баснословной исторіи масонство считаетъ себя даже болѣе древнимъ учрежденіемъ, нежели апостольская церковь: Авраамъ былъ возстановителемъ масонства въ Египтѣ, и самъ Адамъ былъ масономъ.

Въ первоначальной основѣ масонства, конечно, лежало доброе начало; этого не отрицаютъ и тѣ изслѣдователи «вольнаго каменьщичества», которые вообще относятся къ нему несочувственно. Орденъ требовалъ отъ своихъ членовъ братской любви и благотворительности, призывалъ человѣка къ самоусовершенствованію, къ работѣ надъ собою. Масоны отличались національной, религіозной и сословной терпимостью. Г. Пыпинъ не безъ основанія говоритъ, что масонство было у насъ на Руси «первою популярною философіей». Другой изслѣдователь, покойный Ешевскій, нарисовавъ краткими, но живыми чертами мрачную картину паденія нравовъ въ XVIII вѣкѣ, замѣчаетъ, что масонство боролось противъ этого паденія, что оно поднимало внутренняго, духовнаго человѣка надъ существомъ животнымъ. Одинъ изъ лучшихъ нашихъ масоновъ Батенковъ въ своихъ воспоминаніяхъ [2]) утверждаетъ, что «шатаніямъ и колебаніямъ жизни XVIII вѣка, ея легкомысленной измѣнчивости и пустотѣ, ея неустойчивой и безпокойной, ненасытимой жаждѣ чувственныхъ наслажденій, масонство противополагало нравственную дисциплину, внутреннее сосредоточеніе и устой».

Все это, если не вполнѣ, то въ значительной мѣрѣ, справедливо. Но нельзя не замѣтить въ то же время, что добро и правда лежали больше въ отвлеченной основѣ масонства, въ его далекомъ отъ жизни отвлеченномъ идеалѣ; въ реальной же дѣйствительности орденъ дошелъ до необузданнаго фантазерства. Идеальныя воззрѣ-

---

[1]) «Вѣст. Евр.», 1872 г., № 7, «Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ», стр. 260.

[2]) «Вѣст. Евр.», 1872 г., № 7, «Масонскія воспоминанія Батенкова».

нія и стремленія масоновъ оборвались и незамѣтно перешли въ грубый практическій матеріализмъ, какъ это очень часто бываетъ съ мистиками. Искушенію «грѣха плоти»

«подпадаютъ обыкновенно (говоритъ высокій мыслитель нашего времени) послѣдователи мнимо-духовныхъ, мистическихъ сектъ, въ которыхъ преувеличенная и самодовольная духовность смѣняется полнымъ разгуломъ чувственности, и свобода духа, переходя въ свободу плоти, кончается рабствомъ плоти» [1]).

Такъ и случилось съ масонами. Они занялись тайными средневѣковыми науками, углубились въ алхимію, стали искать философскаго камня, посредствомъ котораго, во-первыхъ, всѣ металлы можно обращать въ золото, во-вторыхъ, приготовлять панацею, или универсальное лѣкарство. По вѣрованіямъ нашихъ масоновъ (какъ видно, напр., изъ «Нравоучительнаго катехизиса» Лопухина), это лѣкарство дастъ человѣку возможность жить нѣсколько сотъ лѣтъ. Стремленіе дѣлать золото, т. е. обладать богатствомъ, и желаніе жить сотни лѣтъ совершенно не вяжутся съ прежними идеалистическими мечтами масонства.

По вѣрованіямъ масоновъ, орденскія тайныя науки давали силу братьямъ высшихъ степеней вызывать духовъ, а маги (или братья послѣдней степени) могли сравняться чрезъ нихъ по знаніямъ, по власти надъ природой съ Моисеемъ, Иліею, Іисусомъ Навиномъ, Гермесомъ, Соломономъ, они могли остановить солнце, отверзать и затворять небо, они не только имѣли возможность вызывать души умершихъ людей, но видѣли Христа лицомъ къ лицу.

Розенкрейцеры считали опаснымъ и даже дурнымъ дѣломъ вызываніе духовъ, но и они не прочь были отъ таинственныхъ сообщеній съ сверхъестественнымъ міромъ и, впадая въ грубѣйшій матеріализмъ, думали достигнуть этого, приводя себя въ экстатическое состояніе посредствомъ различныхъ физическихъ движеній (подобно хлыстовщинѣ) и разныхъ возбуждающихъ снадобій. Все это совершенно расходится съ первоначальными нравственными цѣлями ордена.

То же мы видимъ и въ орденскихъ обрядахъ. Съ развитіемъ изъ англійскаго масонства другихъ системъ, сравнительно простые обряды принятія въ степени обратились въ цѣлыя сложныя представленія со всевозможными ужасами. Ложу стали убирать чернымъ сукномъ съ нашитыми на немъ блестками въ видѣ слезъ; свѣтильники горѣли въ настоящихъ черепахъ, иногда устроивались даже для этого двигавшіеся на пружинахъ скелеты. Простой обходъ принимаемаго въ братья вокругъ ложи (съ остановками предъ изображеніемъ мертвыхъ костей, причемъ ему напоминалось о смерти) обратился въ такъ называемое путешествіе съ различными страшными препятствіями, въ видѣ проваловъ, оптическихъ

[1]) Вл. Соловьевъ. Религіозныя основы жизни. М. 1884 г. Стр. 29.

обмановъ, неожиданнаго грома, дѣйствія электрической машины, угрозъ испытаніемъ посредствомъ раскаленнаго желѣза. Въ елагинскихъ ритуалахъ (правилахъ), напечатанныхъ Пекарскимъ, сказано, что принимаемый въ ученики долженъ былъ пролить нѣсколько капель своей крови въ особую чашу, въ которую прежде такимъ же образомъ была пролита кровь ранѣе вступившихъ въ орденъ. Посвящаемаго ставили на одно колѣно передъ жертвенникомъ, приказывали ему положить одну руку на Евангеліе, а другою приставить къ своей груди циркуль. «Братъ ужасный! (говорилъ великій мастеръ). Гдѣ кровавая чаша? Исполни свою должность». Братъ ужасный подходилъ съ чашей, а мастеръ ударялъ своимъ молоткомъ трижды по циркулю; сочившаяся изъ ранки кровь текла въ чашу и символически соединяла вступающаго съ братьями масонами.

Обряды посвященія въ мастера въ елагинскихъ ритуалахъ были еще страшнѣе. На чорномъ помостѣ ложи ставился чорный гробъ съ утвержденными на немъ вѣтвью акаціи, мертвой головой и серебряной бляхой. Вмѣсто трехъ подсвѣчниковъ устроивали три скелета, сидящіе на чорныхъ подножіяхъ, подобныхъ кубическимъ камнямъ; каждый скелетъ держалъ тройной подсвѣчникъ съ тремя свѣчами. Братья были одѣты въ чорномъ. Во время путешествія посвящаемаго вокругъ ложи братья стояли близь гроба, наклонивъ голову на руку; въ гробѣ лежалъ подъ окровавленной простыней одинъ изъ младшихъ мастеровъ. По окончаніи путешествія ищущаго подводили къ жертвеннику, причемъ онъ долженъ былъ перешагнуть черезъ гробъ. Пока онъ приносилъ обѣтъ «молчаливости», для него приготовляли гробъ, въ который и повергали его неожиданно, при третьемъ ударѣ великаго мастера молотомъ и при произнесеніи слова «смерть». Затѣмъ его покрывали окровавленной простыней и при 9-мъ ударѣ предсѣдателя по эфесу своей шпаги братья стремительно бѣжали ко гробу и устремляли на лежащаго острія шпагъ.

Масоны думали, что всѣми подобными дѣйствіями, ужасными и отвратительными, они, во-первыхъ, испытывали твердость духа новопринимаемаго, во-вторыхъ, напоминали ему о тлѣнности всего земнаго, о неизбѣжности смерти, учили, что смерть — не зло, а добро, и приготовляли его къ ней... Намъ теперь все это должно представляться иначе: воспитать въ человѣкѣ твердость духа и приготовить его къ смерти, научить не бояться ея можно путями иными, болѣе простыми и человѣчными, безъ грубыхъ эффектовъ и запугиваній, безъ искусственнаго и нечистаго возбужденія фантазіи. Но люди XVIII вѣка, нравственно отупѣвшіе въ чувственныхъ наслажденіяхъ, болѣе всего боявшіеся смерти и потерявшіе чувство воспріимчивости на все простое и здоровое, — именно въ страхѣ смерти, въ игрѣ ея явленіями находили особаго рода сладостра-

стіе: циническое любованіе страданіями, кровью, смертью, есть высшая степень чувственности. И притомъ во всѣхъ ужасныхъ обрядахъ масонства нѣтъ ничего христіанскаго, — они скорѣе напоминаютъ намъ язычество, какія-то кровавыя человѣческія жертвы.

Къ темнымъ сторонамъ ордена слѣдуетъ отнести и его тайны и тщательное ихъ храненіе. Христіанство подобныхъ тайнъ не знаетъ: оно проповѣдовало и проповѣдуетъ свои вѣчныя величайшія истины толпамъ народа среди бѣлаго дня. Масоны же скрывали свои воображаемыя знанія не только отъ непосвященныхъ, профановъ, но и отъ всѣхъ собратьевъ; масонскія истины открывались лишь по частямъ, по мѣрѣ полученія братствами различныхъ степеней. Сообщеніе тайны сопровождалось клятвой принимающаго въ храненіи ея,—въ клятвѣ заключались страшныя угрозы за нарушеніе. Посвящаемые въ мастера, давая обѣтъ молчанія, въ то же время клялись, что будутъ «помогать мастерамъ противу возстающихъ товарищей». Все это тоже отзывается язычествомъ и очень далеко отъ христіанства. Орденъ допускалъ, какъ мы видимъ, взаимную вражду въ своихъ нѣдрахъ, допускалъ какъ нѣчто необходимое и даже должное. Каждая степень обязана была ревниво оберегать отъ низшихъ степеней свои знанія: это было вѣчное междоусобіе. Здѣсь выразилось и присутствіе въ масонствѣ аристократическаго начала. Да, собственно говоря, аристократизмъ въ широкомъ смыслѣ слова замѣтенъ уже и въ англійскомъ масонствѣ: въ «Конституціяхъ» Андерсона говорится [1]), что лица, допускаемыя въ ложу какъ члены, должны быть люди добрые и вѣрные, небезнравственные или неприличные, притомъ — свободные по рожденію, зрѣлаго и разсудительнаго возроста, не крѣпостные, не женщины. Мы видимъ отсюда, что масонство въ сущности и не брало на себя исправленія людей: орденъ требовалъ, чтобы вступающій въ него былъ уже прежде добрый и нравственный человѣкъ. Мосонство внушалось не только порочными людьми, несвободными духовно, но оно не принимало въ свою среду и несвободныхъ матеріально, гнушалось рабовъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ вольное каменьщичество стало явленіемъ отвлеченнымъ, далекимъ отъ дѣйствительности. Отрекаясь отъ всего мірскаго, оно стало отрекаться и отъ борьбы со зломъ; такъ, напримѣръ, въ масонскихъ поученіяхъ мы встрѣчаемъ лишь отвлеченные толки объ общечеловѣческихъ недостаткахъ и нѣтъ тамъ никакихъ указаній на современные общественные пороки; согласно съ этимъ масонство отрекалось (какъ мы знаемъ) и отъ сатиры. Жизнь ложъ была сама по себѣ, жизнь общества сама по себѣ. Масонство не могло принести и не принесло въ концѣ концовъ того добраго

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1868 г., № 7, «Русское масонство до Новикова», стр. 170.

плода, котораго можно было ожидать отъ него первоначально. А между тѣмъ изъ жизни общества, изъ жизни обыденной, въ орденъ заходили самые грубые пороки и страсти: тщеславіе и разсчетъ побуждали вступать въ орденъ многихъ, надѣявшихся сблизиться тамъ съ знатными и богатыми; люди скучающіе и праздные искали въ засѣданіяхъ ложъ потѣхи и развлеченія; въ такъ называемыхъ «столовыхъ ложахъ» устроивались пиры и попойки, подъ прикрытіемъ мистическихъ обрядовъ.

Первоначальная идея масонства о нравственномъ самоусовершенствованіи и помощи бѣднымъ принесла свою долю пользы, какъ принесъ пользу и протестъ ордена противъ матеріализма философіи XVIII вѣка. Но нельзя не видѣть, что масонство кончило тѣмъ, что само унизительно оборвалось въ матеріализмъ, запуталось до того, что тѣло приняло за духъ, и поставило своею конечною цѣлью отысканіе способовъ дѣлать золото и жить сотни лѣтъ. Двѣ крайности: отрицаніе и мистицизмъ, сошлись въ одномъ выводѣ, пришли къ грубой чувственности.

Какъ вольтеріанство екатерининской эпохи ярко и сильно отразилось въ нашей литературѣ, такъ отразилось въ нашей литературѣ и масонство, или, лучше сказать, мистическое настроеніе духа вообще. У насъ печаталось множество переводныхъ масонскихъ сочиненій; стали писать такія сочиненія и наши русскіе авторы. Ярче всего и характернѣе мистицизмъ сказался въ произведеніяхъ выдающагося, крупнаго писателя екатерининскаго времени — Хераскова, знаменитаго нѣкогда творца эпопей «Россіада» и «Владиміръ».

2.

Переводныя масонскія сочиненія.

Переводныя и оригинальныя масонскія сочиненія издавало у насъ «Дружеское ученое Общество», переименованное впослѣдствіи въ «Типографическую Компанію». Это общество, въ которомъ самую видную, первую роль игралъ Новиковъ, обыкновенно считаютъ масонскимъ; но здѣсь явная ошибка. Общество, кромѣ печатанія масонскихъ книгъ, занималось многими совсѣмъ инаго рода дѣлами. Новиковъ же былъ плохой масонъ, и дѣятельность его имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ. Не мѣсто въ настоящемъ сочиненіи распространяться о «Дружескомъ ученомъ Обществѣ», печатавшемъ самыя разнообразныя сочиненія, устроившемъ педагогическую семинарію при Московскомъ университетѣ, имѣвшемъ свою больницу и аптеку для бѣдныхъ, помогавшемъ бѣднякамъ хлѣбомъ во время голода и т. д.; замѣтимъ только, что между членами Общества было и много масоновъ, какъ, напримѣръ, Иванъ

Влад. Лопухинъ, Ив. Петр. Тургеневъ, кн. Николай Никитичъ Трубецкой, Шварцъ и другіе. Эти-то лица, ревнуя къ пользамъ ордена, и заботились объ изданіи масонскихъ книгъ. Новиковъ былъ человѣкъ инаго душевнаго закала: какъ изъ философіи Вольтера и энциклопедистовъ онъ съумѣлъ извлечь то, что было въ ней истиннаго, отбросивъ ложь ея матеріализма, такъ и изъ масонства онъ съумѣлъ взять лишь его правду: фантастическія бредни и практическій матеріализмъ ордена его не занимали, а мысль о самоусовершенствованіи, о помощи бѣднымъ, о борьбѣ съ невѣріемъ въ духовный міръ, нашла въ немъ горячаго адепта и выразилась сильно и ярко въ его журналѣ «Утренній Свѣтъ», который отнюдь не можетъ называться масонскимъ журналомъ, какъ философія «Покоящагося Трудолюбца» Новикова (журнала 1784—1785 гг.) не можетъ называться волтеріанской, хотя ея скептицизмъ и взятъ у Вольтера: и вольтеріанство, и масонство, какъ таковыя, не мыслимы безъ ихъ ложныхъ сторонъ и крайностей, тѣмъ болѣе, что въ нихъ ложь преобладаетъ надъ затаившеюся долею правды. Вышеупомянутые масоны члены «Дружескаго Общества» тоже увлекались свѣтлой стороною масонства, дѣломъ благотворительности (это были, по большей части, все хорошіе люди); но они были наклонны и къ другой сторонѣ ордена и не удерживались, не могли удержаться на высотѣ истины, готовые вдаться въ фантастическій мистицизмъ.

Было бы очень интересно обстоятельно разобрать всѣ масонскія книги, изданныя «Типографической Компаніей»; начало такому труду положено Лонгиновымъ, въ сочиненіи котораго: «Новиковъ и московскіе мартинисты», сдѣланъ библіографическій обзоръ многихъ изъ этихъ книгъ. Имѣя другую задачу, я въ настоящемъ сочиненіи своемъ остановлюсь, какъ на примѣрахъ, лишь на трехъ произведеніяхъ обширной у насъ переводной масонской литературы: «Химическая псалтырь» Парацельса; «Апологія вольныхъ каменьщиковъ», вышедшая изъ типографіи Лопухина въ 1784 г., и «Массонъ безъ маски»—измѣнническое признаніе бывшаго масона (напечатанное не «Дружескимъ Обществомъ», а въ Петербургѣ).

Химическая псалтырь Ѳеофраста Парацельса, вышедшая въ свѣтъ въ Москвѣ въ 1784 году, прямо вводитъ насъ въ алхимическія вѣрованія нашихъ масоновъ: въ ней идетъ рѣчь о философскомъ камнѣ и его приготовленіи. Авторъ оговаривается, впрочемъ, что «рукодѣлье» такого камня познается не столько теоретически, сколько практически; это познаніе открывается лишь при помощи художника или даже Бога.

16-е правило псалтыри говоритъ о составныхъ частяхъ философскаго камня: «камень составленъ изъ сѣры и меркурія». Въ правилѣ 4-мъ меркурій опредѣляется какъ основная матерія всѣхъ тѣлъ: «философическое небо разрѣшаетъ всѣ металлы въ первое

вещество (матерію) ихъ, то есть въ меркурія»,—читаемъ мы здѣсь. Что же касается сѣры, то 58-е правило поясняетъ, что «сѣра мудрыхъ, тинктура и кисленіе (броженіе) значатъ одно и то же». Въ другихъ мѣстахъ книги говорится, что ни одно тѣло, въ томъ числѣ и серебро, не можетъ быть обращено въ золото, если предварительно не будетъ сдѣлано «текучимъ меркуріемъ». Этотъ меркурій долженъ быть затѣмъ варенъ, на свойственномъ ему огнѣ, съ сѣрою. Золото имѣетъ само въ себѣ чрезвычайно много богатствъ, которыя чрезъ «пріуготовленіе» могутъ быть обращены въ «силу кисленія (броженія)», т. е. въ сѣру, и чрезъ это умножены.

Обобщая свой взглядъ на элементы, на составныя части тѣлъ химическая псалтырь ими объясняетъ явленія и человѣческой жизни, и жизни всего міра вообще. При этомъ надо замѣтить, что она не признаетъ различія духа и матеріи, объединяя оба эти начала. «Сѣра есть душа; меркурій же есть вещество», — читаемъ мы въ правилѣ 39-мъ. А правила 42-е и 46-е учатъ, что «меркурій есть женское сѣмя всѣхъ металловъ и менструумъ ихъ»; «сѣра же злата и сѣра сребра суть истинныя мужскія сѣмена камня». «Мужъ и жена, т. е. ⊙ (сѣра) и меркурій, соединяются воедино»,—говоритъ правило 74-е. Въ правилахъ 11 и 145 сѣра и меркурій сближаются съ небесными тѣлами. По первому изъ нихъ, сѣра обозначена знакомъ солнца — ⊙, меркурій знакомъ луны — ☽; по второму — «меркурій есть стихія земли, къ которому принадлежитъ приложить одну грань ⊙» (знакъ, обозначающій въ символикѣ масонства и сѣру, и солнце). Псалтырь сближаетъ еще золото съ кровью: «растопляемое злато можетъ превращено и въ кровь обращено быть» (прав. 7-е). Особенное значеніе псалтырь придаетъ огню: въ 94-мъ правилѣ духъ отождествленъ съ теплотою — «духъ есть теплота (а духъ, какъ мы видѣли ранѣе, тождественъ съ сѣрой). «Ядъ и нечистота прогоняются силою огня безъ всякаго прибавленія. Одинъ огонь сей все производитъ»,—говорится въ 91 правилѣ; а раньше (въ правилѣ 90) пояснено, что «единый огонь все совершаетъ, улучшаетъ и исправляетъ». Правило 93 прибавляетъ къ этому, что «коль скоро при жизни и при рожденіи какія вещи огонь погаснетъ, толь скоро нападаетъ смерть на вещь ростущую». Вотъ почему приготовленіе философскаго камня совершается посредствомъ огня; правило 104 даетъ для этого такое наставленіе: «Изреченіе философовъ надлежитъ прилежно примѣчать: ибо чрезъ сублимацію разумѣютъ они разведеніе тѣлъ въ меркурія посредствомъ △ (т. е. огня) перваго степеня; сему послѣдуетъ вторая работа, которая есть напоеніе меркурія сѣрою: третіе—дѣланіе неподвижнымъ меркурія въ совершившемся и совершенномъ тѣлѣ».

Таково содержаніе «Химической псалтыри». Оно прямо указываетъ на грубо-матеріалистическія воззрѣнія масоновъ, на отождествленіе ими духа съ матеріей, на стремленіе ихъ къ матеріаль-

нымъ благамъ жизни. Съ этимъ общимъ содержаніемъ «псалтыри» какъ-то совершенно не вяжется напечатанное въ концѣ ея нравственное наставленіе: «будь благороденъ, благочестивъ и богобоязливъ». Это наставленіе какъ будто прибавлено лишь для очистки совѣсти; оно—слабый отзвукъ прежнихъ стремленій масонства.

Обратимся къ другой изъ названныхъ выше орденскихъ книгъ: «Апологія, или защищеніе ордена вольныхъ каменщиковъ, написанныя братомъ****, членомъ Шотландской*** ложи, въ П***». Книга эта переведена съ нѣмецкаго и напечатана въ типографіи Лопухина въ 1786 году. Изъ «Предувѣдомленія» къ ней мы видимъ, что авторъ сильно увѣренъ въ себѣ, въ значеніи и убѣдительности своихъ доводовъ; онъ рѣшительно заявляетъ: «Съ достовѣрностью можно надѣяться, что по прочтеніи сея книжки никакое въ сердцѣ вкорененное предразсужденіе не останется безъ того, чтобъ оно во основаніи своемъ симъ защищеніемъ не было поколеблено». Въ томъ же «Предувѣдомленіи» заявляется, что сочиненіе написано человѣкомъ, занимающимъ въ орденѣ «знатное мѣсто и притомъ ученымъ перваго степени». Всѣ эти обстоятельства свидѣтельствуютъ, что наши масоны, переведшіе и издавшіе книгу, считали ее важной, придавали ей значеніе; это заставляетъ и насъ признать ея значительность въ ряду книгъ масонской переводной литературы.

Въ первой части «Апологіи» дѣлаются возраженія противъ обвиненій на масоновъ. Нѣкоторыя изъ этихъ возраженій основательны; другія, напротивъ, весьма слабы. Эти послѣднія говорятъ далеко не въ пользу ордена, можно сказать, даже свидѣтельствуютъ противъ него.

Остановимся сначала на доводахъ перваго рода. Въ отдѣленіи IX первой части книги авторъ говоритъ, что масоновъ обвиняютъ въ «смѣшеніи состояній, въ томъ, что они принимаютъ въ свое общество людей разнаго рода». На такое обвиненіе онъ отвѣчаетъ, что, во-первыхъ, къ таинствамъ масонскимъ допускаются только христіане, «а жиды, язычники и магометане въ оныхъ части не имѣютъ; сіе есть существенная невозможность: быть вольнымъ каменьщикомъ, а не быть христіаниномъ. Въ разсужденіи сихъ послѣднихъ (прибавляетъ онъ) нѣтъ у насъ различія, къ какой бы сектѣ, церкви или исповѣданію они ни принадлежали»; во-вторыхъ, если бы въ орденѣ было иначе, то онъ возбудилъ бы еще большія подозрѣнія и навлекъ на себя сильнѣйшія обвиненія:

«Ежели бы мы (говоритъ апологетъ масонства) только одних знатныхъ и въ тайномъ совѣтѣ государскомъ засѣдающихъ людей вмѣщали, что бы сказалъ народъ? Обвиняли бы насъ въ суетной гордости. Мудрость и добродѣтель въ благородствѣ ли только? Сочли бы насъ желающими вползти ко двору и склонить министровъ на свою сторону, да, владѣя тайнами, овладѣть и государствомъ. Ежели бы члены наши были всѣ военные люди, не меньше бы было подозрѣнія.

Не безъ причины попрекали бы насъ, что общество, состоящее изъ солдатъ и генераловъ, весьма государству опасно. Есть ли бы мы всѣ были мѣщане, то и тогда не ушли бы отъ подозрѣнія; сказали бы: какой резонъ находятъ они отказывать доступъ служителямъ государей и защитникамъ государства? Развѣ принятіе ихъ подозрительно быть можетъ? Когда бы мы состояли только изъ духовныхъ, то и сіе не могло бы защитить, и прочіе члены государства не меньше бы чрезъ то питали къ намъ въ душѣ своей подозрѣнія. Ибо кое зло не предпринято рукою злыхъ Іез..., которые воздвигали народъ своимъ краснорѣчіемъ, а часто и суевѣріемъ? Естьли бы одни подлые [1]) имѣли право быть масонами, то бы считали насъ невѣжами, мужиками, и тогда прямо сказали бы, что нѣтъ ничего опаснѣе скопища сего подлаго народа, составляющаго масонскую ложу».

Довольно удаченъ и отвѣтъ на обвиненіе масоновъ въ томъ, что они не приносятъ пользы государству. Въ VI отдѣленіи первой части авторъ указываетъ на дѣла благотворительности ордена. Упомянувъ, что справедливость масонамъ отдаютъ только въ Англіи и Швеціи, онъ повѣствуетъ, что въ этой послѣдней странѣ братьямъ вольнымъ каменьщикамъ пришлось много бороться съ подозрѣніями; но они, наконецъ, побѣдили ихъ и заслужили народную признательность:

«Учредили они великое дѣло — домъ воспитательный, кой мало себѣ подобныхъ имѣетъ, и есть всеобщее прибѣжище сирыхъ вдовъ. Позволено было имъ и въ церквахъ публично милостыню собирать. Знатные господа не устыдились предстоять въ передни(ка)хъ и просить помощи бѣднымъ у человѣколюбцевъ».

Приведенные примѣры защиты указываютъ на извѣстныя намъ свѣтлыя стороны масонства: на благотворительность и на братское сближеніе въ орденѣ людей разныхъ вѣроисповѣданій и разныхъ сословій.

Совсѣмъ другимъ характеромъ отличаются возраженія защитника вольнаго каменьщичества на обвиненіе масоновъ въ «храненіи сокровеннаго», т. е. тайны (отдѣленіе III). И не столько неосновательны самыя эти возраженія, сколько странны и несочувственны высказываемыя по поводу ихъ воззрѣнія и стремленія, очевидно, усвоенныя авторомъ книги въ масонской средѣ. Вотъ его доводы въ защиту масонской тайны. Открытіе тайны не всегда бываетъ полезно. Если бы предположить (говоритъ онъ), что масоны владѣютъ способомъ дѣлать золото, до должны ли они открыть столь важное таинство людямъ? Конечно, нѣтъ, ибо отъ такого открытія произошли бы неисчислимыя бѣдствія:

«Скоро превращается сей благодатный даръ въ ужаснѣйшее наказаніе человѣческаго рода; вдругъ распространяются плачевныя онаго слѣдствія: цари низпадутъ отъ престоловъ своихъ, республики и государства рушатся, порядокъ, подчиненіе теряетъ силу, а, чтобы возвратить оныя, потребно взяться за жестокія

---

[1]) Т. е. простой народъ; простолюдины часто именовались въ XVIII вѣкѣ словомъ «подлые».

орудія; науки исчезаютъ, коммерція прерывается, земледѣліе и скотоводство погибаетъ, никто другому служить не хочетъ. И самая бѣдность не была бы причиной толикихъ опустошеній, каковыхъ бы стало золото. Мидасово желаніе исполняется и съ печальными своими слѣдствіями. До чего ни дотронемся, становится золотомъ; и всѣмъ приростаютъ мидасовы уши, то есть со степени человѣческой низпадаютъ въ число безумныхъ скотовъ».

Такими запугивающими чертами нарисованная картина свидѣтельствуетъ о ревнивомъ желаніи масонства за собой однимъ сохранить корыстную тайну дѣланія золота; она свидѣтельствуетъ и о вѣрѣ масоновъ въ возможность такого дѣланія, или, по крайней мѣрѣ, о страстномъ желаніи ими матеріальныхъ благъ жизни. На то же страстное желаніе земныхъ благъ намекаетъ (какъ позволительно догадываться) и другой примѣръ, приводимый апологетомъ ордена въ доказательство необходимости сохраненія тайны:

«Ежели бы франкъ-масоны (говоритъ онъ) милостію государей увольнены были отъ податей, то было бы сіе для нихъ, конечно, милость царская. Но должно ли другихъ въ томъ участниками дѣлать? Каждый патріотъ будетъ отвѣтствовать, что нѣтъ. Сіе было было бы злоупотребленіемъ милости, могущимъ подать случай ко многимъ безпорядкамъ».

Если и признать этотъ примѣръ совершенно отвлеченнымъ, т. е. не заподозрѣвать масоновъ въ реальномъ стремленіи къ пріобрѣтенію себѣ отъ государственной власти различныхъ льготъ и привиллегій, то, всетаки, онъ дурно рекомендуетъ орденъ: масоны, какъ мы видимъ, не прочь были бы, въ мечтахъ своихъ, выдѣлить себя изъ толпы, освободиться отъ общенародныхъ тягостей.

Съ дурной стороны рисуется намъ орденъ и въ третьемъ примѣрѣ апологета его тайны. Здѣсь масонское общество въ государствѣ сравнивается съ христіанами въ Турціи:

«Какъ ни увѣренъ каждый христіанинъ о божественности и пользѣ своей религіи (говоритъ авторъ книги), но не почли ли бы константинопольскихъ христіанъ безпокойными гражданами, ежели бы они во зло употребили свою вольность, предпріявъ тамо распространеніе своего закона».

Итакъ, масонъ находитъ, что христіане въ магометанской странѣ должны таить свое ученіе и не проповѣдовать его. Это безнравственное воззрѣніе совершенно согласно съ косностью масонства, съ его извѣстнымъ намъ нежеланіемъ бороться съ пороками и ложью.

Вторая часть «Апологіи», менѣе важная, заключаетъ въ себѣ разсужденіе о таинствахъ древнихъ народовъ, съ цѣлью «поданія возможнаго понятія о таинствахъ масонскихъ». Авторъ говоритъ о мистеріяхъ у египтянъ и грековъ, то сближая съ ними масонскія тайны, то желая указать между ними разницу. Параллель эта выходитъ весьма неясной, потому что апологетъ ордена явно что-то скрываетъ, не хочетъ высказать, въ чемъ, впрочемъ, и самъ сознается. «Ахъ, ежели бъ могъ я открыть завѣсу (восклицаетъ онъ), сколь бы легко мнѣ было сіе показать!»—но «завѣсы»

этой онъ такъ и не открываетъ. Не открываетъ онъ и многаго, извѣстнаго намъ теперь въ орденѣ; напр., онъ умалчиваетъ о фантастическихъ и странныхъ обрядахъ принятія въ масонство, въ различныя его степени; умалчиваетъ о безусловномъ повиновеніи младшихъ братьевъ старшимъ. Такая неискренность, разумѣется, вредитъ его собственному дѣлу, взятой имъ на себя защитѣ братьевъ франкъ-масоновъ.

Перейдемъ къ третьей изъ поименованныхъ книгъ: «Масонъ безъ маски, или подлинныя таинства масонскія, изданныя со многими подробностями точно и безпристрастно. (Въ Спб. въ 1784 г., печатано съ дозволенія указнаго у Христофора Геннинга)».

Сочиненіе это—измѣнническое; написавшій его масонъ отрекся отъ ордена и выдаетъ его тайны; онъ подсмѣивается надъ бывшими своими собратьями и, быть можетъ, даже озлобленъ на нихъ. Въ начинающемъ книгу обращеніи къ масонамъ онъ иронически говоритъ:

«Господа масоны! Я—бѣглецъ, оставившій братство ваше и вашу работу, дабы быть попрежнему профаномъ. Свѣтъ, коимъ вы меня озарили, не долженъ быть всегда подъ спудомъ и въ разсужденіи прочихъ ближнихъ нашихъ, но время уже просвѣтить онымъ и ихъ очи...».

Онъ оправдывается далѣе въ нарушеніи клятвы, или «торжественнаго обѣта» молчанія, который далъ, вступая въ братство:

«Въ томъ (говоритъ онъ) и совѣсть моя, и всѣ добродушные люди меня оправдаютъ. Обязательство свободное есть по истинѣ священное, но учиненное при обнаженныхъ мечахъ и посреди храма ужаса есть не иное что, какъ поруганіе клятвы и жертва единаго токмо коварства и легковѣрія...».

Оканчивается обращеніе оригинальными словами: «Я есмь, государи мои, усердный таинствъ вашихъ предатель NN.—Лондонъ».

Все это (и измѣна автора ордену, и его иронія) можетъ возбудить подозрѣніе въ достовѣрности показаній книги. Но подозрѣнія эти оказываются неосновательными, и сочиненіе должно быть признано правдивымъ, потому что сообщаемое имъ подтверждается обнародованными уже въ настоящее время масонскими документами. Помимо этого, на правдивость автора «Масона безъ маски» намекаетъ «Предувѣдомленіе» къ книгѣ, гдѣ высказываются его общія воззрѣнія и его спокойное безпристрастіе. Являясь врагомъ масонства, авторъ не впадаетъ въ противоположную крайность — въ матеріализмъ; напротивъ, онъ врагъ и матеріалистическихъ ученій; онъ — человѣкъ, видимо образованный и въ то же время вѣрующій:

«Буйная гордыня (говоритъ онъ) возобладала сердцами многихъ нынѣшнихъ мудрецовъ, коихъ изощренный разумъ, вооруживъ себя безстыдствомъ, стремится сильно противоборствовать самому важнѣйшему и утѣшительнѣйшему

Божественному откровенію, однако же и имъ никто не чинитъ въ томъ преграды потому, что они суть самыя лучшія орудія для утвержденія онаго. Спиноза, Махіавель, Гелвецій, Гюмъ, повторитель ихъ Волтеръ и другіе пособствовали ко утвержденію самоважнѣйшихъ истинъ вѣры болѣе, нежели препятствовали; ибо изъ писаній ихъ ясно видѣть можно, что сумрачный свѣтъ разума человѣческаго есть тьма противу лучей небеснаго свѣта, во Евангеліи сіяющаго и произведшаго въ великомъ Невтонѣ, премудромъ Локкѣ, славномъ Эйлерѣ, Галлерѣ и тысящѣ другихъ знаменитыхъ по учености и добродѣтельному житію мужахъ чистѣйшее благоговѣніе къ словесамъ и дѣяніямъ Христовымъ».

Защитникъ свободы мысли и слова, отстаивающій права на эту свободу и враждебныхъ ему по направленію писателей, авторъ «Масона безъ маски», по всей вѣроятности, знакомъ съ сочиненіями тѣхъ великихъ умовъ, о которыхъ онъ отозвался съ такимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ.

Открывая масонскія тайны, онъ обѣщаетъ быть безпристрастнымъ, обѣщаетъ отдать «должное добродѣтели, а пороки обличить». И въ самомъ дѣлѣ, онъ указываетъ свѣтлыя стороны масонства. Онъ видитъ добро въ первоначальной основѣ ордена:

«Масонство (говоритъ онъ) было прежде сего собраніе людей избранныхъ, которыхъ дружба соединяла и поощряла взаимную подавать помощь другъ другу въ нуждахъ».

Основатель масонства, по его словамъ:

«коему должно приписывать по справедливости безсмертіе, имѣлъ просвѣщенный разумъ и чистое сердце. Онъ усмотрѣлъ, что всѣ люди равны и что ничего не достаетъ къ ихъ благополучію, какъ токмо чтобы они сами хотѣли онаго достигнуть чрезъ взаимную и искреннюю любовь. И поелику страсти человѣческія и достоинства препятствуютъ успѣху нашего благополучія, то онъ надѣялся, изгнавъ оныя, возвратить прежнюю неповинность».

Но масонство исказилось въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи:

«Мы теперь видимъ (продолжаетъ авторъ) пьянство и мотовство возрастающими при ихъ обществахъ и жадность къ корысти, которая хитро тутъ соединилась съ великимъ искусствомъ дурачить простаковъ, и сіе печальное злоупотребленіе должно почитать за слѣдствіе слабости человѣческой и несчастія временъ».

Не вѣря въ осуществленіе въ жизни первоначальныхъ идеальныхъ стремленій «основателя масонства», на которыя только-что указалъ, авторъ книги думаетъ, однако, что для масонства возможно въ будущемъ нравственное возрожденіе, хотя въ менѣе возвышенныхъ и въ болѣе близкихъ къ реальной дѣйствительности формахъ:

«Выключивъ (говоритъ онъ) изъ ложъ всѣ тайнообразія и частное корыстолюбіе ихъ предсѣдателей и нѣкоторыхъ засѣдателей, можно оныя почесть за изрядные аглинскіе клупы, въ кои собираются по вечерамъ всякаго рода люди: хлѣбники, пивовары, сапожники, портные, судьи, купцы, парламентскіе члены,

священники, военачальники и другаго состоянія люди, пить хорошій портеръ и говорить съ совершенною свободою о торговлѣ, о вѣрѣ, о правительствѣ, о наукахъ, о художествахъ, словомъ о всемъ томъ, о чемъ токмо кто говорить желаетъ. Но сего нельзя скоро ожидать».

Послѣ всего этого мы вправѣ, кажется, довѣрять правдивости автора «Масона безъ маски». Къ сожалѣнію, онъ былъ только въ масонствѣ англійскомъ, и потому незнакомъ съ магіей, золотовареніемъ, исканіемъ философскаго камня и т. п.; а извѣстная ему тайна ордена есть лишь легенда о построеніи Соломонова храма.

Содержаніе книги состоитъ въ изложеніи обрядовъ принятія въ различныя степени масонства, въ изложеніи символовъ ордена и въ описаніи засѣданія такъ называемой столовой ложи; при этомъ приводятся рѣчи, произносившіяся въ ложахъ, и пѣвшіяся въ собраніяхъ братьевъ пѣсни.

Авторъ особенно вооружается противъ скрыванія масонами своихъ дѣйствій и воззрѣній; ему не нравятся орденскія «иносказанія», которыхъ, по его словамъ, «изобрѣли толикое множество, что для познанія всѣхъ оныхъ и для яснаго разумѣнія ихъ языка не менѣе потребно времени, какъ для китайскаго»; онъ подсмѣивается надъ масонскими «пустыми обрядами», «кои можно (говоритъ онъ) назвать по справедливости ребячествомъ». (Предувѣд., стр. 3).

Разсказывая о принятіи въ «апрантивы», или ученики, онъ говоритъ, что вступающій подвергается обычнымъ въ этомъ случаѣ ребяческимъ формальностямъ: завязыванію глазъ, вожденію вокругъ ложи подъ лезкъ шпагъ надъ головой, подкладыванію подъ ноги разныхъ препятствій, такъ что бываетъ «принужденъ поднимать ноги на подобіе обучаемой въ манежѣ лошади». (Стр. 18). Вступленіе въ среду братьевъ сопровождается пролитіемъ крови и принесеніемъ страшной клятвы, или «присяги», о которой «со стыдомъ упоминаю я»,—говоритъ авторъ. Затѣмъ онъ приводитъ самую эту чрезвычайно интересную присягу; вотъ ея формула:

«Я клянусь предъ лицемъ великаго Зиждителя вселенныя, т. е. Бога, что никогда не открою таинствъ масонскихъ и масонства ни прямо, ни околичностію, ни изустно, ни на письмѣ, ни знаками, ни видомъ, ниже какимъ инымъ образомъ; въ противномъ случаѣ буди отсѣчена глава моя, исторжено сердце мое и выкинуты чревы мои и буди все тѣло мое сожжено и въ прахъ обращено и развѣяно вѣтромъ по землѣ, и буди память моя на вѣки истреблена отъ земли живыхъ. Въ томъ да поможетъ мнѣ Богъ и Святое Евангеліе. Аминь». (Стр. 21—22),

При вступленіи въ орденъ вновь принимаемый получалъ отъ «венерабля», или мастера ложи, двѣ пары бѣлыхъ перчатокъ («ихъ бѣлость есть знакъ чистыхъ и непорочныхъ обычаевъ масонскихъ», стр. 13): одну пару для себя, другую для той, «которую больше онъ любитъ». При этомъ «венерабль» говорилъ: «Мы чрезъ сіе хотимъ доказать красавицамъ, что имѣемъ должное къ

нимъ почтеніе, и что не выпускаемъ ихъ изъ вида и при самыхъ своихъ таинствахъ; не допускаемъ же ихъ для того въ священный сей храмъ, что боимся ихъ заразъ и силы ихъ прелестей» (стр. 23). Эти интересныя пояснительныя слова Венерабля, приводимыя авторомъ «Масона безъ маски», весьма (замѣтимъ мимоходомъ) характерны: они свидѣтельствуютъ о нравственной слабости масонства, о полной неувѣренности братьевъ въ своей нравственной устойчивости.

Чрезвычайно замѣчателенъ разсказъ книги о такъ называемой «столовой ложѣ». Засѣданія подобныхъ ложъ были собственно пиршествами подъ покровомъ масонскихъ формъ. Различные предметы пира носили иносказательныя названія: стаканъ именовался пушкой, бутылка—боченкомъ, вино—краснымъ порохомъ, вода—бѣлымъ порохомъ.

Всякій «фреръ» (разсказываетъ авторъ книги) имѣлъ предъ собою боченокъ съ краснымъ порохомъ и самъ заряжалъ свою пушку. За ужиномъ было много яствъ и питій и «ничего не доставало, кромѣ трезвости; тутъ та же вольность ѣсть и говорить, какъ и у профановъ» (стр. 48); разница только въ томъ, что въ засѣданіи ложи читался масонскій катехизисъ. Вотъ повѣствование объ одномъ изъ такихъ засѣданій столовой ложи: венерабль, спросивши у «сюрвельяна» (надзирателя), у всѣхъ ли фреровъ заряжены пушки, сказалъ:

«Фреры мои, за здравіе князя N. N., великаго метера (мастера) всѣхъ ложъ англинскихъ... правую руку къ пушкѣ... подвинь пушку... прикладывайся... пали... хорошо пали... разомъ, фреры». Выпаливши, т. е. выпивши, каждый, по приказанію метера, «поставилъ твердо свою пушку на столъ, и всѣ вдругъ трижды по трижды ударили въ ладоши и, сжавши середніе персты съ большими, кричали такъ крѣпко горломъ, сколько можно болѣе кричать пьянымъ гузе... гузе... гузе». «Потомъ заряжали пушки за здравіе всего государева дому, за венераблевъ всѣхъ ложъ, за нашего венерабля, за фреровъ, посѣтившихъ ложу, за фрера новоосвященнаго и за всѣхъ масоновъ. Сіи генеральные заряды не препятствовали тѣмъ, кои кто чинилъ за свои собственныя выгоды; ибо чѣмъ болѣе кто пьянъ, тѣмъ болѣе пить хочетъ». (Стр. 49—51). «Я думаю (прибавляетъ авторъ свое ироническое замѣчаніе), что масоны навсегда удержатъ сей порокъ профанской».

Сближеніе въ масонствѣ людей разныхъ сословій и состояній, равенство братьевъ, оказывалось на дѣлѣ мнимымъ и сопровождалось лицемѣріемъ, по свидѣтельству «Масона безъ маски»: первый братъ за столомъ, въ собраніи ложи, презрительно смотрѣлъ на низшаго себя на улицѣ и не снималъ передъ нимъ шляпы, «боясь будто, чтобы того не примѣтили профаны». (Стр. 55—56).

А между тѣмъ, будучи безсильнымъ подняться надъ обыковенными пороками и слабостями жизни, масонство было гордо и воспитывало гордость въ своихъ членахъ. Авторъ разсматриваемой

книги приводитъ изъ франкъ-масонскаго катехизиса интересное объясненіе буквы G. Сюрвельянъ (надзиратель) говоритъ, что она «значитъ три вещи: слава, величество и землемѣріе, или пятая изъ наукъ: слава для Бога, величество для метера ложи, а землемѣріе для фреровъ». Венерабль спрашиваетъ: «Не значитъ ли она другаго чего»? Сюрвельянъ: «Большую вещь, нежели ты, трепочтенный». Венерабль: «Ахъ! что можетъ быть больше меня, который есть метеръ ложи правильной и совершенной». Сюрвельянъ: «Самъ Богъ, котораго имя God на англійскомъ языкѣ сія буква изображаетъ». (Стр. 84—85).

О гордости вольныхъ каменьщиковъ надъ профанами прекрасно свидѣтельствуетъ, между прочимъ, одна изъ приводимыхъ въ книгѣ масонскихъ пѣсенъ:

Днемъ
Съ фонаремъ въ Аѳинахъ
Ты искалъ человѣка,
Строгій Діогенъ;
Пройди домы
Всѣхъ такихъ, какъ мы,
Ты найдешь человѣка
Въ каждомъ франкъ-масонѣ.

(Стр. 102).

Мы разсмотрѣли три переводныхъ масонскихъ сочиненія: одно догматическаго характера, одно написанное защитникомъ ордена и одно—его врагомъ. И знакомство только съ этими тремя книгами уже даетъ намъ возможность составить до нѣкоторой степени опредѣленное понятіе объ орденѣ. И апологетъ вольнаго каменьщичества и врагъ его (и этотъ послѣдній въ особенности) оба признаютъ, что въ основѣ ордена лежало доброе начало: масонство должно было сближать людей разныхъ сословій и состояній во имя природнаго человѣческаго равенства и братства, нарушаемыхъ въ обыкновенной жизни страстями; затѣмъ масонство считало своею обязанностью дѣла благотворенія. Но съ теченіемъ времени первоначальныя цѣли отступили на послѣдній планъ и братья каменщики увлеклись, какъ говоритъ книга «Масонъ безъ маски», ребяческими обрядами, пустыми внѣшними формами, иносказаніями; въ орденъ зашли профанскіе пороки, въ засѣданіяхъ такъ называемыхъ столовыхъ ложъ устроивались самыя обыкновенныя пирушки, равенство въ орденѣ людей разныхъ состояній стало мнимымъ, чисто формальнымъ; а между тѣмъ масонство возгордилось надъ профанами, надъ простыми смертными, не смотря на то, что само не было увѣрено въ своей нравственной состоятельности и устойчивости. «Химическая псалтырь» положительно, а «Апологія ордена вольныхъ каменьщиковъ» довольно опредѣленными намеками (и, — что̀ особенно важно,—вырвавшимися невольно и безсознательно) свидѣтельствуютъ, что орденъ впалъ въ грубый матеріализмъ, выше

всего поставилъ земныя блага, занялся отыскиваніемъ философскаго камня и, отстраняясь отъ борьбы за правду, сталъ, можетъ быть, мечтать о пріобрѣтеніи привиллегій себѣ въ государствѣ.

3.

Сочиненія русскихъ масоновъ: Шварца, Лопухина, Гамалеи.

Наши русскіе масоны не ограничились переводами иностранныхъ орденскихъ сочиненій; они стали писать и сами. Главные наши писатели-масоны: Ив. Егор. Шварцъ, Ив. Влад. Лопухинъ, Сем. Ив. Гамалея. Это все лица, занимавшія важныя мѣста въ орденѣ; такъ, Шварцъ былъ, какъ извѣстно, главою русскаго масонства екатерининскихъ временъ.

Иванъ Егоровичъ Шварцъ, нѣмецъ по происхожденію, пріѣхалъ въ 1776 году въ Москву юношей и прожилъ у насъ всю свою жизнь. Онъ искренно полюбилъ новое свое отечество и, можно сказать, обрусѣлъ у насъ, на Руси. Въ 1779 году, онъ былъ назначенъ экстраординарнымъ професссромъ нѣмецкаго языка въ Московскомъ университетѣ, а впослѣдствіи былъ ординарнымъ профессоромъ философіи. Человѣкъ высоко-образованный и хорошій, онъ принесъ много пользы русскому обществу и своими лекціями, и своею дѣятельностью въ «Дружескомъ ученомъ Обществѣ». По этому Обществу онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Новиковымъ; они стали друзьями, и это обстоятельство подало поводъ думать, что ихъ сближало масонство и что Новиковъ игралъ важную роль въ нашемъ масонствѣ. Въ другомъ сочиненіи (о Новиковѣ) мнѣ приходилось говорить, на основаніи многихъ данныхъ, противъ подобнаго заключенія; въ настоящее время прибавлю только, что самъ Шварцъ въ своихъ запискахъ [1]) положительно заявляетъ, что характеры его и Новикова не сходились ни въ чемъ, кромѣ любви къ просвѣщенію. Не масонство (Новиковъ же былъ притомъ плохой масонъ), а просвѣщеніе и дѣла благотворительности, сближали двухъ знаменитыхъ дѣятелей русской жизни.

Къ сожалѣнію, до насъ не дошли цѣликомъ сочиненія Шварца; мы имѣемъ только отрывки изъ нихъ да воспоминанія нѣкоторыхъ лицъ о его чтеніяхъ.

Въ журналѣ масона Лабзина «Сіонскій Вѣстникъ», въ февральской книжкѣ за 1818 годъ, напечатаны интересныя въ этомъ смыслѣ «Воспоминанія Лабзина». Мы видимъ изъ нихъ, что Шварцъ боролся съ матеріалистической философіей XVIII вѣка и произво-

[1]) Въ «Словарѣ профессоровъ и преподавателей Московскаго университета».

дилъ своими словами сильное впечатлѣніе на слушателей. Авторъ воспоминаній разсказываетъ:

«Шварцъ въ самое то время, когда модные писатели поглощались съ жадностью незрѣлыми умами, принялъ на себя благородный трудъ—разсѣять сіи восстающіе мраки и безъ всякаго инаго призыва, по сему единственно побужденію, въ партикулярномъ домѣ, открылъ лекціи новаго рода для всѣхъ желающихъ. Съ ними разбиралъ онъ Гельвеція, Руссо, Спинозу, Ла-Метри и проч., сличалъ ихъ съ противными имъ философами и, показывая разность между ними, училъ находить и достоинство каждаго. Какъ будто новый свѣтъ просіялъ тогда слушателямъ! Какое направленіе и умамъ, и сердцамъ далъ сей благодѣтельный мужъ! Издатель съ благодарными чувствованіями вспоминаетъ сію счастливую эпоху, составляющую и понынѣ первое благо въ его жизни. Главное и для тогдашняго времени поразительное явленіе было то, съ какою силою простое слово его исторгло изъ рукъ многихъ соблазнительныя и безбожныя книги, въ которыхъ, казалось, тогда весь умъ заключался, и помѣстило на мѣсто ихъ св. Библію».

Должно быть, подобнаго рода мысли, подобныя лекціи и сближали Шварца съ Новиковымъ.

Въ журналѣ «Другъ юношества и всякихъ лѣтъ», издававшемся другимъ масономъ младшаго поколѣнія, Невзоровымъ, въ январской книжкѣ 1813 года, напечатаны отрывки изъ лекцій Шварца «о трехъ познаніяхъ: любопытномъ, пріятномъ и полезномъ». (Отрывки изъ этихъ лекцій приведены также въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Московскаго университета», въ 2 т.). Вотъ различіе, полагаемое Шварцомъ между тремя родами познанія:

«1) Познаніе любопытное (говоритъ онъ) разумѣется здѣсь не такое, которое было бы безполезно и удовлетворяло бы только такъ называемое въ общемъ смыслѣ любопытство. Нѣтъ. Здѣсь любопытнымъ познаніемъ названо такое, которое питаетъ нашъ умъ, но не есть необходимо для пользы вѣчной, будущей жизни или спокойствія духа. Любопытное познаніе заставляетъ насъ познавать, напр., отчего громъ? что такое воздухъ? какимъ образомъ земля производитъ растенія и проч. сему подобное. Сіе познаніе удовлетворяетъ нашъ разумъ, увеличиваетъ силу духа; оно приноситъ пользу въ жизни, но не есть необходимо для будущаго блаженства жизни вѣчной. 2) Познаніе пріятное есть живопись, стихотворство, музыка и тому подобное. Оно удовлетворяетъ нашъ слухъ, наше зрѣніе и воображеніемъ питаетъ нашъ разумъ. 3) Познаніе полезное есть необходимое для человѣка. Оно поучаетъ насъ истинной любви, молитвѣ и стремленію духа къ вышнимъ понятіямъ... Я не отвергаю совершенно наукъ, преподаваемыхъ человѣками, хотя онѣ и не служатъ къ сооруженію блаженства нашего; онѣ суть также дары, происходящіе отъ Бога, и человѣкъ, преданный Богу и стремящійся для ближняго къ наукамъ симъ, учиняется способнѣйшимъ орудіемъ, чрезъ которое Богъ помощію сихъ наукъ падшихъ человѣковъ къ себѣ привлекаетъ. Но я отвергаю совершеннѣйшую только на нихъ надежду и забвеніе чрезъ то, что человѣкъ умствованіемъ и надеждою на свои силы отвращается отъ Бога и подвергаетъ себя проклятію: ибо самое паденіе не иначе что есть, какъ отвращеніе себя отъ дѣйствія Бога и учиненіе самого себя сре-

доточіемъ своихъ дѣйствій чрезъ воззрѣніе на свои собственныя силы и надежду на оныя».

Приведенныя мысли Шварца, равно какъ и воспоминанія о его лекціяхъ Лабзина, знакомятъ насъ нѣсколько съ философско-религіозными взглядами знаменитаго масона на человѣка, на жизнь и науку; но собственно масонскаго въ нихъ нѣтъ. На масонскую стихію въ чтеніяхъ Шварца мы имѣемъ лишь намекъ въ воспоминаніяхъ одного изъ его учениковъ въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ Московскаго университета». Неизвѣстный авторъ говоритъ:

«Сей возвышенный и рѣдкій чувствъ и онымъ надлежащаго испытатель не скрылъ отъ насъ подъ спудомъ того своего неоцѣненнаго таланта, когда имѣлъ онъ при университетѣ торжественную эстетико-критическую лекцію, — лекцію, возвышающую наши необдѣланныя и грубыя чувства къ тонкости живописи, къ стройности скульптуры, къ совершенству архитектуры, къ несомнительнѣйшимъ доказательствамъ геометріи, къ пріятности стихотворства, къ безпредѣльному порядку астрономіи, къ неудобопонятности анатоміи и физіологіи, къ справедливости физіогноміи и хиромантіи, къ превращенію естественнаго въ сверхъестественное химіи и другихъ премногихъ наукъ, руководствующихъ насъ къ познанію безпредѣльныя гармоніи, сокрытой въ нѣдрахъ таинственной природы».

Вотъ главныя, имѣющіяся у насъ въ печати свѣдѣнія о лекціяхъ Шварца, о его философскихъ взглядахъ. Всего этого, конечно, очень мало, чтобы можно было сдѣлать какія либо положительныя заключенія.

Нѣсколько болѣе знакомитъ насъ съ дѣломъ одна интересная рукопись, принадлежащая Румянцевскому и Публичному музеямъ въ Москвѣ. Она озаглавлена: «Переводъ съ записокъ И. Е. Ш.» (т. е. Ив. Егор. Шварца) 1806 года [1]). Къ сожалѣнію, это не цѣльныя записки, какъ можно подумать, судя по заглавію, а отрывки, или, лучше сказать, конспектъ чтеній Шварца, должно быть, веденный для себя какимъ нибудь его слушателемъ. Изъ отрывочныхъ и не всегда ясныхъ замѣтокъ конспекта можно, однако, со поставляя ихъ и группируя, составить нѣчто, до нѣкоторой степени знакомящее насъ съ общимъ взглядомъ знаменитаго мистика и мыслителя, съ его міросозерцаніемъ. Вотъ существенныя мысли рукописи

Предметъ нашъ здѣсь (говорится въ одномъ мѣстѣ конспекта) есть истины, и притомъ важнѣйшія истины, которыя еще не приведены въ систему науки. Всѣ эти истины относятся къ тремъ главнымъ «статьямъ»: 1) къ человѣку, 2) къ натурѣ, 3) къ Богу. «Что есть человѣкъ»? Апостолъ Павелъ говоритъ: есть человѣкъ тлѣнный, есть и нетлѣнный, внутренній и внѣшній, естественное

---

[1]) Входящій № рукописи 2,674. См. отчетъ московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1879—1882 гг. М. 1884 г.

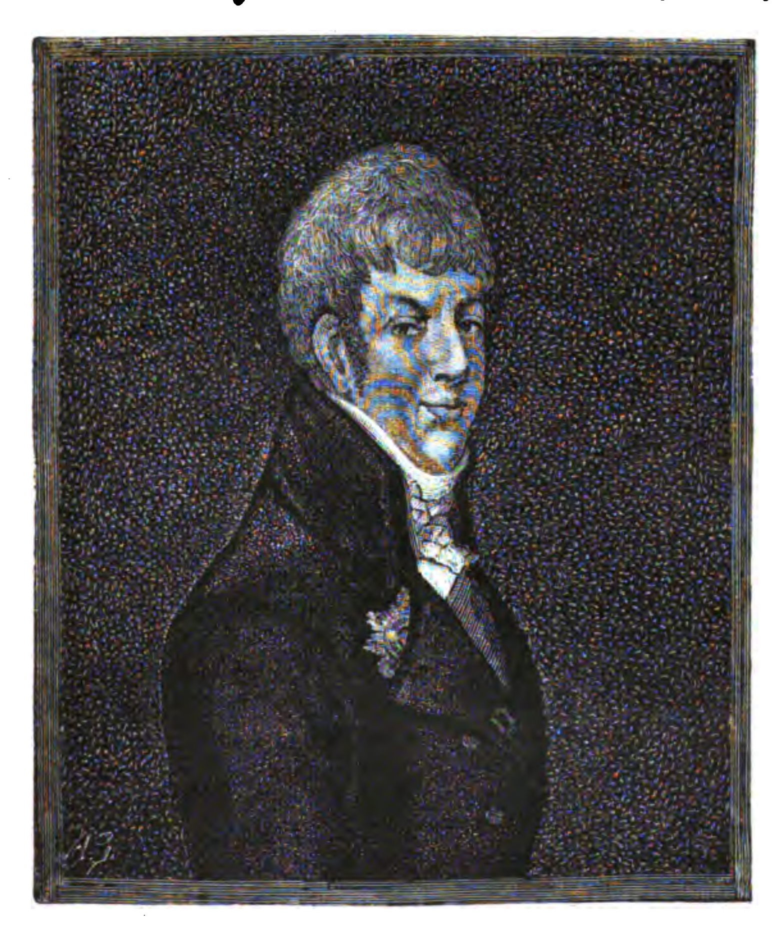
тѣло изъ плоти и крови и духовное въ немъ сокровенное; по словамъ апостола, въ человѣкѣ три начала: духъ, воспріятый отъ Бога; душа, самостоятельная человѣческая стихія, и тѣло, полученное изъ натуры. Ссылаясь на апостола Павла, рукопись обозначаетъ: 1 кор., 15; должно быть, это указаніе на 14 и 15 ст. 2-й главы 1-го посланія къ коринѳянамъ: «14) Душевный человѣкъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ; и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно. 15) Но духовный судитъ о всемъ, а о немъ судить никто не можетъ». «Что есть натура»? (читаемъ дальше въ рукописи). Она есть непрестанно движущаяся сила и страданіе; она всегда производитъ: 1) рожденіе, 2) бытіе, 3) уничтоженіе, или, правильнѣй, преобразованіе въ другіе виды. Натуру человѣкъ познаетъ черезъ чувства, себя самого чрезъ самоощущеніе; но Бога какъ же? Богъ осязательно открываетъ Себя, во-первыхъ, въ натурѣ, которая есть образъ Его, во-вторыхъ, въ нашей совѣсти. Совѣсть же есть «въ чувствованіи самихъ себя нѣкоторая коренная сила, которою мы, какъ кажется, къ чему-то обязаны».

«Сія совѣсть не единородна есть теперешнему бытію нашему: часто противорѣчитъ она привлекательнѣйшимъ ощущеніямъ нашимъ, ощущеніямъ, въ которыхъ все существо наше, такъ сказать, истаеваетъ или растопляется. Наприм.. въ любови къ дѣвицѣ, которая, подобно развертывающейся розѣ, включая въ себѣ всѣ красоты натуры, все ощущеніе или все чувство наше магнитообразно плѣняетъ, электризуетъ кровь нашу; тогда какъ мы мнимъ близкими быть къ мгновенію высочайшаго услажденія, тогда кричитъ она (совѣсть) намъ, то есть тому, кто еще не совершенный гнусный злодѣй есть: измѣнникъ! убійца! тать невинности! Но что же худаго находится въ невинномъ семъ желаніи?—говоритъ разумъ. Благо твоего (т. е. тебѣ) подобнаго творенія. Сіе первое вкушеніе яблока поведетъ ее отъ одной погрѣшности къ другой, до самыхъ ужаснѣйшихъ страстей... Се гласъ совѣсти противу всѣхъ софизмъ разума и противу всего грядущаго (sic) чувства».

«Итакъ (заключается рѣчь о познаніи Бога), совѣсть наша, въ которой изобразилъ Богъ свою волю и наши обязанности, и натура, въ которой мы познаемъ премудрость Его и всемогущество, суть тѣ кладези, изъ коихъ мы можемъ почерпать познанія наши о Богѣ».

Нѣсколько раньше въ рукописи, человѣкъ, съ тремя началами его существа, изображенъ графически: два четыреугольника, одинъ надъ другимъ, соединяются углами; въ точкѣ ихъ соединенія проведена толстая короткая черта; продолжающіяся стороны обоихъ четыреугольниковъ образуютъ треугольники вверху и внизу; верхній упирается въ черту, надъ которой написано: «Духовный міръ. Небесное царство»; нижній—въ черту, подъ которой надпись: «Вещественный міръ. Тѣлесный міръ». Оба четыреугольника раздѣлены горизонтально, волнистыми линіями на треугольники. Такимъ образомъ весь рисунокъ представляетъ шесть треугольниковъ. Два среднихъ—собственно человѣческое начало,

при нихъ сбоку написано: «Душа. Древо растетъ вверхъ и внизъ, такъ и человѣкъ растетъ вверхъ, въ вещественный міръ, и внизъ въ духовный міръ. Чѣмъ крѣпче и сокообильнѣе корень древа, тѣмъ продолжительнѣе и безопаснѣе его пребываніе». Соотвѣтственно этимъ связямъ «души» съ двумя мірами въ верхнемъ изъ представляющихъ ее треугольниковъ написано: «Разумные духи,

Ив. Влад. Лопухинъ.
Съ гравированнаго портрета Осипова.

умственные; звѣздное разумѣніе»; въ нижнемъ — «Вещественные, ефирные духи; тончайшая соль-свѣта (sic)».—Два верхнихъ треугольника изображаютъ «духъ»; при нихъ сбоку написано: «Духъ, разумѣніе умственное. Мы сами образуемъ сего духа. Онъ лежитъ при рожденіи въ возможности, а не въ дѣйствіи» [1]). При двухъ

[1]) Другое мѣсто рукописи объясняетъ, что духъ есть въ «возрожденномъ

нижнихъ треугольникахъ сбоку надпись—«тѣло»; внутри верхняго изъ нихъ читаемъ: «Организація, 3 начала ⊖ 🜍 ☿ (т. е. соль, сѣра, меркурій), бальзамъ жизни, жизненные духи»; внутри нижняго—«Матерія 4-хъ стихій».

Три начала: соль, сѣра и меркурій, и четыре стихіи: огонь, воздухъ, вода и земля, образующія человѣческое тѣло, по этому рисунку, указываютъ на соприкосновенность философіи Шварца съ масонствомъ. Но слѣдуетъ, однако, замѣтить, что и эти «начала», и эти «стихіи» масонскія Шварцъ относитъ лишь къ тѣлесной сторонѣ человѣка, а не отождествляетъ, напр., сѣру съ духомъ, подобно «Химической псалтыри Парацельса».

Три стороны человѣка: тѣло, духъ и душа, «противоборствуютъ одно другому (читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ рукописи); изъ всегдашняго противоборствія ихъ происходитъ наше нравственное страданіе». Человѣкъ есть троякій магнитъ: физическій, духовный, Божественный. Тѣло «пребываніе свое имѣетъ въ брюхѣ, въ кишкахъ»; духъ («метафизическое ощущеніе, звѣздный духъ») пребываетъ въ мозгу; душа («нравственное ощущеніе, внутренній человѣкъ») — въ сердцѣ. Соотвѣтственно различнымъ темпераментамъ, въ человѣкѣ преобладаетъ то или другое изъ этихъ началъ, или «ощущеній» (какъ выражается конспектъ): въ сангвиническомъ и флегматическомъ темпераментѣ — вещественное, чувственное ощущеніе; въ холерическомъ — звѣздное, умственное; въ меланхолическомъ [1]) — нравственное, совѣстное. «Однако жъ не безъ исключенія»,—дѣлается тутъ же оговорка.—Есть также соотвѣтствіе между «сими ощущеніями» и возростами человѣка: въ юности преобладаютъ ощущенія «стихійныя», въ мужествѣ — «звѣздныя», въ старости—«нравственныя». Упоминаніе темпераментовъ и придаваніе имъ такого важнаго значенія въ жизни человѣческой опять указываетъ намъ на соприкосновенность философіи Шварца съ масонскими воззрѣніями.

Соотвѣтственно тремъ началамъ въ человѣкѣ, есть въ мірѣ три свѣта: 1) свѣтъ натуры, свѣтъ тѣла, плоти; 2) свѣтъ душевный, разумъ; иначе: ангельскій свѣтъ, кабалистическій свѣтъ; 3) свѣтъ Божественный, Святой Духъ. Первый изъ нихъ есть «источникъ жизни всѣхъ сотворенныхъ матеріальныхъ вещей, истинная Potentia activa, дѣйствующая сила, истинная магнитная и электрическая сила. Онъ есть одежда Всемогущаго». Этотъ свѣтъ не зло, а добро; онъ «есть жизнь, радость, услажденій преисполненное ощущеніе. Во всѣхъ тваряхъ, гдѣ свѣтится, онъ есть сладкое ощущеніе собственнаго бытія, или, по крайней мѣрѣ, покой и гармонія

человѣкѣ», а душа соотвѣтствуетъ «натуральному состоянію человѣка прежде обращенія его».

[1]) Въ рукописи описка: «механическомъ».

(золото—бриллiанты)». «Князь тьмы», или «духъ мiра сего»—врагъ этого «всюду проникающаго свѣта». «Князь и царство тьмы суть смерть, разрушенiе, тлѣнъ. Всѣ грубыя чувственныя наслажденiя суть смерть и разрушенiе. Объяденiе, пьянство, невоздержанiе, болѣзнь, разслабленiе, проклинанiе собственнаго бытiя суть плоды, или слѣдствiя». Кто видитъ во всей природѣ сiянiе этого свѣта, кто знаетъ его силу и дѣйствiе, умѣетъ его «фиксировать и сосредоточить», тотъ—истинный знатокъ натуры, или, какъ древнiе таковаго называли, магъ. Чрезъ этотъ свѣтъ мы познаемъ «влiянiе натуральнаго неба», языкъ натуры, «подлинную астрологiю (звѣздословiе)» и проч. Но жить по одному этому свѣту значитъ жить поязычески. Другой свѣтъ, душевный, свѣтитъ въ невидимыхъ тваряхъ: въ ангелахъ, въ душахъ человѣческихъ и во всѣхъ духахъ. Онъ «скоръ, проницающъ и проч., яко мысль». Этотъ «кабалистическiй» свѣтъ научаетъ насъ понимать священное писанiе, разумѣть небесныя вещи, познавать мессiю и судьбы Божiи. Пророки говорили кабалистическимъ образомъ, и только кабалистическiй духъ можетъ намъ «учинить ихъ вразумительными». Этотъ свѣтъ есть «сверхъестественное небо, рай, influentia divina, Божеское влiянiе». Чрезъ этотъ свѣтъ говорилъ Богъ съ Моисеемъ. Познающiй этотъ ангельскiй свѣтъ есть кабалистъ. «Сей свѣтъ блисталъ въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ, которые въ нагрудникѣ Соломоновомъ находились». Кто живетъ этимъ свѣтомъ,—живетъ похристiански. Наконецъ, высшiй свѣтъ—божественный. Кто его въ себѣ имѣетъ, тотъ—истинный Богословъ; онъ въ Богѣ и Богъ въ немъ; онъ ощущаетъ присутствiе Бога, имѣетъ сверхъестественную силу и бесѣдуетъ съ Богомъ какъ съ другомъ своимъ.

Въ изложенномъ ученiи о трехъ свѣтахъ, мы опять видимъ присутствiе масонской стихiи; здѣсь передъ нами магiя и астрологiя, воплощенiе, или отвердѣнiе «свѣта природы» въ золотѣ и бриллiантахъ. Умѣнiе магами «фиксировать и сосредоточивать» этотъ свѣтъ значитъ, по всей вѣроятности, умѣнiе приготовлять золото. Блистанiе «душевнаго свѣта» въ каменьяхъ нагрудника Соломонова есть, конечно, тоже масонское вѣрованiе.

Ученiе о трехъ видахъ свѣта приводитъ насъ къ воззрѣнiю Шварца на взаимныя отношенiя вѣры и знанiя. Мысли объ этомъ не развиты подробно въ разсматриваемомъ конспектѣ его чтенiй; но по разнымъ отдѣльнымъ мѣстамъ рукописи можно видѣть, что вѣру Шварцъ ставилъ выше знанiя, «ученiе сердечное» выше «ученiя разума». «Истина не можетъ быть доказываема (училъ онъ), она есть воззрительна (созерцательна), ее чувствуютъ».

Сообразно съ тремя началами въ человѣкѣ, на землѣ есть три вида существъ или явленiй: люди, животныя, растенiя. Человѣкъ, живущiй только тѣломъ, подобенъ растенiю. «Кто предаетъ себя грубому, тѣлесному чувствованiю, тотъ неспособенъ чувствовать

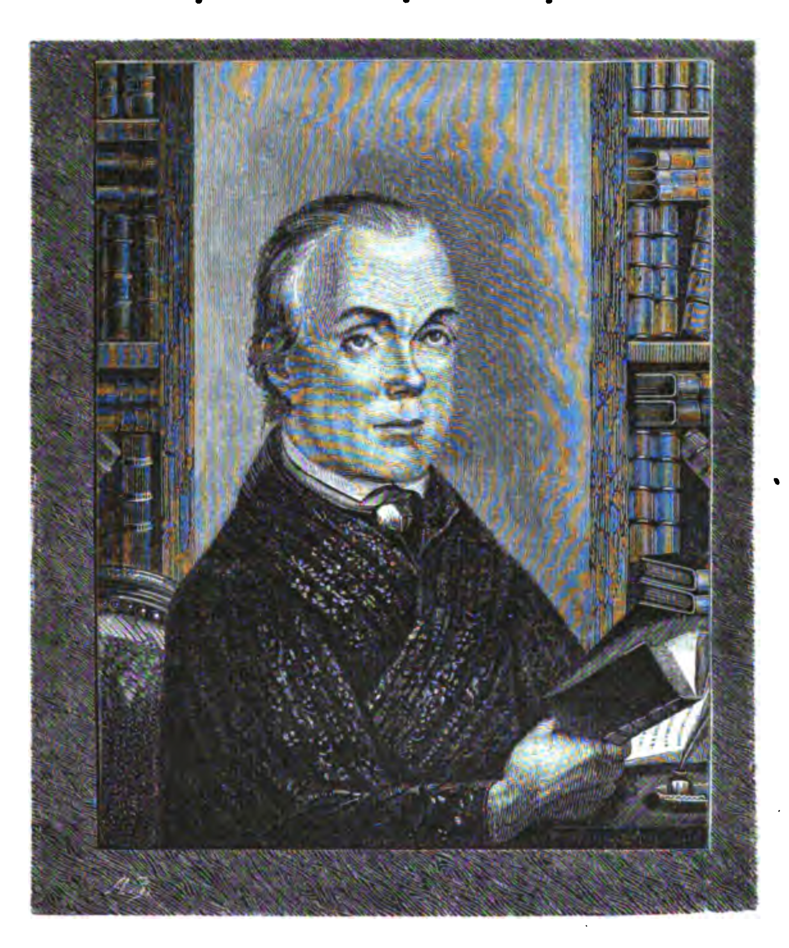
душевно, напр., обжора». Живущій только душою, а не духомъ, подобенъ животнымъ. И вотъ здѣсь мы встрѣчаемъ чрезвычайно странное поясненіе: «Кто предаетъ себя наружнымъ чувствованіямъ, напр., музыкѣ, разсматриванію живописи, обозрѣнію красивой стороны, тотъ перестаетъ размышлять». Въ этомъ поясненіи есть что-то общее съ замѣчаемыми у нашихъ масоновъ (напр., у Гамалеи, у Лабзина) равнодушіемъ и даже порой враждебностью къ искусствамъ. Наконецъ, кто живетъ духомъ, тотъ живетъ вполнѣ почеловѣчески; онъ господствуетъ надъ душою и тѣломъ; духъ дѣлаетъ человѣка господиномъ земли. «Кто отвлеченно размышляетъ, тотъ не чувствуетъ ничего наружнаго».

Должно быть, въ связи съ этими общими идеями Шварца находится помѣщенное на 2-й страницѣ рукописи «Философское доказательство». Это — краткій конспектъ, вѣроятно, подробно изложенной Шварцемъ въ его лекціяхъ мысли, доказывающей существованіе духовнаго міра. Человѣкъ,—читаемъ мы здѣсь,—есть узелъ, «которымъ звѣриное царство связывается съ царствомъ духовъ». Рядъ твореній («тварей») никакъ не можетъ кончиться человѣкомъ: «если мы начнемъ отъ стихій, то находимъ непрерывный рядъ до человѣка; какъ можетъ сей престать съ человѣкомъ? человѣческій ли то смыслъ?» Затѣмъ слѣдуютъ краткія указанія на общія черты и различія царствъ природы: явленія, относящіяся къ «минеральному царству», состоятъ «изъ земли и жидкости». Въ «растительномъ царствѣ» мы видимъ опять землю и жидкость, только «гораздо тончайшія». «Звѣриное царство» представляетъ тоже «землю и жидкость», но «въ наивысшей степени утонченныя, даже до краснаго и бѣлаго цвѣта утонченныя». Наконецъ, человѣкъ заключаетъ въ себѣ «все вышеописанное» и, кромѣ того, разумъ, «который можетъ господствовать надъ чувствованіемъ, такъ что можетъ настоящую болѣзнь обезоружить, ежели то нужно къ собственному совершенству».

Кромѣ приведенныхъ общихъ положеній, въ конспектѣ лекцій Шварца есть еще рядъ мыслей, представляющихся намъ теперь отдѣльными идеями, хотя, по всей вѣроятности, онѣ въ самыхъ чтеніяхъ профессора не стояли такъ одиноко. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Шварцъ полагалъ, что современное состояніе человѣка въ нашей жизни есть состояніе паденія. Есть три класса, или категоріи «падшихъ духовъ» (читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ рукописи): 1) дьяволы, 2) души животныхъ или звѣрей и стихійныхъ духовъ, и 3) души человѣческія.—«Мы, люди,—гнилые смердящіе сосуды, въ которыхъ все доброе, все чистое дѣлается кислымъ и смраднымъ». Истина рѣдко доходитъ чистой до нашихъ духовныхъ силъ: «Въ орудіяхъ чувствованія, которое окипѣчено, повреждено, въ силѣ воображенія, которое полно скверныхъ образовъ, въ смыслѣ,

который рабъ грубой чувственности, она столь преоблачается, столь обезображивается, что всегда почти есть страшное чудовище, прежде нежели проникнетъ въ душу». Но, впрочемъ, эти соображенія о человѣкѣ сопровождаются оговоркой: души человѣческія «имѣютъ уже Божественную искру свѣта въ себѣ, водителя, который поведетъ ихъ къ Богу—къ истинному источнику свѣта».

Семенъ Ивановичъ Гамалея.

Съ стариннаго гравированнаго портрета.

Читатель помнитъ воспоминаніе Лабзина, что Шварцъ въ своихъ лекціяхъ разбиралъ и опровергалъ ученія философовъ матеріалистовъ. Въ конспектѣ его чтеній мы находимъ нѣсколько отдѣльныхъ мыслей его о «системѣ Гельвеціевой». Гельвецій полагалъ (говоритъ нашъ мыслитель), что «человѣкъ есть махина подобная часамъ». Но этому противорѣчитъ существованіе въ человѣкѣ

«всегда дѣятельныхъ» силъ — разума, воли. Гельвецій чувствовалъ, что пока мы не докажемъ, что такихъ дѣятельныхъ силъ» нѣтъ, нельзя доказать и «механическаго существованія»; и потому онъ напередъ предположилъ, что нѣтъ въ человѣкѣ этихъ силъ, а находятся въ немъ только силы «страдательныя». Единою и главною силой въ человѣкѣ онъ считалъ «чувственное, вещественное ощущеніе»; умственность же и совѣсть, по его мнѣнію, суть только «послѣдствія, результаты», а такъ какъ чувственное ощущеніе — страдательно, то самобытная дѣятельность совершенно чужда человѣческой природѣ и приходитъ «извнѣ, снаружи». «Изъ этого перваго и ложнаго правила (заключаетъ Шварцъ) производитъ онъ прочія нелѣпости и утверждаетъ ихъ онымъ».

Въ другомъ мѣстѣ рукописи мы встрѣчаемъ возраженіе на педагогическіе взгляды Гельвеція. Шварцъ опровергаетъ мысли, что «добродѣтели и благополучіе народа происходятъ не отъ святости его религіи, но отъ мудрости его законовъ», и что будто религія имѣетъ мало вліянія «на добродѣтели и блаженство народовъ». «Законы могутъ насъ принудить быть граждански добрыми, но не могутъ насъ сдѣлать чистыми сердцемъ (говоритъ нашъ писатель). Никакіе законы не могутъ насъ принудить къ любленію враговъ. Сіе можетъ только одна религія». И невозможно, чтобы «подлинно святая религія» не производила святыхъ послѣдствій; какъ можетъ доброе не произвоoить добра? Истинная премудрость приходитъ отъ Бога, безъ Бога нѣтъ мудрости.

Еще въ одномъ мѣстѣ рукописи къ сказанному о Гельвеціи прибавлено, что ему послѣдуютъ, во-первыхъ, тѣ читатели, «которые сами не размышляютъ изъ лѣности»; во-вторыхъ, «тѣ, которые живутъ въ непрестанномъ разсѣяніи», и, въ-третьихъ, «управляемые страстями. Въ страстяхъ человѣкъ не видитъ, — онъ пьянъ».

Въ заключеніе приведемъ еще два положенія изъ разсматриваемаго конспекта. Одно говоритъ, что не слѣдуетъ опровергать тѣхъ «теоретическихъ предразсудковъ», на которыхъ основываются «практическія истины». Напримѣръ, «добродѣтель безконечно награждаема бываетъ здѣсь и въ будущемъ мірѣ. Порокъ безконечно наказуемъ бываетъ здѣсь и въ будущемъ мірѣ. Сія истина есть вѣчная истина. Кто ее чувствуетъ, не будетъ ли тотъ стараться быть добродѣтельнымъ? Но какимъ образомъ возможно объяснить ее простолюдину, который не имѣетъ случая духъ свой образоватъ для такихъ отвлеченныхъ чувствованій? Персіанину объясняютъ ее узкимъ мостомъ, непросвѣщенному христіанину адскимъ огнемъ. Кто искореняетъ сіи предразсудки, толь мудро первыми великими учителями, яко символическія представленія употребленныя, тотъ есть злодѣй. Онъ разрушаетъ тѣ огненные маяки, посредствомъ которыхъ милліоны душъ прибыли благополучно къ райской пристани».

Другое положеніе отвергаетъ существованіе случайностей въ жизни. «Нѣтъ никакого случая (говоритъ мыслитель); всѣ дѣйствія имѣютъ свою естественную причину. Но человѣческая лѣность и гордость выдумали слова, ничего не значущія, дабы избавить себя отъ изысканій, или чтобъ прикрыть свое невѣжество. Сколько бы человѣкъ пріобрѣлъ отъ того только, если бы онъ при всякомъ дѣйствіи отыскивалъ причину онаго, а не принималъ бы за нее самое ближайшее движеніе».

Вотъ главныя мысли, извлеченныя нами изъ «Записокъ» И. Е. Шварца. Нигдѣ, можетъ быть, масонство не является, какъ теоретическое ученіе, въ такомъ чистомъ, въ такомъ почти привлекательномъ видѣ, какъ здѣсь. Это потому, во-первыхъ, что умъ Шварца, какъ мы видимъ, былъ умъ не только сильный, но еще возвышенный и чистый; во-вторыхъ, потому, что масонству отведено было въ системѣ Шварца, какъ мы можемъ догадываться по конспекту его чтеній, очень скромное мѣсто. Шварцъ, какъ ясно изъ вышеприведеннаго, вѣрилъ въ магію и въ астрологію, въ четыре стихіи и три начала, въ отвердѣніе свѣта въ драгоцѣнные металлы и бриліанты, въ дѣланіе золота и т. д. Но все это, всѣ эти мечты масонства онъ относилъ лишь къ физической, къ матеріальной сторонѣ жизни. Области жизни «душевной» и «духовной» оставались у него чистыми отъ этихъ бредней; онъ объяснялъ ихъ, эти высшія стороны человѣческаго бытія путемъ здравой мысли, руководимой указаніями священнаго писанія; онъ не впадалъ въ тотъ грубый матеріализмъ, какой мы зачастую замѣчаемъ у нашихъ масоновъ и въ масонствѣ вообще, забывшемъ духъ въ своемъ увлеченіи матеріальными благами и отождествившемъ его съ плотью.

Менѣе симпатичной личностью, чѣмъ Шварцъ, представляется намъ другой изъ нашихъ выдающихся масоновъ — Ив. Влад. Лопухинъ, человѣкъ, однако, очень хорошій, извѣстный своей благотворительностью, одинъ изъ дѣятелей «Дружескаго ученаго Общества». Онъ написалъ нѣсколько масонскихъ сочиненій. Такъ, къ 1791 году относится его книга «Духовный рыцарь или ищущій премудрости», къ 1793 году—«Нравоучительный катехизисъ истинныхъ франкъ-масоновъ». Остановимся на этомъ послѣднемъ, довольно характерномъ произведеніи [1]). Лопухинъ имѣлъ здѣсь въ виду защитить масонство отъ взводимыхъ на него обвиненій, и потому старается показать, что орденское ученіе совершенно согласно съ христіанствомъ. Истинный франкъ-масонъ отличается «духомъ собратства, который одинъ есть духъ съ христіанскимъ» (учитъ «Катехизисъ»). Цѣль ордена франкъ-масоновъ «та же, что и цѣль истиннаго христіанства». А главный долгъ истиннаго франкъ-масона—«любить

---

[1]) Оно напечатано въ книгѣ Лонгинова: «Новиковъ и московскіе мартинисты», въ Приложеніяхъ, стр. 055 и слѣд.

Бога паче всего и ближняго, какъ самого себя, или еще болѣе по примѣру св. Павла, который желалъ даже быть анаѳема и отлученъ быть отъ Іисуса Христа ради своихъ братій». Такъ какъ масоны наши въ эпоху написанія «Катехизиса» подозрѣвались въ политическихъ замыслахъ, то Лопухинъ старается защитить орденъ и въ этомъ отношеніи. Франкъ-масонъ «долженъ царя чтить и во всякомъ страхѣ повиноваться ему, не токмо доброму и кроткому, но и строптивому», читаемъ мы въ отвѣтѣ на 17-й вопросъ. А на вопросъ 18-й: «Какія обязанности въ разсужденіи властей управляющихъ?» «Катехизисъ» отвѣчаетъ: «Онъ долженъ быть покоренъ вышнимъ властямъ не токмо изъ страха наказанія, но и по долгу совѣсти».

Эти послѣднія разъясненія, касающіяся отношеній русскихъ масоновъ къ правительству, совершенно правдивы и искренни, какъ доказало произведенное въ началѣ 90-хъ годовъ слѣдствіе надъ Новиковымъ и его товарищами. Но другой вопросъ—былъ ли вполнѣ искрененъ Лопухинъ, когда увѣрялъ въ своемъ «Катехизисѣ», что масонство тождественно съ христіанствомъ и истинный масонъ есть не что иное, какъ истинный христіанинъ? По крайней мѣрѣ, съ увѣреніемъ, что масонъ отличается отъ не-масона только духомъ христіанскаго собратства, не вяжутся вѣрованія Лопухина, что масонство владѣетъ тайнами дѣлать золото и приготовлять универсальное лѣкарство и т. д. Такое вѣрованіе не высказано въ «Катехизисѣ» прямо и искренно; но на него сдѣланы довольно опредѣленные намеки. На вопросъ 16-й: «Какихъ свойствъ долженъ быть тотъ, который можетъ получить оное таинство?» (т. е. таинство масонское),—дается отвѣтъ:

«Онъ долженъ быть таковъ, что, хотя бы имѣлъ способъ излѣчать всѣ болѣзни тѣла и жить нѣсколько сотъ лѣтъ по примѣру древнихъ праотцевъ, со всѣмъ тѣмъ могъ бы терпѣливо сносить, не помогая себѣ, жесточайшую боль и быть въ готовности назавтра умереть безъ роптанія; также чтобъ былъ готовъ сносить величайшую бѣдность, обладаючи способомъ производить богатства всего міра, и, имѣя средство бесѣдовать съ ангелами, могъ бы смиренно пребывать въ глубочайшемъ невѣжествѣ, когда то угодно волѣ Источника свѣта, и, имѣя съ Іисусомъ Навиномъ силу остановить солнце и съ Иліею отверзать и затворять небо, считалъ бы себя менѣе всѣхъ и могъ бы скитаться безъ роптанія по землѣ, не имѣя мѣста, гдѣ на оной преклонить главу свою. Однимъ словомъ, ничѣмъ бы не желалъ наслаждаться и на все бы рѣшился, если бы оное потребно для исполненія воли небеснаго своего Владыки».

Кромѣ подобныхъ вѣрованій въ тайныя науки и сверхъестественныя знанія, которыми будто бы обладаютъ братья вольные каменьщики (и которыми имъ не для чего обладать, если они дѣйствительно смиренные христіане и люди духовной жизни, какъ говоритъ Лопухинъ), въ «Нравоучительномъ катехизисѣ» есть и еще одна чисто масонская черта: проповѣдь безусловнаго повиновенія

младшихъ братьевъ старшимъ, того повиновенія, которое открывало доступъ въ орденъ плутамъ и шарлатанамъ и губило порой простодушныхъ людей. Въ 20-мъ вопросѣ читаемъ: «Какъ истинный франкъ-масонъ долженъ поступать съ подвластными ему?» и на это дается такой отвѣтъ:

«Наиболѣе долженъ онъ пещись о ихъ вѣчномъ блаженствѣ, воспитывая ихъ въ страхѣ и ученіи Господнемъ, обязанъ наблюдать между ними правду и уравненіе, оказывать имъ снисхожденіе и обходиться съ ними безъ жестокости, памятуя, что всѣ имѣютъ общаго Владыку на небѣ, у котораго нѣтъ лицепріятія».

Проповѣдуя вѣру въ тайныя науки, наслѣдованныя орденомъ отъ среднихъ вѣковъ, проповѣдуя слѣпое повиновеніе старшимъ братьямъ, масонство оказывалось зачастую безсильнымъ нравственно возвышать человѣка. Духовная слабость его ярко выразилась, напр., въ личности самого Лопухина. Это былъ человѣкъ добрый, совершавшій много благодѣяній; но орденъ, въ которомъ онъ былъ ревностнымъ братомъ, не могъ, однако, навести его на мысль, что крѣпостное рабство есть зло, требующее уничтоженія, и что крестьянинъ такой же человѣкъ, какъ и дворянинъ, такъ же имѣетъ и смыслъ, и чувство, а между тѣмъ масонство проповѣдовало равенство людей. Въ своихъ «Запискахъ» Лопухинъ находитъ, что надо помедлить съ освобожденіемъ крестьянъ, и очень свысока смотритъ на простаго человѣка:

«Я первый, можетъ быть, желаю (говоритъ онъ), чтобы не было на русской землѣ ни одного несвободнаго человѣка, если бы только то безъ вреда для нея возможно было. Но народъ требуетъ обузданія и для собственной его пользы. Для сохраненія же общаго благоустройства нѣтъ надежнѣе полиціи, какъ управленіе помѣщиковъ. Тираны изъ нихъ должны быть обузданы. Очень естественно сожалѣть не совсѣмъ оправившихся больныхъ, что они могутъ лишь гулять въ больничномъ саду и пить и ѣсть только разрѣшенное лѣкаремъ; свойственно доброму сердцу желать, чтобъ они какъ можно скорѣе воспользовались полною свободою для всѣхъ; но дать ее прежде времени было бы ихъ же уморить» [1]).

Иначе относился къ крестьянскому вопросу Семенъ Ивановичъ Гамалея. Когда ему однажды въ награду по службѣ хотѣли дать помѣстье, онъ отказался отъ этого, потому что не считалъ себя вправѣ владѣть подобными себѣ людьми. Это былъ человѣкъ добрый и незлобивый, чуждый себялюбія. Но онъ представляетъ собою примѣръ отвлеченной суровости мистицизма. Въ 1836 году, въ Москвѣ издана книга его писемъ. О характерѣ этихъ писемъ свидѣтельствуютъ эпиграфы къ нимъ: «Читай такія книги, кои болѣе производятъ сердечнаго сокрушенія, нежели занятія», и другой:

---

[1]) «Записки» Лопухина (Чтенія въ Общ. ист. и древ., 1860 г., кн. II и III), стр. 158—159.

«Кто желаетъ достигнуть жизни внутренней и духовной, тотъ долженъ по примѣру Іисуса Христа уклоняться отъ толпы» (изъ Ѳомы Кемпійскаго). Наставленія, которыя даетъ Гамалея въ своихъ письмахъ, отличаются возвышеннымъ характеромъ. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ во 2-мъ письмѣ, что добрыя дѣла важнѣе пріобрѣтенія знаній и чтенія книгъ:

«Понеже царство Божіе состоитъ не въ словахъ, а въ силѣ, то сколько бы мы ни читали, ни слышали, ни списывали, ни говорили и ни писали другъ къ другу, однако ежели не принудимъ себя исполнять самымъ дѣломъ то, что знаемъ уже, то не будетъ намъ никакой пользы отъ всего чтенія и говоренія».

Та же мысль развивается и въ письмѣ 41-мъ:

«Дружеское письмо ваше (обращается Гамалея къ какому-то своему корреспонденту) подаетъ мнѣ поводъ содержаніемъ своимъ сообщить вамъ мои мысли о той опасности, которой можетъ человѣкъ подвергать себя, когда читаемое въ книгахъ беретъ на свой счетъ и думаетъ, что и онъ самъ таковъ, какъ въ книгахъ написано. Но ежели бы онъ прежде осмотрѣлъ себя: гдѣ онъ сердцемъ находится, т. е. чего онъ всегда хочетъ и какою пищею питается, къ тому и принадлежитъ, а именно—земною ли, адскою ли, или небесною пищею; то не могъ бы толь скоро погрѣшить въ сужденіи и оцѣненіи себя самого, какъ то бываетъ. 1) Земною пищею разумѣется—похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская, яко духъ сего міра. 2) Адская пища получается изъ четырехъ адскихъ стихій: гордости, корыстолюбія, зависти, гнѣва и проч. 3) Небесная, или райская, пища получается отъ Духа Христова, который описанъ во св. Евангеліи, и есть любовь, кротость, смиреніе, терпѣніе и проч. Сіи три обмысля, человѣкъ можетъ безопаснѣе судить и цѣнить себя, сколь ни хорошія книги онъ читаетъ, ибо не въ знаніи, но въ исполненіи и житіи важность состоитъ».

Все это вѣрныя и прекрасныя мысли, но понятыя и примѣненныя односторонне, онѣ повели Гамалею къ суровому отрицанію искусства (мы видѣли, какъ, по свидѣтельству художника Витберга, равнодушно и скептически отнесся онъ къ его проекту храма Христа Спасителя, къ занятію искусствомъ вообще), повели, быть можетъ, и къ отрицанію серьезнаго значенія науки и литературы: по крайней мѣрѣ, у Гамалеи мы не встрѣчаемъ ничего, подобнаго отношенію къ знаніямъ Шварца, сказавшаго, что «хотя они и не служатъ къ сооруженію блаженства нашего», но они «суть также дары, происходящіе отъ Бога», и благодаря имъ, человѣкъ «учиняется способнѣйшимъ орудіемъ, чрезъ которое Богъ помощію сихъ наукъ падшихъ человѣковъ къ себѣ привлекаетъ».

То же можно сказать и про взглядъ Гамалеи на человѣческую природу. Шварцъ считалъ ее, въ ея современномъ земномъ состояніи, падшей, поврежденной, обезображенной; но при этомъ онъ признавалъ, что въ душѣ человѣческой есть, однако, «Божественная искра свѣта», которая и поведетъ человѣка къ Богу. Гамалея смотрѣлъ суровѣе и безотраднѣе:

«Легко человѣку догадаться (писалъ онъ въ 41-мъ письмѣ), отъ кого онъ имѣетъ въ себѣ добрыя мысли, сколько бы онѣ малы и скоры ни были. Ибо

онѣ не человѣческія, но суть дары и дѣйствіе Духа Христова, благодати Божіей; поелику все доброе только отъ Бога приходитъ, а не отъ твари».

Это — опять правда; правда, что безъ благодати нѣтъ спасенія, и своею единичною человѣческою силой человѣкъ не придетъ къ полной истинѣ; но суровый мистикъ не видитъ и не признаетъ, что не одинъ же мракъ въ нашей душѣ, что есть въ ней то доброе начало, которое влечетъ насъ къ молитвѣ о благодати.

Та же отвлеченная суровость и въ ученіи Гамалеи о смиреніи, о неосужденіи ближняго. Въ 16-мъ письмѣ мы читаемъ:

«Если вмѣсто любви къ нимъ (т. е. къ другимъ людямъ) дѣлаюся судіею ихъ и еще строгимъ, не подозрѣвая себя, то я вступаю не въ мое дѣло, иду туда, куда не посланъ, учу, кого не долженъ.... А для меня гораздо бы лучше было, ежели бы я старался исполнять прежде на себѣ тѣ истины, которыя уже удостоился познать; а потомъ и другимъ въ любви сообщать, не негодуя притомъ на нихъ, ежели они не исполняютъ по моему мнѣнію; ибо они своему Господу стоятъ или падаютъ, который и силенъ есть возставить ихъ; а я не буду отвѣтствовать за нихъ, а за себя; потому и полезнѣе мнѣ наблюдать за собою».

Конечно, «не судите — да не судимы будете» — истина великая и безспорная; но къ ней въ приведенныхъ словахъ нашего мистика примѣшалось и нѣчто другое: въ нихъ отрицается негодованіе, праведный и честный гнѣвъ, а слѣдовательно и смѣхъ, и сатира (какъ его результатъ); въ нихъ неосужденіе ближняго переходитъ даже въ эгоизмъ, въ отрицаніе заботы о другихъ и отвѣтственности за другихъ передъ Богомъ, въ проповѣдь заботы только о своемъ личномъ спасеніи.

Замѣчательно, что самъ Гамалея не выдерживаетъ этого правила — не судить другихъ, не негодовать на нихъ. Повидимому, противорѣча себѣ, но на самомъ дѣлѣ безсознательно вѣрный своему суровому и мрачному взгляду, онъ, напр., обрушивается упреками на одного своего знакомаго, обратившагося къ нему за совѣтомъ, какъ воспитывать дѣтей. Это въ письмѣ 4-мъ:

«Толикая нерѣшительность въ дѣлѣ, о которомъ вы могли (пишетъ нашъ мистикъ) размышлять нѣсколько лѣтъ съ самаго того времени, какъ записали дѣтей въ службу, открываетъ невыгодную для васъ сторону. Если вы, столько читая и прочитывая, въ сей малости не рѣшилися прибѣгнуть къ Источнику свѣта и совѣта, то какъ осмѣлиться въ бóльшемъ прибѣгнуть къ Нему?»

И т. д., слѣдуютъ упреки и угрозы наказаніемъ Божіимъ; а просимаго совѣта такъ и не дается: духъ любви уступилъ мѣсто одному негодованію.

Такова своеобразная личность Сем. Ив. Гамалеи. Дальнѣйшее изученіе нашего масонства и сочиненій нашихъ мистиковъ познакомитъ насъ, конечно, лучше съ ихъ личностями, выступятъ передъ нами изъ мрака прошедшаго и новые для насъ, еще неизвѣстные, или малоизвѣстные люди. Настоящее сочиненіе не имѣетъ,

разумѣется, въ виду исчерпать вопросъ; его задачей было — сдѣлать лишь общія указанія на одинъ изъ своеобразныхъ и оригинальныхъ видовъ литературы екатерининской эпохи, на одно изъ ея замѣчательныхъ направленій.

Въ заключеніе, остановимся еще немного на масонскомъ журналѣ, выходившемъ въ свѣтъ въ Москвѣ, въ 1784 году, и печатавшемся въ типографіи Лопухина. Это—«Магазинъ свободнокаменьщическій», содержащій въ себѣ: «Рѣчи, говоримыя въ собраніяхъ; пѣсни, письма и другія разныя.... писанія стихами и прозою; въ 7 томахъ, а каждый томъ въ 3 частяхъ состоящій». По свидѣтельству обращенія издателя (или редактора) къ читателямъ, назначеніе этого журнала состояло въ томъ, чтобъ и принятые въ масонскій орденъ, и посторонніе могли почерпать изъ него истинныя свѣдѣнія о масонствѣ.

Характеръ журнала—нравоучительный. Въ статьѣ 1-го же №, озаглавленной «Опытъ о таинствахъ и подлинномъ предметѣ свободнаго каменьщичества», сказано: «Орденъ долженъ брать прибѣжище единственно ко власти нравоученія, и потому долженъ онъ стараться содѣлывать членовъ чувствительными и добродѣтельными». (Стр. 30). Нѣсколько далѣе въ той же статьѣ читаемъ: «Все таинство масоновъ состоитъ въ символическомъ наставленіи, что мораль только есть истинная наука, а истинная добродѣтель только общественная». (Стр. 44). Но, поставляя такъ высоко нравоученіе и принижая предъ нимъ науку, журналъ, выражающій этимъ одинъ изъ основныхъ признаковъ масонства, свидѣтельствуетъ въ то же время о нравственной несостоятельности ордена, о недовѣріи масоновъ къ своимъ нравственнымъ силамъ. Въ той же статьѣ «Опытъ о таинствахъ» сказано про нравственные законы ордена: «Для сохраненія сихъ законовъ въ ихъ силѣ и для предупрежденія разрушеній нужно было отдалить прекрасный полъ». Съ этой чертой масонства мы уже встрѣчались: она довольно ярко свидѣтельствуетъ о несостоятельности одностороннихъ увлеченій.

Затѣмъ мы встрѣчаемъ въ журналѣ знакомую уже намъ по «Нравоучительному катехизису» Лопухина проповѣдь слѣпаго повиновенія младшихъ братьевъ ордена старшимъ. Первая же статья журнала озаглавлена: «Разсужденіе о повиновеніи, которое есть дѣятельное покореніе воли нашей волѣ мастеровъ нашихъ; гордость и непослушаніе суть причины заблужденій нашихъ и суть препятствія, которыя мы полагаемъ самопроизвольно на пути нашемъ къ истинѣ». Въ статьѣ проводится идея, что повиновеніе нужно главнымъ образомъ потому, что у каждаго человѣка есть врожденная склонность владычествовать надъ другими. Замѣчательно, однако, что и здѣсь масонскій журналъ впадаетъ, самъ того, конечно, не замѣчая, въ противорѣчіе. Уча смиренію, онъ презрительно и высокомѣрно смотритъ въ то же время на простой

народъ: тѣ люди опасны,—говоритъ онъ:—«которые умѣютъ возмущать глупыя и несчастливыя страсти простой толпы», и нѣсколько далѣе (въ той же статьѣ «Опытъ о таинствахъ»): «ложи каменьщиковъ никому, кромѣ черни, не затворены».

Гордость,—говоритъ масонство своимъ журналомъ,—есть одна изъ причинъ заблужденій нашихъ и одно изъ препятствій на пути къ истинѣ. Гамалея, какъ мы видѣли, назвалъ гордость одною изъ адскихъ стихій. И вотъ въ эту-то гордость и впадало масонство, само того не сознавая. «Магазинъ Свободно-Каменьщическій» готовъ былъ поставить орденъ выше не только «гражданскихъ законовъ», чтò еще понятно, но и выше самой религіи, чтò уже есть безумное тщеславіе.

«Основатели масонства (говорится въ статьѣ «Опытъ о таинствахъ») главною цѣлію поставили себѣ то, чтобы возвратить человѣковъ къ первой ихъ натуральной добротѣ и заставить законы натуры прозябнуть паки въ сердцахъ ихъ въ величайшемъ совершенствѣ. Сія была также цѣль религіи, ее же стараются достигнуть и гражданскіе законы всѣхъ возможныхъ образовъ правленія. Можетъ быть, «Свободному только Каменьщичеству» извѣстны были истинные къ достиженію сего способы» (28—29).

Итакъ, масонство полагало, что оно можетъ сдѣлать то, что не подъ силу религіи. Дальше этого гордость идти не можетъ, и не можетъ быть большаго противорѣчія, какъ между проповѣдью смиренія и подобнымъ тщеславіемъ.

Нѣкоторые писатели относятъ къ масонской литературѣ еще журналы Новикова: «Утренній Свѣтъ», «Вечернюю Зарю», «Покоящійся Трудолюбецъ». Но такое мнѣніе совершенно ошибочно. Въ журналахъ этихъ мы встрѣчаемъ нѣсколько (очень немного) масонскихъ статеекъ; но общее ихъ содержаніе и направленіе совсѣмъ инаго характера. Относительно «Утренняго Свѣта», выходившаго сначала въ Петербургѣ, потомъ въ Москвѣ отъ 1777 по 1780 годъ, надо, впрочемъ, сказать, что онъ нѣсколько прикосновененъ къ масонству. Новиковъ сталъ издавать его вскорѣ по вступленіи своемъ въ орденъ, и нѣкоторыя масонскія идеи отразились въ немъ: такъ, въ «Утреннемъ Свѣтѣ» мы не встрѣчаемъ сатиры (отъ которой масонство отрекалось, какъ намъ извѣстно), не встрѣчаемъ статей по общественнымъ вопросамъ (въ чемъ оказалась извѣстная отвлеченность масонства, отчужденіе его отъ жизни); а главное—въ журналѣ очень много (особенно въ первыхъ книжкахъ) нравоучительныхъ сочиненій, и, чтò особенно важно, прекрасныхъ сочиненій, направленныхъ противъ матеріалистической философіи, доказывающихъ безсмертіе души, существованіе духовнаго міра. Въ своемъ журналѣ «Утренній Свѣтъ» Новиковъ извлекъ изъ масонства то, что въ немъ было хорошаго, и избѣжалъ его темной стороны, его нелѣпыхъ вѣрованій. Не буду распространяться въ настоящемъ сочиненій объ «Утреннемъ Свѣтѣ» и

другихъ журналахъ Новикова, такъ какъ подробный разборъ этихъ изданій сдѣланъ мною въ книгѣ: «Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 г.г.».

Познакомившись съ нѣсколькими сочиненіями русскихъ масоновъ, сдѣлаемъ теперь нѣкоторыя общія заключенія о нихъ. Что мы встрѣчаемъ въ этихъ сочиненіяхъ?

Свѣтлая сторона масонства, проповѣдь нравственности, борьба съ матеріалистическими идеями вѣка, нашли свое выраженіе главнымъ образомъ въ журналѣ Новикова «Утренній Свѣтъ» и затѣмъ въ лекціяхъ Шварца, опровергавшаго своею возвышенной философіей идеи мыслителей матеріалистовъ. Возвышенныя нравоучительныя мысли видимъ мы еще въ письмахъ Гамалеи; но въ нихъ мораль получила такой суровый видъ, отличается такимъ мрачнымъ характеромъ, что переходитъ въ отрицаніе искусства, науки и даже человѣколюбія. Еще дальше идетъ въ этомъ направленіи журналъ «Магазинъ Свободно-Каменьщическій»: поставивъ мораль и смиреніе выше всего, онъ, самъ того не замѣчая, впалъ въ безумную гордость. Односторонность, къ которой масонство всегда было склонно, граничитъ съ его нравственной несостоятельностью. Мы видѣли боязнь масоновъ допустить въ свою среду женщинъ. Мы видѣли, что масонство очень легко впадало въ презрѣніе къ простому народу, не смотря на свою проповѣдь равенства и братства: «Магазинъ Свободно-Каменьщическій» презрительно смотрѣлъ на «чернь»; одинъ изъ лучшихъ масоновъ, человѣкъ несомнѣнно добрый, Лопухинъ, находилъ нужнымъ не освобождать народа, а «обуздывать» его.

Мистическія, фантастическія вѣрованія масонства, вѣрованія въ магію, въ дѣланіе золота и универсальнаго лѣкарства и т. д. были обычными въ средѣ на нашихъ писателей-масоновъ. На нихъ ясно намекаетъ Лопухинъ въ своемъ «Нравоучительномъ Катехизисѣ». Имъ преданъ былъ и возвышенный мыслитель Шварцъ, хотя, какъ мы видѣли, онъ и ограничивалъ нѣсколько эти вѣрованія, относя ихъ только къ матеріальной сторонѣ человѣческой жизни.

Наконецъ, еще замѣчательная черта масонства—проповѣдь повиновенія старшимъ братьямъ ордена встрѣчается у Лопухина въ его «Катехизисѣ», въ журналѣ «Магазинъ Свободно-Каменьщическій». Это масонское повиновеніе, слѣпое и безусловное, близко граничащее съ рабствомъ, не вяжется съ орденской проповѣдью братства и равенства людей.

Интересны нѣкоторыя черты сходства между масонствомъ и матеріалистической философіей XVIII вѣка. Проповѣдь масонами повиновенія мастерамъ, которые пекутся о младшихъ братьяхъ (по «Катехизису» Лопухина), какъ о неразумныхъ дѣтяхъ; высокомѣрное отношеніе ордена къ «черни», къ простымъ людямъ, тоже какъ

къ неразумнымъ дѣтямъ, или даже какъ къ нравственно и умственно больнымъ существамъ; гордость масонства—все это напоминаетъ одно изъ основныхъ положеній матеріалистической философіи—идею такъ называемаго «просвѣщеннаго деспотизма», по которой грубыя и глупыя толпы народа и общества должны слѣпо руководиться волею единичныхъ просвѣщенныхъ личностей, философовъ.

Поставленіе масонами морали, нравоученія выше науки и искусства напоминаетъ намъ педагогическія воззрѣнія мыслителей XVIII вѣка: идеи Локка, Руссо, Вольтера, нашего Бецкаго и императрицы Екатерины,—идеи, по которымъ пріобрѣтеніе знаній есть послѣднее дѣло, по которымъ знанія поставлялись не только ниже благонравія, но и ниже вѣжливости.

Мистическія вѣрованія масонства, разумѣется, противоположны скептицизму философіи прошлаго столѣтія и ея матеріалистическимъ вѣрованіямъ. Но замѣчательно, однако, что въ результатѣ и свободное каменьщичество, и матеріалистическая философія пришли, съ своихъ противоположныхъ точекъ зрѣнія, къ одному и тому же выводу: къ практическому матеріализму.

Мистическо-нравоучительное направленіе выразилось въ нашей литературѣ не только въ спеціальныхъ сочиненіяхъ, въ масонскихъ. Оно, что̀ и придаетъ ему значеніе, сказалось и въ общей литературѣ. Такъ этимъ направленіемъ отличаются произведенія выдающагося писателя екатерининской эпохи Хераскова. Херасковъ былъ масонъ и усвоенныя имъ въ орденѣ идеи вносилъ въ свои чисто-литературныя сочиненія. Этимъ сочиненіямъ будетъ посвящена слѣдующая глава настоящаго очерка.

А. Незеленовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЕКАТЕРИНА СЕМЕНОВНА СЕМЕНОВА.

(Очеркъ изъ исторіи русскаго театра).

Wer für die Besten seine Zeit gelebt,
Der hat gelebt für alle Zeiten.
Schiller.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ Екатерины Семеновой, подобно большинству нашихъ артистовъ, было незначительно. Ея родители, крѣпостные люди смоленскаго помѣщика, Путяты, были подарены имъ впослѣдствіи одному учителю кадетскаго корпуса, Прохору Ивановичу Жданову, въ благодарность за воспитаніе сына. Отца звали Семеномъ, а мать Дарьей. Мать Екатерины Семеновны была подарена Жданову еще дѣвушкой, но потомъ, когда она забеременѣла отъ своего новаго барина, ее выдали замужъ за Семена, и отъ этого-то брака и родилась 7-го ноября 1786 года наша артистка [1]).

Воспитаніе свое она получила въ театральномъ училищѣ, основанномъ еще въ царствованіе Екатерины II-й, при содѣйствіи знаменитаго артиста Дмитревскаго. Воспитаніе это было незавидное. Въ то время полагали, что всё зависитъ отъ одного природнаго таланта, что, разъ онъ есть, не нужно никакого ученія, никакого образованія. «Чувство и мысль,—говорили тогда,—не нуждаются въ учителѣ, ибо сами выше всего». Понятно, что, при такомъ взглядѣ на искусство, нечего было и ждать, чтобы Семенова получила въ театральной школѣ тѣ необходимыя подготовительныя знанія, безъ которыхъ немыслима самостоятельная творческая работа. Правда,

---

[1]) Русская Старина, 1872 г., т. VI, стр. 289.

тамъ преподавались и исторія, и словесность, и географія, но все это было поставлено на самыхъ узкихъ основаніяхъ и совершенно затушевывалось чисто практическими спеціальными упражненіями, изученіемъ ролей и декламаціей, которой училъ Семенову самъ патріархъ русскихъ актеровъ, И. А. Дмитревскій. Какъ ни рутинны и высокопарны были пріемы тогдашней сценической школы артистовъ, но и изъ-подъ всей этой мишуры французскаго псевдоклассицизма, пересаженнаго на русскую почву, уже въ школѣ ярко проглядывалъ блестящій, самобытный талантъ Семеновой. Ея обаятельный голосъ, красота и выразительность лица, и въ особенности глубокое, душу захватывающее чувство и тогда уже обращали на себя общее вниманіе, и тѣ, кто видѣлъ ее на школьныхъ спектакляхъ, никогда послѣ не могъ позабыть этой полной жизни и неподдѣльной страстности игры [1]).

Будучи еще воспитанницей театральной школы, она уже дебютировала 3-го февраля 1803 года въ заглавной роли комедіи Вольтера «Нанина», которую она приготовила подъ руководствомъ Дмитревскаго, а черезъ годъ, въ 1804 году, пользуясь совѣтами другаго знаменитаго актера того времени, Плавильщикова, выступила въ роли Ирты, въ его трагедіи «Ермакъ» [2]). Эти оба дебюта, при всей своей относительной успѣшности, все же были не на столько удачны, на сколько можно было ожидать отъ громаднаго таланта дебютантки; но причиною этого была не столько сама артистка, сколько неумѣлый выборъ ролей или неподходящихъ къ чисто трагическому характеру ея дарованія, какъ роль Нанины, или не дающихъ достаточно простора для обнаруженія истиннаго чувства, какъ роль Ирты. Для таланта Семеновой нуженъ былъ иной репертуаръ, иныя пьесы,—и, къ счастью русскаго театра, почти одновременно съ появленіемъ на сценѣ Семеновой, возникъ и новый литературный талантъ. Озеровъ явилъ собою новую эпоху въ исторіи русской трагедіи. Какими бы намъ ни казались теперь герои и героини его трагедій, все же они были гораздо жизненнѣй и осязательнѣй, чѣмъ поднятыя на ходули, надутыя созданія Сумарокова, Княжнина и ихъ послѣдователей. Отъ произведеній Озерова повѣяло чѣмъ-то свѣжимъ, болѣе теплымъ, болѣе близкимъ сердцу; изъ-подъ шумихи торжественныхъ словъ стало выглядывать чувство человѣка, а не героя, и для того, чтобы выразить это чувство, мало было той декламаціи, то крикливой, то пѣвучей, той картинности, или, вѣрнѣе сказать, натянутости позъ и движеній, которая царила тогда на сценѣ. Для этого нужно было то же непосредственное, свѣжее чувство, и это чувство съ избыткомъ нашлось въ юномъ, еще неиспорченномъ рутиной дарованіи Семеновой.

[1]) Семейн. хрон. и воспомин. С. Т. Аксакова, изд. 1879 г., стр. 432.
[2]) Записки П. А. Каратыгина, 1880 г., стр. 108.

Оно ждало только минуты, чтобы проявиться въ увлекающемъ, стремительномъ порывѣ,—и этотъ случай представился съ появленіемъ трагедіи Озерова «Эдипъ въ Аѳинахъ».

Въ 1804 году, Озеровъ прочелъ свою пьесу въ домѣ Оленина, и тогда же было рѣшено приготовить для роли Антигоны, тогда все еще воспитанницу, Семенову. Князь Шаховской, бывшій въ то время начальникомъ репертуарной части, съ отличающимъ его жаромъ и ревностью принялся за это приготовленіе, объясняя молодой дѣвушкѣ всѣ ситуаціи ея трудной роли. Наконецъ, настал день дебюта — 23-е ноября 1804 года, — день, которому суждено остаться навсегда памятнымъ въ лѣтописяхъ русскаго театра. Это было торжество и автора, и юной артистки. Когда Антигона-Семенова, ведя подъ руку престарѣлаго Эдипа, появилась на сценѣ,— всѣ зрители были поражены. И было отъ чего! Рѣдкая красота Семеновой бросалась въ глаза: «Строгій, благородный профиль ея красиваго лица, по выраженію современника, напоминалъ древнія камеи; прямой, пропорціональный носъ, съ небольшимъ горбомъ, каштановые волосы, темно-голубые, даже синеватые глаза, окаймленные длинными рѣсницами, умѣренный ротъ,—все это вмѣстѣ обаятельно дѣйствовало на каждаго, при первомъ взглядѣ на нее» [1]... Въ своемъ греческомъ костюмѣ она могла бы служить великолѣпной моделью для скульптора. Стоило ей только заговорить, и успѣхъ ея дебюта былъ уже рѣшенъ: такъ обаятеленъ, такъ глубоко-прочувствованъ былъ ея чудный, контральтовый голосъ. Въ юной артисткѣ соединилось все, и роскошныя внѣшнія средства, и глубокая сила чувства. Эта сила не знала предѣловъ. Когда въ 3-мъ дѣйствіи трагедіи отъ Антигоны похищаютъ ея нѣжно-любимаго отца, а она стремится за нимъ, дебютантка позабыла все, позабыла и сцену, и зрителей, и всецѣло слилась съ ролью Антигоны. Въ порывѣ неудержимаго чувства, она, произнеся первые четыре стиха своего монолога:

Постойте, варвары! пронзите грудь мою,
Любовь къ отечеству довольствуйте свою.
Не внемлютъ — и бѣгутъ поспѣшно по долинѣ;
Не внемлютъ — и мой вопль теряется въ пустынѣ...

съ силою вырвалась изъ рукъ удерживавшихъ ея воиновъ и, позабывъ о требованіяхъ пьесы, бросилась за кулисы, какъ бы нагоняя уведеннаго отца. Когда воины,—свидѣтельствуетъ современникъ, — притащили снова Антигону на сцену насильно, то громъ рукоплесканій потрясъ театръ [2]).

Такимъ необычнымъ успѣхомъ сопровождался выходъ артистки. Но этого мало: Семенову ждала еще новая награда. Послѣ эрми-

[1]) Записки П. А. Каратыгина, стр. 110.
[2]) Сем. хрон. и восп. С. Т. Аксакова, стр. 457.

тажнаго спектакля 15-го декабря ей, воспитанницѣ, былъ пожалованъ высочайшій подарокъ, который явился лишь залогомъ ея будущихъ успѣховъ. Въ 1805 году, подъ руководствомъ того же князя Шаховскаго, она сыграла роль Зафиры въ трагедіи Княжнина «Росславъ» и съ 4-го іюля того же года стала числиться на службѣ [1]).

Эта служба представляется намъ непрерывнымъ рядомъ успѣховъ юной артистки. Почти каждая новая роль была въ то же время и новымъ для нея торжествомъ. Восхищенные зрители, смотря на ея одушевленную глубокимъ чувствомъ игру, видѣли въ Семеновой актрису необыкновенную, какой на русской сценѣ еще не бывало. Ни Троепольская, ни Синявская, ни непосредственная ея предшественница, Каратыгина, не могли съ нею равняться. Увѣряютъ даже, будто со времени появленія на сценѣ Семеновой на Каратыгину стали смотрѣть съ отвращеніемъ [2]). Это, конечно, преувеличеніе, но въ своемъ основаніи оно не лишено нѣкоторой доли истины. И Каратыгина, и другія русскія артистки прежняго времени, воспитались на трагедіяхъ Сумарокова. Изображая его надутыхъ и всегда неестественныхъ героинь, онѣ и сами становились на ходули и выработали себѣ совершенно неестественную манеру игры. Чѣмъ «неистовѣе», какъ тогда въ похвалу выражались, была эта игра, тѣмъ бóльшіе восторги вызывала она у зрителей. Всѣ болѣе или менѣе сильныя чувства—гнѣвъ, негодованіе, страхъ, жалость, по тогдашнимъ понятіямъ, должны были выражаться въ крайнемъ напряженіи голоса, въ движеніяхъ порывистыхъ, въ жестахъ неумѣренныхъ. Во всемъ этомъ, конечно, не могли не сказываться и природныя дарованія той или другой артистки, только дарованіямъ этимъ давалось слишкомъ мало простору, да и не говоря уже о самыхъ условіяхъ неблагопріятныхъ для ихъ развитія, онѣ и по внутренней своей силѣ совершенно блѣднѣли въ сравненіи съ великимъ, самобытнымъ талантомъ Семеновой. Напрасно раздавались впослѣдствіи голоса, старавшіеся доказать, что талантъ этотъ былъ исключительно подражательный, что все, что было въ немъ хорошаго, являлось не чѣмъ инымъ, какъ сколкомъ съ игры знаменитой французской актрисы, Жоржъ. Съ самыхъ первыхъ шаговъ своей дѣятельности, когда даже геній творитъ подражательно, Семенова уже выказывала сквозь внѣшнюю оболочку привитыхъ пріемовъ и декламацій, глубокую, самобытную силу таланта. Всѣ современники въ одинъ голосъ почти утверждаютъ, что лучшимъ и выдающимся элементомъ ея игры была не строго обдуманная декламація, не ровное и гладкое исполненіе, но страстная порывистость чувства, всепокоряющій творческій геній. «Все искусство ея, — говоритъ

[1]) Лѣтопись рус. театра Арапова, стр. 201.

[2]) Воспом. Ф. Ф. Вигеля, изд. 1666 г., ч. 5, стр. 35.

Зотовъ,—состояло въ изящной природѣ и высокихъ ощущеніяхъ... Все дѣлалось какимъ-то художническимъ инстинктомъ, какимъ-то вдохновеніемъ. Выходки были нечаянны, поразительны, всегда вѣрны» [1]). Еще неиспорченная традиціонною манерой игры, еще не подчинившаяся губительному, охлаждающему вліянію привычки, неподдѣльная сила чувства артистки, заставляя ее освобождаться отъ оковъ принятой декламаціи, невольно наталкивала на массу тонкихъ и въ высокой степени правдивыхъ деталей; страстность души ея, легко воспламеняющаяся, невольно заставляла ее прибѣгать не къ крику только и напряженію голосовыхъ средствъ, но и къ вкрадчивому шопоту и къ тихому воркованію,—однимъ словомъ ко всѣмъ тѣмъ столь разнообразнымъ интонаціямъ, въ которыхъ проявляется въ жизни истинная страсть. Благодаря такому самобытному творчеству, въ ея игрѣ явилось много новаго, еще неслыханнаго и невиданнаго на нашей сценѣ. Правда, эта игра по вдохновенію имѣла своимъ слѣдствіемъ и неровность, и шероховатость исполненія, но всѣ эти недостатки легко забывались очарованными зрителями. Они даже не замѣчали ихъ и въ своемъ восторгѣ недаромъ говорили, что Семенова первая въ Россіи успѣла открыть

Искусство тайное—какъ сердцу говорить.

Такъ передъ этимъ юнымъ, но могучимъ дарованіемъ затушевались образы былыхъ знаменитостей русской сцены, какъ затушевались передъ свѣжими созданіями Озерова чопорныя и натянутыя трагедіи Сумарокова.

Слава Семеновой, начало которой такъ знаменательно совпало съ началомъ славы Озерова [2]), и росла вмѣстѣ съ нею, поддерживаясь главнымъ образомъ его произведеніями. Фингалъ, Дмитрій Донской, Поликсена—всѣ эти трагедіи Озерова давали обильный и богатый матеріалъ для новыхъ твореній Семеновой. «Идеально-прелестная» въ самоотверженной, великодушной Ксеніи, нѣжная, вся проникнутая чувствомъ любви въ Моинѣ, чудно-прекрасная въ Поликсенѣ — она своими появленіями въ трагедіяхъ Озерова въ глазахъ современниковъ на дѣлѣ оправдывала то извѣстное изреченіе, что великій трагикъ родитъ и великую актрису. И не безъ основанія говорили біографы Озерова, что именно его должны мы благодарить за Семенову [3]). Репертуаръ дѣйствительно имѣетъ громадное значеніе въ дѣлѣ образованія сценическихъ артистовъ. Всякое коренное измѣненіе въ его составѣ влечетъ за собой и измѣненіе сценической школы, причемъ на этой школѣ отражаются всѣ

---

[1]) Репертуаръ, 1840 г., кн. 7, стр. 25.

[2]) Первая трагедія Озерова «Смерть Олега Древлянскаго», поставленная въ первый разъ въ 1798 г. на петербургскомъ театрѣ, успѣха не имѣла.

[3]) Сочиненія Озерова, изд. 1817 г., стр. XLV—XLVI.

тѣ недостатки и достоинства, которыми характеризуется вызвавшее ее новое литературное направленіе. Въ этомъ отношеніи въ талантахъ Озерова и Семеновой нельзя не замѣтить много поразительно схожихъ чертъ. У обоихъ было немало лживаго, привитаго традиціей, но и у той и у другаго изъ-подъ этого стараго и отживающаго свой вѣкъ ключемъ била неподдѣльная, внутренняя сила таланта. Оба своимъ появленіемъ знаменовали новую, восходящую зарю театральнаго искусства. Недаромъ же въ воспоминаніяхъ старинныхъ театраловъ имя Семеновой всегда связывается съ именемъ Озерова и наоборотъ. Недаромъ же и Пушкинъ, называя Озерова, не могъ позабыть и о Семеновой, говоря, что

...Озеровъ невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ младой Семеновой дѣлилъ [1]).

Такъ нераздѣльно сливались въ своихъ созданіяхъ и поэтъ, и сценическая художница! Припоминая успѣхи артистки въ твореніяхъ Озерова, другой знаменитый поэтъ-современникъ въ 1809 году въ такихъ стихахъ, посвященныхъ Семеновой, выразилъ то неизгладимое впечатлѣніе красоты, которое производила она на него въ роляхъ Антигоны, Ксеніи, Моины:

Я видѣлъ красоту, достойную вѣнца,
Дочь добродѣтельну, печальну Антигону,
Опору слабую несчастнаго слѣпца,
И въ рубищѣ простомъ почтенной нищеты
Узналъ богиню красоты.
Я видѣлъ, я познaлъ ее въ Моинѣ страстной
Средь сонма древнихъ бардъ, средь копій и мечей;
Ея гласъ сладостный достигъ души моей,
Ея взоръ пламенный, всегда съ душой согласный,
Я видѣлъ—и познaлъ небесныя черты
Богини красоты.
О, дарованіе одно другимъ вѣнчанно [2])!
Я видѣлъ Ксенію стенящу предо мной:
Любовь и строгій долгъ владѣютъ вдругъ княжной,
Боренье всѣхъ страстей въ ней къ ужасу сліянно.
Я видѣлъ, чувствовалъ душевной полнотой
И счастливъ сей мечтой!
Я видѣлъ—и хвалить не смѣлъ въ восторгѣ страстномъ,
Но послѣ, истиной священной вдохновенъ,
Скажу, красотъ соборъ въ ней ясно съединенъ:
Душа небесная во образѣ прекрасномъ
И сердца добраго всѣ рѣдкія черты,
Безъ коихъ ничего и прелесть красоты [3]).

---

[1]) Соч. Пушкина, изд. 1882 г., т. 3, стр. 8.
[2]) Дарованіе поэта и актрисы (прим. автора).
[3]) «Цвѣтникъ», журналъ Измайлова и Беницкаго, 1808 г., ч. 3, стр. 409—410.

Эти прелестные стихи Батюшкова не были выраженіемъ лишь его личныхъ впечатлѣній; въ нихъ отразилось уже господствовавшее тогда общее мнѣніе. Къ 1809 году, за какія нибудь пять-шесть лѣтъ со дня дебюта Семеновой въ Эдипѣ, слава ея успѣла окрѣпнуть, и молодая, пылкая и прекрасная актриса имѣла уже огромное число поклонниковъ, особенно среди молодежи, которая, будучи увлекающейся и восторженной, съумѣла оцѣнить пылкость души Семеновой. Но болѣе опытные, болѣ хладнокровные люди, понимая истинное достоинство ея игры, уже въ то время стали замѣчать, что талантъ юной артистки начиналъ портиться, что, подчиняясь вліянію традиціонной школы, она сама стала играть менѣе просто, болѣе налегая на хороректную декламацію. Въ числѣ этихъ немногихъ скептиковъ находились даже нѣкоторые молодые театралы, которые, зная необразованность Семеновой и видя ея громадное, не выносящее никакого порицанія самолюбіе, смѣло высказывали свои далеко не безосновательныя сужденія объ ея артистической будущности. «Семенова—красавица,—писалъ еще въ 1807 году въ своемъ дневникѣ Жихаревъ,—Семенова — драгоцѣнная жемчужина нашего театра, Семенова имѣетъ все, чтобы сдѣлаться одной изъ величайшихъ актрисъ своего времени; но исполнитъ ли она свое предназначеніе? Сохранитъ ли она ту постоянную любовь къ искусству, которая заставляетъ избранныхъ пренебрегать выгодами спокойной и роскошной жизни, чтобы предаться необходимымъ трудамъ для пріобрѣтенія нужныхъ познаній? не слишкомъ ли рано нарядилась она въ бархатные капоты, облеклась въ турецкія шали и украсилась разными дорогими погремушками? Сколько я отъ всѣхъ слышу, да и самъ частью испыталъ на репетиціи Дмитрія Донскаго, когда она меня такъ грубо отпотчивала своимъ высокомѣрнымъ «чего-съ»,—въ ней не достаетъ образованности, простоты сердца и той душевной теплоты, которую французы разумѣютъ подъ словомъ aménité» [1]). Къ глубокому огорченію всѣхъ истинныхъ поклонниковъ дарованія Семеновой, всѣмъ этимъ опасеніямъ Жихарева суждено было самымъ блестящимъ образомъ оправдаться въ недалекомъ будущемъ. Чудный талантъ Семеновой не только не развился съ теченіемъ времени, но все болѣе и болѣе ослабѣвалъ.

Исторія постепеннаго паденія этого таланта съ высшей степени интересна. И теперь, спустя много лѣтъ, она является собой поучительный для современныхъ сценическихъ художниковъ примѣръ того, какъ самое громадное природное дарованіе портится, а въ иныхъ случаяхъ и гибнетъ, благодаря недостаточному образованію и плохому общему развитію артиста.

Если и теперь еще у насъ слышатся частыя жалобы на плохую сценическую подготовку того или другаго артиста, то можно себѣ

[1]) «Отеч. Записки», 1855 г., № 9, стр. 146—147.

представить, что было въ то время, когда искусство русское едва вышло изъ колыбели, когда въ артисты шли, по большей части, люди простые и малообразованные и самое поверхностное развитіе не считалось необходимымъ. У новаго руководителя Семеновой, князя Шаховскаго, нерѣдко попадались даже такія ученицы, которымъ надо было растолковать, что Альбіонъ не альбиносъ, какъ онѣ думали, а Англія, что великаго англійскаго артиста зовутъ не Рюрикомъ, а Гаррикомъ, что Стиксъ не олимпійскій богъ, а рѣка въ подземномъ царствѣ, и что не слѣдуетъ, поэтому, произнося это слово, указывать рукою на небо. По этимъ не многимъ, но характернымъ примѣрамъ легко судить объ общемъ уровнѣ развитія тогдашнихъ сценическихъ артистовъ. Семенова, какъ и другіе, не блистала образованіемъ. Къ тому же ея природный умъ не равнялся ея таланту. Видя вокругъ себя всеобщіе восторги и поклоненіе, она невольно усвоила себѣ то мнѣніе, что всѣ эти подготовительныя работы и образованіе, о которомъ такъ докучливо толкуютъ ей нѣкоторые изъ ея поклонниковъ, совсѣмъ не нужны для сценическихъ успѣховъ. Вмѣсто того, чтобы пополнить свое образованіе и потомъ идти самостоятельнымъ путемъ въ своей творческой дѣятельности, сознательно открывая новые пути для искусства, она находила удобнѣе пользоваться чьей либо посторонней помощью и вполнѣ полагалась на волю своихъ учителей, которымъ такимъ образомъ пришлось не только указывать общій тонъ роли, но и объяснять все до мельчайшихъ подробностей, приготовлять за нее всю ту чорную подготовительную работу, которая такъ легка для артистки образованной. Трудно, почти немыслимо было при такихъ условіяхъ дать ученицѣ возможность самостоятельной работы. Все невольно наталкивало на способъ начитыванія ролей съ голосу, и дѣйствительно этого способа не могъ избѣгнуть даже такой учитель Семеновой, какъ князь Шаховской, по справедливости считавшійся въ то время однимъ изъ лучшихъ, если не лучшимъ преподавателемъ драматическаго искусства. «Прослушавъ обыкновенно чтеніе ученика или ученицы, князь, по свидѣтельству одной изъ своихъ воспитанницъ, вслѣдъ за тѣмъ читалъ имъ самъ и тутъ ужъ требовалъ рабскаго себѣ подражанія» [1]). Правда, не смотря на свое тяжеловатое и писклявое произношеніе, онъ всегда умѣлъ хорошо передать всѣ самые тонкіе оттѣнки рѣчи, но все же это не могло выкупать недостатковъ его методы обученія, лишь отчасти находившей себѣ оправданіе въ необразованности ученицъ. Очень удачно сравниваемая съ насвистываньемъ разныхъ пѣсенъ ученымъ канарейкамъ, эта метода, вмѣсто того, чтобы развивать дарованіе ученика, лишь притупляла его творческій геній; вотъ почему несправедливы были тѣ люди, которые приписывали сценическіе успѣхи

[1]) Восп. А. М. Каратыгиной, «Русск. Вѣст.», 1881 г., № 4, стр. 571.

Семеновой преподаванію князя Шаховскаго. Все, что являлось въ ея игрѣ самобытнаго, яркаго, новаго,—все это являлось безсознательно, подъ наитіемъ вдохновенія,—и князь Шаховской, какъ и послѣдующіе учителя Семеновой, были тутъ не при чемъ. Но какъ напрасно было приписывать князю заслугу развитія таланта Семеновой, такъ не менѣе не справедливо было бы и взваливать на него вину паденія ея таланта. Если кто либо изъ ея учителей и могъ ей принести несомнѣнную пользу, такъ это именно князь Шаховской съ его всестороннимъ образованіемъ и глубокимъ знаніемъ сценическаго искусства. Самая декламація его, хотя утрированная, но всегда полная смысла, пониманія и изящества являлась уже шагомъ впередъ на русской сценѣ и была достойна всякаго изученія, но и она не могла благодѣтельно подѣйствовать на развитіе дарованія Семеновой, ибо представляла собой лишь результатъ наблюденій князя надъ существующими образцами искусства, а въ великомъ талантѣ Семеновой крылась отличающая высоко-даровитаго человѣка способность къ созданію чего нибудь новаго. Натолкнуть на это новое могъ лишь ея собственный умъ и развитіе; при невозможности же самостоятельно творческой работы, обусловливаемой подготовительными знаніями, какихъ у Семеновой не было, дарованіе ея рано или поздно должно было угаснуть, и въ этомъ угасаніи, конечно, прежде всего была виновата сама артистка и отчасти тѣ условія жизни, которыя не позволили ей образовать и развить свой природный умъ.

Но какъ бы то ни было, а жалобы на князя Шаховскаго стали раздаваться все громче и громче и особенно усилились съ тѣхъ поръ, какъ на сценѣ появилась новая ученица князя, дочь извѣстнаго въ свое время балетмейстера, Марія Ивановна Валберхова. Умная и образованная, она вскорѣ стала возбуждать опасенія поклонниковъ Семеновой, которая и сама начала смотрѣть на нее, какъ на серьёзную себѣ соперницу. И въ самомъ дѣлѣ Валберхова, хотя и далеко уступавшая по силѣ своего таланта Семеновой, уже съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ на сценѣ, привлекла къ себѣ очень большое число поклонниковъ. Причиной этому было то, что она, и Семенова, представляли собой два совершенно противоположные типа артистовъ. Чего не доставало одной—было у другой. Семенова брала своимъ творческимъ огнемъ, чувствомъ, проникавшимъ ея игру, Валберхова не столько воспріимчивостью своей натуры, сколько обдуманностью и изученіемъ. Тѣ изъ тогдашнихъ театраловъ, которые были недовольны шероховатостью и неровностью игры Семеновой, само собой разумѣется, должны были плѣниться умомъ и благородствомъ гладкаго исполненія Валберховой и перешли на сторону послѣдней. Это послужило новымъ поводомъ къ обвиненіямъ противъ князя Шаховскаго. Говорили, будто ради выгодъ Валберховой, своей любимой ученицы, онъ старается мѣшать

успѣхамъ Семеновой, будто «не назначаетъ ей ролей, присвоенныхъ ея амплуа, учитъ ее умышленно неправильной декламаціи и заставляетъ понимать и произносить стихи въ трагедіяхъ совершенно противно ихъ смыслу, путаетъ ее на репетиціяхъ, искажаетъ пантомиму» [1]... Смѣшныя и въ то же время очень характерныя для Семеновой обвиненія! Артисткѣ уже знаменитой и славной нуженъ учитель, ее заставляютъ понимать роли такъ, какъ хотятъ; она сама не смѣетъ думать,—думаютъ за нее учителя... Трудно повѣрить возможности такихъ обвиненій, но они существовали, и князь Шаховской скоро въ глазахъ большинства сдѣлался какимъ-то недругомъ и притѣснителемъ Семеновой, отъ котораго ее надо избавить. А между тѣмъ, князь и не думалъ дѣлать чего либо подобнаго. Онъ одинаково училъ и ту и другую и, хотя, можетъ быть, любилъ больше Валберхову, ибо она никогда не измѣняла своему учителю, но, тѣмъ не менѣе, заботился и о Семеновой; и всѣ самыя лучшія и выгодныя роли доставались Семеновой, тогда какъ Валберховой приходилось въ большинствѣ случаевъ играть въ устарѣлыхъ и нелюбимыхъ публикой пьесахъ. Самое соперничество даже, казалось бы, было невозможно, ибо обѣ артистки занимали различныя амплуа: одна играла сильныя роли царицъ, другая роли молодыхъ принцессъ, но, тѣмъ не менѣе, соперничество возникло, и скоро все населеніе Петербурга, интересовавшееся театромъ, раздѣлилось на партіи. Каждая партія отстаивала свою любимицу и въ своемъ усердіи доходила до крайностей. Современники разсказываютъ, что даже «за каретами обѣихъ артистокъ бѣгали ихъ приверженцы, останавливали ихъ, выражали имъ свои похвалы и ссорились на улицѣ за превосходство каждой актрисы» [2]). Но въ концѣ концовъ Семенова побѣдила. Въ 1812 году, нѣсколько разъ неудачно выступивъ въ «Семирамидѣ» Вольтера, «Британикѣ» Расина и нѣкоторыхъ другихъ пьесахъ, Валберхова сошла со сцены съ тѣмъ, чтобы спустя три года во всемъ блескѣ своего таланта появиться снова и на этотъ разъ уже въ своемъ амплуа—въ комедіи.

Эта отставка соперницы и тѣмъ какъ бы признаніе ею своего безсилія бороться съ Семеновой должны были сильно польстить самолюбію послѣдней и доставить ей новые лавры. Правда, эти лавры нѣсколько запоздали и не были уже на столько пріятными для артистки, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Слава побѣды надъ Валберховой неминуемо должна была померкнуть въ сравненіи съ той славой, которою къ 1812 году озарилась Семенова, благодаря счастливому окончанію другаго своего соперничества съ знаменитой французской актрисой m-lle Georges. Еще въ 1808 году,

[1]) Восп. С. П. Жихарева, «Отеч. Зап.», 1854 г., № 10, стр. 130.
[2]) Театральн. воспом. Р. М. Зотова, изд. 1860 г., стр. 82.

когда впервые появилась передъ петербургской публикой m-lle Georges, нѣкоторые изъ наиболѣе восторженныхъ поклонниковъ Семеновой стали указывать на нее, какъ на будущую соперницу французской знаменитости, и не прошло и года, какъ Семенова на дѣлѣ оправдала ихъ предположенія. Соперничество съ m-lle Georges окончательно упрочило ея славу, какъ первой русской актрисы, но съ другой стороны оно же въ высшей степени пагубнымъ, можно даже сказать, роковымъ образомъ отразилось на внутреннемъ развитіи ея дарованія. Плѣненная игрою французской артистки, она стала рабски копировать ее во всемъ, а на сколько это было для нея вредно, можно видѣть уже изъ самой поверхностной характеристики таланта m-lle Georges.

M-lle Georges была актриса чисто техническая. Не обладая ни особеннымъ умомъ, ни блестящимъ талантомъ, она за то щедро надѣлена была отъ природы и красотою лица, въ высшей степени подвижнаго и выразительнаго, и роскошной пластичностью своихъ формъ, и какой-то особенной, ей лишь одной свойственною царственностью фигуры. При помощи столь богатыхъ внѣшнихъ средствъ, работая по указаніямъ опытныхъ и талантливыхъ руководителей, она съумѣла выработать себѣ замѣчательную, поражающую своей эффектностью и блескомъ технику. Каждую роль она тщательно изучала передъ зеркаломъ, придумывая самыя мельчайшія подробности своей игры и неизмѣнно повторяя ихъ каждый разъ, такъ что въ концѣ концовъ у ней образовался цѣлый запасъ разъ заученныхъ пріемовъ, которые она и вставляла то въ то, то въ другое мѣсто своей роли. При изученіи ролей она не заботилась ни о характерѣ изображаемаго лица, ни объ общемъ тонѣ пьесы, ни объ ансамблѣ исполненія. Она знала только свою роль, да и въ той старалась лишь о томъ, какъ бы получше блеснуть своими пустыми и безсмысленными эффектами. На сколько все у m-lle Georges приносилось въ жертву блестящей, хотя бы и безсодержательной внѣшности, можно видѣть уже изъ одной ея декламаціи, которая преимущественно стала образцомъ для Семеновой и по тому самому заслуживаетъ подробнаго разсмотрѣнія. «Всякую роль, — говоритъ С. Т. Аксаковъ,— m-lle Georges предварительно разсѣкала на множество кусковъ: въ каждомъ изъ нихъ находились иногда два стиха, иногда полтора, иногда одинъ, иногда нѣсколько словъ, а иногда и одно слово, которымъ она поражала слушателей; для усиленія эффекта избранныхъ стиховъ, выраженій и словъ, она употребляла три способа: 1) она тянула, пѣла, хотя всегда звучнымъ, но сравнительно слабымъ голосомъ, стихи, предшествующіе тому выраженію, которому надо было дать силу; вся наружность ея какъ будто опускалась, глаза теряли свою выразительность, а иногда совсѣмъ закрывались, и вдругъ бурный потокъ громозвучнаго органа вырывался изъ ея груди, всѣ черты лица оживлялись мгновенно, рас-

крывались ея чудные глаза и неотразимо-ослѣпительный блескъ ея взгляда, сопровождаемый чудной красотой жестовъ и всей ея фигуры, довершалъ пораженіе зрителя. 2) Громозвучная, протяжная и всегда гармоническая декламація вдругъ обрывалась, и выразительнымъ шопотомъ, слышнымъ во всѣхъ углахъ театра, произносились тѣ слова, которымъ назначено было, такъ сказать, впиваться въ душу зрителя. 3) Третій способъ состоялъ въ томъ, что изъ скороговорки вдругъ вылетали нѣсколько словъ, и нерѣдко одно слово, произносимое безъ напѣва, протяжно, какъ бы по складамъ, съ сильнымъ удареніемъ на каждый слогъ, такъ что избранное выраженіе или слово поразительно впечатлѣвалось въ слухѣ и, пожалуй, въ душѣ инаго зрителя»[1]). Такимъ образомъ и декламація m-lle Georges, какъ и общій характеръ ея игры, были исключительно построены на ложныхъ и неестественныхъ эффектахъ. Въ этомъ отношеніи между ею и Семеновой была цѣлая пропасть, причемъ преимущество явно стояло на сторонѣ русской артистки. Игра одной, ослѣпляя своимъ великолѣпіемъ глазъ зрителя, не исторгала у него слезъ; игра другой, менѣе блестящая, но всегда проникнутая внутреннимъ смысломъ и глубокою силою чувства, оставляла неизгладимое впечатлѣніе въ душѣ каждаго зрителя. Это превосходство таланта Семеновой не скрылось и отъ самой m-lle Georges. «Я иногда какъ-то деревеню мои чувства,—сказала она однажды московскому актеру С. Н. Сандунову,—а m-lle Semenow блистаетъ всюду» [2]). И, всетаки, не смотря на это явное превосходство, Семенова задумала вымѣнять свое яркое, самоцвѣтное дарованіе на мишурный блескъ таланта m-lle Georges. Вмѣсто того, чтобы оттѣнить недостатки своей соперницы, развивъ и обработавъ именно тѣ стороны своего таланта, какихъ не доставало у той, она, какъ всѣ тогда говорили въ Петербургѣ, «день и ночь упражнялась въ подражаніи, или, лучше сказать, передразниваніи эффектной декламаціи m-lle Georges» [3]). Это было, конечно, роковымъ для нея заблужденіемъ. Творческій геній и холодная, бездушная, полная искусственности внѣшность не могутъ ужиться другъ съ другомъ, и первый рано или поздно заглохнетъ подъ мертвящимъ вліяніемъ послѣдней. Къ сожалѣнію, тогда этого не понимали, или не хотѣли понять, и заблужденіе Семеновой нашло себѣ сильную поддержку въ лицѣ большей части ея поклонниковъ.

Только немногіе, наиболѣе понимающіе въ сценическомъ искусствѣ люди, съ неодобреніемъ отзывались о новыхъ занятіяхъ Семеновой, и въ числѣ этихъ немногихъ былъ князь Шаховской.

---

[1]) Сем. хрон. и восп. С. Т. Аксакова, стр. 444—445.
[2]) Репертуаръ рус. театра, 1841 г., кн. 10, стр. 36.
[3]) Сем. хрон. и восп. С. Т. Аксакова, стр. 433.

Открыто и прямо высказывалъ онъ свое недовольство, но за эту откровенность ему же пришлось и поплатиться.

Неудовольствіе его истолковали завистью, желаніемъ сбить Семенову съ истиннаго пути и стали подстрекать артистку бросить своего учителя. Та сама давно уже стала косо посматривать на князя и съ недовѣріемъ относиться къ его урокамъ. Теперь, видя его покровительство Валберховой, не одобряемая въ своемъ подражаніи m-lle Georges, она мало-по-малу старалась отдаляться отъ его руководства и прибѣгала за совѣтами къ новому руководству.

Уже давно въ кабинетѣ князя, когда онъ въ присутствіи Дмитревскаго, Крылова и нѣкоторыхъ другихъ своихъ знакомыхъ, обучалъ Семенову, можно было встрѣтить человѣка съ особенной любовью и вниманіемъ слѣдившаго за молодой артисткой. Это былъ Гнѣдичъ, которому и суждено было стать новымъ наставникомъ Семеновой. Въ біографіи Гнѣдича Семеновой пришлось играть важную роль. По выраженію одного изъ его біографовъ, она «составляла въ одно и то же время и муку, и счастье его жизни». Онъ любилъ её и какъ женщину, и какъ артистку. Не имѣя возможности осуществить свои мечты о семейной жизни съ Семеновой, Гнѣдичъ былъ счастливъ уже тѣмъ, что на его долю выпала завидная участь руководить этимъ первокласснымъ дарованіемъ, и онъ съ энергіей и пыломъ отдался своему новому дѣлу.

Еще ранѣе не разъ, выражая свои восторги Семеновой, онъ обращался къ ней съ совѣтами и увѣщаніями, и эти совѣты всегда говорили и объ его умѣ, и объ его искренней любви къ артисткѣ. Вотъ, между прочимъ, какими словами напутствовалъ онъ ея молодое дарованіе при посвященіи ей въ 1808 году своего перевода трагедіи «Леаръ», въ которой Семенова создала одну изъ лучшихъ ролей своего репертуара, Корделію:

Свершай путь начатый, онъ труденъ, но почтенъ;
Дается свыше даръ, и всякой даръ священъ!
Но ихъ природа намъ не втунѣ посылаетъ:
Природа даръ даетъ, а трудъ усовершаетъ;
Цѣни его и уважай.
Искусствомъ, опытомъ, трудомъ обогащай,
И шествуй гордо въ путь, въ прекрасный путь за славой [1]).

Съ такими чувствами и мыслями приступалъ Гнѣдичъ къ своей новой обязанности. Все это было очень хорошо и благородно, но, къ сожалѣнію, слишкомъ неясно и расплывчато, слишкомъ обще. Недостаточно говорить: «учитесь», надо сказать, чему и какъ учиться, и вотъ въ этомъ-то отношеніи Гнѣдичъ впалъ въ ту же ошибку, что и Семенова.

---

[1]) «Соч. Гнѣдича», изд. 1854 г., стр. 151.

Образованный литераторъ и даровитый поэтъ, онъ никогда спеціально не изучалъ драматическаго искусства. Пріучивъ себя къ стройному, пѣвучему размѣру гомеровскаго стиха, онъ и въ декламацію свою внесъ ту же протяжность и пѣвучесть. Къ тому же всегда страстная и осмысленная, она была полна треска, крика и самаго неестественнаго напряженія голоса. До какой степени она была неумѣренна, можно видѣть уже изъ того, что чрезмѣрное напряженіе Гнѣдичемъ голоса при обученіи Семеновой повело впослѣдствіи къ разрыву одной артеріи, что̀ и послужило косвенной причиной его смерти [1]). Но главный вредъ его преподаванія заключался, собственно говоря, не въ этой декламаціи, а особенно въ томъ, что онъ сталъ поощрять подражательныя наклонности Семеновой. Очарованный игрою m-lle Georges, онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что пріемы ея игры и декламація представляютъ собой верхъ совершества. Правда, его художническое чутье подсказывало ему, что у m-lle Georges не достаетъ творческаго огня, но тѣмъ болѣе укрѣплялся онъ въ своей мысли, что если къ творческому таланту Семеновой придать блистательную технику, то Семенова окончательно ее побѣдитъ и представитъ собою идеалъ трагической актрисы. И вотъ онъ самымъ ревностнымъ образомъ начинаетъ ей растолковывать игру французской актрисы, помогаетъ такимъ образомъ ея незнанію французскаго языка и ни одной роли m-lle Georges не оставляетъ безъ особаго примѣненія къ игрѣ Семеновой. Упорствуя въ своей мысли показать все превосходство русской артистки надъ m-lle Georges, онъ переводитъ для нея вольтеровскаго «Танкреда» и самъ приготовляетъ ее къ роли Аменаиды, въ которой плѣняла петербуржцевъ m-lle Georges. Уже на первомъ представленіи этой трагедіи сказалось все гибельное вліяніе Гнѣдича на развитіе таланта Семеновой.

Это было 8-го апрѣля 1809 года. Весь Петербургъ собрался смотрѣть Семенову. Сама m-lle Georges пріѣхала въ театръ, и поклонники Семеновой съ трепетомъ ожидали выхода артистки. Блестящъ и славенъ былъ этотъ выходъ. Семенова была въ особенномъ вдохновеніи, и находившіеся подъ ея всесильнымъ обояніемъ зрители то и дѣло оглашали залу рукоплесканіями; только опытные и наиболѣе хладнокровные люди, не смотря на все свое увлеченіе ея игрою, успѣли разгадать, такъ сказать, механизмъ ея исполненія и замѣтили въ ней слѣды новыхъ вліяній, новаго учителя. «Игра Семеновой, въ роли Аменаиды,—какъ анализировалъ ее Шушеринъ,—слагалась изъ трехъ элементовъ: первый состоялъ изъ незабытыхъ еще пріемовъ, манеры и формы выраженія всего того, что игрывала Семенова до появленія m-lle Georges, во вто-

[1]) Біогр. Н. И. Гнѣдича, сост. Виленкинымъ, въ изд. соч. Гнѣдича, 1884 г., стр. 49.

ромъ—слышалось неловкое ей подражаніе въ напѣвѣ и быстрыхъ переходахъ отъ оглушительнаго крика въ шопотъ и скороговорку; третьимъ элементомъ, слышнымъ болѣе другихъ, было чтеніе самого Грѣдича, пѣвучее, трескучее, крикливое, но страстное и, конечно, всегда согласное со смысломъ произносимыхъ стиховъ, чего, однако, онъ не могъ добиться отъ своей ученицы. Вся эта амальгама, озаренная поразительной, сценической красотой молодой актрисы, проникнутая внутреннимъ огнемъ и чувствомъ, передаваемая въ сладкихъ, гремящихъ звукахъ неподражаемаго, очаровательнаго голоса—производила увлеченіе, восторгъ и вызывала громъ рукоплесканій»[1]). Особенной силой чувства отличалась, какъ передаютъ современники, та сцена 5-го дѣйствія, когда Аменаида, какъ бы не желая увѣриться въ смерти своего возлюбленнаго, съ крикомъ «Танкредъ!» бросается на его трупъ и потомъ въ ужасѣ отступаетъ и тяжкимъ шопотомъ произноситъ: «онъ мертвъ!» «Съ этой поры,—замѣчаетъ Араповъ,—слава Семеновой утвердилась»[2]). Многіе изъ поклонниковъ m-lle Georges перешли на сторону молодой русской артистки, которая въ этой роли рѣшительно превосходила французскую знаменитость, побѣждая её силою своего всепокоряющаго чувства. Но съ этой же роли и паденіе таланта Семеновой пошло впередъ все болѣе и болѣе быстрыми шагами.

Выдающійся успѣхъ «Танкреда» окончательно заставилъ Семенову покончить съ Шаховскимъ. Съигравъ подъ его руководствомъ, 14-го мая 1809 года, роль Поликсены въ послѣдней трагедіи Озерова, она навсегда отринула его совѣты и, какъ ядовито выразился Яковлевъ, «поступила на выправку» къ Н. И. Гнѣдичу. Съ тѣхъ поръ каждая новая роль ея отдавалась сперва на разсмотрѣніе Гнѣдичу, а потомъ уже послѣ многихъ объясненій и наставленій Семенова принималась за работу. Такимъ образомъ въ преподаваніи Гнѣдича былъ тотъ же недостатокъ, что и въ методѣ князя Шаховскаго. Таланту ученицы давалась слишкомъ малая и, главное, несамостоятельная работа. Даже пріемамъ m-lle Georges Семенова подражала, такъ сказать, изъ вторыхъ рукъ. Гнѣдичъ былъ ея авторитетнымъ цензоромъ, и при ученіи ролей дѣйствовалъ болѣе его умъ и его вкусъ. Семеновой оставалось только перенять отъ него пониманіе извѣстной роли, выслушать его чтеніе и, нако-

---

[1]) Сем. хрон. и восп. С. Т. Аксакова, стр. 433.

[2]) Лѣтоп. рус. театра Арапова, стр. 192.—Впослѣдствіи (въ 1816 г.) Гнѣдичъ издалъ «Танкреда» особымъ изданіемъ и приложилъ къ нему портретъ Семеновой, гравированный Н. И. Уткинымъ по рисунку Кипренскаго. Подъ портретомъ слѣдующая надпись, почему-то забытая во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Гнѣдича, даже въ послѣднемъ «полномъ» собраніи Вольфа:

Любимица безсмертной Мельпомены!
Въ Россіи первая успѣла ты открыть
Искусство тайное—какъ сердцу говорить;
Твои черты—потомству драгоцѣнны.

нецъ, затвердить это чтеніе, уча роль при помощи тѣхъ тетрадокъ, которыя онъ ей давалъ. Въ этихъ тетрадкахъ, — какъ разсказываетъ очевидецъ, — «всѣ слова были то подчеркнуты, то надчеркнуты, смотря по тому, гдѣ должно было возвышать или понижать голосъ, а между словъ въ скобкахъ были сдѣланы замѣчанія: съ восторгомъ, съ презрѣніемъ, нѣжно, съ изступленіемъ, ударивъ себя въ грудь, поднявъ руку, опустивъ глаза, и проч.» [1]). Съ самодовольствомъ показывалъ Гнѣдичъ эти тетрадки, не понимая, что въ нихъ заключалось полное осужденіе его способа преподаванія. Правда, Араповъ, въ своей лѣтописи русскаго театра, отрицалъ приведенное свидѣтельство Жихарева, утверждая, что Гнѣдичъ никогда не писалъ для Семеновой никакихъ тетрадокъ, но, судя по всему, въ этомъ можно усомниться тѣмъ болѣе, что въ общихъ чертахъ слова Жихарева подтверждаются почти всѣми другими современниками. Во всякомъ случаѣ, писалъ Гнѣдичъ или не писалъ Семеновой тетрадки, онъ училъ ее съ голосу, и нельзя лучше охарактеризовать его методу преподаванія, чѣмъ это сдѣлалъ одинъ изъ его близкихъ друзей, М. Е. Лобановъ. «Кто не знаетъ, любезнѣйшій другъ,—писалъ онъ Гнѣдичу,—что Семенова славна только вами, что она тогда только восхищала насъ и была истинно неподражаема и высока, когда въ ней сидѣли вы, но не стало идола, — и мы не слышимъ умнаго жреца» [2]). Итакъ, Семенова представлялась Лобанову какимъ-то истуканомъ, за котораго дѣйствовалъ Гнѣдичъ,—и дѣйствительно такова была метода Гнѣдича, что невольно вызывала на это сравненіе.

Благодаря этой методѣ, благодаря вліянію трескучей декламаціи самого Гнѣдича и эффектныхъ пріемовъ игры m-lle Georges, развитіе таланта Семеновой, и раньше находившее себѣ сильную помѣху въ преподаваніи князя Шаховскаго, теперь окончательно было задержано. Уже послѣ втораго представленія Аменаиды, знаменитый Шушеринъ, передавая свои впечатлѣнія своему молодому другу, Аксакову, сказалъ ему о Семеновой: «Дѣло кончено: Семенова погибла безвозвратно, т. е. она дальше не пойдетъ. Она не получила никакого образованія и не такъ умна, чтобы могла сама выбиться на прямую дорогу. Да и зачѣмъ, когда всѣ восхищаются, всѣ въ восторгѣ? А что могло бы выйдти изъ нея»!.. «И Шушеринъ, — прибавляетъ Аксаковъ, — былъ совершенно правъ» [3]). Будущее только подтвердило эти въ высокой степени знаменательныя слова.

Но, странное дѣло, чѣмъ сильнѣе чувствовалась справедливость этихъ словъ, чѣмъ болѣе слабѣлъ талантъ Семеновой, тѣмъ ярче

---

[1]) Восп. Жихарева, «От. Зап.», 1854 г., № 11, стр. 36.
[2]) «Историч. Вѣстн.», 1880 г., т. II, стр. 680.
[3]) Семейн. хрон. и воспом. С. Т. Аксакова, стр. 433.

разгоралась ея слава. Въ особенномъ блескѣ обаяніе ея игры проявилось въ Москвѣ, гдѣ она прогостила зиму 1811—1812 гг. Здѣсь ей снова пришлось встрѣтиться съ своей петербургской соперницей m-lle Georges, и снова обѣ артистки раздѣлили на партіи театральную публику. Но на этотъ разъ на сторонѣ Семеновой было явное преимущество. И въ журналахъ, и въ публикѣ открыто заявляли, что французскую артистку хвалятъ, между прочимъ, и для того, чтобы не показаться невѣждой, а Семенову единственно только подъ вліяніемъ ея таланта [1]). Въ «Меропѣ» и «Танкредѣ» обѣ партіи соединились и обѣ съ одинаковымъ восторгомъ рукоплескали русской артисткѣ. Въ «Танкредѣ», данномъ для ея бенефиса 7-го февраля 1812 года, восторгъ публики дошелъ до высшихъ предѣловъ. Въ знаменитой сценѣ 5-го дѣйствія игра артистки такъ увлекла зрителей, что они всѣ, движимые ужасомъ и состраданіемъ къ бѣдной Аменаидѣ, невольно поднялись съ своихъ мѣстъ и съ трепетомъ слѣдили за игрою Семеновой. Рѣдко приходится слышать о такомъ всеобщемъ увлеченіи—и великъ же долженъ быть талантъ артистки, чтобы дѣйствительно заставить всѣхъ забыть о сценѣ. Роскошная бриліантовая діадема и несмолкаемыя рукоплесканія публики были наградой Семеновой [2]). Подъ впечатлѣніемъ ея дивной игры, одинъ изъ извѣстныхъ тогдашнихъ поэтовъ, Ю. А. Нелединскій-Мелецкій написалъ экспромтъ, воспользовавшись стихомъ:

Il s'en présentera; gardez-vous d'en douter,

въ которомъ говорится, что у Аменаиды всегда найдется защитникъ. Обративъ этотъ стихъ въ тэму мадригала, поэтъ такъ выражалъ единодушный восторгъ публики:

Не сомнѣвайся въ томъ,—предстали бы толпою,
Семенова! защитники твои,
Когда бы критикой завистною и злою
Твои мрачилися талантомъ славны дни...
Аменаиду намъ явя собой на сценѣ,
Органа сладостью, плѣнительной игрой,
И чувствомъ движима, лица ты красотой,
О музъ, питомица, любезна Мельпоменѣ,
Всѣхъ привела въ восторгъ. Твоихъ страшася бѣдъ,
Всякъ чувствами къ тебѣ, всякъ зритель былъ Танкредъ [3]).

Въ своемъ увлеченіи и поэтъ, и вся публика, не допускали никакой критики, но критика и сама смолкала передъ чуднымъ талантомъ Семеновой.

Такъ было въ Москвѣ, но не меньшіе, хотя и болѣе привычные, восторги возбуждала артистка и въ Петербургѣ. Каждый ея

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1812 г., ч. LXI, № 2, стр. 158.
[2]) Воспом. Н. Горчакова. Реп. и пант. рус. теат., 1843 г., кн. 7, стр. 4.
[3]) «Вѣстникъ Европы», 1812 г., ч. LXII, кн. 5.

бенефисъ оставлялъ по себѣ долгую память у любителей театра: зрительная зала, всегда переполненная, вся залитая огнями, безпрестанно оглашаемая криками бурнаго и порывистаго восторга — все это придавало бенефисамъ Семеновой какой-то особый, привлекающій оттѣнокъ. Это была, по мѣткому выраженію князя Вяземскаго, своего рода «поэзія бенефисовъ». Задолго передъ этимъ торжественнымъ днемъ всѣ почитатели Семеновой приходили въ волненіе; авторы драматическихъ пьесъ на перебой старались поднести

Княгиня Екатерина Семеновна Гагарина.

Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры П. А. Каратыгинымъ въ 1826 г.

ей свои произведенія, надѣясь, что ея расцвѣтшій талантъ доставитъ имъ особенно блестящій успѣхъ. Гнѣдичъ, Катенинъ, Лобановъ, Жандръ, даже самъ Шаховской переводили для нея пьесы. Такъ, еще въ 1809 году, для ея перваго бенефиса Гнѣдичъ задумалъ перевести трагедію Вольтера «Заиру», и цѣлая компанія литераторовъ дружно откликнулась на его призывъ. Въ 1811 году, Катенинъ переводитъ для нея «Аріадну» Расина. Жандръ трудится надъ передѣлкой драматическаго представленія Шиллера, «Семелла»; Лобановъ посвящаетъ ей свой переводъ трагедіи Расина

«Ифигенія въ Авлидѣ»; наконецъ, Моринъ, переводя «Меропу», даетъ Семеновой еще одинъ лишній разъ возможность посоперничать съ m-lle Georges и пожать новые лавры. Однимъ словомъ, время 1809—1819 годовъ было самой цвѣтущей порой артистической дѣятельности Семеновой. За этотъ періодъ она создаетъ цѣлую массу ролей: Герміону въ «Андромахѣ», Аріадну, Меропу, Гофолію, Антигону въ трагедіи Капниста, Клитемнестру, Эсфирь, Семирамиду, Камиллу въ «Гораціяхъ», Эдельмону въ передѣлкѣ «Отелло», Офелію въ передѣлкѣ «Гамлета», Медею, играетъ даже въ классическихъ пьесахъ Шиллера, Марію Стюартъ, Амалію и Семеллу, не отказываясь и отъ тѣхъ старыхъ ролей, которыя доставили ей извѣстность. Въ упоеніи своей славой она даже рѣшается испробовать свои силы на новомъ, ей совершенно чуждомъ, амплуа и принимается за роли комическія. Такъ, сыгравъ въ 1815 году въ свой бенефисъ Заиру, она для контраста и для того, чтобы выставить во всемъ разнообразіи свой талантъ, исполняетъ роль Маруси въ водевилѣ князя Шаховскаго «Казакъ-стихотворецъ»; берется затѣмъ за роль Эльмиры въ комедіи Грибоѣдова «Молодые супруги» и играетъ Кларансу въ пьесѣ «Влюбленный Шекспиръ». Правда, эти попытки лишь заставляютъ сожалѣть о самообольщеніи артистки, но толпа, не понимая, все же рукоплещетъ Семеновой, на этотъ разъ потому только, что она—Семенова. 3-го ноября 1817 года, умираетъ Яковлевъ, и съ этою смертью, по словамъ лѣтописца русскаго театра, «осиротѣла наша трагедія». Семенова одна осталась опорою классическому репертуару и, такъ какъ тогда этотъ репертуаръ не утратилъ еще своего господствующаго положенія, то она легко пришла къ тому убѣжденію, что она представляетъ собою главнѣйшую опору и вообще сценическаго искусства.

Къ сожалѣнію, это убѣжденіе не только не усилило въ ней желанія трудиться, но, наоборотъ, она стала еще шире, чѣмъ прежде, пользоваться своимъ положеніемъ первой и любимой публикой актрисы и почила на своихъ лаврахъ. Зачастую можно было услышать жалобы на ея лѣность и капризы, не разъ она отказывалась по какой либо прихоти играть, не разъ отговаривалась болѣзнью, не будучи больна, и вообще, нисколько не стѣсняясь, употребляла во зло излишнюю снисходительность дирекціи и публики. Успѣхи вскружили ей голову, и она вообразила себя театральной владычицей; будучи отъ природы вовсе не злой и не глупой, она развила въ себѣ самолюбіе, этотъ червь, такъ сильно гложущій сердце артистовъ. Малѣйшее противорѣчіе или даже замѣчаніе было ей непріятно. Привыкнувъ къ похваламъ и поклоненію, съ своимъ повелительнымъ выраженіемъ лица и величественной осанкой, она не могла выносить упрековъ и порицанія, какъ бы справедливы они ни были. Это глупое тщеславіе было причиною цѣлаго ряда театральныхъ ссоръ и, можетъ быть, оно играло немалую роль и

въ тѣхъ жалобахъ на притѣсненія, которыя рѣшилась однажды принести Семенова государю императору на своего прежняго наставника, князя Шаховскаго. Счастье, улыбаясь, шло ей навстрѣчу, и все, что она хотѣла, исполнялось; какъ же ей было не капризничать, когда капризы эти сходили ей даромъ? Она желала главенствовать на сценѣ и главенствовала безраздѣльно впродолженіе почти 10 лѣтъ. Но всегда такъ продолжаться не могло, и скоро обстоятельства измѣнились.

Къ концу десятыхъ годовъ стала мало-по-малу обозначаться перемѣна въ текущемъ репертуарѣ, какъ бы подготовляя новый періодъ въ исторіи русскаго драматическаго искусства. Классическая трагедія, въ которой первенствовала Семенова, стала отступать на второй планъ, а впередъ продвигалась романтическая драма, и къ 1819 году уже явно можно было видѣть ея недалекую побѣду надъ прежнимъ направленіемъ. Съ паденіемъ классицизма Семеновой не было дѣла. По самому характеру своего дарованія она не могла играть въ драмахъ. «Это была, по выраженію Ѳ. В. Булгарина, богиня, которая сходила съ олимпа на землю только въ необыкновенныхъ случаяхъ, когда страсть надлежало возвысить до героизма» [1]). Новое литературное теченіе должно было вызвать на дѣло и новое артистическое поколѣніе; подъ вліяніемъ романтической драмы сформировались таланты молодыхъ артистовъ, и вотъ въ концѣ 1818 года дебютировала на русской сценѣ артистка, которой суждено было прославиться именно въ этомъ новомъ родѣ пьесъ. Это была Александра Михайловна Колосова, впослѣдствіи Каратыгина, третья по счету и на этотъ разъ уже послѣдняя соперница Семеновой.

Громкимъ привѣтомъ встрѣтили молодую артистку театральные судьи того времени и провозгласили въ ней въ будущемъ замѣчательную трагическую актрису. Они ошибались въ опредѣленіи амплуа, но, какъ бы то ни было, достаточно было ихъ приговора, чтобы возбудить въ Семеновой зависть и тревожныя опасенія. Къ тому времени ей было ужъ за 30 лѣтъ, и она перешла на сильныя роли царицъ, но, первенствуя до сихъ поръ въ трагедіи, появлялась и въ роляхъ молодыхъ принцессъ, а именно въ этомъ самомъ амплуа и выступила Колосова. Понятно, что Семенова должна была встревожиться, и дѣйствительно она пустила въ ходъ все свое вліяніе, чтобы выказать свое неудовольствіе по поводу принятія на сцену Колосовой и дать ей его почувствовать. Къ счастію, въ то время въ Петербургѣ жила вдова князя Смоленскаго, княгиня Екатерина Ильинична Голенищева-Кутузова-Смоленская. Любя всею душою искусство и восхищаясь чуднымъ талантомъ Семеновой, она съ огорченіемъ смотрѣла на тѣ закулисныя дрязги, кото-

[1]) Воспоминанія Ѳ. В. Булгарина, «Пантеонъ», 1840 года, ч. 1, стр. 86.

рыя затѣвала послѣдняя изъ мелкихъ, эгоистическихъ разсчетовъ, не понимая, на сколько это вредно для искусства. Княгиня старалась уговорить Семенову, и ея просвѣщенный умъ одержалъ верхъ надъ грубыми и необразованными понятіями артистки. Она указала ей, на сколько непристойно для нея, первой трагической артистки, бояться соперничества съ начинающей дебютанткой, и уговорила ее сыграть съ Колосовой вмѣстѣ въ переводной трагедіи Лобанова «Ифигенія въ Авлидѣ». Семенова въ сущности была доброй, хотя избалованной судьбой женщиной, и простыя, полныя правды рѣчи княгини нашли доступъ къ ея сердцу, тѣмъ болѣе, что онѣ сильно польстили ея самолюбію, и вотъ она выступила въ роли Клитемнестры, причемъ Ифигенію играла Колосова. Всѣ театралы присутствовали на этомъ спектаклѣ, и, по словамъ Колосовой, восторгъ публики былъ невыразимый. Вызывали и ее, и Семенову, и Семенова появилась вмѣстѣ съ дебютанткой, обняла ее въ виду у всей публики [1]). Уже заслуженная и славная артистка какъ бы благословляла этимъ молодую дѣвушку на то самое поприще, на которомъ сама она пожала столько лавровъ. Это былъ благородный поступокъ со стороны Семеновой; къ сожалѣнію, природная доброта ея души сказывалась лишь минутами, и скоро опять темное чувство зависти овладѣло ея помыслами. Со смѣхомъ вспоминала потомъ артистка, бесѣдуя съ своей бывшей соперницей, былую вражду и непріятности, и обѣ онѣ называли это соперничество невозможнымъ [2]), но такъ только казалось имъ, спустя много лѣтъ, когда быльемъ поросло для нихъ прошлое, а въ тѣ давно минувшіе годы Колосова, хотя и на иномъ амплуа, но, всетаки, грозила Семеновой многимъ. Уже одно то должно было нарушать покой Семеновой, что любовь и восторги публики, до сихъ поръ безраздѣльно достававшіеся на ея долю, теперь должны были дѣлиться между ею и юною, едва выступавшей артисткой. Даже въ ея бенефисы стало замѣтно это раздѣленіе, и рядомъ съ вызовами бенефиціантки слышались и не менѣе шумные вызовы Колосовой. Такъ, когда 15-го мая 1819 года Семенова въ свой бенефисъ выступила въ «Медеѣ», то, не смотря на все преимущество любимой публикой исполнительницы главной роли, она должна была уступить часть своихъ лавровъ своей соперницѣ, а между тѣмъ роль Медеи была однимъ изъ ея лучшихъ созданій, и она замѣчательно вѣрно олицетворяла эту страстную и сильную въ любви и ненависти натуру. «Когда Медея, — разсказываетъ очевидецъ, — зарѣзавъ своихъ дѣтей, является въ изступленіи къ Язону: въ правой

---

[1]) Воспоминанія А. М. Каратыгиной, «Русскій Вѣстникъ», 1881 года, № 4, стр. 568.

[2]) «Русская Старина», 1880 года, іюль, стр. 570.

рукѣ она держитъ окровавленный кинжалъ, а лѣвой указываетъ на него, вперивъ свирѣпые глаза въ измѣнника, и говоритъ ему:

Взгляни.... вотъ кровь моя и кровь твоя дымится!

потрясающее впечатлѣніе овладѣвало зрителями и вызывало громъ рукоплесканій» [1]). Но не менѣе громкимъ одобреніемъ привѣтствовали и Колосову, игравшую плаксивую и гораздо менѣе выгодную роль Креузы. Такъ публика колебалась въ своихъ симпатіяхъ между старой заслуженной любимицей и новымъ, возникающимъ свѣтиломъ. Каково же было переносить это колебаніе для Семеновой съ ея непомѣрнымъ самолюбіемъ, съ ея привычкою властвовать. Кто знаетъ, чѣмъ бы окончилось это соперничество, если бы оно не было прервано неожиданнымъ выходомъ въ отставку Семеновой.

При ея характерѣ и капризахъ немудрено было натолкнуться на непріятности, и это рано или поздно должно было случиться, особенно если принять во вниманіе личность тогдашняго директора театровъ, князя Тюфякина. Грубый и далеко не чуждый цинизма въ своемъ обращеніи съ артистами князь и самолюбивая, далеко занесшаяся Семенова столкнулись—произошли какія-то неудовольствія, и Семенова, не желая продолжать болѣе своей службы, подписала обязательство не требовать пенсіона за 20-тилѣтнюю службу, и 17-го января 1822 года покинула сцену, на которой такъ долго и такъ блестяще подвизалась [2]).

Ей легко было это сдѣлать, потому что тогда она была вполнѣ обезпечена въ матеріальномъ отношеніи. Еще гораздо ранѣе этого времени она сблизилась съ княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Гагаринымъ, съ самаго начала ея дѣятельности бывшимъ въ числѣ наиболѣе страстныхъ ея поклонниковъ. Сенаторъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ, князь не походилъ на большинство тогдашней знати; въ немъ не было тѣхъ аристократическихъ замашекъ, которыя обыкновенно сопровождаютъ блестящее, но пустое тщеславіе. Любя страстно искусство во всѣхъ его формахъ, онъ восхищался красотою и талантомъ Семеновой, и скоро это преклоненіе передъ артисткой перешло въ любовь къ женщинѣ. Но и тутъ князь остался вполнѣ вѣренъ своему благородному характеру: онъ искалъ у Семеновой не той любви, которую обыкновенно ищутъ знатные люди у артистокъ; но полюбилъ её, какъ свою жену, и понятно, что Семеновой, живя съ нимъ, нéчего было думать о будущемъ. Къ тому же спокойная и роскошная жизнь дѣлали свое дѣло; театръ ужъ иногда мѣшалъ ей, и неудивительно, что она могла въ порывѣ досады принести въ жертву самолюбію свою артистическую дѣятельность. Но, выйдя изъ театра, она не

[1]) Записки П. А. Каратыгина, 111—112.
[2]) Лѣтоп. рус. теат. Арапова, стр. 294.

переставала, однако, любить сценическое искусство и не разъ невольно наводило на нее скуку отсутствіе привычныхъ и незабвенныхъ для каждой артистки впечатлѣній. Не разъ, можетъ быть, подъ вліяніемъ этого чувства, она устроивала домашніе спектакли и даже сама принимала въ нихъ участіе, играя вмѣстѣ съ любителями и нѣкоторыми молодыми артистами. Такъ, въ одинъ изъ подобныхъ спектаклей она впервые исполнила роль Саши въ комедіи Хмѣльницкаго «Воздушные замки». Но всё это не могло воротить ей прошлаго, и служило лишь дѣтской забавой, а между тѣмъ прошлое рисовалось все въ болѣе и болѣе привлекательномъ свѣтѣ. Со времени ея отставки прошло уже почти два года, и, чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе стала ощущаться потребность чего-то прежняго, знакомаго, оставшагося лишь въ воспоминаніяхъ; мечталось о славѣ, о бурныхъ восторгахъ, о сильныхъ, потрясающихъ впечатлѣніяхъ, выплыло на верхъ и самолюбіе, и захотѣлось снова увидѣть бывалое преклоненіе передъ своимъ талантомъ. Казалось, всё благопріятствовало удовлетворенію этихъ желаній. Мѣсто князя Тюфякина заступалъ уже другой, Майковъ; память о былыхъ непріятностяхъ какъ-то стушевалась, и вотъ ровно черезъ два года, 16-го января 1822 года Семенова снова появилась на сценѣ.

Назначенъ былъ бенефисъ ея бывшей соперницы, Валберховой. Потерявъ къ тому времени отца и мать, эта артистка осталась во главѣ многочисленнаго семейства. На ней лежала обязанность воспитать своихъ братьевъ и сестеръ, и при отсутствіи матеріальныхъ средствъ, ей было особенно дорого получаемое ею жалованье и бенефисные сборы. Можетъ быть, сострадая къ своей бывшей сослуживицѣ, а всего вѣроятнѣе, видя въ этомъ удобный предлогъ для выхода на сценѣ, Семенова предложила ей принять участіе въ ея бенефисѣ. Съ радостью согласилась на это бенефиціантка, и ни она, ни Семенова, не остались отъ этого въ проигрышѣ. Какъ только пронесся по столицѣ слухъ о предстоящемъ выходѣ любимой и давно уже невиданной артистки, какъ только была вывѣшена афиша, извѣщавшая о томъ, что она исполнитъ роль Клитемнестры въ «Ифигеніи въ Авлидѣ», — всѣ театралы пришли въ страшное волненіе. Каждому хотѣлось увидѣть свою любимицу, и уже за нѣсколько дней до спектакля всѣ билеты были распроданы. Сборъ достигъ неслыханной въ то время цифры 12,000 рублей ассигнаціями. Валберхова могла быть довольною, но еще болѣе была довольна Семенова. Громкій взрывъ рукоплесканій раздался при первомъ ея появленіи на сцену, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе возросталъ восторгъ публики. Это была одна изъ самыхъ дорогихъ, незабвенныхъ для Семеновой минутъ. Растроганная и умиленная этимъ привѣтомъ публики, передъ которой такъ долго не появлялась, артистка пришла въ то вдохновенное состояніе, которымъ характеризуются великіе художники. Вся прежняя сила ея та-

ланта возвратилась къ ней и, позабывъ всё, она всецѣло отдалась переполнявшему ее чувству. Восхищенный Гнѣдичъ, который и теперь еще руководилъ ея дарованіемъ, говорилъ, что она отбросила въ сторону всѣ его наставленія и явилась истинной, самобытной художницей. Къ концу спектакля «восторгъ зрителей,—передаетъ очевидецъ: — дошелъ до чрезвычайныхъ размѣровъ и особенно въ сценѣ 4-го дѣйствія, когда Клитемнестра, прижимая къ

Князь Иванъ Алексѣевичъ Гагаринъ.

Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры П. А. Каратыгинымъ въ 1826 г.

своимъ объятіямъ Ифигенію, говоритъ съ упрекомъ Агамемнону. Сила голоса Семеновой, омраченной горестью, была поразительна:

Безжалостный отецъ! свирѣпѣйшій супругъ!
Ты долженъ вырвать дочь изъ сихъ кровавыхъ рукъ;
Приди и, не страшась ни вопля, ни проклятій,
Дерзни исторгнуть дочь изъ матернихъ объятій.

При послѣднемъ стихѣ театръ огласился троекратнымъ взрывомъ аплодисментовъ, продолжавшихся нѣсколько минутъ.... Артистку какъ встрѣтили, такъ и проводили громомъ рукоплесканій. Лишь только опустился занавѣсъ, какъ вся публика стала вызы-

вать Семенову, желая еще разъ увидѣться со своей любимицей. Только немногіе кричали еще: «Брянскаго!». Когда онъ вышелъ. раздались возгласы: «не надо! не надо!!»—и Семенова, къ которой относилась вся честь этого пріема, раскланялась передъ привѣтствовавшей ее публикой. «Колоссальный», по выраженію того же современника, успѣхъ этого спектакля заставилъ дирекцію театра предложить Семеновой вновь возвратиться на сцену, и, конечно, она не отказалась отъ этого предложенія [1]).

Но, при заключеніи контракта, дирекція, памятуя о капризахъ и лѣности артистки, которые не разъ бывало отзывались на составѣ репертуара, существенно измѣнила условія контракта. Помимо 4,000 жалованья, она предложила Семеновой платить ей по 300 рублей за каждый выходъ. Въ результатѣ получалась сумма еще бóльшая, чѣмъ та, которую получаютъ нынѣ артистки перваго амплуа, но дирекціи было выгодно тогда заключать подобное условіе. Она по прежнему опыту знала, что представленія Семеновой посѣщались чрезвычайно охотно; театръ былъ всегда полонъ, и потому съ одной стороны жалованье Семеновой съ избыткомъ окупалось дѣлаемыми ею сборами, съ другой стороны плата за каждый выходъ особо должна была заинтересовать ее матеріально и заставить играть болѣе часто. Подобная уловка дирекціи была примѣнена къ Семеновой впервые, и такимъ образомъ возникновеніе у насъ такъ называемой поспектакльной платы (разовыхъ) тѣсно связано съ именемъ этой артистки [2]).

Поступивъ снова на сцену, Екатерина Семеновна скоро дала себя почувствовать всему окружающему. Зная непомѣрную къ себѣ любовь публики, матеріально обезпеченная, она еще болѣе, чѣмъ прежде, стала играть въ театрѣ роль чуть не полновластной владычицы. Сценическіе подмостки скоро напомнили ей былыя чувства, и въ душѣ ея опять зашевелились и мелочной эгоизмъ, и унизительная для нея зависть со всѣми тѣми послѣдствіями, которыя они влекутъ за собой. Начались безпрестанныя интриги, самолюбіе все болѣе и болѣе раздражалось... Въ то время среди всѣхъ свѣтилъ театральнаго міра особенно яркой звѣздой блистала Александра Михайловна Колосова, съ самыхъ первыхъ своихъ сценическихъ шаговъ, пробудившая къ себѣ въ Семеновой какое-то неукротимое чувство недоброжелательности. Изящная простота ея игры и благородство манеръ, развитой образованіемъ умъ и постоянный успѣхъ на сценѣ—все это еще болѣе теперь усилило въ Семеновой это чувство, хотя Колосова, играя уже, по большей части, въ романической драмѣ, рѣдко встрѣчалась съ ней. Пока еще

---

[1]) Лѣт. рус. театра, стр. 314—315. Ст. также «Рус. Стар.», 1880 г., № 10, стр. 272, и Записки П. А. Каратыгина, стр. 109.

[2]) Записки П. А. Каратыгина, стр. 107. См. также Лѣт. рус. теат., стр. 314.

жива была княгиня Смоленская, все мало-по-малу обходилось, но со времени ея смерти, 23-го іюля 1824 года, Семенова рѣшительно обрушилось на бѣдную Колосову всею тяжестью своего гнѣва, и, имѣя за собой большія связи, скоро вынудила ее рѣшиться на крайнюю мѣру—подать жалобы на притѣсненія со стороны начальства самому государю императору, а слѣдствіемъ этой жалобы было увольненіе Колосовой отъ службы. Правда, Александра Михайловна, впослѣдствіи, разсказывая эту грустную исторію въ своихъ воспоминаніяхъ, ни словомъ не упоминаетъ при этомъ о Семеновой, но въ частныхъ разговорахъ, передавая ее близкимъ ей людямъ, она прямо указывала на Семенову, какъ на виновницу всѣхъ этихъ непріятностей [1]). И современникъ этой исторіи, будущій супругъ Колосовой, В. А. Каратыгинъ, описывая это происшествіе въ письмѣ къ Катенину, такъ заключаетъ свое описаніе: «Вотъ бабья дружба! Семенова со смерти миротворицы Кутузовой и рветъ, и мечетъ на Колосовыхъ; ругаетъ ихъ не на животъ, а на смертъ— этого должно было ждать»... [2]). Такимъ образомъ хоть не прямое, но косвенное участіе Семеновой въ этомъ увольненіи Колосовой отъ театра несомнѣнно тѣмъ болѣе, что стоило только послѣдней снова поступить на сцену въ октябрѣ 1825 года, какъ снова начались и интриги Семеновой, которая рѣшительно не пропускала ни одного случая, чтобы хоть чѣмъ нибудь уколоть нелюбимую ею артистку. До какихъ мелочей простиралась зависть Семеновой, можетъ служить примѣромъ слѣдующій случай. Къ тому времени князь Шаховской выхлопоталъ постановленіе о томъ, чтобы наканунѣ спектакля на-афишѣ не выставлять именъ участвующихъ въ немъ артистовъ, но ради Колосовой было сдѣлано исключеніе, какъ вообще ради всякой дебютантки. Семенова, недовольная этимъ, объявила, что она не выйдетъ на сцену, если ея имя наканунѣ не будетъ выставлено на афишѣ, и она вопреки утвержденному самимъ государемъ постановленію стала выставляться. «На что же всѣ эти правила?!»—съ негодованіемъ замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ Андр. Вас. Каратыгинъ [3]), и дѣйствительно трудно было не чувствовать негодованія при видѣ всѣхъ интригъ и продѣлокъ Семеновой.

Читая хронику русскаго театра, на каждомъ шагу сталкиваешься съ новыми проявленіями ея произвола. Всегда и вездѣ почти она являлась главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, а начальство или безпрекословно подчинялось ея прихотямъ, или смотрѣло на нихъ сквозь пальцы. Благодаря такому поощренію, капризы артистки все усиливались и, наконецъ, не ограничиваясь своимъ за-

---

[1]) «Русская Старина», 1880 г., № 11, стр. 275.
[2]) Ibidem, стр. 287.
[3]) Ibidem, стр. 275.

кулиснымъ вліяніемъ, она и изъ публики захотѣла сдѣлать послушное орудіе своихъ мелкихъ интригъ и вздумала руководствовать ея мнѣніями, чуть что не прямо требуя, чтобы зрители апплодировали только тѣмъ, кому покровительствуетъ она, шикали ея врагамъ и однимъ словомъ подчинялись ея капризамъ такъ же, какъ имъ подчинялось и начальство. Въ этомъ отношеніи, чрезвычайно характернымъ для исторіи тогдашнихъ порядковъ и біографіи самой Семеновой эпизодомъ служитъ ея столкновеніе съ извѣстнымъ въ свое время драматическимъ писателемъ и критикомъ П. А. Катенинымъ.

Это случилось 18-го сентября 1822 года въ бенефисъ актера Толченова. Шла «Поликсена» съ новымъ распредѣленіемъ ролей. Пирра игралъ тогда еще молодой, только-что поступившій на сцену Василій Каратыгинъ, Гекубу—Семенова, которая до сихъ поръ ни разу не выступала съ Каратыгинымъ въ одной пьесѣ, играя всѣ свои роли съ Брянскимъ. Она не жаловала Каратыгина за его пріятельскія отношенія къ Колосовымъ, и этому спектаклю суждено было еще болѣе усилить эту вражду. Пріемъ молодаго артиста, какъ единогласно утверждаютъ всѣ современники, былъ удивительный. Публика любила его, и послѣ каждаго его монолога раздавались бурные аплодисменты. Страшная желчь и зависть поднялись въ сердцѣ Семеновой, но безсильная помѣшать успѣху своего товарища, она рѣшилась хоть чѣмъ нибудь высказать свою злобу и негодованіе публикѣ, которая, казалось, ради Каратыгина забывала и ее, и покровительствуемую ею Азаревичеву. Не лишенная дарованія, но совсѣмъ негодная для ролей трагическихъ, Азаревичева, не смотря на руководство и протекцію Семеновой, рѣшительно не могла равняться съ Колосовой, а Семеновой того только и хотѣлось. Пользуясь отсутствіемъ Колосовой за границу, она думала приготовить ей въ лицѣ Азаревичевой опасную соперницу, но публика, склонявшаяся передъ геніемъ Екатерины Семеновны, не захотѣла склоняться передъ ея капризами, и Азаревичеву всегда принимали плохо. Такъ было и на этотъ разъ. Семенова, однако, не обратила на это вниманія, и раздраженная успѣхомъ Каратыгина, уязвленная въ самое больное свое мѣсто, она пошла наперекоръ желаніямъ публики, и, когда по опущеніи занавѣса ее стали вызывать одну, она вышла съ Азаревичевой и, отступивъ нѣсколько шаговъ назадъ, безмолвно указала публикѣ на свою ученицу, какъ на ту, къ которой должны относиться всѣ рукоплесканія зрителей. Надо знать, какъ дорого цѣнились въ то время вызовы, считавшіеся высшей наградой для артиста, чтобы понять все неприличіе этого поступка Семеновой. Бывшая въ театрѣ публика заволновалась, раздались крики: «Азаревичеву не надо»! произошелъ шумъ, г. Катенинъ, мнѣнія котораго очень цѣнились тогда любителями театра, громко замѣтилъ, что выводить Азаревичеву было

со стороны Семеновой дерзостью и что публика не позволитъ артисткѣ играть ею по произволу. Все это не могло не дойдти до слуха Семеновой. Катенина она не любила и раньше: онъ подготовлялъ для сценическаго поприща и Колосову, и Каратыгина, а этого уже было довольно, чтобы возбудить въ Семеновой чувство непріязни. Къ тому же Катенинъ не разъ во всеуслышаніе порицалъ ея собственныя слабости и часто не безъ злости подсмѣивался надъ ея самолюбіемъ. Понятно поэтому, что уже издавна накоплявшаяся къ нему злоба Семеновой теперь должна была дойдти до высшихъ своихъ предѣловъ, и дѣйствительно раздраженная Семенова на другой же день лично отправилась къ тогдашнему петербургскому генералъ-губернатору, графу Милорадовичу, съ жалобой на Катенина. Разсказавъ ему, можетъ быть, еще въ преувеличенномъ видѣ все происшедшее въ театрѣ, она заявила, что, если онъ не запретитъ Катенину ѣздить на тѣ спектакли, въ которыхъ она участвуетъ, то она не покажется болѣе передъ публикой. Милорадовичъ самъ не долюбливалъ Катенина за то, что тотъ нерѣдко открыто говаривалъ противъ его театральныхъ распоряженій, и потому, призвавъ его къ себѣ, объявилъ ему о рѣшеніи Семеновой и сказалъ, что, такъ какъ исполненіе этого рѣшенія было бы очень непріятно для публики, то онъ, графъ, проситъ его не посѣщать болѣе театра въ то время, когда Семенова будетъ играть. Съ Катенина была взята въ этомъ подписка, но дѣло еще этимъ далеко не кончилось. Графъ Милорадовичъ донесъ обо всемъ государю, повидимому, въ нѣсколько превратномъ свѣтѣ, и вотъ, 7-го ноября 1822 года, Катенину было повелѣно выѣхать изъ столицы [1]). Трудно себѣ представить въ настоящее время, чтобы прихоти какой бы то ни было артистки такъ поощрялись начальствомъ и вызывали подобныя послѣдствія. И теперь въ театрахъ ведутся интриги, и теперь онѣ составляютъ непреодолимое зло, но теперь, по крайней мѣрѣ, онѣ не выходятъ дальше кулисъ, и ни одна изъ актрисъ не рѣшится такъ безцеремонно бравировать мнѣніемъ публики и обществомъ, какъ это было съ Семеновой. Невольно скажешь вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ:

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Но фактъ на лицо, и по неволѣ приходится вѣрить, тѣмъ болѣе, что онъ находитъ себѣ объясненіе въ томъ положеніи, которое занимала тогда въ театрѣ Семенова.

Странное было это положеніе. Сила ея, какъ мы видѣли, была велика, почти неограниченна среди начальства и актеровъ и простиралась даже на публику. Въ зрительной залѣ ее любили и пре-

---

[1]) Лѣт. рус. теат. стр., 328—329. См. также «Записки» П. А. Каратыгина, стр. 89—92.

возносили до небесъ, но, не смотря на весь этотъ блескъ и славу, Семенова, всетаки, оставалась одинокой и среди общаго теченія тогдашней театральной жизни, и среди закулисныхъ партій. Къ Шаховскому она примкнуть не могла: тотъ хорошо помнилъ тѣ непріятности, которыя она ему когда-то доставляла, и очень косо смотрѣлъ на нее. Отъ Колосовой и Каратыгина она сама отшатнулась, и не даромъ посреди закулисныхъ раздоровъ её всё же болѣе влекло къ Шаховскому, чѣмъ къ молодой партіи Колосовой: она какъ бы инстинктивно чувствовала, что Колосовой и Каратыгину суждено замѣнить для публики её, нѣкогда безраздѣльно царившую въ театрѣ. Она видѣла въ нихъ нѣчто молодое, свѣжее, что вышло впередъ и мало по-малу затмѣвало то старое, представительницей котораго на сценѣ являлась она. Лишь ею держался прежній классицизмъ, лишь ея всемогущій талантъ заставлялъ публику хоть изрѣдка наслаждаться нѣкогда излюбленными, но теперь уже ставшими надоѣдать пьесами Расина и Вольтера. И публику, и авторовъ, и самихъ актеровъ еще съ конца десятыхъ годовъ потянуло къ новому теченію — романтической драмѣ, и теперь за нею была рѣшительная побѣда. Трагическій репертуаръ какъ-то обособился, какъ-то мало разнообразился... Семенова, можетъ быть, хорошо и не сознавала этого паденія классицизма, но за то она инстинктивно должна была чувствовать, что ея время проходитъ, если уже не прошло, что новое, молодое и свѣжее теченіе беретъ верхъ надъ старымъ, и вотъ она возненавидѣла тѣхъ изъ артистовъ, кто стоялъ во главѣ этого теченія. Колосова и Каратыгина подверглись особенно сильному преслѣдованію, и мы видѣли, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ доходила вражда къ нимъ Семеновой.

Но стараясь закулисными раздорами затоптать представителей новаго теченія, въ своей дѣятельности она рѣшилась пойдти ему навстрѣчу,—и вотъ идетъ цѣлый рядъ попытокъ Семеновой выступить въ романтической драмѣ. Такъ, 12-го мая 1822 года, она играетъ Ксенію въ драмѣ Коцебу «Нашествіе Батыя на Венгрію»; такъ, 23-го ноября того же года она выступаетъ въ романтической комедіи князя Шаховскаго «Таинственный Карло» и другихъ пьесахъ подобнаго рода, но всё эти попытки, за исключеніемъ одной только роли страстной и мстительной Заремы въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ», оканчиваются неудачей. Въ своемъ метаніи изъ стороны въ сторону, въ этомъ безсильномъ желаніи идти вслѣдъ за новымъ теченіемъ, артистка бросается уже въ совершенно ей чуждую область и снова возобновляетъ свои прежнія попытки играть въ комедіи. Такъ, 15-го января 1823 года, она на публичной сценѣ выступаетъ въ игранной ею когда-то на любительскомъ спектаклѣ роли Саши въ комедіи Хмѣльницкаго «Воздушные замки», а еще раньше, 11-го декабря 1822 года, въ бенефисъ Самойловой играетъ Ѳеклу

въ комедіи Крылова «Урокъ дочкамъ». Трудно удачнѣе охарактеризовать эти спектакли, чѣмъ это сдѣлалъ самъ авторъ послѣдней комедіи, Крыловъ. Когда его кто-то спросилъ, понравились ли ему его дочки, онъ сказалъ: «Хороши-то—онѣ хороши, только названіе комедіи нужно было бы измѣнить: это былъ урокъ не дочкамъ, а бочкамъ» [1]). И дѣйствительно, если раньше притязанія Семеновой на комическій талантъ были смѣшны, то теперь они еще болѣе обличали въ ней рѣшительное отсутствіе артистическаго такта. Къ тому времени ей было уже подъ 40 лѣтъ, фигура ея пополнѣла, и странно было видѣть почтенную лѣтами артистку разъигрывающею 16-тилѣтнихъ наивностей. Даже въ трагедіи, которая была болѣе сродна ея таланту, она уже казалась старой и неподходящей къ ролямъ молодыхъ принцессъ, и тѣ, кто видѣлъ артистку въ эту пору въ ея блестящихъ прежнихъ созданіяхъ—Ксеніи, Моинѣ, и другихъ, находилъ ея игру «далеко не безукоризненною». Въ удѣлъ Семеновой теперь должны были исключительно достаться такъ называемыя роли царицъ, какъ Клитемнестра, Медея или Меропа. Гдѣ нужна была молодость и выраженіе нѣжной, юной, едва разцвѣтающей жизни, она уже не могла играть съ прежнимъ вдохновеніемъ. Наоборотъ, роли сильныя, полныя той жгучей, всеразрушающей страсти, которая загорается уже въ лѣта поздней молодости,—эти роли ей особенно удавались, и въ нихъ она стала пользоваться наибольшимъ успѣхомъ. Но, при вторичномъ поступленіи на сцену, ей уже рѣдко приходилось создавать новыя роли подобнаго амплуа. Миновала та пора, когда авторы и переводчики драматическихъ пьесъ готовы были къ ея услугамъ. Рѣдкорѣдко какой нибудь отсталый поклонникъ классицизма переводилъ новую драму Расина или сочинялъ свою оригинальную трагедію по лже-классическимъ образцамъ, и Семеновой доставалась новая работа. Большей же частью, ей приходилось повторять свои прежнія созданія, и ради нея возобновлялись «Медея», «Ифигенія въ Авлидѣ», «Семелла», «Меропа», «Семирамида»... Поклонники ея таланта часто жаловались на долгій ея «сонъ», на то, что она «запускаетъ свое дарованіе» [2]), но жалобы эти были лишь отчасти справедливы. Семеновой поневолѣ приходилось оставаться на одномъ мѣстѣ. Пѣсня ея была спѣта, и незамѣтно для самой себя, незамѣтно для публики, она со своимъ классицизмомъ становилась въ сторонѣ отъ общаго теченія, дѣлалась ненужною, лишней. Вотъ почему, если до 20-хъ годовъ новыя творенія артистки считаются десятками, теперь, послѣ ея вторичнаго поступленія на сцену, за 4 года можно назвать развѣ только одно дѣйствительно блестящее ея созданіе — это Федру.

---

[1]) Записки П. А. Каратыгина, стр. 243.

[2]) «Русск. Архивъ», 1881, кн. I, вып. I, стр. 147.

Еще задолго до выхода въ отставку Семеновой, Лобановъ задумалъ перевести для нея эту трагедію Расина, но неожиданное увольненіе артистки отъ театра заставило переводчика, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи къ своему переводу, отказаться отъ своего труда, ибо одна Семенова съ ея великимъ трагическимъ талантомъ могла, по его мнѣнію, достойнымъ образомъ воспроизвести ужасныя страданія Федры. Поэтому стоило лишь Семеновой вторично появиться на сценѣ, какъ Лобановъ снова принялся за начатый переводъ, и 9-го ноября 1823 года Семенова уже выступала въ «Федрѣ». Въ памяти артистки еще живо рисовался нѣкогда особенно плѣнявшій ее въ этой роли образъ m-lle Georges, и при своемъ исполненіи она не могла удержаться отъ подражанія ей. Федра-Семенова была болѣе или менѣе сколкомъ съ Федры-m-lle Georges; только глубокая, поражающая сила страсти выражалась у Семеновой съ несравненно большимъ вдохновеніемъ, чѣмъ у m-lle Georges, и оживляла все исполненіе. Успѣхъ артистки былъ громадный. Уже въ первомъ актѣ, когда Федра и хочетъ, и не рѣшается признаться Энонѣ въ гибельной любви своей къ сыну, она увлекла всю зрительную залу. Федра боится произнесть завѣтное имя «Ипполитъ», она ждетъ, чтобы Энона сама догадалась, и когда та дѣйствительно догадалась, она едва внятно, полная робости и и недовѣрія произноситъ полустишіе:

Ты назвала его!

«Троекратные взрывы рукоплесканій сопровождали эти слова ея. Вообще роль Федры,—заканчиваетъ свое описаніе этого спектакля Араповъ,—была вѣнцомъ славы Семеновой» [1]) И дѣйствительно эта роль явилась, можно сказать, послѣднею, лебединою пѣснею этого чуднаго таланта. Съ 1823 года Семенова играла еще не разъ въ новыхъ пьесахъ, но уже эти ея роли не были вдохновенными созданіями артистки и безслѣдно забылись публикой, тогда какъ память о «неподражаемой Федрѣ» долго сохранялась еще у старыхъ театраловъ и особенно у поклонниковъ классицизма. Это представленіе было ихъ торжествомъ, но какъ сильно было ихъ ликованіе при этомъ достопамятномъ спектаклѣ, такъ же сильно пришлось имъ скоро и опечалиться. Успѣхъ «Федры» не спасъ погибавшія классическія традиціи: онѣ все дальше и дальше отступали на задній планъ и наконецъ окончательно рушились. Спустя два года послѣ представленія «Федры», единственная артистка, которою еще держались эти традиціи, Семенова покинула сцену. Въ началѣ 1826 года на сценѣ Большаго театра она въ послѣдній разъ простилась съ публикой въ роли Ольги въ трагедіи Крюковскаго «Пожарскій»,—и навѣки закатилась ея артистическая звѣзда.

---

[1]) Лѣт. рус. теат. стр., 345—346.

Съ этихъ поръ жизнь артистки существенно измѣняется. Нѣтъ уже въ ней ни прежняго оживленія, ни быстрой смѣны различныхъ впечатлѣній, ни кипучей творческой дѣятельности. Мало-помалу всѣ страсти улегаются, застываютъ въ разъ опредѣленныя очертанія, не движутся, не живутъ... Мѣрно, разъ заведеннымъ чередомъ пошла жизнь, и рѣдко-рѣдко что либо нарушало ея обычное теченіе. Не сразу, конечно, могъ установиться такой порядокъ; цѣлый годъ со времени отставки Семеновой прошелъ для нея еще подъ живымъ вліяніемъ недавнихъ впечатлѣній, но семейныя и матеріальныя заботы брали свое. Свобода артистки была уже связана: 15-тилѣтняя жизнь съ княземъ И. А. Гагаринымъ, четверо дѣтей — одинъ сынъ и три дочери — должны были навѣки сдѣлать ихъ неразлучными. Скоро князю Ивану Алексѣевичу пришлось совсѣмъ покинуть Петербургъ: обширныя тамбовскія имѣнія съ 4,000 душъ крестьянъ требовали за собой лучшаго, ближайшаго надзора, — и вотъ въ февралѣ 1827 года Екатерина Семеновна переселяется вслѣдъ за княземъ въ Москву. Здѣсь у князя было немало родни; живы еще оставались родныя сестры его — вдовы и бездѣтный вдовецъ, его дядя, князь Петръ Ивановичъ Гагаринъ. Всѣ они благосклонно приняли Екатерину Семеновну въ кругъ своей семьи, а князь Петръ Ивановичъ, знавшій ее и раньше, теперь особенно ее полюбилъ, своей старческой опытностью и умомъ угадавъ въ ней любящее сердце и природную доброту души, которая теперь могла обнаружиться во всей своей красѣ, когда неизбѣжное почти въ каждой артисткѣ самолюбіе и родъ зависти не находили себѣ болѣе пищи. Цѣня человѣка только по его внутреннимъ достоинствамъ, князь Петръ Ивановичъ уже давно совѣтовалъ своему племяннику закрѣпить свой союзъ съ Семеновой въ церкви, передъ алтаремъ Божіимъ; теперь онъ сталъ еще болѣе настаивать на этомъ бракѣ, и Семенова, прежде этому противившаяся, теперь начала мало-по малу поддаваться его внушеніямъ. Прежде ее удерживала боязнь, что званіе княгини несовмѣстимо со званіемъ артистки; теперь эта боязнь утратила свою силу. Дореформенный покой, въ которомъ почивала тогда Москва, ея медленно и вяло текущая жизнь, повѣяли на артистку чѣмъ-то усыпляющимъ... Её невольно потянуло къ спокойной, лишенной тревогъ семейной жизни, — и вотъ уже послѣ смерти князя Петра Ивановича, въ маѣ 1828 года, въ церкви, что̀ въ Лужникахъ, невдалекѣ отъ Дѣвичьяго поля, раннимъ утромъ состоялась въ присутствіи немногихъ родныхъ и знакомыхъ свадьба Семеновой, и она изъ безродной артистки стала княгиней Екатериной Семеновной Гагариной [1]).

Такъ законнымъ образомъ закрѣпился ея давнишній союзъ съ княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ, но эта перемѣна по формѣ не

---

[1]) Русск. Стар., 1873 г., № 2, стр. 266—267.

могла измѣнить всего строя ея жизни, и дни попрежнему шли за днями съ своими обычными, разъ установившимися интересами. Но и посреди этого ровнаго переживанія изо дня въ день, когда все улегалось и успокоивалось въ душѣ, Екатерина Семеновна не утратила былой любви своей къ искусству. Нерѣдко собирались у нея въ домѣ ея прежніе поклонники: Аксаковъ, Надеждинъ, Погодинъ, даже самъ нѣкогда преклонявшійся передъ «очаровательной Клитемнестрой» Пушкинъ, и тутъ, среди старыхъ знакомыхъ, стоило только упомянуть о театрѣ, какъ снова оживлялось бывалымъ одушевленіемъ все еще прекрасное лице Семеновой, разгорались ея большіе, красивые глаза, и безъ умолку готова была она бесѣдовать объ искусствѣ, о сценѣ, о прошломъ, и разсказы шли за разсказами, воспоминанія смѣняли воспоминанія. Лѣта уходили, но жаръ души, уже успокоивающейся подъ вліяніемъ приближающейся старости, все еще таился въ глубинѣ сердца и готовъ былъ отозваться на призывъ. Любовь къ сценѣ не разъ проявлялась и не въ однихъ разговорахъ объ искусствѣ, не разъ выступала Екатерина Семеновна на домашнихъ театрахъ своихъ знакомыхъ, даже сама устроила у себя театръ, а въ 1830 году, имѣя около 50 лѣтъ, рѣшилась снова появиться передъ публикой ради благотворительныхъ цѣлей, въ залѣ московскаго благороднаго собранія; здѣсь она сыграла одно изъ лучшихъ своихъ созданій — Медею, и, кромѣ того, выступила въ знаменитой буржуазной драмѣ Коцебу «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», гдѣ въ сценѣ прощанія съ мужемъ и дѣтьми, говорятъ, заставляла зрителей плакать.

Эти спектакли были искрами, ярко озарявшими ея однообразную жизнь, въ эти вечера ей вновь приходилось переживать сладкія, исполненныя радости мгновенія. Но этимъ же спектаклямъ суждено было и еще одинъ лишній разъ подтвердить, что Семенова во время покинула сцену. Не прошло и 5 лѣтъ съ этого времени, а русское искусство уже на столько двинулось впередъ, что и отъ пріемовъ игры артистки, и отъ тѣхъ традицій, которыхъ она свято держалась, повѣяло какимъ-то анахронизмомъ. Судьба, казалось, скрѣпляла свой приговоръ надъ артистической дѣятельностью Семеновой и указывала, что ей осталась одна сфера — семейная жизнь. Екатерина Семеновна и отдалась этой жизни, но и здѣсь ей скоро пришлось встрѣтиться съ несчастіемъ: 12-го октября 1832 года, умеръ князь Иванъ Алексѣевичъ, проживъ неразлучно съ Семеновой болѣе 20-ти лѣтъ, а черезъ годъ въ сентябрѣ 1833 года овдовѣвшая княгиня отдала замужъ свою старшую дочь, княжну Надежду Ивановну, за начальника отдѣленія въ департаментѣ министерства юстиціи, Матвѣя Михайловича Карніолинъ-Пинскаго. Не много радости принесъ Екатеринѣ Семеновнѣ этотъ бракъ. На старости лѣтъ, когда она болѣе всего нуждалась въ покоѣ, когда думала найдти новыя радости въ счастьѣ своихъ дѣтей, ей при-

шлось изъ-за этого брака мучиться и страдать. Счастье, съ такой привѣтливой улыбкой шедшее ей въ началѣ жизни навстрѣчу, подъ конецъ ея измѣнило Семеновой. Въ 1845 году, Карніолинъ-Пинскій началъ противъ своей жены уголовное преслѣдованіе; разъ возбужденное дѣло затянулось на цѣлыя 8 лѣтъ, и Семеновой не суждено было дождаться его окончанія. На него она положила всѣ свои силы; ѣздила въ Петербургъ, хлопотала, не жалѣла денегъ, но время шло; и деньги тратились, и здоровье подъ вліяніемъ заботы, тревогъ и старости все ухудшалось. Это былое тяжкое, грустное для Семеновой время, но даже здѣсь, даже при постоянно угнетающихъ душу непріятностяхъ, она не забывала сцены и любимаго ею искусства. Заѣзжая въ Петербургъ, она не одинъ разъ уступала желанію своихъ неизмѣнныхъ поклонниковъ и на дачѣ извѣстнаго въ свое время богача, А. К. Галлера, игрывала на его домашнемъ театрѣ. Въ послѣдній разъ она сыграла передъ публикой за два года до своей смерти, въ 1847 году, въ домѣ Энгельгардта. Ей было ужъ болѣе 60-ти лѣтъ. Слѣды ея нѣкогда поразительной красоты еще сохранились, въ ея голосѣ еще попрежнему звучали обаятельныя, проникающія въ душу нотки, а, главное, въ ней оставался какъ бы нетлѣннымъ святой огонь вдохновенія и, повинуясь его велѣнію, внутреннему чувству своей души, она все еще была минутами прекрасна, не смотря на всю устарѣлость своей игры. Молодежь, которая не помнила былыхъ созданій артистки, съ пренебреженіемъ и усмѣшкой смотрѣла на нее, эту «верховную жрицу Мельпомены», и, всегда крайняя и рѣзкая въ своихъ приговорахъ, спрашивала: «неужели эти развалины могли быть когда нибудь знаменитостью»? «Да, можетъ быть, это были и развалины,—замѣчаетъ, припоминая эти спектакли, П. А. Каратыгинъ,—но развалины Колизея, на которыя художники и теперь еще смотрятъ съ благоговѣніемъ» [1])... И дѣйствительно, если старикамъ, быть можетъ, потому только и дороги, и пріятны были минуты ея игры, что напоминали имъ ихъ молодые годы, если при видѣ своей современницы они, быть можетъ, сами возсоздавали въ своемъ воображеніи ея нѣкогда дивныя созданія, то все же неправа была и молодежь, въ своемъ увлеченіи не могшая оцѣнить ея талантъ по тѣмъ позднимъ его искоркамъ, которыя проблескивали въ игрѣ престарѣлой, уже близкой къ смерти Семеновой. Черезъ два года, 1-го марта 1849 года, все еще подъ бременемъ хлопотъ о судьбѣ своей несчастной дочери, она скончалась на ея рукахъ, кто говоритъ—отъ тифозной горячки, кто—отъ паралича [2]).

Скромны и не блестящи были ея похороны. Семенову уже забыли. То поколѣніе, которое восхищалось ею, сходило въ могилу,

[1]) Записки Каратыгина, стр. 115—116.
[2]) Зап. Каратыгина, стр. 116, и «Рус. Ст.», 1873 г., № 2, стр. 268.

новое, ей незнакомое и чуждое, заступало его мѣсто. Не много людей проводило покойную на Митрофаніевское кладбище. Семья Каратыгиныхъ и среди нихъ ея бывшая соперница Колосова, Брянскій, Сосницкій, да еще нѣсколько другихъ знакомыхъ и родныхъ отдали ей послѣднюю честь. Тихо, ни для кого незамѣтно прошла ея смерть, какъ будто умерла простая, ничѣмъ неизвѣстная женщина. Такова общая судьба всѣхъ сценическихъ дѣятелей:

...Скоро и безслѣдно передъ мыслію
Скользитъ искусство пламенное мимо.

Но современники, которымъ она доставляла глубокое наслажденіе своей дивной игрой, сохранили намъ разсказы о ея дѣятельности; въ ихъ одушевленныхъ увлеченіемъ воспоминаніяхъ какъ бы отпечатлѣлся передъ нами образъ ея могучаго, дивнаго дарованія, и мы теперь, взвѣшивая всѣ темныя и свѣтлыя ея стороны, помянемъ ее добрымъ словомъ. Золотыми буквами запишется ея имя на скрижалахъ исторіи русскаго театра. Геніальная, самобытная натура метеоромъ промчалась она по русской сценѣ, и пусть, какъ метеоръ, не оставила за собой слѣда въ видѣ прочно основавшейся школы, пусть необразованная и неразвитая, не усовершенствовала своего природнаго дарованія, но за то минутами ея вдохновенной игры передъ глазами современниковъ открывались новыя, имъ досел҄ѣ невѣданныя тайны искусства, въ цѣломъ рядѣ блестящихъ созданій она воспроизвела имъ творенія Озерова, воскресила величавыхъ героинь Корнеля и Расина, а, главное, своей игрой и мучила, и очаровывала столько тысячъ сердецъ, доставляя пользу и наслажденіе лучшимъ людямъ своего времени, а

Кто лучшимъ современникамъ приноситъ
Благую пользу,—не умретъ во вѣки.

А. Н. Сиротининъ.

РОМАНЪ ОДНОЙ ЗАБЫТОЙ РОМАНИСТКИ [1].

ПОСЛѢ отъѣзда Е. А. Ганъ изъ Петербурга, существуетъ единственный источникъ, изъ котораго мы узнаемъ, гдѣ она была и чѣмъ занималась съ апрѣля 1837 года по январь 1841 года. Это—ея письма, писанныя изъ разныхъ мѣстъ къ О. И. Сенковскому и его женѣ. Безъ этихъ писемъ многое было бы неясно въ томъ, что объ ней говоритъ жена Сенковскаго въ своихъ воспоминаніяхъ. Изъ этихъ писемъ мы видимъ, что̀ это была за женщина и можно ли было ожидать отъ нея дальнѣйшаго развитія.

Передавать эти письма вкратцѣ нѣтъ возможности, да и несправедливо было бы лишать общество ближайшаго знакомства съ такою личностью, какъ Е. А. Ганъ.

Кромѣ того, письма ея представляютъ любопытный матеріалъ и въ другихъ отношеніяхъ.

Первое сохранившееся письмо Е. А Ганъ къ Сенковскому писано 22 сентября 1838 года. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что до него у Сенковскаго былъ цѣлый ихъ ворохъ, но они преданы были сожженію, какъ болтовня молодой женщины, остроумной, веселой и словоохотливой; но въ нихъ могли попадаться и нѣкоторыя двусмысленности, которыя могли компрометировать молодую особу, еще вполнѣ вѣрившую въ то, что бумагѣ можно все повѣрять, что она не измѣнитъ и не выдастъ, хотя это не совсѣмъ вѣрно, потому что бумага самый невѣрный наперсникъ. Сколько она погубила людей, слишкомъ ей довѣрявшихся...

Вотъ это первое письмо изъ провинціи къ Сенковскому:

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXV, стр. 203.

«Болѣе трехъ мѣсяцевъ я ожидаю словечка отъ васъ и обѣщанной вами черновой рукописи Утбаллы, но напрасно! Ваши дружескія строки оживили во мнѣ надежду, что вы сохраняете мнѣ и въ отдаленіи то доброе расположеніе, которымъ я пользовалась въ бытность мою въ Петербургѣ; не браните меня, если подчасъ закрадывается въ душу мою горькое чувство сомнѣнія; всеистребляющее время летитъ; вотъ уже полтора года, какъ я простилась съ вами, какое же должно имѣть самолюбіе, чтобы быть увѣренной, что память обо мнѣ устоитъ противъ годовъ и времени?

«Какъ и гдѣ провели вы лѣто? Каково здоровье ваше и добрѣйшей Аделаиды Александровны? Не примите вопросовъ моихъ за фразы, они исходятъ изъ глубины души моей, до которой и самое время не можетъ коснуться.

«Неужели вы не получили въ маѣ мѣсяцѣ моего письма и повѣсти безъ названія, которой я просила васъ быть крестнымъ отцомъ? Не удивляюсь, не находя ея въ печати: разсмотрѣвъ снова мою рукопись, я нашла въ ней много слабыхъ мѣстъ, требующихъ переправки, и потому благодарна вамъ за то, что вы не представили грѣховъ моихъ публикѣ. Но я желала бы знать ваше мнѣніе, стоитъ ли эта повѣсть быть исправленною и напечатанною? Что въ ней хорошаго и дурнаго? Простите моей нескромности; затрудняя васъ вопросами о бездѣлкѣ, я отвлекаю васъ отъ важнѣйшихъ занятій, я не смѣю просить васъ объ отвѣтѣ, это было бы слишкомъ много дерзости съ моей стороны и снисхожденія съ вашей, но на досугѣ передайте ваше мнѣніе Аделаидѣ Александровнѣ, она такъ добра, что вѣрно не откажется сообщить мнѣ ваши слова и вмѣстѣ успокоить меня на счетъ вашего здоровья.

«Я живу постарому въ казенномъ селѣ, грязномъ, скверномъ, гниломъ, съ моими дѣтьми и книгами. Мужъ мой пробылъ почти все лѣто въ лагеряхъ подъ Вознесенскомъ и еще не возвратился домой. Боюсь одичать; съ сплиномъ я уже знакома, онъ часто посѣщаетъ меня, а если судьба когда нибудь сведетъ насъ, вы не узнаете во мнѣ рѣзвушки, которая столько разъ смѣшила и веселила васъ.

«Ради этихъ красныхъ дней, не забывайте меня совершенно, утѣшьте хоть изрѣдка одной строчкою—это будетъ для меня истиннымъ и лучшимъ утѣшеніемъ. Мое нижайшее почтеніе Аделаидѣ Александровнѣ, желаю ей много веселиться нынѣшней зимой; mon idée fixe—Петербургъ; удастся ли мнѣ хотя передъ смертью побывать у васъ!

«Прощайте, почтеннѣйшій Осипъ Ивановичъ, примите увѣреніе въ истинной дружбѣ и уваженіи

«вашей покорнѣйшей

«Елены Ганъ.

«Адресъ мой: Еленѣ Андреевнѣ Ганъ, въ Екатеринославль, оттуда въ село Каменское».

Что это была за повѣсть безъ названія, о которой Ганъ говоритъ въ этомъ письмѣ, — неизвѣстно; по всему вѣроятію, О. И. окрестилъ ее названіемъ «Джеллаледдинъ», и она была напечатана въ «Б. д. Ч.» за 1838 годъ, т. XXXIV.

Зимою этого года она написала женѣ Сенковскаго письмо на французскомъ языкѣ, полное любезностей и свѣтскости, которое приводимъ ниже въ русскомъ переводѣ.

«Тысячу разъ прошу у васъ извиненія за сомнѣніе, хотя и на одно мгновеніе, дорогая и добрѣйшая Аделаида Александровна; оно причинило мнѣ самой болѣе вреда, чѣмъ вамъ, потому что мысль потерять ваше расположеніе, быть изглаженной изъ вашего воспоминанія, наполнила ядомъ болѣе чѣмъ одинъ мигъ моего существованія. Но теперь эти сомнѣнія изгнаны и не вернутся болѣе. Какъ вы можете спрашивать: помню ли я наши разговоры, наши предположенія? Время нашей короткости стало для меня блестящей точкой, къ которой любитъ возвращаться мое воображеніе, утомленное дѣйствительностью, и откуда оно почерпаетъ новую силу.

«Извѣстіе о частомъ нездоровьѣ вашемъ и вашего достойнаго супруга опечаливаетъ меня глубоко. Конечно, излишняя работа вредитъ его здоровью на столько же, на сколько редактированіе «Библіотеки для Чтенія» полезно для Россіи, но нельзя ли согласить эти два пункта? Не можетъ ли г. Сенковскій взять отпускъ, отлучиться мѣсяца на три или четыре? Пріятное путешествіе на Кавказъ или въ Крымъ принесло бы вамъ пользу, не причинивъ никому вреда, потому что «Библіотека для Чтенія» могла бы идти своимъ чередомъ, а по возвращеніи воображеніе г. Сенковскаго, освѣженное отдыхомъ и отсутствіемъ всѣхъ тѣхъ низкихъ интригъ, которыя ведутся противъ него въ Петербургѣ, пролило бы намъ новый свѣтъ. Право, это предположеніе стоитъ того, чтобы о немъ подумать; подумайте: нѣтъ ли какого нибудь средства осуществить его?

«Вы на столько добры, что спрашиваете у меня извѣстій о моемъ настроеніи духа, о моихъ намѣреніяхъ — они все тѣ же, я не перемѣнюсь никогда; что же касается до моихъ предположеній, то у меня ихъ нѣтъ, я предоставляю себя судьбѣ, запасшись значительной долей покорности и надеждой, что все проходитъ! Вы хорошо знаете, дорогая Аделаида Александровна, что я вѣрю въ новый видъ метемпсихозы,—въ такой, который позволяетъ нашей душѣ покинуть насъ при жизни, чтобы слиться съ душами дорогихъ для насъ существъ. Уже давно я страдаю лишь ихъ страданіями и радуюсь только ихъ счастію, а счастіе, повидимому, бѣжитъ отъ всего, что я люблю. Моя мать больна, моя сестра тоже хвораетъ то одной болѣзнью, то другой; онѣ страдаютъ, а я ничего не могу сдѣлать для нихъ. 1,200 верстъ возстаютъ между нами, какъ злотворный геній. Мои дѣти, слава Богу, здоровы, родъ

жизни въ Каменскомъ не измѣняется: я дѣлю свое время между моимъ семействомъ, занятіями и дымомъ трубокъ, число которыхъ увеличилось до такой степени, что я чувствую иногда головокруженіе. Дождь и снѣгъ наводняютъ насъ; холодъ заставляетъ сомнѣваться, что мы живемъ въ южныхъ странахъ; вотъ все, что я могу сказать вамъ о себѣ лично.

«Вы спрашиваете—не имѣю ли я намѣренія пріумножить число моихъ дѣтей? Э, нѣтъ, такое смѣшное намѣреніе никогда не приходитъ мнѣ въ голову; пусть Господь сохранитъ только тѣхъ двухъ, которыхъ я имѣю, и поможетъ сдѣлать ихъ хорошими христіанками, женщинами какъ слѣдуетъ. Что касается до числа моихъ литературныхъ дѣтей, то это другое дѣло; они, видите ли, не столько стоютъ, и судьба, этотъ слѣпой тиранъ, сюда не вмѣшивается; число ихъ увеличивается, и они два, три раза въ годъ придутъ постучаться въ вашу дверь. Не знаю, кто виноватъ, что изъ моихъ пяти писемъ только три дошли до васъ. Такъ какъ я боюсь того же для этого письма, то посылаю его къ моему брату, который и передастъ его вамъ. Въ маѣ мѣсяцѣ, вѣроятно, вы покините Петербургъ и отправитесь въ Парголово, и тогда, будьте такъ добры, увѣдомьте меня, какъ быть, чтобы мои письма не запропадали. Моя кузина Сушкова проситъ меня передать вамъ поклонъ; она сильно скучаетъ въ Псковѣ.

«Я не осмѣливаюсь просить васъ о постоянной перепискѣ, но если вамъ не затруднительно будетъ посылать мнѣ отъ времени до времени небольшое письмо, то не откажите въ этомъ удовольствіи той, у которой его такъ мало. Ваше воспоминаніе всегда пріятно для меня.

«Прощайте! Примите увѣреніе въ уваженіи и полной привязанности, съ которыми къ вамъ всегда будетъ относиться

«вся преданная вамъ Елена Ганъ».

За приведеннымъ сейчасъ письмомъ въ началѣ января 1839 года послѣдовало къ той же Аделаидѣ Александровнѣ Сенковской и второе письмо, опять на французскомъ языкѣ, въ которомъ говорится о предложеніи А. А. Краевскаго, сдѣланномъ Зинаидѣ Р..., участвовать въ его новомъ журналѣ «Отечественныя Записки».

Вотъ это письмо:

«Едва прошла недѣля, какъ я писала вашему супругу, но тогда мнѣ еще не было извѣстно о дѣлѣ, о которомъ я хочу говорить вамъ теперь. Умоляя васъ извинить мою назойливость, обращаюсь къ вашей ангельской добротѣ и къ вашему терпѣнію, которыя переносили нѣкогда мою болтовню и мои шаловливыя выходки. Я обращаюсь къ вамъ, опасаясь, чтобы мое письмо не испытало участи тѣхъ многочисленныхъ эпистолій, которыя гніютъ въ пыли большаго кабинета; будьте такъ добры, возьмите на себя защиту

моего дѣла и, что̀ главное, дайте мнѣ точный отвѣтъ о мнѣніи г. Сенковскаго.

«Нѣкій (un certain) г. Краевскій, редакторъ «Отечественныхъ Записокъ», поручилъ моему родственнику предложить мнѣ писать для его журнала, сдѣлавъ мнѣ при этомъ великолѣпныя обѣщанія, очень для меня подходящія; но, такъ какъ я никогда не забуду, что г. Сенковскій именно натолкнулъ меня на этотъ путь, руководилъ моими первыми шагами, и что его снисходительности и покровительству я обязана своимъ небольшимъ талантомъ, то не хочу сдѣлать ни малѣйшаго шага, не испросивъ его одобренія, не будучи увѣрена, что это ему понравится, потому что я не знаю ни этого Краевскаго, ни его отношеній къ г. Сенковскому.

«Я должна признаться вамъ, что это меня очень бы поправило, потому что, изготовляя 4—5 разсказовъ въ годъ, я не смѣю и думать, что супругъ вашъ можетъ ихъ помѣстить болѣе двухъ въ годъ въ «Библіотекѣ»; такимъ образомъ, посылая ему мои лучшія произведенія, я могу предоставить остатокъ г. Краевскому. Я всегда была откровенна съ вами; вы знаете наше состояніе на столько, что можете составить себѣ понятіе о нуждѣ не испытавъ ея никогда сами. Особенно въ настоящее время, когда мои двѣ дочери достигли возроста, требующаго особенныхъ заботъ, эта нужда чувствуется еще живѣе. Боже мой! Я желала бы трудиться день и ночь, чтобы предохранить только моихъ дѣтей отъ того, что испытала я сама. Мое существованіе, собственно для меня, покончено, у меня нѣтъ другой будущности, кромѣ заботы объ нихъ, я тружусь надъ своимъ собственнымъ воспитаніемъ, изучаю языки, чтобы развить свои идеи и дать болѣе простора своему воображенію,—все это въ надеждѣ имѣть возможность обезпечить нѣкогда ихъ участь. Но достигну ли я этого? Богъ знаетъ! По крайней мѣрѣ, я буду имѣть утѣшеніе, что сдѣлала все, что было въ моихъ силахъ для содѣйствія ихъ благополучію. Я заклинаю васъ, поэтому, поговорить съ вашимъ супругомъ и дать мнѣ отвѣтъ безъ всякаго замедленія, потому что до тѣхъ поръ я не дамъ никакого отвѣта моему родственнику.

«Въ апрѣлѣ мы мѣняемъ мѣсто жительства; мы поселяемся въ Орловской губерніи, и я надѣюсь, что оттуда мнѣ не будетъ невозможно сдѣлать вамъ визитъ. Примутъ ли меня также хорошо, какъ прежде? Я хочу думать, что да; сохранивъ сама всѣ тѣ чувства уваженія и преданности, которыя я питала тогда къ вамъ,

«Имѣю честь съ глубокимъ уваженіемъ оставаться вашей покорной слугою

«Еленой Ганъ».

Когда Аделаида Александровна показала это письмо мужу, О. И. написалъ Е. А. Ганъ, заявляя, что онъ никогда не могъ посягать

на ея право писать для какого угодно журнала и гдѣ ей угодно, туда пусть она и отдаетъ все, что найдетъ и сочтетъ лучшимъ изъ того, что напишетъ; а ему, т. е. для «Библ. для Чтенія», присылаетъ лишь то, что другіе забракуютъ, или что она сама найдетъ слабымъ и неудавшимся. Вотъ какъ Сенковскій цѣнилъ ея талантъ и какъ дорожилъ ея расположеніемъ. Этого, конечно, не сдѣлалъ бы ни одинъ изъ редакторовъ, зато и Ганъ вполнѣ оцѣнила такое расположеніе къ ней Сенковскаго и ничего не давала «Отечественнымъ Запискамъ», до самого 1841 года, когда женская интрига сдѣлала то, чего не добился и самый ловкій, и практичный изъ редакторовъ [1]).

Посылая Сенковскому повѣсть «Медальонъ», Ганъ писала:

«Не знаю, какъ благодарить васъ, почтеннѣйшій Осипъ Ивановичъ, за ваше милостивое, дружеское письмо. Вы думали, что я васъ забыла,—какъ могла вамъ прійдти въ голову этакая странная, неестественная мысль? Какъ я могу забыть васъ, чего бы я была достойна, если бы на минуту позабыла объ васъ? Нѣтъ, ради Бога, не вѣрьте вторично этой злой мысли; я писала къ вамъ, и не понимаю, какъ могли затеряться мои письма; я полагаю, что они забросились скорѣе въ вашихъ бумагахъ не распечатанныя.

«Съ неизъяснимымъ удовольствіемъ прочла я въ письмѣ Аделаиды Александровны ваше мнѣніе, въ которомъ отражается столько дружескаго участія къ моей особѣ; вѣрьте, что ваша воля для меня законъ, и всякое слово ваше хранится въ моей памяти неизгладимо.

«Боже мой! Сколько огорченій, заботъ и недружелюбія окружаютъ васъ; неужели никогда ваши враги не устыдятся, не отдадутъ справедливости благородству вашего поведенія, снисхожденію, съ которымъ вы сносите ихъ жолчный ропотъ? И некому даже разсмѣшить васъ, заставить на минуту позабыть объ ихъ козняхъ и проискахъ. Съ какой тоской порывалась я въ Петербургъ при чтеніи вашего письма! О, я разсмѣшила бы васъ новымъ запасомъ анекдотовъ, которыхъ довольно набралось у меня во время моихъ странствованій по матушкѣ Россіи. Нѣтъ! Вамъ непремѣнно надобно для разсѣянія прогуляться изъ столицы въ нашу глушь; здѣсь собрали бы вы плоды вашихъ трудовъ, здѣсь, гдѣ есть только ваши поклонники, а не соперники, гдѣ смиренный умъ, при чтеніи «Библіотеки», не смѣетъ и подумать мѣряться съ вами, а только мыслитъ, чувствуетъ и благодаритъ за доставленную ему пищу. Въ омутѣ, въ этомъ блестящемъ хаосѣ, въ которомъ вы проводите жизнь, вамъ не знаютъ цѣны, а если кое-гдѣ и возвышается благодарный голосъ, то зависть, не жалѣя ни горла, ни трудовъ, ра-

---

[1]) Это передавала мнѣ въ пятидесятыхъ годахъ Е. Н. Ахматова, которой разсказывала объ этомъ Аделаида Александровна.

зумѣется, перекрикиваетъ его, и одна достигаетъ до вашего слуха. Для таланта большое отдаленіе—почти то же, что потомство; до него доходитъ свѣтъ безъ примѣси личностей, пристрастія; здѣсь, равно какъ и въ будущемъ, человѣкъ исчезаетъ, видны только умъ, геній его.

«Посылаю вамъ новую повѣсть, которую я начала еще лѣтомъ, на Кавказѣ, но, по болѣзнямъ моимъ и дѣтей моихъ, не могла кончить по сю пору. Даже теперь не могла всю списать своей рукой, и боюсь, чтобы незнакомый почеркъ не затруднилъ васъ. Въ этой повѣсти, въ первомъ отдѣленіи, я не успѣла въ томъ, что затѣяла; мнѣ хотѣлось, въ противоположность второму отдѣленію, сдѣлать его живымъ, блестящимъ, остроумнымъ; но изъ всего этого ничего не вышло.

«Вижу, что мнѣ не достаетъ знанія свѣтскихъ разговоровъ, этой болтовни, которая забавляетъ, ничего не выражая, — посылаю ее вамъ, надѣясь, что вы не откажете исправить мои грѣхи.

«Замѣтивъ по «Джеллаледдину», что мои многословныя разсужденія вамъ не нравились, я старалась избѣгать ихъ, и въ этой повѣсти, кажется, вы ихъ не встрѣтите. Объ одномъ прошу, — вы не прогнѣваетесь на меня за это? — если можно, не вычеркните въ первомъ отдѣленіи доразсвѣтной прогулки на вершину Машука и грозы подъ Кисловодскомъ, — это такія пріятныя минуты для меня, что я желала бы перечитать ихъ въ печати. Во второмъ, характеръ Олимпіи взятъ мною съ натуры, но въ особенности, je tiens beaucoup à la comparaison d'une jeune fille avec un album. Вы не сердитесь? Я долго колебалась передъ изложеніемъ этой просьбы и даже теперь отношу ее не къ редактору «Библіотеки», а къ доброму Осипу Ивановичу, который въ былые годы такъ много прощалъ и спускалъ мнѣ шутокъ и шалостей.

«Еще я осмѣливаюсь просить вашего совѣта: мнѣ хотѣлось бы перевесть что нибудь, — не думайте, чтобы я и теперь такъ переводила, какъ нѣкогда перевела Годольфина, — нѣтъ, съ тѣхъ поръ я сдѣлала успѣхи и въ русскомъ, и во французскомъ языкахъ. Въ нашей тѣснотѣ, въ шумѣ и безпрестанныхъ помѣхахъ невозможно постоянно заниматься сочиненіями; въ переводѣ ненадобно того присутствія мыслей, — итакъ, не будете ли вы такъ добры, чтобы указать мнѣ какой нибудь романъ, исторію или путешествіе—для меня все равно.

«Простите, простите моей смѣлости, что васъ, обремененнаго тысячью заботъ, я затрудняю еще подобными вопросами; къ кому же мнѣ обратиться, чье мнѣніе я могу оцѣнить, какъ ваше, и кому могу болѣе вѣрить, если не вамъ?

«Если мой «Медальонъ», какъ я полагаю, будетъ помѣщенъ въ майской «Библіотекѣ», то вашъ отвѣтъ застанетъ меня еще въ Екатеринославѣ, потому что мы пробудемъ здѣсь до 15-го іюня;

иначе прошу адресовать: Кіевской губерніи, въ г. Умань, гдѣ мы простоимъ до 8-го августа. Позже я увѣдомлю васъ о моемъ мѣстопребываніи. Кузовлева писала мнѣ, что вы требуете отъ меня росписки въ полученіи денегъ Смирдина,—какъ это? Я, право, не знаю, на какой бумагѣ, какую росписку вамъ прислать? Ожидаю вашего извѣщенія.

«Примите еще однажды мою живѣйшую благодарность за ваше неоцѣненное для меня дружество и вѣрьте искренней преданности

«Вашей покорнѣйшей къ услугамъ

«Елены Ганъ».

Въ другомъ письмѣ Ганъ уговариваетъ Сенковскаго не обращать вниманія на клеветы его враговъ.

«Какъ выразить вамъ мою благодарность, добрѣйшій Осипъ Ивановичъ, за ваши дружескія строки; онѣ оживили меня, онѣ воскресили мой упавшій духъ, тѣмъ болѣе, что я потеряла надежду получить когда нибудь отъ васъ малѣйшій знакъ воспоминанія. Какъ я понимаю ваше негодованіе противъ этихъ друзей—враговъ, которые и на поприще литературы принесли съ собой привычку все мѣрить на собственный аршинъ, продавать гнилой товаръ за свѣжій и кричать: «пожалуйте, у насъ все лучше!» Но неужели нѣтъ средствъ противоставить шайкѣ шайку? Можно ли отбиваться благороднымъ оружіемъ противъ bravi, которые нападаютъ на васъ изъ-за угла вашего же дома? Уничтожьте ихъ, докажите, что перо Сенковскаго не исписывается, какъ то угодно было замѣтить г. Полевому, покарайте его и вмѣстѣ подарите Россію вашей собственной повѣстью, однимъ изъ тѣхъ живыхъ разсказовъ, которые такъ глубоко западаютъ въ душу, въ которыхъ умъ находитъ столько пищи, столько игривости, что невольно затверживаешь ихъ и послѣ повторяешь не въ одномъ случаѣ, какъ мысль, которой нельзя пріискать лучшаго выраженія.

«Помните, вы однажды разсказывали мнѣ планъ повѣствованія о томъ, какъ баронъ Брамбеусъ женился въ Англіи и какія воспослѣдовали препятствія къ окончательному соединенію супруговъ. Но что въ происшествіяхъ! Вашъ разсказъ обогатитъ самый простой предметъ; ради Бога, сдѣлайте это, забудьте на денекъ ваши тяжелые труды, чорную зависть, займитесь подаркомъ для друзей вашихъ, который въ то же время будетъ лучшимъ отвѣтомъ на всѣ плоскія обвиненія въ прозѣ и въ стихахъ. О! отчего не дано мнѣ выражаться также сильно, какъ я чувствую!—я защитила бы васъ. Или отчего я не могу хоть на время переселиться къ вашему камину!—я развеселила бы васъ своею болтовней, отогнала бы отъ васъ чорные навѣты и, можетъ быть, способствовала бы минутѣ расположенія обратить въ шутку всю эту шайку обвиняющихъ

васъ въ шуткахъ и выстрѣлить въ нихъ ихъ собственными зарядами. При этомъ выраженіи вы, можетъ быть, скажете: vous êtes orfêvre, m-r Iosse! Да, ваше письмо сдѣлало меня такою злою, что я готова, воспользовавшись моимъ званіемъ артиллеристки [1]), обратить всю груду негодныхъ литераторовъ вмѣстѣ съ ихъ произведеніями въ огромную мишень и спугнуть ихъ чугунной эпиграммой. Неужели вы серьёзно хотите оставить литературное поприще? Это—эгоизмъ! Можно ли, для избавленія себя отъ десятка завистниковъ, бросить бѣдное дитя—русскую словесность? Я говорила вамъ прежде и теперь повторяю: чтобы видѣть всю пользу и удовольствіе, какія разноситъ «Библіотека» по всей Россіи, вамъ надобно завернуть когда нибудь въ провинцію. Еще недавно одинъ очень умный молодой человѣкъ говорилъ мнѣ, что вамъ обязанъ лучшими минутами своего бытія, потому что вы обратили его вниманіе на астрономію и физику, эти неисчерпаемые рудники умственныхъ занятій, къ которымъ онъ пристрастился теперь, и вы же заставили въ Россіи писать объ ученыхъ предметахъ слогомъ, который не пугаетъ слухъ, не уродуетъ самыхъ изящныхъ предметовъ подьяческимъ изложеніемъ. Въ столицѣ «Библіотеку» перелистываютъ, завивая волосы, но въ губерніяхъ, въ деревняхъ, она ежемѣсячно доставляетъ нѣсколько сутокъ пріятнаго и глубокаго занятія и цѣлые годы пользы. Перенеситесь иногда изъ вашего омута къ нашему быту; слова мои подтвердятъ 50 губерній.

«Что сказать вамъ о себѣ? Существую попрежнему въ кругу людей безъ общества, въ деревнѣ безъ зелени, безъ малѣйшей видописи; но я употребляю въ пользу мое уединеніе, хоть порой оргіи офицеровъ крадутъ у меня время. Я проникаю въ таинства чуждыхъ языковъ; если бы случай дозволилъ мнѣ провести годъ времени въ Одессѣ или въ Петербургѣ, я непремѣнно занялась бы англійскимъ языкомъ, и думаю, что успѣла бы, потому что съ моей памятью и доброй волей можно побѣдить трудности... Но таковы люди, что не могутъ простить мнѣ этихъ невинныхъ занятій; разумѣется, такъ какъ мои родные и мой мужъ не принадлежатъ къ этому числу, то я бросаю слова ихъ на вѣтеръ; но всѣ эти толки, рѣчи, всѣ эти взоры, привлеченные ко мнѣ моею petit bout de gloire, такъ надоѣли мнѣ, что я намѣрена уничтожить подпись Зинаиды, пусть мои творенія мелькаютъ, никѣмъ не узнанныя. Вашей хулы или одобренія совершенно достаточно для моего исправленія и торжества, а я избѣгну всѣхъ важныхъ разборовъ, критикъ и еще обиднѣйшихъ комплиментовъ. Вы, можетъ быть, посмѣетесь, когда я скажу вамъ, что всякій разъ, какъ лысый ремонтеръ, либо поручикъ, мѣтящій въ Наполеоны, подходитъ ко мнѣ

[1]) Намекъ на то, что Е. А. была жена артиллериста.

съ комплиментомъ, меня и злость, и дрожь беретъ! Мнѣ все кажется, будто косматый медвѣдь беретъ на руки дитя мое, которое я создала, взлелѣяла, чтобы облобызать его; мнѣ хочется броситься на него, укрыть мое бѣдное дитя отъ поцѣлуевъ, къ которымъ такъ близки его зубы. Не правда ли, вы одобрите мое намѣреніе? Да, если не затруднитъ васъ пересылка черновой «Утбаллы», она принесетъ мнѣ большую пользу; создавая ее, я много руководствовалась вашими поправками въ «Идеалѣ», а вы говорите, что замѣтили большой шагъ между моими двумя твореніями. Умѣнья выразиться—вотъ чего не достаетъ мнѣ, а за предметами дѣло не станетъ; въ этой пустынѣ, во всевозможныхъ смыслахъ, воображенію большой просторъ; оно гуляетъ себѣ невозбранно, заглядывая въ прошедшее и въ будущее; ничто не зацѣпляетъ его на пути, ничто не разсѣеваетъ добычи; словомъ, абрисы и колоритъ—вотъ надъ чѣмъ мнѣ должно трудиться. Но, pardon, pardon! я такъ заболталась, что забыла, какія драгоцѣнныя минуты краду моимъ многорѣчіемъ. Адреса не могу доставить вамъ полнѣйшаго, какъ тотъ, который послала вамъ въ послѣднемъ письмѣ; въ нашемъ достославномъ градѣ нѣтъ ни частей, ни названій улицамъ. Это, видите, такъ себѣ, кучка домишекъ, но если бы кому пришла фантазія адресовать съ пропускомъ фамиліи, просто—Еленѣ Андреевнѣ, въ Екатеринославль, и тогда это письмо упало бы мнѣ прямо въ руки, вѣдь у насъ всѣ и каждый все и всѣхъ знаютъ.

«Прощайте, почтеннѣйшій Осипъ Ивановичъ, вѣрьте неизмѣнной дружбѣ душевно преданной вамъ Елены фонъ-Ганъ».

«Село Каменское».

Изъ слѣдующихъ писемъ видно, что Ганъ желала постоянно заниматься для «Библ. для Чтенія» не только сочиненіемъ повѣстей, но и переводами съ четырехъ языковъ.

«Одесса, 20-го іюня 1839 года.

«Сейчасъ возвратилась изъ книжной лавки, гдѣ видѣла въ «Библіотекѣ для Чтенія» помѣщенную мою повѣсть «Медальонъ». Не знаю, какъ благодарить васъ, что вы такъ снисходительны даже къ прихотямъ моимъ; если я въ письмахъ немного говорю о моей благодарности, то это единственно потому, что сердце мое слишкомъ полно ею, и я нахожу ее выше всѣхъ выраженій и фразъ. Одно изъ моихъ пламеннѣйшихъ желаній—это сыскать случай когда нибудь, хоть бездѣлицей, услужить вамъ, сдѣлать вамъ что нибудь пріятное; прійдетъ ли, настанетъ ли когда для меня этотъ красный денекъ?

«Вотъ я разсталась съ пустынными степями, теперь живу въ шумной степи, потому что эти стѣны, эти улицы и люди, все незнакомые мнѣ, та же степь для меня. У меня здѣсь не было короткихъ знакомыхъ, визитовъ же я не заблагоразсудила возобно-

влять, къ тому жъ лѣченье занимаетъ почти все мое время. Мучатъ меня, бѣдную, почти еженедѣльно обставляютъ піявками, морятъ въ горячихъ ваннахъ, въ жарѣ, когда хотѣлось бы льдомъ обложиться. Одна утѣха — опера! Какъ здѣсь теперь опера хороша, что за голоса, какъ бѣдна при нихъ ваша prima-donna Степанова!

«Еще недѣли двѣ пробуду въ Одессѣ, потомъ поѣду къ мужу, въ Умань, гдѣ простоимъ въ лагеряхъ до 8-го августа.

«Забыла еще сказать объ одномъ важномъ занятіи — я учусь поанглійски, и уже сдѣлала нѣкоторые успѣхи; это будетъ послѣднее мое ученье, дай Богъ времени теперь и средства перечитать все, что хорошаго написано на этихъ четырехъ языкахъ.

«Не знаю, отчего моей душѣ и мыслямъ все какъ-то тѣсно, рвутся на просторъ, но гдѣ этотъ просторъ,—не въ воображеніи ли? Все, что ни пишу я, мнѣ кажется вяло, слабо, читаю и перечитываю: «Любовь и смерть», любимѣйшее мое изъ вашихъ твореній, и завидно, отчего вы могли выразить такъ сильно, ясно, столь отвлеченныя мысли; одѣть ихъ въ такой волшебный покровъ и въ то же время приспособить его къ понятіямъ каждаго! Завидно!

«Я удивляюсь иногда, какъ можете вы считать себя несчастливымъ, съ этимъ источникомъ сокровищъ въ груди и въ головѣ?

«Есть ли еще что, чего могли бы вы добиваться? Я на вашемъ мѣстѣ сидѣла, наслаждалась бы сама собою, и изъ милости бросала бы отблески этого сокровища людямъ.

«Вы посмѣетесь, можетъ быть, моей восторженной идеѣ? Что дѣлать! Это одно изъ моихъ несчастій, что въ то время, какъ тѣло старѣетъ и все измѣняется вокругъ меня, въ моей душѣ все то же и то же! Эта горячка,—какъ называетъ мою восторженность мой отецъ,—продлится во мнѣ до конца жизни, и Богъ вѣсть, не лучше ли мнѣ будетъ отъ того—существенность слишкомъ убога, гадка. Vous en savez quelque chose.

«A propos, коснувшись поэтическаго восторга, не могу не описать вамъ одного феномена нашихъ степей,—есть ли вамъ время выслушать смѣшную глупость?

«Въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ живетъ нѣкій помѣщикъ Чернявскій; былъ онъ нѣкогда добрымъ дуракомъ, женился, произвелъ на свѣтъ шесть сыновей, посѣдѣлъ,— но вотъ un beau jour выскочила, не знаю, изъ проса или изъ гречки кукарача авторства и пребольно впилась въ тучный мозгъ его благородія. Онъ выстроилъ себѣ въ саду павильонъ, и всякій вечеръ отправляется туда писать. Тамъ посреди залы стоитъ столъ, горятъ четыре свѣчи, виситъ колоколъ — ей-Богу, правда. И тамъ мирный агрономъ бесѣдуетъ съ своей музой. Его крестьяне распускаютъ слухъ, что панъ сказывся[1]),

[1]) Т. е. взбѣсился.

а сосѣди бѣгаютъ его какъ чумы, потому что онъ вездѣ, всегда носитъ въ карманѣ претолстую тетрадь и читаетъ всѣмъ свои сочиненія. Я давно любопытствовала видѣть его и, наконецъ, передъ отъѣздомъ изъ дому, столкнулась съ нимъ у моихъ знакомыхъ. Вообразите себѣ низкаго, претолстаго человѣка, съ красными и отдутыми щеками, съ усами по поясъ и съ встрепаннымъ чубомъ, ради поэзіи, въ распашномъ небрежномъ сюртучкѣ; но чего не опишетъ никакое перо,—это физіогномія, которую онъ старается составить себѣ, чтобы казаться поэтомъ. Бѣднякъ страдаетъ, потѣетъ, чтобъ съежить брови, вытаращить глаза и искривить ротъ сатаническою улыбкою; это стараніе такъ замѣтно, что нельзя смотрѣть на него безъ жалости, тѣмъ болѣе, что эта масса жиру, встрепанныхъ волосъ, подъ плаксивымъ выраженіемъ физіогноміи, можетъ уморить отъ смѣху самыхъ равнодушныхъ зрителей.

«Мы встрѣтились съ нимъ, какъ то прилично было двумъ геніямъ, со взаимнымъ уваженіемъ, удивленіями къ таланту—онъ поклонялся моему генію, я превозносила его! Эта сцена годилась бы на любой театръ; говорятъ, что я выдержала свою роль прекрасно. Онъ жаловался, что всѣ журналы отвергаютъ его сочиненія, я утѣшала его, что это доля всѣхъ геніевъ—быть непонятыми своимъ вѣкомъ. Онъ укорялъ меня, что я пишу не подъ своимъ именемъ.—«А вы?»—«О! я своего имени отъ Россіи не скрываю. Перо и голова моя посвящены пользѣ отечества, уже восемь романовъ лежатъ въ моемъ павильонѣ, всякій по 4 тома!» Вслѣдъ затѣмъ онъ присталъ просить меня, чтобъ я рекомендовала его вамъ, я насилу отдѣлалась, но онъ таки выморочилъ у меня вашъ адресъ. Когда онъ ушелъ, одинъ изъ присутствующихъ, также помѣщикъ, съ простодушною улыбкою, спросилъ, чтò онъ пишетъ?—Да вотъ еще недавно онъ послалъ въ Петербургъ двѣ повѣсти: «Чорный котъ» и «Дѣвица съ тремя глазами».—«Ну,—замѣтилъ помѣщикъ,—чорный котъ, это натурально, можетъ быть, и у моей жены есть чорный котъ, такой проказникъ, что объ немъ хоть вольтерьянскую повѣсть написать; но, чтобы дѣвица была съ тремя глазами, это ужъ Чернявскій заврался!» Теперь если вы получите чтò отъ него, а онъ навѣрно будетъ хвалиться моей рекомендаціей, то послѣ описанной мною сцены вы, конечно, не повѣрите ему; впрочемъ, чего добраго, быть можетъ, это и дѣйствительно поздно-пробудившійся геній. Только послѣ встрѣчи съ нимъ я долго жалѣла, зачѣмъ не данъ мнѣ даръ юмористки, чтобъ описать его.

«Гдѣ вы проводите лѣто? Вѣрно—въ Парголовѣ; въ сентябрѣ мы прійдемъ въ Болховъ, а зимой мой мужъ предлагаетъ мнѣ съѣздить на короткое время въ Петербургъ, пока онъ по дѣламъ будетъ въ Москвѣ; если найду здѣсь особу, которую возьму къ дѣтямъ гувернанткою, то и повѣрю ей ихъ на нѣсколько недѣль, тогда, un

beau jour, явлюсь къ вамъ. Напередъ воображаю, какъ вашъ Петръ отворитъ мнѣ дверь, взведетъ на лѣстницу, уставленную цвѣтами, и я пройду въ синюю комнату, въ которой трясла меня лихорадка, помните, когда я въ первый разъ явилась къ вамъ.

«Нѣтъ, не должно давать волю мечтамъ, голова кружится, какъ будто я уже стояла на улицѣ петербургской, по которой проѣзжаютъ сотни экипажей. Лучше не много надѣяться, болѣе порадуетъ исполненіе.

«Mille et mille chose de ma part à madame, je relis bien souvent la lettre qu'elle a eu la bonté de m'écrire; et c'est toujours avec une nouvelle admiration pour la justesse de ses conseils et une nouvelle reconnaissance pour l'intérêt qu'elle daigne me temoigner.

«Вашъ отвѣтъ можетъ застать меня въ Умани, гдѣ я пробуду непремѣнно отъ 8-го іюля до 8-го августа; адресуйте: Кіевской губерніи въ мѣстечко Умань.

«Votre toute devouée servante Helène de Hahn».

«Умань, 3-го августа 1839 года.

«Получили ль вы письмо мое изъ Одессы, почтеннѣйшій Осипъ Ивановичъ? Я писала вамъ оттуда, съ такими пріятными надеждами увидѣться съ вами зимою, полагая навѣрное, что мы будемъ стоять въ Болховѣ, куда назначали нашу дивизію; забыла я, что мы, какъ каторжники, съ связанными руками, должны бѣжать туда, куда гонятъ, не смѣя ничего предполагать, ни на что надѣяться. Намъ перемѣнена стоянка, мы идемъ въ Полтавскую губернію, въ дрянной городишко Гадячъ, гдѣ простоимъ, какъ кажется, три года. Впилась въ меня крѣпко проклятая Хохландія, не выпускаетъ изъ когтей своихъ, видно—положить мнѣ въ ней мои кости!

«Грустно мнѣ, какъ давно не бывало; простите же, если въ письмѣ моемъ не разъ пробьется мое расположеніе духа, я состроила такіе великолѣпные чертоги на основаніи одной надежды жить близь Москвы, эта надежда обратилась въ увѣренность; повелѣніе, маршрутъ, все было получено, какъ вдругъ новый приказъ все уничтожилъ. Поселюсь въ глуши, въ хатѣ, буду читать и писать, пока очень поумнѣю, или въ противоположность—совсѣмъ съума сойду, послѣднее вѣроятнѣе. Не отъ скуки, не отъ жажды свѣтскихъ удовольствій, но отъ совершеннаго одиночества, отъ невозможности обмѣняться одною мыслью, высказать малѣйшее чувство, все постоянно должно гнѣздиться въ душѣ моей, плѣснѣть въ воображеніи, все, какъ стоячая вода, не можетъ ни вылиться, ни получить ни одной освѣжительной капли, а мнѣ еще надобно писать, а если бы не это надобно, давно, слѣдуя покорно доли моей, я погрузилась бы совершенно въ безсмыслящее состояніе, въ спокойное безчувствіе людей, живущихъ отъ утра до вечера. Какъ справедливо

говорили вы мнѣ, что умъ также можетъ застояться; мой, я чувствую, начинаетъ уже плѣснѣть. Была недѣля, одна недѣля, въ Одессѣ, когда вдругъ Бенедиктовъ, Подолинскій, Надеждинъ, своимъ обществомъ оживили меня, всѣ мы любимъ глядѣться въ зеркало людскаго мнѣнія, въ особенности, если это зеркало льститъ намъ, мнѣ въ особенности было пріятно узнать въ моемъ отраженіи лестное значеніе моей особы; да, въ кругу этихъ людей чувствовала, что и я есмь нѣчто, потому что въ нашей глуши даже мнѣнія не услышишь объ себѣ, не увидишь ни одобренія, ни насмѣшки, все тускло, сумрачно, грустно!

«У меня двѣ почти готовыя повѣсти, я надѣялась, что успѣю исправить и послать вамъ одну изъ нихъ отсель, но мы здѣсь въ такой тѣснотѣ, что и это письмо я пишу въ палаткѣ, въ 4 часа утра, потому что позже начнется толкотня, шумъ и до вечера не думай ни за что приниматься. Мнѣ писала Кузовлева, что Аделаида Александровна намѣревалась провести все лѣто въ Ревелѣ, сбылись ли ея предположенія? Во всякомъ случаѣ, изустно или письменно прошу увѣрить ее въ моемъ глубокомъ почтеніи. Теперь прошу адресовать мнѣ: Полтавской губерніи въ городъ Гадячъ.

«Прощайте, добрѣйшій Осипъ Ивановичъ, не забывайте меня; ваши письма, какъ ни рѣдки они, живятъ мой духъ, ободряютъ его, а мнѣ, право, очень нужно ободреніе. Прощайте.

«Съ истиннымъ почтеніемъ и съ глубочайшею преданностью остаюсь вашей покорной слугой,

«Елена Ганъ».

«Гадячъ, 5-го октября 1839 года.

«Вотъ третье или четвертое письмо, чтó я пишу вамъ изъ разныхъ мѣстъ, почтеннѣйшій Осипъ Ивановичъ; все лѣто путешествовала, словно ревизская душа, по свѣту и на силу добралась до зимнихъ постоянныхъ квартиръ. Я уже писала вамъ о перемѣнѣ нашихъ квартиръ, не знаю, дошло ли письмо мое до васъ, и потому еще разъ увѣдомляю, что мы стоимъ въ Полтавской губерніи, въ городѣ Гадячѣ.

«Правда ли, что Аделаида Александровна провела лѣто въ Ревелѣ? А вы—прикованный узникъ къ Петербургу? Не весела моя блуждающая доля, но не желала бы я заточиться и въ вашихъ сѣверныхъ, ледяныхъ стѣнахъ. Не много въ нихъ поэзіи, хоть много блеску. У насъ еще такіе жары, какъ въ іюлѣ, погода прекрасная, я цѣлый день брожу въ окрестныхъ лѣсахъ. Теперь мы еще на тѣсныхъ квартирахъ, но скоро надѣюсь перейдти въ домъ, гдѣ буду имѣть свой уголокъ; оттуда вышлю вамъ повѣсть, которая давно уже готова, но которую я не имѣла ни времени, ни возможности переписать начисто. Въ эту зиму надѣюсь болѣе произвесть, нежели въ прошедшую; здоровье мое поправилось,

времени свободнаго имѣю болѣе, потому что заботы о дѣтяхъ хоть отчасти поручила англичанкѣ, которую взяла къ себѣ въ Одессѣ.

«Не могу не похвалиться однимъ передъ вами; это не будетъ самохвальствомъ, потому что вы толкнули меня на этотъ путь изъ моего невѣжества. Я учусь вмѣстѣ съ дѣтьми моими поанглійски, и уже сдѣлала небольшіе успѣхи; поздравьте меня.

«Дождусь ли хоть здѣсь отъ васъ маленькой записки, каково ваше здоровье, ваши намѣренія на слѣдующій годъ? Теперь не скоро попаду я въ Петербургъ, не скоро увижусь съ вами, не забывайте же хоть издали меня, хоть разъ въ годъ утѣшайте извѣстіями обо всемъ, что̀ до васъ касается.

«Прощайте, мое нижайшее почтеніе Аделаидѣ Александровнѣ. Вѣрьте истинной преданности вашей покорнѣйшей слуги Елены Ганъ.

«P.S. Я боюсь очень, не писали ль вы мнѣ въ Болховъ и не выслалъ ли мнѣ Смирдинъ своего долга туда же за «Медальонъ», не гуляютъ ли ваши письма по бѣлому свѣту, ища меня? Жду съ нетерпѣніемъ вашего отвѣта».

Нижеприводимое письмо Е. А. Ганъ не лишено значенія для ея біографіи. Изъ него мы видимъ, что она переслала Сенковскому повѣсть, въ которой представила весь свой внутренній міръ. Здѣсь въ первый разъ она осмѣлилась просить О. И. не передѣлывать ея Зинаиды ни въ какомъ случаѣ, или бросить повѣсть въ каминъ, если О. И. не придаетъ ей значенія. Она не называетъ своей повѣсти, но нѣтъ сомнѣнія, что Сенковскій назвалъ ее «Судъ свѣта» и напечаталъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» (томъ XXXVIII), одобривъ трудъ Е. А. Ганъ и исполнивъ ея желаніе.

Затѣмъ изъ этого письма мы узнаемъ еще, что, такъ какъ мужъ Е. А. рѣшился оставить военную службу, то ей хотѣлось бы поселиться со всѣмъ своимъ семействомъ въ Петербургѣ и тутъ заняться литературой. Она проситъ Сенковскаго, не можетъ ли онъ отдать въ полное ея распоряженіе отдѣлъ переводовъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» съ четырехъ языковъ, и при этомъ случаѣ разсказываетъ, чѣмъ она ему обязана.

Это желаніе Е. А. Ганъ не осуществилось, потому что она не переселилась въ Петербургъ.

«Гадячъ, 14-го ноября 1839 года.

«Жду и не дождусь отъ васъ ни одной строчки, почтеннѣйшій Осипъ Ивановичъ, но, зная ваши многочисленныя занятія, не смѣю роптать, все еще надѣюсь на слѣдующую почту, хотя много ихъ пришло, не принося мнѣ желанной вѣсточки. Посылаю вамъ повѣсть, о которой писала еще въ началѣ нынѣшней весны; она

давно лежитъ у меня, но, признаюсь, даже теперь нехотя издаю ее въ свѣтъ. Вы поймете меня, когда я скажу, что это первая повѣсть, которую я болѣе писала сердцемъ, нежели воображеніемъ. У всякаго человѣка, который жилъ не однимъ матеріальнымъ, положительнымъ существованіемъ, а еще болѣе у женщины, обращающейся въ тѣсномъ кругу своего внутренняго бытія, есть свои завѣтныя думы, вѣрованія, свой маленькій міръ отдѣльныхъ отъ свѣта чувствъ и помышленій. Этотъ міръ занимаетъ еще обширнѣйшее мѣсто въ моей жизни то скитальческой, то глубоко уединенной, то изрѣдка на минуту вталкиваемой въ круги многолюдныхъ обществъ. Въ этой повѣсти заключается плодъ всего, что я перемыслила и перечувствовала съ тѣхъ поръ, какъ начала мыслить и чувствовать. Не имѣю претензій на философическіе взгляды, я болѣе довѣряю сердцу своему, нежели головѣ, и въ этой повѣсти имъ однимъ руководствовалась. Вотъ почему она мнѣ такъ дорога. Не нравится вамъ что въ ней,—отложите ее, бросьте ее въ каминъ, но не заставляйте мою Зинаиду быть иной, нежели какой создало ее мое воображеніе. Смѣйтесь, но мнѣ больно будетъ видѣть ее переиначенною. Теперь приступаю къ главному предмету моего письма.

«Я обращаюсь ко времени пребыванія моего въ Петербургѣ и, основываясь на вашихъ собственныхъ словахъ, осмѣливаюсь просить не оставить безъ вниманія и отвѣта моихъ строкъ. Помните ли, когда, осчастлививъ меня вашей дружбой, предрекая мнѣ такъ много лестнаго въ будущемъ, вы уговаривали меня поселиться въ Петербургѣ, увѣряя, что я могу литературными занятіями обезпечить семейство мое отъ бѣдности? Тогда я была еще слишкомъ слаба, не увѣрена въ силахъ своихъ, а, главное, тогда мнѣ предоставлялся спокойнѣйшій образъ жизни, мой мужъ былъ назначенъ командиромъ артиллерійской батареи, и я побоялась отвлечь его отъ вѣрнаго для невѣрныхъ трудовъ моихъ.

«Теперь, по непріятностямъ съ начальниками, онъ не можетъ продолжать службу въ арміи и рѣшился искать мѣсто въ Петербургѣ. Но въ его чинѣ одно жалованье недостаточно для содержанія нашего. Я никогда отъ васъ не скрывала, что мы ничего не имѣемъ, ничего, въ самомъ буквальномъ смыслѣ этого слова. Скажите жъ, могу ли я теперь воспользоваться вашимъ тогдашнимъ предложеніемъ?

«Знаю, что четыре, пять повѣстей моихъ были бы достаточны для удовольствованія нашихъ нуждъ. Но не всегда можно приневолить себя работать воображеніемъ, и потому осмѣливаюсь просить работы болѣе машинальной,—переводовъ. Я могу переводить съ французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго; и если вы утвердите меня въ этомъ намѣреніи, то смѣло могу обѣщать, что черезъ полгода въ состояніи буду переводить и съ англійскаго, потому что я

давно уже учусь этому языку отъ живущей у меня англичанки. Терпѣніе мое испытано, добрая воля сильна и велика, только рѣшите, можете ли вы ввѣрить мнѣ переводную часть «Библіотеки для Чтенія», или чего вамъ угодно, и обезпечитъ ли это мое семейство, съ прибавленіемъ къ тому двухъ или трехъ повѣстей въ годъ.

«Такъ какъ мужъ мой не можетъ увольниться отъ службы прежде будущаго августа мѣсяца, то и я не могу ранѣе пріѣхать въ Петербургъ.

«Въ это время еще займусь языками, и увѣряю васъ, что не беру на себя болѣе, нежели позволяютъ силы мои. Вы сами ободрили меня, сказавъ въ вашемъ письмѣ, что я сдѣлала большой шагъ впередъ въ литературѣ. На что же не станетъ силъ моихъ, когда я буду знать, что отъ меня зависитъ воспитаніе, участь дѣтей моихъ, ихъ настоящее спокойствіе и будущее благосостояніе? Впрочемъ, я не смѣю просить васъ, не хочу, чтобы вы чѣмъ нибудь противъ меня обязывались заранѣе. Я пріѣду въ Петербургъ, вы испытаете мои знанія и умѣніе, тогда рѣшите, заслуживаю ли я вашу довѣренность.

«Простите моей смѣлости, если я попрошу васъ о скорѣйшемъ отвѣтѣ, намъ необходимо знать заблаговременно, куда дѣнемся мы послѣ перемѣны службы моего мужа. Вы первый пробудили во мнѣ мысль вступить на литературное поприще, первый протянули мнѣ руку и ввели въ него, — отнимете ли у меня эту опору теперь, когда она наиболѣе нужна мнѣ?

«Жду вашего рѣшенія. Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе Аделаидѣ Александровнѣ и принять увѣреніе въ истинномъ почтеніи и совершенной преданности

«Вашей покорнѣйшей на услуги Елены Ганъ».

Весьма интересно было бы знать, чтò отвѣтилъ О. И. Сенковскій Е. А. Ганъ на это письмо? Но по всему надо судить, что отвѣтъ его былъ уклончивъ, такъ какъ семейство Ганъ отправилось не въ Петербургъ, а въ Саратовъ, къ роднымъ Елены Андреевны. Почти до половины марта слѣдующаго года (1840) Е. А. не писала къ Сенковскому, или, по крайней мѣрѣ, не сохранилось за это время ея писемъ. 12-го же марта 1840 года, она опять писала Сенковскому слѣдующее:

«Саратовъ, 12-го марта 1840 года.

«Видно, судьбою опредѣлено мнѣ, почтеннѣйшій Осипъ Ивановичъ, писать вамъ что письмо, то изъ инаго мѣста. Въ прошедшее лѣто я четыре раза писала вамъ, и все изъ разныхъ сторонъ; теперь пишу изъ пятой, въ которой полагаю остаться надолго.

«Мои родители переѣхали жить въ Саратовъ, и меня вызвали къ себѣ; впродолженіе полутора года не видавшись съ ними, я

перенесла столько болѣзней и невзгодъ въ нашей кочующей жизни, что успокоеніе мнѣ было необходимо; здѣсь я пробуду безвыѣздно до зимы, а, можетъ быть, и до весны 1841 года, и такъ какъ жизнь моя здѣсь спокойнѣе, помѣщеніе выгоднѣе, то и занятія будутъ многочисленнѣе: въ нынѣшнемъ году я надѣюсь доставить вамъ четыре повѣсти; одна у меня уже переписывается нà-бѣло, другая оканчивается, двѣ остальныя тоже почти готовы.

«Но я прибѣгаю къ вамъ, почтеннѣйшій Осипъ Ивановичъ, съ просьбою растормошить Смирдина, чтобъ онъ былъ акуратнѣе въ высылкѣ мнѣ денегъ; вы знаете мое состояніе, въ нынѣшнемъ году оно въ особенности разстроено; я не изъ тѣхъ счастливыхъ талантовъ, которые садятся съ перомъ въ рукахъ и творятъ повѣсти словно духомъ волшебнымъ,—мои мнѣ не легко достаются; порою голова такъ тяжела, на душѣ такъ черно, что отъ свѣта подъ ѳемлю забѣжать готова, но мнѣ нужны деньги, и я пишу. Авторство мнѣ въ высшей степени опротивѣло, вхожу въ кабинетъ свой какъ въ каторжное подземелье, но воспитанье, а съ нимъ и все будущее дѣтей моихъ, зависятъ отъ меня, и я тружусь, пишу, переписываю; вы вывели меня на этотъ путь, и я теперь, какъ и всю жизнь мою, считаю и буду считать себя вашей должницей; безъ этихъ слабыхъ пособій моего авторства, еще хуже было бы мнѣ жить на свѣтѣ,—простите же моей просьбѣ, не причтите её нахальству; не тѣсни меня нужда, я бы слова не вымолвила о деньгахъ; теперь прошу васъ, если еще не выслана мнѣ въ Гадячъ сумма, слѣдующая за двѣ повѣсти, гдѣ я поручила моему мужу принять ее, вышлите мнѣ сюда, въ Саратовъ, хоть въ апрѣлѣ, все что мнѣ слѣдуетъ сполна; вѣдь въ маѣ годъ, какъ «Медальонъ» былъ напечатанъ.

«Еще разъ прошу простить меня, и вѣрить, что только крайняя нужда понудила меня къ этой просьбѣ, но если бы вы знали, сколько подобныхъ требованій мучатъ меня со всѣхъ сторонъ, вы бы не только извинили, но пожалѣли бы меня.

«Мое глубочайшее почтеніе Аделаидѣ Александровнѣ; каково ея здоровье? Какъ провели вы зиму? Я на самыя святки лежала въ горячкѣ, и вообразите, каково было мое житье въ несчастномъ городкѣ, гдѣ мы занимали лучшій домъ, что въ то же время, когда я была въ жару, въ безпамятствѣ, подушки мои примерзали къ мокрымъ стѣнамъ.

«Душевно благодарю васъ за одобрительныя похвалы моему «Суду свѣта»; не многіе поймутъ его, еще менѣе кто оцѣнитъ, но за равнодушіе цѣлаго міра меня наградитъ ваше сочувствіе; сказки ума, вымыслы воображенія понятны самымъ мелочнымъ умишкамъ—вотъ почему успѣхи моихъ первыхъ повѣстей мнѣ мало льстили, но только душею можно постигнуть голосъ души; сколько я вижу, люди съ душою очень, очень рѣдки; судите жъ,

какъ отрадно мнѣ было узнать ваше одобрительное мнѣніе. Прощайте, добрѣйшій Осипъ Ивановичъ. Вѣрьте истинной преданности вашей покорнѣйшей къ услугамъ

«Елены Ганъ».

«2-го октября 1840 года.

«Тысячу разъ прошу простить меня, что я такъ замедлила прислать вамъ обѣщанную повѣсть [1]), хотѣла еще разъ пересмотрѣть ее, и такъ какъ не я переписывала, а дѣвушка, живущая у меня и плохо знающая русскую орѳографію, то я нашла столько ошибокъ, что принуждена была переписать вторично; къ тому жъ и здоровье мое такъ плохо, что я не въ состояніи долго сидѣть склонившись. Теперь посылаю, кажется, еще не поздно для января.

«И послѣ этой повѣсти надолго замолчу; я полагала, что, запрещая мнѣ такъ строго всѣ умственныя занятія, мой докторъ шарлатанитъ, но вижу на дѣлѣ справедливость его словъ: грудь моя сильно поражена, что для сохраненія жизни я должна жить подобно устрицѣ,—исполняю какъ могу; будутъ ли успѣшны мои старанія?

«Можетъ быть, весной немного оправлюсь, тогда съ первой возможностью, конечно, примусь за перо; этимъ только я и могу быть полезною моему семейству. При случаѣ, напоминайте обо мнѣ Смирдину, ваши слова вѣрно будутъ имѣть передъ нимъ болѣе вѣсу, чѣмъ всѣ настаиванія моего брата; неужели его обстоятельства до такой степени разстроены, что уплата 2,500 руб. сереб. можетъ такъ долго затруднять его?

«Мое нижайшее почтеніе Аделаидѣ Александровнѣ; зная слабость ея здоровья, я не смѣю затруднять ее отдѣльными письмами, какъ ни пріятно было бы мнѣ получать хоть изрѣдка нѣсколько строкъ ея руки; тѣмъ болѣе, что моя неизмѣнная петербургская корреспондентка, Наталья Кузовлева, уѣхала надолго въ Голландію, а отъ нея я только и знала объ васъ.

«Не устрашитъ ли васъ повѣсть моя своею огромностью? Мнѣ совѣтовали издать ее отдѣльно, да теперь нѣтъ охоты и думать о томъ.

«Прощайте, желаю вамъ здоровья и много успѣховъ вашей новой «Библіотекѣ».

«Вамъ истинно преданная Елена Ганъ.

«Мой адресъ попрежнему—въ Саратовъ. Я пробуду здѣсь до весны».

Письмо это показываетъ, что дѣла «Биб. для Чт.» уже въ 1840 году были неблистательны, если Смирдинъ не могъ акуратно расплачиваться съ сотрудниками журнала... Одной Ганъ приходилось

[1]) Это была «Теофанія Аббіаджіо», напечатанная въ «Библ. для Чт.», 1841, XLIX.

заплатить 2,500 руб. сер. Вѣдь это очень значительная сумма, и бѣдная писательница, только по своимъ отношеніямъ къ Сенковскому, могла такъ долго терпѣть, пока заплатятъ слѣдующій ей гонораръ. Сенковскій, видя, что суммы, получаемыя изъ подписки на «Биб. для Чт.», идутъ не на журналъ, а на бездонное книжное дѣло, въ которомъ бѣдный Смирдинъ окончательно запутался, рѣшилъ покончить со Смирдинымъ и самъ уплатилъ его долгъ Е. А. Ганъ, какъ это видно изъ слѣдующаго письма ея. Мы должны замѣтить также, что повѣсть «Теофанія Аббіаджіо» была послѣднимъ трудомъ ея, напечатаннымъ въ «Биб. для Чт.». Послѣднее письмо Е. А. Ганъ къ Сенковскому показываетъ, что между нимъ и Ганъ произошло какое-то недоразумѣніе и охлажденіе ея къ барону Брамбеусу. Конечно, все сдѣлала сплетня; многимъ желательно было ихъ поссорить, такъ какъ она не обращала никакого вниманія на предложеніе Краевскаго, сдѣланное ей въ самомъ началѣ 1839 года, когда онъ сталъ издавать «Отечест. Записки». Теперь, какъ видно, г-жа Кузовлева, уѣзжая надолго въ Голландію, рѣшила порвать окончательно отношенія Ганъ къ Сенковскому, передавъ первой, что Сенковскій однажды двусмысленно выразился о Еленѣ Андреевнѣ. Сплетня сдѣлала свое дѣло, и Ганъ обѣщала Краевскому свое сотрудничество, но оно продолжалось всего полтора года, такъ какъ поспѣшная и добросовѣстная работа быстро разстроила здоровье Ганъ и свела ее въ могилу...

Зная Сенковскаго близко, я долженъ сказать по совѣсти, что онъ былъ неспособенъ дурно отозваться о женщинѣ, а тѣмъ болѣе о такой женщинѣ, какою была Е. А., жившая только для своихъ дѣтей.

«Саратовъ, 18-го ноября 1840 года.

«Тысячу разъ благодарю васъ за вниманіе къ моей просьбѣ и за ея скорое исполненіе. Если бы вы могли знать, изъ какихъ хлопотъ вы вывели меня, то сами, навѣрное, порадовались бы. Очень рада, что мое самоотверженіе вамъ нравится; если эта повѣсть прошла благополучно черезъ вашу цензуру, то и я начинаю признавать въ себѣ маленькій талантъ, потому что писала ее въ самомъ тревожномъ расположеніи духа, когда всѣ мысли мои были за тридевять земель отъ повѣсти, и въ добавокъ, съ одной стороны, подлѣ меня дѣти твердили уроки свои, съ другой—въ ближней комнатѣ происходило ученье солдатъ, со всѣми его принадлежностями,—не знаю, изъ всѣхъ писавшихъ донынѣ женщинъ находилась ли хоть одна въ подобномъ положеніи? Еще разъ благодарю васъ за ваше участіе въ моемъ дѣлѣ съ Смирдинымъ,—сейчасъ получила увѣдомленіе о томъ отъ брата, — онъ писалъ вамъ, я его за это браню; простите ему его неумѣстное рвеніе, онъ знаетъ, каково было мое положеніе въ эти два года. Теперь какъ вы приняли на себя долгъ Смирдина, то я заклинаю васъ не торопиться,—когда и

какъ можно будетъ, эти деньги я васъ прошу передать брату, у меня съ нимъ большіе счеты, и я ему много должна,—съ остальными, онъ давно имѣетъ инструкцію, какъ распорядиться. Если бы вы знали, какъ часто мучитъ меня мысль, что вы можете винить меня въ корыстолюбіи, клянусь дѣтьми моими, этого чувства не было и нѣтъ въ моей душѣ; мнѣ такъ дорого ваше мнѣніе, что я рѣшусь наконецъ сказать вамъ горькую истину, которой даже родители мои не совсѣмъ знаютъ: дѣла моего мужа до того запутаны, онъ такъ тѣснимъ долгами, что не можетъ ничего, совершенно ничего, доставлять ни мнѣ, ни дѣтямъ. Ихъ воспитанье, содержанье, все я приняла на себя. Правда, скоро годъ, какъ я живу у моихъ родителей, но у нихъ и безъ меня еще трое дѣтей, къ тому жъ мой отецъ также живетъ однимъ жалованьемъ. Съ весной возвращусь въ свою лачугу мыкать горе; здоровье мое немного лучше, но врядъ ли когда оно исправится совершенно. Вотъ и теперь, между моимъ послѣднимъ письмомъ къ вамъ и этимъ у меня было воспаленіе въ груди и опять показалась кровь горломъ; теперь прошло—надолго ли?

«Если пошло на сознанія, то исповѣдуюсь вамъ еще въ одномъ. Вы укоряете меня въ холодности и сухости моихъ писемъ. Ваше постоянно дружеское расположеніе заставляетъ меня вѣрить, что одно непріятное убѣжденіе мое противъ васъ было недоразумѣніемъ,—не могу сказать выдумкой, потому что ваши слова были переданы мнѣ особой, очень правдивой. Она теперь за моремъ, и это обстоятельство развязываетъ языкъ мой: однажды въ ея присутствіи вы отозвались обо мнѣ, и подобнаго отзыва отъ васъ, знающаго людей и свѣтъ, я никогда не ожидала. Это было такъ давно, что, вѣроятно, все вышло изъ вашей памяти, да, по несчастью, глубоко заронилось въ мою. Знаю, что съ тѣхъ поръ какъ мое несчастное авторство поставило меня напоказъ обществу, во всѣхъ краяхъ Россіи находятся благопріятели, называющіе себя моими друзьями. Не далѣе какъ полтора года тому назадъ, въ Одессѣ я встрѣтилась у моихъ знакомыхъ съ однимъ прекраснымъ юношей, котораго отъ роду не видала въ глаза; онъ говорилъ со мною часа два, какъ съ особой, незнакомой ему, и когда я уѣхала, онъ спросилъ у хозяйки дома: кто я такова? А за полъ-часа до моего пріѣзда разсказывалъ, что былъ очень друженъ съ Зинаидою Р..... на Кавказѣ и находится съ ней въ постоянной перепискѣ. Подобные случаи могутъ служить канвой водевилю, и теперь уже нисколько не огорчаютъ меня; пусть тѣшатся мои самозванцы друзья, клепля на меня разную небывальщину, если по недостатку собственныхъ достоинствъ, они полагаютъ, что связь съ Зинаидой Р... можетъ возвысить ихъ въ глазахъ общества, но если вѣрятъ тому, и еще болѣе повторяютъ эти басни люди, которыхъ я называю друзьями моими,—о, это больно!

«Теперь вы знаете причину моего неудовольствія,—если оно несправедливо, простите, такъ какъ я прощаю, если то, въ чемъ обвиняю васъ, не выдумка, и предадимъ это маленькое обстоятельство забвенію.

«Надняхъ я окончу небольшую повѣсть,—первую, въ которой всѣ страсти покоятся сномъ непробуднымъ. Это было условіе, на которомъ докторъ позволилъ мнѣ писать. Какъ только окончу, пришлю ее вамъ, можетъ быть, и пригодится для одного изъ вашихъ журналовъ. Мое почтеніе Аделаидѣ Александровнѣ; мои родные и сестра свидѣтельствуютъ вамъ свое глубочайшее почтеніе.

«Прощайте, желаю вамъ совершеннаго здоровья, это я чувствую теперь—лучшее благо въ жизни.

«Вамъ истинно преданная Елена Ганъ».

Это было послѣднее письмо Ганъ, которое мнѣ удалось спасти отъ забвенія. Въ какихъ отношеніяхъ дальше находилась Е. А. съ Сенковскимъ, продолжала ли она съ нимъ переписку,—неизвѣстно. Но и этихъ двѣнадцати писемъ достаточно, чтобы вполнѣ уяснить себѣ ея положеніе и ту борьбу, которую ей приходилось выносить въ это время.

Повѣсть, о которой она здѣсь пишетъ, была уже предназначена для другаго журнала, и именно для «Отечественныхъ Записокъ», въ которыхъ она явилась въ 1842 году, въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: «Напрасный даръ», а вслѣдъ за нею въ концѣ 1842 года, когда Е. А. Ганъ уже не было на свѣтѣ, въ томъ же журналѣ былъ напечатанъ ея романъ «Любонька».

Въ заключеніе нельзя не остановиться на печальномъ обстоятельствѣ, что, большею частью, всѣ наши связи и дружескія отношенія кончаются грубой прозой, въ которой клевета и недоразумѣніе разрушаютъ самыя священныя, самыя глубокія чувства...

Желательно было бы, чтобы многочисленныя письма барона Брамбеуса, писанныя втеченіе цѣлыхъ шести лѣтъ къ Е. А. Ганъ, увидали, наконецъ, свѣтъ Божій. Нельзя думать, чтобы Ганъ, такъ высоко ставившая барона Брамбеуса, рѣшилась уничтожить эти драгоцѣнныя воспоминанія. Жаль, если они пропали, тѣмъ болѣе, что ни въ какомъ случаѣ въ нихъ не могло быть ничего предосудительнаго или компрометирующаго ея семейство, потому что если Е. А. Ганъ называли въ свое время русской Жоржъ Зандъ, то между французской и русской Зандъ была та разница, что русская признавала святость брака...

Въ концѣ февраля 1841 года, передъ появленіемъ первой повѣсти Ганъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», почти за полтора года до ея смерти, Сенковскій, разбирая въ мартовской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» альманахъ на 1841 годъ В. Владиславлева «Утренняя звѣзда», говоритъ: «Странное обстоятельство,—случай,

который не многіе, можетъ быть, примѣчаютъ,—истина, противъ которой нѣтъ и возраженія, что въ эту минуту въ нашей изящной словесности два самые примѣчательные писателя, два лучшія пера, два удивительнѣйшіе и истинно мужественные таланта, первый поэтъ и первый прозаикъ—это двѣ молодыя женщины [1]). Кто изъ васъ, господа, которые пишете такъ изящно, на славу,—кто теперь осмѣлится сравнить свои стихи со стихами автора «Мщенія женщины», свою прозу съ свѣтлою, блестящей, чудесною прозою автора «Утбаллы», «Медальона» и особенно «Теофаніи Аббіаджіо», этой очаровательной повѣсти, которой уже давно не читали на Руси ничего подобнаго. Вотъ настоящая повѣсть! Вотъ гдѣ истинное художество слова! какой слогъ! какой колоритъ! какое сильное, страстное чувство! какое богатое воображеніе! французы не стыдятся говорить откровенно, что лучшій ихъ прозаикъ нынѣ—маркиза d'Udevant, урожденная Dupin и прославившаяся подъ именемъ Жоржа Занда, имѣя между тѣмъ образцоваго прозаика, первокласснаго стилиста, въ лицѣ Альфреда де-Мюссе, и множество прекрасныхъ дарованій въ изящной прозѣ: почему же намъ, русскимъ, стыдно было бы сказать себѣ чистую правду, что лучшій нашъ прозаикъ въ настоящее время—Зинаида Р..., иначе Елена Андреевна Ганъ, урожденная Ѳаддѣева? И это можно сказать тѣмъ съ большею гордостью, что во многихъ литературныхъ отношеніяхъ Зинаида Р... должна быть поставлена критикой несравненно выше Жоржа Занда: талантъ созданія, искусство сильной занимательности, умѣнье дѣйствовать на читателя, у нихъ, быть можетъ, равны; горькій сарказмъ, глубокое и краснорѣчивое огорченіе, общее имъ обоимъ; но русская писательница далеко превосходитъ прославленную француженку нравственною чистотою чувства и воображенія, не говоря уже о первѣйшемъ достоинствѣ всего, что̀ хочетъ называться словесностью,—слогѣ. У Жоржа Занда нѣтъ слога, нѣтъ никакого, ни хорошаго, ни дурнаго: она пишетъ, какъ ни попало, тогда какъ Зинаида Р... надѣлена удивительнымъ инстинктомъ изящнаго въ языкѣ; живо чувствуешь художественное, прекрасное въ рисункѣ и группировкѣ фразъ; она обладаетъ богатѣйшимъ колоритомъ и пишетъ какъ настоящій поэтъ, обмакивая золотое перо въ радугу. Зинаида Р...—поэтъ въ прозѣ».

И послѣ такого отзыва повѣсть Ганъ является въ журналѣ, непріязненномъ О. И. Сенковскому. Какое странное стеченіе обстоятельствъ!..

А. В. Старчевскій.

---

[1]) Т. е. графиня Ев. П. Ростопчина и Е. Андр. Ганъ.

ПОЛУБАРСКІЯ ЗАТѢИ.

Въ НАЧАЛѢ нынѣшняго и въ концѣ прошлаго столѣтія, въ нашемъ дворянскомъ быту театръ и музыка получили широкое развитіе; наши баре тогда сосредоточили особенное вниманіе на сценическихъ представленіяхъ; и не было ни одного богатаго помѣщичьяго дома, гдѣ бы не гремѣли оркестры, не пѣли хоры и гдѣ бы не возвышались театральные подмостки, на которыхъ и приносили посильныя жертвы богинямъ искусства доморощенные артисты. Эти затѣи баръ, какъ ни были онѣ иногда смѣшны и неудачны, но, всетаки, развивали въ крѣпостныхъ людяхъ, обреченныхъ коснѣть въ невѣжествѣ, грамотность и понятія о изящномъ. Многіе изъ крѣпостныхъ актеровъ впослѣдствіи сдѣлались украшеніемъ отечественной сцены.

Въ Екатерининское время «собственными актерами» славилась большая труппа графа П. Б. Шереметьева. У него существовало три театра—одинъ въ Москвѣ и два въ подмосковныхъ селахъ: въ Кусковѣ и Останкинѣ. Въ первомъ селѣ была еще устроена воздушная сцена изъ липовыхъ шпалеръ съ большимъ амфитеатромъ. Здѣсь, по большей части, давали балеты и оперы; у графа былъ свой крѣпостной авторъ и переводчикъ піесъ Василій Вроблевскій [1]); на обязанности послѣдняго лежало также поставлять разныя торжественныя эклоги, пасторали и т. д.

Въ 1787 году, во время пріѣзда Екатерины въ Кусково, графъ по поводу этого случая далъ на своемъ театрѣ оперу съ балетомъ

---

[1]) См. «Краткое описаніе села Спасскаго, Кусково тожъ», Москва, 1787 г.

«Самнитскіе браки». Государыня такъ осталась довольна игрою актеровъ и актрисъ, что приказала ихъ представить себѣ и «пожаловала къ рукѣ» [1]). Сегюръ, бывшій на этомъ спектаклѣ, говоритъ, что балетъ удивилъ его не только богатствомъ костюмовъ, но и искусствомъ танцовщиковъ и танцовщицъ. Наиболѣе ему показалось страннымъ, что стихотворецъ и музыкантъ, авторъ оперы, какъ и архитекторъ, построившій театръ, живописецъ, написавшій декораціи, такъ и актеры и актрисы, — всѣ принадлежали графу и были его крѣпостные люди.

Спектакли у Шереметьева бывали по четвергамъ и воскресеньямъ [2]), сюда стекалась вся Москва. Херасковъ иначе не называлъ Кускова, какъ «новыми Аѳинами»; входъ для всѣхъ былъ безплатный.

Въ виду этого обстоятельства, тогдашній содержатель московскаго частнаго театра Медоксъ [3]) обратился съ жалобой къ князю А. А. Прозоровскому на графа, въ которой говорилъ, что онъ платитъ условленную часть своихъ доходовъ воспитательному дому, а графъ отбиваетъ у него зрителей. На эту жалобу вотъ что отвѣтилъ Прозоровскій: «Фасадъ вашего театра дуренъ, нигдѣ нѣтъ въ немъ архитектурныхъ пропорцій; онъ представляетъ скорѣе груду кирпича, чѣмъ зданіе. Онъ глухъ, потому что безъ потолка, и весь слухъ уходитъ подъ кровлю. Въ сырую погоду и зимой въ немъ бываетъ течь, сквозь худую кровлю вездѣ вѣтеръ ходитъ, и даже окна не замазаны; вездѣ пыль и нечистота. Онъ построенъ не по данному и высочайше конфирмованному плану. Внизу нѣтъ сводовъ, нѣтъ опредѣленныхъ входовъ, въ большую залу одинъ входъ и выходъ, въ верхній этажъ ложъ одна деревянная лѣстница; вверху нѣтъ бассейна, отчего можетъ быть большая опасность въ случаѣ пожара. Кругомъ театра, вмѣсто положенной для разъѣзда улицы, деревянное мелочное строеніе. Внутреннее убранство театра весьма посредственно. Декораціи и гардеробъ худы. Зала для концертовъ построена дурно: въ ней нѣтъ резонанса, зимой ея не топятъ, оттого всѣ сидятъ въ шубахъ; когда же топятъ, — угарно. Актеровъ хорошихъ только и есть, что два или три старыхъ [4]); нѣтъ ни пѣвца, ни пѣвицы хорошихъ, ни посредственно танцующихъ, ни знающихъ музыку. Повѣрить нельзя, что у васъ капельмейстеръ глухой и балетмейстеръ хромой. Изъ вашей школы не вышло ни одного пѣвца, ни актера, ни актрисы порядочныхъ. Въ выборѣ піесъ вы неудачны» и т. д.

[1]) См. «Ведемейеръ: «Дворъ и замѣчательн. люди», стр. 45.

[2]) Спектакли у Шереметьева окончились въ годъ его смерти, въ 1788 году.

[3]) Михаилъ Егор. Медоксъ, родомъ англичанинъ, былъ извѣстенъ въ свое время въ Москвѣ каждому. Ходилъ вѣчно въ красномъ плащѣ. Народъ его за это звалъ кардиналомъ.

[4]) Эти старые актеры были: Померанцевъ, Плавильщиковъ, Шушеринъ, Сандуновъ; актрисы: Сандунова, Синявская, Калиграфова.

Медоксъ позднѣе выстроилъ въ Москвѣ новый каменный театръ «Петровскій»; архитекторомъ былъ у него Розбергъ; открытъ онъ былъ діалогомъ Аблесимова «Странники»; кресла въ немъ стоили по два рубля, а партеръ внизу за креслами 1 рубль мѣдью. Медоксъ этимъ театромъ не удовольствовался, вскорѣ онъ пріобрѣлъ на Таганкѣ у коллежскаго ассесора Яковлева домъ, гдѣ устроилъ «вокзалъ». Для открытія вокзала В. И. Майковъ сочинилъ оперетту: «Аркасъ и Ириса», музыка Керцелли. Здѣсь потомъ представляли другія оперетты: «Бочаръ» [1]), «Два охотника»; въ послѣднѣй главную роль игралъ медвѣдь, затѣмъ здѣсь же имѣло большой успѣхъ «Несчастіе отъ кареты». Вокзалъ Медокса привлекалъ множество публики — до 5,000 человѣкъ, входная плата была рубль мѣдью, а съ ужиномъ 5 рублей. На вокзальномъ театрѣ играли молодые артисты небольшія піесы. Это былъ школьный театръ. Садъ по программѣ увеселеній напоминалъ нынѣшній садъ Аркадіи и Ливадіи. Здѣсь вскружилъ голову московскимъ барынямъ молодой шведскій плѣнный адмиралъ Розенштейнъ [2]). Въ то время была сложена пѣсня, въ которой говорилось, что матушки и дочки бросились за нарядами на Кузнецкій мостъ, «какъ сказали, что въ вокзалѣ будетъ шведскій адмиралъ».

Декораціи прежнихъ московскихъ публичныхъ театровъ почти всѣ были на домашній ладъ; многія изъ нихъ писывалъ, какъ тогда говорили, «Ефремъ, россійскихъ странъ маляръ». Механическая часть московскаго театра шла также въ такомъ видѣ; въ костюмахъ крѣпостныхъ актеровъ играли первыя роли: китайка, коломянка и крашенина. Только актеры-аристократы, такіе, какъ Плавильщиковъ, Померанцевъ, Шушеринъ, имѣли свой гардеробъ. На Украсова, какъ на записнаго щеголя, работалъ лучшій изъ московскихъ портныхъ — Робергъ. Что же касается до мѣстъ въ театрѣ, то они оставались на полной отвѣтственности годовыхъ абонентовъ; послѣдніе были обязаны ложи оклеивать на свой счетъ обоями, освѣщать и убирать, какъ хотѣли. Каждая ложа имѣла свой замокъ, и ключъ хранился у хозяина ложи. Для театраловъ ставились подлѣ оркестра табуреты, гдѣ единственно и садились присяжные посѣтители театровъ. Разсказывали, что Дидеро въ быт-

---

[1]) Эта одноактная оперетта была переведена студентомъ Ѳедор. Геншемъ (напечатана въ типографіи Н. П. Новикова въ 1784 г). Это была идиллическая арлекинада въ лицахъ. Игралъ «Бочара» актеръ Ожогинъ, тогдашняя необходимость московскаго райка. Ожогинъ былъ актеръ высокаго роста, съ очень комическою физіономіей, въ родѣ покойнаго Живокини, голосъ у него былъ густой басъ, довольно впрочемъ сиповатый. При всякомъ выходѣ Ожогина, театръ помиралъ со смѣху. Ожогинъ былъ превосходенъ въ «Мельникѣ» Аблесимова; и этотъ же мельникъ-Ожогинъ являлся въ «Корадо де Герера», въ оперѣ «Рѣдкая вещь», въ «Бочарѣ Мартынѣ» и т. д.

[2]) Розенштейнъ взятъ въ плѣнъ въ 1789 году, 13-го августа, въ битвѣ между островами: Аспо, Легмою и Леллеромъ.

ность въ Петербургѣ всегда сидѣлъ въ театрѣ зажмурясь. «Я хочу,—говорилъ онъ,—слиться душою съ душами дѣйствующихъ лицъ, а для этого мнѣ глаза не нужны; на нихъ дѣйствуетъ міръ вещественный, а для меня театръ—міръ отвлеченный!»

Въ ряду театровъ вельможъ Екатерининскаго времени, отличался своею царскою роскошью при постановкѣ піесъ театръ графа С. П. Ягужинскаго; у него въ числѣ крѣпостныхъ актеровъ былъ Мих. Матинскій, личность крайне талантливая, съ глубокими познаніями въ наукахъ; онъ, помимо таланта актера, обладалъ качествами музыканта и композитора. Опера его «С.-Петербургскій гостиный дворъ» долго не сходила со сцены и имѣла три изданія [1]). Имя другаго крѣпостнаго актера князя Волконскаго, подъ иниціаломъ О. L., тоже встрѣчается подъ многими весьма недурными переводами и драматическими произведеніями прошлаго вѣка.

Въ Москвѣ, на Знаменкѣ, въ тѣ года существовалъ обширный театральный залъ графа С. С. Апраксина. Въ трупѣ С. С. Апраксина былъ извѣстный буфъ Малаховъ и замѣчательный теноръ Булаховъ (отецъ), съ металлическимъ голосомъ и безукоризненной методой. Онъ впослѣдствіи пѣлъ на императорской сценѣ; про него итальянцы говорили, что если бы онъ родился въ Италіи и выступилъ на сцену въ Миланѣ или Венеціи, то убилъ бы всѣ до него извѣстныя знаменитости. Здѣсь, помимо крѣпостной труппы, игрывали и благородные артисты. Изъ послѣднихъ извѣстны были Ѳед. Ѳед. Кокошкинъ и А. М. Пушкинъ. На этомъ театрѣ иногда піесы ставились съ роскошью изумительной. Такъ, во время представленія оперы «Діана и Эндиміонъ» по сценѣ бѣгали живые олени, трубили охотничьи рога и слышался лай гончихъ собакъ. Театръ Апраксина, кажется, судьбой былъ предназначенъ служить храмомъ искусства, здѣсь долго играли императорскіе актеры и была опера итальянская, выписанная и учрежденная также при содѣйствіи Апраксина. Впослѣдствіи этотъ домъ, кажется, былъ домомъ призрѣнія сиротъ, оставшихся послѣ родителей, умершихъ отъ холеры.

Въ царствованіе императора Павла, домашніе театры до того размножились, что въ 1797 году главнокомандующій Москвы князь Юр. Влад. Долгоруковъ доносилъ о томъ императору, и получилъ отъ государя слѣдующій рескриптъ: «По представленію вашему о начавшихся въ Москвѣ въ партикулярныхъ домахъ спектакляхъ, запрещать ихъ никакой надобности не нахожу, а замѣтить нужнымъ почитаю: 1) Чтобы не были представляемы никакія піесы, которыя не играны на большихъ театрахъ и которыя чрезъ цензуру

[1]) «С.-Петербургскій гостиный дворъ» былъ напечатанъ въ 1781, 1792 и 1799 годахъ; книги Мих. Матинскаго извѣстны: «Начальныя основанія геометріи», «Описаніе различныхъ мѣръ», «Басни и сказки Геллерта» и многія музыкальныя и театральныя піесы.

не прошли. 2) Для таковыхъ собраній, дабы въ нихъ былъ сохраняемъ надлежащій порядокъ, а равно для наблюденія за исполненіемъ предыдущимъ пунктомъ подписуемаго, быть всегда частному приставу, который за то и отвѣчать долженъ».

Въ описываемое время, вольности на сценѣ барскихъ театровъ иногда бывали до невозможности безграничны. Князь Вяземскій въ своихъ воспоминаніяхъ описываетъ одинъ изъ такихъ спектаклей на крѣпостномъ театрѣ А. А. Столыпина, гдѣ шла пьеса «Оленька», соч. князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго [1]). Сначала,—говоритъ онъ, — все было чинно и шло благополучно. Благопристойности ничто не нарушало.

Но Бѣлосельскій былъ не разъ бѣдамъ начало.

Вдругъ посыпались шутки и даже не двусмысленно-прозрачныя, а прямо на дѣло и наголо. Въ публикѣ удивленіе и смущеніе. Дамы многія, вѣроятно, по чутью, чувствуютъ что-то неладно и неловко. Дѣйствіе переходитъ со сцены на публику; сперва слышенъ шопотъ, потомъ ропотъ. Однимъ словомъ, театральный скандалъ въ полномъ разгарѣ. Нѣкоторые мужья, не дождавшись конца скандала, поспѣшно съ женами и дочерьми выходятъ изъ залы. Дамы, присутствующія тутъ безъ мужей, молодыя особы, чинныя старухи слѣдуютъ этому движенію. Зала пустѣетъ. Слухи объ этомъ спектаклѣ доходятъ до Петербурга, и, спустя нѣкоторое время,—какъ разсказываетъ князь Вяземскій, — Бѣлосельскій тревожно вбѣгаетъ къ Карамзину и умоляетъ его, говоря: «Спаси меня, императоръ Павелъ повелѣлъ, чтобъ немедленно прислать ему мою оперу; сдѣлай милость, исправь въ ней всѣ подозрительныя мѣста, очисти ее какъ можешь и какъ умѣешь». Карамзинъ, не теряя времени, тутъ же перемарываетъ и передѣлываетъ пьесу; Бѣлосольскій тотчасъ же печатаетъ у себя въ селѣ и отсылаетъ въ Петербургъ. Исторія кончилась благополучно: ни автору, ни хозяину театра не пришлось быть въ отвѣтѣ.

Если бывали въ то время представленія неособенно цѣломудренныя, то и были и такія, которыя отличались неслыханною чистотою нравовъ. Такъ, въ 1798 году наѣзжалъ въ Москву, жившій въ своемъ ардатовскомъ имѣніи, въ селѣ Юсуповѣ, полковникъ князь Николай Григорьевичъ Шаховской. По разсказамъ Вигеля, онъ ужаснѣйшимъ образомъ законодательствовалъ въ своемъ закулисномъ царствѣ. Все, что онъ находилъ неприличнымъ или двусмысленнымъ, онъ безпощадно выкидывалъ изъ пьесъ. Въ труппѣ своей онъ вводилъ монастырскую дисциплину, требовалъ

[1]) «Оленька, или первоначальная любовь», Село Ясное, 1796 г.—авторъ ея князь Бѣлосельскій (1752—1809 г.) Сенаторъ, въ бытность посланникомъ въ Туринѣ, онъ написалъ еще три книги на французскомъ языкѣ: 1) «Circée cantate», 1792; 2) «De la musique en Italie», à Hague, 1778; 3) «Poësie française d'un prince etranger», Paris, 1789.

величайшей благопристойности на сценѣ, такъ чтобы актеръ во время игры никогда не могъ коснуться актрисы, находился бы всегда отъ нея не менѣе какъ на аршинъ, а когда она должна была падать въ обморокъ, только примѣрно поддерживать ее.

Вся княжеская театральная труппа помѣщалась въ особомъ, довольно большомъ деревянномъ домѣ, позади театра. Домъ этотъ былъ раздѣленъ на двѣ половины—мужскую и женскую, всякое сообщеніе которыхъ другъ съ другомъ было строжайше княземъ воспрещено, подъ страхомъ неминуемаго тяжкаго наказанія. За всѣ провинности артистовъ противъ театральной нравственности тотчасъ же творились наказанія, въ родѣ такъ называемыхъ «рогатокъ»; напримѣръ, героя въ родѣ Эдипа ставили на болѣе или менѣе продолжительное время, смотря по степени вины, посреди комнаты и подпирали его въ шею тремя рогатками. Для музыкантовъ существовалъ особый родъ исправленія, въ видѣ стула, съ прикованной къ нему желѣзною цѣпью, съ ошейникомъ: провинившагося сажали на такой стулъ, надѣвали на него ошейникъ, и въ такомъ положеніи несчастный свободный артистъ обреченъ былъ иногда находиться по цѣлымъ днямъ; кромѣ этихъ спеціальныхъ мѣръ, еще общею мѣрою были розги и палки. Зоркимъ аргусомъ чистоты нравовъ театральнаго дѣла была приближенная князю г-жа Заразина, имѣвшая обязанностью подавлять въ самомъ началѣ малѣйшее проявленіе эротическихъ наклонностей княжеской труппы не только въ домѣ, но и на сценѣ.

Всѣхъ актеровъ въ труппѣ князя [1]) было болѣе ста человѣкъ, изъ которыхъ лучшими считались И. Залѣскій (трагедія и драма), Я. Завидовъ (драма), соединявшій съ драматическимъ талантомъ еще способности пѣвца-баритона, музыканта, композитора и балетмейстера; А. Вышеславцевъ (водевиль) и, кромѣ того, теноръ; Андрей Ершовъ, комикъ и пѣвецъ баритонъ; Д. Завидова и Н. Піунова (драма), А. Залѣская, Т. Стрѣлкова, Ф. Вышеславцевъ (комедія). Но главнымъ украшеніемъ его сцены были: пѣвица Роза и Поляковъ, который больше былъ извѣстенъ подъ именемъ «Миная»; онъ постоянно приводилъ публику въ восторгъ, особенно въ роляхъ Богатонова (Провинціалъ въ столицѣ), портнаго Фибса (Опасное сосѣдство) и т. д. Театръ Шаховскаго по архитектурѣ былъ незатѣйливъ, хотя довольно помѣстителенъ: въ немъ было 27 ложъ, до 50 креселъ, партеръ на 100 человѣкъ и галлерея на 200 человѣкъ. Когда князь содержалъ театръ въ Нижнемъ,—какъ говоритъ Вигель,—изъ прибыли, то у него изъ экономическихъ видовъ

---

[1]) Подробности о труппѣ князя можно найдти въ книгѣ Гацискаго: «Нижегородскій театръ»; затѣмъ въ «Восп.» Ф. Вигеля, у Храмцовскаго: «Нижегородскій театръ», Пантеонъ, 1846 г. Съ романическими прикрасами въ драмѣ П. Вобарыкина «Большія хоромы» и въ романѣ г. Михайлова «Перелетныя птицы».

освѣщалась одна сцена, въ партерѣ можно было играть въ жмурки, а въ ложахъ, чтобы разсмотрѣть другъ друга въ лицо, каждый привозилъ съ собою кто восковую, кто сальную свѣчку, а иные даже лампы.

Въ деревнѣ князя въ видѣ публики сгонялись въ театръ крестьяне по наряду и «отбывали эту повинность бездоимочно», такъ какъ тому, кто бывалъ въ театрѣ, кромѣ удовольствія поглазѣть и похохотать, доставалась еще чарка княжеской водки.

Нижегородскій театръ князя Шаховскаго, на которомъ играли его холопи, описываетъ князь И. Мих. Долгорукой [1]) такъ: «Какого ожидать дарованія отъ раба неключимаго, котораго можно и высѣчь и въ стулъ посадить по одному произволу? Слѣдовательно, и толпа его актеровъ, которыхъ очень много, играетъ точно такъ, какъ волъ везетъ тягость, когда его черкасъ прутомъ гонитъ. Я не восхожу къ причинамъ, отъ чего крѣпостной человѣкъ не можетъ имѣть превосходнаго таланта. Скажу только просто, что зрѣлища театральныя весьма хороши въ Нижнемъ для людей сего разряда, но, назвавши ихъ актерами, почти нельзя безъ отвращенія смотрѣть на ихъ тѣлодвиженія: они не играютъ, а, такъ сказать площаднымъ словомъ, кривляются; но повторимъ, что для холопей и это больше, нежели чаять должно». По словамъ Долгорукова, въ Нижнемъ существуетъ хорошій постоянный театръ, но князь Шаховской всякій годъ еще ставитъ на скорую руку для театра дощатый сарай на ярмаркѣ и на весь іюль привозитъ свою труппу. Тамъ она отличается ежедневно всякій вечеръ: въ 8 часовъ комедія, и всѣ мѣста заняты; они раздѣляются на ложи и кресла. Рукоплесканія не умолкаютъ; послѣ представленія вызываютъ на сцену всѣхъ актеровъ по очереди, потому что каждый изъ нихъ, особливо пригожія дѣвки, кому нибудь изъ зрителей понравятся. Самолюбіе содержателя въ превеликомъ торжествѣ, за которымъ слѣдуетъ и значительный прибытокъ. Цѣна за входъ московская, декораціи изрядны, по крайности не отвратительны. Одѣяніе, хотя не всегда сообразно съ характеромъ піесы, однако бредетъ. Оркестръ княжой изъ его же людей и слуху не противенъ. Освѣщеніе всего хуже потому, что вездѣ горитъ сало и обоняніе терпитъ. Про постоянный нижегородскій театръ онъ говоритъ слѣдующее: «Здѣсь даются представленія отъ сентября мѣсяца до макарьевской ярмарки три раза въ недѣлю. Ложи въ театрѣ въ два ряда и надъ ними нѣсколько лавокъ для партера. Этотъ порядокъ не такой, какъ въ другихъ театрахъ, гдѣ партеръ за креслами, имѣетъ свою разумную причину: во-первыхъ, сцена освѣщается саломъ и слишкомъ близка къ зрителямъ, и потому чѣмъ далѣе въ глубинѣ сидишь театра, тѣмъ меньше страждетъ обоняніе и болѣе удовлетво-

[1]) Описаніе это относится къ 1813 году.

ряется оптика. Оттѣнки сіи гораздо чувствительнѣе для людей благородныхъ, нежели для нижегородскихъ рядовичей и подьячихъ, коими наполняется партеръ для усиленія дохода. Кресла очень сжаты, и это нѣсколько тѣснитъ зрителя. Ложи и кресла разбираются погодно, театръ полонъ, публика очень любитъ эту забаву, актеры иногда играютъ лучше, иногда хуже, но почти всегда только что сносно; призракъ соблюденъ повозможности, комическій актеръ одинъ удачно отправляетъ свое мастерство и весьма нравится жителямъ. Они часто его выкликаютъ и бьютъ въ ладоши съ восхищеніемъ. Изъ актрисъ трудно какую нибудь замѣтить. Одѣты всегда хорошо, прилично, согласно съ характерами своихъ ролей. Мѣщанку не увидишь на театрѣ въ левантинѣ съ шлейфомъ, или даму благородную въ стамедной робѣ, какъ иногда и не въ Нижнемъ примѣчать удавалось». Говоря дальше объ этомъ театрѣ, онъ добавляетъ, что репертуаръ піесъ былъ почти одинъ и тотъ же: такъ иныя комедіи такъ часто повторяются въ зиму, что, кромѣ свиданія съ людьми, почти нѣтъ причины для самой комедіи пріѣзжать въ театръ. Князю Долгорукому пришлось здѣсь увидать представленіе своей оперы «Любовное волшебство»; самъ авторъ называетъ ее нелѣпицей. Онъ ее и не думалъ никогда отдавать на сцену. «Къ особому моему счастію, или несчастію,—говоритъ онъ,—моя опера попалась въ руки князя Шаховскаго; онъ ее и соизволилъ изуродовать въ-досталь». Опера полюбилась и ее стали играть каждый день, самому автору Шаховской прислалъ раскрашенный билетъ съ разными атрибутами и надписью: «Для входа въ нижегородскій театръ вездѣ». Вотъ какъ описываетъ Долгоруковъ представленіе своей оперы: «Занавѣсъ поднялся. Начали актеры «трелюдиться», и все пошло навыворотъ. На сценѣ представленъ сѣнокосъ, косцы поютъ хоръ. Тутъ я увидѣлъ макъ на дощечкахъ, который мужики пощипали и вынесли его съ досками вонъ. По этому началу оставалось отгадывать и послѣдствіе. Не дурна,—думалъ я,—выдумка театральной дерекціи. Музыкальные инструменты не поспѣвали переливать музыкальныя трели, актеры волновались поминутно. Музыканты упирались всей бородой въ скрипку и, тряся смычкомъ какъ плетью, насилу догоняли капельмейстера, который какъ въ набатъ ударялъ своимъ компасомъ на налойчикъ для такты. Суфлеръ въ поту ежеминутно кричалъ: «мѣняй декорацію»! а машинистъ въ мылѣ, какъ почтовая лошадь, не зналъ, куда бѣжать напередъ, чтобы или лѣсъ спрятать, или опять его выставить. Буфа, который игралъ роль весельчака, забавлялъ чрезвычайно своими тѣлодвиженіями; словомъ экзекуція соотвѣтствовала произведенію. Волшебство внезапное въ чертогѣ, гдѣ садилась Венера и амуръ на изумрудной престолъ, произошло отлично, и машинисту можно было дать на водку за труды. Публика любовалась на зрѣлище съ восторгомъ, и моя опера не несчастлива въ Нижнемъ, и ее долго будутъ играть

здѣсь, и дай Аполонъ моему театральному подкидышу много лѣтъ здравствовать! Чувствительно благодарю князя Шаховскаго за его ко мнѣ вниманіе и ласку; я, пріѣхавши домой, отъ всего сердца хохоталъ надъ собой какъ сочинителемъ и надъ моими тиранами, которые открыли необыкновенной опытъ изъ дурацкаго произведенія сдѣлать еще нѣчто глупѣе, и подъ названіемъ оперы представлять изумленному зрителю такую сумятицу, во время которой никому ни изъ движущихся, ни изъ сидящихъ тварей, образумиться нельзя на одну минуту. То-то хорошо! браво-брависимо»!!

Этотъ Шаховской вмѣстѣ со своимъ братомъ выведенъ княземъ А. Шаховскимъ въ комедіи «Полубарскія затѣи». По смерти князя, въ 1827 году, его театры со всѣмъ гардеробомъ и всѣми принадлежностями, какъ и домами, гдѣ жили актеры, купили за 100,000 рублей у наслѣдниковъ князя гг. Распутинъ и Климовъ. Покупщики поставили актерамъ и актрисамъ [1]) въ обязанность, по полученіи отъ нихъ вольныхъ, играть на нижегородскомъ театрѣ десять лѣтъ. Труппа Шаховскаго въ Нижнемъ просуществовала до 1839 года.

Въ концѣ прошлаго столѣтія, въ Алатырскомъ уѣздѣ была еще труппа князя Грузинскаго; здѣсь особенно процвѣтали балеты, оперетты, пасторали. Вотъ разсказъ про эти представленія одного старожила: «Когда занавѣсъ поднимется, выдетъ съ боку красавица Дуняша — ткача дочь, волосы наверхъ подобраны, напудрены, цвѣтами изукрашены, на щекахъ мушки налѣплены, сама въ помпадурѣ на фижмахъ, въ рукѣ посохъ пастушечій съ алыми и голубыми лентами. Станетъ князя виршами поздравлять, и когда Дуня отчитаетъ, Параша подойдетъ, псаря дочь. Эта пастушкомъ наряжена, въ пудрѣ, въ штанахъ и въ камзолѣ. И станутъ Параша съ Дунькой виршами про любовь да про овечекъ разговаривать, сядутъ рядкомъ и обнимутся. Недѣли по четыре дѣвокъ бывало тѣмъ виршамъ съ голосу Семенъ Титычъ сочинитель училъ, были неграмотны. Долго, бывало, маются, сердечныя, да какъ разъ пятокъ ихъ для понятія выдерутъ, выучатъ твердо.

«Андрюшку поваренка сверху на веревкахъ спустятъ, бога Феба онъ представляетъ, въ аломъ кафтанѣ, въ голубыхъ штанахъ, съ золотыми блестками. Въ рукѣ доска прорѣзная, золотой бумагой оклеена, прозывается лирой, вкругъ головы у Андрюшки золоченыя проволоки натыканы, въ родѣ сіянія. Съ Андрюшкой девять дѣвокъ на веревкахъ бывало спустятъ; напудрены всѣ въ бѣлыхъ робронахъ; у каждой въ рукахъ нужная вещь: у одной скрипка, у другой святочная харя, у третьей зрительная труба. Подъ музыку стихи пропоютъ, князю вѣнокъ подадутъ, и такой пасторалью всѣ утѣшены. Князь велитъ позвать сочинителя Семена Титыча,

[1]) Всѣхъ артистовъ съ дѣтьми было 96 человѣкъ.

чтобъ подарокъ пожаловать, но никогда его привести было невозможно. Каждый разъ не годился и въ своей горницѣ за замкомъ на привязи сидѣлъ. Неспокоенъ во хмѣлю бывалъ»...

Въ Симбирскѣ въ концѣ прошлаго столѣтія существовали двѣ труппы крѣпостныхъ актеровъ: Татищевская и Ермоловская. Обѣ были незамѣчательныя.

Въ Казани извѣстна была труппа Петр. Вас. Есипова. Послѣдній старый холостякъ угощалъ своихъ друзей, помимо театральныхъ представленій, еще вакханаліями съ крѣпостными актрисами. Ф. Вигель говоритъ, что онъ былъ одинъ изъ тѣхъ русскихъ дворянъ, ушибенныхъ театромъ, которые имъ же потомъ лѣчились (онъ впослѣдствіи содержалъ публичный театръ въ Казани). Обѣдъ у этого помѣщика описываетъ Вигель такъ: «Я крайне удивился, увидѣвъ у него съ дюжину довольно нарядныхъ женщинъ. Я зналъ, что дамы его не посѣщаютъ—это все были Ѳени, Матреши, Ариши, крѣпостныя актрисы хозяйской труппы; я еще болѣе изумился, когда онѣ пошли съ нами къ столу и когда, въ противность тогдашняго обычая, чтобы женщины садились всѣ на одной сторонѣ, онѣ размѣстились между нами такъ, что я очутился промежъ двухъ красавицъ... На другомъ концѣ стола сидѣли,—можно ли повѣрить?—авторы и музыканты, Евреинова, т. е. его слуги, которые смѣнялись, вставали изъ-за стола, служили намъ и потомъ опять за него садились... Послѣ обѣда всѣ они наряжались и готовились потѣшить насъ оперой «Cosa rara», или «Рѣдкая вещь»... Играли и пѣли они, какъ и всѣ тогдашніе провинціальные актеры, не хуже не лучше».

Когда Есиповъ уже держалъ публичный театръ въ Казани, то въ немъ произошло слѣдующее событіе, характеризующее тогдашнія понятія и религіозное направленіе казанскихъ татаръ [1]). Есиповъ поставилъ однажды на сцену трагедію «Магометъ»; въ театрѣ было много татаръ. Едва увидѣли они на сценѣ чалму Магомета и произнесено было имя его, между ними началось смятеніе: съ криками: алла! одни бѣжали изъ театра; другіе, люди болѣе простые, вообразили настоящаго Магомета, который пришелъ для укоризны ихъ за посѣщеніе иновѣрнаго собранія; они падали ницъ и сбрасывали свои туфли, тоже съ криками: алла! Съ этого времени татары долго не посѣщали театра.

Аксаковъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, разсказывая романическую исторію Ѳеклуши, крѣпостной актрисы Есипова, говоритъ, что онъ первый образовалъ въ Казани театръ; послѣднее обстоятельство невѣрно: уже въ 1728 году, въ Казани начались драматическія представленія въ архіерейской школѣ, и затѣмъ откры-

---

[1]) См. Указатель историческихъ достопримѣчательностей г. Казани, С. М. Шпилевскаго, Казань, 1873 г.

тая въ Казани гимназія начала конкуррировать въ драматическихъ представленіяхъ съ семинаріей.

При утвержденіи новаго штата гимназіи въ 1760 году, кураторъ Московскаго университета Шуваловъ предписалъ директору гимназіи Веревкину достойнымъ образомъ отпраздновать эту милость императрицы Елисаветы. Веревкинъ устроилъ обѣдъ на 117 человѣкъ, благодарственный молебенъ, и послѣ обѣда представлена была комедія Мольера «Школа мужей». Веревкинъ, описывая это торжество Шувалову, говоритъ: «Вотъ въ Татаріи Мольеръ уже извѣстенъ». Позднѣе Екатерина II поручила губернатору Квашнину-Самарину содѣйствовать въ гимназіи устройству театральныхъ представленій. Въ 1791 году, губернаторъ князь Баратаевъ устроилъ подъ управленіемъ приглашеннаго въ Казань придворнаго актера Бобровскаго постоянный театръ.

Театръ Есипова существовалъ въ Казани по 1814 годъ; актеры Есипова были: Өедоръ Львовъ—герой и первый любовникъ; Михайло Калмыковъ — главный комикъ; Николай Комаковъ — буфъ-арлекинъ; Анисья Комякова—любовница въ драмахъ и комедіяхъ; Өекла Аникіева — первый талантъ на роли первыхъ любовницъ въ трагедіяхъ, драмахъ, комедіяхъ и операхъ; Марөа Аникіева—молодая любовница, предпочтительно въ операхъ. Главные наемные актеры были: г. Волковъ—режиссеръ и театральный utilité на всякія роли; г. Грузиновъ на роли благородныхъ отцовъ; г. Расторгуевъ на роли молодыхъ любовниковъ, повѣсъ и весельчаковъ; г. Прытковъ на роли слугъ.

О существовавшемъ въ 1810 году крѣпостномъ театрѣ въ Полтавѣ мы находимъ небольшую замѣтку въ путешествіи князя И. М. Долгорукова въ Одессу. Вотъ что онъ говоритъ о немъ: «Мы взяли билеты и вошли; давали «Мѣщанина во дворянствѣ». Двухъ актеровъ нѣтъ, которые бы однимъ нарѣчіемъ говорили: кто порусски, кто почеркасски, кто помалороссійски, иной и попольски. Смѣшеніе языковъ полное! Никакой взаимности въ общихъ вниманіяхъ: одинъ говоритъ, другой, отворотясь, шепчетъ про себя свою роль, чтобъ не забыть того, чего слѣдуетъ. Что за актрисы! Какое платьешко! Какія тѣлодвиженія! Куклы на ниткѣ не такъ надоѣдятъ, какъ эти живыя машины. Сперва я досадовалъ, тужилъ, негодовалъ, наконецъ, разсудилъ хохотать и умеръ было со смѣха! Говорятъ, что гдѣ-то актеры, подобные имъ, берутъ съ зрителей деньги не за входъ, а за выходъ: не худо бы имъ перенять этотъ образъ контрибуціи, они бы вѣрно большой доходъ получили, потому что въ сарай къ нимъ набилось пропасть народу. Духота была страшная, воздухъ самый крѣпкій, можно бы, я думаю, въ потьмахъ зажечь свѣчку, такой былъ паръ отъ любителей театра! Освѣщеніе къ тому же самое смрадное: ежеминутная копоть; креслы безъ дна, стулья безъ спинокъ. Представьте, что̀ бы каждый изъ насъ запла-

тилъ за то только, чтобъ выпустить на чистый воздухъ. Вышедъ оттуда, я былъ счастливѣе узника, который почуялъ свободу».

Въ городѣ Орлѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія существовалъ публичный театръ Сер. Мих. Каменскаго [1]), сына фельдмаршала. Театръ съ домомъ, гдѣ жилъ графъ и всѣ его крѣпостные актеры, машинисты, декораторы и музыканты, занималъ огромный четыреугольникъ на Соборной площади. Строенія были всѣ одноэтажныя, деревянныя, съ колоннами; внутренная отдѣлка театра была недурная — съ двумя ярусами ложъ, съ райкомъ на верху, нумерованными креслами и т. д. Для графа была устроена особая ложа и къ ней примыкала галлерея, гдѣ обыкновенно сидѣли такъ называемыя пансіонерки — дворовыя дѣвушки, готовившіяся въ танцовщицы и актрисы. Для нихъ было обязательно посѣщеніе театра, графъ требовалъ, чтобы на другой день каждая изъ нихъ продекламировала какой нибудь монологъ изъ представленной пьесы или протанцовала бы вчерашній «па». Въ ложѣ передъ графомъ на столѣ лежала книга, куда онъ собственноручно вписывалъ замѣченныя имъ на сценѣ ошибки или упущенія, а сзади его, на стѣнѣ, висѣло нѣсколько плетокъ и послѣ всякаго акта онъ ходилъ за кулисы и тамъ дѣлалъ свои разсчеты съ виновными, вопли которыхъ иногда долетали до слуха зрителей. Онъ требовалъ отъ актеровъ, чтобы роль была заучена слово въ слово, говорили бы безъ суфлера и бѣда была тому, кто запнется; но собственно объ игрѣ актера графъ мало хлопоталъ. Иногда сходитъ въ кресла, которыя для него были въ первомъ ряду. Во второмъ ряду, тотчасъ же за нимъ, сидѣла его мать и съ нею двѣ его дочери, а позади матери въ третьемъ ряду г-жа Курилова [2]), любовница графа съ огромнымъ его портретомъ на груди. Въ антрактахъ публикѣ въ креслахъ разносили моченыя яблоки и груши, изрѣдка пастилу, но чаще всего вареный превкусный медъ. Публика всегда собиралась во множествѣ,

---

[1]) При составленіи статьи о театрѣ Каменскаго, мы пользовались разсказами орловскихъ старожиловъ: князя Д. М. Сонцова-Засѣкина, И. О. Мацнева и затѣмъ записками графа М. Д. Бутурлина (см. «Русскій Архивъ», 1869 г., стр. 1707), записками И. С. Жиркевича (см. «Русская Старина», 1875 г., стр. 572) и неизданными имѣющимися въ нашемъ распоряженіи записками бывшаго редактора журнала «Другъ Россіянъ», издававшагося въ Орлѣ въ 1817 году г. Ошменцомъ.

[2]) Если г-жа Курилова навлекала чѣмъ нибудь на себя неудовольствіе графа, то портретъ этотъ отъ нея отбирался, и на мѣсто его давался другой, точно также отдѣланный, но на которомъ лица не было видно, но виднѣлась одна спина; портретъ этотъ вѣшался ей тоже на спину, и въ такомъ видѣ на соблазнъ всѣмъ она должна была показываться всюду. Кромѣ этого наказанія, назначалось и другое, несравненно жесточѣе: въ квартиру Куриловой ставилась смѣна дворовыхъ людей подъ командой урядника, которая каждыя $^1/_4$ часа входила къ ней и говорила ей: «Грѣшно, Акулина Васильевна. Разсердили батюшку графа, молитесь». И бѣдная женщина должна была сейчасъ класть поклоны, такъ что ей приходилось не спать и по ночамъ даже не вставать съ поклоновъ.

но не изъ высшаго круга, которая только пріѣзжала съ компаніей ради смѣха надъ актерами. Разъ посѣтилъ театръ корпусный командиръ баронъ Корфъ вмѣстѣ съ дамами. Графъ Каменскій замѣтилъ ихъ насмѣшки, велѣлъ потушить всѣ лампы, кромѣ одной, и начадилъ въ залѣ запахомъ масла. Прислуга при театрѣ была въ ливрейныхъ фракахъ съ красными, синими и бѣлыми воротниками. Билеты для входа графъ продавалъ и раздавалъ самъ лично, сидя у кассы съ своимъ георгіевскимъ крестомъ 2-й степени. Шалуны того времени платили графу за ложи мѣдными деньгами, которыя пересчитывать ему иногда приходилось по получасу и больше.

Репертуаръ піесъ, даваемыхъ на театрѣ, былъ самый разнообразный: ставили комедіи, трагедіи, оперы и балеты [1]). Музыкантовъ было два хора — бальный и роговой, каждый изъ 40 человѣкъ, одѣтыхъ въ военную форменную одежду. Какъ актеры, такъ и остальная часть дворни жила на военномъ положеніи, на пайкахъ, на общемъ столѣ, собирались на обѣдъ и расходились по барабану съ волторной и за столомъ никто не смѣлъ сидя ѣсть, а непремѣнно стоя, по замѣчанію графа, «что такъ будешь ѣсть до-сыта, а не до безчувствія». Піесы на театрѣ часто мѣнялись и ставились иногда болѣе чѣмъ роскошно; такъ, въ «Калифѣ Багдадскомъ» бархату, шелку, турецкихъ шалей и страусовыхъ перьевъ было болѣе чѣмъ на 30,000 рублей.

Главные персонажи труппы Каменскаго были: гг. Барсовъ, Соколовъ, Жбановъ, Протасовъ, Миняевъ, Ремизовъ, Щитовъ, Кравченко, двѣ сестры Кобавины, Рычкова, большая Козакова, Кузьмина, Цвѣткова, Краснова, Кубышкина, Олешева и мн. друг.

Выписываемъ качества актрисъ и актеровъ изъ имѣющейся у насъ рукописи: первый Барсовъ, въ чинѣ губернскаго секретаря, былъ вольноотпущенный графа и состоялъ режиссеромъ труппы; Кузьмина, по словамъ рукописи, своими отличными дарованіями, пріобрѣвшая особенное вниманіе орловской публики, справедливое имѣетъ предъ прочими своими компаніонками преимущество въ трагедіяхъ и драмахъ, плѣнительныя она чувства представляетъ на подобіе славной «Мантуани». Въ операхъ она является съ великолѣпіемъ и улыбкою неподражаемой «Замбони» (извѣстная того времени итальянская пѣвица), а въ комедіяхъ по своей ловкости и веселости кажется быть другая Кетнеръ.

Кожевникова, послѣ Кузьминой, достойна имѣть первое мѣсто. Она весьма способна къ представленію великихъ и важныхъ лицъ. Въ роли богини, царицы и госпожи, Кожевникова весьма привлекательна, чувствительна, исполнена величія и пріятности.

---

[1]) Такъ, находимъ въ «Другѣ Россіянъ», что театръ графа Каменскаго въ 1817 году съ начала своего открытія по 28-е іюля (за полгода) представилъ къ увеселенію публики 82 піесы, изъ коихъ была 18 оперъ, 15 драмъ, 41 комедія, 6 балетовъ и 2 трагедіи.

Цвѣткова не только въ комическихъ, но даже и въ трагическихъ роляхъ весьма удачно и счастливо выдерживаетъ свой характеръ. Какъ натурально она представляетъ или простосердечіе доброй женщины, или капризы злобной и вѣтренной женщины, или же крикъ, плачъ и обморокъ.

Большая Козакова, въ комическихъ роляхъ, кажется, имѣетъ большія дарованія: ея ловкость, притворство и веселый характеръ не можетъ не нравиться публикѣ.

Рычкова довольно пріятна въ представленіяхъ невинной дѣвицы и ловкой служанки. Въ балетахъ она, кажется, превосходитъ другихъ танцовщицъ своими дарованіями.

Краснова въ представленіяхъ деревенской дѣвицы въ оперѣ «Ямъ и посидѣлки» умѣла соединить пріятность голоса и плѣнительную наружность съ невинностью и скромностью, приличною поселянкѣ.

Олешева весьма утѣшительна и весела въ своихъ представленіяхъ. Въ «Филаткиной свадьбѣ» можно было видѣть великую ея способность къ комическимъ ролямъ.

Степанова, при своей развивающейся способности къ нѣжнымъ и чувствительнымъ представленіямъ, обнадеживаетъ публику скорымъ приведеніемъ своихъ дарованій въ лучшее совершенство.

Ремизова въ роли служанокъ и деревенскихъ дѣвицъ весьма хорошія имѣетъ способности.

Лыгова къ комическимъ представленіямъ весьма способна, ловка, проворна и смѣла.

Кубышкина въ оперѣ «Дѣвишникъ и крестьяне» довольно удачно и пріятно явилась передъ публикою въ роли Параши и Вари и т. д.

Далѣе находимъ извѣстіе и про искусство крѣпостныхъ актеровъ театра Каменскаго, таланты которыхъ у всѣхъ «коннессеровъ» театра заслуживаютъ всеобщее одобреніе. Такъ говорится, что игра актера Барсова въ трагедіи «Коварство и любовь» довершила весьма чувствительную картину, извлекшую слезы у зрителей, актеръ Городецкій «умѣлъ вынесть весьма удачно чрезвычайныя терзанія», а Протасовъ хорошо «представилъ коварнаго интриганта». Въ драмѣ «Юлія» появленіе г. Барсова, его терзанія и любовь къ дочери плѣняли публику до слезъ.

Протасовъ въ комедіи «Ботъ» превосходно изобразилъ характеръ грубонравнаго и добродѣтельнаго англійскаго купца, а Жбановъ въ роли полковника заставилъ насъ имѣть надежду, что не задолго будетъ въ немъ видѣть непосредственнаго актера. Въ трагедіи Леара (Король Лиръ), соч. Шекспира, г. Барсовъ оказалъ свои отличныя дарованія въ трогательной роли древняго англійскаго короля Леара; Кузьмина—въ любезной и чувствительной его дочери Корделіи; г. Соколова и Миняева—въ плѣнительныхъ роляхъ

приверженнаго къ несчастному царю вельможи и геройскаго его сына, и т. д. Въ оперѣ «Ямъ» восхищалась орловская публика музыкою Каменскаго и пріятнымъ пѣніемъ его актеровъ Кравченко, Леженка и Жбанова; въ этой оперѣ забавно отыгралъ актеръ Пирожковъ безобразнаго Филатку, и т. д.

По словамъ графа М. Д. Бутурлина, всѣ пѣвцы и танцоры, восхваляемые неизвѣстнымъ авторомъ записокъ, были ниже всякой посредственности; вотъ что онъ разсказываетъ про этого хваленаго перваго тенора Кравченко: «Онъ былъ на сценѣ чистый холопъ, пѣлъ столько же носомъ, сколько горломъ, не разставаясь никогда съ носовымъ платкомъ, который онъ комкалъ въ рукахъ и въ который поминутно плевалъ». Второй будто бы теноръ Миняевъ болѣе шевелилъ губами и махалъ руками, нежели выпускалъ звуки изъ устъ, и потому трудно было опредѣлить, къ какой категоріи принадлежалъ его голосъ. Чего либо похожаго на басъ въ труппѣ не было, хотя лица, предназначенныя для басовыхъ партицій, силились ревѣть брюхомъ. Дворовая дѣвка, дурнолицая примадонна, обладала пронзительнымъ пискливымъ голосомъ, была превысокаго роста и имѣла также свой особенный шикъ, состоявшій въ почти безпрерывномъ поворачиваніи головы къ одному плечу. Въ балетахъ особенно былъ хорошъ первый танцоръ Васильевъ, росту необыкновенно высокаго, въ тѣлесно-цвѣтномъ трико, съ плохообритою бородою, пускавшійся въ граціозныя позы. Когда онъ совершалъ прыжки, называемые антраша, голова его уходила почти въ облака сцены.

Изъ балетовъ на сценѣ графа шли: «Амуровы шутки», «Необитаемый островъ» съ морскими сраженіями, кораблекрушеніемъ и громовыми ударами, «Русскія пляски», «Сельскія увеселенія» и разные дивертисементы; изъ оперъ давали: «Діанино древо» съ миѳологическимъ костюмомъ, «Козарара, или «Рѣдкая вещь» съ испанскимъ костюмомъ бабы-яги. Три брата горбуны съ турецкимъ костюмомъ, «Трубочистъ» и другія театральныя декораціи, по словамъ панегириста театра Каменскаго, бывали украшены проспектами городовъ, деревень, острововъ, крѣпостей, замковъ, рощъ, садовъ, полей, лѣсовъ, горъ, моря и кораблей; при лучезарномъ солнцѣ, свѣтлой лунѣ, громахъ и молніяхъ, пальбахъ, кораблекрушеніяхъ и сраженіяхъ на сценѣ являлись: цари, царицы, герои, князья, графини и крестьянки, воины, граждане купцы, ремесленники и поселяне, также философы и сочинители, профессора и доктора, судьи, приказные и полиціянты. Кромѣ обыкновенныхъ костюмовъ россійскихъ, французскихъ, англійскихъ, случалось видѣть древніе костюмы, а также и миѳологическіе великолѣпные, и т. д.

Гр. Каменскій имѣлъ болѣе 7,000 душъ крестьянъ, но, когда онъ умеръ, буквально нечѣмъ было похоронить его: отъ громаднаго состоянія ничего не осталось, все богатство пошло на театръ.

Точно такое же громадное богатство прожилъ на балетъ рязанскій помѣщикъ Ржевскій, онъ болѣе чѣмъ до страсти былъ преданъ хореографическому искусству, въ богатомъ его домѣ въ Москвѣ на Никитской былъ устроенъ роскошный театръ, здѣсь у него была также устроена танцовальная школа, гдѣ и образовывались изъ дворовыхъ дѣвокъ и парней будущіе жрецы и жрицы Терпсихоры; изъ его труппы поступили на московскую балетную сцену талантливыя солистки: Ситникова, Харламова, двѣ сестры Михайловы, Карасева и многія другія. Про него, кажется, находимъ намекъ у Грибоѣдова «на крѣпостной балетъ» и т. д.

До 1806 года, на московскомъ императорскомъ театрѣ (петровскомъ) почти вся труппа, за небольшимъ исключеніемъ, состояла изъ крѣпостныхъ актеровъ Ал. Емел. Столыпина. Этихъ артистовъ на театральныхъ афишахъ отличали отъ свободныхъ артистовъ тѣмъ, что не удостоивали прибавлять къ ихъ фамиліи букву Г., т. е. господинъ или госпожа [1]).

Въ 1806 году, эти бѣдняки услыхали, что ихъ помѣщикъ намѣревается ихъ продать; они выбрали изъ своей среды старшину Венедикта Баранова, который отъ лица всѣхъ актеровъ и музыкантовъ подалъ 30-го августа на имя государя прошеніе. «Всемилостивѣйшій государь!—говорилъ онъ въ немъ,—слезы несчастныхъ никогда не отвергались милосерднѣйшимъ отцемъ, неужель божественная его душа не внемлетъ стону нашему. Узнавъ, что господинъ нашъ Алексѣй Емельяновичъ Столыпинъ насъ продаетъ, осмѣлились пасть къ стопамъ милосерднѣйшаго государя и молить, да щедрота его искупитъ насъ и дастъ новую жизнь тѣмъ, кои имѣютъ уже счастіе находиться въ императорской службѣ при московскомъ театрѣ. Благодарность услышана будетъ Создателемъ вселенной и онъ воздастъ спасителю ихъ». Просьба эта черезъ статсъ-секретаря князя Голицына была препровождена къ оберъ-камергеру Александру Львовичу Нарышкину, который вмѣстѣ съ ней представилъ государю слѣдующее объясненіе: «Г. Столыпинъ находящуюся при московскомъ вашего императорскаго величества театрѣ труппу актеровъ и актрисъ и музыкантовъ, состоящія съ дѣтьми ихъ изъ 74 человѣкъ, продаетъ за сорокъ двѣ тысячи рублей. Умѣренность цѣны за людей образованныхъ въ своемъ искусствѣ, польза и самая необходимость театра, въ случаѣ отобранія оныхъ могущаго затрудниться въ отысканіи и долженствующаго за великое жалованье собирать таковое количество нужныхъ для него людей, кольми паче актрисъ, никогда со стороны не поступающихъ, требуютъ непремѣнной покупки оныхъ.

[1]) По словамъ Жихарева (см. «Дневникъ студента»), съ ними тогда неособенно церемонились, и если они зашибались, то дѣлали выговоръ особаго рода.

«Всемилостивѣйшій государь! По долгу званія моего, съ одной стороны, наблюдая выгоды казны и предотвращая немалые убытки театра, отъ пріема за несравненно большее жалованье произойдти имѣющія, а съ другой убѣждаясь человѣколюбіемъ и просьбою всей труппы, обѣщающей всѣми силами жертвовать въ пользу службы, осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить милосердію вашего императорскаго величества жребій столь немалаго числа нужныхъ для театра людей, которымъ со свободою отъ руки монаршей даруется новая жизнь и способы усовершать свои таланты, и испрашивать какъ соизволенія на покупку оныхъ, такъ и отпуска означеннаго количества денегъ, котораго ежели не благоволено будетъ принять на счетъ казны, то хотя на счетъ московскаго театра съ вычетомъ изъ суммы, каждогодно на оной отпускаемой.

«Подписалъ оберъ-камергеръ Нарышкинъ. 13-сентября 1806 года».

Бумага эта была докладована государю 25-го сентября 1806 года. Его величествó, находя, что просимая г. Столыпинымъ цѣна весьма велика, повелѣлъ г. директору театровъ склонить продавца на умѣренную цѣну.

Столыпинъ уступилъ десять тысячъ, и актеры, по высочайшему повелѣнію были куплены за 32,000 рублей.

Изъ купленныхъ актеровъ были въ свое время извѣстны слѣдующіе [1]). Кураевъ, Іовъ Прокофьевичъ—очень талантливый комикъ-буфъ; А. И. Касаткинъ—пѣвецъ и актеръ такого же амплуа; Як. Як. Соколовъ, молодой пѣвецъ-теноръ, замѣчателенъ былъ въ оперѣ «Іосифъ» и въ «Водовозѣ»; Лисицинъ, любимецъ райка,—какъ говорилъ Жихаревъ,—гримаса въ разговорѣ, гримаса въ движеніи, представлялъ роли дураковъ; Кавалеровъ игралъ роли слугъ; актрисы: Баранчеева—на роляхъ благородныхъ матерей и большихъ барынь въ драмахъ и комедіяхъ; Караневичева, по словамъ Жихарева, роли молодыхъ любовницъ превращала въ старыхъ; Носова, водевильная актриса, съ превосходнымъ голосомъ, чистая натура; Бутенброкъ — недурная пѣвица; сестра ея Лисицина играла роли старухъ—обѣ были очень талантливыя актрисы. Послѣдняя выдвинулась случайно: во время представленія «Русалки», игравшая роль Ратимы, Померанцева внезапно была поражена ударомъ на сценѣ. Кто-то сказалъ, что молодая Лисицина, еще неопытная актриса, можетъ замѣнить ее; Сандуновъ убѣдилъ Лисицину согласиться съиграть за нее и самъ разрисовалъ дебютанткѣ лице сухими кра-

---

[1]) Гораздо ранѣе (въ 1793 году) изъ Столыпинской труппы была извѣстна очень талантливая актриса «Варенька», она вскорѣ вышла замужъ за извѣстнаго литератора того времени Н. И. Страхова, издателя «Сатирическаго Вѣстника».

скажи, такъ что она долго плакала отъ боли, и когда надѣла костюмъ, то ея сестра и другіе товарищи приняли ее за Померанцеву и съ участіемъ стали разспрашивать о здоровьѣ. Лисицина провела свою роль хорошо и съ тѣхъ поръ стала любимицею публики.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, въ Москвѣ было до двадцати барскихъ театровъ, со своими оркестрами и даже пѣвчими. Такими владѣльцами театровъ были: кн. В. И. Щербатовъ, гр. П. Б. Шереметьевъ, Д. Е. Столыпинъ, Н. Е. Мясоѣдовъ, кн. М. П. Болконской, кн. Б. Г. Шаховской, В. Е. Салтыковъ, А. Н. Зиновьевъ, И. Я. Блудовъ, С. С. Апраксинъ, В. А. Всеволожскій, Н. А. Дурасовъ, П. А. Поздняковъ и др.

О Дурасовскомъ театрѣ говоритъ миссъ Вильмотъ[1]); по ея словамъ, когда она разъ посѣтила его театръ, у него на сценѣ и въ оркестрѣ появлялось около сотни крѣпостныхъ людей, но хозяинъ разсыпался на счетъ бѣдности постановки, которую онъ приписывалъ рабочей порѣ и жатвѣ, отвлекшей почти весь его персоналъ, за исключеніемъ той горсти людей, которую успѣлъ собрать для представленія. Самый театръ и декораціи были очень нарядны, и исполненіе актеровъ весьма порядочное. Въ антрактахъ разносили подносы съ фруктами, пирожками, лимонадомъ, чаемъ, ликерами и мороженнымъ. Во время представленія ароматическія куренія сожигались впродолженіе всего вечера.

Въ Москвѣ, на Никитской, на углу Леонтьевскаго переулка до нашествія французовъ и послѣ славился крѣпостный театръ П. А. Позднякова; спектакли у него ставилъ извѣстный актеръ Сандуновъ; въ доморощенной его труппѣ находились актеры и пѣвцы не безъ дарованій, въ труппѣ этой славилась пѣвица Любочинская, которая превосходно исполняла роль жены президента въ «Водовозѣ» и Раису въ «Оборотняхъ». На спектакляхъ и маскарадахъ Позднякова бывала вся Москва. Въ маскарадахъ самъ Поздняковъ всегда ходилъ наряженнымъ персіаниномъ или китайцемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что про него сказалъ Грибоѣдовъ: «На лбу написано: театръ и маскарадъ». У него же Грибоѣдовъ слышалъ «пѣвца зимой погоды лѣтней». Это былъ его садовникъ-бородачъ, который превосходно щелкалъ соловьемъ. Примѣръ Москвы дѣйствовалъ и на провинцію; особенно, въ Пензѣ въ это время существовало много крѣпостныхъ театровъ: гг. Арапова, Бекетова, Панчулидзева и В. О. Мацнева. Затѣмъ въ городѣ былъ одинъ еще публичный «Гладковской», стоялъ онъ на склонѣ горы, которая вела отъ присутственныхъ мѣстъ; содержалъ его помѣщикъ крайне безпутный, В. Г. Гладковъ. Зданіе было тоже весьма неряшливой внѣшности; труппа состояла частію изъ крѣпостныхъ людей Гладкова, частію изъ мѣстныхъ чиновни-

---

[1]) См. письма изъ Россіи въ 1806 году, «Русс. Арх.», 1873 г., стр. 1889.

ковъ. Первый персонажъ этого театра былъ «Гришка», отчаяннѣйшій изъ всѣхъ существовавшихъ трагиковъ, какъ говоритъ Инсарскій[1]). Гришка этотъ даже внѣ сцены наводилъ на всѣхъ трепетъ, онъ постоянно, какъ и его баринъ, былъ «въ подпитіи»; другая звѣзда на этомъ театрѣ былъ другой трагикъ Бурдаевъ; послѣдній служилъ столоначальникомъ гражданской палаты, служенію же драматическому искусству предавался изъ любви къ театру. Былъ тамъ еще комикъ Кондагаровъ. Женскій же персоналъ былъ весь крѣпостной; первую пѣвицу звали Сашкой, первую танцовщицу называли «Машкой». По разсказамъ Инсарскаго, на этомъ театрѣ въ одно время давалось два представленія, одно шло на сценѣ, другое неизбѣжное передъ сценой, гдѣ главнымъ и единственнымъ артистомъ являлся самъ хозяинъ театра, Гладковъ. Публика хорошо знала привычки его и слѣдила за нимъ съ вниманіемъ едва ли не бо̀льшимъ, чѣмъ то, какое отдавалось представленію на сценѣ. Возгласы сценическіе смѣшивались съ возгласами Гладкова. Въ то время, когда какой нибудь царь или герой въ лицѣ Бурдаева или крѣпостнаго Гришки ревѣлъ на кого нибудь изъ своихъ подданныхъ, Гладковъ, нисколько не стѣсняясь, изрыгалъ громы на этого царя или героя и называлъ его дуракомъ или скотиной, смотря по тому, чего онъ заслуживалъ, вслѣдствіе эстетической оцѣнки хозяина театра. Этого мало. Часто, по окончаніи какого нибудь явленія, Гладковъ на виду всѣхъ бурно срывался съ своего мѣста и грозно летѣлъ на сцену. Всѣ знали, что этотъ неистовый полетъ имѣлъ цѣлію немедленную расправу съ артистомъ или артисткой посредствомъ пощечинъ и зуботычинъ. Послѣ подобной расправы дѣйствующее лицо появлялось на сцену съ раскраснѣвшимися щеками и заплаканными глазами.

Въ Курскѣ были извѣстны труппы крѣпостныхъ актеровъ гг. Анненкова и графа Волкенштейна; изъ послѣдней вышелъ М. С. Щепкинъ.

Въ Петербургѣ въ Николаевское время славились домашніе театры съ балетами, живыми картинами у гг. Мятлевыхъ и князя Дондукова; послѣдній первый ввелъ на сцену живыя картины, которыя у него обставлялись иногда съ царскою пышностью. Дома, гдѣ давали спектакли съ благородными артистами и съ крѣпостными, были слѣдующіе: графини Васильевой, Грибоѣдова, князя Долгорукова, князя И. А. Гагарина, графа Комаровскаго, у Резановыхъ, Авдулиныхъ, И. А. Кокошкина и А. И. Кокошкина, Храповицкаго, Титова, Комаровыхъ, Бакунина, Ганина; у послѣдняго розыгрывались только пьесы самого хозяина, въ послѣднихъ самъ авторъ игралъ роли безсловесныхъ животныхъ, появляясь передъ публикой на четвереньках, въ роли лютой тигры.

---

[1]) См. его «Половодье».

Въ двадцатыхъ годахъ, въ Петербургъ пріѣзжалъ по зимамъ со своимъ деревенскимъ оркестромъ, актерами, пѣвчими и собаками богатый помѣщикъ толстякъ А. А. Кологривовъ[1]), ходившій въ огромномъ парикѣ и въ коричневомъ фракѣ.

Всѣ артисты этого барина были подстрижены въ скобку и окрашены чорной краской.

Когда Кологривова спрашивали, зачѣмъ онъ привозитъ въ Петербургъ своихъ артистовъ, то онъ отвѣчалъ:—«У меня на сценѣ, какъ я приду посмотрѣть, всѣ актеры и пѣвчіе раскланиваются, и я имъ раскланиваюсь. Къ вамъ же придешь въ театръ, никто меня знать не хочетъ и не кланяется».

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ процвѣтали театры петербургскихъ богачей-меценатовъ: на дачѣ Рябово, за Охтой, у Всев. Анд. Всеволожскаго, да еще у другаго, тоже сосѣда послѣдняго, Алек. Ник. Оленина, на дачѣ его «Пріютино»; для этого театра писалъ небольшія піески задушевный другъ Оленина, Ив. Ан. Крыловъ.

Вмѣстѣ съ сценоманіей нашихъ баръ рядомъ шла мода составленія и хора пѣвчихъ. Любовь къ пѣвчимъ у послѣднихъ восходитъ до временъ Елисаветы Петровны, когда извѣстные регенты придворныхъ пѣвчихъ Рачинскій и Березовскій помаленьку стали вводить въ церковное пѣніе западную музыку. При Екатеринѣ II: Галупи, Керцель, Сарти, Бортнянскій уже совсѣмъ водворяютъ въ нашу церковь пѣніе концертное. Павелъ I противъ этого издалъ указъ (1797 года, мая 18-го), въ которомъ говорится: «Усмотрѣвъ, что въ нѣкоторыхъ церквахъ поютъ стихи, сочиненные по произволенію, повелѣваю никакихъ выдуманныхъ стиховъ въ церковномъ пѣніи не употреблять и вмѣсто концертовъ пѣть или приличный псаломъ, или обыкновенный канони̂къ». Хоры пѣвчихъ въ александровское время были извѣстны: В. А. Всеволожскаго, Н. А. Дурасова, Бекетова, Чашникова и купца Колокольникова. Пѣвчіе послѣдняго были свободные изъ купцовъ; онъ посылалъ дѣтей послѣднихъ въ Италію, гдѣ тѣ обучались пѣнію; изъ хора Колокольникова вышелъ родоначальникъ артистической семьи Самойловыхъ; пѣвчіе хора Колокольникова каждое воскресенье пѣли въ церкви Никиты Мученика въ Басманной улицѣ; здѣсь былъ съѣздъ лучшей московской публики, не для моленія, но болѣе для слушанія пѣнія и свиданія. Во время чтенія или службы священника, большая часть знатной публики разговаривала и даже переходила съ мѣста на мѣсто, но какъ скоро запоютъ пѣвчіе, то все умолкало и слушало. Жихаревъ[2]) говоритъ, что

---

[1]) См. записки академика Солнцева въ «Русской Старинѣ».
[2]) См. «Дневникъ студента», стр. 31.

отъ нихъ черномазый Визапуръ [1]), не знаю—графъ или князь, намедни пришелъ въ такой восторгъ, что осмѣлился зааплодировать. Полицеймейстеръ Алексѣевъ приказалъ ему выйдти.

Въ Петербургѣ позднѣе пользовались такою славою хоры пѣвчихъ графа Шереметьева и Дубенскаго.

М. И. Пыляевъ.

[1]) Визапуръ, эмигрантъ-мулатъ, былъ женатъ на дочери купца Сахарова, отъ которой имѣлъ дѣтей бѣлыхъ и черныхъ; онъ былъ въ 1812 году разстрѣлянъ какъ шпіонъ Наполеона.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПРЕОСВЯЩЕННОМЪ ИГНАТІИ.

Вторaго апрѣля 1872 года, въ гродненскомъ Борисо-Глѣбскомъ монастырѣ скончался преосвященный Игнатій, епископъ брестскій, бывшій двадцать одинъ годъ викаріемъ литовскаго митрополита, Іосифа Сѣмашко.

Еще мальчикомъ, ученикомъ виленскаго духовнаго училища, я много разъ видѣлъ преосвященнаго Игнатія. Втеченіе болѣе тридцати лѣтъ, вся жизнь и служба покойнаго брестскаго викарія была у насъ на виду. Въ училищахъ и семинаріи, среди учениковъ, и во всей Литовской епархіи, среди духовенства, о преосвященномъ Игнатіи, принадлежавшемъ Литовской епархіи отъ рожденія до смерти, ходило очень много разсказовъ; повторялись на множество ладовъ его фразы, выговоры, замѣчанія, разбирался его характеръ, привычки, вся его жизнь. Почти все духовенство епархіи имѣло къ нему личныя отношенія: одни изъ духовныхъ были его учениками; другіе — какъ уроженцы Гродненской губерніи; третьи — тамъ получили священническія и другія должности и много разъ видѣли его своимъ ревизоромъ. И теперь, послѣ двадцати слишкомъ лѣтъ, протекшихъ надъ его могилою, память о покойномъ жива среди духовенства, и въ воспоминаніяхъ этихъ покойный святитель являлся точно живымъ человѣкомъ, какимъ видѣли и знали его множество лицъ духовнаго и свѣтскаго званій.

Епископъ Игнатій былъ уроженцемъ Гродненской губерніи; въ молодости онъ принялъ иночество, служилъ преподавателемъ и инспекторомъ бывшей Жировицкой духовной семинаріи, смотрите

лемъ духовныхъ училищъ, настоятелемъ гродненскаго Борисо-Глѣбскаго монастыря, а съ 1847 года викаріемъ Литовскимъ. Это была цѣльная, аскетическая личность, всецѣло принадлежавшая церкви и посвятившая себя иночеству и родной Литовской епархіи. Присоединеніе западно-русскихъ уніатовъ въ 1839 году застало его на службѣ въ семинаріи. Благоговѣйно преданный митрополиту Іосифу, онъ до смерти оставался беззавѣтнымъ слугою своего великаго благодѣтеля и его идеи — полнаго единенія Литовской епархіи съ русскою церковью, въ духѣ православія и русскихъ народныхъ началъ. Съ перенесеніемъ епархіальнаго управленія въ Вильну, со дня посвященія Игнатія въ санъ епископа, онъ, до самой смерти Іосифа Сѣмашки (23 ноября 1868 года), въ Гродненской губерніи съ ея 320 церковными приходами оставался окомъ нашего церковно-народнаго вождя и пользовался его неизмѣннымъ довѣріемъ. Подъ непосредственнымъ руководительствомъ и надзоромъ преосвященнаго Игнатія, и православное духовенство, а съ нимъ и сельское населеніе Гродненской губерніи, сбросило съ себя все польское, католическое, уніатское, что втеченіе вѣковъ было навязано лукавствомъ и насиліемъ враговъ; подъ его руководительствомъ и сильнымъ нравственнымъ вліяніемъ православное духовенство съ успѣхомъ вело глухую, скрытую, но тѣмъ болѣе трудную борьбу съ враждебными ему элементами въ краѣ, и послѣ митрополита Іосифа епископу Игнатію Гродненская губернія много обязана тѣмъ, что во время событій 1863—1864 годовъ, вся сплошная масса сельскаго населенія губерніи осталась вѣрна Россіи, что нѣкоторые пастыри и простые люди погибли въ пыткахъ, не вымолвивъ слова измѣны православной церкви и русскому народу. Во все время своего викаріатства и даже въ старости, уже изнеможенный и больной, преосвященный Игнатій съ постоянною твердостію и настойчивостію и во время ежегодныхъ объѣздовъ, и у себя дома училъ и требовалъ отъ духовенства дѣятельнаго и просвѣтительнаго пастырскаго служенія, аккуратнаго и правильнаго совершенія богослуженія; преслѣдовалъ польскій языкъ въ жизни духовенства, польскіе молитвенники и уніатскіе требники, и канонники; онъ старался уничтожить все, что напоминало унію съ ея Іосафатомъ Кунцевичемъ (изображеніе этого дикаго фанатика составляло принадлежность почти каждой уніатской церкви), очистилъ церкви отъ изображеній иконъ не въ духѣ православія и всегда обнаруживалъ изумительную заботливость и энергію въ украшеніи церквей. На возстановленіе и украшеніе оставшихся отъ уніи обѣднѣвшихъ, полуразрушенныхъ сельскихъ церквей правительственнаго пособія не отпускалось; крестьяне, томившіеся въ крѣпостномъ рабствѣ, были очень бѣдны, а землевладѣльцы, за самымъ малымъ исключеніемъ, были врагами возродившагося православія. Весь трудъ обновленія церквей лежалъ на брестскомъ

епископѣ, которому нужно было имѣть самую настойчивую энергію, чтобы дѣйствовать и на администрацію, состоявшую почти изъ поляковъ, на помѣщиковъ, тоже поляковъ, на бѣдное духовенство и, наконецъ, на загнаннаго мужика, и находить средства для приведенія церквей въ приличное положеніе. Всѣ помыслы и заботы покойнаго епископа были обращены на удовлетвореніе этой вопіющей нужды. Онъ и духовенство умѣлъ заставить дружно работать на пользу своихъ церквей. Стоило только священнику словесно, или письменно, обратиться къ преосвященному съ просьбою о содѣйствіи и помощи по ремонту церкви, или иконостаса, всякая подобная просьба радовала преосвященнаго викарія, какъ свидѣтельство усердія священника. По дѣлу украшенія церквей преосвященный велъ обширную переписку съ Москвою, гдѣ пріобрѣлъ себѣ помощниковъ и друзей, въ особенности, въ извѣстномъ протоіереѣ І. Зерновѣ. При содѣйствіи послѣдняго, преосвященный выписывалъ изъ Москвы массу утвари, иконъ и цѣлыхъ иконостасовъ. Въ иное время архіерейскій домъ походилъ на контору, изъ которой вывозили церковныя принадлежности во всѣ уѣзды губерніи. Очень часто пожертвованными и церковными деньгами покрывалась только часть стоимости, а остальныя деньги, иногда сотни рублей, епископъ высылалъ изъ своихъ средствъ. Церкви: кладбищенская въ Гроднѣ, приходская на родинѣ викарія и нѣсколько другихъ деревенскихъ, достроены и благолѣпно украшены личными средствами одного преосвященнаго Игнатія. Были случаи, когда священникъ просилъ епископа выписать храмовую икону, или заказать новыя царскія врата.

— Подождите, небоже,—отвѣчалъ старикъ-святитель:—дайте мнѣ какъ нибудь извернуться!

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, священникъ получалъ готовый иконостасъ да еще деньги на постановку его, и всегда это дѣлалось безъ всякой огласки; объ этомъ только знали: священникъ, викарій да Незримый, которому жертвенникомъ всю жизнь оставалось сердце епископа Игнатія.

Каждое лѣто покойный брестскій епископъ, по порученію митрополита, ревизовалъ церкви въ одномъ или двухъ уѣздахъ губерніи.

Во время своихъ разъѣздовъ, преосвященный не любилъ останавливаться у помѣщиковъ, а просилъ и принималъ себѣ комнату въ церковномъ домѣ. Съ самою кропотливою настойчивостію онъ вникалъ во всѣ подробности церковной жизни прихода; цѣлые дни онъ проводилъ въ церкви, бесѣдовалъ съ крестьянами, выслушивалъ ихъ просьбы, желанія, провѣрялъ знаніе ими молитвъ, разъяснялъ ихъ смыслъ, и когда и духовенство, и прихожане еле стояли на ногахъ отъ усталости, епископъ производилъ испытаніе ученикамъ церковно-приходской школы (если она существовала) и

только затѣмъ уже, повидимому бодрымъ, возвращался въ квартиру священника, раздѣлялъ скромную трапезу, дѣлалъ указанія причту, испытывалъ дьячковъ въ чтеніи и пѣніи, иногда самъ училъ ихъ пѣть и читать, часъ, два, три и, если требовали обстоятельства, поздно вечеромъ, чтобы не терять на проѣздъ дневнаго времени, отправлялся далѣе, чтобы опять съ пяти, шести часовъ утра до вечера пробыть въ другомъ приходѣ въ такомъ же цѣлодневномъ трудѣ. Многіе годы, помнится мнѣ, среди духовенства ходилъ разсказъ о томъ, какъ владыка при ревизіи одной приходской церкви такъ увлекся бесѣдою съ крестьянами, что оставался въ церкви отъ литургіи до вечера. Старикъ, мѣстный священникъ, окончательно изнемогъ. Замѣтивъ его усталость, преосвященный сказалъ:

— Ну, пора и борщу поѣсть.

— Ой, владыко святый, не поговоришь, а спиваешь,—отвѣтилъ обрадованный священникъ.

Этотъ сердечно-наивный отвѣтъ священника свидѣтельствуетъ, какъ просты и сердечны были отношенія духовенства къ преосвященному Игнатію. Среди духовенства ходило много и другихъ разсказовъ о томъ, какъ преосвященный во время своихъ ревизій усердно разсматривалъ уголки церкви и присматривался къ домашней обстановкѣ священника, чтобы видѣть, на сколько послѣдній домостроителенъ, и къ какимъ наивнымъ хитростямъ прибѣгалъ, чтобы отыскать подозрѣваемый уніатскій требникъ, узнать, получилъ ли въ домѣ священника право гражданства русскій языкъ, оставила ли матушка (время давно минувшее!) свои польскіе олтарики (молитвословы), и то угрозою и шуткою, то ласкою и совѣтомъ настойчиво требовалъ уничтоженія ихъ и всѣхъ другихъ остатковъ уніи какъ въ церкви, такъ и въ домѣ священника. О небрежности со стороны духовенства и невниманіи къ его требованіямъ и замѣчаніямъ преосвященный неопустительно доносилъ митрополиту, и много священниковъ, которымъ приходилось вино новое вливать въ мѣхи ветхіе, перебывало на послушаніи и въ Вильнѣ, при каѳедральномъ соборѣ, и въ монастыряхъ епархіи, для обученія правильному богослуженію. Если эпитимисты несли послушаніе въ Гроднѣ, преосвященный самъ настойчиво руководилъ ихъ обученіемъ.

Съ крѣпкою любовію къ православной церкви преосвященный соединялъ такую же любовь къ русскому дѣлу и къ русскому языку. Еще служа инспекторомъ литовской семинаріи, преосвященный строго преслѣдовалъ польскую рѣчь среди воспитанниковъ и былъ ревностнымъ поклонникомъ русскаго направленія: воспитанникъ и въ казенномъ общежитіи, и на частной квартирѣ, обвиненный въ полонофильствѣ, долженъ былъ въ наказаніе заучить двадцать, тридцать, а то и болѣе греческихъ словъ и идти

къ о. инспектору для отчета въ выполненіи заданной работы. Самъ преосвященный, воспитанный въ уніатско-польскихъ заведеніяхъ, свободно владѣлъ правильною русскою рѣчью; много закупалъ и читалъ русскихъ книгъ, преимущественно изъ духовной литературы; живо интересовался и любилъ бесѣдовать о литературѣ свѣтской, о русскомъ книжномъ языкѣ и, если впадалъ въ ошибку, искренно сознавалъ ее и своего незнанія не скрывалъ даже передъ нами, молодыми преподавателями духовнаго уѣзднаго училища, помѣщавшагося въ его архіерейскомъ домѣ, которые всегда имѣли къ нему доступъ, приносили ему книги свѣтской литературы и пользовались у владыки духовными журналами.

Русскіе чиновники Гродненской губерніи, не запятнавшіе своего добраго имени, во время нужды или невзгоды имѣли въ преосвященномъ самаго усерднаго защитника, готоваго помощника и печальника. Правда, довѣрчивость къ людямъ и сердечная простота преосвященнаго ставили его иногда въ самое щекотливое положеніе, когда рекомендованныя или защищаемыя имъ лица, за которыхъ онъ, какъ говорится, распинался предъ властями, оказывались нехорошими, и бѣдному ходатаю приходилось выслушивать многое... и молчать. Не одинъ разъ, по его собственному сознанію, подъ впечатлѣніемъ, повидимому, искренняго и правдиваго разсказа и жалобы на несправедливость людскую, онъ давалъ значительную матеріальную помощь и хлопоталъ за обиженныхъ, а потомъ убѣждался, что все сказанное была искусная ложь. Живо помнится мнѣ, въ какомъ скверномъ положеніи находился преосвященный, когда два русскіе чиновника, получившіе назначеніе, по его настойчивому ходатайству, были чрезъ три мѣсяца уволены за лихоимство и нетрезвость.

— Посовѣтуйте, — говорилъ огорченный преосвященный: — что сказать губернатору? Вѣдь у меня есть еще три кандидата, за которыхъ я собираюсь просить губернатора.

Что сказали другъ другу преосвященный и губернаторъ, я не знаю. Но прогнанные чиновники и послѣ увольненія ихъ довольно долго жили съ семействами въ Гроднѣ на пособіе обманутаго ими незлобливаго архіерея.

Никакія новыя вѣянія и направленія не измѣняли дѣятельности святителя, преданнаго русскому дѣлу всѣмъ честнымъ сердцемъ. Время послѣ К. П. Кауфмана долго будетъ памятно русскому православному духовенству; оно принесло много огорченій и преосвященному Игнатію. Но никакая сила земной власти не могла измѣнить его церковно-русскихъ убѣжденій и погасить въ его сердцѣ свѣточъ любви къ русскому и русскимъ. Какимъ онъ былъ въ лѣта мужества, такимъ остался и въ дряхлой старости, еле дышущій, стоявшій одною ногою въ могилѣ. Во время одного посѣщенія имъ Вильны, въ самый разгаръ мятежа, одинъ пред-

ставляющійся священникъ говорилъ о бѣдственномъ положеніи своемъ и прихода: каждый день приходили новыя вѣсти о мятежническихъ шайкахъ и ихъ неистовствахъ. Бѣдный священникъ не зналъ, какъ и гдѣ искать спасенія. Преосвященный слушалъ, молча. Потомъ какъ-то засвѣтились его прекрасные и въ старости глаза, и преосвященный съ воодушевленіемъ, какъ бы про себя, сказалъ:

— Что дѣлать? А дѣлать то, что сдѣлали Конапасевичъ, Рапацкій, Прокоповичъ и многіе другіе: умереть и тѣмъ доказать, что вы достойно носите вашу рясу!

И это было сказано такъ естественно, сердечно. Невольно хотѣлось упасть къ ногамъ святителя. Сѣверо Западной край часто былъ и является прекрасною школою терпѣнія. Умѣлъ терпѣть и покойный епископъ. По обязанности службы, русскій чиновникъ сдѣлалъ донесеніе объ открытой секретной школѣ, въ которой учили не тому, чему должна учить всякая школа. Противъ чиновника возсталъ предводитель дворянства, и заступничество магната сдѣлало то, что администраторъ имѣлъ дерзость стать въ враждебное отношеніе къ епископу Игнатію, рѣшительно заявившему свое полное сочувствіе чиновнику. Чиновникъ былъ переведенъ. Въ другой разъ, епископъ освящалъ въ селѣ церковь, а въ верстахъ двухъ, трехъ, подъ предлогомъ истребленія волковъ, сдѣлана была охота, на которую были выгнаны прихожане освящаемой церкви. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ бывало многое подобное... Не даромъ преосвященный Игнатій пользовался неограниченнымъ довѣріемъ митрополита Іосифа Сѣмашко. Зоркое око послѣдняго далеко видѣло; онъ насквозь зналъ всѣхъ окружающихъ его лицъ и что, и кому довѣрить. Самая крѣпкая нравственная связь связывала митрополита Іосифа съ его старѣйшимъ викаріемъ. И когда не стало великаго народолюбца, эта потеря имѣла роковое значеніе для епископа Игнатія: старческія его силы были потрясены окончательно, и хотя онъ еще два года служилъ и своею службою пріобрѣлъ уваженіе и наслѣдника митрополита Іосифа, архіепископа Макарія (умершаго московскимъ митрополитомъ), но это были уже послѣднія тяжкія усилія; въ 1870 году, епископъ удалился на покой и, послѣ двухъ лѣтъ страданій, въ 1872 году, скончался.

Въ молодыхъ лѣтахъ, въ монашеской келіи, рано сложился характеръ и порядокъ повседневной уединенной жизни епископа Игнатія и опредѣлились его потребности. Такимъ онъ до смерти былъ и жилъ. Внѣшнее положеніе нисколько не измѣнило ни его характера, ни его жизни. Обыкновенно трудовой день преосвященнаго начинался въ четыре или пять часовъ утра, такъ какъ преосвященный ежедневно посѣщалъ въ своей церкви всѣ службы. Пріѣзжая по временамъ въ Вильну, онъ такъ же аккуратно посѣщалъ церковь, и случалось, что брестскій викарій въ морозъ и

вьюгу стоялъ у церковныхъ дверей и ожидалъ, пока пономарь Свято-Духовскаго монастыря откроетъ церковь для служенія утрени. Помню, епископъ, возвратившись изъ Вильны, разсказывалъ со смѣхомъ, какъ пономарь наворчалъ преосвященному за его раннее вставаніе. — «А что жъ? молодому хочется поспать, а я почему-то вышелъ въ половинѣ пятаго, и сторожъ поднялъ пономаря ранѣе обыкновеннаго», — закончилъ преосвященный свой разсказъ. Все остальное время дня и до полуночи епископъ проводилъ въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ, съ перомъ или книгою въ рукѣ. Вечеромъ, повременамъ, епископъ выходилъ въ келейную со скрипкою, собиралъ своихъ клирошанъ, и часа два, три, продолжалась церковная спѣвка подъ управленіемъ скрипки. Епископъ Игнатій былъ большой любитель и знатокъ церковныхъ древнихъ напѣвовъ и заботился о стройности пѣнія. Послѣ спѣвки шла репетиція толковаго и отчетливаго церковнаго чтенія. Епископъ велъ обширную частную и казенную переписку и, бо̀льшею частью, безъ пособія копіиста. Со двора епископъ выѣзжалъ очень рѣдко, и то или въ церковь, по дѣлу, или съ рѣдкимъ визитомъ. Вечеромъ епископъ не выѣзжалъ. Два, три раза въ годъ епископъ, по приглашенію, посѣщалъ оффиціальные обѣды. Въ архіерейскомъ домѣ, кромѣ очень рѣдкихъ утреннихъ визитовъ, никакихъ званныхъ собраній свѣтскаго общества не было. Епископъ любилъ свое духовное общество. Въ день ангела, на святки и пасху, преосвященный приглашалъ отобѣдать часть духовенства, служащихъ въ духовномъ училищѣ и двухъ-трехъ лицъ свѣтскаго общества. Изрѣдка приглашались преосвященнымъ къ столу сослуживцы преосвященнаго: соборный протоіерей, казначей монастыря и другіе. На столъ подавали тѣ же борщъ, кашу и все то же, что кушали братія и послушники. Ничего отдѣльнаго не приготовлялось. А въ постные дни преосвященный иногда довольствовался тарелкой сырой капусты, приправленной конопляннымъ масломъ, овсянымъ или гороховымъ супомъ, да двухкопѣечною селедкой. Если къ нему пріѣзжали родственники, мы обыкновенно спрашивали пріѣзжаго: — «А что за ситникомъ (хлѣбъ въ 5 коп.) послалъ, овса лошадямъ велѣлъ дать?». Эти распоряженія служили признакомъ, что старецъ задержитъ родственника до вечера. Однажды, въ день ангела преосвященнаго, одинъ видный чиновникъ прибылъ съ визитомъ, когда мы садились за скромную трапезу. Преосвященный пригласилъ прибывшаго. Послѣ обѣда мы много хохотали, когда сей господинъ, располагавшій побаловать свою прихотливую утробу стерлядкой, дорогою осетриной да икоркой, былъ разочарованъ и, уѣзжая, сказалъ намъ съ неудовольствіемъ:

— Ну, накормилъ же вашъ архіерей! Гдѣ онъ научился такому искусству портить желудки порядочныхъ людей?

Викарій брестскій никогда не имѣлъ большихъ, сравнительно,

средствъ содержанія. Штатное жалованье было обыкновенное, кажется, 1,500 рублей. Гродненскій монастырь былъ бѣденъ и не могъ предоставить многаго своему настоятелю, а оброчная статья архіерейскаго дома была очень мала. Никакихъ приношеній за совершеніе частнаго богослуженія викаріи Литовской епархіи не получаютъ: это было несогласно съ принципами митрополита Іосифа. У епископа Игнатія было много бѣдныхъ родственниковъ; нѣкоторые сироты жили у него до отдачи въ училища, или опредѣленія на мѣсто, и обученіемъ этихъ мальчиковъ занимался самъ епископъ. Еще болѣе было у епископа Игнатія бѣдныхъ церквей, которыя, какъ я сказалъ выше, были главнымъ и постояннымъ предметомъ его думъ, хлопотъ, трудовъ и расходовъ. Послѣ кончины преосвященнаго оставалось нѣсколько сотъ рублей да столько же было роздано людямъ. Остальное имущество составляли книги и кой-какія вещи. Вся обстановка его жизни носила на себѣ печать такой же монастырской простоты. Въ архіерейскомъ домѣ весь третій этажъ, часть втораго и перваго занимали уѣздное духовное училище (до его закрытія) и квартиры служащихъ въ училищѣ. Самъ хозяинъ занималъ пять небольшихъ комнатъ, а единственная большая комната была необитаема и служила складомъ для книгъ и бумагъ. Только въ пріемной была порядочная мебель, впрочемъ, очень полинялая. Обстановка остальныхъ комнатъ была такова, что невольно казалось, что ее собирали съ разныхъ мѣстъ, чтобы что нибудь поставить въ этихъ комнатахъ. Она живо напоминала обстановку и помѣщеніе настоятеля одного изъ нашихъ монастырей, пріютившихся въ захолустьѣ края. А что касается гардероба епископа, то его бѣдный подслѣповатый «придворный» портной долженъ былъ насиловать всѣ свои творческія дарованія, чтобы изощриться, какъ два-три раза переворотить подрясникъ, или рясу, которые уже тогда оставлялись и признавались негодными, когда перешитье ихъ становилось невозможнымъ и для такого художника, какимъ былъ этотъ портной.

И въ молодости, и въ старости, когда болѣзни и немощи дѣлаютъ человѣка болѣе нервнымъ и нетерпѣливымъ, епископъ Игнатій въ своихъ сношеніяхъ и съ чужими, и съ своими былъ крайне сдержанъ, спокоенъ, ровенъ. И взволнованный, дѣлая выговоръ, распекая провинившагося, преосвященный не кричалъ и не бранился. Онъ любилъ долго наставлять, усовѣщевать, поворчать и, какъ говорится, попилить. Одиночество келіи развило въ покойномъ педантизмъ и настойчивую требовательность. Тяжеленько приходилось иногда молодымъ, не привыкшимъ къ строгому порядку, людямъ служить вблизи преосвященнаго. Онъ любилъ по нѣскольку разъ вспомнить провинившемуся его вину; чрезъ годъ, два, намекнуть на прежніе грѣшки, но всегда безъ шуму и крику. Въ немъ всегда видѣлся и слышался не суровый судья, не вла-

дыка, а человѣкъ.... У преосвященнаго довольно долгое время служилъ въ архіерейскомъ домѣ одинъ іеродіаконъ, принявшій монашество по вліянію совѣтовъ епископа. Это былъ человѣкъ жизни незазорной, но любилъ иногда разсѣяться въ кругу знакомыхъ города. Владыка какъ-то особенно слѣдилъ за жизнью своего воспріемнаго сына. И вотъ, однажды, іеродіаконъ шелъ вечеромъ со двора, не замѣчая прогуливающагося епископа. Послѣдній окликнулъ уходящаго, іеродіаконъ прибавилъ шагу. И старикъ поспѣшилъ, оступился и упалъ, сильно ушибивъ колѣно. Весь архіерейскій домъ ужаснулся: случай былъ небывалый. И все кончилось келейною бесѣдою, про которую, впрочемъ, іеродіаконъ не любилъ говорить съ нами.

Двери квартиры епископа были открыты для всѣхъ во всякое время дня. Чрезъ пять-десять минутъ епископъ выходилъ къ пришедшему: былъ ли это сановникъ, или бѣдный проситель, обращеніе епископа было любезно, кротко, въ полномъ смыслѣ отеческое. По своей природѣ онъ былъ человѣкъ простой, всегда естественный, почему въ немъ никогда нельзя было примѣтить напускнаго величія. Съ кроткою улыбкою и ласкою, какъ-то склонивъ немного на грудь голову, епископъ говорилъ тихо. Эта кротость и простота преосвященнаго иногда до того были обаятельны, что онѣ насъ, молодыхъ учителей, очаровывали и приводили въ пріятное смущеніе. Рѣчь его никогда не пересыпалась остротами, не было въ ней желанія блеснуть краснорѣчіемъ, выказать свою авторитетность, превосходство, нравственную силу. Какъ и въ поступкахъ, такъ и въ словѣ, епископъ былъ застѣнчивъ. И чѣмъ продолжительнѣе была бесѣда, тѣмъ какъ-то сглаживалось различіе положенія, замѣчалось, что владыка какъ-то невольно, естественно, по внутреннему складу своей души, нисходилъ до духовнаго равенства съ своимъ собесѣдникомъ. Живя подъ одною кровлею съ нами, преосвященный такъ умѣлъ самъ жить, что онъ никому не мѣшалъ жить, и мы не испытывали тяготы отъ близкаго сосѣдства и ежедневныхъ встрѣчъ съ высокимъ сановникомъ.

Я недолго служилъ въ гродненскомъ духовномъ училищѣ и жилъ подъ одною кровлею съ покойнымъ преосвященнымъ. Судьба передвинула меня въ другую окраину Литовской епархіи для служенія въ санѣ священника. Потому въ моихъ воспоминаніяхъ о брестскомъ епископѣ Игнатіи не можетъ быть много живыхъ фактовъ его административной дѣятельности. Какъ жаль, что люди, близко знавшіе святителя, не написали до сего времени своихъ о немъ воспоминаній. Какъ жаль вообще, что о митрополитѣ Іосифѣ и его сподвижникахъ до настоящаго времени почти не появлялись въ печати разсказы и воспоминанія и духовенства, и свѣтскихъ лицъ, близко знакомыхъ съ судьбами Литовской епархіи въ это знаменательное время. Изъ этихъ сподвижниковъ остаются въ жи-

выхъ только самые немногіе; но и ихъ лебединая пѣсня скоро будетъ спѣта... Жизнь и дѣятельность преосвященнаго Игнатія, достойнаго и ревностнаго исполнителя воли покойнаго митрополита, всю свою долгую жизнь прослужившаго родной епархіи, не мудрствуя лукаво, всѣми силами его честной души, жизнь и дѣятельность другихъ архипастырей и учителей нашихъ, безмолвно вынесшихъ на плечахъ своихъ всю тяготу событій съ 1831 года, много претерпѣвшихъ и отъ своихъ, и отъ чужихъ, и духовно-возвратившихъ Россіи цѣлый край, вполнѣ заслуживаютъ того, чтобы историческая правда освѣтила ихъ подвигъ. А намъ, ихъ ученикамъ, особенно дорога и желанна эта святая правда и серьёзный судъ о нихъ «не за то, чего они не сдѣлали, или не могли сдѣлать, а за то, что дѣйствительно совершено ими на благо Россіи и православной церкви».

Да будетъ покой ихъ честь...

Протоіерей Зосимовичъ.

ВОСПОМИНАНІЕ О М. С. КУТОРГѢ.

Коротко и смутно извѣстила телеграмма о кончинѣ Михаила Семеновича Куторги. Не менѣе лаконичны оказались и газетные некрологи: они въ немногихъ строкахъ передали только нѣсколько отрывочныхъ біографическихъ свѣдѣній, безъ малѣйшихъ указаній на замѣчательную учено-литературную дѣятельность умершаго историка. Между тѣмъ, покойный, по своей долгой профессорской службѣ въ двухъ столичныхъ университетахъ, по своимъ трудамъ, замѣченнымъ иностранными учеными, наконецъ, по своему личному характеру, заслуживалъ болѣе подробныхъ воспоминаній. Одно изъ такихъ воспоминаній близко и къ намъ, пишущимъ эти строки: намъ пришлось быть если не учениками, то слушателями лекцій Куторги, при закатѣ его профессорства. Вотъ почему мы беремся за перо и, благодаря отчасти собраннымъ матеріаламъ, отчасти личнымъ воспоминаніямъ, предлагаемъ «Обзоръ жизни и трудовъ» покойнаго историка.

М. С. родился въ 1811 году и, если не ошибаемся, получилъ первоначальное образованіе въ 3-й с.-петербургской гимназіи; изъ послѣдней онъ поступилъ на «словесное отдѣленіе» С.-Петербургскаго университета (1827 г.), но успѣлъ пробыть тамъ только одинъ годъ. Еще въ ноябрѣ 1827 года, состоялось высочайшее приказаніе — избрать въ университетахъ способнѣйшихъ студентовъ, «непремѣнно природныхъ русскихъ», и отправить ихъ для научныхъ занятій сначала въ Дерптъ, а потомъ за границу. Исполняя высочайшую волю, Петербургскій университетъ назначилъ шестерыхъ своихъ питомцевъ, въ числѣ ихъ и первокурсника Куторгу. Молодые люди выдержали предварительное испытаніе въ академіи наукъ и 16-го іюля 1828 года отправились въ Дерптъ. Тамъ, подъ руководствомъ одного изъ дерптскихъ ученыхъ, они

образовали такъ называемый «профессорскій институтъ». Въ этомъ «разсадникѣ профессоровъ» Куторгѣ пришлось пробыть болѣе четырехъ лѣтъ (съ іюля 1828 г. до конца 1832 г.), написать первый ученый трудъ, подъ названіемъ: «De tribubus Atticis eorumque cum regni partibus nexu» (Dorpati, 1832), и послѣ защиты (15-го декабря того же года) получить степень магистра философіи. Затѣмъ, молодой ученый былъ отправленъ въ заграничное путешествіе. Два года (1833—1834) онъ провелъ среди усиленныхъ занятій въ Парижѣ, Гейдельбергѣ, Мюнхенѣ и, главнымъ образомъ, въ Берлинѣ. Тогда въ заграничныхъ университетахъ, особенно въ нѣмецкихъ, получила широкое развитіе такъ называемая «Нибуровская школа». Профессора-историки преимущественно работали надъ изученіемъ античнаго міра: путемъ строгаго критическаго анализа, чрезъ непосредственное знакомство съ классическими писателями и уцѣлѣвшими памятниками, они возсоздавали исторію Греціи и Рима, съ ихъ особеннымъ политическимъ бытомъ и учрежденіями, съ ихъ религіей, литературой и искусствами, наконецъ, съ ихъ замѣчательными людьми. Такимъ научнымъ направленіемъ сильно увлекся М. С. Куторга и началъ слѣдовать ему съ первыхъ дней своего преподаванія въ Петербургскомъ университетѣ (съ августа 1835 года). Ему выпало на долю, сначала адъюнктомъ, а потомъ профессоромъ, читать лекціи на филологическомъ факультетѣ по древней и средневѣковой исторіи. Первыя же чтенія, какъ по отзыву оффиціальнаго историка [1]), такъ и по воспоминаніямъ одного изъ студентовъ [2]), оказались «живительною и плодотворною новостью», составили даже «эпоху». Въ самомъ дѣлѣ, каждая лекція, посвященная извѣстному историческому лицу, указывала источники и литературу предмета, рядомъ съ строго-критической ихъ оцѣнкой. Точно также въ рѣдкомъ чтеніи не передавались прежніе и новые взгляды на излагаемые факты, съ цѣлью, какъ можно вѣрнѣе освѣтить ихъ передъ слушателями. Этого мало, тотъ же критическій методъ изслѣдованія Куторга переносилъ изъ аудиторіи къ себѣ на домъ, гдѣ съ сороковыхъ годовъ завелъ особыя «вечернія бесѣды»,— зародышъ такъ называемыхъ теперь «семинаріевъ». Тутъ, по словамъ профессора Григорьева, занимался онъ спеціальнымъ разборомъ отдѣльныхъ историческихъ вопросовъ, задавалъ тэмы студентамъ для разработки, разбиралъ сочиненія, которыя они представляли, и такимъ образомъ на дѣлѣ знакомилъ молодыхъ людей съ требованіями и пріемами исторической

[1]) Григорьевъ: «С.-Петербургскій университетъ втеченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ», Спб., 1870 г., стр. 213—214.

[2]) Устряловъ: «Воспоминанія о С.-Петербургскомъ университетѣ» (Историческій Вѣстникъ, 1884 г., кн. 8, стр. 297—300).

критики. Такое преподаваніе не осталось безъ благотворныхъ результатовъ: оно принесло несомнѣнную пользу для учениковъ Куторги, что̀ подтверждается большою вереницею ихъ собственныхъ историко-критическихъ трудовъ [1]).

Но въ то же время подобное направленіе ярко отразилось и въ учено-литературной дѣятельности самого профессора. Втеченіе тридцатипятилѣтней службы при Петербургскомъ университетѣ (1835—1869 г.) имъ напечатаны въ журналахъ или изданы отдѣльно слѣдующія произведенія:

«Политическое устройство германцевъ до VI столѣтія», Спб., 1837 г.

«Колѣна и сословія аттическія», диссертація на степень доктора философіи, Спб., 1838 г. Это изслѣдованіе переведено на французскій языкъ и издано подъ слѣдующимъ заголовкомъ: «Essai sur l'organisation de la tribu dans l'antiquité, traduit du russe par M. Chopin, Paris, 1839».

«Историческія воспоминанія путешественника: Версаль», Спб., 1839 г.

«О собраніи, называемомъ: Notitia dignitatum Imperii Romani», Спб., 1839 г.

«Людовикъ XIV», историческій очеркъ (Современникъ, 1843 г., кн. 1 и 2). Отдѣльный оттискъ: Спб., 1843 г.

«О поэтической и философической сторонѣ аѳинской образованности», актовая рѣчь («Годичный актъ С.-Петербургскаго университета», Спб., 1843 г.). Отдѣльно: Спб., 1843 г.

«Исторія Аѳинской республики отъ убіенія Иппарха до смерти Мильтіада», Спб., 1848 г. Это сочиненіе удостоено демидовской награды въ 1850 году по рецензіи К. А. Блума.

«Периклъ», историческій очеркъ (Современникъ, 1850 г., т. XIX, кн. 2).

«Очеркъ новѣйшихъ историковъ Западной Европы: Леопольдъ Ранке» (Библіот. для Чтен., 1850 г., т. 99, кн. 2).

«Исторія папской власти до Карла Великаго и возстановленіе Западной Римской имперіи» (Современникъ, 1850 г., т. XXI, кн. 5).

«Очеркъ науки древностей (Библіот. для Чтен., 1850 г., т. 104, кн. 12).

«Die Ansichten des Dikäarchos über den Ursprung der Gesellschaft, nebst der Erklärung seines Fragments bei Stephanos von Byzanz s. v. «πάτρα» и «Beiträge zur Erklärung der vier ältesten ättischen Phylen» (Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et polit. de l'Acad. Imp. des sciences de St.-Pétersbourg, 1850—1851, t. VIII).

«Критическія розысканія о законодательствѣ Алкмэонида Клисѳена» (Пропилеи, изд. П. М. Леонтьева, М., 1853 г., кн. 3). Это изслѣдованіе переведено на нѣмецкій языкъ и напечатано подъ заглавіемъ: «Kritische Untersuchungen über die von dem Alcmäoniden Cleisthenes eingefuhrte Staatsverfassung» (Mélanges Greco-Romains, 1854, t. I, livrais. 4, pag. 356—409).

«Хронологическія розысканія, относящіяся къ событіямъ персидскихъ войнъ» (Годичный актъ С.-Петербургск. университета, Спб., 1853 г.). Это изслѣдованіе, нѣсколько измѣненное и дополненное, вышло отдѣльно, подъ загла-

---

[1]) Достаточно, по названной уже книгѣ профессора Григорьева, обратить вниманіе на тэмы сочиненій, удостоенныхъ медалями, и диссертацій, за которыя присуждены ученыя степени по всеобщей исторіи, чтобы понять сильное вліяніе воззрѣній и научнаго направленія М. С. Куторги.

віемъ: «Персидскія войны, критическія изслѣдованія о событіяхъ этой эпохи древней греческой исторіи» (Спб., 1858 г.), и удостоилось половинной Демидовской награды въ 1859 году, по рецензіи Ф. Лоренца. Оно же, снова съ нѣкоторыми измѣненіями, было переведено на французскій языкъ и напечатано подъ заголовкомъ: «Recherches critiques sur l'histoire de la Grèce pendant la période des guerres Mèdiques» (Mémoires presentés par divers savants à l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 1861, t. VII).

«О раздѣленіи собственности въ Аѳинахъ и о Трапезитахъ» (Годичный актъ С.-Петербургскаго университета, Спб., 1858 г.). Этотъ трудъ, въ измѣненномъ видѣ, былъ напечатанъ и на французскомъ языкѣ, подъ названіемъ: «Essai historique sur les Trapézites ou banquiers d'Athénes, procédé d'une notice sur la distinction de la propriété chez les Athéniens» (Compte rendu à l'Académie des sciences morales et politiques, 1859, la séance du samedi 24 septembre).

«Mémoire sur le parti persan dans la Grèce ancienne» и «Mémoire sur le procés de Thémistocle» (Mémoires presentés par divers savants à l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 1860).

«Les villes de Cyrtanes et de Corsia, et les ruines d'Halae» (Revue Archéologique, 1860).

«Examen de la dissertation de Richard Bentley sur l'authenticité des lettres de Thémistocle», Paris, 1861).

«О днѣ и праздникѣ новаго года у аѳинянъ передъ Пелопонезскою войною» (Приложеніе къ VIII тому «Записокъ» императ. академіи наукъ 1865 г., № 5, 38 стр.)

«Введеніе въ исторію древней греческой образованности» (Журналъ мин. нар. просв., 1867 г., ч. 133, кн. 5).

«Объ историческомъ развитіи понятія исторіи отъ древнѣйшей эпохи на Востокѣ до нашего времени» (тамъ же, 1868 г., ч. 137, кн. 2 и 3).

Вотъ какими печатными трудами М. С. Куторга отмѣтилъ свою дѣятельность въ Петербургскомъ университетѣ, при которомъ, уже въ званіи заслуженнаго профессора, состоялъ до 22-го марта 1869 года. Затѣмъ, со второй половины того же года, онъ перенесъ свою профессорскую службу въ Московскій университетъ. Тутъ ему пришлось пробыть на каѳедрѣ всеобщей исторіи только пять лѣтъ (1869—1874 г.) и читать лекціи по древней исторіи филологамъ первыхъ двухъ курсовъ, вмѣстѣ съ первокурсниками-юристами. Въ этотъ-то пятилѣтній періодъ, именно втеченіе 1870—1872 годовъ, намъ и удалось слушать его лекціи. Живо помнимъ, что М. С. долго не начиналъ своего курса въ началѣ 1870 академическаго года, вслѣдствіе своей третьей поѣздки въ Грецію [1]). Наконецъ, разнеслась вѣсть, что онъ пріѣхалъ. Дѣйствительно, въ концѣ октября, по нижнему университетскому корридору, довольно быстро направлялся средняго роста старикъ, на головѣ котораго

[1]) Первая поѣздка въ Грецію, Малую Азію и Египетъ относится къ 1859 году; второе путешествіе по тѣмъ же странамъ совершено въ 1861 году.

виднѣлся теплый картузъ давнишней моды, а въ рукахъ какой-то большой свертокъ. Это былъ М. С. Куторга. Онъ бодро поднялся по лѣстницѣ, вошелъ въ такъ называемую «большую словесную аудиторію» и, снявъ картузъ, поклонился студентамъ. Тутъ можно было хорошо разсмотрѣть профессора. Его большая голова, съ широкой лысиной и небольшими остатками волосъ на вискахъ, напоминала голову философа Сократа; быстрые глаза выказывали еще сохранившійся огонекъ, а длинная сѣдая борода почти совсѣмъ закрывала собою спереди мундирный фракъ. Между тѣмъ, М. С. бережно, точно съ благоговѣніемъ, развернулъ принесенный свертокъ: тамъ оказалась громадная географическая карта древняго міра, которая тотчасъ же, при помощи двухъ студентовъ, была укрѣплена на доскѣ. Такое развѣшиваніе карты совершалось передъ каждой лекціей Куторги, послѣ чего уже начиналось самое преподаваніе.

Отдавая теперь отчетъ объ этихъ чтеніяхъ, мы, прежде всего, должны замѣтить, что они не были систематичны, какъ обыкновенный учебникъ по исторіи древняго міра, т. е. въ нихъ не передавались постепенно всѣ общеизвѣстные факты. Напротивъ, М. С. старался болѣе останавливаться, такъ сказать, на «излюбленныхъ пунктахъ», напримѣръ, онъ особенно подробно говорилъ о вліяніи Востока на Грецію, о миѳологіи античнаго міра, о борьбѣ демократіи съ аристократіей въ Элладѣ, о такой же борьбѣ между патриціями и плебеями въ Римѣ, о вѣкѣ Перикла и т. д. Затѣмъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, имъ цитировались наизусть длинныя строки изъ сочиненій греческихъ и латинскихъ писателей или, что̀ чаще бывало, прочитывались страницы Геродотовой исторіи въ переводѣ извѣстнаго эллиниста И. И. Мартынова[1]). Далѣе, упоминая про какое нибудь важное событіе или называя замѣчательную мѣстность, Куторга постоянно знакомилъ насъ съ открытіями иностранныхъ ученыхъ или съ своими собственными изслѣдованіями и впечатлѣніями. Такъ онъ часто касался выше названныхъ своихъ «мемуаровъ» и не разъ добродушно заявлялъ съ каѳедры: «Мм. гг.! если вамъ попадется этотъ мемуаръ, то отыщите данную страницу и поставьте скобки; теперь мое предположеніе не подтвердилось новыми раскопками и изысканіями». Точно также, разсказывая, что Ксерксъ пробрался по тропинкѣ, указанной грекомъ Эфіальтомъ, М. С. уже съ гордостью прибавлялъ: «По этой дорожкѣ съ особеннымъ чувствомъ прошелъ великій историкъ, англи-

[1]) Надо замѣтить, что М. С. постояно называлъ греческаго историка «Иродотомъ». Точно также онъ употреблялъ особенныя формы, какъ, напримѣръ, «димократія», «Омиръ» (вмѣсто, демократія, Гомеръ), и не разъ доказывалъ бо̀льшую правильность своего выговора, а также и правописанія.

чанинъ Гротъ; по ней прошелъ и вашъ покорнѣйшій слуга».... Наконецъ, надо прибавить, что каждая лекція Куторги была жива, ясна, точно интересная бесѣда. Этому помогали еще сохранившійся даръ слова и та одушевленная фигура профессора, которая и теперь, спустя болѣе пятнадцати лѣтъ, ярко рисуется передъ нашими глазами....

Таковъ былъ покойный историкъ въ свои послѣдніе годы на каѳедрѣ Московскаго университета. Не менѣе дѣятельнымъ онъ заявилъ себя и въ тогдашней ученой литературѣ. Имъ были напечатаны въ то время слѣдующія труды:

«Историческое развитіе понятія исторіи» (Извѣстія Московск. университета, 1870 г.).

«Разборъ сочиненія: Археологическая топографія Таманскаго полуострова» (Русск. Вѣстникъ, 1870 г., кн. 12).

«О счетахъ у древнихъ грековъ: исторія слова «камешекъ» (тамъ же, 1872 г., кн. 12).

«О наукѣ и ея значеніи въ государствѣ» (тамъ же, 1873 г., кн. 3).

«Платэи, отрывокъ изъ путешествія по Греціи» (тамъ же, 1874 г., кн. 11).

Даже по выходѣ изъ Московскаго университета (1874 г.) и отъѣздѣ въ свое имѣніе (Могилевской губерніи), М. С. не переставалъ интересоваться наиболѣе любимымъ предметомъ — исторіей Греціи. Это хорошо доказываютъ двѣ послѣднія его статьи, также помѣщенныя въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а именно: «Борьба димократіи съ аристократіей въ древнихъ эллинскихъ республикахъ предъ персидскими войнами» (1875 г., кн. 11) и «Новая книга о Периклѣ», по поводу сочиненія г. Люперсольскаго: «Очеркъ государственной дѣятельности и частной жизни Перикла» (1880 г., кн. 2).

Но и вдали отъ каѳедры Куторга не былъ окончательно забытъ своими прежними учениками. Они съ признательностью вспомнили маститаго профессора въ концѣ 1882 года, когда исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня напечатанія и защиты его магистерской диссертаціи. Тогда къ нему въ деревню прибыла депутація съ адресами Петербургскаго университета и тамошняго историко-филологическаго института, а отъ многихъ бывшихъ слушателей, разсѣянныхъ по разнымъ городамъ Россіи, прилетѣли письма и телеграммы съ радостнымъ привѣтомъ [1]). Видя такое признаніе своихъ заслугъ, М. С. выразилъ мысль, что ему послѣ юбилея остается ожидать только «тихой кончины».... Онъ и не ошибся: смерть приблизилась къ нему 21-го мая нынѣшняго года...

Дмитрій Языковъ.

[1]) Описаніе этого юбилея помѣщено въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1883 г., № 37).

КЪ БІОГРАФІИ И. С. АКСАКОВА.

Осенью 1882 года, И. С. Аксаковъ, будучи въ Петербургѣ, выразилъ желаніе сблизиться съ здѣшней университетской молодежью; среди нея онъ думалъ найдти себѣ новыхъ сотрудниковъ. На вечерѣ у одного изъ профессоровъ онъ познакомился съ нѣкоторыми представителями молодаго поколѣнія, студентами и окончившими университетскій курсъ. Молодые люди произвели на него впечатлѣніе неособенно благопріятное, они показались ему мало развитыми и запасъ ихъ научныхъ свѣдѣній довольно ограниченнымъ. Съ прискорбіемъ писалъ онъ объ этомъ одному своему петербургскому другу, припоминая, что братъ его Константинъ Сергѣевичъ, Самаринъ и другіе его сверстники въ годы студенчества стояли гораздо выше новыхъ его знакомыхъ, въ которыхъ особенно поражалъ его недостатокъ серьёзнаго общаго образованія. Въ этомъ отзывѣ Аксакова о нашей молодежи было много вѣрнаго, хотя нельзя не замѣтить, что мѣрило, выбранное для сужденія о ней, сравненіе съ Самаринымъ, К. С. Аксаковымъ, было далеко не подходящее: эти люди и въ студенческіе годы были не совсѣмъ обыкновенными личностями, а новые знакомые Ивана Сергѣевича представляли собой только средній типъ хорошихъ студентовъ. Среди нынѣшней молодежи чрезвычайно рѣдки люди съ хорошимъ общимъ образованіемъ: довольно много есть очень порядочныхъ спеціалистовъ, не видящихъ ничего дальше своей маленькой области, у другихъ же общее образованіе замѣняется крайне самонадѣяннымъ верхоглядствомъ и фразерствомъ. Однако, Аксаковъ писалъ, что онъ не теряетъ надежды найдти себѣ новыхъ сотрудниковъ среди своихъ

молодыхъ знакомыхъ, но, какъ намъ извѣстно, случилось такъ, что изъ всѣхъ ихъ только одинъ помѣстилъ въ «Руси» небольшую библіографическую статейку. Извѣстіе о томъ, что Аксаковъ ищетъ сближенія съ молодежью вышло изъ предѣловъ тѣснаго кружка лицъ, знакомыхъ съ профессорами, и довольно скоро распространилось по университету; нашлись люди и въ другихъ кружкахъ, которымъ очень захотѣлось стать сотрудниками Ивана Сергѣевича. Надо замѣтить, далеко не въ похвалу нашей молодежи, что въ университетѣ было очень мало людей, сочувствовавшихъ Аксаковскому направленію, и еще менѣе—понимавшихъ его. Одни чуждались Аксакова, потому что смѣшивали его ученіе съ доктриной объ «усиленіи власти», давали ему пренебрежительную кличку «благонамѣреннаго публициста», другіе повторяли о славянофильствѣ общія избитыя мѣста, въ родѣ мракобѣсія, постнаго масла и т. п. Но были кружки сочувствующихъ; весьма рѣдко случалось, чтобы эти сочувствующіе вполнѣ ясно сознавали, чему они сочувствуютъ—формѣ или самому ученію. Легкомысленные юноши съ нѣкоторой краснотой въ направленіи увлекались рѣзкостью иныхъ статей Ивана Сергѣевича, такъ что часто въ спорахъ приходилось, какъ на единственный аргументъ въ пользу его, наталкиваться на похвалы этой рѣзкости. Своимъ сторонникомъ признавали Аксакова также люди радикально-народническаго духа; такихъ было довольно много,—гораздо менѣе, почти ничтожно было число поклонниковъ постнаго масла и оффиціально благонамѣренныхъ, считавшихъ Аксакова тоже своимъ. Такимъ образомъ настоящее пониманіе Аксаковскаго ученія, какъ мы сказали выше, проявлялось крайне рѣдко. Къ одному изъ славянофильствовавшихъ кружковъ принадлежалъ и студентъ N. N., къ которому было адресовано помѣщаемое ниже письмо Аксакова. N. N. послалъ въ «Русь» статью, въ которой разбиралъ такъ называемое народническое направленіе; эта статья была коллективнымъ произведеніемъ кружка, такъ какъ въ немъ читалась и была исправлена по указаніямъ его членовъ. Не получая долго отвѣта о судьбѣ своей статьи, N. N. обратился къ Ивану Сергѣевичу съ письмомъ, въ которомъ, спрашивая о статьѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ себя и отъ лица товарищей, просилъ Ивана Сергѣевича выяснить нѣкоторыя недоразумѣнія, возбужденныя въ нихъ статьями «Руси»: товарищамъ N. N. казалось, что Аксаковъ понизилъ тонъ своихъ статей противъ чиновно-бюрократическаго начала, что иногда онъ говоритъ не вполнѣ искренно, не такъ горячо отстаиваетъ свободу слова; они жаловались, что Аксаковъ ничего не сказалъ въ своей газетѣ по поводу извѣстной «Поляковской исторіи», изъ-за которой изъ университета было выключено 100 человѣкъ и т. д. Прошло двѣ недѣли, уже потеряли надежду на отвѣтъ, какъ вдругъ пришло печатаемое ниже письмо отъ Ивана Сергѣевича. Прочитавъ это письмо, читатели, конечно, поймутъ,

какое оно должно было произвести впечатлѣніе на горячія, молодыя головы; сердечный, искренній тонъ письма еще болѣе расположилъ ихъ къ Ивану Сергѣевичу, они принялись серьёзнѣе знакомиться со славянофильствомъ, и это письмо, можно сказать, имѣло рѣшающее вліяніе на опредѣленіе ихъ дальнѣйшаго склада мыслей. Печатаемъ это письмо безъ всякихъ измѣненій, опуская только имя лица, къ которому оно адресовано.

«Очень мнѣ было пріятно получить ваше письмо, многоуважаемый N. N. Благодарю васъ за сочувствіе, за довѣріе и откровенность. Очень отрадно вступить мнѣ въ непосредственныя сношенія съ вами и съ вашими товарищами; не только даю вамъ право, но и прошу обращаться ко мнѣ за разъясненіемъ сомнѣній и недоразумѣній, возбуждаемыхъ въ васъ «Русью». Жалѣю только, что вмѣсто живыхъ устныхъ сношеній приходится ограничиваться только перепиской, для чего и времени больше требуется (а его у меня мало), да всего на почтовомъ листѣ и не упишешь. Вашу статью О. Ѳ. Миллеръ прислалъ мнѣ только въ маѣ, въ самый разгаръ суеты, неразлучной съ коронаціонными торжествами, съ наплывомъ гостей со всего свѣта и проч., и проч. У меня нѣтъ такихъ помощниковъ, которые бы могли читать статьи за меня; я же вынужденъ въ чтеніи соблюдать очередь, т. е. читать напередъ тѣ, которыя непремѣнно должны идти въ слѣдующихъ №№ и раньше присланы. Только надняхъ прочелъ я вашу статейку.

«Прежде всего она представляетъ для меня очень отрадное явленіе, какъ молодой сочувственный мнѣ голосъ, какъ живое свидѣтельство прогресса русской мысли въ средѣ молодежи. Затѣмъ она интересна и сама по себѣ, какъ критическій отзывъ о новомъ умственномъ движеніи въ русскомъ обществѣ, или о такъ называемой «народнической партіи». Вы очень вѣрно намекаете на органическій порокъ, присущій этому направленію, но, къ сожалѣнію, только намекаете. Вообще, скажу откровенно, такая статья не могла бы появиться въ «Руси» отъ имени редакціи. Такъ какъ журналъ «Русское Богатство» и вся его партія постоянно ругаютъ славянофиловъ (хотя отъ нихъ заимствовали все, что въ ихъ направленіи есть оригинальнаго и дѣльнаго), то неудобно было бы для «Руси» касаться этого обстоятельства вскользь, а слѣдовало бы спуститься въ глубь и раскрыть сущность разномыслія; еще менѣе удобно при такомъ разномысліи выражать желаніе, чтобы это новое направленіе, враждебное «Руси», какъ можно болѣе распространялось, какъ это сдѣлано вами, и совсѣмъ неудобно недоумѣвать, почему де «народники» такъ враждебны славянофиламъ, и объяснять это тѣмъ, что это де «остатки старыхъ предубѣжденій».

«Предубѣжденія! Да, это предубѣжденія противъ Бога, Христа, религіи, церкви! «Народники» очень къ намъ близки, повидимому, но и раздѣляются отъ славянофиловъ цѣлою бездною. Сла-

вянофильство не мыслится внѣ религіозной почвы, внѣ христіанскаго идеала. «Народники» стоятъ на почвѣ позитивизма, сворачивая то въ матеріализмъ, то въ какой-то особаго рода нелѣпый мистицизмъ. Они путаютъ страшно и скорѣе готовы будутъ, я думаю, отречься и отъ русской народности, чѣмъ признать ее, какъ она есть, съ ея духовною, неразлучною съ вѣрою во Христа, субстанціей!.. Что, по вашему, лучше? Прямое отрицаніе истины или ея лжеподобіе?.. По моему, послѣднее хуже, опаснѣе и вреднѣе, потому что, обольщая внѣшнимъ сходствомъ, производитъ гибельное смѣшеніе понятій и коварную подтасовку идеаловъ... Овладѣвая всѣмъ тѣмъ, что внесло славянофильство въ общественное сознаніе втеченіе 40 лѣтъ, эти господа стараются вылущить изъ славянофильства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изъ души народной самую сущность, божественную сущность. Пустите ихъ въ народъ,— они, привлекая къ себѣ сочувствіе народное казистою заботою объ его матеріальныхъ интересахъ, будутъ стремиться въ то же время, такъ сказать, обезбожить народъ, т. е. подорвать самый основной нервъ духа, самую ту силу, о которой живъ народъ и безъ которой немыслимо никакое плодотворное, нравственное рѣшеніе самихъ соціальныхъ задачъ.

«Конечно, чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ; конечно, человѣческая благородная природа не выдерживаетъ неумолимо-строгой, логической послѣдовательности, и нѣтъ такого матеріалиста, отрицающаго и Бога, и душу, и нравственныя понятія, и отвѣтственность, и вмѣняемость, который бы не противорѣчилъ себѣ на каждомъ шагу, негодуя на безнравственный поступокъ, проповѣдуя дѣла любви или милосердія и т. д. Но на этой благородной непослѣдовательности успокоиваться нельзя, да и мы вообще судимъ не человѣка лично, но его исповѣданіе. И въ этомъ отношеніи никогда никакихъ уступокъ, компромиссовъ и сдѣлокъ быть не должно...

«Тотъ же Успенскій,—котораго вы похвалили за его дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ замѣчательное сочиненіе «Власть земли»,— какъ отнесся онъ къ движенію добровольцевъ въ Сербію, къ рѣчи Достоевскаго на Пушкинскомъ юбилеѣ? Говоря про юбилей, онъ выразился, что въ немъ было что-то «сербское», пояснивъ тутъ же, что этотъ эпитетъ есть ругательный, прилагаемый имъ къ безсмысленному, стадному воодушевленію какой-то безсмысленной фикціей и т. д. Въ такихъ выходкахъ—обратная сторона медали или «народническаго» направленія.

«Русскій народъ, какъ вы знаете, менѣе, чѣмъ какой либо народъ въ мірѣ, замыкается въ національную исключительность, но размыкаетъ свою національность не для того, чтобы обезличиться въ космополитизмъ, а для того, чтобы возвысить ее до общечеловѣческаго, нравственнаго христіанскаго идеала. Онъ прежде всего хри-

стіанинъ, или православный (что въ его понятіяхъ одно и то же), а уже потомъ—русскій. Крестьянинъ—значитъ не что другое, какъ христіанинъ: оттого-то такъ и широка духовная природа русской національности.... Я, конечно, радуюсь отъ души распространяющемуся въ обществѣ признанію правъ народа на самобытность развитія. Это практически полезно, потому что воздерживаетъ руку власти отъ ломки и искалѣченія бытовыхъ формъ народной жизни; это полезно и потому, что, возводя народъ въ объектъ изученія, оно можетъ привести и къ тому, что изучающіе, если не всѣ, то многіе, сами выучатся у народа добру-разуму. Руководствуясь этой точкой зрѣнія, я даю совершаться этому новому движенію, окрестившему себя «народничествомъ», безъ всякой рѣзкой съ моей стороны критики, исключая какихъ нибудь слишкомъ торжественно провозглашаемыхъ «народниками» нелѣпыхъ положеній. Да и не всегда удобно касаться христіанской, религіозной основы народнаго духа. Но было бы, конечно, очень полезно подвергнуть «народническое» направленіе безпристрастному, но строгому, тщательному анализу, и раскрыть то, что вы называете слабою стороною ученія, а я—«органическимъ порокомъ», очень существеннымъ....

«Поворотъ въ «интеллигенціи» по отношенію къ русскому народу, т. е. начало сочувствія къ нему возникло изъ того открытія, что «послѣднее слово» западно-европейской мысли указало въ идеалѣ нѣкоторыя общественныя формы и договорилось до такихъ понятій, которыя русской жизни присущи издавна, какъ конкретныя, практическія явленія. Тутъ въ этомъ сочувствіи сказалось то же холопство: стали сочувствовать послѣ справки съ Западомъ и съ разрѣшенія западнаго радикализма,—но и въ мѣру западнаго радикализма. Такъ, напримѣръ, г. Гольцеву и tutti quanti желательно было бы наши общинныя формы землевладѣнія и артельнаго труда возвести въ «ассоціаціи».... Но вылущите вы изъ этихъ народныхъ формъ присущее имъ нравственное, братское начало, живущее въ народѣ не инстинктивно только, а на степени положительнаго, религіознаго сознанія, — все пойдетъ къ чорту!... Энгельгардтъ, Успенскій и К° пошли, кажется, дальше, объ ассоціаціяхъ не думаютъ, принимаютъ народъ, какъ онъ есть, но въ душу его, всетаки, не проникаютъ, или же знать ее не хотятъ, игнорируютъ.... Дайте имъ въ руки школу, — они надѣлаютъ много зла, сами зла не желая.... Теперь разные господа воспылали сочувствіемъ къ раскольникамъ, усматривая въ нихъ протестъ политическій и только политическій, и ошибаются жестоко: въ основѣ ихъ протеста лежитъ и пребываетъ интересъ религіозный, какъ существеннѣйшая принадлежность русскаго народнаго духа. Поэтому такая фальшивая нота звучитъ въ этомъ сочувствіи гг. Пругавиныхъ и К°, которымъ дѣло собственно только до протеста, но до самой религіозной потребности духа, до вѣры, ровнехонько нѣтъ

никакого дѣла! Люди, которые ни въ Бога, ни въ чорта не вѣрятъ, атеисты, матеріалисты, позитивисты и пр., всѣ считаютъ себя обязанными пламенѣть сочувствіемъ къ нашимъ сектантамъ (кромѣ скопцовъ, разумѣется!)...

«Вотъ эту-то фальшь слышу я и въ «народникахъ». Она деретъ мои уши, и если я самъ поэтому не чувствую себя способнымъ отнестись къ ней публично съ должною объективностью, признавая ея законность, какъ извѣстнаго фазиса въ развитіи, то желалъ бы, однако, чтобы въ статьѣ, помѣщаемой въ «Руси», эта фальшь была выяснена безъ утайки и смягченія. Однимъ мимоходнымъ отзывомъ, въ родѣ вашего, я, къ сожалѣнію, не могу удовлетвориться.

«Что касается до прочихъ вашихъ недоумѣній на мой счетъ, то мнѣ кажется, моя долголѣтняя дѣятельность даетъ мнѣ нѣкоторое право требовать къ себѣ довѣрія. «Зачѣмъ я не всегда говорю рѣзко?!». Есть люди, которые все достоинство полагаютъ въ рѣзкости фразы и на этомъ созиждятъ себѣ репутацію. Я никогда не опасался рѣзкости, но она у меня была искренняя и свободна, а не «по принципу». Былъ моложе, писалъ заносчивѣе, теперь же мнѣ 60-й годъ, и подлаживаться подъ вкусъ молодежи, которая часто увлекается смѣлою формою рѣчи болѣе, чѣмъ ея содержаніемъ, не въ моемъ обычаѣ. Затѣмъ, все зависитъ,—кого я имѣю въ виду, какихъ читателей и чего могу достигнуть. Начавъ издавать «Русь», я надѣялся дѣйствовать благотворно на власть имѣющихъ, а на нихъ дѣйствовать удобнѣе твердою, спокойною, разумною рѣчью, чѣмъ плюнувши имъ въ глаза. И думаю, что болѣе принесъ пользы дѣлу этимъ способомъ рѣчи, чѣмъ дерзкими «выходками», которыя, конечно, снискали бы мнѣ рукоплесканія даже нигилистическаго юношества. Не могъ безъ улыбки прочесть ваши слова о томъ, что вотъ де въ 10 № я опять возвращаюсь къ прежнимъ началамъ!! Вольно же вамъ было не видѣть, что я никогда ихъ не покидалъ! Я первый, да въ первыхъ же №№ «Руси», опредѣленно формулировалъ нападеніе на казенщину и казенныхъ людей, и не понимаю, какъ могло кому прійдти въ голову, что я отказался отъ своихъ словъ, а вотъ теперь опять къ нимъ возвращаюсь!! Развѣ нужно мнѣ въ каждомъ № долбить одно и то же? Но тогда бы только сказали, выражаясь языкомъ московскихъ казенныхъ реляцій о казенныхъ праздникахъ: «А на Ивановской колокольнѣ происходилъ обыкновенный звонъ!». Всякій переcталъ бы такой звонъ и слушать.

«Далѣе: зачѣмъ, по поводу запрещенія «Голоса», я отстаивалъ свободу слова на основаніи «партійныхъ интересовъ», а не на томъ, что слово есть божественный даръ?... Прежде всего потому, что я стоялъ въ виду реальнаго факта и реальной силы, которую никакъ не убѣдишь ссылкою на «божественный даръ», а только прак-

тическимъ соображеніемъ. Во-вторыхъ, потому, что по поводу продажнаго сквернословія «Голоса» упомянуть имя Бога было бы суесловіемъ. Когда говорится о словѣ, какъ божественномъ дарѣ, то говорится отвлеченно и разумѣется слово искреннее и убѣжденное, слѣдовательно слово честное, хотя бы выражающее и невѣрную мысль. Никакъ не могу я признать слово «Голоса» вообще честнымъ, хотя бы могли подчасъ проявиться и исключенія, и потому по поводу «Голоса» говорить объ отвлеченномъ значеніи слова, какъ Божьяго дара, было бы даже смѣшно. Но, отстаивая свободу «Голоса», я отстаивалъ вообще свободу честной борьбы.

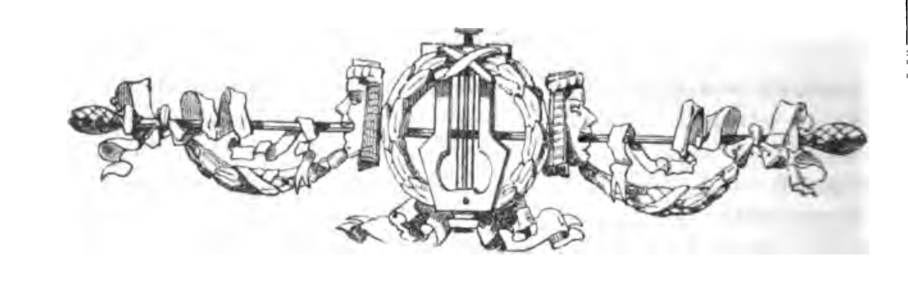
«Не знаю, удовлетворитесь ли вы моими объясненіями. Если я не говорилъ о томъ или о другомъ случаѣ, то просто потому, что не доходятъ руки. Моя газета не ежедневная. «Новое Время» успѣло, напримѣръ, высказать свое мнѣніе объ адресѣ Полякову, когда № мой вышелъ, а къ концу недѣли, къ сроку выхода слѣдующаго № «Руси», послѣдовало запрещеніе толковать о студенческихъ безпорядкахъ.

«Пожалуйста, отвѣчайте мнѣ и не сердитесь за запоздалый мой отвѣтъ. У меня тьма дѣлъ, не по одной газетѣ только. Вамъ же дружески и отъ всего сердца жму руку.

«Вашъ Ив. Аксаковъ.

«Хорошо бы, если бы вы занялись аккуратнымъ анализомъ «народническаго ученія».

ВОСПОМИНАНІЕ О ЛИСТѢ.

(Изъ моей памятной книжки).

ПОЗНАКОМИЛСЯ съ покойнымъ Листомъ въ Москвѣ, въ 1843 году, когда онъ пріѣзжалъ въ Первопрестольную давать концерты. Онъ уже тогда пользовался европейскою славою. Наружность Листа ничего привлекательнаго не представляла: онъ былъ худъ какъ щепка, съ бѣлокурыми, длинными, прямыми волосами, съ костлявыми, тонкими, длинными руками и съ весьма свѣтлыми синими глазами. Когда Листъ, во время концерта, приближался къ роялю, при восторженныхъ апплодисментахъ публики, то страшно конфузился, очень неловко кланялся и, усѣвшись наконецъ, вынималъ изъ кармана два бѣлыхъ платка, которые клалъ по правую и лѣвую сторону пюпитра. Въ моментъ прикосновенія пальцевъ его къ клавишамъ, Листъ, видимо, забывалъ все его окружающее и овладѣвалъ публикою своей воистинну геніальной игрой, равной которой мы не находимъ до сихъ поръ у современныхъ композиторовъ-пьянистовъ. Присутствующіе на его концертахъ не замѣчали смѣшныхъ взмахиваній Листомъ рукъ чуть не выше головы, его ёрзанья на стулѣ и разныхъ вполнѣ комическихъ кривляній: волшебные звуки электризовали публику, и мертвая тишина царила въ концертномъ залѣ, не только во время игры Листа, но нѣсколько минутъ и по окончаніи имъ той или другой пьесы.

Втеченіе моей жизни,—и въ особенности моей молодости, когда я много занимался музыкой,—мнѣ пришлось слышать почти всѣхъ

первоклассныхъ пьянистовъ, и могу положительно удостовѣрить, что не было такого могучаго художника какъ Листъ, въ области фортепьянной игры. Современникъ его, Шопенъ, какъ композиторъ, стоялъ, быть можетъ, выше Листа, но какъ исполнитель и Шопенъ отдавалъ ему всегда пальму первенства.

Я почти ежедневно видѣлся съ Листомъ въ Москвѣ; онъ полюбилъ меня, ѣзжалъ къ старику отцу моему и всегда съ готовностію садился за рояль, чтобы доставить ему удовольствіе. Однажды, при посѣщеніи отца моего, Листъ попросилъ листъ почтовой бумаги и, разлиновавши страничку, написалъ двѣ строки нотъ, подписалъ ихъ и подарилъ мнѣ на память [1]).

Въ то время московская молодежь не ѣздила съ горизонталками, или за ними, по ресторанамъ и въ «кафе-шантаны» (которыхъ тогда и не существовало), усердно посѣщала балы въ частныхъ домахъ и въ Благородномъ Собраніи и предавалась весьма скромному кутежу, съ неизбѣжнымъ шампанскимъ (водки и пива тогда не пили), у цыганъ, на Патріаршихъ прудахъ. Для Листа ночи, проводимыя у цыганъ, были, какъ онъ выражался, «les tourments et le repos de l'âme», и онъ приходилъ въ восторгъ отъ симпатичнаго пѣнія Мани и бѣшеныхъ танцевъ Ильи Соколова подъ акомпанементъ хора и гитаръ. Онъ удивлялся тоже старухѣ Настасьѣ, которая выдѣлывала языкомъ во рту такую эквилибристику, что звуки ея голоса казались какой-то барабанной трелью. У цыганъ бросалось много денегъ, но не происходило никакихъ безобразій, никакихъ эротическихъ сценъ.

Листъ всегда со вниманіемъ прислушивался къ характеру цыганскихъ пѣсенъ и нерѣдко импровизировалъ романсы на цыганскіе мотивы, — романсы, которые, увы, никогда не появлялись въ свѣтъ и исчезали на вѣки съ послѣднимъ звукомъ финальнаго акорда. Листъ, не взирая на то, что можетъ назваться владыкой гармоніи, всегда утверждалъ, что композиторы, злоупотребляющіе гармоніей въ ущербъ мелодіи, доказываютъ лишь недостатокъ творчества.

Московскія дамы съума сходили отъ любви къ Листу, и онъ оставилъ по себѣ въ Бѣлокаменной очень много серьёзныхъ слѣдовъ своего тамъ пребыванія. Уѣзжая изъ Москвы, онъ увезъ даже съ собою одну красавицу, покинувшую для него своего мужа и семейство.

Мнѣ привелось встрѣтиться съ нимъ тридцать пять лѣтъ спустя на международной выставкѣ, въ Парижѣ, въ 1878 году.

Подходя къ нашему русскому отдѣлу, чтобы послушать игру стараго пріятеля моего Антона Контскаго, постоянно рекламировавшаго рояли Беккера, я услышалъ въ толпѣ возгласы: «L'abb

---

[1]) Факсимиле этого листка прилагается къ настоящей статьѣ. Ред.

Liszt, l'abbé Liszt»! Очень естественно, что я направился тотчасъ, по указанію спрошенныхъ мною, гдѣ Листъ, и, о разочарованіе! я увидѣлъ бойкаго, толстаго аббата въ сутанѣ, съ широкимъ, одутловатымъ лицомъ, на которомъ время посѣяло множество бородавокъ и наростовъ. Подойдя къ Листу, я назвалъ себя, но онъ забылъ мою фамилію и только тогда, когда я напомнилъ ему Москву и, главное, цыганъ, онъ тотчасъ взялъ меня за руку и пригласилъ къ себѣ завтракать на другой день.

Листъ останавливался всегда въ Парижѣ въ домѣ вдовы знаменитаго фабриканта роялей, г-жи Эраръ, подлѣ биржи.

Въѣхавъ на дворъ роскошнаго отеля г-жи Эраръ, я вошелъ въ обширное помѣщеніе, которое занималъ Листъ. Прислуга г-жи Эраръ (бывшей жены ремесленника) была въ ливреяхъ, съ позументами, и меня спросили, кого мнѣ нужно. По подачѣ моей визитной карточки, меня ввели наконецъ въ огромный залъ, въ которомъ стояло нѣсколько роялей. Близь одного изъ оконъ былъ накрытъ столъ съ двумя кувертами.

Чрезъ нѣсколько минутъ боковая дверь отворилась, и въ залъ вошелъ Листъ, съ улыбающеюся физіономіей, и привѣтливо попросилъ меня раздѣлить съ нимъ его скромный завтракъ.

Послѣ нѣсколькихъ съ его стороны вопросовъ о томъ, долго ли я пробуду въ Парижѣ и доволенъ ли я выставкой, я сталъ припоминать ему о давно минувшихъ дняхъ нашей молодости, о Москвѣ, о московскихъ барыняхъ, о цыганахъ. Это видимо коробило Листа, который, то и дѣло, повторялъ мнѣ: «Pardon, mon cher, laisons cela de côté, il y a déjà longtemps, que je ne suis plus de ce monde; j'ai une sainte mission»...

Такъ какъ святая миссія его вовсе меня не интересовала, я продолжалъ разговоръ о Москвѣ въ самомъ игривомъ тонѣ и въ концѣ концовъ добился таки отъ Листа (послѣ двухъ рюмокъ мадеры) сочувствія къ воспоминаніямъ о дорогомъ прошломъ. Мало того: я его заставилъ играть на одномъ изъ стоявшихъ въ комнатѣ роялей (хотя онъ долго отговаривался и увѣрялъ меня, что играетъ исключительно на церковныхъ органахъ), и онъ, наконецъ, съигралъ мнѣ дивный свой третій вальсъ.

Визитъ мой продолжался болѣе двухъ часовъ. При прощаньѣ, мы обнялись и поцѣловались, и Листъ далъ мнѣ карточку, на которой написалъ, гдѣ онъ находится въ разныя времена года, сообразно съ климатическими условіями и потребностями «своей святой миссіи».

Листъ, какъ извѣстно, родился въ Буда-Пештѣ, слѣдовательно по рожденію онъ былъ венгерецъ; но, получивъ воспитаніе въ Парижѣ и проведя тамъ свою молодость, превратился въ чистѣйшаго парижанина. Съ юныхъ лѣтъ уже, онъ проявлялъ свои геніальныя способности, какъ исполнитель твореній Бетховена,

Моцарта и Генделя: фортепьяны превращались подъ его пальцами въ какой-то волшебный инструментъ. По его словамъ, контрапунктъ долго не поддавался ему, но, наконецъ, онъ овладѣлъ имъ и сдѣлался геніальнымъ композиторомъ.

Листъ провелъ очень бурно свою молодость, въ которой главную роль играли музыка и женщины. Утомленный, наконецъ, и физически и нравственно, онъ попалъ въ руки іезуитовъ, которые обрекли его на quasi-святую миссію. Покойный папа Пій IX особенно полюбилъ Листа, котораго часто заставлялъ играть на органѣ въ своемъ дворцѣ. Листъ посвятилъ первую свою ораторію Пію IX, отъ котораго получилъ аббатскую свою рясу.

Листъ наживалъ на своемъ вѣку много денегъ, но и проживалъ ихъ чрезвычайно быстро, пользуясь всегда, при этомъ, щедрыми услугами своихъ безчисленныхъ друзей и обожательницъ. Въ Парижѣ, напримѣръ, къ его услугамъ была всегда готова роскошная квартира въ домѣ г-жи Эраръ, съ прислугой, столомъ, экипажемъ и постояннымъ медикомъ, являвшимся къ нему черезъ день узнавать о положеніи его здоровья, дабы сообщить объ этомъ г-жѣ Эраръ, которая жила всегда потомъ въ своемъ замкѣ, въ Мюэтъ, когда-то принадлежавшемъ несчастной королевѣ Маріи-Антуанетѣ. Листъ былъ особенно счастливъ тѣмъ, что до конца жизни сохранилъ истинное расположеніе своихъ друзей и поклонницъ.

И. А. Арсеньевъ.

СУДЪ НАДЪ ТАМБОВСКИМИ ДУХОБОРЦАМИ ВЪ 1803 ГОДУ[1].

Въ 46 ВЕРСТАХЪ отъ города Тамбова, по большой Моршанской дорогѣ, стоитъ село Троицкая Дуброва. Въ этомъ селѣ въ концѣ прошлаго вѣка жили экономическіе крестьяне-духоборцы. Ихъ было 8 дворовъ. Всѣ дубровскіе духоборцы были люди трезвые, смирные и трудолюбивые. Мужчины усердно занимались хлѣбопашествомъ, а женщины ткали тонкіе холсты и приготовляли для продажи отличные шерстяные и шелковые кушаки, которые въ прежніе годы извѣсты были въ Тамбовскомъ краѣ подъ именемъ дубровскихъ. Но вотъ въ Троицкую Дуброву поступилъ новый священникъ, отецъ Агеевъ, и разомъ открылъ кампанію противъ мирныхъ сектантовъ. Не желая дѣйствовать на нихъ пастырскимъ словомъ и примѣромъ доброй жизни, онъ объявилъ имъ, что будетъ насильно ходить въ ихъ дома для отправленія разныхъ молитвословій. Очень это не понравилось сектантамъ, но дѣлать было нечего, и они покорились силѣ... Вскорѣ послѣ того въ Троицкой Дубровѣ наступилъ храмовой праздникъ. Послѣ литургіи начались обычныя хожденія причта по крестьянскимъ дворамъ. Къ вечеру священникъ Агеевъ порѣшилъ зайдти и къ духоборцамъ... Началъ онъ со двора крестьянина Зота Антюфеева. Послѣ молебна, во время котораго духоборческая семья, хотя и не молилась, стояла чинно, отецъ Агеевъ строго потребовалъ, чтобы Зотъ подходилъ ко кресту. Антюфеевъ отказался. Тогда причетники взяли его за руки, а священникъ Агеевъ насильно приложилъ къ его губамъ св. крестъ. Въ это время взволнованный духоборецъ рванулся и уронилъ крестъ

[1]) Статья эта составлена по архивнымъ документамъ тамбовскаго окружнаго суда (дѣло № 47) и тамбовскаго губернскаго правленія (дѣло № 2,309).

на полъ. Произошла шумная и соблазнительная ссора, во время которой обѣ стороны не щадили самыхъ рѣзкихъ словъ другъ для друга.

— Разбойники вы, а не попы!—шумѣлъ Антюфеевъ.

— А ты проклятый еретикъ!—урезонивалъ его отецъ Агеевъ.

Затѣялось дѣло. Антюфеева и его единовѣрцевъ повезли въ Тамбовъ, въ нижнюю расправу и въ консисторію. Вскорѣ, въ назиданіе и въ страхъ, перваго наказали плетьми, а всѣхъ остальныхъ духоборцевъ продержали 20 дней въ консисторскомъ карцерѣ, питая ихъ впроголодь хлѣбомъ и водою, а потомъ роздали ихъ для увѣщанія тамбовскимъ городскимъ священникамъ, и они прожили у мѣстныхъ пастырей цѣлый годъ, даромъ работали на нихъ и содержались на свой счетъ. Черезъ годъ всѣ эти духоборцы объявили себя православными. Ихъ крестили, исповѣдали и пріобщили св. таинъ. Всѣ они воротились въ Троицкую Дуброву, примиренными видимо, но на самомъ дѣлѣ ихъ терзала лютая злоба противъ священника Агеева, виновника ихъ продолжительныхъ мученій и скитаній. Можетъ быть, именно поэтому троицкіе духоборцы рѣшились переселиться изъ роднаго села за $1^1/_2$ версты въ особый починокъ. Это было въ 1785 году.

Послѣ переселенія духоборцы жили въ мирѣ ровно 17 лѣтъ, угождая причту и полиціи, а также не забывая и своихъ выгодъ. Въ 1802 году, въ Троицкомъ духоборческомъ починкѣ было уже 12 дворовъ, хорошо обстроенныхъ и обильныхъ всякою деревенскою живностію. Но именно въ этомъ-то году снова нарушилась мирная жизнь троицкихъ духоборцевъ.

На святки въ 1802 году священникъ Агеевъ, отъ своеобразной ревности или изъ корысти, вздумалъ славить Христа и въ духоборческихъ домахъ. Ночнымъ временемъ и въ пьяномъ образѣ, съ пьяными причетниками и ихъ семействами, въ количествѣ 14 человѣкъ, онъ вошелъ къ духоборцу Петру Дробышеву, прославилъ Христа и позвалъ всю семью ко кресту. Тѣ не пошли. Тогда отецъ Агеевъ началъ крестомъ своимъ бить всѣхъ духоборцевъ и громко требовалъ съ нихъ угощенія и денегъ за работу. Такимъ же образомъ троицкій причтъ обошелъ и остальные духоборческіе дворы. Въ каждой избѣ священникъ билъ непокорливыхъ сектантовъ, подѣлавъ имъ боевые знаки, и неистово требовалъ съ нихъ денегъ.

На слѣдующій день, въ домѣ духоборца Гаврила Шапкина составилась духоборческая сходка. Обиженные сектанты сговорились объявиться троицкому головѣ и всему сельскому міру и съ ихъ вѣдома просить губернское начальство о покровительствѣ и защитѣ. И вотъ, 3-го января 1803 года, крестьянинъ Шапкинъ явился въ качествѣ духоборческаго ходока съ прошеніемъ къ тамбовскому губернатору А. Б. Палицыну. Началось обычное слѣдствіе, порученное стряпчему Муратову и дворянскому засѣдателю фонъ-Мениху.

Муратовъ и фонъ-Менихъ сами только-что освободились отъ суда уголовной палаты, съ оставленіемъ въ сильномъ подозрѣніи за лихоимство, удостовѣренное тамбовскимъ предводителемъ дворянства Араповымъ. И если судъ былъ къ нимъ снисходителенъ, то только потому, что не могъ разрѣшить: кто именно бралъ взятки—Муратовъ или фонъ-Менихъ, или же они брали оныя общественно... Тамбовская уголовная палата обязала этихъ подсудимыхъ подпискою впредь не навлекать на себя подозрѣній и прежнія подозрѣнія ревностною службою изгладить. И вотъ они отправились производить дознаніе о священникѣ и о духоборцахъ села Троицкой Дубровы.

Слѣдователи донесли губернатору, что священникъ Агеевъ, хотя и зашибался хмѣлемъ, какъ и прочіе живущіе въ округѣ священники, однако священствовалъ 21 годъ и отъ всѣхъ прихожанъ имѣлъ отмѣнное по его сану уваженіе. Одни только духоборцы, по словамъ Муратова и фонъ-Миниха, досаждали Агееву грубымъ и дерзкимъ съ нимъ обращеніемъ, въ особенности Шапкинъ и Антюфеевъ, въ домахъ которыхъ происходили, кромѣ того, еретическія собранія, соблазнявшія православный народъ. Многихъ троицкихъ духоборцевъ, въ томъ числѣ купца Крылова, слѣдователи забрали и отправили въ Тамбовъ, въ земскій судъ. Тогда губернаторъ написалъ объ этомъ дѣлѣ министру графу Кочубею. Тотъ доложилъ о дубровскихъ духоборцахъ самому государю, и вскорѣ на имя тамбовскаго губернатора Палицына послѣдовалъ императорскій рескриптъ слѣдующаго содержанія.

«Со стороны гражданскаго начальства надлежитъ наблюдать, чтобы сектанты не дозволяли себѣ оказывать священникамъ грубостей или презрѣнія, а паче не допускать, чтобы явнымъ разглашеніемъ своей ереси причиняли они соблазнъ правовѣрнымъ, за что̀ и предавать ихъ, какъ нарушителей общаго порядка, суду по законамъ».

Троицкихъ духоборцевъ стали судить въ тамбовскомъ уѣздномъ судѣ. Здѣсь они показали, по поводу обвиненія ихъ въ измѣнѣ православію, что тамбовскіе священники угрозами склонили ихъ къ наружному принятію господствующей вѣры, пугая ихъ вѣчною разлукою съ семействами. При дальнѣйшемъ судопроизводствѣ духоборцы смѣло высказывали свое вѣроученіе. Они объявили суду, что не почитаютъ православной церкви, животворящаго креста, св. евангелія, иконъ — издѣлій рукъ человѣческихъ; креста рукою на себѣ не изображаютъ и на груди рукотвореннаго креста не носятъ, но крестятся словомъ Божіимъ: во имя Отца и Сына и св. Духа; таинствъ причащенія, покаянія, крещенія и прочихъ не принимаютъ; священниковъ ненавидятъ, въ дома къ себѣ не пускаютъ; имѣютъ же у себя единаго священника преподобнаго и

праведнаго, который есть Господь Богъ... Установленныхъ церковію постовъ не признаютъ, а всегда ѣдятъ молоко и мясо, кромѣ свинаго, чтобъ за ядѣніе его не подвергнуться одной участи съ православными и не погибнуть... Новорожденныхъ дѣтей оставляютъ безъ крещенія на всю жизнь. Браковъ не имѣютъ, а живутъ по любви, кому съ кѣмъ угодно. Умершихъ хоронятъ дома, и служатъ Богу духомъ, изъ духа берутъ, духомъ водятся, духомъ бодрствуютъ и утверждаются, отъ духа мечъ принимаютъ и этимъ духовнымъ мечомъ воинствуютъ и все имъ одолѣваютъ...

Когда же дѣло во время духоборческихъ показаній дошло до отношенія сектантовъ къ предержащей власти, то ихъ тонъ замѣтно понизился. Государя,—свидѣтельствовали они,—мы весьма почитаемъ, властямъ повинуемся, запрещенныхъ сборищъ не имѣемъ, по селу съ пѣніемъ духоборческихъ пѣсенъ не ходимъ и въ секту свою православныхъ не склоняемъ.

Для обличенія духоборцевъ тамбовскій епископъ Ѳеоѳилъ прислалъ въ уѣздный судъ ректора семинаріи протоіерея Шиловскаго, но сектанты, не смотря на сложныя и продолжительныя миссіонерскія толкованія, остались непреклонны въ своихъ вѣрованіяхъ и твердо объявили, что православной вѣры они не хотятъ принимать и не могутъ.

Тогда судъ опредѣлилъ крестьянъ Шапкина и Антюфеева сослать въ городъ Колу, предварительно наказавъ ихъ кнутомъ; другихъ же сектантовъ: Петра Дробышева, Филиппа Дубасова большаго, Филиппа Дубасова меньшаго, Сергѣя Мукосѣева, Аѳанасія Антюфеева и Павла Замятнина, нещадно высѣчь плетьми въ селѣ Троицкой Дубровѣ и оставить дома, но не выбирать въ общественныя должности и не допускать до участія въ мірскихъ сходкахъ и совѣтахъ. А всѣхъ дѣтей духоборческихъ судъ велѣлъ обязательно крестить. Это рѣшеніе было составлено 30-го марта.

Немедленно двое духоборцевъ отправлены были въ Колу, а 13-го апрѣля 1803 года, въ Ѳоминъ понедѣльникъ, въ селѣ Троицкой Дубровѣ, при огромномъ стеченіи народа, и остальные приговоренные духоборцы подверглись тяжкой участи: ихъ нещадно высѣкли и еле живыхъ сдали сельскому сотскому подъ росписку... Донесеніе объ этомъ пришло въ тамбовскій земскій судъ 16-го апрѣля. Въ тотъ же день въ Тамбовѣ случилось слѣдующее замѣчательное происшествіе.

Утромъ, въ седьмомъ часу, на губернаторскій дворъ въѣхалъ одинъ крестьянинъ и остановился у главнаго подъѣзда. Стоявшій на часахъ рядовой губернской роты спросилъ его:

— Что ты за человѣкъ?

Крестьянинъ, не отвѣчая на вопросъ, самъ спросилъ часоваго:

— Дома ли губернаторъ?

— Дома нѣтъ,—съ важностію сказалъ губернскій охранитель:—онъ уѣхалъ въ Кирсановъ.

Тогда пріѣзжій просилъ доложить о себѣ губернаторшѣ, что онъ привезъ его превосходительству знатный гостинецъ. Съ этими словами онъ отъѣхалъ на середину двора и выпрягъ лошадь. Въ это время губернаторскій дворецкій, Кузьминъ, съ дворовыми открылъ часть торпища, которымъ покрытъ былъ возъ, и съ изумленіемъ увидѣлъ, что въ телѣгѣ лежало мертвое, уже разлагавшееся, тѣло. Мертвое тѣло и привезшаго его крестьянина, конечно, взяли въ полицію.

На допросѣ въ полиціи крестьянинъ показалъ: «Звать меня Зотомъ, я—Ананьинъ сынъ Мукосѣевъ; на исповѣди и у причастія не бывалъ; читать и писать не умѣю». Далѣе онъ объявилъ слѣдующее.

13-го апрѣля, сотскій сказалъ ему, что въ Троицкую Дуброву прибылъ дворянскій засѣдатель фонъ-Менихъ съ сельскимъ засѣдателемъ, штабъ-лѣкаремъ, приказнымъ и двумя солдатами для сѣченія духоборцевъ. Наѣхавшее начальство сгоняло народъ на общественный выгонъ, гдѣ уже грозно возвышались аттрибуты торговой казни. Но Зотъ Мукосѣевъ сотскаго не послушался и ушелъ въ поле по своимъ дѣламъ. Вскорѣ, возвращаясь домой, онъ увидалъ, что крестьянинъ Ермаковъ велъ подъ руку роднаго его брата Сергѣя, за которымъ шло множество крестьянъ и крестьянокъ. Сергѣй едва держался на ногахъ отъ жестокаго сѣченія и всю ночь, не смыкая глазъ, стоналъ и охалъ. Братъ пробылъ около него до утра и потомъ пошелъ навѣстить другихъ наказанныхъ духоборцевъ. Зотъ Мукосѣевъ сперва зашелъ къ духоборцу Петру Дробышеву и нашелъ его уже мертвымъ. Около мертвеца сидѣлъ его малолѣтній сынъ и горько плакалъ. Тутъ же сошлись и всѣ взрослые троицкіе духоборцы и совѣщались о томъ, какъ поступить съ мертвымъ тѣломъ. Наконецъ, они порѣшили отвезти тѣло въ Тамбовъ и представить его самому губернатору и въ то же время просить его снова о защитѣ отъ полицейскихъ притѣсненій. Исполнителемъ этого рѣшенія былъ избранъ Зотъ Мукосѣевъ.

Въ полиціи привезенное Мукосѣевымъ мертвое тѣло стали свидѣтельствовать члены врачебной управы, обще съ городничимъ и уѣзднымъ стряпчимъ. Оказалось, что вся спина, сѣдалище и лядвеи мертвеца сильно распухли и были сине-багроваго цвѣта, а сердце и легкія наполнены были кровью и почернѣли. Слѣдователи заключили, что смерть Дробышева послѣдовала отъ апоплексическаго удара. Тѣло его предали землѣ.

Въ день погребенія Дробышева въ полиціи снова допрашивали Зота Мукосѣева, и такъ какъ онъ заявилъ, что наказанные троицкіе духоборцы мало подаютъ надежды на выздоровленіе, то, по

распоряженію губернатора, въ Троицкую Дуброву посланы были губернскій стряпчій Муратовъ, исправникъ Шатиловъ и штабъ-лѣкарь Друговъ, для свидѣтельства и для помощи. Пока коммиссія собиралась въ дорогу, въ Троицкой Дубровѣ умеръ еще одинъ наказанный духоборецъ—Филиппъ Дубасовъ большой.

Чиновники, по прибытіи въ Троицкую Дуброву, приступили къ допросу обывателей.

— Гдѣ умершій Филиппъ Дубасовъ?—спросилъ исправникъ.

— Запертъ въ амбарѣ,—отвѣчали ему:—а около той клѣти сидятъ крестьяне Ефимъ, Ѳедотъ и Данилъ Антюфеевы, а ключъ отъ клѣти у сына умершаго, Логина, который уѣхалъ въ Тамбовъ жаловаться губернатору на засѣдателя фонъ-Мениха, который засѣкъ его отца.

Слѣдователи зашли въ избу Филиппа Дубасова и нашли въ ней двухъ больныхъ женщинъ: вдову хозяина и ея невѣстку. Женщины, видимо, поражены были постигшимъ ихъ несчастіемъ и на вопросы начальства не стали и не могли отвѣчать. Женщинъ взяли подъ караулъ.

Зашли послѣ того во дворъ къ Дробышеву и нашли тамъ его сына Якова; забрали подъ караулъ и этого.

На утро приступили къ тѣлу Филиппа Дубасова, но вслѣдствіе сильнаго разложенія его отъ вскрытія отказались и объяснили его смерть принятіемъ яда внутри или снаружи. Относительно другихъ наказанныхъ духоборцевъ слѣдователи выразились такъ: «Тѣ духоборцы нимало несумнѣнны и неопасны въ жизни и наказаніе онымъ было соразмѣрно».

По окончаніи слѣдствія и всѣхъ судебныхъ формальностей, Зота Мукосѣева приговорили къ наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ Колу; сектантовъ Ефима, Ѳедота и Данила Антюфеевыхъ, Логина и Филиппа меньшаго Дубасовыхъ рѣшили высѣчь плетьми и оставить дома. Изъ подсудимыхъ остались ненаказанными только Яковъ Дробышевъ и Алексѣй Дубасовъ, такъ какъ они были малолѣтніе и отъ ереси отреклись.

Относительно засѣченныхъ духоборцевъ Дробышева и Дубасова уголовная палата выразилась такъ: «Случай ихъ смерти предать суду и волѣ Божіей, пока впредь само по себѣ что либо откроется или со стороны доказано будетъ».

Между тѣмъ на имя тамбовскаго губернатора послѣдовалъ высочайшій указъ. Этимъ указомъ повелѣвалось:

1) Отвесть духоборцамъ въ удаленіи отъ селеній небольшіе участки земли для кладбищъ, такъ какъ погребеніе мертвыхъ тѣлъ въ домахъ ни подъ какимъ видомъ не должно быть терпимо; погребать же на общихъ церковныхъ кладбищахъ духоборцевъ, какъ умершихъ внѣ церкви, запрещаютъ общія постановленія.

2) Назначивъ духоборцамъ такіе участки, строго взыскивать, чтобы они умершихъ своихъ тамъ и хоронили, и въ случаѣ нару-

шенія духоборцами этого правила предавать ихъ суду не за ересь, но за нарушеніе общей безопасности, и по суду ссылать ихъ въ городъ Колу.

3) Правила, на терпимость духоборческой секты принятыя, распространить и на некрещеніе младенцевъ; мѣстное начальство должно только смотрѣть, чтобы духоборцы не разглашали своей ереси внѣ семействъ ихъ и не дѣлали ей никакихъ явныхъ оказательствъ подъ страхомъ суда и наказанія.

Относительно привоза мертваго тѣла въ домъ губернатора повелѣвалось тщательно разузнать о причинѣ смерти духоборца и предать суду исправника Шатилова и городничаго Керна за нерадѣніе ихъ къ служебнымъ обязанностямъ...

Вслѣдствіе этого императорскаго указа духоборческое дѣло стали разсматривать вновь, причемъ открылись относительно фонъ-Мениха вопіющія подробности. Прибывъ въ Троицкую Дуброву въ нетрезвомъ видѣ, онъ съ шумомъ вошолъ въ духоборческое собраніе и сталъ грубо и непристойно привязываться къ двумъ духоборкамъ. Это было въ январѣ. Не смотря на январскій морозъ, фонъ-Менихъ растворилъ двери собранія и громко говорилъ: «Пусть всѣ духоборцы подохнутъ отъ холода». На другой день фонъ-Менихъ требовалъ съ духоборцевъ 100 рублей и, не получивъ ихъ, разсердился, кричалъ на духоборцевъ и наказывалъ ихъ въ 3 ямскихъ кнута. Но этого было мало. Духоборцевъ привязывали къ повозкамъ и телѣгамъ, рвали имъ усы и бороды, мазали ихъ дегтемъ и грязью и иными стыдными образами издѣвались надъ ними.

Въ это грозное для тамбовскихъ духоборцевъ время нашихъ сектантовъ, по человѣколюбію, пожалѣлъ только одинъ тамбовскій чиновникъ, уѣздный стряпчій Павловскій. Онъ на свой страхъ освобождалъ ихъ, во время продолжительнаго слѣдствія, кого отъ тюрьмы, кого отъ ножныхъ и ручныхъ колодокъ, смотря по обстоятельствамъ.

Тамбовская уголовная палата вновь взялась за дѣло мѣстныхъ духоборцевъ съ замѣчательною энергіею. Минуя губернатора, на томъ основаніи, что онъ не могъ быть судьей въ собственномъ дѣлѣ, она вошла съ особымъ представленіемъ, подробно и обстоятельно мотивированнымъ, въ сенатъ, который постановилъ смягчить наказаніе тамбовскихъ духоборцевъ. Ихъ наказаніе ограничили батожьемъ, отъ 10 до 20 ударовъ. Исправникъ и городничій были совершенно оправданы. Но въ то же время правительствующій сенатъ, въ огражденіе губернаторской власти, подвергъ членовъ тамбовской уголовной палаты штрафу въ 100 рублей за то, что они не отослали своего рѣшенія на губернаторское соглашеніе.

Впослѣдствіи все это дѣло во всѣхъ его подробностяхъ министромъ юстиціи княземъ П. В. Лопухинымъ доложено было самому

государю. А между тѣмъ и еще явилась новая жертва по дѣлу: въ тамбовской тюрьмѣ умеръ Зотъ Мукосѣевъ...

16 декабря 1804 года, послѣдовало высочайшее разрѣшеніе на переселеніе въ Таврическую губернію на Молочныя Воды всѣхъ духоборцевъ Тамбовской губерніи, въ томъ числѣ и духоборцевъ села Троицкой Дубровы, въ огражденіе ихъ отъ неумѣстныхъ и напрасныхъ притязаній въ отношеніи къ образу ихъ мыслей о религіи. Вѣсть объ этомъ разрѣшеніи принята была нашими духоборцами съ полнымъ восторгомъ. Всѣ они, назвавшись братьями, составили одну семью и въ 1805 году основали въ Мелитопольскомъ уѣздѣ слободу, которую весьма выразительно назвали Терпѣніемъ. Въ 1813 году, переселеніе тамбовскихъ духоборцевъ завершилось.

Уголовная палата судила въ свое время и прикосновенныхъ къ дѣлу чиновниковъ. При этомъ она обнаружила замѣчательную снисходительность. Объ исправникѣ Шатиловѣ, который издѣвался надъ духоборцами, палата отозвалась такъ: «сей поступокъ исправника Шатилова и по существу дѣла неимовѣренъ». О лѣкарѣ Друговѣ, принимавшемъ весьма дѣятельное участіе въ дубровскихъ истязаніяхъ, палатскіе чиновники выразились такъ: «чтобы дѣйствія сіи учинялъ штабъ-лѣкарь Друговъ, сему дать вѣру невозможно». Нѣкоторые палатскіе дѣльцы доходили въ своихъ стремленіяхъ обѣлить чиновниковъ Муратова и самого фонъ-Мениха до того, что ихъ вопіющія злоупотребленія именовали законными секретными и тонкими манерами. Какъ бы то ни было, дѣло о тамбовскихъ духоборцахъ получило обширную огласку, и Муратовъ съ фонъ-Менихомъ поплатились. Муратовъ навсегда отрѣшонъ былъ отъ службы, а фонъ-Менихъ, какъ главный преступникъ, кромѣ того, лишонъ былъ чиновъ и преданъ на 2 года церковному покаянію. Церковная эпитимія была исполнена имъ, по назначенію тамбовской консисторіи, въ Троицкомъ Лебедянскомъ монастырѣ. Отчасти понесъ отвѣтственность за свои дѣянія и лѣкарь Друговъ. Его отрѣшили отъ должности уѣзднаго врача.

Долгое пребываніе фонъ-Мениха въ монастырѣ, подъ церковнымъ началомъ и среди такихъ воспоминаній, которыя невольно должны были привлекать сердце его къ жалости и покаянію, не исправило его. Онъ возвратился въ свое имѣніе, село Духовку, еще болѣе озлобленный, зажилъ совершенно праздною жизнью и сталъ обращаться съ своими крестьянами крайне безчеловѣчно. Конецъ его жизни былъ трагическій. 12-го августа 1820 года, онъ былъ убитъ въ собственномъ саду, во время послѣобѣденнаго отдыха, собственнымъ крѣпостнымъ поваромъ, которому обѣщано было изысканно-суровое наказаніе на конюшнѣ. Убійство совершено было звѣрски, топоромъ, причемъ весь мозгъ вышелъ изъ костяныхъ покрововъ.

И. Дубасовъ.

РУССКІЕ КАТОЛИКИ ВЪ МОСКВѢ ВЪ КОНЦѢ XVII СТОЛѢТІЯ.

СОЕДИНЕНІЕ словъ: русскій и католикъ, представляется чѣмъ-то ненормальнымъ, и еще болѣе страннымъ кажется оно, когда рѣчь идетъ о русскихъ католикахъ въ XVII вѣкѣ въ Москвѣ, которая считалась центромъ всего православнаго міра, заявляла себя единственной хранительницей истинной вѣры. Но какъ для естествоиспытателя важна всякая аномалія, замѣчаемая въ явленіяхъ природы, точно такъ же и историку не слѣдуетъ пренебрегать фактами, повидимому, единичными и исключительными. Поэтому, думаемъ, не лишены интереса, хотя бы въ видѣ курьезовъ, слѣдственныя дѣла о русскихъ католикахъ, производившіяся въ концѣ XVII столѣтія. Разсматривая эти дѣла, можно, однако, замѣтить, что русскіе католики не всегда были курьезомъ; можно даже установить два типа ихъ: одни переходили въ католицизмъ по разсчету, на время,—это были исключительно малороссы, отрекавшіеся отъ своей вѣры для того, чтобы получить возможность довершать свое образованіе въ западныхъ школахъ; пройдя на Западѣ извѣстный циклъ наукъ, они возвращались на родину, снова принимали православіе и дѣлались учителями и наставниками своихъ соотечественниковъ. Малороссійскіе ученые пріобрѣтаютъ въ Москвѣ значительную силу съ половины XVII вѣка, особенно при патріархѣ Никонѣ, который довѣрилъ имъ исправленіе церковныхъ книгъ и обрядовъ. Большинство московскаго общества и духовенства отнеслось къ нимъ очень недовѣрчиво при самомъ ихъ появленіи; впослѣдствіи и самимъ покровителямъ, высшему свѣтскому и духовному правительству, пришлось въ нихъ разочароваться: малороссы дѣйствительно

оказались причастными нѣкоторымъ латинскимъ мнѣніямъ. При патріархѣ Адріанѣ былъ составленъ каталогъ малороссійскихъ сочиненій, въ которыхъ замѣчались разныя отступленія отъ православія; въ этотъ каталогъ вошло 19 сочиненій, принадлежащихъ такимъ виднымъ лицамъ, какъ Петръ Могила, Иннокентій Гизель, Іоанникій Галятовскій, Лазарь Барановичъ и др. [1]). Но, всетаки, слѣдуетъ сказать, что ученые малороссы не были настоящими католиками, они только сохраняли католическую окраску, усвоенную на Западѣ. Второй классъ русскихъ католиковъ составляютъ люди, отступившіе отъ православія по убѣжденію. Совращались они въ латинство или во время какого нибудь заграничнаго путешествія, или у себя дома, въ Москвѣ. Между иностранцами, которыхъ къ концу XVII вѣка въ Московскомъ государствѣ жило уже большое число, преобладали протестанты, но много было и католиковъ. Имъ позволялось свободно исповѣдовать свою вѣру, но иноземцы католики при исполненіи своихъ религіозныхъ обязанностей были въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ протестанты: правительство не соглашалось на допущеніе въ Россію католическихъ патеровъ, тогда какъ протестантамъ разрѣшалось даже строить церкви. Такое отношеніе къ католикамъ вызывалось не желаніемъ ихъ притѣснить, а опасеніемъ ихъ пропаганды: правительство понимало, что разъ появятся въ Москвѣ католическіе священники, они не ограничатся простымъ исполненіемъ требъ въ своей паствѣ, а начнутъ пропагандировать латинство среди русскаго населенія. Оно убѣдилось въ этомъ на опытѣ. Въ 1684 году, цесарскій посолъ Жировскій оставилъ въ Москвѣ іезуита Шмидта для исполненія требъ въ католической общинѣ. Около него вскорѣ образовался цѣлый іезуитскій кружокъ. Былъ купленъ домъ, въ немъ устроена школа, въ которой русскія дѣти совращались въ латинство. Патріархъ Іоакимъ потребовалъ тогда удаленія іезуитовъ изъ Москвы. Іезуиты обратились къ цесарю съ просьбой вступиться за нихъ и доставить имъ снова доступъ въ Россію. Императоръ отправилъ въ Москву посла Курцея, который указывалъ царямъ Іоанну и Петру на бѣдственное положеніе католиковъ въ Россіи, безъ пастырей духовныхъ, и просилъ разрѣшенія вернуться іезуитамъ, безвинно якобы оклеветаннымъ. Но ему было на отрѣзъ отказано, и единственнымъ результатомъ его посольства было дозволеніе пріѣхать бѣлому попу съ помощникомъ. Однако, іезуиты потихоньку проникли въ Россію, и уже въ началѣ XVIII вѣка составился ихъ кружокъ въ Москвѣ, опять открылось училище, и снова началась пропаганда. Результаты, достигнутые этой пропагандой, нельзя считать особенно важными, но если принять во вни-

---

[1]) Рукоп. сборникъ моск. синод. библ. подъ заглавіемъ: «Щитъ вѣры», № 346, л. 223—225.

маніе кратковременность пребыванія іезуитовъ въ Москвѣ, ограниченность круга ихъ дѣйствій, зоркій надзоръ за ними со стороны духовнаго и свѣтскаго правительства, то и эти результаты приходится признать весьма для нихъ благопріятными.

Таковы были два типа русскихъ католиковъ. Въ настоящихъ очеркахъ мы познакомимъ читателей съ представителями каждаго изъ этихъ типовъ, свѣдѣнія о которыхъ мы почерпнули изъ слѣдственныхъ дѣлъ, хранящихся въ московской синодальной библіотекѣ.

I. Григорій Скибинскій.

Григорій Алексѣевичъ Скибинскій принадлежитъ къ представителямъ перваго изъ указанныхъ нами двухъ типовъ русскихъ католиковъ. Въ 1688 году, онъ отправился въ Римъ для усовершенствованія себя въ наукахъ. Здѣсь онъ отрекся отъ православія и принялъ 10 пунктовъ, которые, по его словамъ, долженъ принимать всякій православный, приходящій «въ область папину съ требованіемъ ученія». Эти пункты довольно интересны по своему составу: первые восемь имѣютъ цѣлью утвержденіе верховной папской власти надъ всею церковью, по нимъ восточная церковь лишена божественной силы, и даже чудеса, въ ней происходящія, творятся волею сатаны; только послѣдніе два пункта касаются догматическихъ вопросовъ, бывшихъ однимъ изъ главныхъ поводовъ раздора между двумя церквами,—вопросовъ объ исхожденіи Св. Духа и о чистилищѣ [1]). Въ Римѣ Скибинскій пробылъ 8 лѣтъ, у него

---

[1]) На сколько намъ извѣстно, о пунктахъ этихъ до сихъ поръ нигдѣ не упоминалось, поэтому приводимъ ихъ цѣликомъ:

1) Яко вси патріархи, митрополиты и весь причетъ церкве восточныя не суть священники; сего ради, зане не имѣютъ благословленія отъ папы, и непослушани ему суть.

2) Церкве восточныя патріархи не имѣютъ власти свидѣтельствовати святаго, аще и чудеса творитъ.

3) Въ церкви греческой по соборѣхъ Флоренскомъ и Триденскомъ святіи не обрѣтаются, токмо въ западной.

4) Кто есть внѣ церкве западной римской, не можетъ спастися, аще и добродѣтели стяжетъ, — сице содержатъ римляне.

5) Кто не имать за главу всея церкве Христовы папу, той еретикъ и отщепенецъ есть. И кто ке вѣруетъ папу быти преемникомъ святаго апостола Петра и намѣстникомъ Іисуса Христа, не можетъ спастися.

6) Яко бы сіи токмо патріархи истинніи, которые папою рукополагаются. и хиротонію пріемлютъ, а не сіи, иже обитаютъ въ своихъ паствахъ церкве восточныя.

7) Вся чудеса, яже бываютъ въ церкви восточной, не суть сія дѣйствъ божественныхъ, но дѣйствъ сатаны.

8) Которые суть святіи, ихже тѣлеса нетлѣнна хранятся въ церкви восточной, не суть тѣлеса святыхъ, но клятву стяжавшихъ папы, и якобы сего ради тая нетлѣнны.

9) Исповѣдають огнь чистительный.

10) Духа Святаго исходяща отъ Отца и отъ Сына.

(Рукоп. моск. син. библ., № 393, л. 176—177, также № 1, А, неперепл. и № 346).

были учителями слѣдующія лица: Францискъ Перегринъ изъ Комо, доминиканецъ, докторъ богословія, родственникъ папы Иннокентія; Паулинъ Бернардиній, тоже доминиканецъ и докторъ богословія, двѣнадцатый духовникъ папы и одинъ изъ его ближайшихъ совѣтниковъ; Яковъ Рицiусъ, докторъ богословія, доминиканецъ, учитель школъ папежскихъ; Іосифъ Испанецъ—«первый учитель мудрости». Окончивъ курсъ подъ руководствомъ этихъ наставниковъ, Скибинскій получилъ степень «доктора философіи и иныхъ свободныхъ художествъ, свидѣтельствованнаго учителя святаго богословія» (Philosophiae ac artium liberalium doctor, sacrae theologiae licentiatus).

Въ 1696 году, Скибинскій пріѣхалъ въ Москву и подалъ патріарху Адріану прошеніе, въ которомъ, сообщая о своемъ ученіи въ Римѣ, просилъ принять обратно въ православную церковь и для приготовленія къ этому дать ему въ наставники какого-то священника Прова. Этотъ поступокъ Скибинскаго представляетъ собою явленіе не совсѣмъ обыкновенное. Въ Москвѣ очень строго и подозрительно относились ко всякимъ учителямъ и наставникамъ изъ грековъ и малороссовъ. По уставу славяно-греко-латинской академіи, греки должны были имѣть свидѣтельство о своемъ православіи отъ восточныхъ патріарховъ и, кромѣ того, въ самой Москвѣ подвергались испытанію въ вѣрѣ. Относительно западно-русскихъ ученыхъ практика была еще строже: если даже кто изъ нихъ былъ извѣстенъ, какъ авторъ православнаго сочиненія, то и это не считалось достаточнымъ свидѣтельствомъ его православія, потому что сочиненіе могло быть написано только съ хитрою цѣлью пріобрѣсти довѣріе, а послѣ такіе люди могутъ мало-по-малу распространять лжемудрованія и вредить чистотѣ вѣры [1]). Все это было извѣстно въ Малороссіи, и понятно, что никто оттуда не являлся въ Москву, не запасшись разными рекомендаціями, всякій тщательно скрывалъ свой переходъ въ латинство. Поэтому искренность, съ которой признался Скибинскій въ отпаденія отъ православія, скорѣе говоритъ въ его пользу, но въ Москвѣ взглянули на дѣло иначе, въ прошеніи Скибинскаго увидѣли новый подходъ католической пропаганды, и въ такомъ именно смыслѣ была составлена по этому дѣлу докладная записка для патріарха Адріана. Зачѣмъ пришелъ Скибинскій?—спрашиваетъ докладчикъ. Конечно, для того, чтобы научить своему еретичеству сперва тайно, а потомъ и открыто. Ему ни въ какомъ случаѣ нельзя вѣрить, люди ему подобные готовы множество разъ клясться всякими клятвами и нарушать ихъ; ужъ если онъ измѣнилъ клятвѣ, данной людямъ, которымъ всѣмъ обязанъ, у которыхъ научился своей «льстящей мудрости», то какая гарантія того, что онъ и теперь не лжетъ,

[1]) Смирновъ. Исторія московской славяно-греко-латинской академіи, стр. 13.

чтобы вкрасться въ довѣріе московскаго правительства. А между тѣмъ носится слухъ, будто папой посланы въ Россію съ цѣлями пропаганды «ближніе его и таинственные совѣтники, зовомые у нихъ секретари»,—вѣдь очень легко можетъ быть, что и Скибинскій одинъ изъ этихъ секретарей. Болѣе всего смутили москвичей приведенные Скибинскимъ 10 пунктовъ. Всѣ хулы на восточныхъ патріарховъ и вознесеніе папы, заключающіяся въ этихъ пунктахъ, излагаются Скибинскимъ, по мнѣнію автора докладной записки, единственно для того, чтобы соблазнить неопытныхъ простаковъ, унизить въ глазахъ народа авторитетъ православной церкви; поэтому необходимо опроверженіе пунктовъ, иначе ихъ могутъ принять за истину. Докладчикъ всѣми мѣрами старается доказать неискренность Скибинскаго, онъ придирается даже къ его титулу: «святѣй богословіи учитель», и казуистически замѣчаетъ, что Скибинскій называетъ святымъ латинское еретическое богословіе, онъ ученикъ Дунса Скота и Ѳомы Аквината, потому что въ Римѣ у доминиканцевъ онъ никоимъ образомъ не могъ бы научиться православному богословію. Въ виду всѣхъ такихъ подозрѣній для докладчика весьма затруднительнымъ становится рѣшить вопросъ, принимать ли Скибинскаго, или нѣтъ? Необходимо дѣйствовать съ крайнею осторожностью: принять Скибинскаго можно не иначе, какъ съ согласія вселенскихъ патріарховъ, которымъ должны быть предъявлены 10 пунктовъ; имъ слѣдуетъ также сообщить, кто были учителя Скибинскаго. Кромѣ того, докладчикъ полагаетъ, что Скибинскому нельзя разрѣшить жить въ Москвѣ, а быть ему гдѣ нибудь подальше, въ монастырѣ, подъ крѣпкимъ дозоромъ, потому что отъ подобныхъ людей приходили въ соблазнъ не только простые міряне, но даже и священники. Далѣе требуется, чтобы Скибинскій написалъ обличительное сочиненіе противъ латинской церкви; онъ долженъ составить житія папъ, а если отъ этого откажется, то надо показать ему ихъ «шкаредное житіе». Но всѣ эти мѣры предосторожности, всетаки, кажутся докладчику недостаточными для полнаго огражденія православной церкви отъ душевредныхъ замысловъ скрытаго еретика, какимъ онъ считаетъ Скибинскаго, гораздо безопаснѣе совсѣмъ его не принимать, «лучше и полезнѣе будетъ,—говоритъ докладчикъ,—отослать его на родину, удалить изъ нашего православнаго царства, чтобы не явилось разныхъ соблазновъ и сомнѣній въ вѣрѣ».

Какъ видно изъ этого доклада, прошеніе Скибинскаго возбудило сильную тревогу въ московскомъ духовенствѣ, дѣло его рѣшено было отдать на разсмотрѣніе собора россійскихъ архіеревъ подъ предсѣдательствомъ патріарха Адріана. Передъ этимъ судомъ была составлена новая записка, проектъ допроса, который долженъ былъ быть произведенъ Скибинскому. И въ этой запискѣ сказалось опасеніе, недовѣріе къ Скибинскому, желаніе отъ него избавиться

какъ нибудь: на каждый вопросъ весьма казуистически предусматриваются разные отвѣты, вопросы прямо къ тому направлены, чтобы сбить, запутать Скибинскаго въ его показаніяхъ. Приведемъ важнѣйшіе изъ этихъ вопросовъ. Кто далъ Скибинскому разрѣшеніе идти къ папѣ? У кого онъ получилъ на это благословеніе? Зачѣмъ онъ пошелъ? Если онъ скажетъ, что пошелъ «для ученья», то онъ подлежитъ осужденію, такъ какъ учился еретическимъ раздорамъ; если скажетъ: «для путешествія»,—тогда зачѣмъ принялъ латинство; если будетъ увѣрять, что отправился по повелѣнію монарха, долженъ показать грамоту; если, наконецъ, скажетъ, что съ благословенія патріарха Іоакима, то солжетъ, такъ какъ тотъ никого не пускалъ въ Римъ; остается такимъ образомъ одинъ достовѣрный отвѣтъ, что онъ поѣхалъ при какомъ нибудь посольствѣ, съ бояриномъ, но и тутъ онъ будетъ не правъ, ибо взялся быть «въ услугахъ посольства, а не папина пасомства». Не принималъ ли онъ въ Римѣ еще какихъ либо ученій, кромѣ 10 пунктовъ? Если принималъ, то зачѣмъ раньше объ этомъ умолчалъ. Какое богословіе слушалъ въ Римѣ—Іоанна Дамаскина или Ѳомы Аквината? Если скажетъ: «Дамаскина», то солжетъ; а если слушалъ Аквината, то его богословіе еретическое, и онъ не можетъ называться «учителемъ святѣй богословіи». Очень боялись, что Скибинскій, можетъ быть, переодѣтый духовный, спрашивали, въ какомъ чинѣ отъ былъ въ Римѣ, въ духовномъ или гражданскомъ, были заранѣе почти убѣждены, что онъ духовный: онъ учитель (licentiatus), а въ Римѣ школы держатъ не міряне, а іезуиты, и ему не позволили бы держать школу, если бы онъ не былъ духовнымъ. Нужно узнать, не писалъ ли Скибинскій какихъ нибудь богословскихъ или научныхъ трактатовъ, когда ихъ писалъ и въ какомъ духѣ, православномъ или латинскомъ? Касались поведенія Скибинскаго въ Москвѣ: зачѣмъ и по чьему приказу онъ, не соединившись съ восточною церковью, ходитъ по домамъ и учитъ народъ? Онъ долженъ заявить, не знаетъ ли еще кого нибудь въ Москвѣ, «пришедшаго изъ римскихъ странъ и держащаго тамошнюю вѣру». Наконецъ, надо его спросить, что̀ онъ намѣренъ дѣлать въ Москвѣ, хочетъ ли остаться въ міру и учить латинскому языку, или думаетъ постричься въ монахи, какъ объ немъ ходитъ слухъ. Желаніе постричься одобрялось, потому что «лучше ему быть въ уединеніи, нежели, ходя по дворамъ, для наученія дѣтей, ради малой корысти испытывать разныя житейскія мятежности и суеты».

До насъ не дошелъ, къ сожалѣнію, самый актъ собора, разсматривавшаго дѣло Скибинскаго, и поэтому мы не знаемъ его отвѣтовъ на эти вопросы, но, по всей вѣроятности, они удовлетворили патріарха, потому что Скибинскій былъ принятъ, однако, на слѣдующихъ условіяхъ: онъ долженъ былъ принести публичное покаяніе, на него налагалась эпитимія, онъ не могъ быть допущенъ къ

причастію; въ томъ мѣстѣ, куда его пошлетъ патріархъ, ему запрещалось учить кого либо латинскимъ наукамъ или бесѣдовать о чинахъ и обычаяхъ церкви западной; наконецъ, ему приказано было составить книгу противъ латинъ, папы, опровергнуть 10 пунктовъ, обличить «лжу латынскую» свидѣтельствами изъ св. отцовъ и «логическими силлогизмами». Эту книгу онъ долженъ былъ представить патріарху на разсмотрѣніе, и послѣ долгаго искуса ему обѣщалось совершенное принятіе въ православную церковь [1]).

II. Дьяконъ Петръ.

Дьяконъ Петропавловской церкви Новомѣщанской слободы Петръ Артемьевъ принадлежитъ ко второму указанному нами типу русскихъ католиковъ, это человѣкъ глубоко убѣжденный, экзальтированный фанатикъ. О его дѣтствѣ и юности извѣстно только, что онъ жилъ въ Нижнемъ Новгородѣ, Васильсурскѣ, Ялатмѣ, Суздалѣ, Флорищевской пустыни, учился въ Москвѣ, въ славяно-греко-латинскомъ училищѣ (или, какъ онъ его называетъ: школѣ еллиногреческой), затѣмъ отправился довершать свое образованіе за границей. Обстоятельства его обращенія въ католицизмъ возстановить трудно: онъ разсказываетъ о своихъ заграничныхъ странствованіяхъ въ посланіи къ патріарху Адріану, но, къ сожалѣнію, это письмо до насъ не дошло, изъ него мы имѣемъ только отрывки, помѣщенные въ «Обличеніи заблужденій діакона Петра». Судя по этимъ отрывкамъ, можно предположить, что совращеніе его въ католицизмъ произошло въ Венеціи,—такъ можно думать потому, что вслѣдъ за разсказомъ о томъ, что Богъ открылъ ему тайны своей премудрости, Петръ описываетъ Венецію. Склонили его къ латинству какіе-то высокоученые люди, но онъ еще колебался; «ходилъ къ латинамъ въ церковь,—пишетъ онъ,—и молился, но тогда еще былъ подъ сомнѣніемъ». Ему очень хотѣлось побывать въ Римѣ и увидать папу. Пріѣхавъ въ Римъ, онъ пошелъ къ исповѣди, объяснилъ духовнику, что онъ москвичъ, прежде не любилъ римлянъ, а теперь, присмотрѣвшись къ нимъ, склоняется на ихъ сторону; потомъ онъ пошелъ къ причастію, послѣ причастія духовникъ спросилъ у него, не нуждается ли онъ въ чемъ нибудь:

— Я казначей монастырскій, и могу тебѣ помочь.

Но Петръ отказался отъ этого предложенія.

— Я соединяюсь съ вами не ради дара,—объяснилъ онъ духовнику.

[1]) Дѣло Скибинскаго находится въ сборникахъ синодальной московской библіотеки подъ №№ 346 (съ листа 1,218), 393 и I А. (непереплетен.).

О дальнѣйшемъ пребываніи Петра за границей неизвѣстно почти ничего. Онъ былъ въ Вѣнѣ, но что тамъ дѣлалъ, мы не знаемъ. Назадъ въ Россію онъ возвращался съ какимъ-то докторомъ; изъ Оломунца, т. е. изъ Ольмюца, они пріѣхали въ Бреславль, гдѣ къ нимъ присоединился по указу императора іезуитъ, который очень полюбилъ Петра, «и былъ я,—пишетъ Петръ,—ему рабомъ, а онъ мнѣ отцомъ». Пріѣхавъ въ Западную Россію, Петръ очень хотѣлъ найдти своихъ единовѣрцевъ среди русскихъ, разспрашивалъ крестьянъ: уніаты они, или православные, но оказывалось, что православные, хотя попъ уніатъ.

Въ Москвѣ Петръ не отказался отъ своихъ латинскихъ убѣжденій, но ему пришлось ихъ скрывать, и тутъ, какъ ученикъ іезуитовъ, онъ пустился на разные компромиссы со своей совѣстью, ему очень помогла теорія такъ называемой мысленной оговорки (restriction mentale). Когда патріархъ рукополагалъ его въ діаконы и призывалъ на него благодать Св. Духа, Петръ тайно молился, называя патріарха «не отдѣленнымъ членомъ главы своей, предуставленной ему (т. е. папы), но соединеннымъ членомъ оному во всемъ»; сдѣлавъ эту мысленную оговорку, онъ снималъ съ себя грѣхъ, совершенный передъ римской церковью принятіемъ рукоположенія отъ восточнаго патріарха. Кромѣ этого, Петръ носилъ на себѣ образъ Антонія Падуанскаго, соблюдалъ тайно католическіе посты, обманывалъ своего духовника Зиновія, попа Харитоньевскаго, часто бывалъ у іезуитовъ, исповѣдывался и причащался у нихъ. Въ 1688 году, іезуиты были изгнаны изъ Москвы, и это причинило Петру немалое огорченіе. Но въ томъ же году пріѣхалъ въ Москву іезуитъ полякъ Конрадъ Терпиловскій, бывшій миссіонеромъ въ Персіи. Петръ сталъ его духовнымъ сыномъ. Впослѣдствіи онъ объяснялъ, что исповѣдывался и причащался у іезуитовъ съ тайнымъ намѣреніемъ содѣйствовать соединенію церквей, потому что Богъ творитъ волю боящихся его. Послѣ высылки Терпиловскаго у католиковъ въ Москвѣ не было пастыря полтора года, и нѣкоторые обращались за исполненіемъ требъ къ священникамъ, пріѣзжавшимъ изъ Малороссіи [1]).

[1]) У Петра мы находимъ слѣдующее интересное, хотя, быть можетъ, и невѣрное извѣстіе. Іоанникій Лихудъ, пріѣхавъ изъ Италіи (1691 г.), часто бывалъ у римскихъ священниковъ на цесарскомъ дворѣ, говорилъ, что онъ католикъ, но въ Москвѣ изъ страха скрываетъ свою вѣру. Цесарскіе священники ему вѣрили, но Петръ показалъ имъ сочиненіе Лихудовъ «Мечецъ», направленное противъ латинъ (напис. 1689 г.). Они стали обличать лицемѣріе Іоанникія, но онъ увѣрялъ ихъ, что «Мечецъ» составилъ братъ его Софроній, когда онъ, Іоанникій, былъ въ Италіи; «а если бы я зналъ,—говорилъ онъ,—что братъ мой долженъ написать такую книгу, я бы ему запретилъ». «Это, можетъ быть, и правда,—прибавляетъ отъ себя Петръ,—потому что Іоанникій гораздо склоннѣе къ правдѣ, чѣмъ братъ его Софроній». Не знаемъ, какъ смотрѣть на это извѣстіе Петра: Лихуды считаются одними изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ православія, такъ

Но компромиссъ съ совѣстью былъ, вѣроятно, тяжелъ Петру, и въ 1698 году онъ сталъ высказывать свое латинство вполнѣ явно, всенародно: въ церкви сталъ нарушать порядокъ богослуженія, употреблять разные латинскіе обряды, говорилъ «съ немалой часъ» поученіе, въ которомъ похвалялъ за вѣру и обряды поляковъ, литву и вообще латинъ, а православную церковь укорялъ. Его психическое состояніе въ это время очень ярко рисуется въ его письмѣ къ отцу, содержаніе котораго мы здѣсь излагаемъ. Отецъ Петра былъ священникомъ въ Суздалѣ, но хотѣлъ перейдти въ Москву, и за него хлопотали у патріарха нѣкоторые его знакомые. Разъ они пришли къ патріарху.

Адріанъ, до котораго уже донеслись слухи о латинствѣ Петра, спросилъ у нихъ:

— Это не отецъ ли діакона?—и сталъ бранить Петра.

Пришедшіе освѣдомились, въ чемъ вина діакона. Тогда патріархъ сталъ говорить:

— Онъ стоитъ за кальвиновъ, люторовъ и папежниковъ; я боленъ, а то бы онъ давно былъ сосланъ; да и теперь это такъ ему у меня не пройдетъ, я нарочно для него соборъ соберу; а за отцомъ его я думалъ самъ послать, для него же, дьяконишка, потому что хорошій, говорятъ, человѣкъ его отецъ.

Эти слова патріарха были переданы Петру и, какъ видно по его письму, произвели на него очень сильное впечатлѣніе. Онъ пришелъ въ какой-то экстазъ, сталъ считать себя призваннымъ пострадать за правду латинской церкви. «Слыхалъ я,—пишетъ онъ отцу,—что ты меня назвалъ Петромъ, чтобы я сдѣлался ему сопричастникомъ, и ты не ошибся: я признаю себя всенародно исповѣдникомъ Петра и его каѳедры». Разсказываетъ онъ о какомъ-то видѣніи, бывшемъ ему еще въ дѣтствѣ во время горячки; считаетъ это видѣніе пророческимъ предзнаменованіемъ его грядущаго величія передъ Богомъ. Онъ сравниваетъ отца съ Авраамомъ, а себя съ Исаакомъ, говоритъ, что отецъ долженъ отдать его на судъ патріарху и такимъ образомъ принести въ жертву Богу. Уже раньше, вскорѣ по возвращеніи Петра изъ Италіи, отецъ замѣтилъ его латинство и тогда грозилъ ему, что донесетъ патріарху, но не исполнилъ угрозы; Петръ объясняетъ это такимъ образомъ, что прежде Богъ не попустилъ его отца принести эту жертву, но теперь настало время, и Богъ призываетъ самъ къ жертвѣ. Желаніе пострадать у Петра очень сильно, въ страданіи онъ видитъ даже счастіе. «О дабы благоволилъ меня той пожирати,—говоритъ онъ о патріархѣ Адріанѣ,—и съ пировники елико множайшими,

---

что его похвалу Іоанникію Лихуду слѣдуетъ признать ложью іезуита, но съ другой стороны нельзя упускать изъ виду, что Петръ человѣкъ въ высшей степени искренній.

толико ми сладчайшими». Онъ смѣется надъ соборомъ, называя его по созвучію заборомъ. Съ какой-то ненавистью отзывается онъ о чудовскомъ монахѣ Евѳиміи, извѣстномъ ученомъ того времени и защитникѣ греческаго православія. Письмо это сочинялось нѣсколько дней, слогъ его крайне неровный, постоянно встрѣчаются отступленія, Петръ иногда высказываетъ весьма сильное самоуничиженіе, попадаются въ высшей степени экзальтированныя обращенія къ Христу. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ: «Грѣхи мои такъ велики, какъ Ты самъ великъ, злоба моя такъ сильна, какъ Ты самъ силенъ, мерзости моей и скаредства всякій гнушается, ибо я такъ мерзокъ и нечистъ, какъ ты пречистъ». Или въ другомъ мѣстѣ: «Остави съ собою, Господи, мнѣ хотя одинъ уголокъ на крестѣ, да распнусь съ Тобою не мысленно только, но дѣломъ. Дай мнѣ Свое сердце моему сердцу въ товарищи съ Тобою, мой всесладкій Іисусе, разъязвитися, тогда сердце сердцу соединится, когда мое сердце за одно съ Твоимъ прободется стрѣлами острѣйшими. Введи въ нѣдра сердца Твоего мое сердце въ сосѣди, и присосѣдившись улюблюсь Тебѣ, мой Боже, неизглаголанно, и не захочу въ небесномъ царствѣ искать чего нибудь лучшаго; и зачѣмъ, когда Ты, мой Богъ и царь всякаго царства, ко мнѣ благоволишь. И такъ, полюбивъ Тебя, воспою Тебя посреди церкви. Боже мой, Боже, милосердый мой Боже, одинъ Ты мой Боже, коли Ты такъ меня полюбилъ, и я Тебя»... и т. д. Всюду проявляется желаніе пострадать и мистическій экстазъ, граничащій съ горячечнымъ бредомъ.

Письмо свое къ отцу Петръ показывалъ одному знакомому священнику Андрею, и тотъ сказалъ ему: «дьяволъ тебя учитъ такъ врать», а отецъ чуть не далъ ему заушины за его еретическія враки. Мѣсяцъ спустя, въ началѣ мая 1698 года, на Петра священникомъ той церкви, гдѣ онъ служилъ, сдѣланъ былъ доносъ: сообщено было о разныхъ его латинскихъ мнѣніяхъ и о тѣхъ безпорядкахъ, которые онъ позволялъ себѣ производить во время богослуженія. Патріархъ приказалъ отправить его, до разбора дѣла на соборѣ, въ Новоспасскій монастырь, на увѣщаніе къ архимандриту Исаіи. Изъ монастыря Петръ написалъ патріарху посланіе, которое, какъ мы уже выше замѣтили, до насъ не дошло въ полномъ своемъ составѣ. Въ этомъ посланіи онъ подробно разсказалъ объ обстоятельствахъ своего обращенія въ католицизмъ и о своей жизни въ Москвѣ, причемъ не изъявилъ никакого раскаянія, а, напротивъ, позволилъ себѣ нападать на приближенныхъ къ патріарху людей и оскорбилъ самого патріарха, не величая его полнымъ титуломъ и даже называя его не патріархомъ, а архіепископомъ. Петръ увѣряетъ, что онъ хулитъ не церковь, а своихъ учителей грековъ, монаха Евѳимія и ихъ единомышленниковъ. О Евѳиміи онъ выражается такимъ образомъ: «Лѣтъ съ двадцать и

больше, какъ изъ ума выжилъ Евѳимій. Гдѣ онъ учился? За печью въ углу, что сверчокъ, или муха въ щели». Обо всѣхъ своихъ учителяхъ говоритъ: «Греки мои учители и Евѳимій не ссылаются въ богомерзкихъ своихъ тетрадищахъ на святыхъ отцовъ древнихъ, но грезятъ, какъ во снѣ, составляя тщетные силлогизмы». Между прочимъ, Петръ ожесточенно нападаетъ на инквизиціонный трибуналъ, который явился въ Москвѣ, въ концѣ XVII столѣтія: «Въ Константиновкѣ (т. е. въ Константиновской башнѣ въ Кремлѣ) при дыбѣ стоятъ учители нѣмые (т. е. бояре); вмѣсто евангелія огнемъ и вмѣсто апостола кнутомъ просвѣщаютъ. О! коль безполезно ихъ учительство!»—восклицаетъ Петръ. Порицая противохристіанское мучительство, Петръ имѣетъ въ виду не одного себя, онъ вспоминаетъ о людяхъ, которыхъ тогда у насъ болѣе всего притѣсняли за вѣру, о раскольникахъ: «О Боже,—пишетъ онъ,—даждь кротчайшій образъ и нашимъ государямъ архіереямъ о простачкахъ нашего рода капитонахъ, чтобъ они, какъ духовные, исправляли ихъ духомъ кротости; или пускай спасаютъ ихъ страхомъ, но восхищаютъ отъ огня». Онъ обращается съ этой же просьбой и къ патріарху: «Молю ваше архипастырство, да потщишься ихъ спасти отъ огня».

Увѣщанія Исаіи, архимандрита новоспасскаго, не подѣйствовали на Петра. 13-го іюня 1698 года, онъ приведенъ былъ на соборъ, на которомъ присутствовали, кромѣ патріарха, Тихонъ, митрополитъ сарскій и подонскій, Трифилій, митрополитъ нижегородскій и алатырскій, Гавріилъ, архіепископъ вологодскій и бѣлозерскій, и нѣсколько греческихъ архіереевъ. Не смотря на всѣ увѣщанія, Петръ не покаялся. Соборъ рѣшилъ разстричь его и предать анаѳемѣ. Затѣмъ постановлено было отослать его къ Аѳанасію, архіепископу холмогорскому и важескому, которому приказано держать его подъ крѣпкимъ надзоромъ, не давать ему чернилъ и бумаги, никому не позволять съ нимъ разговаривать, въ церковь его не пускать; Петръ долженъ былъ пребывать въ постѣ, молитвѣ и молчаніи.

Послѣднія свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о Петрѣ, заключаются въ письмѣ архіепископа Аѳанасія. Аѳанасій сообщаетъ, что онъ обратилъ на Петра особенное вниманіе. Съ 5-го іюля, когда Петръ былъ къ нему присланъ, до 11-го сентября онъ прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы вернуть его къ православной церкви, узналъ всю его жизнь, много говорилъ съ нимъ и нашелъ его «весьма непотребнымъ и растлѣннымъ сосудомъ». Петръ оказался очень дерзкимъ: кричалъ «со всякимъ смѣльствомъ», что въ Россіи въ сорокъ лѣтъ церковь измѣнила всѣ апостольскіе догматы, называлъ троеперстное сложеніе для крестнаго знаменія неизвѣстнымъ, грековъ и русскихъ бранилъ раздорниками; истиннымъ и правымъ называлъ «римскій костелъ»; говорилъ, что вскорѣ русская церковь

соединится въ догматахъ съ римскою; объявлялъ, что будетъ защищать римскую церковь до смерти. Видя такое упорство Петра, Аөанасій отослалъ его въ Соловецкій монастырь и приказалъ держать его тамъ въ темницѣ. Оттуда настоятель извѣщалъ его, что все исполнено «по заповѣданному неослабно». О дальнѣйшей судьбѣ Петра, покаялся ли онъ, или умеръ католикомъ, намъ ничего неизвѣстно.

А. В—инъ.

ВИЛЕНСКІЙ МУЗЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ.

По поводу тридцатилѣтней годовщины его существованія.

(1856—1886 г.).

ВЪ ТЕКУЩЕМЪ году, 1-го января, исполнилось тридцать лѣтъ со дня открытія въ Вильнѣ музея древностей.

Никто не праздновалъ этого юбилея, и объ немъ нигдѣ, кажется, не упоминалось. Между тѣмъ исторія Виленскаго музея весьма интересна и поучительна, такъ какъ среди русскихъ, весьма, впрочемъ, немногочисленныхъ хранилищъ древностей едва ли найдется учрежденіе, имѣющее такую тенденціозную почву, какая была положена въ основу Виленскаго пантеона науки, и потому нелишне будетъ, въ тридцатую годовщину существованія музея, заглянуть въ исторію этого учрежденія [1]).

Пишущій эти строки уже имѣлъ случай отдать справедливость польской заботливости въ сохраненіи памятниковъ древности, указавъ въ статьѣ о Львовскомъ музеѣ Оссолинскихъ и Любомірскихъ [2]) на нѣкоторыя польскія частныя собранія и коллекціи этого рода.

Частной иниціативѣ обязанъ своимъ существованіемъ и Виленскій музей.

---

[1]) Главнѣйшими матеріалами служили: «Каталогъ предметовъ музея древностей, состоящаго при Виленской публичной библіотекѣ, второе изданіе, Вильна, 1885 г.», и «Дневникъ засѣданій коммиссіи для разбора предметовъ, находящихся въ Виленскомъ музеумѣ древностей, Вильна, 1865 г.».

[2]) «Историческій Вѣстникъ», томъ XXI, стр. 348—354 (августъ, 1885 г.).

Образованный изъ предметовъ древностей и рѣдкостей, составлявшихъ собственность помѣщика, графа Евстафія Піевича Тышкевича, музей получилъ оффиціальное утвержденіе, въ смыслѣ общественнаго научнаго учрежденія, 25-го апрѣля 1855 года и, удостоившись одновременно съ тѣмъ быть принятымъ подъ покровительство покойнаго государя наслѣдника цесаревича Николая Александровича, былъ открытъ для публики 1-го января 1856 года.

По уставу, утвержденному высочайшею властію, музей состоитъ изъ предметовъ, касающихся исторіи Западнаго края Россіи, и имѣетъ цѣлью сохраненіе памятниковъ древности и предоставленіе возможности пользоваться ими для изученія края, содѣйствуя вмѣстѣ съ тѣмъ объединенію послѣдняго съ остальными частями имперіи.

Музей былъ помѣщенъ сначала въ одной изъ залъ бывшаго Виленскаго университета, носившей названіе «Aula»; впослѣдствіи помѣщеніе это было обращено подъ читальную залу Виленской публичной библіотеки, а музей перенесенъ въ третій этажъ зданія, гдѣ находится и въ настоящее время.

При своемъ основаніи, музей не отличался полнотою и численностію предметовъ. Въ видахъ пополненія его коллекцій, временная Виленская археологическая коммиссія, въ завѣдованіе которой былъ переданъ музей, обратилась къ мѣстной интеллигенціи и любителямъ старины съ приглашеніемъ пожертвовать въ музей свои коллекціи. Встрѣтивъ полное къ себѣ сочувствіе, музей, къ концу 1858 года, насчитывалъ уже около 3,000 предметовъ, кромѣ монетъ, медалей и произведеній искусства.

Слѣдуетъ замѣтить, что какъ основатель музея и жертвователи, такъ и лица, непосредственно завѣдовавшія имъ, принадлежали къ польской народности [1]). Казалось бы, это условіе не должно было препятствовать существованію и развитію столь полезнаго учрежденія на почвѣ строго научной, чуждой политическихъ мечтаній и надеждъ.

На дѣлѣ вышло не то.

Собраніе предметовъ древности, имѣющее точно опредѣленную высочайшею властію программу, въ дѣйствительности обратилось въ демонстративный польскій пантеонъ, подъ нейтральной кровлей котораго мѣстные патріоты стремились укрѣпить за русской окраи-

---

[1]) Принадлежность основателя и попечителя музея къ польской народности произошла въ силу прозелитизма одного изъ предковъ его, принадлежавшихъ къ русской народности и исповѣдовавшихъ православную вѣру. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ хранящійся въ Виленскомъ музеѣ (по каталогу № 339, отдѣлъ древностей) надгробный камень съ вырѣзанною на немъ древнеславянскою надписью: «Во истину преставися Остафей Васильевичъ Тышкевичъ 1558 года». Потомокъ его, графъ Е. Тышкевичъ, досталъ этотъ камень изъ древней православной церкви въ селѣ Логойскѣ, Борисовскаго уѣзда, Минской губерніи, и передалъ его въ музей. М. Г.

ной значеніе польскаго края, претенціозно называемаго ими до сей минуты краемъ «zabranym» (захваченнымъ).

Но такое польско-демонстративное учрежденіе могло существовать въ литовско-русскомъ краѣ лишь до поры до времени.

Усмиритель польскаго мятежа и достойный возстановитель русскихъ государственныхъ и историческихъ началъ въ русской области, подавленныхъ польскими стремленіями, не ограничивалъ умиротворенія края одною только ловлею повстанцевъ и привлеченіемъ ихъ къ строгой карѣ закона (о чемъ съ излишнимъ усердіемъ распространялись даже нѣкоторые русскіе писатели). Возстановляя силу законной власти, погашая съ свойственною ему твердостію и умѣньемъ мятежъ, возрождая духовную и матеріальную жизнь мѣстнаго православнаго населенія, М. Н. Муравьевъ не забывалъ и о другихъ ранахъ, которыя болѣзненно зіяли на челѣ русской западной окраины.

Отъ зоркаго глаза этого государственнаго человѣка и русскаго дѣятеля не могла ускользнуть та политическая польско-латинская окраска, которая была придана мѣстному научному учрежденію, имѣвшему счастье находиться подъ покровительствомъ наслѣдника-цесаревича.

Рѣшивъ произвести подробный разборъ предметовъ, хранившихся въ Виленскомъ музеѣ, и учредивъ съ этою цѣлью, подъ предсѣдательствомъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ив. Петр. Корнилова, особую коммиссію, М. Н. Муравьевъ далъ послѣднему, 27 февраля 1865 года, предложеніе, которое здѣсь приводится цѣликомъ, какъ показывающее всестороннюю заботливость графа Муравьева о ввѣренномъ ему краѣ и точно опредѣляющее программу дѣйствій учрежденной имъ коммиссіи.

Вотъ это предложеніе:

«Съ 1856 года, существуетъ въ городѣ Вильнѣ музеумъ древностей, открытый съ высочайшаго соизволенія и состоящій подъ покровительствомъ его императорскаго высочества, государя наслѣдника цесаревича Николая Александровича. Музеумъ этотъ, на основаніи высочайше утвержденнаго положенія о немъ (пунктъ 1), долженъ заключать въ себѣ предметы, относящіеся къ исторіи Западнаго края Россіи, съ цѣлью, способствуя сохраненію памятниковъ древности, доставить возможность воспользоваться ими къ изученію края и, вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно выраженію высочайшаго рескрипта государя наслѣдника цесаревича на имя попечителя музеума графа Тышкевича, содѣйствовать къ вящшему скрѣпленію узъ, соединяющихъ бывшія литовскія губерніи съ прочими областями Россіи. Между тѣмъ, не смотря на такое прямое и ясное указаніе главнаго назначенія, даннаго высочайшею волею этому собранію древностей литовско-русскаго края, бо́льшая часть предметовъ, заключающихся въ ономъ, составляетъ коллекцію, относящуюся къ чуждой этому краю польской народности. Такое совокупленіе въ этомъ, открытомъ для публики, хранилищѣ литовско-русской старины предметовъ, относящихся къ польскому народу и польской исто-

ріи, и размѣщеніе на первомъ планѣ тѣхъ изъ нихъ, которые болѣе другихъ напоминали бы о временномъ владычествѣ польскомъ въ здѣшнемъ краѣ, служило къ поддержанію въ здѣшнемъ населеніи и обществѣ превратныхъ понятій о томъ, что край этотъ есть край польскій, а не русскій, а также — къ возбужденію въ публикѣ польскихъ идей, противоправительственныхъ стремленій и притязаній на мнимыя права Польши на Западно-Русскій край, такъ что одинъ изъ предметовъ, и именно мраморную группу, работы художника Сосновскаго, изображающую соединеніе Литвы съ Польшею, какъ возбуждавшую болѣе другихъ любопытство и вниманіе публики и, при содѣйствіи революціонной польской партіи, сдѣлавшуюся моделью для копій и снимковъ, распространяемыхъ въ народѣ, — я призналъ нужнымъ изъять изъ музея и отправить въ С.-Петербургъ, въ распоряженіе министра императорскаго двора. Въ видахъ пресѣченія на будущее время подобныхъ несвойственныхъ ни здѣшней народности, ни настоящему положенію края заявленій, а равнымъ образомъ, почитая необходимымъ сообщить Виленскому музеуму надлежащій характеръ, соотвѣтственный назначенію — быть собраніемъ и хранилищемъ предметовъ, напоминающихъ о русской народности, православіи, искони господствующихъ въ здѣшнемъ краѣ, и содѣйствовать къ вящшему скрѣпленію узъ, соединяющихъ литовскія губерніи съ Россіею, я поручаю вашему превосходительству составить особую коммиссію подъ вашимъ предсѣдательствомъ: изъ состоящаго въ моемъ распоряженіи флигель-адъютанта его величества, полковника, князя Шаховскаго-Глѣбова-Стрѣшнева [1]), попечителя музеума, камеръ-юнкера, графа Евстафія Тышкевича, вновь назначеннаго нынѣ директоромъ виленскаго раввинскаго училища, коллежскаго ассессора Безсонова [2]), священника Пщолко [3]) и архиваріуса виленскаго центральнаго архива Горбачевскаго [4]), пригласивъ въ оную также для присутствія и совѣщанія состоящаго въ моемъ распоряженіи, свиты его величества, генералъ-маіора Столыпина [5]). Коммиссія эта должна немедленно заняться приведеніемъ въ извѣстность всѣхъ предметовъ, находящихся въ музеумѣ, и затѣмъ, отдѣливъ тѣ изъ нихъ, которые относятся собственно къ русской народности въ здѣшнемъ краѣ, устроить ихъ въ первыхъ залахъ, на видномъ мѣстѣ, съ надлежащимъ соотвѣтственнымъ описаніемъ, дабы каждому изъ посѣтителей музеума могли быть ясны и понятны эти живые свидѣтели искони присущей здѣшнему краю русской народной жизни; во второй разрядъ помѣстить предметы, отнесящіеся къ литовско-русскому началу, и устроить оные въ тѣхъ же залахъ; затѣмъ въ третьемъ разрядѣ соединить вещи, составляющія предметы обще-научные. Что же касается предметовъ, принадлежащихъ къ польской народности, а въ особенности портретовъ польскихъ королей и магнатовъ, временно владычествовавшихъ въ здѣшнемъ краѣ, а также статуй и другихъ вещей и изображеній, относящихся къ польской исторіи, то таковые, какъ не составляющіе предметовъ и назначенія музеума, собрать особо и размѣстить въ отдѣльной залѣ, впредь до дальнѣйшаго объ оныхъ распоряженія. Независимо отъ того, прошу поручить коммиссіи озаботиться пересмотромъ положенія о музеумѣ и, составивъ новый проектъ устава для этого учрежденія, сообразный цѣли и назначенію онаго, представить мнѣ. Причемъ покорно прошу

---

[1]) Михаилъ Валентиновичъ.
[2]) Петръ Алексѣевичъ.
[3]) Антоній Ивановичъ.
[4]) Никита Ивановичъ.
[5]) Аркадій Дмитріевичъ.

ваше превосходительство ускорить исполненіемъ всего вышеизложеннаго и распорядиться размѣщеніемъ предметовъ музеума согласно сдѣланнымъ выше указаніямъ. Для успѣшнаго же окончанія дѣла, поручаю дѣлопроизводителемъ въ коммиссіи быть прикомандированному къ моему управленію коллежскому ассесору Рачинскому, которому и предписано явиться къ вашему превосходительству».

Открывъ свои дѣйствія 1 марта 1865 года [1]), коммиссія обратилась къ попечителю музея, графу Тышкевичу, съ просьбою доставить ей описи, каталоги, годовые отчеты, книги, протоколы засѣданій и проч., съ цѣлью приведенія, прежде всего, въ извѣстность всѣхъ предметовъ, хранящихся въ музеѣ. Но къ исполненію этой первѣйшей своей обязанности коммиссія встрѣтила неожиданныя затрудненія.

Прежде всего оказался полный безпорядокъ и отсутствіе научной послѣдовательности въ размѣщеніи коллекцій музея, а затѣмъ коммиссія не только не встрѣтила со стороны администраціи музея содѣйствія къ исполненію распоряженія главнаго начальника края, но членамъ ея было оказываемо чинами археологической коммиссіи явное недоброжелательство и нежеланіе предъявлять описи и каталоги; и лишь послѣ долгихъ настояній начали выплывать инвентари музея, и притомъ частями и неохотно. Самыя описи и каталоги не гарантировали вѣрности ихъ составленія; такъ, напримѣръ, каталоги нумизматики и естественныхъ кабинетовъ оказались состоящими изъ черновыхъ бумагъ, не приведенныхъ даже въ надлежащій порядокъ; каталогъ археологической коллекціи и разныхъ рѣдкостей, по собственному заявленію составителя его [2]), не имѣлъ никакого научнаго значенія, какъ составленный на скорую руку, всего втеченіе двухъ недѣль, въ ожиданіи пріѣзда въ Вильну государя императора; каталогъ книгъ библіотеки, состоявшій изъ записокъ, оказался неполнымъ, послѣ же представленія его въ коммиссію однимъ изъ ея членовъ случайно былъ обнаруженъ общій инвертарь, который придерживалъ у себя хранитель библіотеки, ученый секретарь Круповичъ. Отношенія послѣдняго къ коммиссіи были весьма предосудительны: скрывая документы и давая сбивчивыя и разнорѣчивыя объясненія, ученый секретарь доходилъ въ своемъ недоброжелательствѣ даже до того, что дѣлалъ подтасовку въ рукописяхъ и замѣну однѣхъ изъ нихъ другими.

Вообще дѣйствія коммиссіи парализировались на каждомъ шагу, и членамъ ея приходилось иногда отъ научныхъ изысканій обращаться къ производству изслѣдованій.

---

[1]) И. П. Корниловъ предсѣдательствовалъ въ коммиссіи лишь въ первыхъ семнадцати засѣданіяхъ, а остальныя засѣданія, за отъѣздомъ его въ Петербургъ, состоялись подъ предсѣдательствомъ А. Д. Столыпина.

[2]) А. К. Киркора, консерватора археологическаго отдѣла музея, нынѣ хранителя древностей Краковскаго музея.

Попечитель музея также держалъ себя въ отношеніи коммиссіи небезупречно.

Въ началѣ дѣятельности коммиссіи графъ Тышкевичъ оказывалъ нѣкоторое содѣйствіе въ исполненіи ею своей задачи. Такъ, уже ко второму засѣданію коммиссіи онъ предъявилъ ей печатный каталогъ части коллекцій и рукописную опись портретамъ; доставилъ нѣсколько предметовъ сомнительнаго содержанія, скрытно хранившихся въ музеѣ; не возражалъ противъ признанія коммиссіей тѣхъ или другихъ предметовъ неподлежащими оставленію въ музеѣ; безмолвно подписывалъ ея постановленія, показывая тѣмъ свою солидарность съ мнѣніями остальныхъ членовъ, и т. п. Но когда, на четвертомъ засѣданіи, было рѣшено пригласить хранителя археологическаго отдѣла Киркора для разъясненія выраженнаго графомъ Тышкевичемъ сомнѣнія въ вѣрности обозначенія по описи русско-московскаго герба польско-литовскимъ [1]), графъ уклонился отъ участія въ засѣданіяхъ коммиссіи, отозвавшись болѣзнею, а впослѣдствіи, какъ ниже будетъ изложено, открыто заявилъ свое несочувствіе дѣятельности коммиссіи.

При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ и въ виду заявленія графа Тышкевича, что болѣзнь его можетъ продлиться, предстояло принять мѣры къ охраненію коллекцій музеума и къ поставленію его въ легальныя условія. Съ этою цѣлью, коммиссія, 11 марта 1865 года, положила представить генералъ-губернатору слѣдующее предположеніе: «Музеумъ, какъ составляющій собственность государственную, принять въ вѣдѣніе правительства; на все время дѣйствій коммиссіи устранить связь музеума съ Виленской временной археологической коммиссіей, при которой онъ состоитъ до сего дня; причемъ, оставивъ за коммиссіею, учрежденною для устройства музеума, чисто ученый характеръ,—самое описаніе музеума по наналичности, пріемъ административнымъ порядкомъ предметовъ отъ числящихся при музеумѣ лицъ и храненіе онаго поручить особому чиновнику, съ необходимыми ему помощниками; а вмѣстѣ съ тѣмъ, до водворенія прочной администраціи въ музеумѣ, поставить къ заламъ его часовыхъ».

Но это предложеніе осталось неисполненнымъ изъ деликатности къ графу, такъ какъ, вслѣдъ за постановленіемъ такого опредѣленія, графъ явился въ коммиссію и продолжалъ содѣйствовать уясненію истины въ ея изысканіяхъ.

Возложенная на коммиссію задача—устраненіе изъ музея предметовъ, имѣющихъ демонстративное значеніе, и размѣщеніе его коллекцій въ историческомъ порядкѣ и научной послѣдователь-

[1]) Гербъ состоялъ изъ обломка, но обломка столь двусмысленнаго, что можно было принять его и за московскій, и за польско-литовскій—какъ кому угодно.

ности — была выполнена въ 20 засѣданій, занявшихъ время съ 1 по 27 марта 1865 года.

Подробный обзоръ находившихся въ музеѣ коллекцій: археологической, геральдической, портретной, этнографической, нумизматической, такъ называемой коллекціи «достопримѣчательныхъ предметовъ», естественной, равно библіотеки вполнѣ оправдалъ сознанную графомъ М. Н. Муравьевымъ необходимость кореннаго преобразованія хринилища древностей въ Вильнѣ.

Коллекціи этого хранилища оказались подобранными и распредѣленными съ такимъ разсчетомъ, что въ умахъ многочисленныхъ посѣтителей его дѣйствительно могло поддерживаться преданіе о польскомъ владычествѣ въ краѣ, о литовской самостоятельности во время соединенія Литвы съ Польшею, о виленскомъ польско-латинскомъ университетѣ. Предъ глазами посѣтителей Виленскій музей представлялъ собою дѣйствительно намѣренно собранный складъ вещей изъ латино-польской старины въ краѣ безъ всякаго намека на существованіе русскихъ въ немъ началъ. На видныхъ мѣстахъ были выставлены: грамоты римскихъ папъ, портреты польскихъ королей, магнатовъ, католическихъ епископовъ и ксендзовъ, поэтовъ, эмигрантовъ и т. д., ихъ автографы и принадлежавшія имъ вещи, причемъ нѣкоторыя изъ послѣднихъ были или поддѣльныя, или не имѣли доказательствъ о ихъ происхожденіи, какъ, напримѣръ, апокрифическіе куски платья изъ гробовъ іезуита Петра Скарги и польскаго поэта Нарушевича, или зрительная трубка Ѳадея Костюшки, оказавшаяся, по устройству ахроматическихъ стеколъ, принадлежащею позднѣйшему времени, но внесенная въ музей, по заявленію графа Тышкевича, лишь для того, чтобы придать болѣе рельефности собранію рѣдкостей. Мельчайшія вещи, принадлежавшія представителямъ латино-польскаго направленія въ краѣ, были собраны и размѣщены самымъ тщательнымъ образомъ: здѣсь сохранялась и травка съ могилы польскаго поэта Карпинскаго, и посуда, употреблявшаяся въ засѣданіяхъ политическаго общества «шубравцевъ», и съѣденный молью плащъ Мицкевича [1]).

Но на ряду съ подобными польско-латинскими реликвіями отсутствовали предметы, напоминающіе о русской старинѣ въ краѣ и о мѣстныхъ русскихъ дѣятеляхъ, а если какіе либо изъ нихъ,

---

[1]) Какое освѣщеніе давалось всѣмъ этимъ предметамъ, какую они играли роль предъ мѣстнымъ населеніемъ, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа, помѣщеннаго въ «Дневникѣ засѣданій коммиссіи по разбору предметовъ музея» Путеводитель музея, старичокъ Якубовичъ, показывая дѣтямъ коллекціи, спрашивалъ:—«А чій то, душко, портретъ»?—То Стефанъ Баторій.—«Добже (хорошо), дзѣцко, добже, то нашъ Стефанъ; а чимъ знакомитый (знаменитъ) былъ тенъ круль Стефанъ?»—Москалей билъ, дзядуню.—«Сличне (отлично), дзѣцко, сличне, о то машъ, душко, цукерекъ» (вотъ получи, душка, конфетку).

въ весьма незначительномъ, однако, количествѣ, и находились въ музеѣ, то они были размѣщены на заднемъ планѣ или совершенно скрыты; такъ, напримѣръ, медальоны союзниковъ Александра I въ борьбѣ его съ Бонапартомъ были запрятаны въ шкафу, тогда какъ памятники пребыванія французскихъ войскъ въ краѣ, тщательно подобранные, были выставлены на видномъ мѣстѣ; русскія грамоты лежали въ витринахъ библіотеки съ отвороченной назадъ лицевой стороной, но за то на виду красовались латинскія подписи польскихъ королей; первопечатный Литовскій Статутъ, на русскомъ языкѣ, былъ совершенно скрытъ отъ посѣтителей; письмо митрополита Іосифа (Сѣмашко), при которомъ онъ внесъ этотъ даръ музею, было также запрятано, но, кромѣ того, объ немъ не оказалось никакого упоминанія въ протоколѣ археологической коммиссіи при внесеніи въ него упомянутаго дара.

Подробное обозрѣніе протоколовъ временной археологической коммиссіи, произведенное съ цѣлью опредѣленія предметовъ, не вошедшихъ въ каталоги, показало, что масса рукописей была совершенно скрыта по инвентарямъ музея; между тѣмъ, многія изъ нихъ составляли документы высокой важности, какъ, напримѣръ: древнія рукописи, въ числѣ 74 книгъ, относящіяся ко внутренней жизни мѣстныхъ монастырей; три тома хронологическаго описанія актовъ виленской капитулы за 1387—1717 гг.; подлинная корреспонденція кардиналовъ Бандини, Барберини, Касмуса и др. съ греко-уніатскими митрополитами о причисленіи къ лику святыхъ изувѣра Іосафата Кунцевича; грамоты, касающіяся сношеній полоцкихъ князей съ ганзейскими городами въ XII—XIV столѣтіяхъ, и т. д. Существованіе этихъ рѣдкихъ рукописей, которыя были представлены ученымъ секретаремъ Круповичемъ весьма неохотно, было обнаружено лишь благодаря тому, что одинъ изъ членовъ коммиссіи по преобразованію музея не пожалѣлъ труда тщательно прослѣдить по протоколамъ археологической коммиссіи записи о полученныхъ музеемъ предметахъ. Ознакомленіе съ этими протоколами выяснило еще одну характерную подробность, показывающую направленіе членовъ этой «научной» коллегіи: въ засѣданіи ея 11-го февраля 1856 года, т. е. на слѣдующій же мѣсяцъ послѣ открытія музея, было рѣшено: отнюдь не избирать въ члены археологической коммиссіи лицъ православнаго духовенства безъ разрѣшенія ихъ начальства, и скрытая въ подчеркнутыхъ словахъ цѣль оказалась вполнѣ достигнутою: со времени составленія этого постановленія не былъ избранъ въ члены коммиссіи ни одинъ православный священникъ...

Въ такомъ положеніи и съ такимъ направленіемъ оказался Виленскій музей и дѣятельность его заправителей,—музей, получившій высочайшую санкцію и удостоившійся покровительства наслѣдника цесаревича.

Результатомъ дѣятельности коммиссіи по преобразованію музея было признаніе 256 предметовъ[1]) несоотвѣтствующими значенію этого научнаго учрежденія.

Предметы эти были распредѣлены на слѣдующіе разряды: первый — памятники о польскихъ короляхъ въ ихъ изображеніяхъ и вещахъ, имъ принадлежавшихъ или относящихся къ ихъ власти въ Сѣверо-Западномъ краѣ; второй — памятники о магнатахъ и шляхтѣ, служившихъ коронѣ польской, въ ихъ изображеніяхъ или предметахъ, до нихъ относящихся; третій — памятники, относящіеся къ римско-католической вѣрѣ и ея дѣятелямъ; четвертый — изображенія ученыхъ, художниковъ, связанныя чѣмъ либо съ предыдущими отдѣлами, и вещи, до нихъ лично или до профессіи ихъ относящіяся; наконецъ пятый — предметы, не вошедшіе въ предыдущіе отдѣлы, изъятые изъ музея или по демонстративному ихъ значенію или по совершенному отсутствію въ нихъ научныхъ достоинствъ и значенія.

Составленный списокъ всѣмъ этимъ предметамъ, подписанный въ числѣ членовъ коммиссіи и графомъ Тышкевичемъ, былъ представленъ при особой запискѣ М. Н. Муравьеву, съ ходатайствомъ, «чтобы тѣ изъ нихъ, которые прежде, въ преднамѣренной обстановкѣ, получили демонстративное значеніе и колоритъ анти-русскій, по уничтоженіи сей обстановки, возвратить въ музеумъ, гдѣ они составили бы литовско-русскій отдѣлъ въ истинномъ смыслѣ, ибо русская сторона была бы развита, пріумножена и дополнена». Признавая необходимымъ пополненіе коллекцій музея предметами этого рода, генералъ-маіоръ Столыпинъ, въ рапортѣ своемъ отъ 4-го апрѣля 1865 года, писалъ: «Если уже въ прежнемъ видѣ своемъ музеумъ служилъ важнымъ органомъ пропаганды, дѣйствуя путями лжи и неправды, то тѣмъ болѣе онъ будетъ важнымъ органомъ, служа прямой истинѣ русскаго дѣла. Это будетъ школа нагляднаго воспитанія для здѣшняго духовенства въ памятникахъ церковной православной археологіи; для ученыхъ — въ спеціальныхъ историческихъ документахъ; для общества — въ томъ, что его должно сближать съ Россіей; даже для простаго народа — въ предметахъ сельскаго хозяйства и этнографіи».

Мирный характеръ занятій коммиссіи въ дальнѣйшей ея дѣятельности, съ выѣздомъ М. Н. Муравьева въ Петербургъ, былъ прерванъ протестомъ, предъявленнымъ предсѣдателю коммиссіи А. Д. Столыпину 29-го марта 1865 года графомъ Тышкевичемъ, который въ пространной запискѣ возражалъ противъ выдѣленія

---

[1]) При окончательномъ разсмотрѣніи сихъ предметовъ, изъ нихъ были выдѣлены и оставлены въ музеѣ слѣдующіе восемь предметовъ: портреты польскихъ художниковъ Дамеля, Рустема и Кулаковскаго, два молота для разбиванія латъ и три клинка подъ названіемъ «Августовки», такъ что всѣхъ исключенныхъ предметовъ—248.

коммиссіею предметовъ, признанныхъ ею неподлежащими храненію въ музеѣ, и заявлялъ о политической неравномѣрности своей съ остальными, русскими, членами коммиссіи.

Въ протестѣ своемъ, опредѣляя цѣль, которая имѣлась въ основаніи музея, именно собраніе будто бы древностей и памятниковъ не польскихъ, а мѣстныхъ литовско-русскихъ, которые бы «вѣрно отражали жизнь и дѣянія литовско-русскаго народа во всѣхъ эпохахъ его историческаго существованія», графъ Тышкевичъ заявлялъ, что «если въ Лифляндскомъ и Курляндскомъ музеумахъ собраны предметы временъ владычества рыцарей, въ Финляндскомъ—временъ Швеціи, въ Керченскомъ и Одесскомъ—татаръ, то это отнюдь не доказывало, что помянутые музеумы заботились о собраніи предметовъ, напоминающихъ нѣмецкое, шведское и татарское владычества, постарались только собрать все, что̀ бы могло нагляднымъ образомъ знакомить съ минувшими судьбами тѣхъ мѣстностей, для которыхъ музеумъ предназначался». Такъ понимая значеніе провинціальнаго музея, онъ не исключалъ и тѣхъ предметовъ, которые касались эпохи владычества Польши въ Виленскомъ краѣ, хотя «сознательно» (?) заявляетъ, что въ музеѣ «собственно польскихъ предметовъ почти нѣтъ» (?). Упомянутую эпоху онъ ограничиваетъ временемъ съ 1569 года (Люблинская политическая унія) по 1795 годъ (третій раздѣлъ Польши); между тѣмъ коммиссія исключила предметы позднѣйшаго времени. Указавъ на нѣкоторые изъ этихъ предметовъ, не имѣющихъ, по его мнѣнію, ничего общаго съ былымъ польскимъ владычествомъ въ краѣ, графъ Тышкевичъ обращалъ вниманіе на то, что среди коллекцій музея находятся предметы одинаково интересные для русскаго, литовца, француза или поляка и которые не могутъ быть названы исключительно польскими, и въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылался на «судъ всѣхъ ученыхъ обществъ и всѣхъ ученыхъ мужей въ Россіи».

Протестъ свой графъ Тышкевичъ закончилъ просьбою о новомъ подробномъ разсмотрѣніи назначенныхъ коммиссіею къ исключенію предметовъ, на началàхъ науки и исторической истины и согласно точному указанію главнаго начальника края, распоряженіе котораго, по мнѣнію графа, подлежало исполненію по буквальному смыслу.

А. Д. Столыпинъ отвѣчалъ графу Тышкевичу (4-го апрѣля 1865 г.), что дѣятельность коммиссіи не имѣла характера административно-политическаго, а потому ея членамъ, большинство которыхъ принадлежитъ къ числу людей науки, не приходится входить публично въ политическія пренія, между тѣмъ протестъ графа содержитъ въ себѣ вопросы политическаго свойства. Дѣло русское не можетъ отдѣляться отъ дѣла правительственнаго, въ чемъ, судя по протесту, можно было бы упрекнуть графа, если бы не была

извѣстна его несомнѣнная преданность правительству и оказанное имъ содѣйствіе въ занятіяхъ коммиссіи. Поводомъ къ преобразованію музея служило собственно отсутствіе въ музеѣ, который долженъ служить отраженіемъ исторіи литовско-русскаго народа,—русской ея половины. Въ музеяхъ Лифляндскомъ и Курляндскомъ собраны предметы не исключительно изъ временъ владычества рыцарей и изъ нихъ не удалены тѣ, которые служатъ воспоминаніемъ о древней зависимости края отъ русскихъ князей полоцкихъ, псковскихъ, кокенкаузенскихъ, герсинскихъ, какъ равно въ Финляндскомъ музеѣ шведская часть не подавляетъ мѣстную, финскую. Если бы требовалось исполнить предложеніе главнаго начальника края не по внутреннему его содержанію, а буквально, тогда составъ коммиссіи былъ бы образованъ изъ полицейскихъ чиновниковъ, а не людей науки, дѣйствія которыхъ должны быть осмысленны и лишены адвокатской придирчивости, какою является отнесеніе періода польскаго гнета въ краѣ лишь къ эпохѣ 1569—1795 годовъ, и эти люди не могли не понять, что смыслъ предложенія генералъ-губернатора заключается не въ уничтоженіи памятниковъ какого бы то ни было періода изъ исторіи края,—чего сдѣлать нельзя,—а въ отнятіи отъ музея всякаго демонстративнаго и тенденціознаго характера.

Какъ протестъ графа Тышкевича, такъ и отвѣтъ ему А. Д. Столыпина были читаны и обсуждаемы въ засѣданіи коммиссіи въ присутствіи графа Тышкевича, которому при этомъ была выяснена политическая, научная и фактическая несостоятельность его заявленія. Эти разъясненія были оставлены, однако, со стороны графа безъ всякихъ возраженій, изъ чего члены коммиссіи не могли не заключить, что за протестомъ графа стояла партія г.г. Киркоровъ, Круповичей и К°; затѣмъ, отказавшись отъ дальнѣйшаго участія въ засѣданіяхъ коммиссіи, графъ объяснилъ предъявленіе своего протеста «обязанностію защищать честь отъ нареканій того шляхетскаго общества, которое, на вѣру въ его имя, несло въ музеумъ свои приношенія, а нынѣ подметными письмами упрекаетъ его въ продажѣ шляхетскихъ коллекцій за камеръ-юнкерскій фракъ».

Нужны ли комментаріи по вопросу о протестѣ графа Тышкевича? По нашему мнѣнію, весь вопросъ разъясняется послѣднимъ, только-что приведеннымъ объясненіемъ бывшаго попечителя музея. На сколько протестъ, поданный имъ послѣ того, какъ всѣ постановленія коммиссіи подписывались имъ безъ всякихъ возраженій,—поданный послѣ того содѣйствія, которое онъ въ бо́льшей или меньшей степени оказывалъ въ изысканіяхъ коммиссіи,—на сколько такой протестъ защищаетъ графскую честь отъ нареканій шляхетскаго общества, намъ до этого нѣтъ никакого дѣла; но этотъ политическій протестъ показываетъ, что за нимъ кроется не Киркоръ, Круповичъ и К°,—сила не крупная, а та польско-латинская

гидра, для которой нужны такіе геркулесы, какъ М. Н. Муравьевъ; та гидра, у которой тотчасъ же выростаетъ и съ задоромъ подымается вверхъ голова, коль скоро ей будетъ оказана доля человѣческаго снисхожденія и добродушія.

Послѣ прекращенія графомъ Тышкевичемъ своихъ посѣщеній засѣданій коммиссіи, хранитель библіотеки музея Круповичъ также отказался являться на приглашенія коммиссіи.

Столь преднамѣренное настроеніе лицъ, завѣдовавшихъ музеемъ, и нежеланіе ихъ нести отвѣтственность предъ правительствомъ, обществомъ и наукою побудило коммиссію войдти къ главному начальнику края съ ходатайствомъ о немедленной передачѣ музея въ вѣдѣніе Виленскаго учебнаго округа съ установленіемъ надлежащаго надзора и охраны этого хранилища древностей.

Но пока, съ одной стороны, русскіе дѣятели, на которыхъ была возложена научная и государственная задача оздоровленія областнаго хранилища древностей, достойно выполняли свою миссію, а съ другой стороны, радѣтели и хранители музея подавали протесты и возраженія,—въ то самое время въ Вильнѣ и Петербургѣ распространился слухъ о ненаучномъ и варварскомъ способѣ дѣйствій коммиссіи по разбору коллекцій музея. Это обычный пріемъ дѣятелей польской «справы»: когда всѣ явные и тайные происки ихъ остаются безплодными, тогда на сцену выступаетъ рѣчь о московскомъ варварствѣ.

Для отстраненія такого навѣта и разъясненія способа дѣйствій коммиссіи было разрѣшено напечатать протоколы ея засѣданій, изъ содержанія которыхъ могли узнать истину какъ частныя лица, интересующіяся музеемъ, такъ и тѣ ученыя Общества, съ коими временная археологическая коммиссія имѣла сношенія.

Между тѣмъ, ко времени окончанія работъ коммиссіею по преобразованію музея, въ административныхъ сферахъ Виленскаго края наступили уже другія вѣянія,—вѣянія совершенно противоположныя только-что минувшему направленію. Началась ломка всего, что было сооружено патріотическою дѣятельностію усмирителя мятежа. Порицалось все, что истекало изъ распоряженій М. Н. Муравьева, и выражалось открыто недовольство противъ его дѣйствій, уже исполненныхъ или только начатыхъ. Въ силу такого антирусскаго направленія, и работы по преобразованію музея готовы были сдѣлаться мертвымъ достояніемъ архива генералъ-губернаторской канцеляріи, а музей — остаться прежнимъ гнѣздилищемъ польско-латинскихъ реликвій.

Но здѣсь въ защиту распоряженій М. Н. Муравьева по очищенію музея выступилъ одинъ изъ оставшихся, пока, въ Вильнѣ русскихъ дѣятелей. Тогдашній попечитель Виленскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Помпей Никол. Батюшковъ, желая во что бы то ни стало осуществить преобразованіе музея въ томъ направленіи,

какъ было рѣшено учрежденною Муравьевымъ коммиссіею, не смотря на противодѣйствія мѣстной административной власти, настоялъ на исключеніи изъ музея всѣхъ 256 предметовъ, признанныхъ неподлежащими храненію въ немъ, и сдѣлалъ распоряженіе объ отправкѣ ихъ въ Москву для храненія въ Румянцевскомъ музеѣ [1]).

Исключенные изъ Виленскаго музея предметы, навлекшіе на исполнителей воли гр. М. Н. Муравьева нареканіе въ ненаучномъ и варварскомъ образѣ ихъ дѣйствій, уже по одному этому дѣлаются интересными, служа лучшимъ опроверженіемъ несправедливаго обвиненія. Вотъ перечень исключенной коллекціи, по которому можно опредѣлить польско-латинское значеніе каждаго предмета:

РАЗРЯДЪ I. Памятники королей польскихъ въ ихъ изображеніяхъ и вещахъ, имъ лично принадлежавшихъ или до власти ихъ относившихся.

1. **Ягайло.** Мраморный бюстъ его.

2. **Король Казиміръ.** Бокалъ изъ зеленаго стекла съ его изображеніемъ и надписями: «Krakowiae. Kasimirus. Rex Polsky». Древность поддѣльная.

3—5. **Королевичъ Казиміръ.** Хромолитографическія изображенія посмертнаго его прославленія.—Гравюры, изображающія сцены изъ дѣтской его жизни.

6. **Ягеллоны.** Мраморное надгробіе княгинь этого рода.

7—9. **Король Стефанъ Баторій.** Два портрета, изъ которыхъ одинъ—большаго размѣра, изъ присутственной залы бывшаго университета.—Столъ, на которомъ Баторій подписалъ привиллегію на учрежденіе польской академіи въ Вильнѣ.

10. **Король Янъ-Казиміръ.** Лядунка съ его изображеніемъ.

11—14. **Король Августъ II.** Портретъ масляными красками.—Почетное оружіе внутренней стражи—бердышъ.—Двѣ тронныя аллебарды.

15—27. **Король Станиславъ-Августъ.** Портретъ масляными красками на конѣ.—Два бюста его.—Перстень съ груднымъ его изображеніемъ.—Вюро его изъ Гродненскаго замка.—Два кресла его.—Принадлежавшая ему лента ордена Бѣлаго Орла.—Камергерскій ключъ.—Обломокъ ордена Станислава.—Двѣ стальныя пуговицы съ иниціалами «S. A. R.» и надписью: «Za constitucie III maja 1791».—Знакъ отъ лядунки съ его вензелемъ.—Чапракъ.—Столъ, на которомъ король будто бы подписалъ свое отрѣченіе.

28. **Сигизмундъ Старый.** Портретъ.

29. **Король Сигизмундъ I.** Изразецъ съ изображеніемъ его въ коронѣ со скипетромъ въ рукѣ.

30—32. **Король Сигизмундъ III.** Изображеніе на янтарѣ, имъ самимъ исполненное.—Знамя Трокскаго воеводства съ его именемъ.—Сабля съ его изображеніемъ.

33—37. **Король Августъ III.** Два портрета.—Кубокъ съ его изображеніемъ.—14-ть литографированныхъ изображеній польскихъ королей и членовъ королевскихъ домовъ.—Собственноручныя подписи 14-ти польскихъ королей и членовъ королевскаго дома на латинскомъ, французскомъ и польскомъ языкахъ.

---

[1]) Къ сожалѣнію, предметы эти, какъ намъ передавало лицо, посѣтившее Румянцевскій музей въ минувшемъ 1885 году, остаются до сихъ поръ не распредѣленными по мѣстамъ. Такого къ себѣ отношенія со стороны русскаго научнаго учрежденія польская коллекція во всякомъ случаѣ не заслуживаетъ.

М. Г.

38. **Король Владиславъ III.** Портретъ масляными красками.

39—40. **Король Владиславъ IV.** Портретъ масляными красками.—Кайма отъ занавѣси кровати, на которой онъ будто бы умеръ въ Меречѣ.

41—42. **Король Янъ Собѣскій.** Чапракъ, служившій ему подъ Вѣною.—Мраморный барельефъ жены его Маріи-Казиміры.

43. **Марина Мнишекъ.** Портретъ масляными красками.

44—53. **Варвара Радзивиллъ.** Два портрета. — Семь алебастровыхъ снимковъ съ ея памятника.—Смерть ея, гравюра.

54. **Екатерины Ягеллоники** портретъ матери.

55—56. **Король Станиславъ Лещинскій.** Портретъ его.—Модель памятника ему въ Нанси.

57—60. **Іосифъ Понятовскій.** Портретъ. — Халатъ его и два камзола. — Перстень его. — Перстень изъ подковы.

61. **Генрихъ Валезіусъ.** Портретъ масляными красками.

62. **Польско-литовскіе** оттиски печатей городовъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ (разныхъ упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ).

63. **Знамя,** по отзыву гр. Тышкевича, цеховое виленское.

64. **Знамя** большихъ размѣровъ съ изображеніемъ всадника, присланное въ музей, по заявленію гр. Тышкевича, генералъ-губернаторомъ Назимовымъ изъ виленской городской ратуши.

65. **Польша и Литва** въ изображеніи соединеннаго герба на салфеткѣ.

РАЗРЯДЪ II. Памятники о магнатахъ и шляхтѣ, служившихъ польской коронѣ, въ ихъ изображеніяхъ и предметахъ, къ нимъ относящихся.

66. **Доска** съ именами всѣхъ верховныхъ маршалковъ литовскаго сейма 1581 года.

67. **Урна** баллотировочная съ надписью: «Affirmat. Negat».

68. **Сабля** съ польскими орлами и надписью: «Виватъ шляхтичъ панъ и фундаторъ войска, виватъ воля и добро повшехносци!» Съ другой стороны изображенъ литовскій всадникъ и надпись: «Виватъ наивысша владза шляхты, виватъ вольне сеймики и послы».

69—70. **Радзивиллъ,** «пане коханку», предводитель барской конфедераціи. Портретъ.—Знамя.

71. **Радзивиллъ,** князь Матѳей, виленскій кастелянъ, портретъ.

72. **Радзивиллъ,** Николай, портретъ.

73. **Радзивиллъ,** Альбрехтъ-Войцѣхъ, маршалъ великаго княжества Литовскаго, портретъ.

74. **Тарелка,** съ именемъ князя Радзивилла.

75—76. **Чарнецкій.** Два барельефа.

77—79. **Сапѣга,** Левъ. Бюстъ.—Портретъ.—Мраморный памятникъ его жены.

80—88. **Девять заздравныхъ бокаловъ** Радзивилловъ, Сапѣговъ, Огинскихъ, Чарторыйскихъ и проч.

89. **Сапѣга.** Два подсвѣчника, составленные изъ его герба.

90—92. **Огинскій,** князь. Портретъ.—Бляхи съ гербовъ.—Рюмка.

93—94. **Хребтовичъ,** Литаворъ, канцлеръ великаго княжества Литовскаго. Портретъ и бюстъ его [1]).

---

[1]) Прозваніе «Литаворъ» (Litawer) дано ему потому, что православный предокъ его на сеймахъ отстаивалъ литовскія дѣла.

95—97. **Ходкевичъ.** Бюстъ и маска.—Два портрета: виленскаго гетмана и великаго литовскаго воеводы.

98. **Чарнецкій.** Портретъ.

99—100. **Валицкій,** Михаилъ, подстолій великаго княжества Литовскаго [1]). Портретъ его.—Карточныя его марки.

101. **Браницкій,** Иванъ-Клементій, великій гетманъ княжества Литовскаго. Портретъ.

102. **Плятеръ,** канцлеръ. Портретъ.

103. **Нарушевичъ,** Варвара. Гербъ.

104. **Гонсѣвскій.** Надгробникъ его.

105. **Вагайскій.** Мраморный надгробникъ съ польскою надписью.

106. **Тышкевичъ,** Янушъ, виленскій воевода. Портретъ.

107—108. **Тышкевичи,** портреты гетмановъ польскаго и литовскаго.

109. **Тышкевичъ,** Янъ. Портретъ.

110. **Тышкевичъ,** маршалъ. Портретъ.

111. **Любецкій,** кн. Ксаверій, министръ финансовъ царства Польскаго. Барельефъ его.

112—113. **Тизенгаузъ,** Антоній, подскарбій великаго княжества Литовскаго. Портретъ.—Готтардъ, надгробная доска 1640 г.

114. **Ромеръ,** маршалъ. Бюстъ.

115. **Вольскій,** Николай, витебскій кастелянъ, основатель Кременецкаго католическаго монастыря [2]). Портретъ.

116—117. **Чарторыйскіе.** Портретъ.—Каска полка ихъ имени и три жупана.

118. **Родзіевскій,** Иванъ, виленскій кастелянъ и староста бошеловскій, убитый на дуэли 1780 г. Портретъ.

119. **Букатый,** Францъ, посолъ Станислава-Августа въ Лондонѣ. Портретъ.

120. **Вишневецкій,** Михаилъ. Портретъ.

121. **Бекешъ,** вождь Стефана Баторія. Черепъ и шапка его, найденные при обрывѣ горы и башни въ Вильнѣ.

122. **Флеммингъ** (?).

123. **Масальскій,** князь, гетманъ. Перстень его.

124—125. **Изразцы** изъ лѣтняго дворца князей литовскихъ и изъ домовъ Ходкевичей и Друцкихъ-Горскихъ.

126. **Забѣлла,** гетманъ. Шапка его съ литовскимъ гербомъ.

127—128. **Ковры,** принадлежавшіе Полубинскимъ, съ гербами одноглавыхъ орловъ, и К. Пацу.

129. **Жолкевскій.** Четыре пластинки панцыря и кусокъ кольчуги его.

130. **Запонки** отъ жупановъ.

131. **Клинки** съ польскою надписью на деревянной оправѣ: «Янъ Островскій».

132. **Сабля** съ надписью: «Pro gloria Poloniae».

133. **Бляха** съ одноглавымъ орломъ и надписью: «Pro gloria et patria».

134—136. **Три барельефа** съ разными польскими гербами.

---

[1]) Игрою съ Маріею-Антуанетой Валицкій сдѣлалъ себѣ состояніе, обогативъ приношеніями Виленскую академію.

[2]) Этотъ Вольскій, пользуясь крѣпостнымъ правомъ, принуждалъ крестьянъ ходить въ костелъ подъ страхомъ пени—вола на монастырь. До сихъ поръ, при звонѣ костельнаго колокола, крестьяне припоминаютъ Вольскаго въ поговоркѣ: «звонъ равець (реветъ), вола тягнёць (тянетъ)».

137. **Обломокъ** неизвѣстнаго надгробія съ гербами польскимъ и литовскимъ.

138. **Доска** въ память льготъ отъ постоевъ во время сеймовъ, съ польскою о томъ надписью.

139. **Знамя** воинское дома Наленчъ.

140. **Сицинскій.** Изображеніе трупа его, который до сихъ поръ хранится въ костелѣ мѣстечка Упиты, Поневѣжскаго уѣзда, какъ непринятый землею за сорваніе будто бы сейма 1664 года.

РАЗРЯДЪ III. Памятники латинства.

141. **Григорій XVI**, папа
142. **Св. Доминикъ**
143. **Иванъ Непомукъ**
} живописныя на мѣди изображенія.

144. **Догель,** ксендзъ-піаръ, учредитель конвикта. Портретъ.

145. **Янковскій,** дѣдъ костельный, собиратель офяръ (пожертвованій). Портретъ.

146. **Ленчицкій,** іезуитъ XVI вѣка. Портретъ.

147—148. **Тышкевичи:** Юрій, латинскій епископъ виленскій, и Евфросинія, основательница Рожаностокскаго монастыря. Портреты.

149. **Понятовскій,** Михаилъ, князь-примасъ. Портретъ.

150. **Кордецкій,** католическій монахъ. Портретъ.

151. **Кантембрикъ,** духовникъ Радзивилловъ. Портретъ.

152. **Длусскій,** прелатъ-архидіаконъ виленской каѳедры. Портретъ.

153. **Булгакъ,** послѣдній виленскій греко-уніатскій митрополитъ. Портретъ.

154. **Дмоховскій,** католическій митрополитъ. Модель памятника ему.

155. **Жилинскій,** епископъ. Изваяніе.

156. **Гомолитскій,** Михаилъ, польскій ученый. Изваяніе.

157. **Коссаковскій,** католическій епископъ. Изваяніе.

158—159. **Скарга,** Петръ, іезуитъ. Сундукъ его.—Частица платья изъ его гроба въ Краковѣ.

160. **Нарушевичъ,** Адамъ, католическій епископъ. Частица его платья.

161. **Красицкій,** архіепископъ гнѣзненскій, польскій поэтъ. Перстень его.

162. **Гнѣзно.** Модель костельныхъ дверей.

163. **Доска** мраморная, столовая, съ надписью: «Montes deputi» и проч.

164—166. **Кресты,** три: Жмудской латинской епархіи, царства Польскаго и дистинкторій уніатскихъ канониковъ Брестской епархіи.

167. **Перстень** греко-уніатскихъ митрополитовъ (большой сафиръ съ рѣзнымъ изображеніемъ пятидесятницы).

168. **Изразцы,** четыре, съ изображеніемъ католическихъ святыхъ.

169. **Двѣ дощечки** изъ лиственницы, на память Слуцкой фарѣ (каѳедральный костелъ).

170. **Барельефъ** желѣзный, изъ костела въ Ковнѣ.

171—172. **Краковъ.** Два стекла съ живописью изъ костела.

173—174. **Медальонъ и крестикъ** съ латинскими буквами.

175. **Металлическая бляшка** съ истертымъ изображеніемъ.

176. **Старецъ и кресты.** Лѣпная работа изъ базиліанскаго монастыря св. Троицы.

177. **Антокольскаго костела** въ Вильнѣ внутренній видъ.

178. **Мадонна,** рисованная на мѣди.

179. **Послѣдній судъ,** фотографія изъ Данцига.

РАЗРЯДЪ IV. Изображенія ученыхъ, художниковъ и вещи, до нихъ лично и до ихъ профессіи относящіяся.

180. **Пинабель**, профессоръ бывшаго Виленскаго университета.

181. **Гюбель**, профессоръ.

182. **Смуглевичъ**, польскій живописецъ.

183. **Нарушевичъ**, литовскій историкъ.

184—185. **Якутовичъ**, путеводитель по музею и толкователь предметовъ въ польскомъ смыслѣ. Барельефъ и портретъ.

186. **Сырокомля**, польскій поэтъ.

187—191. **Мицкевичъ**, Адамъ. Три портрета, бюстъ и съѣденный молью плащъ.

192. **Слизень**. Барельефъ его работы.

193. **Снядецкій**, Андрей, докторъ.

194. **Франкъ**, I., докторъ. Бюстъ его.

195. **Нѣмчевскій**, профессоръ. Бюстъ его.

196. **Почобутъ**, іезуитъ, основатель обсерваторіи.

197. **Зноско**, профессоръ. Портретъ.

198. **Аллегорическій барельефъ**, изображающій передачу Виленскаго университета императоромъ Александромъ I отъ Чарторыйскаго Стройновскому, стоящему подъ сѣнью бюста Стефана Баторія, основателя академіи.

199. **Радзивиллъ**, княгиня Уроуля, польская писательница. Портретъ.

200. **Машинскій**, докторъ.

201. **Балинскій**, докторъ.

202. **Нарбутъ**, польскій историкъ.

203. **Графъ Дзялынскій**, извѣстный польскій писатель и издатель.

204. **Абихтъ**, докторъ.

205—206. **Кохановскій**. Копія барельефа его надгробнаго памятника и бюстъ его.

207. **Нишковскій**. Бюстъ его.

208. **Ельскій**. Его барельефъ мира 1856 года.

209. **Сарбіевскій**, поэтъ латинскій.

210. **Мокрацкій**, художникъ.

211. **Липинскій**. Бюстъ его.

212. **Богушъ**, виленскій прелатъ. Портретъ его.

213. **Юндзиллъ**, профессоръ. Бюстъ его.

214. **Снядецкій**, ректоръ Виленскаго университета. Кафтанъ его съ шитымъ воротникомъ.

215. **Карпинскій**, поэтъ. Его гитара и трава съ его могилы.

216. **«Шубравцы»**, польское литературное Общество, занимавшееся въ своемъ изданіи «Вѣдомости съ мостовой» осмѣиваніемъ администраціи. Принадлежащіе имъ графинъ, стаканъ и подносъ, употреблявшіеся до самой смерти Снядецкимъ.

РАЗРЯДЪ V. Предметы, не вошедшіе въ предъидущіе отдѣлы и исключенные изъ музея или по демонстративному ихъ значенію, или по совершенному отсутствію въ нихъ научныхъ достоинствъ.

217. **Джеферсонъ**. Работы Костюшки, его изображеніе въ память дружбы къ Ѳадею Костюшкѣ.

218—222. **Костюшко**. Зеленый артиллерійскій мундиръ.—Зрительная трубка, будто бы принадлежавшая ему.—Его перстень съ латинскою надписью.—Сабля его.—Знакъ отъ лядунки съ груднымъ изображеніемъ.

223. **Массонской ложи «Владиславъ Ягайло» два знака.**

224. **Гофманова**, урожденная Танская, эмигрантка 1831 года. Бюстъ ея.

225. **Нѣмцевичъ**. Шапка, въ которой онъ умеръ въ Парижѣ.

226—237. **Конфедератки**, польскія уланскія шапки, пояса и пряжки съ гербами Литвы и Польши.

238. **Володковичъ**, разстрѣленный въ Минскѣ въ 1760 году буянъ, сотрудникъ Карла Радзивилла. Портретъ.

239. **Заёнчекъ**, польскій генералъ. Портретъ.

240. **Коссаковскій**, участникъ въ барской конфедераціи, повѣшенный въ Вильнѣ въ 1794 году. Портретъ.

241. **Ходаковскій**, польскій писатель. Силуэтъ его.

242—248. Неизвѣстныхъ лицъ три портрета масляными красками.—Изображеніе Ириды.—Изображеніе неизвѣстнаго лица на мѣди.—Круглый гипсовый барельефъ.—Мраморный барельефъ съ полуистертой надписью [1]).

Дальнѣйшее устройство Виленскаго музея было произведено посредствомъ распредѣленія предметовъ по отдѣламъ, причемъ коллекціи были размѣщены въ новыхъ изящныхъ шкафахъ и витринахъ, исполненныхъ по рисункамъ художника В. В. Грязнова, и къ каждому отдѣлу сдѣланы краткія объясненія предметовъ, дабы имѣть возможность обозрѣвать коллекціи безъ помощи каталоговъ.

Люди науки, посѣщавшіе преобразованный музей въ Вильнѣ, находятъ въ археологическихъ его коллекціяхъ много весьма рѣдкихъ предметовъ, не встрѣчающихся въ другихъ болѣе обширныхъ хранилищахъ древности.

Общее количество предметовъ, хранившихся въ Виленскомъ музеѣ, къ тридцатой годовщинѣ его существованія доходило до весьма почтенной цифры 11,733 экземпляра.

Это обширное собраніе древностей и рѣдкостей распредѣляется на слѣдующіе отдѣлы:

I. Каменный періодъ. Разнородныя орудія, выдѣланныя изъ кремня, бейльштейна, гринштейна, змѣевика (офита), діорита и гранита, насчитываются до 752 экземпляровъ.

II. Бронзовый періодъ. Весьма немногіе предметы этого отдѣла принадлежатъ первому древнѣйшему періоду, бо́льшая же ихъ часть относится къ періоду второму и даже къ временамъ христіанской эры, но и изъ нихъ есть весьма рѣдкіе и цѣнные экземпляры; всего 1,046 предметовъ.

III. Коллекція г-жи Раевской, названная такъ по имени жертвовательницы, извѣстной любительницы археологіи, Анны Михайловны Раевской, и состоящая изъ художественно исполненныхъ гипсовыхъ слѣпковъ съ разныхъ каменныхъ и бронзовыхъ предметовъ, которыхъ насчитывается до 50.

---

[1]) Приносимъ нашу благодарность М. С. Гололобову за любезное доставленіе приведеннаго списка польскихъ предметовъ.

М. Г.

IV. Желѣзный періодъ. Коллекція состоитъ изъ оружія, конской сбруи, домашней утвари и проч., найденныхъ въ курганахъ временъ до-христіанскихъ; всего 525 предметовъ.

V. Этнографическій отдѣлъ, образовавшійся изъ случайныхъ частныхъ пожертвованій, изъ которыхъ особенно выдѣляется японская коллекція, пожертвованная, вмѣстѣ съ предметами китайской коллекціи, участниками кругосвѣтнаго плаванія на фрегатѣ «Аскольдъ» (1856—1857 гг., подъ командою Путятина); изъ предметовъ же древности обращаетъ на себя вниманіе египетская коллекція; всѣхъ предметовъ 437.

VI. Миѳологія. Здѣсь встрѣчаются статуетки съ названіями литовскихъ божковъ: Перкунасъ (богъ грома), Мильда (богиня любви), Кавосъ (богъ войска) и проч.; но дѣйствительно ли это литовскіе идолы, — того съ точностью утверждать нельзя, такъ какъ еще до сихъ поръ не выяснено, поклонялись ли литовцы идоламъ, а если поклонялись, то изъ какого матеріала ихъ приготовляли. Этотъ отдѣлъ имѣетъ всего 41 предметъ.

VII. Оружіе и доспѣхи. Коллекція эта, состоящая изъ стариннаго оружія и доспѣховъ, образовалась, главнымъ образомъ, изъ частнаго собранія, принадлежавшаго генералу Коссаковскому, и состоитъ изъ 692 предметовъ.

VIII. Древности. Предметы временъ христіанства въ Литвѣ; домашняя утварь и украшенія, найденныя въ курганахъ и могилахъ; особая коллекція, собранная И. Шнейдеромъ; есть предметы древнегреческіе и римскіе; всего 888 экземпляровъ.

IX. Нумизматика. По разнообразію и богатству—это одинъ изъ выдающихся отдѣловъ музея, состоящій изъ 5,118 монетъ и 1,308 медалей, частію пріобрѣтенныхъ, частію же пожертвованныхъ. Къ числу послѣднихъ относятся коллекціи бывшаго генералъ-губернатора К. П. фонъ-Кауфмана (1,035 экземпляровъ) и ковенской гимназіи (366 экземпляровъ).

X. Печати. Собрано 267 экземпляровъ, изъ которыхъ замѣчательныхъ весьма немного; бо̀льшая ихъ часть состоитъ изъ печатей разныхъ правительственныхъ учрежденій Сѣверо-Западнаго края.

XI. Достопамятности и рѣдкости. Это самый разнообразный отдѣлъ. Здѣсь встрѣчаемъ и кусокъ одежды Петра Великаго, и литовскій календарь, наклеенный на двухъ палкахъ, и кусокъ выдѣланной человѣческой кожи, и модель линейнаго корабля, и другія рѣдкія и затѣйливыя вещи, которыхъ въ общей сложности насчитывается до 520 экземпляровъ.

XII. Художественный отдѣлъ, состоящій изъ двухъ подраздѣленій: живопись (портреты и картины) и скульптура. Скромная галлерея портретовъ (23) состоитъ попреимуществу изъ портретовъ историческихъ лицъ, проявлявшихъ дѣятельность свою по отношенію Сѣверо-Западнаго края; картины (48) принадлежатъ ки-

сти лучшихъ художниковъ разныхъ школъ; изъ небольшаго числа скульптурныхъ произведеній (всего 8) обращаетъ на себя вниманіе медальонъ работы графа Ѳ. П. Толстаго, изображающій императора Николая I съ надписью: «Радомыслъ девятаго-на-десять вѣка».

Заканчивая очеркъ исторіи Виленскаго музея, позволяемъ себѣ обратить вниманіе на отсутствіе въ портретной галлереѣ музея портретовъ такихъ лицъ, имена которыхъ тѣсно связаны съ Сѣверо-Западнымъ краемъ. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, не видѣть въ Виленскомъ пантеонѣ портретовъ такихъ лицъ, какъ нашъ знаменитый исторіографъ Н. М. Карамзинъ, которому Сѣверо-Западный край обязанъ тѣмъ, что не былъ окончательно и оффиціально присоединенъ къ Польшѣ, какъ того домогались поляки, пользуясь снисходительностью къ нимъ Александра I; П. Н. Батюшковъ, оказавшій во время непродолжительнаго, но весьма плодотворнаго управленія Виленскимъ учебнымъ округомъ много пользы русскому дѣлу въ ополяченномъ краѣ, завершившій преобразованіе музея, внесшій въ русскую литературу обширное историческое изслѣдованіе, касающееся этого края[1]), и продолжающій доселѣ свою полезную дѣятельность по изслѣдованію русской старины въ западныхъ окраинахъ; наконецъ, преосвященный Макарій (Булгаковъ), непосредственный и достойный преемникъ каѳедры приснопамятнаго Іосифа (Сѣмашко).

Отсутствіе въ музеѣ портретовъ трехъ упомянутыхъ русскихъ дѣятелей столь осязательно, что оно сразу бросается въ глаза и ставитъ въ недоумѣніе какъ просматривающаго каталогъ, такъ и обозрѣвающаго самый музей, что̀ авторъ сихъ строкъ испыталъ на себѣ при личномъ посѣщеніи, въ 1885 году, Виленскаго музея.

Нелишнимъ бы было помѣстить также въ группѣ портретовъ Виленскаго музея, портретъ преосвященнаго Серафима (Гоголевскаго), митрополита новгородскаго и петербургскаго, бывшаго во время возсоединенія уніатовъ Сѣверо-Западнаго края въ 1839 году первоприсутствовавшимъ въ синодѣ, а также и портретъ графа Льва Алексѣев. Перовскаго, принимавшаго дѣятельное участіе въ возсоединеніи уніатовъ. Портреты этихъ дѣятелей, какъ намъ извѣстно, были заказаны П. Н. Батюшковымъ художнику Трутневу вмѣстѣ съ другими портретами, находящимися нынѣ въ музеѣ (митрополитовъ Іосифа Сѣмашко и Филарета Амфитеатрова, графа Д. Н. Блудова, директора иностранныхъ исповѣданій Скрипицына и нѣкоторыхъ другихъ), но были ли они исполнены,—неизвѣстно.

---

[1]) «Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые по высочайшему повелѣнію», вып. V и VI, изданіе, составляющее нынѣ библіографическую рѣдкость.

Но замѣчаемый нами пробѣлъ въ художественномъ отдѣлѣ Виленскаго музея не заполнился бы установкою портретовъ перечисленныхъ историческихъ лицъ. По нашему мнѣнію, въ галлереѣ портретовъ дѣятелей, такъ сказать, первой величины должно быть отведено мѣстечко и портретамъ тѣхъ русскихъ людей, которые, если не выказали обширной дѣятельности по отношенію всего Сѣверо-Западнаго края, то принесли несомнѣнную пользу самому музею, очистивъ его, по порученію и указаніямъ М. Н. Муравьева, отъ чуждыхъ и вредныхъ наносовъ. Члены коммиссіи для разбора коллекцій Виленскаго музея, съ честію выполнившіе свой долгъ, вполнѣ заслуживаютъ такой объ нихъ памяти, хотя бы по поводу тридцатой годовщины учрежденія, которому, благодаря ихъ усиліямъ, ничто уже нынѣ не препятствуетъ «содѣйствовать скрѣпленію узъ, соединяющихъ бывшія литовскія губерніи съ прочими областями Россіи».

М. Городецкій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Румелійскій переворотъ. Историческій этюдъ Евгенія Львова (Русскаго Странника). Москва. 1886.

Авторъ настоящей книжки, посѣтившій, въ качествѣ корреспондента «Новаго Времени», вслѣдъ за переворотомъ 6-го сентября прошлаго года, Болгарію и Румелію, описываетъ весьма живо и талантливо всѣ перипетіи этой сухой революціи, надѣлавшей столько шума въ Европѣ, пользуясь при этомъ разсказами не только очевидцевъ, но и ближайшихъ участниковъ, исполнителей переворота. Маіоръ Николаевъ, поднявшій войско, т. е. румелійскую милицію, члены революціоннаго болгарскаго комитета, Захарій Стояновъ и Дмитрій Ризовъ, а также нѣкоторые второстепенные исполнители переворота, въ родѣ поручика Стефова, которому было поручено подать сигналъ къ возстанію въ Филиппополѣ, резиденціи генералъ-губернатора Восточной Румеліи, сообщили автору немало интересныхъ и пикантныхъ подробностей о всемъ ходѣ этой опереточной революціи.

Всѣ эти разсказы, тщательно записанные авторомъ, носятъ отпечатокъ несомнѣнной правды—они весьма интересны и типичны, хотя, очевидно, эти исполнители переворота, охотно передававшіе анекдотическую сторону дѣла, кое-что умолчали объ организаціи розыгранной ими революціи и тѣхъ ея руководителяхъ, которые желали остаться въ тѣни. Ихъ откровенность даже въ пріятельскихъ бесѣдахъ съ русскимъ корреспондентомъ имѣла, однако, свои предѣлы. Такъ, напримѣръ, маіоръ Николаевъ, по словамъ автора, человѣкъ умный, «съ чрезвычайно проницательными вглядчивыми глазами» (стр. 30), прежде чѣмъ рѣшиться поднять войско, т. е. румелійскую милицію, къ участію въ переворотѣ, конечно, поинтересовался предварительно узнать, какъ отнесется къ этому дѣлу болгарскій князь, но маіоръ Нико-

лаевъ, такъ охотно бесѣдовавшій съ авторомъ, «повидимому, съ полной откровенностью и добродушіемъ» [1]), однако, этого любопытнаго предмета вовсе не коснулся, по крайней мѣрѣ, въ настоящей книжкѣ ни слова не говорится о томъ, были ли какія либо сношенія между этимъ маіоромъ румелійской милиціи и болгарскимъ княземъ.

Начало возстанія въ селеніи Големо Конаре, во главѣ котораго стали сержантъ резервистовъ, попросту отставной унтеръ-офицеръ румелійской милиціи, Тишковъ, прозванный болгарскимъ Чардафономъ [2]), съ прибавкой эпитета «великій», и сестра учителя этого селенія, Шилева, болгарская дѣвушка, по имени Недѣлька Стоянова, стяжавшая себѣ этимъ подвигомъ громкую газетную извѣстность и названіе болгарской Жанны д'Аркъ. Ночной походъ возставшихъ конарцевъ въ Филиппополь, ихъ комичный бой, во время котораго никто не получилъ даже царапины, съ высланными противъ нихъ властями жандармами, подъ начальствомъ поручика Никушева, который, отправляясь въ эту экспедицію, дружески бесѣдовалъ съ другимъ болгарскимъ поручикомъ Стефовымъ, который имѣлъ также спеціальное порученіе, хотя въ нѣсколько иномъ родѣ — Стефовъ въ ту же ночь долженъ былъ подать сигналъ къ возстанію въ одномъ изъ предмѣстій города, именно Марагѣ. Воззваніе къ милиціи маіора Николаева, котораго румелійскія власти, заподозрѣвъ въ участіи въ революціонномъ движеніи, сначала приказали арестовать, забывъ при этомъ лишить его команды надъ лагеремъ войска подъ Филиппополемъ, а вслѣдъ затѣмъ послали его съ одной изъ дружинъ этой милиціи охранять конакъ (домъ) генералъ-губернатора. Сцена ареста Гавріилъ-паши (Крестовича), его увозъ изъ Филиппополя, подъ конвоемъ Чардафона Великаго и Недѣльки Стояновой въ Големо Конаре, гдѣ низвергнутый генералъ-губернаторъ провелъ, подъ арестомъ, нѣсколько дней, мирно играя въ шашки съ мятежными конарцами, громко требовавшими, при его арестѣ, спѣшу прибавить, не головы его, а табакерки, той золотой табакерки, которую за нѣсколько дней передъ тѣмъ Крестовичъ получилъ въ подарокъ отъ султана (про эту табакерку много и съ великимъ негодованіемъ писали болгарскія газеты),—всѣ эти сцены переданы авторомъ весьма типично и живо: онѣ читаются съ интересомъ.

Вообще, книжка г. Львова богата анекдотическими подробностями, весьма занимательно и правдоподобно обрисовывающими весь ходъ этого опереточнаго переворота. Авторъ, кромѣ того, желалъ, какъ онъ самъ говоритъ, провѣрить разсказы участниковъ переворота свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ. Съ этой цѣлью онъ обращался за разъясненіями и указаніями къ разнымъ лицамъ бывшей правительственной партіи, т. е. членамъ низвергнутаго правительства генералъ-губернатора Крестовича, русскому военному агенту, русскому и двумъ иностраннымъ консуламъ (не говоря, впрочемъ, къ какимъ именно), отъ которыхъ онъ также почерпнулъ много свѣдѣній, какъ о томъ самъ заявляетъ. Но съ этимъ трудно согласиться, надо думать, на сей разъ его собесѣдники были сдержаннѣе въ своихъ сообщеніяхъ и не такъ охотно дѣлились своими впечатлѣніями, какъ

---

[1]) Слова съ разстановкой принадлежатъ автору.

[2]) Слово чарда поболгарски значитъ—стадо. Кличка Чардафонъ, по объясненію г. Львова, дана Тишкову ради насмѣшки надъ дворянствомъ, украшающимъ свои фамиліи прибавкою частицы «фонъ».

участники переворота. Не знаю, имѣлъ ли случай г. Львовъ бесѣдовать съ англійскимъ консуломъ въ Филиппополѣ, но во всякомъ случаѣ представитель Англіи зналъ о приготовленіяхъ къ перевороту много такого, что осталось неизвѣстно нашему автору.

Образъ дѣйствій румелійскаго правительства передъ переворотомъ изложенъ довольно отрывочно и запутанно, такъ что, прочтя книжку г. Львова, трудно сказать, на сколько знало правительство Крестовича о готовившемся переворотѣ и почему оно такъ слабо и неудачно ему противодѣйствовало. Очевидно, г. Львовъ не имѣлъ въ этомъ случаѣ въ своемъ распоряженіи необходимыхъ матеріаловъ, ему пришлось ограничиться тѣмъ, что онъ слышалъ въ русскомъ консульствѣ (стр. 17), посвящая этому довольно существенному вопросу одну небольшую главу—именно четвертую. Но эти свѣдѣнія весьма недостаточны для объясненія успѣха пореворота, особенно въ виду того, что говорится авторомъ объ организаціи заговора. Въ концѣ своей книжки, г. Львовъ снова возвращается къ этому предмету, останавливаясь довольно подробно на отношеніяхъ къ перевороту русскихъ дипломатическихъ представителей въ Софіи и Филиппополѣ. Этому вопросу посвящены двѣ главы (XV и XVI), но въ ихъ изложеніи опять-таки чувствуется недостатокъ матеріаловъ, которыми могъ воспользоваться авторъ, за что̀ его, впрочемъ, винить нельзя, такъ какъ для частныхъ лицъ, а тѣмъ болѣе газетныхъ корреспондентовъ, документы, касающіеся нашей дипломатической переписки, почти совершенно недоступны.

Кромѣ того, успѣхъ переворота объясняется прежде всего крайней эфемерностью всего того порядка вещей, который былъ созданъ силой вещей въ Восточной Румеліи послѣ берлинскаго конгресса. Эта автономная область, выдуманная европейскими дипломатами, была не что иное какъ карточный домикъ, готовый разлетѣться при первомъ дуновеніи.

Нашъ авторъ не имѣлъ возможности основательно узнать, чѣмъ была Восточная Румелія до переворота; нѣсколько недѣль проведенныхъ въ этой области и разсказы, которые ему приводилось слышать, не могли восполнить этого пробѣла; оттого въ его очеркѣ изумительная легкость, съ которой падаетъ правительство Крестовича, представляется не достаточно выясненной.

Изъ приводимыхъ авторомъ разговоровъ нашихъ представителей въ Восточной Румеліи [1]) съ генераломъ-губернаторомъ Крестовичемъ и его директорами Величковымъ и Хакановымъ выходитъ, что они были того мнѣнія, что обнаружившееся движеніе въ видахъ соединенія съ княжествомъ пользуется покровительствомъ русскихъ представителей, которые ему даже негласно содѣйствуютъ; такой взглядъ на дѣло румелійскихъ властей, конечно, могъ немало облегчить успѣхъ переворота, но, такъ какъ это мнѣніе было категорически опровергнуто обоими нашими представителями въ частномъ совѣтѣ генералъ-губернатора, за нѣсколько дней передъ переворотомъ (стр. 81 и 82), то спрашивается, почему Крестовичъ и его правительство этому не повѣрили, ибо вечеромъ 5-го сентября, т. е. передъ самымъ переворотомъ, Крестовичъ, разговаривая съ подполковникомъ Чичаговымъ, прямо высказалъ подозрѣніе, что все это творится свѣдома и съ согласія Россіи, обвиняя нашего посла въ Константинополѣ, Нелидова, въ томъ, что онъ обманулъ

---

[1]) Т. е. исправлявшаго должность консула Г. В. Игельстрома и военнаго агента подполковника Чичагова.

его, Крестовича, совѣтуя сдерживать всякое движеніе на Балканскомъ полуостровѣ, увѣряя, что Россія противъ него (стр. 83).

Въ разъясненіе этихъ недоразумѣній, авторъ представляетъ характеристику дѣятельности нашей дипломатіи въ Болгаріи, указывая, не безъ основанія, на отсутствіе въ ея дѣйствіяхъ опредѣленной политической программы, частыя перемѣны нашихъ представителей въ Болгаріи и Румеліи и взаимныя между ними ссоры и недоразумѣнія. Нашъ представитель въ Филиппополѣ былъ часто не въ ладахъ съ нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Софіи, а съ нашимъ военнымъ агентомъ въ Румеліи онъ не ладилъ постоянно, причемъ каждый изъ нихъ велъ свою личную политику, подкапываясь подъ другаго.

Все это, конечно, колебало авторитетъ и довѣріе къ нашимъ представителямъ въ глазахъ мѣстнаго правительства.

Болѣе подробно и нѣсколько глубже затрогиваетъ авторъ вопросъ объ отношеніяхъ къ перевороту болгарскаго князя и его участіи въ этомъ дѣлѣ, группируя рядъ фактовъ, которые свидѣтельствуютъ, что князь былъ непосредственно замѣшанъ въ агитаціи, приведшей къ перевороту. Въ главѣ X указывается, что съ начала весны 1885 года князь сталъ усердно искать популярности среди болгаръ, старался изъ всѣхъ силъ на парадѣ 6 апрѣля, того же года, по случаю Кирило-Меѳодіевскаго праздника, на которомъ присутствовала румелійская депутація съ докторомъ Странскимъ во главѣ [1]), показать лицомъ свое болгарское войско. Въ главѣ XI сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о поѣздкѣ, лѣтомъ того же года, личнаго секретаря князя и его интимнаго повѣреннаго, г. Головина (русскаго, женатаго на болгаркѣ, подъ фиктивнымъ предлогомъ свиданія съ родными жены и т. д.). Самъ князь, въ это же лѣто, предпринялъ экскурсію вдоль румелійской границы, танцуя «хоро» съ болгарскими селяками. Въ XIII главѣ помѣщенъ крайне интересный документъ — уставъ тайнаго центральнаго революціоннаго комитета въ Болгаріи. Подъ этимъ уставомъ, напечатаннымъ въ Софіи, въ апрѣлѣ 1885 года, красуется гербъ болгарскаго революціоннаго комитета, изображающій разъяреннаго льва, который лапой попираетъ упавшій полумѣсяцъ. Надъ львомъ девизъ: свобода или смерть. Этотъ самый гербъ, съ тѣмъ же самымъ девизомъ, изображенъ на знамени, которое князь Александръ торжественно вручилъ Ополченскому Дружеству, въ годовой его праздникъ (11 августа) не задолго до переворота (стр. 62).

Изъ этихъ и многихъ другихъ фактовъ авторъ выводитъ то совершенно вѣрное заключеніе, что для князя Александра переворотъ 6 сентября отнюдь не былъ сюрпризомъ, какъ это старался доказать онъ самъ и нанятые имъ корреспонденты европейскихъ газетъ.

Не лишены также интереса свѣдѣнія объ отношеніяхъ болгарскаго князя къ русскимъ эмигрантамъ, изъ фракціи террористовъ, Луцкому и Серебрякову, которые были приняты княземъ на болгарскую службу, причемъ послѣднему было поручено завѣдованіе минной частью въ Рущукѣ (стр. 63). Мичманъ же Луцкой былъ назначенъ княземъ командиромъ парохода «Голубчикъ», подареннаго русскимъ правительствомъ Болгарскому княжеству, и хотя болгарская дунайская флотилія въ сербской кампаніи активнаго уча-

---

[1]) Т. е. тѣмъ самымъ Странскимъ, который былъ поставленъ во главѣ временнаго правительства Восточной Румеліи послѣ переворота.

стія не принимала, а мичманъ Луцкой въ сраженіяхъ не былъ, тѣмъ не менѣе приказомъ отъ 29 января 1886 года онъ былъ награжденъ княземъ за храбрость знакомъ болгарскаго ордена.

Вообще, очеркъ г. Львова, съ которымъ читающая публика отчасти уже знакома, такъ какъ онъ предварительно былъ напечатанъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за текущій годъ, читается живо и съ интересомъ.

Конечно, это далеко не полная и всесторонняя исторія румелійскаго переворота, но составленіе таковой и не входило въ намѣреніе автора, тѣмъ болѣе, что пока еще преждевременно писать такую исторію. Надо подождать опубликованія многихъ необходимыхъ для сего документовъ и матеріаловъ.

П. М.

Чтенія изъ исторіи русской церкви за время царствованія императора Александра I. П. Знаменскаго. Казань. 1885.

Авторъ нѣсколькихъ капитальныхъ сочиненій по исторіи русской церкви, г. Знаменскій, выпустилъ въ свѣтъ подъ приведеннымъ заглавіемъ отдѣльною книгою свое новое изслѣдованіе, печатавшееся первоначально въ «Православномъ Собесѣдникѣ» за 1885 годъ. Эпоха, выбранная г. Знаменскимъ, очень интересна и имѣетъ большое значеніе въ исторіи нашей церкви. Во взглядахъ императора Александра I на религіозные вопросы замѣтна нѣкоторая расплывчатость, непослѣдовательность. «Подобно многимъ своимъ современникамъ,—говоритъ г. Знаменскій,—которые были лишены религіознаго воспитанія, а между тѣмъ по своему характеру и обстоятельствамъ чувствовали въ себѣ непреодолимую потребность религіи, Александръ выработалъ себѣ своеобразную религію, безъ опредѣленныхъ догматическихъ убѣжденій, универсальную религію сердца, одинаково мирившуюся со всѣми вѣроисповѣданіями и ни къ одному изъ нихъ не принадлежавшую, близкую болѣе къ протестантскому мистицизму, чѣмъ къ православію. Въ церковныхъ дѣлахъ онъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній, поэтому онъ на первыхъ порахъ своего царствованія долго не обнаруживалъ къ нимъ надлежащаго вниманія, всецѣло предавшись осуществленію однихъ своихъ завѣтныхъ мечтаній о новомъ устройствѣ государства, о водвореніи во всемъ его строѣ принциповъ законности и свободы и о просвѣщеніи своего народа черезъ умноженіе всякаго рода школъ». Изъ ближайшихъ сотрудниковъ императора былъ знакомъ съ церковными дѣлами только одинъ Сперанскій, и отъ него исходила инииціатива всѣхъ церковныхъ реформъ начала царствованія. Оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, князь А. Н. Голицынъ, имѣлъ самое смутное понятіе о православіи, подчинялся самымъ разнообразнымъ вліяніямъ то іезуитовъ, то всяческихъ мистиковъ. До войны 1812 года было предпринято весьма важное преобразованіе экономическаго быта духовенства и духовной школы, далеко, впрочемъ, не осуществившееся. 1812 годъ, тяжелый для всей Россіи, очень неблагопріятно отозвался и на положеніи церкви, были задержаны предполагавшіяся реформы, духовенство было страшно разорено, но гораздо тягостнѣе оказался для церкви переворотъ, произведенный событіями войны въ религіозномъ настроеніи императора. Г. Знаменскій такъ характеризируетъ этотъ переворотъ: «Великія событія, въ которыхъ онъ былъ участникомъ, подавляли впечатлительную душу Александра; главный дѣя-

тель самъ поникъ передъ величіемъ событій и смиренно сознал себя лишь орудіемъ высшей воли. Чувства смиреннаго уничиженія себя передъ путями Промысла сдѣлались господствующими въ душѣ Александра». За границей онъ сошелся съ представителями разныхъ мистическихъ сектъ, особенно сильно расплодившихся послѣ французской революціи. Во время пребыванія своего въ Парижѣ онъ каждый день посѣщалъ общество г-жи Криднеръ, состоявшее изъ разныхъ экстатическихъ личностей, и удивлялъ всѣхъ своимъ глубокимъ смиреніемъ и аскетической религіозностью. Это мистическое настроеніе государя ярче всего выразилось въ актѣ священнаго союза, бывшемъ болѣе всего на руку европейскимъ реакціонерамъ, но возстановившемъ противъ Россіи все европейское общество. «Въ глазахъ либеральныхъ партій Европы Александръ сталъ терять всякое обаяніе, но въ то же время не пріобрѣлъ довѣрія и между представителями европейской реакціи, которые никакъ не могли примириться съ его почтенною многосторонностью, умѣньемъ говорить правду и въ ту и въ другую сторону, никакъ не могли понять его отвращенія отъ грубыхъ реакціонныхъ мѣръ и его постоянныхъ настояній касательно снисходительности къ народнымъ требованіямъ, взаимныхъ уступокъ съ обѣихъ сторонъ для спокойнаго и полюбовнаго примиренія крайностей, и потому считали его опаснымъ для себя либераломъ». Вліяніе реакціонной политики священнаго союза не замедлило проникнуть и во внутреннюю жизнь Россіи, сказавшись аракчеевщиной въ государственномъ управленіи, мистицизмомъ въ религіозной жизни общества. «Прежняго вольнодумства, которое еще недавно было въ такой силѣ при дворѣ, точно не бывало. Кто и не былъ благочестивъ, теперь старался, по крайней мѣрѣ, казаться такимъ. Повсюду слышны были рѣчи объ обновленіи внутренняго человѣка, объ озареніи отъ св. Духа, о козняхъ князя тьмы, подъ которыми разумѣли все, что было несогласно съ идеями модной мистической религіи, въ томъ числѣ иногда и ученіе православной церкви. Дворъ императрицы Елисаветы Алексѣевны, довѣрчиво склонявшей свой слухъ ко всему таинственному и загадочному, тоже наполнился экстатическими и мистически настроенными дамами, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли большое вліяніе и на нее, и на государя, напримѣръ, княгиня Голицына, княгиня Мещерская, графиня Толстая, Хвостова, фрейлина Стурдза. Такое же религіозное настроеніе стало господствовать между людьми, занимавшими разные начальственные посты; ряды новыхъ государственныхъ дѣятелей, старавшихся быть монархичнѣе монарха, пополнились еще такими дѣятелями, которые принялись за устройство царствія Божія на землѣ по евангельскимъ принципамъ священнаго союза и считали себя религіознѣе самой церкви. Князь Голицынъ, обратившійся къ религіи нѣсколько раньше государя, со всѣхъ сторонъ окружилъ себя масонами и мистиками всякихъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, покровительствовалъ всевозможнымъ религіознымъ мечтателямъ и мистическимъ сектамъ и, отличаясь примѣрнымъ благочестіемъ и искреннимъ стремленіемъ къ водворенію царства Божія на землѣ, причинялъ церкви болѣе тревогъ, чѣмъ тѣ, которые не обращали на религію никакого вниманія и вовсе не мнили себя приносящими службу Богу» (стр. 35—36). Г. Знаменскій весьма обстоятельно и живо характеризуетъ главныхъ представителей мистицизма, разныхъ заѣзжихъ иноземныхъ проповѣдниковъ и нашихъ русскихъ ихъ послѣдователей: князя Голицына, Тургенева, Попова, Лабзина и др.; онъ подробно излагаетъ исторію русскаго библейскаго Общества, бывшаго главнымъ проводникомъ

мистическихъ ученій, причемъ, указывая вредныя стороны его дѣятельности онъ не отрицаетъ и того, что оно приносило много пользы. Изъ подробнаго разбора статей «Сіонскаго Вѣстника», сочиненій Гіонъ, Эккартсгаузена и другихъ мистическихъ произведеній, г. Знаменскій очень хорошо выясняетъ сущность новыхъ ученій и отличіе ихъ отъ православной мистики, представителями которой въ разсматриваемое время онъ считаетъ Сперанскаго и митрополита Филарета московскаго. «Между тѣмъ какъ православная мистика,— говоритъ г. Знаменскій, — преимущественно останавливается на предварительныхъ низшихъ степеняхъ скорбнаго духовнаго очищенія, тяжкаго покаянія, самоуничиженія, умерщвленія страстей, дѣятельнаго исполненія заповѣдей, представляя высшія степени духовнаго созерцанія едва достижимымъ идеаломъ, достояніемъ только избранныхъ изъ избранныхъ,—модный мистицизмъ спѣшилъ поскорѣе перескочить чрезъ эти степени неизбѣжнаго, но непріятно-утомительнаго духовнаго подвига прямо къ высшимъ, сводя всю духовную работу къ одному только теоретическому сознанію человѣкомъ своей грѣховности, бездѣятельному сосредоточенію въ себѣ и развитію въ душѣ протестантско-мистическаго упованія на безконечную любовь Божію, а высшія степени считая довольно легкимъ и необходимымъ достояніемъ всѣхъ, кому заблагоразсудится считать себя возрожденнымъ и обновленнымъ, и открывалъ такимъ образомъ свободное поле для всякаго рода религіозныхъ фантасмагорій и самообольщеній къ удовольствію всѣхъ, которые безъ духовнаго опыта непремѣнно торопились сдѣлаться людьми духовными, созерцателями, даже причастниками божественнаго естества» (стр. 165). Мистики относились ко всѣмъ вѣроивѣсподаніямъ съ большою терпимостью, но эта вѣротерпимость была въ существѣ своемъ какимъ-то расплывчатымъ индиффферентизмомъ, которымъ воспользовались самыя разнородныя религіозныя общества. Подъ крылышкомъ мистицизма съ громаднымъ успѣхомъ развилась іезуитская пропаганда, прекратившаяся послѣ того, какъ многія лица изъ высшаго общества, и даже сынъ министра духовныхъ дѣлъ, князя А. Н. Голицына, были совращены въ латинство, а въ то же самое время соединеніе уніатовъ съ православною церковью встрѣчало сильное противодѣйствіе въ правительственныхъ сферахъ, гдѣ было много католиковъ изъ французскихъ эмигрантовъ и поляковъ. Покровительствовались также наши простонародныя мистическія и раціоналистическія секты, хлысты, духоборцы, молокане, даже скопцы. Хлыстовщина проникла въ высшіе классы общества въ формѣ секты Татариновой, о которой съ большой похвалой отзывался самъ государь. Скопчество устроило свою главную квартиру въ самомъ Петербургѣ, гдѣ поселился его глава Кондратій Селивановъ, съ котораго было взято ничего не значившее и никогда не исполнявшееся обѣщаніе не распространять своей секты. Въ періодъ господства либеральныхъ взглядовъ, правительство вполнѣ довольствовалось подобнымъ обѣщаніемъ и считало его вполнѣ удовлетворительной гарантіей для своихъ подданныхъ противъ всякаго изувѣрнаго уродованія ихъ скопцами. Нѣсколько времени оно даже хвалилось этимъ гуманнымъ своимъ пріемомъ и старалось распространить его дѣйствіе на другія мѣста, кромѣ Петербурга, какъ это видно, напримѣръ, изъ письма Кочубея къ московскому губернатору 1806 года. Дошло до того, что одинъ полусумасшедшій скопецъ Еляпскій представилъ проектъ о преобразованіи всего русскаго государственнаго устройства на скопческій ладъ. Пользовались покровительствомъ и раскольники старообрядческихъ сектъ, Преобра-

женское кладбище никогда не достигало такого благосостоянія, какъ въ это время. Хуже всего оказывалось положеніе православной церкви, на нее не распространялась терпимость мистиковъ, ея представители подвергались насмѣшкамъ за невѣжество, обрядовая сторона тоже послужила цѣлью нападокъ мистиковъ, смотрѣвшихъ даже на таинство причащенія, какъ на «принятіе универсальной тинктуры или духовной тѣлесности Христовой, всю природу неограниченно наполняющей». Юридически церковь была приравлена ко всѣмъ другимъ исповѣданіямъ, синодъ представлялъ собой одно изъ отдѣленій департамента духовныхъ дѣлъ, въ которомъ дѣла православной церкви вѣдались наравнѣ съ дѣлами евреевъ, магометанъ, язычниковъ. Но наконецъ, такое положеніе стало невозможнымъ, противъ мистицизма выступили митрополитъ Серафимъ, извѣстный архимандритъ Фотій, Шишковъ и др. Министерство духовныхъ дѣлъ было преобразовано, синодъ получилъ прежнее значеніе, библейское общество упразднено. Но, какъ всегда бываетъ при такихъ переворотахъ, изъ одной крайности попали въ другую, стали преслѣдовать рядомъ съ дурнымъ и хорошее, такъ, напримѣръ, искореняя послѣдствія вредныхъ сторонъ дѣятельности библейскаго общества, стали вообще преслѣдовать дѣло перевода и распространенія библіи. Таково было духовно-религіозное движеніе русскаго общества въ царствованіе императора Александра I. Въ этой общей картинѣ г. Знаменскій разсматриваетъ многія стороны внѣшней исторіи церкви за этотъ періодъ, подробно описываетъ мѣры, принимавшіяся для улучшенія быта духовенства и возвышенія его умственнаго и нравственнаго уровня, затрогиваетъ вопросъ о миссіонерствѣ среди разныхъ инородцевъ имперіи, даетъ обстоятельный очеркъ духовно-учебной реформы и ея вліянія на духовенство, представляетъ весьма полный обзоръ духовной науки или литературы Александровскаго царствованія и т. д. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ заняться подробнымъ анализомъ всѣхъ затрогиваемыхъ въ книгѣ г. Знаменскаго вопросовъ, а матеріалъ въ ней очень обильный, прекрасно обработанный, строго прокритикованный и сгруппированный во многихъ мѣстахъ съ большимъ искусствомъ, художественностью, такъ что мы можемъ смѣло рекомендовать эту книгу для чтенія не-спеціалистовъ.

А. В.

Петръ Θедоровичъ Басмановъ. Марина Мнишекъ. Двѣ драмы изъ эпохи Смутнаго времени барона Н. Е. Врангеля. Спб. 1886.

«Смутное время» въ русской исторіи, или «лихолѣтье»—излюбленная эпоха нашихъ драматурговъ. Она дѣйствительно полна такихъ важныхъ событій и переворотовъ въ судьбѣ Русскаго царства и его правителей, которыя легко укладываются въ формы драматической хроники. Недавно Вогюэ назвалъ пушкинскаго «Бориса Годунова» шекспировскою драмою на московскій сюжетъ. Но, и не обладая геніемъ Пушкина или огромнымъ талантомъ Алексѣя Толстого, и посредственный писатель, въ родѣ Кукольника, изображая эпоху отъ смерти Грознаго до воцаренія Романовыхъ, могъ имѣть всегда большой успѣхъ, перенося на сцену событія послѣднихъ годовъ XVI и первыхъ XVII вѣка. Этимъ объясняется извѣстность въ свое время не только квасно-патріотической «Руки Всевышняго», но даже такихъ приторныхъ трагедій, какъ «Пожарскій» Озерова или невозможный «Самозванецъ» Сумарокова. По примѣру, конечно, не этихъ допотопныхъ писателей, но Островскаго и Чаева,

г. Врангель написалъ двѣ драмы изъ эпохи 1605—1614 годовъ, взявъ героемъ одной довольно выдающуюся личность Басманова, а героинею другой—извѣстную жену перваго самозванца. Содержаніе первой драмы основано на борьбѣ въ Басмановѣ двухъ чувствъ: преданности къ Годунову, сдѣлавшему его своимъ любимцемъ за побѣду надъ самозванцемъ, и сомнѣнію въ томъ: не настоящій ли это сынъ Грознаго? Къ этому примѣшана еще, уже измышленная авторомъ любовь Басманова къ Ксеніи Годуновой, которую потомъ самозванецъ взялъ силою въ свои любовницы. Но даже и это обстоятельство не заставляетъ Басманова измѣнить самозванцу, какъ измѣнилъ Годунову, и бояринъ падаетъ жертвою своего долга, убитый Татищевымъ. Драма составлена вообще довольно ловко, сценична и могла бы легко быть приспособлена къ представленію на народномъ театрѣ, если у насъ только когда нибудь соберутся устроить такой театръ. Писана драма стихами, даже мѣстами, съ риѳмой и русскимъ размѣромъ, хоть отпечатана сплошнымъ прозаическимъ текстомъ. Такъ, Басмановъ говоритъ Ксеніи анапестомъ и амфибрахіемъ: «Было въ сердцѣ темнѣй этой ночи. Было въ немъ такъ темно, было въ немъ такъ мертвò, что и жить уже не было мочи. Ты молвила слово — и снова сталъ свѣтъ, надежда вернулась—и горя ужъ нѣтъ!» Ксенія отвѣчаетъ пятистопнымъ риѳмованнымъ ямбомъ: «Тому не быть, не тѣшь себя слезами, ты ими не покроешь свой позоръ. Не смыть тебѣ его ни жгучими слезами, ни дѣломъ и ни кровью. Темный боръ»... и т. д. Судьба Марины Мнишекъ драматичнѣе судьбы Басманова, хотя Костомаровъ и называетъ ее «пустой бабенкой», но событія ея жизни могли бы служить предметомъ интересной трагедіи. Г. Врангель выводитъ ее на сцену въ тушинскомъ лагерѣ уже женою втораго самозванца. Послѣдній, четвертый актъ пьесы—въ московской тюрьмѣ, гдѣ Марина сознается, что она «удѣлъ свой заслужила». Но въ чемъ же она могла считать себя виноватою? что послѣ смерти Тушинскаго вора отдалась Заруцкому, обѣщавшему ей возвратить престолъ? Заруцкій былъ разбитъ взятъ въ плѣнъ и посаженъ на колъ за то, что съ оружіемъ въ рукахъ поддерживалъ смуту на Руси. Но чѣмъ же виноватъ былъ пятилѣтній сынъ Марины? За что повѣсили ребенка, который и безъ того не перенесъ бы жизни въ тюрьмѣ безъ свѣта и воздуха?.. Чувство гуманности возмущается такой политикой, и сцена, когда палачъ обманомъ уноситъ ребенка отъ матери, чтобы повѣсить его, а тюремщики потомъ, подсмѣиваясь, разсказываютъ ей объ этомъ, производитъ впечатлѣніе даже и при несовсѣмъ ловкой обстановкѣ, придуманной авторомъ. Вообще баронъ Врангель напоминаетъ въ своихъ пьесахъ другаго барона—Розена, автора либрето «Жизнь за царя» и разныхъ патріотическихъ драмъ. Только современный баронъ пишетъ лучше покойнаго и драмы г. Врангеля гораздо сценичнѣе.

В. З.

Н. Лихачевъ. Григорій Николаевичъ Городчаниновъ и его сочиненія. Библіографическая замѣтка. Казань. 1886.

Въ исторіи русской литературы встрѣчается немало именъ, извѣстныхъ только тѣмъ, кто спеціально занимается ею. Многимъ ли, не только изъ читателей, но изъ преподавателей этой литературы извѣстенъ Городчаниновъ, монографію о которомъ составилъ г. Лихачевъ, подъ скромнымъ названіемъ

«библіографической замѣтки». Какая же это «замѣтка», въ которой перечисляются всѣ сочиненія покойнаго писателя? Правда, оцѣнки ихъ г. Лихачевъ не представляетъ, но вѣдь, собственно говоря, они и не стоятъ критическаго разбора. Городчанинова нельзя назвать и забытымъ писателемъ, потому что его никто не зналъ и при жизни, исключая тѣснаго кружка близкихъ знакомыхъ и сослуживцевъ. Онъ былъ, однако, профессоромъ русской словесности, написалъ сто десять произведеній и два раза издавалъ собраніе своихъ сочиненій. Хотя онъ умеръ 80-ти лѣтъ, въ 1852 году, когда Россія пережила уже Гоголя и Жуковскаго, но литературная дѣятельность его принадлежала къ царствованію Александра I, такъ какъ уже въ 1829 году онъ вышелъ въ отставку изъ профессоровъ Казанскаго университета, а послѣднія вирши и переводы его явились въ «Заволжскомъ Муравьѣ» 1832 года. Съ тѣхъ поръ, втеченіе 20-ти лѣтъ, онъ бесѣдовалъ не съ музой, а съ «ерофеичемъ», о чемъ свидѣтельствуютъ его друзья и между ними митрополитъ Евгеній, напрасно совѣтовавшій ему «остерегаться убійственнаго хмѣльнаго газу». Евгеній же, еще въ 1806 году, помѣстилъ своего друга въ «Словарь русскихъ писателей», конечно, съ похвальнымъ отзывомъ. Митрополитъ не разъ давалъ Городчанинову тэмы и совѣты для ученыхъ сочиненій, когда тотъ, почтамтскій чиновникъ изъ купеческаго званія, узнавъ, что въ новооснованномъ Казанскомъ университетѣ нуждаются въ «чиновникѣ для россійской словесности», поступилъ туда «адъюнктомъ краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго». Дѣятельность этого адъюнкта, попавшаго неизвѣстно почему на каѳедру, къ которой онъ вовсе не былъ приготовленъ, лучше всего характеризовалъ Н. Н. Буличъ въ статьѣ «Казанскій университетъ въ александровскую эпоху», помѣщенной въ «Извѣстіяхъ Казанскаго университета за 1875 годъ». По его словамъ, Городчаниновъ былъ плохой профессоръ, застывшій на образцахъ ломоносовскаго періода. Поклонникъ Шишкова, онъ не понималъ и не признавалъ никакихъ реформъ въ языкѣ. Карамзинъ былъ для него неумѣстнымъ и опаснымъ новаторомъ. Назначенный въ 1811 году редакторомъ «Казанскихъ Извѣстій», онъ и здѣсь былъ также не на своемъ мѣстѣ, какъ и на каѳедрѣ, писалъ только торжественныя, невозможно плохія оды, назидательно богословскія сочиненія и лучшею темою для стихотвореній считалъ «преложенія» псалмовъ. Достаточно сказать, что онъ былъ любимцемъ Магницкаго втеченіе шести лѣтъ, съ 1819 года, когда этотъ обскурантъ послѣ ревизіи университета и предложенія уничтожить его «за негодность и полное развращеніе», сдѣланъ былъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа. Магницкій поручилъ также Городчанинову вести преподаваніе естественнаго права въ нравственно-политическомъ факультетѣ. Можно представить себѣ, что̀ это были за лекціи! Но и послѣ паденія Магницкаго, когда и университетъ, и его «Извѣстія» совершенно перемѣнили направленіе, Городчаниновъ писалъ «Пѣснь благодаренія», мысли, почерпнутыя изъ 29-го псалма, переводилъ рѣчь епископа Флавіана и «Утѣшительное слово св. Іоанна Златоуста». Подобными произведеніями наполнены два изданія собранія его сочиненій, съ прибавкою одъ, кантатъ, надгробій, акростиховъ, надписей и пр. Ни одно изъ нихъ не имѣетъ ни малѣйшаго литературнаго значенія даже для своего времени, и въ исторіи литературы Городчаниновъ можетъ быть упомянутъ только какъ совершенно бездарный писатель. Едва ли, поэтому, стоило съ такимъ трудомъ и такою отчетливостью собирать библіографическія свѣдѣнія обо всѣхъ его произведеніяхъ...

Къ брошюрѣ г. Лихачева приложенъ краткій очеркъ хода изданія «Казанскихъ Извѣстій», еженедѣльной газеты, выходившей съ 1811 года и въ 1821-мъ замѣненной ежемѣсячнымъ журналомъ «Казанскій Вѣстникъ», о судьбѣ котораго г. Лихачевъ ничего не сообщаетъ.

В. З.

Исторія Новой Сѣчи, или послѣдняго Коша Запорожскаго. А. Скальковскаго. Изданіе третье. Часть II. Одесса. 1886.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (іюль, 1886 г.) было уже объяснено значеніе этого труда г. Скальковскаго, выходящаго третьимъ изданіемъ, при разборѣ первой его части. Нынѣ вышла вторая часть, содержащая въ себѣ, въ одиннадцати главахъ, краткое обозрѣніе исторіи кошей запорожскихъ съ 1500 по 1734 года; о сѣчи въ Алешкахъ и о возвращеніи запорожцевъ въ Россію, съ 1709 по 1733 годъ; объ основаніи Новой Сѣчи на рѣчкѣ Подпольной въ 1734 году; о первой службѣ запорожцевъ послѣ возвращенія въ Россію, о бѣлградскомъ мирѣ и о послѣдствіяхъ его для Запорожья (1734—1740 гг.); о судьбѣ запорожцевъ въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, о спорахъ запорожцевъ съ поляками и татарами, о началѣ гайдамачества и о Савкѣ Чаломъ (1741—1749 гг.); объ основаніи русскихъ крѣпостей и военнаго поселенія на запорожскихъ земляхъ и о возникновеніи споровъ о границахъ (1749—1757 гг.); продолженіе споровъ о границахъ въ 1757—1761 годахъ; секреты Коша Запорожскаго въ 1761—1762 годахъ; учрежденіе Новороссійской губерніи, дѣла съ Крымомъ и Польшею въ 1765—1767 годахъ; двѣ депутаціи къ Екатеринѣ II въ 1765—1767 годахъ; гайдамаки' уманскій мятежъ; внутреннія смятенія въ Запорожьѣ; черные дни Запорожья; гайдамаки; колившина.

Книга г. Скальковскаго сохранила донынѣ свое научное значеніе и читается съ интересомъ.

У.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Нѣмецкая критика объ Островскомъ. — Берлинскій переводъ разсказовъ Л. Н. Толстого. — Славянскія новости на французскомъ языкѣ. — Русскія эпическія пѣсни въ англійскомъ переводѣ. — Исторія Индіи по оффиціальнымъ документамъ. — Древній Родосъ. — Генералы во время англійской республики. — Кавалерійскій начальникъ въ южно-американскихъ штатахъ. — Ученіе Конфуція. — Исторія Европы съ религіозной точки зрѣнія. — Исторія Аляски. — Индійское возстаніе. — Религія при Северахъ. — Флибустьеры и авантюристы. — Панамскій каналъ. — Послѣдній салонъ въ Парижѣ. — Мемуары герцога Брольи. — Французскій главнокомандующій египетскихъ войскъ. — Каталогъ источниковъ. — Римское гетто. — Людовикъ II баварскій.

ИНТЕРЕСЪ къ русской литературѣ такъ великъ въ Западной Европѣ, что за недостаткомъ лицъ, знакомыхъ съ этой литературой, объ ней толкуютъ печатно люди, имѣющіе очень смутное понятіе о Россіи. Отъ желанія слѣдить за модою, редакціи журналовъ, по большей части, не компетентныя въ этомъ дѣлѣ, допускаютъ на свои страницы такія мнимо-критическія статьи, которыя не должны бы появляться въ серьёзныхъ изданіяхъ. Такъ, въ августовскомъ нумерѣ журнала «Magazin für die Litteratur des In — und Auslandes», гдѣ авторъ хорошей исторіи русской литературы Рейнгольдъ помѣстилъ много дѣльныхъ этюдовъ о русскихъ писателяхъ, какой-то Августъ Шольцъ помѣстилъ оцѣнку Островскаго (Alexander Ostrowski), доказывающую совершенное незнакомство автора со своимъ предметомъ. Прежде всего бросается въ глаза, что этотъ Шольцъ вовсе не знаетъ русскаго языка. Онъ переводитъ названія пьесъ: «Воспитанница» — Die Schülerin, «Бѣдность не порокъ» — Armuth ist keine Schande, «Безъ вины виноватые» — Wer ist frei von Fehlern, «Бѣдная невѣста» — Arme Frau; говоритъ, что Островскій написалъ комедію «Шутниковъ» (т. е. Шутники). О самомъ драматургѣ высказываются очень странныя сужденія, хотя и отдается полная справедли-

вость его дарованію. Говоря справедливо, что въ его пьесахъ «господствуетъ здоровый натурализмъ, никогда не вырождающійся въ пессимизмъ, но довѣрчиво взирающій на будущее», что въ пьесахъ этихъ нѣтъ приторной морали и зрителю самому предоставляется выводить урокъ и заключеніе изъ положенія дѣйствующихъ лицъ,—Шольцъ вдругъ прибавляетъ: «Леровъ и графъ Сологубъ, его современники и соперники, имѣвшіе большой успѣхъ, старались дѣйствовать и дѣйствуютъ до сихъ поръ на публику моральными типами идеаловъ». Говоря о «Доходномъ мѣстѣ», критикъ еще разъ упоминаетъ о Сологубѣ, который въ своей пьесѣ съ подобнымъ же содержаніемъ осыпаетъ громовыми упреками чиновника-взяточника. Но кто этотъ Леровъ, соперникъ Островскаго, пишущій въ настоящую минуту (für den Augenblick), такъ и остается неизвѣстнымъ. Немало и другихъ диковинокъ разсѣяно въ этой статьѣ, гдѣ говорится и о суровомъ тонѣ русской литературы, и о смѣхѣ ея, превращающемся въ горькую насмѣшку и безпощадную иронію, и о реформахъ, развитію которыхъ помѣшали «темныя силы катковскаго панславизма и бакунинскаго анархизма». Въ одномъ мѣстѣ статьи, которымъ будутъ очень довольны евреи, авторъ, противъ своей воли, обнаруживаетъ свою національность: говоря о томъ, что герои, выводимые Островскимъ, эти «дѣльцы-чаепійцы, хитростью и коварствомъ превосходящіе армянъ и грековъ», — тѣ самые, отъ которыхъ Петръ Великій думалъ охранить евреевъ, когда тѣ просили у него позволенія торговать въ Москвѣ и сѣверныхъ областяхъ.—«Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчалъ царь еврейскимъ посланцамъ:—мои русскіе ограбятъ васъ до послѣдней копѣйки». — Кто же, кромѣ закоренѣлаго жида, могъ привести такую цитату?!..

— Въ Берлинѣ вышелъ переводъ «Маленькихъ разсказовъ и военныхъ картинъ» (Kleine Erzählungen und Kriegsbilder) графа Л. Толстого. Нѣмецкая критика отдаетъ справедливость выдающимся качествамъ этихъ разсказовъ, хотя и находитъ, что на нихъ лежитъ «мистическій полумракъ, характеризующій направленіе всей русской литературы, въ которой ни одинъ мотивъ не звучитъ ясно, а обозначается туманно. Нашему колеблющемуся, неустановившемуся времени особенно симпатичны разсказы съ такимъ направленіемъ; но художественная критика не можетъ не признать его антихудожественнымъ, напрасно также его называютъ «реалистическимъ». Разсказы Толстого сравниваются съ картинами Верещагина, и въ нихъ видятъ сухость тона и наблюдательность, обращенную на мелочи. Переводилъ эти разсказы В. Граффъ.

— Французы также перевели сборникъ «Славянскихъ повѣстей» (Nouvelles slaves par Toursky—Strebinger et Sacher Masoch). Захеръ Мазохъ—небездарный разсказчикъ, берущій сюжеты изъ жизни польскихъ евреевъ, австрійскихъ крестьянъ и, по временамъ, изъ русской жизни. Г-жа Турская перевела нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ. Лучшіе изъ нихъ: «Лунный свѣтъ»—довольно сентиментальная исторія, «Послѣдній человѣкъ»—военный разсказъ и «Слушай, Израиль!»—сказка съ средневѣковымъ народнымъ колоритомъ, о томъ, какъ одна женщина провела пятерыхъ судей. Кромѣ Мазоха, въ сборникѣ переведены двѣ повѣсти Фердинанда Саара, галицкаго романиста: «Каменотесы» — драматическая исторія убійства рабочимъ своего тирана-хозяина, и «Невинный»—исторія католическаго патера, влюбленнаго въ свою прихожанку. Изъ русскихъ повѣстей переведены «Мать» Кукольника и «Ятаганъ» Павлова.

— Изабелла Гапгудъ издала «Эпическія пѣсни Россіи» (The epic songs of Russia). «Athenaeum» находитъ въ нихъ мало эпическаго элемента, но доволенъ появленіемъ ихъ на англійскомъ языкѣ, потому что онѣ не похожи на легенды другихъ странъ; ближе другихъ къ нимъ — скандинавскія саги. Тожественныя черты встрѣчаются также въ преданіяхъ номадовъ южной Сибири, въ финской поэзіи и легендахъ Кавказа и Тибета, переведенныхъ Шифнеромъ, но по ритму, содержанію, по встрѣчающемуся въ нихъ чувству онѣ вполнѣ оригинальны. Англійскій критикъ цитируетъ изъ былинъ о старшихъ богатыряхъ легенду о Вольгѣ, племянникѣ Владимірѣ, о Дунаѣ и его женѣ Настасьѣ (эта былина походитъ на калмыцкую сказку, приводимую Радловымъ), о Дюкѣ Степановичѣ. На этой легендѣ, въ которой послы, отправленные Владиміромъ въ Индію, разсказываютъ о богатствахъ этой страны, сравнительно съ Кіевомъ, особенно останавливается критическій журналъ, отзываясь съ похвалою о переводѣ миссъ Гапгудъ, который, однако, судя по цитатамъ, не отличается вѣрностью и близостью къ подлиннику.

— Исторія Индіи стоитъ всегда на первомъ планѣ въ изслѣдованіяхъ англичанъ. Деканъ Бомбейскаго университета Форрестъ издалъ «Выборъ изъ писемъ, депешъ и другихъ правительственныхъ бумагъ, сохраняемыхъ въ бомбейскомъ секретаріатѣ» (Selections from the letters, dispatches and other statepapers preserved in the Bombay secretariat). Изъ оффиціальныхъ донесеній авторъ составилъ исторію царства Маратовъ, отъ его основателя Шиваджи, собравшаго племена въ сильную націю, до разбитія ихъ Веллингтономъ, отъ 1739 года по 1803. Исторіи этого времени предпосланы записки самого Шиваджи и его отца Шогаджи, переведенныя съ рукописнаго подлинника и представляющія войну съ маратами совершенно въ новомъ свѣтѣ. Англичане сначала продавали порохъ и пушки маратамъ, сражавшимся съ португальцами въ ихъ индійскихъ владѣніяхъ, потомъ, испугавшись успѣховъ маратовъ, приняли сторону португальцевъ. Затѣмъ англичане долго были друзьями и союзниками маратовъ, вмѣстѣ съ ними истребляли укрѣпленія пиратовъ, сражались противъ Гайдеръ-али, Синдіи, Голькара. Съ помощью маратовъ англичане одержали верхъ надъ своимъ опаснымъ врагомъ Типо-саибомъ, султаномъ Мизорскимъ, но послѣ паденія Серингапатнама и завоеванія Мизора, англичане, возбуждая одни независимыя племена противъ другихъ, покорили и маратовъ, разбивъ ихъ на голову при Ассайѣ, гдѣ отличился англійскій генералъ Артуръ Веллеслей, будущій герцогъ Веллингтонъ.

— Сесиль Торръ издалъ «Исторію Родоса въ древнія времена» (Rhodes in ancient times). Островъ Родосъ, по своему важному географическому положенію, игралъ выдающуюся роль, особенно въ переходную эпоху между паденіемъ Греціи и возвышеніемъ Рима. Въ эту эпоху родосскій комерческій и военный флотъ игралъ ту же роль, какая выпала на долю венеціанскому и генуэзскому флоту, поддерживавшимъ въ средніе вѣка торговыя сношенія запада съ востокомъ. Морскіе законы Родоса были приняты Римомъ. Императоръ Антонинъ говорилъ: «я управляю землею, но на морѣ господствуютъ родосскіе обычаи». По всему побережью Средиземнаго моря долгое время не знали другой глиняной посуды, кромѣ выдѣлываемой на этомъ островѣ, жители котораго славились искусствомъ кораблевожденія и постройкою лучшихъ морскихъ судовъ. Доки на Родосѣ стоили огромныхъ суммъ, и онъ по-

ставилъ суда Антигону, Ироду и друг. Черезъ посредство Родоса наука и искусство Египта перешли въ Грецію, а впослѣдствіи греческая культура въ Римъ. Родосскій стоическій философъ, Панецій, былъ основателемъ народнаго права, jus gentium, и на основаніи трактата этого философа Цицеронъ написалъ свое сочиненіе «De officiis». Страбонъ называетъ городъ на Родосѣ лучшимъ городомъ послѣ Рима, а Плиній говоритъ, что на островѣ было сто статуй, не уступавшихъ колоссу Родосскому. Все это разсказано въ книгѣ Торра со многими интересными и малоизвѣстными подробностями.

— Маіоръ Вальфордъ написалъ любопытное изслѣдованіе «Парламентскіе генералы въ большую междоусобную войну» (The parliamentary generals of the great civil war). Эпоха (1640—1660) уничтоженія въ Англіи королевской власти, учрежденія республики, потомъ новое возстановленіе монархіи со всѣми ея старыми злоупотребленіями, принадлежитъ къ печальному, но полному огромнаго интереса періоду англійской исторіи. Авторъ не представляетъ полной картины этого двадцатилѣтняго періода, а говоритъ только о лицахъ, которымъ парламентъ ввѣрялъ управленіе военными силами для борьбы съ приверженцами королевской власти. Описаніе битвъ — у него вездѣ на первомъ планѣ. Сужденіе его о Кромвелѣ слишкомъ строго и односторонне. Протекторъ, по его словамъ, велъ войну безпощадную, считая себя орудіемъ Бога, посланнымъ для наказанія грѣшниковъ, нарушившихъ заповѣди Господни. Особенною жестокостью отличалась его кампанія въ Ирландіи. Онъ страшно каралъ жителей этого несчастнаго острова не за то, что они были монархистами, но за то, что они католики. Не смотря на неполноту и сжатость изложенія, книга Вальфорда читается съ большимъ интересомъ.

— Военные подвиги генерала нашего времени переданы въ книгѣ МакКлелана: «Жизнь и кампаніи генералъ-маіора Стюарта» (The life and campaigns of major-general J. B. Stuart). Это былъ несомнѣнно способнѣйшій начальникъ въ войскѣ южанъ, храбро отстаивавшихъ неправое дѣло. Какъ всѣ лучшіе офицеры арміи федералистовъ и конфедератовъ, Стюартъ воспитывался въ вест-пойнтской военной колегіи. Двадцати-одного года, онъ уже участвовалъ въ войнѣ съ индѣйцами, былъ тяжело раненъ, и когда началась междоусобная война, вмѣстѣ со своимъ штатомъ Виргиніей, поднялся противъ федеральнаго правительства. Въ 1861 году, его назначили полковникомъ, потомъ генералъ-маіоромъ и поручили ему командованіе кавалеріею южныхъ штатовъ. Первое серьёзное сраженіе между девятитысячною кавалеріею конфедератовъ и десятитысячною федералистовъ произошло въ іюнѣ 1863 года при Финтвудѣ, гдѣ обѣ стороны приписывали себѣ побѣду. Стюартъ не разъ производилъ удачные набѣги въ Пенсильванію, Мериллендъ, на берега Потомака, захватывая плѣнниковъ, провіантъ, уничтожая запасы непріятеля. Но блестящая карьера генерала прервалась въ маѣ 1864 года. Въ стычкѣ съ Шериданомъ, подъ Ричмондомъ, Стюартъ былъ раненъ смертельно и умеръ въ ту же ночь.

— Вышелъ переводъ «Священныхъ книгъ востока: текстъ Конфуціанизма» (The sacred books of the East. The texts of Confucianism). Въ двухъ томахъ этой книги, переносящей насъ въ странный міръ, заключаются правила обрядовой и семейной жизни, играющей такую важную роль въ исторіи Востока. Правила эти собраны ученикомъ Конфуція, Хсіао-Таи, въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. Вмѣстѣ съ догматами первоначальной религіи Китая, заклю-

чавшейся въ поклоненіи природѣ, встрѣчаются указанія на то, что китайцы, какъ древніе египтяне, обоготворяли кошекъ, по крайней мѣрѣ, приводятся указанія, какія жертвы слѣдуетъ имъ приносить. Но болѣе всего поражаютъ предписанія, регулирующія всякое проявленіе индивидуальнаго чувства. Такъ предписывается сыну, при гробѣ отца, «показывать видъ удрученнаго горемъ, бросать вокругъ печальные взгляды, казаться больнымъ и разслабленнымъ, родные должны падать на грудь усопшаго и выказывать совершенное отчаяніе» и проч. Знакомство съ этими правилами, строго опредѣленными и формулированными, объясняетъ многое въ исторической жизни Китая.

— Книгу «Отдѣлы въ европейской исторіи» (Chapters in European history) журналъ «The english historical Review», издаваемый профессоромъ богословія, называетъ «книгою вызывающею» — a provoking book». Многіе будутъ благодарны автору, В. Лилли, за то, что онъ какъ пчела собиралъ медъ ортодоксіи съ самыхъ ядовитыхъ цвѣтовъ философіи и науки, начиная отъ Эпикура и оканчивая Спенсеромъ. При такомъ способѣ изложенія историческихъ фактовъ, въ современныхъ теоріяхъ объ эволюціонномъ развитіи человѣчества — нѣтъ ничего опаснаго. Теорія автора заключается въ томъ, что прогрессъ въ исторіи зависитъ отъ подчиненія человѣчества въ физическомъ мірѣ законамъ, предписаннымъ природою, а въ духовномъ — отъ подчиненія божьей волѣ, возвѣщаемой пророками или великими людьми. Эти условія необходимы для свободнаго развитія какъ цѣлыхъ націй, такъ и отдѣльныхъ лицъ. Теорію свою Лилли подкрѣпляетъ объявленіемъ главнѣйшихъ періодовъ исторіи, начиная съ паденія греко-латинской цивилизаціи и распространенія христіанства. Причины распаденія древняго общества авторъ видитъ въ сосредоточеніи свѣтской и духовной власти въ рукахъ императора и въ распущенности семейнаго начала, возстановленнаго христіанствомъ. Съ начала XI столѣтія общественный порядокъ руководился и управлялся религіозными принципами. Епископы предписывали повиновеніе феодаламъ. Когда же феодализмъ не захотѣлъ сдѣлаться слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ церкви, хотя и не заботился о правахъ человѣка, Григорій VII возсталъ противъ императора, главы феодаловъ, и настоялъ на безбрачіи духовенства, отторгнутаго этимъ постановленіемъ отъ семьи и сдѣлавшагося папскою арміею. Вѣкъ Возрожденія Лилли называетъ вѣкомъ язычества и матеріализма, ретроградньмъ явленіемъ въ исторіи человѣчества. Іезуиты и папство боролись противъ абсолютизма, побѣдившаго окончательно въ эпоху французской революціи. Если Англія спаслась отъ цезаризма и матеріализма, то потому, что въ ней методистское ученіе побѣдило сенсуалистскую философію Локка. Со временъ реформаціи, человѣчество, его науки, искусство, литература, даже политическая свобода—все клонится къ упадку и падетъ неминуемо, если не возвратится къ здравымъ средневѣковымъ идеямъ, къ полному подчиненію папству. Таковы главныя положенія книги Лилли, противъ которыхъ возстаетъ и редакторъ «Historical Review», но которыя раздѣляютъ всѣ ревностные католики, а число ихъ гораздо больше, чѣмъ протестантовъ и свободномыслящихъ.

— Американскій историкъ Банкрофтъ издалъ XXXIII томъ своей обширной исторіи Соединенныхъ Штатовъ. Въ этомъ томѣ заключается «исторія Аляски» (History of Alaska) отъ 1730 до 1885 года. Авторъ нашелъ возможность наполнить 750 компактныхъ страницъ разсказомъ о судьбѣ страны, открытой въ 1741 году Берингомъ и принадлежавшей Россіи до 1867

года, когда наши владѣнія въ Сѣверозападной Америкѣ были проданы за $1^1/_2$ милліона фунтовъ стерлинговъ. Банкрофтъ говоритъ, что сдѣлка эта была чрезвычайно выгодна для американцевъ. Онъ представляетъ незавидную характеристику первыхъ обладателей страны, говоритъ о жестокомъ обращеніи полудикарей съ настоящими дикарями, рисуетъ портреты Беринга, честнаго и умнаго, но здорово-пьющаго (hard-drinking) Баранова, губернатора на службѣ русско-американской компаніи. Не слишкомъ лестны отзывы историка и о нынѣшнихъ хозяевахъ Аляски; книга его имѣетъ не только историческій, но и современный интересъ.

— Вторымъ изданіемъ вышла «Исторія индійскаго возстанія и разстройства, внесеннаго имъ въ гражданское населеніе» (The history of the indian mutiny and of the disturbances, wich accompanied it among the civil population, by T. Holmes). Объ этомъ предметѣ имѣются уже обширныя сочиненія Кейя и полковника Мальсона, но разсказъ Гольмса сжатѣе, популярнѣе и безпристрастнѣе. Авторъ не обходитъ убійствъ и кровавыхъ сценъ, но излагаетъ ихъ, по выраженію Карлейля, безъ «кричащихъ (shrieking) эфектовъ. У него такъ же вѣрна характеристика вождей возстанія и предводителей англійскихъ отрядовъ. Онъ не умалчиваетъ о фактахъ, не дѣлающихъ чести англичанамъ, но не приводитъ разсказа о томъ, что Нейль приказалъ собрать браминовъ и заставлялъ ихъ въ Каунпурѣ отирать слѣды крови убитыхъ европейцевъ. Онъ осуждаетъ Годсона, приказавшаго разстрѣлять индійскихъ принцевъ, и вообще относится къ событіямъ объективно, безъ предвзятыхъ идей.

— «Религія въ Римѣ при Северахъ» (La réligion à Rome sous les Sévères par Jean Reville) представляетъ любопытную картину древняго міра отъ смерти Коммода до вступленія на престолъ Деція (192 до 249 г. по Р. X.). Это была эпоха, когда склонявшееся къ упадку язычество пыталось обновиться, возродиться къ новой жизни съ помощью философскихъ системъ и авторитета такихъ императоровъ, какъ оба Антонина. Но, какъ справедливо говоритъ Ревилль: «Маркъ Аврелій, хотя и былъ святымъ по чистотѣ характера, не имѣлъ вѣры апостола». Его стоицизмъ не поддержалъ языческихъ вѣрованій, а его синкретизмъ, или стараніе о сближеніи разнородныхъ сектъ, не привелъ ни къ какимъ практическимъ послѣдствіямъ. Культъ римскихъ боговъ, сталкиваясь съ поклоненіемъ чуждымъ божествамъ, какъ Изидѣ и Серапису, сосредоточился на обоготвореніи императоровъ, придававшемъ санкцію ихъ самодержавію. Авторъ видитъ въ этомъ культѣ не унизительное отреченіе массъ отъ человѣческаго достоинства, а признательность народа за благотворное управленіе императоровъ, хотя трудно представить себѣ, за что можно было благодарить такихъ представителей имперіализма той эпохи, какъ Коммодъ и Каракалла. Гораздо болѣе оправданій находитъ себѣ возникшее тогда поклоненіе геніямъ и демонамъ, какъ антропоморфизму космическихъ силъ природы. Вторженіе восточныхъ миѳовъ съ ихъ таинственными ученіями немало способствовало разложенію древнихъ римскихъ вѣрованій. Поклоненіе Митрѣ, этому солнечному божеству первобытныхъ арійцевъ, въ III вѣкѣ превратилось не только въ культъ источника физической жизни, но и типа высшей духовной чистоты, руководителя въ этой жизни. Съ этимъ культомъ смѣшивали первоначальное христіанство. Авторъ увлекательно передаетъ странности эпохи, когда, «не вѣря въ боговъ, вѣрили во все чудесное».

— «Исторія американскихъ флибустьеровъ-авантюристовъ въ XVII вѣкѣ» (Histoire des flibustiers-aventuriers en XVII siècle par O. Exmelin) переноситъ насъ въ странный міръ пиратовъ, искателей приключеній, разбойниковъ всякаго рода, рыскавшихъ по свѣту за добычей, которая нерѣдко пріобрѣталась смѣлыми подвигами, послѣ ряда изумительныхъ похожденій, соединенныхъ съ огромными лишеніями и опасностями. Такіе же авантюристы, завоевавшіе Америку въ XVI вѣкѣ, оставили своимъ потомкамъ XVII вѣка страсть къ легкой наживѣ и романтическимъ приключеніямъ, но завоевывать и открывать уже было больше нечего, и всѣ эти флибустьеры и буканьеры начали просто разбойничать, такъ что пришлось силою укрощать ихъ воинственные подвиги. Въ книгѣ Эксмелина, послужившей источникомъ всѣхъ разсказовъ этого рода, много любопытнаго.

— Инженеръ на Панамскомъ каналѣ, который Лесепсъ такъ же усердно прорываетъ, какъ нѣкогда рылъ Суэзскій перешеекъ, издалъ «Два года въ Панамѣ» (Deux ans à Panama. Notes et récits d'un ingénieur au canal par H. Cermoise). Авторъ говоритъ, что онъ съ сожалѣніемъ покинулъ работы на каналѣ, а между тѣмъ работы эти соединены съ страшными опасностями для жизни и здоровья европейцевъ. Статистика приводитъ, конечно значительно смягчая, число жертвъ, погибающихъ на перешейкѣ отъ желтой лихорадки и другихъ мѣстныхъ болѣзней, отъ враговъ всякаго рода: змѣй, каимановъ, акулъ, вампировъ, тарантулъ, ядовитыхъ насѣкомыхъ. Къ нимъ надо присоединить еще дикихъ метисовъ, обитателей страны, враждебно относящихся къ европейцамъ, которымъ, сверхъ того, угрожаютъ частыя землетрясенія въ городахъ. И, не смотря на это, работа въ Панамѣ кипитъ, и сотни интеллигентныхъ лицъ самоотверженно трудятся на пользу науки и человѣчества. Авторъ увлекательно разсказываетъ эпизоды этой жизни, полной сильныхъ ощущеній.

— Въ исторіи французскаго общества XVIII вѣка, начиная съ царствованія Людовика XIV, выдающуюся роль играли салоны, гдѣ собирались интеллигентныя лица бесѣдовать между собою обо всемъ, что интересуетъ образованный классъ общества. Эти салоны имѣли большое вліяніе на литературу, искусство, науку, на развитіе талантовъ, здравыхъ идей, критики, эстетическаго чувства. Въ салонахъ этихъ, существовавшихъ до Іюльской монархіи, преобладали женщины, одушевлявшія общество своею остроумною бесѣдою (causerie). Одинъ изъ такихъ послѣднихъ парижскихъ салоновъ изображенъ въ книгѣ O'Meapa: «Un salon à Paris. M-me Mohl et ses intîmes». Г-жа Моль, англичанка, вышедшая за ученаго оріенталиста, была близка съ извѣстною Рекамье и въ послѣдніе годы реставраціи открыла свой собственный скромный салонъ въ улицѣ Дюбакъ. Тамъ являлся Шатобріанъ разсѣявать свою скуку и наводить скуку на другихъ, ученый Менажъ, Мериме, Токвиль, Ристори, королева голландская, герцогъ Брольи, Тьеръ, Гизо, Жюль-Симонъ, Эдгаръ Кине, Ренанъ. Всѣ эти лица удачно обрисованы авторомъ, приводящимъ ихъ сужденія, взгляды, оцѣнку литературныхъ, политическихъ, общественныхъ явленій той эпохи. Но и этотъ французскій салонъ, открытый англичанкою, вышедшею за нѣмца, долженъ былъ закрыться съ наступленіемъ буржуазной монархіи Луи-Филиппа, когда дѣловыя и денежныя спекуляціи убили окончательно салонныя бесѣды.

— Вышелъ первый томъ «Воспоминаній покойнаго герцога де Брольи» (Souvenirs du feu duc de Broglie, 1785—1870). Сынъ этого государствен-

наго дѣятеля и члена французской академіи нашелъ, что въ настоящее время можно уже обнародовать мемуары его отца, не боясь затронуть самолюбія живыхъ лицъ. Первый томъ оканчивается 1817 годомъ и заключаетъ въ себѣ разсказъ о дѣтствѣ герцога въ эпоху революціи, о его молодости, вступленіе аудиторомъ въ государственный совѣтъ во время имперіи и назначеніе его перомъ въ эпоху реставраціи. Въ Наполеонѣ молодой герцогъ видѣлъ всегда деспота, а не героя, и, не смотря на участіе въ дипломатическихъ миссіяхъ въ Венгріи и Испаніи, искренно радуется паденію имперіи. Онъ не одобряетъ, однако, реакціонныхъ и неконституціонныхъ поступковъ реставраціи и возстаетъ противъ бѣлаго терроризма. Въ книгѣ вообще много новаго, много интересныхъ и пикантныхъ анекдотовъ, рисующихъ первые годы нашего столѣтія.

— «Солимань-паша, полковникъ Леве, генералиссимусъ египетскихъ армій, или исторія египетскихъ войнъ отъ 1820 до 1860 года» (Soliman-pacha, colonel Lève, généralissime des armées egyptiennes ou Histoire des guerres de l'Egypte de 1820 à 1860). Это историческое сочиненіе полно романтическаго интереса. Дѣйствительно, жизнь этого ліонскаго уроженца— настоящій романъ. Сынъ бѣднаго ремесленника, гуляка въ молодости, преслѣдуемый кредиторами, онъ идетъ въ матросы, потомъ въ солдаты; изгнанный изъ отечества, не разъ голодавшій бѣднякъ, въ Египтѣ достигаетъ высшихъ почестей, дѣлается главнокомандующимъ армій, побѣдителемъ, держащимъ въ своей рукѣ судьбу двухъ государствъ. Первоначальная карьера Жозефа Леве, сдѣлавшагося Солиманомъ-пашою, была до сихъ поръ неизвѣстна, и только теперь разсказана подробно ліонскимъ библіотекаремъ Витринье, открывшимъ въ архивахъ родного города матеріалы для біографіи своего героя, къ которому онъ относится съ энтузіазмомъ, не скрывая, однако, его недостатковъ и ошибокъ. Авторъ опровергаетъ, впрочемъ, обвиненія Солимана въ жестокости и доказываетъ, что христіане въ войнѣ съ турками не уступали имъ въ безчеловѣчномъ отношеніи къ побѣжденнымъ. Книга Витринье—лучшій памятникъ человѣку, одаренному выдающимися способностями.

— Въ Берлинѣ вышла очень интересная книга для изученія исторіи: «Указатель литературы собранія источниковъ (Wegweiser durch die Literatur der Urkundensamlungen, von Hermann Oesterley). Подобно тому, что Поттастъ сдѣлалъ для средневѣковыхъ хроникъ, Эстерлей составилъ для каждой страны особенно каталогъ историческихъ документовъ обнародованныхъ и рукописныхъ. При этомъ предстояло двойное затрудненіе: опредѣлить, какіе именно документы слѣдуетъ причислить къ историческимъ источникамъ, и въ какомъ порядкѣ расположить ихъ. Эстерлей исключаетъ изъ своего сборника всѣ юридическіе и духовные документы, а это не можетъ быть признано основательнымъ, такъ какъ судъ и церковь имѣютъ прямое отношеніе къ исторіи. Съ исключеніемъ мѣстныхъ и чисто личныхъ источниковъ еще можно согласиться, хотя вліяніе мѣстныхъ фактовъ и отдѣльныхъ лицъ нерѣдко отражается и на ходѣ историческихъ событій. Всѣ источники Эстерлей раздѣляетъ на собственно документы, записки и письма. Подробнѣе другихъ составленъ отдѣлъ германскихъ источниковъ, въ которомъ видное мѣсто отведено документамъ о евреяхъ (какой націи составитель?). Первый томъ доведенъ до 1500 года. Источники другихъ странъ перечислены далеко не въ той полнотѣ, какъ нѣмецкіе. Въ англійскомъ отдѣлѣ,

Эстерлей очень мало пользовался каталогомъ британскаго музея, докладами «исторической коммиссіи рукописей» и вовсе не знакомъ съ оксфордскимъ «Catalogus omnium manuscriptorum». Въ выборѣ документовъ такъ же виденъ произволъ. Почему, напримѣръ, письма Гуарино считаются историческими источниками, а Бокачіо или Фидельфо—нѣтъ? Но сборникъ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ полнаго вниманія историковъ.

— Докторъ Берлинеръ издалъ любопытный очеркъ «Изъ послѣднихъ дней римскаго гетто» (Aus den letzen Tagen des römischen Ghetto). Извѣстно, что названіе «гетто» давали въ разныхъ городахъ Италіи еврейскимъ кварталамъ. Авторъ производитъ его отъ венеціанскаго слова ghetà—пушечный заводъ, на которомъ обязаны были жить евреи, поселившіеся въ Венеціи. Это гетто древнѣе римскаго и объ немъ упоминается въ 1516 году, тогда какъ въ Римѣ евреи получили позволеніе жить только при Павлѣ IV, разрѣшившемъ домохозяевамъ одного квартала брать съ евреевъ какія угодно цѣны за квартиры. Не имѣя возможности жить въ другихъ кварталахъ, евреи платили такой квартирный налогъ алчнымъ хозяевамъ, что наконецъ не выдержали и взмолились объ уменьшеніи его. Тогда Пій IV издалъ законъ, запрещавшій брать съ евреевъ больше положенной суммы. Пій IX при началѣ своего царствованія облегчилъ ихъ участь, но, сдѣлавшись реакціонеромъ, отнялъ обратно всѣ данныя имъ льготы. Въ 1870 году, евреи просили его объ уничтоженіи гетто, но въ этомъ же году уничтожилась свѣтская власть папы, и Викторъ Эммануилъ сдѣлалъ ихъ равноправными гражданами Рима. Авторъ описываетъ настоящее время, когда римское гетто уже уничтожено и на его мѣстѣ прокладываются новыя, широкія улицы.

— Трагическая кончина утопившагося или утопленнаго короля баварскаго, помѣшаннаго Лудвига II, вызвала книгу какого-то отставнаго ротмистра Гейфингена «Ludwig II, sein Leben und Ende», но ни о жизни, ни о смерти его не говорится ничего опредѣлительнаго. Ротмистръ отвергаетъ даже несомнѣнное сумасшествіе короля и говоритъ, что на гробъ его слѣдуетъ поставить эпитафіею стихъ поэта: «Какой великій духъ былъ здѣсь разрушенъ»! «Не судите, да не судимы будете!» — прибавляетъ авторъ. Но можно ли не осуждать сумасбродныхъ поступковъ несчастнаго монарха? Лишить его власти было необходимо, хотя, конечно, не слѣдовало предоставлять ему полную возможность утопиться, и еще въ обществѣ своего доктора, при довольно странныхъ обстоятельствахъ, которыя такъ и остались неразгаданными.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Симбирскіе пожары 1864 года.

1864 годъ едва ли когда изгладится изъ памяти симбиряковъ. Страшные пожары, повторявшіеся втеченіе почти трехъ недѣль изо дня въ день, обратили въ пепелъ $^{2}/_{3}$ города. Щемило сердце смотрѣть на картины страшнаго стихійнаго разрушенія... Иногда разомъ вспыхивало въ нѣсколькихъ пунктахъ и тогда огненное море разливалось неудержимою, всепожирающею волною... Первые два-три пожара были объяснены простою неосторожностью, но затѣмъ явились неопровержимыя данныя вмѣшательства злой воли. Паника, а вмѣстѣ съ нею и ожесточеніе массы крѣпло съ каждымъ днемъ все больше и больше. Все зло народная молва приписывала полякамъ, водвореннымъ въ Симбирскѣ послѣ мятежа. Ажитація противъ нихъ постепенно воплощалась въ какую-то дикую злобу, пылавшую мщеніемъ. «Полякъ» сталъ чѣмъ-то въ родѣ египетской казни... Чернь точила на «поляка» свои зубы... Если гдѣ либо возникло подозрѣніе, то оно неизбѣжно связывалось съ именемъ «поляка», и, понятно, часто дѣло не обходилось безъ ошибокъ и даже курьезовъ, порою очень печальныхъ... Такъ, напримѣръ, однажды, близъ полночи, чрезъ оврагъ, прорѣзывающій Симбирскъ, пробиралась какая-то фигура, одѣтая во что-то бѣлое... Такъ какъ охрана была усилена обывателями-волонтерами, то немудрено, что фигура и въ оврагѣ наткнулась на сторожеваго.

— Кто идетъ?

Фигура, бульнувъ въ доказательство своей благонадежности: «здѣшній», побрела было дальше, но сторожевой, видимо, былъ большой скептикъ и, не удовлетворившись этою отповѣдью, крикнулъ: «Стой!.. много васъ «здѣшнихъ-то»... сказывай, что за человѣкъ?».

Но фигура не вняла оклику и ускорила свои шаги. Сторожевому мгновенно закрадывается въ душу подозрѣніе, и онъ, безъ дальнихъ размышленій, во все горло кричитъ: «Эй, сюда-а!.. полякъ!..» Какъ эхо, въ разныхъ концахъ оврага раздалось: «сюда, сюда», и черезъ какія нибудь пять минутъ сторожевые, въ числѣ пяти человѣкъ, гнались по пятамъ мелькавшей въ ночной темнотѣ бѣлымъ пятномъ фигурѣ. Какого рода объясненіе между ними произошло—неизвѣстно, но только еще черезъ минуту мѣстность огласилась отрывочными, хаотически сплетающимися восклицаніями: «Катай его, робя!.. знамо, полякъ!..»—«Что вы, дьяволы, деретесь?—говорятъ вамъ,—здѣшній я... князь У—скій...» — «Князь?!. морочь больше... станетъ князь ночью по оврагамъ шататься... Волоки его въ участокъ...».

— Извините, ваше сiятельство,—говорилъ въ части полицейскiй чиновникъ:—народъ-то ужъ очень озлобленъ...

И князь У—скiй, коренной симбирскiй аристократъ, удалился съ помятыми боками.

Шли дни, городъ, наполовину уничтоженный, опустѣлъ окончательно... Всѣ стремились вывезтись за городъ, чтобы спасти хотя свои пожитки. Огромная пригородная равнина была почти сплошь усѣяна палатками, шатрами, мебелью и грудами всевозможнаго домашняго скарба. Хлѣбные запасы были истощены, и вопросъ о продовольствiи сталъ жгучимъ вопросомъ... Открылась частная благотворительность... Ни капли удивленiя не вызывало тогда, когда, напримѣръ, какой нибудь джентльменъ протискивался къ возу съ хлѣбомъ и, получивъ даровой каравай, довольный спѣшилъ къ своему бивуаку.

— Когда же всему этому конецъ будетъ?—судили обыватели, сидя вечеркомъ группами около ярко пылавшихъ костровъ.

— А вотъ погодите, когда камня на камнѣ не останется... — замѣчалъ кто либо съ полнымъ отчаянiемъ въ голосѣ.

— Слышно, коммиссiя изъ Петербурга ѣдетъ?..

— Да что ей здѣсь дѣлать-то?

— Какъ что? Разслѣдованiе произведетъ... Да, говорятъ, пособiя изъ царской казны погорѣльцамъ раздавать будетъ...

И, дѣйствительно, не прошло двухъ недѣль, какъ прибыла эта коммиссiя, во главѣ, на сколько мнѣ помнится, съ барономъ Врангелемъ. Коммиссiя была снабжена широкими уполномочiями, и, между прочимъ, ей было предоставлено право «полеваго суда».

Тысячи прошенiй посыпались въ коммиссiю... Она едва успѣвала въ нихъ разбираться и выдавать, дѣйствительно, щедрою рукою пособiя погорѣльцамъ. Что же касается разслѣдованiй, то ими былъ констатированъ фактъ поджоговъ. Долго лиходѣи продолжали свое разрушительное дѣло, но, наконецъ,—помню, это было 19-го августа,—по всему бивуаку пронеслась вѣсть, что пойманъ поджигатель въ тотъ самый моментъ, когда онъ обливалъ стѣны какимъ-то веществомъ, легко воспламеняющимся подъ дѣйствiемъ солнечныхъ лучей. Онъ былъ преданъ суду коммиссiи...

Сентябрь былъ въ исходѣ. Жители уже переселились на квартиры, или на свои пепелища, на которыхъ кое-гдѣ безпорядочно торчали одинокiе, крайне незатѣйливые, собранные на скорую руку, домики. Осень хмурилась и изо-дня въ день брюзжала надоѣдливымъ дождемъ... Вотъ въ одинъ-то изъ такихъ дней, едва забрежилъ утреннiй свѣтъ, съ разныхъ концовъ города потянулись вереницы обывателей всякаго пола и возроста по направленiю къ тюрьмѣ; тамъ они на мгновенiе останавливались, спрашивали: «Скоро ли?» и шли дальше, на ту самую равнину, гдѣ еще не такъ давно былъ раскинутъ погорѣльческiй бивуакъ. А здѣсь шли грозныя приготовленiя... Чорный эшафотъ и въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ него, съ вырытою возлѣ ямою, столбъ позора—вотъ та мрачная картина, которая бросалась въ глаза всякому, появлявщемуся на равнинѣ.

Вдругъ, словно волна, пролился по всей массѣ гулъ: «Везутъ, везутъ!» и всѣ устремили свои взоры къ двигающейся отъ тюрьмы процессiи, среди которой возвышалась позорная колесница, а на ней закованный въ цѣпи осужденный поджигатель. Колесница остановилась возлѣ эшафота. Появился

въ красной рубахѣ палачъ и ввелъ осужденнаго на эшафотъ. Масса притаила дыханіе, когда началось чтеніе приговора. Но вотъ осужденный уже стоитъ передъ священникомъ, дающимъ послѣднее напутствіе. Еще минута— и палачъ, быстро набросивъ на него нѣчто въ родѣ савана, закрывшаго и голову, повелъ къ столбу позора, гдѣ онъ и былъ привязанъ длинными рукавами савана. Затѣмъ, выстроились 12 солдатъ, приложились и, по взмаху платка, спустили курки... Раздался дружный залпъ, и казненный съ согнутыми ногами повисъ на рукавахъ. Чрезъ минуту яма поглотила его преступные останки.... Подъ впечатлѣніемъ кроваваго зрѣлища публика стала расходиться, тая гробовое молчаніе....

Долго послѣ этого ходило въ темной массѣ сказаніе, что на могилѣ казненнаго каждую ночь можно было видѣть слабо свѣтящійся огонекъ, утухающій къ солнечному восходу.

— Это душенька его съ неба прилетаетъ, — говорили суевѣры, видя въ этомъ знаменіе, что казненъ былъ невинный.

С. И. С—ковъ.

Историческая могила.

Въ 12-ти верстахъ отъ уѣзднаго города Пинеги, Архангельской губерніи, на высокой горѣ стоитъ древній Красногорскій монастырь. Въ оградѣ этого монастыря находится могила князя Василія Васильевича Голицына, знаменитаго любимца царевны Софіи.

Въ исторіи Россіи XVII и XVIII вѣка есть много лицъ, трагическая судьба которыхъ должна была бы спасти ихъ отъ забвенія. Эти тѣни встаютъ теперь одна за другой изъ могилъ и являются передъ судомъ потомства, требуя очищенія памяти ихъ отъ несправедливаго осужденія.

Къ числу такихъ историческихъ личностей принадлежитъ, конечно, и знаменитый князь В. В. Голицынъ.

Сильный и могущественный политическимъ вліяніемъ, онъ былъ самымъ близкимъ человѣкомъ къ правительницѣ государства. Достигнувъ перваго сана въ тогдашней Россіи — ближняго боярина, оберегателя царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ, и получивъ титулъ намѣстника новгородскаго, Голицынъ захватилъ въ свои руки бразды правленія и отстранилъ прочихъ бояръ отъ всякаго вліянія на государственныя дѣла. Крупнѣйшими моментами его политической дѣятельности слѣдуетъ считать: заключеніе трактата съ Польшей 26-го апрѣля 1686 года (въ Москвѣ), двукратные походы въ Крымъ, защиту Малороссіи въ 1679 году (присоединенной къ Россійскому государству въ 1654 году) и содѣйствіе къ уничтоженію мѣстничества въ 1682 году. По направленію своей дѣятельности Голицынъ принадлежалъ къ сторонникамъ новыхъ учрежденій, хотя и не долюбливалъ московскихъ иностранцевъ.

Придворныя крамолы и стремленія гордой Софіи къ единовластію погубили Голицына. Вмѣстѣ съ другими, онъ былъ обвиненъ въ соучастіи въ замыслѣ начальника стрѣльцовъ Шакловитаго убить царя Петра и его мать; Шакловитаго съ товарищами казнили, кн. Голицына отправили въ ссылку, а царевну Софію—въ монастырь. Такимъ образомъ, съ установленіемъ единодержавія Петра, Голицынъ подпалъ подъ строгую царскую опалу. Вскорѣ, именно 9-го сентября 1689 года, князья Голицыны: Василій Васильевичъ,

жена его Евдокія, сыновья Алексѣй и Михаилъ, жены и дѣти сыновей были лишены имѣнія и записаны въ боярскія дѣти. Сперва Голицыны были отправлены въ Каргополь, Олонецкой губерніи, а въ 1690 году сосланы на вѣчное житье въ Пустозерскій острогъ, самое пустынное и отдаленное мѣсто въ Запечорскомъ краѣ, Мезенскаго уѣзда, Архангельской губерніи.

Въ Пустозерскѣ опальный князь томился двадцать лѣтъ и имѣлъ несчастіе потерять старшаго сына, который лишился разсудка отъ тоски и отчаянія, и умеръ тамъ. Только въ 1711 году участь князя и его семейства была облегчена переводомъ его въ Пинегу (нынѣ уѣздный городъ Архангельской губерніи). Онъ имѣлъ тамъ два дома: одинъ въ Кулойскомъ посадѣ (верстахъ въ 30-ти отъ Пинеги), а другой въ самой Пинегѣ. Отъ этихъ строеній не осталось и слѣда.

Праздники и досужее время князь проводилъ въ путешествіяхъ и особенно любилъ ходить изъ Пинеги въ Красногорскій монастырь. Подолгу просиживалъ старецъ въ деревняхъ, смотрѣлъ на хороводы и училъ дѣвушекъ пѣть московскія пѣсни. Одни увѣряютъ, что Голицынъ жилъ и умеръ въ Кулоѣ, другіе — въ Красногорскомъ монастырѣ; первому свидѣтельству можно отчасти вѣрить потому, что княгиня Голицына владѣла пермскими соляными варницами, къ которымъ, быть можетъ, было приписано кулойское солевареніе.

Въ монастырѣ хранятся слѣдующія вещи, завѣщанныя туда княземъ: 1) прологъ, прописанный по листамъ рукой самого князя; на доскѣ его надпись: «сію книгу положилъ въ день Пресвятыя Богородицы на красную гору, князь Василій Васильевичъ Голицынъ»; 2) шитая шелками икона Богоматери, съ тропаремъ кругомъ; 3) шитый шелками образъ Распятія, пронизанный жемчугомъ; 4) плащаница съ изображеніемъ снятія Христа со креста и 5) старинное зеркало, довольно большаго формата, створчатое, украшенное фольгой и позолоченными орлами чистой отдѣлки. Зеркало хранится въ алтарѣ. Образа, по преданію, шиты царевной Софіей. Въ монастырскомъ же синодикѣ записано 20 именъ на вѣчное поминовеніе князей Голицыныхъ.

Скончался злополучный князь 13-го марта 1713 года, на 70-мъ году отъ рожденія, а по надгробному памятнику 21-го апрѣля 1714 года. Вѣроятнѣе первая дата, потому что камень могъ быть перемѣняемъ... Бренные останки Голицына, по завѣщанію его, погребены въ оградѣ Красногорскаго монастыря, неподалеку отъ алтаря каменной церкви, гдѣ обыкновенно погребаютъ настоятелей и монаховъ. Могила накрыта простой бѣлой плитой изъ дикаго камня, который уже крошится, такъ что надпись на немъ плохо видна. Вотъ надпись на камнѣ:

«Подъ симъ камнемъ покоится прахъ болярина
князя Василья Васильевича Голицына, скончавшагося
1714 года 21 апрѣля, отъ роду на 69 году».

Дѣти Голицына, по смерти его, возвратились съ семействами въ Москву. Тамъ со временемъ имъ возвратили прежнія права и преимущества.

Въ настоящее время на различныхъ ступеняхъ государственнаго служенія подвизается немало представителей именитой фамиліи Голицыныхъ. Потомкамъ Василія Васильевича не худо было бы почтить память своего знаменитаго прадѣда сооруженіемъ памятника надъ его могилой!..

Е. С.

СМѢСЬ.

Памятникъ императору Александру II. Пользуясь пріѣздомъ великаго князя Владиміра Александровича съ супругою въ Псковъ, псковское купечество устроило къ этому времени открытіе на городской площади памятника Александру II, а псковское сельскохозяйственное общество открыло выставку кустарныхъ издѣлій. Открытіе памятника произошло съ особой торжественностью. На площадь собрались не только жители города, но и населеніе окрестныхъ деревень. Изъ уѣздовъ явилась масса пріѣзжихъ. Послѣ молебна представители различныхъ учрежденій и сословій возложили къ подножію памятника вѣнки; всѣхъ вѣнковъ было до двадцати. Представители крестьянскаго сословія губерніи положили серебряный вѣнокъ. Памятникъ построенъ на деньги, собранныя по подпискѣ псковскимъ купечествомъ. На одной сторонѣ памятника сдѣлана надпись: «Царю Освободителю», а на противоположной—«Отъ псковскаго купечества». Выставка кустарныхъ издѣлій, устроенная на скорую руку, содержала въ себѣ только предметы производства въ Псковскомъ уѣздѣ, собранные, главнымъ образомъ, волостными старшинами и народными учителями.

Трехсотлѣтіе Уфы. 7-го іюля городъ Уфа—коренной русскій, построенный на чужой (башкирской) землѣ въ 1574 году—праздновалъ хотя и нѣсколько запоздалый день своего трехсотлѣтія. Городъ основанъ по просьбѣ самихъ башкиръ. Восемнадцать лѣтъ раньше они, въ числѣ прочихъ кочующихъ инородцевъ, пораженные неслыханными успѣхами московскаго огнестрѣльнаго оружія подъ Казанью, поспѣшили послать своихъ ходаковъ на лыжахъ въ Москву къ Грозному царю Ивану, просить подданства и покровительства. Москва приняла ихъ ласково до такой степени, что предоставила имъ владѣть всѣми занимаемыми ими землями и угодьями на прежнихъ народныхъ правахъ. (Это, впрочемъ, послужило основаніемъ всѣмъ бѣдственнымъ спорамъ и поземельнымъ тяжбамъ, которыя не могутъ быть распутаны до сихъ поръ). Возить въ Казань втеченіе 18 лѣтъ по 25 копѣекъ съ дыму (т. е. съ кибитки) на тѣхъ же лыжахъ и среди опасностей отъ придорожныхъ кир-

гизскихъ и татарскихъ грабежей, — башкирамъ наскучило. Они выпросили себѣ свой центральный городъ для склада этого ясака, составлявшаго даже въ 1754 году всего 2,054 рубля 78 копѣекъ. Москва, конечно, поспѣшила поставить городъ въ самомъ центрѣ плодоносной Башкиріи и на самомъ привольномъ мѣстѣ: на правомъ берегу рѣки Бѣлой, недалеко отъ впадающей въ нее рѣки Уфы. Именемъ послѣдней, по русской привычкѣ, и названъ былъ самый городъ, а, московскимъ обычаемъ, населенъ былъ русскими людьми и довольно сильнымъ постояннымъ гарнизономъ. Тутъ были и переселенцы изъ разныхъ городовъ, изъ которыхъ позднѣе образовались стрѣльцы и казаки и, наконецъ, изъ ихъ потомковъ составили два регулярные полка. Отъ города въ разныя стороны устроены внутрь страны три военныя линіи (Закамская, Самарская и Осетская), по которымъ не замедлили поставить сторожи изъ ратныхъ людей, т. е. выдвинули новыя укрѣпленія. Москва, по своему правилу, не зѣвала, прозѣвали башкиры, и начали отстаивать свои владѣнія, но поздно. Не смотря на соединенныя силы киргизскаго хана, сибирскаго царевича и татарскаго владѣльца, Уфа выдержала натискъ и въ 15 верстахъ, въ лѣсу, задала такую сѣчу, что самый лѣсъ до сихъ поръ носитъ имя побѣжденнаго сибирскаго царевича Аблая. Не только это событіе, но и послѣдующія за нимъ высоко подняли значеніе Уфы, удаленной на нѣсколько сотъ верстъ отъ всѣхъ русскихъ укрѣпленныхъ городовъ и стоящей въ срединѣ обширной и полудикой Башкиріи, нерѣдко поднимавшейся поголовно. Она больше всѣхъ прочихъ инородческихъ странъ оказалась непокорною и воинственною: начинавшая потухать склонность къ независимой жизни не разъ вспыхивала подъ вліяніемъ мусульманскаго фанатизма и, вслѣдствіе жестокостей и своевольства воеводъ (между прочимъ, въ 1707 г. Сергѣева), разгорались открытыя возмущенія, выражавшіяся бунтами до послѣдняго изъ нихъ при Пугачевѣ въ 1773 году. Бунтъ 1735 года, вызванный заложеніемъ Оренбургской крѣпости, ознаменовался грабительствами и ожесточеніемъ, продолжавшимися 6 лѣтъ. Но Уфа и Мензелинскъ съумѣли укрѣпить навсегда за Россіей эти благодатныя страны, поэтически описанныя С. Т. Аксаковымъ въ его «Семейной хроникѣ». Земли эти и въ наши дни, какъ извѣстно, расхищались петербургскими чиновниками. До сихъ поръ сохранились тамъ липовые «лѣса», чего уже давно нѣтъ нигдѣ, въ цѣломъ свѣтѣ. Городъ и въ настоящее время утопаетъ въ роскошной зелени садовъ. Уфа такой же центральный городъ и притягательный пунктъ, какъ по отношенію къ татарамъ Казань, къ черемисамъ — Чебоксары, къ вотякамъ — Глазовъ, къ мордвѣ — Арзамасъ, къ киргизамъ — Оренбургъ. Уфа отстояла для Россіи обширную страну, которая занимаетъ значительныя части четырехъ губерній (Оренбургской, Уфимской, Пермской и Вятской). Но прежній строптивый духъ башкиръ давно уже смирился: воинственнаго осталось мало, и они теперь болѣе покорны и преданны, чѣмъ большая часть другихъ мусульманъ. Въ виду значительнаго развитія среди этого народа гражданственности и осѣдлости, Уфа имѣетъ много основаній праздновать свое трехсотлѣтіе.

Церкви временъ св. Владиміра. Профессоръ Петербургскаго университета по каѳедрѣ исторіи искусствъ, А. В. Праховъ, въ настоящее лѣто изслѣдовалъ древніе памятники православія и русской народности въ Западномъ краѣ. Долѣе всего онъ былъ во Владимірѣ-Волынскѣ, гдѣ раставрируются церкви: св. Василія, построенная св. равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ, и соборная — Успенія Богородицы, сооруженная тѣмъ же княземъ и возобновленная въ XII вѣкѣ княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ. Развалины этого храма и остатки его стѣнныхъ фресокъ, свидѣтельствуя о бывшей красотѣ и византійскомъ стилѣ этого древняго памятника, представляютъ цѣнный церковно-археологическій матеріалъ, какъ для исторіи византійскаго искусства на Руси, такъ и для изученія внѣшняго быта удѣльной княжеской эпохи.

Древнее кладбище. Недавно въ окрестностяхъ города Ташкента нашлось цѣлое кладбище древняго народа, обитавшаго въ этой мѣстности въ до-мусульманскій періодъ. Кладбище находится близь селенія Никольскаго, на скатѣ холмовъ, вдоль оросительнаго канала Карасу и открыто рабочими, подготовлявшими посѣвъ хлопка на землѣ, принадлежащей г. Никифорову. Оно состоитъ изъ множества погребальныхъ урнъ, съ костями внутри, поставленныхъ рядами и неглубоко зарытыхъ въ землѣ. На крышкахъ у нихъ, вмѣсто изваянія человѣческой головы, помѣщены изваянія птицъ, съ распростертыми крыльями. Кромѣ того, у нѣкоторыхъ урнъ сдѣланы лѣпныя изображенія людей. Одна изъ урнъ доставлена въ ташкентскій музей. Разработка поля на мѣстѣ кладбища прекращена.

Послѣднія засѣданія археологическаго Общества. Управляющій отдѣленіемъ восточной археологіи, баронъ В. Р. Розенъ, прочиталъ рефератъ «Объ открытіи Несторіанскаго кладбища близь Пишпека, въ Семирѣченской области». На землѣ кара-киргизовъ, Аламединской волости, близь Пишпека, неподалеку отъ арыка (оросительный каналъ) Джесаиръ, найдено 611 камней съ надписями и крестами. Эти надгробные камни состоятъ изъ необдѣланныхъ валуновъ твердой горной породы, отшлифованныхъ водой, вѣсомъ около пуда, болѣе или менѣе продолговатой формы. Подъ нѣкоторыми изъ этихъ надгробныхъ камней, наибольшей величины, были произведены раскопки, которыя обнаружили склепы съ человѣческими костями, но еще не привели къ окончательному выясненію употреблявшихся здѣсь способовъ погребенія, что̀ будетъ возможно лишь при болѣе подробномъ изслѣдованіи кладбища. Что же касается надгробныхъ надписей, изученіе ихъ принялъ на себя дѣйствительный членъ Общества Д. А. Хвольсонъ, представившій въ восточное отдѣленіе «Предварительныя замѣтки о найденныхъ въ Семирѣченской области сирійскихъ надгробныхъ надписяхъ». Для своихъ ученыхъ заключеній, профессоръ Хвольсонъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи: 1) три надписи въ подлинникѣ на камняхъ, обязательно доставленныхъ въ засѣданіе Общества предсѣдателемъ археологической коммиссіи, графомъ А. А. Бобринскимъ; 2) три надписи въ фотографическихъ снимкахъ, доставленныхъ Н. М. Ядринцевымъ, и 3) восемь копій, исполненныхъ отъ руки людьми, не знающими сирійскихъ письменъ. Въ этихъ надписяхъ, писанныхъ на сирійскомъ языкѣ, встрѣтилось много тюркскихъ именъ собственныхъ и нарицательныхъ, которыя были прочтены академикомъ В. В. Радловымъ, причемъ обнаружился своеобразный способъ датированія, примѣненный въ этихъ надписяхъ и состоящій въ томъ, что, на ряду съ обозначеніемъ года селевкидской эры, стоитъ всегда названіе какого нибудь животнаго, и это объясняется тѣмъ, что тюрко-монголы, въ своемъ лѣтосчисленіи, употребляли двѣнадцатилѣтній циклъ, въ которомъ каждый годъ обозначается именемъ особаго животнаго. Разобранныя надписи относятся къ VIII—X, XIII и XIV столѣтіямъ по Р. Х. и заключаютъ въ себѣ христіанскія и тюркскія имена погребенныхъ, иногда съ обозначеніемъ ихъ общественнаго положенія. По словамъ профессора Хвольсона, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что найденныя надписи принадлежатъ именно несторіанцамъ. Католическіе миссіонеры, равно какъ и Марко Поло, говоря о христіанахъ мѣстности нынѣшняго Семирѣчья, знаютъ только несторіанцевъ. Въ 431 году по Р. Х. ученіе Несторія было предано анаѳемѣ, и его приверженцы, вытѣсненные изъ Византійской имперіи, нашли себѣ пріютъ на Востокѣ, въ Сиріи и особенно въ Персіи. Несторіанцы усердно занимались наукой: толковали священное писаніе, изучая при этомъ прежнихъ комментаторовъ, поддерживали преданія классическаго міра, переводя на сирійскій языкъ Аристотеля, Гиппократа, Галлена и другихъ авторовъ, писавшихъ сочиненія по математикѣ, астрономіи, риторикѣ и географіи. Но уже въ 489 году эдесская школа, служившая центромъ сирійской образованности, была закрыта по приказанію императора Зенона, и

изгнанные несторіане возстановили свою школу въ государствѣ Сассанидовъ. Нерѣдко персидскіе государи посылали ихъ въ Византію съ дипломатическими порученіями и подобную же роль играли они при дворѣ халифовъ. Эти послѣдніе смотрѣли на патріарха несторіанъ, поселившагося съ 762 года въ Багдадѣ, какъ на главу всего восточнаго христіанства. Вмѣстѣ съ тѣмъ миссіонерская дѣятельность несторіанъ приняла грандіозные размѣры: исторія находитъ ихъ епископіи на островѣ Сокотора и въ Индіи, въ странахъ, прилегавшихъ къ Черному и Каспійскому морямъ, въ Туркестанѣ, въ западныхъ, сѣверныхъ и восточныхъ провинціяхъ Китая. Еще около 334 года упоминается первый мервскій епископъ: другой — въ 410 году, а въ 420 году Мервская епископія возводится на степень митрополіи. Мервскій епископъ Ѳеодоръ, жившій около 540 года, извѣстенъ какъ авторъ многихъ сочиненій, а одинъ изъ его преемниковъ, Илія (около 660 г.), написалъ, между прочимъ, комментаріи къ различнымъ книгамъ священнаго писанія и высоко цѣнимую исторію церкви. Какъ сообщаютъ нѣкоторые ученые, несторіанскіе патріархи, Ахай (около 411 г.) и Шила (около 503 г.), учредили митрополіи въ Гератѣ, Китаѣ и Самаркандѣ; другіе же приписываютъ учрежденіе этихъ митрополій патріарху Салибсахѣ около 714 года. Такимъ образомъ, по словамъ профессора Хвольсона, въ виду выдающейся исторической роли несторіанъ въ дѣлѣ всемірной цивилизаціи, становится понятнымъ, что подлинные, документальные памятники, свидѣтельствующіе о пребываніи ихъ въ столь отдаленныхъ краяхъ, представляютъ глубокій интересъ, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ сирійскихъ надписей найдено очень немного. Открытыя же нынѣ надписи имѣютъ чрезвычайное значеніе и для палеографіи и филологіи, заключая въ себѣ своеобразныя грамматическія формы и обороты рѣчи, и для исторической науки вообще, какъ подтвержденіе разсказовъ несторіанъ объ успѣхѣ ихъ миссіонерской пропаганды, за которыми до сихъ поръ не признавалось подобающаго вѣроятія. Принимая во вниманіе такую важность ново-открытыхъ въ Семирѣчіи памятниковъ, русское археологическое Общество, согласно съ мнѣніемъ, выраженнымъ въ вышеизложенномъ докладѣ, постановило: принять всевозможныя для него мѣры къ охраненію и изученію этихъ памятниковъ.

Князь П. А. Путятинъ сообщилъ объ изображеніи созвѣздія Большой Медвѣдицы на точилкѣ каменнаго періода. Точилка эта найдена референтомъ при раскопкахъ на берегу Бологовскаго озера и относится къ неолитическому періоду полированныхъ орудій; находящееся на ней изображеніе созвѣздія принадлежитъ къ числу рѣдкихъ явленій въ памятникахъ этого рода и заслужило сочувственный отзывъ Фламмаріона, который въ своемъ журналѣ «L'Astronomie» помѣстилъ вмѣстѣ съ письмомъ князя Путятина нѣкоторыя соображенія относительно его значенія. По мнѣнію князя Путятина, открытіе это проливаетъ новый свѣтъ на наши понятія о неолитическомъ періодѣ: оно раскрываетъ тотъ фактъ, что нѣкоторыя необходимыя въ практическомъ отношеніи данныя астрономіи были извѣстны человѣку каменнаго періода. Къ сожалѣнію, одинъ изъ основныхъ вопросовъ князя, именно опредѣленіе лѣтъ этой точилки, не получилъ разрѣшенія. Выходя изъ той общей мысли, что звѣзды созвѣздія Большой Медвѣдицы измѣняютъ во времени свое положеніе, референтъ первоначально находилъ возможнымъ опредѣлить древность памятника по положенію изображенныхъ на немъ звѣздъ. Но Фламмаріонъ не нашелъ большой разницы между положеніемъ звѣздъ на рисункѣ и дѣйствительнымъ положеніемъ ихъ въ настоящее время, и потому призналъ критерій референта неприложимымъ. Съ своей стороны князь Путятинъ также не согласился съ нѣкоторыми изъ заключеній Фламмаріона, и прежде всего съ тѣмъ, что это изображеніе было только амулетомъ первобытныхъ пастырей. По мнѣнію референта, принадлежности каменнаго вѣка, найденныя въ слоѣ точилки, скорѣе доказываютъ, что ею пользовались рыболовъ

и охотник. Изображеніе медвѣдицы могло служить указателемъ сѣвера при передвиженіи народовъ изъ Азіи. Въ первобытныя времена компасъ не существовалъ, и Большая Медвѣдица служила для указанія пути мореплавателямъ (Гомеръ). О ней упоминается въ книгѣ Іова, Зенд-Авестѣ и Риг-Ведѣ. Однимъ словомъ, ея древняя слава основывалась на ея практическомъ значеніи. Разногласіе въ мнѣніяхъ князя Путятина и Фламмаріона происходитъ отъ того, что послѣдній не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о бологовскихъ находкахъ. Однако жъ, не смотря на неточности и колебанія въ археологической оцѣнкѣ открытаго княземъ Путятинымъ памятника, Фламмаріонъ рѣшительно признаетъ за нимъ астрономическое значеніе.

Н. Е. Бранденбургъ сообщилъ о раскопкѣ кургановъ, произведенной г. Борейшею въ Мстиславскомъ уѣздѣ, на берегахъ р. Сожи. Въ курганахъ этихъ найдены слѣды кострищъ, угля и пепла, горшечки, кости лошади, лисицы; но человѣческихъ костей не найдено. Основываясь на сходствѣ этихъ кургановъ по характеру находокъ съ курганами Смоленской губерніи, раскопанными г. Сизовымъ, референтъ полагалъ возможнымъ прійдти къ заключенію объ одной и той же народности. По поводу этого реферата присутствовавшій въ засѣданіи Н. М. Турбинъ заявилъ, что имъ также произведены были раскопки въ Могилевской и Минской губерніяхъ, причемъ найдены весьма цѣнные предметы: въ имѣніи Вотна, Быховскаго уѣзда, найдены имъ серебряныя монеты св. Владиміра; въ имѣніи Дымово, Оршанскаго уѣзда, при раскопкѣ кладбища, состоящаго изъ 27 кургановъ, встрѣчены три способа погребенія, хотя всѣ курганы, какъ можно судить по одинаковымъ находкамъ, относятся къ одному и тому же времени. Въ Борисовскомъ уѣздѣ (на востокъ отъ Борисова) попадается большое количество каменныхъ орудій.

Н. Е. Бранденбургъ отправляясь лѣтомъ, по порученію археологической коммиссіи, въ окрестности Ладоги для раскопки кургана, съ которымъ соединяются преданія о смерти Олега, предложилъ вмѣстѣ съ тѣмъ Обществу произвести раскопки близъ Староладожской крѣпости, гдѣ подлѣ развалинъ церкви св. Климента, въ нижнемъ слоѣ чернозема, встрѣчаются кости, истлѣвшія бревна и т. п., которыя, быть можетъ, разъяснятъ мѣстоположеніе первоначальнаго Рюрикова городища; а такъ же раскопать и обслѣдовать безъимянныя развалины, на которыхъ въ недавнее время находились часовня и крестъ, съ цѣлію выяснить: не здѣсь ли находилась готландская церковь св. Николая или церковь св. Симеона, отъ которой получилъ свое названіе Симеоновскій конецъ въ Ладогѣ. Предложеніе референта, посвятившаго уже немало трудовъ изслѣдованію Старой Ладоги, встрѣтило сочувствіе со стороны членовъ Общества.

А. Я. Гаркави прочиталъ рефератъ «объ ольвійской надписи, относящейся къ древней молельнѣ», въ которомъ представилъ новыя данныя въ подтвержденіе толкованія этой надписи, представленнаго В. В. Латышевымъ въ его трудѣ «Inscriptiones antiqui orae Septentrionalis Ponti Euxini».

Князь С. С. Абамеликъ-Лазаревъ сдѣлалъ сообщеніе о византійскихъ и арабскихъ памятникахъ Сициліи, Африки и Испаніи. Иллюстрируя свое изложеніе богатою коллекціею фотографическихъ снимковъ, докладчикъ въ яркихъ краскахъ представилъ красоты и историческое значеніе такихъ памятниковъ искусства, какъ Альгамбры въ Гренадѣ, Альказара въ Севильѣ, Кордовской мечети и еврейскихъ синагогъ арабскаго стиля въ Толедо. Не меньшій интересъ, по словамъ докладчика, представляютъ памятники арабскаго зодчества въ Керуанѣ (священный городъ и религіозный центръ Сѣверной Африки, до 1881 г. совершенно недоступный для христіанъ и евреевъ). Съ особенной подробностью докладчикъ остановился на древностяхъ Сициліи, гдѣ сохранились памятники и арабской, и византійской цивилизаціи. Арабское зодчество высказалось здѣсь въ сооруженіяхъ, относящихся ко временамъ владычества норманновъ, которые соорудили немало виллъ, безусловно при-

держиваясь арабскаго стиля, а роскошными памятниками византійскаго искусства являются: Марторанская церковь (начала XII вѣка) въ Палермо, съ византійскими мозаиками, придворная Палатинская капелла (средины XII вѣка) въ томъ же городѣ, съ художественно исполненными мозаиками и рѣзнымъ деревяннымъ потолкомъ, заключающимъ въ себѣ до 200 картинъ арабскаго письма, которыя въ настоящее время скалькированы пенсіонеромъ академіи художествъ А. Н. Померанцовымъ; соборъ въ Монреале (конца XII вѣка) и монастырь близь Таормина, въ которомъ, между прочимъ, сохранились замѣчательные образцы древняго орнамента въ шитьѣ по парчѣ.

Профессоръ В. Д. Смирновъ сдѣлалъ сообщеніе «о монетахъ съ надписями на двухъ языкахъ (numi bilingui), представленное имъ въ объясненіе къ монетамъ коллекціи члена Общества И. К. Суручана. Монеты съ двуязычными надписями находятся въ предѣлахъ Таврическаго полуострова, и все это монеты генуэзскія, т. е. битыя генуэзскими колонистами въ городѣ Кафѣ. На каждой изъ этихъ монетъ сохранились двѣ легенды: латинская, съ готическими буквами, съ иниціалами именъ генуэзскихъ консуловъ, и арабская, заключающая въ себѣ имя хана, при которомъ монета чеканилась. Дата на монетахъ не обозначена, но, по именамъ хановъ — Даулетъ-Бирды и Хаджи-хана, онѣ пріурочиваются къ первой половинѣ XV вѣка. Однимъ изъ основныхъ положеній референта было доказать подлинность монетъ перваго изъ упомянутыхъ хановъ, въ чемъ сомнѣвались нѣкоторые ученые.

Баронъ В. Р. Розенъ сдѣлалъ сообщеніе «о коллекціи персидскихъ рукописей, принадлежащей учебному отдѣленію азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ». Изъ представленнаго докладчикомъ историческаго очерка возникновенія этой коллекціи видно, что въ первые же годы существованія учебнаго отдѣленія сюда перешла по духовному завѣщанію богатая коллекція рукописей Италинскаго, бывшаго посланникомъ въ Римѣ и въ Константинополѣ. Затѣмъ въ 1832 году стараніями Аделунга были пріобрѣтены лучшіе номера изъ продававшагося собранія графа Ржевусскаго и, между прочимъ, драгоцѣннѣйшій экземпляръ сочиненій персидскаго поэта Джами, который слѣдуетъ признать за автографъ. Съ этого времени не прекращалось обогащеніе коллекціи рукописей учебнаго отдѣленія азіатскаго департамента, представляющей въ настоящее время собраніе въ высокой степени цѣнное для науки. Вотъ почему является чрезвычайно современнымъ осуществленіе мысли М. А. Гамазова—издать подробное описаніе этихъ рукописей, значительная часть котораго уже отпечатана и вскорѣ сдѣлается достояніемъ интересующихся спеціалистовъ.

Пятисотлѣтіе Гейдельбергскаго университета. Съ 2-го августа втеченіе недѣли праздновалось 500-лѣтіе со дня учрежденія Гейдельбергскаго университета. Въ 1386 году, Рупрехтъ I, курфюрстъ Пфальцскій, т. е. владѣтель участка Баваріи на лѣвомъ берегу Рейна и на сѣверной части Бадена, задумалъ основать въ столицѣ своей Гейдельбергѣ университетъ. Императоръ Карлъ IV основалъ университетъ въ Прагѣ, и Рупрехтъ сдѣлалъ то же; ѣздить учиться въ Парижъ, какъ дѣлали подданные курфюрста до тѣхъ поръ, было неудобно вслѣдствіе религіозныхъ раздоровъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняетъ причины, побудившія пфальцграфа основать университетъ, профессоръ Кохъ въ свой исторіи Гейдельбергскаго университета. Нельзя сказать, чтобы онъ спокойно процвѣталъ втеченіе своего долгаго существованія. Гейдельбергъ мѣнялъ вѣроисповѣданіе безчисленное количество разъ, чему служитъ свидѣлемъ церковь св. Духа, которая, будучи то католической, то лютеранской, раздѣлена на двѣ половины, чтобы дать каждому возможность молиться, какъ онъ хочетъ. Это вредно отразилось на университетѣ: профессора-кальвинисты, сдѣлавшись господствующими, спѣшили изгонять своихъ коллегъ-католиковъ, чтобы потомъ самимъ быть изгнанными лютеранами и т. д. Отъ войнъ, и въ особенности отъ Тридцатилѣтней и войнъ Людовика XIV, университетъ тер-

пѣлъ не меньше, такъ какъ Гейдельбергъ часто служилъ театромъ военныхъ дѣйствій и былъ даже совсѣмъ разрушенъ французскимъ королемъ, разорившимъ Палатинатъ. Отъ этихъ невзгодъ университетъ представлялъ къ концу прошлаго столѣтія печальную картину и приближался къ своей гибели. Число студентовъ уменьшилось до 37, профессоровъ почти не было. Но Гейдельбергъ перешелъ въ 1802 году къ Бадену, и тогдашній великій герцогъ Карлъ-Фридрихъ возстановилъ университетъ, снабдилъ его хорошими профессорами и самъ принялъ званіе ректора съ тѣмъ, чтобы оно передавалось его преемникамъ. Съ этого времени и начинается громкая слава университета; и въ честь своихъ основателя и возстановителя онъ и получилъ названіе Рупрехтъ-Карловскаго (Ruperto-Carola). Впрочемъ, теперь онъ уже не столько славится своею ученостью. Большія книготорговыя фирмы сдѣлали подарокъ университетской библіотекѣ изъ всѣхъ ими изданныхъ книгъ, которыхъ еще тамъ не было. Такъ какъ въ самомъ университетѣ обширной залы нѣтъ, то главная часть празднествъ происходила въ церкви св. Духа, которая вновь отдѣлывается. Главный же интересъ праздника сосредоточивался на историческомъ шествіи. Изъ пяти столѣтій, пережитыхъ Гейдельбергскимъ университетомъ, самымъ цвѣтущимъ въ научномъ отношеніи является нынѣшнее столѣтіе, когда Гейдельбергъ сталъ въ главѣ всѣхъ германскихъ университетскихъ городовъ по юридическимъ наукамъ, исторіи и естествознанію, украшенныхъ блистательными именами передовыхъ ученыхъ въ мірѣ. Основателемъ юридической школы въ Гейдельбергскомъ университетѣ былъ профессоръ Тибо, сочиненія котораго о римскихъ законахъ все еще считаются классическими. Тибо положилъ начало философскому направленію въ юридическихъ наукахъ и велъ постоянную борьбу съ Савиньи, главою исторической школы, и идеи Тибо восторжествовали на практикѣ въ томъ отношеніи, что во всей Германіи введена однообразная законодательная система. Въ то время какъ Тибо привлекалъ многочисленныхъ слушателей къ своей каѳедрѣ римскаго права, въ 1821 году появился знаменитый Миттермайеръ на каѳедрѣ юриспруденціи. Онъ еще больше увеличилъ славу университета втеченіе своей почти полувѣковой научной дѣятельности и воспиталъ цѣлыя поколѣнія юристовъ не только для Германіи, но и для другихъ странъ, въ особенности для Россіи. Миттермайеръ былъ союзникомъ Тибо въ борьбѣ съ Савиньи, какъ противникомъ объединенія законовъ для всей Германіи. Послѣ смерти Тибо, въ 1840 году, каѳедру его занялъ профессоръ Вангеровъ, пріобрѣвшій значеніе авторитетнаго ученаго по римскому праву и привлекавшій въ свою аудиторію слушателей всего свѣта. Невѣроятное усердіе, съ которымъ Вангеровъ трудился надъ пандектами, преждевременно свело его въ могилу. На каѳедрѣ публичнаго права явились профессора Моль и Блунчли, оставившіе глубокіе слѣды въ наукѣ. Имя Блунчли блистало въ Гейдельбергѣ до 1881 года, когда онъ умеръ, оставивъ послѣ себя массу сочиненій; онъ былъ членомъ германскаго парламента въ 1848 году и горячимъ масономъ. Историческій факультетъ Гейдельбергскаго университета прославился такими именами, какъ Шлоссеръ, авторъ «Исторіи восемнадцатаго столѣтія»; ученикъ его профессоръ Гейссеръ, написавшій «Исторію Германіи со смерти Фридриха Великаго до образованія германскаго союза». Въ неразрывной связи съ Гейдельбергскимъ университетомъ находится имя Гервинуса, которому физическій недостатокъ не позволялъ читать своего спеціальнаго предмета—исторію. Имя Гервинуса стоитъ на ряду съ именемъ Шлоссера, котораго онъ явился продолжателемъ, какъ авторъ знаменитой «Исторіи девятнадцатаго столѣтія», за вступленіе къ которой былъ присужденъ въ двухмѣсячному тюремному заключенію и лишенъ баденскимъ реакціоннымъ правительствомъ содержанія по званію почетнаго профессора за высказанную имъ мысль о томъ, что въ концѣ нынѣшняго столѣтія восторжествуютъ демократическія начала. Приговоръ этотъ надъ ученымъ, вызвавшій негодованіе во всей Германіи, былъ отмѣненъ. Гер-

винусъ вмѣстѣ съ Гейссеромъ и Миттермайеромъ основали газету «Deutsche Zeitung»; эта «профессорская газета», просуществовавшая три года, была органомъ раціональныхъ и интеллигентныхъ либераловъ. Гервинусъ былъ членомъ германскаго парламента въ 1848 году, но удалился изъ него послѣ отказа прусскаго короля Фридриха-Вильгельма принять корону германскаго императора. Онъ дожилъ до объединенія Германіи въ 1871 году, хотя и не сочувствовалъ главенству Пруссіи въ германскомъ союзѣ. Гервинусъ былъ большой знатокъ музыки и весьма много писалъ о Генделѣ, котораго считалъ первымъ композиторомъ, въ чемъ, впрочемъ, не могъ убѣдить своихъ соотечественниковъ. По каѳедрѣ философіи Гейдельбергскій университетъ имѣлъ Куно Фишера, оставившаго прекрасное изслѣдованіе о Беконѣ. На богословскомъ факультетѣ пріобрѣли извѣстность профессора Роте и Шенкель. Факультетъ естественныхъ наукъ прославился профессорами медицины, изъ которыхъ самымъ выдающимся былъ Хеліусъ, и цѣлою школою химиковъ, съ Бунзеномъ и Кирхгофомъ во главѣ, которые обогатили науку цѣлою новою областью знаній съ помощью спектральнаго анализа, принесшаго неисчислимую пользу какъ для научныхъ, такъ и для практическихъ цѣлей. Ученики Бунзена и Кирхгофа разсѣяны по всему свѣту, не исключая Россіи, и между ними встрѣчаются такія имена, какъ знаменитый англійскій ученый Тиндаль. Говоря о Гейдельбергскомъ университетѣ, о славномъ его научномъ персоналѣ, нельзя умолчать о д-рѣ Георгѣ Веберѣ, авторѣ извѣстной «Всемірной исторіи», директорѣ «Высшей школы» въ Гейдельбергѣ, ученая и литературная дѣятельность котораго была неразрывно связана съ передовымъ университетомъ Германіи.

Памятникъ Дидро. 13-го іюля происходило въ Парижѣ торжественное открытіе памятника Дидро. Торжество обошлось мирно, хотя опасались, что студенты Парижскаго университета произведутъ безпорядки. Студенты выразили неудовольствіе по поводу того, что въ числѣ ораторовъ, долженствовавшихъ говорить при открытіи памятника Дидро, значился извѣстный профессоръ Бюхнеръ. Они объявили, что Бюхнеръ «прусскій шпіонъ», и когда ихъ протестъ рѣшено было оставить безъ вниманія, постановили не присутствовать на торжествѣ. Открытіе памятника послѣдовало въ присутствіи министра торговли Локруа, президента, членовъ парижскаго муниципальнаго совѣта и двухъ школьныхъ батальоновъ съ музыкою. Бредло, обѣщавшій говорить отъ имени англійскихъ свободныхъ мыслителей, не могъ пріѣхать, но Бюхнеръ произнесъ длинную рѣчь, въ которой проводилъ самыя крайнія идеи. Изъ французовъ говорили Лефевръ и президентъ муниципальнаго совѣта Говелакъ.

Муміи двухъ Рамзесовъ. Пять лѣтъ тому назадъ открыты были близь Ѳивъ высѣченныя въ скалѣ усыпальницы съ тридцатью муміями египетскихъ царей и царицъ, царствовавшихъ съ 1103 по 1110 годъ до христіанской эры. Муміи эти привезены были въ Каиръ и помѣщены подъ витрины Булакскаго музея. Двѣ муміи выдающихся размѣровъ обратили на себя вниманіе директора музея, Масперо, предположившаго, что онѣ должны принадлежать величайшимъ изъ египетскихъ фараоновъ — Рамзесу I и сыну его Рамзесу II (Сети I и Сакенен-ра та-акенъ), процарствовавшихъ вмѣстѣ 118 лѣтъ. Чтобы убѣдиться въ справедливости этого предположенія, обѣ муміи были развернуты въ присутствіи хедива и членовъ дипломатическаго корпуса. Когда съ мумій были сняты саваны, то на пеленахъ, покрывавшихъ тѣла, вмѣстѣ съ изображеніемъ боговъ и богинь, прочитаны были имена великихъ фараоновъ вмѣстѣ съ именами жрецовъ, которымъ ввѣрена была забота объ исполненіи обрядовъ погребенія ихъ повелителей. Сети I, славившійся своею красотою, о чемъ свидѣтельствуютъ изображенія его на древнихъ памятникахъ, предсталъ во всемъ своемъ загробномъ величіи, съ превосходно сохранившимися, мужественными и правильными чертами лица, выдающимся изогнутымъ но-

сомъ, энергическимъ подбородкомъ и обширнымъ продолговатымъ черепомъ кавказскаго типа, съ бритою головою и лицомъ и съ сѣдыми рѣсницами. Это былъ неутомимый воинъ, постоянно сражавшійся то съ финикіянами, то съ ассирійцами, то съ ливійцами, синайцами и эфіопами, и въ то же время строитель грандіозныхъ зданій, въ родѣ громадной колловады большаго храма въ Карнакѣ, красиваго храма Гурнеха въ западныхъ Өивахъ и царскихъ усыпальницъ, иссѣченныхъ въ гранитѣ. Мумія Рамзеса II принадлежала человѣку громаднаго роста, болѣе шести футовъ вышины, широкоплечему, съ могущественною грудью, грубыми чертами лица и узкимъ черепомъ. Это—тотъ самый библейскій фараонъ, дочь котораго усыновила Моисея, и который приказалъ произвести избіеніе младенцевъ и дочерей Израиля, возставшаго отъ египетскаго гнета. Рамзесъ II, Сезострисъ греческихъ историковъ, велъ упорныя войны съ завоевателями Египта, пастушескимъ народомъ гиксами и, какъ видно по его муміи, погибъ въ отчаянной битвѣ съ ними, судя по тому, что черепъ надъ правымъ вискомъ, правая скула и челюсть перебиты широкимъ орудіемъ, боевымъ топоромъ. Гиксы пробрались въ царскую ставку, какой нибудь степной геркулесъ нанесъ жестокій ударъ фараону, и когда тотъ свалился на землю, то гиксы набросились на него и доканали смертельными ударами, раны отъ которыхъ были тщательно прикрыты волосами при бальзамированіи. Смерть Рамзеса дорого обошлась гиксамъ, судя по тому, что египтяне успѣли отбить трупъ павшаго царя и наскоро набальзамировали его. Лицо муміи выражаетъ жестокую предсмертную агонію, губы широко раскрыты и языкъ стиснутъ между зубами. Рамзесъ II считается героемъ эпической поэмы «Пентауръ»—египетской «Иліады». Онъ построилъ Рамессумъ, пилоны и колоннаду Луксора и удивительные храмы въ Абу-Симбелѣ, изсѣченные въ гранитныхъ скалахъ. Муміямъ обоихъ фараоновъ насчитывается три тысячи триста лѣтъ.

† 31-го іюля, въ Петербургѣ, **Павелъ Алексѣевичъ Зарубинъ**, одинъ изъ даровитѣйшихъ русскихъ самоучекъ. Онъ родился въ 1815 году въ посадѣ Пучежъ, Костромской губерніи, гдѣ отецъ его, небогатый мѣщанинъ, занимался перевозкой хлѣба и тяжестей по Волгѣ на принадлежавшихъ ему баркахъ. Молодой Зарубинъ помогалъ отцу и послѣ его смерти продолжалъ отцовское дѣло, но въ одну изъ бурь на Волгѣ барки погибли, и онъ былъ вынужденъ сдѣлаться мебельщикомъ, чтобы добывать средства для существованія семьи. Случайно попавшаяся ему въ руки ариѳметика Магницкаго навела его на путь, къ которому онъ имѣлъ призваніе. Зарубинъ съ жаромъ предался изученію математики и затѣмъ физики и механики. Чтобы избавиться отъ рекрутства, онъ, послѣ немалыхъ хлопотъ, зачислился на службу въ межевой департаментъ въ Москвѣ и вскорѣ изобрѣлъ «планиметръ», доставившій ему извѣстность за границей и награду отъ парижской академіи и вмѣстѣ съ тѣмъ навлекшій на него неудовольствіе начальства, которое подвергло его аресту и строго воспретило заниматься изобрѣтеніями, угрожая въ противномъ случаѣ исключеніемъ изъ службы. Черезъ 15 лѣтъ ему удалось наконецъ получить чинъ коллежскаго регистратора, послѣ чего онъ вышелъ въ отставку и поселился въ Пучежѣ, занимаясь починкой часовъ, изобрѣтеніями и литературой. Зная прекрасно жизнь приволжскаго народа, онъ написалъ въ формѣ романа замѣчательное бытовое произведеніе (имѣющее отчасти автобіографическое значеніе) подъ заглавіемъ «Свѣтлыя и темныя стороны русской жизни». Къ сожалѣнію, сочиненіе это было мало оцѣнено и публикой, и критикой. Кромѣ того, онъ сотрудничалъ въ спеціальныхъ журналахъ и напечаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» этнографическое описаніе Варнавинскаго уѣзда. По назначеніи министромъ государственныхъ имуществъ А. А. Зеленаго, лично знавшаго Зарубина, послѣдній былъ вызванъ въ Петербургъ и опредѣленъ на службу въ министерство государственныхъ имуществъ. Живя въ Петербургѣ, онъ изобрѣлъ, между прочимъ, «водо-

подъемникъ», за который удостоился быть представленнымъ покойному государю, наградившему его орденомъ св. Владиміра 4-й степени. Получая на службѣ всего 600 руб. въ годъ жалованья и обремененный большой семьей, Зарубинъ долженъ былъ искать постороннихъ заработковъ и принялъ на себя предложенныя ему обязанности редактора «Петербургскаго Листка», которыя и исполнялъ втеченіе 10-ти лѣтъ, помѣщая въ этой газетѣ преимущественно статьи по своей спеціальности, касавшіяся городскаго хозяйства и благоустройства. Въ послѣднее время онъ занимался опытами надъ задуманными имъ «ртутными вѣсами», но тяжкая болѣзнь, ракъ въ печени, сведшая его въ могилу, не дала ему возможности довести до конца это новое изобрѣтеніе. Въ лицахъ, знавшихъ близко покойнаго, онъ оставилъ по себѣ самую хорошую память, какъ человѣкъ, обладавшій прекрасными качествами души.

† 27-го іюля членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ **Николай Васильевичъ Варадиновъ**, на 70-мъ году. Онъ былъ сынъ купца и высшее образованіе получилъ въ Дерптскомъ университетѣ, который увѣнчалъ его степенью магистра, затѣмъ и доктора правъ; ученые труды Н. В. обращали на себя вниманіе и за границей; въ 1858 году, онъ получилъ изъ Іенскаго университета дипломъ на степень доктора философіи. Авторъ любопытнаго труда: «Полная исторія министерства внутреннихъ дѣлъ», въ которой содержится масса цѣнныхъ, извлеченныхъ изъ архивныхъ дѣлъ матеріаловъ для исторіи внутренней жизни и быта Россіи, по окончаніи университетскаго курса началъ свою служебную дѣятельность въ 1841 году въ Прибалтійскомъ краѣ, на педагогическомъ поприщѣ, и былъ учителемъ русскаго языка въ училищахъ этого края. Отлично-усердная педагогическая его служба постоянно обращала на себя вниманіе высшихъ властей края. Когда въ 1845 г. началъ происходить разгаръ движенія латышей и эстовъ къ переходу въ православіе, Варадиновъ былъ приглашенъ на службу въ Ригу для исполненія порученій рижскаго военнаго, лифляндскаго, эстляндскаго и курляндскаго генералъ-губернатора. Пользуясь его довѣріемъ, онъ много раскрывалъ интригъ и происковъ со стороны нѣмцевъ, мѣшавшихъ дѣлу обрусѣнія латышей и эстовъ, и тѣмъ облегчалъ трудъ епископа Филарета. До 1849 года Варадиновъ оставался въ Ригѣ, но съ назначеніемъ генералъ-губернаторомъ свѣтлѣйшаго князя А. В. Суворова-Рымникскаго, систематически парализовавшаго русское дѣло въ прибалтійской окраинѣ, подобно многимъ русскимъ дѣятелямъ, оставилъ Ригу и перешелъ на службу въ Петербургъ, въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ 1862 году, Варадиновъ назначенъ членомъ совѣта при министрѣ по дѣламъ книгопечатанія, а въ 1865 году, съ учрежденіемъ главнаго управленія по дѣламъ печати, членомъ совѣта этого управленія и занималъ эту должность до 1883 года. Н. В. неоднократно исправлялъ должность начальника цензурнаго вѣдомства; кромѣ того, онъ состоялъ членомъ бывшей коммиссіи по пересмотру общаго устава императорскихъ россійскихъ университетовъ 1863 года. Вотъ перечень печатныхъ трудовъ его: 1) Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ, Спб., 1858—1863 г.; 2) Изслѣдованія объ имущественныхъ или вещественныхъ правахъ по законамъ русскимъ, Спб., 1855 г.; 3) О личномъ задержаніи по долговымъ обязательствамъ, Спб., 1861 г.; 4) Сборникъ узаконеній по дѣламъ печати, Спб., 1878 г.; 5) Аптекарскій уставъ, извлеченный изъ Свода Законовъ, Полныхъ Собраній Законовъ, распубликованныхъ циркуляровъ министерства внутреннихъ дѣлъ, постановленій медицинскаго совѣта и разъясненный исторіей законодательства, Спб., 1880 г.; 6) Сводъ узаконеній и распоряженій правительства по устройству быта крестьянъ 1861—1885 г., Спб., 1885 г., въ двухъ томахъ, и 7) Дѣлопроизводство,—руководство къ составленію всѣхъ родовъ дѣловыхъ бумагъ по даннымъ формамъ и образцамъ, Спб., 1881 г., изданіе 3-е. Н. В. Варадиновъ былъ редакторомъ «Журнала министерства внутреннихъ дѣлъ» съ 1856 по 1861 годъ.

† 28-го іюля бывшій заслуженный профессоръ Петербургской духовной академіи **Кириллъ Ивановичъ Лучицкій.** Первый магистръ XIII выпуска здѣшней академіи, покойный, по окончаніи въ 1839 г. академическаго курса, занялъ въ академіи каѳедру общей словесности и оставался на ней болѣе 30 лѣтъ, въ званіи съ 19-го декабря 1852 года ординарнаго профессора. Онъ первый началъ вести преподаваніе словесности въ академіи примѣнительно къ университетскому курсу, знакомя своихъ слушателей съ образцовыми произведеніями иностранныхъ писателей не въ переводахъ, а въ подлинникѣ. Такой постановкой преподаванія своего предмета онъ далеко подвинулъ изученіе новыхъ языковъ, бывшихъ до введенія академическаго устава 1869 г. необязательными для студентовъ. Выйдя въ началѣ 70-хъ годовъ въ отставку, покойный не оставлялъ своего сотрудничества въ издаваемомъ при академіи журналѣ «Христіанское Чтеніе», помѣщая отъ времени до времени свои «обозрѣнія» замѣчательныхъ произведеній новѣйшей иностранной литературы.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Мозаичная картина Ломоносова.

Сто лѣтъ тому назадъ, 31-го августа 1786 года, по предложенію президента академіи художествъ И. И. Бецкаго, была прислана изъ конторы строенія домовъ и садовъ ея императорскаго величества въ академію мозаичная картина Полтавской баталіи (Сборникъ матеріаловъ для исторіи имп. акад. художествъ, т. I, стр. 291). Картина эта теперь находится въ мастерской профессора баталиста Виллевальда, которая помѣщается въ зданіи «литейной», выходящей на уголъ 5-й линіи и Большаго проспекта, на Васильевскомъ острову, въ Петербургѣ.

Эта картина одна изъ восьми, которыми долженъ быть украшенъ памятникъ Петру Великому, въ Петропавлоскомъ соборѣ, въ крѣпости, рисунокъ для котораго былъ сочиненъ Валеріани. О самой картинѣ Ломоносова, въ матеріалахъ къ его біографіи, собранныхъ академикомъ Билярскимъ (стр. 636), говорится слѣдующее, что̀ собственно составляетъ переводъ изъ ученыхъ «Флорентинскихъ Вѣдомостей», отъ 12-го марта 1764 года: «Первая картина почти совсѣмъ готова. Изображенъ на ней Петръ Великій, яко побѣдитель Карла втораго-на-десять на славномъ сраженіи подъ Полтавою, шириною $10\frac{1}{2}$ локтя, вышиною $7\frac{3}{4}$ (въ самомъ дѣлѣ по россійской мѣрѣ шириною въ три сажени, вышиною въ двѣ съ полуаршиномъ); перспективное положеніе такъ стоитъ, что конная фигура Петра, вышиною въ $3\frac{1}{2}$ локтя (въ самомъ дѣлѣ сидячее изображеніе государево одно 7 футъ), подобіе лица весьма сходственно, снято съ гипсовой подлинной отпечатки и съ самыхъ лучшихъ портретовъ сего монарха. Также представлены и бывшіе съ нимъ тогда на Полтавской побѣдѣ знатнѣйшіе генералы, т. е. Шереметевъ, Менщиковъ, Голицынъ.

«Сіе изображеніе Полтавскія побѣды набрано изъ мозаичныхъ составовъ въ мѣдной плоской сковородѣ, которая тянетъ 3,000 фунтовъ (болѣе 80 пудъ, кромѣ мѣдныхъ рамъ) и укрѣплена желѣзными полосами вѣсомъ 2,000 фунтовъ (болѣе 50 пудъ), поставлена на бревенчатой машинѣ, которая удобно поворачивается для лучшей способности самой отдѣлки и для осмотрѣнія когда надобно».

Въ академіи художествъ мозаика Ломоносова была поправляема въ 1830 году, о чемъ въ тѣхъ же матеріалахъ (т. II, стр. 434), сказано: «При академіи былъ весьма искусный въ своемъ дѣлѣ мозаичный мастеръ Долфини, который для приведенія въ порядокъ мозаичной картины Ломоносова «Полтавская битва» за неимѣніемъ кусковъ мозаики, цвѣтовъ весьма обык-

новенныхъ, безъ малаго два года трудился на здѣшнемъ стеклянномъ заводѣ, но, не зная въ совершенствѣ химическаго способа приготовленія массы, не могъ наставить мастеровъ; послѣ многихъ тщетныхъ опытовъ на заводѣ, онъ завелъ у себя въ академіи печь и горнъ, трудился долго, казенныхъ денегъ истратилъ много, но, не успѣвъ въ своемъ предпріятіи, умеръ».

Затѣмъ мозаика Ломоносова была позабыта, закрашена по штукатуркѣ и отыскана въ 1870-хъ годахъ передъ юбилеемъ Петра Великаго, по случаю 200 лѣтъ со дня его рожденія. Существуетъ предположеніе въ недалекомъ будущемъ сломать зданіе академической старой «литейной». Тогда, какихъ бы трудовъ ни стоило, произведеніе Ломоносова слѣдуетъ перенесть въ мозаичное отдѣленіе, существующее при академіи, и сохранить работу «мусіи (т. е. мозаики) перваго въ Россіи безъ руководства изобрѣтателя», какъ гласитъ надпись надъ надгробнымъ памятникомъ Ломоносова въ Александро-Невской лаврѣ. Недаромъ же творецъ мусіи, воспѣвая её, сказалъ, что она «чрезъ множество вѣковъ себѣ подобна зрится, и ветхой древности грызенья не боится»...

II.

Къ исторіи Чесменскаго дворца.

Въ августовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» помѣщена маленькая замѣтка о Чесменскомъ дворцѣ, по случаю 50-ти-лѣтія находящейся въ немъ богадѣльни, учрежденной императоромъ Николаемъ I и открытой 24-го іюня 1836 года. Сообщенныя свѣдѣнія въ этой замѣткѣ далеко не полны и не совсѣмъ точны, почему мы считаемъ умѣстнымъ указать на печатные источники, говорящіе о Чесменскомъ дворцѣ, память о которомъ болѣе всего интересно воскресить теперь, когда именемъ одного изъ участниковъ незабвеннаго Чесменскаго сраженія, именно лейтенанта Ильина, названъ одинъ изъ новыхъ, только-что спущенныхъ на воду, крейсеровъ русскаго флота.

Авторъ «Описанія Села Царскаго, или спутникъ, обозрѣвающій оное», говоритъ на страницѣ 7-й слѣдующее о Чесменскомъ дворцѣ: «Вы видите на лѣвой сторонѣ, въ березовой рощѣ, возвышающееся съ зубчатою по срединѣ большой и по угламъ съ четырьмя закрытыми башнями зданіе. Къ нему подъѣзжаютъ этими на турецкій старинный вкусъ построенными воротами, а другими, на другомъ концѣ этой дачи находящимися, таковаго же устройства, выѣзжаютъ. Оно построено повелѣніемъ Екатерины II, въ память преславной морской побѣды, одержанной россійскимъ флотомъ надъ турецкимъ при островѣ Хіо, и сожженія непріятельскаго флота въ Чесменскомъ заливѣ, на берегу котораго стоялъ видомъ подобный сему зданію замокъ, или крѣпостца. Фасадъ его представленъ былъ Екатеринѣ Великой, которая, желая увѣковѣчить незабвенныя заслуги графа Орлова-Чесменскаго и его сподвижниковъ: Спиридова, Грейга, Эльфинстона и другихъ, повелѣла воздвигнуть сіе зданіе. Въ немъ одна зала украшена портретами всѣхъ тогда владѣтельныхъ въ Европѣ особъ, надъ изображеніемъ коихъ, особливо же атласу и бархату въ одеждахъ, русской художникъ живописецъ Левицкій оказалъ все свое искусство. Зданіе сіе называется дворецъ Чесменскій. Екатерина II, въ молодыхъ лѣтахъ своихъ, повелѣвала на масляницѣ учреждать изъ города въ этотъ дворецъ катанье въ большихъ саняхъ, изъ коихъ къ каждымъ сзади прикрѣплялось на двойныхъ канатахъ по нѣскольку паръ маленькихъ санокъ для придворныхъ дамъ и кавалеровъ, и во дворцѣ Чесменскомъ всѣ были угощаемы столомъ обѣденнымъ. Ежегодно въ 24 день іюня, въ придворной здѣшней церкви, совершалась большая панихида по убіенныхъ на оной морской брани православныхъ воинахъ, и потомъ во весь день бывало гулянье, посѣщаемое многими изъ города».

Пушкаревъ въ «Описаніи С.-Петербурга и уѣздныхъ городовъ С.-Петербургской губерніи» (часть III, стр. 187) называетъ строителемъ Чесменскаго дворца архитектора Фельтена, сооружавшаго этотъ замокъ въ 1770 году по его плану, составленному въ азіатскомъ вкусѣ, по образцу треугольныхъ замковъ, находящихся на берегахъ Дарданеллъ и Босфора. Этому сообщенію,

принимая вышесказанное о фасадѣ Чесменскаго дворца, слѣдуетъ вѣрить осторожно, такъ какъ есть указаніе, основанное на бумагахъ, хранящихся въ государственномъ архивѣ, что непосредственное завѣдованіе сооруженіемъ Чесменскаго дворца лежало на генералъ-маіорѣ Михаилѣ Ивановичѣ Мордвиновѣ, строителѣ и Мраморнаго дворца, назначеннаго для Орлова-Чесменскаго. Въ журналѣ «Русская Старина» за 1885 годъ, т. XLVI, стр. 426, въ статьѣ «Мраморный дворецъ», сказано, что Мордвиновъ участвовалъ также въ постройкѣ Кекерикексинской дачи, или Чесменскаго дворца, училища для греческихъ мальчиковъ, привезенныхъ А. Г. Орловымъ-Чесменскимъ, въ Ораніенбаумѣ, Аничковскаго дворца и царскосельскаго шоссе, такъ какъ съ производствомъ въ 1770 году въ генералы былъ назначенъ директоромъ отъ строенія государственныхъ дорогъ. Далѣе Пушкаревъ говоритъ, что въ царствованіе Екатерины въ Чесменскомъ дворцѣ никто не жилъ, а въ немъ собиралась только дума ордена св. Георгія. По кончинѣ императрицы, Чесменскій дворецъ опустѣлъ, и изрѣдка лишь жители Петербурга посѣщали Чесму. Въ 1826 году, два горестныхъ для Россіи событія населили на нѣсколько дней пустынную Чесму: въ мартѣ мѣсяцѣ тѣло императора Александра I, а въ іюнѣ тѣло императрицы Елисаветы Алексѣевны были поставлены въ дворцовой церкви для перевезенія съ церемоніею въ столицу. Лѣтомъ въ 1827 и 1828 годахъ, по случаю передѣлки зданія дома Трудолюбія на Васильевскомъ островѣ, воспитанницы этого заведенія были на время помѣщаемы здѣсь; съ переводомъ же ихъ въ Петербургъ, Чесменскій дворецъ опустѣлъ попрежнему. Но императоръ Николай I даровалъ этому дворцу высокое и прекрасное назначеніе. По высочайшему повелѣнію 21-го апрѣля 1830 года, зданіе дворца обращено для богадѣльни престарѣлыхъ воиновъ, которая окончательно отстроилась и была открыта въ 1836 году.

Въ Чесмѣ двѣ церкви: 1) во имя Іоанна Предтечи, особая каменная, и 2) во имя Рождества Христова внутри зданія. Первый храмъ заложенъ былъ въ 1770 году въ присутствіи Екатерины II и шведскаго короля Густава III, освященъ онъ въ 1780 году, въ присутствіи государыни и римскаго императора Іосифа II.

Второй храмъ, Рождества Христова, устроенъ въ самомъ зданіи богадѣльни. Онъ былъ походною церковью царя Алексѣя Михайловича и Петра Великаго. Древній иконостасъ этого храма искусно вышитъ въ 1590 году золотомъ, серебромъ и разноцвѣтными шелками, особенно плащаница, вокругъ которой слова на грузинскомъ языкѣ, а въ срединѣ, надъ ангелами и евангелистами, на греческомъ. Замѣчательна надпись: «Лѣта 1590, Благодатію Святаго Духа и Святыя Живоначальныя Троицы, повелѣніемъ благовѣрнаго и христолюбиваго государя и великаго князя Ѳеодора Ивановича, всея Русіи самодержца, и его благовѣрной царицы, великія княгини Ирины, сдѣлана Святыя церква Живоначальныя Троицы въ осьмое лѣто государства его, при святѣйшемъ патріархѣ Іовѣ всея Русіи». Церковь эта перенесена была въ Чесменскій дворецъ по повелѣнію Александра I, въ 1812 году.

Что же касается портретовъ, большинство которыхъ было написано знаменитымъ русскимъ портретистомъ того времени Левицкимъ, то портреты эти императоромъ Павломъ I были перенесены въ построенный имъ для себя дворецъ, извѣстный теперь подъ именемъ Михайловскаго замка. Списокъ же этихъ портретовъ можно найдти въ сочиненіи Кампенгаузена: «Auswahe topographischer Merkwürdigkeiten des Petersburger», т. I, стр. 169.

И. Божеряновъ.

Письмо въ редакцію.

Въ одномъ изъ своихъ ежемѣсячныхъ критическихъ очерковъ во «Всемірной Иллюстраціи» я разобралъ отзывъ Ѳ. Б. о книгѣ г. Случевскаго «По сѣверу Россіи». Мой разборъ вызвалъ отвѣтъ со стороны Ѳ. Б. по адресу «Всемірной Иллюстраціи», помѣщенный въ августовской книжкѣ

«Историческаго Вѣстника». Въ своемъ отвѣтѣ Ѳ. Б. ошибочно принимаетъ меня за г. Дмитріева-Кавказскаго. Прошу помѣстить это письмо, чтобы не вводить въ заблужденіе читателей.

Сергѣй Смысловъ.

Помѣщая, по просьбѣ г. «Сергѣя Смыслова», это письмо, мы сочли нужнымъ показать его нашему сотруднику г. Ѳ. Б., который пожелалъ сдѣлать къ письму г. Смыслова нижеслѣдующее объясненіе:

«Откуда взялъ г. «Сергѣй Смысловъ», что я «принялъ» его за г. Дмитріева-Кавказскаго? Въ моемъ отвѣтѣ «Всемірной Иллюстраціи», оба отдѣлены рѣзко другъ отъ друга и подвиги каждаго изъ нихъ отмѣчены особо. Г. Смыслову принадлежитъ сплетеніе про меня нелѣпаго вздора, а г. Дмитріеву-Кавказскому — непохвальное поползновеніе взвалить отвѣтственность за плохіе рисунки въ книгѣ «По сѣверу Россіи» на ея автора, г. Случевскаго. Если оба они оказались мистификаторами, то смѣшивать ихъ, всетаки, было бы нерезонно уже потому, что я не имѣю удовольствія знать за г. Дмитріевымъ-Кавказскимъ ни одной печатной строки (за исключеніемъ развѣ знаменитой подписи въ «Ласточкѣ»—«Альгамбра въ Каирѣ»), тогда какъ г. Смысловъ показалъ себя очень опытнымъ журнальнымъ сплетникомъ. А что онъ продолжаетъ прикрываться забраломъ псевдонима, то это очень понятно. Ему было бы небезопасно обнаружить свое настоящее имя. Итакъ, да не отнимется отъ г. Смыслова честь печатнаго распространенія сплетни про меня, лицо ему совершенно незнакомое и съ нимъ не имѣющее ничего общаго.

«Кстати позвольте отмѣтить новую, на этотъ разъ анонимную, продѣлку «Всемірной Иллюстраціи». Мое коротенькое опроверженіе сплетни г. Смыслова, «Всемірная Иллюстрація» напечатала въ совершенно искаженномъ видѣ, сокративъ и уснаставъ его крайне невѣрными опечатками. Мало того, послѣ напечатанія моего отвѣта въ «Историческомъ Вѣстникѣ», въ «Иллюстраціи» появилось слѣдующее обращеніе къ читателю: «Ваше предположеніе справедливо. Авторъ оправдательнаго отвѣта «Всемірной Иллюстраціи» и новаго лживаго въ «Историческомъ Вѣстникѣ», есть такой-то (слѣдуетъ моя полная фамилія)». Эта продѣлка свидѣтельствуетъ явно, что уличенный журналъ, въ растерянности, лишился способности различать опроверженіе отъ оправданія и самыя элементарныя условія литературныхъ приличій. Можетъ быть, и это г. Смысловъ приметъ на себя. Тѣмъ хуже для него.

«Ѳ. Б.»

— Der Teufel! и мнѣ не хотите обѣщать?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—воскликнулъ я.

Онъ съ шумомъ швырнулъ на полъ связку ключей и повторилъ:—der Teufel! der Teufel! Потомъ разразился, обнимая меня:

— Ну, долженъ ли я перестать быть человѣкомъ изъ-за этихъ поскудныхъ ключей? Вы прекрасный человѣкъ, и мнѣ пріятно, что вы не хотите обѣщать мнѣ то, чего не сдержали бы. Вѣдь и я бы то же самое сдѣлалъ.

Я поднялъ ключи и подалъ ему.

— Эти ключи,—сказалъ я ему:—значитъ, не такъ же поскудны, такъ какъ не могутъ изъ такого, какъ вы, честнаго капрала сдѣлать злаго бездѣльника.

— А если бы я думалъ, что они могутъ меня сдѣлать такимъ,—отвѣчалъ онъ:—я снесъ бы ихъ своимъ начальникамъ и сказалъ бы: если вы не хотите дать мнѣ другаго хлѣба, какъ только хлѣбъ палача, я пойду просить милостыню.

Онъ вытащилъ изъ кармана платокъ, вытеръ имъ глаза, потомъ устремилъ ихъ наверхъ, сложивъ руки на молитву. Я сложилъ свои и молча молился, подобно ему. Онъ понималъ, что я возносилъ мольбы за него, какъ и я понималъ, что онъ возносилъ ихъ за меня.

Уходя, онъ сказалъ вполголоса:—Когда вы разговариваете съ графомъ Оробони, такъ говорите сколь возможно тише. Такимъ образомъ, вы сдѣлаете два добрыхъ дѣла: одно—избавите меня отъ выговора со стороны господина суперъ-интенданта, другое—не дадите, можетъ быть, понять какой нибудь разговоръ... должно ли мнѣ говорить про то?... какой нибудь разговоръ, который, будучи переданъ, всего больше прогнѣвалъ бы того, кто властенъ наказать.

Я увѣрилъ его, что съ нашихъ устъ не сходило никогда ни единаго слова такого, которое, если бы и было передано кому бы то ни было, могло бы оскорбить.

Въ самомъ дѣлѣ намъ не нужно было предупрежденій, чтобы быть осторожными. Два арестанта, которые входятъ въ сообщеніе между собою, прекрасно умѣютъ создать себѣ жаргонъ, на которомъ бы могли говорить все, не будучи поняты какимъ бы то ни было слушателемъ.

LXIX.

Я возвращался разъ утромъ съ прогулки: это было 7-го августа. Дверь въ камеру Оробони стояла открытой, а въ камерѣ былъ Шиллеръ, который не слыхалъ, какъ я пришелъ. Мои конвойные хотѣли пройдти впередъ, чтобы запереть эту дверь. Я ихъ предупредилъ, бросился туда, и вотъ я въ объятіяхъ Оробони.

Шиллеръ былъ ошеломленъ; онъ проговорилъ: der Teufel! der Teufel! — и поднялъ свой палецъ, грозя мнѣ. Но его глаза наполнились слезами, и онъ воскликнулъ, рыдая: — О, мой Боже! будь милосердъ къ этимъ бѣднымъ молодымъ людямъ, и ко мнѣ, и ко всѣмъ несчастнымъ, Ты, который и Самъ былъ столько несчастенъ на землѣ!

Оба конвойные плакали тоже. И корридорный часовой, подойдя сюда, также заплакалъ. Оробони говорилъ мнѣ: — Сильвіо! Сильвіо!

это одинъ изъ самыхъ счастливыхъ дней моей жизни! — Я не знаю, что говорилъ ему; я былъ внѣ себя отъ радости и отъ нѣжности.

Когда Шиллеръ сталъ заклинать насъ разойдтись, и было необходимо повиноваться ему, Оробони залился потокомъ горькихъ слезъ и сказалъ:

— Увидимся ли мы еще когда нибудь на землѣ?

И я не увидалъ ужъ его больше никогда! Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, его комната опустѣла, и Оробони лежалъ на кладбищѣ, которое было напротивъ моего окна!

Съ того времени, какъ мы увидались съ нимъ въ ту минуту, казалось, что мы еще нѣжнѣе, еще сильнѣе прежняго полюбили

другъ друга, казалось, что мы сдѣлались болѣе необходимыми другъ для друга.

Онъ былъ красивый молодой человѣкъ, благородной наружности, но блѣдный и плохаго здоровья. Только одни глаза были полны жизни. Моя привязанность къ нему увеличилась еще больше жалостью, которую внушали мнѣ его худоба и блѣдность. Онъ испытывалъ то же самое относительно меня. Мы оба сознавали, что, вѣроятно, одному изъ насъ скоро прійдется пережить другаго.

Черезъ нѣсколько дней онъ захворалъ. Я ничего инаго не дѣлалъ, какъ только горевалъ и молился за него. Послѣ нѣсколькихъ лихорадочныхъ припадковъ, ему опять стало немного лучше, и онъ могъ вернуться къ дружескимъ бесѣдамъ. О, какъ утѣшало меня то, что я слышу снова звукъ его голоса!

— Не заблуждайся,—говорилъ онъ мнѣ:—это не надолго. Имѣй мужество приготовиться къ моей утратѣ; вдохни своимъ мужествомъ мужество и въ меня.

Въ эти дни требовалось побѣлить стѣны въ нашихъ камерахъ, и насъ перевели пока въ подземелье. По несчастію, въ этотъ промежутокъ времени насъ не помѣстили въ смежныя камеры. Шиллеръ говорилъ мнѣ, что Оробони чувствуетъ себя хорошо, но я боялся, что онъ не хочетъ сказать мнѣ правду, и страшился того, чтобы здоровье Оробони, и такъ ужъ столь слабое, не ухудшилось въ этомъ подземельѣ.

Но я, по крайней мѣрѣ, былъ счастливъ тѣмъ, что меня этотъ случай привелъ быть вблизи моего дорогаго Марончелли. Я даже слышалъ его голосъ. Напѣвая, мы привѣтствовали другъ друга, не взирая на брань конвойныхъ.

Въ это время пріѣхалъ, чтобы осмотрѣть насъ, главный докторъ изъ Брюнна, посланный, быть можетъ, вслѣдствіе донесеній, сдѣланныхъ въ Вѣну суперъ-интендантомъ, относительно чрезвычайной хилости, къ которой привела всѣхъ насъ такая скудость пищи, или потому, что тогда въ камерахъ царилъ повальный скорбутъ.

Не зная причины этого посѣщенія, я вообразилъ себѣ, что это было изъ-за новой болѣзни Оробони. Боязнь потерять его причиняла мнѣ невыразимое безпокойство. Сильная грусть тогда охватила меня, и я желалъ умереть. Мысль о самоубійствѣ опять возникла во мнѣ. Я боролся съ ней; но я былъ, какъ утомленный путникъ, который, говоря самому себѣ: мой долгъ идти до конца, чувствуетъ сильнѣйшую потребность броситься на землю и отдохнуть.

Мнѣ сказали, что недавно въ одной изъ этихъ темныхъ берлогъ старый богемецъ убилъ себя, размозживъ себѣ голову о стѣну. Я не могъ выбросить изъ головы искушеніе сдѣлать съ собой то же самое. Я не знаю, то ли не дошло мое безуміе до такой степени,

или показавшаяся горломъ кровь заставила меня повѣрить, что смерть не далеко. Я возблагодарилъ Бога за то, что Онъ хотѣлъ пресѣчь мою жизнь такимъ образомъ, избавляя меня отъ отчаяннаго поступка, который осуждалъ мой разсудокъ.

Но Богъ вмѣсто того захотѣлъ сохранить ее. Это кровоизліяніе облегчило мою боль. Между тѣмъ, я снова былъ переведенъ въ верхній этажъ, и этотъ бóльшій свѣтъ и вновь вернувшееся сосѣдство Оробони меня снова привязали къ жизни.

LXX.

Я передалъ ему страшную грусть, испытанную мною въ разлукѣ съ нимъ; а онъ сказалъ мнѣ, что и онъ также долженъ былъ бороться съ мыслью о самоубійствѣ.

— Воспользуемся,—говорилъ онъ:—тѣмъ малымъ временемъ, вновь даннымъ намъ, чтобы укрѣпить другъ друга религіей. Поговоримъ о Богѣ; постараемся возбудить въ себѣ любовь къ Нему; припомнимъ себѣ то, что Онъ есть справедливость, мудрость, благость, красота, что Онъ есть все тò наилучшее, чтò восхищаетъ насъ всегда. Истинно говорю тебѣ, что смерть не далеко отъ меня. Я тебѣ буду вѣчно благодаренъ, если ты поможешь мнѣ сдѣлаться въ эти немногіе дни столь религіознымъ, сколь бы я долженъ былъ быть втеченіе всей моей жизни.

И наши разговоры не касались ничего инаго, кромѣ христіанской философіи и сравненія ея съ бѣдностью сенсуализма. Оба мы радовались тому, что замѣчали такую гармонію между христіанствомъ и разумомъ; оба, сличая различныя евангельскія вѣроисповѣданія, видѣли, что единственно только католическое вѣроисповѣданіе можетъ на самомъ дѣлѣ устоять противъ критики, и что доктрина католическаго вѣроисповѣданія состоитъ въ чистѣйшихъ догмахъ и въ чистѣйшей морали, а не въ жалкихъ приставкахъ, произведенныхъ человѣческимъ невѣжествомъ.

— И если мы опять, хотя на это и мало надежды, вернемся въ общество людей,—говорилъ Оробони: — неужели мы будемъ такъ малодушны, что не будемъ исповѣдовать евангеліе? неужели насъ будетъ тяготить это, если про насъ будутъ думать, что тюрьма ослабила нашъ духъ, и что по слабоумію мы сдѣлались болѣе твердыми въ вѣрѣ?

— Мой Оробони,—сказалъ я ему:—въ твоемъ вопросѣ мнѣ виденъ и твой отвѣтъ; это и мой отвѣтъ. Верхъ малодушія — быть рабомъ мнѣній другихъ, когда убѣжденъ, что они ложны. Я не думаю, чтобы у меня или у тебя когда нибудь было подобное малодушіе.

Въ этихъ сердечныхъ изліяніяхъ я сдѣлалъ ошибку. Я поклялся Джуліано, что, открывая его настоящее имя, я никогда никому

не передамъ тѣхъ отношеній, которыя были между нами. Я разсказалъ о нихъ Оробони, говоря ему: — Никогда бы на свѣтѣ не сорвалось этого у меня съ языка, но вѣдь здѣсь мы въ могилѣ, а если ты и выйдешь отсюда, я могу положиться на тебя.

Эта честнѣйшая душа молчала.

— Почему же ты мнѣ не отвѣчаешь?—спросилъ я его.

Наконецъ, онъ сталъ серьезно порицать меня за нарушеніе тайны. Его упрекъ былъ справедливъ. Никакая дружба, какъ бы тѣсна она ни была, какъ бы ни была она скрѣплена добродѣтелью, не можетъ дать право на такое нарушеніе.

Но, такъ какъ уже ошибка случилась, Оробони воспользовался ей для моего же блага. Онъ зналъ Джуліано и зналъ много превосходныхъ чертъ изъ его жизни. Онъ разсказалъ мнѣ о нихъ и говорилъ:—Этотъ человѣкъ такъ часто поступалъ, какъ истинный христіанинъ, что онъ не можетъ донести до могилы своего антирелигіознаго неистовства. Будемъ надѣяться, будемъ надѣяться на это! И постарайся, Сильвіо, простить ему отъ всего сердца его заблужденія, и молись за него!

Его слова были для меня священны.

LXXI.

Бесѣды, о которыхъ я говорю, то съ Оробони, то съ Шиллеромъ, то съ другими, занимали, всетаки, малую часть моихъ долгихъ двадцати четырехъ часовъ сутокъ, а бывало нерѣдко, что и вовсе не удавалось мнѣ побесѣдовать съ первымъ.

Что я дѣлалъ въ такомъ одиночествѣ?

Вотъ какова была вся моя жизнь въ эти дни. Я поднимался всегда на зарѣ и, взойдя на изголовье доски, вскарабкивался къ рѣшеткѣ окна и говорилъ свои молитвы. Оробони уже былъ у своего окна или не медлилъ подойдти къ нему. Мы здоровались, и тотъ и другой продолжали, молча, возносить свои мысли къ Богу. На сколько были ужасны наши логовища, на столько для насъ былъ прекрасенъ видъ изъ оконъ. Это небо, это поле, это отдаленное движеніе живыхъ существъ по долинѣ, эти голоса поселянъ, этотъ смѣхъ, эти пѣсни, веселили насъ, заставляли насъ сильнѣе чувствовать присутствіе Того, Кто такъ великъ въ своей благости, и въ Которомъ мы столько нуждались.

Потомъ приходили съ утреннимъ обыскомъ. Пришедшіе оглядывали камеру, чтобы узнать, все ли въ порядкѣ, и осматривали мою цѣпь, кольцо по кольцу, съ цѣлью убѣдиться, не сломалась ли она случайно, или не сломалъ ли я ее преднамѣренно; или же скорѣе (такъ какъ сломать цѣпь было невозможно) дѣлался этотъ осмотръ, чтобы точно выполнить предписанія дисциплины. Если

это былъ день прихода доктора, Шиллеръ спрашивалъ, не хочу ли я говорить съ нимъ, и принималъ къ свѣдѣнію.

Когда кончался осмотръ нашихъ камеръ, Шиллеръ возвращался, сопровождая Кунду, на обязанности котораго лежала уборка каждой камеры.

Черезъ короткій промежутокъ времени намъ приносили завтракъ. Его составляла половина горшка красноватаго бульону, съ тремя тончайшими ломтиками хлѣба; я съѣдалъ этотъ хлѣбъ, а бульона не пилъ.

Послѣ этого я занимался. Марончелли привезъ изъ Италіи много книгъ, и всѣ наши товарищи также привезли ихъ съ собою, кто больше, кто меньше. Все вмѣстѣ образовало порядочную библіотечку. Сверхъ того, мы надѣялись увеличить ее на наши деньги. Отъ императора еще не приходило никакого отвѣта относительно позволенія, которое мы испрашивали на чтеніе своихъ книгъ и на пріобрѣтеніе другихъ; а тѣмъ временемъ брюннскій губернаторъ позволилъ каждому изъ насъ пока имѣть у себя по двѣ книги и мѣняться ими каждый разъ, какъ захотимъ. Въ девять часовъ приходилъ суперъ-интендантъ, и если былъ позванъ докторъ, первый его сопровождалъ.

Остальная часть времени оставалась мнѣ затѣмъ на занятія вплоть до одиннадцати часовъ—времени нашего обѣда.

До захода солнца больше никакихъ уже посѣщеній не было, и я снова занимался. Въ это время Шиллеръ и Кунда приходили перемѣнить воду, а спустя минуту приходилъ суперъ-интендантъ съ солдатами для вечерняго осмотра всей камеры и моихъ оковъ.

Въ одинъ изъ часовъ дня, до или послѣ обѣда, по усмотрѣнію конвойныхъ, была прогулка.

Съ окончаніемъ упомянутаго вечерняго осмотра, Оробони и я начинали бесѣдовать, и это были обыкновенно самые долгіе разговоры. Сверхъ обыкновенія, разговоры бывали и по утрамъ или сейчасъ же послѣ обѣда, но, большею частію, эти разговоры были самые короткіе.

Иногда часовые были такъ снисходительны, что говорили намъ:— Немножко потише, господа, иначе намъ прійдется отвѣчать.

Въ другой разъ они показывали видъ, что не замѣчаютъ нашихъ разговоровъ, а если видятъ, что приближался сержантъ, просили помолчать насъ, пока тотъ не уйдетъ; и едва онъ скроется, они говорили:—Господа, теперь можно, но только какъ можно тише.

Иногда нѣкоторые изъ этихъ солдатъ становились на столько смѣлыми, что вступали съ нами въ разговоръ, отвѣчали на наши вопросы и передавали кое-какія извѣстія объ Италіи.

На нѣкоторые разговоры мы отвѣчали только тѣмъ, что просили ихъ замолчать. Было естественно, что мы сомнѣвались, искренни ли эти сердечныя изліянія, или же это была хитрость, употребляе-

мая ими съ цѣлью вывѣдать ниши мысли. Тѣмъ не менѣе, я склоняюсь гораздо больше на ту мысль, что этотъ народъ говорилъ искренно.

LXXII.

Разъ вечеромъ были у насъ благодушнѣйшіе часовые, и потому мы съ Оробони не давали себѣ труда сдерживать голосъ. Марончелли въ своемъ подземельѣ, вскарабкавшись къ окну, услыхалъ насъ и различилъ мой голосъ. Онъ не могъ удержаться и поздоровался со мною пѣснею, спросилъ меня, какъ мое здоровье, и выразилъ мнѣ въ самыхъ нѣжныхъ словахъ свое сожалѣніе по поводу того, что онъ еще не добился разрѣшенія быть намъ вмѣстѣ. Этой же милости и я просилъ, но ни суперъ-интендантъ Шпильберга, ни брюннскій губернаторъ не смѣли по своему произволу разрѣшить это. Наше взаимное желаніе было доведено до свѣдѣнія императора, но до сихъ поръ никакого отвѣта еще не было получено.

Кромѣ того раза, какъ мы пѣніемъ привѣтствовали другъ друга въ подземельѣ, я слышалъ много разъ съ верхняго этажа его пѣсни, но не понималъ словъ, и притомъ пѣніе едва раздавалось нѣсколько минутъ, какъ не давали продолжать его. А теперь онъ гораздо сильнѣе возвысилъ свой голосъ и не былъ такъ скоро прерванъ, такъ что я понялъ все. Нѣтъ словъ, чтобы выразить то волненіе, которое испыталъ я.

Я отвѣтилъ ему, и мы продолжали нашъ разговоръ около четверти часа. Напослѣдокъ смѣнили часовыхъ на площадкѣ, и вновь прибывшіе уже не были такъ снисходительны. Хотѣли было снова запѣть, но поднялись неистовыя ругательства, и намъ пришлось замолчать.

Я представлялъ себѣ Марончелли, томящагося столь долгое время въ тюрьмѣ, бывшей несравненно хуже моей; я воображалъ себѣ ту грусть, которая часто должна была тамъ угнетать его, и тотъ вредъ, который произойдетъ отсюда для его здоровья, и глубокая тоска сжала мнѣ сердце.

Наконецъ, я могъ плакать, но слезы не облегчили меня. Меня схватила сильная головная боль съ жестокой лихорадкой. Я не могъ стоять на ногахъ и бросился на свою постель. Конвульсіи увеличились, въ груди появились страшныя спазмы. Думалъ, что я умру въ эту ночь.

На слѣдующій день лихорадить меня перестало и въ груди стало легче, но мнѣ казалось, что весь мозгъ у меня въ огнѣ, и я едва могъ шевелить головой, не вызывая жестокихъ болей.

Я сказалъ Оробони о своемъ состояніи. И ему также было хуже обыкновеннаго.

— Другъ,—сказалъ онъ:—не далекъ тотъ день, когда одинъ изъ насъ двоихъ уже больше не сможетъ прійдти къ окну. Каждый разъ, какъ мы привѣтствуемъ другъ друга, можетъ быть послѣднимъ разомъ. Будемъ же оба готовы—умереть ли, пережить ли друга.

Его голосъ былъ умиленъ; я не могъ отвѣчать ему. Съ минуту мы пробыли молча, потомъ онъ заговорилъ:

— Ты блаженъ, что знаешь понѣмецки! Ты сможешь, по крайней мѣрѣ, исповѣдаться. Я просилъ священника, который бы зналъ поитальянски, но мнѣ сказали, что здѣсь нѣтъ такого. Но Господь видитъ мое желаніе, и съ той поры, какъ я исповѣдался въ Венеціи, истинно мнѣ кажется, что я ничѣмъ не обременилъ своей совѣсти.

— Я же, напротивъ, исповѣдался въ Венеціи,—сказалъ я ему:—съ душею полною злобы и сдѣлалъ хуже, чѣмъ если бы вовсе отказался отъ таинствъ. Но, если теперь дадутъ мнѣ священника. увѣряю тебя, что я исповѣдуюсь чистосердечно и прощая всѣмъ.

— Да благословитъ тебя Небо!—воскликнулъ онъ:—ты мнѣ доставляешь большое утѣшеніе. Сдѣлаемъ, да, сдѣлаемъ оба все возможное, чтобы намъ навѣки соединиться и въ счастіи, какъ это было, и въ дни несчастія!

На слѣдующій день я ждалъ его у окна, но онъ не явился. Я узналъ отъ Шиллера, что Оробони сильно захворалъ.

Спустя восемь или десять дней, ему стало лучше, и онъ снова привѣтствовалъ меня. Мнѣ не здоровилось, но я перемогался. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ и для него, и для меня въ этихъ смѣнахъ лучшаго худшимъ.

LXXIII.

Я перемогался до одиннадцатаго января 1823. Утромъ я всталъ съ небольшею головною болью, но съ расположеніемъ къ обмороку. У меня дрожали ноги, и я съ трудомъ дышалъ.

И Оробони уже два или три дня какъ не здоровилось, и онъ не вставалъ.

Принесли мнѣ супъ; едва я съ ложку отвѣдалъ его, какъ упалъ безъ чувствъ. Спустя нѣсколько времени, корридорный часовой взглянулъ случайно въ дверное окошечко и, видя меня распростертымъ на полу съ опрокинутымъ горшкомъ возлѣ, счелъ меня мертвымъ, и позвалъ Шиллера.

Пришелъ и суперъ-интендантъ; немедленно послали за докторомъ и меня положили въ постель. Съ трудомъ я очнулся.

Докторъ сказалъ, что я въ опасности, и приказалъ снять съ меня оковы. Онъ прописалъ мнѣ, не знаю какое, противосердечное лѣкарство, но желудокъ не могъ ничего удержать. Головная боль страшно увеличивалась.

Немедленно донесли губернатору, который отправилъ курьера въ Вѣну, чтобы узнать, что со мной дѣлать. Отвѣчали, чтобы меня не помѣщали въ больницу, но чтобы ухаживали за мной въ камерѣ, съ тѣмъ же самымъ стараніемъ, какъ если бы я былъ въ больницѣ. Кромѣ того, суперъ-интендантъ былъ уполномоченъ снабжать меня бульономъ и супомъ съ своей кухни, пока болѣзнь не перестанетъ быть серьёзной.

Эта послѣдняя предусмотрительность вначалѣ была для меня безполезна: никакая пища, никакое питье не принималось желудкомъ. Втеченіе всей недѣли мнѣ становилось все хуже и хуже, и я день и ночь былъ въ бреду.

Для ухода за мной были приставлены Краль и Кубицкій; оба съ любовью ходили за мной.

Всякій разъ, какъ я приходилъ нѣсколько въ сознаніе, Краль повторялъ мнѣ:

— Уповайте на Бога; только Богъ одинъ благъ.

— Помолитесь за меня, — говорилъ я ему: — не о томъ, чтобы я выздоровѣлъ, а о томъ, чтобы Онъ принялъ мои несчастія и мою смерть во искупленіе моихъ грѣховъ.

Онъ надоумилъ меня принять Св. Тайнъ.

— Если я не просилъ объ этомъ, — отвѣчалъ я: — припишите это слабости моей головы; но принять ихъ будетъ для меня большимъ утѣшеніемъ.

Краль передалъ мои слова суперъ-интенданту, и ко мнѣ былъ присланъ тюремный капелланъ.

Я исповѣдался, пріобщился и пособоровался. Я былъ доволенъ этимъ священникомъ. Звали его Штурмъ. Его разсужденія со мной о справедливости Бога, о несправедливости людей, о долгѣ всепрощенія, о сущности всего мірскаго не были пошлы; они носили отпечатокъ возвышеннаго и образованнаго ума и горячаго чувства истинной любви къ Богу и къ ближнему.

LXXIV.

Усиліе, сдѣланное мною для того, чтобы принять Св. Дары съ должнымъ вниманіемъ, казалось, истощило мои послѣднія силы, но на самомъ дѣлѣ оно помогло мнѣ: я на нѣсколько часовъ впалъ въ летаргію, которая успокоила меня.

Я проснулся нѣсколько облегченный и, видя возлѣ себя Шиллера и Краля, я взялъ ихъ за руку и благодарилъ за ихъ попеченія.

Шиллеръ сказалъ мнѣ: — У меня глазъ ужъ навострился распознавать больныхъ: я бы побился объ закладъ, что вы не умрете.

— Развѣ вамъ не кажется, что вы дѣлаете мнѣ дурное предсказаніе? — сказалъ я.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ:—велики въ жизни бѣдствія, это правда; но кто ихъ переноситъ съ благородствомъ духа и со смиреніемъ, тому это всегда приноситъ въ жизни пользу.

Потомъ онъ прибавилъ:—Если вы будете живы, я надѣюсь, что для васъ скоро будетъ большое утѣшеніе. Вы просили позволенія повидаться съ синьоромъ Марончелли?

— Уже я столько разъ просилъ объ этомъ, и все напрасно; не смѣю больше и надѣяться на это.

— Надѣйтесь, надѣйтесь, синьоръ! и еще разъ попросите объ этомъ.

Я въ самомъ дѣлѣ повторилъ свою просьбу въ тотъ же день. Равнымъ образомъ и суперъ-интендантъ сказалъ мнѣ, что я долженъ надѣяться, и прибавилъ, что Марончели будетъ можно не только повидаться со мной, но что мнѣ его дадутъ въ сидѣлки, а скоро затѣмъ и въ неразлучные товарищи.

Такъ какъ, сколько ни было насъ, государственныхъ арестантовъ, у всѣхъ насъ здоровье болѣе или менѣе было разстроено, то губернаторъ просилъ въ Вѣнѣ, чтобы насъ всѣхъ можно было помѣстить по двое, такъ чтобы одинъ помогалъ другому.

Я просилъ также милости позволить мнѣ написать своимъ роднымъ послѣднее прости.

Къ концу второй недѣли въ моей болѣзни сдѣлался кризисъ, опасность миновала.

Я начиналъ уже вставать, какъ однажды утромъ отворяется дверь, и я вижу, что ко мнѣ входятъ съ праздничными лицами суперъ-интендантъ, Шиллеръ и докторъ. Первый подбѣгаетъ ко мнѣ и говоритъ:—Намъ разрѣшено дать вамъ въ товарищи Марончели и позволить вамъ написать письмо къ родителямъ.

Радость захватила мнѣ дыханіе, и бѣдный суперъ-интендантъ, у котораго въ порывѣ добраго сердца не хватило благоразумія, счелъ меня погибшимъ.

Когда я пришолъ въ чувство и вспомнилъ объ услышанной вѣсти, я просилъ, чтобы не отсрочивали для меня такого счастія. Докторъ согласился, и Марончелли былъ приведенъ въ мои объятія.

О, какая это была минута!—Ты живъ? восклицали мы взаимно. О, другъ! о, братъ! До какого мы еще дожили счастливаго дня, дня свиданія! Да будетъ благословенъ Господь за это!

Но къ нашей безграничной радости примѣшивалась и безграничная жалость. Марончелли долженъ былъ быть менѣе пораженъ, чѣмъ я, найдя меня такимъ изможденнымъ, какимъ я былъ: онъ зналъ, какую я перенесъ тяжелую болѣзнь; но я, и представляя себѣ то, что̀ онъ выстрадалъ, никогда не воображалъ его столь непохожимъ на прежняго. Онъ едва былъ узнаваемъ. Его наружность, нѣкогда столь прекрасная, столь цвѣтущая, страшно измѣнилась: все было унесено горемъ да голодомъ, да сквернымъ воздухомъ его темной камеры!

Всетаки, видѣть другъ друга, слышать другъ друга, наконецъ-то стать неразлучными насъ утѣшало. О, сколько у насъ было сообщить другъ другу, припомнить, пересказать другъ другу! О, сколько нѣжности въ состраданіи! Какая гармонія во всѣхъ мысляхъ! Какое удовольствіе быть согласными въ дѣлѣ религіи, согласными въ томъ, чтобы ненавидѣть невѣжество и варварство, но не относиться съ ненавистью ни къ кому изъ людей, сожалѣть о невѣждахъ и варварахъ и молиться за нихъ!

LXXV.

Мнѣ принесли бумаги, перо и чернилъ, чтобы я написалъ письмо къ родителямъ.

Такъ какъ позволеніе собственно было дано умирающему, который намѣревался послать роднымъ послѣднее прости, то я боялся что мое письмо, будучи теперь иного содержанія, уже больше не будетъ послано. Я ограничился тѣмъ, что просилъ съ величай-

шею нѣжностью родителей, братьевъ и сестеръ, чтобы они примирились съ моей участью, увѣряя ихъ, что я безропотно покорился ей.

Тѣмъ не менѣе это письмо было отправлено, какъ я послѣ узналъ, когда послѣ столькихъ лѣтъ вновь увидалъ родительскій кровъ. Это было единственное письмо, которое втеченіе столь долгаго времени моего заточенія могли получить отъ меня дорогіе родители. Отъ нихъ же я никогда не имѣлъ ни одного: всѣ письма, которыя мнѣ писали, всегда удерживались въ Вѣнѣ. Точно также были лишены всякихъ сношеній съ своими родными и остальные товарищи по несчастію.

Безконечное число разъ мы просили милости имѣть, по крайней мѣрѣ, бумагу, перья и чернила для занятій и употреблять наши деньги на покупку книгъ. Но на наши просьбы вовсе необращали никакого вниманія.

Губернаторъ между тѣмъ продолжалъ позволять намъ чтеніе нашихъ книгъ.

По его же добротѣ насъ стали нѣсколько лучше кормить, но, увы, это было непродолжительно. Онъ согласился на то, чтобы насъ кормили не съ острожной кухни, а съ кухни суперъ-интенданта. Для такого употребленія ему была ассигнована нѣкоторая сумма. Подтвержденія этому распоряженію не пришло, но пока длилось это благодѣяніе, оно принесло мнѣ большую пользу. И Марончелли прибавилось немного силы. Для несчастнаго Оробони было уже слишкомъ поздно.

Этотъ послѣдній находился сначала съ адвокатомъ Солера, а потомъ съ священникомъ Д. Фортини.

Когда насъ размѣстили въ камерахъ по двое, намъ вновь подтвердили запрещеніе говорить въ окно, угрожая, что тотъ, кто пойдетъ наперекоръ, будетъ снова оставленъ одинъ. Мы нарушили, по правдѣ сказать, нѣсколько разъ это запрещеніе, чтобы поздороваться другъ съ другомъ, но уже долгихъ разговоровъ у насъ не было.

Наклонности Марончелли и мои совершенно гармонировали другъ съ другомъ. Бодрость одного поддерживала бодрость другаго. Если одного изъ насъ охватывала грусть или дрожь негодованія противъ суровости нашего состоянія, другой развеселялъ его какой нибудь шуткой или подходящими къ данному случаю разсужденіями. Нѣжная улыбка почти всегда умѣряла наши печали.

Пока у насъ были книги, даромъ, что мы ихъ перечитывали до того, что знали на память, онѣ представляли пріятную пищу для ума, такъ какъ служили поводомъ къ новымъ изслѣдованіямъ, сличеніямъ, сужденіямъ, повѣркамъ и пр. Читали мы и размышляли большую часть дня въ молчаніи и предавались болтовнѣ во время обѣда, прогулки и во весь вечеръ.

Марончелли въ своемъ подземельѣ сложилъ много чрезвычайно прекрасныхъ стиховъ. Онъ мнѣ пересказывалъ ихъ и слагалъ другіе. И я также слагалъ стихи и пересказывалъ ихъ ему наизусть. А наша память изощрялась, удерживая все это. Была удивительна та способность, которую мы пріобрѣли,—способность слагать на память длинныя произведенія въ стихахъ, сглаживать ихъ и передѣлывать безконечное число разъ, пока не доведешь ихъ до той же самой степени возможнаго совершенства, какое бы было достигнуто, если бы писать ихъ. Марончелли сложилъ такимъ образомъ исподволь и удержалъ въ памяти многія тысячи лирическихъ и эпическихъ стиховъ. Я сложилъ трагедію «Leoniero da Dertona» и много другихъ вещей.

LXXVI.

Оробони, который сильно страдалъ зимой и весной, лѣтомъ стало еще хуже. Онъ харкалъ кровью, и у него сдѣлалась водянка.

Предоставляю судить, какова была наша скорбь, когда онъ отъ насъ такъ близко умиралъ, а мы не могли разбить эти жестокія стѣны, которыя мѣшали намъ видѣть его и оказать ему наши дружескія услуги!

Шиллеръ приносилъ намъ извѣстія о немъ. Несчастный молодой человѣкъ жестоко страдалъ, но духъ его никогда не унижался. Духовную помощь ему оказывалъ капелланъ, который по счастливой случайности зналъ пофранцузски.

Умеръ онъ въ день своихъ именинъ, 13-го іюня 1823 года. За нѣсколько часовъ до своей смерти, онъ заговорилъ о своемъ восьмидесятилѣтнемъ отцѣ, умилился и заплакалъ. Потомъ пришелъ въ себя, говоря:—Но зачѣмъ я плачу о самомъ счастливомъ изъ самыхъ дорогихъ моему сердцу!—вѣдь онъ наканунѣ соединенія со мной въ вѣчномъ мирѣ.

Его послѣднія слова были:—Отъ всего сердца я прощаю своимъ врагамъ.

Ему закрылъ глаза Д. Фортини, его другъ съ дѣтства, человѣкъ—весь религія и любовь.

Бѣдный Оробони! Какой холодъ пробѣжалъ у насъ по жиламъ, когда намъ сказали, что его уже нѣтъ больше! И услышали мы голоса и шаги тѣхъ, кто приходилъ за этимъ трупомъ! И увидѣли мы изъ окна дроги, на которыхъ повезли его на кладбище! Везли эти дроги два простыхъ арестанта; за ними слѣдовало четверо конвойныхъ. Мы проводили глазами печальное шествіе до кладбища. Дроги въѣхали въ ограду. Остановились въ одномъ углу: тамъ была могила.

Спустя нѣсколько минутъ, дроги, арестантъ и стража вернулись назадъ. Одинъ изъ этихъ конвойныхъ былъ Кубицкій. Онъ

мнѣ сказалъ (благородная, прекрасная мысль, удивительная въ грубомъ, простомъ человѣкѣ): — Я тщательно замѣтилъ мѣсто погребенія на тотъ конецъ, чтобы, если какой нибудь родственникъ или другъ могъ бы испросить когда нибудь разрѣшеніе взять эти кости и унести ихъ въ свою страну, знать, гдѣ онъ лежалъ.

Сколько разъ бывало Оробони говорилъ мнѣ, смотря изъ окна на это кладбище: — Нужно бы привыкнуть мнѣ къ мысли истлѣть вонъ тамъ, однако признаюсь, что эта мысль кидаетъ меня въ дрожь. Мнѣ кажется, что похорони меня въ этихъ странахъ, мнѣ уже не будетъ здѣсь такъ хорошо, какъ на нашемъ миломъ полуостровѣ.

Послѣ смѣялся и говорилъ: — Ребячество! когда платье ветхо, и нужно его сбросить, такъ что̀ въ томъ, гдѣ бы оно ни было брошено?

Иногда онъ говорилъ: — Я готовъ принять смерть, но я бы охотнѣе покорился ей съ такимъ условіемъ: хоть бы только войдти мнѣ въ родительскій домъ, обнять колѣна отца моего, выслушать одно слово благословенія и умереть!

Онъ вздыхалъ и прибавлялъ: — Если эта чаша не можетъ миновать меня, мой Боже, да будетъ воля Твоя!

И въ послѣднее утро его жизни, цѣлуя распятіе, которое подалъ ему Краль, онъ еще разъ сказалъ:

— Ты, который былъ Богъ, вѣдь и Ты страшился смерти и говорилъ: Si possibile est, transeat a Me calix iste! Прости, если это и я говорю. Но я повторяю и другія Твои слова: Verumtamen non sicut Ego volo, sed sicut Tu!

LXXVII.

Послѣ смерти Оробони, я снова захворалъ. Я думалъ, что скоро соединюсь съ усопшимъ другомъ, и желалъ того. Если бы не это, развѣ бы разлучился я безъ сожалѣнія съ Марончелли?

Много разъ, пока онъ, сидя на постели, читалъ или слагалъ стихи, или притворялся, подобно мнѣ, что развлекается такими занятіями, и размышлялъ о нашихъ несчастіяхъ, я съ грустью смотрѣлъ на него и думалъ: во сколько же разъ печальнѣе будетъ твоя жизнь, когда коснется меня дыханіе смерти, когда ты увидишь, что меня выносятъ изъ этой комнаты, когда ты скажешь, смотря на кладбище: и Сильвіо тамъ! И я умилялся, думая объ этомъ бѣдномъ другѣ, остающемся въ живыхъ, и молился о томъ, чтобы ему дали другаго товарища, способнаго цѣнить его, какъ цѣнилъ его я, или же, чтобы Господь продлилъ мои мученія и оставилъ бы на мнѣ сладкую обязанность умѣрять мученія этого несчастнаго, раздѣляя ихъ.

Я не говорю, сколько разъ проходили мои болѣзни и появлялись снова. Марончелли втеченіе этихъ болѣзней ухаживалъ за мной,

какъ самый нѣжный братъ. Бывало, замѣтитъ онъ, что не годится говорить со мной, и сидитъ тогда молча; увидитъ, что его рѣчь можетъ развлечь меня, и онъ всегда находитъ предметъ для разговора, подходящій къ расположенію моего духа, и то поддерживаетъ во мнѣ это расположеніе духа, то старается исподволь измѣнить его. Умовъ благороднѣе его я никогда не знавалъ, равныхъ его — мало. Величайшая любовь къ справедливости, величайшая терпимость, величайшая вѣра въ человѣческую добродѣтель и въ помощь провидѣнія, самое живѣйшее чувство изящнаго во всѣхъ искусствахъ, богатая поэзіей фантазія, всѣ пріятнѣйшіе дары ума и сердца соединялись въ немъ, чтобы сдѣлать его дорогимъ для меня.

Я не забывалъ Оробони и всякій день горевалъ о его смерти; но часто радовалось мое сердце, когда я представлялъ себѣ, что онъ, мой возлюбленный, избавившійся теперь отъ всѣхъ золъ, сидящій на лонѣ божества, долженъ былъ причислить къ своимъ радостямъ и ту, что онъ видитъ меня съ другомъ не менѣе, чѣмъ онъ, нѣжнымъ и любящимъ.

Казалось, какой-то голосъ въ глубинѣ души увѣрялъ меня, что Оробони уже не находится больше въ мѣстѣ очищенія грѣховъ; тѣмъ не менѣе, я всегда молился за него. Много разъ я видѣлъ его во снѣ, что онъ молился за меня; и я любилъ убѣждать себя, что эти сны не были случайны, но были истинными откровеніями его, допущенными Богомъ, чтобы утѣшить меня. Было бы смѣшно, если бы я передалъ жизненность такихъ сновъ и ту сладость, которую они дѣйствительно оставляли въ моемъ сердцѣ на цѣлые дни.

Но религіозныя чувства и дружба моя къ Марончелли все больше облегчали мои скорби. Единственная мысль, пугавшая меня, была — возможность того, что этотъ несчастный, будучи также довольно разстроеннаго здоровья, хотя и менѣе опасно, чѣмъ мое, предупредитъ меня на дорогѣ къ могилѣ. Всякій разъ, какъ онъ заболѣвалъ, я боялся; всякій разъ, какъ я вижу, что ему лучше, былъ праздникомъ для меня.

Эта боязнь потерять его придавала все больше и больше силы моей любви къ нему, а боязнь потерять меня производила и въ немъ то же самое дѣйствіе.

Ахъ, какъ много нѣжности въ этихъ стѣнахъ печали и надежды за того, кто остается только однимъ единственнымъ для тебя! Наша доля была навѣрное одна изъ самыхъ несчастныхъ на землѣ; однако, столь полная любовь другъ къ другу и взаимное уваженіе образовали и среди нашихъ несчастій уголокъ счастія, и мы истинно наслаждались имъ.

LXXVIII.

Я горячо желалъ, чтобы капелланъ (которымъ я былъ такъ доволенъ во время первой моей болѣзни) былъ намъ данъ въ духовники, и чтобы мы могли видѣть его время отъ времени, и не будучи тяжко больными. Вмѣсто того, чтобы на него возложить эту обязаниость, губернаторъ назначилъ намъ августинца по имени отца Баттиста, пока не придетъ изъ Вѣны или утвержденіе этого послѣдняго, или назначеніе другаго.

Я боялся прогадать на этой перемѣнѣ, но я ошибался. Отецъ Баттиста былъ ангеломъ доброты, обладалъ возвышеннымъ и изящнымъ образомъ мыслей и съ глубокимъ пониманіемъ разсуждалъ объ обязанностяхъ человѣка.

Мы просили, чтобы онъ часто приходилъ къ намъ. Онъ приходилъ каждый мѣсяцъ и чаще, если могъ. Приносилъ намъ книгъ, съ разрѣшенія губернатора, и говорилъ намъ, отъ имени своего аббата, что вся монастырская библіотека къ нашимъ услугамъ. Это было бы большимъ пріобрѣтеніемъ для насъ, если бы было оно продолжительно. Всетаки, мы пользовались этимъ обязательнымъ предложеніемъ втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Послѣ исповѣди онъ долго оставался бесѣдовать съ нами, и во всѣхъ его рѣчахъ проявлялась душа прямая, достойная, понимающая и цѣнящая величіе и святость человѣка. Мы имѣли счастіе наслаждаться около года его знаніями и его любовью, и онъ никогда ни въ чемъ не измѣнилъ себѣ. Не было никогда ни одного слова, которое бы дало поводъ заподозрѣть въ отцѣ Баттистѣ намѣреніе служить не своей обязанности, а политикѣ. Никогда не было никакого недостатка въ какомъ бы то ни было деликатномъ отношеніи.

Вначалѣ, сказать правду, я не довѣрялъ ему, я ожидалъ увидѣть то, что онъ употребитъ остроту своего ума на такія выискиванія и изслѣдованія, дѣлать которыя ему не пристало. Въ государственномъ арестантѣ подобное недовѣріе слишкомъ естественно; но, о, какъ стало легко на душѣ, когда это недовѣріе исчезло, когда въ его бесѣдахъ о Богѣ не открылось никакого другаго рвенія, кромѣ рвенія къ Богу и человѣчеству!

У него была особенная, присущая ему, манера доставлять утѣшеніе такъ, чтобы оно оказывало свое дѣйствіе. Такъ, напримѣръ, я обвинялъ себя въ изступленномъ гнѣвѣ по поводу суровости нашей тюремной дисциплины. Онъ высказалъ нѣсколько замѣчаній относительно добродѣтели, состоящей въ терпѣніи съ яснымъ спокойствіемъ и въ всепрощеніи; потомъ перешелъ къ тому, что сталъ мнѣ рисовать въ живѣйшихъ образахъ бѣдствія положеній, различныхъ съ моимъ. Онъ много жилъ и въ городѣ, и въ деревнѣ, зналъ

и великихъ, и малыхъ, и много размышлялъ о человѣческихъ несправедливостяхъ, и умѣлъ хорошо обрисовать страсти и нравы разныхъ классовъ общества. И вездѣ онъ показывалъ мнѣ сильныхъ и слабыхъ, угнетающихъ и угнетаемыхъ; повсюду—необходимость или ненавидѣть себѣ подобныхъ, или любить ихъ по великодушной снисходительности изъ сострадания. Случаи, которые онъ мнѣ разсказывалъ, чтобы напомнить мнѣ о всеобщности несчастія и о тѣхъ благихъ послѣдствіяхъ, которыя вытекаютъ изъ него, ничего не представляли особеннаго; напротивъ, они были совершенно обыкновенны; но онъ говорилъ мнѣ о нихъ въ выраженіяхъ столь справедливыхъ, столь мощныхъ, что эти его рѣчи прочно вкореняли въ моей душѣ выводы, заключавшіеся въ нихъ.

Ахъ, да! всякій разъ, какъ я слышалъ эти ласковые упреки и эти благородные совѣты, я пламенѣлъ любовью къ добродѣтели; я уже больше ни къ кому не питалъ ненависти; я бы отдалъ свою жизнь за малѣйшаго изъ моихъ ближнихъ; я благословлялъ Господа за то, что Онъ сдѣлалъ меня человѣкомъ.

Ахъ! несчастенъ тотъ, кто не признаетъ высокаго значенія исповѣди! несчастенъ тотъ, кто, чтобы не показаться вульгарнымъ, считаетъ себя обязаннымъ смотрѣть на нее съ насмѣшкой! Это не правда, что безполезно всякому, и та̀къ знающему, что нужно быть добрымъ, еще слышать, что говорятъ это, что достаточно собственныхъ размышленій и подходящаго чтенія; нѣтъ! живое слово человѣка имѣетъ такое значеніе, такую мощь, какихъ ни чтеніе, ни собственныя размышленія не имѣютъ! Живымъ словомъ душа больше потрясается; впечатлѣнія, при этомъ образующіяся,—глубже. Въ братѣ, который говоритъ, есть жизнь, въ его рѣчахъ—своевременность, которыхъ часто напрасно бы искали и въ книгахъ, и въ собственныхъ нашихъ мысляхъ.

LXXIX.

Въ началѣ 1824 года, суперъ-интендантъ, у котораго въ одномъ изъ концовъ нашего корридора находилась его канцелярія, перевелъ ее въ другое мѣсто, а комнаты канцеляріи съ другими, примыкавшими къ нимъ, были обращены въ камеры. Увы, мы поняли, что должно ожидать изъ Италіи новыхъ государственныхъ преступниковъ.

Дѣйствительно, въ скоромъ времени прибыли подсудимые третьяго процесса — все друзья и мои знакомые! О, какъ сильна была моя скорбь, когда я узналъ имена ихъ! Борсьери былъ одинъ изъ самыхъ старинныхъ моихъ друзей! Къ Конфалоньери я былъ привязанъ хоть и не такъ давно, но за то всѣмъ сердцемъ! Если бы я могъ, подвергая себя тягчайшему тюремному заключенію или

какому нибудь мученію, какое только можно себѣ представить, отбыть вмѣсто нихъ ихъ наказаніе и освободить ихъ, Богъ знаетъ, не сдѣлалъ ли бы я этого! Не говорю только, что я бы отдалъ жизнь за нихъ: ахъ, что значитъ отдать жизнь? страдать, это — гораздо больше!

Я тогда сильно нуждался въ утѣшеніяхъ о. Баттисты, но ему больше не позволяли приходить.

Были получены новыя предписанія относительно поддерживанія въ тюрьмѣ самой строгой дисциплины. Та площадка, которая служила намъ мѣстомъ прогулки, была сначала окружена частоколомъ, чтобы никто, даже издали въ телескопы, больше не могъ насъ видѣть; такимъ образомъ для насъ былъ потерянъ самый прекраснѣйшій видъ на окружающіе холмы и на лежащій внизу городъ. Этого было недостаточно. Чтобы попасть на эту площадку, приходилось проходить, какъ я уже говорилъ, черезъ дворъ; а на дворѣ многимъ удавалось видѣть насъ. Съ цѣлью скрыть насъ отъ всѣхъ взоровъ, насъ лишили этого мѣста для прогулки и назначили намъ другое, самое крохотное, находящееся вблизи нашего корридора, и на самой сѣверной сторонѣ, какъ и наши камеры.

Не могу выразить, какъ насъ опечалила эта перемѣна мѣста нашей прогулки. Я не отмѣтилъ всѣхъ утѣшеній, которыя у насъ были въ прежнемъ мѣстѣ, теперь отнятомъ у насъ. Мы тамъ видали дѣтей суперъ-интенданта, выходившихъ вмѣстѣ съ ихъ больною матерью, въ послѣдніе дни ея жизни, тамъ насъ ласкали эти милыя дѣти; тамъ мы иногда вступали въ разговоръ съ кузнецомъ, жившимъ неподалеку на этой площадкѣ; тамъ мы слыхали веселыя пѣсенки и стройные звуки гитары, на которой игралъ одинъ изъ капраловъ; и наконецъ тамъ возникла невинная любовь—не моя, не моего товарища, но любовь одной доброй венгерской капральши, продавщицы фруктовъ. Она была влюблена въ Марончелли.

Еще раньше того, какъ онъ былъ помѣщенъ вмѣстѣ со мною, Марончелли и эта женщина, почти каждый день видаясь тутъ другъ съ другомъ, свели между собою небольшую дружбу. Онъ былъ такая чистая, достойная, простая душа, что вовсе и не подозрѣвалъ, что въ него влюбилось доброе созданіе. Онъ узналъ объ этомъ отъ меня. Не рѣшился повѣрить мнѣ и, только предполагая, что я правъ, онъ сталъ относиться холоднѣе къ ней. Большая сдержанность съ его стороны вмѣсто того, чтобы потушить любовь этой женщины, казалось, увеличила ее.

Такъ какъ окно ея комнаты находилось на разстояніи едва одного фута отъ земли, она выпрыгивала къ намъ, какъ будто за тѣмъ, чтобы растянуть на солнцѣ холстъ, или за какимъ нибудь другимъ дѣломъ, и стояла тутъ, смотря на насъ, а если могла, вступала и въ разговоръ съ нами.

Бѣдные наши конвойные, всегда утомленные тѣмъ, что мало

или вовсе не спали ночью, охотно пользовались случаемъ быть въ этомъ уголкѣ, гдѣ они могли, не будучи видимы начальствомъ, сидѣть на травѣ и дремать. Марончелли былъ тогда въ большомъ затрудненіи, до того становилась явной любовь этой несчастной. Еще больше было мое затрудненіе. Тѣмъ не менѣе подобныя сцены, которыя были бы довольно смѣшны, если бы эта женщина мало внушала къ себѣ уваженія, были вовсе не смѣшны, я даже могъ бы сказать, что онѣ были трогательны. У несчастной венгерки было одно изъ тѣхъ лицъ, которыя несомнѣнно показываютъ добродѣтельныя наклонности и внушаютъ къ себѣ уваженіе. Она не была красива, но обладала той миловидностью, при которой нѣсколько неправильныя черты ея лица, казалось, хорошѣли при каждой улыбкѣ, при каждомъ движеніи мускуловъ.

Если бы моей цѣлью было описывать любовь, мнѣ немало пришлось бы поразсказать объ этой несчастной и добродѣтельной женщинѣ, теперь умершей. Но довольно и того, что я сказалъ объ одномъ изъ немногихъ приключеній нашей тюремной жизни.

LXXX.

Усиленныя строгости все однообразнѣе дѣлали нашу жизнь. Въ чемъ прошли для насъ весь 1824, весь 1825, весь 1826, весь 1827 годъ? Насъ лишили права пользоваться нашими книгами, которое на время было дано губернаторомъ. Тюрьма стала для насъ настоящей могилой, въ которой только не доставало намъ могильнаго спокойствія. Каждый мѣсяцъ, въ неназначенный заранѣе день, приходилъ къ намъ директоръ полиціи, въ сопровожденіи лейтенанта и стражи, съ цѣлью произвести у насъ тщательный обыскъ. Насъ раздѣвали до-нага, осматривали всѣ швы платья, думая найдти въ нихъ или спрятанную бумагу, или что нибудь другое, распарывали тюфяки и обшаривали ихъ. Хотя и ничего не могли они найдти у насъ потаеннаго, всетаки, въ этомъ нечаянномъ и непріятномъ посѣщеніи, повторяемомъ безъ конца, было что-то, я не знаю, такое, что приводило меня въ негодованіе и кидало всякій разъ въ лихорадку.

Мнѣ казались прошедшіе годы столько несчастными, а теперь я съ завистью думалъ о нихъ, какъ о такомъ времени, которое было дорогимъ и пріятнымъ для меня. Гдѣ тѣ часы, въ которые я былъ поглощенъ изученіемъ Библіи или Гомера? Съ помощью чтенія Гомера въ подлинникѣ, я увеличилъ то самое знаніе греческаго языка, которое было у меня, и пристрастился къ этому языку. Какъ мнѣ было жалко, что я не могу продолжать заниматься имъ. Данте, Петрарка, Шекспиръ, Байронъ, Вальтеръ-Скоттъ, Шиллеръ, Гёте и проч., всѣхъ отняли у меня! Сколькихъ друзей потерялъ я! Къ нимъ же причислялъ я и нѣсколько книгъ христіанскаго

ученія, какъ-то: Бурдалу, Паскаля, Подражаніе жизни Іисуса Христа, Филотея и прочія книги, которыя, если ихъ читаютъ съ ограниченной критикой, не вникая въ суть дѣла, злорадствуя надъ каждымъ промахомъ, надъ каждой слабой мыслью, бросаются и не берутся больше въ руки; но если эти книги читать безъ мудрствованій и не соблазняясь ихъ слабыми сторонами, то въ этихъ книгахъ мы найдемъ высокую философію, питающую въ полной мѣрѣ и умъ, и сердце.

Нѣсколько изъ такихъ религіозныхъ книгъ было потомъ прислано намъ въ даръ императоромъ, но книги другаго рода, служащія къ литературному занятію, были безусловно исключены.

Этотъ даръ аскетическихъ твореній былъ для насъ исходатайствованъ въ 1825 году далматскимъ духовникомъ, присланнымъ къ намъ изъ Вѣны, о. Стефано Пауловичемъ, который, спустя два года, былъ сдѣланъ потомъ каттарскимъ епископомъ. Ему же мы были обязаны и тѣмъ, что, наконецъ, для насъ стали служить обѣдню, въ которой намъ раньше все отказывали, говоря, что нельзя насъ вести въ церковь и держать тамъ отдѣльными парами, какъ это было предписано.

Такъ какъ нельзя было сохранить въ церкви подобнаго порядка, то насъ раздѣляли, когда мы шли къ обѣднѣ, на три группы: одна становилась на хорахъ, гдѣ находился органъ, другая подъ этими хорами, такъ, однако, чтобы не быть видимой, а третья въ молеленкѣ, отгороженной рѣшеткой.

У меня и Марончелли были въ такомъ случаѣ товарищами, только съ запрещеніемъ говорить одной парѣ съ другой, шестеро арестантовъ, осужденныхъ по первому приговору, бывшему передъ нашимъ. Двое изъ нихъ были моими сосѣдями въ венеціанскихъ тюрьмахъ. Стража приводила насъ на назначенное мѣсто и отводила обратно, послѣ обѣдни, каждую пару въ ея камеру. Обѣдню приходилъ служить капуцинъ. Этотъ добрый человѣкъ всегда заканчивалъ службу Oremus, съ жаромъ молясь растроганнымъ голосомъ о нашемъ избавленіи отъ оковъ. Когда онъ уходилъ изъ алтаря, онъ окидывалъ ласковымъ взглядомъ каждую изъ трехъ группъ и печально склонялъ свою голову, молясь.

LXXXI.

Въ 1825 году, Шиллеръ былъ признанъ слишкомъ одряхлѣвшимъ отъ старости, и его назначили смотрителемъ другихъ арестантовъ, относительно которыхъ не требовалось такой бдительности. О, какъ намъ было жаль, что онъ удаляется отъ насъ, да и ему было жаль покидать насъ!

Его преемникомъ былъ сначала Краль, человѣкъ не менѣе его добрый. Но и этому вскорѣ дали другое назначеніе, а къ намъ при-

ставили человѣка не злаго, но грубаго и чуждаго всякимъ проявленіямъ чувства.

Эти перемѣны глубоко печалили меня. Шиллеръ, Краль и Кубицкій, а въ особенности первые двое, ухаживали за нами въ нашихъ болѣзняхъ, какъ могли бы это дѣлать только отецъ или братъ. Неспособные нарушить свой долгъ, они умѣли выполнять его безъ жесткости сердца. Если и было у нихъ немного жесткости въ обращеніи, такъ это почти всегда было невольно, и вполнѣ выкупалось ласковымъ, любовнымъ отношеніемъ, которое у нихъ было къ намъ. Я иногда, бывало, сердился на нихъ, но какъ они сердечно прощали мнѣ! какъ они горячо желали убѣдить насъ, что чувствовали привязанность къ намъ, и какъ радовались, видя, что мы были убѣждены въ этомъ и считали ихъ людьми честными и добрыми!

Съ того времени, какъ Шиллеръ удалился отъ насъ, онъ нѣсколько разъ хворалъ и поправлялся. Мы спрашивали извѣстій о немъ съ сыновней тревогой. Выздоравливая, онъ, бывало, прогуливался иногда подъ нашими окнами. Мы кашлемъ здоровались съ нимъ, и онъ, смотря на верхъ съ печальной улыбкой, говорилъ часовому, такъ что мы слышали:

— Da sind meine Sohne! (Тамъ мои сыновья!).

Бѣдный старикъ! какъ тяжело мнѣ было видѣть, что ты едва-едва тащишься съ своимъ больнымъ бокомъ, а я не могу поддержать тебя своею рукою!

Иногда онъ садился тутъ на траву и читалъ. Это были тѣ книги, которыя онъ давалъ мнѣ читать. И, чтобы я ихъ узналъ, онъ говорилъ часовому ихъ заглавія или перечитывалъ какой нибудь отрывокъ. Большею частію, эти книги были повѣсти изъ календарей или другіе романы не особеннаго литературнаго достоинства, но нравственнаго содержанія.

Послѣ разнообразныхъ возвратовъ апоплексіи, его отправили въ военный госпиталь. Онъ уже былъ въ самомъ плохомъ состояніи и вскорѣ тамъ умеръ. Было у него нѣсколько сотенъ флориновъ, плодъ его долгихъ сбереженій: онъ роздалъ ихъ въ подарокъ нѣкоторымъ своимъ сослуживцамъ. Когда уже онъ увидалъ близкимъ свой конецъ, онъ призвалъ къ себѣ этихъ пріятелей и сказалъ: — У меня ближе васъ нѣтъ никого; удержите каждый изъ васъ то, что̀ у васъ въ рукахъ. Я прошу васъ только молиться за меня.

У одного изъ этихъ друзей была дочь восемнадцати лѣтъ, крестница Шиллера. За нѣсколько часовъ до смерти добрый старикъ послалъ за ней. Онъ не могъ уже больше произносить ясно словъ; снялъ съ пальца серебряное кольцо, свое послѣднее богатство, и надѣлъ ей его на палецъ. Потомъ онъ поцѣловалъ ее, и заплакалъ, цѣлуя. Дѣвушка громко рыдала и обливала его слезами. Онъ утиралъ ей ихъ платкомъ. Взялъ ея руки и положилъ ихъ къ себѣ на глаза. Эти глаза закрылись навсегда.

LXXXII.

Человѣческія утѣшенія исчезали для насъ одно за другимъ; печали все увеличивались. Я покорялся волѣ Божіей, но покорялся стеная, и моя душа вмѣсто того, чтобы сдѣлаться нечувствительной къ несчастію, казалось, все больнѣе чувствовала его.

Разъ мнѣ былъ тайно доставленъ листокъ «Аугсбургской Газеты», въ которомъ сообщалась чрезвычайно странная вещь относительно меня, по случаю постриженія въ монахини одной изъ моихъ сестеръ.

Сообщалось слѣдующее: «Синьора Марія Анджіола Пелико, дочь и пр., и пр. постриглась .... дня въ монахини въ монастырѣ Визитаціи въ Туринѣ и пр. Она сестра автора «Francesca da Rimini», Сильвіо Пелико, который недавно вышелъ изъ крѣпости Шпильбергъ, будучи помилованъ его величествомъ императоромъ; милосердый поступокъ—достойнѣйшій столь великодушнаго монарха; эта милость обрадовала всю Италію въ виду того, что...» и пр., и пр.

И здѣсь слѣдовали похвалы мнѣ.

Я не могъ себѣ представить, зачѣмъ, для чего была вымышлена басня о помилованіи. Что это чистая забава журналиста, казалось неправдоподобнымъ; быть можетъ, это была какая нибудь хитрость нѣмецкой полиціи? Кто знаетъ? Но имена Маріи Анджіолы были точно имена моей младшей сестры. Безъ сомнѣнія, они должны были попасть въ другія газеты изъ Туринской газеты. Стало быть, эта прекрасная дѣвушка въ самомъ дѣлѣ постриглась въ монахини. Ахъ, можетъ быть, она приняла это званіе потому, что потеряла своихъ родителей! Бѣдная дѣвушка! не захотѣла она, чтобы я одинъ терпѣлъ тоску въ тюрьмѣ, и она захотѣла стать затворницей! Да дастъ же ей Господь больше, чѣмъ Онъ даетъ мнѣ, силъ терпѣнія и самоотверженности! Сколько разъ этотъ ангелъ будетъ думать обо мнѣ въ своей кельѣ! Какъ часто будетъ она подвергать себя суровымъ эпитиміямъ, чтобы вымолить у Господа облегченіе страданій брата!

Эти мысли меня умиляли и терзали мнѣ сердце. Весьма вѣроятно, что мои несчастія могли сократить дни отца или матери, или ихъ обоихъ! Чѣмъ больше я думалъ объ этомъ, тѣмъ невозможнѣе казалось мнѣ, что моя Маріетта покинула бы безъ этой потери родительскій кровъ. Эта мысль угнетала меня такъ, какъ будто бы я былъ увѣренъ въ этомъ; вслѣдствіе чего я впалъ въ страшную тоску.

Марончелли былъ этимъ опечаленъ не меньше моего. Нѣсколько дней спустя, онъ задумалъ сочинить поэтическій плачъ о сестрѣ арестанта. Вышла прекраснѣйшая поэма, навѣвающая грусть и

жалость. Когда онъ ее окончилъ, онъ прочелъ мнѣ ее. О, какъ я былъ ему благодаренъ за его милое вниманіе! Между стольких миллiоновъ стиховъ, которые до тѣхъ поръ были написаны для монахинь, вѣроятно, эти были единственные, сочиненные въ тюрьмѣ для брата монахини товарищемъ его по оковамъ. Какое сочетаніе мыслей трогательныхъ и религіозныхъ!

Такимъ образомъ дружба умѣряла мои страданія, мои печали. Ахъ, съ этого времени не проходило больше ни одного дня, чтобы моя мысль не витала долго въ стѣнахъ монастыря; чтобы я не думалъ съ самой нѣжной любовью объ одной изъ его затворницъ; чтобы я не молилъ горячо небо усладить ей одиночество и не допустить ее до того, чтобы ея фантазія рисовала ей слишкомъ страшнымъ мое заточеніе!

LXXXIII.

Да не думаетъ читатель, что если разъ дошла до меня тайно газета, такъ и вообще удавалось мнѣ часто получать подобныя вѣсти изъ міра. Нѣтъ, всѣ были добры ко мнѣ, но всѣ были связаны величайшимъ опасеніемъ. Если что нибудь тайное и доходило до меня, такъ это было только тогда, когда тутъ не могло явиться ни малѣйшей опасности. И мудрено было не явиться какой нибудь опасности среди столь частыхъ и обыкновенныхъ, и чрезвычайныхъ обысковъ.

Мнѣ никогда не было доставлено тайкомъ свѣдѣній о моихъ далекихъ милыхъ, за исключеніемъ вышеприведеннаго извѣстія относительно моей сестры.

Опасеніе, которое было у меня, что моихъ родителей уже больше нѣтъ въ живыхъ, черезъ нѣсколько времени скорѣе увеличилось, чѣмъ уменьшилось, вслѣдствіе неопредѣленности тѣхъ выраженій, въ какихъ директоръ полиціи однажды пришелъ извѣстить меня, что у меня дома все обстоитъ благополучно.

— Его величество императоръ повелѣваетъ,—сказалъ онъ:—сообщить вамъ добрыя вѣсти о тѣхъ родственникахъ, которые у васъ въ Туринѣ.

Я затрепеталъ отъ удовольствія и отъ неожиданности такого сообщенія, какого прежде никогда не бывало, и попросилъ бóльшихъ подробностей.

— Я оставилъ,—сказалъ я ему:—въ Туринѣ родителей, братьевъ и сестеръ. Всѣ они живы? Умоляю васъ, если есть у васъ письмо отъ кого нибудь изъ нихъ, умоляю васъ, покажите мнѣ его!

— Я ничего не могу показать. Вы должны и этимъ быть довольны. Уже одно то доказываетъ благосклонность императора, что онъ приказываетъ сообщить вамъ эти утѣшительныя слова. Этого никому еще не дѣлалось.

— Я согласенъ, что это есть доказательство благосклонности императора; но вы поймите, что мнѣ невозможно найдти утѣшеніе въ такихъ неопредѣленныхъ словахъ. Кто тѣ родственники, которые находятся въ добромъ здоровьѣ? Не потерялъ ли я кого нибудь изъ нихъ?

— Синьоръ, мнѣ жаль, что я ничего не могу сказать вамъ больше того, что мнѣ приказано.

Съ тѣмъ онъ и ушелъ.

Навѣрное мнѣ этимъ извѣстіемъ хотѣли доставить нѣкоторое утѣшеніе, но я убѣдилъ себя въ томъ, что въ то же самое время, какъ императоръ захотѣлъ уступить настоятельнымъ просьбамъ кого нибудь изъ моихъ родныхъ и согласился на то, чтобы до меня дошла эта вѣсть, въ то же самое время онъ не хотѣлъ, чтобы мнѣ показали какое нибудь письмо, такъ какъ я бы увидалъ, кого изъ родныхъ потерялъ я.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого мнѣ было доставлено извѣстіе, подобное вышесказанному. И опять ни письма, никакого объясненія больше!

Видѣли, что я не довольствовался этимъ и что еще больше становился печальнымъ, и, всетаки, никогда ничего бельше не передавали мнѣ о моихъ родныхъ.

Я думалъ о томъ, что родители умерли, что умерли, можетъ быть, также и братья, и Джузеппина, другая моя возлюбленная сестра, что, быть можетъ, и Маріетта, одна оставшаяся въ живыхъ, скоро зачахнетъ въ тоскѣ одиночества и въ трудахъ покаянія, и думы эти отравляли мнѣ жизнь.

Нѣсколько разъ сильно занемогая обычными болѣзнями или новыми, какъ, напримѣръ, страшными коликами съ мучительнѣйшими симптомами, похожими на холерные, я надѣялся умереть. Да, это выраженіе точно:—я надѣялся.

И тѣмъ не менѣе, о, человѣческія противорѣчія! когда я бросалъ взглядъ на своего изнемогающаго товарища, у меня сердце разрывалось при мысли покинуть его одинокимъ, и я вновь страстно желалъ жить!

LXXXIV.

Три раза пріѣзжали изъ Вѣны высокопоставленныя особы осматривать наши тюрьмы съ цѣлью удостовѣриться въ томъ, что съ нами не злоупотребляютъ дисциплиной. Первое посѣщеніе было барона фонъ-Мюнхъ; онъ, будучи тронутъ тѣмъ, что у насъ мало свѣту, сказалъ, что будетъ упрашивать, чтобы намъ зажигали фонарь и ставили его снаружи у дверного окошечка, на нѣсколько часовъ вечера, и тѣмъ продлили бы нашъ день. Его посѣщеніе было въ 1825 году. Спустя годъ, его благая мысль была приведена

въ исполненіе. И такимъ образомъ при этомъ могильномъ свѣтѣ мы хоть могли съ этихъ поръ видѣть стѣны и не рисковали разбить себѣ головы, когда приходилось идти.

Второе посѣщеніе было барона фонъ-Фогель. Онъ засталъ меня въ сквернѣйшемъ состояніи здоровья и, слыша, что докторъ, хотя и считалъ для меня полезнымъ кофе, но не рѣшался приказать давать мнѣ его, такъ какъ это предметъ роскоши, выразилъ, къ моему удовольствію, согласіе на это, и было приказано выдавать мнѣ кофе.

Третье посѣщеніе было не знаю какого-то другаго придворнаго, человѣка лѣтъ отъ пятидесяти до шестидесяти, который явилъ намъ своимъ обращеніемъ и своими рѣчами самое благородное сочувствіе. Онъ не могъ ничего для насъ сдѣлать, но его теплое отношеніе къ намъ было для насъ благодѣяніемъ, и мы были ему благодарны.

О, какъ жаждетъ узникъ видѣть созданія своего рода! Христіанская религія, столь богатая человѣчностью, не забыла причислить къ дѣламъ милосердія и посѣщеніе узниковъ. Видѣть людей, которые сострадаютъ твоему несчастію, услаждаетъ тебѣ его, даже когда они не имѣютъ средствъ облегчить тебѣ его болѣе дѣйствительно.

Величайшее одиночество можетъ быть полезно инымъ въ смыслѣ самоулучшенія, но я полагаю, что оно было бы вообще гораздо полезнѣе, если бы не доводить его до крайности, если бы допускать нѣкоторое соприкосновеніе съ обществомъ. По крайней мѣрѣ, я такъ созданъ. Если я не вижу себѣ подобныхъ, я сосредоточиваю свою любовь на слишкомъ незначительномъ числѣ ихъ и перестаю любить другихъ; если же я могу видѣть, не скажу многихъ, но, все-таки, порядочное число, я нѣжно люблю тогда весь родъ человѣческій.

Тысячу разъ мое сердце горѣло любовью только къ такому незначительному числу людей и такъ было полно ненависти къ другимъ, что я ужасался этого. Тогда я подходилъ къ окну, жаждая увидѣть какое нибудь новое лицо; и я почиталъ себя счастливымъ, если часовой не проходилъ слишкомъ близко къ стѣнѣ; если онъ подходилъ такъ, что я могъ его видѣть; если онъ поднималъ голову, слыша, что я кашляю; если выраженіе его лица было доброе. Когда мнѣ казалось, что я замѣчаю на его лицѣ отпечатокъ добрыхъ чувствъ, сладкая дрожь охватывала меня, какъ будто бы этотъ незнакомый солдатъ былъ самымъ близкимъ моимъ другомъ. Если онъ удалялся, я ждалъ съ безпокойствомъ влюбленнаго, когда онъ вернется, и если онъ возвращался, смотря на меня, я радовался этому, какъ великой милости. Если же онъ не проходилъ больше такъ, чтобы я его видѣлъ, я оставался убитымъ, какъ человѣкъ, который любитъ и знаетъ, что другимъ до него нѣтъ заботы.

LXXXV.

Въ смежной камерѣ, бывшей Оробони, находились теперь Д. Марко Фортини и синьоръ Антоніо Вилла. Этотъ послѣдній, крѣпкій и здоровый прежде, какъ Геркулесъ, сильно страдалъ отъ голода въ первый годъ, а когда и стали ему больше давать пищи, онъ былъ не въ силахъ переваривать ее. Долго онъ изнемогалъ и потомъ, доведенный почти до крайности, упросилъ, чтобы ему дали камеру съ болѣе чистымъ воздухомъ. Зловонная атмосфера тѣснаго склепа была для него, безъ сомнѣнія, чрезвычайно вредна, какъ и для всѣхъ остальныхъ. Но выпрошенное имъ средство уже было для него недостаточно. Въ этой большой комнатѣ онъ пробылъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, потомъ, послѣ разнообразныхъ кровоизліяній, умеръ.

За нимъ ухаживалъ его товарищъ по заключенію Д. Фортини и абатъ Пауловичъ, поспѣшно прибывшій изъ Вѣны, когда узналъ, что онъ умираетъ.

Хотя я и не былъ съ нимъ связанъ такими же тѣсными узами, какъ съ Оробони, всетаки, смерть его меня сильно опечалила. Я зналъ, что его чрезвычайно нѣжно любили его родители и жена! Всетаки, ему скорѣе надо завидовать, чѣмъ сожалѣть его; а тѣ-то оставшіеся въ живыхъ!

Также моимъ сосѣдомъ былъ онъ и въ свинцовыхъ тюрьмахъ; Тремерелло приносилъ мнѣ много его стиховъ, а ему носилъ мои. Иногда въ этихъ стихахъ его царило глубокое чувство.

Послѣ его смерти, мнѣ казалось, что я полюбилъ его больше, чѣмъ при жизни, слыша отъ солдатъ, какъ жалко страдалъ онъ. Несчастный не могъ покориться безропотно смерти, хотя и былъ весьма религіозенъ. Онъ испыталъ въ самой сильной степени ужасъ передъ этимъ страшнымъ шагомъ, но не переставалъ, однако, благословлять Господа и восклицалъ со слезами: — Я не умѣю согласить своей воли съ Твоею, межъ тѣмъ я хочу согласить ее; сотвори Ты во мнѣ это чудо!

У него не было мужества Оробони, но онъ подражалъ ему, говоря, что прощаетъ врагамъ.

Въ концѣ этого года (это былъ 1826 годъ) мы услыхали однажды вечеромъ въ корридорѣ сдержанный шорохъ шаговъ нѣсколькихъ человѣкъ. Наши уши уже привыкли прекрасно различать тысячи родовъ шума. Вотъ открывается дверь; мы узнаемъ, что это дверь той камеры, гдѣ былъ адвокатъ Солера. Открывается другая,—то дверь Фортини. Среди нѣсколькихъ сдержанныхъ голосовъ мы различаемъ голосъ директора полиціи. Что такое? обыскъ въ такой поздній часъ? Но почему?

Но въ скоромъ времени снова вышли въ корридоръ. И вотъ милый голосъ добраго Фортини: — О, бѣдный я! извините мнѣ, пожалуйста, я забылъ томъ дневника.

И быстро-быстро побѣжалъ онъ назадъ, чтобы взять этотъ томъ, потомъ присоединиться къ группѣ. Открылась дверь на лѣстницу, мы услышали, какъ они спустились до конца: мы поняли, что двое счастливцевъ получили помилованіе; и хотя намъ и прискорбно было, что мы не могли слѣдовать за ними, мы, всетаки, радовались за нихъ.

LXXXVI.

Это освобожденіе двоихъ товарищей было безъ всякаго послѣдствія для насъ! Какъ это ушли они, когда были приговорены одинаково съ нами: одинъ на 20, другой на 15 лѣтъ, а надъ нами и надъ многими другими не просіяла милость?

Значитъ, противъ неосвобожденныхъ существовало болѣе враждебное предубѣжденіе? Или не намѣреваются ли помиловать всѣхъ насъ, но черезъ короткіе промежутки времени по двое за разъ? можетъ быть, каждый мѣсяцъ? можетъ быть, каждые два или три мѣсяца?

Мы недоумѣвали такимъ образомъ нѣсколько времени. Но и больше трехъ мѣсяцевъ прошло, а другихъ не освобождали. Въ концѣ 1827 года, мы думали, что не назначенъ ли декабрь годовщиной помилованія. Но и декабрь прошелъ, и ничего не произошло.

Мы продолжили свое ожиданіе до лѣта 1828 года, такъ какъ тогда оканчивались для меня семь съ половиною лѣтъ заключенія, равносильныя, по слову императора, пятнадцати годамъ, если считать со дня ареста. А если не хотятъ зачесть время слѣдствія (и такое предположеніе было самое правдоподобное), то, считая со дня опубликованія приговора, семь съ половиною лѣтъ истекали только въ 1829 году.

Всѣ, какіе можно было считать, сроки прошли, а помилованіе не проблеснуло. Между тѣмъ, еще до ухода Солеры и Фортини, у моего бѣднаго Марончелли случилась опухоль на лѣвомъ колѣнѣ. Въ началѣ боль была легкая и принуждала его только хромать. Потомъ ему уже стало трудно таскать свою цѣпь, и онъ рѣдко выходилъ на прогулку. Въ одно прекрасное осеннее утро ему захотѣлось выйдти вмѣстѣ со мной подышать немного воздухомъ; снѣгъ уже выпалъ; въ одну роковую минуту, какъ я его не поддерживалъ, онъ поскользнулся и упалъ. Сотрясеніе немедленно обострило боль въ колѣнѣ. Мы снесли его на постель; онъ уже больше не былъ въ состояніи держаться на ногахъ. Когда докторъ его увидалъ, то рѣшился наконецъ приказать снять съ него цѣпи. Опухоль ухудшалась со дня на день и сдѣлалась огромной и чрез-

вычайно болѣзненной. Таковы были мученія бѣднаго больнаго, что онъ не зналъ покоя ни въ постели, ни внѣ ея.

Когда ему нужно было двигаться, встать, лечь, я долженъ былъ брать больную ногу съ возможною осторожностью и переложить ее самымъ медленнымъ образомъ въ такое положеніе, какое было нужно. Иногда какое нибудь самое незначительное перемѣщеніе изъ одного положенія въ другое производило судороги, длившіяся четверть часа и больше.

Піявки, фонтанели, прижиганія, припарки, то сухія, то мокрыя, все было испробовано докторомъ. Боль только увеличивалась, и больше ничего. Послѣ прижиганія ляписомъ образовалось нагноеніе. Вся эта опухоль стала въ ранахъ; но она нисколько не уменьшалась; выходъ гноя изъ ранъ ни разу не далъ никакого облегченія боли.

Марончелли былъ въ тысячу разъ несчастнѣе меня; тѣмъ не менѣе, о, какъ я страдалъ вмѣстѣ съ нимъ! Мнѣ было пріятно ухаживать за нимъ, такъ какъ мой уходъ, мои попеченія относились къ столь достойному другу. Но видѣть, что онъ такимъ образомъ угасаетъ среди столь долгихъ и жестокихъ мученій, а я не могу дать ему здоровья! И предъугадывать, что это колѣно ужъ никогда больше не выздоровѣетъ! И замѣчать, что больной считаетъ болѣе вѣроятнымъ смерть, чѣмъ выздоровленіе! И постоянно удивляться его мужеству и его ясному спокойствію: ахъ, все это кидало меня въ невыразимую тоску!

LXXXVII.

Въ этомъ жалкомъ состояніи онъ еще сочинялъ стихи, пѣлъ, разговаривалъ; онъ дѣлалъ все, чтобы обмануть меня, чтобы скрыть отъ меня часть своихъ печалей. Онъ не могъ ни ѣсть, ни спать; похудѣлъ страшно; часто впадалъ въ обморокъ и всякій разъ, черезъ нѣсколько минутъ возвращаясь къ жизни, онъ ободрялъ меня.

То, что онъ выстрадалъ втеченіе девяти долгихъ мѣсяцевъ, неописуемо. Наконецъ, было разрѣшено, чтобы состоялась консультація. Пріѣхалъ главный докторъ, одобрилъ все, что испробовалъ докторъ, и, не высказавъ своего мнѣнія относительно болѣзни и относительно того, что остается дѣлать, уѣхалъ.

Спустя минуту, приходитъ субъ-интендантъ и говоритъ Марончелли: — Главный докторъ не рѣшился объясниться здѣсь въ вашемъ присутствіи: онъ боялся, что у васъ не будетъ силъ выслушать объявленіе жестокой необходимости. Я увѣрилъ его, что у васъ достанетъ къ тому мужества.

— Надѣюсь, — сказалъ Марончелли: — что я далъ тому нѣкоторое доказательство, перенося безъ криковъ, безъ стоновъ эти мученія. Мнѣ, вѣдь, предлагаютъ?...

— Да, синьоръ, ампутацію. Только главный докторъ, увидавъ васъ столь изможденнымъ, не рѣшается совѣтовать ее. При такой слабости чувствуете ли вы себя способнымъ вынести ампутацію? Хотите ли вы подвергнуть себя опасности?...

— Умереть? А развѣ я все равно не умру вскорѣ, если не положу конца этой болѣзни?

— Въ такомъ случаѣ мы тотчасъ же дадимъ знать обо всемъ этомъ въ Вѣну, и какъ только придетъ разрѣшеніе ампутировать...

— Что? да развѣ нужно на это разрѣшеніе?

— Да, синьоръ.

Черезъ восемь дней пришло ожидаемое согласіе.

Больной былъ принесенъ въ бо̀льшую комнату; онъ попросилъ, чтобы я слѣдовалъ за нимъ.

— Можетъ быть, я умру подъ операціей,—сказалъ онъ:—такъ пусть ужъ я буду, по крайней мѣрѣ, въ объятіяхъ друга.

Мнѣ было разрѣшено быть вмѣстѣ съ нимъ.

Аббатъ Врба, нашъ духовникъ (преемникъ Пауловича), пріобщилъ несчастнаго. Когда этотъ обрядъ религіи былъ исполненъ, мы стали ждать хирурговъ, а они не появлялись. Марончелли сталъ еще пѣть гимнъ.

Наконецъ пришли и хирурги; ихъ было двое. Одинъ — нашъ домашній хирургъ, т. е. нашъ цирюльникъ, который, когда было нужно произвести операціи, имѣлъ право дѣлать ихъ собственноручно и не хотѣлъ уступать этой чести другимъ. Другой былъ молодой хирургъ, воспитанникъ вѣнской школы, уже пользовавшійся славою очень искуснаго хирурга. Будучи присланъ губернаторомъ для присутствованія при операціи и руководствованія ею, онъ хотѣлъ было произвести ее самъ, но ему пришлось удовольствоваться наблюденіемъ за ея выполненіемъ.

Больной былъ посаженъ на край кровати съ спущенными внизъ ногами: я держалъ его въ своихъ объятіяхъ. Повыше колѣна, гдѣ бедро было не поражано, была наложена повязка, обозначавшая мѣсто, гдѣ долженъ былъ пройдти ножъ. Старый хирургъ все кругомъ обрѣзалъ глубиною въ палецъ, потомъ стянулъ внизъ обрѣзанную кожу и продолжалъ обрѣзывать обнаженные мускулы. Кровь потекла ручьями изъ артерій, но онѣ тотчасъ же были перевязаны шолковой ниткой. Наконецъ, онъ спилилъ кость.

Марончелли не испустилъ ни одного крика. Когда онъ увидѣлъ, что уносятъ прочь его отрѣзанную ногу, онъ кинулъ на нее взглядъ сожалѣнія, потомъ, обратившись къ хирургу—оператору, сказалъ ему:

— Вы меня избавили отъ врага, а у меня нѣтъ средствъ вознаградить васъ за это.

На окнѣ тутъ стояла въ стаканѣ роза.

— Принеси мнѣ, пожалуйста, эту розу,—сказалъ онъ мнѣ.

Я принесъ ему ее. И онъ предложилъ ее старому хирургу, говоря ему: — У меня нѣтъ ничего другаго поднести вамъ въ знакъ моей благодарности.

Тотъ взялъ розу и заплакалъ.

LXXXVIII.

Хирурги полагали, что шпильбергская больница обладаетъ всѣмъ необходимымъ, за исключеніемъ инструментовъ, которые они принесли съ собою. Но, когда ампутація была уже сдѣлана, они увидали, что не доставало разныхъ необходимыхъ вещей: клеенки, льду, бинтовъ и пр.

Бѣдный калѣка долженъ былъ ждать два часа, чтобы все это было принесено изъ города. Наконецъ, онъ могъ лечь въ постель, и ему положили льду на обрѣзанное мѣсто.

На слѣдующій день очистили это мѣсто отъ образовавшихся тамъ сгустковъ крови, обмыли его, стянули внизъ кожу и зашили.

Втеченіе нѣсколькихъ дней, больному не давалось ничего, кромѣ какой нибудь полчашки бульону, съ распущеннымъ въ немъ яичнымъ желткомъ. А когда прошла опасность лихорадки, при заживленіи раны, начали постепенно подкрѣплять его болѣе питательной пищей. Императоръ предписалъ, чтобы, пока не возстановятся силы больнаго, ему давали хорошую пищу, съ кухни суперъинтенданта.

Выздоровленіе длилось сорокъ дней. Послѣ этого времени мы были отведены обратно въ нашу камеру; она, впрочемъ, была увеличена, т. е. пробили стѣну и соединили нашу прежнюю берлогу съ той, въ которой жилъ Оробони, а послѣ Вилла.

Я перенесъ свою постель на то самое мѣсто, гдѣ была постель Оробони, гдѣ онъ и умеръ. Это тожество мѣста мнѣ было пріятно, казалось, что я приблизился къ нему. Часто видалъ я его во снѣ, и мнѣ казалось, что его духъ на самомъ дѣлѣ посѣщалъ меня и меня успокоивалъ небесными утѣшеніями.

Страшное зрѣлище столькихъ мученій, которыя терпѣлъ Марончелли и до ампутаціи ноги, и втеченіе этой операціи, и послѣ нея, укрѣпило мой духъ. Богъ, даровавшій мнѣ удовлетворительное здоровье во время болѣзни Марончелли, такъ какъ для него были необходимы мои попеченія, отнялъ у меня здоровье, когда онъ могъ держаться на костыляхъ.

У меня появилось нѣсколько мучительнѣйшихъ опухолей желѣзъ. Я выздоровѣлъ отъ нихъ, но за этимъ послѣдовала боль въ груди, уже испытанная мною прежде, но только теперь удушье было сильнѣе, чѣмъ когда нибудь, головокруженіе и спазмодическая диссентерія.

— Пришла и моя очередь,—говорилъ я себѣ.—Неужели я буду менѣе терпѣливъ, чѣмъ мой товарищъ?

Я приложилъ всѣ старанія, чтобы подражать, на сколько умѣлъ, его мужеству.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всякое человѣческое положеніе имѣетъ свои обязанности. Обязанности больнаго суть терпѣніе, бодрость и всѣ усилія къ тому, чтобы не надоѣдать окружающимъ.

Марончелли на своихъ несчастныхъ костыляхъ уже больше не былъ такъ ловокъ, какъ бывало прежде, и онъ досадовалъ, боясь, что служитъ мнѣ менѣе хорошо. Сверхъ того, онъ боялся, что, жалѣя его движенія и усталость, я не пользуюсь его услугами, какъ бы мнѣ нужно было.

Дѣйствительно это иногда случалось, но я старался, чтобы онъ этого не замѣтилъ.

Сколько онъ ни возстановилъ свои силы, однако все еще прихварывалъ. Онъ страдалъ, какъ и всѣ ампутированные, болѣзненными ощущеніями въ нервахъ, какъ будто бы отрѣзанная часть все еще жила. У него болѣла ступня, нога и колѣно, которыхъ у него уже больше не было. Къ этому присоединялось еще то, что кость была плохо отпилена и высовывалась сквозь новое мясо и часто производила раны. Только спустя около года обрѣзанное мѣсто достаточно отвердѣло и больше не открывалось.

LXXXIX.

А тутъ пошли новыя болѣзни у несчастнаго и почти безъ перерыва. Сначала ломота въ суставахъ, начавшаяся съ суставахъ рукъ и мучившая потомъ всего его втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а затѣмъ скорбутъ. Отъ скорбута въ скоромъ времени все тѣло его покрылось синеватыми пятнами, такъ что страшно было смотрѣть.

Я старался утѣшиться, думая про себя: если уже приходится здѣсь умереть, такъ это хорошо, что одинъ изъ насъ двоихъ заболѣлъ скорбутомъ: это—заразительная болѣзнь, и она сведетъ насъ въ могилу, если и не вмѣстѣ, такъ, по крайней мѣрѣ, черезъ небольшой промежутокъ времени.

Мы оба готовились къ смерти и были спокойны. Девять лѣтъ тюремнаго заключенія и тяжелыхъ страданій освоили насъ наконецъ съ мыслью совершеннаго уничтоженія двухъ тѣлъ, такъ разрушенныхъ и нуждающихся въ покоѣ. И души вѣрили въ благость Божію и вѣрили въ то, что онѣ соединятся другъ съ другомъ въ мѣстѣ, гдѣ всѣ людскія страсти прекращаются и гдѣ мы молили, чтобы когда нибудь къ намъ присоединились, примиренные, и тѣ, которые насъ не любили.

Скорбутъ, въ предшествовавшіе года, произвелъ большое опустошеніе въ этихъ тюрьмахъ. Правительство, узнавъ, что Марончелли захворалъ этой страшной болѣзнью, испугалось новой цынготной эпидеміи и согласилось на требованіе доктора, который сказалъ, что, кромѣ чистаго воздуха, нѣтъ никакого другаго дѣйствительнаго средства для Марончелли, и совѣтовалъ держать его какъ можно меньше въ камерѣ.

Я, какъ сожитель его, да и притомъ будучи боленъ порчею соковъ (dyscrasia), пользовался тѣмъ же преимуществомъ.

Во всѣ тѣ часы, когда мѣсто для прогулки не было занято другими, т. е. на разсвѣтѣ часа два, начиная за полчаса до него, потомъ втеченіе обѣда, если такъ намъ было угодно, потомъ три часа вечеромъ вплоть до захода солнца, мы были на дворѣ. Это въ будніе дни. Въ праздники, такъ какъ не было у другихъ въ привычкѣ прогуливаться, мы были на дворѣ съ утра и до вечера, исключая времени обѣда.

Другой несчастный, лѣтъ около 70, весьма разстроеннаго здоровья, былъ присоединенъ къ намъ, такъ какъ сочли, что и ему также можетъ помочь кислородъ. Это былъ синьоръ Константино Мунари, милый старикъ, любитель литературныхъ и философскихъ занятій, общество котораго намъ было довольно пріятно.

Если считать мое наказаніе не со времени ареста, а со времени осужденія, семь съ половиною лѣтъ оканчивалось въ 1829 году, въ первыхъ числахъ іюля, по времени утвержденія приговора императоромъ, или 22-го августа, по времени его обнародованія.

Но и этотъ срокъ прошелъ, и умерла всякая надежда.

До тѣхъ поръ Марончелли, Мунари и я дѣлали иногда предположеніе, что мы еще увидимъ свѣтъ, увидимъ вновь нашу Италію, нашихъ родныхъ; и это было предметомъ разсужденій полныхъ желанія, сожалѣнія и любви.

Прошелъ августъ, потомъ и сентябрь, а потомъ и весь этотъ годъ, и мы пріучили себя не надѣяться уже больше ни на что на землѣ, за исключеніемъ неизмѣннаго продолженія взаимной нашей дружбы и помощи Божіей, чтобы достойно довести до конца нашу долгую жертву.

Ахъ, дружба и религія судь два неоцѣненныхъ блага. Онѣ украшаютъ и жизнь узниковъ, у которыхъ уже нѣтъ надежды на помилованіе! Богъ по истинѣ всегда съ несчастными,—съ несчастными, которые любятъ!

XC.

Послѣ смерти Виллы, за аббатомъ Пауловичемъ, который былъ сдѣланъ епископомъ, послѣдовалъ въ качествѣ нашего духовника аббатъ Врба, моравецъ, профессоръ Новаго Завѣта въ Брюннѣ, славный воспитанникъ высшаго института въ Вѣнѣ.

нѣйшихъ и ужаснѣйшихъ огненныхъ зрѣлищъ, какое я только могъ бы себѣ вообразить.

Былъ большой пожаръ на ружейный выстрѣлъ отъ нашихъ тюремъ. Началось съ того зданія, гдѣ были общественныя пекарни, которое и сгорѣло до тла.

Ночь была чрезвычайно темная, и тѣмъ болѣе выдѣлялись эти огромные клубы пламени и дыма, подхватываемые порывистымъ вѣтромъ. Со всѣхъ сторонъ летѣли искры, и казалось, что съ неба падалъ огненный дождь. Сосѣдняя лагуна отражала пожаръ. Множество гондолъ сновало взадъ и впередъ. Я представлялъ себѣ страхъ и опасиость тѣхъ, кто жилъ въ загорѣвшемся домѣ и въ сосѣднихъ съ нимъ, и жалѣлъ несчастныхъ. Я слышалъ далекіе голоса мужчинъ и женщинъ, кричавшихъ: — Тоньина! Момоло! Беппо! Цанце! — И имя Цанце поразило мой слухъ! Хоть ихъ и тысячи въ Венеціи, я, однако, боялся, не была ли это та, воспоминаніе о которой было такъ сладко для меня! Не она ли это тамъ, несчастная? и, можетъ быть, окружена пламенемъ? О, если бы я могъ броситься освободить ее!

Замирая, дрожа, удивляясь, я простоялъ до зари у этого окна; потомъ слѣзъ, подавленный смертельною грустью, представляя себѣ гораздо больше потерь, чѣмъ это было. Тремерелло мнѣ сказалъ, что сгорѣли только пекарни и смежные магазины съ большимъ количествомъ кулей муки.

XLIX.

Въ моемъ воображеніи еще живо сохранилось впечатлѣніе отъ видѣннаго пожара, когда, нѣсколько ночей спустя,—я еще не ложился въ постель и занимался у столика, весь окоченѣвъ отъ холода,—раздались близкіе голоса: были это голоса смотрителя, его жены, ихъ дѣтей и секондини:

— Пожаръ! пожаръ! О, Пресвятая Дѣва! О, мы погибли!

Мнѣ сразу перестало быть холодно; я вскочилъ на ноги, весь обливаясь пòтомъ, и озирался кругомъ, не видно ли уже гдѣ пламени. Но пламени не было видно.

Пожаръ былъ, впрочемъ, въ самомъ палаццо, въ присутственныхъ комнатахъ.

Одинъ изъ секондини кричалъ: — Но, синьоръ, что же мы будемъ дѣлать съ запертыми-то въ клѣтку, если огонь дальше пойдетъ?

Тюремный смотритель отвѣчалъ:—Мнѣ жаль оставить ихъ зажариться. Но я не могу, однако, открыть камеры безъ разрѣшенія коммиссіи. Скорѣе, говорю, бѣгите, просите это разрѣшеніе!

— Иду, бѣгу, синьоръ! но вѣдь, знаете ли, отвѣтъ-то не прійдетъ во время.

И куда дѣвалась та геройская преданность волѣ Божіей при мысли о смерти, преданность, которою, какъ я былъ твердо увѣренъ, я обладаю? Почему это мысль о томъ, что я сгорю живымъ, меня кинула въ лихорадку? Какъ будто бы больше удовольствія быть повѣшеннымъ, чѣмъ сгорѣть? Я подумалъ объ этомъ и устыдился своего страха; только-что хотѣлъ было закричать смотрителю, чтобы онъ меня выпустилъ изъ милости, но удержался. Тѣмъ не менѣе было страшно.

Вотъ,—говорилъ я,—каково будетъ мое мужество, если я спасусь отъ огня, и меня поведутъ на смерть! Я удержусь, скрою отъ другихъ свою трусость, но буду страшиться. Но... развѣ это не будетъ мужествомъ—дѣйствовать такъ, какъ будто не дрожишь отъ страха, а на самомъ дѣлѣ боишься? Развѣ это не великодушіе—принудить себя дать охотно то, что жаль дать? Развѣ это не повиновеніе—повиноваться противъ своего желанія?

Суматоха въ помѣщеніи тюремнаго смотрителя была такъ сильна, что это показывало все увеличивающуюся опасность. А секондино, ушедшій просить разрѣшенія вывести насъ отсюда, не возвращался! Наконецъ, показалось мнѣ, что я слышу его голосъ. Я прислушался, но словъ разобрать не могъ. Жду, надѣюсь; напрасно! никто не идетъ. Возможно ли, что не разрѣшено перевести насъ въ безопасное отъ огня мѣсто? Или намъ уже больше нѣтъ средствъ къ спасенію? Или, можетъ, тюремный смотритель и его жена мечутся, чтобы спасти самихъ себя, и никто не думаетъ о бѣдныхъ, запертыхъ въ клѣтку?

Да въ концѣ концовъ,—снова думалъ я,—это не есть философія, это не есть религія! Не лучше ли я сдѣлаю, если приготовлюсь къ тому, чтобы увидѣть пламя, входящее въ мою комнату и готовое пожрать меня?

Между тѣмъ шумъ утихъ. Мало-по-малу не стало слышно ничего. Есть ли это доказательство того, что пожаръ прекратился? Или всѣ тѣ, кто только могъ, убѣжали? и не осталось здѣсь больше никого, кромѣ жертвъ, обреченныхъ на столь жестокую смерть?

Продолжающаяся тишина меня успокоила: я понялъ, что, должно быть, пожаръ потушили.

Я легъ въ постель и упрекалъ себя въ трусости; и теперь, когда уже больше нечего было бояться, что я сгорю живымъ, я жалѣлъ о томъ, что не сгорѣлъ: лучше бы мнѣ было сгорѣть, чѣмъ черезъ нѣсколько дней быть убитому людьми.

На слѣдующее утро я узналъ отъ Тремерелло, какой былъ пожаръ, и смѣялся надъ тѣмъ страхомъ, какой былъ у Тремерелло, по его словамъ: какъ будто мой страхъ не равнялся его страху или не былъ больше его.

L.

11-го января 1822 года, около 9 часовъ утра, Тремерелло воспользовался случаемъ прійдти ко мнѣ и, весь взволнованный, говоритъ:

— Знаете ли вы, что на островѣ Санъ-Микеле ди Мурано, недалеко отъ Венеціи, есть тюрьма, гдѣ находится, можетъ быть, больше сотни карбонаріевъ?

— Вы мнѣ какъ-то говорили объ этомъ. Ну... что же вы хотите сказать?.. Да, ну, говорите же! Можетъ быть, и тамъ есть осужденные?

— Да, есть.

— Кто?

— Не знаю.

— Не тамъ ли мой несчастный Марончелли?

— Ахъ, синьоръ, не знаю я, не знаю, кто тамъ есть.—И онъ ушелъ, страшно взволнованный и смотря на меня съ состраданіемъ.

Немного времени спустя, пришелъ тюремный смотритель, въ сопровожденіи секондини и какого-то человѣка, котораго я никогда не видалъ. Смотритель казался смущеннымъ. Новоприбывшій заговорилъ:

— Синьоръ, коммиссія приказала, чтобы вы слѣдовали за мной.

— Идемъ,—сказалъ я:—а кто же вы?

— Я смотритель тюремъ Санъ-Микеле, куда вы должны быть переведены.

Смотритель свинцовыхъ тюремъ передалъ послѣднему мои деньги, которыя у него были въ рукахъ. Я попросилъ и получилъ позволеніе сдѣлать подарокъ секондини. Я привелъ въ порядокъ свое платье, взялъ Библію подъ-мышку и отправился. Когда мы спускались по этимъ безконечнымъ лѣстницамъ, Тремерелло украдкою пожалъ мнѣ руку; казалось, онъ хотѣлъ мнѣ этимъ сказать:—несчастный! ты погибъ.

Мы вышли въ ворота, выходившія на лагуну; здѣсь была гондола съ двумя секондини новаго смотрителя.

Я сѣлъ въ гондолу, и противоположныя чувства заволновались во мнѣ: какая-то жалость, что я покидаю свинцовыя тюрьмы, гдѣ я хоть и многое выстрадалъ, но гдѣ я ко многимъ привязался, и гдѣ многіе ко мнѣ привязались;—удовольствіе, что я нахожусь, послѣ столь долгаго заточенія, на свѣжемъ воздухѣ, что я вижу небо, городъ, воду безъ этой ненавистной рѣшетки;—воспоминаніе о той веселой гондолѣ, которая, въ тѣ еще лучшія времена, несла

меня по этой же самой лагунѣ, воспоминаніе и о гондолахъ Лаго ди Комо и Лаго Маджоре, и о лодочкахъ По, и о лодочкахъ Роны и Соны!.. О, вы, веселые, счастливые исчезнувшіе годы! И былъ ли кто въ свѣтѣ тогда такъ же счастливъ, какъ я?

Сынъ прекраснѣйшихъ родителей, родившійся въ положеніи, которое не есть бѣдность и которое приближаетъ человѣка почти одинаково и къ бѣдному, и богатому, и облегчаетъ ему пріобрѣтеніе истиннаго познанія и бѣдности, и богатства,—положеніе, которое я считаю наивыгоднѣйшимъ для воспитанія въ себѣ и развитія благородныхъ чувствъ; я, проведя свое дѣтство окруженнымъ нѣжнѣйшими попеченіями родныхъ, отправился въ Ліонъ къ старому двоюродному брату матери, человѣку очень богатому и заслуживающему этого богатства, гдѣ все, что только могло очаровывать сердце, бьющееся любовью къ прекрасному, восхищало первый жаръ моей юности; вернувшись оттуда въ Италію и поселившись съ родителями въ Миланѣ, я продолжалъ учиться и любить общество и книги, находя только прекрасныхъ друзей и лестное одобреніе. Монти и Фосколо хотя и были противники между собою, были одинаково благосклонны ко мнѣ. Я привязался больше къ этому послѣднему; онъ, такой вспыльчивый и раздражительный человѣкъ, который многихъ своей суровостью побудилъ разлюбить себя, былъ для меня воплощенною нѣжностью и сердечностью, и я нѣжно любилъ и почиталъ его. И другіе уважаемые литераторы любили меня, какъ и я ихъ любилъ. Никакая зависть, никакая клевета никогда не касались меня или, если и были онѣ, то происходили отъ такихъ лишенныхъ всякаго уваженія людей, что ни ихъ зависть, ни ихъ клевета не могли повредить мнѣ. При паденіи Итальянскаго королевства, отецъ перебрался вмѣстѣ съ остальнымъ семействомъ въ Туринъ, а я, откладывая со дня на день свое присоединеніе къ этимъ дорогимъ для меня лицамъ, кончилъ тѣмъ, что остался въ Миланѣ, гдѣ меня окружало такое счастіе, что я не могъ рѣшиться покинуть его.

Между прочими превосходными друзьями въ Миланѣ, трое преобладали моимъ сердцемъ: Д. Пьетро Борсьери, монсиньоръ Лодовико ди Бреме и графъ Луиджи Порро Ламбертенги. Сюда присоединился вскорѣ графъ Федериго Конфалоньери. Сдѣлавшись воспитателемъ двухъ мальчиковъ Порро, я сталъ имъ вмѣсто отца, а отцу—вмѣсто брата. Въ этотъ домъ стекалось не только то, что было самаго уважаемаго въ городѣ, но множество знаменитыхъ путешественниковъ. Я познакомился здѣсь съ Сталь, Шлегелемъ, Дэвисомъ, Байрономъ, Гобгаузомъ, Брогэмомъ и со многими другими знаменитостями различныхъ частей Европы. О! какъ восторгало меня знакомство съ столь достойнѣйшими людьми, какъ оно побуждало меня къ улучшенію, развитію, облагороженію души моей! Да, я былъ счастливъ! Я не перемѣнилъ бы своей доли на долю

принца! И съ такой доли, полной радостей, быть брошену среди мошенниковъ да разбойниковъ, переходить изъ тюрьмы въ тюрьму и кончить тѣмъ, что меня повѣсятъ, или я погибну въ оковахъ!

LI.

Перебирая въ своемъ умѣ эти мысли, я пріѣхалъ въ С. Микеле и былъ заключенъ въ комнату, откуда былъ видъ на дворъ, на лагуну и на красивый островъ Мурано. Я спросилъ о Марончелли у смотрителя, его жены, у четырехъ секондини. Но они приходили ко мнѣ на короткое время, были полны недовѣрчивости и ни о чемъ не хотѣли говорить со мной.

Тѣмъ не менѣе, тамъ, гдѣ есть пять или шесть лицъ, трудно не найдтись хоть одному, который не захотѣлъ бы посочувствовать и поговорить. Я нашелъ одного такого и узналъ, что слѣдуетъ.

Марончелли, долго пробывъ одинокимъ, былъ помѣщенъ вмѣстѣ съ графомъ Камилло Ладерки; этотъ послѣдній, черезъ нѣсколько дней, вышелъ изъ тюрьмы, какъ невиновый, а первый снова остался одинъ. Изъ нашихъ товарищей такъ же ушли, какъ невиновные, профессоръ Джанъ-Доменико Романьози и графъ Джованни Аррівабене. Капитанъ Реціа и синьоръ Канова находились вмѣстѣ. Профессоръ Ресси лежалъ при смерти въ тюрьмѣ, рядомъ съ той, гдѣ были тѣ двое.

— Вѣдь приговоръ относительно тѣхъ, которые не ушли отсюда, уже полученъ. Чего же ждутъ еще и не объявляютъ намъ его?—говорилъ я.—Можетъ быть, когда умретъ бѣдный Ресси или когда онъ будетъ въ состояніи выслушать приговоръ,—не правда ли?

— Думаю, что такъ.

Всякій день я спрашивалъ о несчастномъ.

— У него отнялся языкъ; снова въ состояніи говорить, но бредитъ и ничего не понимаетъ; подаетъ мало признаковъ жизни; часто харкаетъ кровью и все еще бредитъ; ему хуже; стало лучше; въ агоніи.

Такіе отвѣты давались мнѣ втеченіе многихъ недѣль. Наконецъ, въ одно прекрасное утро мнѣ сказали: умеръ!

Я поплакалъ о немъ и потомъ утѣшился хоть той мыслью, что онъ не узналъ своего осужденія!

На слѣдующій день, 21-го февраля 1822 года, пришелъ за мной смотритель. Было десять часовъ утра. Смотритель привелъ меня въ залу засѣданій коммиссіи и ушелъ. Президентъ, инквизиторъ и двое судей ассистентовъ, сидѣвшіе при моемъ входѣ, теперь поднялись съ креселъ.

Президентъ съ выраженіемъ благороднаго соболѣзнованія сказалъ мнѣ, что приговоръ полученъ и что рѣшеніе суда было страшное, но что императоръ уже смягчилъ его.

Инквизиторъ прочиталъ мнѣ приговоръ: приговаривается къ смертной казни. Затѣмъ онъ прочелъ рескриптъ императора: смертную казнь замѣнить тяжкимъ заключеніемъ въ крѣпости Шпильбергъ на пятнадцать лѣтъ.

Я отвѣчалъ: — Да будетъ воля Божія!

И я дѣйствительно желалъ принять похристіански этотъ страшный ударъ, не показать, ни даже питать къ кому бы то ни было злобнаго чувства.

Президентъ похвалилъ мое спокойствіе и посовѣтовалъ мнѣ всегда хранить его, говоря, что отъ этого спокойствія могло зависѣть то, что, можетъ быть, черезъ два, три года меня сочтутъ достойнымъ большей милости. (Вмѣсто двухъ, трехъ лѣтъ прошло далеко больше).

И другіе судьи обратились ко мнѣ съ ласковыми словами надежды. Но одинъ изъ нихъ, казавшійся во все время слѣдствія враж-

лебнымъ ко мнѣ, сказалъ мнѣ какую-то любезность, которая показалась мнѣ колкой; она не согласовалась съ выраженіемъ его глазъ, въ которыхъ, я поклялся бы въ этомъ, играла обидная радость и оскорбительный смѣхъ.

Теперь я не поклянусь, чтобы это было такъ: я могъ прекрасно быть введенъ въ заблужденіе. Но тогда кровь вскипѣла во мнѣ, и мнѣ стоило большихъ усилій не разразиться бѣшенствомъ. Я скрылъ его, и въ то время, когда мнѣ хвалили мое христіанское терпѣніе, я втайнѣ уже потерялъ его.

— Завтра,—сказалъ инквизиторъ:—намъ предстоитъ непріятная обязанность объявить приговоръ публично, но формальность неизбѣжна.

— Пусть такъ и будетъ,—сказалъ я.

— Съ этой минуты мы разрѣшаемъ вамъ,—прибавилъ онъ:—быть вмѣстѣ съ вашимъ другомъ.

И, позвавъ тюремнаго смотрителя, меня снова передали ему, сказавъ, чтобы я былъ помѣщенъ съ Марончелли.

LII.

Какая это была сладкая минута, для меня и для друга, когда мы вновь свидѣлись послѣ разлуки, длившейся годъ и три мѣсяца, и послѣ столькихъ горестей. Радости дружбы заставили насъ позабыть на нѣсколько мгновеній наше осужденіе.

Тѣмъ не менѣе, я быстро вырвался изъ его рукъ, чтобы взять перо и писать къ отцу. Я пламенно желалъ, чтобы извѣстіе о моей печальной участи пришло въ родную семью лучше отъ меня, чѣмъ отъ другихъ, дабы уменьшить глубокую скорбь дорогой семьи словами мира и религіи. Судьи обѣщали мнѣ отослать немедленно это письмо.

Послѣ этого, Марончелли разсказалъ мнѣ о своемъ процессѣ, а я—о моемъ; мы передали другъ другу много разныхъ тюремныхъ приключеній; подошли къ окну, привѣтствовали трехъ другихъ друзей, которые были у своихъ оконъ: двое изъ нихъ были Канова и Реціа, находившіеся вмѣстѣ; первый былъ приговоренъ къ шестилѣтнему тяжкому тюремному заключенію, а второй къ трехлѣтнему; третій былъ докторъ Чезаре Армари, который въ предшествовавшіе мѣсяцы былъ моимъ сосѣдомъ въ свинцовыхъ тюрьмахъ. Онъ не былъ ни къ чему приговоренъ и вышелъ потомъ, объявленный невиновнымъ.

Бесѣда съ тѣми и другими была отраднымъ развлеченіемъ втеченіе всего дня и всего вечера. Но, когда мы улеглись въ постель и потушили огонь и наступила тишина, я не могъ заснуть, голова у меня горѣла, и сердце обливалось кровью при мысли о моемъ

домѣ. Устоятъ ли мои старые родители предъ такимъ несчастьемъ? Довольно ли будетъ для нихъ другихъ ихъ дѣтей, чтобы утѣшать ихъ? Всѣ дѣти были любимы ими, какъ я, и больше меня стоили этой любви; но замѣнятъ ли когда отцу и матери остающіяся имъ дѣти того, котораго теряютъ родители?

Да и только ли о родныхъ и другихъ мнѣ милыхъ я думалъ! Воспоминаніе о нихъ сокрушало и умиляло меня. Но я думалъ и о томъ, какъ я вѣрилъ, злорадномъ и оскорбительномъ смѣхѣ судьи,

о процессѣ, о мотивахъ приговора, о политическихъ страстяхъ, объ участи столькихъ друзей своихъ... и уже не умѣлъ больше снисходительно судить ни о комъ изъ своихъ противниковъ. Богъ послалъ мнѣ большое испытаніе! Мой долгъ былъ бы достойно выдержать это испытаніе. Я не могъ! не хотѣлъ! Мнѣ доставляла большее наслажденіе ненависть, чѣмъ прощеніе: я провелъ адскую ночь.

Утромъ не молился. Міръ казался мнѣ твореніемъ силы враждебной добру. Я и прежде иногда клеветалъ такъ на Бога; но я не повѣрилъ бы, что вновь сдѣлаюсь клеветникомъ и сдѣлаюсь имъ въ короткое время! Джуліано въ своихъ величайшихъ неистов-

ствахъ не могъ быть нечестивѣе меня. Если питаешь мысли, полныя ненависти, особенно, когда потрясенъ страшнымъ несчастіемъ, которое должно было бы сдѣлать тебя еще болѣе религіознымъ, ты, и будучи справедливымъ, становишься несправедливымъ. Да, даже если бы и былъ ты справедливъ, такъ какъ нельзя ненавидѣть безъ предубѣжденія. И кто ты, о, жалкій человѣкъ, что требуешь, чтобы ни одинъ человѣкъ не судилъ о тебѣ строго? что требуешь, чтобы никто не могъ причинить зло, когда причинившій его предполагалъ въ простотѣ своего сердца, что онъ поступаетъ по справедливости? кто ты, чтобы жаловаться на то, что Богъ допускаетъ тебя страдать такимъ, а не другимъ образомъ?

Я сознавалъ себя несчастнымъ тѣмъ, что не могъ молиться; но тамъ, гдѣ царитъ гордость, нѣтъ другаго Бога, кромѣ самого себя.

Я хотѣлъ бы поручить своихъ, приведенныхъ въ отчаяніе, родителей Верховному Помощнику въ скорбяхъ, но уже больше не вѣрилъ въ Него.

LIII.

Въ 9 часовъ утра, Марончелли и я были посажены въ гондолу, и насъ повезли въ городъ. Пристали къ палаццо дожа и взошли въ тюрьмы. Насъ помѣстили въ той комнатѣ, гдѣ за нѣсколько дней передъ этимъ былъ синьоръ Капорали; я не знаю, куда онъ былъ переведенъ. Человѣкъ девять или десять полицейскихъ солдатъ находилось тутъ въ качествѣ стражи; мы стали ходить по комнатѣ въ ожиданіи минуты, когда насъ поведутъ на площадь. Ожиданіе было продолжительно. Только въ полдень появился инквизиторъ и объявилъ намъ, что пора отправляться. Подошелъ докторъ, предлагая намъ по стакану мятной воды; мы выпили и были ему благодарны не столько за воду, сколько за глубокое состраданіе къ намъ, какое показалъ добрый старикъ. Это былъ докторъ Досмо. Затѣмъ подошелъ къ намъ конвойный начальникъ и надѣлъ на насъ наручники. Мы послѣдовали за нимъ въ сопровожденіи остальныхъ солдатъ.

Спустились по великолѣпной лѣстницѣ Гигантовъ, и вспомнился намъ дожъ Марино Фальеро, обезглавленный здѣсь, вошли въ огромныя ворота, которыя вели изъ двора палаццо на площадку, и, прійдя на нее, мы повернули налѣво къ лагунѣ. По срединѣ площадки былъ эшафотъ, на который мы должны были взойдти. Отъ лѣстницы Гигантовъ до этого эшафота стояло два ряда нѣмецкихъ солдатъ; мы прошли среди нихъ.

Взойдя на эшафотъ, мы оглянулись кругомъ и замѣтили ужасъ въ этой огромной толпѣ народа. Въ разныхъ частяхъ въ отдаленіи видно было много вооруженныхъ. Намъ говорили, что были и пушки, съ зажженными повсюду фитилями.

И это была та самая площадь, гдѣ въ сентябрѣ 1820 года, за мѣсяцъ до моего ареста, какой-то нищій сказалъ мнѣ: это мѣсто есть мѣсто несчастія!

Мнѣ вспомнился этотъ нищій, и я подумалъ: кто знаетъ, можетъ быть, среди этихъ тысячъ зрителей находится и онъ и узналъ меня въ лицо?

Капитанъ, нѣмецъ, скомандовалъ намъ, чтобы мы обернулись лицемъ къ палаццо и смотрѣли бы на верхъ. Мы повиновались и увидали на балконѣ судебнаго чиновника съ бумагой въ рукахъ. Это былъ приговоръ. Чиновникъ прочелъ его громкимъ голосомъ.

Царствовало глубокое молчаніе до словъ: присуждаются къ смертной казни. Тогда поднялся всеобщій ропотъ состраданія. Послѣдовало снова молчаніе, чтобы услышать конецъ чтенія. Новый ропотъ поднялся при словахъ: присуждаются къ тяжкому тюремному заключенію, Марончелли на двадцать лѣтъ, а Пелико, на пятнадцать.

Капитанъ подалъ намъ знакъ сходить съ подмостковъ. Мы еще разъ взглянули кругомъ и спустились. Вошли снова во дворъ, взошли по огромной лѣстницѣ, вернулись въ ту же комнату, откуда насъ взяли, тутъ сняли съ насъ наручники и затѣмъ насъ вновь отвели въ Санъ-Микеле.

LIV.

Тѣ, которые раньше насъ были осуждены, уже были отправлены въ Лайбахъ и Шпильбергъ, въ сопровожденіи полицейскаго коммиссара. Теперь ждали возвращенія этого самаго коммиссара, чтобы отправить насъ къ мѣсту нашего назначенія. Этотъ промежутокъ времени длился съ мѣсяцъ.

Моя жизнь тогда имѣла только одно развлеченіе: это—самому разговаривать и слушать разговоры другихъ. Сверхъ этого, Марончелли читалъ мнѣ свои литературныя произведенія, а я ему читалъ свои. Однажды, вечеромъ я прочелъ изъ окна «Ester d'Engaddi» Кановѣ, Реціа и Армари; а на слѣдующій вечеръ я прочелъ имъ «Iginia d'Asti».

Но по ночамъ я метался и плакалъ и спалъ мало или и вовсе не спалъ.

Я желалъ и боялся въ то же время узнать, какъ принято моими родителями извѣстіе о моей несчастной участи.

Наконецъ, пришло письмо отъ моего отца. Какова была моя скорбь, когда я узналъ, что мое послѣднее къ нему письмо не было тотчасъ же отправлено, какъ о томъ я такъ сильно просилъ инквизитора! Несчастный отецъ, все обольщая себя той мыслью, что я выйду безъ обвиненія, читалъ однажды Миланскую газету и нашелъ тамъ мой приговоръ. Отецъ самъ разсказывалъ мнѣ объ этомъ

жестокомъ фактѣ и предоставлялъ мнѣ судить, какъ этотъ фактъ глубоко поразилъ его.

О, какъ я, вмѣстѣ съ безграничной жалостью, какую я почувствовалъ къ нему, къ матери и ко всѣмъ роднымъ, воспылалъ негодованіемъ на то, что письмо мое не позаботились отправить! Коварства въ этомъ замедленіи не было, но я предположилъ здѣсь адское коварство; я думалъ, что здѣсь кроется утонченное варварство, желаніе того, чтобы бичъ палъ со всею возможною тяжестью и на невинныхъ моихъ родственниковъ. Я желалъ бы, чтобы я могъ пролить море крови въ наказаніе за это воображаемое безчеловѣчіе.

Теперь, когда я сужу спокойно, я не нахожу это правдоподобнымъ. Это замедленіе произошло, безъ всякаго сомнѣнія, не отъ чего другаго, какъ отъ безпечности.

Находясь въ такомъ безуміи, я задрожалъ отъ ярости, услыхавъ, что мои товарищи предполагаютъ до отъѣзда отпраздновать пасху. Я думалъ, что я не долженъ праздновать ее, такъ какъ у меня вовсе не было никакого желанія прощать. Если бы я совершилъ такое дѣло!

LV.

Коммиссаръ, наконецъ, прибылъ изъ Германіи и явился сказать намъ, что черезъ два дня мы отправимся.

— Съ удовольствіемъ,—прибавилъ онъ:—я могу доставить вамъ нѣкоторое утѣшеніе. Возвращаясь изъ Шпильберга, я видѣлъ въ Вѣнѣ его величество императора, который сказалъ мнѣ, что онъ дни вашего наказанія, господа, желаетъ считать не въ 24 часа, а въ 12. Этими словами онъ имѣлъ въ виду сказать, что наказаніе уменьшено на половину.

Это уменьшеніе наказанія ни теперь, ни послѣ не было намъ объявлено оффиціально; но нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы коммиссаръ лгалъ, тѣмъ болѣе, что онъ сказалъ намъ объ этомъ не тайкомъ, но съ вѣдома коммиссіи.

Я, всетаки, не зналъ, радоваться ли мнѣ этому. Для меня было немногимъ менѣе страшно пробыть въ оковахъ семь съ половиною лѣтъ, а не пятнадцать. Мнѣ казалось невозможнымъ прожить такъ долго.

Мое здоровье снова было довольно плохо. Я страдалъ сильною болью въ груди и кашлемъ, и думалъ, что повреждены легкія. Ѣлъ мало, да и этого желудокъ не варилъ.

Мы отправились въ ночь съ 25-го на 26-е марта. Намъ дано было позволеніе проститься съ нашимъ другомъ, докторомъ Чезаре Армари. Одинъ изъ сбирровъ сковалъ насъ поперегъ: правую руку

и лѣвую ногу, чтобы намъ было невозможно бѣжать. Спустились въ гондолу, и конвойные стали гресть къ Фузинѣ.

Прибывъ туда, мы нашли приготовленными двѣ кареты. Реція и Канова сѣли въ одну, Марончелли и я—въ другую. Въ одномъ изъ экипажей съ двумя арестантами былъ коммиссаръ, въ другомъ экипажѣ—субъ-коммиссаръ съ двумя остальными. Довершали конвой шесть или семь полицейскихъ стражей, вооруженныхъ ружьями и саблями; эти стражи размѣстились частію внутри каретъ, частію на кόзлахъ, вмѣстѣ съ ямщикомъ.

Всегда бываетъ горько, когда несчастіе принуждаетъ покинуть отечество; но покидать его скованному, отправляемому въ ужасный климатъ, обреченному на то, чтобы томиться долгіе годы среди разбойниковъ, такъ тяжело, такъ разрываетъ сердце, что нѣтъ словъ выразить это!

До перехода нашего черезъ Альпы, мнѣ все дороже и дороже становилась своя нація, въ силу той доброты и состраданія, которыя повсюду намъ оказывали тѣ, кто встрѣчался намъ. Въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селеніи, въ каждой изъ разбросанныхъ по пути, полуразвалившихся хижинъ, куда за нѣсколько недѣль передъ этимъ уже пришло извѣстіе о нашемъ осужденіи, насъ ожидали. Во многихъ мѣстахъ, коммиссарамъ и стражѣ стόило большихъ трудовъ разогнать толпу, которая насъ окружала. Удивительно было то чувство доброжелательства, которое выказывалось намъ.

Въ Удинѣ случилась съ нами трогательная нечаянность. Когда мы прибыли въ гостинницу, комиссаръ приказалъ запереть ворота двора и отогнать народъ. Онъ указалъ намъ комнату и сказалъ прислугѣ, чтобы намъ принесли обѣдъ и все необходимое для ночлега. И вотъ, спустя минуту, вошло трое мужчинъ, съ матрацами на плечахъ. Каково же было наше удивленіе, когда мы увидали, что только одинъ изъ этихъ человѣкъ былъ слуга въ гостинницѣ, а что остальные двое были наши знакомые! Притворившись, что мы хотимъ имъ помочь разложить матрацы, мы пожали украдкой имъ руку. Искренно прослезились и они, и мы. О, какъ было это мучительно, что мы не можемъ пролить эти слезы въ объятіяхъ одинъ другаго!

Коммиссары не замѣтили этой трогательной сцены, но я боялся, не проникъ ли въ тайну одинъ изъ конвойныхъ въ тотъ моментъ, когда добрый Даріо пожималъ мнѣ руку. Этотъ конвойный былъ венеціанецъ. Онъ посмотрѣлъ пристально на Даріо и меня, поблѣднѣлъ, казалось, колебался, не долженъ ли онъ возвысить голосъ, но смолчалъ и перевелъ глаза, какъ будто бы ничего не замѣтивъ. Если онъ не отгадалъ, что это были наши друзья, то, по крайней мѣрѣ, подумалъ, что это были слуги, знакомые намъ.

LVI.

Утромъ выѣхали изъ Удины, едва свѣтало. Этотъ милый Даріо былъ уже на улицѣ, весь закутанный въ плащъ; онъ еще разъ привѣтствовалъ насъ и слѣдовалъ за нами долгое время. Мы увидѣли также, что за нами ѣхала коляска, двѣ или три мили. Въ этой коляскѣ кто-то махалъ намъ платкомъ. Наконецъ, она повернула назадъ. Кто бы это былъ? Мы догадывались.

О, да благословитъ Господь всѣ великодушныя сердца̀, не стыдящіяся любить несчастныхъ! Ахъ, я ихъ тѣмъ больше цѣню, что въ тяжкую годину бѣдствій я узналъ и трусовъ, которые отреклись отъ меня, разсчитывая извлечь пользу изъ того, что осыплютъ меня упреками. Но такихъ людей было мало, а число первыхъ не было скуднымъ.

Я ошибался, думая, что то состраданіе, которое мы находили въ Италіи, должно было прекратиться, когда мы будемъ въ чужой странѣ. Ахъ, добрый человѣкъ всегда землякъ несчастному! Когда мы было въ иллирійскихъ и нѣмецкихъ земляхъ, съ нами случалось то же самое, что и въ нашихъ. Этотъ стонъ былъ всеобщимъ: arme Herren! (бѣдные господа!).

Иногда при въѣздѣ въ какое нибудь селеніе наши коляски бывали принуждены останавливаться, чтобы намъ рѣшить прежде, гдѣ расположиться. Въ такомъ случаѣ народъ тѣснился около насъ, и мы слышали слова сожалѣнія, выходившія истинно изъ глубины сердца. Доброта этого народа меня трогала еще больше доброты моихъ земляковъ. О, какъ я былъ благодаренъ всѣмъ! О, какъ сладка любовь ближнихъ! И какъ сладко любить ихъ!

Утѣшеніе, извлекаемое мною отсюда, уменьшало мое негодованіе противъ тѣхъ, кого я называлъ своими врагами.

— Кто знаетъ,—думалось мнѣ:—если бы я увидалъ ихъ лица вблизи, и если бы они увидали меня, и если бы я могъ читать въ ихъ душѣ, а они въ моей,—кто знаетъ, не былъ ли бы я принужденъ признаться въ томъ, что въ нихъ нѣтъ ничего злодѣйскаго; а они—въ томъ, что и во мнѣ нѣтъ ничего! Кто знаетъ, не были ли бы мы принуждены снисходительно отнестись другъ къ другу и взаимно полюбить другъ друга.

Вѣдь слишкомъ часто люди отворачиваются другъ отъ друга, потому что не знаютъ другъ друга; а если бы они размѣнялись между собою нѣсколькими словами, можетъ, каждый протянулъ бы довѣрчиво руку другому.

Мы остановились на цѣлый день въ Лайбахѣ, гдѣ Канову и Реціа разлучили съ нами и отправили въ крѣпость. Легко себѣ представить, какъ грустна была разлука для всѣхъ четверыхъ.

Вечеромъ, въ день нашего пріѣзда въ Лайбахъ и на слѣдующій день къ намъ пришелъ составить любезную компанію одинъ господинъ, о которомъ намъ сказали, если только я хорошо понялъ, что онъ муниципальный секретарь. Былъ онъ человѣкъ очень гуманный и говорилъ о религіи съ чувствомъ и съ достоинствомъ. Я было думалъ, что это пасторъ: священники одѣваются въ Германіи такъ же, какъ міряне. У него было одно изъ тѣхъ открытыхъ лицъ, которыя внушаютъ уваженіе. Мнѣ было жаль, что я не могъ побольше познакомиться съ нимъ, и досадно теперь, что я былъ такъ вѣтренъ, что позабылъ его имя.

Какъ пріятно мнѣ было бы также знать и твое имя, о, милая дѣвушка, которая въ одной штирійской деревушкѣ слѣдовала за нами среди толпы и потомъ, когда наша коляска должна была остановиться на нѣсколько минутъ, ты привѣтствовала насъ обѣими руками, затѣмъ отошла съ платкомъ у глазъ, опершись на руку грустнаго юноши, который казался нѣмцемъ по своимъ бѣлокурымъ волосамъ, но который, можетъ быть, былъ въ Италіи и полюбилъ нашъ несчастный народъ!

Какъ пріятно бы было мнѣ знать имя каждаго изъ васъ, о, вы, почтенные отцы и матери семействъ, которые въ разныхъ мѣстахъ подходили къ намъ и спрашивали, нѣтъ ли у насъ въ живыхъ родителей, и, слыша, что есть, вы блѣднѣли, восклицая: О, да вернетъ васъ скорѣе Господь къ этимъ бѣднымъ старикамъ.

LVII.

Мы прибыли къ мѣсту нашего назначенія 10-го апрѣля.

Городъ Брюннъ есть столица Моравіи и здѣсь имѣетъ резиденцію губернаторъ двухъ провинцій: Моравіи и Шлезіи. Городъ стоитъ въ веселой долинѣ и имѣетъ нѣкоторый видъ богатства. Много суконныхъ фабрикъ процвѣтало въ немъ тогда, которыя послѣ пришли въ упадокъ. Народонаселенія было около 30 тысячъ душъ.

Вблизи городскихъ стѣнъ, на западѣ, подымается большая гора, и на ней находится мрачный замокъ Шпильберъ, нѣкогда дворецъ государей Моравіи, а теперь самый суровый острогъ Австрійской монархіи. Это была довольно сильная цитадель, но французы бомбардировали ее и взяли во время знаменитаго аустерлитцкаго сраженія (деревня Аустерлитцъ находится въ недалекомъ разстояніи). Этой цитадели больше не исправляли такъ, чтобы она могла служить крѣпостью, а только переправили часть ограды, которая была разрушена. Около трехсотъ арестантовъ, большею частью, воровъ и убійцъ, стерегутся здѣсь; одни изъ нихъ приговорены къ тяжкому тюремному заключенію, другіе къ тягчайшему.

Тяжкое тюремное заключеніе значитъ быть обязану работать, носить на ногахъ цѣпи, спать на голыхъ доскахъ и ѣсть самую худшую пищу, какую только можно себѣ представить. Тягчайшее тюремное заключеніе, это — быть еще ужаснѣе сковану: туловище обхватывалось желѣзнымъ обручемъ, прикованнымъ къ цѣпи вбитой въ стѣну, такъ что едва можно было доставать до доски, которая служила постелью; пища — та самая, какъ гласитъ законъ: хлѣбъ и вода.

Мы, государственные преступники, были приговорены къ тяжкому тюремному заключенію.

Поднимаясь по склону этой горы, мы оглянулись назадъ, чтобы сказать свѣту прости, не вѣдая, откроется ли когда нибудь для насъ та пропасть, которая насъ поглощала. Я наружно былъ спокоенъ, но внутри меня клокотало. Тщетно хотѣлъ я прибѣгнуть къ философіи, чтобы успокоиться; философія не имѣла достаточныхъ доводовъ для меня.

Выѣхавъ изъ Венеціи въ скверномъ состояніи здоровья, я былъ страшно утомленъ дорогою. Голова и все тѣло болѣли: я горѣлъ въ лихорадкѣ. Физическая боль поддерживала во мнѣ гнѣвъ, а гнѣвъ, вѣроятно, усиливалъ физическую боль.

Мы были переданы суперъ-интенданту Шпильберга, который и вписалъ наши имена посреди именъ воровъ. Имперскій коммиссаръ, удаляясь, обнялъ насъ и былъ растроганъ.

— Совѣтую вамъ, господа, главнымъ образомъ послушаніе, — сказалъ онъ: — за малѣйшее нарушеніе дисциплины вы можете быть подвергнуты господиномъ суперъ-интендантомъ строгому наказанію.

Когда вписали наши имена, Марончелли и я были отведены въ подземный корридоръ, гдѣ открылись для насъ двѣ темныхъ, не смежныхъ между собою, камеры.

Каждый изъ насъ былъ заключенъ въ свое логово.

LVIII.

Какъ тяжко, когда ты уже сказалъ прости столькимъ предметамъ, когда остаешься ты только вдвоемъ съ твоимъ, одинаково несчастнымъ, другомъ, какъ тяжко и съ нимъ разстаться! Марончелли, покидая меня, видѣлъ, что я боленъ, и оплакивалъ во мнѣ человѣка, котораго онъ, вѣроятно, уже больше никогда не увидитъ; я оплакивалъ въ немъ цвѣтокъ, блещущій здоровьемъ, отторгнутый, можетъ быть, навсегда отъ животворнаго свѣта солнца. И какъ завялъ, въ самомъ дѣлѣ, этотъ цвѣтокъ! Въ одинъ прекрасный день онъ снова увидѣлъ свѣтъ, но въ какомъ состояніи!

Когда я остался одинъ въ этомъ страшномъ вертепѣ и услышалъ, какъ заперлись за мною запоры, и разглядѣлъ при слабомъ

свѣтѣ, который выходилъ изъ высокаго окошечка, голую доску, данную мнѣ вмѣсто постели, и огромную цѣпь въ стѣнѣ, я сѣлъ, дрожа отъ ярости, на эту постель и, взявъ эту цѣпь, вымѣрилъ ея длину, думая, что цѣпь предназначена была для меня.

Спустя полчаса, загремѣли ключи; открывается дверь: это главный тюремщикъ несъ мнѣ жбанъ воды.

— Это пить,—сказалъ онъ грубымъ голосомъ.

— Спасибо, добрый человѣкъ.

— Я не добрый,—возразилъ онъ.

— Тѣмъ хуже для васъ,—сказалъ я ему въ негодованіи.—А эта цѣпь не для меня ли?

— Да, синьоръ, если вы не будете смирны, если будете буйствовать, если вы будете говорить дерзости. А если будете благоразумны, мы надѣнемъ вамъ цѣпь только на ноги. Кузнецъ ее теперь готовитъ.

Онъ прохаживался медленно взадъ и впередъ, махая неуклюжею связкой огромныхъ ключей, и я гнѣвнымъ взоромъ смотрѣлъ на его гигантскую, сухопарую, старую особу, и, не смотря на то, что черты его лица не были грубыми, все въ немъ мнѣ казалось ненавистнѣйшимъ олицетвореніемъ грубой силы!

О, какъ бываютъ несправедливы люди, когда они судятъ по наружности и подчиняясь высокомѣрному предубѣжденію! У этого человѣка, про котораго я думалъ, что онъ затѣмъ и играетъ такъ весело ключами, что хочетъ дать мнѣ почувствовать свою печальную власть,—котораго я считалъ наглымъ въ силу его долгой привычки къ жестокостямъ, были на умѣ мысли состраданія, и онъ навѣрное потому-то и говорилъ такъ грубо, чтобы скрыть это чувство. Онъ хотѣлъ бы скрыть его и потому, чтобы не показаться слабымъ, и изъ боязни, что я былъ недостоинъ этого чувства; но въ то же время онъ, предполагая, что я, можетъ быть, скорѣе несчастенъ, чѣмъ преступенъ, желалъ бы обнаружить мнѣ свое чувство.

Наскучившись его присутствіемъ, а больше еще его видомъ начальства, я счелъ необходимымъ обрѣзать его и сказалъ ему повелительно какъ слугѣ:

— Дайте мнѣ пить.

Онъ посмотрѣлъ на меня и, казалось, хотѣлъ сказать:—высокомѣрный! здѣсь нужно отучиться приказывать.

Но онъ смолчалъ, согнулъ свою длинную спину, взялъ съ земли жбанъ и подалъ его мнѣ. Я замѣтилъ, когда бралъ жбанъ отъ него, что онъ дрожалъ, и, приписывая это дрожаніе его старчеству, я былъ охваченъ чувствомъ жалости и почтенія къ нему, которое смирило мою гордость.

— Сколько вамъ лѣтъ?—сказалъ я ему ласково.

— Семьдесятъ четыре, синьоръ: уже много видѣлъ я несчастій и своихъ, и чужихъ.

При этомъ намекѣ на свои и чужія несчастія онъ опять задрожалъ въ то время, какъ бралъ отъ меня жбанъ, и я подумалъ, что это слѣдствіе не одной его старости, но и нѣкотораго благороднаго волненія. Эта мысль уничтожила во мнѣ всякую ненависть, запавшую въ мою душу при первомъ взглядѣ на него.

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ я его.

— Судьба, синьоръ, подсмѣялась надо мной, давъ мнѣ имя великаго человѣка: меня зовутъ Шиллеръ.

Затѣмъ въ немногихъ словахъ разсказалъ онъ мнѣ, откуда онъ родомъ, какого происхожденія, какія видалъ войны и какія вынесъ раны.

Былъ онъ швейцарецъ, крестьянинъ по происхожденію; воевалъ противъ турокъ подъ начальствомъ генерала Лаудона во времена Маріи Терезіи и Іосифа II, затѣмъ участвовалъ во всѣхъ войнахъ Австріи противъ Франціи до паденія Наполеона.

LIX.

Когда мы о человѣкѣ, котораго сначала сочли дурнымъ, становимся лучшаго мнѣнія, тогда, обращая бо̀льшее вниманіе на его лицо, его голосъ, его манеры, мы усматриваемъ въ немъ, какъ намъ кажется, ясные признаки прекрасныхъ качествъ. Но существуетъ ли въ дѣйствительности то, что мы усматриваемъ? Я думаю, что нѣтъ. Это же самое лицо, этотъ же самый голосъ, эти же самыя манеры казались намъ, передъ тѣмъ, носящими на себѣ явный признакъ обратныхъ качествъ. Если мѣняется наше сужденіе о нравственныхъ качествахъ, тотчасъ же мѣняются и заключенія, сдѣланныя нами относительно физіономіи. Сколько лицъ намъ внушаютъ къ себѣ уваженіе, потому что мы знаемъ, что эти лица принадлежатъ людямъ благороднымъ и нравственно прекраснымъ, которыя вовсе не показались бы намъ способными внушить къ себѣ уваженіе, если бы принадлежали другимъ людямъ! И обратно. Меня разсмѣшила однажды одна дама, которая, увидавъ изображеніе Катилины и смѣшавъ его съ Коллатиномъ, вздумала отыскать въ этомъ изображеніи величественную скорбь Коллатина о смерти Лукреціи. Однако, такіе самообманы общи всѣмъ людямъ.

Вѣдь нѣтъ же такихъ лицъ, которыя, разъ они принадлежатъ добрымъ людямъ, носили бы на себѣ чрезвычайно явственно характеръ доброты, какъ нѣтъ лицъ злодѣевъ, которыя чрезвычайно явственно носили бы на себѣ характеръ злодѣйства; но я утверждаю, что много есть такихъ лицъ, выраженіе которыхъ неопредѣленно.

Наконецъ, ставъ нѣсколько помягче съ старикомъ Шиллеромъ, я посмотрѣлъ на него болѣе внимательно, чѣмъ раньше, и онъ пе-

ресталъ мнѣ не нравиться. Сказать правду, въ его разговорѣ, хотя и нѣсколько грубомъ, проявлялись черты благородной души.

— Мнѣ, капралу, пришлось вотъ, вмѣсто отдыха, исполнять непріятную должность тюремщика, и Господь вѣдаетъ, что мнѣ это гораздо тяжелѣе, чѣмъ если бы я потерялъ свою жизнь въ сраженіи.

Я раскаялся въ томъ, что только-что такъ надменно попросилъ у него пить.

— Любезный мой Шиллеръ, — сказалъ я, пожимая ему руку: — вы напрасно отрицаете это; я знаю, что вы добры, и, впавъ въ это злополучіе, я благодарю небо за то, что оно дало мнѣ васъ въ стражи.

Онъ выслушалъ мои слова, покачалъ головою, потомъ отвѣчалъ, потирая себѣ лобъ, какъ человѣкъ, котораго мучитъ одна мысль:

— Нѣтъ, синьоръ, я злой человѣкъ; меня заставили принесть присягу, которой я не измѣню никогда. Я обязанъ обходиться со всѣми арестантами, не взирая на ихъ званіе, безъ снисхожденія, не допуская никакихъ поблажекъ, и въ особенности съ государственными арестантами. Императоръ знаетъ, что̀ дѣлаетъ: я долженъ повиноваться ему.

— Вы славный человѣкъ, и я всегда съуважу то, что вы сочтете долгомъ совѣсти. Кто поступаетъ по чистой совѣсти, тотъ можетъ ошибаться, но онъ чистъ передъ Богомъ.

— Бѣдный синьоръ, имѣйте терпѣніе и пожалѣйте меня. Я буду желѣзнымъ въ исполненіи своего долга, но сердце... сердце полно сожалѣнія, что я не могу помочь несчастнымъ. Вотъ то̀, что̀ я хотѣлъ вамъ сказать.

Мы оба были растроганы. Онъ умолялъ меня быть тихимъ, не входить въ ярость, какъ часто это дѣлаютъ осужденные, не принуждать его обходиться жестоко со мною.

Затѣмъ, какъ бы желая скрыть отъ меня часть своей доброты, онъ сказалъ мнѣ суровымъ тономъ:

— Теперь мнѣ надо отсюда уходить.

Потомъ вернулся назадъ, спрашивая меня, давно ли я такъ сильно кашляю, и грубо обругалъ доктора, зачѣмъ онъ не пришелъ въ сегодняшній же вечеръ понавѣдать меня.

— У васъ сильная лихорадка, — прибавилъ онъ: — я знаю въ этомъ толкъ. Вамъ нуженъ бы, по крайней мѣрѣ, соломенный тюфякъ, но, пока не прикажетъ врачъ, мы не можетъ дать его вамъ.

Онъ ушелъ, заперъ за собою дверь, и я протянулся на жесткихъ доскахъ, въ лихорадкѣ и съ сильною болью въ груди, но уже менѣе яростнымъ, менѣе враждебнымъ къ людямъ, менѣе далекимъ отъ Бога.

LX.

Вечеромъ пришелъ суперъ-интендантъ, въ сопровожденіи Шиллера, другаго капрала и двухъ солдатъ, затѣмъ, чтобы произвести обыскъ.

Было предписано три ежедневныхъ обыска: утромъ, вечеромъ, въ полночь. Осматривали каждый уголъ камеры, каждую бездѣлицу, потомъ низшіе уходили, а суперъ-интендантъ (который никогда не упускалъ быть утромъ и вечеромъ) оставался немного поговорить со мной.

Въ первый разъ, какъ я увидалъ эту кучку, мнѣ пришла въ голову дикая мысль. Не зная еще этихъ тягостныхъ обычаевъ и въ бреду лихорадки, я вообразилъ, что пришли ко мнѣ за тѣмъ, чтобы умертвить меня, и схватился за длинную цѣпь, находившуюся около меня, чтобы размозжить лицо первому, кто подойдетъ ко мнѣ.

— Что вы дѣлаете?—сказалъ суперъ-интендантъ.—Мы не за тѣмъ пришли, чтобы причинить вамъ какое нибудь зло. Это посѣщеніе есть формальность для всѣхъ камеръ, которая имѣетъ цѣлью убѣдить насъ въ томъ, что здѣсь нѣтъ ничего ненадлежащаго.

Я былъ въ нерѣшимости; но, когда увидалъ, что подошелъ ко мнѣ Шиллеръ и протянулъ мнѣ дружески руку, его отеческій видъ внушилъ мнѣ довѣріе: я выпустилъ цѣпь и взялъ эту руку въ свои.

— О, какой жаръ,—сказалъ онъ суперъ-интенданту.—Ему бы можно было, по крайней мѣрѣ, дать соломенный тюфякъ!

Онъ произнесъ эти слова съ выраженіемъ такого истиннаго, нѣжнаго состраданія, что я былъ этимъ умиленъ.

Суперъ-интендантъ пощупалъ мой пульсъ, пожалѣлъ меня: онъ былъ ласковый, обходительный человѣкъ, но не посмѣлъ ничего произвольно разрѣшить мнѣ.

— Здѣсь все строго и для меня,—сказалъ онъ.—Если я не буду буквально выполнять то, что мнѣ предписано, я рискую быть отрѣшеннымъ отъ своей должности.

Шиллеръ вытянулъ губы, и я бы побился объ закладъ, что онъ подумалъ про себя:—если бы я былъ суперъ-интендантъ, я бы не довелъ страха до такой степени: не разрѣшить произвольно того, что̀ такъ оправдывается необходимостью и столь безвредно для монархіи; да развѣ можно бы было когда нибудь счесть это за большой проступокъ.

Когда я остался одинъ, мое сердце, съ нѣкотораго времени неспособное къ глубокому религіозному чувству, умилилось, и я молился. Это была молитва о ниспосланіи благословеній на главу Шиллера; и я заключилъ эту молитву словами: —сдѣлай такъ, чтобы

я различалъ въ людяхъ тѣ качества ихъ, которыя привлекли бы меня къ нимъ; я приму всѣ муки заточенія, но молю Тебя, Боже, сотвори любовь во мнѣ къ людямъ! молю Тебя, избавь меня отъ мукъ ненависти къ моимъ ближнимъ!

Въ полночь я услыхалъ шаги въ корридорѣ. Загремѣли ключи, отворяется дверь. Это пришелъ капралъ съ двумя стражами произвести обыскъ.

— Гдѣ мой старикъ Шиллеръ?—спросилъ я, желая его видѣть. Онъ оставался въ корридорѣ.

— Здѣсь я, здѣсь,—отвѣчалъ онъ.

И, подойдя къ доскамъ, на которыхъ я лежалъ, онъ снова пощупалъ мнѣ пульсъ, безпокойно наклонившись посмотрѣть на меня, какъ отецъ наклоняется надъ постелью больнаго сына.

— А что я теперь вспомнилъ: вѣдь завтра четвергъ!—проворчалъ онъ: — вѣдь только четвергъ!

— Что вы хотите сказать этимъ?

— Да то, что докторъ обыкновенно приходитъ по утрамъ въ понедѣльникъ, среду и пятницу—и только, и что завтра онъ, вѣроятно, не прійдетъ.

— Не безпокойтесь объ этомъ!

— Какъ тутъ не безпокоиться! Во всемъ городѣ только и разговору, что о вашемъ прибытіи, господа, и докторъ не можетъ не знать этого. Какого же чорта не постараться ему сверхъ обыкновенія прійдти одинъ лишній разъ?

— Кто же знаетъ, что онъ не прійдетъ завтра, хоть это и четвергъ?

Старикъ ничего не сказалъ, но сжалъ мнѣ руку съ такою страшною силой, что чуть не раздавилъ мнѣ ее. Хоть и больно мнѣ было, но мнѣ было пріятно это. Это похоже на удовольствіе, испытываемое влюбленнымъ, когда случится, что его возлюбленная, танцуя, наступитъ ему на ногу; онъ почти вскрикнулъ бы отъ боли, но вмѣсто того онъ улыбается и считаетъ себя блаженнымъ.

LXI.

Въ четвергъ утромъ, послѣ мерзѣйшей ночи, разслабленный, съ отбитыми костями на этихъ голыхъ доскахъ, я былъ въ страшномъ поту. Пришли съ обыскомъ. Суперъ-интенданта не было; такъ какъ въ это время ему было неудобно, онъ пришелъ послѣ, нѣсколько позже.

Я сказалъ Шиллеру:—Посмотрите, какъ я облитъ пòтомъ; вѣдь мнѣ очень холодно; мнѣ бы надо тотчасъ же перемѣнить рубашку.

— Нельзя!—крикнулъ онъ грубымъ голосомъ.

Но украдкой онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ глазами и рукою. Когда уходили капралъ и солдаты, онъ снова мнѣ сдѣлалъ знакъ въ то время, какъ запиралъ за собой дверь.

Немного спустя, онъ появился снова, неся мнѣ одну изъ своихъ рубашекъ, вдвое длиннѣе меня.

— Для васъ,—сказалъ онъ:—она немножко длинна, да теперь у меня здѣсь нѣтъ другихъ.

— Благодарю васъ, мой другъ, но, такъ какъ я привезъ съ собою въ Шпильбергъ полный сундукъ бѣлья, то, надѣюсь, мнѣ не откажутъ дать одну изъ моихъ рубашекъ; будьте такъ добры, сходите къ суперъ-интенданту и попросите у него одну изъ нихъ.

— Синьоръ, вамъ ничего давать не приказано изъ вашего бѣлья. Каждую субботу вамъ, какъ и другимъ арестантамъ, будетъ выдаваться казенная рубашка.

— Добрый старикъ,—сказалъ я:—вы видите, въ какомъ я положеніи; мало вѣроятія, что я когда нибудь выйду живымъ отсюда: я никогда не смогу ничѣмъ вознаградить васъ.

— Стыдитесь, синьоръ,—вскричалъ онъ:—стыдитесь! Говорить о наградѣ тому, кто не можетъ оказать вамъ услугъ! тому, кто едва можетъ снабдить тайкомъ больнаго, чѣмъ бы осушить тѣло, обливающееся потомъ!

И, грубо набросивъ на меня свою длинную рубашку, онъ ушелъ, ворча, и захлопнулъ дверь съ страшнымъ шумомъ.

Черезъ два, этакъ, часа онъ принесъ мнѣ краюху черкаго хлѣба.

— Это вотъ,—сказалъ онъ:—порція на два дня.

Потомъ онъ сталъ гнѣвно прохаживаться.

— Что съ вами?—спросилъ я.—Вы сердитесь на меня! Да вѣдь я же надѣлъ вашу рубашку, которую вы мнѣ одолжили.

— Я сержусь на доктора, который, хоть сегодня и четвергъ, могъ бы, однако, удостоить прійдти!

— Терпѣніе!—сказалъ я.

Я говорилъ: «терпѣніе!», а самъ не находилъ никакихъ средствъ лежать такъ на доскахъ, даже безъ подушки: всѣ мои кости болѣли.

Въ одиннадцать часовъ мнѣ былъ принесенъ обѣдъ однимъ арестантомъ, въ сопровожденіи Шиллера. Обѣдъ составляли два желѣзныхъ горшка: въ одномъ сквернѣйшая похлебка, въ другомъ вареные овощи, приправленные такимъ соусомъ, одинъ запахъ котораго вызывалъ тошноту.

Я было попытался проглотить нѣсколько ложекъ похлебки, но не было никакой возможности.

Шиллеръ твердилъ мнѣ:—Будьте пободрѣе; старайтесь привыкнуть къ этой пищѣ; иначе и съ вами случится то же, что̀ и съ другими: прійдется грызть только одинъ хлѣбъ и умереть потомъ отъ истощенія.

Въ пятницу утромъ пришелъ, наконецъ, докторъ Бейеръ. Онъ нашелъ у меня лихорадку, приказалъ мнѣ дать соломенный тюфякъ и настоялъ на томъ, чтобы я былъ выведенъ изъ подземелья и переведенъ въ верхній этажъ. Но этого сдѣлать было нельзя: тамъ не было мѣста. Но было сдѣлано о томъ донесеніе графу Митровскому, губернатору двухъ провинцій, Моравіи и Шлезіи, живущему въ Брюннѣ, и графъ приказалъ, чтобы, въ виду серьезности моей болѣзни, мнѣніе доктора было приведено въ исполненіе.

Въ комнату, которую мнѣ дали, проникало нѣсколько свѣту; и я, вскарабкавшись къ рѣшеткѣ узкаго окошечка, увидалъ внизу долину, часть города Брюнна, предмѣстье со множествомъ садиковъ, кладбище, озеро Картезіанцевъ и лѣсистые холмы, которые отдѣляли насъ отъ славныхъ полей Аустерлитца.

Этотъ видъ очаровалъ меня. О, какъ бы я былъ радъ, если бы могъ подѣлиться имъ съ Марончелли!

LXII.

Межъ тѣмъ, намъ готовили арестантскую одежду. Спустя пять дней, мнѣ принесли мою.

Она состояла изъ пары штановъ изъ грубаго сукна, правая сторона сѣраго цвѣта, а лѣвая чернаго; изъ полукафтанья также двухъ цвѣтовъ, одинаково расположенныхъ, и изъ куртки такихъ же цвѣтовъ, но иначе расположенныхъ, т. е. чернаго цвѣта правая сторона и сѣраго лѣвая. Чулки были изъ грубой шерсти; холщевая рубашка изъ оческовъ, наполненная колючками—чистая власяница; на шеѣ небольшой лоскутъ такого же холста, какъ на рубашкѣ. Башмаки изъ некрашенной кожи, на шнуркахъ. Шляпа бѣлая.

Дополняло это одѣяніе желѣзо на ногахъ, т. е. цѣпь отъ одной ноги къ другой, причемъ оковы этой цѣпи замыкались гвоздями, которые заклепывались на наковальнѣ. Кузнецъ, исполнявшій эту работу, сказалъ солдату, думая, что я не понимаю понѣмецки:

— Такого больнаго, какъ онъ, могли бы пощадить отъ этой погремушки: не пройдетъ двухъ мѣсяцевъ, какъ ангелъ смерти пріидетъ освободить его.

— Mochte es sein! (пусть бы такъ было!)—сказалъ я ему, ударивъ его по плечу.

Бѣдняга вздрогнулъ и смутился; потомъ сказалъ:

— Надѣюсь, что я не буду пророкомъ, и желаю, чтобы вы были освобождены совершенно другимъ ангеломъ.

— Чѣмъ жить такъ, не кажется ли вамъ,—отвѣчалъ я ему:— что скорѣе пусть будетъ ангелъ смерти желаннымъ гостемъ?

Онъ утвердительно кивнулъ головой и удалился, сожалѣя обо мнѣ.

Я бы въ самомъ дѣлѣ охотно перестала жить, но не покушался на самоубійство. Я вѣрилъ тому, что моя болѣзнь легкихъ была на столько сильна, что скоро унесетъ меня въ могилу. Но это было неугодно Богу. Трудное путешествіе порядочно утомило меня: отдыхъ мнѣ далъ нѣкоторое облегченіе.

Спустя нѣсколько времени послѣ ухода кузнеца, я услыхалъ въ подземельѣ звукъ ударовъ молотка по наковальнѣ. Шиллеръ былъ еще въ моей камерѣ.

— Слышите эти удары,—сказалъ я ему:—вѣрно надѣваютъ цѣпи на бѣднаго Марончелли.

И, когда я говорилъ это, у меня такъ сжалось сердце, что я зашатался и, если бы меня не поддержалъ добрый старикъ, я бы упалъ. Я болѣе получаса пробылъ въ состояніи, казавшемся обморокомъ, но которое на самомъ дѣлѣ не было имъ. Я не могъ говорить, мой пульсъ едва бился, холодный потъ облилъ меня съ головы до ногъ, и, не смотря на это, я слышалъ всѣ слова Шиллера,

и у меня сохранялось живѣйшее воспоминаніе о прошломъ и сознаніе настоящаго.

Приказъ суперъ-интенданта и бдительность стражи держали до сихъ поръ всѣ сосѣднія камеры въ тишинѣ. Три или четыре раза я слышалъ пѣніе какой-то итальянской пѣсенки, но все скоро смолкло по окрику часовыхъ. Этихъ часовыхъ у насъ было нѣсколько на площадкѣ, находившейся подъ нашими окнами, и одинъ въ самомъ нашемъ корридорѣ. Этотъ послѣдній часовой ходилъ взадъ и впередъ по корридору, прислушиваясь въ дверяхъ, и возбранялъ всякій шумъ.

Какъ-то разъ, этакъ, къ вечеру (всякій разъ, какъ я объ этомъ вздумаю, во мнѣ пробуждается тотъ трепетъ, который охватилъ меня тогда) часовые, по счастливой случайности, были менѣе внимательны, и я услыхалъ, какъ кто-то въ камерѣ, смежной съ моей, запѣлъ пѣсенку тихимъ, но яснымъ голосомъ.

О, какая радость, какое волненіе охватило меня!

Я всталъ съ постели, прислушался, и когда тотъ замолчалъ, я разразился неудержимымъ плачемъ.

— Кто ты, несчастный?—воскликнулъ я:—кто ты? Скажи мнѣ свое имя. Я Сильвіо Пелико.

— О, Сильвіо!—вскричалъ сосѣдъ:—я не знаю тебя въ лицо, но люблю уже давно. Взберись къ окну и поговоримъ съ тобой, не взирая на этихъ бездѣльниковъ.

Я вскарабкался къ окну; онъ сказалъ мнѣ свое имя, и мы перекинулись нѣсколькими ласковыми словами.

Это былъ графъ Антоніо Оробони, родомъ изъ Фратты, близь Ровиго, молодой человѣкъ двадцати девяти лѣтъ.

Увы, мы скоро были прерваны грознымъ окрикомъ часовыхъ! Корридорный часовой сталъ сильно стучать прикладомъ ружья то въ дверь Оробони, то въ мою дверь. Мы не хотѣли, мы не могли повиноваться; но проклятія стражей были таковы, что мы прекратили бесѣду, уговорились снова начать, когда смѣнятъ часовыхъ.

LXIII.

Мы надѣялись,—такъ и случилось на самомъ дѣлѣ,—что, и тише говоря, мы можемъ слышать другъ друга, и что намъ будутъ попадаться добрые часовые, которые притворятся, что не замѣчаютъ нашей болтовни.

Въ силу опыта, мы научились средству говорить такъ тихо, что этого для нашихъ ушей было достаточно, а другимъ было или вовсе не слышно, или представлялось, что они ослышались. Но случалось изрѣдка, что у насъ бывали слушатели съ болѣе тонкимъ слухомъ, или мы забывали сдерживать голосъ. Тогда до насъ

доходили окрики и раздавался стукъ въ двери и, что̀ всего хуже, мы навлекали на себя гнѣвъ бѣднаго Шиллера и суперъ-интенданта.

Мало-по-малу мы усовершенствовали всѣ предосторожности, т. е. говорили скорѣе въ эти часы, чѣмъ въ другіе, скорѣе тогда, когда были одни часовые, а не другіе, и всегда самымъ тихимъ голосомъ. Благодаря ли нашему искусству, или благодаря тому, что другіе привыкли снисходительно смотрѣть на это, мы кончили тѣмъ, что могли всякій день порядочно бесѣдовать другъ съ другомъ, почти никогда не навлекая на себя выговора со стороны высшихъ.

Мы соединились другъ съ другомъ нѣжною дружбой. Онъ разсказалъ мнѣ свою жизнь, а я разсказалъ ему свою. Грусть и утѣшенія одного становились грустью и утѣшеніями другаго. О, какую поддержку мы находили другъ въ другѣ! Сколько разъ, послѣ безсонной ночи, каждый изъ насъ, подходя къ окну и привѣтствуя друга, и слыша его ласковыя рѣчи, чувствовалъ, что въ сердцѣ уменьшалась скорбь и увеличивалось мужество! Каждый былъ убѣжденъ, что онъ полезенъ для другаго, и эта увѣренность пробуждала нѣжное соревнованіе въ кроткихъ, ласковыхъ мысляхъ и то довольство, которое и въ несчастіи является у человѣка, когда онъ можетъ помочь своему ближнему.

Каждый разговоръ влекъ за собой необходимость продолженія, разъясненій, и давалъ безпрерывно животворный толчокъ знанію, памяти, фантазіи, сердцу.

Въ началѣ, вспоминая Джуліано, я не довѣрялъ постоянству этого новаго друга. Я думалъ: до сихъ поръ еще не случилось намъ натолкнуться на разногласіе; но не сегодня, такъ завтра я могу чѣмъ нибудь не понравиться ему, и вотъ это-то будетъ несчастіе.

Это подозрѣніе скоро пропало. Наши мнѣнія были согласны относительно всѣхъ существенныхъ пунктовъ, за исключеніемъ развѣ того, что онъ къ благородному сердцу, бьющемуся великодушными чувствами, не приниженному несчастіемъ, присоединялъ еще самую чистую и полную вѣру въ христіанство, между тѣмъ какъ моя вѣра съ нѣкотораго времени колебалась во мнѣ, а иногда, казалось мнѣ, и совсѣмъ исчезала.

Онъ разбивалъ мои сомнѣнія справедливѣйшими разсужденіями, въ которыхъ было много любви: я чувствовалъ, что онъ правъ, и признавалъ это, но сомнѣнія возвращались. Это случается со всѣми тѣми, у кого нѣтъ въ сердцѣ Евангелія, со всѣми тѣми, кто ненавидитъ другихъ, кто превозносится самимъ собою. Умъ и видитъ иногда истину, но, такъ какъ она ему не нравится, онъ разувѣряется въ ней тотчасъ же и употребляетъ всѣ старанія на то, чтобы остановить свое вниманіе на другомъ.

Оробони обладалъ прекрасною способностью останавливать мое вниманіе на тѣхъ мотивахъ, которыя побуждаютъ человѣка быть

снисходительнымъ къ врагамъ. Если я говорилъ съ нимъ о комъ нибудь, ненавистномъ для меня, онъ тотчасъ же вступался за такого человѣка и искусно защищалъ его, и не только словами, но и примѣромъ. Многіе повредили ему. Онъ стеналъ отъ нихъ, но прощалъ имъ всѣмъ, и если онъ могъ разсказать мнѣ о какой нибудь похвальной чертѣ каждаго изъ нихъ, онъ охотно это дѣлалъ.

Гнѣвное настроеніе, которое овладѣло мной и дѣлало меня нерелигіознымъ со времени моего осужденія и до сихъ поръ, длилось еще нѣсколько недѣль; затѣмъ совершенно исчезло. Добродѣтель Оробони породила во мнѣ желаніе обладать такой же. Всѣми силами стараясь достичь ея, я, по крайней мѣрѣ, шелъ по его слѣдамъ. Тогда я вновь могъ искренно молиться за всѣхъ, не относиться больше съ ненавистью ни къ кому; мои сомнѣнія въ вѣрѣ исчезли: ubi charitas et amor, Deus ibi est.

LXIV.

Сказать правду, если наказаніе и было чрезвычайно строгое и способное привести въ негодованіе, всетаки, у насъ въ то же самое время была та рѣдкая участь, что всѣ, кого мы видѣли, были добры къ намъ. Они не могли облегчить наше положеніе ничѣмъ инымъ, какъ только ласковымъ и почтительнымъ обхожденіемъ, а такое-то обхожденіе и было у всѣхъ. Если и была нѣкоторая грубость въ старикѣ Шиллерѣ, за то какъ она вознаграждалась благородствомъ его сердца! Даже бѣднякъ Кунда (это былъ тотъ арестантъ, который приносилъ намъ обѣдъ и три раза въ день въ воду), — и тотъ хотѣлъ, чтобы мы видѣли, что онъ жалѣетъ насъ. Онъ убиралъ намъ комнаты два раза въ недѣлю. Разъ утромъ, убирая въ камерѣ, онъ улучилъ моментъ, когда Шиллеръ отошелъ шага на два отъ двери, и предложилъ мнѣ ломоть бѣлаго хлѣба. Я не взялъ его, но сердечно пожалъ ему руку. Это пожатіе руки разстрогало его. Онъ сказалъ мнѣ на дурномъ нѣмецкомъ языкѣ (онъ былъ полякъ): — Синьоръ, вамъ такъ мало даютъ теперь ѣсть, что вы навѣрно страдаете отъ голода.

Я увѣрилъ, что нѣтъ, но увѣрялъ въ невѣроятномъ.

Докторъ, видя, что никто изъ насъ не могъ ѣсть пищу такого качества, какого давали намъ въ первые дни, посадилъ насъ всѣхъ на четверть порціи, какъ это называютъ, т. е. на больничную пищу. Эта четверть порціи состояла изъ трехъ крохотныхъ мисочекъ супу на день, кусочка жареной телятины на одинъ глотокъ и, можетъ быть, трехъ унцій бѣлаго хлѣба. Такъ какъ мое здоровье улучшалось, то и аппетитъ увеличивался, и этой четверти порціи для меня было на самомъ дѣлѣ слишкомъ мало.

Я попробовалъ было вернуться къ пищѣ для здоровыхъ, но ничего этимъ не выигралъ, такъ какъ она до того была противна, что я не могъ ее ѣсть. Приходилось безусловно оставаться на больничной пищѣ. Больше году я испытывалъ муки голода и узналъ, что̀ это за муки. И это мученіе, и еще съ бо̀льшею силою, терпѣли нѣкоторые изъ моихъ товарищей, которые, будучи сильнѣе и здоровѣе меня, привыкли и питаться обильнѣе. Я знаю между ними нѣсколькихъ такихъ, которые брали хлѣбъ и отъ Шиллера, и отъ другихъ двухъ стражей, приставленныхъ къ намъ, и даже отъ добряка Кунды.

— Въ городѣ говорятъ, что вамъ, господа, даютъ мало ѣсть, — сказалъ какъ-то разъ цирюльникъ, молодой человѣкъ, практикантъ нашего хирурга.

— Истинная правда,—отвѣчалъ я откровенно.

Въ слѣдующую субботу (онъ приходилъ каждую субботу) онъ хотѣлъ дать мнѣ украдкой большой ломоть бѣлаго хлѣба. Шиллеръ притворился, что не замѣчаетъ этого. Я, если бы послушался своего желудка, взялъ бы этотъ хлѣбъ, но я устоялъ и отказался отъ него въ тѣхъ видахъ, чтобы этотъ бѣдняга не покушался повторять приношенія, что̀ подъ конецъ стало бы затруднять его.

По этой же самой причинѣ я отказывался отъ предложеній Шиллера. Нѣсколько разъ онъ приносилъ мнѣ вареного мяса, упрашивая меня съѣсть его и увѣряя, что это ему ничего не стоило, что у него осталось, что онъ не знаетъ, что съ нимъ дѣлать, что онъ все равно отдастъ его другимъ, если я не возьму. Я бы съ жадностью накинулся на это мясо, но, если бы я взялъ его, не являлось ли бы у Шиллера всякій день желаніе принести мнѣ что нибудь?

Только два раза, когда онъ предложилъ мнѣ тарелку вишенъ, и одинъ разъ—нѣсколько грушъ, видъ этихъ плодовъ до того непреодолимо околдовалъ меня, что я не могъ устоять. Я потомъ раскаявался, что взялъ, именно потому, что онъ съ этихъ поръ уже больше не переставалъ приносить мнѣ ихъ.

LXV.

Въ первые же дни было постановлено, чтобы каждый изъ насъ прогуливался съ часъ времени два раза въ недѣлю. Впослѣдствіи это облегченіе давалось черезъ день, а позднѣе и каждый день, исключая праздниковъ.

Каждый отправлялся на прогулку отдѣльно, въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ, съ ружьями на плечахъ. Я, какъ имѣющій камеру въ началѣ корридора, проходилъ, идя на прогулку, мимо камеръ всѣхъ итальянскихъ государственныхъ арестантовъ, за

исключеніемъ Марончелли, который одиноко томился въ подземельѣ.

— Пріятной прогулки!—говорили мнѣ всѣ изъ своихъ окошекъ въ дверяхъ; но мнѣ не позволялось останавливаться, чтобы поздороваться съ кѣмъ нибудь.

Мы спускались по лѣстницѣ, проходили широкій дворъ и выходили на площадку, расположенную на югъ, съ которой виднѣлся городъ Брюннъ и открывался обширный видъ на окружающія деревни.

Въ вышеупомянутомъ дворѣ было всегда много простыхъ арестантовъ, которые приходили или уходили на работы или группами прогуливались, бесѣдуя между собою. Между ними было много итальянскихъ воровъ, которые раскланивались со мною съ большимъ уваженіемъ и говорили между собою:—не мошенникъ, какъ мы, однако его заключеніе суровѣе нашего.

Въ самомъ дѣлѣ, у нихъ было больше свободы, чѣмъ у меня.

Я слышалъ и эти, и другія слова и, въ свою очередь, раскланивался радушно. Одинъ изъ этихъ арестантовъ разъ сказалъ мнѣ:

— Ваше здоровье, синьоръ, радуетъ меня. Вы, быть можетъ, видите на моей физіономіи нѣчто такое, что непохоже на злодѣя. Несчастная страсть подтолкнула меня совершить преступленіе; но, синьоръ, нѣтъ, я не злодѣй.

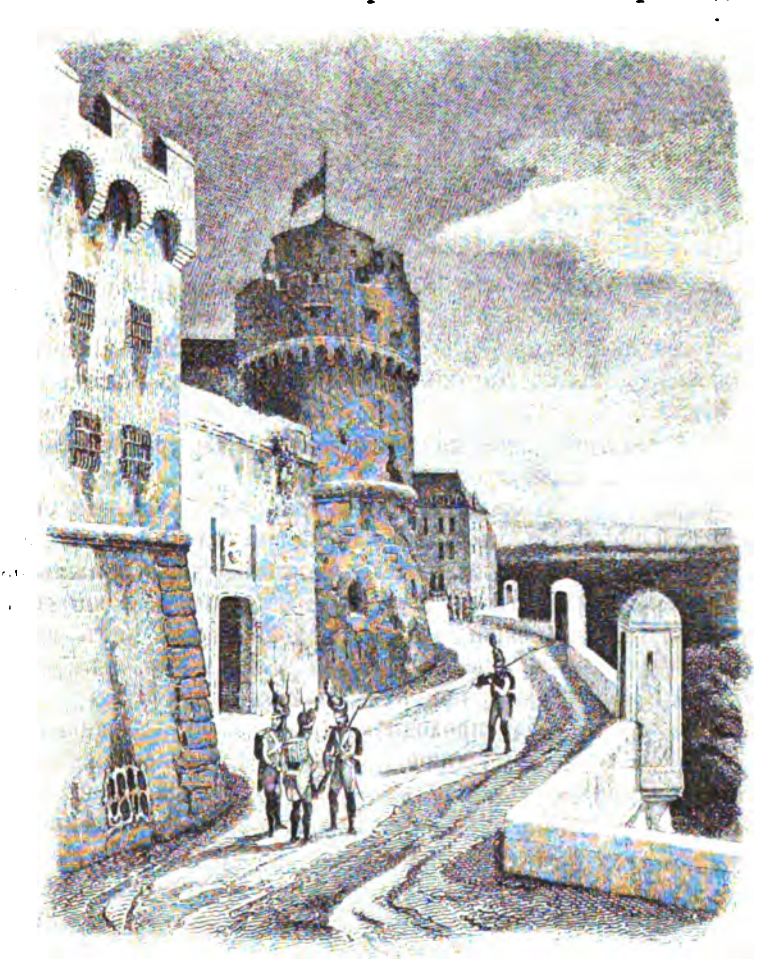
И онъ залился слезами. Я протянулъ ему руку, но онъ не могъ мнѣ ее пожать. Мои конвойные, не по злобѣ, но по имѣвшимся у нихъ инструкціямъ, оттолкнули его. Они не должны были мнѣ позволять подходить къ кому бы то ни было. Разговаривая со мною, арестанты, большею частью, показывали видъ, что они говорятъ между собою, и если мои два солдата замѣчали, что эти слова обращались ко мнѣ, они приказывали замолчать.

Также по этому двору проходили люди разнаго званія, посторонніе въ крѣпости, приходившіе посѣтить суперъ-интенданта, или капеллана, или сержанта, или кого нибудь изъ капраловъ.—Вотъ одинъ изъ итальянцевъ, вотъ одинъ изъ итальянцевъ,—говорили они въ полголоса и останавливались посмотрѣть на меня, и нѣсколько разъ я слышалъ, какъ они говорили понѣмецки, думая, что я не понимаю ихъ:—недолго проживетъ этотъ бѣдный синьоръ: у него написана смерть на лицѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣ того, какъ я сначала поправился здоровьемъ, я изнемогалъ отъ скудости пищи, и часто схватывала меня вновь лихорадка. Съ трудомъ я тащилъ свою цѣпь до мѣста прогулки и тамъ бросался на траву и такъ проводилъ обыкновенно все время, пока не кончится мой часъ.

Конвойные стояли на ногахъ или садились около меня, и мы начинали разговаривать. Одинъ изъ нихъ, по имени Краль, богемецъ, хотя и изъ крестьянъ, и бѣдный, получилъ нѣкоторое воспитаніе и совершенствовалъ его, сколько могъ, размышленіями, съ

большой разсудительностью, о явленіяхъ въ мірѣ и чтеніемъ всѣхъ книгъ, какія только попадались въ его руки. Онъ былъ знакомъ и съ Клопштокомъ, и съ Виландомъ, и съ Гете, и съ Шиллеромъ, и со многими другими хорошими нѣмецкими писателями. Онъ зналъ на память безконечное число отрывковъ изъ ихъ произведеній и

говорилъ ихъ осмысленно и съ чувствомъ. Другой конвойный былъ полякъ, Кубицкій по имени, неграмотный, но обходительный и добрый. Я дорожилъ ими обоими.

LXVI.

На одномъ концѣ этой площадки находилась квартира суперъинтенданта, на другомъ концѣ помѣщался капралъ съ женой и маленькимъ сыномъ. Когда я видѣлъ, что кто нибудь выходилъ

изъ этихъ жилищъ, я вставалъ и подходилъ къ тому или къ тѣмъ, кто тамъ появлялся, и былъ осыпаемъ изъявленіями любезности и доброжелательности.

Жена суперъ-интенданта съ давняго времени была больна и медленно угасала. Иногда выносили ее на канапе на открытый воздухъ. Трудно описать, какъ она растрогивалась, выражая мнѣ состраданіе, которое она испытывала ко всѣмъ намъ. Ея взоры были чрезвычайно кротки и застѣнчивы, но какъ они ни были застѣнчивы, она иногда устремляла ихъ съ вопрошающей довѣрчивостью на взоры того, кто разговаривалъ съ нею.

Я однажды сказалъ ей, смѣясь:—Знаете, синьора, вы нѣсколько походите на одну особу, которая была мнѣ дорога?

Она покраснѣла и отвѣчала съ серьёзной и милой простотой:

— Не забывайте же обо мнѣ, когда я умру; молитесь о моей бѣдной душѣ и о малюткахъ, которыхъ я покидаю на землѣ.

Съ этого дня она не могла уже больше вставать съ постели, и я не видалъ ея болѣе. Потомилась еще нѣсколько мѣсяцевъ, потомъ умерла.

У нея было трое дѣтей, хорошенькихъ, какъ амурчики, и одинъ еще грудной. Несчастная обнимала ихъ часто въ моемъ присутствіи и говорила:—Кто знаетъ, какая женщина сдѣлается ихъ матерью послѣ меня! Но, кто бы ни была она, да дастъ ей Господь сердце матери и для нерожденныхъ ею дѣтей!—И она плакала.

Тысячу разъ вспоминались мнѣ эта молитва ея и эти слезы.

Когда ея уже больше не стало, я обнималъ иногда этихъ малютокъ, и умилялся, и повторялъ эту материнскую молитву. И думалъ я о своей матери и о ея жаркихъ молитвахъ, которыя возносило за меня, безъ сомнѣнія, ея любящее сердце, и съ рыданіемъ я восклицалъ:—О, сколь счастливѣе та мать, которая, умирая, покидаетъ невзрослыхъ дѣтей, чѣмъ та, которая, воспитавъ ихъ съ безконечными заботами, видитъ, что они похищены у нея!

Двѣ добрыхъ старушки обыкновенно находились съ этими дѣтьми: одна была мать суперъ-интенданта, другая—его тетка. Онѣ захотѣли узнать всю мою исторію, и я разсказалъ имъ ее вкратцѣ.

— Какъ мы несчастны,—говорили онѣ съ выраженіемъ искреннѣйшаго огорченія:—что не можемъ ничѣмъ вамъ помочь. Но вѣрьте, что мы будемъ молиться за васъ и что, если въ одинъ прекрасный день прійдетъ помилованіе вамъ, этотъ день будетъ праздникомъ для всего нашего семейства.

Первая изъ нихъ, которую я всего чаще видѣлъ, обладала нѣжнымъ, необычайнымъ красноречіемъ въ утѣшеніяхъ. Я выслушивалъ ихъ съ сыновнею благодарностью, и они запечатлѣвались въ моемъ сердцѣ.

Она говорила вещи, которыя я зналъ уже, а онѣ поражали меня, какъ новыя: что несчастіе не унижаетъ человѣка, если только онъ не малодушенъ, но, напротивъ, возвышаетъ его; что, если бы мы могли проникнуть въ предначертанія Господа, мы бы увидѣли во многихъ случаяхъ, что нужно больше оплакивать побѣдителей, чѣмъ побѣжденныхъ, радующихся, чѣмъ печальныхъ, богатыхъ, чѣмъ лишенныхъ всего; — что это истина, что Богочеловѣкъ явилъ особое благоволеніе къ несчастнымъ; — что мы должны гордиться крестомъ, послѣ того, какъ онъ былъ несенъ на божественныхъ раменахъ!

Но эти двѣ добрыхъ старушки, которыхъ я видалъ такъ охотно, должны были въ скоромъ времени уѣхать по семейнымъ обстоятельствамъ изъ Шпильберга, и дѣти перестали также приходить на площадку.

Какъ печалили меня эти потери!

LXVII.

Неудобство отъ цѣпей на ногахъ, лишавшее меня сна, содѣйствовало ухудшенію моего здоровья. Шиллеръ хотѣлъ, чтобы я пожаловался на это, и увѣрялъ, что докторъ долженъ будетъ позволить мнѣ снять ихъ.

Нѣсколько времени я не внималъ ему, но потомъ уступилъ его совѣту и сказалъ доктору, что для того, чтобы вновь мнѣ получить благодѣяніе сна, я прошу его позволить мнѣ снять цѣпи, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько дней.

Докторъ сказалъ, что моя лихорадка не дошла еще до такой степени, чтобы онъ могъ согласиться на мою просьбу, и что нужно, чтобы я привыкалъ къ оковамъ.

Отвѣтъ раздосадовалъ меня, и я обозлился на то, что высказалъ эту безполезную просьбу.

— Вотъ что я выигралъ тѣмъ, что послѣдовалъ вашему совѣту,— сказалъ я Шиллеру.

Случилось, что я сказалъ ему эти слова довольно рѣзко: этотъ грубый, но добрый человѣкъ оскорбился ими.

— Вамъ не нравится,—вскричалъ онъ:—подвергать себя отказу, а мнѣ не нравится ваша надменность со мной!

Потомъ продолжалъ въ такомъ родѣ: — гордецы полагаютъ свое величіе въ томъ, чтобы не подвергать себя отказамъ, не принимать, что̀ имъ предлагаютъ, стыдиться тысячи нелѣпостей. Alle Eseleien! все глупости! пустое величіе! непониманіе истиннаго достоинства! Истинное достоинство, большею частью, состоитъ въ томъ, чтобы стыдиться только дурныхъ дѣлъ.

Сказалъ это и ушелъ, надѣлавъ адскаго шуму ключами.

Я обомлѣлъ. Всетаки, мнѣ нравится эта грубая откровенность,— сказалъ я.—Вѣдь шли изъ сердца какъ и его приношенія, такъ и его совѣты, такъ и его состраданіе. И развѣ онъ не правду сказалъ мнѣ? Скольнимъ слабостямъ не даю я имени достоинствъ, между тѣмъ какъ онѣ суть не что иное, какъ гордость?

Въ обѣденный часъ Шиллеръ впустилъ арестанта Кунду внести горшки и воду, а самъ оставался на порогѣ. Я позвалъ его.

— Некогда, — отвѣчалъ онъ сухо, пресухо. Я соскочилъ съ досокъ, подошелъ къ нему и сказалъ:—Если вы хотите, чтобъ ѣда шла мнѣ въ прокъ, не дѣлайте мнѣ этой злой мины.

— А какую же мину надо мнѣ дѣлать?—спросилъ онъ, проясняясь.

— Какая у веселаго человѣка, какая у друга,—отвѣчалъ я.

— Да здравствуетъ веселье!—воскликнулъ онъ.—И если, чтобы ѣда шла вамъ въ прокъ, вы хотите видѣть меня танцующимъ, такъ вотъ къ вашимъ услугамъ.

И онъ пустился дрыгать своими сухими и длинными жердями такъ забавно, что я разразился хохотомъ. Я смѣялся, а сердце мое было тронуто.

LXVIII.

Однажды, вечеромъ Оробони и я стояли у окна и горевали взаимно о томъ, что мы голодны. Мы возвысили нѣсколько голосъ, и часовые закричали на насъ. Суперъ-интендантъ, проходившій, по несчастью, по этой сторонѣ, счелъ своимъ долгомъ позвать Шиллера и сталъ сильно выговаривать ему, что онъ не какъ слѣдуетъ наблюдаетъ, чтобы держать насъ въ молчаніи.

Шиллеръ въ страшномъ гнѣвѣ пришелъ жаловаться на это мнѣ и предписалъ мнѣ больше никогда не говорить изъ окна. Онъ хотѣлъ, чтобы я пообѣщалъ ему это.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я:—я вамъ не хочу это обѣщать.

— O, der Teufel! der Teufel!—вскричалъ онъ:—мнѣ говорить, не хочу,—мнѣ, который получаетъ страшную ругань изъ-за васъ!

— Мнѣ жаль, любезный Шиллеръ, что вы получили этотъ выговоръ, мнѣ истинно жаль это, но я не хочу обѣщать вамъ то, что, я чувствую, не сдержалъ бы.

— А почему же не сдержали бы вы этого?

— Потому что не могъ бы; потому что продолжительное одиночество составляетъ такое жестокое мученіе для меня, что я никогда не устою предъ необходимостью облегчить грудь звукомъ нѣсколькихъ словъ и пригласить моего сосѣда отвѣтить мнѣ. А если бы молчалъ сосѣдъ, я обратился бы со словами къ рѣшеткѣ моего окна, къ холмамъ, находящимся предо мною, къ птицамъ, которыя летаютъ.

Этотъ институтъ есть духовная община, основанная знаменитымъ Фринтомъ, бывшимъ въ то время придворнымъ священникомъ. Члены этой общины—всѣ священники, лауреаты теологіи, которые подъ строгою дисциплиной продолжаютъ тутъ свои занятія, имѣющія цѣлью достичь возможнаго знанія. Намѣреніе основателя было превосходно: постоянно разсѣевать истинное и твердое знаніе въ католическомъ духовенствѣ Германіи. И въ общемъ эта цѣль была достигнута.

Врба, живя въ Брюннѣ, могъ посвящать намъ гораздо бо̀льшую часть своего времени, нежели Пауловичъ. Онъ сдѣлался для насъ тѣмъ же, чѣмъ былъ о. Баттиста, исключая того, что ему не было позволено приносить намъ книгъ. Мы часто подолгу бесѣдовали съ нимъ, и моя религіозность извлекла отсюда большую пользу, или, если такимъ образомъ сказать черезчуръ много, мнѣ казалось, что я извлекалъ ее, и велика была поддержка, которую я чувствовалъ потомъ.

Въ 1829 году, онъ заболѣлъ; послѣ, будучи долженъ отправлять другія обязанности, онъ больше не могъ приходить къ намъ. Это огорчило насъ въ высшей степени; но намъ опять посчастливилось, такъ какъ за нимъ слѣдовалъ другой ученый и превосходный человѣкъ, аббатъ Зякъ, вицекураторъ.

Столько нѣмецкихъ священниковъ было назначаемо къ намъ, и ни одного изъ нихъ не было дурнаго! ни одного, въ которомъ бы проглядывало желаніе стать орудіемъ политики (а этому было бы легко обнаружиться!), напротивъ не было ни одного такого, въ которомъ бы не было совокупныхъ достоинствъ: большой учености, самаго полнаго проявленія католической вѣры и глубокой философіи! О, какъ достойны уваженія подобные слуги церкви!

Эти немногіе, которыхъ я узналъ, побудили меня сдѣлать весьма выгодное заключеніе о католическомъ нѣмецкомъ духовенствѣ.

И аббатъ Зякъ подолгу бесѣдовалъ съ нами. Онъ самъ служилъ мнѣ примѣромъ для того, чтобы я спокойно переносилъ свои болѣзни. Онъ безпрестанно мучился флюсами зубовъ, шеи, ушей, и, тѣмъ не менѣе, всегда былъ веселымъ.

Между тѣмъ у Марончелли исчезли мало-по-малу скорбутныя пятна отъ бо̀льшаго пребыванія на свѣжемъ воздухѣ, и одинаково Мунари и мнѣ стало лучше.

XCI.

Наступило 1 августа 1830 года. Протекло десять лѣтъ, какъ я лишился свободы; восемь съ половиною лѣтъ, какъ я живу въ тяжкомъ тюремномъ заключеніи.

Былъ воскресный день. Мы отправились, какъ и въ другіе праздники, на обычное мѣсто прогулки. Посмотрѣли еще съ выступа стѣны на расположенную внизу долину и кладбище, гдѣ лежали Оробони и Вилла, поговорили еще о томъ, какъ и наши кости въ одинъ прекрасный день отдохнутъ тамъ. Посидѣли еще на обычной скамьѣ, ожидая, какъ пройдутъ бѣдные арестанты къ обѣднѣ, которую служили раньше нашей. Ихъ отводили въ ту же самую молельню, куда въ слѣдующую обѣдню шли мы. Эта моленка выходила стѣной къ мѣсту нашей прогулки.

Обычай есть во всей Германіи, что впродолженіе обѣдни народъ поетъ гимны на живомъ языкѣ. Такъ какъ Австрійская имперія представляетъ собой страну, населенную нѣмцами и славянами, и въ Шпильбергскихъ тюрьмахъ большее число простыхъ арестантовъ принадлежитъ къ тому или другому изъ этихъ народовъ, то гимны тутъ пѣлись одинъ праздникъ понѣмецки, другой пославянски. Такимъ образомъ всякій праздникъ произносились двѣ проповѣди и чередовались два языка. Для насъ было величайшимъ удовольствіемъ слушать это пѣніе и аккомпанементъ ему органа.

Среди женщинъ были и такія, голосъ которыхъ проникалъ до сердца. Несчастныя! нѣкоторыя были чрезвычайно молодыя. Любовь, ревность, дурной примѣръ довели ихъ до преступленія. Въ душѣ моей еще звучитъ ихъ религіознѣйшее пѣніе гимна Sanctus: Heilig! heilig! heilig! Слыша его, я прослезился.

Въ десять часовъ женщины удалились, и къ обѣднѣ отправились мы. И еще увидалъ я тѣхъ изъ моихъ товарищей по несчастію, которые слушали обѣдню на хорахъ органа; одна только рѣшетка отдѣляла насъ отъ товарищей; всѣ они были блѣдные, изможденные, съ трудомъ волочившіе свои цѣпи!

Послѣ обѣдни мы вернулись въ наши логовища. Черезъ четверть часа намъ принесли обѣдъ. Мы накрывали на столъ, каковое занятіе состояло въ томъ, что мы клали дощечку на голыя доски, служившія постелью [1]), и брались за наши деревянныя ложки, когда въ камеру вошелъ синьоръ Вегратъ, субъ-интендантъ.

— Мнѣ непріятно тревожить васъ за обѣдомъ,—сказалъ онъ:— но будьте такъ любезны, слѣдуйте за мною; здѣсь господинъ директоръ полиціи.

Такъ какъ этотъ послѣдній обыкновенно приходилъ по непріятнымъ дѣламъ, какъ обыски или розыски, мы послѣдовали въ весьма скверномъ расположеніи духа за субъ-интендантомъ до комнаты присутствія.

---

[1]) Въ подлинникѣ: sul tavolaccio (слѣдовало бы сказать sulla tavolaccia). Выше было сказано, что арестанты спали на голыхъ доскахъ.

Примѣч. перев.

Тамъ мы нашли директора полиціи и суперъ-интенданта; и первый сдѣлалъ намъ поклонъ любезнѣе обыкновеннаго.

Онъ взялъ въ руки какую-то бумагу и отрывисто сказалъ намъ, быть можетъ, боясь произвести слишкомъ сильную неожиданность, если бы онъ яснѣе выразился:

— Господа... имѣю удовольствіе... имѣю честь... объявить вамъ... что его величество императоръ благоволилъ оказать еще... милость...

И онъ медлилъ сказать намъ, что это была за милость. Мы думали, что это было какое нибудь уменьшеніе наказанія, какъ-то: быть избавлену отъ бездѣятельности, имѣть больше книгъ, получать пищу менѣе отвратительную на вкусъ.

— Не понимаете, что ли?—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, синьоръ. Будьте добры, объясните намъ, какая это милость.

— Свобода для васъ двоихъ и для третьяго, котораго вы вскорѣ обнимете.

Казалось бы, что такая вѣсть должна была привести насъ въ ликованіе. Мы тотчасъ же унеслись мыслями къ родителямъ, о которыхъ уже столько времени мы не имѣли никакихъ извѣстій, и боязнь, что, быть можетъ, мы не найдемъ ихъ больше на землѣ, такъ насъ опечалила, что исчезла всякая радость при вѣсти о свободѣ.

— Онѣмѣли?—сказалъ директоръ полиціи.—Я ожидалъ, что увижу васъ ликующими.

— Прошу васъ,—отвѣчалъ я:—довести до свѣдѣнія императора нашу благодарность; но, не имѣя никакихъ извѣстій о нашихъ семействахъ, мы не можемъ не страшиться того, что лишились дражайшихъ особъ. Эта неизвѣстность гнететъ насъ даже и въ ту минуту, которая должна бы быть минутой величайшаго ликованія.

Онъ далъ тогда Марончелли письмо отъ его брата, которое утѣшило его. Мнѣ же онъ сказалъ, что нѣтъ ничего отъ моихъ родныхъ; и это еще болѣе заставило меня бояться, что дома случилось какое нибудь несчастіе.

— Ступайте,—продолжалъ онъ:—въ вашу камеру; я вскорѣ пришлю къ вамъ и того третьяго, который также помилованъ.

Мы ушли и ждали съ душевнымъ безпокойствомъ этого третьяго. Мы хотѣли бы, чтобы это были всѣ, однако могъ быть только одинъ. Если бы это былъ бѣдный старикъ Мунари! если бы тотъ! если бы это былъ другой! Ни одного не было такого, за котораго бы мы ни возносили мольбы.

Наконецъ открывается дверь, и мы видимъ, что этотъ товарищъ синьоръ Андреа Тонелли изъ Брешіи.

Мы обнялись. И обѣдать больше не могли. Бесѣдовали вплоть до вечера, сожалѣя о друзьяхъ, которые оставались.

При заходѣ солнца вернулся директоръ полиціи, чтобы вывести

насъ изъ этого злосчастнаго мѣста. Наши сердцà сжимались тоскою, когда мы проходили мимо камеръ столькихъ друзей и не могли увести ихъ съ собою! Кто знаетъ, сколько еще времени они будутъ томиться тутъ? Кто знаетъ, сколько изъ нихъ должно будетъ стать здѣсь добычею медленной смерти?

Каждому изъ насъ надѣли на плечи солдатскій плащъ и шапку на голову, и такимъ образомъ въ томъ же одѣяніи каторжника, но безъ цѣпей, мы спустились съ злополучной горы и были отведены въ городъ, въ полицейскую тюрьму.

Былъ прекраснѣйшій лунный свѣтъ. Улицы, дома, народъ, который мы встрѣчали, все мнѣ казалось такъ прекраснымъ, такъ страннымъ послѣ столькихъ лѣтъ, какъ я не видалъ уже больше подобнаго зрѣлища!

XCII.

Въ полицейской тюрьмѣ мы ожидали имперскаго коммиссара, который долженъ былъ пріѣхать изъ Вѣны, чтобы проводить насъ до границы. Между тѣмъ, такъ какъ наши чемоданы были проданы, мы запаслись бѣльемъ и платьемъ и сняли острожную одежду.

Черезъ пять дней пріѣхалъ коммиссаръ, и директоръ полиціи передалъ насъ ему, вручивъ ему въ то же самое время и деньги, привезенныя нами въ Шпильбергъ и вырученныя отъ продажи чемодановъ и книгъ; эти деньги потомъ намъ были возвращены на границѣ.

Издержки на нашу дорогу были на счетъ императора и дѣлались не жалѣя.

Коммиссаръ былъ синьоръ фонъ-Ное, дворянинъ, служившій въ канцеляріи министра юстиціи. Нельзя было назначить къ намъ человѣка болѣе прекраснаго воспитанія. Онъ обходился съ нами всегда самымъ вѣжливымъ и предупредительнымъ образомъ.

Я выѣхалъ изъ Брюнна съ мучительнѣйшею одышкой, а движеніе коляски до того увеличило боль, что вечеромъ я задыхался страшнымъ образомъ и боялся съ минуты на минуту совсѣмъ задохнуться. Сверхъ того, у меня всю ночь была страшная лихорадка, и коммиссаръ не зналъ на слѣдующее утро, могу ли я продолжать поѣздку до Вѣны. Я отвѣчалъ утвердительно, и мы поѣхали; жестокость боли была чрезвычайная; я не могъ ни ѣсть, ни пить, ни говорить.

Я пріѣхалъ въ Вѣну полуживой. Намъ отвели хорошее помѣщеніе въ общемъ полицейскомъ управленіи. Меня положили въ постель; призвали доктора; онъ сдѣлалъ мнѣ кровопусканіе, и я почувствовалъ отъ него облегченіе. Моимъ леченіемъ втеченіе восьми дней были совершенная діета и большое количество настоя наперсточной травы (digitalis), и я выздоровѣлъ. Докторъ былъ

синьоръ Зингеръ; онъ оказывалъ мнѣ истинно дружескую внимательность.

Я чрезвычайно сильно порывался ѣхать, тѣмъ болѣе, что до насъ дошло извѣстіе о трехъ дняхъ въ Парижѣ.

Въ тотъ же самый день, какъ разразилась эта революція, императоръ подписалъ декретъ о нашей свободѣ! Навѣрное, онъ не вернетъ теперь его. Но не невѣроятно, однако же, было и то, что, такъ какъ время опять стало критическимъ для всей Европы,

можно опасаться народныхъ движеній и въ Италіи, и Австрія не захочетъ въ такое время водворить насъ въ отечествѣ. Мы были хорошо убѣждены, что насъ не вернутъ въ Шпильбергъ, но мы опасались, чтобы кто нибудь не внушилъ императору отправить насъ въ ссылку въ какой нибудь городъ имперіи далеко отъ полуострова.

Я показывалъ, что я болѣе здоровъ, чѣмъ это было, и просилъ, чтобы поторопились отъѣздомъ. Между тѣмъ у меня было сильнѣйшее желаніе представиться его превосходительству туринскому посланнику при австрійскомъ дворѣ, господину графу ди-Пралормо, добротѣ котораго я зналъ сколькимъ былъ обязанъ. Онъ

дѣйствовалъ съ самой великодушной готовностью и прилагалъ всѣ старанія къ тому, чтобы добиться моего освобожденія. Но запрещеніе, чтобы я не видался ни съ кѣмъ, кто бы это ни былъ, не допускало исключенія.

Лишь только я сталъ выздоравливать, намъ оказали любезность, приславъ на нѣсколько дней коляску, чтобы мы покатались немного по Вѣнѣ. Коммиссаръ былъ обязанъ сопровождать насъ и не допускать насъ ни съ кѣмъ разговаривать. Мы видѣли прекрасную церковь св. Стефана, прелестные городскіе бульвары, сосѣднюю виллу Лихтенштейнъ и, наконецъ, императорскую виллу Шёнбруннъ.

Въ то время, какъ мы были въ великолѣпныхъ аллеяхъ Шёнбрунна, проходилъ императоръ, и коммиссаръ заставилъ насъ удалиться, чтобы нашъ истомленный видъ не опечалилъ императора.

XCIII.

Мы выѣхали, наконецъ, изъ Вѣны, и я перемогался до Брука. Здѣсь одышка опять стала жестокой. Мы послали за докторомъ; это былъ нѣкто синьоръ Юдманнъ, весьма обходительный человѣкъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ кровопусканіе, велѣлъ лечь въ постель и продолжать противосердечное лѣкарство. Черезъ два дня я настоялъ на томъ, чтобы продолжать путешествіе.

Проѣхали Австрію и Штирію и въѣхали въ Каринтію безъ всякихъ происшествій; но, когда мы прибыли въ деревню, по имени Фельдкирхенъ, въ небольшомъ разстояніи отъ Клагенфурта, вотъ и получается контръ-приказъ. Мы должны были здѣсь остановиться до новаго извѣщенія.

Предоставляю судить, какъ для насъ было непріятно это происшествіе. Я, сверхъ того, сожалѣлъ, что причинилъ такой вредъ двумъ своимъ товарищамъ: если они не могли возвратиться на родину, то это моя роковая болѣзнь была тому причиной.

Мы прожили въ Фельдкирхенѣ пять дней, и здѣсь коммиссаръ дѣлалъ все возможное, чтобы поразвлечь насъ. Былъ тутъ маленькій театръ съ комедіантами, и онъ повелъ насъ туда. Онъ доставилъ намъ однажды развлеченіе посмотрѣть на охоту. Охотниками были нашъ хозяинъ и нѣсколько молодыхъ поселянъ вмѣстѣ съ собственникомъ прекраснаго лѣса; мы, расположившись на удобномъ мѣстѣ, наслаждались этимъ зрѣлищемъ.

Наконецъ, прибылъ курьеръ изъ Вѣны съ приказомъ коммиссару отправить насъ къ мѣсту назначенія. Я возликовалъ вмѣстѣ съ своими товарищами отъ этой счастливой вѣсти, но въ то же самое время страшился того, что приближается для меня день роковаго открытія, что у меня не стало больше ни отца, ни матери, ни кто знаетъ еще какихъ другихъ изъ моихъ дорогихъ!

И моя грусть росла по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ Италіи.

Съ этой стороны въѣздъ въ Италію непривлекателенъ для взоровъ, а напротивъ здѣсь спускаются съ прекраснѣйшихъ горъ нѣмецкой земли на итальянскую равнину, сухую и безплодную на далекое пространство, такъ что путешественники, которые еще не знаютъ нашего полуострова и проѣзжаютъ здѣсь, смѣются надъ тѣмъ великолѣпнымъ представленіемъ, какое имъ сдѣлано о немъ, и подозрѣваютъ, что они одурачены тѣми, отъ кого слыхали о немъ столько похвалъ.

Непривлекательный видъ этой мѣстности содѣйствовалъ тому, что я сталъ еще грустнѣе. Снова видѣть наше небо, встрѣчать человѣческія лица не сѣвернаго типа, слышать изъ устъ каждаго звуки роднаго языка, все это меня умиляло, но это было волненіе, вызывавшее у меня скорѣе слезы, нежели радость. Сколько разъ въ коляскѣ я закрывалъ себѣ руками лице, притворяясь спящимъ, и плакалъ! Сколько разъ по ночамъ я не смыкалъ глазъ и горѣлъ въ лихорадкѣ, то осыпая отъ всего сердца самыми горячими благословеніями мою милую Италію и возсылая благодареніе небу за то, что я ей возвращенъ; то мучась тѣмъ, что нѣтъ никакихъ извѣстій изъ дому, и воображая себѣ несчастія; то думая о томъ, что вскорѣ я буду принужденъ разлучиться, быть можетъ, навсегда, съ другомъ, столько перестрадавшимъ со мною и давшимъ мнѣ столько доказательствъ братской любви!

Ахъ! столь долгіе годы могильнаго пребыванія не потушили еще силы моихъ чувствъ! но этой силы было такъ мало на радость и такъ много на горе!

Какъ бы я желалъ увидѣть вновь Удину и эту гостинницу, гдѣ тѣ двое великодушныхъ приняли видъ прислуги и пожали намъ украдкою руки!

Мы оставили этотъ городъ влѣво и проѣхали мимо.

XCIV.

Порденоне, Конельяно, Оспедалетто, Виченца, Верона, Мантуя, сколько мнѣ они напоминали! Изъ перваго мѣста былъ родомъ одинъ прекрасный молодой человѣкъ, бывшій моимъ другомъ и погибшій въ русской рѣзнѣ; Конельяно была та самая деревенька, куда, какъ мнѣ говорили секондини въ Свинцовыхъ тюрьмахъ, была отправлена Цанце; въ Оспедалетто вышла замужъ, но теперь уже не жила здѣсь больше, одна несчастная, но ангельская душа, которую я раньше и теперь еще уважалъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ на меня нахлынули воспоминанія, болѣе или менѣе дорогія; а въ Мантуѣ больше, чѣмъ въ какомъ другомъ городѣ. Казалось мнѣ,

что я только вчера пріѣхалъ сюда съ Лодовико въ 1815 году! Казалось мнѣ, что это было вчера, какъ я пріѣхалъ сюда съ Порро въ 1820 году! Тѣ же самыя улицы, тѣ же самыя площади, тѣ же самые дворцы, и такая разница въ людяхъ! Столько моихъ знакомыхъ похищено смертью! столько сосланныхъ! цѣлое поколѣніе взрослыхъ, которыхъ я видѣлъ дѣтьми! И не имѣть возможности подбѣжать къ тому или къ этому дому! не имѣть возможности ни съ кѣмъ поговорить о томъ или о другомъ!

И къ довершенію несчастія Мантуя была мѣстомъ разлуки Марончелли со мною. Мы тутъ переночевали весьма печальные оба. Я волновался, какъ человѣкъ наканунѣ выслушанія своего осужденія.

Утромъ я вымылъ лице и посмотрѣлъ въ зеркало, не видно ли еще, что я плакалъ. Я принялъ на себя, на сколько могъ лучше, спокойный и улыбающійся видъ; произнесъ краткую молитву къ Богу, но, сказать по истинѣ, весьма разсѣянно, и, услыхавъ, что Марончелли уже двигалъ своими костылями и разговаривалъ съ слугою, я пошелъ обнять его. Мы оба казались полными мужества при этомъ разставаніи; мы разговаривали другъ съ другомъ немного взволнованные, но твердымъ голосомъ. Жандармскій офицеръ, который долженъ былъ отвезти его къ границамъ Романьи, прибылъ; нужно было отправляться; мы не знали, что́ и сказать другъ другу: обнялись, поцѣловались, еще разъ обнялись. Онъ сѣлъ въ коляску и скоро скрылся изъ виду; я остался уничтоженнымъ.

Вернулся въ комнату, бросился на колѣни и молился за этого несчастнаго калѣку, разлученнаго съ его другомъ, и разразился слезами и рыданьями.

Я зналъ многихъ превосходныхъ людей, но никого нѣжнѣе и общительнѣе Марончелли, никого возвышеннѣе во всѣхъ отношеніяхъ благородства, никого менѣе свободнаго отъ порывовъ дикости, никого, кто бы болѣе его помнилъ, что добродѣтель слагается изъ постоянныхъ проявленій терпимости, великодушія и благоразумія. О, мой товарищъ стольскихъ лѣтъ горя, да благословитъ тебя Небо, гдѣ бы ты ни жилъ, и да дастъ Оно тебѣ друзей, которые бы сравнялись со мною въ любви къ тебѣ и превзошли меня въ добротѣ!

XCV.

Въ то же самое утро мы отправились изъ Мантуи въ Брешію. Здѣсь былъ отпущенъ на свободу другой товарищъ по заключенію, Андреа Тонелли. Этотъ несчастный узналъ, что онъ потерялъ здѣсь мать, и его слезы отчаянія разрывали мнѣ сердце.

Хотя и былъ я въ величайшей тоскѣ по многимъ причинамъ, меня нѣсколько разсмѣшилъ слѣдующій случай.

Въ гостинницѣ на столѣ лежала театральная афиша. Беру ее и читаю:—**Франческа Риминійская, опера** и пр.

— Чье это сочиненіе?—сказалъ я слугѣ.

— Кто переложилъ ее въ стихи и кто положилъ на музыку, я того не знаю,—отвѣчалъ онъ.—Но вообще это все та же **Франческа Риминійская**, которую всѣ знаютъ.

— Всѣ? Ошибаетесь. Мнѣ, ѣдущему изъ Германіи, какое же дѣло знать о вашихъ Францескахъ?

Слуга (рослый дѣтина съ нѣсколько надменнымъ лицемъ, истый брешіанецъ) посмотрѣлъ на меня съ презрительнымъ сожалѣніемъ.

— Какое дѣло вамъ знать? Синьоръ, здѣсь дѣло идетъ не о Францескахъ, а идетъ дѣло объ одной только **Францескѣ Риминійской**. Я хочу сказать, что это есть трагедія синьора Сильвіо Пелико. Здѣсь вотъ передѣлана она въ оперу, немножечко хоть и попорчена, но все же это та самая.

— А, Сильвіо Пелико! Мнѣ кажется, я гдѣ-то слыхалъ это имя. Не тотъ ли это скверный зачинщикъ, который былъ сначала приговоренъ къ смертной казни, а послѣ къ тяжкому тюремному заключенію, восемь или девять лѣтъ тому назадъ?

Никогда бы я не сказалъ этой шутки! Онъ оглянулся кругомъ, потомъ взглянулъ на меня, оскалилъ свои прекраснѣйшіе тридцать два зуба, и если бы не заслышалъ шума, я думаю, онъ бы убилъ меня.

Онъ отошелъ, бормоча:—скверный зачинщикъ! Но передъ отъѣздомъ, онъ открылъ, кто я былъ. Онъ не могъ больше ни спрашивать, ни отвѣчать, ни писать, ни ходить. Ничего инаго не могъ, какъ уставился на меня глазами, потиралъ себѣ руки и говорилъ всѣмъ не кстати:—сьоръ, да, сьоръ, да!—точно онъ собирается чихнуть.

Спустя два дня, 9-го сентября, я пріѣхалъ съ коммиссаромъ въ Миланъ. Приближаясь къ этому городу, вновь увидавъ куполъ собора, снова проѣзжая по Лоретской дорогѣ, столь часто, бывало, посѣщаемой мной, какъ славное мѣсто для гулянья, опять въѣзжая въ Восточныя ворота и вновь находясь на бульварѣ (Corso), снова видя эти дома, эти храмы, эти улицы, я испыталъ самыя сладкія и самыя мучительныя чувства: безумное желаніе—остаться на нѣсколько времени въ Миланѣ и обнять бы вновь тѣхъ друзей, которыхъ я нашелъ бы еще тамъ; безконечная жалость—думая о тѣхъ, кого я оставилъ въ Шпильбергѣ, о тѣхъ, кто блуждаетъ въ чужихъ странахъ, о тѣхъ, кто умеръ; живѣйшая благодарность при воспоминаніи о той любви, которую вообще оказывали мнѣ миланцы; дрожь негодованія противъ нѣкоторыхъ, клеветавшихъ на меня, между тѣмъ, какъ они были всегда предметомъ моей благосклонности и моего уваженія.

Мы остановились въ Bella Venezia.

Здѣсь я столько разъ бывалъ за дружескими пирами; здѣсь я посѣщалъ столько достоуважаемыхъ чужестранцевъ; здѣсь одна уважаемая пожилая синьора упрашивала меня, и напрасно, ѣхать съ ней въ Туринъ, предвидя, если я останусь въ Миланѣ, тѣ несчастія, которыя случились со мной. О, трогательныя воспоминанія! О, прошлое, столь усѣянное радостями и печалями и такъ быстро промелькнувшее!

Слуги гостинницы тотчасъ же открыли, кто я. Молва распространилась, и къ вечеру я увидѣлъ, что многіе останавливались и глядѣли въ окна. Одинъ (не знаю, кто это былъ), казалось, узналъ меня и привѣтствовалъ меня, поднимая обѣ руки.

Ахъ, гдѣ же были вы, сыновья Порро, мои сыновья? Почему я не видѣлъ ихъ?

XCVI.

Коммиссаръ повелъ меня въ полицію, чтобы представить директору. Какое впечатлѣніе при видѣ вновь этого дома, моей первой темницы! Сколько грустныхъ воспоминаній пронеслось передо мной! Ахъ! съ нѣжностью вспомнилъ я о тебѣ, о, Мелькіорре Джойа, о томъ, какъ ты стремительно ходилъ взадъ и впередъ, какъ я видѣлъ, въ этихъ тѣсныхъ стѣнахъ, и о тѣхъ часахъ, которые проводилъ ты неподвижно у столика, начертывая свои благородныя мысли, и о тѣхъ знакахъ, которые ты мнѣ дѣлалъ платкомъ, и о грусти, съ какой ты смотрѣлъ на меня, когда тебѣ запретили дѣлать мнѣ знаки! Я подумалъ о твоей могилѣ, быть можетъ, невѣдомой большему числу тѣхъ, кто любилъ тебя, какъ она была невѣдома мнѣ!—и молилъ о ниспосланіи мира душѣ твоей!

Мнѣ вспомнился и глухонѣмой, и трогательный голосъ Маддалены, мой трепетъ состраданія къ ней; вспомнились и воры, мои сосѣди, и мнимый Людовикъ XVII, и тотъ бѣдный арестантъ, котораго поймали съ запискою, и который, какъ показалось мнѣ, кричалъ подъ палкою.

Всѣ эти и другія воспоминанія гнели меня, какъ грустный сонъ, но меня больше давило воспоминаніе о двухъ посѣщеніяхъ, сдѣланныхъ тутъ мнѣ моимъ бѣднымъ отцомъ, десять лѣтъ тому назадъ. Какъ добрый старикъ обманывалъ себя, надѣясь, что я скоро могу присоединиться къ нему, чтобы вмѣстѣ ѣхать въ Туринъ! Перенесъ ли бы онъ твердо мысль о десятилѣтнемъ заточеніи сына и такомъ заточеніи? Но когда его мечты исчезли, имѣлъ ли онъ, имѣла ли мать силу устоять противъ раздиравшей ихъ скорби? Было ли мнѣ дано еще увидѣть ихъ обоихъ? или, быть можетъ, одного изъ нихъ? кого же?

О, мучительнѣйшее, все возрождающееся сомнѣніе! Я былъ, такъ сказать, у порога дома и не зналъ еще, живы ли мои родители; живъ ли хоть одинъ изъ членовъ нашей семьи?

Директоръ полиціи принялъ меня любезно и позволилъ мнѣ остановиться въ «Bella Venezia», вмѣстѣ съ имперскимъ коммиссаромъ, вмѣсто того, чтобы стеречь меня въ другомъ мѣстѣ. Впрочемъ, онъ не дозволилъ мнѣ видѣться ни съ кѣмъ, и поэтому я рѣшился выѣхать на слѣдующее же утро. Я добился только разрѣшенія видѣться съ пьемонтскимъ консуломъ, чтобы справиться у него о моихъ родныхъ. Я бы пошелъ къ нему самъ, но, будучи въ лихорадкѣ и принужденный лечь въ постель, я попросилъ его прійдти ко мнѣ.

Онъ былъ такъ добръ, что не заставилъ себя ждать, и какъ я ему былъ за то благодаренъ!

Онъ принесъ мнѣ добрыя вѣсти о моемъ отцѣ и о моемъ старшемъ братѣ. Относительно матери, другаго брата и обѣихъ сестеръ я остался въ жестокой неизвѣстности.

Отчасти, но недостаточно, утѣшившись, я бы хотѣлъ, чтобы облегчить свою душу, протянуть дальше мою бесѣду съ господиномъ консуломъ. Онъ не былъ скупъ на благосклонность, но, однако, долженъ былъ оставить меня.

Оставшись одинъ, мнѣ хотѣлось плакать, но у меня не было слезъ. Почему это иногда горе доводило меня до слезъ, а въ другой разъ, и это всего чаще, когда мнѣ казалось, что слезы были бы для меня столь сладкимъ облегченіемъ, я призывалъ ихъ безполезно? Эта невозможность облегчить мою скорбь усилила мою лихорадку; голова страшно разболѣлась.

Я попросилъ у Штундбергера пить. Этотъ добрый человѣкъ былъ сержантъ вѣнской полиціи, исполнявшій обязанность слуги коммиссара. Онъ былъ не старъ, но случилось, что когда онъ подавалъ мнѣ пить, его рука задрожала. Эта дрожь напомнила мнѣ Шиллера, моего милаго Шиллера, когда въ первый день моего прибытія въ Шпильбергъ я съ заносчивой гордостью попросилъ у него жбанъ воды, и онъ подалъ мнѣ его.

Странное дѣло! Это воспоминаніе, присоединившись къ другимъ, скатило съ сердца камень, и у меня брызнули слезы.

XCVII.

Утромъ 10-го сентября, я обнялъ своего превосходнаго коммиссара и отправился. Мы только съ мѣсяцъ знали другъ друга, а мнѣ онъ казался давнишнимъ другомъ. Его душа, вполнѣ обладавшая чувствомъ прекраснаго и честнаго, не была пытливой, не была хитрой, не потому, чтобы онъ не могъ имѣть къ тому способность, но вслѣдствіе той любви къ благородной простотѣ и искренности, которой обладаютъ правдивые люди.

Кто-то, въ дорогѣ, въ одномъ мѣстѣ, гдѣ мы остановились, сказалъ мнѣ тайкомъ: — Берегитесь вы этого ангела-хранителя;

если бы онъ не былъ изъ хвостатой породы, уже вамъ бы не дали его.

— И, однако, вы ошибаетесь, — сказалъ я ему: — я имѣю самое искреннее убѣжденіе, что вы ошибаетесь.

— Самые хитрые, — возразилъ тотъ: — и суть тѣ, которые кажутся болѣе простыми.

— Если бы это было такъ, никогда бы не надо было вѣрить ничьей добродѣтели.

— Есть нѣкоторые соціальные пôсты, гдѣ можетъ быть много высокой благовоспитанности въ обращеніи, но не добродѣтели! не добродѣтели! не добродѣтели!

Я не могъ ему ничего инаго отвѣтить, какъ:

— Преувеличеніе, сударь мой, преувеличеніе!

— Я послѣдователенъ, — настаивалъ тотъ.

Но мы были прерваны. И мнѣ вспомнилось Лейбницево cave a consequentiariis.

И, однако, слишкомъ много людей разсуждаетъ съ этой ложной и ужасной логикой: я слѣдую знамени А, которое, я увѣренъ въ томъ, есть знамя справедливости; тотъ слѣдуетъ знамени В, которое, я увѣренъ въ томъ, есть знамя несправедливости, слѣдовательно онъ — негодяй.

Ахъ, нѣтъ, безумные логики! какого бы вы ни были знамени, не разсуждайте такъ безчеловѣчно! Подумайте, что если отправиться отъ какой нибудь невыгодной данной (а гдѣ есть общество или отдѣльный человѣкъ, у которыхъ бы не было такихъ данныхъ?) и идти съ неумолимою строгостью отъ слѣдствія къ слѣдствію, легко кому бы то ни было дойдти до такого заключенія: «за исключеніемъ насъ четверыхъ, всѣ люди заслуживаютъ быть заживо сожженными». А если дѣлается болѣе тонкое изслѣдованіе, каждый изъ четверыхъ скажетъ: «всѣ люди заслуживаютъ быть заживо сожженными, кромѣ меня».

Этотъ низкопробный ригоризмъ совершенно антифилософиченъ. Умѣренная недовѣрчивость можетъ быть разумною; недовѣрчивость же, доведенная до крайности, — никогда.

Послѣ намека, сдѣланнаго мнѣ насчетъ этого ангела-хранителя, я еще больше прежняго занялся изученіемъ его и всякій день я еще больше убѣждался, что это безхитростная, великодушная натура.

Когда установился извѣстный общественный порядокъ, какъ бы онъ очень или не очень хорошъ ни былъ, всѣ общественные пôсты, которые не считаются по всеобщему признанію безчестными, всѣ общественные пôсты, которые обѣщаютъ благородно содѣйствовать народному благу, и обѣщаніямъ которыхъ большая часть людей вѣритъ, всѣ соціальные пôсты, въ которыхъ глупо отрицать, что

тамъ находятся честные люди, могутъ быть всегда занимаемы честными людьми.

Я читалъ объ одномъ квакерѣ, который питалъ отвращеніе къ солдатамъ. Разъ онъ увидѣлъ, что одинъ солдатъ бросился въ Темзу, и спасъ несчастнаго, который тонулъ; онъ сказалъ:

— Я всегда буду квакеромъ, но и солдаты добрыя созданія.

XCVIII.

Штундбергеръ проводилъ меня до кареты, куда я сѣлъ вмѣстѣ съ жандармскимъ офицеромъ, которому я былъ порученъ. Шелъ дождь и дулъ холодный вѣтеръ.

— Закутывайтесь хорошенько въ плащъ,—говорилъ мнѣ Штундбергеръ:—закрывайте получше голову, постарайтесь не пріѣзжать домой больнымъ; вѣдь вамъ такъ мало надо, чтобы простудиться! Какъ мнѣ жаль, что я не могу служить вамъ вплоть до Турина!

И все это говорилось имъ такъ сердечно и растроганнымъ голосомъ!

— Съ этихъ поръ уже, быть можетъ, никогда около васъ больше не будетъ ни одного нѣмца,—прибавилъ онъ:—быть можетъ, вамъ уже больше никогда не прійдется услышать, какъ говорятъ на этомъ языкѣ, который итальянцы находятъ столь грубымъ. Да, вѣроятно, вы мало и горевать-то будете объ этомъ. Среди нѣмцевъ вамъ пришлось перенести столько несчастій, что у васъ и не будетъ большой охоты вспоминать о насъ; и, тѣмъ не менѣе, я, имя котораго вы скоро забудете, я, синьоръ, всегда буду молиться за васъ.

— А я за тебя, — сказалъ я ему, въ послѣдній разъ пожимая его руку.

Бѣдняга закричалъ еще разъ: guten Morgen! gute Reise! Leben Sie wohl! (добрый день! гладкой дороги! будьте здоровы!). Это были послѣднія нѣмецкія слова, произнесенныя при мнѣ, и они прозвучали мнѣ такъ ласково, какъ будто бы это были слова моего языка.

Я люблю страстно свое отечество, но во мнѣ нѣтъ ненависти ни къ какой другой націи. Цивилизація, богатство, мощь, слава различны у различныхъ націй; но во всѣхъ ихъ есть души, повинующіяся великому назначенію человѣка — любить, сострадать и помогать.

Сопровождавшій меня бригадиръ разсказалъ мнѣ, что онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые арестовали моего несчастнѣйшаго Конфалоньери. Онъ сказалъ мнѣ, какъ этотъ послѣдній пытался бѣжать, какъ ему это не удалось, какъ онъ, вырвавшись изъ объятій супруги, вмѣстѣ съ нею умилился и выдержалъ съ достоинствомъ это несчастіе.

Я горѣлъ въ лихорадкѣ, слыша эту несчастную исторію, и, казалось, желѣзная рука сдавила мнѣ сердце.

Разсказчикъ, человѣкъ простодушный, потоварищески бесѣдуя со мною, вовсе и не замѣчалъ, что, хотя я и ничего не имѣлъ противъ него, все же я не могъ не ужасаться, смотря на эти руки, которыя накладывались на моего друга.

Въ Буффалорѣ онъ завтракалъ; мнѣ было слишкомъ тоскливо, я не ѣлъ ничего.

Когда-то, еще въ давніе годы, когда я жилъ на дачѣ въ Арлуно, съ дѣтьми графа Порро, я хаживалъ, бывало, гулять въ Буффалору вдоль Тичино.

Я возликовалъ, увидавъ оконченнымъ прекрасный мостъ, матеріалы для котораго я видалъ прежде разбросанными на ломбардскомъ берегу, раздѣляя тогда общее мнѣніе, что такой работы никогда не исполнятъ. Я ликовалъ, переѣзжая черезъ эту рѣку и будучи вновь на Пьемонтской землѣ. Ахъ, хоть я и люблю всѣ націи, Богъ знаетъ какъ я предпочитаю имъ Италію, и хотя я полонъ любви къ Италіи, Богъ знаетъ, на сколько мнѣ слаще всякаго другаго имени итальянской страны имя Пьемонта, земли отцовъ моихъ!

XCIX.

Противъ Буффалоры стоитъ Сан-Мартино. Здѣсь ломбардскій бригадиръ переговорилъ съ пьемонтскими карабинерами, потомъ простился со мной и переѣхалъ черезъ мостъ.

— Ступайте въ Новару,—сказалъ я ямщику.

— Будьте добры, подождите минуточку,—сказалъ одинъ изъ карабинеровъ.

Я понялъ, что я еще не свободенъ, и опечалился этимъ, опасаясь, что, быть можетъ, замедлится мое прибытіе въ родительскій домъ.

Спустя четверть часа слишкомъ, появился господинъ, который попросилъ у меня позволенія ѣхать вмѣстѣ въ Новару. Другаго случая ему не представилось, тутъ не было другаго экипажа, кромѣ моего; онъ очень счастливъ, что я позволилъ ему воспользоваться имъ и проч., и проч.

Этотъ переодѣтый карабинеръ былъ милаго нрава и составилъ мнѣ пріятную компанію до Новары. Когда мы прибыли въ этотъ городъ, онъ, прикинувшись, что хочетъ остановиться со мною въ гостинницѣ, велѣлъ ѣхать коляскѣ въ казармы карабинеровъ, гдѣ мнѣ сказали, что тутъ приготовлена для меня постель въ комнатѣ бригадира, и что я долженъ дожидаться высшихъ приказаній.

Я думалъ, что могу отправиться на слѣдующій день, легъ въ постель и, поболтавъ немного съ хозяиномъ бригадиромъ, заснулъ глубоко. Давно уже я не спалъ такъ хорошо.

Я проснулся къ утру, быстро поднялся, и первые часы мнѣ показались долгими. Я позавтракалъ, поболталъ, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и по балкону, бросилъ взглядъ на книги хозяина; наконецъ меня извѣстили, что пришли ко мнѣ.

Любезный офицеръ принесъ мнѣ вѣсти о моемъ отцѣ и сообщилъ мнѣ, что въ Новарѣ есть письмо отъ него, которое мнѣ скоро принесутъ. Я былъ ему чрезвычайно обязанъ за эту пріятную любезность.

Прошло нѣсколько часовъ, которые, однако, показались мнѣ вѣчностью, и наконецъ пришло письмо.

О, какая радость снова видѣть этотъ милый почеркъ! какая радость узнать, что моя мать, моя милая, добрая мать еще жива! и живы мои оба брата и моя старшая сестра! Увы! младшая, та Маріетта, которая постриглась въ монахини ордена Визитаціи, и о которой до меня тайкомъ дошло извѣстіе въ тюрьмѣ, перестала жить девять мѣсяцевъ тому назадъ!

Мнѣ сладко думать, что я обязанъ своей свободой всѣмъ тѣмъ, кто меня любилъ и кто предстательствовалъ за меня безпрестанно предъ Богомъ, и въ особенности сестрѣ, которая умерла съ изъявленіями величайшей любви. Богъ да вознаградитъ ее за всю

тоску и всѣ муки, которыя вытерпѣло ея сердце изъ-за моихъ несчастій!

Дни проходили, а позволенія выѣхать изъ Новары не получалось. Утромъ 16-го сентября, наконецъ, это позволеніе мнѣ было дано, и всякая охрана карабинеровъ съ меня была снята. О, сколько уже лѣтъ не приходилось мнѣ идти, куда я хочу, безъ сопровожденія стражи!

Я получилъ свои деньги, принялъ поздравленія и поклоны отъ знакомаго моего отца и отправился въ три часа по полудни. У меня были попутчиками одна дама, негоціантъ, граверъ и два молодыхъ живописца, одинъ изъ которыхъ былъ глухо-нѣмой. Эти живописцы ѣхали изъ Рима, и мнѣ пріятно было услышать, что они знали семейство Марончелли. Вѣдь всегда пріятно имѣть возможность говорить о тѣхъ, кого мы любимъ, съ кѣмъ нибудь, кто не безучастенъ къ нимъ!

Переночевали въ Верчелли. Наступилъ счастливый день 17-го сентября. Мы продолжали путешествіе. О, какъ медленны коляски! прибыли въ Туринъ только вечеромъ.

Кто бы когда, кто бы когда могъ описать радость моего сердца и сердца моихъ возлюбленныхъ, когда я вновь увидѣлъ и обнялъ отца, мать, братьевъ?.. Не было тутъ моей милой сестры Джузеппины, которую удерживали ея обязанности въ Кьери; но, услыхавъ о моемъ счастіи, она поспѣшила пріѣхать на нѣсколько дней въ семью. Возвращенный этимъ пяти дражайшимъ предметамъ моей нѣжности, я былъ и есть самый завидный изъ смертныхъ!

Ахъ! за прошедшія несчастія и за настоящее довольство, какъ за все благое и злое, что остается для меня, да будетъ благословенно Провидѣніе, котораго люди и вещи, волею или не волею, суть удивительныя орудія, которыя оно умѣетъ употребить для цѣлей, достойныхъ себя!

